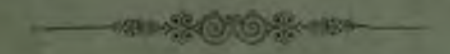
ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Личныя и служебныя воспоминанія

П. П. Карцова.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1831—1876 годъ.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества «Общественная Польза», Бол. Подъяческая, № 39.
1888.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Часть первая.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Личныя и служебныя воспоминанія

П. П. Карцова.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1831—1876 годъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества «Общественная Польза», Бол. Подъяческая, № 39.
1888.

гаго завѣсу, скрывавшую истину, въ угоду тѣмъ испорченнымъ шестидесятыми годами личностямъ, которыя породили столько зла на Руси.

Не панегирикъ моимъ современникамъ намѣренъ я отдать на судъ читателей, а то, что пережито мною вмѣстѣ съ ними, что испытано и перечувствовано было въ годы юности, зрѣлости и старости. Радости и огорченія, заботы и безпечность, успѣхи и неудачи,—все пойдетъ въ перемежку, но съ полною правдивостію и безъ всякаго лицепріятія. Называть лицъ еще дѣйствующихъ мы конечно не будемъ. Пусть читатель самъ узнаетъ ихъ изъ разсказа о совершавшемся.

Писать въ 67 лѣтъ о томъ, что было испытано въ 15,—дѣло не легкое. Впечатлѣніе, вынесенное о событіи совершившемся передъ глазами мальчика, можетъ быть совсѣмъ иное, чѣмъ то, которое возбуждало бы то же событіе, если-бы оно произошло на глазахъ старика.—Говорятъ, что юность воспріимчивѣе зрѣлости, что и хорошее и дурное сильнѣе дѣйствуютъ на ея убѣжденія. Намъ кажется, что все зависитъ отъ того какъ ведутъ и направляютъ юность. Насъ вели, воспитывали и учили иначе, чѣмъ ведутъ и учатъ нашихъ дѣтей и внуковъ. Поэтому они иначе смотрятъ и будутъ смотрѣть на многое, чѣмъ смотрѣли ихъ отцы и дѣды. Вопросъ въ томъ: чьи взгляды вѣрнѣе и честнѣе? Къ сожалѣнію, намъ извѣстно, что ихъ взгляды были и до сихъ поръ бываютъ умышленно направлены въ сторону отрицанія чего либо хорошаго въ прошломъ. Оно было представлено передъ ними совершенно въ извращенномъ видѣ; имъ выбирали изъ него одно дурное, умалчивая о хорошемъ. При этомъ большею частію не щадили ни лицъ, ни фактовъ; на первыхъ клеветали безъ зазрѣнія совѣсти, а факты искажали, какъ хотѣли, лишь бы выставить ихъ соотвѣтственно своей цѣли.

Почему такъ велось воспитаніе и направленіе юношества послѣ 50-хъ годовъ, и почему допускалось такъ вести его,—этого мы касаться не будемъ; но надѣемся, что настанетъ время, когда и это будетъ выведено на свѣтъ Божій, точно также, какъ для насъ настала пора говорить о нашемъ времени. Дай только Богъ, чтобы наши дѣти и внуки сказали о томъ какъ ихъ портили, съ тою же откровенностью, такъ же правдиво, какъ говорится о прошломъ въ этихъ запискахъ.

Да не скроетъ, напримѣръ, бывшій гимназистъ того, какъ его учитель словесности доказывалъ своему классу, состоявшему изъ 14-лѣтнихъ мальчиковъ, что незаконное прижитіе дѣтей не есть преступленіе, а только удовлетвореніе естественныхъ стремленій, и что никто не можетъ сказать про себя съ увѣренностію, что онъ законный сынъ. Да не скроютъ бывшія институтки того, что, подъ видомъ братьевъ, къ нимъ приходили студенты и приносили сочиненія Ренана и Дарвина, чего онѣ не думали даже скрывать отъ своихъ воспитательницъ. Такихъ фактовъ не сотни, а тысячи! Когда это будетъ раскрыто и признано всѣми какъ ядъ, которымъ отравляли юношество въ теченіи 30 лѣтъ, тогда только нынѣшнее поколѣніе увидитъ предшествовавшее ему время въ настоящемъ его свѣтѣ. Но покуда это совершится, да еще и совершится ли, обязанность всякаго благомыслящаго человѣка оказывать содѣйствіе къ разсѣянію того нравственнаго мрака, который заслоняетъ свѣтлыя черты минувшаго. Имѣя это въ виду, приступаю къ моимъ воспоминаніямъ.

Принадлежа къ весьма небогатой помѣщичьей семьѣ, я до 12 лѣтъ росъ въ ея средѣ, не зная ничего, кромѣ трехъ или четырехъ нашихъ мелкопомѣстныхъ сосѣдей. Несмотря на ограниченность средствъ, доходившую иногда до нужды, сестрѣ, моимъ двумъ братьямъ и мнѣ, все-таки, давалось то образованіе, при которомъ было возможно опредѣлить сестру въ институтъ, а насъ, мальчугановъ, въ кадетскій корпусъ. Опредѣлять здороваго сына въ гимназію считалось тогда нѣсколько страннымъ. Старшаго брата отвезли въ корпусъ еще при жизни отца, умершаго въ началѣ 1880 года. Я, по десятому году, остался старшимъ при матери. При крайнемъ разстройствѣ заложеннаго имѣнія, мать находила возможность нанимать для насъ гувернантку, швейцарку Фавръ, за 300 р. ассигнаціями. Занятія съ нею ограничивались французскимъ и нѣмецкимъ чтеніемъ; русскимъ же языкомъ и Священною Исторіею занималась съ нами мать. Все это проходилось весьма поверхностно, но за то все, что касалось домашняго хозяйства и религіозной обрядности, практиковалось съ усердіемъ. Намъ не дозволялось пропускать ни одной воскресной обѣдни, несмотря что

церковь находилась за рѣкою, въ верстѣ отъ нашего дома. Въ кануны большихъ праздниковъ мы съ нетерпѣніемъ ожидали всенощной, справляемой обыкновенно на дому. Въ одиннадцать лѣтъ, безъ всякаго ученья, я могъ сказать наизусть все, что поется и читается при этихъ службахъ. Въ отношеніи другихъ сторонъ деревенской жизни, я всегда зналъ цѣны разныхъ сортовъ хлѣба, понималъ толкъ въ обработкѣ поля, смѣло ѣздилъ верхомъ, зналъ поименно всѣхъ работниковъ и крестьянъ дальнихъ деревень, умѣлъ самъ заложить лошадь въ сани или въ телѣжку, умѣлъ перевезти въ челнокѣ за рѣку прохожаго, помогалъ матери вести хозяйственныя записи, а когда ей бывало не поздоровится, то, при продажѣ хлѣба, повѣрялъ его отпускъ, что приходилось дѣлать иногда зимою, въ 3 или 4 часа ночи. Упоминаю о всѣхъ этихъ мелочахъ единственно для того, чтобы показать разницу, какъ проходилъ дѣтскій возрастъ въ помѣщичьемъ быту въ тѣ времена, безъ всякихъ гувернеровъ и репетиторовъ, и какъ проходитъ онъ теперь.

Ни той тяжелой родительской власти, которую такъ осуждали потомъ педагоги новыхъ школъ, ни особенно строгихъ наказаній мы не знали; но за то не знали и того, какъ возможно оказать неуваженіе отцу или матери, не послушаться ихъ, или осуждать ихъ взгляды и требованія. Все это явилось продуктами шестидесятыхъ годовъ. Теперь, въ домашней жизни дѣтей, мы видимъ или заботу о нихъ, доходящую до изнѣженности, или предоставленіе полной, безнадзорной свободы. То вы видите 10—12-лѣтняго мальчика, одѣтаго куклой, гулящимъ подъ надзоромъ гувернантки—француженки, или гувернера—англичанина; то вамъ встрѣчаются 15-ти-лѣтніе юноши съ папиросами въ зубахъ, въ сообществѣ хохлатыхъ товарищей и подростковъ самаго ухарскаго пошиба, самаго разнообразнаго происхожденія. То же самое повторяется и въ общественныхъ воспитательныхъ заведеніяхъ, съ тою разницею, что тамъ подобное направленіе и всякаго рода шарлатанства были обращены въ систему. Намъ въ дѣтствѣ никогда не приходилось не только испытывать, но и слышать, чтобы за деньги, ничего не дѣлая и не зная, можно было выдержать экзаменъ и поступить въ училище;—теперь же въ этомъ не сомнѣвается 10-ти-лѣтній мальчикъ. На-дняхъ одного богатенькаго юношу

спросили его бывшіе товарищи-гимназисты: „Какъ ты, могъ поступить вольноопредѣляющимся, когда самъ сознавался, что ничего не знаешь“?—Онъ отвѣчалъ мимикой: опустилъ руку въ карманъ и стукнулъ ею по столу. Есть даже заведенія, имѣющія во всей Россіи репутацію снисходительныхъ. Вы, напримѣръ, горюете, что куда ни возили сына, нигдѣ онъ не выдержалъ конкуренціи. „Отчего же вы—отвѣтятъ вамъ—не отдадите его туда-то (имя заведенія), тамъ навѣрное примутъ, постарайтесь только, чтобы экзаменовалъ такой-то. Эти *такіе-то* большею частію занимаются приготовленіемъ къ экзаменамъ, т. е. берутъ громадныя деньги, ни къ чему не готовятъ, но ручаются за поступленіе. Все это нѣсколько лѣтъ творилось гласно и извѣстно было всѣмъ, какъ учащимъ, такъ и учащимся.

Въ наше время, правда, требовали отъ 10—12-лѣтняго мальчика только самаго элементарнаго знанія грамотности, но за то мы не были посвящены въ тонкости подкуповъ. Наши наставники и учителя были грубѣе нынѣшнихъ, можетъ быть были менѣе учены, но ни словомъ, ни дѣломъ не учили насъ ничему противному религіи и нравственности. Они не обращали грамматики въ филологію и законовѣдѣнія въ философію, преподавали проще, но съ заботою о томъ, чтобы мы усвоили преподаваемое. Сравнивая требуемое въ то время, съ тѣмъ, что требуется теперь въ заведеніяхъ, невольно дѣлается жалко дѣтей, или бьющихся до изнуренія ради выдержанія экзамена, или ничего недѣлающихъ, въ разсчетѣ на то, что для полнаго кармана все возможно.

Изъ всѣхъ годовъ моего дѣтства, самымъ для меня памятнымъ остался 1831 годъ, когда, имѣя всего 10 лѣтъ, я былъ близкимъ свидѣтелемъ всѣхъ ужасовъ бунта въ военныхъ поселеніяхъ. Это былъ годъ польской компаніи, извѣстный въ народѣ подъ названіемъ „холернаго“. Тогда холера считалась дотого заразительною, что письма и газеты приходили исколотыми и окуренными, а при всякомъ въѣздѣ и выѣздѣ, даже незначительной деревни, день и ночь курились костры, покрытые кучами навоза. Бывшіе при нихъ, изъ очередныхъ мѣстныхъ жителей, сторожа заставляли всякаго проходящаго нѣсколько разъ пройти подъ дымомъ курева. Въ военныхъ поселеніяхъ, отъ которыхъ наша деревня, какъ и другія помѣщичьи имѣнія, отдѣлялись на протяженіи 100 верстъ рѣкою

Ловатью, мѣры противъ заноса эпидеміи соблюдались съ особенною строгостью.

Необходимо сказать, что всѣ военныя поселенія отличались тогда поразительнымъ наружнымъ благоустройствомъ. Какихъ трудовъ и жертвъ стоило его достиженіе,—это вопросъ, о которомъ писалось слишкомъ много, для того, чтобы повторять это. Основатель поселеній, графъ Аракчеевъ, въ то время уже сошелъ со сцены, но все имъ заведенное не только поддерживалось, но и улучшалось. Въ Старорусскомъ отдѣлѣ далеко впрочемъ не было тѣхъ стѣснительныхъ формальностей въ частной жизни поселянъ, которыя существовали въ Новгородскомъ. Въ первомъ поселяне жили въ обыкновенныхъ избахъ, вели домашній обиходъ по общепринятымъ въ крестьянскомъ быту обычаямъ, но въ другихъ отношеніяхъ вполнѣ подчинялись военнымъ порядкамъ и дисциплинѣ. Даже количество засѣва, способъ обработки полей, уборка хлѣбовъ и отправленіе всякаго рода повинностей,—происходило по опредѣленнымъ правиламъ и въ извѣстные сроки.

Несмотря на то, что со времени обращенія государственныхъ крестьянъ Новгородскаго и Старорусскаго уѣздовъ въ военныхъ поселянъ прошло тогда всего 10 лѣтъ, казалось, что народъ уже совершенно свыкся съ своимъ новымъ положеніемъ. Все мужское населеніе, до 60 лѣтъ, имѣло опредѣленную форму одежды. Она состояла изъ кафтана съ стоячимъ воротникомъ и погонами, изъ панталонъ сѣраго сукна и такой же фуражки съ козырькомъ. На пагонахъ былъ номеръ округа, а на околышкѣ шапки—номеръ волости. Поверхъ кафтана надѣвался сѣрый кушакъ, въ родѣ теперешняго. Носить бороды дозволялось только старикамъ послѣ 60 лѣтъ, прочіе обязаны были брить ихъ. Молодое поколѣніе, т. е. парни отъ 18 лѣтъ, если они были не единственными сыновьями и работниками семьи, состояли рядовыми въ поселенныхъ батальонахъ тѣхъ гренадерскихъ полковъ, которые квартировали въ округѣ.

Всѣхъ округовъ было 12, изъ которыхъ одинъ назывался артиллерійскимъ. Округами управляли штабъ-офицеры; волостями, носившими также названіе ротъ,—капитаны, имѣвшіе подъ своимъ начальствомъ двухъ офицеровъ младшихъ чиновъ. Управленіе было комитетское; въ немъ предсѣдатель-

ствовалъ командиръ округа, а членами были: одинъ изъ начальниковъ волости, аудиторъ, докторъ, священникъ и адъютантъ, какъ дѣлопроизводитель. Отъ комитета исходили всѣ распоряженія и приказанія, въ немъ же совершались судъ и расправа за всякаго рода проступки.

Кто не видалъ наружнаго устройства военныхъ поселеній, тотъ не можетъ судить о томъ, до какого совершенства было оно доведено. Не только дороги между округами и волостями, но даже изъ одной деревни въ другую и полевыя, находились въ превосходномъ состояніи и походили на дороги парковъ. Всѣ онѣ были обсажены деревьями; мостики, канавы—все одинаковой формы. Ни въ одной деревнѣ нельзя было найти ни одной покривившейся, крытой соломою, или курной избы. Передъ домами требовалась чистота, вдоль улицъ шли аллеи. Поля обработывались не только тщательно, но и красиво, въ видѣ широкихъ, низкихъ грядъ; у каждой полосы была, на стойкѣ, однообразной формы, дощечка съ именемъ ея хозяина. Даже заборы между домами и изгороди, отдѣлявшія поля, были однообразнаго вида и вышины. Лѣтомъ, послѣ каждаго сильнаго дождя, а зимою послѣ мятели, на другой же день, все населеніе высылалось для исправленія и расчистки дорогъ. Однимъ словомъ, военныя поселенія казались уголкомъ какъ бы другаго государства. Пала ли у постлянина лошадь, сгорѣла ли изба, побило ли градомъ его полосу, онъ не оставался безпомощнымъ: ему тотчасъ же, по представленію волостнаго командира, выдавали изъ комитета деньги, или зерно изъ запаснаго магазина. Лучшіе хозяева носили званіе унтеръ-офицеровъ и фельдфебелей. Это были преимущественно личности, отбывшія свою службу въ строю и возвратившіяся на родину. Они несли всѣ общественныя и служебныя должности, отвѣчали не только за наружный порядокъ, но и за обработку пашни, за своевременный выходъ на работы и за ихъ качество. Начало посѣва, жнива, сѣнокосъ—все дѣлалось по приказанію, до полученія котораго никто не смѣлъ приступить къ работѣ, никто не смѣлъ и опаздывать выходомъ въ поле.

Въ такомъ положеніи засталъ военныя поселенія 1831 годъ.

Теперь все это можетъ казаться тяжкимъ и непростительнымъ стѣсненіемъ личной свободы; но если взвѣсить результаты, то выходило, что ни особеннаго пьянства, ни воровства,

ни уголовныхъ преступленій, сдѣлавщихся въ настоящее время безпрерывными, въ военныхъ поселеніяхъ не существовало. Они не знали ни падежей, ни неурожаевъ, ни опустошительныхъ пожаровъ.

О распорядкахъ и различныхъ прихотяхъ Аракчеева, о которыхъ такъ много писалось потомъ, въ Старорусскихъ округахъ знали только по слухамъ. Полагаю даже, что половина анекдотовъ, въ родѣ жареной курицы, переносимой изъ дома въ домъ по мѣрѣ обхода Аракчеева, выдумана тѣми, кто подделывался подъ вкусъ и взгляды редакторовъ тѣхъ журналовъ, въ которыхъ разсказчики анекдотовъ помѣщали свои записки. Вѣдь есть же такіе редакторы и издатели, которые съ наслажденіемъ помѣщаютъ подробности, доходящія до сальностей, о томъ, какъ сѣкли учителя семинаристовъ, забывая, что изъ среды этихъ сѣченыхъ выходили такія свѣтила нашей іерархіи, какъ Инокентій, Филаретъ и Макарій.

Въ тѣхъ округахъ военныхъ поселеній, вблизи которыхъ прошла дѣтская жизнь моя, ни о какихъ выдающихся злоупотребленіяхъ слышно не было. Безъ мелкихъ, присущихъ всякому времени и всякой администраціи, нарушеній, конечно, не обходилось, но ни о растратѣ общественныхъ суммъ, ни о поощреніи разврата, ни объ оправданіи сознающихся преступниковъ, ни о произвольномъ обложеніи населенія, что дѣлаетъ теперь земство, ни о чемъ подобномъ и слуха не было.

Въ ноябрѣ 1830 года началось возстаніе въ Польшѣ. Стоявшіе въ военныхъ поселеніяхъ, полки Гренадерскаго корпуса были немедленно двинуты къ границѣ. Тогда мобилизаціи не требовалось, потому что войска содержались постоянно въ такомъ состояніи, что могли выступить на войну черезъ 24 часа по полученіи приказанія. Такъ случилось и съ 5-мъ карабинерныхъ полкомъ (нынѣ Астраханскій гренадерскій), стоявшимъ въ 50 верстахъ отъ Старой-Руссы, въ деревнѣ Перегино, гдѣ былъ штабъ 12-го округа военнаго поселенія. Сколько помнится, полки вышли въ походъ въ двухъ батальонномъ составѣ, третьи же, такъ называемые поселенные батальоны, состоявшіе изъ мѣстныхъ жителей, остались каждый въ своемъ округѣ. Изъ нихъ весною была сформирована сводная дивизія, подъ начальствомъ генера Леонтьева; штабъ ея находился въ Старой-Руссѣ.

Лѣто 1831 года было необыкновенно жаркое, такъ что въ первыхъ числахъ іюля жнива и сѣнокосъ начинались одновременно. Въ воздухѣ постоянно держалась какая-то мгла; часовъ съ 3-хъ дня солнечный дискъ представлялъ рѣзко очерченный желто-красноватый кругъ безъ лучей. Въ народѣ говорили, что это не къ добру, а старики увѣряли, будто-бы то же самое было „передъ французомъ".

Хотя въ старорусскихъ округахъ холера не появлялась, но какъ она уже обнаружилась около Новгорода, то начальство поселеній принимало противъ нея всевозможныя мѣры, между которыми было не мало очень странныхъ, порождавшихъ толки и ропотъ въ народѣ. Напримѣръ, въ каждой деревнѣ приказано было заготовить извѣстное число гробовъ, а на кладбищахъ вырыть нѣсколько могилъ, дабы, съ появленіемъ эпидеміи, умершіе погребались немедленно. Въ избахъ велѣно было имѣть въ готовности чистое бѣлье для покойниковъ и т. д. Все это исполнялось съ скрытымъ неудовольствіемъ, и не могло не повліять на общее настроеніе поселянъ. Это впервые было замѣтно въ воскресенье 12-го іюля, по выходѣ изъ церкви. Въ другое время, по окончаніи службы, народъ расходился не вдругъ, образовывались на паперти группы, слышался говоръ; одни подходили къ священнику, другіе къ сосѣднему помѣщику. Въ этотъ же разъ всѣ молча уходили въ свои дома и деревни. Помню, что въ тотъ же день вечеромъ, мнѣ съ матушкой приходилось проходить черезъ погостъ, гдѣ мы встрѣтили только священника, отца Іоанна Парвова, задумчиво стоявшаго у колодца. Ни обычныхъ въ праздничные дни хороводовъ, ни пѣсенъ, ни даже игръ ребятишекъ не было.

Слѣдующій день, 13-е іюля, былъ необыкновенно знойный. Такъ какъ полевыя уборки были въ полномъ разгарѣ, то въ нашей усадьбѣ, рѣшительно всѣ, кромѣ 70-ти лѣтняго старика, Димитрія, бывшаго слуги моего дѣда, никого не оставалось. Матушка и всѣ дѣти занимались на балконѣ чисткою ягодъ для варенья. За садомъ, на версту, шло вспаханное поле, за нимъ рѣка съ крутымъ противуположнымъ берегомъ. На немъ-то и была наша приходская церковь, на краю поселеннаго большаго села Коломны. Около трехъ часовъ дня, нѣсколько поселянъ, появясь на берегу, начали что-то кричать внизъ, женщинамъ занимавшимся у рѣки стиркою. Бросивъ

. онѣ поспѣшно взбирались въ гору. Въ то же время было группъ поселянъ. одна за другою, почти бѣгомъ лялись берегомъ къ сосѣднимъ деревнямъ. Все это казалось необыкновеннымъ. особенно когда увидѣли, что бѣжитъ полемъ. по направленію къ нашему саду. Издали было различить кто это, но по мѣрѣ приближенія мы священника Парвова. Не постигая причины подобной шности. матушка послала къ нему навстрѣчу Димитрія. ка его отыскивали. пока онъ, пройдя садъ, вышелъ въ ли видѣли. что на нашу сторону успѣли перейти въ бродъ льно поселянъ. Они. имѣя въ рукахъ кто палку, кто . кто топоръ. гнались за священникомъ. Вскорѣ эту опередилъ верховой. Съ огромною дубиною въ рукѣ, подскакалъ къ священнику въ тотъ самый моментъ, когда послѣдній сошелся съ нимъ. Сильнымъ ударомъ дубиною по головѣ отецъ Іоаннъ былъ сбитъ съ ногъ. Тотчасъ спѣли другіе. и не прошло пяти минутъ, какъ несчастный избитъ до полусмерти: голова его пробита, рука сломлице представляло одно окровавленное пятно. Все это было въ 100 шагахъ отъ нашего сада, на нашихъ глаМатушка моя была до того испугана происходившимъ, ѣхъ насъ поставила возлѣ себя на колѣни и заставила ся. Изъ толпы намъ кричали: „Счастье ваше, что попъ ѣхалъ до дома: а то мы не оставили бы бревна на ".

имъ далеко не кончились истязанія отца Парвова. Обмотали веревкою. его потащили по полю, так что онъ головою о камни и кочки; потомъ перевели на ту сторѣки, и у разграбленнаго его дома, били каменьями, доаясь послѣ каждаго удара, гдѣ у него спрятанъ ядъ и онъ наканунѣ сыпалъ его въ колодезь.

жно замѣтить, что священникъ Парвовъ, какъ человѣкъ и пріятный въ обществѣ, былъ любимъ всѣми офицеи сосѣдними помѣщиками, что не вполнѣ нравилось помъ. Хотя они и ничего не имѣли противъ него особенно считали его, какъ члена комитета, участникомъ всѣхъ яженій начальства. Въ описанный день, онъ, ничего не дая, переѣхалъ на нашу сторону рѣки, удить рыбу, что было его любимое занятіе. Услыша шумъ въ селѣ, онъ

хотѣлъ возвратиться, но жена одного изъ пречетниковъ крикнула ему съ того берега: „Спасайтесь, домъ грабятъ и ищутъ васъ".

По какому поводу и по чьему наущенію сдѣланы были описанныя истязанія надъ священникомъ, при самомъ строгомъ разслѣдованіи, ничего опредѣленнаго не выяснилось. Дня черезъ три сдѣлалось только извѣстнымъ, что въ ночь на 13-е іюля, въ Старой Руссѣ, произошелъ бунтъ въ военно-рабочемъ баталіонѣ, гдѣ убили почти всѣхъ офицеровъ. Войска въ это время въ городѣ не было, потому что всѣ посланные баталіоны находились въ лагерѣ подъ Княжнымъ дворомъ, до котораго было два перехода. Какимъ образомъ случившееся ночью въ Старой Руссѣ, могло быть по утру узнано за 50 верстъ и принято за сигналъ къ мятежу, на пространствѣ нѣсколькихъ округовъ,—не объяснимо. Ни телеграфовъ, ни почтоваго тракта въ этихъ мѣстностяхъ не было, между тѣмъ вѣсть о случившемся въ рабочемъ баталіонѣ, какъ молнія, прошла въ округа и 13-го іюля, почти въ одинъ и тотъ же часъ, совершены страшныя убійства въ Перегинѣ, въ Великомъ селѣ, въ Коростынѣ и въ Залучьи, не смотря на то, что разстояніе между этими штабами было отъ 30 до 70 верстъ.

Мнѣ подробно извѣстно лишь то, что происходило въ первомъ изъ этихъ селъ, а потому скажу только о Перегинѣ. Случившееся въ другихъ пунктахъ имѣло совершенно тотъ же характеръ.

Начальникомъ 12-го округа былъ подполковникъ Кржевоблоцкій, человѣкъ семейный и гостепріимный. 13 іюля, по случаю имянинъ, у него обѣдали почти всѣ офицеры округа, аудиторъ, докторъ,—всего человѣкъ болѣе 12-ти. Въ концѣ обѣда нѣсколько поселянъ заглянули въ открытыя со стороны сада окна, не снимая шапокъ. Одинъ изъ офицеровъ всталъ, чтобы узнать зачѣмъ они въ саду; но только что онъ высунулся изъ окна, какъ ударъ топоромъ раздвоилъ ему голову. Это было сигналомъ. Пораженные ужасомъ, хозяева и гости едва успѣли вскрикнуть, какъ человѣкъ 20 вскочило въ окна, другіе вбѣжали со двора, и началось общее избіеніе. Офицеры всѣ до единаго были тутъ же убиты. Избитые—докторъ Шестаковъ съ женою, хозяйка дома, ея дочь и жена капитана Войнеловичъ, оставлены были живыми для допросовъ. Шестакова цѣлымъ ка-

галомъ повели въ аптеку, гдѣ заставили пить всевозможныя лекарства, въ доказательство того, что „въ нихъ нѣтъ холеры“.

Цѣлую ночь и послѣдующій день продолжались неистовства надъ тѣми, кого не нашли въ штабѣ. Ихъ искали по деревнямъ, въ лѣсахъ и оврагахъ; кого находили—подвергали всевозможнымъ мученіямъ. Одну изъ офицерскихъ женъ, послѣ битья розгами, несмотря на послѣдніе дни беременности, привязали за косу веревкою къ лодкѣ и потянули топить въ рѣкѣ. Не найдя глубокаго мѣста, ее перевели въ бродъ и бросили на другомъ берегу. Найдя пріютъ у помѣщичьихъ крестьянъ деревни Старища, она въ слѣдующую ночь, переодѣтая въ сарафанъ и лапти, пришла къ намъ, гдѣ и была укрыта.

Какъ могла человѣческая натура дойти до описанныхъ звѣрствъ, а съ другой стороны, какъ несчастныя жертвы могли перенести эти звѣрства—понять трудно. Какъ напримѣръ, понять, что священникъ Парвовъ, послѣ того что мы описали, былъ брошенъ въ телѣгу и привезенъ для суда на волостной дворъ, въ деревню Остратово, гдѣ разъяренная толпа, подобно евреямъ на судѣ Пилата, кричала „убить, убить его“. Одинъ изъ бунтующихъ уже приставилъ заряженное ружье къ груди приговореннаго, какъ раздались новые крики: „повѣсить его“! Тогда обвязали ноги несчастнаго веревкою и повѣсили на подтокѣ избы, внизъ головой. Это совершилось уже поздно вечеромъ. Несмотря на наступившую ночь, обезумѣвшая толпа, съ криками: „пойдемъ добивать господъ“, бросилась въ другія деревни. Между тѣмъ сынъ Парвова, слѣдившій за проходившимъ, прибѣжалъ въ Остратово и умолилъ какого-то старика снять отца его. Воспользовавшись отсутствіемъ сосѣдей, старикъ этотъ снялъ священника еще съ признаками жизни, хотя кровь текла у него изъ рта, изъ ушей и даже изъ глазъ, обмылъ его, привелъ въ чувство и къ разсвѣту отвезъ въ село. Боясь держать умирающаго въ чьемъ либо домѣ, гдѣ поселяне могли отыскать его, жена и сынъ разсчитывая на то, что бунтующіе не посмѣютъ войти въ храмъ Божій, перенесли священника въ сѣни церкви. Питаясь тѣмъ, что сынъ ночью передавалъ черезъ окно, отецъ Іоаннъ двѣ недѣли прожилъ въ церкви и настолько оправился, что, когда пришли войска, могъ самъ выйти изъ заключенія. Спустя два мѣсяца онъ былъ вытребованъ въ

Новгородъ, гдѣ архіерей, во время служенія, торжественно возложилъ на него пожалованный синодомъ наперстный крестъ, а 1-го октября, въ день Покрова Пресвятой Богородицы, онъ впервые можно сказать, послѣ своего воскресенія, служилъ въ своей церкви. Багроваго цвѣта лицо его было покрыто шрамами и отеками, но самъ онъ сдѣлался здоровѣе прежняго. Развѣ въ томъ, что человѣкъ, съ проломленною головою, съ перебитою рукою, человѣкъ избитый до того, что на немъ не было человѣческаго облика, наконецъ висѣвшій внизъ головою, выздоровѣлъ безъ всякой медицинской помощи и жилъ потомъ 20 лѣтъ,—не видѣнъ явный Промыслъ Божій?

Вотъ еще одинъ изъ эпизодовъ народнаго террора. Мѣсяца за два до бунта, изъ 2-го кадетскаго корпуса былъ произведенъ въ военныя поселенія прапорщикомъ Корецкій, юноша лѣтъ 18-ти. Три дня деньщикъ скрывалъ его въ ближайшемъ лѣсу, былъ за это битъ поселянами и все-таки не указалъ гдѣ его баринъ. Затѣмъ, предполагая, что все утихло и народъ образумился, Корецкій возвратился домой. Какой-то пастухъ, видя какъ онъ прошелъ къ деревнѣ, сказалъ объ этомъ поселянамъ, которые тотчасъ бросились къ квартирѣ Корецкаго. Онъ успѣлъ выскочить черезъ окно въ огородъ и лечь между грядами; тамъ нашли его, избили до полусмерти и, видя что несчастный юноша бѣжать уже не можетъ, вытащили на середину улицы и привязали къ периламъ мостика. Всю ночь онъ не подавалъ признака жизни, покуда свѣжесть утра не привела его въ чувство. Покрытый запекшимися кровью ранами и пылью, страдающій отъ палящаго солнца и массы мухъ, около полудня онъ имѣлъ еще силы сказать проходившей мимо него съ ведрами женщинѣ: „Голубушка, ради Христа, хоть каплю воды". Вмѣсто того чтобы исполнить мольбу страдальца, эта мегера взяла горсть песку, засыпала имъ ротъ Корецкаго и прижала ногою. Какъ объяснить подобное варварство въ отношеніи человѣка ни къ чему непричастнаго, и никогда незнающаго этой ужасной женщины?

Такія же звѣрства происходили и въ другихъ округахъ, съ тою разницею, что тамъ нѣсколько офицеровъ успѣли скрыться, другіе приняли нѣкоторыя мѣры къ оборонѣ. Но были случаи, что начальство, своимъ нравственнымъ вліяніемъ успѣвало, кое-гдѣ, хоть на время образумить народъ. Такъ

начальникъ одного изъ округовъ, полковникъ Поссіетъ, пользовавшійся между поселянами репутаціею человѣка хотя и строгаго, но въ высшей степени честнаго и справедливаго, смѣло вышелъ къ толпѣ, собравшейся у его дома.

— Вы пришли убить меня—обратился онъ къ поселянамъ—видите, на мнѣ нѣтъ оружія; убивайте, если я сдѣлалъ зло кому либо изъ васъ.

— Нѣтъ, тобой мы, ваше высокоблагородіе, довольны, отозвался одинъ изъ толпы.

— Такъ за чѣмъ же вы хотите совершить не-христіанское дѣло, противное Богу и Царю?

— Да мы сами-то и не желали бы, да вишь вездѣ кругомъ избиваютъ начальство, значитъ и намъ нече отставать, загудѣло нѣсколько голосовъ.

Поссіету удалось убѣдить толпу разойтись. Не смотря на совѣты не только своихъ домашнихъ, но даже и нѣкоторыхъ стариковъ изъ поселянъ, скрыться куда-нибудь, онъ не соглашался оставить свой округъ. Черезъ нѣсколько дней, узнавъ о прибытіи въ С. Руссу генерала Леонтьева, Поссіетъ поѣхалъ къ нему за приказаніями и былъ убитъ при въѣздѣ въ городъ.

Въ артиллерійскомъ округѣ, которымъ командовалъ полковникъ Малевскій, послѣдній успѣлъ наскоро запречь какую-то хранившуюся въ сараяхъ пушку и, захвативъ ее съ собою, вмѣстѣ съ бывшимъ у него въ гостяхъ помѣщикомъ Балкашинымъ, выѣхалъ въ коляскѣ изъ своего штаба, Залучья, въ поле. Оставивъ дома жену и двухъ взрослыхъ дочерей, онъ цѣлую недѣлю переѣзжалъ съ одной позиціи на другую. Во время этого маневрированія, толпы поселянъ нѣсколько разъ догоняли своего командира, бросались на занятый имъ пригорокъ или опушку лѣса, но достаточно было одного, хотя бы холостаго выстрѣла, чтобы преслѣдованіе прекращалось. За неимѣніемъ снарядовъ, Малевскій заряжалъ свое орудіе пескомъ и мелкими камнями, которые не убивали, но кровянили атакующихъ, что помогло потомъ открытію участниковъ бунта. Въ отмщеніе за то, что имъ не удалось схватить своего командира, поселяне нѣсколько разъ сѣкли его жену и дочерей, и одной изъ нихъ вырвали даже косу.

Изъ всѣхъ округовъ Старорусскаго удѣла, только одинъ

Медвѣдскій не принималъ участія въ бунтѣ, благодаря ловкости и распорядительности своего начальника. Верстахъ въ 30 отъ села Медвѣдя, среди болотъ и казенныхъ лѣсовъ, находились обширные казенные сѣнокосы, отдаваемые въ аренду. Какъ только окружной услыхалъ о начавшемся за Новгородомъ бунтѣ, онъ немедленно объявилъ по волостямъ, что получилъ Высочайшее повелѣніе заготовить возможно болѣе сѣна для идущей будто бы изъ Малороссіи въ Польшу кавалеріи, поэтому онъ скупаетъ у арендующихъ всѣ луга, по какой угодно цѣнѣ, и приказываетъ поселянамъ, не исключая и женъ ихъ, забравъ съ собою провизію, отправиться на косьбу сѣна и самъ отправляется съ ними. Цѣль этой выдумки была та, чтобы удалить поселянъ дней на 10, прервать ихъ сношенія съ сосѣдями и въ то же время занять ихъ работою. Замыселъ вполнѣ удался. Покуда разгорался бунтъ и совершались звѣрства въ другихъ округахъ, медвѣдскіе поселяне, ничего не зная, усиленно работали и такимъ образомъ были спасены отъ тѣхъ тяжкихъ наказаній, которымъ подверглись потомъ ихъ сосѣди, за свои ужасныя преступленія. Мало этого, Императоръ Николай Павловичъ приказалъ освободить Медвѣдскій округъ отъ всѣхъ тѣхъ налоговъ и повинностей, которыя должны были нести другіе, и оставить ему все, чѣмъ пользовались военныя поселенія до бунта.

Такое исключительное положеніе одного округа дало впослѣдствіи поводъ къ слѣдующему фактy. Когда, въ 60-хъ годахъ, военные поселяне были обращены въ удѣльныхъ крестьянъ, Медвѣдскій округъ былъ тоже обращенъ въ удѣлы. Это показалось его населенію величайшею несправедливостью. На всѣ подаваемыя имъ прошенія, объ оставленіи въ прежнемъ положеніи, удѣльное начальство отвѣчало отказомъ. Тогда населеніе отправило съ тою же цѣлью депутацію въ Петербургъ, которую, конечно, до дворца не допустили, а возвратили на мѣсто жительства, со строгимъ подтвержденіемъ не повторять впредь ничего подобнаго. Но населеніе не унялось и на слѣдующій годъ ходаки были отправлены вторично. Ихъ возвратили, продержавъ нѣсколько мѣсяцевъ въ тюрьмѣ. Видя, что надо покориться, населеніе, сдѣлавшись удѣльнымъ, ради утѣшенія себя и въ память данныхъ Императоромъ Николаемъ милостей, опредѣлило: поставить ему въ селѣ Медвѣдѣ памят-

никъ. На собранныя 25 тысячъ рублей былъ заказанъ бронзовый монументъ, изображающій Императора, въ натуральный его ростъ, въ шинели, спущенной съ одного плеча, и въ фуражкѣ. Этотъ памятникъ, на гранитномъ пьедесталѣ, украшаетъ и теперь площадь села, у церкви.

Причины описанныхъ звѣрствъ и злодѣяній, совершенныхъ одновременно на пространствѣ нѣсколькихъ сотъ квадратныхъ верстъ, населеніемъ, до того времени вполнѣ покорнымъ, до сихъ поръ остаются гадательными. Одни полагали, что мятежъ былъ послѣдствіемъ обращенія свободнаго населенія въ военныхъ поселянъ, съ подчиненіемъ ихъ военной дисциплинѣ и строгостямъ графа Аракчеева. Если бы это было единственною причиною бунта, то почему же онъ не возгорѣлся въ то время, когда обращеніе совершалось, а 10 лѣтъ спустя, когда Аракчеевъ не имѣлъ уже ни какого вліянія. Другіе говорили, что причиною мятежа были безразсудныя мѣры противъ холеры. Но раздраженіе, произведенное ими, могло вспыхнуть при появленіи эпидеміи, какъ это произошло въ Петербургѣ,— въ Старорусскихъ же округахъ не было ни одного холернаго случая.

Наконецъ существовало мнѣніе, что подстрекателями къ мятежу были высланные поляками эммисары, которые возбуждали народъ разсказами о его притѣсненіяхъ и лживыми надеждами о полной свободѣ въ будущемъ; однако никто изъ подобныхъ эмиссаровъ не былъ взятъ или уличенъ въ подстрекательствѣ.

Когда первый чадъ отъ невинно пролитой крови сталъ проходить и жертвы мятежа были, большею частью безъ христіанскаго обряда, похоронены ихъ убійцами, на все населеніе напалъ какой-то неопредѣленный страхъ. Народъ какъ бы понялъ, что совершено нѣчто чудовищное. Поселяне не могли оставаться на ночь въ домахъ. Каждый вечеръ, съ женами и съ дѣтьми, они уходили за р. Ловать, въ помѣщичьи лѣса, а утромъ возвращались въ свои деревни. На вопросъ, зачѣмъ они это дѣлаютъ, женщины отвѣчали, что ихъ мужьямъ по ночамъ слышатся стоны со стороны кладбищъ. Нѣсколько опомнясь, бунтовавшіе поняли, что вовсе безъ начальства оставаться нельзя. На 6-й день убійствъ, они собрались на волостныя сходки, для выбора старшинъ и тысяцкихъ. Тогда же

обнаружились и первые признаки раскаянія, такъ какъ на сходкахъ уже говорилось о выборѣ депутатовъ, для отправленія ихъ въ Петербургъ, просить прощенія у Государя.

Въ отдаленныхъ отъ Старой Руссы округахъ мятежъ не возобновлялся. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ даже не были тронуты семейства тѣхъ офицеровъ Гренадерскаго корпуса, которые, уходя въ польскую компанію, оставили ихъ въ мѣстахъ квартированія. Жизнь этихъ семействъ, во все время бунта, была ужасна. Они ежеминутно ждали той же участи, которая постигла семьи поселенныхъ офицеровъ. Не смѣя выйдти изъ дома, не смѣя послать за провизіей, чтобы не напомнить о своемъ существованіи, они по нѣскольку дней голодали, сидѣли попрятавшись на чердакахъ и въ подполицахъ.

Выше было сказано, что въ Польшу ушли только дѣйствующіе баталіоны гренадерскихъ полковъ, резервные же находились въ лагерномъ сборѣ, при Княжемъ дворѣ. Какъ только вспыхнулъ мятежъ, послѣдовало распоряженіе выступить изъ лагеря въ Старую Руссу, занять ее 4-мя баталіонами, прочіе же направить по одному въ каждый штабъ поселенныхъ округовъ. Просимъ читателя вспомнить, что эти баталіоны состояли изъ рекрутъ, взятыхъ отъ мѣстныхъ жителей. Только унтеръ-офицеры и человѣкъ по 15 въ каждой ротѣ были изъ старыхъ солдатъ, преимущественно уроженцевъ окрестныхъ деревень, остальное составляла молодежь: сыновья, племянники и братья поселянъ. Съ войсками такого состава усмирять край было несовсѣмъ надежно; но другихъ войскъ подъ рукою не было.

До Старой Руссы отрядъ генерала Леонтьева дошелъ благополучно. На слѣдующій день баталіоны, назначенные въ штабы, отправились своими дорогами, а четыре, съ артиллерійскою батареею, размѣстились биваками на площадяхъ города. Орудія были выставлены впереди моста, на шоссе, ведущемъ въ Новгородъ. Вскорѣ получено было свѣдѣніе, что громадныя толпы поселянъ приближаются къ предмѣстьямъ. Вмѣсто того, чтобы выслать имъ настрѣчу нѣсколько ротъ, генералъ Леонтьевъ рѣшился оставаться въ оборонительномъ положеніи. Это ободрило мятежниковъ; они подходили все ближе и ближе и наконецъ заняли окраины города. На утро толпа тысячъ въ 10, съ топорами и кольями, была уже въ шагахъ пятистахъ

отъ орудій. Баталіоны стали въ ружье. По лицамъ нижнихъ чиновъ офицеры видѣли, что настроеніе ихъ духа мѣняется; многіе смотрѣли невесело и угрюмо. Командовавшій батареею капитанъ обратился къ Леонтьеву съ просьбою, дать залпъ изъ орудій, хотя черезъ головы мятежниковъ. Робкій генералъ нашелъ подобную мѣру ненужною, говоря, что это только ободритъ толпу, а проливать кровь народа онъ не рѣшается. Черезъ полчаса толпы были настолько близко, что солдаты могли узнавать въ ней родныхъ; нѣкоторые даже переговаривались съ нимъ. Положеніе офицеровъ становилось критическимъ. Капитанъ вновь умолялъ генерала дозволить дать хоть одинъ выстрѣлъ картечью, представляя, что черезъ 5 минутъ будетъ уже поздно и все погибнетъ. Ему снова было отказано.

„Если такъ—отвѣтилъ командующій батареею, то я все беру на себя“, и, подскакавъ къ орудіямъ, скомандовалъ „взводъ пли“!

Вмѣсто исполненія, нумера стоявшія съ пальниками, бросили ихъ на мостовую и затоптали фитиль. Взводный командиръ бросился на одного изъ нихъ, желая самъ произвести выстрѣлъ, но получилъ пальникомъ ударъ по головѣ. Видя и понявъ это, поселяне ринулись на мостъ, солдаты передали имъ ружья, выдали начальниковъ, и началось общее избіеніе офицеровъ. Нѣкоторые изъ ротныхъ командировъ обратились къ своимъ частямъ съ напоминаніемъ о присягѣ, но при первыхъ же словахъ были заколоты. Въ баталіонѣ, стоявшемъ у гауптвахты, капитанъ Колонтаровъ успѣлъ накинуть на себя шинель одного изъ унтеръ-офицеровъ, надѣлъ аммуницію и, взявъ ружье, сталъ на часы. Нѣсколько минутъ онъ оставался неузнаннымъ; но одинъ изъ молодыхъ солдатъ, указывая на него землякамъ-поселянамъ, сказалъ: „Гляди братцы, какой рекрутикъ! Это нашъ капитанъ“. Колонтаровъ былъ тутъ же изуродованъ до того, что деньщикъ его, только по мѣткѣ на бѣльѣ могъ узнать его трупъ. Ночью, втиснувъ въ мѣшокъ, онъ привезъ его молодой капитаншѣ, остававшейся въ своемъ имѣніи, неподалеку отъ лагеря.

Нерѣшительный Леонтьевъ не избѣгъ общей участи. Хотя онъ успѣлъ на дрожкахъ ускакать отъ моста, но нѣсколько верховыхъ нагнали его у гостинаго двора и тутъ же изрубили топорами.

Въ этотъ же день, одинъ изъ поселянъ, при разграбленіи

квартиры Леонтьева, надѣлъ его мундиръ, ордена и ленту, сѣлъ на лошадь генерала и, имѣя въ рукахъ листъ бумаги, свернутый въ трубку, разъѣжалъ по деревнямъ, кричалъ народу, что присланъ Государемъ съ приказаніемъ уничтожать дворянство.

Такъ кончилось второе дѣйствіе ужасной драмы—бунта въ военныхъ поселеніяхъ. Эпилогъ ея, какъ увидимъ ниже, вполнѣ ей соотвѣтствовалъ.

Баталіоны, направленные изъ Старой Руссы прямо въ округа, не посрамили себя подобно оставленнымъ въ городѣ. Благодаря силѣ воли, энергіи и знанію народнаго духа ихъ командировъ, они не только не приняли участія въ бунтѣ, но, напротивъ, удержали занятые ими раіоны въ полномъ повиновеніи.

Баталіономъ 5 карабинернаго полка командовалъ полковникъ Толмачевъ. Во время трехдневнаго похода, отъ Старой Руссы до штаба 12 округа Перегино, онъ велъ баталіонъ такимъ способомъ: не доходя до деревни, посылалъ въ нее трехъ расторопныхъ унтеръ-офицеровъ объявить жителямъ, чтобы къ мѣсту привала было немедленно доставлено столько-то пудовъ хлѣба и разной провизіи, съ предвареніемъ, что если приказаніе не будетъ моментально исполнено, то деревня будетъ сожжена, что въ двухъ мѣстахъ и было сдѣлано съ нѣсколькими домами. Если въ деревнѣ оказывались офицерскія семейства, то онѣ присоединялись къ баталіону, для чего брались подводы. Для того, чтобы молодые солдаты не могли входить въ сношенія съ жителями, мѣсто биваковъ окружала цѣпь аванпостовъ, причемъ въ каждой парѣ былъ одинъ изъ старослужащихъ. Какъ послѣдніе, такъ и всѣ унтеръ-офицеры имѣли ружья заряженными, а у тѣхъ молодыхъ солдатъ, которые были уроженцами 12 округа, были вынуты кремни изъ курковъ. Если жители какой либо деревни оказывались скрывшимися въ лѣса, какъ это и случалось, то она отдавалась въ полное распоряженіе баталіона, причемъ солдатамъ предоставлялось брать въ свою пользу все, что они найдутъ, съ строгимъ приказаніемъ, по прошествіи часа, по сбору, явиться на свое мѣсто. Поразительно то, что это не только не ослабило порядка, но напротивъ, батальонъ съ каждымъ днемъ дѣлался надежнѣе.

*

Проходя деревню Остратово, Толмачевъ узналъ о мученической смерти Корецкаго. Женщина, засыпавшая его ротъ пескомъ, была на томъ же мѣстѣ наказана розгами, такъ, что уже не встала, и домъ ея разрушенъ.

Толмачевъ довелъ свой баталіонъ до штаба не имѣя ни одного бѣглаго. Въ Перегинѣ онъ расположился бивакомъ на площади, со всѣми предосторожностями военнаго времени. Туда было свезено до 18 семействъ убитыхъ и бывшихъ въ походѣ офицеровъ. Съ нихъ сняты были показанія о всемъ, что они видѣли и испытали; это послужило путеводною нитью для первыхъ дѣйствій слѣдственныхъ и судебныхъ коммиссій. Со стороны поселянъ не было даже попытокъ къ возобновленію буйства, напротивъ, всѣ приказанія исполнялись чрезвычайно точно и быстро. Тѣ самые люди, которые недѣлю назадъ были какъ разъяренные звѣри, сдѣлались вполнѣ покорными. Видя, что новаго мятежа опасаться нечего, Толмачевъ отдѣлилъ небольшія команды въ ближайшія имѣнія, для охраны помѣщиковъ.

Подобная мѣра была далеко не лишнею, потому что поселяне, въ первые дни своихъ неистовствъ, старались перенести возмущеніе въ помѣщичья имѣнія. Видя, что на нашей сторонѣ крестьяне работаютъ на прибрежномъ полѣ, они, не разъ, изъ за-рѣки кричали имъ: „Чего вы работаете на своихъ баръ. Видите, какъ мы расправились съ начальствомъ; бейте и вы господъ, тогда избавитесь отъ барщины и оброковъ“. Было нѣсколько такихъ дней, что можно было серьезно опасаться за спокойствіе въ помѣщичьихъ имѣніяхъ. Проявлялось уже нѣкоторое неуваженіе: крестьяне являлись въ село пьяными, нѣкоторые не снимали шапокъ передъ господами. Однажды, старый нашъ слуга Димитрій посовѣтовалъ моей матери, на ночь, припрятывать меня, какъ старшаго въ семьѣ, потому—говорилъ онъ,—что въ народѣ болтаютъ, будто приказано убивать все мужское дворянское поколѣніе. Вслѣдствіе подобныхъ слуховъ, пишущій эти воспоминанія провелъ три ночи въ пустой картофельной ямѣ, вмѣстѣ съ своимъ сверстникомъ, сыномъ Димитрія. Такое сомнительное настроеніе помѣщичьихъ крестьянъ длилось не болѣе 3-хъ—4-хъ дней, но нигдѣ никакихъ безпорядковъ не было. Не доказываетъ ли это, что далеко не вездѣ помѣщичья власть была такъ тяжела, какъ это потомъ доказывали. Одна рѣка отдѣляла военныя

поселенія отъ Демянскаго и Холмскаго уѣздовъ; тамъ всевозможныя неистовства и полная анархія, а на помѣщичьей сторонѣ—тихо и спокойно.

Въ половинѣ августа прошла вѣсть, что въ Старую Руссу прибылъ графъ Орловъ и съ нимъ нѣсколько судныхъ коммиссій, для производства суда и расправы надъ бунтовщиками. Вслѣдъ за этимъ въ округа вступило нѣсколько казачьихъ полковъ. Рослые и сильные сыны Урала, недовольные тѣмъ, что ихъ потревожили изъ-за поселянъ, возненавидѣли ихъ и на каждомъ вымещали свою досаду. Въ числѣ имѣній, въ которыя даны были въ видѣ охраны по 3 казака, было и наше. Они должны были сопровождать насъ во всѣхъ поѣздкахъ. Бывало, завидитъ только казакъ поселянина, не свернувшаго заранѣе въ сторону, какъ уже летитъ впередъ отпустить встрѣчнику десятокъ нагаекъ.

Расправа съ виновниками мятежа была сурова до жестокости. Положимъ, что нѣтъ кары, которая могла бы равняться съ ужасами дѣланными поселянами; но если законъ требовалъ казни виновныхъ, то лучше было прямо казнить ихъ, чѣмъ примѣнять наказанія, которыхъ почти никто выносить не могъ и умиралъ подъ ударами. Къ такимъ наказаніямъ были приговорены всѣ непосредственные участники убійствъ и истязаній; виновные въ грабежѣ, послѣ тяжкаго тѣлеснаго наказанія, ссылались на каторжныя работы, для чего достаточно было, чтобы въ домѣ виновнаго нашли чашку или платокъ, принадлежавшій офицеру. Затѣмъ почти трестья часть населенія тѣхъ деревень, которыя участвовали въ бунтѣ, была, послѣ прогнанія сквозь строй, сослана въ Сибирь. До самой зимы длилась кровавая расправа, послѣ чего военныя поселенія были переименованы въ округа пахатныхъ солдатъ.

Описанныя событія произвели столь сильныя на меня впечатлѣнія, что я, забывъ многое, что было потомъ, до сихъ поръ, спустя слишкомъ 50 лѣтъ, совершенно ясно помню каждый эпизодъ.

Черезъ три года я былъ опредѣленъ въ корпусъ. Скажу объ этомъ опредѣленіи для того, чтобы указать какъ въ тѣ времена было доступно, безъ всякихъ протекцій, обращаться къ высокопоставленнымъ лицамъ и какъ онѣ относились къ просителямъ.

Чтобы быть принятому въ кадетскій корпусъ, слѣдовало попасть въ кандидаты, для чего надо было подать прошеніе главному директору корпусовъ, которымъ былъ тогда генералъ Демидовъ. Для этого матушка повезла меня въ Петербургъ. Бѣдной помѣщицѣ, никогда не выѣзжавшей изъ деревни, это казалось необыкновеннымъ событіемъ. Пять дней ѣхали мы 350 верстъ, отъ нашей деревни до столицы, на своихъ лошадяхъ. Брать почтовыхъ казалось матушкѣ роскошью, хотя поѣздка на домашнихъ вѣроятно обошлась не менѣе. Минуя впечатлѣнія, испытанныя мною въ пути, перехожу къ факту моего зачисленія въ кадеты. Демидовъ принималъ просителей только отъ 6 до 7 часовъ утра. Помню какъ матушка подняла меня въ 4 часа ночи (это было въ февралѣ), и какъ мы, не найдя извощика, пробирались съ нею отъ Покрова въ 1 линію Васильевскаго острова, въ мятель, черезъ Неву. Въ опредѣленный часъ Демидовъ вышелъ и, взглянувъ на поданное прошеніе, проговорилъ скороговоркою:

„Многіе, матушка-сударыня, многіе просятъ; не знаю, посмотримъ, увѣдомимъ васъ, а теперь ничего не могу сказать-съ. Отнесите прошеніе ваше въ дежурство, мнѣ доложатъ“.

Что такое дежурство, гдѣ оно, конечно ни я, ни моя мать, не имѣли никакого понятія, но, по указанію бывшаго въ пріемной офицера, нашли его въ томъ же зданіи. Тамъ какой-то добрый человѣкъ посовѣтовалъ матушкѣ, для ускоренія дѣла, подать просьбу прямо великому князю Михаилу Павловичу, и научилъ какъ сдѣлать это. Въ одно изъ воскресеній пробрались мы къ Михайловскому дворцу, думая на подъѣздѣ дождаться выѣзда его высочества къ разводу; но насъ впустили въ большія сѣни парадной лѣстницы. Въ нишахъ, по ея сторонамъ, суетились офицеры разныхъ корпусовъ, кадеты и снаряжавшіе ихъ служителя. Директора и другіе начальники наскоро осматривали одѣваемыхъ въ полную форму кадетъ. Это были ординарцы, каждое воскресенье представляемые великому князю. Чрезъ полчаса подошелъ къ матушкѣ какой-то полковникъ и, нѣсколько заикаясь, спросилъ ее: „Вамъ, сударыня, что угодно“! Это былъ Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ, котораго я видѣлъ тогда впервые и къ которому питалъ потомъ неизмѣнную благодарность и уваженіе. Узнавъ въ чемъ дѣло,

онъ сказалъ: „Потрудитесь стать вотъ здѣсь, чтобы великій князь васъ увидѣлъ, и тогда подайте ваше прошеніе“.

Ординарцевъ увели въ залъ, направо отъ входа; мы остались у лѣстницы. Вскорѣ они поспѣшно возвращались одинъ за другимъ, одни съ радостными, другіе съ печальными лицами. Снимая съ нихъ ранцы и аммуницію, служителя съ видимымъ участіемъ разпрашивали ихъ о чемъ-то; я слышалъ только часто повторяемый вопросъ—„благополучно-ли“? За кадетами выходили ихъ начальники, тоже съ различными отпечатками на ихъ лицахъ. Минутъ черезъ 10 появился великій князь, въ сопровожденіи нѣсколькихъ адъютантовъ и генераловъ. Его высочество увидѣлъ насъ, когда ему подавали шинель. Ростовцевъ что-то сказалъ Михаилу Павловичу, и онъ подошелъ къ намъ. Я впился въ него глазами и вытянулся; мнѣ страшно хотѣлось попасть въ корпусъ. Передавъ адъютанту взятое отъ матушки прошеніе, великій князь спросилъ ее: откуда она, много ли у нея дѣтей, живъ ли нашъ отецъ, въ какой корпусъ она желаетъ опредѣлить меня?—затѣмъ, указывая на Ростовцева, прибавилъ: „Вы черезъ него получите отвѣтъ“. Кто этотъ *онъ* и гдѣ потомъ найти его—намъ добродушно объяснилъ дворцовый швейцаръ, тутъ же записавшій нашъ адресъ. Чрезъ три дня матушка получила увѣдомленіе, что великій князь приказалъ зачислить меня кандидатомъ Павловскаго кадетскаго корпуса, въ которомъ уже 4 года находился старшій мой братъ. Я радовался какъ можетъ радоваться десяти-лѣтній мальчикъ.

Вотъ какъ въ то время доступно было всякому обращаться прямо къ брату Императора; какъ сочувственно относились къ просителямъ приближенныя къ нему лица, какъ подобная манера обращенія распространялась даже на нисшую дворцовую прислугу. Не угодно теперь, при выхваляемомъ распространеніи просвѣщенія и свободы, въ неопредѣленные для пріема, разъ въ недѣлю часы, добраться не только до министра, но до какого нибудь вице-директора департамента. Чего стоятъ эти назначаемые разъ въ недѣлю пріемы бѣднымъ просителямъ, пріѣзжающимъ изъ провинціи! Живетъ иной недѣлю, ждетъ назначеннаго дня, является,—и весьма часто слышитъ возгласъ швейцара—„пріема нѣтъ; его высокопревосходительство уѣхали за городъ“; или, „его превосходительство нездоровы“, или „вице-директоръ въ совѣтѣ“, и т. д. И вотъ пріѣзжій проживается

өще недѣлю, а иногда двѣ и три. Да и самое принятіе просьбы рѣдко обезпечиваетъ ея исполненіе. Много мытарствъ, справокъ и запросовъ приходится испытать ей, прежде чѣмъ вамъ скажутъ „да" или „нѣтъ".

Радостными возвратились мы въ деревню; я даже съ нѣкоторою гордостью, что буду кадетомъ, что мнѣ дадутъ ружье, что и мнѣ предстоитъ носить красивый мундиръ, киверъ и аммуницію.

Спустя 2 года, кто-то изъ сосѣдей прислалъ матушкѣ газету, въ которой былъ напечатанъ списокъ кандидатовъ, зачисленныхъ въ корпуса. Въ числѣ таковыхъ значился и я. Не обративъ вниманія на заголовокъ списка, было рѣшено, что я принятъ въ Павловскій корпусъ. Живо собрались мы въ дорогу, добрались прежнимъ порядкомъ до Петербурга, гдѣ на другой же день я былъ представленъ директору К. Ѳ. Клингенбергу. Почтенный старикъ обласкалъ меня, далъ наставленіе вести себя и учиться какъ старшій братъ, и велѣлъ адъютанту отвести меня въ младшую роту. Оказалось, что я вовсе не подлежу пріему въ Павловскій корпусъ, а переведенъ и назначенъ во вновь учрежденный Новгородскій. Вышло, что мы совершенно напрасно сдѣлали лишнихъ 200 верстъ, такъ какъ открываемый корпусъ находился всего въ 28 верстахъ отъ Новгорода.

Внутренній бытъ, пріемы воспитанія и способъ преподаванія въ кадетскихъ корпусъ—все это было много разъ описано. Одни хвалили, другіе—безъ разбора бранили ихъ. Но всѣ эти описанія касались преимущественно старыхъ, столичныхъ корпусовъ; о провинціальныхъ говорили мало, а потому я скажу о кадетской жизни настолько подробно, чтобы читатели узнали, сколько въ ней было поучительнаго, насколько взгляды на военное воспитаніе были тогда правильнѣе нынѣшнихъ, насколько воспитатели и наставники наши были къ намъ сердечнѣе. Тогда главною цѣлью было привязать кадета къ мѣсту воспитанія, вселить въ него любовь и преданность къ военному званію, вкоренить неизмѣнную любовь къ Царю и родинѣ, а затѣмъ дать образованіе, соотвѣтствующее тогдашнему развитію военнаго дѣла. Теперь послѣднее сдѣлалось первымъ, и все остальное—какъ бы придаточнымъ, подъ тѣмъ предло-

гомъ, что это дѣло родителей, заведеніе же,—говорятъ, обязано дать только образованіе. Но что могутъ сдѣлать родители, если ихъ 12-ти-лѣтній сынъ, какъ бы онъ ни былъ нравственъ дома, въ теченіи 6 лѣтъ пребыванія въ томъ или другомъ заведеніи, не будетъ имѣть должнаго надзора, не будетъ видѣть въ своихъ наставникахъ примѣра уваженія къ религіи, къ авторитету родительской власти, не получитъ привязанности и любви къ военному званію.

Поступивъ въ Новгородскій корпусъ, мнѣ довелось быть свидѣтелемъ его оффиціальнаго и торжественнаго открытія. Во время этого акта, самое большое впечатлѣніе произвели на кадетъ великій князь Михаилъ Павловичъ и графъ Аракчеевъ. Большая часть поступившихъ видѣли ихъ впервые. Мощная, нѣсколько сутуловатая фигура Его высочества, показалась мальчикамъ громадною, но на столько симпатичною и доброю, что мы не могли понять, почему начальство съ такимъ страхомъ ожидало его пріѣзда. Если онъ, проходя бывало по фронту или по спальнямъ, останавливался передъ кадетомъ съ нахмуренными бровями, или придавалъ строгое выраженіе лицу, то дѣтскій инстинктъ всегда понималъ, что это дѣлается шутя. Кадетъ иногда невольно улыбался, но чаще, желая показать, что во фронтѣ ничѣмъ нельзя ни развлечь, ни разсмѣшить его, прямо и смѣло смотрѣлъ въ глаза Великому князю, что особенно ему нравилось.

Михаилъ Павловичъ пріѣхалъ наканунѣ открытія корпуса, вечеромъ, когда мы были у всенощной. По возвращеніи изъ церкви, насъ поставили въ камерахъ, у кроватей. Обойдя спальни, Великій князь приказалъ всѣмъ подойти къ нему и сталъ шутить съ нами. На всякій его вопросъ 70 дѣтскихъ голосовъ отвѣчали разомъ; всѣ тѣснились, всякому хотѣлось быть ближе къ нему. Вдругъ онъ крикнулъ: „Смирно“! и какъ бы командуя прибавилъ: „вали меня“. Мы схватили его, кто за руки, кто за ноги; бывшіе подальше кинулись какъ бы на приступъ. Испуганное начальство отшатнулось, говоря: „тише, тише, осторожнѣе“. Повалить было не трудно, потому что Его высочество видимо поддавался; но когда пришлось поднимать, то онъ нарочно противился, чтобы мы возились подолѣе. Поднявшись, Великій князь сказалъ:

„Сегодня я позволяю вамъ возиться со мною, но завтра у васъ будетъ гость, старикъ серьезный, онъ шутить не любитъ; прошу, чтобы все было чинно“.

На другой день Михаилъ Павловичъ вошелъ въ церковь вмѣстѣ съ графомъ Аракчеевымъ. Послѣдній появился въ мундирѣ своего гренадерскаго полка, безъ ленты и звѣздъ; на немъ не было ни одного ордена, ни одной медали и только портретъ Императора Александра I-го, на шеѣ, украшалъ скромный армейскій мундиръ его. При подобномъ событіи, какъ открытіе корпуса, не могло обойтись безъ рѣчей. Чтобы показать въ какомъ духѣ онѣ говорились въ то время, приведу двѣ выдержки.

„Да поучаются юные питомцы — говорилъ священникъ открываемаго корпуса,—прежде всего благочестію и навыкнутъ страху Божію, который есть начало всякой премудрости; да видятъ они въ своихъ наставникахъ примѣръ усердія, добра и правды, и, утвердясь въ нихъ, сдѣлаются достойными сынами Вѣры, Престола и Отечества“.

Такъ какъ Новгородскій корпусъ былъ основанъ для воспитанія дворянъ преимущественно Новгородской, Псковской и Тверской губерніи, то инспекторъ нашъ, добрѣйшій Михаилъ Николаевичъ Божеряновъ, указывая на это, сказалъ:

„Братья ваши, дѣти родственниковъ и близкихъ вашихъ, а впослѣдствіе ваши собственныя дѣти и дѣти дѣтей вашихъ, здѣсь же получатъ свое образованіе. Вы должны служить имъ образцами всего хорошаго; они будутъ вашими судьями; ни одно дѣяніе ваше, ни доброе, ни злое, не укроется отъ дѣтей и внуковъ вашихъ. Помните, что Государь ожидаетъ отъ васъ преданности за благодѣянія: благодѣянія неизчислимы, — неограничена должна быть и преданность. Россія ожидаетъ видѣть васъ храбрыми воинами и добрыми гражданами; высокій начальникъ вашъ ожидаетъ отъ васъ сыновней любви за любовь отеческую, русское дворянство ожидаетъ отъ васъ русской чести, а мы—воспитатели—довѣрія за довѣренность“.

Много торжественныхъ открытій разныхъ заведеній, много краснорѣчивыхъ рѣчей довелось мнѣ слышать потомъ, но большею частію онѣ отзывались оффиціальною холодностію, говорились какъ бы по обязанности, по общему шаблону. Отъ того ли, что приходилось слушать ихъ уже въ годы зрѣлости, когда и душа и сердце успѣли окрѣпнуть въ превратностяхъ

жизни, но никогда не производили онѣ на меня того впечатлѣнія, какое произведено было вышеприведенными словами священника и инспектора.

Въ тотъ же день къ столу великаго князя было приглашено 12 кадетъ, въ число которыхъ назначили и меня. Упоминаю объ этомъ потому, что за этимъ обѣдомъ мнѣ довелось быть свидѣтелемъ слѣдующаго эпизода.

Его высочество очень много говорилъ съ Аракчеевымъ, сидѣвшимъ противъ него; между прочимъ, онъ обратился къ графу со словами:

— Я прошу васъ, какъ близкаго сосѣда [1]), почаще навѣщать корпусъ; и пожалуйста требуйте, чтобы кадетъ какъ можно лучше кормили.

— Опасаюсь, ваше высочество,—отвѣчалъ Аракчеевъ своимъ гнусавымъ тономъ,—понравятся ли мои посѣщенія. Когда я управлялъ баталіонами военныхъ кантонистовъ, то ихъ кормили очень хорошо, потому что у меня было такое обыкновеніе: какъ щи дурны, я и велю выворотить котелъ на эконома.

Его высочество обратилъ эту фразу въ шутку; а мы, кадеты, твердо ее запомнили и частенько напоминали нашему эконому.

Не могу не отступить отъ хронологическаго порядка моего разсказа, чтобы, говоря о Великомъ князѣ, не высказать чѣмъ былъ Михаилъ Павловичъ для насъ, кадетъ, и для войскъ, не только тѣхъ, которыми командовалъ, но и для всей арміи вообще. Теперь едвали кто можетъ правильно судить объ этомъ. Только старые служивые Николаевскаго времени, свидѣтели его благодѣяній и благотворнаго вліянія на войска, могутъ предостеречь молодое поколѣніе отъ довѣрія къ тѣмъ личностямъ, которыя, въ угоду распущенности, пускаютъ въ ходъ всевозможныя выдумки о покойномъ Великомъ князѣ. Не понимая смысла его строгости и взглядовъ на дисциплину, говорятъ напримѣръ, будто онъ былъ того мнѣнія, что война портитъ армію и глумились надъ этимъ. Да развѣ это не вѣрно, въ отношеніи внутренняго порядка и дисциплины, что безъ сомнѣнія и подразумѣвалъ Михаилъ Павловичъ. Не только у

---

[1]) Аракчеевъ жилъ въ своемъ Грузинскомъ имѣніи, въ 70 верстахъ отъ корпуса.

насъ, но и во всѣхъ европейскихъ арміяхъ, послѣ каждой войны увеличивается число проступковъ, принимаются мѣры къ возстановленію порядка, учащаются взысканія. Осуждая безъ разбора все, что касалось прежнихъ уставовъ, прежнихъ взглядовъ и требованій, поборники новыхъ теченій все, что осуждали, взваливали на Михаила Павловича. Не смѣя гласно и печатно судить о немъ, они весьма ясными намеками затрогивали его память, тогда какъ слѣдовало благоговѣть передъ нею. Бывши братомъ Императора, онъ былъ первый труженикъ изъ всѣхъ его подданныхъ, всякую минуту готовый принять на себя ропотъ толпы, лишь бы этотъ ропотъ смѣнился восторгомъ въ отношеніи къ Государю. Досадно и горько слушать, когда иногда и теперь, люди уже въ чинахъ, не только не знавшіе Михаила Павловича и не помнящіе его, судятъ о немъ, какъ попугаи со словъ тѣхъ, которые съ умысломъ перетолковывали все, что имъ дѣлалось изъ преданности и любви къ службѣ и долгу.

Зная, что въ воспоминаніяхъ моихъ мнѣ придется еще не разъ коснуться личности Великаго князя, скажемъ здѣсь лишь о томъ, что обрисовываетъ его отношенія къ кадетской жизни.

Авторы преобразованія кадетскихъ корпусовъ въ военныя гимназіи, всѣми силами своего іезуитскаго краснорѣчія и учености, старались привести общественное мнѣніе къ убѣжденію, что все, что было въ корпусахъ при Михаилѣ Павловичѣ, никуда не годилось, представляло рутину и противорѣчило педагогическимъ началамъ. Жаждущіе нововведеній повѣрили этому, но, слава Богу, не надолго. Достаточно было шестнадцати лѣтъ, чтобы понять, чѣмъ новаторы хотѣли замѣнить то, что изгоняли.

Желающіе уразумѣть, чѣмъ былъ Михаилъ Павловичъ для военно-учебныхъ заведеній, какъ онъ любилъ кадетъ и какъ заботился о нихъ, пусть прочтутъ его приказы, его распоряженія. Тамъ они найдутъ не мало примѣровъ, подобныхъ слѣдующему. Однажды, пробѣгая копіи съ приказовъ по корпусу, Великій князь замѣтилъ, что нѣсколько кадетъ, узнавъ, что матери ихъ товарища не на что возвратиться домой, собрали между собою, что могли, а въ другой разъ сдѣлали складчину для бѣднаго товарища, отправляемаго по болѣзни

на родину,—прислалъ обоимъ отъ себя вдвое больше и приказалъ благодарить кадетъ за ихъ товарищескія чувства.

Въ одно изъ посѣщеній своихъ Новгородскаго корпуса, Великій князь приказалъ пригласить къ себѣ на квартиру весь старшій классъ и человѣкъ по 10 изъ прочихъ классовъ, къ вечернему чаю. Цѣль этого, какъ потомъ оказалось, была — поближе узнать кадетъ и испытать ихъ развитіе. Онъ приказалъ намъ нисколько не стѣсняться, идти, кто желаетъ, въ садъ, разсматривать гравюры и вообще дѣлать, кто что хочетъ. Сначала мы конфузились, но потомъ, когда разнесли чай, все оживилось, начался говоръ. Его высочество сидѣлъ у круглаго стола, съ генераломъ Набоковымъ и все время говорилъ съ тѣми изъ насъ, кто былъ ближе. Тѣмъ, кто казался позастѣнчивѣе, онъ задавалъ вопросы въ такомъ родѣ:

— Слыхалъ-ли ты что-нибудь о Димитріѣ Донскомъ? Разскажи-ка намъ, что ты о немъ знаешь?

Мы изъ любопытства окружали разсказчика, и вдругъ кто-нибудь изъ маленькихъ получалъ новый вопросъ:

— Какъ ты думаешь, вездѣ-ли теперь вечеръ? или: Отчего лѣтомъ тепло, а зимою холодно?

Отвѣты большею частью были удачные, что видимо радовало Михаила Павловича. Конечно, къ нему старался быть поближе тотъ, кто больше на себя надѣялся. Это не укрывалось отъ Великаго князя; одному, желавшему отвѣчать за остановившагося товарища, онъ сказалъ: „Я вижу, ты боекъ; поди-ка лучше пить чай“, и вслѣдъ затѣмъ онъ подзывалъ къ себѣ того, кто былъ подальше.

Такого же рода испытанія производилъ въ другой комнатѣ Я. И. Ростовцевъ. Всякому вопросу онъ умѣлъ придать шуточную форму, что нравилось кадетамъ, толпою окружавшимъ его.

Такія, чуждыя оффиціальности, отношенія Великаго князя къ кадетамъ не могли не запечатлѣться въ юныхъ сердцахъ на всю жизнь. Но въ то же время мы видѣли и испытывали какъ Михаилъ Павловичъ рѣзко разграничивалъ службу отъ дружбы. На службѣ онъ былъ безпощаденъ даже къ кадетамъ, и дѣлалъ это для того, чтобы собственнымъ примѣромъ указать, готовящимся вступить въ ряды арміи юношамъ, какъ они должны понимать службу.

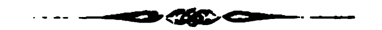
Среди этой строгости и того подчасъ суроваго обращенія, которое приходитось намъ испытывать, наше воспитаніе было ввѣрено людямъ избраннымъ. Возьмемъ хоть перваго директора Новгородскаго корпуса генерала Бородина. Суровый по наружности, онъ держалъ себя съ кадетами большею частью серьезно, и не смотря на это, мы были къ нему привязаны и любили его. Слѣдующія строки его прощальнаго приказа, когда онъ больной уѣзжалъ лечиться, доказываютъ, сколько въ этомъ человѣкѣ было сердечности:

„По чувствамъ моимъ къ вамъ, — писалъ онъ, — которыя легче сознавать, чѣмъ высказывать, тяжело мнѣ разстаться съ вами. Простите, дѣти, что я не въ состояніи придти поблагодарить васъ, побесѣдовать съ вами, быть можетъ въ послѣдній разъ. Чувствую, что я не могъ бы перенести прискорбное для меня разставанье съ вами. Примите прощанье заочное. Умоляю васъ, друзья мои, дорогіе моему сердцу кадеты! Будьте всегда честными и благородными, какъ были при мнѣ; принимайте сердцемъ и исполняйте въ точности все вамъ внушаемое; будьте прилежны, будьте честны не по одной наружности, но по искренности вашихъ душевныхъ чувствъ, по сознанію чистой совѣсти. Помните, что съ юности вы должны пріучать себя къ неуклонному исполненію своихъ обязанностей, къ порядку, повиновенію и дисциплинѣ. Только при этомъ вы будете полезны себѣ и Отечеству и сдѣлаетесь вѣрными и достойными слугами своего Государя.“

Пусть кто-либо укажетъ намъ приказъ, котораго нибудь изъ директоровъ послѣдняго 25-лѣтія, подобный, по своей задушевности, приведенному.

Направленіе и взгляды директора не могли не перейти на его помощниковъ, нашихъ воспитателей — офицеровъ. Это были по преимуществу люди простые, далеко не ученые, не академики, но взятые изъ строя, люди посредственнаго образованія, вполнѣ нравственные, чуждые интриги и тѣхъ блестящихъ наружныхъ качествъ, подъ которыми часто прикрыто не мало яда, отравляющаго довѣрчивую юность. Многіе изъ нихъ были оригиналами, имѣли свои странности, свои смѣшныя стороны. Мы, прежніе кадеты, встрѣчаясь между собою, любимъ вспоминать ихъ, но никто не укажетъ на что-либо, съ ихъ стороны вредное и противунравственное.

Переименовывать этихъ достойныхъ тружениковъ, которымъ мы доставили не мало хлопотъ, а иногда и огорченій, своими шалостями, и очерчивать характеристику каждаго изъ нихъ, было бы слишкомъ долго и не интересно для читателей, не знавшихъ ихъ. Пусть скажутъ о нѣкоторыхъ изъ нихъ, въ общихъ чертахъ, тѣ изъ товарищей-кадетъ, которые въ свое время доставили намъ свои замѣтки о совмѣстной корпусной жизни.



ГЛАВА ВТОРАЯ.

1834 – 1842.

Первые дни корпусной жизни.—Офицеры и учителя и характеристика нѣкоторыхъ.—Кадетскія развлеченія.—Учителя тогда и потомъ.—Первый смотръ В. К. Михаила Павловича.—Переводъ изъ корпуса въ Дворянскій полкъ.—Командиръ его генералъ Пущинъ.—Его характеристика и система управленія.—Преобразованіе Дворянскаго полка.—Я. И Ростовцевъ.—Значеніе для кадетъ Петергофскаго лагеря.—Присяга выпускныхъ прежде и теперь.—Прощанье Михаила Павловича съ отправляемыми на службу.—Его наставленіе для образованія кадетъ.

Изъ числа бывшихъ моихъ корпусныхъ товарищей-сверстниковъ нѣкоторые въ Петербургѣ, другіе разсѣяны по всему обширному пространству Русской земли; но большая часть, отдавъ долгъ роднпѣ своею службою за ихъ воспитаніе, переселилась въ горнія. Изъ числа оставшихся, кое-кто, ежегодно, въ день открытія корпуса, собирается въ товарищескій кружокъ, вспомнить то время, которое они въ юности провели вмѣстѣ, подъ сѣнью роднаго заведенія. Въ одно изъ подобныхъ собраній родилась мысль записать, покуда еще не измѣнила память, то, что наиболѣе рельефно указываетъ, какъ на достоинства, такъ и на недостатки воспитательной системы, существовавшей 50 лѣтъ назадъ. Приведу выдержки изъ этихъ записокъ, для того, чтобы читатели сами видѣли, чего было больше—достоинства или недостатковъ, и сравнили бы минувшее съ настоящимъ.

Вступленіе въ корпусныя стѣны, пишетъ одинъ изъ нихъ,—сдѣлало на меня пріятное впечатлѣніе. Доброе, родственное отношеніе ротнаго командира Брянова, просторъ, чистота, всѣ удобства, сытный столъ—скоро заставили забыть разлуку съ родными. Первую ночь заснулъ я такъ сладко, какъ не спалъ и дома, несмотря на соломенный тюфякъ, который давали всѣмъ новичкамъ, въ видѣ испытанія, и черезъ 3 дня замѣ-

няли волосянымъ. На утро ни повѣстка, ни заря не разбудили меня; я проснулся лишь тогда, когда сосѣдъ сдернулъ съ меня одѣяло. Капитанъ Бряновъ былъ уже тутъ. Послѣ пропѣтой всѣми, въ строю, молитвы, поклонились ему, потомъ подходили по одиночкѣ здороваться, и всякій цѣловалъ его. Одного, бывало, погладитъ, другого щипнетъ за щеку, третьяго щелкнетъ по носу. Когда я, какъ-то дико и неловко, подошелъ къ нему, онъ ласково сказалъ мнѣ:

„Если будешь прилеженъ и хорошъ, и тебѣ будетъ хорошо, а если станешь худо вести себя, я братъ „поддамъ“ (это значило „высѣку“).

Время потекло потомъ какъ заведенные часы. Лѣтомъ—утромъ и послѣ обѣда ученье на плацу, гимнастика въ саду, гулянье, городки и бары, чистый воздухъ—все это развивало и укрѣпляло наши организмы. Все шло безпечально; но одинъ казусъ чуть не далъ ротному командиру случая *поддать* мнѣ. Передъ отправленіемъ въ корпусъ, петербургскіе кадеты предупреждали меня, что новичка испытываютъ, щиплютъ, толкаютъ, чтобы убѣдиться не пойдетъ ли жаловаться. Въ такомъ случаѣ, говорили они, надо самому отвѣчать тѣмъ же. Разъ кто-то налетѣлъ на меня сзади, далъ подзатыльника и пустился бѣжать подъ защиту дежурнаго офицера; я за нимъ и, на глазахъ офицера, далъ врагу затрещину. Дежурный возмутился такою дерзостью, схватилъ меня за ухо и хотѣлъ поставить на колѣни, но я воспротивился, находя, что стоять на колѣняхъ постыднѣе розогъ. Глупое молодечество; но тогда это было геройство. Вечеромъ пришелъ Бряновъ; ему уже было сообщено о происшествіи; онъ потребовалъ меня къ себѣ и говоритъ очень спокойно:

„Ну, братъ, теперь славно поддамъ; пойдемъ“.

Спустились внизъ, гдѣ были въ подвальномъ этажѣ карцеры, подъ надзоромъ сторожа, солдата Ѳомки. Ротный приказалъ подать розги. Я, не знаю почему, неособенно испугался. Капитанъ началъ указывать виновность моего ослушанія и нарушенія дисциплины. Я молчалъ и искоса поглядывалъ на розги. Желаніе выйти изъ неудобнаго положенія надоумѣло меня сказать, что меня подучили петербургскіе кадеты никогда не жаловаться, а давать сдачу. Бряновъ самъ былъ изъ ка-

деть и смягчился: „Ну, смотри, въ другой разъ не вывернешься, иди“,—сказалъ онъ.

Надо добавить нѣсколько словъ и о Ѳомкѣ. Кто изъ кадетъ, новгородцевъ, не помнитъ его? Ѳомка находился въ неотгороженной части карцеровъ; тутъ онъ жилъ и работалъ. Единственнымъ его занятіемъ было производство нюхательнаго табаку. Бывало, сидитъ на полу и длиннымъ пестомъ растираетъ въ горшкѣ махорку. Мелкая пыль забивается въ глаза, въ носъ и горло, арестованный чихаетъ, кашляетъ, бранится,—ничто не помогаетъ; Ѳомка себѣ третъ да третъ. Славный былъ солдатъ; мы любили его.

Съ августа начинались классы: Я былъ нѣсколько подготовленъ и попалъ въ старшій изъ двухъ открытыхъ. Законъ Божій преподавалъ батюшка Малиновскій; почтенная и уважаемая личность! Разъ на исповѣди одинъ мальчуганъ покаялся ему, что назвалъ его козломъ.

„Какой я козелъ! какой я козелъ!“ раскричался батюшка...

— „Вотъ постой-ка здѣсь возлѣ престола часокъ на колѣняхъ, козленокъ, такъ не будешь говорить глупостей“; а всетаки никому не пожаловался.

Наступила зима длинная, скучная: ни поиграть, ни побѣгать вволю. Впрочемъ доброе начальство старалось давать развлеченія, о которыхъ скажу ниже. Заѣзжали фокусники съ учеными собаками, показывали туманныя картины въ манежѣ; разъ пріѣзжалъ и циркъ. Богатая корпусная библіотека была къ нашимъ услугамъ, но читать позволялось не все. „Ледяной домъ“ Лажечникова попросить и не думай. Самыми любимыми нашими авторами были: Загоскинъ, Зотовъ, Булгаринъ. Когда стали мы постарше, позволяли читать и другихъ, но съ разборцемъ, только то, что совѣтовалъ учитель словесности Орнатскій. По вечерамъ кадеты любили собираться кучками, возлѣ дежурныхъ дядекъ. Это были боевые, старые ветераны 12-го года, или участники штурма Варшавы и Варны. Съ какимъ, бывало, восторгомъ, затаивъ дыханіе, слушаемъ мы ихъ разсказы о сраженіяхъ, о Кутузовѣ, Багратіонѣ, Ермоловѣ; сердце такъ и замираетъ, и думалось тогда: вотъ самъ буду офицеромъ, доведется быть въ сраженіяхъ, буду отличаться какъ и тѣ, про кого разсказывалъ дядька. Эти простые люди сослужили намъ службу, вселяя въ насъ воинственность.

Въ 1836 году намъ выдали ружья. До сихъ поръ помню общую радость. Съ какимъ жаромъ принялись мы за ружейные пріемы. Учителями были унтеръ-офицеры учебнаго полка, которому мы обязаны тѣмъ, что новгородцы всѣ считались отличными строевиками. Кромѣ времени для фронта, бывало, какъ прибѣжишь изъ класса послѣ обѣда, схватишь ружье и давай передъ зеркаломъ, а то такъ на тѣнь, доводить себя. Все это не мѣшало намъ учиться. Иной поступалъ не зная французской и нѣмецкой азбуки, а черезъ три мѣсяца читалъ и понималъ кое-что. Чистописаніе шло плохо у учителя Грабе. Чудакъ онъ былъ, но мы любили его за то, что хоть отшлепаетъ линейкой, но сора изъ избы не вынесетъ, не пожалуется.

Офицеры и учителя не отдѣлялись отъ насъ: кто присоединялся къ играмъ, кто пѣлъ въ хорѣ, кто участвовалъ въ спектакляхъ. Сближеніе не имѣло никакого вреднаго вліянія на дисциплину, а только заставляло любить и тѣхъ, которые насъ сѣкли".

Послѣ Святой начинались экзамены. Съ какимъ страхомъ подходишь, бывало къ столу и протягиваешь руку за билетомъ, думая, подходя:—ахъ, еслибы такой-то! Но и къ этому привыкаешь; со втораго, третьяго экзамена страхъ проходитъ, какъ и все въ жизни, какъ и самая жизнь.

Какъ вспомнишь мѣсто, въ 28-ми верстахъ отъ Новгорода, гдѣ находился нашъ корпусъ, то досихъ поръ дивишься, какимъ образомъ уживались въ немъ наши учителя, люди образованные, шедшіе за умѣренное вознагражденіе въ пустыню. Нужно было много любви къ наукѣ и къ намъ—дѣтямъ, чтобы отрѣшиться отъ міра и такъ закабалить себя. И что это были за дивные люди, свято исполнявшіе свой долгъ! Возьмемъ для примѣра нѣкоторыхъ изъ нихъ, начиная хоть съ высоко нами чтимаго Каменскаго, преподававшаго математику, ученика Нѣжинскаго лицея, близко извѣстнаго знаменитому Остроградскому. Онъ былъ настроенія нѣсколько мистическаго и часто говаривалъ о какомъ-то таинственномъ значеніи алгебраическихъ формулъ и геометрическихъ фигуръ. Не любилъ, напримѣръ, чтобы на его дорогѣ лежали палочки треугольникомъ.

„Обойду—говоритъ—лишнюю версту, но не буду попирать божественную фигуру".

Однажды, увлекшись доказательствомъ божественности своей науки, онъ подтвердилъ слова свои тѣмъ, что и всевидящее Око изображаютъ въ треугольникѣ.

„А отчего-же, Викторъ Ивановичъ,—спрашиваетъ его одинъ изъ кадетъ, конечно желая поддразнить учителя, — въ деревняхъ на свинью надѣваютъ треугольникъ“?

Каменскій хотѣлъ-было разсердиться и строго взглянулъ на шалуна; но потомъ спокойно отвѣтилъ:

„Не всегда, братецъ; вотъ, напримѣръ, на тебѣ я не вижу треугольника“.

Помню, какъ онъ спросилъ одного изъ кадетъ, который забылъ что-то изъ прошлогодняго курса: „Скажи пожалуйста, ты для кого учишься,—для балла или для себя“?

— Для балла, Викторъ Ивановичъ,—отвѣчалъ кадетъ.

„Спасибо, открытая ты душа, не солгалъ—продолжалъ Каменскій, пріятно будетъ съ тобой и въ жизни встрѣтиться“.

Учитель географіи, капитанъ Нейманъ, былъ очень строгъ, но за-то въ знаніи его предмета мы были доведены до совершенства: бывало начертить, съ мельчайшими подробностями, какое угодно государство правильно, чисто, красиво — намъ ни почемъ. Уроки Неймана мы называли разводомъ съ церемоніею, потому что онъ разводилъ всѣхъ, кого—къ большимъ доскамъ, кого съ грифельными по разнымъ угламъ, чтобы не счерчивали, кого къ окнамъ; а чуть заглянулъ въ чужую доску—въ корридоръ. Мы чертимъ, а онъ ходитъ да покрикиваетъ: „черти и разсказывай, черти и разсказывай“. Метода Неймана была тогда нововведеніемъ, но потомъ упрочилась и была принята повсемѣстно, благодаря его послѣдователямъ и ученикамъ.

Назову еще учителей: русскаго языка—Орнатскаго, французскаго и нѣмецкаго—Нюккера и Юргенса.

Сорокъ-пять лѣтъ прошло, какъ я оставилъ корпусную скамью и въ послѣдній разъ слышалъ лекцію Орнатскаго, а между тѣмъ эта замѣчательная личность представляется мнѣ до сихъ поръ, столь же честною и свѣтлою, какою она была въ дѣтскіе и юношескіе мои годы. Не буду говорить о его способѣ преподаванія; это составляетъ второстепенность въ сравненіи съ тѣмъ нравственнымъ вліяніемъ, которое онъ имѣлъ на насъ, и съ тою духовною пользою, которую онъ

приносилъ намъ. Огорчить его кадеты считали преступленіемъ; онъ огорчался не столько лѣностью или вѣтренностью, сколько тѣмъ, что носило хотя признакъ нечестности, іезуитства и лживости. Мы любили его безпредѣльно.

Нюккеръ и Юргенсъ были едва ли не единственными учителями, достигавшими того, что ученики ихъ, начавъ съ азбуки, при выпускѣ изъ корпуса, нетолько всѣ могли понимать прочитанное, но многіе довольно бѣгло и правильно объяснялись.

Однимъ изъ любимѣйшихъ развлеченій кадетъ моего времени, т. е. второй половины 30-хъ годовъ, были устраиваемые ими спектакли. Сначала они были совершенно домашними, но потомъ развились до того, что смотрѣть ихъ пріѣзжали офицеры полковъ, стоявшихъ въ Бронницѣ и другихъ окрестностяхъ, а также и многіе изъ помѣщиковъ. Главными распорядителями этихъ спектаклей были: Капитанъ Араловъ и учитель танцованія Шелковниковъ. Первою игранною піесою была „Сентябрская ночь", Каратыгина, а лучшими актерами были: Дуве, Ушаковъ, Вельяшевъ, и Польманъ. Живо помню послѣдняго въ женскихъ роляхъ, вмѣстѣ съ Цвѣцинскимъ; они были очень красивы даже барышнями, а теперь одного нѣтъ уже на свѣтѣ, а другой дѣдушка. Какъ исполнялись роли—припомнить трудно, но тогда вѣроятно исполненіе нравилось, такъ какъ представленія повторялись довольно часто.

Кромѣ театральныхъ представленій, по зимамъ, во время Святокъ и масляной, устраивались балы, даже костюмированные. Этого рода удовольствія были не только развлеченіями, но отчасти и поощреніемъ, потому что на балы допускали не всѣхъ, а только лучшихъ по классамъ и поведенію. Для первыхъ учениковъ костюмы брали на прокатъ, на счетъ корпуса, прочіе платили сами. Кадеты являлись одѣтыми испанцами, маркизами, арлекинами, цыганами и т. д. Нѣкоторые ухитрялись маскироваться мѣстными средствами, доставая коечто у офицеровъ и учителей, охотно принимавшихъ на себя заботу угодить хорошему ученику своего класса.

Вспоминая тѣ патріархальныя, семейныя отношенія, которыя связывали въ наше время кадета съ офицеромъ и учителемъ, невольно сравниваешь минувшее съ настоящимъ, о которомъ слышишь отъ сыновей и внуковъ. Основаніемъ педа-

гогіи того времени была любовь къ правдѣ, къ труду и къ ближнему. Отсюда вытекали и на этомъ основывались качества ума и сердца воспитываемыхъ.

Вотъ что говоритъ по этому поводу одинъ прежній кадетъ, мой товарищъ, бывшій потомъ учителемъ.

„Бывши 12 лѣтъ преподавателемъ въ разныхъ кадетскихъ корпусахъ, я старался подражать прежнимъ моимъ наставникамъ; но чувствую, что былъ далекъ отъ этихъ образцовъ, потому что преподавалъ уже не той средѣ, въ которой учился самъ. Учителя, коллеги мои въ шестидесятыхъ годахъ, ничѣмъ не походили на учившихъ насъ. Ученики мои не были кадетами моего времени, а юношами, отличавшимися рѣзкостью манеръ и сужденій, страстью къ показанію товара лицомъ, завистью къ товарищамъ и эгоизмомъ. Это были ни дѣти, ни взрослые, но уже мечтавшіе о самостоятельности и равенствѣ. Наставники ихъ, мои сослуживцы, отличались холодностію къ воспитанникамъ и ремесленнымъ трудомъ по найму. Связи душевной и нравственной съ кадетомъ уже не было: всюду интриги, происки, желаніе себѣ выгодъ на счетъ другаго. Это не были пастыри добрые, знавшіе овецъ своихъ. Качества учителей перешли и на учениковъ. Корысть, лицемѣріе и лицепріятіе все поглотило. Эти свойства смѣло выступили на сцену безъ маски, но въ костюмахъ свѣтскаго приличія, фальшиваго прогресса и либеральничанья. Не то было, когда я учился самъ“.

Не все сразу и систематически припоминается черезъ 50 лѣтъ; а потому, да простятъ мнѣ читатели, если я возвращаюсь по нѣскольку разъ къ одной и той же личности. Такъ, напримѣръ, и въ этой главѣ не могу не вспомнить вновь о Великомъ князѣ Михаилѣ Павловичѣ. Выше было описано какъ онъ относился къ кадетамъ внѣ строя; здѣсь же опишу первый фронтовый смотръ, въ которомъ мнѣ пришлось участвовать. Дѣлаю это опять-таки, чтобы показать разницу между тогдашними и нынѣшними взглядами на подготовленіе кадетъ къ службѣ въ войскахъ. То о чемъ буду говорить, происходило въ 1837 году. Въ августѣ мѣсяцѣ сдѣлалось оффиціально извѣстнымъ, что въ началѣ сентября Михаилъ Павловичъ произведетъ смотръ кадетскому баталіону. Стараніе показаться молодцами такому знатоку и строгому судьѣ—было непомѣр-

ное. При содѣйствіи стоявшаго близъ корпуса учебнаго полка, начались дѣятельныя приготовленія: шили на весь корпусъ новые мундиры, адъютантъ корпуса неутомимо занимался съ линейными унтеръ-офицерами, полковой капельмейстеръ Емельяновъ, когда-то учившій барабаннымъ боямъ самого Великаго князя, ежедневно занимался съ барабанщиками; баталліонныя ученья производились утромъ и вечеромъ; готовили ординарцевъ. Историкъ корпуса передаетъ ихъ подготовленіе такимъ образомъ:

„Вспоминая какъ насъ готовили, многое кажется теперь страннымъ, а въ то время казалось необходимымъ. Ординарцамъ было выдано для умыванья особое душистое мыло; передъ каждою репетиціею ихъ поили сливками, а за три дня до пріѣзда Великаго князя, изъ боязни, чтобы онине охрипли, давали гогель-могель". Репетиціи смотра сильно нравились намъ, потому что на каждое ученье являлась полковая музыка.

„Какъ только грянетъ она,—пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ мой товарищъ З....—мы такъ и растемъ, такъ и рвемся, а баталіонный только покрикиваетъ: „не горячиться, покойно".

Михаилъ Павловичъ пріѣхалъ въ ночь съ 9 на 10 сентября. Говорили, будто Князь пріѣхалъ не въ духѣ и не принялъ почетнаго караула. Баталіону приказано было быть готовымъ на слѣдующій день къ 12 часамъ. Вставши, кадеты одѣлись прямо въ мундиры, напились сбитня и не торопясь построились для осмотра. Когда роты трогались, чтобы идти на плацъ,—всякій перекрестился. Въ это время ординардцы были уже на квартирѣ Его Высочества. Ровно въ 12 часовъ Великій князь вышелъ въ залъ, въ мундирѣ 2 кадетскаго корпуса *), сердитымъ взглядомъ окинулъ собравшихся къ его выходу генераловъ, и довольно сурово сказалъ директору корпуса: „Вы не по формѣ одѣты, извольте переодѣться". Потомъ, взглянувъ на ординардца, кивнулъ головою; это значило—„подходи". Все было исполнено такъ, какъ заранѣе указалъ Я. И. Ростовцевъ. Представленіе кончилось благополуч-

*) Когда Михаилъ Павловичъ появлялся на кадетскіе смотры въ этомъ мундирѣ, а на полковые смотры въ мундирѣ Л. гв. Волынскаго полка, то это служило примѣтою предстоящей неудачи.

но. Великій князь похвалилъ кадетъ *). За ними должны были подходить ординарцы учебнаго полка. Не успѣлъ унтеръ-офицеръ сдѣлать трехъ шаговъ, какъ Его Высочество крикнулъ: „Это что за кривлянье! Терпѣть не могу этихъ учебныхъ вывертовъ". Михаилъ Павловичъ не любилъ учебныхъ полковъ и называлъ ихъ—„Клейнмихельская гвардія".

Не смотря на неблагиоріятное расположеніе духа Великаго князя, начало смотра было вполнѣ удачно; но какъ только начались построенія, нѣкоторые офицеры ошиблись. Первымъ попался тотъ самый капитанъ Нейманъ, преподаватель географіи, о которомъ я уже упоминалъ. У него было принято за правило, чтобы кадеты, чертя на доскѣ, говорили: „Ѣду отъ города такого-то—до рѣки такой-то", или "Ѣду отъ мыса такого-то—до залива такого-то". За сдѣланную ошибку, Михаилъ Павловичъ приказалъ Нейману идти за фронтъ. Онъ мѣрнымъ шагомъ отправляется за взводъ и слышитъ шепотъ кадетъ: „Ѣду, ѣду—вотъ и поѣхалъ". Вслѣдъ за этимъ ошибается прикомандированный поручикъ Бѣляевъ. Замѣтя это, Великій князь спрашиваетъ:

— „Откуда вы его взяли?"

— Изъ Бутырскаго полка, отвѣчаетъ директоръ.

— „Отправить его въ Бутырскій же полкъ на гауптвахту", приказываетъ Его Высочество.

Наконецъ, при церемоніальномъ маршѣ, поручикъ Деллинсгаузенъ проходитъ не въ тактъ музыки. Михаилъ Павловичъ вызываетъ его передъ колону и самъ командуетъ ему; „Тихимъ шагомъ—маршъ". Музыка играетъ; Деллинсгаузенъ старается и какъ только поравнялся съ гауптвахтой, Великій князь командуетъ ему; „На пра-во". Такъ тихимъ шагомъ и пошелъ поручикъ подъ арестъ.

Этимъ и кончилось дурное расположеніе духа Михаила Павловича. За обѣдомъ и обходя камеры, онъ шутилъ съ кадетами, говоря: „А что, задалъ я вамъ страху"? Отъѣзжая, онъ приказалъ не взыскивать съ Бѣляева и освободить Деллинсгаузена. Все это въ настоящеее время кажется страннымъ и подвергается осужденію; но если вникнуть въ значеніе подоб-

*) Ординардцемъ былъ пишущій эти воспоминанія, а вѣстовымъ—кадетъ Владиміръ Зарубаевъ 1-й.

ныхъ смотровъ, то нельзя не видѣть въ нихъ громадной пользы. Относясь столь серьезно къ ошибкамъ офицеровъ, Великій князь этимъ самымъ показывалъ кадету, какая точность и исполнительность, какое твердое знаніе обязанностей требуется строевою службою. Кадетъ—мальчикъ или юноша, воспріимчиво принималъ впечатлѣнія подобныхъ смотровъ и, готовясь быть офицеромъ, учился понимать, что исполнительность и отвѣтственность составляютъ душу военной службы.

Въ разгаръ Милютинскихъ преобразованій не разъ приходилось слышать осужденіе кадетскому воспитанію временъ Михаила Павловича. Больно слышать это кадетскому сердцу, которое съ дѣтскихъ лѣтъ питало безпредѣльную любовь и преданность къ Царю. Съ годами, при корпусномъ воспитаніи, эти чувства развивались все болѣе и болѣе. Едва-ли кто изъ насъ, кадетъ прежняго режима, въ силахъ описать то впечатлѣніе, которое производилъ на насъ величественный видъ Императора Николая Павловича. Идеальный, очаровательный по наружности, по голосу, онъ приковывалъ къ себѣ наши сердца. Чувствовалось, что нѣтъ ничего невозможнаго, на что бы каждый изъ насъ не рѣшился для него. Чувствовалось, что и онъ любилъ насъ. Да, было время, которое теперь мало кто помнитъ и немногіе понимаютъ.

До переформированія губернскихъ кадетскихъ корпусовъ въ военныя гимназіи, они имѣли, какъ теперь, только общіе классы, а потому прошедшіе въ нихъ опредѣленный курсъ были отправляемы на два года въ спеціальные классы Дворянскаго полка. Переводъ изъ корпуса, въ которомъ прошли лучшіе юношескіе годы, составлялъ замѣчательную эпоху кадетской жизни. Онъ былъ и радостенъ и грустенъ. Радостенъ потому, что приближалъ къ выпуску въ офицеры, грустенъ отъ того, что сопровождался разлукою съ роднымъ корпусомъ, съ учителями и офицерами, къ которымъ мы привыкли, которые знали насъ и которыхъ знали мы; но радость брала верхъ надъ грустью.

Юное воображеніе искало новизны и свѣжихъ впечатлѣній; оно уносило всѣ помыслы въ будущее, не позволяло обдумывать и оцѣнивать прошедшее. Только впослѣдствіи, окунувшись въ жизнь и испытавъ ея превратности, возрождались воспоминанія о минувшемъ, а при переходѣ къ возмужалости,

съ каждымъ годомъ яснѣе и яснѣе обрисовывались тѣ образцы для примѣра, которые мы имѣли въ бывшихъ начальникахъ. Кадетъ потомъ убѣждался, что даже и тѣ человѣческіе недостатки начальства, которые осуждались имъ и казались несносными, не заключали въ себѣ ничего вреднаго для его будущности. По мѣрѣ укрѣпленія этого убѣжденія, возрастали въ кадетѣ привязанность и любовь къ своему корпусу.

Чтобы показать какимъ способомъ, при отсутствіи въ то время желѣзныхъ дорогъ, перевозили кадетъ изъ провинціи въ столицу, опишу отправленіе моего выпуска въ Дворянскій полкъ.

Послѣднюю ночь передъ отъѣздомъ мы провели въ своихъ ротахъ; насъ не отдѣляли отъ товарищей до послѣдней минуты; фельдфебеля и унтеръ-офицеры исполняли свои обязанности съ тою же точностью, какъ будто имъ предстояло еще долго отвѣчать за свои отдѣленія и десятки. Въ день отъѣзда, 12 большихъ, троечныхъ телѣгъ стояли у подъѣзда. Служители суетливо укладвали на двѣ изъ нихъ тюки съ новымъ обмундированіемъ, кадеты тискали свои ящички и связки съ тетрадями. Директоръ, всѣ офицеры и учителя, даже многіе изъ дамъ, пришли смотрѣть на отъѣздъ отправляемыхъ; а когда началось прощанье, весь корпусъ окружалъ поѣздъ. Прощальные поцѣлуи, всевозможныя пожеланія, просьбы и обѣщанія писать,—все слилось въ общій гулъ, затихавшій по мѣрѣ того, какъ телѣги одна за другой трогались отъ подъѣзда; но и потомъ маханье платками и шапками продолжилась до тѣхъ поръ, пока шоссейная пыль не закрыла пустившихся рысью повозокъ.

Въ Новгородѣ, куда должны были прибыть изъ Петербурга наемныя кареты, назначена была дневка, во время которой пріѣхали изъ корпуса, для послѣдняго прощанья, почти всѣ офицеры и учителя. Нужно отдать полную справедливость заботливости начальства о нашемъ продовольствіи въ пути: на всѣхъ покормкахъ и ночлегахъ, ѣхавшимъ впереди помощникомъ эконома, приготовлялся обѣдъ.

На слѣдующій день, простившись съ провожавшими, мы, размѣстясь въ 9-ти каретахъ, тронулись въ дальнѣйшій путь. На проѣздъ 180 верстъ употреблено трое сутокъ, которыя можно было назвать прогулкою. Московское шоссе въ то время

было необыкновенно оживлено. Почтовыя кареты, дилижансы всевозможныхъ компаній и обществъ, множество проѣзжихъ въ каретахъ и колясках, фельдъегеря, почти сплошная вереница обозовъ,—все это то встрѣчало, то обгоняло другъ друга и все было для насъ новизною. Погода стояла отличная. На половинѣ перегона, сопровождавшій насъ офицеръ позволялъ желающимъ выйти изъ каретъ и, покуда лошади, въ видѣ отдыха, шли шагомъ, пройти версты двѣ пѣшкомъ. На ночлегахъ мы размѣщались въ двухъ большихъ постоялыхъ дворахъ, спали въ повалку на сѣновалахъ, что тоже составляло небывалую особенность.

Чѣмъ ближе подъѣзжали къ Петербургу, тѣмъ болѣе возрастало любопытство скорѣе увидѣть его. Никому въ то время не приходило на мысль, что съ этимъ приближеніемъ начинается удаленіе отъ беззаботныхъ дѣтскихъ лѣтъ, проведенныхъ въ мирномъ уединеніи корпуса, что многимъ придется потомъ пожалѣть о томъ, зачѣмъ они прошли такъ скоро и безвозвратно. Никто изъ насъ, въ минуту своего перваго въѣзда въ столицу, не остановился на мысли, что для каждаго начнется новая жизнь, въ кругу новыхъ лицъ, новыхъ порядковъ и требованій,—жизнь сопряженная съ новыми трудами, заботами и отвѣтственностью.

Приближаясь къ пересѣченію шоссе съ царскосельскою желѣзною дорогою, наши кареты остановились у опущенной заставы. Мы подбѣжали къ полотну посмотрѣть на невиданное прохожденіе поѣзда. Поровнявшись съ нами, машинистъ, вѣроятно догадавшись, что мы провинціалы, нарочно далъ сильный свистокъ. Точно облитые водою, въ одинъ мигъ мы бросились отъ дороги, и только добѣжавъ до своихъ каретъ, опомнились отъ страха. Въ тотъ-же день вечеромъ мы вышли изъ экипажей у подъѣзда Дворянскаго полка.

Надо замѣтить, что изъ желанія-ли возбудить въ воспитанникахъ стараніе къ занятіямъ, или изъ манеры застращивать будущимъ, въ корпусѣ насъ сильно пугали Дворянскимъ полкомъ и въ особенности его командиромъ, генераломъ Пущинымъ. На дѣлѣ оказалось противное тому, что говорили. Онъ принялъ насъ необыкновенно внимательно и даже ласково. Въ первый же вечеръ мы всѣ были приведены на его квартиру и представлены его семейству. Чуждое всякой оффиціальности

обращеніе генерала, любезность его супруги, такъ умѣвшей въ каждомъ словѣ, въ каждомъ вопросѣ выразить доброту и участіе, съ перваго раза показали намъ, что насъ желаютъ приблизить. На слѣдующій день насъ распредѣлили поротно. Ни той суровости обращенія, ни того солдатства, о которомъ носились слухи, ни въ чемъ замѣчено не было. Напротивъ, съ каждымъ днемъ мы чувствовали, что положеніе каждаго изъ насъ будетъ зависѣть отъ того, какъ кто поставитъ себя.

Черезъ два дня по пріѣздѣ начались экзамены, на которые пріѣзжали директора и учителя разныхъ корпусовъ. Промежутковъ для приготовленій не было; каждый день приходилось сдавать какой-либо предметъ, а иногда и два въ день. Видимо было, что начальникъ штаба Ростовцевъ обставлялъ экзамены строго, желая похвастать передъ столичными корпусами губернскимъ. Въ числѣ экзаменаторовъ была личность, поражавшая насъ громадностью роста и тѣмъ, что во фракѣ экзаменовала изъ Закона Божія. Черезъ два мѣсяца эта личность уже служила обѣдню въ полковой церкви. Это былъ знаменитый впослѣдствіи членъ сѵнода, Іоаннъ Васильевичъ Рождественскій, занявшій мѣсто законоучителя Дворянскаго полка. Мы страстно полюбили его, и память о немъ, о его дивныхъ проповѣдяхъ, о его прямотѣ и участіи къ каждому изъ насъ сохранились на всю жизнь. Удачный экзаменъ и то, что прибывшіе кадеты нисколько не дичились новаго начальства, не конфузились новыхъ учителей, держали себя просто, проявляли въ своихъ отвѣтахъ и манерахъ много естественности, отзывавшейся чѣмъ-то семейнымъ, было причиною общаго къ намъ расположенія.

Вспоминая какъ удачно прошли наши экзамены въ Петербургѣ, снова вспоминаются учителя корпуса, которые далеко не были орлами своихъ предметовъ, а результаты оказались отличными. Не доказываетъ ли это, что для первоначальнаго образованія юношества, добрая воля, усердіе и честное отношеніе къ дѣлу, гораздо важнѣе глубокой учености.

Въ 1840 году совершилось окончательное преобразованіе Дворянскаго полка. Въ немъ были уже кадеты Новгородскаго, Полоцкаго, а потомъ Орловскаго, Тамбовскаго и Полтавскаго корпусовъ. Съ открытіемъ остальныхъ губернскихъ корпусовъ

Дворянскій полкъ потерялъ бы свою самостоятельность и его роты назывались бы по имени того корпуса, изъ кадетъ котораго состояли. Но какъ нѣкоторые корпуса долго не открывались, то начальство полка, видя, что губернскіе кадеты, въ научныхъ успѣхахъ, дѣлаются преобладающимъ элементомъ, сравнительно съ собственными его воспитанниками, нашло предлогъ упразднить названіе ротъ по корпусамъ. Оно представило, что кадеты слишкомъ ревностно удерживаютъ свой отличительный провинціализмъ и свой esprit de corps.

Хотя въ моихъ воспоминаніяхъ, я по возможности удерживаюсь отъ критическаго разбора той или другой мѣры, разъ что она одобрена правительствомъ, но здѣсь замѣчу, что вышеприведенные доводы не имѣли основанія. Само начальство Дворянскаго полка, при всякомъ удобномъ случаѣ, выставляло кадетъ въ примѣръ своимъ воспитанникамъ, а тотъ esprit de corps, котораго опасались, ни разу не обнаружился чѣмъ либо дурнымъ, напротивъ—приносилъ видимую пользу, поддерживая соревнованіе. Новгородцы старались перещеголять Полочанъ, Полочане—Орловцевъ, Полтавцы тѣхъ и другихъ. Никогда прежде изъ Дворянскаго полка не выходило въ гвардію больше чѣмъ въ 1842 году. Несмотря на это, черезъ годъ состоялось распоряженіе: переводимыхъ въ полкъ кадетъ въ отдѣльныхъ ротахъ не имѣть, а распредѣлять по всему полку, съ тѣмъ, чтобы они носили общую его форму.

Выше было упомянуто о командирѣ Дворянскаго полка Н. Н. Пущинѣ. Объ этой замѣчательной во всѣхъ отношеніяхъ личности, существовало два совершенно противуположныхъ мнѣнія. Одни считали его деспотомъ, человѣкомъ безмѣрно строгимъ и грубымъ. Другіе находили въ немъ всевозможныя качества. Бывъ въ его время воспитанникомъ Дворянскаго полка и къ нему близокъ и послѣ выпуска, я имѣлъ полную возможность узнать его и могу свидѣтельствовать, что рѣдко встрѣчалъ человѣка правдивѣе, прямодушнѣе и честнѣе его. Многіе изъ его порицателей въ первые годы ихъ службы, впослѣдствіи отзывались о немъ какъ о примѣрномъ директорѣ, и питали глубокое къ нему уваженіе- При серьезномъ, многостороннемъ образованіи, которымъ былъ обязанъ исключительно самому себѣ, Пущинъ обладалъ твердымъ, можно сказать, рыцарскимъ характеромъ. Выпущенный въ 1811 году

Однажды, увлекшись доказательствомъ божественности своей науки, онъ подтвердилъ слова свои тѣмъ, что и всевидящее Око изображаютъ въ треугольникѣ.

„А отчего-же, Викторъ Ивановичъ,—спрашиваетъ его одинъ изъ кадетъ, конечно желая поддразнить учителя, — въ деревняхъ на свинью надѣваютъ треугольникъ"?

Каменскій хотѣлъ-было разсердиться и строго взглянулъ на шалуна; но потомъ спокойно отвѣтилъ:

„Не всегда, братецъ; вотъ, напримѣръ, на тебѣ я не вижу треугольника".

Помню, какъ онъ спросилъ одного изъ кадетъ, который забылъ что-то изъ прошлогодняго курса: „Скажи пожалуйста, ты для кого учишься,—для балла или для себя"?

— Для балла, Викторъ Ивановичъ,—отвѣчалъ кадетъ.

„Спасибо, открытая ты душа, не солгалъ—продолжалъ Каменскій, пріятно будетъ съ тобой и въ жизни встрѣтиться".

Учитель географіи, капитанъ Нейманъ, былъ очень строгъ, но за-то въ знаніи его предмета мы были доведены до совершенства: бывало начертить, съ мельчайшими подробностями, какое угодно государство правильно, чисто, красиво — намъ ни почемъ. Уроки Неймана мы называли разводомъ съ церемоніею, потому что онъ разводилъ всѣхъ, кого—къ большимъ доскамъ, кого съ грифельными по разнымъ угламъ, чтобы не счерчивали, кого къ окнамъ; а чуть заглянулъ въ чужую доску—въ корридоръ. Мы чертимъ, а онъ ходитъ да покрикиваетъ: „черти и разсказывай, черти и разсказывай". Метода Неймана была тогда нововведеніемъ, но потомъ упрочилась и была принята повсемѣстно, благодаря его послѣдователямъ и ученикамъ.

Назову еще учителей: русскаго языка—Орнатскаго, французскаго и нѣмецкаго—Нюккера и Юргенса.

Сорокъ-пять лѣтъ прошло, какъ я оставилъ корпусную скамью и въ послѣдній разъ слышалъ лекцію Орнатскаго, а между тѣмъ эта замѣчательная личность представляется мнѣ до сихъ поръ, столь же честною и свѣтлою, какою она была въ дѣтскіе и юношескіе мои годы. Не буду говорить о его способѣ преподаванія; это составляетъ второстепенность въ сравненіи съ тѣмъ нравственнымъ вліяніемъ, которое онъ имѣлъ на насъ, и съ тою духовною пользою, которую онъ

приносилъ намъ. Огорчить его кадеты считали преступленіемъ; онъ огорчался не столько лѣностью или вѣтренностью, сколько тѣмъ, что носило хотя признакъ нечестности, іезуитства и лживости. Мы любили его безпредѣльно.

Нюккеръ и Юргенсъ были едва ли не единственными учителями, достигавшими того, что ученики ихъ, начавъ съ азбуки, при выпускѣ изъ корпуса, нетолько всѣ могли понимать прочитанное, но многіе довольно бѣгло и правильно объяснялись.

Однимъ изъ любимѣйшихъ развлеченій кадетъ моего времени, т. е. второй половины 30-хъ годовъ, были устраиваемые ими спектакли. Сначала они были совершенно домашними, но потомъ развились до того, что смотрѣть ихъ пріѣзжали офицеры полковъ, стоявшихъ въ Бронницѣ и другихъ окрестностяхъ, а также и многіе изъ помѣщиковъ. Главными распорядителями этихъ спектаклей были: Капитанъ Араловъ и учитель танцованія Шелковниковъ. Первою игранною піесою была „Сентябрская ночь", Каратыгина, а лучшими актерами были: Дуве, Ушаковъ, Вельяшевъ, и Польманъ. Живо помню послѣдняго въ женскихъ роляхъ, вмѣстѣ съ Цвѣцинскимъ; они были очень красивы даже барышнями, а теперь одного нѣтъ уже на свѣтѣ, а другой дѣдушка. Какъ исполнялись роли—припомнить трудно, но тогда вѣроятно исполненіе нравилось, такъ какъ представленія повторялись довольно часто.

Кромѣ театральныхъ представленій, по зимамъ, во время Святокъ и масляной, устраивались балы, даже костюмированные. Этого рода удовольствія были не только развлеченіями, но отчасти и поощреніемъ, потому что на балы допускали не всѣхъ, а только лучшихъ по классамъ и поведенію. Для первыхъ учениковъ костюмы брали на прокатъ, на счетъ корпуса, прочіе платили сами. Кадеты являлись одѣтыми испанцами, маркизами, арлекинами, цыганами и т. д. Нѣкоторые ухитрялись маскироваться мѣстными средствами, доставая коечто у офицеровъ и учителей, охотно принимавшихъ на себя заботу угодить хорошему ученику своего класса.

Вспоминая тѣ патріархальныя, семейныя отношенія, которыя связывали въ наше время кадета съ офицеромъ и учителемъ, невольно сравниваешь минувшее съ настоящимъ, о которомъ слышишь отъ сыновей и внуковъ. Основаніемъ педа-

ачи того времени была любовь къ правдѣ, къ труду и къ ближнему. Отсюда вытекали и на этомъ основывались качества ума и сердца воспитываемыхъ.

Вотъ что говоритъ по этому поводу одинъ прежній кадетъ, мой товарищъ, бывшій потомъ учителемъ.

„Бывши 12 лѣтъ преподавателемъ въ разныхъ кадетскихъ корпусахъ, я старался подражать прежнимъ моимъ наставникамъ; но чувствую, что былъ далекъ отъ этихъ образцовъ, потому что преподавалъ уже не той средѣ, въ которой учился самъ. Учителя, коллеги мои въ шестидесятыхъ годахъ, ничѣмъ не походили на учившихъ насъ. Ученики мои не были кадетами моего времени, а юношами, отличавшимися рѣзкостью манеръ и сужденій, страстью къ показанію товара лицомъ, завистью къ товарищамъ и эгоизмомъ. Это были ни дѣти, ни взрослые, но уже мечтавшіе о самостоятельности и равенствѣ. Наставники ихъ, мои сослуживцы, отличались холодностію къ воспитанникамъ и ремесленнымъ трудомъ по найму. Связи душевной и нравственной съ кадетомъ уже не было: всюду интриги, происки, желаніе себѣ выгодъ на счетъ другаго. Это не были пастыри добрые, знавшіе овецъ своихъ. Качества учителей перешли и на учениковъ. Корысть, лицемѣріе и лицепріятіе все поглотило. Эти свойства смѣло выступили на сцену безъ маски, но въ костюмахъ свѣтскаго приличія, фальшиваго прогресса и либеральничанья. Не то было, когда я учился самъ“.

Не все сразу и систематически припоминается черезъ 50 лѣтъ; а потому, да простятъ мнѣ читатели, если я возвращаюсь по нѣскольку разъ къ одной и той же личности. Такъ, напримѣръ, и въ этой главѣ не могу не вспомнить вновь о Великомъ князѣ Михаилѣ Павловичѣ. Выше было описано какъ онъ относился къ кадетамъ внѣ строя; здѣсь же опишу первый фронтовый смотръ, въ которомъ мнѣ пришлось участвовать. Дѣлаю это опять-таки, чтобы показать разницу между тогдашними и нынѣшними взглядами на подготовленіе кадетъ къ службѣ въ войскахъ. То о чемъ буду говорить, происходило въ 1837 году. Въ августѣ мѣсяцѣ сдѣлалось оффиціально извѣстнымъ, что въ началѣ сентября Михаилъ Павловичъ произведетъ смотръ кадетскому баталіону. Стараніе показаться молодцами такому знатоку и строгому судьѣ—было непомѣр-

ное. При содѣйствіи стоявшаго близь корпуса учебнаго полка, начались дѣятельныя приготовленія: шили на весь корпусъ новые мундиры, адъютантъ корпуса неутомимо занимался съ линейными унтеръ-офицерами, полковой капельмейстеръ Емельяновъ, когда-то учившій барабаннымъ боямъ самого Великаго князя, ежедневно занимался съ барабанщиками; баталліонныя ученья производились утромъ и вечеромъ; готовили ординарцевъ. Историкъ корпуса передаетъ ихъ подготовленіе такимъ образомъ:

„Вспоминая какъ насъ готовили, многое кажется теперь страннымъ, а въ то время казалось необходимымъ. Ординарцамъ было выдано для умыванья особое душистое мыло; передъ каждою репетиціею ихъ поили сливками, а за три дня до пріѣзда Великаго князя, изъ боязни, чтобы они не охрипли, давали гогель-могель“. Репетиціи смотра сильно нравились намъ, потому что на каждое ученье являлась полковая музыка.

„Какъ только грянетъ она,—пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ мой товарищъ З....—мы такъ и растемъ, такъ и рвемся, а баталіонный только покрикиваетъ: „не горячиться, покойно“.

Михаилъ Павловичъ пріѣхалъ въ ночь съ 9 на 10 сентября. Говорили, будто Князь пріѣхалъ не въ духѣ и не принялъ почетнаго караула. Баталіону приказано было быть готовымъ на слѣдующій день къ 12 часамъ. Вставши, кадеты одѣлись прямо въ мундиры, напились сбитня и не торопясь построились для осмотра. Когда роты трогались, чтобы идти на плацъ,—всякій перекрестился. Въ это время ординардцы были уже на квартирѣ Его Высочества. Ровно въ 12 часовъ Великій князь вышелъ въ залъ, въ мундирѣ 2 кадетскаго корпуса *), сердитымъ взглядомъ окинулъ собравшихся къ его выходу генераловъ, и довольно сурово сказалъ директору корпуса: „Вы не по формѣ одѣты, извольте переодѣться“. Потомъ, взглянувъ на ординардца, кивнулъ головою; это значило—„подходи“. Все было исполнено такъ, какъ заранѣе указалъ Я. И. Ростовцевъ. Представленіе кончилось благополуч-

*) Когда Михаилъ Павловичъ появлялся на кадетскіе смотры въ этомъ мундирѣ, а на полковые смотры въ мундирѣ Л. гв. Волынскаго полка, то это служило примѣтою предстоящей неудачи.

но. Великій князь похвалилъ кадетъ *). За ними должны были подходить ординарцы учебнаго полка. Не успѣлъ унтеръ-офицеръ сдѣлать трехъ шаговъ, какъ Его Высочество крикнулъ: „Это что за кривлянье! Терпѣть не могу этихъ учебныхъ вывертовъ". Михаилъ Павловичъ не любилъ учебныхъ полковъ и называлъ ихъ—„Клейнмихельская гвардія".

Не смотря на неблагиоріятное расположеніе духа Великаго князя, начало смотра было вполнѣ удачно; но какъ только начались построенія, нѣкоторые офицеры ошиблись. Первымъ попался тотъ самый капитанъ Нейманъ, преподаватель географіи, о которомъ я уже упоминалъ. У него было принято за правило, чтобы кадеты, чертя на доскѣ, говорили: „Ѣду отъ города такого-то—до рѣки такой-то", или "Ѣду отъ мыса такого-то—до залива такого-то". За сдѣланную ошибку, Михаилъ Павловичъ приказалъ Нейману идти за фронтъ. Онъ мѣрнымъ шагомъ отправляется за взводъ и слышитъ шепотъ кадетъ: „Ѣду, ѣду—вотъ и поѣхалъ". Вслѣдъ за этимъ ошибается прикомандированный поручикъ Бѣляевъ. Замѣтя это, Великій князь спрашиваетъ:

— „Откуда вы его взяли?"

— Изъ Бутырскаго полка, отвѣчаетъ директоръ.

— „Отправить его въ Бутырскій же полкъ на гауптвахту", приказываетъ Его Высочество.

Наконецъ, при церемоніальномъ маршѣ, поручикъ Деллинсгаузенъ проходитъ не въ тактъ музыки. Михаилъ Павловичъ вызываетъ его передъ колону и самъ командуетъ ему: „Тихимъ шагомъ—маршъ". Музыка играетъ; Деллинсгаузенъ старается и какъ только поравнялся съ гауптвахтой, Великій князь командуетъ ему; „На пра-во". Такъ тихимъ шагомъ и пошелъ поручикъ подъ арестъ.

Этимъ и кончилось дурное расположеніе духа Михаила Павловича. За обѣдомъ и обходя камеры, онъ шутилъ съ кадетами, говоря: „А что, задалъ я вамъ страху"? Отъѣзжая, онъ приказалъ не взыскивать съ Бѣляева и освободить Деллинсгаузена. Все это въ настоящеее время кажется страннымъ и подвергается осужденію; но если вникнуть въ значеніе подоб-

*) Ординардцемъ былъ пишущій эти воспоминанія, а вѣстовымъ—кадетъ Владиміръ Зарубаевъ 1-й.

ныхъ смотровъ, то нельзя не видѣть въ нихъ громадной пользы. Относясь столь серьезно къ ошибкамъ офицеровъ, Великій князь этимъ самымъ показывалъ кадету, какая точность и исполнительность, какое твердое знаніе обязанностей требуется строевою службою. Кадетъ—мальчикъ или юноша, воспріимчиво принималъ впечатлѣнія подобныхъ смотровъ и, готовясь быть офицеромъ, учился понимать, что исполнительность и отвѣтственность составляютъ душу военной службы.

Въ разгаръ Милютинскихъ преобразованій не разъ приходилось слышать осужденіе кадетскому воспитанію временъ Михаила Павловича. Больно слышать это кадетскому сердцу, которое съ дѣтскихъ лѣтъ питало безпредѣльную любовь и преданность къ Царю. Съ годами, при корпусномъ воспитаніи, эти чувства развивались все болѣе и болѣе. Едва-ли кто изъ насъ, кадетъ прежняго режима, въ силахъ описать то впечатлѣніе, которое производилъ на насъ величественный видъ Императора Николая Павловича. Идеальный, очаровательный по наружности, по голосу, онъ приковывалъ къ себѣ наши сердца. Чувствовалось, что нѣтъ ничего невозможнаго, на что бы каждый изъ насъ не рѣшился для него. Чувствовалось, что и онъ любилъ насъ. Да, было время, которое теперь мало кто помнитъ и немногіе понимаютъ.

До переформированія губернскихъ кадетскихъ корпусовъ въ военныя гимназіи, они имѣли, какъ теперь, только общіе классы, а потому прошедшіе въ нихъ опредѣленный курсъ были отправляемы на два года въ спеціальные классы Дворянскаго полка. Переводъ изъ корпуса, въ которомъ прошли лучшіе юношескіе годы, составлялъ замѣчательную эпоху кадетской жизни. Онъ былъ и радостенъ и грустенъ. Радостенъ потому, что приближалъ къ выпуску въ офицеры, грустенъ отъ того, что сопровождался разлукою съ роднымъ корпусомъ, съ учителями и офицерами, къ которымъ мы привыкли, которые знали насъ и которыхъ знали мы; но радость брала верхъ надъ грустью.

Юное воображеніе искало новизны и свѣжихъ впечатлѣній; оно уносило всѣ помыслы въ будущее, не позволяло обдумывать и оцѣнивать прошедшее. Только впослѣдствіи, окунувшись въ жизнь и испытавъ ея превратности, возрождались воспоминанія о минувшемъ, а при переходѣ къ возмужалости,

съ каждымъ годомъ яснѣе и яснѣе обрисовывались тѣ образцы для примѣра, которые мы имѣли въ бывшихъ начальникахъ. Кадетъ потомъ убѣждался, что даже и тѣ человѣческіе недостатки начальства, которые осуждались имъ и казались несносными, не заключали въ себѣ ничего вреднаго для его будущности. По мѣрѣ укрѣпленія этого убѣжденія, возрастали въ кадетѣ привязанность и любовь къ своему корпусу.

Чтобы показать какимъ способомъ, при отсутствіи въ то время желѣзныхъ дорогъ, перевозили кадетъ изъ провинціи въ столицу, опишу отправленіе моего выпуска въ Дворянскій полкъ.

Послѣднюю ночь передъ отъѣздомъ мы провели въ своихъ ротахъ; насъ не отдѣляли отъ товарищей до послѣдней минуты; фельдфебеля и унтеръ-офицеры исполняли свои обязанности съ тою же точностью, какъ будто имъ предстояло еще долго отвѣчать за свои отдѣленія и десятки. Въ день отъѣзда, 12 большихъ, троечныхъ телѣгъ стояли у подъѣзда. Служители суетливо укладвали на двѣ изъ нихъ тюки съ новымъ обмундированіемъ, кадеты тискали свои ящички и связки съ тетрадями. Директоръ, всѣ офицеры и учителя, даже многіе изъ дамъ, пришли смотрѣть на отъѣздъ отправляемыхъ; а когда началось прощанье, весь корпусъ окружалъ поѣздъ. Прощальные поцѣлуи, всевозможныя пожеланія, просьбы и обѣщанія писать,—все слилось въ общій гулъ, затихавшій по мѣрѣ того, какъ телѣги одна за другой трогались отъ подъѣзда; но и потомъ маханье платками и шапками продолжилась до тѣхъ поръ, пока шоссейная пыль не закрыла пустившихся рысью повозокъ.

Въ Новгородѣ, куда должны были прибыть изъ Петербурга наемныя кареты, назначена была дневка, во время которой пріѣхали изъ корпуса, для послѣдняго прощанья, почти всѣ офицеры и учителя. Нужно отдать полную справедливость заботливости начальства о нашемъ продовольствіи въ пути: на всѣхъ покормкахъ и ночлегахъ, ѣхавшимъ впереди помощникомъ эконома, приготовлялся обѣдъ.

На слѣдующій день, простившись съ провожавшими, мы, размѣстясь въ 9-ти каретахъ, тронулись въ дальнѣйшій путь. На проѣздъ 180 верстъ употреблено трое сутокъ, которыя можно было назвать прогулкою. Московское шоссе въ то время

было необыкновенно оживлено. Почтовыя кареты, дилижансы всевозможныхъ компаній и обществъ, множество проѣзжихъ въ каретахъ и колясках, фельдъегеря, почти сплошная вереница обозовъ,—все это то встрѣчало, то обгоняло другъ друга и все было для насъ новизною. Погода стояла отличная. На половинѣ перегона, сопровождавшій насъ офицеръ позволялъ желающимъ выйти изъ каретъ и, покуда лошади, въ видѣ отдыха, шли шагомъ, пройти версты двѣ пѣшкомъ. На ночлегахъ мы размѣщались въ двухъ большихъ постоялыхъ дворахъ, спали въ повалку на сѣновалахъ, что тоже составляло небывалую особенность.

Чѣмъ ближе подъѣзжали къ Петербургу, тѣмъ болѣе возрастало любопытство скорѣе увидѣть его. Никому въ то время не приходило на мысль, что съ этимъ приближеніемъ начинается удаленіе отъ беззаботныхъ дѣтскихъ лѣтъ, проведенныхъ въ мирномъ уединеніи корпуса, что многимъ придется потомъ пожалѣть о томъ, зачѣмъ они прошли такъ скоро и безвозвратно. Никто изъ насъ, въ минуту своего перваго въѣзда въ столицу, не остановился на мысли, что для каждаго начнется новая жизнь, въ кругу новыхъ лицъ, новыхъ порядковъ и требованій,—жизнь сопряженная съ новыми трудами, заботами и отвѣтственностью.

Приближаясь къ пересѣченію шоссе съ царскосельскою желѣзною дорогою, наши кареты остановились у опущенной заставы. Мы подбѣжали къ полотну посмотрѣть на невиданное прохожденіе поѣзда. Поровнявшись съ нами, машинистъ, вѣроятно догадавшись, что мы провинціалы, нарочно далъ сильный свистокъ. Точно облитые водою, въ одинъ мигъ мы бросились отъ дороги, и только добѣжавъ до своихъ каретъ, опомнились отъ страха. Въ тотъ-же день вечеромъ мы вышли изъ экипажей у подъѣзда Дворянскаго полка.

Надо замѣтить, что изъ желанія-ли возбудить въ воспитанникахъ стараніе къ занятіямъ, или изъ манеры застращивать будущимъ, въ корпусѣ насъ сильно пугали Дворянскимъ полкомъ и въ особенности его командиромъ, генераломъ Пущинымъ. На дѣлѣ оказалось противное тому, что говорили. Онъ принялъ насъ необыкновенно внимательно и даже ласково. Въ первый же вечеръ мы всѣ были приведены на его квартиру и представлены его семейству. Чуждое всякой оффиціальности

обращеніе генерала, любезность его супруги, такъ умѣвшей въ каждомъ словѣ, въ каждомъ вопросѣ выразить доброту и участіе, съ перваго раза показали намъ, что насъ желаютъ приблизить. На слѣдующій день насъ распредѣлили поротно. Ни той суровости обращенія, ни того солдатства, о которомъ носились слухи, ни въ чемъ замѣчено не было. Напротивъ, съ каждымъ днемъ мы чувствовали, что положеніе каждаго изъ насъ будетъ зависѣть отъ того, какъ кто поставитъ себя.

Черезъ два дня по пріѣздѣ начались экзамены, на которые пріѣзжали директора и учителя разныхъ корпусовъ. Промежутковъ для приготовленій не было; каждый день приходилось сдавать какой-либо предметъ, а иногда и два въ день. Видимо было, что начальникъ штаба Ростовцевъ обставлялъ экзамены строго, желая похвастать передъ столичными корпусами губернскимъ. Въ числѣ экзаменаторовъ была личность, поражавшая насъ громадностью роста и тѣмъ, что во фракѣ экзаменовала изъ Закона Божія. Черезъ два мѣсяца эта личность уже служила обѣдню въ полковой церкви. Это былъ знаменитый впослѣдствіи членъ сvнода, Іоаннъ Васильевичъ Рождественскій, занявшій мѣсто законоучителя Дворянскаго полка. Мы страстно полюбили его, и память о немъ, о его дивныхъ проповѣдяхъ, о его прямотѣ и участіи къ каждому изъ насъ сохранились на всю жизнь. Удачный экзаменъ и то, что прибывшіе кадеты нисколько не дичились новаго начальства, не конфузились новыхъ учителей, держали себя просто, проявляли въ своихъ отвѣтахъ и манерахъ много естественности, отзывавшейся чѣмъ-то семейнымъ, было причиною общаго къ намъ расположенія.

Вспоминая какъ удачно прошли наши экзамены въ Петербургѣ, снова вспоминаются учителя корпуса, которые далеко не были орлами своихъ предметовъ, а результаты оказались отличными. Не доказываетъ ли это, что для первоначальнаго образованія юношества, добрая воля, усердіе и честное отношеніе къ дѣлу, гораздо важнѣе глубокой учености.

Въ 1840 году совершилось окончательное преобразованіе Дворянскаго полка. Въ немъ были уже кадеты Новгородскаго, Полоцкаго, а потомъ Орловскаго, Тамбовскаго и Полтавскаго корпусовъ. Съ открытіемъ остальныхъ губернскихъ корпусовъ

Дворянскій полкъ потерялъ бы свою самостоятельность и его роты назывались бы по имени того корпуса, изъ кадетъ котораго состояли. Но какъ нѣкоторые корпуса долго не открывались, то начальство полка, видя, что губернскіе кадеты, въ научныхъ успѣхахъ, дѣлаются преобладающимъ элементомъ, сравнительно съ собственными его воспитанниками, нашло предлогъ упразднить названіе ротъ по корпусамъ. Оно представило, что кадеты слишкомъ ревностно удерживаютъ свой отличительный провинціализмъ и свой esprit de corps.

Хотя въ моихъ воспоминаніяхъ, я по возможности удерживаюсь отъ критическаго разбора той или другой мѣры, разъ что она одобрена правительствомъ, но здѣсь замѣчу, что вышеприведенные доводы не имѣли основанія. Само начальство Дворянскаго полка, при всякомъ удобномъ случаѣ, выставляло кадетъ въ примѣръ своимъ воспитанникамъ, а тотъ esprit de corps, котораго опасались, ни разу не обнаружился чѣмъ либо дурнымъ, напротивъ—приносилъ видимую пользу, поддерживая соревнованіе. Новгородцы старались перещеголять Полочанъ, Полочане—Орловцевъ, Полтавцы тѣхъ и другихъ. Никогда прежде изъ Дворянскаго полка не выходило въ гвардію больше чѣмъ въ 1842 году. Несмотря на это, черезъ годъ состоялось распоряженіе: переводимыхъ зъ полкъ кадетъ въ отдѣльныхъ ротахъ не имѣть, а распредѣлять по всему полку, съ тѣмъ, чтобы они носили общую его форму.

Выше было упомянуто о командирѣ Дворянскаго полка Н. Н. Пущинѣ. Объ этой замѣчательной во всѣхъ отношеніяхъ личности, существовало два совершенно противуположныхъ мнѣнія. Одни считали его деспотомъ, человѣкомъ безмѣрно строгимъ и грубымъ. Другіе находили въ немъ всевозможныя качества. Бывъ въ его время воспитанникомъ Дворянскаго полка и къ нему близокъ и послѣ выпуска, я имѣлъ полную возможность узнать его и могу свидѣтельствовать, что рѣдко встрѣчалъ человѣка правдивѣе, прямодушнѣе и честнѣе его. Многіе изъ его порицателей въ первые годы ихъ службы, впослѣдствіи отзывались о немъ какъ о примѣрномъ директорѣ, и питали глубокое къ нему уваженіе- При серьезномъ, многостороннемъ образованіи, которымъ былъ обязанъ исключительно самому себѣ, Пущинъ обладалъ твердымъ, можно сказать, рыцарскимъ характеромъ. Выпущенный въ 1811 году

изъ Пажескаго корпуса въ гвардейскій Литовскій полкъ, онъ участвовалъ съ нимъ въ Отечественной войнѣ и въ заграничныхъ походахъ слѣдующихъ годовъ. По возвращеніи изъ Франціи, вся дальнѣйшая его служба, до польскаго возмущенія, проведена была въ Варшавѣ. Знавшіе его тамъ свидѣтельствовали, что это былъ примѣрный служака, дивный товарищъ и увлекательный собесѣдникъ. Все свое содержаніе и небольшія собственныя средства онъ употреблялъ на наемъ себѣ учителей иностранныхъ языковъ, не исключая и итальянскаго, и на покупку книгъ. Отказывая себѣ въ необходимомъ, онъ нисколько не стыдился питаться щами и кашею изъ ротнаго котла, внося за нихъ въ артель опредѣленную плату, и въ то же время бывалъ въ обществѣ, выписывалъ газеты, не уклонялся отъ товарищескихъ увеселеній. Стойкость его правилъ и ихъ благородство не допускали ни малѣйшей съ его стороны уступчивости тамъ, гдѣ дѣло касалось нарушенія справедливости, корпоративности и благородства принциповъ. Когда онъ былъ уже ротнымъ командиромъ, съ нимъ произошелъ несчастный случай, сдѣлавшійся потомъ извѣстнымъ всей арміи,—случай, на столько рѣзкій и замѣчательный, что нельзя не остановиться на немъ.

Въ Литовскомъ полку былъ полковникъ Верпаховскій, пользовавшійся общимъ нерасположеніемъ за свою придирчивость и несдержанность въ обращеніи съ офицерами. При одномъ изъ подобныхъ случаевъ, Пущинъ не выдержалъ, и, послѣ ученья, вступилъ съ Верпаховскимъ въ объясненія. Это послужило послѣднему поводомъ на первомъ же ученьи дѣлать Пущину крупныя замѣчанія и отдать приказанія наказать нѣсколько лучшихъ, ни въ чемъ не виноватыхъ солдатъ его роты. Пущинъ отвѣтилъ, что баталіонный командиръ можетъ взыскать съ него, но не имѣетъ права приказывать наказать тѣхъ, кто не виноватъ, а потому онъ подобнаго приказанія не исполнитъ. Вслѣдствіе поданнаго Верпаховскимъ рапорта, это дошло до Великаго князя Константина Павловича. Взглянувъ на дѣло какъ на нарушеніе дисциплины, Его Высочество приказалъ сначала посадить Пущина подъ арестъ; но, зная его за отличнаго офицера, потребовалъ потомъ къ себѣ. При объясненіи Великій князь настаивалъ, чтобы Пущинъ просилъ у Верпаховскаго извиненія въ присутствіи

офицеровъ. Пущинъ отвѣчалъ, что не признаетъ себя виновнымъ; что заступиться за невинныхъ людей своей роты считаетъ долгомъ и не считаетъ своего поступка нарушеніемъ дисциплины, а потому извиняться передъ Верпаховскимъ не можетъ. Великій князь вспыхнулъ и сталъ все болѣе и болѣе горячиться. По обыкновенію, онъ говорилъ скоро, а при этомъ брызгалъ слюною. Подойдя совсѣмъ близко къ Пущину, онъ такъ раскричался, что слюна попала послѣднему на мундиръ. Тогда Пущинъ, отступая отъ Константина Павловича, замѣтилъ, что надо быть осторожнѣе и что оплеваннаго мундира носить не будетъ. Это окончательно раздражило Великаго князя, и Пущинъ былъ преданъ суду. Во время ареста его, Константинъ Павловичъ нѣсколько разъ присылалъ на гауптвахту своихъ приближенныхъ передать арестованному, какъ бы отъ ихъ имени, будто бы они навѣрное знаютъ, что если онъ извинится передъ Верпаховскимъ, то Великій князь все забудетъ и прикажетъ потушить дѣло. Пущинъ остался непреклоненъ, за что и былъ разжалованъ въ рядовые, съ переводомъ въ армейскій полкъ, расположенный въ городѣ Лидѣ.

Обратившись изъ гвардейскаго капитана въ армейскаго солдата, Пущинъ не допускалъ, чтобы для него дѣлали исключенія, отказался отъ предложенія нѣсколькихъ офицеровъ жить съ ними, а живя въ общей солдатской казармѣ, требовалъ, чтобы его наряжали на всѣ работы и посылали бы по очереди въ караулъ. Прошло полтора года подобной жизни; на скорое прощеніе не было никакой надежды. Между тѣмъ, на слѣдующее лѣто предстоялъ сборъ войскъ у Бреста, для Высочайшаго смотра. Константинъ Павловичъ, узнавъ какъ рыцарски переносилъ Пущинъ постигшее его несчастіе, воспользовался предстоящимъ смотромъ, и послѣ парада, при объѣздѣ войскъ, указалъ на него Императору Александру I-му, прося простить разжалованнаго. Ходатайство Великаго князя было уважено; Пущинъ не только былъ прощенъ, но переведенъ въ прежній полкъ капитаномъ. Подобное событіе не могло не повліять на характеръ человѣка въ высшей степени воспріимчиваго.

Послѣ польской компаніи Литовскій полкъ, а съ нимъ и Пущинъ, находился въ Ораніенбаумѣ. Въ это время онъ былъ уже полковникомъ и женатъ. Многіе изъ ветерановъ, бывшихъ

офицеровъ полка, свидѣтельствуютъ, что нигдѣ нельзя было встрѣтить большаго гостепріимства и пріятнѣе провести время, какъ у Пущина. Вскорѣ ему пришлось перемѣнить строевую карьеру на воспитательную.

Великій князь Михаилъ Павловичъ пожелалъ преобразовать Дворянскій полкъ въ заведеніе, которое стало бы во всѣхъ отношеніяхъ въ уровень съ прочими кадетскими корпусами. Для исполненія этой мѣры искали человѣка, извѣстнаго своею энергіею, силою воли и твердостью характера. Выборъ палъ на Пущина.

Надо знать, чѣмъ былъ Дворянскій полкъ до Пущина и въ какомъ состояніи онъ засталъ его, чтобы судить, чего стоило ему преобразованіе этого заведенія. Наполненный преимущественно недорослями изъ бѣдныхъ дворянъ, чуждыми самаго начальнаго образованія и воспитанія, полкъ помѣщался на Петербургской сторонѣ, въ ветхихъ деревянныхъ казармахъ. Многіе поступали въ него 20-ти лѣтъ отъ роду, уже нравственно испорченными, но не знавшими азбуки. Поведеніе ихъ заставляло обывателей сосѣднихъ улицъ бояться выходить вечеромъ за ворота. Въ отношеніи научнаго образованія, даже при выпускномъ экзаменѣ, отъ этихъ господъ требовались только начальныя дѣйствія ариѳметики и русская грамота. Чтобы быть произведеннымъ въ офицеры, нужно было только знать фронтовую службу и считаться строевикомъ. Отъ этого лѣнивые кадеты прочихъ корпусовъ старались перейти въ Дворянскій полкъ, для чего стоило только сдѣлать какой-нибудь выходящій изъ ряда проступокъ.

Генералу Пущину было указано преобразовать полкъ, не останавливаясь ни передъ какими мѣрами строгости; другими словами—обновить заведеніе по всѣмъ частямъ управленія, а также по части физическаго и нравственнаго воспитанія. Сдѣлать это, не имѣя подготовленныхъ помощниковъ, измѣнить духъ воспитанниковъ, хотя нѣсколько облагородить ихъ и заставить чему-либо учиться—было не легко. Какъ при всякомъ преобразованіи, конечно, не обошлось безъ сопротивленій, безъ проступковъ, требовавшихъ серьезныхъ взысканій. Но Пущинъ шелъ къ цѣли, не боясь ни ропота воспитанниковъ, ни происковъ завистниковъ, ни распускаемыхъ о немъ слуховъ, какъ о человѣкѣ грубомъ и жестокомъ. Тѣ же самыя личности, ко-

торыя содѣйствовали распространенію подобнаго мнѣнія, потомъ отдавали ему справедливость, называли человѣкомъ сердечнымъ и никого не погубившимъ напрасно.

Не будемъ перечислять всѣхъ заслугъ Пущина по преобразованію Дворянскаго полка, но скажемъ, что черезъ 5 лѣтъ это заведеніе совершенно переродилось. Внутренній порядокъ, одежда, столъ, все это уже ничѣмъ не отличалось отъ прочихъ корпусовъ; введено было обученіе танцамъ, пѣнію, гимнастикѣ и фехтованью; обращено было особенное вниманіе на обученіе иностраннымъ языкамъ. Если Пущинъ былъ неумолимъ въ отношеніи дурныхъ, безнравственныхъ и вредныхъ, то въ то же время дѣлалъ всевозможное для прочихъ. Едва ли кадеты другихъ корпусовъ пользовались такими частыми и разнообразными удовольствіями, какія доставлялись воспитанникамъ Дворянскаго полка. Лучшихъ по успѣхамъ, отличавшихся порядочностью, онъ часто приглашалъ къ себѣ, вводилъ въ свое семейство, гдѣ они были принимаемы какъ друзья и близкіе знакомые. Система его управленія полкомъ была основана на вкорененіи строгаго порядка, благоговѣнія къ постановленіямъ Церкви, сыновней преданности къ Престолу, безкорыстной любви къ военному званію, къ сознанію долга и желанія образованія. Все, что въ этомъ человѣкѣ было суроваго и рѣзкаго, не принадлежало ему, — онъ заставлялъ себя казаться такимъ только на службѣ.

Личнымъ примѣромъ и частыми бесѣдами съ старшими воспитанниками, онъ училъ насъ службѣ, которую требовалъ неотступно. Быть при немъ фельдфебелемъ или унтеръ-офицеромъ, значило, уже въ стѣнахъ заведенія, усвоить главныя основы военнаго воспитанія — исполнительность и отвѣтственность. Пишущій эти строки былъ имъ посаженъ подъ арестъ за то, что на воспитанникѣ его отдѣленія былъ дурно пригнанъ киверъ. Если выпущенные изъ Дворянскаго полка во время командованія Пущина пользовались потомъ репутаціею дѣльныхъ офицеровъ, то этимъ обязаны исключительно ему. Прощаясь съ выпускаемыми, передъ отправленіемъ въ полки, онъ говорилъ намъ: „Не думайте, что вамъ придется служить только съ людьми умными, образованными и справедливыми. Умѣйте служить со всякимъ и со злымъ, и съ ограниченнымъ, и съ пристрастнымъ. Если бы на службѣ приходилось встрѣчать только

добрыхъ и справедливыхъ, то она была бы раемъ. Умѣйте бе ропотно переносить и труды и лишенія, а главное — берегит офицерское достоинство и честь вашего мундира".

По выпускѣ въ офицеры многіе обращались къ Пущин за совѣтами и помощью, и никогда никто не получалъ отказ При случайныхъ поѣздкахъ его въ провинцію, встрѣчая оф цера, первою его заботою было узнать, нѣтъ ли въ город кого-либо изъ бывшихъ воспитанниковъ Дворянскаго полк Однажды онъ, съ многочисленнымъ своимъ семействомъ, во вращался изъ за границы. Въ Пултускѣ онъ узналъ, что в квартировавшемъ тамъ полку находится, бывшій въ Дворя скомъ полку, маіоръ Адамовъ, обремененный семействомъ крайне нуждающійся. Черезъ полчаса сынъ маіора сидѣлъ уж въ каретѣ генерала; по прибытіи-же въ Петербургъ для не были наняты учителя, а потомъ Пущинъ опредѣлилъ его в заведеніе.

Труды, огорченія, усиленныя умственныя занятія въ мол дости и испытанныя, въ первые годы командованія Дворя скимъ полкомъ непріятности, не могли не подкосить здоров Пущина. Въ 1847 году онъ сдалъ полкъ, долго лечился з границею и въ слѣдующемъ году скончался. Онъ похоронен на Смоленскомъ кладбищѣ, среди многихъ бывшихъ свои питомцевъ. Сослуживцы и воспитанники поставили ему памя никъ, на одной сторонѣ котораго написано: „Признательно и уваженіе подчиненныхъ и воспитанниковъ", а на другой- „Вѣчная память воспитателю полезному и добродѣтельному".

Вѣчная память и другой личности, о которой тоже сущ ствовало фальшиво сложившееся мнѣніе, распространенн тѣми, кто ради осужденія прошлаго, не щадилъ никого из его дѣятелей. Милостію новаторовъ 60-хъ годовъ пользов лись только тѣ изъ высокостоящихъ, которые казались де жавшими ихъ сторону. Подъ этой другой личностію я раз мѣю Якова Ивановича Ростовцева. При исключительномъ д вѣріи Великаго князя Михаила Павловича, онъ поставил кадетскіе корпуса на ту степень умственнаго образованія и н ружнаго блеска, которая въ тридцатыхъ и сороковыхъ годах поражала европейскихъ туристовъ и писателей. Всѣ лучш профессора того времени были имъ приглашены къ препод ванію; матеріальное же устройство корпусовъ ни прежде, н

послѣ Ростовцева не представляло той стройности и щеголеватости, какія были при немъ. Въ началѣ минувшаго царствованія онъ былъ призванъ къ новой государственной дѣятельности, по упраздненію крѣпостной зависимости. Покойный Императоръ приблизилъ его къ себѣ и съ тѣхъ поръ завистники, сначала подъ сурдинку, а послѣ его смерти гласно, стали называть его дѣйствія, въ военно-учебной сферѣ, шарлатанствомъ, а затѣмъ корифеи новаго направленія съ энергіею стали ломать все, что было сдѣлано Михаиломъ Павловичемъ и Ростовцевымъ. Подъ видомъ упрощенія системы управленія и введенія педагогическихъ началъ, преобразователи уничтожали именно то, что возвышало корпуса, давало имъ значеніе въ обществѣ, заставляло кадета гордиться своимъ званіемъ, вводило и поддерживало въ арміи духъ товарищества.

Возьмемъ для примѣра и сравненія съ настоящимъ два событія изъ жизни прежнихъ корпусовъ, и опишемъ ихъ, для того, чтобы читатели видѣли разницу между тѣмъ, чтó было, и чтó произошло потомъ.

Измѣняя воспитаніе юношества, готовившагося по возрастѣ быть офицерами, корпуса преобразовали въ военныя гимназіи. Всѣ атрибуты строевой подготовки были отброшены, въ томъ числѣ былъ упраздненъ и Петергофскій лагерь. Послѣднее, людямъ, не думавшимъ о послѣдствіяхъ, казалось вполнѣ логичнымъ и послѣдовательнымъ.

Чѣмъ былъ Петергофскій лагерь 35 лѣтъ назадъ и какое онъ имѣлъ моральное значеніе для будущаго офицерства — знаютъ только кадеты Николаевскаго времени. Подъ видомъ дѣтскихъ забавъ, принаровленныхъ къ кадетскому быту, корпуса выходили въ лагерь въ составѣ 6 полныхъ баталіоновъ, 1 эскадрона и батареи артиллерійскаго училища. 1-й баталіонъ состоялъ изъ ротъ: Пажескаго корпуса, школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ и Инженернаго училища; 2 и 3 баталіоны принадлежали Дворянскому полку. Эти три баталіона составляли 1-й полкъ; 2-й формировался изъ баталіоновъ 1-го, 2-го и Павловскаго кадетскаго корпусовъ. Выступленія въ лагерь мы ожидали съ нетерпѣніемъ, какъ праздника. Оно совершалось всегда въ присутствіи Императора, къ нему готовились заранѣе, для чего, раза два или три, лагерный отрядъ собирали на репетицію, на плацъ 1-го корпуса. Иногда послѣднюю

*

изъ нихъ Михаилъ Павловичъ производилъ лично. То, что 12-ти-лѣтніе мальчики, въ ранцахъ и съ ружьями, фигурировали въ строю, потомъ возводили въ примѣръ чуть не варварства: это было ни что иное какъ шипѣніе, безсильной тогда, но сильной потомъ, злобы. Во-первыхъ маленькихъ, а также слабыхъ силами кадетъ отправляли въ Петергофъ на пароходѣ, во-вторыхъ, тѣхъ, которымъ было трудно нести пустой, если не игрушечнаго размѣра ранецъ и такое же ружье 6-ти-фунтоваго вѣса,—везли до сборнаго пункта въ большихъ каретахъ, имѣвшихся при каждомъ баталіонѣ. Спросите этихъ бывшихъ 12-ти-лѣтнихъ, а теперь посѣдѣлыхъ мужей и старцевъ, какъ они гордились тѣмъ, что ихъ ставили въ строй на смотры Государя, и какъ плакали тѣ, которыхъ по слабости отправляли на пароходѣ. Бывшимъ гимназистамъ не понять этого.

Для церемоніальнаго выступленія, отрядъ, въ послѣднихъ числахъ Іюня, къ 6 часамъ вечера, собирался у Нарвской заставы и строился развернутымъ фронтомъ, правымъ флангомъ къ Триумфальнымъ воротамъ. Императоръ Николай Павловичъ, окруженный блестящей свитой, объѣзжалъ строй шагомъ, [illegible]

Куда бы Государь, Императрица и Великіе князья не предпринимали прогулку, всегда заѣзжали къ кадетамъ. Каждое воскресенье, каждый праздникъ имъ разрѣшался входъ въ Александрію, куда не допускались даже корпусные офицеры. Не доказывало ли это, что Николай Павловичъ считалъ кадетъ какъ бы своими дѣтьми, а мы смотрѣли на это какъ на особое довѣріе. Гуляющихъ близъ дворца онъ подзывалъ къ себѣ, говорилъ, шутилъ съ ними и частенько приказывалъ даже Великимъ княжнамъ угощать фруктами и конфектами. 2-го іюля обыкновенно давалъ разводъ баталіонъ 1-го кадетскаго корпуса, въ рядахъ котораго нерѣдко стояли рядовыми Великіе князья. Подобный разводъ, какъ единственный въ году, привлекалъ вниманіе всего Двора и громадное стеченіе публики. Участвовавшимъ въ немъ давали каждому серебряный рубль. Кадеты хранили его какъ драгоцѣнную память о незабвенныхъ дняхъ Петергофскаго лагеря. За нѣсколько дней до выступленія происходилъ такъ называемый штурмъ каскадовъ, что у дворца, противъ фонтановъ. Для этого кадетъ приводили туда во вседневной одеждѣ, безъ ружей, ставили въ баталіонныхъ колоннахъ: 1-й полкъ противъ праваго, 2-й противъ лѣваго каскада. Государь, со всѣмъ своимъ семействомъ, находился на верху, гдѣ разбивали шатры, въ которыхъ на столахъ раскладывали призы для тѣхъ трехъ изъ каждаго заведенія, которые взбѣгали первыми. Они получали подарки изъ рукъ Императрицы, или которой либо изъ Великихъ княженъ. Въ это время фонтаны пускались во всю ихъ силу, такъ что вскакивать на высокія ступени лѣстницъ, преодолѣвая при этомъ сильное паденіе воды, было нелегко. Но нестолько это затрудняло ловкихъ гимнастовъ, сколько то, что задніе ряды, ринувшись по сигналу впередъ, прижимали переднихъ къ первому уступу. Смѣтливые и болѣе опытные, предвидя это, вскакивали на плечи товарищей и затѣмъ уже брали ступень за ступенью. Въ школѣ подпрапорщиковъ юнкеръ Герздорфъ, а въ Дворянскомъ полку воспитанникъ Приклонскій, были такой толщины, что Императрица награждала ихъ и за то, что они взбирались послѣдними. Подарки состояли изъ малахитовыхъ, яшмовыхъ и сердоликовыхъ вещицъ Петергофской гранильной фабрики.

Выступленія изъ лагеря, соединяемое съ маневрами, происходило въ первыхъ числахъ августа, тоже въ присутствіи

Государя. Маневръ начинался обыкновенно отъ Александріи и кончался у Стрѣльны. Онъ составлялъ вторичный экзаменъ фронтовыхъ лагерныхъ занятій кадетъ. Первымъ испытаніемъ былъ смотръ линейнаго ученья, на плацу, позади лагеря. Оба экзамена имѣли серьезное значеніе, потому что Николай Павловичъ требовалъ и знанія устава и стройности движеній. Большею частію онъ оставался доволенъ, но случалось и иначе. Такъ, въ 1841 году, Государь сильно разгнѣвался за то, что кадеты дурно примѣнялись къ мѣстности, а одинъ изъ выпускныхъ, командуя полувзводомъ, провелъ его передъ орудіями. За это производство въ офицеры было отложено на мѣсяцъ, и предназначенныхъ къ нему ежедневно водили учиться примѣненію къ мѣстности на Крестовскій островъ.

Обыкновенно производство объявлялось на другой день по выступленіи изъ лагеря, на привалѣ, гдѣ Я. И. Ростовцевъ лично раздавалъ выпускнымъ Высочайшій приказъ.

Вообще 6 недѣль ежегодно проводимыя кадетами въ Петергофѣ, на глазахъ Царской Семьи, сильно укрѣпляли въ сердцахъ будущихъ офицеровъ арміи и преданность Престолу, и готовность жертвовать за Государя самою жизнью. Въ этой преданности и самопожертвованіи таится залогъ побѣдъ, и онѣ имѣютъ гораздо болѣе значенія, чѣмъ всевозможныя знанія и спеціальности, что и отозвалось при Севастополѣ.

Другое, тоже упраздненное торжество, имѣвшее неоспоримое значеніе, составлялъ день присяги произведенныхъ. Конечно и теперь выпускаемые въ офицеры присягаютъ; но кто знаетъ объ этомъ за стѣнами заведенія, изъ котораго они выходятъ? Ни остающіеся товарищи, ни учителя и прочій служебный персоналъ не присутствуютъ при этомъ. Произведенные, къ извѣстному часу, соберутся въ церковь, присягнутъ и разъѣдутся. Такъ ли слѣдовало бы прощаться съ мѣстомъ воспитанія? Въ наше время это былъ актъ торжественный для корпуса, назидательный для остающихся и достопамятный для выходящихъ. Въ этотъ день весь корпусъ выводился въ церковный парадъ, со знаменемъ. Въ 10 часовъ въ корпусной церкви начиналась литургія, къ которой приглашалось начальство, директора и ближайшіе родные выходившихъ. Послѣдніе, собравшись въ одной изъ залъ, входили въ церковь съ директоромъ и становились по срединѣ храма, противъ алтаря, по

старшинству частей, въ которыя выпущены. По окончаніи литургіи, совершалась панихида по всѣмъ бывшимъ питомцамъ заведенія, павшимъ въ сраженіяхъ; затѣмъ происходилъ обрядъ присяги, въ присутствіи всѣхъ кадетъ, офицеровъ, учителей и приглашенныхъ. Въ заключеніе же церковнаго священно-дѣйствія, служили напутственный молебенъ, въ концѣ котораго законоучитель говорилъ прощальное слово. Кто слышалъ его сказаннымъ покойнымъ отцомъ Іоанномъ Рождественскимъ, тотъ несомнѣнно помнитъ неизгладимое впечатлѣніе его дивныхъ рѣчей въ день присяги. Сорокъ шесть лѣтъ прошло съ того времени, а я будто еще вижу, что когда онъ закончилъ даваемыя намъ наставленія словами: „а теперь простимся радостно, хотя бы и навсегда",—какъ всѣ мы, со слезами на глазахъ, бросились цѣловать его.

Изъ церкви всѣ переходили въ манежъ. Тамъ кадеты, подъ звуки музыки, проходили мимо присягнувшихъ церемоніальнымъ маршемъ, послѣ котораго тутъ же происходила раздача наградъ лучшимъ ученикамъ всѣхъ классовъ за минувшій учебный годъ. Потомъ кадеты, составивъ ружья и снявъ аммуницію, шли въ залъ, а за ними, уже какъ гости, входили въ него произведенные. Корпусъ въ послѣдній разъ угощалъ ихъ и провозглашалъ ихъ здоровье. По окончаніи обѣда, долго шло прощанье съ учителями, офицерами и товарищами. Все это оставляло неизгладимое впечатлѣніе, и кадетъ навсегда уносилъ съ собою память о родномъ корпусѣ и о бывшихъ своихъ воспитателяхъ. Если для иного корпусная жизнь и приносила огорченія, а подчасъ и горе, то при подобномъ разставаньи все забывалось, все прощалось.

Спрашивается, для чего, съ какою цѣлью, надо было упразднить торжественность акта присяги и замѣнять его нынѣшнимъ оффиціально-холоднымъ, глядя на который, такъ и кажется, что и воспитывавшіеся и воспитавшіе надоѣли другъ другу. Впрочемъ, окончательно разорвать связь между кадетомъ и корпусомъ реформаторамъ не удалось. Какъ только учредили военныя гимназіи, кадеты ввели обычай, въ дни учрежденія корпусовъ, собираться въ товарищескіе кружки, а въ нѣкоторыхъ заведеніяхъ потребность проститься съ своими воспитателями выражается тѣмъ, что выпускные даютъ сами имъ обѣды, но уже внѣ стѣнъ заведенія.

Казалось бы, что теперь, когда воскресло имя кадета, было бы полезно воскресить и тѣ обычаи, которые, имѣя нравственное значеніе, скрѣпляли духовную связь кадета съ корпусомъ.

Оканчивая воспоминанія мои о кадетской жизни, не могу не обратиться вновь къ свѣтлой личности Великаго князя Михаила Павловича. Въ числѣ оставшихся послѣ его кончины бумагъ, найденъ былъ документъ, писанный собственною его рукою, слѣдующаго содержанія:

„Дѣти! отпуская васъ на службу, я обращаюсь къ вамъ не какъ вашъ начальникъ, но какъ отецъ, васъ душевно любящій, который слѣдилъ за вами съ юныхъ вашихъ лѣтъ, который радовался вашимъ успѣхамъ, вашему постепенному развитію. Теперь вы выходите на поприще жизни, жизни военной, и я прощаюсь съ вами! Внемлите моему совѣту: не забывайте никогда Бога, родителей вашихъ, которымъ обязаны жизнію, а нравственнымъ существованіемъ вы обязаны Государю Императору и его постояннымъ къ вамъ милостямъ. Онъ съ младенчества васъ призрѣлъ. Онъ васъ возлелѣялъ и, наконецъ, снабдилъ васъ всѣмъ нужнымъ для новаго вашего поприща. Чѣмъ вы заслужите иначе столь великія благодѣянія, какъ не щадя себя, ни въ какомъ случаѣ, для его службы. Не забывайте, что въ Россіи, въ нашей славной Россіи, священныя имена Государя и Отечества нераздѣльны: эта нераздѣльность наша сила, передъ которою непріятели наши всегда сокрушатся и крамолѣ не будетъ мѣста. Военная служба, сія благороднѣйшая служба, сколько славы представляетъ она вамъ въ будущности! Слава на полѣ битвы для благородной души сколько имѣетъ отрады; и если участь присудила кому пасть, то остается память, осѣняющая пораженнаго; но это-ли только слава военнаго? Ежечасное самопожертвованіе, постоянство и терпѣніе въ трудахъ, безъ ропота, безъ устали,—сколь они почтенны! Достойный офицеръ обязанъ прежде всего повиноваться начальникамъ и наблюдать неукоснительно за исполненіемъ ихъ приказаній. Повиновеніе сіе должно быть искренне и безусловно. Помните всегда, что настоящая честь военнаго человѣка состоитъ въ благородномъ поведеніи, а потому избѣгайте всякаго соблазна и не забывайте слова Спасителя: „не введи насъ во искуше-

ніе“. Примите, дѣти, сіи наставленія друга; будьте увѣрены, что вблизи и издалека онъ всегда будетъ слѣдить за вами, во всѣхъ вашихъ нуждахъ, и если вамъ будетъ нуженъ добрый совѣтъ, обращайтесь всегда къ нему, какъ къ вѣрному пристанищу. Прощайте, да благословитъ васъ Господь Богъ и да подкрѣпитъ на дѣла великія. За Богомъ молитва, за Царемъ служба никогда не пропадаютъ“.

Во время существованія корпусовъ, экземпляръ прощанья Великаго князя Михаила Павловича съ кадетами выдавался каждому при выпускѣ въ офицеры; но и это, съ обращеніемъ въ военныя гимназіи, прекратилось.

Послѣднимъ фактомъ заботливости Великаго князя о кадетскихъ корпусамъ было, изданное имъ въ 1848 году. „Наставленіе для образованія воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній“. Достаточно привести изъ него нижеслѣдующія строки, чтобы судить, на чемъ было тогда основано воспитаніе будущихъ офицеровъ русской арміи: „Христіанинъ, вѣрноподданный, русскій, добрый сынъ, надежный товарищъ, скромный и образованный юноша, исполнительный, терпѣливый и расторопный офицеръ—вотъ качества, съ которыми воспитанникъ военно-учебнаго заведенія долженъ переходить со школьной скамьи въ ряды Императорскихъ армій, съ чистымъ желаніемъ отплатить Государю за его благодѣянія честною службою, честною жизнію и честною смертію“.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

1842 — 1853.

Производство въ офицеры.—Представленіе на службу.—Разводы и ученья того времени.—Выходки генерала Арбузова.—Липранди, какъ командира полка. — Великій князь Михаилъ Павловичъ зачисляется въ нашъ полкъ.—Нечаянный выстрѣлъ.—Счастье спасаетъ отъ несчастья.—Походъ 1849 года въ Литву.—Проѣздъ Государя Наслѣдника и Великаго Князя Михаила Павловича.—Пожалованіе новыхъ знаменъ. На юбилеѣ коронованія въ Москвѣ.—Эпизодъ въ Петергофѣ.

И такъ я офицеръ, и офицеръ гвардейскій.

Въ настоящее время всякій выпускаемый вѣроятно спрашиваетъ себя: на какія средства я обмундируюсь и буду жить?

Представьте себѣ, читатель,—мнѣ подобный вопросъ ни разу не приходилъ въ голову. Положимъ, я зналъ, что меня обмундируютъ на казенный счетъ, какъ и другихъ, и то, что останется отъ отпускаемыхъ на это 300 руб. для входящихъ въ гвардію, мнѣ выдадутъ. Но что же могло остаться, если сдѣлаютъ все необходимое? Вообразите, все сдѣлали и мнѣ выдали еще съ чѣмъ-то сорокъ рублей на руки. Эти деньги, вмѣстѣ съ тремя стами рублей ассигнаціями, полученными изъ дома, составляли весь капиталъ, съ которымъ надо было прожить 4 мѣсяца, до перваго полученія жалованья. Казалось бы, что есть отъ чего призадуматься, а между тѣмъ я былъ счастливъ, какъ никогда впослѣдствіи. Снаряжая, 30 лѣтъ спустя, сыновей на службу, все это вспомнилось мнѣ, и я поневолѣ сравнилъ настоящее съ минувшимъ. Новые обычаи, оправдываемые требованіями такъ называемыхъ приличій, доводимыхъ изъ глупаго подражанія для прихотей, причиняютъ теперь много дурнаго. Теперь служащій безъ собственныхъ средствъ, или ведетъ жизнь затворника, несетъ на себѣ отпечатокъ отчужденія не только отъ свѣта, но и отъ товарищей;—или, очертя голову, дѣлаетъ долги. Хорошо, если въ первомъ случаѣ

юноша выдержитъ искусъ и перенесетъ нужду твердо,—тогда онъ спасенъ; во второмъ—онъ навѣрное погибаетъ, и весьма часто тянетъ за собою добряковъ, легковѣрныхъ товарищей-поручителей.

Первое, съ чего начинается служба вновь произведеннаго,—это представленіе полковому командиру. Я зналъ впередъ, что мой командиръ человѣкъ строгій, требовательный; но я не боялся этого. Выслушавъ обычную форму словеснаго моего представленія, генералъ окинулъ меня съ ногъ до головы взглядомъ, потомъ попробовалъ просунуть палецъ за мой воротникъ, и, когда это оказалось невозможнымъ, замѣтилъ:

— Въ такомъ тѣсномъ мундирѣ служить нельзя; извольте передѣлать, иначе вы поневолѣ на дежурствѣ, или въ караулѣ разстегнетесь; а попробуйте сдѣлать это,—такъ безъ взысканія не останетесь; можете идти.

Вотъ такъ участіе, подумалъ я, идя отъ генерала въ канцелярію. На вопросъ знакомаго мнѣ адъютанта, о чемъ говорилъ со мной полковой командиръ, я передалъ все слово въ слово. Видя, что первый шагъ на службѣ произвелъ на меня не радостное впечатлѣніе, адъютантъ успокоивалъ меня, говоря, что такова манера генерала, но что онъ человѣкъ добрый, справедливый и умѣющій цѣнить службу. Хотя Ребиндеръ всего годъ командовалъ при мнѣ полкомъ, но я не разъ убѣдился въ этомъ. Въ строю онъ былъ очень строгъ и при распеканіи не стѣснялся въ выраженіяхъ. Помню первую его репетицію развода на дворѣ бывшихъ Московскихъ казармъ, гдѣ теперь внутренній скверъ. При прохожденіи карауловъ одинъ изъ офицеровъ прошелъ передъ взводомъ не въ ногу.

— На три дежурства,—крикнулъ Ребиндеръ, а другой разъ этимъ не отдѣлаетесь и я такъ взыщу, что долго не забудете.

Другая репетиція происходила въ манежѣ, въ раннее октябрское утро. Подпоручикъ Игельстромъ, любившій понѣжиться, забылъ дома полусаблю, чтó ему кто-то замѣтилъ уже въ манежѣ. Онъ бросился въ ближайшій магазинъ офицерскихъ вещей, гдѣ въ торопяхъ схватилъ первую, которую ему подали, и радостный, что успѣлъ возвратиться ранѣе пріѣзда генерала, поскорѣе сталъ за 1-й взводъ. Начинается ученье. При первомъ ружейномъ пріемѣ генералъ приказываетъ от-

ставить; берутъ на плечо вторично,—опять отставить, въ третій разъ,—то же самое. Наконецъ Ребиндеръ быстро идетъ къ 1-му взводу говоря: „Кто это у васъ при всякомъ пріемѣ качаетъ солтаномъ?“ Оказалось, что Игельстромъ, силясь обнажить свою новую полусаблю, никакъ не можетъ этого сдѣлать и невольно шевелитъ головою. Генералъ вызываетъ его къ себѣ. И вотъ мы видимъ, что Игельстромъ, выступая изъ-за праваго фланга на середину манежа, все время усиленно старается вытащить оружіе изъ ноженъ, но тщетно. Не доходя же шаговъ 5 до полковаго командира, дѣлаетъ послѣднее усиліе, и у него въ рукахъ вмѣсто лезвія деревяшка. Ребиндеръ не могъ удержаться и смѣясь говоритъ:

— Прекрасный воинъ! Извольте съ этимъ мечемъ оставаться при мнѣ.

Такъ онъ все ученье и простоялъ передъ баталіономъ, съ обнаженною деревяшкою.

Вообще Ребиндеръ былъ уважаемъ въ полку тѣми, кто зналъ и любилъ службу; а солдаты, не смотря на всю строгость, любили его: „За нимъ можно служить какъ за каменною стѣною“,—говорили они.

Какъ теперь помню такой эпизодъ. Стоялъ я въ караулѣ въ Госуд. Банкѣ. Тамъ офицерская комната отдѣлялась отъ солдатской тонкой перегородкой, такъ что всякое слово было слышно. Послѣ караула предстоялъ смотръ Государя. На репетиціи великій князь Михаилъ Павловичъ сердился и распекалъ, а Ребиндеръ, послѣ его отъѣзда, поблагодарилъ нижнихъ чиновъ. Ночью, слышу я, ведутъ солдаты такой разговоръ:

— Какъ думаешь, похвалитъ Царь? спрашиваетъ одинъ.

— А какъ Богъ дастъ. Князь-то вишь сказалъ, что плохо.

— Небось, сойдетъ,—вмѣшался третій.

— А ты почемъ знаешь?

— Да вѣдь лысый похвалилъ,—отвѣчалъ онъ. (Солдаты между собою называли Ребиндера „лысый“).

— Ну такъ чтожъ?

— А ужъ коли лысый сказалъ что хорошо, такъ хорошо и будетъ. И дѣйствительно, при немъ полкъ не имѣлъ соперниковъ въ строевомъ отношеніи.

Въ сороковыхъ годахъ разводы были трехъ видовъ: 1) По воскреснымъ и праздничнымъ днямъ такіе же, какъ и впослѣд-

ствіи, въ присутствіи Государя. 2) Въ будни, въ теченіи осени по одному разу каждому изъ батальоновъ гвардіи, съ ученьемъ. 3) Обоимъ отдѣленіямъ, т. е. двумъ батальонамъ, заступающимъ въ караулъ вмѣстѣ, изъ которыхъ одинъ занималъ посты по эту сторону Невы, а другой за Невою. Тогда короуловъ было множество, такъ что однихъ офицерскихъ насчитывалось до 20.

Разводы съ ученьемъ были такимъ строгимъ испытаніемъ строеваго образованія, выдержать которое безъ проруxъ считалось счастьемъ. Ихъ большею частью дѣлалъ Михаилъ Павловичъ, но иногда, невзначай, пріѣзжалъ и Государь. Послѣ осмотра стойки въ различныхъ положеніяхъ, одежды, ружейныхъ пріемовъ, чистоты оружій, начиналось батальонное ученье, съ строгимъ требованіемъ стройности всѣхъ движеній и построеній, которыя были тогда очень сложны. Камнемъ преткновенія для офицеровъ была пальба полувзводами съ фланговъ полубаталіоновъ. Сбиться съ очереди, при малѣйшей несноровкѣ, было легко, а разъ кто нибудь затянулъ команду или поторопился, начиналась непоправимая путаница. Однажды на подобный разводъ 2-го нашего батальона пріѣхалъ Государь. Ученье кончилось безъ задоренки, и всѣ думали, что уже начнется церемоніальный маршъ, сдать который, послѣ такого испытанія, считалось ни почемъ. Вдругъ Николай Павловичъ приказываетъ одной ротѣ раздѣться до-гола, другой надѣть шинели, третьей снять сапоги, четвертой мундиры. Всѣ присутствовавшіе ахнули, думая: одни, расположенные къ полку —со страхомъ, другіе, завидующіе ему,—съ радостью,—ну какъ окажется на комъ нибудь грязная рубаха, нечистое тѣло, или разорванная шинель. Но ничего подобнаго не оказалось, хотя въ моей ротѣ и могло бы оказаться. Покуда Государь и начальство было у 1-й роты, я спѣшилъ осмотрѣть свою и, съ ужасомъ, вижу въ средней шеренгѣ солдата грязнаго какъ трубочистъ.

— Это что! указываю я фельдфебелю,—убрать его!

Самъ же спѣшу на свое мѣсто, со страхомъ ожидая что-то будетъ, потому что сознавалъ полную невозможность спрятать виновнаго; наконецъ если его и уберутъ, то окажется пустой рядъ. Случилось же это потому, что передъ самымъ выходомъ изъ казармъ одинъ изъ солдатъ заболѣлъ, и, вмѣсто него, фельдфебель велѣлъ взять хлѣбопека. Иду я по фронту за на-

чальствомъ и думаю, вотъ сейчасъ разразится гроза; Государь быть можетъ и сдѣлаетъ видъ, что не замѣтилъ,—это бывало и въ болѣе важныхъ случаяхъ, но Великій князь не спуститъ. Къ великому удивленію, ни хлѣбопека, ни пустаго ряда не оказалось. Какъ это случилось—понять было трудно; только, при разборѣ дѣла, я потомъ узналъ, что замарашку тиснули подъ шинели, сложенныя за фронтомъ, въ нишахъ оконъ, а вмѣсто него поставили изъ замка унтеръ-офицера, что безъ мундира было не замѣтно.

Критики всего прошлаго выведутъ заключеніе, что строгости не отстраняютъ неисправностей и что скрытіе неряшливаго составляетъ обманъ. Отвѣчу: одинъ особенный случай, между двумястами людей, есть исключеніе, и желательно было бы убѣдиться, сколько окажется теперь такихъ исключеній, если бы любой ротѣ приказали на смотру снять мундиры. Согласенъ, что скрытіе виновного составляетъ фальшь, но оставленіе его въ строю было бы равнодушіемъ къ могущему послѣдовать гнѣву Государя. Умышленную выставку своей неисправности можетъ быть кто-либо и принялъ бы за идеальную честность, но большинство назвало бы идеальною глупостью.

Разводы въ два баталіона дѣлались только по возвращеніи изъ лагеря, въ августѣ и сентябрѣ, когда Государь и Великій князь уѣзжали осматривать войска, въ различныхъ мѣстахъ ихъ сборовъ. Эти разводы дѣлались на Инженерной площади, или генералъ-губернаторомъ, или старшимъ изъ гвардейскихъ генераловъ. Чаще другихъ эта роль выпадала на генералъ-адъютанта Арбузова, бывшаго начальникомъ 1-й гвардейской дивизіи. Онъ былъ, или лучше сказать, представлялся большимъ оригиналомъ, прикидывался простачкомъ, дѣлалъ выходки, которыя расходились по городу въ видѣ анекдотовъ.

Вотъ сохранившіяся въ моей памяти.

Осенью 1842 года Государь былъ въ отсутствіи, а потому нашъ полковой праздникъ праздновался домашнимъ образомъ. На данный офицерами обѣдъ былъ приглашенъ и Арбузовъ, какъ начальникъ дивизіи. По окончаніи обычныхъ тостовъ, онъ увидѣлъ проходившаго по залѣ квартермистра и говоритъ ему:

— Мошковъ! Въ городѣ разсказываютъ, что я отапливаю мой домъ полковыми дровами, такъ ты, братецъ, пожалуйста не забывай этого.

Дѣлая разводъ Арбузовъ замѣтилъ, что сынъ его не взялъ должную дистанцію, и при всѣхъ кричитъ ему:

— Г. Арбузовъ! Какая у тебя дистанція? а еще диванъ на пружинахъ проситъ.

Случалось, что выходки этого генерала бывали слишкомъ безцеремонны. Оставшись однажды недовольнымъ однимъ изъ баталіоновъ, онъ отпускаетъ баталіонному командиру такую фразу:

— Да вы, полковникъ, просто... да нѣтъ, не вы, а я глупъ, что оставляю васъ батальоннымъ командиромъ.

Другой разъ Арбузовъ замѣтилъ, что бывшій въ строю флигель-адъютантъ небрежно командуетъ, ходитъ кое-какъ и мало обращаетъ вниманія на его замѣчанія. Онъ во всеуслышаніе говоритъ ему:

— Что вы, сударь мой, важничаете! Вы думаете, что вы флигель-адъютантъ,—я самъ былъ флигель-адъютантъ, да никуда негодный.

Обычай дѣлать постоянно разводы съ церемоніею отнималъ отъ войскъ не мало времени, потому что требовалъ всегда двѣ или три репетиціи. Но такъ какъ въ то время предметомъ всѣхъ занятій былъ исключительно строй, то разводы и ихъ репетиціи способствовали этой цѣли и держали полкъ въ постоянной готовности выдерживать самые строгіе смотры. Благодаря тому направленію, которое дано было нашему полку такими командирами какъ Шиповъ и Ребиндеръ, онъ долго сохранялъ ихъ традиціи, и даже преемникъ послѣдняго—Липранди, не любившій строя, не могъ окончательно повредить фронтовой репутаціи полка.

Первыя пять лѣтъ службы я провелъ подъ командою Липранди и вынесъ о немъ такое впечатлѣніе. Это былъ человѣкъ очень умный, лично вполнѣ безкорыстный, слылъ хозяиномъ, но никогда не былъ имъ, и никогда не умѣлъ заставить, кого бы слѣдовало, дѣйствовать съ тѣмъ безкорыстіемъ, которымъ отличался самъ. Какъ личность замѣчательно хитрая и какъ офицеръ, совершенно не любившій строя, онъ понялъ, что для того, чтобы заставить говорить о себѣ, надо придумать что-

либо особенное, новое, и потому возсталъ противъ старыхъ обычаевъ хозяйства, чѣмъ сразу прикрылъ свою фронтовую неспособность. Съ перваго года своего командованія полкомъ онъ началъ подавать записки: о необходимости составить положеніе о ротномъ хозяйствѣ на иныхъ началахъ, объ уничтоженіи артельнаго способа довольствія, основаннаго на вычетахъ изъ получаемыхъ нижними чинами денегъ. Въ то же время онъ старался доказать, что все, что практиковалось до него, никуда не годится; что надо во всемъ больше гласности; что всякая въ полку экономія вредна, потому что, будто бы, ея быть не можетъ, если все отпускаемое доходитъ до солдата; наконецъ, что если его предположенія осуществятся, то онъ проведетъ въ казарму воду, освѣтитъ ихъ газомъ и т. д. Все это нравилось. О Липранди заговорили въ городѣ, какъ о необыкновенномъ полковомъ командирѣ, какъ о гонителѣ зла и о новаторѣ по части хозяйства. Но изъ всего этого вышло больше разговора и шума, чѣмъ дѣла. Ротное хозяйство дѣйствительно получило иныя основанія, но все прочее осталось какъ было.

Въ продолженіи 5-ти-лѣтняго командованія Липранди, внутренній порядокъ въ полку видимо опустился. Не было мѣсяца, чтобы Великій князь за что-либо не сердился. То онъ встрѣчалъ нижнихъ чиновъ въ безпорядкѣ, то казармы оказывались дурно отопленными, то обнаруживалъ неисправность карауловъ, что прежде считалось рѣдкостью. Наконецъ, полкъ, всегда отличавшійся изысканнымъ щегольствомъ, былъ найденъ Его высочествомъ, на репетиціи парада полковаго праздника, въ столь дурно сшитыхъ мундирахъ, что Михаилъ Павловичъ спросилъ Липранди: „Не повивальная ли бабка завѣдуетъ у васъ шпальнею"?

Что касается строевой части, по которой полкъ всегда считался передовымъ, то и она постепенно слабѣла. Къ несчастію, и составъ баталіонныхъ командировъ того времени былъ подходящимъ къ полковому. Кто знавалъ и помнитъ Ив. Ив. Челищева (по прозванію Jean de Paris), полковниковъ Дюгамеля и Тутолмина, тотъ конечно согласится, что они были прекрасные люди: но первый и третій не болѣе какъ жуиры, отличные товарищи, забавные собесѣдники, но никакъ не руководители батальоновъ. Сергѣй Осиповичъ Дюгамель былъ человѣкъ

очень умный и начитанный, но флегматикъ, до-нельзя разсѣянный, ставившій свой комфортъ выше служебныхъ требованій. Нелюбовь къ строю доходила у Липранди до того, что на полковыхъ ученьяхъ у него не доставало терпѣнія объѣхать весь полкъ. Доѣдетъ, бывало, до знамени 1-го баталіона и поворачиваетъ передъ середину полка. Отъ этого остряки солдаты говорили: „Вотъ, о здоровьи хлопочетъ, а самъ на насъ и смотрѣть не хочетъ“.

Все это привело къ тому, что на одномъ изъ бригадныхъ смотровъ, Императоръ Николай Павловичъ былъ настолько недоволенъ происходившими въ полку ошибками, что приказалъ увести полкъ съ плаца, что не бывало ни прежде, ни послѣ. Великій князь Михаилъ Павловичъ видѣлъ и зналъ гдѣ причины ослабленія порядка и строя, но снисходилъ къ Липранди, какъ къ человѣку имѣвшему боевую репутацію, со времени штурма Варшавы, а потому пользовавшемуся особымъ вниманіемъ Государя и симпатіями городскаго общества. Много было труда его преемнику, чтобы возвратить полку то, что было утрачено въ 5 лѣтъ, и поставить все на ту же степень внутренняго порядка и строевой исправности, которыми полкъ отличался при Ребиндерѣ и впослѣдствіи при генералахъ Гильденштуббе и Бистромѣ. Бывшій командиръ Преображенскаго полка, Жерковъ, бывало, говаривалъ: „Стало быть Семеновскій полкъ хорошъ, если Липранди и въ 5 лѣтъ его не испортилъ“.

Въ 1844 году, 8 ноября, Великій князь Михаилъ Павловичъ былъ назначенъ шефомъ 2-й гренадерской роты нашего полка и получилъ его мундиръ. Въ то же утро узнавъ объ этомъ, мы немедленно отправились въ Михайловскій дворецъ. Его высочество принялъ насъ запросто, выйдя въ нашемъ сюртукѣ, безъ эполетъ. Черезъ 10 дней происходило оффиціальное представленіе всего полка въ манежѣ, куда Михаилъ Павловичъ прибылъ вмѣстѣ съ Наслѣдникомъ Александромъ Николаевичемъ. Первый, обходя всѣ роты, вспоминалъ многое изъ времени своего командованія 1-ю бригадою, называлъ прежнихъ, не только офицеровъ, но и солдатъ. Былъ при этомъ и старый семеновецъ, А. В. Жерковъ, когда-то командовавшій 3-ю гренадерскою ротою. Онъ обладалъ такою памятью, что черезъ 20 лѣтъ называлъ по порядку ранжира

всѣхъ людей своей роты. Въ концѣ осмотра, Великій князь подозвалъ къ себѣ всѣхъ офицеровъ и сказалъ имъ:

„Государю Императору угодно было оказать мнѣ новую милость, давъ мундиръ вашего полка, и тѣмъ включилъ въ ваши ряды. Со слезами благодарности, принялъ я этотъ знакъ его благоволенія, а теперь торжественно заявляю, что обязанъ этимъ вашей службѣ. Большей награды я ожидать и желать не могъ. Всѣмъ вамъ, и особенно тѣмъ, кто здѣсь постарше, извѣстно, какъ я всегда любилъ и уважалъ вашъ полкъ. Теперь, принадлежа ему, прошу васъ приложить общее стараніе сдѣлаться еще болѣе достойными милостей Государя. Я увѣренъ, что въ этомъ дѣлѣ вы будете, отъ перваго до послѣдняго, моими усердными помощниками“.

При разсказахъ о минувшемъ, мнѣ невольно такъ и представляются саркастическія улыбки проповѣдниковъ новыхъ теченій. Читая мои воспоминанія, они навѣрное думаютъ: вотъ чѣмъ они увлекались? Да, вамъ не понять ни нашихъ увлеченій, ни нашихъ восторговъ, потому что они были безразсчетны и чистосердечны. Осуждая насъ, вы забываете, что родились 30 годами позже насъ, а въ эти 30 лѣтъ все измѣнилось; но къ лучшему ли?—это еще вопросъ. Теперь прежнія требованія и многое, на чемъ зиждилась наша служба, считаются лишними; но кто поручится, что не окажется лишнимъ все то, что проводятъ теперь. Сдѣлай, напримѣръ, аэростатика ожидаемые отъ нея успѣхи, и все надъ чѣмъ теперь такъ хлопочутъ, всѣ системы обученія разсыплятся прахомъ. Надо надѣяться, что то поколѣніе, которое доживетъ до этого, не будетъ глумиться надъ вводителями теперешнихъ началъ, какъ глумятся они надъ тѣмъ, чему учили и что требовали отъ ихъ отцовъ.

Говоря о разводахъ, нельзя пройти молчаніемъ о томъ, какая исправность требовалась прежде отъ караульной службы и въ чемъ она состояла. При этомъ я считаю недостойнымъ опровергать мнѣніе тѣхъ, у которыхъ достаетъ нахальства увѣрять, что прежде все вниманіе обращали на одну наружную исправность, а не на сущность караульной службы.

Въ 40-хъ годахъ, караулы Петербурга, въ смыслѣ трудности ихъ содержанія, дѣлились офицерами на тяжелые и легкіе. Къ первымъ принадлежали всѣ тѣ, мимо которыхъ начальство и особенно Михаилъ Павловичъ, могли проѣзжать часто. Но

ихъ считали тяжелыми только любившіе понѣжиться. Знающему уставъ и не лѣнящемуся почаще провѣрять караулъ, самая бойкая гауптвахта, въ родѣ Арсенала или Сената, давала случай сдѣлаться извѣстнымъ Великому князю и попасть въ мнѣніи начальства въ число исправныхъ. На подобныхъ постахъ офицеру приходилось не сходить съ платформы до наступленія темноты, потому что не проходило и 5 минутъ, чтобы не проѣзжалъ кто либо изъ генераловъ, а тогда всѣмъ генераламъ вызывали въ ружье. Михаилъ Павловичъ любилъ проѣзжать мимо карауловъ, когда его менѣе всего ожидали. Иногда это бывало раннимъ утромъ, иногда онъ являлся въ караулъ ночью, ѣхавши отъ Государя, или съ какого либо бала. Это порождало много случаевъ, похожихъ на анекдоты. Разъ онъ засталъ караульнаго офицера крѣпко спящимъ въ креслѣ, но въ полной исправности, даже съ надѣтыми перчатками. Не приказывая будить его, Великій князь увидѣлъ на столѣ листъ, разрисованный карандашемъ бумаги. Рисунокъ представлялъ башню городской думы и на ней, въ каррикатурѣ, оберъ-полиціймейстера Кокошкина, вокругъ котораго, въ видѣ амуровъ, носились въ воздухѣ будочники. Внизу была надпись:

„Volez, volez, mais ne m'oubliez pas!"

Михаилъ Павловичъ взялъ рисунокъ съ собою, а на утро приказалъ полковому командиру посовѣтывать офицеру, никогда не оставлять своихъ рисунковъ открытыми.

Тѣ караулы, которые считались легкими, въ сущности были самыми опасными. Ихъ отдаленность представляла караульному офицеру много соблазновъ дать себѣ облегченіе, въ родѣ снятія шарфа, или желанія провести ночь попокойнѣе, на устроенной изъ стульевъ постели и т. п. Великій князь, хотя рѣдко, но мѣтко посѣщалъ ихъ, и результатъ выходилъ иногда чувствительный.—Вообще внезапность посѣщенія карауловъ требовала постоянной бдительности и исправности. Многіе полагаютъ, что послѣдняя ограничивалась одною наружностью, въ ущербъ существенныхъ цѣлей и обязанностей постовъ. Это совершенно невѣрно. То и другое шло рука объ руку, и если за нарушеніе наружной исправности взыскивали строго, то за существенное нарушеніе правилъ — тяжко. Въ теченіи первыхъ 20 лѣтъ службы, я ни разу не слыхалъ, что бы гдѣ либо обокрали денежный ящикъ, чтобы часовой ушелъ

съ своего поста, или совершилъ кражу того, что охраняетъ. Теперь же, просматривая отчеты военно-судебнаго вѣдомства, подобные случаи повторяются по нѣсколько разъ въ годъ. Оправдывая это, обыкновенно говорятъ, что теперь только кажется будто преступленій больше, отъ того, что все предается гласности, тогда какъ прежде многое скрывали. Мелочи и обыденные случаи дѣйствительно не оглашались посредствомъ болтовни и сплетенъ корреспондентовъ, но нарушеніе главныхъ основаній службы, проступки противъ дисциплины, противъ особыхъ обязанностей карауловъ,—все это предавалось такой гласности, о которой знала вся русская армія, отъ Петербурга до Тифлиса и отъ Камчатки до Варшавы. Въ то время не увольняли офицера отъ службы келейно, не писали глухо, что онъ виноватъ противъ такихъ-то статей закона, а объявляли прямо, что онъ сдѣлалъ то-то, и наказывается такъ-то. Если считать гласностію то, что въ 60-хъ годахъ газетчики, раздувая мелочи, а иногда и выдумывая ихъ, писали на военныхъ что вздумается, то такой гласности конечно не было, потому что всякій кропатель ложной вѣсти зналъ, что сплетня не пройдетъ даромъ. Я до сихъ поръ помню, какое впечатлѣніе производилъ на насъ одинъ слухъ о томъ, что кто либо переводился въ армію тѣмъ же чиномъ. Для объявленія объ этомъ, всѣмъ офицерамъ, послѣднихъ трехъ-четырехъ выпусковъ, смотря по лѣтамъ службы виновнаго, предписывалось явиться въ полной формѣ въ залъ 1-го кадетскаго корпуса, куда собирались всѣ командиры частей и директора корпусовъ. Передъ подобное собраніе приводили виновнаго, и всѣмъ громогласно читали приказъ по гвардейскому корпусу, о причинахъ перевода. Дисциплинарныя взысканія, т. е. аресты случались часто не потому, что офицеры служили хуже, а отъ того, что ни одно отступленіе отъ требованій не оставалось незамѣченнымъ и безнаказаннымъ. Настоящее поколѣніе военнослужащихъ исподоволь отвыкло отъ этого и дошло наконецъ до того, что ему кажется страннымъ, если, напримѣръ, начальникъ посадитъ подъ арестъ неисправно дежурящаго, или ведущаго свой взводъ въ безпорядкѣ. Намъ и въ голову не приходило претендовать на это. Виноватъ—и наказанъ.

Къ числу случаевъ, вызванныхъ посѣщеніемъ Михаиломъ

Павловичемъ карауловъ, принадлежитъ одинъ, бывшій лично со мною.

Въ одинъ изъ послѣднихъ дней апрѣля, когда свѣтло почти во всю ночь, я стоялъ въ караулѣ на Петровской площади. Часовъ въ 7 вечера, Великій князь проѣзжаетъ мимо монумента Петра, на Англійскую набережную. Я отдаю честь и затѣмъ иду писать рапортъ о его проѣздѣ командиру полка, начальнику дивизіи и самому Великому князю. Тогда таковъ былъ порядокъ. Не успѣлъ я отправить донесенія, какъ снова звонокъ,—и Михаилъ Павловичъ, пѣшкомъ, показывается изъ-подъ арки Галерной улицы. Я снова отдалъ честь; онъ, пристально оглядѣвъ меня, повернулъ къ Конно-гвардейскому манежу, а коляска за нимъ.—Наступило время вечерней зари: караулъ въ ружье, все исполняется по уставу, вдругъ, на полныхъ рысяхъ, несется коляска отъ Исаакія, и въ ней Великій князь. Остановясь у барьера платформы, онъ слѣдилъ какъ я командую „на молитву", какъ люди держатъ кивера, а барабанщикъ читаетъ „Отче нашъ", какъ рапортуетъ мнѣ старшій унтеръ-офицеръ. Князь смотритъ на все это — и ни слова. Наконецъ, вызвавъ смѣну и провѣря расчетъ, я иду рапортовать ему. „Не надо", говоритъ его высочество и уѣзжаетъ къ Морской, оставляя меня въ недоумѣніи, что значитъ тройное посѣщеніе имъ моего караула, въ продолженіи двухъ часовъ.

На слѣдующее утро, послѣ смѣны, захожу въ полковую канцелярію.

Тамъ адъютантъ передаетъ, что полковой командиръ требуетъ меня къ себѣ. Отправляюсь, и чтоже?—Липранди встрѣчаетъ меня словами:

— Скажите, вы о двухъ головахъ, что-ли?

Я удивленно смотрю на него и молчу.

— Какъ вы осмѣлились вчера, бывши въ караулѣ, явиться въ Большой театръ?

— Я васъ не понимаю, ваше превосходительство, — отвѣчалъ я.

— Пожалуста безъ увертокъ. Вы мнѣ присылаете рапорты о проѣздѣ Великаго князя, а между тѣмъ тотъ же Великій князь, видѣлъ васъ въ театрѣ, въ крайнемъ креслѣ 4-го ряда.

— Его высочество не могъ видѣть меня въ театрѣ, потому

что я былъ безотлучно при караулѣ и три раза отдавалъ ему честь; можете опросить людей.

— Вы даете мнѣ слово, что говорите правду?—спрашиваетъ генералъ.

— Если это необходимо, то даю,—было моимъ отвѣтомъ.

— Хорошо, я доложу Его высочеству.

Что за чудеса, подумалъ я, и покойный отправляюсь домой. — Подъ вечеръ снова записка — немедленно прибыть къ Липранди. Являюсь. Онъ налетаетъ на меня уже съ явнымъ озлобленіемъ:

— Я никакъ не думалъ, подпоручикъ, что въ моемъ полку найдется офицеръ, который, давъ честное слово, оказался бы обманувшимъ меня.

— Ваше превосходительство можете сердиться сколько угодно, но я еще разъ повторяю вамъ, что изъ караула не отлучался.

— Неправда!—кричитъ генералъ. Великій князь два раза уѣзжалъ изъ ложи прямо на гауптвахту; онъ удивляется, какимъ образомъ вы всякій разъ успѣвали возвращаться на гауптвахту прежде него.

— У меня нѣтъ рысаковъ, и мнѣ прискорбно слышать, что вы можете думать, что-бы я рѣшился на подобный поступокъ.

— Хорошо, продолжаетъ Липранди, видя мое волненіе. Теперь я васъ спрашиваю не какъ полковой командиръ офицера, а какъ товарищъ — русскаго дворянина; скажите правду, сознайтесь, а я вамъ обѣщаю упросить Великаго князя пощадить васъ.

— А я прошу васъ произвести слѣдствіе, но болѣе не допрашивать меня.

Пожавъ плечами, Липранди отпустилъ меня. Между тѣмъ въ полку уже всѣ знали объ этомъ и разговоры о розыскахъ не прерывались въ дежурной комнатѣ. Среди ихъ оживленія входитъ подпоручикъ Кожинъ и объявляетъ, что Михаилъ Павловичъ, только что встрѣтивъ его на Милліонной, подозвалъ къ себѣ и спросилъ былъ ли онъ въ такой-то день въ Большомъ театрѣ; когда же онъ отвѣтилъ, что былъ, то приказалъ отправиться въ полкъ и передать полковому командиру, чтобы тотъ немедленно прибылъ въ Михайловскій дворецъ. Я такъ этому обрадовался, что побѣжалъ къ генералу вмѣстѣ съ Кожинымъ.

Липранди сидѣлъ надувшись и сердито взглянулъ на меня; но когда я, не дожидаясь вопроса, объявилъ, что Великій князь перемѣшалъ насъ, а Кожинъ передалъ о своей встрѣчѣ, то обрадованный Липранди, немедля ни минуты, поѣхалъ во дворецъ. Вечеромъ мы оба получили записки прибыть на слѣдующее утро къ его высочеству, въ обычный часъ пріема представляющихся. На лѣвомъ флангѣ ихъ шеренги помѣстились мы въ полной парадной формѣ. Принявъ всѣхъ, Михаилъ Павловичъ остановился передъ нами, пристально вглядывался въ каждаго и затѣмъ, улыбнувшись, говоритъ:

— „Вольно же вамъ быть такъ похожими другъ на друга." Этимъ и кончилась эта путаница, три дня такъ тревожившая и меня и Липранди.

Какъ ни былъ строгъ Великій князь Михаилъ Павловичъ но я не могу припомнить ни одного случая, чтобы онъ сдѣлалъ кого либо несчастнымъ. Если и бывало, что онъ взглядывалъ на чью либо служебную неисправность преувеличенно и, подъ впечатлѣніемъ гнѣва, опредѣлялъ взысканіе, то самъ же потомъ первый хлопоталъ о вознагражденіи. На обыкновенныя свои взысканія онъ смотрѣлъ какъ на необходимость учить молодежь службѣ. На одномъ изъ ученій, онъ приказалъ посадить подъ арестъ одного изъ лучшихъ ротныхъ командировъ. Такъ какъ смотръ вообще былъ хорошъ, то генералъ Гильденштуббе просилъ Его высочество оставить провинившагося, какъ исправнаго служаку, безъ взысканій.

„Я знаю, что онъ отличный офицеръ—отвѣчалъ Михаилъ Павловичъ, а все-таки подтянуть не мѣшаетъ. Отъ этого мое мнѣніе о немъ нисколько не измѣнится, а вина не останется безъ взысканія."

Другой разъ изъ оконъ Зимняго дворца, Великій князь увидалъ, что знамя относилось съ однимъ ассистентомъ вмѣсто двухъ. За это командиръ взвода, относившаго знамя, отсидѣлъ мѣсяцъ на гауптвахтѣ, а отлучившійся ассистентъ былъ переведенъ тѣмъ же чиномъ въ армію, но черезъ два года Михаилъ Павловичъ лично просилъ Государя возвратить его, съ прежнимъ старшинствомъ.

Во всякомъ положеніи и званіи счастье играетъ не малую роль въ жизни, а въ военной службѣ въ особенности. Говорю

это по поводу бывшаго со мной эпизода, который могъ бы кончиться весьма плачевно, если бы не особенное счастье.

Я былъ изъ старшихъ поручиковъ, значитъ въ томъ положеніи, когда приходится, по болѣзни или временному отсутствію кого-либо изъ ротныхъ командировъ, временно командовать то тою, то другою ротою. Такое положеніе у насъ называли „быть затычкою". Во время лагеря, читаю я однажды въ приказѣ, что командиръ 5 роты увольняется на три дня въ отпускъ, а я назначаюсь командующимъ этою ротою. На слѣдующій день предстояла стрѣльба въ цѣль въ присутствіи Государя. Утромъ потребовали въ штабъ адъютантовъ, тянуть жребій, какимъ ротамъ быть на стрѣльбѣ, и въ нашемъ полку выпало 5-й. Въ 6 часовъ вечера я былъ съ нею на Военномъ полѣ. Тогда не стрѣляли далѣе 300 шаговъ. Когда на эту дистанцію отстрѣляли 1-е взводы ротъ, вторые приказано было придвинуть для стрѣльбы на 250 шаговъ и зарядить тамъ ружья. Покуда я переводилъ 2-й взводъ впередъ, Государь, съ громадною свитою, началъ съ праваго фланга осмотръ мишеней. Въ то самое время, когда онъ былъ противъ нашей мишени, одинъ изъ моихъ солдатъ при надѣваніи капсюля, выпустилъ изъ руки курокъ. Раздался выстрѣлъ и пуля со свистомъ пронеслась надъ свитою. Императоръ Николай Павловичъ сдѣлалъ видъ, что ничего неслыхалъ, но вслѣдъ за выстрѣломъ два адъютанта понеслись отъ свиты ко мнѣ. Это были: отъ Наслѣдника—капитанъ Паткуль и отъ Михаила Павловича—князь Волконскій. Посыпались вопросы: которая рота, кто командуетъ, съ какого года на службѣ виновный, какой онъ уроженецъ? Ну, думаю—все пропало. Просидѣть мѣсяца два на гауптвахтѣ было бы счастьемъ, а то навѣрное улечу тѣмъ же чиномъ въ армію. Покуда шла стрѣльба 2-хъ взводовъ, Государь находился за Измайловскою ротою, а Наслѣдникъ, подъѣхалъ къ отстрѣлявшему взводу роты Московскаго полка, приказалъ первой шеренгѣ повернуться кругомъ и открыть сумы. Оказалось, что у солдатъ осталось въ нихъ по нѣсколько лишнихъ патроновъ, тогда какъ приказано было взять только по два. Его высочество такъ разсердился и такъ громко высказывалъ свое неудовольствіе, что Николай Павловичъ, услыша его голосъ, поскакалъ къ нему, а за нимъ и вся свита. Командиръ Преображенскаго полка Катенинъ, подъѣхавъ къ генералу Гильденштуббе, спрашиваетъ, что случилось, и оба

остаются въ недоумѣніи, чувствуя, что произошло нѣчто особенное. Вслѣдъ за этимъ, возвращаясь крупнымъ галопомъ къ правому флангу, Государь громко говоритъ имъ:

„Безпримѣрный случай! Командиръ гвардейскаго полка будетъ подъ арестомъ“.

Тогда Московскимъ полкомъ командовалъ генералъ Кушелевъ; конечно онъ лично не былъ виновенъ въ обманѣ, а его подчиненные; но въ наше время за все отвѣчали и виновные и ихъ начальники. Тотчасъ же во всѣ стрѣлявшія роты были назначены лица свиты, повѣрять небыло-ли и другими полками выпущено болѣе двухъ пуль. Мою роту осматривалъ адъютантъ Наслѣдника князь Голицынъ. Это я только и помню; все остальное для меня не существовало, до того я былъ убитъ случившемся со мною. Среди ожиданій чѣмъ кончится моя участь, въ полночь, полковой командиръ потребовалъ меня къ себѣ. Я засталъ его въ баракѣ, сидящимъ у стола, подперши голову обѣими руками. Долго онъ молчалъ, а я стоялъ какъ прикованный. Наконецъ, вытянувшись во весь свой громадный ростъ и ударяя рукою о столъ, Гильденштуббе, сквозь слезы, говоритъ:

— Вотъ какъ, поручикъ, послѣ 30 лѣтъ службы, можно потерять всю карьеру.

Я молчу; онъ ходитъ по кабинету и какъ бы говоря съ собою, произноситъ: „Что бы было если бы эта несчастная пуля попала въ кого либо изъ свиты? А вѣдь мало-ли въ кого могла она попасть,—страшно подумать“!

Наконецъ, нѣсколько успокоясь, генералъ обращается ко мнѣ:

— Разскажите подробно, какъ это было?

Я разсказалъ, объяснивъ, что виновный—старый солдатъ, мастеровой, рѣдко бывающій въ строю.

— Взыскали вы съ него?—спрашиваетъ генералъ.

— Нѣтъ еще, но приказалъ наблюдать за нимъ, чтобы онъ со страху чего-либо не сдѣлалъ надъ собою.

— И не взыскивайте, покуда не взыщутъ съ насъ обоихъ.

Видимо, что Гильденштуббе призвалъ меня для того, чтобы не быть одному и съ кѣмъ-либо подѣлиться мыслями.

Взысканія ни съ кого не послѣдовало. Подъ впечатлѣніемъ происшедшаго въ Московскомъ полку, случившееся въ

моей ротѣ было забыто. Дня три ждалъ я неминуемой бѣды, а потомъ усердно помолился, что она миновала.

Служба въ полку при Гильденштуббе была совершенною противоположностью того, что было при Липранди. Первый, выйдя изъ школы Великаго князя Константина Павловича, былъ требователенъ до педантизма, входилъ во всѣ мелочи ротнаго управленія, обходилъ казармы по ночамъ, требовалъ щегольства въ одеждѣ, не пропуская на улицѣ мимо себя ни одного человѣка не оглядѣвъ его, дѣлалъ одиночные смотры каждую треть года. Все это, особенно послѣ Липранди, было очень тяжело для ротныхъ командировъ. Бывало, считаешь счастливымъ тотъ день, когда фельдфебель доложитъ, что полковой командиръ ничего не замѣтилъ. При всемъ этомъ, надо сказать, что тотъ изъ офицеровъ, кто покомандовалъ у Гильденштуббе ротою, прошелъ хорошую школу. Конечно, какъ всякій, и онъ имѣлъ свои недостатки. Укажу на два главные: первый — командованіе черезъ фельдфебелей, которыхъ требовалъ ежедневно и имъ, а не ротнымъ командирамъ, отдавалъ приказанія; второй — лицепріятіе; къ однимъ онъ постоянно благоволилъ, а другихъ распекалъ при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ.

Въ командованіе Гильденштуббе было три выдающіяся обстоятельства: это походъ полка въ 1849 году въ Западный край, командированіе 1-го баталіона въ Москву на 25-ти-лѣтіе коронованія Императора Николая и пожалованіе полку, въ полутораста-лѣтній юбилей, новыхъ знаменъ.

Черезъ годъ по принятіи полка, Гильденштуббе пришлось вести его, по случаю войны съ венграми, въ Литву. Въ концѣ апрѣля объ этомъ носились слухи, а 28-го числа, по окончаніи ученья 1-й бригадѣ, Государь сказалъ полкамъ:

„Вамъ назначенъ походъ. Можетъ быть придется быть въ дѣлѣ; тогда, я увѣренъ, вы и тамъ будете такими же молодцами, какъ и здѣсь“.

Могучее „ура“ разнеслось по рядамъ. Черезъ два дня происходилъ майскій парадъ. Отъѣзжая съ плаца, Государь, остановившись противъ нашего полка, сказалъ: „Спасибо, ребята! Отпуская васъ въ походъ, я такъ въ васъ увѣренъ, что если бы увидалъ собственными глазами, что вы оплошали, то себѣ бы не повѣрилъ“.

Про походъ Семеновцевъ, въ 1849 г., въ Литву, говорили, что они шли отъ Петербурга до Вильны церемоніальнымъ маршемъ. Это красное словцо, пущенное въ ходъ завистниками, нуждается въ поясненіи. Гильденштуббе требовалъ только указаннаго въ уставѣ, но требовалъ неотступно и постоянно. Находясь безотлучно при полку, онъ на каждомъ переходѣ объѣзжалъ роты, пропускалъ ихъ, требовалъ отъ солдатъ безусловной опрятности и бодрости. Неряшливымъ сильно доставалось; но тѣмъ ротамъ, которыя въ концѣ хотя бы 25-ти-верстнаго перехода шли стройно, молодцовато, дозволялось нѣсколько дней идти совсѣмъ свободно, не собираясь въ ряды и при его объѣздѣ. Это только въ первые дни похода было трудновато, а потомъ всѣ такъ втянулись, что казалось вполнѣ естественнымъ и обычнымъ. Помню такой случай: иду я, уже въ концѣ октября, съ ротой по шоссе; на встрѣчу карета, изъ которой выходитъ сѣдой генералъ. Я велѣлъ ударить фельдмаршъ; рота живо собралась въ отдѣленія и прошла мимо генерала. Ея видъ и бодрость солдатъ настолько удивили его, что онъ просилъ меня остановить роту, обошелъ, подробно осмотрѣлъ одежду и стойку людей. Спросивъ много-ли мы прошли и узнавъ, что уже 17 верстъ, генералъ сказалъ:

— Благодарю васъ, поручикъ! Вы мнѣ, старику, доставили большое удовольствіе видѣть примѣрный порядокъ въ походѣ, да еще при осеннемъ ненастьи.—Это былъ Н. Н. Муравьевъ, впослѣдствіи Карскій.

Походъ, о которомъ говорю, ясно доказывалъ, что въ военной службѣ все зависитъ отъ того, кто стоитъ во главѣ части. Въ то время, когда про Семеновцевъ говорили, что ихъ вели 700 верстъ церемоніальнымъ маршемъ, мы видѣли роты другаго полка, шедшими въ изумительномъ безпорядкѣ, въ разбродъ, растянувшимися на версту. Даже на каретѣ командира полка офицеры стояли на подножкахъ, сидѣли на козлахъ и на запяткахъ. Навѣрно можно сказать, что для нихъ походъ былъ гораздо труднѣе, чѣмъ для насъ, — такъ мы втянулись въ порядокъ.

Пройдя Вильно, полкъ нашъ былъ расквартированъ въ Ошмянскомъ уѣздѣ. Мнѣ съ ротою пришлось стоять въ 60 верстахъ отъ полковаго штаба, по гродненскому почтовому тракту, на станціи Вороново. Черезъ нѣсколько дней по на-

шемъ водвореніи въ мѣстечкѣ, станціонный смотритель получилъ предписаніе приготовить лошадей для проѣздовъ Его Высочества Наслѣдника, а затѣмъ и великаго князя Михаила Павловича. Проѣздъ перваго былъ назначенъ на 15 іюля. Къ 9-ти часамъ вечера я, съ моими офицерами, отправился къ станціонному дому, гдѣ, на случай, что Его Высочеству угодно будетъ спросить чаю, приготовили нашу походную сервировку; но оказалось, что для чая была остановка, не доѣзжая до насъ, въ мѣстечкѣ Солечникахъ.

Послѣ 9 часовъ я отпустилъ ординарцевъ, приготовленныхъ на случай проѣзда до вечерней зари. Не смотря на темноту поздней ночи, почтовый дворъ былъ полонъ народа, собравшагося изъ окрестныхъ деревень. Станціонный смотритель хлопоталъ съ ямщиками; еврей — содержатель станціи—спрашивалъ каждаго изъ насъ, хорошо ли онъ развѣсилъ въ комнатѣ картинки; десятскіе, тоже изъ евреевъ, отгоняли мальчишекъ отъ выведенныхъ къ стойкамъ лошадей, и всѣ поглядывали, не видать ли высланнаго на предшествовавшую станцію передоваго. Около полуночи передовой съ крикомъ „Великій Ксенжъ ѣдѣ“, подскакалъ къ крыльцу, соскочилъ съ лошади и повалился на землю, притворяясь, будто онъ отъ усталости не можетъ вымолвить ни слова. Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ тычковъ смотрителя, на вопросъ, сколько лошадей запряжено подъ экипажъ Его Высочества? пробормоталъ „осемь“, просидѣвъ же съ полминуты, сказалъ „седьмъ“; а минуты двѣ спустя крикнулъ „шесть“, вскочилъ и скрылся въ темнотѣ. Каждое изъ этихъ показаній производило необыкновенную суету въ почтовой командѣ, непривыкшей къ проѣзду Высочайшихъ Особъ по этому тракту. Какъ только отблескъ передоваго факела показался у въѣзда въ селеніе, толпа загудѣла: „ѣдѣ, ѣдѣ“! Чтобы унять ее, пришлось принять надъ нею командную власть, иначе крики могли потревожить Наслѣдника, если бы онъ спалъ. Вмѣстѣ съ Цесаревичемъ, который дѣйствительно почивалъ, былъ въ коляскѣ его адъютантъ, графъ А. В. Адлербергъ. Суета перепряжки разбудила Его Высочество, и онъ спросилъ: „Какая это станція“? Я назвалъ селеніе. „А кто отвѣчаетъ мнѣ“? спросилъ Наслѣдникъ. Тогда я назвалъ и себя. Послѣ этого послѣдовали вопросы: „Какъ расположена рота? Какъ мы дошли до

квартиръ? Много ли больныхъ"? Затѣмъ Его Высочеству угодно было вспомнить, какъ онъ, два года назадъ, видѣлъ меня въ Киссенгенѣ и въ эту самую ночь возвратился на воды изъ поѣздки въ Берлинъ. Въ это время лошади были готовы и, съ словами Цесаревича „до свиданія", экипажъ скрылся въ темнотѣ.

Черезъ четыре дня послѣдовалъ проѣздъ Великаго князя Михаила Павловича,—проѣздъ знаменательный, при которомъ мы въ послѣдній разъ видѣли его высочество. Его ожидали въ полдень, но я съ офицерами, ординарцами и нижними чинами роты, стоявшими въ ближайшихъ деревняхъ, былъ у станціоннаго дома въ 11 часовъ. Къ этому времени подъѣхалъ и баталіонный мой командиръ, полковникъ графъ Ребиндеръ, а громадная толпа народа наполняла площадь съ ранняго утра. Ровно въ 12 часовъ Михаилъ Павловичъ, въ коляскѣ, вмѣстѣ съ генералъ-лейтенантомъ Толстымъ, подъѣхалъ къ станціи. Выходя изъ экипажа, онъ сказалъ, что не ожидалъ видѣть здѣсь Семеновцевъ, полагая, что эта станція уже въ раіонѣ Егерскаго полка. По принятіи ординарцевъ, которыми остался вполнѣ доволенъ, Великій князь обратился къ офицерамъ съ словами:

— Ну, что вы здѣсь подѣлываете?

Мы отвѣтили, что стараемся проводить время большею частью между собою, занимаемся рыбною ловлею, охотимся, гуляемъ. Обходя выстроенныхъ возлѣ станціи нижнихъ чиновъ, Михаилъ Павловичъ разспрашивалъ о размѣщеніи роты, о походѣ, о занятіяхъ. Говорилъ о томъ, что мы, вѣроятно, простоимъ въ Литвѣ зиму, что вовсе насъ не порадовало. Обративъ вниманіе на массу евреевъ, окружавшихъ экипажи, великій князь спросилъ, устроили ли мы хоть одну жидовскую свадьбу, и узнавъ, что еще не довелось, продолжалъ:

— Это презабавная штука. Въ 1821 году, когда я съ 1-ю бригадою стоялъ въ глухую осень въ Свенцянахъ, то отъ скуки часто занимался этимъ. Бывало дашь 25 рублей и на другой день свадьба готова.

Взглянувъ еще разъ на роту, его высочество сказалъ:

— Какъ все это молодо, — ни одного знакомаго изъ старыхъ сослуживцевъ, а прежде я зналъ многихъ въ этой ротѣ.

По другую сторону станціи стояло нѣсколько помѣщиковъ,

нарочно пріѣхавшихъ изъ окрестностей. Замѣтя ихъ, Михаилъ Павловичъ спросилъ меня, каковы наши отношенія къ владѣльцу виднѣвшейся за озеромъ мызы, которому и принадлежало и мѣстечко? Я отвѣчалъ, что мы живемъ мирно, а имѣніе принадлежитъ пану Развадовскому и прибавилъ, что онъ находится въ числѣ собравшейся публики.

— Представь его мнѣ—сказалъ Великій князь и, обратясь къ генералу Толстому, прибавилъ:

— Неужели это тотъ Развадовскій, который былъ адъютантомъ въ Литовскомъ полку и за дуэль былъ разжалованъ?

Я въ это время подошелъ къ Развадовскому, предварилъ его о желаніи его высочества говорить съ нимъ, и представилъ его.

Послѣ нѣсколькихъ словъ, Михаилъ Павловичъ, видимо съ намѣреніемъ, чтобы всѣ слышали, громко сказалъ ему:

— Очень радъ, что ваши постояльцы довольны вами; надѣюсь, что и вы будете довольны ими". Затѣмъ, отходя къ экипажу, обратясь ко мнѣ тихо, прибавилъ: „Однако, ты не очень полагайся на угодливость пановъ, будь съ ними себѣ на умѣ".

Между тѣмъ время летѣло, лошади давно были заложены, настала минута отъѣзда. Милостиво и ласково простясь съ нижними чинами, Великій князь началъ садиться въ коляску, причемъ графъ Ребендеръ и я помогали ему.

— Видите — говоритъ онъ при этомъ — старъ сталъ, да и хворъ! Ну, прощайте! Вижу, что у васъ все хорошо. Живите съ Богомъ и помни, что я говорилъ, причемъ взглянулъ на меня, а затѣмъ сказалъ ямщику: „Рушай!"

Это были послѣднія слова, слышанныя мною отъ незабвеннаго начальника и истиннаго отца офицера и солдата.

Грустными и какъ бы осиротѣвшими остались мы на площади, взглянули другъ на друга и точно какое-то тяжелое предчувствіе легло на душу. Каждый изъ насъ замѣтилъ въ Великомъ князѣ большую перемѣну противъ того, какимъ мы видѣли его провожавшимъ полкъ при выступленіи; хотя намъ и было извѣстно, что, по уходѣ гвардіи, онъ былъ боленъ, но никто не могъ предполагать, чтобы эта болѣзнь такъ измѣнила его и была предшественницею другой, чрезъ шесть недѣль прекратившей драгоцѣнные дни его.

Спустя два мѣсяца я былъ въ числѣ командированныхъ для встрѣчи тѣла усопшаго Великаго князя въ Вилькоміръ. Послѣ оффиціальной панихиды, вечеромъ, съ однимъ изъ товарищей мы пошли въ церковь, еще разъ поклониться праху Михаила Павловича. Генералъ Толстой и полковникъ Горемыкинъ были дежурными у гроба. Первый, увидя меня, передалъ, что по выѣздѣ изъ Воронова, покойный Великій князь, на слѣдующей станціи, вспомнивъ о представленныхъ ему мною ординарцахъ, приказалъ выдать имъ по 5 руб. На другое утро я получилъ эти деньги отъ Толстаго и, возвратясь въ Вильно, выдалъ ординарцамъ Щегловитому и Матвѣеву. Нужно было видѣть, какъ была принята всею ротою эта загробная награда.

„Помяни его Господи! Вотъ онъ, отецъ нашъ, и передъ смертью не забылъ солдатскую службу“, — говорили нижніе чины. Черезъ два дня я узналъ, что часть выданныхъ денегъ была употреблена ими на панихиду, за упокой души Великаго князя.

По поводу стоянки въ Вороновѣ, приведу низначительный, но характеризующій солдата описываемаго времени эпизодъ, разсказанный мнѣ паномъ Развадовскимъ.

На одной изъ рыбныхъ ловель, Развадовскій расхваливалъ расторопность моего унтеръ-офицера Петрова (онъ былъ страстный рыболовъ).

— А вы очень полюбили его, замѣтилъ я.

— Да, теперь мы друзья, а сначала онъ напугалъ меня.

— Какимъ образомъ?—спросилъ я.

— Вѣдь вы прислали его квартирьеромъ?

— Ну такъ что же?

— Наканунѣ прихода роты—продолжалъ панъ—я былъ по хозяйству въ полѣ. Возвратясь домой, вижу, что жена въ какомъ-то страхѣ и предупреждаетъ, чтобы я входилъ тише, потому что въ кабинетѣ меня ждетъ гвардеецъ. Вхожу и вижу громаднаго мужчину, при оружіи; каска въ рукахъ, а самъ, растянувшись на диванѣ, спитъ богатырскимъ сномъ. Изъ его повелительнаго тона жена и прислуга заключили, что это долженъ быть офицеръ, а потому я не рѣшился будить его. Долго всѣ въ домѣ ходили на цыпочкахъ. Съ приближеніемъ обѣденнаго времени, я приказалъ поставить приборъ для гроз-

наго гостя. Наконецъ онъ проснулся, протеръ глаза и, увид меня передъ собою, протягиваетъ мнѣ руку, говоря:

— А, панъ здраствуй! Изволь-ка пошевеливаться, да пр ворнѣй очищай домъ, здѣсь будетъ квартира нашего кап тана; мебель, смотри, подбери получше.

Я испугался; называю его ясновельможнымъ паномъ, упр шиваю избавить мой домъ отъ постоя, доказывая, что ротном командиру гораздо удобнѣе стоять въ мѣстечкѣ. Петровъ слышать не хочетъ.

Нечего отговариваться, кричитъ онъ. Ты вѣрно не знаеш что такое гвардія! Да понимаешь ли ты, что Великій кня знаетъ въ ней всякаго солдата, что за ослушаніе тебѣ бѣ будетъ и проч.

На мой вопросъ, съ кѣмъ я имѣю честь говорить и како у него чинъ, Петровъ отвѣчалъ:

— До моего чина тебѣ дѣла нѣтъ, а исполняй что велят

Чтобы какъ нибудь умаслить его, я предложилъ преж пообѣдать, а затѣмъ заняться квартирою. Двѣ-три рюмки ст рой вудки и стаканъ венгерскаго—продолжалъ Раздовскій,- сдѣлали свое дѣло и смягчили Петрова на столько, что посл обѣда, онъ, вмѣстѣ со мною, пошелъ въ мѣстечко, гдѣ мы выбрали для васъ квартиру, но все-таки мебель для нее он взялъ отъ меня.

Когда я разспрашивалъ потомъ Петрова, зачѣмъ онъ з ставлялъ Развадовскаго очищать для меня домъ, то получил такой отвѣтъ:

— Съ ними, ваше высокоблагородіе, иначе не возможн Я сначала хотѣлъ занять домъ, гдѣ вы теперь изволите квартир вать, но староста сказалъ, что этотъ домъ пана и что он строго запретилъ отводить его. Хорошо же, говорю я ст ростѣ, твой панъ самъ будетъ просить меня, чтобы въ этом домѣ стоялъ капитанъ. Вотъ я почему пугнулъ г. Разв довскаго.

Мнѣ оставалось только сказать Петрову—спасибо.

По поводу описываемаго похода, является потребность ск зать о бывшемъ однополчанинѣ моемъ Скюдери. Онъ был лихой товарищъ, добрый и умный малый, не всегда испра ный по службѣ, за что ему и доставалось; но солдаты любил его. Въ походѣ поротно, для того чтобы Гильденштауббе рѣя

видѣлъ его роту, а слѣдовательно и рѣже бы распекалъ его, Скюдери выступалъ съ ночлега въ 2 часа утра и приходилъ на слѣдующій день, не попадая на глаза командира. Послѣдній, не видя нѣсколько дней 2-й роты и догадываясь о причинѣ, приказалъ никому не выступать ранѣе 4-хъ часовъ, но Скюдери ухитрялся и послѣ этого кончать переходъ прежде чѣмъ генералъ догонялъ его роту. Служа потомъ въ арміи, Скюдери оказалъ блистательную храбрость, отличился при Ольтеницѣ, былъ тамъ страшно израненъ, выздоровѣлъ, получилъ Якутскій полкъ и, во время осады Севастополя, въ бою на Черной, палъ впереди полка, получивъ нѣсколько смертельныхъ ранъ. Умирая на перевязочномъ пунктѣ, для того, чтобы подчиненные и товарищи не видѣли его страданій; онъ приказалъ покрыть себя распущеннымъ знаменемъ, и подъ нимъ испустилъ духъ.

22 августа 1850 года исполнилось 150 лѣтъ со времени наименованія Преображенскаго и Семеновскаго полковъ гвардіею. Въ этотъ день Императоръ Николай Павловичъ пожаловалъ имъ новыя знамена. Для приготовленія къ торжественному ихъ освященію, полкъ, вмѣсто обычной стоянки близъ Царскаго Села, прямо изъ лагеря былъ приведенъ въ Петербургъ. 20 числа репетицію парада производилъ Цесаревичъ Александръ Николаевичъ, а 21-го, къ полудню, всѣ офицеры названныхъ полковъ, а также Московскаго и Литовскаго, какъ происходящихъ отъ Преображенскаго, прибыли въ Георгіевскій залъ Зимняго дворца. Тамъ, на 16 столахъ, поставленныхъ въ 4 ряда и покрытыхъ краснымъ сукномъ, лежали древки и полотна знаменъ, а также все необходимое для ихъ прибивки. Въ 12 часовъ вошелъ Государь съ Великими князьями, сопровождаемый громадной свитой. Начавъ прибивку съ 1 баталіона Преображенскаго полка, Императоръ перешелъ къ 1 Семеновскому, потомъ къ Московскому и Литовскому, затѣмъ ко 2-мъ батальонамъ и т. д. Развернувъ полотно 1-го Семеновскаго баталіона и увидавъ надпись „за Кульмъ“, Николай Павловичъ обратился къ намъ съ слѣдующими словами:

„Надѣюсь, господа, что къ этой надписи прибавится современемъ не менѣе славная, за которую если не мнѣ, то вотъ кому (при этомъ онъ указалъ на Наслѣдника и его сыновей),

придется благодарить васъ. Подобную благодарность полкъ вашъ постоянно заслуживалъ, и я увѣренъ, что заслужитъ и въ будущемъ".

Во время прибивки знамени 2-го баталіона, при навертываніи мѣста для гвоздя, шило, соскочивъ съ древка, оцарапало Государю руку. Капля выступившей крови успѣла упасть на полотно. Передавая потомъ это знамя знаменщику, Николай Павловичъ сказалъ:

— „Береги это знамя,—на немъ Царская кровь"!

По окончаніи церемоніи, Императоръ приказалъ нести за нимъ всѣ знамена въ Портретную галлерею. Тамъ каждое знамя, Царскою рукою, было положено къ подножію портрета Императора Александра I.

На слѣдующее утро, передъ Александровскою колонною, стояли два богатые шатра: одинъ для духовенства, другой для лицъ Императорской Фамиліи. Послѣ объѣзда полковъ, Государь принялъ на себя командованіе I-мъ баталіономъ Преображенскаго полка, въ ряды котораго впервые былъ поставленъ 7-ми-лѣтній сынъ Цесаревича, великій князь Николай Александровичъ. Обрядъ освященія совершился по уставу и день закончился большимъ параднымъ обѣдомъ во дворцѣ. На утро была получена бумага, что Императоръ жалуетъ полку старыя знамена, какъ свидѣтелей Бородина, Кульма и Парижа, для храненія ихъ на вѣчныя времена въ полковой церкви.

Въ августѣ 1851 года праздновалось 25-ти-лѣтіе дня коронованія Императора Николая. Для этого былъ направленъ изъ Петербурга въ Москву гвардейскій отрядъ, составленный изъ первыхъ баталіоновъ Преображенскаго и Семеновскаго полковъ и изъ первыхъ полуэскадроновъ Кавалергардовъ и Конной гвардіи, подъ командою генералъ-адъютанта Катенина. Нашъ баталіонъ былъ усиленъ до полнаго комплекта выборными людьми изъ всего полка, снабженъ двойнымъ новымъ обмундированіемъ, однимъ словомъ — снаряженъ щегольски. Командовалъ имъ полковникъ баронъ Бистромъ, сдѣланный за первый же разводъ на Кремлевской площади флигель-адъютантомъ. Названныя гвардейскія части впервые были направлены въ Москву по желѣзной дорогѣ, не вполнѣ еще оконченной и не открытой для публики. Выступленіе наше проис-

ходило въ присутствіи Императора Николая Павловича, безъ всякихъ предварительныхъ репетицій. Въ то время не было ни правилъ для перевозки войскъ по желѣзнымъ дорогамъ, ни офицеровъ генеральнаго штаба завѣдывающихъ передвиженіемъ, ни пресловутыхъ комендантовъ станцій, которыхъ иногда отыскать трудно. Несмотря на это, посадка была исполнена при Государѣ, въ примѣрномъ порядкѣ, въ продолженіи 5-ти минутъ. Передъ посадкою происходило въ Высочайшемъ присутствіи молебствіе и освященіе дороги. Его Величество оставался на платформѣ, покуда баталіонъ, при звукахъ народнаго гимна, не скрылся изъ вида.

Въ одномъ съ нами вагонѣ ѣхали камеръ-пажи того же времени, теперь занимающіе видныя должности на разныхъ поприщахъ службы, напр. баронъ Фредериксъ, Графъ Протасовъ-Бахметьевъ, Маркусъ и другіе.

Желѣзная дорога доканчивалась. Офицеры путей сообщеній и машинисты еще не были вполнѣ знакомы ни съ подъемами, ни съ силою паровозовъ, такъ что у послѣднихъ иногда не доставало паровъ. Мы должны были выходить изъ вагоновъ и тогда нижніе чины помогали локомотиву подымать поѣздъ по подъему.

Императорская Фамилія ѣхала въ Москву тоже въ первый разъ по желѣзной дорогѣ. При ея проѣздѣ былъ случай, о которомъ всѣ говорили. Государю вздумалось подробно осмотрѣть устройство одного моста. Для этого онъ приказалъ остановить поѣздъ, со всею свитою спустился къ рѣкѣ, чтобы видѣть конструкцію моста снизу. Затѣмъ, разспросивъ обо всемъ графа Клейнмихеля и строителей, Его Величество возвратился въ вагоны; но поѣздъ, взойдя на мостъ, сталъ останавливаться и, несмотря на усиленную работу локомотива, не подавался впередъ, хотя колеса быстро вертѣлись. Оказалось, что подрядчикъ черезъ-чуръ поусердствовалъ и, подновляя окраску обшивки, передъ самымъ приходомъ царскаго поѣзда, густо окрасилъ и рельсы. Чрезъ это колеса крутились по маслу, но не имѣя тренія, оставались на мѣстѣ. Пришлось ждать, покуда рельсы посыпали пескомъ.

По пріѣздѣ въ Москву, баталіонъ нашъ размѣстился въ Покровскихъ казармахъ, а намъ, офицерамъ, былъ нанятъ отъ города, по близости, отлично меблированный домъ Шалащни-

*

ковыхъ. Двѣ недѣли, проведенныя нами въ Москвѣ, были рядомъ торжествъ, парадовъ и праздниковъ. Не говоря объ отпускѣ солдатамъ отличной пищи отъ города, не проходило дня, чтобы въ казармы не являлись прикащики купцовъ, просить позволенія угостить нижнихъ чиновъ пирогами, пряниками или яблоками, отъ имени ихъ хозяевъ. Тогдашній генералъ-губернаторъ, графъ Закревскій, старался доставить офицерамъ всевозможныя удовольствія: обѣды, балы, спектакли, то у него, то въ дворянскомъ собраніи, то у губернскаго предводителя Черткова, смѣнялись одно другимъ.

Въ описываемое время мнѣ удалось въ первый разъ видѣсь ветерана отечественной войны А. П. Ермолова. Я счелъ необходимымъ представиться ему потому, что составляя тогда исторію Семеновскаго полка, находилъ полезнымъ переговорить съ нимъ о времени, когда онъ былъ начальникомъ 1-й гвардейской дивизіи. Ему видимо было пріятно вспомнить о прошломъ, и онъ сообщилъ мнѣ много интереснаго, но когда я хотѣлъ узнать его взглядъ на событіе, случившееся въ Семеновскомъ полку въ 1820 году, при полковникѣ Шварцѣ, то Ермоловъ сказалъ слѣдующее: „меня въ то время не было въ Петербургѣ, а если бы я былъ на лицо, то конечно не допустилъ бы Васильчикова сдѣлать то, что онъ сдѣлалъ съ славнымъ полкомъ. Ему видно было мало примѣра съ Криднеромъ и захотѣлось снова поддержать нѣмца“. О Шварцѣ Алексѣй Петровичъ отзывался съ презрѣніемъ *).

Въ день годовщины коронаціи мнѣ довелось стоять съ ротою на караулѣ, на главной гауптвахтѣ въ Кремлѣ. Императорская Чета шествовала въ Успенскій соборъ, по устроенному мимо караула помосту, среди несмѣтныхъ массъ народа, наполнявшаго не только Кремль, но и окружающія его улицы и площади. Никогда я не забуду того момента, когда Государь, возвратясь на Красное крыльцо, кланялся на три стороны народу. Ни звона Ивановскихъ колоколовъ, ни пушечныхъ выстрѣловъ, ничего не было слышно отъ того „ура“, которое

*) Криднеръ командовалъ Семеновскимъ полкомъ въ 1812 году и лишился его вслѣдствіе непріятностей съ офицерами, при чемъ Ермоловъ, какъ врагъ нѣмцевъ, не только не поддержалъ его, но напротивъ, содѣйствовалъ его паденію.

огласило Москву въ эту минуту. Я видѣлъ какъ народъ подымалъ надъ собой младенцевъ, въ знакъ того, что онъ готовъ отдать за Царя и себя, и дѣтей своихъ.

На всѣхъ торжественныхъ пріемахъ и празднестнахъ гвардейскій отрядъ имѣлъ своимъ представителемъ Александра Андреевича Катенина. Говоря о немъ, нельзя не вспомнить о необыкновенной его находчивости при отвѣтахъ. Какъ командиръ Преображенскаго полка, онъ пользовался особою привиллегіею имѣть ежедневно личный доступъ къ Государю. Обыкновенно онъ былъ принимаемъ по утру, въ уборной. Однажды, одѣваясь, стоя у зеркала, Николай Павловичъ спросилъ входящаго Катенина:

— „Катенинъ! Что бы ты сдѣлалъ, если бы я былъ рекрутомъ твоего полка?“

— „Я поставилъ бы васъ на часы къ русскому Царю“,— отвѣтилъ Катенинъ.

Въ противуположность ему, былъ съ нами штабъ-офицеръ изъ нѣмцевъ, отличавшійся тѣмъ, что, говоря о чемъ-либо публично, всегда отпустить, бывало, такую фразу, что такъ и срѣжетъ. Передъ отъѣздомъ изъ Москвы, графъ Закревскій, вмѣстѣ съ Катенинымъ, пріѣхалъ въ Покровскія казармы, проститься съ баталіономъ. Провожая его до коляски, офицеры шепнули своему штабъ-офицеру, что не мѣшало бы ему, отъ ихъ имени, выразить генералъ-губернатору благодарность, за оказанное вниманіе и радушный пріемъ. Когда Закревскій уже сѣлъ въ коляску, а Катенинъ стоялъ съ другой стороны на подножкѣ, держась рукою за козлы, нашъ ораторъ повелъ свою благодарственную рѣчь такъ:

— „Ваше сіятельство! Вы были внимательны... мы—солдаты, и я, и офицеры... все чувствуемъ... благодаримъ... отъ мала до велика... и будемъ всегда помнить, однимъ словомъ вашему сіятельству *вѣчная память*!“

„Пошелъ!“ сказалъ Катенинъ кучеру, а мы, вакъ облитые водою, остались на крыльцѣ. Вотъ такъ отблагодарилъ!—подумалъ каждый.

На обратномъ пути гвардейскій отрядъ остановился на 6 часовъ, въ полномъ составѣ, въ Вышнемъ-Волочкѣ, гдѣ городской голова далъ обѣдъ офицерамъ обоихъ баталіоновъ. Во время постройки Николаевской дороги, многіе изъ офицеровъ

нарочно пріѣхавшихъ изъ окрестностей. Замѣтя ихъ, Михаилъ Павловичъ спросилъ меня, каковы наши отношенія къ владѣльцу виднѣвшейся за озеромъ мызы, которому и принадлежало и мѣстечко? Я отвѣчалъ, что мы живемъ мирно, а имѣніе принадлежитъ пану Развадовскому и прибавилъ, что онъ находится въ числѣ собравшейся публики.

— Представь его мнѣ—сказалъ Великій князь и, обратясь къ генералу Толстому, прибавилъ:

— Неужели это тотъ Развадовскій, который былъ адъютантомъ въ Литовскомъ полку и за дуэль былъ разжалованъ?

Я въ это время подошелъ къ Развадовскому, предварилъ его о желаніи его высочества говорить съ нимъ, и представилъ его.

Послѣ нѣсколькихъ словъ, Михаилъ Павловичъ, видимо съ намѣреніемъ, чтобы всѣ слышали, громко сказалъ ему:

— Очень радъ, что ваши постояльцы довольны вами; надѣюсь, что и вы будете довольны ими". Затѣмъ, отходя къ экипажу, обратясь ко мнѣ тихо, прибавилъ: „Однако, ты не очень полагайся на угодливость пановъ, будь съ ними себѣ на умѣ".

Между тѣмъ время летѣло, лошади давно были заложены, настала минута отъѣзда. Милостиво и ласково простясь съ нижними чинами, Великій князь началъ садиться въ коляску, причемъ графъ Ребендеръ и я помогали ему.

— Видите — говоритъ онъ при этомъ — старъ сталъ, да и хворъ! Ну, прощайте! Вижу, что у васъ все хорошо. Живите съ Богомъ и помни, что я говорилъ, причемъ взглянулъ на меня, а затѣмъ сказалъ ямщику: „Рушай!"

Это были послѣднія слова, слышанныя мною отъ незабвеннаго начальника и истиннаго отца офицера и солдата.

Грустными и какъ бы осиротѣвшими остались мы на площади, взглянули другъ на друга и точно какое-то тяжелое предчувствіе легло на душу. Каждый изъ насъ замѣтилъ въ Великомъ князѣ большую перемѣну противъ того, какимъ мы видѣли его провожавшимъ полкъ при выступленіи; хотя намъ и было извѣстно, что, по уходѣ гвардіи, онъ былъ боленъ, но никто не могъ предполагать, чтобы эта болѣзнь такъ измѣнила его и была предшественницею другой, чрезъ шесть недѣль прекратившей драгоцѣнные дни его.

Спустя два мѣсяца я былъ въ числѣ командированныхъ для встрѣчи тѣла усопшаго Великаго князя въ Вилькомірь. Послѣ оффиціальной панихиды, вечеромъ, съ однимъ изъ товарищей мы пошли въ церковь, еще разъ поклониться праху Михаила Павловича. Генералъ Толстой и полковникъ Горемыкинъ были дежурными у гроба. Первый, увидя меня, передалъ, что по выѣздѣ изъ Воронова, покойный Великій князь, на слѣдующей станціи, вспомнивъ о представленныхъ ему мною ординарцахъ, приказалъ выдать имъ по 5 руб. На другое утро я получилъ эти деньги отъ Толстаго и, возвратясь въ Вильно, выдалъ ординарцамъ Щегловитому и Матвѣеву. Нужно было видѣть, какъ была принята всею ротою эта загробная награда.

„Помяни его Господи! Вотъ онъ, отецъ нашъ, и передъ смертью не забылъ солдатскую службу", — говорили нижніе чины. Черезъ два дня я узналъ, что часть выданныхъ денегъ была употреблена ими на панихиду, за упокой души Великаго князя.

По поводу стоянки въ Вороновѣ, приведу низначительный, но характеризующій солдата описываемаго времени эпизодъ, разсказанный мнѣ паномъ Развадовскимъ.

На одной изъ рыбныхъ ловель, Развадовскій расхваливалъ расторопность моего унтеръ-офицера Петрова (онъ былъ страстный рыболовъ).

— А вы очень полюбили его, замѣтилъ я.

— Да, теперь мы друзья, а сначала онъ напугалъ меня.

— Какимъ образомъ?—спросилъ я.

— Вѣдь вы прислали его квартирьеромъ?

— Ну такъ что же?

— Наканунѣ прихода роты—продолжалъ панъ—я былъ по хозяйству въ полѣ. Возвратясь домой, вижу, что жена въ какомъ-то страхѣ и предупреждаетъ, чтобы я входилъ тише, потому что въ кабинетѣ меня ждетъ гвардеецъ. Вхожу и вижу громаднаго мужчину, при оружіи; каска въ рукахъ, а самъ, растянувшись на диванѣ, спитъ богатырскимъ сномъ. Изъ его повелительнаго тона жена и прислуга заключили, что это долженъ быть офицеръ, а потому я не рѣшился будить его. Долго всѣ въ домѣ ходили на цыпочкахъ. Съ приближеніемъ обѣденнаго времени, я приказалъ поставить приборъ для гроз-

наго гостя. Наконецъ онъ проснулся, протеръ глаза и, увидя меня передъ собою, протягиваетъ мнѣ руку, говоря:

— А, панъ здраствуй! Изволь-ка пошевеливаться, да проворнѣй очищай домъ, здѣсь будетъ квартира нашего капитана; мебель, смотри, подбери получше.

Я испугался; называю его ясновельможнымъ паномъ, упрашиваю избавить мой домъ отъ постоя, доказывая, что ротному командиру гораздо удобнѣе стоять въ мѣстечкѣ. Петровъ и слышать не хочетъ.

Нечего отговариваться, кричитъ онъ. Ты вѣрно не знаешь, что такое гвардія! Да понимаешь ли ты, что Великій князь знаетъ въ ней всякаго солдата, что за ослушаніе тебѣ бѣда будетъ и проч.

На мой вопросъ, съ кѣмъ я имѣю честь говорить и какой у него чинъ, Петровъ отвѣчалъ:

— До моего чина тебѣ дѣла нѣтъ, а исполняй что велятъ.

Чтобы какъ нибудь умаслить его, я предложилъ прежде пообѣдать, а затѣмъ заняться квартирою. Двѣ-три рюмки старой вудки и стаканъ венгерскаго—продолжалъ Раздовскій,— сдѣлали свое дѣло и смягчили Петрова на столько, что послѣ обѣда, онъ, вмѣстѣ со мною, пошелъ въ мѣстечко, гдѣ мы и выбрали для васъ квартиру, но все-таки мебель для нее онъ взялъ отъ меня.

Когда я разспрашивалъ потомъ Петрова, зачѣмъ онъ заставлялъ Развадовскаго очищать для меня домъ, то получилъ такой отвѣтъ:

— Съ ними, ваше высокоблагородіе, иначе не возможно. Я сначала хотѣлъ занять домъ, гдѣ вы теперь изволите квартировать, но староста сказалъ, что этотъ домъ пана и что онъ строго запретилъ отводить его. Хорошо же, говорю я старостѣ, твой панъ самъ будетъ просить меня, чтобы въ этомъ домѣ стоялъ капитанъ. Вотъ я почему пугнулъ г. Развадовскаго.

Мнѣ оставалось только сказать Петрову—спасибо.

По поводу описываемаго похода, является потребность сказать о бывшемъ однополчанинѣ моемъ Скюдери. Онъ былъ лихой товарищъ, добрый и умный малый, не всегда исправный по службѣ, за что ему и доставалось; но солдаты любили его. Въ походѣ нарочно, для того чтобы Гильденштаубе рѣже

видѣлъ его роту, а слѣдовательно и рѣже бы распекалъ его, Скюдери выступалъ съ ночлега въ 2 часа утра и приходилъ на слѣдующій день, не попадая на глаза командира. Послѣдній, не видя нѣсколько дней 2-й роты и догадываясь о причинѣ, приказалъ никому не выступать ранѣе 4-хъ часовъ, но Скюдери ухитрялся и послѣ этого кончать переходъ прежде чѣмъ генералъ догонялъ его роту. Служа потомъ въ арміи, Скюдери оказалъ блистательную храбрость, отличился при Ольтеницѣ, былъ тамъ страшно израненъ, выздоровѣлъ, получилъ Якутскій полкъ и, во время осады Севастополя, въ бою на Черной, палъ впереди полка, получивъ нѣсколько смертельныхъ ранъ. Умирая на перевязочномъ пунктѣ, для того, чтобы подчиненные и товарищи не видѣли его страданій, онъ приказалъ покрыть себя распущеннымъ знаменемъ, и подъ нимъ испустилъ духъ.

22 августа 1850 года исполнилось 150 лѣтъ со времени наименованія Преображенскаго и Семеновскаго полковъ гвардіею. Въ этотъ день Императоръ Николай Павловичъ пожаловалъ имъ новыя знамена. Для приготовленія къ торжественному ихъ освященію, полкъ, вмѣсто обычной стоянки близь Царскаго Села, прямо изъ лагеря былъ приведенъ въ Петербургъ. 20 числа репетицію парада производилъ Цесаревичъ Александръ Николаевичъ, а 21-го, къ полудню, всѣ офицеры названныхъ полковъ, а также Московскаго и Литовскаго, какъ происходящихъ отъ Преображенскаго, прибыли въ Георгіевскій залъ Зимняго дворца. Тамъ, на 16 столахъ, поставленныхъ въ 4 ряда и покрытыхъ краснымъ сукномъ, лежали древки и полотна знаменъ, а также все необходимое для ихъ прибивки. Въ 12 часовъ вошелъ Государь съ Великими князьями, сопровождаемый громадной свитой. Начавъ прибивку съ 1 баталіона Преображенскаго полка, Императоръ перешелъ къ 1 Семеновскому, потомъ къ Московскому и Литовскому, затѣмъ ко 2-мъ батальонамъ и т. д. Развернувъ полотно 1-го Семеновскаго баталіона и увидавъ надпись „за Кульмъ“, Николай Павловичъ обратился къ намъ съ слѣдующими словами:

„Надѣюсь, господа, что къ этой надписи прибавится современемъ не менѣе славная, за которую если не мнѣ, то вотъ кому (при этомъ онъ указалъ на Наслѣдника и его сыновей),

придется благодарить васъ. Подобную благодарность полкъ вашъ постоянно заслуживалъ, и я увѣренъ, что заслужитъ и въ будущемъ".

Во время прибивки знамени 2-го баталіона, при навертываніи мѣста для гвоздя, шило, соскочивъ съ древка, оцарапало Государю руку. Капля выступившей крови успѣла упасть на полотно. Передавая потомъ это знамя знаменщику, Николай Павловичъ сказалъ:

— „Береги это знамя,—на немъ Царская кровь"!

По окончаніи церемоніи, Императоръ приказалъ нести за нимъ всѣ знамена въ Портретную галлерею. Тамъ каждое знамя, Царскою рукою, было положено къ подножію портрета Императора Александра I.

На слѣдующее утро, передъ Александровскою колонною, стояли два богатые шатра: одинъ для духовенства, другой для лицъ Императорской Фамиліи. Послѣ объѣзда полковъ, Государь принялъ на себя командованіе I-мъ баталіономъ Преображенскаго полка, въ ряды котораго впервые былъ поставленъ 7-ми-лѣтній сынъ Цесаревича, великій князь Николай Александровичъ. Обрядъ освященія совершился по уставу и день закончился большимъ параднымъ обѣдомъ во дворцѣ. На утро была получена бумага, что Императоръ жалуетъ полку старыя знамена, какъ свидѣтелей Бородина, Кульма и Парижа, для храненія ихъ на вѣчныя времена въ полковой церкви.

Въ августѣ 1851 года праздновалось 25-ти-лѣтіе дня коронованія Императора Николая. Для этого былъ направленъ изъ Петербурга въ Москву гвардейскій отрядъ, составленный изъ первыхъ баталіоновъ Преображенскаго и Семеновскаго полковъ и изъ первыхъ полуэскадроновъ Кавалергардовъ и Конной гвардіи, подъ командою генералъ-адъютанта Катенина. Нашъ баталіонъ былъ усиленъ до полнаго комплекта выборными людьми изъ всего полка, снабженъ двойнымъ новымъ обмундированіемъ, однимъ словомъ — снаряженъ щегольски. Командовалъ имъ полковникъ баронъ Бистромъ, сдѣланный за первый же разводъ на Кремлевской площади флигель-адъютантомъ. Названныя гвардейскія части впервые были направлены въ Москву по желѣзной дорогѣ, не вполнѣ еще оконченной и не открытой для публики. Выступленіе наше проис-

ходило въ присутствіи Императора Николая Павловича, безъ всякихъ предварительныхъ репетицій. Въ то время не было ни правилъ для перевозки войскъ по желѣзнымъ дорогамъ, ни офицеровъ генеральнаго штаба завѣдывающихъ передвиженіемъ, ни пресловутыхъ комендантовъ станцій, которыхъ иногда отыскать трудно. Несмотря на это, посадка была исполнена при Государѣ, въ примѣрномъ порядкѣ, въ продолженіи 5-ти минутъ. Передъ посадкою происходило въ Высочайшемъ присутствіи молебствіе и освященіе дороги. Его Величество оставался на платформѣ, покуда баталіонъ, при звукахъ народнаго гимна, не скрылся изъ вида.

Въ одномъ съ нами вагонѣ ѣхали камеръ-пажи того же времени, теперь занимающіе видныя должности на разныхъ поприщахъ службы, напр. баронъ Фредериксъ, Графъ Протасовъ-Бахметьевъ, Маркусъ и другіе.

Желѣзная дорога доканчивалась. Офицеры путей сообщеній и машинисты еще не были вполнѣ знакомы ни съ подъемами, ни съ силою паровозовъ, такъ что у послѣднихъ иногда не доставало паровъ. Мы должны были выходить изъ вагоновъ и тогда нижніе чины помогали локомотиву подымать поѣздъ по подъему.

Императорская Фамилія ѣхала въ Москву тоже въ первый разъ по желѣзной дорогѣ. При ея проѣздѣ былъ случай, о которомъ всѣ говорили. Государю вздумалось подробно осмотрѣть устройство одного моста. Для этого онъ приказалъ остановить поѣздъ, со всею свитою спустился къ рѣкѣ, чтобы видѣть конструкцію моста снизу. Затѣмъ, разспросивъ обо всемъ графа Клейнмихеля и строителей, Его Величество возвратился въ вагоны; но поѣздъ, взойдя на мостъ, сталъ останавливаться и, несмотря на усиленную работу локомотива, не подавался впередъ, хотя колеса быстро вертѣлись. Оказалось, что подрядчикъ черезъ-чуръ поусердствовалъ и, подновляя окраску обшивки, передъ самымъ приходомъ царскаго поѣзда, густо окрасилъ и рельсы. Чрезъ это колеса крутились по маслу, но не имѣя тренія, оставались на мѣстѣ. Пришлось ждать, покуда рельсы посыпали пескомъ.

По пріѣздѣ въ Москву, баталіонъ нашъ размѣстился въ Покровскихъ казармахъ, а намъ, офицерамъ, былъ нанятъ отъ города, по близости, отлично меблированный домъ Шалашни-

ковыхъ. Двѣ недѣли, проведенныя нами въ Москвѣ, были рядомъ торжествъ, парадовъ и праздниковъ. Не говоря объ отпускѣ солдатамъ отличной пищи отъ города, не проходило дня, чтобы въ казармы не являлись прикащики купцовъ, просить позволенія угостить нижнихъ чиновъ пирогами, пряниками или яблоками, отъ имени ихъ хозяевъ. Тогдашній генералъ-губернаторъ, графъ Закревскій, старался доставить офицерамъ всевозможныя удовольствія: обѣды, балы, спектакли, то у него, то въ дворянскомъ собраніи, то у губернскаго предводителя Черткова, смѣнялись одно другимъ.

Въ описываемое время мнѣ удалось въ первый разъ видѣсь ветерана отечественной войны А. П. Ермолова. Я счелъ необходимымъ представиться ему потому, что составляя тогда исторію Семеновскаго полка, находилъ полезнымъ переговорить съ нимъ о времени, когда онъ былъ начальникомъ 1-й гвардейской дивизіи. Ему видимо было пріятно вспомнить о прошломъ, и онъ сообщилъ мнѣ много интереснаго, но когда я хотѣлъ узнать его взглядъ на событіе, случившееся въ Семеновскомъ полку въ 1820 году, при полковникѣ Шварцѣ, то Ермоловъ сказалъ слѣдующее: „меня въ то время не было въ Петербургѣ, а если бы я былъ на лицо, то конечно не допустилъ бы Васильчикова сдѣлать то, что онъ сдѣлалъ съ славнымъ полкомъ. Ему видно было мало примѣра съ Криднеромъ и захотѣлось снова поддержать нѣмца". О Шварцѣ Алексѣй Петровичъ отзывался съ презрѣніемъ *).

Въ день годовщины коронаціи мнѣ довелось стоять съ ротою на караулѣ, на главной гауптвахтѣ въ Кремлѣ. Императорская Чета шествовала въ Успенскій соборъ, по устроенному мимо караула помосту, среди несмѣтныхъ массъ народа, наполнявшаго не только Кремль, но и окружающія его улицы и площади. Никогда я не забуду того момента, когда Государь, возвратясь на Красное крыльцо, кланялся на три стороны народу. Ни звона Ивановскихъ колоколовъ, ни пушечныхъ выстрѣловъ, ничего не было слышно отъ того „ура", которое

*) Криднеръ командовалъ Семеновскимъ полкомъ въ 1812 году и лишился его вслѣдствіе непріятностей съ офицерами, при чемъ Ермоловъ какъ врагъ нѣмцевъ, не только не поддержалъ его, но напротивъ, содѣйствовалъ его паденію.

огласило Москву въ эту минуту. Я видѣлъ какъ народъ подымалъ надъ собой младенцевъ, въ знакъ того, что онъ готовъ отдать за Царя и себя, и дѣтей своихъ.

На всѣхъ торжественныхъ пріемахъ и празднествахъ гвардейскій отрядъ имѣлъ своимъ представителемъ Александра Андреевича Катенина. Говоря о немъ, нельзя не вспомнить о необыкновенной его находчивости при отвѣтахъ. Какъ командиръ Преображенскаго полка, онъ пользовался особою привиллегіею имѣть ежедневно личный доступъ къ Государю. Обыкновенно онъ былъ принимаемъ по утру, въ уборной. Однажды, одѣваясь, стоя у зеркала, Николай Павловичъ спросилъ входящаго Катенина:

— „Катенинъ! Что бы ты сдѣлалъ, если бы я былъ рекрутомъ твоего полка?"

— „Я поставилъ бы васъ на часы къ русскому Царю",— отвѣтилъ Катенинъ.

Въ противуположность ему, былъ съ нами штабъ-офицеръ изъ нѣмцевъ, отличавшійся тѣмъ, что, говоря о чемъ-либо публично, всегда отпустить, бывало, такую фразу, что такъ и срѣжетъ. Передъ отъѣздомъ изъ Москвы, графъ Закревскій, вмѣстѣ съ Катенинымъ, пріѣхалъ въ Покровскія казармы, проститься съ баталіономъ. Провожая его до коляски, офицеры шепнули своему штабъ-офицеру, что не мѣшало бы ему, отъ ихъ имени, выразить генералъ-губернатору благодарность, за оказанное вниманіе и радушный пріемъ. Когда Закревскій уже сѣлъ въ коляску, а Катенинъ стоялъ съ другой стороны на подножкѣ, держась рукою за козлы, нашъ ораторъ повелъ свою благодарственную рѣчь такъ:

— „Ваше сіятельство! Вы были внимательны... мы—солдаты, и я, и офицеры... все чувствуемъ... благодаримъ... отъ мала до велика... и будемъ всегда помнить, однимъ словомъ вашему сіятельству *вѣчная память*!"

„Пошелъ!" сказалъ Катенинъ кучеру, а мы, какъ облитые водою, остались на крыльцѣ. Вотъ такъ отблагодарилъ!—подумалъ каждый.

На обратномъ пути гвардейскій отрядъ остановился на 6 часовъ, въ полномъ составѣ, въ Вышнемъ-Волочкѣ, гдѣ городской голова далъ обѣдъ офицерамъ обоихъ баталіоновъ. Во время постройки Николаевской дороги, многіе изъ офицеровъ

путей-сообщеній женились на купеческихъ дочкахъ ближайшихъ городовъ, поэтому въ числѣ приглашенныхъ было не мало строителей съ ихъ супругами. Замѣтивъ это, Катенинъ, во время обѣда, послѣ оффиціальныхъ тостовъ, провозгласилъ:

„За здоровье общества офицеровъ путей-сообщенія, окончившихъ великое государственное предпріятіе“.

Я сидѣлъ рядомъ съ тѣмъ, кто отпустилъ вѣчную память Закревскому; послѣ провозглашенія Катенинымъ тоста, наклонясь ко мнѣ, онъ говоритъ:

„Вы слышите что онъ сказалъ? Что за краснорѣчіе! Знаете ли, что когда онъ говоритъ, я не только слушаю, но даже смотрю ему въ ротъ, такъ онъ говоритъ!

Нашъ отъѣздъ изъ Москвы былъ новымъ доказательствомъ ея радушія. Одинъ изъ купцовъ просилъ дозволенія генералъ-губернатора угостить баталіонъ передъ выѣздомъ. Когда мы пришли на путевой дворъ желѣзной дороги, то тамъ уже были накрыты столы для нижнихъ чиновъ, а офицеровъ пригласили на роскошный завтракъ въ вокзалъ. Послѣ нѣсколькихъ тостовъ, хозяинъ угощенія такъ расходился, что, обращаясь къ графу Закревскому, сказалъ:

— Позвольте, ваше сіятельство, остаться имъ еще на денекъ; мы бы показали, что можетъ сдѣлать Москва для царской гвардіи.

Войдя въ вагонъ, каждый изъ офицеровъ нашелъ на своемъ мѣстѣ нарядную корзинку, съ надписью его чина и фамиліи. Въ корзинкѣ были: пара жареныхъ рябчиковъ, страсбургскій пирогъ, нѣсколько пирожковъ, персики, бутылка шампанскаго и столовый приборъ. Такая предусмотрительность была кстати, потому что по дорогѣ не вездѣ еще были устроены буфеты.

Возвращаюсь къ характеристикѣ А. И. Гильденштуббе, подъ ближайшимъ начальствомъ котораго мнѣ довелось служить два раза, совершенно при различныхъ положеніяхъ и условіяхъ. Онъ командовалъ нашимъ полкомъ одновременно съ Катенинымъ, стоявшимъ во главѣ Преображенскаго. Насколько послѣдній былъ счастливъ, на столько заслуги перваго, какъ командира полка, оставались въ тѣни, чему большею частію онъ самъ былъ виною. Бывало на бригадныхъ ученьяхъ, хотя и не его полкъ въ первой линіи, Катенинъ такъ и вьется возлѣ Государя, а Гильденштуббе, какъ монувъ

ментъ, ни за что не тронется съ мѣста, указаннаго полковому командиру въ уставѣ. Въ характерѣ этого человѣка была какая-то необъяснимая робость и частенько, изъ-за своихъ оригинальныхъ принциповъ, онъ не только вредилъ себѣ, но и полку. Насколько, бывши уже въ большихъ чинахъ и въ роли старшаго начальника, онъ былъ чваненъ и важенъ передъ младшими, на столько, въ присутствіи стоявшихъ выше его—робокъ и податливъ. Онъ стушевывался при всякомъ, кто только имѣлъ значеніе въ министерствѣ, хотя былъ и младшій по чину. Угодить таковому, даже въ ущербъ собственнаго значенія, или въ невыгоду своихъ подчиненныхъ, было его правиломъ. Зная въ теченіи 30 лѣтъ его личные взгляды на многое, помня его требованія и убѣжденія, какъ командира полка, потомъ тяжело было испытывать, какъ такой честный человѣкъ, молча подчиняется противному своимъ убѣжденіямъ и, затаивъ въ себѣ прежнее, притворяется, что признаетъ пользу новаго.

Однажды, боязнь показаться навязчивымъ и сдѣлать что-либо могущее не понравиться выше, вовлекла его въ большой промахъ. При выступленіи маневрами въ лагерь, нашему полку было назначено перейти изъ Петербурга на Бабій гонъ (3 версты за Петергофомъ) двумя переходами, съ ночлегомъ въ Стрѣльнѣ. Тамъ жилъ на своей дачѣ графъ Орловъ. Бывъ у Государя, послѣдній передалъ, что Семеновскій полкъ ночуетъ въ Стрѣльнѣ. Это напомнило Николаю Павловичу, что полкъ на слѣдующій день будетъ проходить черезъ Петергофъ, при чемъ онъ предположилъ осмотрѣть его и приказалъ коменданту Корсакову, когда будутъ проходить черезъ заставу квартирьеры, передать черезъ нихъ, чтобы полкъ остановился у заставы и ему дали бы знать объ этомъ. Гильденштуббе же, желая избавиться нареканія въ навязчивости, посылая квартирьеровъ, приказалъ бывшему съ ними офицеру обойти заставу не расписываясь, а полку назначилъ выступленіе съ такимъ разсчетомъ, чтобы пройти мимо Александріи и черезъ Петергофъ въ 4 часа утра, тихо и безъ музыки, дабы не безпокоить Императрицу. Такимъ образомъ мы чуть не крадучись прошли по спящему городу, прямо на Бабій-гонъ. Тамъ отдано было приказаніе офицерамъ, въ ожиданіи пріѣзда кого-либо изъ лицъ Царской фамиліи, никуда не отлучаться. Цѣлый день мы были, какъ говорится, на чеку, но никто не пріѣзжалъ.

Часу въ 6-мъ, видимъ, несется фельдъегерь съ повелѣніемъ,— полковому командиру немедленно прибыть къ Государю въ Александрію. Минуты черезъ три Гильденштуббе уже летѣлъ на рысакахъ къ Петергофу, а полковой адъютантъ поспѣшилъ сообщить офицерамъ, что генералъ вѣроятно приглашенъ къ вечернему чаю. Въ то время, малѣйшее вниманіе лицъ Императорской Фамиліи, не только къ командиру, но къ кому либо изъ офицеровъ, мы принимали за милость ко всему полку. Похаживая по деревнѣ, ждемъ мы съ нетерпѣніемъ, что привезетъ нашъ генералъ новаго изъ дворца. Но онъ возвратился гораздо скорѣе, чѣмъ могъ длиться чай, и мрачный, не обращая ни на кого вниманія, выходитъ изъ коляски и запирается въ своей квартирѣ, не принимая даже рапорта дежурнаго. Что произошло, оставалось для насъ долго тайною, даже и послѣ того, что Цесаревичъ Александръ Николаевичъ черезъ день, въ Красномъ селѣ, отозвавъ командира въ сторону, что-то очень серьезно выговаривалъ ему. Только сдавъ полкъ, спустя 12 лѣтъ, бывши за границею, Гильденштуббе вспоминая прошлое, лично разсказалъ мнѣ слѣдующее:

— Когда, пріѣхавъ въ Александрію—говорилъ онъ—я вошелъ на половину Государя,—камердинеръ, не докладывая отворилъ мнѣ дверь въ кабинетъ. Николай Павловичъ стоялъ спиною ко входу, у окна, выходящаго къ морю, и минуты три не обращалъ на меня вниманія. Наконецъ обернулся и, не подходя, держа руки за полами сюртука, говоритъ:

„Позвольте васъ спросить, по какому праву вы не удостоили явиться къ вашему шефу съ рапортомъ, проходя Петергофъ“?

— Можете вообразить, что я почувствовалъ въ эту минуту — говорилъ мнѣ Гильденштуббе, но все-таки осмѣлился отвѣтить, что полкъ вступалъ очень рано и я боялся обезпокоить Государя.

„Очень жаль,—продолжалъ Николай Павловичъ, что вы дослужившись до генеральскаго чина, не знаете, что для меня нѣтъ безпокойства тамъ, гдѣ дѣло касается службы, и что я всегда радъ лишній разъ видѣть мои войска. Принимая коменданта, я спрашиваю вступили-ли ваши квартирьеры? онъ отвѣчаетъ, что ничего не знаетъ, значитъ—не было исполнено правило устава. Затѣмъ два раза посылаю на заставу спро

сить не проходилъ ли полкъ, и наконецъ узнаю, что вы прокрались съ полкомъ черезъ городъ, чуть не ночью".

Я хотѣлъ сказать, что виноватъ, но Государь не далъ мнѣ вымолвить этого слова, говоря:

„Это еще не все. Теперь вы стоите въ имѣніи моей жены. Всякій благовоспитанный полковой командиръ, проходя имѣніе помѣщика, считаетъ обязанностію сдѣлать ему визитъ,—это правило вѣжливости; но вы не сдѣлали и этого. Императрица желала сегодня принять вашихъ офицеровъ, для чего былъ назначенъ вечерній чай на ея собственной дачѣ; но какъ вамъ не угодно было явиться ни ко мнѣ, ни къ Императрицѣ, то я отмѣнилъ, и вашимъ офицерамъ остается поблагодарить васъ за это. Можете отправляться".

Гильденштуббе закончилъ этотъ разсказъ словами:

— Не понимаю, какъ со мною тогда же не сдѣлалось удара.

Послѣ этого эпизода, въ полку было принято называть сильную распечку „вечернимъ чаемъ". Бывало, если кто возвращался отъ того же Гильденштуббе невеселымъ, то товарищи спрашивали: „что, пилъ чай"?

„Пилъ"! отвѣчаетъ встрѣченный, махнувъ рукою.

ГЛАВА IV.

1854—1857.

Первый литературный трудъ. — Описаніе событія 1820 года. Лѣто 1854 года въ Петергофѣ.—Англо-французскій флотъ у Кронштадта. —Походъ въ Литву.—Бѣдствія отъ тифа.—Извѣстіе о кончинѣ Императора Николая Павловича.—Новыя лица и новые взгляды. Развитіе стрѣлковаго дѣла.—Учебные карабинерные полки.—Упраздненіе кантонистскихъ заведеній.—Сформированіе гвардейскихъ стрѣлковыхъ баталіоновъ.—Въ Москвѣ на коронаціи —Командованіе графа А. С Строгонова.—Причины его отставки.—Переходъ на службу въ арміи.

По возвращеніи изъ похода 1849 года, мнѣ впервые пришла мысль, въ свободное отъ службы время, заняться собраніемъ матеріаловъ для исторіи полка, въ которомъ уже прошли первыя 7 лѣтъ моей службы. Досадно было видѣть, что полкъ, прожившій полтора вѣка, не имѣетъ въ своей библіотекѣ ничего, что бы говорило о его славномъ прошедшемъ, кромѣ ничтожной таблицы Сипягина, напечатанной въ видѣ картинки, на которой, исключая фамилій полковыхъ командировъ, да сухихъ цифръ о численности штатовъ, ничего не было. Но какъ приступить къ такому трудному дѣлу, какъ приняться за него? Къ счастію, я встрѣтилъ полное сочувствіе со стороны полковаго командира, предоставившаго въ мое распоряженіе полковой архивъ. Онъ оказался на чердакѣ, набитомъ до крыши срытыми въ кучу старыми книгами и бумагами. Онѣ слежались до того, что покрылись плѣсенью, такъ какъ зимою чердакъ заносило черезъ выбитыя стекла снѣгомъ: переплеты книгъ были попорчены мышами. По счастливой случайности, первою взятою мною въ руки книгою былъ списокъ чиновъ полка за 1692 годъ. Это меня ободрило и указало на возможность найти въ архивѣ много полезнаго и

интереснаго. По моему ходатайству, полковой командиръ разрѣшилъ перенести дѣла во флигель своей квартиры и, для приведенія его въ порядокъ, въ помощь мнѣ назначилъ аудитора.

Много надо было терпѣнія и труда, чтобы выучиться читать старыя рукописи, писанныя подъ славянскими титлами. Иногда приходилось биться часа 2—3, чтобы разобрать страницу. Свидѣтелями моихъ стараній были товарищи мои Миша Корсаковъ, бывшій генералъ-губернаторъ Восточной Сибири, Дитмаръ 2, Кованько и Буссе. Многіе изъ офицеровъ, судя по тому, что никому изъ предпринимавшихъ то же дѣло, не доставало терпѣнія продолжать его, предсказывали неудачу; но я былъ счастливѣе. Черезъ мѣсяцъ я могъ просматривать въ день страницъ по пятисотъ, а затѣмъ спеціалистъ архивнаго дѣла, А. В. Висковатовъ, удивлялся какъ скоро я пріобрѣлъ навыкъ читать старинныя рукописи и даже разбирать почеркъ Петра I. Зная, что Висковатову принадлежитъ починъ въ составленіи исторіи полковъ и что онъ пишетъ хронику русской арміи, я надѣялся получить отъ него данныя и для моего труда, но ошибся въ разсчетѣ. По скупости-ли, или изъ разсчета самому предпринять ту же работу, онъ ничего не сообщилъ мнѣ пригоднаго. Впослѣдствіи оказалось, что почтенному историку хотѣлось, чтобы всѣ желающіе составлять исторіи полковъ были въ его распоряженіи, дабы онъ руководилъ ими, чтобы они занимались по его указаніямъ и по его программѣ,—однимъ словомъ, ему хотѣлось, чтобы другіе работали, а онъ получалъ бы благодарности.

Болѣе всего помогли мнѣ занятія въ Публичной библіотекѣ; чѣмъ успѣшнѣе подвигалась работа, тѣмъ она становилась пріятнѣе и увлекательнѣе. Въ ноябрѣ 1852 года, 1-я часть исторіи полка, заключавшая въ себѣ Петровскій періодъ, была готова и представлена въ рукописи, черезъ Государя Наслѣдника, Императору Николаю Павловичу. Со страхомъ и съ нетерпѣніемъ ожидалъ я результата. Предоставляю всякому судить о моемъ удивленіи и восторгѣ, когда, не болѣе какъ черезъ 2 недѣли, я узналъ, что Государь удостоилъ самъ прочесть мою рукопись, сдѣлалъ на ней своеручныя помѣтки, приказалъ напечатать 800 экземп. въ мою пользу на казенный счетъ и пожаловалъ мнѣ перстень въ 500 р. Видѣть свой первый

литературный трудъ въ печати, въ формѣ изящно изданной книги, составляло большую радость. Упоминаю объ этомъ для того, чтобы нынѣшнее поколѣніе знало, какъ внимательно относились тогда, и кто же—Государь Императоръ, къ посильному труду строеваго офицера, не имѣвшаго ни связей, ни протекцій.

Недостатокъ данныхъ, для описанія позднѣйшихъ событій, заставилъ просить о командированіи меня въ Москву, для занятій въ Главномъ архивѣ военнаго министерства, который помѣщался въ Кремлѣ, въ извѣстной круглой залѣ Сената. Тамъ мнѣ пришлось убѣдиться, въ какомъ блестящемъ наружномъ и безобразномъ внутреннемъ порядкѣ находились нѣкоторые отдѣлы этого архива. Напримѣръ, въ шкафахъ съ надписями „Дѣла Цесаревича", т. е. Константина Павловича, — бумаги оказались подобранными въ хронологическомъ порядкѣ, по мѣсяцамъ и числамъ. Просматривая книги 1823 и 1824 годовъ, я нашелъ, что, вслѣдъ за свѣдѣніемъ о томъ, какая пища готовилась въ ротахъ Литовскаго полка, подшито письмо Императрицы Маріи Федоровны къ Цесаревичу, на французскомъ языкѣ, по поводу отреченія его отъ престолонаслѣдія, а затѣмъ слѣдовало прошеніе ротмистра Штрандмана о пособіи. По возвращеніи изъ командировки, я лично доложилъ объ этомъ Государю Наслѣднику.

Не буду говорить о томъ, какъ мнѣ, сверхъ всякаго ожиданія, удалось подробно изложить участіе полка при Аустерлицѣ, Фридландѣ, при Бородинѣ и Кульмѣ, описать время Потемкинскаго командованія и тотъ незабвенный періодъ, когда Наслѣдникъ Престола, Александръ Павловичъ, командовалъ полкомъ, а сдѣлавшись Императоромъ, говаривалъ: „Преображенскій полкъ—это Царскій полкъ, а Семеновскій—мой". Но не могу умолчать объ описаніи событія 20 года, извѣстнаго подъ именемъ Шварцовскаго или Семеновскаго бунта. Я недоумѣвалъ, какъ приступить къ нему. Умолчать о происшествіи, имѣвшемъ громадное вліяніе на судьбу полка, — было невозможно; изложить же его въ истинномъ свѣтѣ и правдиво, со всѣми безобразіями шварцовскаго командованія и со всею безтактностью тогдашняго начальства и особенно князя Васильчикова, — я не рѣшался, не зная, какъ смотритъ Николай Павловичъ на самое событіе. Слѣдующій случай помогъ мнѣ.

Когда Государь въ 1854 году получилъ отпечатанный 2 томъ, въ кабинетѣ его находился Орловъ. Показывая ему книгу, Его Величество вспомнилъ, что графъ былъ предсѣдателемъ суда надъ офицерами.

— У тебя должны быть матеріалы этого происшествія — сказалъ ему Государь, — ты можешь передать ихъ составителю.

Въ тотъ же день былъ во дворцѣ выходъ, но я не былъ на немъ по болѣзни. Графъ Орловъ подозвалъ къ себѣ моего брата и сказалъ ему:

— По приказанію Государя, мнѣ нужно передать вашему брату нѣкоторыя дѣла изъ моего архива; заѣзжайте къ моему сыну, онъ передастъ вамъ документы.

На привезенныхъ ко мнѣ двухъ толстыхъ томахъ значилась надпись: „Изъ секретнаго архива III отдѣленія собственной Его Величества канцеляріи".

Видя въ этомъ фактѣ особенное вниманіе къ моему труду и желаніе, чтобы несчастное событіе 20-го года было изложено подробно, я описалъ его съ полною правдивостію. Но прежде чѣмъ включать его въ общую рукопись 3 части, подумалъ, не лучше ли представить, въ видѣ отдѣльной тетради и спросить, въ какомъ объемѣ Государю угодно будетъ приказать ввести описаніе событія въ изданіе. Таковая тетрадь, при письмѣ Государю Цесаревичу, была представлена мною Его Величеству. Не прошло двухъ недѣль, какъ я былъ потребованъ къ Наслѣднику. Онъ принялъ меня въ кабинетѣ, взялъ со стола рукопись и, передавая мнѣ тетрадь, сказалъ:

„Государь находитъ, что описаніе событія 20-го года опубликовывать еще рано. Онъ не хочетъ огорчать родственниковъ тѣхъ лицъ, чьи дѣйствія подвергаются осужденію. Но можешь утѣшиться тѣмъ, что къ рѣдкой работѣ Государь былъ такъ внимателенъ, какъ къ твоей. Ты въ этой тетради найдешь цѣлыя страницы исписанныя его рукою. Пусть эта рукопись хранится въ твоемъ семействѣ, какъ драгоцѣнный памятникъ, покуда наступитъ время, когда ее можно будетъ напечатать".

Время это наступило скоро; но лучше бы не наступало оно, потому что вся рукопись 3-й части, представленная уже послѣ кончины Николая Павловича, была затеряна во дворцѣ и осталась не напечатанною. Къ счастію у меня сохранились

черновыя, что дало возможность помѣстить описаніе событія 1820 года на страницахъ „Русской Старины", въ 1883 году.

Да простятъ мнѣ читатели, что я коснулся этого частнаго дѣла, но оно слишкомъ мнѣ дорого, какъ знакъ Царскаго вниманія къ моему труду.

Наступало время Восточной войны. Гвардія встрепенулась. Осенью 1853 года, изъ всѣхъ ея полковъ было назначено по два офицера въ дунайскую армію: завидующіе товарищи устраивали имъ проводы. Изъ нашего полка были командированы: штабсъ-капитанъ Трофимовъ, поручикъ Фельдманъ 1 и подпоручикъ Зейфертъ. Весною 1853 года, генералъ Гильденштуббе сдалъ полкъ, въ превосходномъ состояніи, баталіонному командиру своего же полка барону Бистрому. Это былъ едва ли не единственный примѣръ назначенія полковника командиромъ того самаго гвардейскаго полка, въ которомъ служитъ. Тогда обыкновенно назначали въ эту должность генераловъ, изъ бригадныхъ командировъ арміи, или даже изъ начальниковъ корпусныхъ штабовъ.

На слѣдующій годъ, вмѣсто прискучившаго красносельскаго лагеря, мы провели лѣто въ Петергофѣ, чѣмъ были обязаны ожидаемой высадкѣ англичанъ и французовъ. Въ Петергофѣ были поставлены полки: Преображенскій и Семеновскій; Измайловскій и Егерскій занимали Ораніенбаумъ и прибрежья залива, до Красной горки. Стоянка въ Петергофѣ была для меня особенно пріятна. Мнѣ, съ офицерами моей роты, отвели верхній этажъ очень хорошей дачи, близъ Царицына острова; внизу жили мои родные. Императорская Фамилія, въ этотъ годъ переѣхала въ Александрію ранѣе обыкновеннаго, а потому и городъ рано наполнился дачниками. Одни спѣшили воспользоваться началомъ весны, другіе,—что бы поскорѣе увидѣть издали непріятельскій флотъ, уже находившійся у Алландскихъ острововъ. Общая увѣренность въ недосягаемости Кронштадта была такъ велика, что никому и въ голову не приходила возможность его атаки союзниками. Вообще настроеніе всѣхъ классовъ населенія было тогда крайне воинственное. Во всѣхъ слояхъ общества только и говорили о военныхъ приготовленіяхъ, объ образовавшейся противъ насъ коалиціи, о предполагаемыхъ дѣйствіяхъ союзниковъ. Между тѣмъ вѣсти, приходившія изъ арміи, дѣйствовавшей на Дунаѣ, были невсегда

утѣшительны; но и въ неудачахъ выказывалась доблесть нашихъ войскъ и особенно самоотверженность офицеровъ. Огромная въ нихъ потеря вызвала необходимость облечь ихъ въ солдатскія шинели, такъ какъ форма опредѣленная для боя, слишкомъ выдѣляла ихъ изъ общаго вида строя. Хотя Николай Павловичъ и не любилъ нововведеній, но это измѣненіе формы, сближающее офицера съ солдатомъ, было ему по сердцу, и онъ не разъ появлялся на прогулкахъ въ солдатской шинели Семеновскаго полка [1]). Болѣе всего занимало общественное мнѣніе то, гдѣ высадятся союзники въ Черномъ морѣ, потому что ихъ высадка въ Добруджѣ, кромѣ потерь отъ сильной холеры, ничего имъ не доставила, но было извѣстно, что они сосредоточиваютъ громадный флотъ у Варны.

Я имѣлъ тогда случай часто встрѣчать лицо, близко стоявшее къ военному министру князю Долгорукову, а потому зналъ, что въ высшихъ военныхъ кружкахъ предположенія о мѣстѣ высадки расходились на два. Одни указывали на Крымъ, другіе на Поти. Послѣднее потому казалось вѣроятнѣе, что рѣшительнымъ движеніемъ на Тифлисъ, союзники могли бы отрѣзать Закавказье и произвести неминуемое возстаніе въ горахъ.

Однажды этому близко-стоявшему къ министру лицу былъ сдѣланъ вопросъ:

— Что имѣетъ князь Меншиковъ для отраженія высадки въ Крыму?

— У него 16 дивизія и нѣсколько резервныхъ баталіоновъ, такъ что всего, съ таможенною и карантинною стражею, да съ разными инвалидными командами, наберется тысячъ 25— было отвѣтомъ.

— Почему же Государь не приказываетъ усилить войска на югѣ?

— А потому, что тѣ, кто были бы обязаны дать Государю совѣтъ, оставили его работать одного за всѣхъ. Они только заботятся о соблюденіи формальностей и у нихъ на все одинъ отвѣтъ: „какъ прикажете“. Напримѣръ, на дняхъ Государь со-

[1]) На смертномъ одрѣ Императоръ Николай былъ покрытъ такою же шинелью.

ставилъ примѣрное распредѣленіе войскъ, на случай разрыва съ Австріей, набросавъ свой планъ на бумагѣ такимъ образомъ: 1 дивизію—въ Кишиневѣ, 2, 3 и 4—въ Кременцѣ, 5 и 6 въ Дубнѣ и т. д., и приказалъ сообщить это росписаніе князю Горчакову въ Бухарестъ. Когда князь Долгоруковъ передавалъ бумагу для немедленнаго исполненія, ему возразили, что придерживаться нумеровъ дивизій не возможно и что Государь вѣроятно имѣлъ въ виду число дивизій въ извѣстномъ пунктѣ, а не нумера ихъ, иначе пришлось бы передвигать, напримѣръ, 1-ю дивизію изъ Риги въ Кишиневъ, а 15-ю изъ Кишинева въ Ригу.

— Это не наше дѣло, отвѣчалъ министръ. Мы должны буквально исполнить Высочайшее повелѣніе, а если князь Горчаковъ найдетъ неудобства, то напишетъ; тогда я доложу Государю, и окажется, что не мы встрѣтили затрудненіе исполнить его волю.

Вмѣсто ожидаемыхъ въ Финскомъ заливѣ военныхъ дѣйствій, мы провели лѣто среди дачныхъ удовольствій. Занятія въ полку были крайне умѣренны, благодаря тому, что на глазахъ Государя, нашему, черезъ-чуръ ретивому новому командиру, не очень-то было удобно утрировать ими. Разъ онъ назначилъ какую-то репетицію въ праздничный день, но Николай Павловичъ, встрѣтя, во время прогулки, солдатъ съ ружьями, остановилъ кабріолетъ у квартиры командира, вызвалъ его и послалъ къ Наслѣднику, доложить о подобномъ съ его стороны нарушеніи правилъ.

Когда громадный англо-французскій флотъ остановился въ почтительномъ отдаленіи отъ Кронштадта, на высотѣ Красной горки, то эта деревня, по вечерамъ, подобно пресловутому Петербургскому пуанту, сдѣлалась сборнымъ мѣстомъ всего Петергофскаго и дачнаго общества. Туда ѣздили цѣлыми семействами пить чай, устраивали прогулки, собирались слушать музыку и смотрѣть на незваныхъ гостей. Въ бинокль можно было видѣть не только каждый корабль, но и людей на немъ, а иногда доносились съ судовъ и звуки вечерней зари. Императоръ Николай Павловичъ, съ прочими членами Царской Фамиліи, предпринималъ туда же послѣобѣденныя прогулки.

Про пребываніе союзной армады въ виду Кронштадта можно было сказать, что „глазъ видитъ, да зубъ неймѣтъ“.

Къ осени отношенія къ Австріи сдѣлались до того натянутыми, что явилась необходимость выставить на ея границахъ особую армію. Вслѣдствіе этого, гвардейскіе полки были развернуты до шестибатальоннаго состава и раздѣлены на дѣйствующіе и резервные. Первымъ, въ началѣ сентября, былъ назначенъ походъ въ западныя губерніи.

Нашъ полкъ выступилъ изъ Петергофа 4 сентября. Выступленіе происходило въ присутствіи Императора, котораго мы видѣли при этомъ въ послѣдній разъ. Не смотря на осеннее время года, походъ въ Литву, при постоянно ясной погодѣ, казался прогулкою. До конца октября мы простояли на широкихъ квартирахъ въ Свѣнцянскомъ уѣздѣ, откуда совершенно неожиданно были двинуты черезъ Вильну въ Гродненскую губернію. Впервые мнѣ довелось тогда самостоятельно распоряжаться походомъ моей роты, которая стояла верстахъ въ 40 отъ полковаго штаба. Въ предписаніи о выступленіи было глухо сказано, что рота черезъ день должна быть въ Вильнѣ, слѣдовательно въ 36 часовъ надо было пройти 110 верстъ, такъ какъ отъ Свѣнцянъ до Вильны около 70. Первый опытъ форсированнаго марша убѣдилъ меня, какъ важно вести часть такъ, чтобы люди имѣли 5-ти часовой отдыхъ, отъ 10-ти часовъ вечера до 3 утра.

Отъ Вильны погода рѣзко измѣнилась. До Гродно и далѣе пришлось идти среди постоянныхъ мятелей, по сугробамъ и заносамъ. Такъ мы, можно сказать, добрели до Тыкоцина, гдѣ полкъ былъ остановленъ на продолжительное время. Всѣмъ намъ было памятно это болотное гнѣздо.

Еще въ Свѣнцянахъ, между лазаретною прислугою полка, появилось два случая тифозной горячки. Вмѣсто того, чтобы оставить заболѣвшихъ въ городской больницѣ, полковой командиръ велѣлъ везти ихъ за полкомъ. Это положило начало эпидеміи, до того быстро разпространившейся, что при выступленіи изъ Гродно, за полкомъ тянулся на подводахъ транспортъ съ 80 тифозными. Съ этимъ запасомъ заразы полкъ вступилъ въ Тыкоцинъ, расположенный у болотъ, раздѣленныхъ рукавами Нарева. Моя рота, къ счастію была остановлена въ верстахъ 25 недоходя полковаго штаба, въ мѣстечкѣ Ясеневкѣ; это было причиною, что болѣзнь коснулась ея гораздо позже другихъ частей полка. Трудно себѣ представить, что въ теченіи декабря

и января мѣсяцевъ происходило въ Тыкоцинѣ. Въ отведенныхъ подъ лазареты домахъ не только не доставало кроватей, но не было мѣста на полу, такъ что больные лежали по корридорамъ и на лѣстницахъ. Среднимъ числомъ прибывало въ день отъ 20 до 30 человѣкъ. Лазаретной прислуги недоставало на недѣлю, такъ она быстро вымирала, а потому для ея пополненія, раза три въ мѣсяцъ, требовали человѣкъ по 5 съ каждой роты. Дошло до того, что фельдфебель просилъ меня не назначать людей поименно, а по жребію, такъ какъ личное назначеніе равнялось приговору къ смерти. Всякаго посланнаго, черезъ нѣсколько дней приходилось исключать умершимъ. Помню такой случай: изъ моей роты потребовали въ лазаретъ, вмѣсто умершаго надзирателя больныхъ, лучшаго и всѣмъ извѣстнаго унтеръ-офицера Иванова. Скрѣпя сердце, я отправилъ его въ Тыкоцинъ. Дней черезъ 10, поздно вечеромъ, деньщикъ докладываетъ мнѣ, что прибылъ изъ штаба унтеръ-офицеръ Ивановъ. Зову его и спрашиваю, почему онъ такъ скоро возвратился? Вмѣсто отвѣта этотъ примѣрный служака бросается на колѣни и говоритъ:

— Виноватъ, ваше высокоблагородіе! Дѣлайте что угодно, я бѣжалъ; не могъ выдержать, видя какъ люди помираютъ, какъ мухи.

Пришлось отправить бѣднягу обратно, арестованнымъ, и онъ поплатился галунами за свою вину, но черезъ полгода мнѣ удалось вновь произвести его въ унтеръ-офицеры. Дѣйствительно, труднобыло, маломальски нервному человѣку, вынести то, что происходило въ Тыкоцинѣ. При поѣздкахъ въ штабъ полка по службѣ, я останавливался у нашего старшаго доктора В. Л. Риттера и былъ свидѣтелемъ, какъ три наши врача, отъ усиленныхъ трудовъ, доходили до того, что для поддержанія сознанія, ихъ окачивали водою. Самый младшій и любимый изъ нихъ, Гуніусъ, палъ жертвою заразы. Свирѣпствовавшій тифъ былъ какой-то необыкновенный по своимъ послѣдствіямъ и повторялся два и три раза. Однажды я зашелъ посѣтить больныхъ своей роты и вижу одного рядоваго выздоровѣвшимъ и уже одѣтымъ для отправки въ роту. Черезъ полчаса встрѣчаю Риттера, который говоритъ мнѣ:

— А я вашего Ильина оставилъ до слѣдующей выписки.

— Почему? спрашиваю я.

— Да передъ тѣмъ какъ отправлять команду, я замѣтилъ у него красноту праваго глаза.

— Охота вамъ, возразилъ я, изъ-за этакаго пустяка, задерживать человѣка среди зараженныхъ.

— Все лучше подождать, продолжалъ Риттеръ, а то эта проклятая болѣзнь, при рецидивахъ, выкидываетъ такія штуки, что и ума не приложишь.

Не успѣли мы зайти въ ближайшую цукерню и спросить кофе, какъ вбѣгаетъ фельдшеръ.

— Ваше высокоблагородіе, говоритъ онъ доктору, пожалуйте поскорѣе въ лазаретъ, у Ильина правый глазъ выпираетъ изъ лба.

У несчастнаго почти моментально образовался нарывъ за полостью глаза; на утро сдѣлалось воспаленіе мозга и черезъ два дня его не стало. Поразительно еще и то, что тифъ пожиралъ прежде всего людей самыхъ видныхъ и сильныхъ, а потомъ уже слабыхъ и хилыхъ, которые переносили его какъ-то легче. Чтобы судить о числѣ погибшихъ отъ этого бича, достаточно сказать, что, со времени выступленія изъ Петергофа, полкъ получилъ до 2000 человѣкъ на свое пополненіе и прибылъ черезъ полтора года въ Москву на коронацію въ меньшемъ числѣ, чѣмъ выступилъ изъ Петергофа.

По всей вѣроятности, въ Петербургѣ слишкомъ поздно узнали о бѣдственномъ положеніи полка, потому что приказаніе перевести его изъ Тыкоцина въ Гродну пришло только въ половинѣ февраля. Больной сильнѣйшею лихорадкою, тащился я на розвальняхъ за своею ротою въ этотъ городъ. Перемѣна мѣста стоянки благотворно подѣйствовала на здоровье людей, а въ томъ числѣ и на меня, такъ что черезъ три дня я, уже вполнѣ оправившимся, могъ выступить съ ротою въ мѣстечко Езеры; штабъ же полка остался въ Гроднѣ.

23 февраля, недоходя новыхъ квартиръ, я послалъ унтеръ-офицера просить священника отворить церковь, чтобы сряду по приходѣ отслужить молебенъ. Добрѣйшій отецъ Адамъ, съ которымъ мы жили потомъ въ большой дружбѣ, встрѣтилъ насъ на паперти, съ крестомъ и въ облаченіи. Послѣ молебна жители угостили солдатъ водкою и пирогами, а я съ офицерами отправился на квартиру, которую мѣстный помѣщикъ Валицкій отвелъ мнѣ въ двухъ верстахъ, предоставивъ въ мое распо-

ряженіе прекрасно устроенный и меблированный домъ въ его фольваркѣ Виляново.

Только что успѣли мы разобрать свои чемоданы и размѣститься по комнатамъ, какъ въ сумерки, на ротной лошади, кто-то подъѣхалъ къ крыльцу. Я сначала думалъ, что вѣрно мой фельдфебель Волошинъ прибылъ съ вечернимъ рапортомъ, какъ въ комнату быстро вошелъ дежурный унтеръ-офицеръ, съ словами:

— Ваше высокоблагородіе, пожалуйте поскорѣе въ мѣстечко; пріѣхалъ баталіонный командиръ, приказалъ собрать роту и послалъ за вами.

— Зачѣмъ, спрашиваю, что случилось?

— Не могу знать. Полковникъ пріѣхали прямо къ ротному двору, приказали барабанщику бить сборъ, а фельдфебелю вести роту въ церковь.

Надѣвая въ торопяхъ солдатскую шинель, я придумывалъ, что̀ бы могло случиться: если большая побѣда,—то зачѣмъ не подождать утра? Если внезапное выступленіе къ австрійской границѣ, зачѣмъ же требовать роту въ церковь? Подобныя мысли были прерваны тѣмъ, что въ мѣстечкѣ, на раскатѣ, меня выбросило изъ саней. Подъѣзжая къ церкви, вижу, что она ярко освѣщена. Царскія двери отперты, священникъ въ свѣтлой ризѣ, а между тѣмъ все имѣетъ отпечатокъ таинственности; фельдфебель встрѣтившій меня на крыльцѣ, когда я пробѣгалъ мимо него, со слезами въ голосѣ, успѣлъ шепнуть мнѣ;

— Ваше высокоблагородіе, Государя нашего не стало!

Далекій отъ-чего либо подобнаго, я почти крикнулъ: Что ты за вздоръ городишь! и поспѣшилъ къ стоявшему съ опущенною головою, на клиросѣ, полковнику Клауди.

Пусть читатель поставитъ себя на мое мѣсто и пойметъ какое дѣйствіе произвели на меня слѣдующія, сказанныя вполголоса, слова баталіоннаго командира:

„Сегодня получено извѣстіе о кончинѣ Императора Николая Павловича и о вступленіи на престолъ Наслѣдника; я имѣю предписаніе привести немедленно баталіонъ къ присягѣ“.

Какъ пораженный громомъ, стоялъ я передъ Клауди. Онъ молча вынулъ предписаніе, передалъ мнѣ; я машинально прочиталъ и продолжалъ стоять какъ окаменѣлый.

— Надо объявить объ этомъ ротѣ, сказалъ полковникъ.

— Объявляйте, отвѣчалъ я,—вы старшій.

На эту сцену съ недоумѣніемъ смотрѣла безмолвная рота и вышедшій изъ Царскихъ дверей священникъ.

Только что Клауди, обратясь къ ротѣ, успѣлъ произнести:— „Ребята! Государь Императоръ Николай Павловичъ скончался", какъ 200 человѣкъ ахнули разомъ и затѣмъ послышались отдѣльные возгласы: „Не можетъ быть". „Не можетъ быть".

Это видимо смутило полковника. Подумавъ, онъ сказалъ мнѣ:

— Прочитайте имъ предписаніе.

Несмотря на душившую горло судорогу, сдерживая слезы, я громко прочиталъ ротѣ бумагу, а вслѣдъ за тѣмъ священникъ приступилъ къ приведенію всѣхъ насъ къ присягѣ на вѣрность Императору Александру II.

При выходѣ изъ церкви, многіе изъ солдатъ плакали и слышались фразы: „Что теперь будетъ". „Не стало отца у солдата".

Молча сѣлъ я съ полковникомъ въ сани и мы поѣхали въ Виляново. Не только дорогою, но и войдя въ квартиру мы долго ни слова не могли сказать другъ другу.

Было уже 9 часовъ вечера, когда деньщикъ поставилъ на столъ самоваръ; только черезъ часъ мы замѣтили это.

Послѣ чая, далеко за полночь, проходили мы по комнатѣ, точно лишенные способности не только говорить, но и мыслить.

Гдѣ скончался Государь—въ Петербургѣ или въ отъѣздѣ? Сколько времени и чѣмъ онъ былъ боленъ? Почему гвардія не знала о его болѣзни? Не скончался ли онъ отъ насильственной смерти? Что станется безъ него съ Россіею? Продолжится ли война или заключатъ миръ? Все это перемѣшивалось, путалось, грызло сердце, туманило голову и не давало покоя. Хотя я уже присягнулъ новому Императору, но все-таки совершившееся казалось невозможнымъ и, подобно людямъ моей роты, у меня не разъ повторялось въ умѣ: „Да нѣтъ, этого быть не можетъ".

Да и какъ было не сомнѣваться, когда въ Гроднѣ узнали о подобномъ событіи черезъ присланнаго изъ Вильны писаря. Онъ привезъ полковому командиру бумагу, за подписью начальника штаба, о томъ, чтобы: „По случаю кончины Государя Николая I-го привести всѣхъ чиновъ полка къ присягѣ Императору Александру Николаевичу". Бумага эта была на-

писана въ такомъ тонѣ, какъ будто дѣло шло о служебном нарядѣ. Клауди говорилъ, что губернаторъ не хотѣлъ вѣри подобному увѣдомленію, а архіерей долго не соглашался до волять приводить офицеровъ къ присягѣ въ соборѣ, такъ чт собравшись въ 10 час., они должны были ожидать до 1 Потомъ едва могли убѣдить преосвященнаго дать предписан священникамъ приходовъ привести къ присягѣ роты, расп ложенныя по деревнямъ. Затѣмъ полковникъ разсказалъ мн что въ ожиданіи сбора роты и моего пріѣзда въ церковь, он зашелъ на квартиру священника, объявить о роковомъ с бытіи. Бывшая при этомъ жена отца Адама зарыдала. На в просъ—видѣла-ли она когда-либо Николая Павловича? он отвѣчала:

— Нѣтъ, я никогда не имѣла этого счастія, но знаю помню что отцы наши, бывши священниками бѣдствовали, п тались подаяніями, были слугами ксендзовъ; мы же, по мил сти скончавшагося Государя, получаемъ столько, что живем безбѣдно; дѣти наши получаютъ образованіе, а мы не имѣл его; сироты теперь призрѣны, а тогда умирали съ голоду. С дите сами, кого мы лишились!

На утро Клауди пригласилъ меня ѣхать вмѣстѣ, верстъ 10, въ роту Его Величества, на фольваркъ Вердзелишки. Так какъ тамъ не было церкви, то Государева рота была привед на къ присягѣ на большой дорогѣ, у корчмы. Собравшись п томъ на квартирѣ у командира этой роты, Дитмара, мы дол задавали другъ другу тѣ же вопросы, что и наканунѣ, и н могли надивиться, почему мы не знали о болѣзни того, к былъ для войскъ вторымъ Богомъ. Не ранѣе какъ черезъ н дѣлю начали доходить до насъ газеты съ описаніемъ болѣзн кончины, а потомъ и погребенія покойнаго Императора. Одн временно съ этимъ, тѣ же газеты сообщали о различныхъ пр образованіяхъ, о новыхъ формахъ и назначеніяхъ.

Съ особеннымъ интересомъ мы слѣдили за тѣмъ, какое вп чатлѣніе производитъ перемѣна царствованія на польское о щество. Первые дни оно было сдержано, не обнаруживая н печали, ни радости, какъ бы выжидая чего-то; но не прошло мѣсяца, какъ можно было замѣтить нѣкоторое броженіе. моего хозяина Валицкаго начали появляться личности, к торыхъ прежде не встрѣчалось и которыхъ онъ рекомендовал

какъ прощенныхъ эмигрантовъ, но прощены ли они дѣйствительно, или появлялись изъ-заграницы эмисарами, оставалось неизвѣстнымъ. Въ Гроднѣ нѣкоторыя изъ полекъ, и во главѣ ихъ жена губернскаго предводителя Оржешко, еще до похоронъ Государя, катались по улицамъ въ яркихъ костюмахъ. Самые осторожные изъ пановъ пытались разспрашивать насъ о характерѣ и взглядахъ воцарившагося Императора, стараясь вставить въ разговоръ льстивыя фразы о своихъ на него надеждахъ. Наши администраторы совершенно равнодушно относились къ тому, на что очень-бы слѣдовало обращать вниманіе. Они тоже какъ бы выжидали какой вѣтеръ подуетъ изъ Петербурга. Губернаторомъ въ Гроднѣ былъ тогда баронъ Ховенъ, слывшій человѣкомъ строгимъ и энергичнымъ, а между тѣмъ онъ допускалъ, что та же катавшаяся въ свѣтлыхъ туалетахъ г-жа Оржешко, 17 апрѣля, въ день рожденія Государя, явилась къ нему на раутъ, вся въ черномъ.

Подобныя вещи шокировали насъ до того, что офицеры 1-го баталіона перестали являться на приглашенія и предпочитали проводить время по деревнямъ, въ товарищескомъ кругу. собираясь то у одного, то у другаго ротнаго командира. Благодаря удобству квартиры и мѣстоположенію фольварка, это случалось чаще всего у меня. Кромѣ того, Виляново, расположенное среди рощъ и озеръ, было замѣчательно своимъ знаменитымъ сководствомъ. Болѣе двухсотъ головъ скота, всевозможныхъ породъ, стояло въ стойлахъ фермы и въ числѣ рѣдкихъ экземпляровъ находился приплодъ отъ зубра и коровы, называвшійся зубро-кровъ. Онъ соединялъ въ себѣ красоту головы швейцарскаго типа матери, имѣлъ крутую шею съ небольшою гривою, а задъ отца, но былъ гораздо злѣе зубра. Упоминаю объ этомъ потому, что подобный экземпляръ зуброкрова былъ единственный въ мірѣ. Для производства помѣси, Валицкому, съ разрѣшенія министра государственныхъ имуществъ, данъ былъ зубръ изъ Бѣловежской пущи, но онъ прожилъ въ неволѣ всего 3 года.

Жизнь наша въ Езерахъ была тогда же описана однимъ изъ моихъ товарищей стихами, въ которыхъ онъ очертилъ характеристику Валицкаго и окружающихъ насъ лицъ. Изъ этой длинной юмористической поэмы, не претендующей на талант-

ливость, выписываю только то, что обрисовываетъ состояні
народа, среди котораго мы провели нѣсколько мѣсяцевъ.

Не лѣтопись намѣренъ я слагать
О сей странѣ печальной, бѣдной,
Но бытъ ея народный описать
Стихомъ простымъ и прозой блѣдной.

Мы бродимъ здѣсь изъ края въ край;
Въ Литвѣ ужъ годъ пріюта ищемъ.
И съ нашимъ русскимъ пепелищемъ,
Давно простились, невзначай.
И вотъ, по волѣ Провидѣнья,
Въ Езеры, раннею весной,
Перетерпѣвъ судьбы гоненья,
Забрались полковой семьей.
Забывъ на время жизнь отчизны,
У береговъ Езерскихъ водъ,
Въ уединеньи сельской жизни,
Мы отдохнули отъ заботъ.

Живемъ мы мирно, небогато,
Знакомствъ не ищемъ городскихъ:
Не потому-ли наша хата
Не слышитъ сплетенъ никакихъ.
Хотя въ Литвѣ насъ принимаютъ
Поляки ласково всегда,
Но въ тайнѣ ненависть питаютъ,
И злобно смотрятъ иногда.
И такъ не лучше-ль не дружиться,
Знакомства съ ними не водить?
Въ своемъ кругу повеселиться,
Къ тому-жъ не долго здѣсь намъ жить.

Но что за край! Какой народъ!
Не видно признаковъ въ немъ жизни,
Не слышенъ въ селахъ хороводъ.
По мертвымъ точно правятъ тризны!
Здѣсь рабство, бѣдность обитаютъ,
И гладъ, и моръ гнѣздо свиваютъ.
И даже Божескій законъ
Едва-ль народу здѣсь знакомъ.

Но гдѣ-жъ ты прежняя Литва?
И гдѣ твои златыя нивы,
Зачѣмъ теперь ты такъ мертва?

Вѣдь православья силы живы.
Куда умчалися тѣ дни,
Когда красавицы твои,
Стройны, какъ вешнія былинки,
Подъ звуки бубна и волынки.
Передъ веселою толпой,
Свой танецъ бѣшено плясали
И, словно силой неземной,
Сердца къ веселью призывали.
Увы! теперь рука жида
Тебя клеймитъ своимъ позоромъ,
И безпощадная нужда
Разитъ тебя какъ небо — громомъ!
Ни православія свѣтило,
Ни слово пастырей честныхъ,
Ни русскаго царя кормило,
Не возрождаетъ силъ твоихъ.
Все зло Литвы въ ея панахъ,
Не признающихъ православья;
Они народу бичъ и страхъ,
Они враги самодержавья.

Изъ происшедшихъ въ первые мѣсяцы новаго царствованія назначеній, для насъ имѣли особое значеніе два: графа Ридигера — главнокомандующимъ гвардейскими и гренадерскими корпусами, и командира Преображенскаго полка, графа Баранова, вмѣсто генерала Витовтова, начальникомъ штаба.

Не смотря на то, что по болѣзни и дряхлости графъ Ридигеръ рѣдко выходилъ изъ своего кабинета, его сильно боялись и не столько офицеры, сколько старшее начальство. Я только два раза видѣлъ его: впервые зимою 1856 года, когда ему былъ пожалованъ мундиръ Семеновскаго полка, и на выходѣ въ день Пасхи во дворцѣ, когда онъ далъ ощутительный урокъ вѣжливости, одному изъ зазнающихся юныхъ чиновъ Двора. Передъ возвращеніемъ Царской Фамиліи отъ вечерни, одинъ изъ молодыхъ церемоніймейстеровъ, весьма безцеремонно началъ расширять путь, оттѣсняя офицеровъ рукою, вооруженною жезломъ. Не замѣчая, что Ридигеръ слѣдилъ за нимъ и былъ близко, онъ задѣлъ и его. Тогда графъ беретъ столь важнаго господина сзади за воротникъ и отстраняетъ отъ себя, говоря: „Осторожнѣе! мальчишка!“

Чтобы нагляднѣе судить о значеніи графа Ридигера, приведу слѣдующій фактъ. На основаніи существовавшихъ въ то время правилъ, старшихъ капитановъ гвардіи производили въ полковники не тотчасъ по открытіи вакансій, а сначала въ видѣ испытанія, назначали исправляющими должности штабъ-офицеровъ. Производство же дѣлалось послѣ полугодоваго прикомандированія, а при Михаилѣ Павловичѣ, послѣ экзамена въ командованіи, на его смотру, баталіономъ. Осенью 1855 года, меня и нѣсколькихъ другихъ откомандировали съ тою же цѣлью въ резервные полки гвардіи, гдѣ были полковничьи вакансіи. Въ новый годъ мы надѣялись быть произведенными, но, за краткостью прикомандированія, производство отложили до Пасхи. Между тѣмъ въ посту послѣдовало заключеніе мира и сокращеніе штатовъ по мирному времени. Воспользовавшись этимъ, изъ военнаго министерства послѣдовало распоряженіе, чтобы всѣхъ капитановъ, исправляющихъ штабъ-офицерскія обязанности, возвратить къ прежнимъ должностямъ. Тогда графъ Ридигеръ написалъ военному министру, что онъ не согласенъ на подобную несправедливость и не исполнитъ его распоряженія, до полученія отвѣта на доводы, изложенные имъ въ особомъ письмѣ Государю. Въ немъ онъ доказывалъ, что полковничій чинъ заслуженъ нами полгода назадъ, что лишать заслуженнаго, изъ-за мелочныхъ разсчетовъ министерства, было бы наказаніемъ, что нами сдѣланы расходы на покупку верховыхъ лошадей и что исполненіе его просьбы о производствѣ насъ, онъ приметъ за личную ему награду. Государь приказалъ отмѣнить распоряженіе министерства и мы были произведены.

Получаемыя изъ Петербурга письма указывали, что и тамъ кончина Императора Николая произвела потрясающее впечатлѣніе. Но, и среди скорби, исканіе почестей и мѣстъ, столичныя и служебныя интриги, жажда власти — не оставались въ бездѣйствіи. Они были причиною, что память о томъ, кому годъ назадъ все преклонялось, постепенно ослабѣвала. Тѣ самыя личности, которыя смотрѣли на кончину Николая Павловича, какъ на страшное несчастіе, которыя видѣли въ немъ рыцаря чести и долга, увлеклись наступавшею распущенностію и дерзали осуждать его. Онъ-ли не любилъ Россію и войска? онъ-ли не возвелъ армію на почетнѣйшее мѣсто

въ ряду государственныхъ учрежденій, а между тѣмъ находились уже льстецы и эгоисты, посягавшіе на ея устройство. Подъ впечатлѣніемъ печатаннаго въ началѣ 60-хъ годовъ въ газетахъ, вотъ что было занесено мною въ мой дневникъ въ 1861 году.

„Душа скорбитъ, читая послѣдніе нумера нѣкоторыхъ журналовъ, а чувство благодарности къ покойному Государю заставляетъ сказать: Вѣчная тебѣ память, великій и незабвенный благодѣтель арміи! Исторія и грядущія поколѣнія оцѣнятъ тебя только тогда, когда событія докажутъ всю поспѣшность и всю незрѣлость послѣдовавшихъ послѣ тебя перемѣнъ. Но не будетъ-ли поздно? Не дорого-ли поплатятся допустившіе стать исполнителями благихъ намѣреній твоего преемника, людей неумѣвшихъ служить Россіи, понимать нужды народа и цѣли добрѣйшаго и великодушнѣйшаго изъ государей". Эти строки были написаны 27 лѣтъ назадъ.

Въ концѣ октября, по случаю откомандированія на штабъ-офицерскую вакансію, пріѣхалъ я, послѣ годоваго отсутствія, изъ Ковно въ Петербургъ. Тамъ все до того измѣнилось, какъ будто прошелъ не годъ, а лѣтъ 30. Войска были иначе одѣты, иначе держали оружіе, иначе отдавали честь. Во главѣ различныхъ управленій стояли новыя лица, съ новыми идеями и взглядами. Гвардейскимъ резервнымъ корпусомъ командовалъ князь Барятинскій; нашею пѣхотною дивизіею—генералъ изъ артиллеристовъ, бригадою—князь Паскевичъ. Ихъ требованія оказались совершенно иныя, чѣмъ тѣ, къ которымъ мы привыкли и которыя были указаны уставами. Многое не только казалось, но было дѣйствительно страннымъ. Одинъ требовалъ чего-то свободно—кавказскаго, другой педантично-строгаго, третій розно ничего не требовалъ, а всѣ вмѣстѣ очень мало были знакомы съ строевымъ обученіемъ мирнаго времени. Не могу до сихъ поръ забыть слѣдующаго случая. Въ декабрѣ мѣсяцѣ князь Барятинскій дѣлаетъ смотръ стрѣльбы стрѣлковымъ ротамъ. По званію начальника стрѣлковъ, я представляю ихъ. Принявъ отъ меня рапортъ, князь спрашиваетъ:

— Вы охотникъ?..

Отвѣчаю, что не имѣю призванія къ этой забавѣ, и слышу такой выводъ корпуснаго командира:

— Какъ вы можете быть начальникомъ стрѣлковъ, когда вы не охотникъ.

Трудно было рѣшить, чего хотѣли новаторы и чѣмъ можно было угодить имъ. Къ счастію ихъ фантазіи длились не долго, и съ заключеніемъ мира резервное начальство было упразднено.

Съ производствомъ въ полковники, я былъ переведенъ въ вновь сформировавшійся, весною 1856 года, 1-й гвардейскій стрѣлковый батальонъ.

Восточная война произвела полнѣйшій переворотъ во взглядахъ на способы обученія и на организацію войскъ. Все прежнее осуждалось, подвергалось или упраздненію, или коренному преобразованію. Наступилъ періодъ общей ломки и переработки. Къ сожалѣнію, занявшіяся ею не могли ни на чемъ остановиться, и что придумывали сегодня, завтра считали отжившимъ. Это оправдывали и называли переходнымъ положеніемъ, длившимся много лѣтъ. Охотникамъ до различныхъ нововведеній и проектовъ открылось широкое поле дѣйствій. Кто бы что ни предложилъ, все это обсуждалось, испытывалось, и кто только, не исключая князя Васильчикова и полковника Лебедева, не сочинялъ и не предлагалъ своихъ уставовъ! Цѣлыя десять лѣтъ не могли остановиться на выборѣ системы ружей. Только что прислали въ войска образцы и заказывали на сотни тысячъ машины для одной системы, какъ браковали ее, и въ то время когда Пруссія признала свои игольчатыя ружья отжившими, у насъ ввели ихъ, а черезъ годъ нашли непригодными. То же самое происходило съ снаряженіемъ кавалеріи и съ выборомъ системы артиллерійскихъ орудій и снарядовъ. Люди многолѣтняго опыта и практики нашли себя вынужденными отступить молча на задній планъ, чтобы не мѣшать идеалистамъ, мечтателямъ и теоретикамъ. Нѣкоторые изъ прежнихъ дѣятелей пробовали заявлять свои мнѣнія и отстаивать то, что считали неприкосновеннымъ, но это только повредило имъ, и они замолкли, считая безполезнымъ бороться съ мельницами.

Еще за долго до Восточной войны, въ военныхъ кружкахъ много говорили о Венсенскихъ стрѣлкахъ и молва представляла ихъ такимъ совершенствомъ, до котораго намъ будто бы никогда не достигнуть. Между тѣмъ существовавшіе наши 8

стрѣлковыхъ баталіоновъ нисколько не уступали имъ, хотя и были вооружены тяжелыми литтихскими штуцерами, требовавшими продолжительнаго и довольно сложнаго заряжанія. Такими штуцерами были снабжены и небольшія штуцерныя команды въ полкахъ.

Потери, понесенныя нашими войсками въ неудачномъ Альминскомъ сраженіи, и громадная убыль людей на Севастопольскихъ бастіонахъ, были приписаны Венсенскимъ стрѣлкамъ; въ сущности же не искусство ихъ, а свойство ихъ оружія, дозволявшаго открывать огонь на дальнія разстоянія и дѣйствовать навѣсно, порождало убыль. Все это привело къ убѣжденію о необходимости увеличить число стрѣлковыхъ баталіоновъ, сколь возможно развить въ войскахъ стрѣлковое дѣло и связанныя съ нимъ отрасли образованія,—гимнастику и фехтованіе. За все это принялись у насъ, какъ за новое, съ необыкновенною горячностью. Сначала къ существовавшимъ баталіонамъ прибавили 6 резервныхъ, а потомъ учебные карабинерные полки обратили въ стрѣлковые.

Такъ какъ теперь многіе только по наслышкѣ знаютъ, что когда-то существовали учебные полки, то скажу о нихъ подробнѣе. Ихъ учрежденіе, организація и управленіе имѣли много особенностей. Это были какія-то исключительныя части, составлявшія принадлежность департамента военныхъ поселеній, которымъ начальствовалъ Клейнмихель. Его страсть расширять все, что попадало въ его руки, извратило первоначальную мысль и цѣль учрежденія—сдѣлать изъ учебныхъ полковъ унтеръ-офицерскія школы для арміи. Хотя они и доставляли ей ежегодно до 1000 унтеръ-офицеровъ и почти столько же музыкантовъ, но далеко не съ тѣмъ направленіемъ, какое было желательно.

Всѣхъ учебныхъ карабинерныхъ полковъ было четыре. Первый стоялъ сначала въ Петербургѣ, а потомъ въ новгородскихъ поселеніяхъ, 2-й—въ Москвѣ, 3-й—въ Ярославлѣ и 4-й—въ Нижнемъ Новгородѣ. Для устройства ихъ Клейнмихель ничего не жалѣлъ. Стоитъ видѣть казармы, возведенныя имъ для 1-го полка въ селѣ Медвѣдѣ (Новгородскаго уѣзда), чтобы судить какъ широко все было обстановлено, и названіе „Клейнмихельская гвардія“, данное этимъ полкамъ Великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ, вполнѣ подходило къ нимъ.

Комплектовались эти полки изъ военныхъ кантонистовъ, мальчиками отъ 13 до 17-ти лѣтъ. Сначала они поступали въ неранжированный баталіонъ полка, а по достиженіи 18 лѣтъ, или переводились въ строй дѣйствующихъ баталіоновъ, или назначались въ писаря, въ музыканты, въ мастеровые. Въ неранжированныхъ баталіонахъ мальчиковъ водили въ классы, учили мастерствамъ и фронту. Изъ нихъ выходили иногда замѣчательные калиграфисты, писаря и чертежники. На все это не жалѣлось денегъ, нанимались учителя, отводились широкія помѣщенія. Контингентъ комплектованія былъ крайне бойкій, большею частью способный, но плутоватый, падкій на всякія шалости. Офицерами въ этихъ полкахъ были преимущественно выслужившіеся изъ фельдфебелей, люди исключительно только способные къ фронту, который доводили до идеальности, но закоренѣлые въ старыхъ взглядахъ и преданіяхъ; изъ нихъ могли бы выйдти хорошіе дядьки для молодежи, еслибы Клейнмихель требовалъ отъ учебныхъ полковъ, какъ отъ будущихъ унтеръ-офицеровъ, чего-либо, кромѣ ружистики и маршировки. Командирами полковъ избирались тѣ изъ гвардейскихъ полковниковъ, которые отличались энергіею и строевою опытностью. Къ каждому изъ учебныхъ карабинерныхъ полковъ было прикомандировано по нѣсколько тысячъ солдатскихъ дѣтей, жившихъ у отцовъ или матерей, въ сосѣднихъ губерніяхъ. Эти тысячи кантонистовъ должны были получать изъ полковъ провіантъ. Понятно, что половина его оставалась въ экономіи полка, потому что только ближайшіе къ полковому штабу являлись за полученіемъ провіанта натурою; прочіе съ трудомъ присылали за сотни верстъ свои разсчетныя книжки, и имъ выдавали деньги, конечно, по цѣнамъ гораздо низшимъ, сравнительно съ тѣмъ, что получалъ полкъ за свою экономію.

Вообще экономическіе доходы учебныхъ полковъ были таковы, что одинъ изъ ихъ командировъ, въ 1851 году, сказалъ мнѣ о себѣ: „Если есть рай на землѣ, то я теперь въ раю“. Вѣроятно ни одинъ корпусный командиръ не имѣлъ такихъ квартиръ, какія имѣли командиры учебныхъ полковъ. Мнѣ довелось близко знать и видѣть ихъ обстановку. Все, что только возможно было придумать для удобствъ и спокойствія все было имъ доставлено. Напримѣръ, въ 1-мъ полку хозяйство командирскаго дома можно было уподобить хозяйству помѣ-

щичьяго имѣнія въ 3 тысячи душъ. Тамъ были: и птичій дворъ, и отдѣльный огородъ и садъ съ оранжереею, и даже съ банею.

Въ каждомъ полку, по окончаніи лагеря, формировалась, изъ лучшихъ людей, выпускная рота въ 250 человѣкъ, для приготовленія ихъ въ унтеръ-офицеры арміи. Другая выпускная команда готовила 100 барабаньщиковъ и горнистовъ и музыкантскій хоръ. Цѣлый годъ, изо дня въ день, шло самое горячее ихъ обученіе, избранными офицерами и учителями. Къ концу лагеря ихъ доводили до совершенства; обмундировывали въ форму полковъ, въ которые они предназначались, и, послѣ смотра, отправляли въ мѣста служенія.

Общее начальствованіе всѣми 4-мя полками сосредоточивалось въ лицѣ особеннаго инспектора учебныхъ полковъ, которымъ былъ генералъ Фроловъ, извѣстный своимъ гигантскимъ ростомъ и силою. Смотры Фролова длились обыкновенно въ каждомъ полку по недѣлямъ; онъ перебиралъ каждаго человѣка отдѣльно, по всѣмъ отраслямъ службы и унтеръ-офицерскихъ обязанностей. Нельзя сказать, чтобы всѣ выпущенные изъ учебныхъ полковъ, въ нравственномъ отношеніи, соотвѣтствовали унтеръ-офицерскому званію, но все-таки они были самыми развитыми и лучшими учителями. Долго спустя по упраздненіи этихъ полковъ, приходилось убѣждаться, что самые дѣльные и полезные фельдфебеля арміи были изъ учебныхъ. Положительно можно сказать, что еслибы эти полки были ведены съ инымъ нравственнымъ направленіемъ, безъ увлеченія наружными отличіями въ ущербъ внутреннихъ достоинствъ, безъ наклонности показывать товаръ лицомъ, хотя бы и съ обманомъ, то они могли бы быть вполнѣ полезны. Съ тѣми средствами и удобствами, которыя они получали при Клейнмихелѣ, изъ нихъ могли бы выйдти дѣйствительно образцовыя унтеръ-офицерскія школы. Какъ на оригинальную особенность надо указать еще на то, что командирамъ учебныхъ полковъ было разрѣшено отдавать кантонистовъ во всевозможныя мастерства, неимѣвшія никакихъ отношеній къ военному быту, напримѣръ: въ рѣзчики, каретники, граверы, часовщики, даже въ дамскіе портные. Мастерскія полковъ походили на фабрики изъ огромныхъ залъ, и чего только не производили они! Тотъ, кому удавалось прокомандовать учебнымъ полкомъ 7 или 8

лѣтъ, считалъ себя обезпеченнымъ надолго, и отъ его хозяйственныхъ способностей и оборотовъ зависѣло, въ одно и то же время, и содержать полкъ въ отличномъ положеніи, и составить себѣ запасъ на дальнѣйшую службу.

Жаждавшіе нововведеній и зараженные страстью къ ломкѣ, нашли необходимымъ закрыть батальоны военныхъ кантонистовъ и потомъ совершенно упразднить это сословіе, т. е. не считать солдатскихъ дѣтей въ военномъ званіи и обязанными служить. Что система воспитанія этихъ дѣтей имѣла много дурнаго,—объ этомъ никто спорить не будетъ; но что кантонистскія заведенія въ тоже время приносили пользу военному вѣдомству и стоили гораздо менѣе того, что тратится теперь на замѣнившее ихъ,—въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Если счесть стоимость нынѣшнихъ писарскихъ классовъ, фельдшерскихъ школъ, техническихъ училищъ, плату за наемъ писарей, наборщиковъ, телеграфистовъ, чертежниковъ, литографщиковъ, граверовъ, музыкантовъ, оружейниковъ и т. д., содержимыхъ по вольному найму, на значительныхъ окладахъ, то все это стоитъ гораздо дороже. Говорили, что кантонистское званіе портило мальчиковъ до того, что самое слово *кантонистъ* считалось синонимомъ всевозможныхъ пороковъ. Предположимъ, что 5-я часть оказывалась дѣйствительно испорченною, за то 4/5 приносили пользу, выходили въ люди, уменьшали пролетаріатъ. А развѣ теперь слово *солдатскій сынъ* не считается олицетвореніемъ безнравственности, въ которой за ничтожными исключеніями, погрязаетъ вся масса этого сословія, брошеннаго на произволъ судьбы, ростущаго безъ всякаго надзора и призрѣнія, тогда какъ прежде солдатскія дѣти все-таки оберегались отъ порчи. Обратите вниманіе на судебную статистику и вы увидите, что почти нѣтъ дѣла у мироваго судьи, нѣтъ процесса, въ которомъ, въ числѣ виновныхъ, не было бы солдатскаго сына.

Черезъ 15 лѣтъ по упраздненіи кантонистовъ, военное вѣдомство увидѣло, что сдѣлало ошибку и, побуждаемое чувствомъ человѣколюбія, пришло къ необходимости допустить то, что само же уничтожило, но только подъ инымъ названіемъ и въ меньшемъ размѣрѣ. Во всѣхъ гвардейскихъ и въ нѣкоторыхъ армейскихъ полкахъ прежнія школы кантонистовъ возстановлены, подъ названіемъ школъ солдат-

скихъ дѣтей. Не указываетъ ли это на то, что слѣдовало только устранить недостатки, существовавшіе въ кантонистскихъ батальонахъ, но не уничтожать этихъ заведеній? Спросите любаго полковаго командира, у котораго есть школа, и онъ отвѣтитъ, что она даетъ ему прекрасное средство комплектовать писарей, фельдшеровъ, пѣвчихъ и музыкантовъ. Эти люди, отслужа обязательныя 6 лѣтъ за свое воспитаніе, на всю жизнь получаютъ возможность безбѣднаго существованія, избавляются отъ бродяжничества, отъ заработка куска хлѣба поденною работою, отъ фабричнаго растлѣнія. Сдѣлавшись грамотными, насколько это необходимо для ихъ дѣла, они обращаются въ полезныхъ гражданъ. Мы знаемъ людей почтенныхъ, въ высшей степени честныхъ тружениковъ, достигшихъ значительныхъ чиновъ и званій, безъ ученыхъ степеней и безъ аттестатовъ зрѣлости, а между тѣмъ получившихъ первоначальное воспитаніе и образованіе въ батальонахъ военныхъ кантонистовъ.

Да проститъ мнѣ читатель, что я такъ часто отвлекаюсь отъ моихъ воспоминаній и высказываю мои мысли и сужденія о предметахъ, меня не касавшихся. Но человѣку, посвятившему всю свою жизнь военному дѣлу, невозможно воздержаться, чтобы не высказать иногда своихъ убѣжденій. Все какъ-то думается, что взятыя изъ многолѣтней служебной опытности, онѣ, если не теперь, то хотя въ будущемъ принесутъ пользу.

Я остановился на переходѣ моемъ во вновь формировавшійся 1-й гвардейскій стрѣлковый батальонъ. Это случилось по представленію графа Э. Т. Баранова, на котораго было возложено первоначальное завѣдываніе гвардейскими стрѣлковыми батальонами. Первый разъ вошелъ я тогда въ сношенія съ этимъ замѣчательно пріятнымъ и симпатичнымъ человѣкомъ. Призвавъ меня, онъ сказалъ: „Государю угодно, сформированіемъ гвардейскихъ батальоновъ, дать новое направленіе стрѣлковому дѣлу и поднять формируемыя части до того уровня, который онѣ должны имѣть по своей цѣли. Поэтому первыми командирами этихъ батальоновъ Его Величество назначаетъ старшихъ своихъ флигель-адъютантовъ, полковниковъ графа Строганова—1-мъ и князя Барятинскаго—2-мъ. Я избираю васъ младшимъ штабъ-офицеромъ къ Строганову и надѣюсь,

что вы будете его усерднымъ помощникомъ. Онъ съ прапор щичьяго чина въ свитѣ и, вѣроятно, отсталъ отъ строя; хозяй ственная часть ему тоже не знакома; но это отличный чело вѣкъ, съ которымъ вы навѣрное сойдетесь. Помогите ему в дѣлѣ формированія, въ выборѣ людей и особенно офицеровъ Онъ никого не знаетъ въ полкахъ, вы же знаете многихъ. Что же касается Преображенскаго полка, то я тамъ всѣхъ знаю и изберу самъ".

Не буду описывать хода формированія батальона, первона чальнаго его состава и службы; но не могу не коснуться нѣко торыхъ фактовъ, характеризующихъ личности и распоряжені того времени.

Гвардейскіе стрѣлковые баталіоны, въ первые годы по сфор мированіи, были поставлены въ исключительное, привиллеги рованное положеніе. Въ ихъ составъ поступили по выбору луч шіе люди изъ резервныхъ полковъ гвардіи; эти баталіоны болѣе года не были подчинены ни дивизіямъ, ни стрѣлковому штабу; ихъ капитаны производились въ полковники не п общей линіи, а по своему баталіону; имъ не было ни въ чемъ отказа, дано два комплекта ружей и для помѣщенія 1-го бата ліона не стѣснились вывести, 40 лѣтъ стоявшій въ центрѣ го рода, полкъ, отдавъ всѣ его казармы одному баталіону. Млад шимъ штабъ-офицерамъ, черезъ годъ или два по производствѣ давали полки или баталіоны. Вакансіи открывались такъ быс тро, что въ первые три года въ 1-й баталіонъ было выпущено изъ камеръ-пажей и изъ школы подпрапорщиковъ 26 чело вѣкъ. Хотя черезъ 2 года насъ подчинили начальникамъ ди визій, но покуда графъ Барановъ былъ начальникомъ штаба гвардіи, онъ не переставалъ слѣдить за баталіонами. Полки завидовали стрѣлкамъ, и эта зависть имѣла основаніе.

Графъ Строгановъ и князь Барятинскій, другъ передъ дру гомъ, старались похвастать устройствомъ своихъ баталіоновъ и затрачивали на нихъ большія деньги. Для перваго, какъ очень богатаго, это было не трудно; но второму хотя было и тяжело но онъ не отставалъ. Разъ, ѣхавши со мною въ Красное Село для раздѣла лагерной земли, Барятинскій просилъ меня сдер живать Строганова.

„Скажите графу, говорилъ князь, что ему меня не подвести хотя онъ и во сто разъ богаче меня. Я вѣдь не уступлю, по

тому что для меня 30 тысячъ лишняго долга разницы не составитъ".

Дѣйствительно, Строгановскимъ затѣямъ конца не было. Не говоря о затратѣ имъ 25 тысячъ на лагерныя постройки въ Москвѣ, во время коронанціи, гдѣ мы простояли всего два мѣсяца, онъ фантазировалъ до того, что перевозилъ изъ Лигова въ Красное громадныя старыя деревья, которыя сряду засыхали и до вступленія въ лагерь ихъ пришлось вырубить, а каждое, съ покупкою и перевозкою, обходилось до 50 руб. Конечно баталіонъ и особенно офицеры были многимъ обязаны Строганову, но большая часть его затратъ была непроизводительна. Богатство, знатность рода и званіе флигель-адъютанта, вселили въ него такую самоувѣренность и самонадѣянность, что онъ считалъ возможнымъ все, чего пожелаетъ. Ему, напримѣръ, хотѣлось имѣть для баталіона особые штаты, одѣть его въ форму венсенскихъ стрѣлковъ, не посылать его въ караулы, вооружить заграничными ружьями, и когда это не удавалось, онъ раздражался, сказывался больнымъ, или уѣзжалъ охотиться въ порховское свое имѣніе, а мнѣ приходилось работать за него и его же успокоивать. Благихъ намѣреній у него была масса, но ни практичности, ни умѣнья примѣняться къ обстоятельствамъ.

Когда избирался цвѣтъ сукна для мундирныхъ отворотовъ, Государю было угодно, чтобы они были малиновые и именно того оттѣнка, какой имѣлъ конно-егерскій полкъ бывшихъ польскихъ войскъ, шефомъ котораго онъ былъ какъ Наслѣдникъ престола. Въ этомъ мундирѣ, бывши 10 лѣтъ, Александръ Николаевичъ присутствовалъ въ Варшавѣ на коронаціи Императора Николая, какъ Царя Польскаго. Долго не могли найти сукна этой тѣни, наконецъ удалось. Появленіе насъ въ новой формѣ, на выходѣ въ первый день Пасхи, съ невиданными публикою малиновыми отворотами, возбудило любопытство гражданскихъ и придворныхъ чиновъ. Одни спрашивали откуда мы и какой это полкъ, другіе принимали насъ за иностранцевъ.

По возвращеніи изъ Москвы, куда Строгоновъ просилъ меня съѣздить для осмотра строившагося лагеря, я не могъ не высказать ему, что считаю затраты его на двухмѣсячный лагерь слишкомъ большими.

„Я хочу показать, отвѣчалъ графъ, что ничего не жалѣ для части, которою командую“.

Затѣмъ онъ прибавилъ:

„Передайте офицерамъ, чтобы никто изъ нихъ не безп коился брать въ Москву свое хозяйство. Я прошу всѣхъ п стоянно обѣдать и ужинать у меня. Когда же мнѣ само нельзя будетъ находиться за столомъ, то прошу васъ быть меня хозяиномъ“.

Это избавило насъ отъ значительныхъ издержекъ. Для оф церской столовой Строгановъ заказалъ особое серебро, посуд бѣлье съ шифрами баталіона. По возвращеніи съ коронаці онъ подарилъ ихъ обществу офицеровъ, что послужило д устройства общей офицерской артели, которая такимъ обр зомъ основалась первою въ гвардіи.

Императорская Фамилія прибыла въ Петровскій дворе 14-го августа. Въ тотъ же день вечеромъ, въ круглой его зал происходила прибивка знаменъ, которыя Государю угод было пожаловать гвардейскимъ стрѣлковымъ баталіонамъ, і дню своего коронованія. Эта церемонія имѣла свою особе ность. Императрица Марія Александровна, возвращаясь съ пр гулки, проходила черезъ залъ, гдѣ происходила прибивка. І предложенію Государя, она собственноручно вбила гвоздь въ древ и, такимъ образомъ, знамя 1-го гвардейскаго стрѣлковаго бат ліона единственное въ русской арміи, въ прибивкѣ котора покойная Императрица принимала личное участіе. На слѣду щій день происходило торжественное его освѣщеніе, въ пр сутствіи всей Царской Фамиліи, множества иностранныхъ при цевъ, чрезвычайныхъ пословъ и военныхъ агентовъ почт всѣхъ европейскихъ государствъ. Послѣ дневнаго празднов нія, въ сумерки, когда лагерь начиналъ освѣщаться иллюм націею, раздался вызовъ дневальными всѣхъ на линію, ч означало прибытіе кого-либо изъ Царской Фамиліи. Едва толь успѣли мы выбѣжать изъ столовой, гдѣ шелъ еще послѣ-об денный кутежъ, какъ въ баталіонномъ интервалѣ остановил шарабанъ, въ которомъ находились: Императрица съ велико княжною, а противъ нихъ Государь и принцъ Александр Дармштадтскій. Государь разспросилъ какъ мы празднуем обратилъ вниманіе на приготовляемую иллюминацію и, окр женный офицерами, шагомъ проѣхалъ къ баракамъ 2-го бат

ліона, гдѣ празднованіе было въ полномъ разгарѣ. Князь Барятинскій, какъ былъ въ сюртукѣ, безъ галстука и фуражки, застегиваясь, подбѣжалъ къ экипажу.

— У тебя празднованіе, кажется, уже кончается? сказалъ ему Государь.

— Нѣтъ, Ваше Величество, только-что начинается, отвѣтилъ Барятинскій.

— Ну, по тебѣ этого не замѣтно, улыбаясь прибавилъ Императоръ.

— Къ разсвѣту пройдетъ — и мы будемъ на парадѣ какъ слѣдуетъ, проговорилъ князь вслѣдъ отъѣзжающимъ.

Коронаціоннымъ торжествамъ 1856 года много мѣшала почти постоянно ненастная погода. Она была особенно чувствительна для войскъ, потому что чрезъ это всѣ военныя церемоніи и парады утрачивали значительную часть своего блеска. Отдаленность Ходынскаго лагеря отъ Кремля удерживала многихъ отъ присутствія на балахъ, даваемыхъ послами, такъ что не всѣ получавшіе приглашенія пользовались ими. Даже роскошные пріемы графа Морни и Эстергази не возбуждали приманки, разъ что, для большей части офицерства приходилось тащиться 6 или 7 верстъ, въ глухую сентябрьскую ночь, по грязи и оврагамъ. Къ особо выдающимся празднествамъ нужно отнести обѣдъ, данный 4 сентября московскимъ купечествомъ, офицерамъ собранныхъ подъ Москвою войскъ. Кромѣ двухъ тысячъ офицеровъ, къ нему были приглашены фельдфебель, по 1 унтеръ-офицеру и по 2 рядовыхъ съ каждой роты, что составило съ 10 дивизій до 3-хъ тысячъ человѣкъ.

По окончаніи коронаціонныхъ торжествъ, въ половинѣ октября, мы возвратились въ Петербургъ, гдѣ начались обычныя зимнія занятія. Они дали случай убѣдиться, какъ ошибочно поступаютъ, давая отдѣльныя части людямъ, хотя и самымъ благонамѣреннымъ, но мало опытнымъ и практичнымъ. Ни громкое имя, ни деньги, никогда не замѣнятъ знанія людей и службы. Положеніе мое при Строгоновѣ было крайне затруднительное: надо было работать такъ, чтобы онъ воображалъ, что работаетъ самъ, а я только исполняю его указанія. Я видѣлъ, что желая какихъ-то особенностей, онъ не имѣетъ опредѣленной цѣли; воображаетъ, что въ дѣлѣ образованія стрѣлка можно ни о чемъ не заботиться, кромѣ стрѣльбы; что внутренній порядокъ

будетъ упроченъ, если онъ заведетъ на свой счетъ желѣзнı
кровати, красивыя одѣяла и лампы; что хозяйство пойдетъ с
лично потому, что онъ купилъ прекрасныхъ лошадей, а меж;
тѣмъ ихъ скверно кормятъ. Сначала я пробовалъ указыва
ему на ошибочность его взглядовъ, на необходимость надзо]
и контроля, но видѣлъ, что это только волнуетъ его. Строевı
зимнія занятія были предоставлены полному произволу ротны:
командировъ, взятыхъ изъ разныхъ полковъ и новичковъ ı
этомъ дѣлѣ. Какъ только назначался какой-либо парадъ и.
разводъ, Строгоновъ сердился, говоря, что онъ не брался д
лать изъ баталіона маршировщиковъ, сказывался больнымъ,
мнѣ приходилось принимать въ чужомъ пиру похмѣлье. Ког
смотръ сходилъ удачно, Государь обыкновенно говорил
„Поѣзжай къ Строгонову и скажи, что я вполнѣ доволенъ
Если же было что замѣтить, то замѣчалось мнѣ. То же сам
повторялось и графомъ Барановымъ. Попадался ли стрѣло
въ полицію, встрѣчался ли неисправнымъ на улицѣ, случал
ли промахъ въ караулѣ,—графъ Барановъ требовалъ мен
Однимъ словомъ я былъ „козломъ очищенія“.

Приближалась весна 1857 года, а съ нею и обычные въ
время Царскіе смотры по-бригадно. Зная, что сдать такой смот
не то что пройти церемоніальнымъ маршемъ, я предвидѣл
что не обойдется безъ чего-либо серьезнаго, представлялъ Ст
гонову, что надо провѣрить ротныя ученья и заняться баталіс
нымъ; но графъ, послѣ перваго же объ этомъ разговора, об
вилъ мнѣ, что по его докладу, о необходимости посвятить ı
сеннее время стрѣльбѣ, смотра не будетъ, приказалъ прек
тить приготовленія и переѣхалъ на дачу. Когда, въ концѣ с
ного изъ ученій, Государь вызвалъ баталіонъ по тревогѣ
похвалилъ за церемоніальный маршъ, то Строгоновъ впол
успокоился и сказалъ мнѣ:

— Вотъ вы толковали о необходимости готовиться къ смот
теперь надѣюсь убѣдились, что его не будетъ.

Но не далѣе какъ черезъ три дня получено было прика
ніе, что 30-го мая Государь произведетъ ученье полкамъ Изм
ловскому и Егерскому, вмѣстѣ съ 1-мъ гвардейскимъ стрѣ
ковымъ баталіономъ. Я отправился на Каменный островъ, ус
виться съ Строгоновымъ, чѣмъ заниматься въ оставшіеся т
дня до смотра. Рѣшено было, что я буду производить учен

по утрамъ, а онъ послѣ обѣда. Но и въ этотъ разъ, какъ часто бывало, графъ не исполнилъ условія, явился на плацъ поздно, находилъ все прекраснымъ, за все хвалилъ, не видѣлъ ошибокъ и уѣзжалъ, приказывая выдать людямъ по чаркѣ.

Чего надо было ожидать, то и случилось. Ученье при Государѣ сопровождалось такими ошибками, что не смотря на все его терпѣніе, кончилось полнѣйшимъ фіаско. Приказано было увести баталіонъ съ плаца и учить на дворѣ казармъ. Строгоновъ, выслушавъ гнѣвъ Государя, пріѣзжаетъ въ свой казарменный кабинетъ, куда собираетъ офицеровъ. Только-что онъ началъ высказывать имъ свое огорченіе, какъ камердинеръ докладываетъ, что графъ Барановъ прислалъ за мною коляску. Прибывъ въ штабъ, пришлось обождать, потому что у начальника штаба былъ корпусный командиръ. Во время выжиданія, входитъ въ пріемную Строгоновъ и обращается ко мнѣ съ фразою:

— Я болѣе не остаюсь баталіоннымъ командиромъ.

— Зачѣмъ такъ говорить, графъ,—отвѣчалъ я.—Неужели одна поправимая неудача можетъ заставить васъ предпринять такое рѣшеніе?

— Пусть поправляютъ другіе, — продолжалъ онъ, — я не для того принималъ баталіонъ, чтобы соперничать съ полками по фронту и не намѣренъ выслушивать дерзости.

Строгоновъ увѣрялъ, будто Государь на плацу сказалъ ему, что онъ привелъ срамить свой баталіонъ; но кого я ни спрашивалъ, никто не слыхалъ такого выраженія, а всѣ единогласно говорили, что Государь высказалъ свое неудовольствіе въ такихъ словахъ:

— Вамъ, г. баталіонный командиръ, стыдно приводить баталіонъ на смотръ незнающимъ сигналовъ. Если я требую этого отъ полковъ, то стрѣлкамъ надо знать сигналы, хотя бы ихъ подняли ночью.

Выходя изъ кабинета начальника штаба, генералъ Плаутинъ обратился къ намъ съ улыбкою.

— Что, стрѣлки! Не все васъ гладить по головкѣ, иногда надо и противъ шерсти.

Когда мы вошли въ кабинетъ, графъ Барановъ сказалъ мнѣ:

— Разскажите по порядку, какія были на ученьи ошибкі отчего они происходили и кто виноватъ въ нихъ.

Я не успѣлъ кончить разборъ ученья, какъ Строганов перебилъ меня, говоря:

— Если мнѣ разъ было сказано, что ученья не будетъ, т не слѣдовало его и дѣлать.

Графъ Барановъ сталъ возражать ему; между ними во никъ горячій споръ. Не желая присутствовать при этомъ, всталъ и отошелъ въ сторону; но начальникъ штаба внов обратился ко мнѣ:

— Извольте составить, и сегодня же прислать мнѣ за писку, въ которой подробно изложите ходъ ученья и объяс ните причины ошибокъ; я доложу записку Государю. Затѣмъ обращаясь къ Строгонову, онъ продолжалъ: — вотъ еще что Государь приказалъ, чтобы генералъ Гильденштуббе сегодн вечеромъ сдѣлалъ ученье баталіону.

— Я не буду на этомъ ученьи, — проговорилъ Строго новъ, — потому что при всемъ моемъ уваженіи къ Гильдег штуббе, не выѣду передъ прогнанный съ плаца баталіонъ.

Чтобы не быть свидѣтелемъ новаго спора, я, подъ пред логомъ полученія приказаній отъ начальника дивизіи на счет вечерняго ученья, вышелъ, оставивъ Строгонова у графа Ба ранова.

На слѣдующій день вечеромъ я былъ снова потребован имъ и узналъ, что моя записка уже доложена Государю, чт Гильденштуббе съ похвалою отозвался о вчерашнемъ ученьи и что 4-го іюня баталіону назначается вторичный смотр Между тѣмъ, въ ночь, баталіонный адъютантъ князь Щерба товъ получилъ отъ Строгонова записку: приготовить дл него прошеніе объ отставкѣ. Это произвело сенсацію межд офицерами. Они въ полномъ составѣ отправились на дач Строгонова, просить его не оставлять баталіона. Графъ ви димо уклонился отъ рѣшительнаго отвѣта, но объявилъ, чт онъ боленъ и не можетъ представлять баталіона на вторич номъ смотру, почему и проситъ меня замѣнить его.

Для производства ученья, Государь нарочно пріѣхалъ из Царскаго Села. Когда я подъѣхалъ съ рапортомъ, — он спросилъ:

— А гдѣ Строгоновъ?

— Онъ нездоровъ,—отвѣчалъ я.

Объѣхавъ ряды, Государь подозвалъ къ себѣ ротныхъ командировъ.

— Въ четвергъ, — сказалъ Его Величество, — ученье шло неудачно. Этому отчасти виноватъ и я, потому что только наканунѣ просмотрѣлъ вашъ уставъ. Надѣюсь, что сегодня будетъ лучше. Я начну съ того, что разведу баталіонъ поротно въ двѣ линіи, сдѣлаю наступленіе съ нѣсколькими усиленіями цѣпи, затѣмъ перемѣню фронтъ налѣво и буду отступать перекатными цѣпями; кончу же атакою вала.

Едва-ли это не единственный случай, чтобы Государь, передъ началомъ ученья одному батальону, предварялъ о томъ, что ему угодно будетъ смотрѣть.

Ученъ шло отлично. Государь нѣсколько разъ благодарилъ офицеровъ и стрѣлковъ. Садясь въ коляску онъ сказалъ мнѣ:

„Поѣзжай къ Строгонову и передай ему, что я вполнѣ доволенъ баталіономъ и жалѣю, что онъ не полюбовался на сегодняшнее ученье“.

Прямо съ плаца я поѣхалъ къ графу, у котораго засталъ командира 2-го баталіона князя Барятинскаго, прибывшаго прямо съ ученья, и генералъ-адъютанта князя Паскевича. Входя въ кабинетъ, я прежде всего заявилъ, что присланъ Государемъ. Всѣ встали. На повторенное слово въ слово приказаніе Его Величества, Строгоновъ отвѣтилъ: „Радуюсь за васъ и за баталіонъ, который не мнѣ, а вамъ обязанъ полученными похвалами“.

Къ этой фразѣ, князь Паскевичъ, опускаясь въ кресло, добавилъ:

„Pourtant ça doit vous flatter, mon cher“.

Почти прошла недѣля покуда рѣшалось остается-ли Строгоновъ, или уходитъ. Это было время различныхъ предположеній и всевозможныхъ толковъ о томъ, кто будетъ назначенъ на его мѣсто. Вѣрнымъ изъ нихъ было только то, что при первомъ докладѣ прошенія объ отставкѣ, Государь выразилъ желаніе, чтобы Строгоновъ, какъ старшій флигель-адъютантъ Императора Николая Павловича, остался. Военный министръ Сухозанетъ поручилъ передать подобное желаніе Государя своему товарищу, князю Васильчикову. Послѣдній, бывъ въ родствѣ съ Строгоновымъ, раздѣляя взгляды своего зятя и не

менѣе его самолюбивый, ничего не сдѣлалъ, да вѣроятно п
желалъ склонить Строгонова взять прошеніе обратно.

Переговоры кончились тѣмъ, что 11 іюня состоялся пр
казъ объ увольненіи его отъ службы и о назначеніи на е
мѣсто флигель-адъютанта князя Шаховскаго, до прибытія к
тораго мнѣ было предписано принять баталіонъ на законно
основаніи и быть временно-командующимъ имъ.

Казалось-бы, что заботы Строгонова о бытѣ нижнихъ ч
новъ и частыя на это затраты должны были, при разставаı
съ подобнымъ командиромъ, возбудить въ стрѣлкахъ особ
о немъ сожалѣніе. Къ удивленію, этого замѣчено не бы
напротивъ, равнодушное ихъ отношеніе къ его уходу изъ б
таліона подтвердило, что русскій солдатъ гораздо болѣе пр
вязывается къ строгому, но знающему службу командир
нежели къ слабому и балующему его. На вопросъ мой, сд
ланный одному изъ стрѣлковъ, о причинѣ холодности солдат
выразившейся при прощаніи съ ними графа, онъ отвѣчал
„Ихъ сіятельство точно были добры, да только по службѣ
ними плохо; съ ними никакъ не знаешь хорошо или ху
сойдетъ смотръ“.

Весь лагерь 1857 года я командовалъ 1-мъ гвардейски
стрѣлковымъ баталіономъ и представлялъ его на 8 разл
ныхъ Высочайшихъ смотрахъ. Благодаря отличному соста
офицеровъ и ихъ довѣрію къ моимъ требованіямъ, всѣ смот
прошли прекрасно. Несмотря на то, что баталіонъ въ это вре
былъ подъ тройнымъ начальствомъ: дивизіи, начальника шта
гвардіи и штаба стрѣлковыхъ баталіоновъ, мнѣ удавалось у
ждать имъ. Впрочемъ, послѣдній какъ-то робко входилъ
свою роль; эта робость и впослѣдствіи не покидала его. Ког
случалось, бывало, испрашивать отъ него самое простое кате
рическое приказаніе, напримѣръ, въ родѣ того какъ постави
баталіонъ, въ колоннѣ или развернутымъ фронтомъ, то об
ясненіе длилось полчаса, начиналось чуть не со временъ из
брѣтенія пороха и все-таки положительнаго отвѣта на вопро
не получалось, а приходилось дѣлать по своему усмотрѣні
Такая нерѣшительность, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда нуж
было только сказать да или нѣтъ, часто ставили стрѣлков
баталіоны въ весьма затруднительное и неопредѣленное п
ложеніе.

Помогать графу Строгонову и трудиться за него я могъ, потому что видѣлъ въ немъ высшей степени честнаго и благонамѣреннаго человѣка; преемника же его я вовсе не зналъ и наконецъ мнѣ хотѣлось выйдти изъ роли работника для другихъ. Поэтому, при первомъ посѣщеніи лагеря Герцогомъ, я просилъ его дать мнѣ стрѣлковый баталіонъ въ арміи. Черезъ недѣлю его начальникъ штаба передалъ мнѣ, что я получаю 15 стрѣлковый баталіонъ, состоявшій въ Аккерманѣ; но черезъ три дня мнѣ было объявлено, что Герцогъ желаетъ, чтобы я принялъ 3 баталіонъ, такъ какъ онъ очень разстроенъ и въ немъ баталіонный и два ротныхъ командира подъ слѣдствіемъ. Дѣло о нихъ находилось въ штабѣ; мнѣ было предложено ознакомиться съ нимъ, но при этомъ заявлено, что оно весьма секретное. Забавенъ былъ способъ этого знакомства. Въ кабинетѣ начальника штаба мнѣ указали на столъ, положили на него объемистый томъ бумагъ и заперли двери на ключъ. Я воображалъ, что прочту что нибудь ужасное, и что же оказалось?—Два ротные командира подали доносъ на баталіоннаго, одинъ въ томъ—что съ него неправильно взяли деньги за не сданный провіантъ, а другой настрочилъ нѣсколько страницъ разныхъ кляузъ и сплетенъ.

Хотя приказъ о назначеніи меня командиромъ 3 стрѣлковаго баталіона состоялся въ іюнѣ, но я продолжалъ командовать 1-мъ гвардейскимъ до сентября. Въ послѣдній разъ я былъ съ нимъ въ строю, при встрѣчѣ невѣсты Великаго князя Михаила Николаевича, принцессы Баденской. Въ половинѣ сентября я оставилъ Петербургъ и съ этого времени началась моя армейская служба.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

1857—1860.

———

Первое знакомство съ армейскою службою. — Какъ прежде сдавали принимали части войскъ — Проѣздъ черезъ Гродно. — Принятіе бат лiона. — Его общество — Г. Волковыскъ. — Рѣдкій еврей. — Чего тогда ж лали литовскіе помѣщики. — Смотры начальства. Оригинальность странности корпуснаго командира. — Положеніе православнаго духове ства и церквей въ Литвѣ. — Новое назначеніе. — Сдача баталіона. — Мо преемникъ. — Переѣздъ изъ Волковыска въ с. Медвѣдь. — Солдаты-дв ряне. — Новый начальникъ — Красносельскіе лагери. — Эпизодъ на ман врахъ. Поѣздки въ Петербургъ. — Разговоры съ министромъ. — Частн и общественная жизнь въ мѣстѣ стоянки.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1857 года началось первое мое зна комство съ армейскою службою и армейскою жизнію. Посл 15-ти-лѣтней постоянной жизни въ Петербургѣ, пришлос разстаться съ нимъ, съ сдѣланными въ немъ связями и зна комствами, съ бывшими корпусными товарищами, оставші мися въ гвардіи, и наконецъ съ родными. Въ это же врем совершилась перемѣна и въ личной судьбѣ моей,—я женилс и долженъ былъ отправиться Гродненской губерніи въ город Волковыскъ, гдѣ квартировалъ полученный мною 3-й стрѣ ковый баталіонъ. Въ то время варшавская желѣзная дорог только строилась, такъ что пришлось совершать переѣздъ н почтовыхъ.

Ожиданіе новой служебной дѣятельности, предстоявше знакомство съ невѣдомымъ тогда для меня армейскимъ бы томъ, особенности провинціальной жизни, — все это вмѣст сильно занимало и заботило меня; но болѣе всего безпокоил то: какъ-то придется принять батальонъ и какую личност встрѣчу въ бывшемъ его командирѣ, что въ тѣ времена имѣл большое значеніе. Тогда сдача и пріемъ части составляли н

легкое дѣло, прямо зависѣвшее отъ личныхъ взглядовъ и убѣжденій принимающаго и сдающаго.

Тридцать лѣтъ назадъ командованіе и хозяйство части всецѣло довѣрялись ея командиру, который былъ полнымъ и самовластнымъ ея распорядителемъ и отвѣтчикомъ за ея благосостояніе. Ни завѣдывающихъ хозяйствомъ, ни хозяйственныхъ комитетовъ тогда не было. Всѣ приходы поступали къ командиру и всѣ расходы зависѣли отъ его усмотрѣнія; всѣ остатки, образующіеся отъ его оборотливости и распорядительности, могли быть имъ употребляемы на что угодно; но всѣ недостатки и неисправности онъ былъ обязанъ пополнять и исправлять изъ добываемыхъ имъ средствъ. Люди распорядительные, опытные, знающіе хозяйство, составляли себѣ обезпеченіе и въ то же время содержали часть въ примѣрномъ устройствѣ;—тотъ же, кто, даже при полномъ безкорыстіи, не былъ одаренъ знаніемъ хозяйства и опытностью, не только не скоплялъ запаса на случай сдачи, но при придирчивости пріемщика приплачивалъ ему большія деньги. Такая система командованія имѣла свои дурныя и хорошія стороны. Она могла быть вполнѣ охарактеризована словами: „дѣлай, какъ хочешь, но чтобы все было хорошо и исправно". Зная это, всякій, разсчитывавшій быть когда-либо командиромъ части, старался выучиться хозяйству заранѣе и ознакомиться со всѣми его подробностями, бывши въ младшихъ чинахъ. Безъ этого сдающій не могъ бы отстаивать своихъ интересовъ, а принимающій отличить качество вещей и ихъ недостатки. Нерѣдко случалось, что скупость перваго и жадность втораго порождали несогласія, затягивали пріемъ части на мѣсяцы и, не смотря на назначеніе въ этомъ случаѣ посредника, были примѣры, что вновь назначенный командиромъ отказывался отъ полка или баталіона именно потому, что сдающій не соглашался заплатить ему ту сумму, въ которую принимающій оцѣнивалъ найденные недостатки и неисправности. Чтобы отстранить подобную неблаговидность, впослѣдствіи, во многихъ частяхъ, приказано было имѣть въ казенныхъ ящикахъ опредѣленную сумму, образуемую изъ экономіи отъ казенныхъ отпусковъ, на обезпеченіе сдачи части въ исправности.

Во вновь сформированныхъ стрѣлковыхъ баталіонахъ, по

недавности ихъ существованія, такого обезпеченія не был(а потому мнѣ пришлось самому опредѣлять недостатки; н зная, что предстоитъ принимать баталіонъ отъ человѣка с(вершенно безвинно состоявшаго подъ слѣдствіемъ, такъ ск(зать, убитаго горемъ, я заранѣе рѣшился быть сколь во: можно снисходительнымъ. Мнѣ думалось, что если чего-либ и не досмотрю, или ошибусь въ чемъ-либо, то со-временем все это, при должномъ надзорѣ, можетъ быть пополнено исправлено.

Для тѣхъ изъ моихъ читателей, которымъ предстоит командовать частью, считаю необходимымъ замѣтить, что бы дѣйствительнымъ хозяиномъ далеко не такъ легко, какъ э кажется. Надо знать толкъ въ лошадяхъ, въ сапожномъ т(варѣ, въ холстахъ, въ сукнахъ; надо умѣть отличить малѣі шую примѣсь въ мукѣ, дурное сѣно отъ хорошаго и т. , до мелочей всевозможнаго рода. Безъ этого всякій обман всякое нерадѣніе мелкихъ хозяйственныхъ чиновъ останутс неузнанными и безнаказанными. Кромѣ того, надо знать вс тонкости, всѣ увертки тѣхъ, кто снабжаетъ часть всякаг рода довольствіемъ. Въ настоящее время командиръ части п(ставленъ совсѣмъ въ другое положеніе, чѣмъ прежде; ег личные интересы отстранены отъ интересовъ казны. Онъ о вѣтственъ только тогда, когда ущербъ происходитъ отъ ег непосредственныхъ распоряженій. Многое, что прежде прих(дилось заводить и содержать на экономическіе остатки, тепер обезпечено отпускомъ въ натурѣ или деньгами. Однимъ сл(вомъ, все считается предусмотрѣннымъ и обезпеченнымъ. Н теорія не всегда согласуется съ практикой. Хозяйство может быть обезпечено только тогда, если командиръ части пони маетъ его; но если онъ полагаетъ, что это не его дѣло, так какъ для каждой отрасли есть свои спеціальные дѣятели, предоставитъ имъ полную самостоятельность, самъ же тольк(будетъ подписывать требованія и отчеты, то не успѣетъ оглянуться, какъ исправное на бумагѣ окажется непригод нымъ къ дѣлу. Если сравнить то, что стоитъ теперь из вѣстная часть войскъ правительству, съ тѣмъ, что он стоила 30 лѣтъ назадъ, при прежней системѣ хозяйствен ной отвѣтственности, то окажется значительная передержка Происходитъ это не столько отъ общей на все дороговизны

сколько отъ безотвѣтственности и безнадзорности за бережливостью. Когда командиръ и его подчиненные знаютъ, что всякій недосмотръ и всякая беззаботность отзовутся на ихъ личномъ интересѣ, то приложатъ все свое знаніе и всю свою дѣятельность къ тому, чтобы оградить его. Будетъ совершенно другое, если незнаніе и нерадѣніе прикрываются широкими казенными отпусками.

Благодаря корпусному воспитанію прежняго времени и началу службы въ полку, гдѣ хозяйство было доведено до полнаго благоустройства, я могъ приступить къ пріему баталіона безъ затрудненій. Но, прежде чѣмъ говорить объ этомъ, остановлюсь на проѣздѣ черезъ Гродно. Тамъ находился штабъ дивизіи, къ составу которой принадлежалъ мой батальонъ, а начальникомъ ея былъ генералъ баронъ К. К. Врангель, извѣстный въ военной средѣ подъ названіемъ Баязетскаго [1]). Это была достойнѣйшая во всѣхъ отношеніяхъ личность. Рѣдко можно было встрѣтить, да я и не встрѣчалъ, начальника болѣе дѣльнаго, знающаго, симпатичнаго и добраго. Принимая прапорщика и генерала, онъ имѣлъ даръ, сохраняя начальническій тонъ и тактъ, принять такъ, что оба уходили очарованные имъ. Въ то же время ни одна вина подчиненнаго не проходила у него незамѣченною. Желая представиться ему и ознакомиться съ его служебными взглядами, а также узнать отъ него о батальонѣ, я провелъ въ Гроднѣ нѣсколько дней. Не заставъ въ первый пріѣздъ генерала дома и узнавъ, что онъ скоро возвратится, я вступилъ въ разговоръ съ его ординарцемъ. Это былъ унтеръ-офицеръ Новоингерманландскаго полка, только-что возвратившагося со смотровъ, происходившихъ въ Варшавѣ. Разспросы мои вращались около общаго солдатскаго быта и были вызваны желаніемъ узнать степень развитія армейскаго унтеръ-офицера. Приведу отвѣтъ на мой вопросъ:

— Остался ли Государь доволенъ смотрами и маневрами?

Сначала послѣдовалъ стереотипный отвѣтъ—„не могу знать“, но когда я замѣтилъ, что унтеръ-офицеру стыдно не знать остались-ли полкомъ довольны или нѣтъ, то онъ высказался такъ:

[1]) Это названіе было присвоено ему за взятіе въ 1854 г. Баязета.

„Отъ другихъ полковъ слышно было, что хвалили, а нап былъ въ резервѣ. Покойный Государь Николай Павлович бывало объѣдетъ всякій батальонъ, такъ солдаты все и знал что онъ скажетъ, а въ этотъ разъ мы послѣ смотра издали в дѣли, какъ Его Величество сѣли въ коляску и уѣхали. Начал ство потомъ хвалило и благодарило отъ себя".

Баронъ Врангель долго и подробно говорилъ со мною о б тальонѣ, которымъ мнѣ предстояло командовать. Онъ отзывал о немъ какъ о новой, только что сформированной, далеко е неокончательно устроенной части, но предварялъ, что дѣло доносахъ на бывшаго командира далеко не такъ важно, ка взглянули на это въ стрѣлковомъ штабѣ.

Кстати замѣтимъ, что несчастная привычка, нѣкоторыхъ н чальствующихъ лицъ, давать значеніе доносамъ и безъименны письмамъ развиваетъ фискальство, нисколько не прекращ злоупотребленій, еслибы они и были. Сколько вопіющихъ н справедливостей порождаетъ потворство доносамъ! Самый чес ный и безкорыстный командиръ не гарантированъ, чтобы меж его подчиненными не нашлось человѣка, который, за сдѣла ныя съ него взысканія, не вздумалъ бы мстить своему начал нику и безнаказанно клеветать на него. Назначающіе по донос дознаніе или слѣдствіе, обыкновенно оправдываютъ свое расп ряженіе тѣмъ, что если ничего не окажется, то не будетъ п слѣдствій. А развѣ одно то, что надъ представителемъ час производится слѣдствіе, не оскорбляетъ его достоинства, вліяетъ на его подчиненныхъ и не производитъ нравственна огорченія? Еслибы доносъ и оказался ложнымъ, какъ больше частью и бываетъ, то сдѣланнаго оскорбленія ни что не сн метъ. Сколько было примѣровъ, что почтенные и достойн люди, вслѣдствіе пристрастныхъ по доносамъ дознаній, попад подъ опалу, лишались мѣстъ, бѣдствовали, теряли здоровье, потомъ оказывалось, что они ни въ чемъ неповинны, но попр вить сдѣланнаго имъ зла было уже невозможно.

Прибывъ въ Волковыскъ и ознакомясь съ дѣломъ на м стѣ, я самъ убѣдился въ этомъ, и потому принялъ мѣры к немедленному удаленію изъ баталіона авторовъ доноса.

За ихъ выбытіемъ, общество офицеровъ состояло изъ м лодыхъ людей, очень усердныхъ и довольно представител ныхъ. Оно было пополнено и много выиграло выпускомъ

баталіонъ въ томъ же году изъ кадетскихъ корпусовъ нѣсколькихъ, вмѣсто гвардіи, прямо поручиками. Старше этого чина въ баталіонѣ не оказалось никого, такъ что пришлось дать двѣ роты только что выпущеннымъ, но я въ этомъ не раскаявался. Вотъ доказательство, что кадетскіе корпуса давали тогда арміи вполнѣ подготовленныхъ и полезныхъ офицеровъ. Назову между таковыми поручиковъ Обырна, Обезерскаго и Шалевича. Это были вполнѣ образованные и благовоспитанные юноши. Къ сожалѣнію, впослѣдствіи двое первыхъ пошли въ академію и, черезъ 5 лѣтъ, оказались причастными къ польскому возстанію. Обырнъ успѣлъ бѣжать за-границу, а Обезерскій, по возвращеніи изъ ссылки, появился въ Варшавѣ въ самомъ жалкомъ положеніи.

Волковыскъ, переполненный жидами городишко, не представлялъ собою ничего привлекательнаго. Общества въ немъ не было рѣшительно никакого, а потому мы проводили свободное время исключительно въ своей военной средѣ. Семейными между офицерами были только маіоръ и докторъ. Квартиру мнѣ удалось получить очень небольшую, но симпатичную, изъ отдѣльнаго домика въ саду, отлично устроенномъ какимъ-то старичкомъ, страстнымъ любителемъ ботаники. Вскорѣ этотъ домикъ сдѣлался сборнымъ пунктомъ для офицеровъ. Изъ непринадлежащихъ же батальону лицъ, единственнымъ посѣтителемъ былъ молодой докторъ Маркевичъ, бывшій студентъ московскаго университета, кончившій спеціальное образованіе въ Вѣнѣ. Это была исключительная между поляками, крайне симпатичная и чуждая фанатизма, личность. Онъ такъ свыкся съ офицерскимъ составомъ, что какъ-бы принадлежалъ ему. Въ окрестности было впрочемъ два-три помѣщика, не чуждавшіеся русскихъ. Таковыми оказались Ельскій и Пилецкій, бывшій много лѣтъ главнымъ докторомъ друзгеницкихъ минеральныхъ водъ.

Прибывъ изъ гвардіи, гдѣ всѣ нововведенія по образованію войскъ были уже въ полномъ ходу, мнѣ хотѣлось ввести ихъ въ баталіонѣ, куда, какъ и вообще въ армію, доходили только слухи о томъ, что предпринималось въ Петербургѣ. Молодой составъ офицеровъ сильно помогъ этому. Я встрѣтилъ въ немъ полную готовность вести баталіонъ въ новомъ направленіи. Но сначала предстояло со многимъ ознакомить самихъ офицеровъ

теоретически, т. е. бесѣдовать съ ними въ видѣ чтенія лекці
Во всемъ городѣ единственною комнатою, въ которой мог
помѣститься человѣкъ 20, была корчма еврея Галлая. Едва-
происходившія въ ней собранія были не первообразами зи
нихъ офицерскихъ занятій и лекцій, вошедшихъ въ таку
моду въ настоящее время. Къ свѣдѣніямъ по стрѣлковой ч
сти я примѣшивалъ и другія, напримѣръ: о веденіи ротна
хозяйства, о нравственномъ воспитаніи солдата, о влiян
на него личнаго примѣра офицера. Любознательность - л
или то, что офицеры видѣли въ нашихъ бесѣдахъ развл
ченія, такъ какъ другихъ не было, только собранія для ле
цій очень имъ нравились и посѣщались ими безъ всяких
принужденій.

О личности вышеназваннаго еврея Галлая стоитъ сказа
нѣсколько словъ. Много лѣтъ пришлось мнѣ потомъ провес
среди еврейскаго племени, но подобнаго нравственнаго ти
встрѣтить не доводилось. Это былъ 60-лѣтній старикъ, де
жавшій лучшую лавку и довольно чистый заѣзжій домъ. В
когда-либо квартировавшія въ Волковыскѣ войска имѣли е
своимъ поставщикомъ, не только по части продовольствія,
и снабженія мастерскихъ необходимыми матеріалами. Имѣ
множество аттестатовъ отъ начальниковъ дивизій и корпусных
командировъ, Галлай доставлялъ въ роты, по самымъ умѣре
нымъ цѣнамъ, лучшіе продукты, а офицеры находили въ е
лавкѣ все, что угодно, отъ папиросъ Спиглазова, до насто
щихъ гаванскихъ сигаръ и отъ вяземскихъ пряниковъ—до ко
фектъ отъ Балле. Черезъ него же можно было, въ самый к
роткій срокъ, выписывать все, не только изъ Варшавы, но
изъ Парижа. Ежедневно вечеромъ онъ являлся къ командиі
части за приказаніемъ и какъ бы съ рапортомъ о всѣхъ сл
хахъ, толкахъ и происшествіяхъ, дѣлалъ предложенія о в
годныхъ покупкахъ или продажахъ по случаю. Все это дѣл
лось безъ малѣйшей навязчивости, тихо и спокойно.

Однажды, возвратясь домой, я нахожу на письменномъ ст
лѣ условіе о закупкѣ мною, у какого-то шляхтича, 500 пудов
садоваго сѣна, по баснословно дешевой цѣнѣ—7 коп. за пуд
Спрашиваю деньщика откуда эта бумага? Отвѣчаетъ: „Галла
принесъ". Между тѣмъ я не видѣлъ никакого шляхтича и н
съ кѣмъ не говорилъ о сѣнѣ.

Вечеромъ, по обычаю, голова Галлая просовывается изъ тихо отворенной двери кабинета.

— Это ты принесъ какое-то условіе,—спрашиваю я.

— Если ненужно я возьму, отвѣчаетъ старикъ, протягивая руку за бумагою.

— Не въ томъ дѣло—говорю ему—а я не понимаю, что она значитъ и сѣно мнѣ теперь не нужно.

— А то значитъ—продолжаетъ онъ—что не тогда покупаютъ, когда вещь необходима и не отъ того, кому нѣтъ нужды продать. Ко мнѣ пришелъ шляхтичъ занимать деньги; я ему и говорю, что безъ залога не дамъ. Онъ хотѣлъ оставить часы.—Не надо часовъ, а запродай ты мнѣ сѣно съ твоего огорода—говорю я. Онъ даже обрадовался и, запросивъ 15 к., охотно сошелся на 7. Мнѣ самому сѣно не нужно, но я знаю, что батальону придется зимою платить за него по 2 злота; вотъ я и написалъ условіе, что онъ запродалъ его пану полковнику.

На мое спасибо онъ добавилъ:

— Да вы не подумайте, что я не соблюлъ своей выгоды. Вы заплатите 7, но 2 изъ нихъ шляхтичъ отдаетъ мнѣ,—это мой процентъ.

Когда, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, батальону пришлось выступить изъ Волковыска, я призвалъ старика и зная, что всѣ офицеры болѣе или менѣе должны ему, спрашиваю:

— Ну, что Галлай, офицеры расплачиваются съ тобою?

— Кто расплачивается понемножку, а кто и нѣтъ.

— Какъ же ты поступишь съ тѣми, кто не расплатится?

— Жаловаться не буду. Господа все хорошіе; не теперь—такъ потомъ пришлютъ, а если кто и не вышлетъ, такъ Галлай отъ этого не раззорится. Богъ съ ними! А вотъ что не хорошо: г. Соколовъ говоритъ мнѣ—„Галлай, пенензы у меня не ма, а вотъ возьми это въ 30 рубляхъ, и снимаетъ со стѣны образъ въ золотой ризѣ“. Я отвѣтилъ ему: „Пане поручникъ!—Галлай этого не сдѣлаетъ. Можетъ этимъ образомъ васъ благословилъ отецъ, а вы цѣните его благословеніе въ 30 р. Пусть пропадутъ они, а я такого не сдѣлаю“, и ушелъ отъ него.

Все это я привелъ какъ доказательство того, что и между евреями, хотя рѣдко, но встрѣчаются прекрасныя личности, а продолжительное пребываніе между ними убѣдило меня, что на

благодарность еврея можно разсчитывать гораздо вѣрнѣе, чѣмъ на благодарность поляка. Въ этомъ и читатели убѣдятся изъ дальнѣйшихъ моихъ воспоминаній.

Какъ во время бытности моей въ Литвѣ въ 1849 и 1855 годахъ, такъ и проживя въ ней годъ въ описываемое время, я убѣдился, что поляки-помѣщики сами желаютъ, чтобы ими управляли съ твердостію, настойчиво, безъ колебаній. Когда въ 1857 году, до нихъ начали доходить слухи объ осуществившихся потомъ реформахъ, они поняли, что прежняя система управленія Польшею и Литвою измѣняется, и многіе изъ пановъ, въ минуты откровенности, выражали боязнь, какъ бы отступленія отъ прежнихъ постановленій не привели къ дурнымъ послѣдствіямъ. Разсказывая объ оваціяхъ, происходившихъ въ Вильнѣ, по случаю проѣзда Государя, помѣщики какъ бы предчувствовали, что имъ не слѣдовало ни радоваться, ни придавать особеннаго значенія. Они сами сознавали недостатки польскаго характера, способнаго увлекаться въ какую угодно сторону. Дѣйствительно, не прошло трехъ лѣтъ, какъ восторги обратились въ анти-правительственныя демонстраціи. Само собою разумѣется, что сожалѣнія свои о перемѣнахъ въ либеральномъ направленіи, каждый изъ пановъ высказывалъ глазъ на глазъ съ русскимъ, опасаясь сосѣда; но было всетаки отрадно слышать, какъ нѣкоторые говорили: „При Императорѣ Николаѣ Павловичѣ намъ было лучше и покойнѣе, всякій зналъ чего правительство желаетъ, что можно и чего нельзя".

Очень можетъ быть, что многое говорилось съ цѣлью казаться благонамѣреннымъ и преданнымъ Россіи. Тогда я еще вѣрилъ нѣкоторымъ изъ поляковъ; впослѣдствіи же убѣдился, что въ политическомъ смыслѣ никому изъ нихъ вѣрить не мыслимо. Въ Варшавѣ было у меня два знакомыхъ поляка, помѣщикъ и докторъ, неразлучные друзья между собою. Въ самый разгаръ безпорядковъ, сидятъ они у меня въ кабинетѣ и нещадно бранятъ виновниковъ возстанія. Какъ только одинъ вышелъ, другой, оглядываясь, тихо говоритъ мнѣ:

— Вы не очень довѣряйтесь доктору, онъ говоритъ одно, а самъ вполнѣ на сторонѣ возстанія.

Не прошло 10-ти минутъ, какъ помѣщика пригласили къ

чаю, а возвратившійся въ кабинетъ докторъ обратился ко мнѣ, почти шепотомъ:

— Я вамъ совѣтую быть поосторожнѣе; онъ прикидывается преданнымъ русскимъ для того, чтобы что-либо отъ васъ вывѣдать и передать куда слѣдуетъ.

„Вотъ такъ друзья!“ подумалъ я, выслушавъ обоихъ.

Несмотря на то, что расположеніе баталіона въ Волковыскѣ было не изъ удобныхъ, такъ какъ казармъ не было и роты стояли по окрестнымъ деревнямъ, въ теченіи года, для образованія людей сдѣлано было очень много. Этому болѣе всего способствовало то, что четыре лѣтніе мѣсяца проведены были въ отдѣльномъ лагерѣ, возлѣ города. Тамъ можно было оставаться полнымъ господиномъ своего времени, никто не отрывалъ людей отъ занятій, которыя велись систематически, безъ суеты и торопливости. Просторнымъ для стрѣльбы мѣстомъ роты распоряжались безъ помѣхи, не думая, что придетъ очередь другихъ и ихъ прогонятъ, какъ обыкновенно бываетъ въ большихъ лагеряхъ, гдѣ и въ 3 года не сдѣлаешь того, что достигается въ отдѣльномъ лагерѣ въ 4 мѣсяца. Къ сожалѣнію,- недолго пришлось мнѣ пользоваться подобнымъ удобствомъ; въ серединѣ лѣта я получилъ предвареніе, что вскорѣ буду назначенъ командиромъ 1-го учебнаго стрѣлковаго баталіона, расположеннаго въ селѣ Медвѣдѣ Новгородской губерніи.

Въ продолженіи одиннадцати-мѣсячнаго командованія 3-мъ стрѣлковымъ баталіономъ, мнѣ довелось три раза представлять его на смотры: — два раза начальнику дивизіи барону Врангелю и разъ корпусному командиру Лабинцеву. Оба пріѣзда перваго доставляли истинное удовольствіе, потому что я видѣлъ полное ко мнѣ довѣріе и, кромѣ того, взгляды начальника дивизіи на командованіе частью вполнѣ совпадали съ моими. Отъ него я могъ многое заимствовать и многому научиться. Послѣ 15 лѣтъ службы въ гвардіи, гдѣ, кромѣ начальства своего полка, войска не имѣютъ никакихъ отношеній къ кому-либо, попасть въ армію, гдѣ приходится быть въ ежедневномъ соприкосновеніи со всевозможными вѣдомствами и ихъ представителями, это дѣло не легкое и вести его, безъ опытнаго руководителя, было бы трудно.

Для вторичнаго смотра баронъ Врангель прибылъ въ Вол-

ковыскъ, въ концѣ іюня, вмѣстѣ съ тремя полковыми командирами своей дивизіи. Сначала я отнесъ пріѣздъ гостей, съ которыми не былъ вовсе знакомъ, тому, что сряду послѣ смотровъ предстоялъ баталіонный праздникъ; но оказалось, что начальникъ дивизіи пригласилъ полковыхъ командировъ для того, чтобы наглядно ознакомить ихъ съ принятыми мною пріемами обученія стрѣльбѣ, гимнастикѣ и фехтованію, предметами, тогда еще новыми для арміи. Все это было показано имъ во всей подробности. Для гимнастическихъ упражненій у меня былъ выстроенъ обширный городокъ, со всевозможными приспособленіями: съ полевымъ укрѣпленіемъ, съ рвами, каменными стѣнками для штурмовъ. Но ничто такъ не удивило пріѣзжихъ, какъ заведеніе, въ теченіи 6 мѣсяцевъ, безъ всякаго отпуска отъ казны, музыкантскаго хора въ 25 человѣкъ, начавшихъ учиться въ январѣ, а въ іюнѣ уже сносно игравшихъ марши, вальсы и 2—3 піесы изъ оперъ. Когда полковые командиры усомнились, точно-ли всѣ музыканты изъ стрѣлковъ и нѣтъ-ли между горнистами переодѣтыхъ въ мундиры странствующихъ богемцевъ, то баронъ Врангель очень ловко наказалъ ихъ за подобное недовѣріе.

— Чѣмъ подозрѣвать, что васъ обманываютъ, — сказалъ онъ полковнику Трубникову, разспрашивавшему каждаго музыканта, — что бы вамъ, господа командиры, стоило помочь баталіону и прислать ему въ подарокъ по три музыканта; ваши громадные хоры отъ этого не разстроятся.

Такъ какъ это было сказано въ концѣ обѣда то, подъ праздничнымъ впечатлѣніемъ, всѣ охотно согласились, а черезъ двѣ недѣли въ баталіонъ прибыли 12 опытныхъ музыкантовъ съ инструментами, что составило пріятный и цѣнный подарокъ.

Вскорѣ послѣ этого предстоялъ смотръ корпуснаго командира. Баронъ Врангель предварилъ меня, что генералъ Лабинцевъ врагъ нововведеній, всегда торопится кончать смотры, и, ознакомивъ съ странностями этого кавказскаго героя, просилъ непремѣнно настоять, чтобы онъ смотрѣлъ стрѣльбу и гимнастику.

За нѣсколько дней до пріѣзда корпуснаго командира былъ полученъ его маршрутъ и приказаніе выставить отъ баталіона на подставы три четверки, тогда какъ въ немъ полагалось

по штату всего 8 лошадей. Въ одно изъ первыхъ чиселъ іюля, въ 4 часа ночи, меня разбудили извѣстіемъ, что пріхалъ корпусный; но вслѣдъ затѣмъ прибѣжалъ ординарецъ сказать, чтобы я прибылъ къ 8 часамъ, а возвратившійся кучеръ разсказалъ, что Лабинцевъ пріѣхалъ, не только безъ адъютанта, но даже безъ деньщика, а только съ писаремъ, который оказался до того пьянымъ, что не могъ сойти съ козелъ и мой кучеръ долженъ былъ ставить самоваръ, чтобы напоить корпуснаго командира чаемъ. Въ 8 часовъ, въ полной формѣ, отправился я представиться ему; сознаюсь, что входилъ не безъ волненія, потому что молва рекомендовала Лабинцева человѣкомъ взбалмочнымъ, несдержаннымъ, способнымъ за малѣйшіе пустяки наговорить грубостей. Кромѣ того былъ слухъ, что онъ не жалуетъ командировъ изъ гвардіи. Многое изъ того, что говорили, оказалось выдуманнымъ. По крайней мѣрѣ въ отношеніи меня онъ былъ совершенно инымъ, но все-таки человѣкомъ съ большими причудами. Началось съ того, что онъ вышелъ ко мнѣ въ рубашкѣ, обтираясь полотенцемъ и не давъ проговорить обычную при представленіяхъ фразу, перебилъ словами:

— Слышалъ, полковникъ, про васъ, много слышалъ; радъ, что вы попали ко мнѣ въ корпусъ, а то часто даютъ намъ франтиковъ, бѣлоручекъ: солдата не знаетъ, армейской нужды не понимаетъ, воображаетъ себя не вѣсть чѣмъ,—вотъ и возись съ нимъ.

Я молчу.

— Ну-съ, что же вы мнѣ покажете и когда?

— Что будетъ угодно и когда прикажете.

— Да вы эти обычныя фразы откиньте въ сторону. Приказывать не хитро, да надо знать, можно ли исполнить то, что приказывается, а я вѣдь не знаю: далеко ли вашъ лагерь, гдѣ ваше стрѣльбище. Вы мнѣ сами показывайте, а я буду смотрѣть.

Старикъ говорилъ это съ такимъ добродушіемъ и такъ просто, что я самъ, отбросивъ оффиціальный тонъ, продолжалъ говорить съ нимъ совершенно свободно и предложилъ покуда роты будутъ собираться на учебное поле, осмотрѣть мастерскія, лазаретъ, цейхгаузъ, затѣмъ произвести ин-

спекторскій смотръ и объѣхать лагерь, а послѣ обѣда смотрѣть стрѣльбу.

— На слѣдующій день,— говорю я,— не угодно ли произвести испытаніе грамотности, сдѣлать ученье съ маневромъ, видѣть гимнастику и фехтовку.

— Ой, ой, сколько вы наговорили,—возразилъ генералъ;— нѣтъ, ужъ вы, пожалуйста, отпустите меня сегодня. Я бы и остался на завтра, да тороплюсь въ Вильну. Тамъ, видите-ли, батенька, у меня остался сынишко, славный мальчуганъ, но такой бѣдовый, матери въ грошъ не ставитъ, умный такой; онъ безъ меня тамъ что-нибудь натворитъ, пожалуй, и мать отколотитъ.

„Нечего сказать, умный, славный", подумалъ я.

Несмотря на быстрый обходъ мастерскихъ, лазарета и цейхгауза, изъ нѣсколькихъ вопросовъ казначею, доктору и мастеровымъ было видно, что Лабинцевъ отлично знаетъ хозяйство и потребности армейской части. Инспекторскій смотръ его былъ соблюденіемъ одной формальности и состоялъ только въ опросѣ людей, да и это было сдѣлано крайне оригинально. Приказавъ задней шеренгѣ отступить шаговъ на 10, а передней повернуться къ ней лицомъ, не вызвавъ въ сторону унтеръ-офицеровъ, корпусный вошелъ въ улицу, образованную шеренгами, и, заложивъ руки назадъ, ни на кого не смотря, быстро пошелъ съ лѣваго фланга къ правому, бормоча обычные вопросы: „роздано-ли жалованье, довольны-ли пищею, получается-ли провіантъ, нѣтъ-ли претензій?" Никто этихъ вопросовъ не могъ разслышать, потому что они произносились скороговоркою, подрядъ, но все-таки по фронту шелъ гулъ и слышались громкіе отвѣты: „получали, довольны, не имѣемъ". Въ ротахъ знали, что чѣмъ громче отвѣтятъ, тѣмъ корпусный будетъ довольнѣе. Дѣлалъ-ли Лабинцевъ подобный опросъ изъ лѣности, или былъ того мнѣнія, что какъ ни опрашивай солдата въ массѣ, онъ въ присутствіи товарищей никогда почти не выскажется, — рѣшить трудно; но ясно только то, что отъ подобныхъ инспектированій никакой пользы быть не можетъ.

Дойдя до праваго фланга, Лабинцевъ остановился и, пристально оглядѣвъ музыкантовъ, обратился ко мнѣ:

— Скажите, полковникъ, вѣдь вы ничего не получили на покупку инструментовъ?

— Ничего,—отвѣчаю я.

— На какія же средства вы ихъ пріобрѣли и нанимаете учителя?

— На экономическія средства баталіона.

— Но у васъ есть другіе расходы на многое, чего казна не отпускаетъ. Почему же вы не просите, чтобы вамъ возвратили затрату?

— Я не считаю себя въ правѣ, потому что музыкантовъ по штату въ стрѣлковыхъ баталіонахъ не полагается.

— Знаю-съ, но дѣло это весьма полезное. Извольте подать мнѣ счетъ, что вамъ стоило заведеніе хора; я сдѣлаю представленіе, чтобы деньги были возвращены баталіону.

Добрый старикъ не предвидѣлъ, что его представленіе будетъ потомъ поводомъ непріятныхъ для меня объясненій. Какъ на смотру, такъ пріѣхавъ ко мнѣ обѣдать, корпусный командиръ былъ въ такомъ изношенномъ и затасканномъ мундирѣ, смотря на который можно было потерять аппетитъ.

По окончаніи стрѣльбы, произведенной двумъ ротамъ, я предложилъ Лабинцеву взглянуть на гимнастику. Онъ долго отнѣкивался; но когда я доложилъ, что на это потребуется не болѣе получаса и что не стрѣлявшія роты ждутъ его у городка, находящагося по пути къ городу, то согласился. Стрѣлки, раздѣленные на партіи по числу машинъ, по сигналу начали свое дѣло. Въ одномъ мѣстѣ они подымались по канатамъ и шестамъ вверхъ, въ другомъ—прыгали въ ширину и черезъ лошадь, въ третьемъ — штурмовали стѣнки; одни переносили товарищей черезъ рвы, другіе обѣгали въ данное время арену. Лабинцевъ угрюмо посматривалъ на все молча и, простоявъ минутъ 10, велѣлъ остановить упражненія. Всѣ ожидали, что-то онъ скажетъ.

— Все это, батенька мой, пустяки,—заговорилъ старикъ.— Мы на Кавказѣ безъ всякихъ вашихъ гимнастикъ брали такія скалы, что у васъ шапка свалилась бы, если бы взглянули на верхушку. По моему, все это нѣмецкія штучки, которымъ русскому человѣку учиться нечего. Нашъ мужичекъ съ дѣтства всякую гимнастику проходитъ.

„Вотъ такъ оцѣнилъ! — подумалъ я. — Мы старались,

строили, учили, солдаты изъ кожи лѣзли показать свою ловкость и силу, а онъ говоритъ — все это пустяки! А въ сущности не правъ-ли старикъ?“ мелькнуло у меня въ головѣ, и съ этою мыслью я отвезъ его на квартиру, откуда онъ черезъ полчаса уѣхалъ въ Вильну. Больше мы съ нимъ не встрѣчались въ жизни; но много я наслышался о немъ оригинальнаго, начиная съ женитьбы.

Приглянулась ему въ Варшавѣ, въ Саксонскомъ саду, дочь бѣднаго учителя. Узнавъ гдѣ онъ живетъ, Лабинцевъ дѣлаетъ ему визитъ. Скромный учитель не можетъ понять, что означаетъ посѣщеніе полнаго генерала и корпуснаго командира и не знаетъ, о чемъ говорить съ нимъ. Просидѣвъ четверть часа, генералъ встаетъ, хозяинъ провожаетъ его; посѣтитель надѣлъ уже шинель и собираясь надѣвать калоши, вдругъ вспоминаетъ за чѣмъ онъ пришелъ.

— Извините, — говоритъ онъ учителю, — я и забылъ, что пришелъ къ вамъ по дѣлу. Я хочу жениться на вашей дочери; скажите мнѣ прямо: согласны вы отдать ее за меня или нѣтъ? Если не согласны, такъ я и уйду; а если согласны, то вернемся въ комнаты и потолкуемъ.

Какъ ни былъ учитель пораженъ подобною манерою сватовства, но все-таки пригласилъ 65-ти-лѣтняго жениха снять шинель и вернуться.

Свадьба состоялась; но баронъ Врангель и другіе близкіе къ Лабинцеву говорили, что незавидны были ея послѣдствія. Старикъ былъ скупъ до безобразія. Наряжая молодую жену для выѣздовъ, онъ дома не зналъ предѣла скряжничеству. Его передняя освѣщалась сальнымъ огаркомъ; въ кабинетѣ, гдѣ онъ принималъ начальниковъ дивизій, стояла кровать его сына, со всѣми ночными принадлежностями; отрепанный деньщикъ нерѣдко прерывалъ совѣщаніе генераловъ словами: „Пожалуйте денегъ на селедку“, и Лабинцевъ при всѣхъ вынималъ изъ стола мѣдный пятакъ.

По прибытіи въ Волковыскъ, я былъ удивленъ, увидя въ уѣздномъ городѣ церковь построенную на выгонѣ, въ видѣ барака, изъ хвороста обмазаннаго глиною. Но и подобною церковью православное населеніе было обязано русскому солдату. Въ 1855 году тамъ квартировалъ уланскій полкъ. Въ городѣ не оказалось или, вѣрнѣе, не хотѣли отвести дома, въ

которомъ можно бы было поставить походную церковь; поэтому полкъ своими средствами устроилъ баракъ, который, по уходѣ полка, былъ обращенъ въ приходскую церковь. Грустно было видѣть подобное равнодушіе властей къ первой религіозной потребности. Изъ разспросовъ мѣстнаго священника оказалось, что уже нѣсколько лѣтъ какъ постройка церкви утверждена, составлены планы, ассигнованы были деньги, объявлены торги на постройку и подрядчикомъ явился, конечно, еврей; что лѣтъ пять назадъ было даже приступлено къ заготовкѣ матеріала, но на этомъ и остановились. Городское управленіе, состоящее исключительно изъ евреевъ и католиковъ, затѣяло переписку о томъ, что постройка церкви на площади, стѣснитъ въ базарные дни торговлю. Благодаря польскому вліянію, дѣло, подъ различными предлогами, затянулось, и, черезъ 12 лѣтъ по утвержденіи плана, на избранномъ для храма мѣстѣ, мы видѣли только груду камней и десятка два бревенъ, на которыхъ играли жиденята. Чѣмъ это кончилось — неизвѣстно. Можетъ быть и теперь православное населеніе Волковыска молится въ балаганѣ изъ хвороста.

Вообще, положеніе церквей и православнаго духовенства въ Литвѣ, въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, находилось въ самомъ плачевномъ состояніи. Священники не смѣли ни въ чемъ противорѣчить пану-помѣщику и мѣстному ксендзу. Самое отправленіе церковной службы производило тяжелое впечатлѣніе. Въ мѣстечкахъ, гдѣ не было войскъ, въ самые большіе праздники можно было видѣть въ церкви только двухъ-трехъ старухъ, да солдата-калѣку. Все прочее, по названію православное населеніе, наполняло костелы. Тамъ, гдѣ священникъ предпринималъ что-либо для привлеченія народа въ храмъ, полякъ-помѣщикъ дѣлалъ ему всякія каверзы, жаловался, что русскій попъ отрываетъ крестьянъ отъ работъ и пропагандируетъ неповиновеніе помѣщикамъ. Вмѣсто заступы, со стороны начальства и администраціи, священникъ получалъ репутацію человѣка безпокойнаго, иногда переводился въ бѣднѣйшій приходъ, или требовался за 300 верстъ для объясненій въ консисторію, что всегда стоило ему денегъ. Между тѣмъ, при малѣйшемъ желаніи поддержать православіе, было бы не трудно утвердить его, сдѣлать господствующимъ въ

краѣ. Тамъ, гдѣ стояли войска, помѣщики и ксендзы держали себя осторожнѣе, особенно если видѣли, что начальство относится къ мѣстному священнику сочувственно и готово поддержать его. Въ бытность въ Литвѣ съ гвардіею, можно было не разъ убѣдиться въ этомъ. Стоило только объявить, что въ церкви будутъ пѣть солдаты, или что священникъ будетъ въ новомъ, пожертвованномъ офицерами облаченіи, какъ храмъ наполнялся молящимися. Даже звонъ, исполняемый по-россійски, а не католическимъ качаніемъ колокола, привлекалъ молящихся. Всѣ эти мелочи указывали народу, что мы не боимся гласно заявлять православные обычаи, не прячемся. Но стоило баталіону выйдти изъ села или города, какъ священникъ опять попадалъ подъ гнетъ ксендза и пана.

Въ первый же годъ службы моей въ арміи, мнѣ пришлось испытать всѣ тѣ столкновенія съ мѣстными властями, всѣ непріятности, которыя, къ сожалѣнію, достаются на долю войскъ, стоящихъ въ провинціи. Все, что распорядительные комитеты, или квартирныя коммисіи, по закону обязаны давать войскамъ, приходилось выпрашивать какъ одолженіе, жаловаться, писать губернатору, просить заступничества начальства, или протекціи свыше. Эта ли неурядица, или другія соображенія были причиною, что, среди разгара лѣтнихъ занятій и заботъ о лучшемъ устройствѣ баталіона, получено было увѣдомленіе, что онъ осенью переводится въ мѣстечко Стравеники, Ковенской губерніи. Такое распоряженіе обезкуражило всѣхъ; оно уничтожало всѣ труды и заботы объ устройствѣ баталіона. Я вооружился противъ этого всѣми мѣрами, писалъ письма въ Вильну корпусному командиру, въ Варшаву, въ Петербургъ, представляя всѣ послѣдствія будущей стоянки, и мнѣ удалось отдѣлаться отъ нея; вмѣсто Стравеникъ баталіону назначили Сувалки. Я хлопоталъ не для себя, потому что въ это время уже состоялся Высочайшій приказъ о назначеніи меня командиромъ 1-го учебнаго стрѣлковаго баталіона. На полученное объ этомъ предвареніе, я не считалъ себя въ правѣ отказываться, потому что новое назначеніе, какъ было видно изъ отзыва стрѣлковаго штаба, основывалось на лестномъ о мнѣ мнѣніи Герцога, сближало меня съ Петербургомъ и давало возможность ежегодно представлять свою часть Государю.

Изъ благодарной памяти къ бывшимъ начальникамъ, но вовсе не изъ хвастовства, заявляю, что неожиданное мое перемѣщеніе вызвало крайнее ихъ сожалѣніе. Начальникъ корпуснаго штаба писалъ мнѣ: „Неожиданное для корпуснаго командира и для меня назначеніе ваше огорчило насъ обоихъ. Иванъ Михайловичъ Лабинцевъ расчитывалъ на васъ, какъ на лучшаго будущаго командира полка въ его корпусѣ, я же просто скорблю, что мы лишились васъ" *). Письмо же достойнѣйшаго К. К. Врангеля было еще сердечнѣе. Въ немъ было сказано: „Возвратясь вчера изъ поѣздки въ Динабургъ, я былъ пораженъ вѣстью новаго вашего назначенія. Правда, я считалъ васъ у себя въ дивизіи гостемъ, но все-таки предполагалъ служить съ вами долѣе, чѣмъ случилось, и говорю непритворно, что разстаюсь съ вами съ грустью. Сожалѣю искренно, что баталіонъ лишается въ васъ командира, котораго никто замѣнить не можетъ. Самъ же я теряю сотрудника и сослуживца, каковыхъ мало находилъ въ продолженіе своей долголѣтней службы. Это не комплементы, которыхъ я говорить не умѣю, но голосъ искренняго моего чувства" **). Письма эти и подобныя имъ, я сохраняю и горжусь ими.

Преемникомъ моимъ былъ назначенъ маіоръ, съ крайне оригинальными взглядами и убѣжденіями. Онъ долженъ былъ пріѣхать съ крайняго юга, и потому мнѣ пришлось ждать его болѣе мѣсяца. Наконецъ узнаю, что онъ прибылъ, и немедленно посылаю адъютанта и казначея представиться новому командиру. Какое онъ на нихъ сдѣлалъ впечатлѣніе — я не знаю, но когда онъ самъ явился ко мнѣ, какъ къ старшему, то, при первомъ же разговорѣ съ нимъ, я понялъ, что баталіонъ переходитъ не въ завидныя руки.

Между разговоромъ объ офицерахъ онъ спрашиваетъ:

— Скажите пожалуйста, казначей и квартермистръ здѣсь не изъ писарей?

— Вашъ вопросъ удивляетъ меня, отвѣчаю я, — вы ихъ видѣли, развѣ они походятъ на писарей?

— А жаль, продолжаетъ мой преемникъ,—эти люди опытные; они хоть себя не забудутъ, да и о командирѣ позаботятся.

---

*) Письмо ген.-маіора Минквица, отъ 20 іюля 1858 г.
**) Письмо ген.-лейтенанта барона Врангеля, отъ 7 іюля того же года.

Черезъ недѣлю по сдачѣ, баталіонъ долженъ былъ выступить въ Сувалки, я же, вслѣдствіе болѣзни жены, оставался еще три недѣли въ Волковыскѣ. Такъ какъ, при проходѣ черезъ Гродно, начальникъ дивизіи могъ смотрѣть батальонъ, то я счелъ долгомъ служебной вѣжливости быть при этомъ и поѣхалъ въ Гродно. Баронъ Врангель пригласилъ меня ѣхать вмѣстѣ на встрѣчу баталіону, которому наканунѣ было послано приказаніе къ 11 часамъ быть у заставы. Пріѣхавъ минутами пятью позже, мы тамъ никого не нашли; но видимъ, что версты за полторы, на возвышеніи, показываются спѣшащія роты. Врангель послалъ адъютанта сказать, чтобы баталіонъ остановили въ походной колоннѣ, самъ же, выждавъ минуты 20, поѣхалъ шагомъ. Но и при этомъ мы нашли на мѣстѣ только три роты, а четвертая виднѣлась вдали. Дождавшись ее, баронъ приказываетъ выравнять строй. Оказывается, что баталіонный командиръ не знаетъ какъ приступить къ этому: мечется съ фланга на флангъ, суетитъ офицеровъ, кричитъ и не можетъ ничего сдѣлать. Прохожденіе по отдѣленіямъ было плачевное. Выразивъ свое неудовольствіе, начальникъ дивизіи, садясь въ коляску, говоритъ мнѣ:

— Надо имѣть особое умѣнье такъ изгладить то, чѣмъ я такъ восхищался два мѣсяца назадъ. Развѣ не прискорбны подобныя явленія?

Встрѣтивъ потомъ въ городѣ одного изъ ротныхъ командировъ, я спрашиваю:

— Объясните мнѣ, какая причина тому, что я видѣлъ при вступленіи. Я положительно не узналъ баталіона.

Съ волненіемъ въ голосѣ онъ отвѣчалъ:

— Мы не виноваты, полковникъ. Что же намъ было дѣлать, когда, съ самаго выступленія изъ Волковыска, мы не только не видали баталіоннаго командира, но даже не получали ни одного приказа. О томъ, что начальникъ дивизіи будетъ встрѣчать насъ, мы узнали только сегодня и то по слухамъ, другъ отъ друга.

Не ясно ли это доказываетъ, какъ въ военной службѣ все зависитъ отъ личности командира, какъ важенъ его выборъ и какъ легко, самую благоустроенную и выученную часть, разстроить въ самое короткое время.

Потомъ оказалось, что мой преемникъ такъ отрекомендовалъ

себя въ Сувалкахъ, что черезъ годъ лишился баталіона. Всѣ лучшіе офицеры ушли отъ него, и пять изъ нихъ перешли ко мнѣ въ 1-й учебный батальонъ.

Только въ первыхъ числахъ октября я могъ выѣхать, съ оправившеюся отъ болѣзни женою, изъ Волковыска. Мнѣ хотѣлось заѣхать въ Сувалки, чтобы тѣмъ же отплатить офицерамъ за обѣдъ, который они дали мнѣ по сдачѣ баталіона. Дабы пробраться изъ Гродны въ Сувалки предстояло сдѣлать 70 верстъ проселкомъ и изъ нихъ 30 сплошнымъ лѣсомъ, про который говорили, что въ немъ, особенно въ осеннія ночи, не совсѣмъ безопасно. Почтоваго тракта не было, — потому пришлось нанять въ Гроднѣ евреевъ и ѣхать съ покормкою на серединѣ дороги. Жена съ новорожденнымъ ребенкомъ помѣстилась въ каретѣ, я же, съ перешедшимъ ко мнѣ адъютантомъ баталіона, барономъ Икскулемъ, въ коляскѣ. Надежда проѣхать лѣсъ засвѣтло оказалась напрасною; мы въѣхали въ него когда уже начинало смеркаться. Черезъ часъ пошелъ дождь и наступила непроницаемая темнота. Дорога чѣмъ дальше, тѣмъ становилась хуже: пни, коренья громадныхъ деревьевъ затрудняли до того, что пришлось все время ѣхать шагомъ, подъ ежеминутнымъ страхомъ опрокинуться или сломать экипажъ. Среди этихъ ощущеній, при муракѣ и завываніи вѣтра въ дремучемъ лѣсу, вдругъ слышимъ крики: „Стой, стой!“ и нѣсколько человѣкъ съ фонарями окружаютъ остановившуюся карету. Икскуль, схватясь за револьверъ, выскочилъ изъ коляски и побѣжалъ впередъ, но услыша знакомые голоса, называвшіе жену мою по имени, крикнулъ мнѣ: „Это наши выѣхали на встрѣчу!“ Оказалось, что нѣсколько офицеровъ баталіона, зная, что въ этотъ вечеръ я долженъ пріѣхать въ Сувалки, выѣхали верстъ за 12 и ждали насъ въ самомъ дурномъ мѣстѣ, у спуска съ горы къ плохому мосту черезъ рѣчку. Подобное вниманіе не могло не тронуть меня. Двое, съ фонарями въ рукахъ, поѣхали впереди, прочіе верхами возлѣ экипажа. Черезъ полчаса мы выѣхали на шоссе. Трудно выразить ту радость, которую испытываетъ путникъ, когда, въ глухую октябрскую ночь, изъ дремучаго лѣса, съ адской дороги, выбирается на шоссе.

Въ Сувалкахъ, благодаря старанію офицеровъ, намъ была отведена отъ города прекрасная, можно сказать роскошная, квартира. На слѣдующій день, въ залѣ мѣстнаго клуба, я далъ

офицерамъ обѣдъ. Взаимныя изъявленія благодарностей и сказанныя рѣчи вызвали съ ихъ стороны демонстрацію, которая могла бы имѣть недобрыя для меня послѣдствія, но, къ счастію, о ней едва-ли узнали, а можетъ быть и не хотѣли придавать значенія естественному увлеченію молодежи. Желали ли офицеры показать моему преемнику на сколько они не довольны имъ, или изъ дѣйствительной признательности ко мнѣ, но они на подъѣздѣ клуба силою посадили меня на кресло и, предшествуемые хоромъ музыки, отнесли по самой людной улицѣ на квартиру. Подобное шествіе не могло не возбудить общаго любопытства публики, вызванной музыкою къ окнамъ, на балконы и на подъѣзды домовъ. Поляки, какъ охотники до демонстрацій, не зная кого и почему такъ чествуютъ, апплодировали, махали платками. Не смотря на полное мое сопротивленіе, избавиться отъ этой продѣлки не было никакой возможности. Потомъ мнѣ думалось: а что если кто-либо, изъ желанія повредить мнѣ, или показать свою полицейскую исправность, донесетъ объ этомъ, какъ о нарушеніи общественнаго спокойствія, или о демонстраціи офицеровъ противъ новаго командира? Вѣдь всякое самое невинное увлеченіе, самый добродушный поступокъ, можно перетолковать какъ угодно; но все обошлось безъ послѣдствій.

На слѣдующій день нѣсколько офицеровъ снова провожали насъ до первой станціи, а затѣмъ черезъ три дня, 17 октября, въ ясный осенній день, мы пріѣхали въ то самое село Медвѣдь, о которомъ я упоминалъ въ 1-й главѣ моихъ воспоминаній. Такимъ образомъ, послѣ годовой жизни въ провинціи, я снова приблизился къ Петербургу, и если не прямо, то косвенно поступалъ подъ гвардейское начальство, такъ какъ новый мой батальонъ долженъ былъ ходить въ красносельскій лагерь.

Изъ годичной моей службы въ арміи я вынесъ слѣдующее впечатлѣніе: тамъ начальство гораздо сердечнѣе относится къ положенію части и къ каждому изъ офицеровъ; тамъ командиръ полка или отдѣльнаго батальона встрѣчаетъ въ начальствѣ больше участія, а потому и значеніе его выше; впрочемъ, проведя всего годъ, да еще въ стрѣлковомъ батальонѣ, гдѣ составъ офицеровъ болѣе или менѣе избранный, еще нельзя было вполнѣ судить объ армейской службѣ. Впослѣдствіи мнѣ уда-

лось узнать ее глубже, а потому въ своемъ мѣстѣ я еще возвращусь къ этому предмету.

Село Медвѣдь рѣзко дѣлится на двѣ разнохарактерныя части: меньшую составляютъ обывательскіе дома и погостъ, большая — представляетъ собою отдѣльный военный городокъ, состоящій изъ множества значительной величины казенныхъ зданій, прочно построенныхъ еще при Аракчеевѣ. Эти постройки до сихъ поръ стоятъ въ полной цѣлости, тогда какъ казармы, возведенныя впослѣдствіи, уже требовали безпрестанныхъ поправокъ, а теперь, говорятъ, приходятъ въ ветхость. Подъѣзжая къ Медвѣдю со стороны Пскова, съ крутой горы вы видите на другой сторонѣ рѣки Мшаги массу небѣленныхъ каменныхъ зданій. Въ нихъ, безъ стѣсненія, могли бы помѣститься два полка, со всѣми заведеніями и офицерскими квартирами, но тогда стояли всего три батальона, причемъ всѣ строенія предполагавшагося къ переводу туда кадетскаго корпуса, съ директорскимъ домомъ и новыя казармы оставались пустыми. Въ селѣ было не мало каменныхъ домовъ, со всевозможными лавками, въ которыхъ можно было найти все необходимое для жизни.

Мнѣ предстояло принять часть опять отъ человѣка, лишившагося ее по особому случаю. Въ баталіонѣ, въ числѣ рядовыхъ, находились 175 человѣкъ дворянъ. Это были по преимуществу сыновья выслужившихся въ офицеры солдатъ, которые, дослуживши до извѣстнаго чина, получали дворянство. Они начинали воспитаніе въ батальонахъ военныхъ кантонистовъ, откуда, за лѣность и дурное поведеніе, выписывались въ учебные полки, преобразованные въ стрѣлковые баталіоны. Предмѣстникъ мой, получая частыя жалобы на ихъ непокорное поведеніе, нашелъ несправедливымъ изъятіе этихъ дворянъ отъ работъ, исполняемыхъ прочими нижними чинами. Полагая, что неунизительный для дворянина трудъ воздержитъ этихъ сорванцовъ отъ проступковъ, онъ приказалъ назначить ихъ для разрытія стрѣлковаго вала и устройства новаго на другомъ мѣстѣ. Но изъ 175 человѣкъ пошло на работу только 11, прочіе, не смотря на всѣ увѣщанія и внушенія, отказались. Три дня имъ дано было на размышленіе объ ихъ поступкѣ, какъ о явномъ ослушаніи и нарушеніи дисциплины, съ тѣмъ, чтобы тѣ, которые одумаются, сами присоединились къ работавшимъ.

Почти всѣ такъ и поступили, но 7 человѣкъ не хотѣли покориться, говоря, что они ни подъ какимъ видомъ не уступятъ требованію начальства. Командиръ баталіона, въ виду, того, что при значительномъ числѣ нижнихъ чиновъ изъ дворянъ, духъ непокорности могъ бы вновь развиться и что только примѣрное и быстрое наказаніе можетъ остановить зло, высѣкъ этихъ семерыхъ розгами и самъ донесъ объ этомъ, какъ о необыкновенномъ происшествіи, на Высочайшее имя. Вотъ причины, почему повелѣно было замѣнить его другимъ, и батальонъ перешелъ въ мои руки.

Командованіе 1-мъ учебнымъ стрѣлковымъ батальономъ, въ теченіи $2^1/_2$ лѣтъ, придало мнѣ много опытности. Хотя въ продолженіи ихъ и пришлось испытать не мало хлопотъ и затрудненій, но все-таки это была весьма полезная школа для жизни и службы. Составъ офицеровъ представлялъ два совершенно различные кружка. Младшіе офицеры, изъ бывшихъ кадетъ, занимали штабныя должности: адъютанта, казначея, квартермистра; старшіе, командовавшіе ротами, всѣ были изъ выслужившихся фельдфебелей, люди пожилые, хорошіе служаки въ смыслѣ исполнительности и строя, но уже несоотвѣтствовавшіе тѣмъ требованіямъ, которымъ долженъ былъ удовлетворять стрѣлковый баталіонъ, да еще учебный, имѣвшій цѣлью приготовлять унтеръ-офицеровъ для арміи. Когда составъ младшихъ офицеровъ былъ пополненъ, переводомъ нѣсколькихъ изъ бывшаго моего баталіона, старые ротные командиры сами поняли, что новое дѣло имъ не по силамъ. Одни по собственному желанію оставили службу, другіе просили о переводѣ ихъ въ пѣхоту.

По обновленіи офицерскаго состава, вести образованіе стрѣлковъ было легко, тѣмъ болѣе, что составъ нижнихъ чиновъ, почти изъ мальчиковъ-кантонистовъ, отъ 18 до 21 года, представлялъ самый пригодный матеріалъ. Что касается поведенія этихъ головорѣзовъ, то съ этимъ сначала пришлось порядочно повозиться. Но когда они увидѣли нѣсколько примѣрныхъ взысканій по суду и исключенія въ армію ранѣе срока, съ потерею прежней службы, то при строгомъ внутреннемъ порядкѣ нравственность быстро поправилась. Много помогло этому и возбужденіе въ юношахъ самолюбія, поощреніе хорошихъ, заботливость о ихъ бытѣ, развитіе понятій о чести. Молодые

ротные командиры принялись за дѣло съ любовію; бывшіе кантонисты увидѣли, что система обмана показаніемъ товара лицомъ исчезаетъ, что все дѣлается гласно и оцѣнивается справедливо. Имъ льстило и то, что офицеры, при всей серьезности отношеній, обращались съ ними не побурбонски. Стрѣльба сознательная и вновь введенныя гимнастика и фехтованіе понравились имъ болѣе строевыхъ требованій. Результатомъ этого было то, что серьезные проступки прекратились, и тѣ же стрѣлки, которыхъ мѣстные жители годъ назадъ боялись какъ огня, мало-по-малу пріобрѣли общее расположеніе.

Ближайшій начальникъ учебныхъ стрѣлковыхъ батальоновъ своимъ знаніемъ стрѣлковаго дѣла и полною къ нему любовью, много облегчалъ командованіе, въ смыслѣ образованія. При всей своей строгости и педантичности требованій, часто выражаемыхъ въ тяжелой формѣ, молодые офицеры, прошедшіе черезъ учебные стрѣлковые батальоны, пріобрѣтали и знаніе, и опытность по своей спеціальности. Смотры этого генерала, длившіеся иногда болѣе недѣли, дѣлались два, а иногда и три раза въ годъ. Выдерживать ихъ было не легко, вслѣдствіе ихъ излишней и безполезной мелочности. Одна повѣрка суммъ, рѣдко превышавшихъ 6 или 7 тысячъ, длилась нѣсколько часовъ, причемъ офицеры, облеченные въ полную парадную форму, все время стояли. Тому, кто зналъ благородство характера и оригинальность начальника, легче было переносить подобное, но другіе видѣли въ этомъ недовѣріе. Весьма было жаль, что столь полезный въ образовательномъ отношеніи дѣятель былъ совершенно не свѣдущъ въ войсковомъ хозяйствѣ, о которомъ имѣлъ самыя превратныя понятія и часто, изъ упрямства и желанія показать будто онъ все знаетъ, заявлялъ такія требованія, которыя прямо уличали его въ противномъ. Такъ однажды онъ оффиціально запросилъ: въ какую книгу записаны на приходъ деньги пожертвованныя офицерами на устройство ротныхъ библіотекъ, тогда какъ ему былъ представленъ о нихъ отчетъ. Онъ не довольствовался этимъ и продолжалъ запрашивать, по какой книгѣ онѣ значатся на приходѣ? Какъ ему ни доказывали, что частное пожертвованіе на предметъ не входящій въ штаты и табели, не можетъ быть заносимо въ казенныя книги, онъ не вѣрилъ и только тогда прекратилъ переписку, когда оффиціальнымъ же рапортомъ

его просили дать предписаніе: куда прикажетъ внести пожертвованія? Оригинальность его понятій о хозяйствѣ еще болѣе обнаружилась, когда мнѣ пришлось сдавать батальонъ.— Желая, чтобы моя часть была устроена въ лагерѣ не хуже другихъ, я возвелъ для нея, въ первый же годъ, безъ всякаго отпуска отъ казны, всѣ лагерныя постройки, по образцу гвардейскихъ батальоновъ, что стоило болѣе 4-хъ тысячъ. Черезъ два года, въ тотъ же лагерь, долженъ былъ вступить другой батальонъ, не употребившій ни копѣйки на лагерное устройство. Я потребовалъ, чтобы моему батальону была возвращена половина сдѣланныхъ имъ затратъ, въ противномъ случаѣ заявилъ, что перенесу половину построекъ въ полученный мною полкъ. Генералъ заупрямился, возбудилъ переписку, жаловался новому моему начальству, и конечно остался не причемъ.

Ежегодный походъ батальона изъ Медвѣдя въ Красное село давалъ возможность представлять его Государю и отдѣльно и вмѣстѣ съ другими частями. При первомъ же смотрѣ было замѣтно, что у Его Величества еще сохранилось нѣкоторое предубѣжденіе противъ бывшихъ учебныхъ полковъ. Дѣлая замѣчаніе о неправильности бѣглаго шага, онъ сказалъ мнѣ:

„Прошу вывести эти учебныя замашки и сноровки".

Дней черезъ 10, встрѣтя возвращавшійся съ ученья батальонъ, Государь приказалъ остановить его, пропустилъ мимо себя бѣгомъ, и остался доволенъ, хотя вся перемѣна въ обученіи состояла въ томъ, что былъ только увеличенъ размѣръ шага. Въ слѣдующемъ 1859 году всѣ смотры прошли отлично. На маневрахъ батальонъ всегда назначался въ авангардъ и часто придавался къ головной кавалерійской части, въ которую обыкновенно входилъ конвой Государя. Видя учебныхъ стрѣлковъ впереди, неотстававшими отъ кавалеріи, Его Величество хвалилъ ихъ выносливость и смѣтливость, за что не разъ говаривалъ „это мои скороходы". Но, въ концѣ лагеря 1860 года, эти скороходы заслужили сильный гнѣвъ Царя. Были большіе маневры, начинавшіяся авангарднымъ дѣломъ близъ Гатчины. Батальонъ на ночь занималъ аванпосты по рѣчкѣ Пудости, противъ находившейся въ полуверстѣ деревни. На слѣдующій день начало дѣйствій было назначено въ 6 часовъ утра. Часовъ въ 7, Великій князь Николай Николаевичъ, командовав-

шій нашею стороною, пріѣхавъ къ мосту на рѣчкѣ, потребовалъ меня къ себѣ:

„Такъ какъ непріятель долго не начинаетъ наступленія,— сказалъ онъ,—то спугни его. Прикажи, по знаку, который дамъ отсюда платкомъ, твоей цѣпи перейти рѣчку, подняться къ деревнѣ, дать нѣсколько выстрѣловъ и затѣмъ возвратиться на свою позицію; но переправы, ни подъ какимъ видомъ, не уступать, а я пришлю на подмогу саперный батальонъ“.

Давъ условный знакъ, Великій князь уѣхалъ. Стрѣлки живо перешли рѣчку въ бродъ, подбѣжали на выстрѣлъ къ деревнѣ, занятой Финляндскимъ полкомъ, дали залпъ и возвратились за рѣчку. Полкъ въ это время еще не надѣвалъ аммуниціи, но живо собрался и двинулся впередъ. Мѣстность, занятая батальономъ у самой рѣки, представляла болотистый берегъ, покрытый такими сплошными кустами, чрезъ которые трудно было пробраться даже по одиночкѣ. Черезъ двѣ минуты поднялась сильнѣйшая пальба. Всю долину рѣки затянуло сплошнымъ дымомъ; то въ одномъ, то другомъ мѣстѣ слышны были крики ура! Проѣхать къ рѣкѣ верхомъ, чтобы узнать что тамъ творится, не было никакой возможности. Пробовавшіе это вязли по грудь лошади и возвращались; между тѣмъ, съ праваго фланга прислали сказать, что держаться долѣе нельзя и что стрѣлковый батальонъ Императорской Фамиліи сильно напираетъ, несмотря на то, что саперный уже прибылъ поддержать находившуюся тамъ роту. Видя, что ружейная трескотня, барабанный вой и крики не уменьшаются, я приказалъ отступать. Но было уже поздно: обѣ стороны пришли въ азартъ, въ кустахъ произошла свалка. Когда роты выбрались на поляну, мнѣ подали 7 изогнутыхъ шомполовъ, которыми, вѣроятно безъ умысла, а второпяхъ, стрѣляли въ нашу цѣпь съ противуположной стороны, и подвели стрѣлка, у котораго ранецъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ былъ проколотъ штыками. При первой остановкѣ, къ батальону подъѣхалъ начальникъ штаба, графъ Барановъ и, съ явнымъ неудовольствіемъ, началъ высказывать, что на мой батальонъ жалуются за драку, что на противной сторонѣ есть раненые, и что Государь крайне недоволенъ. Я отвѣтилъ, что теперь ничего не могу сказать о томъ, что происходило, что мои стрѣлки были обороняющи-

мися, слѣдовательно не они, а на нихъ нападали, и что у меня есть доказательство, что въ нихъ стрѣляли шомполами.

Подъ вечеръ, на бивакъ батальона пріѣхалъ полковникъ Рейбницъ, назначенный по Высочайшему повелѣнію произвести слѣдствіе. До поздней ночи собирались и записывались показанія съ офицеровъ и нижнихъ чиновъ. Хотя никто не считалъ себя виноватыми, но одна мысль, что Государь, всегда такъ лестно отзывавшійся о батальонѣ, недоволенъ имъ, сильно всѣхъ огорчала.—На утро батальону предстояло, пройдя версты 4 впередъ, прикрыть построенныя на высотахъ батареи. Во время этого передвиженія, Великій князь Николай Николаевичъ обгоняетъ насъ, подзываетъ меня и говоритъ, что въ батальонѣ Императорской Фамиліи одинъ изъ раненыхъ штыкомъ въ горло, ночью умеръ, и что Государь сильно разгнѣвался. Когда я разсказалъ какъ было дѣло, и какъ противная сторона не исполнила извѣстнаго маневреннаго правила остановиться въ 50 шагахъ отъ цѣпи обороняющихся, то Его Высочество сказалъ:

— Государю доложено, что всему виною твой батальонъ и потому будь готовъ на сильную распечку.

Хотя стрѣлки и не слыхали этой фразы, но предчувствовали, что предстоитъ гроза, и какъ только завидѣли на возвышеніи у батареи свиту Государя, сами собою подтянулись такъ, что по кочкамъ и ямамъ, шли стройнѣе, чѣмъ ходятъ въ манежѣ. Государь, отдѣлясь отъ свиты, одинъ, крупнымъ галопомъ подскакиваетъ къ батальону, и съ крайне гнѣвнымъ выраженіемъ на лицѣ, приказываетъ мнѣ: „Останови батальонъ“. Затѣмъ, въѣхавъ внутрь колонны, сталъ такъ сильно выражалъ свое неудовольствіе, какъ никогда ни прежде, ни послѣ мнѣ не приходилось слышать и видѣть его такъ сердящимся.

— Уведи ихъ прочь! — сказалъ онъ мнѣ, отъѣзжая къ батареѣ.

Я повелъ батальонъ на ту позицію, гдѣ онъ ночевалъ, и занялъ ее для обороны. Когда передовыя части, отступая приблизились и Государь вновь увидалъ разсыпанныхъ въ цѣпи стрѣлковъ, то издали крикнулъ:

— Я сказалъ, чтобъ ихъ убрали съ глазъ моихъ.

Только военный читатель пойметъ, что я перечувствовалъ

въ это утро. Единственно, что еще поддерживало меня, это надежда, что Великій князь Николай Николаевичъ, зная подробности и то, что онъ же приказалъ ни въ какомъ случаѣ не уступать переправы, доложитъ Государю истину. Судя по дальнѣйшему, кажется, такъ и случилось.

Отведя батальонъ въ глубокій резервъ, я поставилъ его совершенно отдѣльно, въ лѣсу, такъ чтобы не только Царь, но и никто не видалъ его. Видимо было, что и офицеры и нижніе чины упали духомъ, тѣмъ болѣе, что въ теченіи ночи намъ не прислали ни диспозиціи, ни какихъ приказаній; мы были какъ бы исключенными изъ списковъ. При дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ, приходилось только держаться подальше назади, за серединою боевыхъ линій. Выйдя на открытое военное поле, мы увидѣли, что высоты правѣе деревни Раскино заняты огромною батареею, и что на ея флангѣ большая группа всадниковъ; одинъ изъ нихъ отдѣлился и несется къ батальону.

— „Государь приказалъ,—сказалъ подскакавшій флигель-адъютантъ—вести батальонъ къ батареѣ".

Это было уже началомъ прощенія. Полагаю, что никогда никакой стрѣлковый батальонъ не бѣжалъ въ колоннѣ такъ чисто и стройно, какъ въ этотъ разъ учебный, а бѣжать пришлось болѣе версты. Перестроясь на бѣгу-же поротно, стрѣлки заняли интервалы между орудіями, которыя въ этотъ моментъ атаковала кирасирская дивизія, и открыли дружные залпы. Это было очень эфектно и видимо понравилось, но Государь все таки не поздоровался съ батальономъ.

По окончаніи маневра, у царскаго валика, происходилъ разборъ дѣйствій, послѣ чего командиры батальоновъ: Сапернаго, Императорской Фамиліи, а равно и я, были вызваны впередъ. Государь строго началъ высказывать, каждому по очереди, свое неудовольствіе за описанное столкновеніе. Бѣдному Гарднеру, съ котораго началось, досталось больше всѣхъ, хотя саперы подошли къ концу свалки; выговоръ Давыдову былъ уже легче, такъ сказать тономъ ниже, а когда дошла очередь до меня, то замѣчанія имѣли уже видъ похвалы. Государь, совершенно спокойнымъ тономъ, сказалъ мнѣ:

— А что касается твоего батальона, то меня особенно удивляетъ, что это случилось именно въ немъ. Я два лагеря видѣлъ въ батальонѣ примѣрный порядокъ; стрѣлки твои вездѣ

представлялись отлично; за ихъ смѣтливость и быстроту я называлъ ихъ моими скороходами. Надѣюсь, что впередъ ничего подобнаго не случится. Передай это твоимъ офицерамъ.

У меня отлегло отъ сердца и точно тяжелый камень свалился съ плечъ. Дальнѣйшій разборъ описаннаго происшествія привелъ къ оригинальному результату. Оконченное слѣдствіе было представлено командиру гвардейскаго корпуса, генералу Плаутину, который положилъ на немъ такую резолюцію: „ротныхъ командировъ, всѣхъ трехъ батальоновъ, арестовать на 3 дня каждаго". Штабъ гвардіи сообщилъ объ этомъ въ батальоны Императорской Фамиліи и Саперный, а какъ мой не входилъ въ составъ корпуса, то о немъ написали Герцогу. Сочтено ли было не совсѣмъ ловкимъ, что взысканіе съ подчиненныхъ Его Высочеству было опредѣлено, не спрося его мнѣнія, или въ штабѣ инспектора забыли сообщить мнѣ резолюцію, осталось неизвѣстнымъ. Зимою я сдалъ батальонъ, и только черезъ годъ, придя опять въ лагерь, офицеры случайно враждовавшихъ частей, изъ разговоровъ между собою узнали, что одни отсидѣли подъ арестомъ, а другіе нѣтъ. Такимъ образомъ, сама судьба наказала тѣхъ, которые наступали и заступились за оборонявшихся, а саперы понесли въ чужомъ пиру похмѣлье.

Изъ Медвѣдя мнѣ довольно часто приходилось ѣздить въ Петербургъ, что не представляло особеннаго затрудненія. Можно было ѣхать черезъ Лугу, въ то время уже соединенную желѣзною дорогою съ столицею, и черезъ Новгородъ, откуда въ лѣтнее время сообщеніе пароходомъ было весьма удобно. При подобныхъ поѣздкахъ мнѣ два раза случилось имѣть объясненія съ бывшимъ въ то время военнымъ министромъ Сухозанетомъ. Такъ какъ они обрисовываютъ его взгляды, то я и даю имъ мѣсто въ моихъ воспоминаніяхъ. Первый разъ, увидя меня, онъ вспомнилъ о ходатайствѣ Лабинцева возвратить мнѣ деньги, затраченныя на музыкатскій хоръ 3 стрѣлковаго батальона, о чемъ упомянуто выше.

— Скажите мнѣ, полковникъ, обратился ко мнѣ министръ, на какія средства вы завели музыку въ вашемъ стрѣлковомъ батальонѣ?

— На средства, — отвѣтилъ я,—доставляемыя экономическими остатками батальоннаго хозяйства.

— Прекрасно! Значитъ, если были остатки, то отпускалось лишнее.

— Напротивъ, не отпускалось на многое, что было необходимо, и что приходилось заводить на хозяйственные обороты.

— Напримѣръ, назовите.

— Не отпускалось на фехтовальныя маски, на рапиры, на устройство гимнастическаго городка, на рабочій обозъ и т. д.

— Но чтобы завести все это и еще музыку, вамъ, значитъ, надо было обрѣзать отъ того, что по закону должно быть отпущено въ роты или устроено?

— Вѣроятно, отвѣчалъ я, корпусный командиръ и начальникъ дивизіи, подробно инспектировавшіе батальонъ, доносили вашему высокопревосходительству, что нашли его вполнѣ устроеннымъ. Экономія зависитъ не столько отъ отпусковъ, сколько отъ надзора за сбереженіемъ и расходами, отъ умѣнья во-время купить и продать. Образовавшуюся экономію я не присвоилъ, а употребилъ на дѣло полезное, и по моему необходимое. Я находилъ, что для офицеровъ, стоящихъ въ глухомъ городкѣ, гдѣ нѣтъ ни общества, никакихъ развлеченій, гораздо полезнѣе послушать музыку, хотя бы самую посредственную, чѣмъ проводить вечера съ арфянками, въ цукерняхъ и трактирахъ.

— Все это вѣрно,—сказалъ министръ,—но для насъ важенъ принципъ. Разъ, что въ отдѣльномъ батальонѣ музыки не полагается, я не могу допускать исключеній. Вы экономическіе остатки употребите на музыку, а другой потянется за вами, музыку-то заведетъ, а то, что она стоила, все-таки вытянетъ изъ батальонныхъ средствъ и положитъ въ карманъ.

Мнѣ хотѣлось сказать, что для отстраненія этого, у васъ есть вѣрныя средства въ надзорѣ начальства и контролѣ штабовъ, но зная, что старика не убѣдишь, ограничился отвѣтомъ, что я не просилъ и не прошу возврата затраченныхъ на инструменты денегъ, и при сдачѣ подарилъ ихъ батальону.

Передъ слѣдующимъ лагеремъ, батальонъ долго не получалъ годовыхъ вещей и сапожнаго товара. Хотя по закону командиръ части, въ случаѣ неполученія вещей до 1 марта, обязанъ доносить объ этомъ на Высочайшее имя, но зная, что перепиской ничего не сдѣлаешь, я поѣхалъ въ Петербургъ хлопотать объ ускореніи дѣла. Представляясь дежурному ге-

нералу Герштенцвейгу, надо было указать на причину пріѣзда. На это онъ отвѣтилъ:

— Самое лучшее, доложите объ этомъ прямо военному министру. Кстати онъ теперь здѣсь въ моемъ кабинетѣ и сейчасъ выйдетъ. Скажите ему все откровенно.

Сухозанетъ подошелъ ко мнѣ съ фразой:

— Вѣроятно пріѣхали навѣстить родныхъ?

— Я пріѣхалъ, отвѣчалъ я,—доложить вашему высокопревосходительству, что батальонъ черезъ мѣсяцъ долженъ выступить въ лагерь, а у нижнихъ чиновъ нѣтъ сапогъ.

— Это что значитъ? строго спросилъ онъ.

— Сколько я ни писалъ въ московскую коммисаріатскую коммисію, довольствующую батальонъ, все напрасно,—она даже не отвѣчаетъ на мои требованія.

— Хорошо-съ, вотъ я за нее вамъ отвѣчу. Затѣмъ, обратясь къ генералу Герштенцвейгу, министръ продолжалъ: Телеграфируйте сейчасъ-же въ Москву, чтобы черезъ 24 часа сапожный товаръ и всѣ годовыя вещи для батальона были отправлены въ Медвѣдь на почтовыхъ, на счетъ управляющаго коммисіею. (Сколько помнится, имъ былъ нѣкто Поливановъ).

Если бы почаще повторялись подобныя распоряженія, не было бы надобности ни жаловаться, ни выпрашивать того, что полагается войскамъ по закону. Такія мѣры и взгляды высшаго начальства, какъ вышеприведенный, чрезвычайно ободрительно дѣйствуютъ на командировъ частей и увеличиваютъ ихъ значеніе. Прикажи тогда министръ запросить управляющаго коммисаріатскою коммиссіею, почему вещи не доставлены, и какъ строго ни предпиши выслать ихъ, послѣдній навѣрное нашелъ бы десятокъ причинъ къ оправданію, отписался бы, и вещи пришли бы черезъ мѣсяцъ. Теперь-же, возвратясь черезъ недѣлю изъ Петербурга въ Медвѣдь, я уже засталъ тамъ пришедшій изъ Москвы, на четырехъ почтовыхъ тройкахъ, транспортъ съ вещами.

Частная жизнь въ Медвѣдѣ, не смотря, что это не болѣе какъ село, была чрезвычайно пріятна. Этому прежде всего способствовало просторное до роскоши помѣщеніе. Всѣ офицеры имѣли прекрасныя квартиры. Для каждаго ротнаго командира, рядомъ съ казармою его роты, былъ отдѣльный домъ. Въ одной его половинѣ помѣщались младшіе офицеры, въ другой ихъ

командиръ. Батальонному командиру былъ предоставленъ двухъэтажный домъ, со всевозможными удобствами. Только садъ отдѣлялъ его отъ другого, на томъ-же бульварѣ, гдѣ помѣщались штабные чины. Батальонъ имѣлъ такой лазаретъ, который былъ несравненно лучше полковыхъ лазаретовъ въ столицѣ. Подъ него былъ отведенъ средній этажъ зданія, предназначавшагося для кадетскаго корпуса. Въ другомъ его крылѣ было устроено мною офицерское собраніе, до тогоудобное, что въ немъ находилась сцена для спектаклей и большой залъ для танцовальныхъ вечеровъ, съ уборными и буфетами. Манежъ, не уступающій своими размѣрами Михайловскому въ Петербургѣ. прекрасно устроенная церковь, стрѣльбище возлѣ самыхъ казармъ; въ каждой ротѣ своя громадная столовая и такой же залъ для занятій, гимнастическія машины въ каждой казармѣ: тотчасъ за нею, вплоть до рѣки, громадный ротный огородъ. прекрасныя конюшни, гауптвахта и при ней пожарные инструменты, отдѣльныя зданія для мастерскихъ,—все это было въ полномъ распоряженіи батальона и представляло для него идеальное размѣщеніе. Тогда всѣ зданія старательно поддерживались; теперь-же, этотъ прекрасный военный городокъ, по разсказамъ недавно бывшихъ въ немъ, находится въ запущеніи. Каменные заборы обвалились, въ прежнихъ садахъ ходитъ скотъ, мостъ на псковскомъ шоссе обратился въ развалину, дороги между зданіями, походившія на дорожки парка, перепорчены, аллеи вырублены.

Всѣ три баталіона, квартировавшіе вь Медвѣдѣ, несмотря на его отдаленность отъ городовъ, жили очень весело. Въ каждомъ изъ офицерскихъ собраній два раза въ мѣсяцъ назначались семейные вечера. Независимо отъ этого, въ общемъ клубѣ, устроенномъ, какъ выше замѣчено, въ зданіи корпуса, въ теченіи зимы давалось три бала и нѣсколько спектаклей. Для того, чтобы подобными общественными удовольствіями могли пользоваться пріѣзжавшіе изъ окрестностей помѣщики и офицеры квартировавшей въ 20 верстахъ, въ посадѣ Сольцы, резервной артиллерійской бригады, я устроилъ въ одномъ изъ зданій нѣчто въ родѣ меблированныхъ комнатъ, гдѣ пріѣзжіе могли имѣть безплатно удобный ночлегъ и получать чай и обѣдъ изъ офицерской столовой, за ту же цѣну, во что они обходились своимъ офицерамъ.

Какое вліяніе имѣло общество офицеровъ 1-го учебнаго стрѣлковаго баталіона, переименованнаго въ 1860-мъ году во 2-й резервный, на общественную жизнь, не только въ мѣстѣ квартированія, но и въ окрестностяхъ, можно видѣть изъ статьи, помѣщенной въ 13 номерѣ того-же года новгородскихъ губернскихъ вѣдомостей. Тамъ было напечатано слѣдующее:

„Доброе желаніе, твердая воля, заботливость и труды почти одного человѣка сгрупировали насъ въ одинъ кружокъ, устроили общественныя удовольствія, соединили ихъ съ видимою, несомнѣнною пользою. При 1 учебномъ стрѣлковомъ баталіонѣ нынѣшнею зимою устроенъ клубъ, дважды въ недѣлю открытый для обычныхъ посѣщеній и одинъ разъ для семейныхъ вечеровъ. Несмотря на значительное число членовъ, доходящее до 70, карточныхъ столовъ открывается въ клубѣ весьма мало, одинъ или два. Бо̀льшая часть посѣтителей занимается чтеніемъ газетъ, журналовъ и книгъ, пожертвованныхъ командиромъ баталіона, а въ дни семейныхъ вечеровъ бесѣдами и танцами. Весьма доступная годовая плата, умѣренныя цѣны на предметы потребленія, принятая за правило простота дамскихъ туалетовъ, отсутствіе всякой натянутости въ обращеніи, напротивъ: искренность и взаимное радушіе — дѣлаютъ посѣщеніе офицерскаго клуба для всѣхъ пріятнымъ. Доходы съ клуба употребляются на устройство библіотеки, на нихъ же устроиваются раза три въ зиму балы, посѣщаемые окрестными помѣщиками и ихъ семействами, пріѣзжающими на нихъ, а главное на спектакли, изъ Новгорода, Пскова и Старой-Русы.

„Устройствомъ всего этого мы обязаны командиру 1 учебнаго стрѣлковаго баталіона. Нельзя не удивляться энергіи и неутомимости, съ которыми, при служебныхъ трудахъ и при ограниченности средствъ, предпринимаются столь полезныя удовольствія и въ особенности спектакли, доставляющіе истинное наслажденіе всѣмъ посѣщающимъ ихъ, наслажденіе тѣмъ болѣе высокое и отрадное, что всѣ сборы поступаютъ на благотвореніе. Такъ, первый спектакль этой зимы давался въ пользу осиротѣвшаго семейства, состоящаго изъ матери и 7 дѣтей, оставшихся безъ всякихъ средствъ. Слѣдующее представленіе давалось на устройство библіотекъ въ каждой ротѣ.

„Такъ проводимъ мы свободное отъ занятій время, благодаря обществу стрѣлковыхъ офицеровъ и распорядительности ихъ командира. Мы не можемъ не питать къ ихъ искусству и трудамъ, къ ихъ радушію и прекраснымъ цѣлямъ душевной признательности“. (Подписано - - Обыватель Бѣлавинъ).

Между тѣмъ Медвѣдь, какъ мѣсто стоянки, считалось не только глубокою провинціею, но запустѣлымъ селомъ, лежащимъ въ 60 верстахъ отъ ближайшаго города; но и тамъ, какъ видно изъ приведеннаго, при желаніи и распорядительности, не только жилось пріятно и весело, но и служебное дѣло достигало прекрасныхъ результатовъ.

Два съ половиною года тамъ проведенные, вспоминаются и теперь, какъ лучшіе годы жизни и службы.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

1860—1862 гг.

Какъ иногда составляются служебныя репутаціи.—Назначеніе полковымъ командиромъ.—Балъ во Псковѣ.—Нѣчто о ремонтѣ зданій.—Комитетское управленіе полками.—Пріемъ полка.—Переѣздъ въ Нарву.—Разговоръ съ дежурнымъ генераломъ.—Первый годъ командованія.—Отстаиваніе полковыхъ интересовъ.—Объявленіе перемѣщенія въ Варшаву.—Сборы къ нему.—Смотръ и завтракъ въ Гатчинѣ.—Знаменательныя слова Государя. Переѣздъ по желѣзной дорогѣ.—Вступленіе въ Варшаву.—Обзоръ событій въ Польшѣ въ 1860 и 1861 годахъ.—Подробности безпорядковъ.—Управленіе графовъ Ламберта и Лидерса.—Смерть генерала Герштенцвейга.—Маркизъ Велепольскій.—Покушеніе на жизнь Великаго князя Константина Николаевича

Еще во время лагеря 1860 года, начальникъ 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи, баронъ Корфъ, черезъ одного изъ своихъ друзей, предварялъ меня о желаніи своемъ хлопотать, чтобы мнѣ дали Австрійскій (Кексгольмскій гренадерскій) полкъ, командиру котораго предстояло другое назначеніе. Такъ какъ я былъ совершенно доволенъ моимъ положеніемъ въ с. Медвѣдѣ и своимъ батальономъ, и вполнѣ безразлично относился къ тому, какой изъ полковъ достанется мнѣ, то преравнодушно прочелъ въ октябрѣ мѣсяцѣ, въ „Инвалидѣ", что командиромъ Австрійскаго полка назначается, изъ Москвы, командиръ Самогитскаго полка, полковникъ Раль. По этому поводу ходила тогда молва, что о его назначеніи сильно хлопоталъ командиръ гренадерскаго корпуса баронъ Рамзай, основываясь на томъ, что Раль старше. Оказалось, что причина хлопотъ была иная. Когда бывшій генералъ-губернаторъ Москвы, Офросимовъ, у котораго Раль былъ когда-то адъютантомъ, поздравлялъ барона Рамзая съ тѣмъ, что одинъ изъ его полковыхъ командировъ получилъ полкъ въ гвардейскомъ корпусѣ, то баронъ отвѣтилъ:

„Да, есть съ чѣмъ поздравить,—я душевно радуюсь за Самогитскій полкъ".

Престранно иногда слагаются служебныя репутаціи. Одинъ, обладая полнымъ знаніемъ дѣла, служитъ усердно, всегда налицо, какъ говорится, тянетъ лямку безъ перерывовъ, объ отпускахъ и не думаетъ; его всѣ любятъ, о немъ съ уваженіемъ говорятъ, но только въ мѣстныхъ административныхъ кружкахъ; онъ представляетъ свою часть въ отличномъ состояніи, но выше этого не замѣчаютъ. Другой—только считается на службѣ, но не служитъ, а благодушествуетъ въ покойныхъ должностяхъ, адъютанствуетъ или состоитъ при такомъ-то, а между тѣмъ подвигается быстро; достигнувъ чина, дающаго право на командованіе, онъ принимаетъ его съ разборомъ, — гдѣ хочетъ, гдѣ пріятнѣе; онъ смотритъ на свою часть свысока, какъ бы дѣлая честь, что принялъ ее, проживаетъ при ней сколько хочетъ и когда хочетъ, не удостоивая узнать ее и не заботясь о томъ, чтобы и она узнала его. Въ результатѣ оказывается, что о первомъ забыли, а втораго считаютъ дѣльнымъ, опытнымъ и полезнымъ; его вызываютъ на совѣщанія, гдѣ онъ не говоритъ ни слова и оттого слыветъ очень умнымъ, а главное, удобнымъ. Проходятъ годы, и смотришь, сей удобный господинъ далеко обогналъ сверстниковъ, увѣшанъ орденами, сидитъ высоко, гдѣ-то тамъ, гдѣ обсуждаются самые жизненные вопросы, а онъ въ это время думаетъ о меню обѣда въ англійскомъ клубѣ. Если бы въ его прошломъ и были пятнышки, то они плотно прикрываются авторитетомъ его чина и званія.

Въ январѣ 1860 года, за нѣсколько дней до приказа, я получилъ оффиціальное увѣдомленіе о предстоящемъ назначеніи меня командиромъ С.-Петербургскаго гренадерскаго короля Фридриха-Вильгельма III-го полка, стоявшаго въ Нарвѣ. Въ этотъ разъ подобное предувѣдомленіе не сопровождалось ни особыми сожалѣніями настоящаго моего начальства, о томъ, что я оставляю стрѣлковую службу, ни предвареніемъ будущаго начальства о причинахъ передачи полка въ мои руки. Только черезъ мѣсяцъ, изъ устъ Государя я узналъ, почему выборъ палъ на меня. И такъ, мнѣ предстоитъ вновь возвратиться къ гвардейской службѣ и стать во главѣ полка,

хотя и гренадерскаго, но состоящаго въ составѣ гвардейскаго корпуса.

Не безъ сожалѣнія разставался я съ селомъ Медвѣдемъ, послѣ двухъ съ половиною годичной, пріятной въ немъ жизни. Послѣднимъ ея проявленіемъ была поѣздка въ Псковъ, по случаю бала, который давало тамъ дворянство Государю. Балъ этотъ былъ экстренный, потому что Его Величество нарочно пріѣзжалъ для него изъ Петербурга. Случилось это вотъ почему. Еще осенью Государь возвращался изъ-за границы, отъ Вильны впервые по строившейся, но еще не вполнѣ готовой, желѣзной дорогѣ. Къ его проѣзду черезъ Псковъ дворянство готовило балъ; но такъ какъ Императоръ почему-то особенно спѣшилъ въ столицу, то бала въ этотъ разъ не принялъ, но обѣщалъ нарочно пріѣхать для него изъ Петербурга. Губернаторъ Муравьевъ, заѣзжавшій однажды ко мнѣ въ Медвѣдь изъ Лужскаго своего имѣнія, былъ такъ любезенъ, что пригласилъ меня, прося привести съ собою офицеровъ. При представленіи Государю, я былъ приглашенъ къ Высочайшему столу. Во время обѣда, Его Величество подробно разспрашивалъ меня о селѣ Медвѣдѣ, о его казармахъ и стрѣльбищѣ, объ удобствѣ стоянки вообще и о сосѣднихъ помѣщикахъ. При этомъ оказалось, что изъ всѣхъ бывшихъ военныхъ поселеній Государю не довелось быть только въ Медвѣдѣ. Вечеромъ, на балѣ, взятые мною съ собой пять офицеровъ обратили на себя вниманіе своею ловкостью и представительностью. Государь спрашивалъ у меня фамилію каждаго, гдѣ воспитывался и откуда переведенъ въ батальонъ; особенно понравились ему баронъ Икскуль и братья Чайковскіе.

— „Что у тебя вся молодежь такіе молодцы и такіе ловкіе танцоры?“—спросилъ меня Императоръ послѣ мазурки.

Здѣсь же была представлена Его Величеству жена моя.

Единственно непріятное воспоминаніе о Медвѣдѣ оставила во мнѣ возня съ инженернымъ офицеромъ Степановымъ; но гдѣ же ея не бываетъ,—разъ что часть стоитъ въ казенныхъ зданіяхъ? Степановъ былъ человѣкъ крайне общественный, кутила, милый въ частной жизни и несносный въ служебныхъ сношеніяхъ. Все обѣщать и ничего не дѣлать—было его правиломъ. Впрочемъ, особенно винить его было бы не совсѣмъ

справедливо. Ему самолично трудно было идти въ разрѣзъ укоренившемся обычаямъ.

Странная была у этихъ господъ привычка: при ремонтѣ зданій и при производствѣ построекъ, никогда не дѣлать того, что нужнѣе и о чемъ проситъ командиръ части, а непремѣнно выдумывать и вводить въ смѣту свое. Привычка, впрочемъ, понятная. Если ремонтируется то, что нужно командиру, то онъ будетъ слѣдить за работами; разъ же что дѣлается не очень для него необходимое, ему все равно какъ бы оно ни дѣлалось и чего бы ни стоило. Просишь, напримѣръ, поправить крышу жилой казармы, или переложить печи въ офицерскихъ квартирахъ,—отказъ, нѣтъ денегъ,—а въ то же время тратятся тысячи на то, о чемъ никто не просилъ. Такъ было тогда и въ Медвѣдѣ: затрачивается $2\frac{1}{2}$ тысячи на ремонтъ лазарета, который и безъ того былъ въ отличномъ состояніи; производятъ на 1,000 руб исправленій въ конюшняхъ, въ которыхъ не стоитъ ни одной лошади, а нельзя было добиться поправки дымившихъ въ кухняхъ очаговъ; отпускаютъ 500 руб. на исправленіе кузницы, на что достаточно ста рублей, а два года ведется переписка о течи пороховаго погреба. Теперь, вѣроятно дѣлается иначе, такъ какъ, кажется, наконецъ пришли къ убѣжденію, что никто не сдѣлаетъ обыкновеннаго ремонта дома лучше того, кто живетъ въ немъ. Это вполнѣ доказывается примѣромъ на тѣхъ казармахъ, которыя ремонтируются полками. Но вездѣ ли введено это? Другое дѣло ремонтъ капитальный, требующій спеціальныхъ знаній. Впослѣдствіи намъ еще придется возвратиться къ тѣмъ не нормальнымъ отношеніямъ, которыя существовали между войсковымъ и инженернымъ начальствомъ.

Сдавать стрѣлковый батальонъ мнѣ пришлось родному моему брату, а принимать полкъ отъ генерала Яковлева, уволеннаго въ отставку. Покуда увеличившаяся семья моя собиралась къ переселенію въ Нарву, я поѣхалъ въ Петербургъ представиться Государю и гвардейскому начальству, а оттуда принимать полкъ. Въ то время всѣ гвардейскіе полки перешли уже къ комитетской системѣ хозяйства; только два гренадерскіе полка 3-й дивизіи,—Австрійскій и Прусскій оставались еще въ самостоятельномъ управленіи ихъ командировъ. Быть въ

исключительномъ положеніи мнѣ не хотѣлось, что я и рѣшился высказать лично Государю, при моемъ представленіи.

— Переговори объ этомъ съ графомъ Барановымъ,— сказалъ Государь, когда я доложилъ, что было бы удобнѣе всего перейти къ новому порядку при перемѣнѣ полковаго командира.

Тогда же Императору угодно было объявить мнѣ причину, почему я избранъ командовать Прусскимъ полкомъ. Это было выражено въ слѣдующихъ словахъ:

— Ты, вѣроятно, слышалъ въ какой мѣрѣ полкъ отсталъ по стрѣльбѣ отъ прочихъ полковъ. Уже прошлаго года онъ былъ изъ послѣднихъ, а нынѣшнее лѣто опустился окончательно. Ты изучилъ и понимаешь это дѣло, что доказали оба твои стрѣлковые батальона, поэтому я и одобрилъ твое назначеніе. Отправляйся съ Богомъ въ Нарву и принимайся за работу.

Прямо изъ дворца я прошелъ къ графу Баранову, въ домъ Гвардейскаго Штаба. Выслушавъ мое желаніе о комитетскомъ управленіи, не смотря на то, что оно было ему пріятно, графъ нашелъ невозможнымъ ввести его въ моемъ полку.

— При комитетскомъ управленіи вамъ будетъ трудно содержать полкъ въ порядкѣ, сказалъ графъ.

— Почему же? спросилъ я.

— Потому что въ петербургскихъ полкахъ главный доходъ отъ дровяной экономіи, а въ Нарвѣ отопленіе казармъ въ рукахъ коменданта.

— Такъ нельзя ли, чтобы оно перешло къ полку?

— Этого трудно будетъ достичь, хотя я и очень бы желалъ этого. Инженерное вѣдомство и комендантъ будутъ противъ, ссылаясь на заключенные ими долгосрочные контракты. Я уже пробовалъ писать объ этомъ, и убѣдился, что безъ борьбы дѣло не обойдется, а вы знаете, какъ это непріятно.

— Если комитету нельзя будетъ содержать хозяйства въ порядкѣ, то почему же вы полагаете, что мнѣ это будетъ возможно?

— Комитеты несутъ расходъ на дополнительное содержаніе своихъ членовъ и уплачиваютъ изъ экономическихъ суммъ представительныя командиру полка.

— Но если эти представительныя нужны полковому командиру при комитетскомъ управленіи, то почему же онѣ не нужны ему же безъ комитета?

— Кто же говоритъ, что онѣ не нужны? Пользуйтесь ими въ той мѣрѣ, которая не приносила бы ущерба хозяйственной исправности. Однимъ словомъ, дѣлайте какъ знаете, но комитета въ вашемъ полку ввести нельзя. Другое дѣло, если удастся передать отопленіе въ его распоряженіе.

— Позвольте, по крайней мѣрѣ, осмотрѣвшись и ознакомясь съ дѣломъ, ходатайствовать объ этомъ.

— Представляйте, пишите,—я съ своей стороны сдѣлаю все, что отъ меня зависитъ.

Странная логика, подумалъ я, спускаясь съ громадной лѣстницы штаба: комитету нельзя содержать полка въ исправности, а полковому командиру—должно.

Пріемъ полка пришлось дѣлать по прежнимъ правиламъ, тогда какъ хотѣлось бы избавиться отъ непріятной процедуры собирать вѣдомости о недостаткахъ, оцѣнивать ихъ, опредѣлять во что обойдется исправленіе, вести переговоры съ прежнимъ командиромъ. Какъ человѣкъ съ хорошими собственными средствами, Яковлевъ на все соглашался, что еще болѣе обязывало меня къ снисходительному пріему, такъ что я вполнѣ предоставилъ его казначею и квартермистру. На прощальномъ обѣдѣ, данномъ бывшему командиру офицерами, обнаружилось, что его доброта и снисходительность цѣнились молодежью, громко выражавшею свое сочувствіе; старшіе же офицеры относились къ предстоявшей разлукѣ весьма сдержанно. Это было для меня полезнымъ указаніемъ. Дальнѣйшія наблюденія во время пріемки еще яснѣе указали, съ котораго конца слѣдуетъ приниматься за исправленіе недостатковъ.

Въ одинъ изъ свободныхъ вечеровъ, я нарочно отправился въ клубъ, на танцовальный вечеръ, съ цѣлью видѣть офицеровъ въ постороннемъ обществѣ и внѣ службы, и сразу наткнулся на фактъ, указывающій весьма легкомысленный и патріархальный на нее взглядъ. Одинъ изъ дежурныхъ по батальону, прапорщикъ, отплясывалъ какъ ни въ чемъ не бывало, хотя могъ разсчитывать встрѣтить въ клубѣ стараго и новаго командира. „Старый допускалъ это, а новый меня не узнаетъ“, вѣрно думалось ему,—и вотъ онъ нарушаетъ весьма серьезное правило службы. Пропустить, сдѣлать видъ, что я не помню кто дежурный, или что я не узнаю его, послѣ

*

того, что онъ являлся ко мнѣ утромъ, значило бы на первыхъ порахъ показать слабость. Я отправилъ юношу подъ арестъ. Это произвело толки въ городѣ и между прапорщиками, но, въ то же время, какъ я узналъ потомъ, понравилось старшимъ, серьезно смотрящимъ на службу, офицерамъ. Вообще же составъ офицерскаго общества въ полку не оставлялъ желать ничего лучшаго. Если между молодежью было нѣсколько человѣкъ вѣтрянаго и несформировавшагося характера, то и это скоро поправилось: одни ушли сами, другіе увидѣли необходимость заниматься службою. Болѣе всего удивило меня то, что болѣе половины младшихъ офицеровъ быди въ командировкахъ при гвардейскихъ полкахъ и въ учебныхъ заведеніяхъ. Причина этого заключалась въ желаніи молодежи проводить зиму въ Петербургѣ. Благодаря содѣйствію графа Баранова, я достигъ того, что черезъ мѣсяцъ почти всѣ прикомандированные были возвращены въ полкъ. Первые мѣсяцы дѣла было весьма много: водвореніе внутренняго порядка, поддержка авторитета старшихъ офицеровъ, подготовленіе полка и въ матеріальномъ и въ строевомъ отношеніи къ лагерю,— все это требовало усиленной дѣятельности. Что же касается стрѣльбы, то обученіе пришлось начать съ самыхъ элементарныхъ, подготовительныхъ упражненій и вести дѣло настолько энергически, чтобы, на предстоящихъ черезъ три мѣсяца испытаніяхъ, Государь увидѣлъ успѣхъ. Кто знаетъ стрѣлковое дѣло, тотъ пойметъ, какихъ трудовъ стоитъ поправить стрѣльбу тамъ, гдѣ не было основательной къ ней подготовки и гдѣ она запущена въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ.

Принявъ полкъ, я возвратился черезъ Петербургъ въ Мѣдвѣдь, чтобы сдать баталіонъ и взять семью. Въ теченіи трехъ лѣтъ мнѣ пришлось сдавать уже вторую часть, и въ обоихъ случаяхъ, да и впослѣдствіи, я замѣчалъ одно и то же явленіе. Покуда командуешь частью, всѣ кажутся довольными, даже преданными, и только личности особенно безпокойныя и сварливыя проявляютъ иногда, и то рѣдко, нѣкоторыя противодѣйствія взглядамъ и требованіямъ командира. Но сегодня часть сдана—и въ ней уже двѣ партіи. Одна, безпристрастная, остается при прежнихъ убѣжденіяхъ, другая, хотя и малочисленная, начинаетъ заискивать у новаго командира и осуждать все, что дѣлалось до него. Если эта партія встрѣтитъ въ но-

вомъ командирѣ сочувствіе и потворство ея критикѣ, то она разростается, люди слабаго характера присоединяются къ ней, и, такимъ образомъ, исподволь, престижъ прежняго командира падаетъ, а иногда подтачивается и его репутація. Если же новый командиръ, человѣкъ чуждый интриги, понимающій цѣль кажущихся недовольными прошлымъ, покажетъ сразу свою самостоятельность, то все кончается попытками мутить общество и данное ему направленіе сохранится. Говорю это не столько по опыту, сколько на основаніи наблюденій, которыя могли быть продолжительны и вѣрны, потому что, въ теченіи сорока трехъ-лѣтней строевой службы, мнѣ пришлось самому сдавать и принимать четыре отдѣльныя части и быть близкимъ свидѣтелемъ, а иногда и посредникомъ пріема и сдачи 15 полковъ въ различныхъ дивизіяхъ. Полагаю, что такой рядъ наблюденій могъ привести къ правильному заключенію.

Переѣздъ изъ Медвѣдя въ Нарву, не смотря на незначительность разстоянія въ 170 верстъ, былъ сопряженъ съ большимъ затрудненіемъ, которому я самъ былъ виною. Не желая заѣзжать въ Петербургъ, я думалъ сократить путь, и изъ Гатчины свернулъ въ Красное село, чтобы оттуда выѣхать на нарвскій трактъ къ Кипени. Казалось, что никакихъ задержекъ быть не можетъ, такъ какъ вездѣ предстояло ѣхать по шоссе. Оно такъ и было, покуда не пришлось выѣхать на военное поле у Краснаго. Это было въ концѣ марта; повсюду шоссе было сухо, но когда доѣхали до Ковелахтъ, карета врѣзалась въ такіе сугробы, что никакія усилія восьми подпрягаемыхъ лошадей не могли ее сдвинуть. По счастью, въ ближайшей деревнѣ можно было нанять нѣсколько крестьянскихъ саней; на нихъ я усадилъ жену съ маленькими дѣтьми и, бросивъ экипажи въ полѣ, къ вечеру привезъ въ Красное, думая найти тамъ на ночь пріютъ въ гостинницѣ. Оказалось, что въ 25-ти верстахъ отъ столицы, въ селѣ, гдѣ оставляются войсками и Дворомъ десятки тысячъ, нельзя найти чистаго угла и постели. Всѣ гостинницы походили на грязные вертепы, наполненные полупьянымъ народомъ, чадомъ отъ постнаго масла, дымомъ махорки и прѣлью отъ мокрыхъ валенокъ и тулуповъ. Переходя изъ дома въ домъ, я неожиданно встрѣтилъ офицера моего полка, Щербинскаго, который объявляетъ, что выѣхалъ встрѣтить меня и предложить отъ имени своего дяди, красно-

Какое вліяніе имѣло общество офицеровъ 1-го учебнаго стрѣлковаго баталіона, переименованнаго въ 1860-мъ году во 2-й резервный, на общественную жизнь, не только въ мѣстѣ квартированія, но и въ окрестностяхъ, можно видѣть изъ статьи, помѣщенной въ 13 номерѣ того-же года новгородскихъ губернскихъ вѣдомостей. Тамъ было напечатано слѣдующее:

„Доброе желаніе, твердая воля, заботливость и труды почти одного человѣка сгруппировали насъ въ одинъ кружокъ, устроили общественныя удовольствія, соединили ихъ съ видимою, несомнѣнною пользою. При 1 учебномъ стрѣлковомъ баталіонѣ нынѣшнею зимою устроенъ клубъ, дважды въ недѣлю открытый для обычныхъ посѣщеній и одинъ разъ для семейныхъ вечеровъ. Несмотря на значительное число членовъ, доходящее до 70, карточныхъ столовъ открывается въ клубѣ весьма мало, одинъ или два. Бо̀льшая часть посѣтителей занимается чтеніемъ газетъ, журналовъ и книгъ, пожертвованныхъ командиромъ баталіона, а въ дни семейныхъ вечеровъ бесѣдами и танцами. Весьма доступная годовая плата, умѣренныя цѣны на предметы потребленія, принятая за правило простота дамскихъ туалетовъ, отсутствіе всякой натянутости въ обращеніи, напротивъ: искренность и взаимное радушіе — дѣлаютъ посѣщеніе офицерскаго клуба для всѣхъ пріятнымъ. Доходы съ клуба употребляются на устройство библіотеки, на нихъ же устроиваются раза три въ зиму балы, посѣщаемые окрестными помѣщиками и ихъ семействами, пріѣзжающими на нихъ, а главное на спектакли, изъ Новгорода, Пскова и Старой-Русы.

„Устройствомъ всего этого мы обязаны командиру 1 учебнаго стрѣлковаго баталіона. Нельзя не удивляться энергіи и неутомимости, съ которыми, при служебныхъ трудахъ и при ограниченности средствъ, предпринимаются столь полезныя удовольствія и въ особенности спектакли, доставляющіе истинное наслажденіе всѣмъ посѣщающимъ ихъ, наслажденіе тѣмъ болѣе высокое и отрадное, что всѣ сборы поступаютъ на благотвореніе. Такъ, первый спектакль этой зимы давался въ пользу осиротѣвшаго семейства, состоящаго изъ матери и 7 дѣтей, оставшихся безъ всякихъ средствъ. Слѣдующее представленіе давалось на устройство библіотекъ въ каждой ротѣ.

„Такъ проводимъ мы свободное отъ занятій время, благодаря обществу стрѣлковыхъ офицеровъ и распорядительности ихъ командира. Мы не можемъ не питать къ ихъ искусству и трудамъ, къ ихъ радушію и прекраснымъ цѣлямъ душевной признательности". (Подписано — Обыватель Бѣлавинъ).

Между тѣмъ Медвѣдь, какъ мѣсто стоянки, считалось не только глубокою провинціею, но запустѣлымъ селомъ, лежащимъ въ 60 верстахъ отъ ближайшаго города; но и тамъ, какъ видно изъ приведеннаго, при желаніи и распорядительности, не только жилось пріятно и весело, но и служебное дѣло достигало прекрасныхъ результатовъ.

Два съ половиною года тамъ проведенные, вспоминаются и теперь, какъ лучшіе годы жизни и службы.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

1860—1862 гг.

Какъ иногда составляются служебныя репутаціи.—Назначеніе полковымъ командиромъ.—Балъ во Псковѣ.—Нѣчто о ремонтѣ зданій.—Комитетское управленіе полками.—Пріемъ полка.—Переѣздъ въ Нарву.—Разговоръ съ дежурнымъ генераломъ.—Первый годъ командованія.—Отстаиваніе полковыхъ интересовъ.—Объявленіе перемѣщенія въ Варшаву.—Сборы къ нему.—Смотръ и завтракъ въ Гатчинѣ.—Знаменательныя слова Государя.—Переѣздъ по желѣзной дорогѣ.—Вступленіе въ Варшаву.—Обзоръ событій въ Польшѣ въ 1860 и 1861 годахъ.—Подробности безпорядковъ.—Управленіе графовъ Ламберта и Лидерса.—Смерть генерала Герштенцвейга.—Маркизъ Велепольскій.—Покушеніе на жизнь Великаго князя Константина Николаевича

Еще во время лагеря 1860 года, начальникъ 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи, баронъ Корфъ, черезъ одного изъ своихъ друзей, предварялъ меня о желаніи своемъ хлопотать, чтобы мнѣ дали Австрійскій (Кексгольмскій гренадерскій) полкъ, командиру котораго предстояло другое назначеніе. Такъ какъ я былъ совершенно доволенъ моимъ положеніемъ въ с. Медвѣдѣ и своимъ батальономъ, и вполнѣ безразлично относился къ тому, какой изъ полковъ достанется мнѣ, то преравнодушно прочелъ въ октябрѣ мѣсяцѣ, въ „Инвалидѣ“, что командиромъ Австрійскаго полка назначается, изъ Москвы, командиръ Самогитскаго полка, полковникъ Раль. По этому поводу ходила тогда молва, что о его назначеніи сильно хлопоталъ командиръ гренадерскаго корпуса баронъ Рамзай, основываясь на томъ, что Раль старше. Оказалось, что причина хлопотъ была иная. Когда бывшій генералъ-губернаторъ Москвы, Офросимовъ, у котораго Раль былъ когда-то адъютантомъ, поздравлялъ барона Рамзая съ тѣмъ, что одинъ изъ его полковыхъ командировъ получилъ полкъ въ гвардейскомъ корпусѣ, то баронъ отвѣтилъ:

„Да, есть съ чѣмъ поздравить,—я душевно радуюсь за Самогитскій полкъ".

Престранно иногда слагаются служебныя репутаціи. Одинъ, обладая полнымъ знаніемъ дѣла, служитъ усердно, всегда налицо, какъ говорится, тянетъ лямку безъ перерывовъ, объ отпускахъ и не думаетъ; его всѣ любятъ, о немъ съ уваженіемъ говорятъ, но только въ мѣстныхъ административныхъ кружкахъ; онъ представляетъ свою часть въ отличномъ состояніи, но выше этого не замѣчаютъ. Другой—только считается на службѣ, но не служитъ, а благодушествуетъ въ покойныхъ должностяхъ, адъютанствуетъ или состоитъ при такомъ-то, а между тѣмъ подвигается быстро; достигнувъ чина, дающаго право на командованіе, онъ принимаетъ его съ разборомъ,— гдѣ хочетъ, гдѣ пріятнѣе; онъ смотритъ на свою часть свысока, какъ бы дѣлая честь, что принялъ ее, проживаетъ при ней сколько хочетъ и когда хочетъ, не удостоивая узнать ее и не заботясь о томъ, чтобы и она узнала его. Въ результатѣ оказывается, что о первомъ забыли, а второго считаютъ дѣльнымъ, опытнымъ и полезнымъ; его вызываютъ на совѣщанія, гдѣ онъ не говоритъ ни слова и оттого слыветъ очень умнымъ, а главное, удобнымъ. Проходятъ годы, и смотришь, сей удобный господинъ далеко обогналъ сверстниковъ, увѣшанъ орденами, сидитъ высоко, гдѣ-то тамъ, гдѣ обсуждаются самые жизненные вопросы, а онъ въ это время думаетъ о меню обѣда въ англійскомъ клубѣ. Если бы въ его прошломъ и были пятнышки, то они плотно прикрываются авторитетомъ его чина и званія.

Въ январѣ 1860 года, за нѣсколько дней до приказа, я получилъ оффиціальное увѣдомленіе о предстоящемъ назначеніи меня командиромъ С.-Петербургскаго гренадерскаго короля Фридриха-Вильгельма III-го полка, стоявшаго въ Нарвѣ. Въ этотъ разъ подобное предувѣдомленіе не сопровождалось ни особыми сожалѣніями настоящаго моего начальства, о томъ, что я оставляю стрѣлковую службу, ни предвареніемъ будущаго начальства о причинахъ передачи полка въ мои руки. Только черезъ мѣсяцъ,изъ устъ Государя я узналъ, почему выборъ палъ на меня. И такъ, мнѣ предстоитъ вновь возвратиться къ гвардейской слижбѣ и стать во главѣ полка,

хотя и гренадерскаго, но состоящаго въ составѣ гвардейскаго корпуса.

Не безъ сожалѣнія разставался я съ селомъ Медвѣдемъ, послѣ двухъ съ половиною годичной, пріятной въ немъ жизни. Послѣднимъ ея проявленіемъ была поѣздка въ Псковъ, по случаю бала, который давало тамъ дворянство Государю. Балъ этотъ былъ экстренный, потому что Его Величество нарочно пріѣзжалъ для него изъ Петербурга. Случилось это вотъ почему. Еще осенью Государь возвращался изъ-за границы, отъ Вильны впервые по строившейся, но еще не вполнѣ готовой, желѣзной дорогѣ. Къ его проѣзду черезъ Псковъ дворянство готовило балъ; но такъ какъ Императоръ почему-то особенно спѣшилъ въ столицу, то бала въ этотъ разъ не принялъ, но обѣщалъ нарочно пріѣхать для него изъ Петербурга. Губернаторъ Муравьевъ, заѣзжавшій однажды ко мнѣ въ Медвѣдь изъ Лужскаго своего имѣнія, былъ такъ любезенъ, что пригласилъ меня, прося привести съ собою офицеровъ. При представленіи Государю, я былъ приглашенъ къ Высочайшему столу. Во время обѣда, Его Величество подробно разспрашивалъ меня о селѣ Медвѣдѣ, о его казармахъ и стрѣльбищѣ, объ удобствѣ стоянки вообще и о сосѣднихъ помѣщикахъ. При этомъ оказалось, что изъ всѣхъ бывшихъ военныхъ поселеній Государю не довелось быть только въ Медвѣдѣ. Вечеромъ, на балѣ, взятые мною съ собой пять офицеровъ обратили на себя вниманіе своею ловкостью и представительностью. Государь спрашивалъ у меня фамилію каждаго, гдѣ воспитывался и откуда переведенъ въ батальонъ; особенно понравились ему баронъ Икскуль и братья Чайковскіе.

— „Что у тебя вся молодежь такіе молодцы и такіе ловкіе танцоры?“—спросилъ меня Императоръ послѣ мазурки.

Здѣсь же была представлена Его Величеству жена моя.

Единственно непріятное воспоминаніе о Медвѣдѣ оставила во мнѣ возня съ инженернымъ офицеромъ Степановымъ; но гдѣ же ея не бываетъ,—разъ что часть стоитъ въ казенныхъ зданіяхъ? Степановъ былъ человѣкъ крайне общественный, кутила, милый въ частной жизни и несносный въ служебныхъ сношеніяхъ. Все обѣщать и ничего не дѣлать—было его правиломъ. Впрочемъ, особенно винить его было бы не совсѣмъ

справедливо. Ему самолично трудно было идти въ разрѣзъ укоренившемся обычаямъ.

Странная была у этихъ господъ привычка: при ремонтѣ зданій и при производствѣ построекъ, никогда не дѣлать того, что нужнѣе и о чемъ проситъ командиръ части, а непремѣнно выдумывать и вводить въ смѣту свое. Привычка, впрочемъ, понятная. Если ремонтируется то, что нужно командиру, то онъ будетъ слѣдить за работами; разъ же что дѣлается не очень для него необходимое, ему все равно какъ бы оно ни дѣлалось и чего бы ни стоило. Просишь, напримѣръ, поправить крышу жилой казармы, или переложить печи въ офицерскихъ квартирахъ,—отказъ, нѣтъ денегъ,—а въ то же время тратятся тысячи на то, о чемъ никто не просилъ. Такъ было тогда и въ Медвѣдѣ: затрачивается $2^1/_2$ тысячи на ремонтъ лазарета, который и безъ того былъ въ отличномъ состояніи; производятъ на 1,000 руб исправленій въ конюшняхъ, въ которыхъ не стоитъ ни одной лошади, а нельзя было добиться поправки дымившихъ въ кухняхъ очаговъ; отпускаютъ 500 руб. на исправленіе кузницы, на что достаточно ста рублей, а два года ведется переписка о течи пороховаго погреба. Теперь, вѣроятно дѣлается иначе, такъ какъ, кажется, наконецъ пришли къ убѣжденію, что никто не сдѣлаетъ обыкновеннаго ремонта дома лучше того, кто живетъ въ немъ. Это вполнѣ доказывается примѣромъ на тѣхъ казармахъ, которыя ремонтируются полками. Но вездѣ ли введено это? Другое дѣло ремонтъ капитальный, требующій спеціальныхъ знаній. Впослѣдствіи намъ еще придется возвратиться къ тѣмъ не нормальнымъ отношеніямъ, которыя существовали между войсковымъ и инженернымъ начальствомъ.

Сдавать стрѣлковый батальонъ мнѣ пришлось родному моему брату, а принимать полкъ отъ генерала Яковлева, уволеннаго въ отставку. Покуда увеличившаяся семья моя собиралась къ переселенію въ Нарву, я поѣхалъ въ Петербургъ представиться Государю и гвардейскому начальству, а оттуда принимать полкъ. Въ то время всѣ гвардейскіе полки перешли уже къ комитетской системѣ хозяйства; только два гренадерскіе полка 3-й дивизіи,—Австрійскій и Прусскій оставались еще въ самостоятельномъ управленіи ихъ командировъ. Быть въ

исключительномъ положеніи мнѣ не хотѣлось, что я и рѣшился высказать лично Государю, при моемъ представленіи.

— Переговори объ этомъ съ графомъ Барановымъ,— сказалъ Государь, когда я доложилъ, что было бы удобнѣе всего перейти къ новому порядку при перемѣнѣ полковаго командира.

Тогда же Императору угодно было объявить мнѣ причину, почему я избранъ командовать Прусскимъ полкомъ. Это было выражено въ слѣдующихъ словахъ:

— Ты, вѣроятно, слышалъ въ какой мѣрѣ полкъ отсталъ по стрѣльбѣ отъ прочихъ полковъ. Уже прошлаго года онъ былъ изъ послѣднихъ, а нынѣшнее лѣто опустился окончательно. Ты изучилъ и понимаешь это дѣло, что доказали оба твои стрѣлковые батальона, поэтому я и одобрилъ твое назначеніе. Отправляйся съ Богомъ въ Нарву и принимайся за работу.

Прямо изъ дворца я прошелъ къ графу Баранову, въ домъ Гвардейскаго Штаба. Выслушавъ мое желаніе о комитетскомъ управленіи, не смотря на то, что оно было ему пріятно, графъ нашелъ невозможнымъ ввести его въ моемъ полку.

— При комитетскомъ управленіи вамъ будетъ трудно содержать полкъ въ порядкѣ, сказалъ графъ.

— Почему же? спросилъ я.

— Потому что въ петербургскихъ полкахъ главный доходъ отъ дровяной экономіи, а въ Нарвѣ отопленіе казармъ въ рукахъ коменданта.

— Такъ нельзя ли, чтобы оно перешло къ полку?

— Этого трудно будетъ достичь, хотя я и очень бы желалъ этого. Инженерное вѣдомство и комендантъ будутъ противъ, ссылаясь на заключенные ими долгосрочные контракты. Я уже пробовалъ писать объ этомъ, и убѣдился, что безъ борьбы дѣло не обойдется, а вы знаете, какъ это непріятно.

— Если комитету нельзя будетъ содержать хозяйства въ порядкѣ, то почему же вы полагаете, что мнѣ это будетъ возможно?

— Комитеты несутъ расходъ на дополнительное содержаніе своихъ членовъ и уплачиваютъ изъ экономическихъ суммъ представительныя командиру полка.

— Но если эти представительныя нужны полковому командиру при комитетскомъ управленіи, то почему же онѣ не нужны ему же безъ комитета?

— Кто же говоритъ, что онѣ не нужны? Пользуйтесь ими въ той мѣрѣ, которая не приносила бы ущерба хозяйственной исправности. Однимъ словомъ, дѣлайте какъ знаете, но комитета въ вашемъ полку ввести нельзя. Другое дѣло, если удастся передать отопленіе въ его распоряженіе.

— Позвольте, по крайней мѣрѣ, осмотрѣвшись и ознакомясь съ дѣломъ, ходатайствовать объ этомъ.

— Представляйте, пишите,—я съ своей стороны сдѣлаю все, что отъ меня зависитъ.

Странная логика, подумалъ я, спускаясь съ громадной лѣстницы штаба: комитету нельзя содержать полка въ исправности, а полковому командиру—должно.

Пріемъ полка пришлось дѣлать по прежнимъ правиламъ, тогда какъ хотѣлось бы избавиться отъ непріятной процедуры собирать вѣдомости о недостаткахъ, оцѣнивать ихъ, опредѣлять во что обойдется исправленіе, вести переговоры съ прежнимъ командиромъ. Какъ человѣкъ съ хорошими собственными средствами, Яковлевъ на все соглашался, что еще болѣе обязывало меня къ снисходительному пріему, такъ что я вполнѣ предоставилъ его казначею и квартермистру. На прощальномъ обѣдѣ, данномъ бывшему командиру офицерами, обнаружилось, что его доброта и снисходительность цѣнились молодежью, громко выражавшею свое сочувствіе; старшіе же офицеры относились къ предстоявшей разлукѣ весьма сдержанно. Это было для меня полезнымъ указаніемъ. Дальнѣйшія наблюденія во время пріемки еще яснѣе указали, съ котораго конца слѣдуетъ приниматься за исправленіе недостатковъ.

Въ одинъ изъ свободныхъ вечеровъ, я нарочно отправился въ клубъ, на танцовальный вечеръ, съ цѣлью видѣть офицеровъ въ постороннемъ обществѣ и внѣ службы, и сразу наткнулся на фактъ, указывающій весьма легкомысленный и патріархальный на нее взглядъ. Одинъ изъ дежурныхъ по батальону, прапорщикъ, отплясывалъ какъ ни въ чемъ не бывало, хотя могъ разсчитывать встрѣтить въ клубѣ стараго и новаго командира. „Старый допускалъ это, а новый меня не узнаетъ“, вѣрно думалось ему,—и вотъ онъ нарушаетъ весьма серьезное правило службы. Пропустить, сдѣлать видъ, что я не помню кто дежурный, или что я не узнаю его, послѣ

того, что онъ являлся ко мнѣ утромъ, значило бы на первыхъ порахъ показать слабость. Я отправилъ юношу подъ арестъ. Это произвело толки въ городѣ и между прапорщиками, но, въ то же время, какъ я узналъ потомъ, понравилось старшимъ, серьезно смотрящимъ на службу, офицерамъ. Вообще же составъ офицерскаго общества въ полку не оставлялъ желать ничего лучшаго. Если между молодежью было нѣсколько человѣкъ вѣтрянаго и несформировавшагося характера, то и это скоро поправилось: одни ушли сами, другіе увидѣли необходимость заниматься службою. Болѣе всего удивило меня то, что болѣе половины младшихъ офицеровъ были въ командировкахъ при гвардейскихъ полкахъ и въ учебныхъ заведеніяхъ. Причина этого заключалась въ желаніи молодежи проводить зиму въ Петербургѣ. Благодаря содѣйствію графа Баранова, я достигъ того, что черезъ мѣсяцъ почти всѣ прикомандированные были возвращены въ полкъ. Первые мѣсяцы дѣла было весьма много: водвореніе внутренняго порядка, поддержка авторитета старшихъ офицеровъ, подготовленіе полка и въ матеріальномъ и въ строевомъ отношеніи къ лагерю, — все это требовало усиленной дѣятельности. Что же касается стрѣльбы, то обученіе пришлось начать съ самыхъ элементарныхъ, подготовительныхъ упражненій и вести дѣло настолько энергически, чтобы, на предстоящихъ черезъ три мѣсяца испытаніяхъ, Государь увидѣлъ успѣхъ. Кто знаетъ стрѣлковое дѣло, тотъ пойметъ, какихъ трудовъ стоитъ поправить стрѣльбу тамъ, гдѣ не было основательной къ ней подготовки и гдѣ она запущена въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ.

Принявъ полкъ, я возвратился черезъ Петербургъ въ Мѣдвѣдь, чтобы сдать баталіонъ и взять семью. Въ теченіи трехъ лѣтъ мнѣ пришлось сдавать уже вторую часть, и въ обоихъ случаяхъ, да и впослѣдствіи, я замѣчалъ одно и то же явленіе. Покуда командуешь частью, всѣ кажутся довольными, даже преданными, и только личности особенно безпокойныя и сварливыя проявляютъ иногда, и то рѣдко, нѣкоторыя противодѣйствія взглядамъ и требованіямъ командира. Но сегодня часть сдана—и въ ней уже двѣ партіи. Одна, безпристрастная, остается при прежнихъ убѣжденіяхъ, другая, хотя и малочисленная, начинаетъ заискивать у новаго командира и осуждать все, что дѣлалось до него. Если эта партія встрѣтитъ въ но-

вомъ командирѣ сочувствіе и потворство ея критикѣ, то она разростается, люди слабаго характера присоединяются къ ней, и, такимъ образомъ, исподволь, престижъ прежняго командира падаетъ, а иногда подтачивается и его репутація. Если же новый командиръ, человѣкъ чуждый интриги, понимающій цѣль кажущихся недовольными прошлымъ, покажетъ сразу свою самостоятельность, то все кончается попытками мутить общество и данное ему направленіе сохранится. Говорю это не столько по опыту, сколько на основаніи наблюденій, которыя могли быть продолжительны и вѣрны, потому что, въ теченіи сорока трехъ-лѣтней строевой службы, мнѣ пришлось самому сдавать и принимать четыре отдѣльныя части и быть близкимъ свидѣтелемъ, а иногда и посредникомъ пріема и сдачи 15 полковъ въ различныхъ дивизіяхъ. Полагаю, что такой рядъ наблюденій могъ привести къ правильному заключенію.

Переѣздъ изъ Медвѣдя въ Нарву, не смотря на незначительность разстоянія въ 170 верстъ, былъ сопряженъ съ большимъ затрудненіемъ, которому я самъ былъ виною. Не желая заѣзжать въ Петербургъ, я думалъ сократить путь, и изъ Гатчины свернулъ въ Красное село, чтобы оттуда выѣхать на нарвскій трактъ къ Кипени. Казалось, что никакихъ задержекъ быть не можетъ, такъ какъ вездѣ предстояло ѣхать по шоссе. Оно такъ и было, покуда не пришлось выѣхать на военное поле у Краснаго. Это было въ концѣ марта; повсюду шоссе было сухо, но когда доѣхали до Ковелахтъ, карета врѣзалась въ такіе сугробы, что никакія усилія восьми подпрягаемыхъ лошадей не могли ее сдвинуть. По счастью, въ ближайшей деревнѣ можно было нанять нѣсколько крестьянскихъ саней; на нихъ я усадилъ жену съ маленькими дѣтьми и, бросивъ экипажи въ полѣ, къ вечеру привезъ въ Красное, думая найти тамъ на ночь пріютъ въ гостинницѣ. Оказалось, что въ 25-ти верстахъ отъ столицы, въ селѣ, гдѣ оставляются войсками и Дворомъ десятки тысячъ, нельзя найти чистаго угла и постели. Всѣ гостинницы походили на грязные вертепы, наполненные полупьянымъ народомъ, чадомъ отъ постнаго масла, дымомъ махорки и прѣлью отъ мокрыхъ валенокъ и тулуповъ. Переходя изъ дома въ домъ, я неожиданно встрѣтилъ офицера моего полка, Щербинскаго, который объявляетъ, что выѣхалъ встрѣтить меня и предложить отъ имени своего дяди, красно-

сельскаго коменданта, помѣститься въ его квартирѣ, такъ какъ генералъ уѣхалъ на нѣсколько дней въ Петербургъ. Черезъ 5 минутъ мы очутились въ теплыхъ, уютныхъ комнатахъ; самоваръ, постели—все было заранѣе приготовлено и, вмѣсто предстоявшихъ мученій отъ угара, грязи и сырости, мы провели ночь, какъ въ лучшемъ отелѣ столицы. Два мои экипажа были вытащены и доставлены только къ утру, и то благодаря становому приставу, собравшему народъ, что мнѣ обошлось до 40 рублей, за 4 версты шоссе, идущаго по военному полю. Говорю объ этомъ для того, чтобы указать, что̀ случается въ нѣсколькихъ верстахъ отъ центра главнаго управленія нашими сообщеніями.

Переписка съ тѣми частями и управленіями, къ которымъ были откомандированы офицеры полка, привела меня къ непріятнымъ столкновеніямъ. Каждый изъ командированныхъ старался, разными протекціями, отдѣлаться отъ моихъ настоятельныхъ требованій, о возвращеніи въ свой полкъ. Гвардейскимъ же полкамъ тоже было гораздо удобнѣе, на-сколько возможно, облегчить караульную службу своихъ офицеровъ, а потому они возражали, отписывались и медлили возвращеніемъ даже тѣхъ, возвратить которыхъ было предписано. Надо было вести борьбу сначала на бумагѣ, а потомъ и личными докладами графу Баранову. Это то и было причиною, что мнѣ, въ самомъ началѣ командованія полкомъ, такъ сказать, новичку между полковыми командирами, да еще полковнику, когда всѣ они генералы,—пришлось потомъ убѣдиться, что нѣкоторые изъ нихъ, безъ всякаго другаго повода, затаили вражду, не разъ потомъ выходившую наружу. Такъ часто бываетъ въ жизни, что наживаешь себѣ недруговъ за то, что честно отстаиваешь интересы своей части и службы. Грустный выводъ, но приходится признать его и искать утѣшенія въ спокойствіи собственной совѣсти.

По тому же поводу была у меня тогда же переписка съ с.-петербургскимъ генералъ-губернаторомъ, княземъ Суворовымъ. Онъ обратился ко мнѣ частнымъ письмомъ, чтобы я оставилъ въ прикомандированіи къ кадетскому корпусу одного изъ поручиковъ, которому по старшинству слѣдовало принять роту. Я отвѣтилъ, что, при всемъ желаніи сдѣлать угодное князю, не могу допустить исключенія для его протеже, такъ

какъ это послужило бы примѣромъ несправедливости. Годъ спустя встрѣчаю я Суворова во дворцѣ Великаго князя Константина Николаевича, подхожу къ нему и извиняюсь, что не могъ исполнить его просьбы.

„И хорошо сдѣлали, отвѣчаетъ онъ. Мало-ли о чемъ просятъ! Иной до того пристанетъ, что не отвязаться, ну и дашь ему письмо, чтобы отсталъ“.

Въ одну изъ поѣздокъ въ Петербургъ, по службѣ, я долженъ былъ обратиться къ дежурному генералу, генералъ-адъютанту Герштенцвейгу, съ просьбою о переводѣ въ полкъ офицера изъ бывшаго моего стрѣлковаго баталіона. Это былъ первый случай, что мнѣ привелось продолжительно говорить съ Герштенцвейгомъ.

Послѣ обмѣна нѣсколькими фразами, генералъ предложилъ обождать, покуда приметъ всѣхъ представлявшихся, а затѣмъ пригласилъ меня въ кабинетъ. Указывая на кресло у письменнаго стола, онъ началъ съ вопроса:

— Скажите мнѣ, полковникъ, какое ваше мнѣніе о комитетскихъ управленіяхъ полками?

— Позвольте мнѣ, отвѣчалъ я, прежде узнать, спрашиваете ли вы меня оффиціально, какъ полковаго командира, или какъ частнаго человѣка!

— Нѣтъ, мы говоримъ совершенно частно, и я потому спрашиваю васъ объ этомъ, что мнѣ говорили, будто бы вы, представляясь Государю, просили о введеніи въ вашемъ полку комитетскаго управленія.

— Совершенно вѣрно. Я сдѣлалъ это для того, чтобы никто не могъ подумать, что принимая полкъ въ гвардейскомъ корпусѣ, гдѣ введено новое управленіе хозяйствомъ, я хочу пользоваться тѣми доходами, которые въ прочихъ полкахъ подлежатъ контролю комитетовъ.

— Стало быть вы находите комитеты полезными?

— Полезными въ гвардіи, но покуда совершенно невозможными въ арміи, гдѣ нѣтъ источниковъ въ родѣ экономіи отъ отопленія, дохода отъ находящихся при казармахъ лавокъ, отъ огородовъ и проч.

— И что же, вамъ разрѣшили ввести комитетское управленіе полковымъ хозяйствомъ?

— Нѣтъ, графъ Барановъ находитъ, что при настоящемъ

положеніи полка, казармы котораго отапливаются комендантомъ, комитетъ не будетъ имѣть средствъ содержать матеріальную часть въ порядкѣ.

— Вотъ то-то и есть. Развѣ подобные взгляды справедливы? Гдѣ есть средства, тамъ ихъ отнимаютъ отъ командира, а гдѣ ихъ нѣтъ—тамъ распоряжайся какъ знаешь. Комитету разрѣшаютъ строить полку столько мундировъ, сколько его члены сочтутъ нужнымъ переводя изъ срока въ срокъ; а если это сдѣлаетъ полковой командиръ, то его могутъ отдать подъ судъ. Гдѣ же справедливость? Кромѣ того,—поборники комитетовъ проповѣдуютъ, что сшитый солдату новый мундиръ долженъ быть ему выданъ въ носку 1-го января, а 31-го декабря обращался бы въ его собственность. Развѣ это мыслимо? Развѣ можно допустить, чтобы войска представлялись Императору, да еще въ присутствіи иностранцевъ, въ поношенной одеждѣ? Пусть бы графъ Барановъ сперва достигъ того, чтобы Государь привыкъ въ концѣ года видѣть полки въ мундирахъ годовой носки, а потомъ и вводилъ бы комитетскія управленія; вѣдь ему не достичь этого, да оно было бы и неприлично. Эти господа все мечтаютъ о какихъ-то идеалахъ, забывая, что жизнь часто требуетъ совершенно противоположнаго.

— Полагаю, отвѣчалъ я, что современемъ, когда увеличатся отпуски на хозяйственныя потребности и на ремонтъ вещей и когда всѣ войска получатъ казармы, комитеты будутъ имѣть свое значеніе и пользу.

— А, тогда другое дѣло, - тогда вводите что угодно: а покуда этого нѣтъ, и долго еще не будетъ, нельзя однимъ давать то, чего не имѣютъ другіе, и вы увидите, что рано или поздно, все придетъ къ тому же, развѣ только подъ другими формами.

Со времени этого разговора прошло 30 лѣтъ, въ теченіи которыхъ все до того измѣнилось, что сравнивать настоящее съ прошедшимъ почти невозможно; но мысль, что полезное въ столицѣ не всегда достигаетъ цѣли въ провинціи, остается вѣрною. Въ гвардіи комитетскія управленія если и не дали ожидаемыхъ результатовъ, то не привели полковыхъ хозяйствъ въ упадокъ; въ арміи же, гдѣ ихъ вводили въ видѣ опыта, они дали результаты отрицательные, что и привело къ повсемѣстному закрытію комитетовъ и къ введенію новой системы хозяйства, представляющей нѣчто среднее между обсолютною

властью командира и комитетами. Пророчество Герштенцвейга сбылось: теперь мы видимъ въ полкахъ завѣдывающихъ хозяйствомъ, а полковой командиръ, подъ извѣстными условіями, является снова единственнымъ хозяиномъ полка.

Первый мой лагерь въ званіи командира полка прошелъ вполнѣ удачно. Благодаря общему усердію моихъ помощниковъ, результаты стрѣльбы, стоявшей годъ назадъ ниже разрядовъ, оказались такими, что полкъ обогналъ многихъ, а стрѣлковыя его роты, своими успѣхами, дали мнѣ возможность представить ихъ командировъ къ наградамъ внѣ правилъ, что они и получили.

Наступившая зима проведена была въ Нарвѣ весьма пріятно. Городское общество, сжившееся съ полкомъ, хотя и состояло преимущественно изъ нѣмцевъ, не только не чуждалось военнаго, но напротивъ, принимало участіе во всѣхъ его увеселеніяхъ. На Наровѣ, близъ моста, полкъ устраивалъ горы. Между 2-мя и 4-мя часами дня катанье съ нихъ было любимымъ препровожденіемъ времени, особенно по четвергамъ и воскресеньямъ, когда я посылалъ туда музыкантовъ. Иногда устраивались и вечернія катанья, при освѣщеніи фонариками и плошками. Между офицерами явились мастера скатыванія дамъ и спусканія саней-дилижансовъ, вмѣщающихъ до 10 особъ. Самыми ловкими въ этомъ дѣлѣ были два брата Росси и Штакельбергъ.

Однимъ изъ любимыхъ препровожденій вечеровъ были любительскіе спектакли. Видно такъ уже было опредѣлены, чтобы вездѣ, гдѣ только мнѣ приходилось жить въ провинціи, вездѣ спектакли любителей пріобрѣтали бы первенство между другими удовольствіями. Происходило это отъ любви моей къ сценическому искусству, которое считаю самымъ пріятнымъ и полезнымъ препровожденіемъ времени. Во-первыхъ, ничто такъ не сближаетъ общество, во-вторыхъ—избавляетъ участвующихъ отъ праздности, развиваетъ, доставляетъ средство узнать каждаго до мельчайшихъ подробностей характера и служитъ источниками для благотворительности. Многіе полагаютъ, что любительскіе спектакли никогда не обходятся безъ интригъ и ссоръ; но мнѣ никогда не доводилось испытать этого. Если и происходили иногда несогласія, то, взявшись умѣючи, всегда

можно было отстранить ихъ. И въ этомъ дѣлѣ все зависитъ отъ того, кто стоитъ во главѣ его.

Чѣмъ болѣе я вникалъ въ дѣла полка и знакомился съ его прошлымъ, тѣмъ болѣе убѣждался, какъ мои предшественники мало заботились о его интересахъ. Желая возстановить ихъ, мнѣ пришлось болѣе всего бороться съ комендантомъ, человѣкомъ крайне безпокойнымъ и неуживчивымъ. Не смотря на поддержку графа Баранова, возвратить полку право отапливать казармы не удалось, потому что инженерному вѣдомству было удобнѣе, чтобы оно находилось въ распоряженіи комендантскаго управленія.

Другимъ предметомъ нашихъ столкновеній было невыносимое положеніе офицеровъ, въ отношеніи полученія ими квартирныхъ денегъ. Казенныхъ помѣщеній не было, а квартирныя деньги давались по цѣнамъ, существовавшимъ 100 лѣтъ назадъ, т. е. по 3 рубля въ мѣсяцъ. Городская ратуша препровождала коменданту билеты на квартиры въ отдаленномъ отъ казармъ кварталѣ. Если офицеръ, по служебнымъ условіямъ, считалъ неудобнымъ пользоваться указанною квартирою въ натурѣ, то могъ получить отъ хозяина дома, на который выданъ билетъ, 3 рубля и нанять квартиру гдѣ хочетъ. Хозяева, зная что офицеру, обязанному два раза въ день ходить на занятія въ казармы, невозможно жить на окраинахъ города, предлагали взять вмѣсто 3-хъ рублей 2, или отводили ему холодный и сырой покой. Оставалось выбирать любое: или жить въ отвратительномъ помѣщеніи и два раза въ день ходить версты за двѣ въ роту, или брать что даютъ. Невыносимо было смотрѣть на подобныя отношенія офицеровъ, заставлявшія ихъ торговаться съ мѣщаниномъ или бюргеромъ. Комендантъ отстаивалъ столь неприличный и унижающій военное званіе порядокъ удовлетворенія квартирами. Не смотря на мои самыя настойчивыя представленія о его измѣненіи, нельзя было ничего сдѣлать. Изъ Петербурга отвѣчали, что Нарва пользуется особыми правами и измѣнить ихъ трудно; офицеры-же видимо притерпѣлись къ подобному порядку и не возбуждали болѣе жалобъ.

Начавшіеся, два года назадъ, безпорядки и волненія въ царствѣ Польскомъ были причиною, что въ 1862 году полкъ провелъ въ лагерѣ только половину лѣта. Еще зимою газет-

ныя корреспонденціи изъ Варшавы были наполнены описаніемъ происходившихъ тамъ демонстрацій. По смерти князя Горчакова, при кратковременныхъ управленіяхъ генераловъ Ламберта и Сухозанета, они дошли до безобразія. Еще до выступленія въ лагерь, мы узнали, что новый намѣстникъ царства, графъ Лидерсъ, раненъ, во время ранней прогулки въ Саксонскомъ саду, и что вмѣсто него назначается Великій князь Константинъ Николаевичъ; но никому не приходило на мысль, чтобы подобныя событія могли имѣть какое-либо вліяніе на войска гвардейскаго корпуса. Первый мѣсяцъ лагерной стоянки прошелъ обычнымъ порядкомъ. Мы сдали удачно смотръ, который покойный Государь обыкновенно дѣлалъ загороднымъ частямъ, не участвовавшимъ въ майскомъ парадѣ, какъ вдругъ разнеслась вѣсть, что въ Варшавѣ сдѣлано покушеніе противъ Великаго князя и что онъ раненъ. Вслѣдъ затѣмъ прошла молва, что въ Петербургѣ, подъ предсѣдательствомъ Государя, собирается совѣтъ, для обсужденія мѣръ, какія слѣдуетъ принять для прекращенія безпорядковъ въ Польшѣ. Никто конечно не зналъ, что происходило на этомъ совѣщаніи, но всѣ ожидали ихъ результата съ нѣкоторымъ безпокойствомъ. 29-го іюня я неожиданно былъ потребованъ къ начальнику дивизіи, барону Корфу, у котораго засталъ и другихъ полковыхъ командировъ. Баронъ объявилъ намъ, что рѣшено отправить въ Варшаву 3-ю гвардейскую пѣхотную дивизію; что времени ея выступленія еще не назначено, но что мы черезъ нѣсколько дней выйдемъ изъ лагеря, чтобы приготовиться къ предстоявшему передвиженію въ Польшу. Понятно, что подобная неожиданность произвела на насъ сильное впечатлѣніе. Никто не зналъ, дозволено ли будетъ брать съ собою семейства, идемъ ли мы навсегда, или на время, какъ поступить съ имуществомъ и проч.

Дня черезъ два Государь, послѣ смотра артиллеріи, прибылъ въ лагерь дивизіи и объѣхалъ ея полки, ожидавшіе его у палатокъ. Подъѣзжая къ моему полку, онъ обратился къ офицерамъ со слѣдующими словами:

„Я посылаю васъ въ Варшаву, для водворенія тамъ порядка. Увѣренъ, господа, что вы оправдаете мои надежды и, при извѣстной мнѣ преданности и усердіи, будете служить тамъ такъ же, какъ служили здѣсь. Я не прощаюсь съ вами,

потому что еще увижу васъ передъ выступленіемъ. Теперь же отправляйтесь въ Нарву, приготовиться къ походу".

Затѣмъ нижнимъ чинамъ было сказано Его Величествомъ:

„Вамъ ребята, предстоитъ выступленіе въ Варшаву. Посылаю васъ туда какъ отборное мое войско. Помните, что вы мои гренадеры, и потому надѣюсь, что поддержите древнюю славу русскихъ гренадеръ".

Въ первой половинѣ іюля полкъ возвратился въ Нарву, гдѣ вскорѣ получилъ увѣдомленіе, что отправленіе его въ Варшаву состоится не ранѣе конца сентября, слѣдовательно для сборовъ и распродажи ненужнаго оставалось два мѣсяца. Не смотря на это, многое касающееся офицерскихъ и солдатскихъ семействъ осталось неразъясненнымъ до самаго выступленія. Всего важнѣе было узнать, какъ поступить съ излишнимъ собственнымъ полковымъ имуществомъ и обозомъ. О многомъ приходилось запрашивать штабы, писать посланному впередъ въ Варшаву офицеру, насчетъ предстоящаго размѣщенія полка, устройства офицеровъ, о хозяйственныхъ заведеніяхъ и т. д. Получаемые отъ него отвѣты были не очень-то утѣшительны. Многіе изъ насъ взглянули на отправленіе въ Варшаву какъ на военный походъ, а потому сначала предполагали оставить семейства и имущество на мѣстѣ, но когда баронъ Корфъ, ѣздившій къ Великому князю, передалъ желаніе Константина Николаевича, чтобы мы прибыли съ семействами, то это указало, что мы ѣдемъ въ Польшу надолго и что тамъ до вооруженнаго возстанія еще не дошло. Между тѣмъ, многіе уже успѣли за безцѣнокъ распродать имущество. Произошло это отъ того, что полку не сообщили въ какомъ размѣрѣ будетъ разрѣшено перевезти тяжести; говорили только, что желѣзная дорога будетъ строго руководствоваться вѣдомостью, доставленною ей изъ штаба. На дѣлѣ же потомъ оказалось, что никакихъ тяжестей не вѣшали, экипажей и лошадей не считали и давали сколько угодно платформъ и вагоновъ. Вышло, что полкъ перевезъ все сполна, не исключая даже столба для колокола у лагернаго церковнаго намета, а офицеры остались безъ необходимаго и понесли большіе убытки отъ распродажи того, что потомъ пришлось заводить вновь за большія деньги, потому что въ польскихъ магазинахъ считали патріотизмомъ брать съ русскихъ вчетверо. Нижніе чины были въ этомъ слу-

чаѣ смѣлѣе и смѣтливѣе. По присущей имъ привычкѣ, они тискали въ свои мѣшки и ящики что попало.

— Ты зачѣмъ уложилъ въ сундукъ кирпичину?—спрашиваетъ ротный командиръ своего солдата.

— Да такого кирпича для чистки, ваше благородіе, въ Аршавѣ, надо полагать, не найдешь,—отвѣчаетъ солдатикъ.

Промежутокъ времени между лагеремъ и выступленіемъ можно было назвать отдыхомъ. Занятія производились изрѣдка, большая часть времени проходила въ различныхъ работахъ по укладкѣ и уборкѣ имущества, да и много людей было въ расходѣ: 1-я рота, въ усиленномъ составѣ, ходила въ Новгородъ, на открытіе памятника тысячелѣтія Россіи; не мало было въ командировкахъ для сдачи обоза въ Петербургѣ и для устройства помѣщенія въ Варшавѣ. Съ послѣдними былъ назначенъ мною поручикъ Даудель, занимающій теперь видный и самостоятельный постъ въ министерствѣ финансовъ.

Чѣмъ ближе приближалось время выступленія, тѣмъ оно шло скорѣе и тѣмъ болѣе чувствовалась въ офицерскомъ обществѣ предстоящая разлука съ Нарвою. Полкъ простоялъ въ этомъ городѣ со времени кампаніи 1831 г., т. е. болѣе 30 лѣтъ. Многіе изъ офицеровъ были уроженцами Эстляндіи, другіе имѣли женами уроженокъ Нарвы. Тѣ и другіе должны были разлучиться съ ближайшими родными, всѣ остальные— съ добрыми знакомыми. Нижніе чины тоже вполнѣ свыклись съ мѣстными жителями и особенно съ крестьянами Гдовскаго уѣзда, гдѣ, по зимамъ, нѣсколько ротъ квартировало у обывателей. Расположеніе ихъ къ своимъ постояльцамъ доходило до того, что обыкновенно, къ дню возвращенія изъ лагеря, множество крестьянскихъ подводъ собиралось у выѣзда изъ предмѣстья, чтобы везти своихъ постояльцевъ къ себѣ, не смотря на то, что деревни, въ которыхъ размѣщались роты, были въ 50 и 70-ти верстахъ отъ Нарвы. Препятствовать этому, отчасти нарушающему походную службу мирнаго времени обычаю, я не находилъ нужнымъ, такъ какъ онъ скрѣплялъ добрыя отношенія хозяевъ съ нижними чинами.

За нѣсколько дней до выступленія, жители города давали офицерамъ прощальный обѣдъ въ мѣстномъ клубѣ. Подъ впечатлѣніемъ предстоящей разлуки, онъ шелъ вначалѣ нѣсколько грустно, но потомъ, какъ обыкновенно, послѣ нѣсколькихъ

тостовъ, благодарственныхъ и прощальныхъ рѣчей, и гости и и хозяева развеселились.

Грустнѣе другихъ было провожать полкъ старымъ его ветеранамъ, представителемъ которыхъ былъ отставной генералъ Копьевъ, прослужившій въ полку болѣе 40 лѣтъ, вышедшій въ отставку лѣтъ 10 назадъ и поселившійся навсегда въ Нарвѣ. Не проходило ни одного смотра, ни одного офицерскаго собранія, чтобы Копьевъ не присутствовалъ на нихъ. Даже на домашнихъ баталіонныхъ и полковыхъ ученьяхъ всегда, бывало, видишь этого почтеннаго 67-лѣтняго старика наблюдающимъ издали, за каждымъ движеніемъ и командою; и какъ только кончалось ученье,—онъ уже въ кругу офицеровъ возвращается съ ними въ городъ: одному говоритъ, что онъ тамъ-то ошибся, другого распекаетъ, что тихо командовалъ. При этомъ дружески доставалось не только молодымъ прапорщикамъ, но и ротнымъ командирамъ. Неудачный смотръ волновалъ его такъ, какъ будто онъ еще самъ командуетъ своимъ прежнимъ баталіономъ, въ которомъ до сихъ поръ зналъ всѣхъ фельдфебелей и унтеръ-офицеровъ. Всѣ въ городѣ знали и уважали Копьева и въ каждомъ семействѣ встрѣчали дорогимъ гостемъ. Услужливость его не имѣла предѣла. Когда я принялъ полкъ, старикъ немедленно явился ко мнѣ, считая это какъ бы служебномъ долгомъ. Онъ былъ замѣчателенъ еще тѣмъ, что, получая всего 600 рублей пенсіи, не только имѣлъ приличной обстановки квартиру, но разъ въ зиму приглашалъ къ себѣ всѣхъ полковыхъ дамъ,—и тогда радушію и угощеніямъ не было конца; офицеры же постоянно бывали у него. Когда въ полку бывало производство, или получались награды, Копьевъ узнавалъ объ этомъ однимъ изъ первыхъ и радовался такъ, какъ будто всѣ награды, взятыя вмѣстѣ, даны ему одному. Подобную привязанность къ полку онъ сохранилъ до послѣднихъ дней жизни. Какъ только полкъ ушелъ изъ Нарвы, онъ немедленно переселился въ Петербургъ. „Не могу жить въ Нарвѣ, писалъ онъ мнѣ,—безъ родного полка, и если бы не старость и не чахотка въ карманѣ, переѣхалъ бы въ Варшаву, хоть сторожемъ при полковой церкви. Здѣсь все мнѣ стало противно, не смотря, что нѣмцы добры ко мнѣ по прежнему. Думаю перебраться въ Питеръ“.

20-го сентября, послѣ напутственнаго молебствія, полкъ

выступилъ изъ Нарвы въ Гатчину, гдѣ ему было назначено грузиться на желѣзную дорогу. До Ямбурга насъ провожали многіе изъ жителей, а нѣкоторые пріѣзжали проститься въ Гатчину. Благодаря любезности тамошняго коменданта, генерала Богговута, мы нашли тамъ, заранѣе отведенныя, прекрасныя квартиры. 28 и 29 числа были употреблены на нагрузку тяжестей и обозовъ, а 30 предстоялъ Высочайшій смотръ, для котораго Государь нарочно пріѣхалъ изъ Царскаго Села, чтобы проститься съ полкомъ. Въ 12 часовъ оба батальона, въ полной походной формѣ, построенные на дворцовой площади, въ колоннахъ, ожидали прибытія Императора. Онъ пріѣхалъ только съ дежурнымъ генералъ-адъютантомъ; ни военнаго министра, ни другихъ лицъ свиты не было. По окончаніи смотра, всѣ офицеры были приглашены во дворецъ къ завтраку, во время котораго возлѣ Государя были указаны мѣста: мнѣ, какъ полковому командиру, съ правой стороны, и старшему полковнику Корфу—съ лѣвой. Противъ сидѣли: генералъ Плаутинъ, графъ Барановъ и начальникъ дивизіи. Въ теченіи всего завтрака разговоръ шелъ о Варшавѣ и о происходившихъ въ ней за послѣднее время событіяхъ. Государь видимо желалъ ознакомить насъ съ его личнымъ взглядомъ на совершавшееся тамъ и съ тѣмъ, чего онъ желаетъ. Слова его имѣли особенное значеніе и потому врѣзались въ моей памяти такъ, что я, почти слово въ слово, могу повторить ихъ.

„Поляки—говорилъ Государь—вполнѣ доказали свою неблагодарность. Все, что для нихъ было сдѣлано, даже и то, что я далъ имъ въ намѣстники моего брата, не понято ими. Въ настоящее время въ Варшавѣ спокойно; но если они задумаютъ что либо серьезное, то я не остановлюсь ни передъ чѣмъ, и надѣюсь, что вы исполните свой долгъ какъ слѣдуетъ“.

Я осмѣлился спросить Государя, справедливы-ли слухи, будто поляки заявляютъ претензію на Литву и Подолію? Его Величество, съ ироническою улыбкою продолжалъ:

— „Какъ-же! сюда являлся съ этими нелѣпыми заявленіями графъ Замойскій. Онъ даже говорилъ, что подобное желаніе Польши оправдывается обѣщаніями Императора Александра I и будто бы объ этомъ существуетъ документъ за его подписью. На это я отвѣтилъ ему, что о существованіи подобнаго документа мнѣ не извѣстно; но если-бы онъ и былъ, то мнѣ остается

сожалѣть объ этомъ, потому что мой дядя не имѣлъ права дарить полякамъ то, что составляетъ древнее достояніе Россіи. Точно также и теперь они добиваются невозможнаго, того, чего не имѣетъ еще Россія. Неужели они думаютъ, что я когда либо соглашусь дать имъ какія-либо права и учрежденія, прежде чѣмъ ихъ получитъ Россія? Чѣмъ же они заслужили это? Можетъ быть многое, что я желалъ-бы осуществить, составляетъ любимыя мои мечты; но это невозможно. Нельзя забѣгать впередъ вѣка и народнаго развитія".

Послѣ нѣкотораго перерыва, разговоръ вновь принялъ то же направленіе.

„Въ заключеніе данной мною аудіенціи—продолжалъ Государь—я сказалъ Замойскому, что ему неловко возвращаться въ Варшаву, послѣ того, что онъ такъ неудачно выполнилъ возложенное на него порученіе. Я прикажу—сказалъ я ему—дать вамъ заграничный паспортъ. Отправляйтесь куда вамъ угодно; но еще разъ повторяю, что возвращаться въ Польшу или въ Россію вамъ будетъ не совсѣмъ удобно".

Послѣ завтрака Императоръ еще нѣкоторое время оставался въ кругу офицеровъ. Всѣ прочія лица стояли въ отдаленіи. „Берегите брата,—сказалъ Онъ, прощаясь съ нами. Въ случаѣ если Польша возьмется за оружіе, докажите имъ, что вы потомки Суворовскихъ гренадеръ; но я желалъ бы, чтобы дѣло не дошло до кровопролитія".

При задушевныхъ и самыхъ восторженныхъ крикахъ „ура", проводили офицеры Государя до внутреннихъ покоевъ, а затѣмъ всѣ, имѣвшіе верховыхъ лошадей, сопровождали его до станціи желѣзной дороги. Тамъ, черезъ спущенное окно вагона, онъ сказалъ намъ:

— „Я бы желалъ лично быть при вашемъ отъѣздѣ, но тороплюсь въ Царское. Императрица очень безпокоится за нашего маленькаго сына Павла, который нездоровъ. Еще разъ прощайте, помните мои слова, и да благословитъ васъ Богъ". Когда вагонъ тронулся, Государь перекрестилъ насъ.

Въ тотъ же день, поздно вечеромъ, я съ 1-мъ эшелономъ выѣхалъ изъ Гатчины. Ранѣе этого, часа за три, отправлялся поѣздъ съ обозомъ. Желая осмотрѣть нагрузку и установку повозокъ, я обошелъ весь поѣздъ, стоявшій на запасномъ пути. Вечеръ былъ морозный и свѣтлый. Возвращаясь, слышу

въ одной изъ провіантскихъ телѣгъ на послѣдней платформѣ какой-то неопредѣленный пискъ. Думая, что кто-либо изъ солдатъ затискалъ подъ брезентъ ротную собаченку, я приказалъ ее вытащить.

— Здѣсь, ваше превосходительство, не собака, а человѣкъ, говоритъ сопровождавшій меня унтеръ-офицеръ, заправляя подъ брезентъ руку,—я держу кого-то за ногу.

Когда развязали и открыли брезентъ, подъ нимъ оказался даже не человѣкъ, а баба съ ребенкомъ.

Потомъ обнаружилось, что подобнымъ способомъ перебралось въ Варшаву нѣсколько солдатскихъ женъ, кто между ящиками, кто въ пустой капустной бочкѣ, кто между колесами повозокъ, обстановленныхъ тюками. Происходило это отъ того, что солдатскимъ семьямъ было воспрещено слѣдовать съ мужьями, но разрѣшалось перевезти ихъ впослѣдствіи, на собственный счетъ нижнихъ чиновъ; конечно не многіе изъ нихъ въ состояніи были заплатить пассажирскую плату за 1000 верстъ. Въ результатѣ-же вышло, что мѣсяца черезъ два, почти всѣ солдатскія жены полка очутились въ Варшавѣ, вѣроятно такимъ же удобнымъ способомъ, какъ и баба, вытащенная изъ-подъ брезента.

Мы ѣхали отъ Гатчины до Варшавы трое сутокъ; но дорога не казалась утомительною. Въ распоряженіе полка каждому эшелону дано было по вагону 1 и 2 классовъ, такъ что офицерскія семейства размѣстились совершенно свободно. Чѣмъ дальше отъѣзжали мы отъ Петербурга, тѣмъ дорога оказывалась менѣе достроенною: сносные буфеты были только въ Псковѣ и въ Вильнѣ, на прочихъ станціяхъ ихъ замѣняли конурки, въ которыхъ, кромѣ чая, колбасы и водки, ничего не было. Въ Вильнѣ полкъ имѣлъ остановку часовъ на 5. Это дало возможность воспользоваться любезностью почтеннаго, бывшаго моего начальника, К. К. Врангеля, приславшаго экипажъ за моимъ семействомъ и доставившаго ему полное гостепріимство, въ домѣ своего зятя, полковника Деллинсгаузена.

3-го октября, въ прекрасный осенній день, часовъ въ 10 утра, полкъ прибылъ къ Варшавѣ.

На станціи насъ встрѣтилъ начальникъ штаба, генералъ Минквицъ, вручившій мнѣ приказъ о томъ, что я назначаюсь на-

чальникомъ 1-го военнаго отдѣла города и объявившій, что Великій князь Константинъ Николаевичъ будетъ лично встрѣчать полкъ. Въ чемъ состоятъ мои обязанности, какъ начальника отдѣла, какія мои права, какія отношенія къ жителямъ и къ полиціи—оставалось для меня неизвѣстнымъ, а между тѣмъ чувствовалось, что съ этой минуты, на основаніи военнаго положенія, въ которомъ находилась Варшава, я уже былъ отвѣтственнымъ лицомъ за спокойствіе ввѣреннаго мнѣ отдѣла. Покуда полкъ оправлялся съ дороги и строился близъ вокзала, начали пріѣзжать генералы, обязанные присутствовать при смотрахъ главнокомандующаго. Въ числѣ ихъ были старые мои знакомые В. С. Семека, В. Л. Соболевскій—бывшіе семеновцы, графъ Комаровскій, сослуживецъ по 1-му гвардейскому стрѣлковому баталіону и другіе.

Послѣ объѣзда строя помощникомъ главнокомандующаго, генералъ-адъютантомъ барономъ Рамзаемъ, съ которымъ мнѣ пришлось тогда впервые стать въ служебныя отношенія и въ которомъ сразу можно было замѣтить человѣка опыта, съ вѣрнымъ строевымъ взглядомъ, — по длинной дамбѣ отъ Вислы показался экипажъ намѣстника, съ конвоемъ кубанцевъ. Великій князь подъѣхалъ къ полку вмѣстѣ съ великой княгиней Александрой Іосифовной. Послѣ объѣзда, баталіоны прошли мимо ихъ высочествъ по отдѣленіямъ. Похваливъ людей, намѣстникъ сказалъ мнѣ:

— Государь телеграфировалъ, что, при выступленіи, онъ нашелъ Прусскій полкъ лучшимъ въ дивизіи. Мнѣ пріятно будетъ донести ему, что и при вступленіи я вижу его въ отличномъ состояніи.

Вступленіе въ Варшаву не производило и тѣни того впечатлѣнія, которое чувствуется, входя въ большіе города вообще. Народу на улицахъ было много, но видимо, что всякій шелъ не обращая на насъ никакого вниманія. Только толпы мальчишекъ и жиденятъ прыгали и кривлялись передъ барабанщиками. Угрюмые или дерзко вызывающіе взгляды мужчинъ, злобныя или насмѣшливыя лица женщинъ, любопытно-осторожныя физіономіи евреевъ, — вотъ что представлялось намъ, когда полкъ проходилъ по улицамъ польской столицы. Звуки исполняемыхъ оркестромъ маршей никого не вызывали на балконы и къ окнамъ; напротивъ, они запирались, какъ

только музыка долетала до ихъ хозяевъ. Около двухъ часовъ дня, 1-й батальонъ полка вступилъ въ цитадель, 2-й—въ Сапежинскія и Сераковскія казармы, гдѣ была и моя квартира.

Прежде чѣмъ говорить о нашей жизни въ Варшавѣ, въ тяжелую годину происходившаго въ Польшѣ возстанія, считаю необходимымъ ознакомить читателей съ его причинами, а для этого необходимо оглянуться назадъ. Только картина событій, совершившихся въ 1860 и 1861 годахъ, дастъ понятіе о томъ, что выпало на нашу долю впослѣдствіи.

Въ продолженіи 25-ти-лѣтняго управленія краемъ князя Паскевича, постоянный надзоръ, отсутствіе малѣйшаго послабленія и предусмотрительность имѣли результатомъ, что у поляковъ не было даже мысли о попыткѣ къ возстанію. Въ то время, когда въ 1846 году въ сосѣдней Галиціи все было въ огнѣ и въ крови, когда въ 1848 году во Франціи, въ Австріи и Пруссіи происходили революціи, наконецъ, когда въ 1854 году, вся Европа была противъ Россіи,—въ Польшѣ все было спокойно. Не смотря на то, что она была управляема польскими чиновниками, никому изъ нихъ и въ голову не приходило что-либо замышлять противъ правительства, шедшаго по твердой системѣ, съ полнымъ знаніемъ польскаго характера. Со смертью Паскевича, преемникъ его, князь Горчаковъ, по слабости воли, или изъ желанія пріобрѣсти популярность, началъ ухаживать за магнатами и шляхтою. Видя это заискиваніе, польское дворянство воспользовалось случаемъ пріобрѣсти вліяніе на дѣла, для чего сначала образовало изъ своей среды агрономическое общество. Для пяти тысячъ его членовъ агрономія служила только предлогомъ для того, чтобы, съ разрѣшенія правительства, собираться и произносить политическія рѣчи о единствѣ, свободѣ и братствѣ, и безнадзорно составлять планы для будущаго. Боязнь раздражить шляхту удерживала власти, изъ угоды намѣстнику, отъ мѣръ, которыя напоминали-бы ей, что въ краѣ существуетъ русское правительство, могущее разомъ разсѣять ея мечты и бредни. Съ 1858 года, мало по малу, заправлявшіе властью начали ея уничтоженіе и въ 1860 дошло до того, что русская власть сама наложила на себя руки. Поляки, до страсти любящіе титулы, чины и ордена, при Паскевичѣ служили для нихъ и ожидали ихъ какъ манны небесной. Они были, если не совсѣмъ пре-

данные, то все-таки усердные слуги,—кто изъ за средствъ къ жизни, кто за чины, кто за мундиръ и крестикъ. Вдругъ само правительство уничтожаетъ всѣ чины въ Польшѣ, — и тѣ же самые чиновники, годъ назадъ ревностные помощники русской власти, дѣлаются ея врагами, подписываютъ адресы, участвуютъ въ демонстраціяхъ. Кто-же какъ не преемники Паскевича подготовили матеріалъ для возстанія?

Первые четыре года управленія князя Горчакова возстаніе созрѣвало въ департаментахъ и канцеляріяхъ, и ждало только случая выйдти, въ видѣ демонстраціи, на улицу, но выйти такъ, чтобы главные вожаки и предводители остались въ сторонѣ. Уже къ началу 1860 года многое было готово. Отцы и матери уже выучили дѣтей пѣть революціонные гимны, ненавидѣть москалей, мечтать о воскресеніи отчизны. Для первой попытки проявить это въ осязательной формѣ, воспользовались похоронами вдовы коменданта укрѣпленія Воли, убитаго въ 1831 году. Ее хоронили на мѣстѣ боя, обращеннаго въ кладбище, гдѣ школьники, во время этихъ похоронъ, публично издѣвались надъ могилами русскихъ. Съ этихъ поръ агрономическое общество, съ своимъ предсѣдателемъ Замойскимъ, стало во главѣ безпорядковъ и начало пріучать населеніе къ своимъ распоряженіямъ, обязывая его считать ихъ выше правительственныхъ. Общая распущенность дошла до крайнихъ предѣловъ. За объявленіе мальчишки выговора, заставляли директора училища публично извиняться предъ виновнымъ. Школьники дѣлали все, что вздумаютъ, шумѣли въ театрахъ, устраивали сходки, били стекла, сочиняли подметныя пасквили и прокламаціи. На это приказано было смотрѣть сквозь пальцы, какъ на дѣтскія шалости. И вотъ эти шалости дошли до того, что даже во время пребыванія Государя, его ложу обливаютъ скипидаромъ; ни одна польская дама не является на балъ, данный въ его честь намѣстникомъ, а представитель польской аристократіи и шталмейстеръ русскаго Двора, графъ Потоцкій, осмѣлился проявить явную дерзость. Онъ за годъ пригласилъ Государя на охоту, въ свое богатое помѣстье Вилянова и, живя въ немъ, въ 8-ми верстахъ отъ Варшавы, не пріѣхалъ даже представиться, хотя Императоръ нѣсколько разъ спрашивалъ о немъ. Спустя-же недѣлю, онъ почти ежедневно охотился въ Вилановѣ съ своими пріятелями.

Князь Горчаковъ не только не принималъ никакихъ мѣръ противъ возрастающихъ безпорядковъ, но даже не слушалъ, когда ему докладывали о нихъ. Въ годовщину возстанія 1830 года, академики, школьники и толпы рабочихъ пѣли у костеловъ революціонные гимны, а реальная гимназія, въ полномъ составѣ, служила панихиду по убитымъ въ эту кампанію. За день до годовщины Гроховскаго сраженія, на всѣхъ площадяхъ и улицахъ были наклеены воззванія къ народу, собираться 13 февраля на „Старое мѣсто" и идти мимо замка къ агрономическому обществу, чтобы просить его членовъ подать адресъ о дарованіи конституціи. Бывшій тогда оберъ-полиціймейстеромъ, полковникъ Треповъ, думалъ остановить эту демонстрацію, явился на Старое мѣсто, гдѣ безстрашно вошелъ въ толпу. Мастеровые, видя его энергію, начали-было расходиться, но академики и ученики школъ, съ палками, съ зажженными факелами и значками съ польскимъ орломъ, направились къ замку. Прискакавшій эскадронъ жандармовъ преградилъ имъ дорогу, но не употребилъ оружія, не смотря на то, что бунтующіе били лошадей и бросали камни. Къ утру слѣдующаго дня былъ распущенъ слухъ, что на Старомъ мѣстѣ были убитые. Варшава немедленно облеклась въ трауръ, и начались оскорбленія офицеровъ и тѣхъ русскихъ дамъ, которыя не надѣли траура. Все это творилось среди бѣлаго дня и проходило безнаказанно. Вчерашнія демонстраціи повторились и 14-го числа. Толпы народа, имѣя во главѣ тѣхъ же подстрекателей, несшихъ портретъ арестованнаго сапожника Колинскаго, не смотря на останавливающихъ ихъ казаковъ, успѣли дойти до костела Бернардиновъ, изъ котораго выносили тѣло умершаго чиновника. Кто-то крикнулъ: „Хоронятъ жертву, павшую вчера за отечество"! Въ казаковъ моментально полетѣли комья грязи и камни; они отбивались нагайками, но вскорѣ получили приказаніе отступить. Въ это время генералъ Заболоцкій случайно проходилъ изъ замка въ Примасовскій палацъ. Увидѣвъ раненыхъ казаковъ, онъ взялъ изъ палаца роту солдатъ и повелъ ее переулкомъ на Краковское предмѣстье, чтобы пресѣчь толпѣ путь къ агрономическому обществу. Толпа съ криками, будто казаки изломали крестъ, который несли передъ гробомъ, начала бросать въ солдатъ камни, а изъ домовъ ихъ обливали помоями. Получивъ ударъ камнемъ въ плечо и голову, Забо-

лоцкій не выдержалъ и приказалъ головному полувзводу дать залпъ. Пять человѣкъ было убито и 15 ранено. Народъ подхватилъ ихъ и разбѣжался.

Когда въ замкѣ услышали выстрѣлы, князь Горчаковъ до-того растерялся, что приказалъ немедленно убрать роту и казаковъ съ площади. Видя это, толпа съ криками: „убиваютъ нашихъ братьевъ"! бросилась съ начала къ агрономическому обществу, а оттуда, съ его членами, въ Европейскую гостинницу, гдѣ въ большой залѣ были уже положены, для общаго поклоненія, тѣла убитыхъ. Здѣсь, среди притворныхъ рыданій, произносились самыя возмутительныя рѣчи, исполненныя всевозможныхъ ругательствъ противъ правительства. Тутъ-же составлялся адресъ Государю, и избрана была депутація для представленія его намѣстнику.

Князь Горчаковъ не только принялъ депутацію, не только выслушалъ самые нахальныя ея требованія, но согласился на слѣдующее: 1) Похоронить убитыхъ со всевозможными почестями; 2) учредить временное управленіе городомъ, съ передачею его во власть делегатовъ, и съ тѣмъ, чтобы полиція и войска не показывались на улицахъ; 3) дозволить депутаціи ѣхать въ Петербургъ; 4) вмѣсто полковника Трепова назначить оберъ-полиціймейстеромъ маркиза Паулуччи и немедленно освободить всѣхъ арестованныхъ.

Съ этого момента русская правительственная власть могла считаться упраздненною. Ея замѣнила диктаторская власть Андрея Замойскаго, безъ согласія котораго уже ничего не предпринималось намѣстникомъ.

„Не приведи Богъ,—говоритъ очевидецъ этихъ событій,—русскаго человѣка видѣть другой разъ въ жизни зрѣлище, унижающее до такой степени имя русское".

Трудно даже понять, чтобы власть, опирающаяся на стотысячную армію, съ 4-мя крѣпостями, и на преданное правительству крестьянское населеніе, могла упасть до такой степени. Но это еще не все. По полученіи отвѣтнаго на адресъ рескрипта отъ Государя, князь Горчаковъ потребовалъ къ себѣ депутацію, и когда прочелъ ей полученный отвѣтъ, то Замойскій осмѣлился сказать ему:

„Мы принимаемъ эти уступки, но онѣ для насъ недостаточны".

— Примите ихъ на время, а тамъ увидимъ,—проговорилъ растерявшійся старецъ.

Особенно не понравилось полякамъ слѣдующее мѣсто рескрипта:

„Я прочелъ представленный вами адресъ. Я долженъ бы былъ считать его за ничто и какъ-бы до меня недошедшимъ, потому что нѣсколько лицъ, подъ предлогомъ безпорядковъ, произведенныхъ на улицѣ, осмѣлились присвоить себѣ право, по собственному произволу, осуждать и останавливать правительственныя распоряженія. Но я хочу видѣть въ этомъ только увлеченіе".

На это въ польскомъ клубѣ, гдѣ засѣдалъ Паулуччи съ 24-мя членами делегаціи, управлявшей Варшавою, кричали: „Не нѣсколько лицъ, а весь польскій народъ скромно и благородно (sic) заявляетъ передъ Европой, какъ тягостно для него русское иго".

Совершившееся въ Варшавѣ быстро перенеслось въ провинцію: въ Люблинѣ, въ Кѣльцахъ, въ Радомѣ, въ Калишѣ и Плоцкѣ повторялось то же самое.

Вслѣдствіе настояній изъ Петербурга, намѣстникъ наконецъ рѣшился, 6 апрѣля 1861 года, объявить о закрытіи агрономическаго общества. На другой же день, какъ-бы въ отместку за это, поляки сняли съ зданія земскаго кредитнаго общества государственный гербъ и замѣнили его польскимъ орломъ. Совершивъ ругательство надъ эмблемою правительственной власти, толпы направились къ дому Замойскаго, вызвали его на балконъ, апплодировали его рѣчи и вмѣстѣ съ нимъ пошли къ замку. Тамъ караульная рота вышла на площадь Сигизмунда. Самъ намѣстникъ на конѣ, окруженный своимъ штабомъ, выѣхалъ уговаривать народъ разойтись. Раздался смѣхъ и свистки: „Мы на своей землѣ—кричали ему изъ толпы; отправляйся самъ домой, а мы не отступимъ, пока не уберешь солдатъ".—Уѣхалъ намѣстникъ, отошла и рота. Народъ съ хохотомъ разбрелся по улицамъ.

На слѣдующій день повторилось то же самое, только въ большихъ размѣрахъ. Два раза рота выходила изъ воротъ замка на площадь, два раза жандармамъ приказано было аттаковать толпу рысцой, не смѣя обнажать сабель; три раза били въ барабанъ, а чиновникъ полиціи предлагалъ разой-

тись. На всю эту комедію князь Горчаковъ смотрѣлъ изъ окна своего кабинета и на всѣ просьбы о рѣшительныхъ мѣрахъ отвѣчалъ отказомъ, даже и тогда, когда въ войска сдѣланъ былъ выстрѣлъ. Но взводъ, стоявшій противъ Сенаторской улицы, отвѣтилъ на него залпомъ. Толпа ринулась назадъ, мокая платки въ крови раненыхъ. Въ этотъ самый моментъ изъ Бернардинскаго костела показась процессія, а другая выступила изъ улицы Фрета, съ пѣніемъ: „Спаси насъ, Боже, отъ поганыхъ". На роту и жандармовъ посыпались камни, а чернь съ криками напирала на нихъ, пустивъ въ ходъ палки и зонтики. Наконецъ генералу Хрулеву удалось уговорить намѣстника дать письменное приказаніе дѣйствовать оружіемъ. Тогда одновременно грянуло 4 залпа по улицамъ: Краковскому предмѣстью, Сенаторской, Фрета и Святоянской, и данъ сигналъ для общей тревоги. Взвились ракеты, раздались выстрѣлы изъ орудій цитадели, но толпы уже бросились ранѣе ихъ по разнымъ направленіямъ, такъ что черезъ 5 минутъ на полверсты отъ замка не было ни одного человѣка и только вызванные по тревогѣ полки и батареи спѣшили на назначенные имъ пункты. Куда дѣвались делегаты, ажитаторы, ксендзы съ крестами и школьники,—всѣ исчезли. Революція съ улицы спряталась въ дома, гдѣ работала съ тѣхъ поръ тайно, подготовляя убійцъ изъ-за угла и собирая „офяры", для вооруженнаго возстанія. Съ нимъ-то и пришлось намъ раздѣлываться, но уже не въ Варшавѣ, а въ лѣсахъ и трущобахъ.

Но прежде чѣмъ говорить объ этой расправѣ, отвѣтимъ на вопросъ: почему такъ долго длилось терпѣніе правительства и почему оно не пресѣкло безпорядковъ въ самомъ ихъ началѣ?

Отвѣтимъ на это со словъ человѣка, основательно изучившаго польскій вопросъ, и повергавшаго свои выводы на Высочайшее воззрѣніе, слѣдовательно все, что говорилось имъ, раздѣлялось самимъ Государемъ.

Первою мыслію Императора Александра II, относительно Польши, было прощеніе и забвеніе прошлыхъ ея грѣховъ, расширеніе ея правъ, развитіе въ самостоятельномъ направленіи ея государственныхъ и земскихъ учрежденій,—словомъ, поляки могли ожидать отъ него полной автономіи. Послѣдовалъ рядъ реформъ; эмигранты, получившіе прощеніе, возвратились на родину и тотчасъ же начали свою подпольную ра-

боту. Герценъ съ своимъ „Колоколомъ" явился къ нимъ на подмогу, и революціонная пропаганда стала проникать не только въ коренную Польшу и въ ополяченный Западный край, но даже въ коренную Россію, гдѣ успѣху происковъ способствовалъ наплывъ моднаго въ то время псевдо-либерализма. Поляки вездѣ искали и вербовали разными путями себѣ сочувствователей. Клерикалы и магнаты, Чарторижскій и Замойскій, стали во главѣ движенія, работая въ его пользу деньгами и связями. Такимъ образомъ искра была заброшена, стоило только раздувать ее. Нужно было подготовить общество и вкоренить въ немъ убѣжденіе, что только революція можетъ дать Польшѣ всѣ блага, а для этого надо было прежде всего перепортить молодежь, прикрыть свои замыслы уличными безпорядками и принудить правительство къ репрессивнымъ мѣрамъ, чтобы прокричать передъ Европой, о неслыханномъ варварствѣ и жестокостяхъ русскихъ. Вотъ повода-то къ этому и не желало дать правительство, а потому, надѣясь не образумятся ли поляки сами, оно было терпѣливо до слабости.

Послабленія молодому поколѣнію и его испорченность дошли до крайнихъ предѣловъ. Сыновья чиновниковъ участвовали въ кошачьихъ концертахъ, даваемыхъ ихъ отцамъ, которыхъ величали въ глаза „zdrajcami ojzysny" (злодѣями отечества) и даже приговаривали ихъ къ смертной казни. Недоростки сдѣлались законодателями. Государь не зналъ и половины того, что совершалось. Его успокоивали, донося будто бы все ограничивается продѣлками школьниковъ и городской черни, что нѣтъ ничего серьезнаго. Вдали отъ событій, зная о нихъ только изъ донесеній, Императоръ вѣрилъ, что Польша можетъ успокоиться, если убѣдится въ его добрыхъ намѣреніяхъ. Въ этомъ духѣ онъ и отвѣчалъ на дѣлаемыя представленія, хотя иногда и требовалъ большей рѣшительности.

По смерти князя Горчакова, намѣстникомъ царства былъ назначенъ генералъ-адъютантъ графъ Ламбертъ. Назначенія его никто не ожидалъ, да и предвидѣть его было трудно. Относительно еще весьма молодой, только что сдавшій полкъ генералъ, католикъ, человѣкъ весьма образованный и гуманный, Ламбертъ обладалъ всѣмъ, кромѣ того, что нужно было въ то время для Польши, а именно: силы воли, настойчивости и твердости характера, да еще крѣпкихъ нервовъ. Выжи-

дая и приглядываясь къ новому начальнику края и къ его мѣрамъ, поляки въ началѣ его управленія какъ-будто притихли. Явно враждебныхъ выходокъ не было, манифестаціи ограничивались духовными процессіями, пѣніемъ гимновъ и трауромъ. Какъ-бы въ награду за это, графъ Ламбертъ сталъ хлопотать о замѣнѣ немногихъ, остававшихся еще при должностяхъ русскихъ чиновниковъ и губернаторовъ поляками, объ учрежденіи въ Варшавѣ отдѣльнаго государственнаго совѣта, о преобразованіи полиціи и снятіи военнаго положенія. Достаточно было слуховъ объ этомъ, чтобы подпольная работа усилилась.

Съ временемъ назначенія Ламберта совпала смерть варшавскаго генералъ-губернатора Панютина. Вмѣсто него былъ назначенъ дежурный генералъ и директоръ инспекторскаго департамента генералъ-адъютантъ Герштенцвейгъ. Это была личность совершенно иныхъ взглядовъ на средства противодѣйствія крамолѣ, чѣмъ Ламбертъ. Вскорѣ новому генералъ-губернатору удалось напасть на нить обширнаго, администрованнаго заговора, имѣвшаго цѣлью вооруженное возстаніе. Нѣсколько арестовъ дали возможность узнать имена всѣхъ руководителей и агентовъ подпольнаго правительства, принявшаго громкое названіе „народоваго ржонда“; узнаны были мѣста, гдѣ заготовляется оружіе, гдѣ его склады. Герштенцвейгъ, послѣ многихъ усилій, успѣлъ убѣдить намѣстника дать разрѣшеніе арестовать заговорщиковъ, и въ одну ночь ихъ было доставлено въ цитадель до трехъ сотъ человѣкъ. „По мѣрѣ того какъ приводили и привозили ихъ,—говорилъ мнѣ комендантъ цитадели Ермоловъ, сердце радовалось, потому что я видѣлъ между ними всѣхъ корифеевъ и вожаковъ бывшихъ безпорядковъ, многихъ помѣщиковъ, извѣстныхъ за самыхъ ярыхъ противниковъ правительства. Узнавъ объ этомъ арестованіи— продолжалъ комендантъ, всѣ русскіе и здравомыслящіе поляки обрадовались, думая, что насталъ конецъ тому убійственному напряженію, въ которомъ всѣ находилась уже 3 года, конецъ тѣмъ оскорбленіямъ, которыя мы переносили“.

Не прошло и двухъ дней, какъ графъ Ламбертъ, не предваря Герштенцвейга, приказалъ освободить всѣхъ арестованныхъ. Подобный поступокъ намѣстника не могъ не оскорбить честнаго и преданнаго долгу генералъ-губернатора. Думая до-

биться отмѣны пагубнаго приказанія, Герштенцвейгъ бросился въ замокъ, но встрѣтилъ отказъ. Тогда между нимъ и Ламбертомъ, глазъ на глазъ, въ запертомъ на ключъ кабинетѣ, произошла бурная сцена. Въ чемъ именно состояла она—никто знать не могъ, но прибывшіе съ утренними рапортами, комендантъ князь Бебутовъ и другія лица говорили потомъ, что долго слышали въ кабинетѣ горячій споръ, то затихавшій, то доходившій до криковъ, наконецъ все затихло, щелкнулъ дверной замокъ, и Герштенцвейгъ, блѣдный какъ полотно, прошелъ черезъ пріемную, тихо сказавъ начальнику жандармскаго округа Купинскому: „все потеряно, я умываю руки".

Такимъ образомъ, въ то время когда произносившій эти слова уже мысленно обрекалъ себя на жертву за свою честь и преданность долгу,—въ это самое время изъ цитадели выпускали на свободу членовъ „народоваго ржонда", будущихъ „довудцевъ бандъ", кинжалистовъ, жандармовъ-вѣшателей, убійцъ, посягавшихъ потомъ на жизнь двухъ намѣстниковъ.— Черезъ два часа Герштенцвейгъ пустилъ въ себя пулю и черезъ нѣсколько дней умеръ.

Бывшій въ этотъ день дежурнымъ при немъ адъютантъ разсказывалъ, что генералъ возвратился изъ замка совершенно спокойный, приказалъ принять за него просителей, потомъ снова позвалъ его, говорилъ, что усталъ и ложится отдохнуть, о чемъ просилъ предварить семейство, дабы никто не входилъ къ нему, и наконецъ сказалъ: „возьмите мою коляску и можете ѣхать домой". Адъютантъ, желая просмотрѣть поданныя прошенія и помѣтить ихъ, нѣсколько замѣшкался. Вдругъ онъ слышитъ какъ бы отдаленный глухой выстрѣлъ и вслѣдъ затѣмъ въ кабинетѣ что-то стукнуло, точно нѣчто твердое упало на полъ. Вбѣжавъ въ кабинетъ онъ увидѣлъ Герштенцвейга стоящимъ у окна, безъ галстука, и на полу небольшой револьверъ.

„Это нечаянно,—твердо проговорилъ онъ, держа окровавленный платокъ у головы,—это пройдетъ; дайте мнѣ полотенце".

Исполнивъ это, адъютантъ бросился за докторами, но всѣ ихъ старанія не могли спасти это вѣрнаго и честнаго слуги Государя.

Управленіе графа Ламберта длилось всего нѣсколько мѣся-

цовъ, но и ихъ было достаточно для того, чтобы не улучшить, а ухудшить положеніе русскаго дѣла въ царствѣ. При Горчаковѣ поляки потѣшались уличными безпорядками, пуская ихъ, какъ говорится, во всю; при Ламбертѣ имъ данъ былъ полный просторъ организовать будущее возстаніе, приготовить для него средства, вести пропаганду за границею и пріобрѣсти тамъ сочувствіе. Разстроенное здоровье заставило графа просить увольненія. Изъ Варшавы онъ уѣхалъ сначала въ Италію, а потомъ на островъ Мадеру, откуда уже не возвращался. Послѣ Ламберта должность намѣстника временно исправлялъ военный министръ Сухозанетъ, а потомъ былъ назначенъ генералъ-адъютантъ графъ Лидерсъ. Человѣкъ чисто военный, вполнѣ вѣрящій въ мощь русской силы, онъ смотрѣлъ на польскія продѣлки съ безпечностію барина, сознававшаго, что стоитъ ему мигнуть — и всѣ эти диктаторы, члены ржонда и пропаганды полетятъ кувыркомъ. Поэтому онъ жилъ въ Варшавѣ, среди военнаго общества, очень весело, съ сознаніемъ своей силы и съ полнымъ презрѣніемъ къ польской справѣ. При немъ были возобновлены слѣдующія мѣры: 1) запрещены сборища на улицахъ; 2) приказано при сопротивленіи употреблять оружіе; 3) въ губернскіе города назначены особые воинскіе начальники, съ бо́льшими полномочіями; 4) закрытъ польскій ресурсъ (клубъ); 5) воспрещено вечеромъ выходить на улицу безъ фонаря; 6) всѣ кофейни, шинки, огрудки и вообще публичныя заведенія приказано закрывать въ 8 ч. вечера; 7) запрещено носить трауръ, чамарки, конфедератки, кунтуши, бѣлые орлы, сломанные крестики и проч., а въ магазинахъ выставлять траурныя принадлежности; 8) закрыты оружейные магазины и мастерскія и 9) закрыта городская почта.—Чтобы прекратить все еще случавшіяся въ костелахъ манифестаціи, приказано арестовывать поющихъ тамъ революціонные гимны. Въ отвѣтъ на это, католическое духовенство закрыло церкви, а заграничная печать на всѣ лады повторяла крики поляковъ, что русскіе оскверняютъ храмы и оскорбляютъ ихъ религію.

Въ то время какъ первые мѣсяцы 1862 года проходили въ Варшавѣ безъ нарушенія вышепоименованныхъ мѣръ, въ Петербургѣ работалъ для Польши, одинъ изъ хитрѣйшихъ ея людей, маркизъ Велепольскій. Заручившись всевозможными

знакомствами и связями, онъ такъ ловко умѣлъ провести свой взглядъ на совершавшіяся въ Варшавѣ событія въ высшія сферы столицы, что многія, изъ вліятельныхъ лицъ того времени, готовы были оправдывать поляковъ, находить въ ихъ вопросѣ много весьма натуральнаго, вытекающаго изъ историческаго хода жизни и проч. Узнавъ о предстоящемъ назначеніи вмѣсто раненаго въ Саксонскомъ саду Лидерса, Великаго князя Константина Николаевича, Велепольскій увѣрялъ, что стоитъ его высочеству ступить на польскую землю, какъ вся Польша будетъ у его ногъ. Рѣдкое умѣнье представить будущее въ розовомъ цвѣтѣ, чего только и желали, привело Велепольскаго къ тому, что онъ возвратился въ Варшаву съ титуломъ начальника гражданскаго управленія царства. Послѣдствія показали, что маркизъ только мягко сталъ, но спать на его обѣщаніяхъ было жестко. Слѣдствіе по дѣлу покушенія на жизнь Великаго князя показало, что Польша не только не была у его ногъ, но уже при выходѣ его изъ вагона существовалъ умыселъ убить его; преступникъ потомъ сознался, что не привелъ тогда въ исполненіе своего намѣренія только потому, что его высочество шелъ вмѣстѣ съ Великой княгиней.

Маркизъ Велепольскій оказался въ Варшавѣ совершенно инымъ, чѣмъ старался казаться въ Петербургѣ. Получивъ то, чего добивался, изъ человѣка заискивающаго онъ обратился въ крайне надменнаго. Онъ вообще былъ несимпатиченъ по своей физіономіи и наружности; но когда къ этому присоединилось чванство и отсутствіе той вѣжливости, которая составляетъ достоинство людей высшихъ оффиціальныхъ сферъ, то производимое имъ впечатлѣніе было далеко не въ его пользу. Въ отношеніи вновь прибывшихъ въ Варшаву старшихъ войсковыхъ начальниковъ Велепольскій держалъ себя чѣмъ-то вродѣ представителя иностранной державы. На сдѣланные ему полковыми командирами визиты, которыхъ, строго судя, они могли и не дѣлать, онъ не отвѣтилъ, а вмѣсто того прислалъ имъ, какъ какой нибудь посланникъ, извѣщенія на французскомъ языкѣ, что онъ бываетъ дома по понедѣльникамъ, отъ 9 часовъ вечера. Весьма понятно, что послѣ этого на его рауты являлись только тѣ космополиты, для которыхъ безразлично, гдѣ бы ни было, лишь бы провести вечеръ въ обществѣ. По-

томъ не разъ намъ случалось видѣть Велепольскаго въ замкѣ, говорящимъ съ почтенными генералами, а иногда и повыше съ кѣмъ, съ заложенными подъ фалды фрака или всунутыми въ карманы шароваръ руками. Можетъ быть маркизъ стѣснялся отдавать визиты потому, что ѣздилъ постоянно съ конвоемъ жандармовъ. По этому поводу произошелъ такой случай. Одинъ изъ только прибывшихъ молодыхъ офицеровъ, выйдя при разъѣздѣ на дворъ замка, видитъ карету, окруженную жандармами; и спрашиваетъ одного изъ нихъ:

— Чья эта карета?

— Изъ Брюловскаго дворца, ваше-благородіе, — отвѣчаетъ жандармъ.

— Зачѣмъ вы ее конвоируете?

— Доподлинно не знаемъ; должно статься къ допросу возимъ.—Другой жандармъ прибавляетъ къ этому:

— Да вотъ ужъ который мѣсяцъ возимъ, допрашиваютъ, допрашиваютъ, а все рѣшенья не выходитъ.

Только въ концѣ управленія Велепольскимъ гражданскою частью, поляки поняли, что имъ не слѣдовало вооружаться противъ него, такъ какъ цѣль ихъ была одна и та же, съ тою разницею, что то, чего они хотѣли добиться разомъ и съ шумомъ, онъ достигъ бы, съ большею прочностію, исподоволь. Хотя въ началѣ дѣятельности маркиза и было сдѣлано противъ него покушеніе, но потомъ напрасно такъ заботливо охраняли его; никто бы его не тронулъ. Когда Велепольскій, въ Августѣ 1863 года, отправлялся за границу, то данный ему экстренный поѣздъ конвоировалъ цѣлый баталіонъ. На вопросъ начальника: „благополучно ли маркизъ доставленъ до границы“?—баталіонный командиръ отвѣчалъ:

— Вышло, что не мы его конвоировали, а онъ насъ. На всѣхъ станціяхъ, выйдя изъ вагона, онъ преспокойно разгуливалъ по платформѣ среди пановъ и шляхты, съѣхавшихся изъ окрестностей поклониться ему. Однимъ онъ жалъ руки, съ другими, отойдя въ сторону, шептался, третьихъ бралъ съ собою въ вагонъ, до слѣдующей станціи.

Придя въ Варшаву, мы нашли ее по наружности довольно покойною, но видимо чѣмъ-то озабоченною и какъ будто что-то замышлявшую. Всѣмъ было извѣстно о существованіи подземнаго революціоннаго правительства, распространившаго ни-

ти по всему царству. Почти ежедневно подкидывались прокламаціи возлѣ казармъ, появлялись между газетами ресторановъ и цукеренъ, всовывались незамѣтно въ карманы офицерскихъ пальто. Громадное большинство польскаго общества было подъ вліяніемъ революціоннаго центральнаго комитета. Было пущено въ ходъ множество разныхъ нелѣпостей объ измѣнѣ въ войскахъ, постоянно оскорбляемыхъ въ предшествовавшіе годы. Польскій вопросъ какъ будто бы начиналъ интересовать Европу, а лондонская печать Герцена и компаніи представляла распаденіе Россіи неизбѣжнымъ, бросая грязью въ лучшихъ ея дѣятелей. Не проходило дня, чтобы наши солдаты не представляли начальству находимыя ими повсюду прокламаціи. Вотъ что писалъ по этому поводу одинъ изъ свидѣтелей происходившаго въ Варшавѣ, въ своихъ замѣткахъ:

„Нельзя не удивляться уживчивости русскаго человѣка съ кѣмъ угодно, даже съ поляками. Взгляните на нашего солдата, стоящаго въ деревнѣ или въ мѣстечкѣ какой либо польской губерніи. Мѣсяца черезъ два по приходѣ изъ Россіи, они уже кое-какъ „мувятъ по польску“, услуживаютъ хозяину и хозяйкѣ, работаютъ для нихъ, няньчатъ дѣтей. Но скажите этому солдату: „Полякъ бунтуетъ противъ Царя“—и конецъ всякой дружбѣ. Тогда уже придется того-же солдата удерживать, чтобы онъ не черезъ-чуръ поусердствовалъ, вразумляя своихъ хозяевъ штыкомъ или прикладомъ, что бунтовать нельзя“.

Однажды солдатъ поднялъ прокламацію и принесъ ее офицеру.

— Чтожъ ты читалъ эту грамотку? спрашиваетъ офицеръ.

— Читалъ, ваше благородіе.

— Что-жъ тутъ написано?

— Писано, чтобы мы васъ не слушали.

— Ну такъ что-же?

— Да кабы мы, ваше благородіе, васъ не слушали, такъ давно бы всѣхъ ляховъ передушили.

Подметныя воззванія, одно другаго нелѣпѣе, имѣли цѣлью не одно совращеніе войскъ съ пути долга и вѣрности престолу, но въ нихъ велась рѣчь о полной самостоятельности Польши, съ конституціею въ предѣлахъ 1792 года. Требованія эти выражались съ нахальствомъ и находили поддержку нетолько въ иностранной печати, но и въ средѣ французскаго, англійскаго

и австрійскаго правительствъ, которыя въ своихъ нотахъ уже начинали пѣть въ тонъ польской подпольной справѣ.

Среди полнаго разгара агитаторской дѣятельности „народнаго ржонда“, снабженный обширными уполномочіями на льготы, реформы и привилегіи, прибылъ въ Варшаву Великій князь Константинъ Николаевичъ, и на другой же день по прибытіи былъ встрѣченъ выстрѣломъ. Покушеніе было произведено 22 іюня, при выѣздѣ изъ театра, когда онъ садился въ коляску. Совершилъ его подкупленный подмастерье портнаго. Подойдя къ экипажу, съ той стороны гдѣ садился его высочество, злодѣй протянулъ руку съ прошеніемъ. Великій князь нагнулся, чтобы взять бумагу, какъ раздался выстрѣлъ изъ прикрытаго прошеніемъ револьвера. Къ счастію, Константинъ Николаевичъ былъ въ эполетахъ. Пуля, пробивая кисти, измѣнила направленіе и, скользнувъ по ключицѣ, ранила ее, но не пробила кости.

Такимъ образомъ братъ Императора, присланный показать полякамъ его великодушіе, преисполненный самыхъ благихъ намѣреній, первымъ пролилъ свою кровь за русское дѣло. Какъ потомъ за то же дѣло потекла кровь присланныхъ въ Польшу войскъ, — будетъ сказано въ слѣдующихъ главахъ моихъ воспоминаній.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

1862—1863.

Первые дни въ Варшавѣ.—Пріемъ частныхъ приставовъ.—Осмотръ полковыхъ помѣщеній Великимъ Княземъ.—Спускъ лодки.—Мѣры предосторожности.—Рауты въ замкѣ.—Полиція того времени. — Рекрутскій наборъ въ городѣ и въ губерніяхъ.—Начало вооруженнаго возстанія.—Тревога въ Кѣльцахъ.—Генералъ Ченгеры.—Ночное нападеніе въ Бондзентинѣ.—Плѣнъ русскаго офицера у Лангевича. — Освобожденіе.— Экспедиція полковника барона Корфа —Тайна его самоубійства.—Фальшивыя тревоги въ Варшавѣ.—Весеннія экспедиціи и плѣнные.—Начало преобразованій въ арміи.—Пріѣзжіе изъ Петербурга.—Новый способъ инспектированія.—Графъ Бергъ, помощникъ главнокомандующаго.—Эпизодъ изъ его жизни.

Въ предшествовавшей главѣ было упомянуто, какъ непривѣтливо встрѣтила Варшава вступившую въ нее 3-ю гвардейскую пѣхотную дивизію. Впрочемъ мы ничего другаго и не ожидали, да и не приняли бы, послѣ всего, что было сдѣлано поляками въ послѣдніе три года; но мы въ правѣ были ожидать, что будетъ, по крайней мѣрѣ, приложено побольше заботы, хотя къ сносному размѣщенію офицеровъ. Тѣснота, неудобства и неисправность помѣщеній доходили до того, что оставалось удивляться, какимъ образомъ армейскія войска могли переносить ихъ, не протестуя. Только благодаря участію Великаго князя Константина Николаевича и его вниманію къ прибывшимъ полкамъ, они получили необходимое; и то въ декабрѣ мѣсяцѣ нижніе чины обѣдали еще на дворѣ.

Чтобы не отступать отъ принятаго мною порядка излагать разсказываемое въ хронологическомъ порядкѣ, начинаю съ первыхъ дней нашего пребыванія въ Варшавѣ.

Немедленно по прибытіи надо было явиться помощнику

главнокомандующаго, коменданту и въ штабъ округа. Не бывши до того въ Варшавѣ, пришлось долго разыскивать ихъ, такъ какъ ни я, ни мой кучеръ не знали города и польскаго языка; тѣ же изъ проходящихъ, къ которымъ мы обращались по-русски, съ видимымъ озлобленіемъ отворачивались, не обращая вниманія на наши вопросы, а стоявшіе на каждомъ перекресткѣ полиціанты, оказались крайне безтолковыми. Исполнивъ формальность, т. е. повсюду расписавшись, я возвратился на квартиру, гдѣ засталъ трехъ циркуловыхъ (частныхъ приставовъ) тѣхъ частей, которыя входили во ввѣренный мнѣ 1-й военный отдѣлъ города. Онъ состоялъ изъ самой населенной, тѣсной и грязной мѣстности, начиная отъ Сенаторской улицы до цитадели—на востокъ, и отъ Наливокъ до Вислы—на сѣверъ. Старое мѣсто (рынокъ) окруженное высокими, мрачными домами, узкія, едва пропускавшія свѣтъ улицы, съ массою еще болѣе узкихъ переулковъ, идущихъ къ Вислѣ,—все это представляло грязный лабиринтъ, кишащій всякаго рода народомъ, наполненный мелкими лавченками и самаго нисшаго сорта увеселительными домами. Веселье въ нихъ, по распоряженію подпольныхъ властей, не допускалось, но за то царилъ самый гнусный развратъ. Главные блюстители надзора за порядкомъ въ этомъ раіонѣ и явились ко мнѣ въ лицѣ частныхъ приставовъ, носившихъ названіе циркуловыхъ. Двое изъ нихъ были люди среднихъ лѣтъ, третій—сѣдой старикъ, типъ стараго служиваго, съ Станиславомъ и Анной въ петличкѣ. Его угрюмый взглядъ представлялъ совершенный контрастъ съ веселыми и плутоватыми физіономіями его коллегъ. Спросивъ ихъ фамиліи и кто какимъ циркуломъ управляетъ, я задалъ имъ общій вопросъ: все ли у нихъ въ настоящую минуту благополучно?—Всѣ трое сначала промолчали, но два первые, переглянувшись, почти въ одно время проговорили:

— Неразумемъ, пане генерале, по-русску, отвѣчали польскіе чиновники русской службы.

Пристально оглядѣвъ ихъ, я сказалъ:

— А я не разумѣю по-польски и предваряю васъ, что если вы еще разъ попробуете не понимать меня, то я приму мѣры, чтобы на ваши мѣста были назначены такіе, которые понимають по русску. Это вы поняли?

— Такъ точно, ваше превосходительство.

— Больше, покуда не выучитесь, — продолжалъ я — мнѣ разговаривать съ вами нечего, да и некогда; можете идти. А вы — прибавилъ я, обращаясь къ старику,—подождите:

Оставшись вдвоемъ, я разспросилъ его о прежней службѣ, и узнавъ, что онъ былъ лично извѣстенъ князю Паскевичу, спросилъ:

— Въ какой мѣрѣ можно разсчитывать на спокойствіе вашего циркула и какой въ настоящую минуту духъ народонаселенія вообще?

— Ваше превосходительство, — отвѣчалъ старикъ ясно и отчетливо по русски, хотя съ сильнымъ польскимъ акцентомъ,—нехорошо теперь.

— Отчего же и въ чемъ именно нехорошо?

— Волю дали всякому хлопу, всякому лобусу (оборванцу). Ничего бы не было, если-бы въ тотъ часъ, якъ пана полковника Трепова на Старомъ мѣстѣ зашибли, велѣли бы человѣкъ 50 на площади козакамъ нагайками высѣчь. Мувятъ—„революцію зробимъ". Какая-то была революція? Сапожническая она была! а теперь, какъ всѣ къ ней пристали, да силу взяли, стала шляхетская; теперь ничего не подѣлаешь.

— Ну, это вздоръ, подѣлаемъ. А вамъ надо смотрѣть въ оба чтобы не произошло вновь уличныхъ безпорядковъ, чтобы все, что приказывается начальствомъ, исполнялось;

— Слушаю, буду смотрѣть, проговорилъ старикъ уныло.

— Но ручаетесь ли вы, что безпорядки не повторятся?

— Какъ я могу ручаться,—уже дрожащимъ голосомъ продолжалъ онъ. Я 20 лѣтъ служилъ нашему Цессаржи (Императору), при князѣ Паскевичѣ, и тогда за все бы поручился, а теперь (въ эту минуту у него выступили слезы) за родного сына не поручусь. Былъ у меня единый сынъ, добрый хлопецъ, и того матка да ксендзъ съ толку сбили, изъ гимназіи ушелъ за-границу. Если за дѣтей нельзя ручаться, то какъ я поручусь за другихъ.

Мнѣ стало жаль бѣднягу. Отпуская его, я приказалъ давать мнѣ знать при первомъ признакѣ волненія или скопленія народа.

При всемъ желаніи скорѣе ознакомиться съ Варшавой, это было довольно трудно, потому что все, маломальски свободное время уходило на устройство полка, да и отлучаться изъ сво-

его отдѣла было неудобно, тѣмъ болѣе, что въ немъ находился замокъ, въ которомъ жилъ Великій князь. Хотя тамъ, кромѣ караульной роты, былъ размѣщенъ баталіонъ Волынскаго полка и былъ отдѣльный комендантъ, я, какъ начальникъ отдѣла, все-таки несъ бы нравственную отвѣтственность, если бы что случилось. Только недѣли черезъ двѣ я рѣшился впервые посѣтить русскій клубъ, пріютившійся въ одномъ изъ небольшихъ домовъ на Краковскомъ предмѣстьи. Объ этомъ клубѣ скажу впослѣдствіи.

Вскорѣ по водвореніи полка въ Сапежинскихъ и Сераковскихъ казармахъ, Великій князь посѣтилъ ихъ, пріѣхавъ въ находившуюся противъ католическую духовную академію. О посѣщеніи его знали заранѣе, а потому я съ офицерами ожидалъ Его Высочества на подъѣздѣ академіи. Здѣсь мнѣ впервые пришлось встрѣтиться и познакомиться, съ назначеннымъ изъ Петербурга на епископское мѣсто въ Варшаву, патеромъ Фелинскимъ, на котораго возлагались особенныя надежды, въ смыслѣ ослабленія фанатизма и благотворнаго вліянія на политическое настроеніе польскаго духовенства. Въ первое время, вліяніе это нѣсколько и обнаружилось тѣмъ, что запертые, со времени арестованія поющихъ революціонные гимны, костелы были открыты и богослуженіе въ нихъ возобновилось. Отрекомендовавшись другъ другу, у насъ завязался съ вышедшимъ на подъѣздъ Фелинскимъ разговоръ, который онъ велъ на самомъ чистомъ русскомъ языкѣ.

— Вы, генералъ, недавно прибыли въ Варшаву?—спрашиваетъ епископъ.

— Всего дней десять, съ гвардейскою дивизіею.

— Какъ это хорошо, что сюда прислали гвардію; можно надѣяться, что съ ея приходомъ, всѣ здѣшнія глупости прекратятся.

— Да, если только гвардія не будетъ поставлена въ то пассивное положеніе, въ которомъ находилась здѣсь армія.

— О, это теперь немыслимо. Поляки кажется сами поняли, что своимъ поведеніемъ дѣлали зло самимъ себѣ. Я такъ благодаренъ Его Высочеству, что онъ согласился посѣтить духовную академію. Пусть эти взбалмошныя головы видятъ, что на нихъ обращено вниманіе. Я надѣюсь, что они поймутъ

и оцѣнятъ это. — Въ это время показался экипажъ Великаго Князя.

Я нарочно привелъ дословно разговоръ съ Фелинскимъ, чтобы читатели видѣли, до чего можетъ дойти лицемѣріе и іезуитство ксендза. Впослѣдствіи оказалось, что Фелинскій, разыгрывая роль преданнаго правительству, былъ однимъ изъ коварныхъ враговъ его, и заплатилъ самою черною неблагодарностью за сдѣланное ему довѣріе. Потомъ я почти каждый четвергъ и воскресенье видѣлъ его на раутахъ въ замкѣ, гдѣ ему было оказываемо, даже Великою княгинею, исключительное вниманіе и почетъ; но не прошло и полгода, какъ, вслѣдъ за казнью ксендза Конарскаго, Фелинскій наложилъ церковный трауръ, запретилъ всякій звонъ въ костелахъ и написалъ дерзкое письмо Намѣстнику, за что и былъ отправленъ на жительство въ Ярославль.

По выходѣ изъ академіи, Великій князь обошелъ и осмотрѣлъ во всей подробности всѣ полковыя помѣщенія. Переходя, въ сопровожденіи офицеровъ, изъ Сапежинскихъ казармъ въ Сераковскія, мы видимъ двухъ рослыхъ, смѣло идущихъ на встрѣчу господъ, одѣтыхъ въ короткія пальто, и въ высокіе сапоги. За нѣсколько шаговъ, они остановились и, прижавшись спинами къ дому, какъ бы выжидали насъ, при чемъ, не снимая шляпъ, довольно нахально смотрѣли на приближающуюся группу. Великій князь шелъ впереди, я лѣвѣе его. Оглянувшись на слѣдовавшихъ за нами офицеровъ, вижу, что они, переглядываясь, указываютъ на незнакомцевъ и въ то же время показываютъ имъ знаками, чтобы сняли шляпы. Тѣ, какъ бы не видя этого, остаются въ прежнихъ позахъ, держа правыя руки въ карманахъ пальто. Кто припомнитъ раненіе графа Лидерса и покушеніе Ярошинскаго,—тотъ пойметъ почему мы приближались къ этимъ господамъ, съ мыслію—какъ бы не случилось чего либо подобнаго. Нѣсколько офицеровъ увеличили шагъ и, дѣлая видъ, что желаютъ лучше слышать то, что говоритъ Великій князь, шедшій серединою улицы, заслонили его собою. Его Высочество, какъ бы ничего не замѣчая (что и могло быть), продолжалъ разспрашивать меня о размѣщеніи полка. Что имѣли въ помыслахъ эти люди, сказать трудно, и кто знаетъ, не были ли они удержаны отъ какого либо намѣренія тѣмъ, что Намѣстникъ шелъ въ со-

провожденіи человѣкъ тридцати офицеровъ, готовыхъ на все.

Осматривая казармы, Великій князь былъ удивленъ, что моя квартира была болѣе похожа на казематъ, нежели на помѣщеніе полковаго командира. Онъ тутъ же приказалъ, сопровождавшему его начальнику инженеровъ, перестроить смежный домъ, гдѣ находилось управленіе полицейскаго циркула, передѣлавъ его подъ офицерскія квартиры. Благодаря этому, черезъ полгода, я имѣлъ превосходное помѣщеніе, устроенное во всемъ согласно съ моими указаніями. Вообще надо сказать, что все, что только возможно было сдѣлать изъ казармъ стариннаго устройства, все было сдѣлано и къ веснѣ помѣщенія войскъ были неузнаваемы.

Мѣсяца черезъ два по переселеніи 3-й дивизіи въ Варшаву, въ нее вступили л.-гв. уланскій Его Величества и Гродненскій гусарскій полки, съ гвардейскою конною батареею, а затѣмъ—2-й гвардейскій стрѣлковый баталіонъ и рота гвардейскаго экипажа, для службы по рѣкѣ Вислѣ. Все это вмѣстѣ составило отдѣльный гвардейскій отрядъ, начальникомъ котораго былъ назначенъ начальникъ 3-й дивизіи, генералъ-адъютантъ баронъ Корфъ. Этотъ почтенный и доброй души генералъ былъ не чуждъ нѣкоторыхъ слабостей, изъ которыхъ выходили иногда презабавные эпизоды. Получивъ подъ команду частицы всѣхъ родовъ войскъ, онъ вообразилъ себя и кавалеристомъ, и артиллеристомъ, и морякомъ. Особенно занимало его то, что ему подчинили роту гвардейскаго экипажа, которою тогда командовалъ капитанъ-лейтенантъ Небольсинъ. Для этой роты устроена была возлѣ цитадели небольшая пристань и мастерская, гдѣ строили лодку. Когда она была готова, Корфъ назначилъ церемоніальный спускъ ея на воду, въ своемъ присутствіи. Какъ это ни казалось страннымъ, но Небольсинъ одѣлъ свою команду въ парадную форму и ждетъ генерала. Послѣ принятія рапорта, баронъ весьма серьезно и съ важнымъ видомъ спрашиваетъ:

Какъ вода?

Вода, ваше превосходительство, ничего.

Какъ ничего, что это значитъ—ничего? еще серьезнѣе вопрошаетъ генералъ. Я васъ спрашиваю какъ вода?

Вода очень хороша, хотя нѣсколько мутна, отвѣчаетъ Небольсинъ.

— Да что вы шутите, что-ли? возвышая голосъ, говоритъ баронъ. Я васъ спрашиваю морскимъ терминомъ, какъ обыкновенно слѣдуетъ адмиралу, и вы должны сказать какъ вода высока, опредѣляя футами и дюймами, дабы я могъ судить можетъ ли судно, не ударяясь о дно, всплыть, а вы мнѣ отвѣчаете—вода мутна.

Небольсинъ назвалъ высоту воды.

— Ну то-то-же.

Затѣмъ пѣхотный адмиралъ воскликнулъ: „Здорово, молодцы моряки", и получивъ громкій отвѣтъ, еще громче скомандовалъ:

„Руби канатъ".

Хотя каната не оказалось, и матросы, отбивъ подпорки, на рукахъ стащили лодку на воду, но почтенный Павелъ Ивановичъ былъ очень доволенъ, что изображалъ адмирала, и первымъ крикнулъ ура! когда поставили флагъ. Шутники разсказывали потомъ, будто Корфъ очень сѣтовалъ, что ему, какъ главному начальнику варшавской флотиліи, не было дано морскаго мундира.

Не менѣе забавный случай произошелъ въ одной изъ ротъ, при посѣщеніи барономъ Корфомъ Повонзковскихъ казармъ. Любя толковать съ солдатами, онъ въ этотъ разъ давалъ имъ такое наставленіе:

„Будьте, ребята, какъ можно осторожнѣе съ поляками, когда бываете въ городѣ, особенно съ польками. Другой, угощая, отравить готовъ, а польки прикинутся ласковыми съ вами, да вы не поддавайтесь; онѣ нарочно станутъ соблазнять васъ, чтобы заразить дурною болѣзнію. Чѣмъ у насъ будетъ больше въ лазаретахъ — тѣмъ имъ лучше. Это они дѣлаютъ изъ патріотизма — слышите?"

— Слушаемъ, ваше превосходительство.

— Вы, братцы, понимаете, что такое патріотизмъ?

— Понимаемъ, ваше превосходительство.

— Что же это такое?

— Дурная болѣзнь, ваше превосходительство!

Это приводится не какъ придуманное ради анекдота, но какъ фактъ, которому еще есть свидѣтели.

Какъ правившій обязанности генералъ-губернатора города и начальника гарнизона, баронъ Корфъ сильно увлекался

возможными мѣрами предосторожности противъ того, чтобы въ Варшавѣ не произошло вооруженнаго возстанія. Можетъ быть это увлеченіе происходило отъ того, что всѣ другіе правительственные органы, какъ-то: полиція и жандармы того времени были вполнѣ равнодушны, да впрочемъ и причинъ особенно безпокоиться не было. Варшава, по наружности, казалась совершенно покойною. Трудно было полякамъ и предпринять что-либо, когда военное положеніе, строго исполняемое, связывало ихъ по рукамъ и по ногамъ. На улицахъ запрещено было останавливаться даже троимъ; съ 7 часовъ вечера всѣ выходящіе изъ домовъ должны были идти съ фонарями, а послѣ 10 часовъ никто не смѣлъ выходить за ворота, не имѣя особаго на это билета отъ начальника гарнизона, или отъ управленія оберъ-полиціймейстера; всѣ ворота приказано было имѣть постоянно запертыми и при калиткѣ—особаго сторожа. Несмотря на это, опасаясь чего-то, войска держались въ постоянномъ напряженіи. Это было тѣмъ досаднѣе, что поляки, пользуясь этимъ, умышленно подкидывали и разсылали безъименныя письма, съ извѣщеніями, что завтра будутъ подожжены такія-то казармы, что послѣзавтра назначается общее возстаніе, что тогда-то замокъ или мостъ черезъ Вислу будетъ взорванъ. Всему этому начальникъ гарнизона вѣрилъ, придавая значеніе, усиливая и безъ того тяжелую службу войскъ.

Не проходило почти дня, чтобы, въ 10 ч. утра или въ 7 вечера, баронъ Корфъ не требовалъ къ себѣ всѣхъ полковыхъ командировъ, для объявленія имъ того или другаго слуха и, сообразно съ нимъ, не приказывалъ бы принимать новыя мѣры. Ежедневно разсылалась въ полки особая секретная диспозиція для сбора войскъ по тревогѣ. Не смотря на то, что на площадяхъ были устроены теплые бараки для нѣсколькихъ ротъ, и въ нѣсколькихъ мѣстахъ день и ночь бивакировали особые караулы, отъ всѣхъ полковъ наряжались многочисленные патрули, обязанные отъ вечерней до утренней зари обходить, по данному маршруту, всѣ улицы и переулки своего участка. Они состояли изъ 8 и болѣе человѣкъ, подъ начальствомъ унтеръ-офицеровъ. По возвращеніи однихъ тотчасъ посылались другіе, такъ что отъ полка выходило разомъ въ обходъ улицъ болѣе роты. Замѣтьте, что это дѣлалось въ городѣ, гдѣ всѣ ворота на запорѣ, гдѣ съ 10 часовъ вечера ни одной души, кромѣ военныхъ, нѣтъ

на улицѣ, гдѣ на каждомъ перекресткѣ полиціанты. Мало этого: въ дни, когда поляки распускали слухъ о какой-либо угрозѣ, патрулямъ было приказано, приближаясь къ углу улицы, взводить курки, дабы они успѣли дать залпъ при нападеніи изъ-за угла. Вѣроятно, наши секреты подъ Плевной и на балканскихъ высяхъ стояли съ меньшею боязнію внезапнаго нападенія, чѣмъ мы, оберегая запертыхъ въ домахъ варшавскихъ обывателей. Наши казармы были обставлены часовыми у всѣхъ воротъ, у всѣхъ выходовъ на внутренній дворъ, на всѣхъ углахъ зданія; иногда же, цѣлыя недѣли, только половина людей въ ротахъ спала раздѣвшись, а другая ложилась обутою, имѣя ружье у бока. Выносить подобное положеніе, зная что даже при князѣ Горчаковѣ достаточно было залпа одного отдѣленія, чтобы вся польская храбрость ушла въ пятки, было крайне тяжело. Можно быть въ нравственномъ напряженіи нѣсколько дней, но ждать чего-то восемь мѣсяцевъ ежечасно, чувствуя свою силу,— хуже всякой войны. Тамъ нервы напряжены за день или за два передъ сраженіемъ, или во время самаго боя, но разъ онъ совершился—человѣкъ отдыхаетъ, спокойный духомъ, а тутъ его постоянно пугаютъ чѣмъ-то воображаемымъ. Всѣ эти подкидыванія разнаго рода страшаній, въ родѣ того, что при сборѣ по тревогѣ улицы будутъ посыпаны остроконечными рогульками, дѣлались съ цѣлью истомить войска. Хорошо, что въ это время въ Варшавѣ ничего не случилось; но если бы произошла хотя малѣйшая вспышка, то было бы страшно трудно удержать солдатъ отъ жестокостей,—до того накипѣло у нихъ на душѣ, отъ напряженныхъ нервовъ и безсонныхъ ночей.

„Эхъ, хоть бы попробовали поганые побунтовать, ужъ мы бы потѣшились",—говорили солдаты между собою. Но поляки только пугали, а были заняты другимъ. Они работали для будущаго, ковали косы, отливали пули и точили ножи, но не въ Варшавѣ, а на казенныхъ заводахъ и на фабрикахъ разныхъ Замойскихъ, Бліоховъ и Кроненберговъ.

Диспозиціи, отдаваемыя для сбора войскъ по тревогѣ, считались секретными, а потому, изъ боязни, чтобы поляки не узнали, ихъ измѣняли ежедневно. Странно было полагать, чтобы то, что пишется въ штабѣ десяткомъ писарей, или литографируется въ полкахъ, могло быть секретомъ, а между тѣмъ безпрерывныя измѣненія маршрутовъ и мѣстъ сбора, до того сби-

вали всѣхъ, что роты, разбросанныя по разнымъ частямъ города, не зная ни названія переулковъ и ихъ направленія, ни гдѣ находится новый сборный пунктъ, при дѣйствительной тревогѣ навѣрное-бы перепутались. Къ счастію, настоящей тревоги не было, но были двѣ фальшивыя, о которыхъ скажу въ своемъ мѣстѣ.

Впослѣдствіи многіе оправдывали увлеченіе предосторожностями, тѣмъ, что можетъ быть, благодаря имъ, въ Варшавѣ ничего не случилось, не дошло до кровопролитія въ стѣнахъ города. Но спрашивается, развѣ недостаточно было и десятой доли той ночной службы, которую несли войска, чтобы затушить всякую вспышку въ самомъ началѣ? Поляки очень хорошо понимали съ кѣмъ имѣютъ дѣло и чувствовали, что всякая уличная ихъ продѣлка, вмѣсто прежнихъ комедій, кончилась бы для нихъ драмою.

Совершено противуположное, описанной боязни въ служебной сферѣ, происходило въ частной жизни тѣхъ русскихъ, которыхъ мы застали въ Варшавѣ. Хотя ихъ было немного, но все-таки достаточно, чтобы наполнять по вечерамъ небольшое помѣщеніе русскаго клуба. Мы, пришлецы, исподволь пристроились къ его постояннымъ посѣтителямъ изъ старожиловъ, изъ чиновниковъ различныхъ управленій и военныхъ, занимавшихъ съ давнихъ поръ различныя штабныя должности. Кромѣ того, членами клуба было нѣсколько лицъ, нигдѣ неслужившихъ, жившихъ въ Варшавѣ по привычкѣ, или по семейнымъ связямъ. Все это были люди, видѣвшіе и порядки временъ Паскевича, и безпорядки временъ его преемниковъ. Ихъ ничто не удивляло, даже и то, что во время одного изъ клубныхъ обѣдовъ прибѣжали сказать о только что совершенномъ убійствѣ чиновника-поляка, заподозрѣннаго въ измѣнѣ. Это было первое при насъ убійство, совершенное съ политическою цѣлью. Мы были поражены случившимся, тогда какъ давнишніе члены клуба почти не обратили на него вниманія, точно какъ будто подобное происшествіе, среди бѣлаго дня, вещь обыкновенная. „Погодите, привыкните“, говорили они тѣмъ изъ насъ, которые удивлялись ихъ равнодушію. И дѣйствительно мы потомъ привыкли, какъ привыкаетъ человѣкъ ко всему. Помню, какое впечатлѣніе произвела первая казнь, когда изъ казарменныхъ квартиръ офицеры увидѣли висѣлицу:

окна запирались, спускали шторы; тѣ кому приходилось быть по службѣ при повѣшеніи, дня два потомъ не могли ничего ѣсть; но не прошло и года, какъ на подобное же зрѣлище смотрѣли въ бинокли, съ тѣмъ же равнодушіемъ, какъ смотрятъ на театральную сцену.

Въ теченіи всей зимы 1862—63 года, старшіе чины полковъ и управленій и по нѣскольку офицеровъ каждой части, еженедѣльно, по воскресеньямъ и четвергамъ, а также тѣ изъ дамъ, которыя были представлены Великой княгинѣ, приглашались на рауты въ замокъ. Приглашались туда также жены высшихъ польскихъ чиновниковъ: сенаторовъ, управляющихъ правительственными коммиссіями и членовъ совѣта, но являлись на приглашенія только русскія дамы; природной польки не доводилось видѣть въ замкѣ ни одной. Вообще дамское общество на раутахъ было крайне малочисленно. Двѣ фрейлины великой княгини, г-жи Лазарева съ двумя дочерьми, Набокова, Ухтомская, изъ городскихъ—госпожи Феньшау и Андро съ дочерьми, да 5—6 полковыхъ дамъ,—вотъ и всѣ. Въ кавалерахъ конечно недостатка не было. Независимо отъ того, что на этихъ собраніяхъ узнавались всѣ новости дня, что тамъ мы, встрѣчаясь другъ съ другомъ и съ начальствомъ, могли обмѣниваться мыслями и взглядами на событія, а иногда получать рѣшеніе служебныхъ вопросовъ,—рауты представляли еще тотъ интересъ, что на нихъ мы встрѣчали иногда личностей, извѣстныхъ своимъ прошедшимъ, въ родѣ бывшаго оберъ-полиціймейстера Абрамовича, или правителя канцеляріи при Паскевичѣ—Козачковскаго. Интересныхъ своимъ настоящимъ или будущимъ являлось конечно болѣе. Когда же, по случаю возстанія, начались постоянныя присылки изъ Петербурга новыхъ дѣятелей, всѣхъ ихъ можно было встрѣтить на раутѣ, узнать отъ нихъ послѣднія новости, взгляды столичныхъ кружковъ на происходящее въ Польшѣ, новыя назначенія, слухи изъ-за границы и т. д.

Пройдемся теперь съ читателемъ по заламъ замка во время раута и бросимъ взглядъ на его посѣтителей.

Съ 9 часовъ вечера залы начинаютъ наполняться младшими изъ приглашенныхъ. Приглашенія писались на французскомъ языкѣ, вѣроятно для того, чтобы поляки не могли отговариваться, что не понимаютъ ихъ. Проходя рядъ ярко освѣщен-

ныхъ комнатъ, вы видите у каждой двери двухъ придворныхъ лакеевъ; но если спросите котораго-нибудь изъ нихъ о чемъ-либо по-русски, онъ вамъ отвѣтитъ по-польски, что не понимаетъ. Это шокируетъ васъ, но что же дѣлать! Въ двухъ первыхъ аванзалахъ нѣсколько офицеровъ стоятъ группами, тихо разговаривая между собою. Вниманіе ихъ обращено на сѣдаго, небольшаго роста, но довольно плотнаго генерала, сидящаго въ отдаленіи,—это и есть *Абрамовичъ*,—живая, но молчаливая хроника всего совершавшагося за послѣднія 30 лѣтъ въ Польшѣ. Вглядитесь въ его проницательный взглядъ, и вы поймете, что онъ и теперь, наблюдая за происходящимъ, знаетъ все, что творится въ стѣнахъ и за стѣнами Варшавы. Къ нему рѣдко кто подходилъ, но въ настоящую минуту съ нимъ говоритъ генералъ *Ермоловъ*, комендантъ цитадели, саперъ Николаевскаго времени, человѣкъ прямой, правдивый, не затрудняющійся говорить правду прямо въ лицо всякому, не разбирая, нравится ли это или нѣтъ. Онъ благоговѣлъ передъ памятью Императора Николая, зналъ многія черты изъ его жизни и любилъ говорить о нихъ [1]). Въ слѣдующей, такъ на-

---

[1]) Приведемъ два случая, сообщенные намъ Ермоловымъ. Въ концѣ тридцатыхъ годовъ, присутствуя на церковномъ парадѣ въ лагерной церкви, Николай Павловичъ замѣтилъ, въ заднихъ рядахъ, генерала, особенно усердно молящагося, но одѣтаго не такъ щеголевато, какъ другіе. Онъ тутъ же приказалъ узнать кто онъ, и когда оказалось, что это бригадный командиръ, то подозвалъ къ себѣ Паскевича, спросилъ какъ служитъ замѣченный и почему онъ въ поношенномъ мундирѣ? Фельдмаршалъ отвѣтилъ, что генералъ, о которомъ идетъ рѣчь, отличный служивый, но человѣкъ бѣдный, обремененный громаднымъ семействомъ.—„Передай ему, сказалъ на это Государь, что за Богомъ молитва, а за царемъ служба не пропадаютъ, а потому я прикажу выдавать ему по 2 тысячи въ годъ пособія.“

Вотъ другой случай: На смотру кавалеріи, собранной подъ Вознесенскомъ, Николай Павловичъ остался особенно доволенъ бригадою генерала Величко. По окончаніи смотра, благодаря его при собраніи всѣхъ начальниковъ, Государь спросилъ: „Сколько у тебя дѣтей!“ Величко такъ былъ удивленъ неожиданностію вопроса, что отвѣчалъ: „шесть, Ваше Величество“,—тогда какъ ихъ было у него восемь. „Ну, такъ ты служи—продолжалъ Императоръ,—а я самъ позабочусь о твоей семьѣ“. Затѣмъ, обратясь къ князю Чернышеву, сказалъ: „Сыновей принять въ кадеты, а дочерей моими пансіонерками въ институты“.

зываемой Желтой гостиной, собираются старшіе чины. Они группируются вдоль наружной стѣны, у оконъ, а противъ нихъ уже нѣсколько придворныхъ и городскихъ дамъ привѣтствуютъ одна другую. По ихъ улыбкамъ и рукопожатіямъ, онѣ кажутся такъ близкими и такими дружными между собою; но не поддавайтесь подобному впечатлѣнію, потому что маменьки на сторонѣ готовы загрызть другъ друга за дочекъ, а дочки защипать ту изъ подругъ, которая красивѣе.

Въ группѣ генераловъ мы видимъ довольно плотную фигуру, въ мундирѣ генеральнаго штаба,—это *Черницкій*, помощникъ начальника штаба, извѣстный острякъ, занимательный собесѣдникъ въ кругу товарищей и большой поклонникъ вдовушки Клико. Отъ него порядочно достается тѣмъ, кого онъ не любитъ. Не смотря на природную лѣность и любовь къ ресторану, онъ самый полезный изъ чиновъ штаба, способный въ часъ сдѣлать больше, чѣмъ его начальникъ въ сутки. Вотъ онъ, восокій господинъ, съ массою иностранныхъ звѣздъ на мундирѣ, всегда стоящій возлѣ двери, изъ которой послѣдуетъ выходъ Ихъ Высочествъ. Это генералъ *Минквицъ*, великій почитатель генеалогіи, знающій наизусть Almanach de Gotha и родословную всѣхъ остзейскихъ бароновъ. Возлѣ него вы рѣдко услышите русскую рѣчь, поэтому и на раутахъ онъ говоритъ только съ земляками, а если кто либо и пожелаетъ, воспользовавшись встрѣчею, спросить его о служебномъ дѣлѣ, то увидитъ на его лицѣ отраженіе явнаго неудовольствія. Не подходите къ нему и тогда, когда онъ говоритъ съ прусскимъ консуломъ *Рейхенбахомъ*. Вы думаете, что дѣло идетъ о политикѣ,—ошибаетесь: они толкуютъ о томъ, когда бы сойтись покушать устрицъ у Стемпковскаго. Почему—спросите вы, такъ оживилась молодежь въ сосѣдней комнатѣ? Это навѣрное вошелъ *князь Бебутовъ*, комендантъ, никогда не посѣщавшій ни одной гауптвахты, любимецъ прапорщиковъ и корнетовъ, покровитель балета, знающій всѣ любовныя интрижки города. Какъ относился комендантъ къ своей обязанности, доказываетъ слѣдующее: послѣ завтрака, онъ ежедневно появлялся съ двумя-тремя пріятелями въ средней аллеѣ Саксонскаго сада. Сидѣвшіе на скамейкахъ офицеры, вставая отдавали ему честь, но онъ дѣлая видъ, что не замѣчаетъ, бормочетъ: „Козыряй, братъ, козыряй, а я все-таки не вижу", и заложа руки за

спину проходилъ мимо. Бебутовъ обыкновенно является на раутъ вмѣстѣ съ своимъ пріятелемъ, старикомъ *Фундуклеемъ*, засѣдающимъ въ сенатѣ, но больше извѣстнымъ своимъ богатствомъ и скупостью, да изрѣдка даваемыми обѣдами и балами. А вотъ и генералъ-живчикъ, покуда предсѣдатель какой-то коммисіи, а впослѣдствіи варшавскій гражданскій губернаторъ *Рожновъ*. Ухаживалъ онъ за актрисой Бакалович, но въ то же время тѣмъ же дѣломъ занимался и другой генералъ, помоложе его:

— Иду я—говорилъ Рожновъ про самаго себя,—мимо ея квартиры, часовъ въ 11 утра, вижу у подъѣзда карета,—это меня заинтересовало.

— Чей это экипажъ? спрашиваю толстаго кучера.

— Генерала Рожнова,—отвѣчалъ бородачъ не задумавшись.

Я съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него и говорю:

— А давно, голубчикъ, ты служишь у меня?

— Вотъ, господа, какіе бываютъ пріятели, — закончилъ добродушный старикъ разсказъ про самого себя.

Но вотъ входитъ громадная фигура во фракѣ. Она съ угрюмымъ видомъ проходитъ чрезъ залы, не обращая ни на кого вниманія, и едва отвѣчаетъ кивкомъ головы на поклоны лично знакомыхъ. Это знаменитый маркизъ *Велепольскій*. Онъ настолько важенъ, что является на рауты послѣ выхода хозяевъ и не всегда отзывался на приглашеніе. Войдя въ гостиную, онъ отходитъ въ сторону и, заложивъ руки въ карманы, ни къ кому не подходитъ. За то къ нему тотчасъ пристраиваются тѣ изъ служащихъ поляковъ, которые явились на раутъ; но и съ ними онъ держитъ себя юпитеромъ. Совершенную противуположность по обращенію и манерамъ представляетъ нашъ знакомый епископъ *Фелинскій*. Онъ всѣмъ весьма любезно кланяется, на устахъ его пріятная улыбка, онъ жметъ руку подходящимъ къ нему, особенно дамамъ, видимо старающимся быть съ нимъ предупредительными.

Взгляните теперь на высокаго, сѣдаго, такъ стройно держащаго себя генералъ-адъютанта, медленнымъ шагомъ, съ важностью входящаго въ гостиную. Это баронъ П. И. Корфъ, котораго всѣ знаютъ и всѣ любятъ, потому что онъ одинаково привѣтливъ съ военными и статскими, съ поляками и русскими. Знатокъ исключительно строеваго дѣла, онъ, къ сожа-

лѣнію, считаетъ себя знатокомъ всего, не исключая и прекраснаго пола, что нерѣдко заставляло его быть не всегда справедливымъ, особенно когда ему приходилось рѣшать дѣла поляковъ.

Ровно въ 9½ часовъ Ихъ Высочества выходили изъ внутреннихъ покоевъ, чѣмъ и открывался раутъ, длившійся обыкновенно часа два, и затѣмъ всѣ разъѣзжались. Особенный интересъ представляли они, когда началось возстаніе, потому что тогда, къ обыкновенному составу приглашаемыхъ присоединялись возвращавшіеся въ Варшаву изъ отрядовъ начальники экспедицій, отъ которыхъ можно было узнать происходившее въ провинціи.

Послѣдніе три мѣсяца 1862 года прошли безъ нарушенія спокойствія нетолько въ Варшавѣ, но и въ губерніяхъ. Носились слухи, что поляки готовятся къ чему-то серьезному, что въ городахъ уже появились эмиссары, что есть положительныя свѣдѣнія, будто на казенныхъ желѣзныхъ заводахъ заготовлены склады оружія; но этому одни вѣрили, другіе нѣтъ, потому что не хотѣли вѣрить. Положительно было извѣстно только то, что въ январѣ мѣсяцѣ будетъ произведенъ наборъ рекрутъ. Исходъ его очень занималъ и общественное мнѣніе и высшихъ правительственныхъ лицъ, тѣмъ болѣе, что съ каждымъ днемъ усиливались слухи, будто значительная часть конскриптовъ, внесенныхъ въ очередные списки, скрылась неизвѣстно куда, и что наборъ не можетъ совершиться безъ серьезныхъ безпорядковъ. Особенно опасались ихъ въ Варшавѣ, опасались до того, что согласились на нелѣпое предложеніе Велепольскаго, произвести наборъ по обычаю временъ Цесаревича Константина, давно забытому. Онъ состоялъ въ томъ, чтобы держать день набора въ величайшемъ секретѣ и затѣмъ неожиданно, въ извѣстный часъ ночи, схватить людей, внесенныхъ въ списки. Не говоря о неблаговидности подобной мѣры, она была одинаково тягостна какъ для тѣхъ, которыхъ подвергали ей, такъ и тѣмъ, которые приводили ее въ исполненіе.

2-го января 1863 года, всѣ начальники военныхъ отдѣловъ, всѣ полковые командиры и полиціймейстеры, были рано утромъ собраны къ барону Корфу, который объявилъ намъ, что въ полночь, на 3 число, назначается рекрутскій наборъ, о чемъ далъ письменныя распоряженія и личныя указанія. По воз-

вращеніи въ казармы, каждый изъ насъ долженъ былъ, съ величайшимъ секретомъ, отдать соотвѣтствующія приказанія, состоявшія изъ слѣдующихъ мѣръ: 1) За часъ до полуночи, въ каждый циркулъ должна прибыть рота и 10 казаковъ, для охраны и для конвоированія конскриптовъ въ цитадель. 2) Для сопровожденія полицейскихъ, которые будутъ брать конскриптовъ изъ домовъ, назначить подъ командою офицера 25 лучшихъ рядовыхъ, при 2-хъ унтеръ-офицерахъ въ каждую часть. 3) Всѣ подлежащіе набору, кого-бы изъ нихъ, гдѣ и въ какомъ положеніи ни застали, должны быть взяты и доставлены въ циркулъ, гдѣ помѣщать ихъ въ особыхъ комнатахъ и, по накопленіи, отправлять партіями отъ 10 до 25 человѣкъ, подъ конвоемъ, въ цитадель. 4) Всѣмъ войскамъ, во время продолженія набора, не отлучаться изъ казармъ и быть въ полной готовности къ выходу по тревогѣ. Все это было исполнено въ точности, и не было не только ни одного случая сопротивленія, но даже попытки скрыться. Взятые безпрекословно шли за полиціантами.

Въ какой мѣрѣ наши власти опасались набора, доказывается тѣмъ, что Велепольскій, баронъ Корфъ, начальникъ штаба, комендантъ и оберъ-полиційместеръ всю ночь провели въ замкѣ, куда всякій часъ присылались съ офицерами донесенія, о благополучномъ ходѣ набора и о числѣ конскриптовъ, сданныхъ въ цитадель.

Производившіе арестованія говорили потомъ, что имъ приходилось быть свидѣтелями и смѣшныхъ и сильно драматическихъ сценъ. Въ одномъ домѣ брали новобрачнаго, среди свадебнаго веселья, въ другомъ—жениха разлучали съ невѣстой, въ третьемъ—отрывали сына отъ одра умирающей матери. По приводѣ въ циркулъ, одни, поднятые среди сна, другіе взятые въ нетрезвомъ видѣ, третьи испуганные до лихорадки, представляли престранное смѣшеніе. Про нихъ вполнѣ можно было сказать словами Пушкина:

Какая смѣсь одеждъ и лицъ,
Племенъ, нарѣчій, состояній

Тутъ были простые мастеровые—въ лѣтнихъ нанковыхъ сюртукахъ, были евреи-оборванцы и евреи въ енотовыхъ шубахъ, были зажиточные нѣмчики польскаго происхожденія, лакеи и кучера въ ливреяхъ, писцы, поденьщики, актеры, музыканты,

повара, художники—все что угодно. Бо́льшая ихъ половина шла въ рекруты совершенно равнодушно; многіе даже заявляли, что напрасно ихъ брали съ конвойными, и не мало было примѣровъ, что тѣ, кого не заставали дома и считали скрывшимися, узнавъ что за ними приходили, подъ утро добровольно являлись въ циркулъ, съ просьбою отправить ихъ въ цитадель.

3-го числа всѣ начальники отдѣловъ, въ 10 часовъ утра, прибыли въ замокъ, для личнаго доклада о происходившемъ. Видимо было, какъ радовалось начальство, что все кончилось благополучно, но странно было то, что свѣдѣнія, представляемыя намѣстнику юнымъ оберъ-полиціймейстеромъ, сильно расходились съ тѣми, которыя были представлены начальниками отдѣловъ. Полиція почему-то сосчитала, что было взято меньше, чѣмъ оказалось въ дѣйствительности.

Вообще полиція описываемаго времени была въ самомъ неудовлетворительномъ, даже въ политическомъ смыслѣ, состояніи. Составленная почти исключительно изъ нижнихъ чиновъ уроженцевъ края, управляемая польскими чиновниками, подъ главнымъ начальствомъ, переведеннаго изъ гвардейскихъ штабсъ-ротмистровъ, подполковника, облеченнаго въ званіе оберъ-полиціймейстера, она съ трудомъ годилась только для наружнаго порядка. Слѣдить за подозрительными личностями, знать чѣмъ онѣ занимаются, гдѣ происходятъ ихъ совѣщанія и т. д. отъ всего этого полиція какъ бы отворачивалась. Чему же иначе приписать то, что подпольное правительство народоваго ржонда преспокойно засѣдало въ Варшавѣ, издавало свои распоряженія, печатало прокламаціи, которыя почти ежедневно появлялись на столахъ цукерень и трактировъ. Всѣ знали, что существуетъ даже особый начальникъ города, съ собственною полиціею, имѣвшею свои посты на улицахъ. Были случаи, что ея агенты, одѣтые въ казенную полицейскую форму, стояли на самыхъ людныхъ улицахъ. Одинъ изъ таковыхъ оказалъ явное содѣйствіе убійству, совершенному въ 8 часовъ утра на Медовой улицѣ. Какъ подобранъ былъ составъ канцеляріи полицейскаго управленія, лучше всего указываетъ слѣдующій фактъ. Оберъ-полиціймейстеру было словесно сообщено, что по вечерамъ, члены революціоннаго правительства собираются въ такой-то улицѣ и въ такомъ-то домѣ. Желая лично накрыть засѣдающихъ, но, забывъ названіе улицы, онъ посылаетъ въ свою канцелярію

узнать въ какой именно улицѣ домъ подъ даннымъ номеромъ; потомъ приказываетъ заложить коляску, увеличиваетъ свой конвой, и летитъ съ полною увѣренностью захватить корифеевъ польской справы въ полномъ составѣ. Но представьте, читатель, его разочарованіе: онъ входитъ въ ярко освѣщенный залъ и находитъ только покрытый зеленымъ сукномъ столъ и на немъ нѣсколько недопитыхъ стакановъ чая и дымящіеся окурки сигаръ. Птички улетѣли. Ясно, что изъ канцеляріи имъ успѣли дать знать, что о домѣ наводили справку [1]).

Вообще, въ описываемое время, тайная, такъ сказать, пассивная революція въ странѣ, взяла снова перевѣсъ надъ правительственною властью, потому, что вся гражданская администрація состояла изъ лицъ мѣстнаго происхожденія, преданныхъ дѣлу повстанья, а дисциплина революціонной партіи была такова, что никто не дерзалъ противиться ея распоряженіямъ. Чиновники присутственныхъ мѣстъ сообщали центральному комитету оффиціальные документы, доводили до его свѣдѣнія о всѣхъ задуманныхъ мѣрахъ и такимъ образомъ парализировали дѣятельность правительства.

Рекрутскій наборъ въ губерніяхъ долженъ былъ происходить нѣсколькими днями позже чѣмъ въ Варшавѣ. Тамъ онъ совершался далеко не такъ благополучно. Значительная часть конскриптовъ скрылась, какъ оказалось потомъ, въ лѣса и въ мѣстечки, незанятые войсками, гдѣ, заранѣе назначенными организаторами, вооружалась изъ приготовленныхъ складовъ и формировала банды. Довудцами (начальниками) шаекъ назначались прибывшіе изъ-за границы эмигранты, бѣжавшіе изъ войскъ офицеры—поляки и нѣкоторые, бывшіе прежде военными, помѣщики. Интереснѣе всего то, что подготовленіе къ вооруженному возстанію не было тайною; о нихъ носилась молва, получались и оффиціальныя свѣдѣнія, но имъ не вѣрили. Такъ, напримѣръ, покойный генералъ Ченгеры разсказывалъ, что онъ 3-го января нарочно ѣздилъ изъ Кѣльцъ въ Радомъ, доложить начальнику отдѣла, генералу Ушакову, о полученныхъ имъ достовѣрныхъ свѣдѣніяхъ, явно указывавшихъ на предстоявшее возстаніе. Вмѣсто принятія какихъ-либо мѣръ, начальникъ отдѣла отнесся къ сообщенію иронически, увѣряя

[1]) Оберъ-Полиціймейстера Варшавы 1862 и 63 г. не слѣдуетъ смѣшивать съ его пріемникомъ.

Ченгеры, что все вздоръ, что это не болѣе какъ извѣстныя польскія стращанья; отговорилъ его отъ намѣренія ѣхать въ Варшаву. „Тамъ всѣ такъ благодушествуютъ послѣ удачнаго набора,—говорилъ Ушаковъ почтенному Ченгеры,—что надъ вами только посмѣются. Лучше пообѣдайте у меня, вечеромъ устроимъ партію, а завтра возвращайтесь съ Богомъ въ Кѣльцы“. Впослѣдствіи оказалось, что поляки, зная о поѣздкѣ Ченгеры въ Радомъ, ждали его въ лѣсу, съ намѣреніемъ захватить; но были удержаны однимъ изъ агентовъ ржонда, который боялся, что подобный фактъ, ранѣе срока назначеннаго для общаго возстанія и нападенія на войска, обнаружитъ тайну ихъ намѣреній.

Между тѣмъ какъ въ Варшавѣ занимались приготовленіями къ отправкѣ рекрутскихъ партій въ Россію и начинали уже радоваться общему затишью, рано утромъ, 11 января, всѣ командиры полковъ были потребованы къ барону Корфу. Являемся и застаемъ въ кабинетѣ весь его штабъ и генерала путей сообщенія Кербиза, завѣдывавшаго тогда желѣзною дорогою отъ Варшавы до Вильны. Корфъ ходитъ по кабинету въ сильномъ волненіи; всѣ другіе имѣютъ видъ какъ бы сконфуженный.

— Господа,—говоритъ намъ баронъ,—перчатка брошена! Поляки взялись за оружіе и, въ нѣсколькихъ пунктахъ, самымъ предательскимъ образомъ, въ ночь съ 9-го на 10-е число, напали на отдѣльно стоявшія роты. Теперь съ ними церемониться нечего.

Наконецъ-то! подумалось намъ.

— Что особенно непріятно, продолжалъ баронъ, это нерерывъ сообщенія съ Петербургомъ. Вотъ генералъ,—при этомъ онъ указалъ на Кербиза,—докладываетъ, что еще вчера онъ отправилъ поѣздъ въ Вильно и ничего не замѣтилъ между служащими; что начальникъ станціи, человѣкъ казавшійся вполнѣ благонадежнымъ, увѣрялъ его въ полномъ спокойствіи на линіи, а сегодня ночью, взявъ со станціи всѣ локомотивы и вагоны, уѣхалъ съ своими помощниками на станцію Лапы.

Надо было обладать большою наивностью или быть участникомъ заговора, чтобы вѣрить благонадежности польскихъ желѣзнодорожниковъ. Впрочемъ, въ то время, точно у всѣхъ, обязанныхъ слышать и видѣть, были завязаны глаза и уши. Стоило обратить вниманіе на происходившее за нѣсколько дней до

возстанія на варшавскихъ улицахъ, чтобы замѣтить нѣчто особенное. То мы видѣли верховыхъ, одѣтыхъ въ высокіе сапоги и чекмени, рысью ѣдущихъ въ городъ или изъ города; то попадались молодые люди, ѣдущіе по два и по три въ бричкахъ, закутанные въ клеенчатые плащи съ капюшонами; то встрѣчались парни съ мѣшками и котомками, идущіе къ заставамъ. Войдя въ цукерню, видишь, бывало, что поляки, сидя вокругъ столиковъ, о чемъ-то шепчутся, или иронически перемигиваются насчетъ вошедшаго офицера. Въ театрѣ они говорятъ другъ съ другомъ на ухо; вдругъ одинъ вскочитъ среди дѣйствія, уйдетъ, черезъ минуту возвращается, что-то наскоро сообщаетъ двумъ-тремъ и всѣ быстро уходятъ. Все это не трудно было замѣтить всякому постороннему человѣку. Офицеры все это видѣли, говорили объ этомъ между собою, но передавали свои наблюденія только товарищамъ, потому что знали, какъ недовѣрчиво и равнодушно относились выше ко всему, что не имѣло примирительнаго характера.

Вообще нельзя было не удивляться многому, что творилось тогда въ Варшавѣ. Въ параллель наружнымъ строгостямъ военнаго положенія, лицами, обязанными слѣдить не за мелочными нарушеніями, а за умышленнымъ потворствомъ полякамъ, дѣлались явныя упущенія. Тому же генералу, который завѣдывалъ желѣзными дорогами, безнаказанно прошло совершенное его подчиненными. Баронъ Корфъ самъ говорилъ намъ, что Кербизъ наканунѣ увѣрялъ его, что ручается за своихъ начальниковъ станцій и движенія и просилъ быть спокойнымъ за сообщенія съ Петербургомъ, а на другой день явился съ докладомъ объ ихъ измѣнѣ, какъ будто она могла быть сдѣлана помимо равнодушія начальства къ тому, что предпринималось: „Дѣлайте, дескать, что хотите, а я скажу, что вы вполнѣ надежны». Такова была тактика большей части поляковъ и ополячившихся, стоявшихъ при различныхъ правительственныхъ учрежденіяхъ; первые дѣлали это умышленно, вторые изъ боязни мести или изъ опасеніи стать въ разрѣзъ снисходительности общей системы управленія краемъ.

Приказавъ усилить осторожность въ казармахъ, удвоить патрули и быть во всякую минуту на все готовыми, баронъ Корфъ отпустилъ насъ. Вѣсть о возстаніи произвела въ полкахъ общее возбужденіе; всѣ какъ-бы обрадовались, что на-

конецъ врагъ обнаружился и развязалъ намъ руки. Всѣмъ казалось, будто тяжелый камень свалился съ плечъ, и что мы изъ оборонительнаго положенія переходимъ въ наступательное.

Общее возстаніе вспыхнуло въ ночь съ 9 на 10 января. Въ различныхъ пунктахъ царства Польскаго, но особенно энергично въ Радомской и Люблинской губерніяхъ, шайки мятежниковъ напали ночью на отдѣльно стоявшія роты и произвели звѣрскія убійства. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ротные командиры были поосторожнѣе и распорядительнѣе, нападеніе не удалось, или имѣло весьма малый успѣхъ; тамъ же, гдѣ они были въ отсутствіи, или не довѣряли возможности возстанія и не приняли мѣръ, роты лишились нѣсколькихъ офицеровъ и солдатъ, зарѣзанными во время сна. Описывать всѣ эпизоды этой ужасной ночи невозможно, да и не всѣ они были подробно извѣстны; скажемъ о происходившемъ въ Кѣльцахъ и окрестностяхъ, какъ о наиболѣе рельефномъ, по которому читатель можетъ судить объ общемъ характерѣ начала возстанія.

Возвратясь изъ Радома, Ченгеры принялъ зависѣвшія отъ него мѣры, чтобы поляки не могли прервать сообщенія Кѣльцъ со штабомъ дивизіи и съ прочими ея частями. Подъ его начальствомъ были тогда сосредоточены въ Кѣльцахъ: 6 ротъ Смоленскаго полка, артиллерійская батарея, 2 эскадрона драгунъ и 2 сотни казаковъ; прочія части этихъ полковъ охраняли шоссе на сѣверъ къ Радому и на югъ къ Мѣхову. Ченгеры вообще отличался необыкновеннымъ гостепріимствомъ, а въ описываемые безпокойные и скорбные дни, домъ его былъ постоянно открытъ не только для офицеровъ Смоленскаго полка, которымъ онъ прежде командовалъ, но для всѣхъ военныхъ. Его любили и уважали не только русскіе, но и многіе изъ поляковъ, изъ которыхъ нѣкоторые передъ возстаніемъ бывали у него въ домѣ. Характера онъ былъ весьма добраго, но до крайности вспыльчиваго.

Желая показать полякамъ, что у него достаточно войска для подавленія малѣйшей вспышки съ ихъ стороны, Ченгеры 6-го января сдѣлалъ на городской площади торжественное водосвятіе и парадъ съ пушечною салютаціею, а 9-го числа назначилъ у себя танцовальный вечеръ, на который пригласилъ всѣхъ командировъ загородныхъ ротъ, съ тѣмъ, чтобы

дать имъ наставленія и снабдить деньгами на экстренныя надобности, такъ какъ, въ виду видимаго броженія въ краѣ, они могли быть надолго отдѣлены отъ полковаго штаба.

Весело проведенъ былъ вечеръ 9-го января военнымъ обществомъ въ Кѣльцахъ, въ то время какъ въ 22 верстахъ, въ мѣстечкѣ Бондзентинѣ, разыгрывалась кровавая драма.

На слѣдующее утро Ченгеры принималъ своихъ ротныхъ командировъ, передъ ихъ разъѣздомъ изъ полковаго штаба. Послѣднимъ вышелъ отъ него командиръ 2-й стрѣлковой роты капитанъ Краевичъ и прямо изъ квартиры полковаго командира отправился на свой ротный дворъ въ Бондзентинъ; но не прошло и получаса, какъ онъ вновь вбѣгаетъ къ генералу и докладываетъ, что въ 3-хъ верстахъ отъ Кѣльцъ встрѣтилъ свою роту, конвоирующую транспортъ съ убитыми и ранеными; что ночью мятежники напали на нее, убили офицера и 20 солдатъ, сожгли цейхгаузъ, что рота отступила и черезъ нѣсколько минутъ войдетъ въ городъ. Достаточно было бы и десятой доли сказаннаго, чтобы Ченгеры пришелъ въ ярость. Онъ моментально бросается къ выходящему на площадь балкону, ногою вышибаетъ его двойныя двери, не смотря на сильный морозъ выскакиваетъ въ одномъ сюртукѣ, безъ шапки, и кричитъ находившемуся на бывшей подъ балкономъ гауптвахтѣ барабанщику: „Бей тревогу!"

Черезъ площадь, противъ квартиры Ченчеры, жилъ командиръ батареи полковникъ Шпиліотовъ; онъ видѣлъ черезъ окно эту сцену и не могъ понять что случилось. Черезъ нѣсколько минутъ войска со всѣхъ сторонъ сбѣжались на площадь. Блѣдный, взбѣшенный входитъ Ченгеры въ образовавшееся каре и объявляетъ, что совершилось безпримѣрное злодѣяніе; что поляки, какъ разбойники, осмѣлились напасть на русскихъ солдатъ; что онъ именемъ павшихъ товарищей требуетъ отмщенія. Во время этой рѣчи вступаетъ на площадь пострадавшая рота и между ея рядами тянутся повозки съ ранеными и тѣлами убитыхъ.

Вслѣдъ за послѣдними словами Ченгеры, подходитъ къ нему полякъ, близкій его знакомый, находившійся наканунѣ у него на вечерѣ, и, приподымая шапку, говоритъ:

— Цо то все значе, пане генерале?

— А вотъ цо значе,—крикнулъ Ченгеры, и въ тотъ же мо-

ментъ даетъ пану такую затрещину въ ухо, что тотъ, роняя шапку, отшатывается на сажень въ сторону и, какъ пуля, исчезаетъ съ площади.

— Мерзавецъ! — кричитъ ему вслѣдъ взбѣшенный генералъ,—все зналъ, каналья, заранѣе, а еще смѣетъ спрашивать: цо то значе?

Видъ вступившаго на площадь кортежа произвелъ тяжкое впечатлѣніе на войска: 20 обезображенныхъ труповъ, такое же число охающихъ раненыхъ, изъ которыхъ одинъ былъ съ отрѣзаннымъ языкомъ [1]),—все это порождало невольное ожесточеніе, а Ченгеры своими проклятіями и бранью еще разжигалъ его. Онъ тутъ же формируетъ отрядъ изъ двухъ ротъ, съ двумя орудіями и двумя сотнями, назначаетъ начальникомъ его командира пострадавшей роты капитана Краевича, приказываетъ ему взять съ собою оставшихся людей этой роты и, обращаясь къ командируемымъ для наказанія Бондзентина, говоритъ имъ:

— Бей, ребята, руби, рѣжь всѣхъ, чтобы отъ проклятаго гнѣзда не осталось и камня на камнѣ.

Могло бы совершиться нѣчто ужасное, если бы, сохранявшій хладнокровіе Шпиліотовъ, не уговорилъ Ченгеры не назначать Краевича начальникомъ отряда. Дѣйствительно, было неосмотрительно посылать въ Бондзентинъ офицера, надъ людьми котораго совершены звѣрства. Страшное отмщеніе могло пасть на все народонаселеніе мѣстечка и одинаково коснуться виновныхъ и невинныхъ.

Прибавлю еще нѣсколько штриховъ въ характеристикѣ почтеннаго Ченгеры. Венгерецъ по происхожденію, католикъ по религіи, солдатъ въ душѣ, онъ отлично понималъ польскій характеръ и всегда умѣлъ отличить, кто изъ поляковъ добровольно и сознательно присоединялся къ возстанію и кто былъ вовлеченъ въ него по безхарактерности и молодости. Отъ этого онъ являлся то бичемъ первыхъ, то снисходительнымъ судьею вторыхъ. Во время экспедицій энергія его не знала предѣловъ:

[1]) Рядовой, надъ которымъ совершено было подобное звѣрство, боясь что кто нибудь ночью можетъ украсть его ружье, пряталъ его на чердакѣ. Напавши на спящаго, поляки требовали, чтобы онъ указалъ гдѣ оно спрятано. Не смотря на истязаніе, онъ ни за что несоглашался выдать оружіе, за что они и рѣшили отрѣзать ему языкъ.

онъ леталъ съ одного конца Радомской губерніи въ другой, и никто не зналъ гдѣ онъ и куда бросится; сегодня онъ на югѣ у Олькуша, завтра на сѣверѣ—у Конска. Неразлучный спутникъ его въ поискахъ за повстанцами, полковникъ Шпиліотовъ, былъ не разъ свидѣтелемъ забавныхъ послѣдствій вспыльчивости Ченгеры. Однажды ѣдутъ они вмѣстѣ передъ пѣхотною колонною, а впереди эскадронъ драгунъ. Вдругъ послѣдній пошелъ рысью, скрылся за возвышеніемъ, а затѣмъ послышались выстрѣлы. „Ченгеры стегнулъ коня нагайкою, говорилъ Шпиліотовъ — я за нимъ; пѣхота конечно отстала верcты на двѣ. Передъ въѣздомъ въ опушку, я замѣчаю ему, что безразсудно въѣзжать въ лѣсъ однимъ. Въ это время какой-то повстанецъ выбѣгаетъ на поляну; увидя двухъ начальниковъ, безъ всякаго конвоя, онъ ошалѣваетъ, но потомъ цѣлится. Ченгеры бросается къ нему и кричитъ скачущему за нимъ горнисту: „чего глядишь, дуракъ, бери его“. Повстанецъ такъ былъ озадаченъ этимъ, что, опустивъ ружье, сдался горнисту, а Ченгеры помчался черезъ лѣсъ догонять драгунъ“.

Другой разъ, расказывалъ Шпиліотовъ, ночью, ѣдемъ мы позади отряда, на фурманкѣ, и оба дремлемъ. Вдругъ колонна, встрѣтивъ нѣсколько пустыхъ подводъ, остановилась. „Что такое“? спрашиваетъ проснувшійся Ченгеры. Бывшій въ разъѣздѣ урядникъ докладываетъ, что встрѣченныя подводы только что отвезли на ближайшій фольварокъ начальника банды съ его штабомъ и карауломъ. „Скачи туда со взводомъ,—приказываетъ Ченгеры урядннку, и бери всѣхъ живьемъ,“ а сидѣвшему на козлахъ фурштату кричитъ: „валяй за казаками“. Скачемъ мы скверным проселкомъ, по камнямъ и рытвинамъ —продолжалъ свой разсказъ Шпиліотовъ: я едва сижу, держась за края повозки; а онъ всякую минуту кричитъ возницѣ „пошелъ скорѣй“, сопровождая приказанія тычкомъ въ шею. На разсвѣтѣ въѣзжаемъ во дворъ фольварка и видимъ человѣкъ 15 поляковъ, поставленныхъ въ шеренгу. По ихъ лицамъ и одеждѣ было видно, что это народъ привиллегированный. Ченгеры выскакиваетъ изъ брички и кричитъ казакамъ „валяй ихъ нагайками“! Казаки не заставили повторять приказаніе. „А ты чего не помогаешь“? обращается онъ къ артиллеристу, державшему мою верховую лошадь.—„дуй и ты“. Начался вальсъ: каждый казакъ, взявъ лѣвою рукою лѣвую руку

повстанца, отпускаетъ ему удары, а Ченгеры приговариваетъ: „Это вамъ, мерзавцы, задатокъ, а расплата будетъ впереди".

Замѣчательно, что когда черезъ два года Ченгеры, получивъ другое назначеніе, уѣзжалъ изъ Кѣльцъ, то окрестные помѣщики и чиновники-поляки, въ числѣ болѣе ста человѣкъ, дали ему обѣдъ, отдѣльно отъ военнаго общества, прощались съ нимъ съ полнымъ сожалѣніемъ, а крестьяне, гминные войты и солтысы, верхами провожали его до первой станціи.

Желая узнать подробности о происходящемъ въ Кѣльцахъ, а главное притянуть въ Радомъ часть кавалеріи, которой тамъ не было, генералъ Ушаковъ послалъ къ Ченгеры, состоявшаго при немъ офицера Полоцкаго полка поручика Лускино; но какъ проѣздъ считался несовсѣмъ безопаснымъ, то командированному дали двухъ стрѣлковъ. Подъѣзжая къ Суходневу [1]), Лускино замѣтилъ, что за нимъ скачутъ два верховыхъ, вооруженныхъ саблями и револьверами. Одинъ изъ стрѣлковъ далъ по нимъ выстрѣлъ, на который послѣдовало два отвѣта изъ шоссейной канавы. Приказавъ ямщику ударить по лошадямъ, поручикъ понялъ, что его ожидаетъ что-то недоброе. Какъ только тройка остановилась у почтовой станціи, ее со всѣхъ сторонъ окружили выбѣжавшіе изъ-за строеній мятежники. Всякое сопротивленіе было бы безполезно. Лускино и два его спутника оказались плѣнными. Дальнѣйшій разсказъ этого эпизода я веду со словъ Лускино, бывшаго потомъ офицеромъ моего штаба.

Шайка, захватившая его вмѣстѣ съ двумя стрѣлками, была боковымъ отрядомъ большой банды Лангевича, формировавшейся въ Илженскихъ и Опатовскихъ лѣсахъ. Въ тотъ же день плѣнныхъ отвели въ мѣстечко Вонхоцкъ, главную квартиру знаменитаго довудца, гдѣ и арестовали: Лускино, при квартирѣ какого-то пана въ венгеркѣ, называвшаго себя комендантомъ, а нижнихъ чиновъ—отдѣльно. На слѣдующее утро Лангевичъ потребовалъ Лускино къ себѣ. Въ присутствіи нѣсколькихъ лицъ своей свиты, вооруженныхъ саблями, револьверами и кинжалами, онъ сдѣлалъ плѣнному нѣсколько вопросовъ. Какъ уроженецъ Литвы, поручикъ отвѣчалъ ему на

[1]) Большое селеніе, центръ казенныхъ горныхъ заводовъ, въ 20 верстахъ отъ Кѣльцъ.

чистомъ польскомъ языкѣ. Узнавъ, что Лускино католикъ, Лангевичъ началъ уговаривать его перейти къ повстанцамъ, доказывая, что литвину непростительно сражаться противъ поляковъ. Получивъ подобающіе отвѣты и просьбу не склонять его къ поступку противному чести и присягѣ, начальникъ банды объявилъ, что онъ готовъ дать поручику свободу, если онъ дастъ слово не участвовать въ дѣлахъ съ повстанцами, но что нижніе чины во всякомъ случаѣ останутся плѣнными.

— Дать подобное обязательство, — отвѣчалъ Лускино, — равносильно измѣнѣ; кромѣ того, я не считаю возможнымъ воспользоваться свободою, разъ что ввѣренные мнѣ стрѣлки остаются въ плѣну; мой долгъ раздѣлить ихъ участь.

— Въ такомъ случаѣ,—продолжалъ Лангевичъ,—какъ поступить съ вами, будетъ зависѣть отъ военнаго совѣта.

Плѣннаго снова отвели къ коменданту. Когда послѣдній куда-либо уходилъ, въ комнату Лускино вводили часоваго. Однимъ изъ таковыхъ оказался кузнецъ, мальчикъ лѣтъ 16-ти, постоянно подковывавшій въ Радомѣ верховую лошадь поручика. Оставшись съ нимъ глазъ-на-глазъ, часовой этотъ откровенно сознавался, что взятъ въ банду силою, и очень былъ бы радъ вырваться изъ нея. Тотъ же часовой передалъ охраняемому имъ плѣннику, что въ бандѣ есть слухъ „на утро разстрѣлять пана поручника, а жолнержевъ (солдатъ) его повѣсить, для чего уже строятъ висѣлицу". Можно вообразить, какое впечатлѣніе произвело это на плѣннаго. Вечеромъ онъ вновь былъ потребованъ къ Лангевичу, и шелъ къ нему съ полною увѣренностію, что его ведутъ для объявленія приговора; но оказалось, что онъ приглашенъ на чай, въ общество лицъ свиты довудца. Здѣсь Лускино былъ представленъ адъютанту Лангевича, знаменитой дѣвицѣ Пустовойтовой, дочери русскаго генерала и бывшей воспитанницѣ Варшавскаго института. Одѣтая въ гусарскую куртку съ короткою юбкою и въ высокіе сапоги со шпорами, разливая чай, она разыгрывала роль хозяйки. „Мнѣ было не до чая,— говорилъ мнѣ Лускино,—я не зналъ чему приписать приглашеніе, тѣмъ болѣе, что Лангевичъ относился ко мнѣ внимательно, чего нельзя было сказать о его свитѣ". Адъютантъ-дѣвица тоже не преминула ввернуть нѣсколько шпилекъ и

намековъ, напримѣръ: видѣлъ ли я, какъ вѣшаютъ, и какую смерть предпочелъ бы, если бы мнѣ предоставили выборъ?

— Послѣ чая,—продолжалъ Лускино,—меня снова отвели подъ арестъ. Всю ночь я проходилъ по комнатѣ, мысленно подготовляя себя къ смерти; но передъ разсвѣтомъ усталость взяла свое, я сѣлъ на диванъ и невольно задремалъ. Вдругъ часовой будитъ меня; мнѣ вообразилось, что за мною пришли, чтобы вести на казнь. Очнувшись, слышу возлѣ дома бѣготню, конскій топотъ, а затѣмъ три отдаленные выстрѣла, вслѣдъ за которыми часовой бросается передо мной на колѣни, съ крикомъ: „ратуйте, пане поручнику, ратуйте!“ (т. е. спасите меня). Въ ту же минуту изъ сосѣдней комнаты выбѣгаетъ ошалѣлый комендантъ и, не обращая на насъ вниманія, удираетъ. Между тѣмъ шумъ усиливается, выстрѣлы, приближаясь, слышатся громче. Только тогда я понялъ, что банда атакована нашимъ отрядомъ и что настаетъ часъ моего спасенія.

Не прошло пяти минутъ, какъ нѣсколько пуль ударили въ стѣну дома, и одна выбила стекло окна, у котораго стоялъ Лускино. Опасаясь, чтобы солдаты, разгорячась, не приняли его за переодѣтаго повстанца, онъ, прижавшись спиною къ стѣнѣ, вытянутою рукою выставилъ въ окно свою фуражку съ кокардою, и махалъ ею. Два сапера заглянули въ окно, и такимъ образомъ плѣнный, а съ нимъ вмѣстѣ и оба конвоировавшіе его стрѣлка были спасены. Повстанцы такъ храбро бѣжали, что забыли о нихъ; Лускино же, забравъ оставленныя комендантомъ бумаги, въ томъ числѣ и различныя предписанія Лангевича въ другія банды, черезъ два дня, вмѣстѣ съ отрядомъ, возвратился въ Радомъ.

Обратимся теперь къ происходившему въ Варшавѣ.

Прежде чѣмъ было возстановлено сообщеніе съ Петербургомъ, куда пришлось посылать телеграммы черезъ Берлинъ, прусское правительство, самымъ ощутительнымъ образомъ, выразило желаніе содѣйствовать водворенію спокойствія въ Польшѣ. На третій же день послѣ нападеній на войска, по повелѣнію короля Вильгельма, прибыли въ Варшаву, черезъ Торнъ и Плоцкъ, въ распоряженіе Намѣстника: генералъ Альвенслебенъ, флигель-адъютантъ полковникъ Тресковъ и капитанъ генеральнаго штаба Верди-де-Вернуа, Первый немедленно отпра-

вился съ особымъ порученіемъ въ Петербургъ, а послѣдніе остались при Его Высочествѣ. Вскорѣ они совершенно вошли въ наше военное общество, а впослѣдствіи сдѣлались какъ бы членами полковой семьи Прусскаго полка, особенно Верди, знавшій потомъ всѣхъ его офицеровъ и принимавшій близко все, что въ немъ происходило. Не только смотры начальства и полковой праздникъ, но обычные семейные вечера были постоянно имъ посѣщаемы. Въ настоящее время, послѣ отличій сдѣланныхъ въ двухъ компаніяхъ, Верди начальствуетъ дивизіею и пользуется европейскою извѣстностію, какъ замѣчательный военный писатель.

По полученіи донесеній отъ начальниковъ военныхъ отдѣловъ, о произведенныхъ повсемѣстно нападеніяхъ, приказано было стянуть войска въ главные пункты, съ цѣлью направлять изъ нихъ, для уничтоженія бандъ, подвижныя колонны и самостоятельные летучіе отряды; но лѣсныя дебри помогали мятежникамъ укрываться отъ преслѣдованій, а захватываемыя у крестьянъ подводы служили имъ средствомъ для быстрыхъ переѣзжаній. Въ случаѣ же настиженія, шайки разбѣгались, разсѣивались по окрестностямъ, условясь заранѣе о сборномъ пунктѣ, а по сборѣ производили бесчинства и насилія по деревнямъ и мѣстечкамъ и захватывали силою молодежь въ банду. Не имѣя возможности преслѣдовать мелкія партіи по всѣмъ направленіямъ, наши отряды возвращались въ свои штабъ квартиры, а [illegible] черезъ [illegible], при появленіи гдѣ либо новаго скопища, снова выступали. Подобныя безпрестанныя походы крайне утомляли войска.

Прусскому полку пришлось принять участіе въ одной изъ [illegible] экспедицій, направленныхъ изъ Варшавы. Въ послѣднихъ числахъ января 1863 года, получены были свѣдѣнія, что [illegible] мятежническая банда, [illegible] наши [illegible] на [illegible] Галиціи, [illegible] между [illegible] [illegible] дороги и что въ предѣлѣ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] Варшавы [illegible] [illegible] [illegible] Мирославскій.

[illegible] [illegible] отъ начальника штаба генерала Минквица [illegible] [illegible] Его Высочество приказалъ [illegible] С.-Петербургскаго гренадерскаго

короля Фридриха-Вильгельма III полка немедленно прибыть къ нему, для полученія приказаній". Пріѣхавъ во дворецъ, я засталъ въ пріемной слѣдующихъ лицъ: генералъ баронъ Корфъ ходилъ по комнатѣ, толкуя о чемъ-то съ комендантомъ княземъ Бебутовымъ; у оконъ налѣво, маркизъ Велепольскій, статсъ-секретарь Энохъ и чиновникъ канцеляріи Заборовскій, составляли отдѣльную группу, а противъ входной двери, у камина, стоялъ только-что прибывшій изъ Петербурга, генералъ-адъютантъ графъ А. В. Адлербергъ, генералъ свиты графъ Толь и завѣдывавшій гофмаршальскою частью Тенгоборскій. Баронъ Корфъ объявилъ мнѣ, что три роты моего полка, съ ротою Кексгольмскаго, назначаются, подъ моимъ начальствомъ, въ экспедицію, дней на шесть, къ сторонѣ Ченстохова. Только-что онъ успѣлъ сказать это, какъ изъ небольшой двери справа вышелъ Великій князь. Увидя насъ, онъ обратился къ барону Корфу со словами:

— Вы, вѣроятно, говорите съ нимъ насчетъ экспедиціи?

— Точно такъ. Генералъ самъ изберетъ роты, которыя отправятся съ нимъ сегодня же, и сообщитъ ваши приказанія въ Австрійскій полкъ.

— Да вы кого назначаете начальникомъ отряда, неужели его? — спросилъ Его Высочество.

Здѣсь необходимо замѣтить, что въ это время у меня былъ тяжко боленъ двухлѣтній сынъ Георгій, и Великій князь зналъ это.

Получивъ утвердительный отвѣтъ, Его Высочество продолжалъ:

— Какъ можно; у него опасно боленъ ребенокъ, оставьте его при семьѣ. И затѣмъ, обратясь ко мнѣ, спросилъ:

— Кто у тебя въ полку надежный штабъ-офицеръ?

— Полковникъ баронъ Корфъ [1]), отвѣчалъ я,—онъ былъ на Дунаѣ и въ Севастополѣ.

— Въ такомъ случаѣ поѣзжай въ полкъ, сдѣлай всѣ распоряженія и, затѣмъ, привези ко мнѣ Корфа, я хочу самъ ознакомить его съ обстоятельствами, при которыхъ ему предстоитъ

---

[1]) Полковникъ Корфъ былъ только однофамилецъ начальника дивизіи, генералъ-адъютанта барона Корфа, и очень не любилъ, чтобы его считали родственникомъ послѣдняго.

дѣйствовать. Сдѣлай это поскорѣе, потому что отрядъ къ 5 часамъ долженъ быть у Вѣнскаго вокзала.

Возвратясь въ казармы, я назначилъ роты, написалъ въ Австрійскій полкъ о повелѣніи главнокомандующаго и потребовалъ къ себѣ Корфа. На бѣду его не оказалось дома. Прошло часа полтора, пока разосланные за нимъ въ разные концы города офицеры разыскали его. Неожиданность видимо подѣйствовала на полковника; онъ вошелъ ко мнѣ блѣдный, нѣсколько растерявшійся. Впрочемъ, разсѣянность была всегдашнимъ его недостаткомъ. Теперь, по прошествіи 25-ти лѣтъ со времени описываемыхъ событій, я охотно сознаюсь, что поступилъ необдуманно, назвавъ Корфа способнымъ для важной, самостоятельной командировки. Не прощалъ и до сихъ поръ не прощаю себѣ и то, что согласился на желаніе Великаго князя избавить меня отъ экспедиціи; но тогда вниманіе его къ моей семьѣ до того меня тронуло, что я не считалъ себя въ правѣ возражать на это. Я долженъ былъ вспомнить, что полковникъ Корфъ, при всѣхъ своихъ служебныхъ достоинствахъ, при всемъ своемъ образованіи, полученномъ въ Дерптскомъ университетѣ, былъ человѣкъ крайне нервный, что на него находили иногда дни меланхоліи и что онъ смотрѣлъ на поляковъ, какъ на заблуждающуюся, но заслуживающую сожалѣнія націю. Все это могло бы быть взвѣшано мною только при спокойномъ обсужденіи вопроса, при полномъ хладнокровіи, которое мы тогда не всегда имѣли. Первымъ побужденіемъ моимъ, называя Корфа, было дать ему, какъ испытанному въ бою и завѣдомо храброму офицеру, новый случай къ отличію. Говорю объ этомъ для того, чтобы читателямъ было яснѣе послѣдующее.

Къ чести офицеровъ моего, до сихъ поръ дорогого для меня, полка, въ которомъ теперь остался всего одинъ офицеръ времени моего командованія, скажу, что всѣ они рвались другъ передъ другомъ въ экспедицію. Въ помощь командира отряда я назначилъ начальника стрѣлковъ, подполковника Росси. Полковой штабъ-лекарь Шахтингеръ самъ вызвался идти съ Корфомъ, адъютантомъ его былъ подпоручикъ Гофманъ [1]).

[1]) Въ настоящее время онъ служитъ главнымъ инженеромъ Николаевской желѣзной дороги.

По прибытіи въ замокъ, насъ встрѣтилъ генералъ Корфъ. Въ короткихъ словахъ онъ объяснилъ полковнику, что предстоящая экспедиція весьма важна и что отъ нея можетъ зависѣть исходъ мятежа. Великій князь самъ ввелъ насъ въ кабинетъ, раскрылъ большую подробную карту, приказалъ сѣсть вокругъ стола и въ слѣдующихъ словахъ объяснилъ цѣль экспедиціи:

„Въ настоящее время во всемъ царствѣ нѣтъ значительныхъ скопищъ, исключая разбросанныхъ бандъ по 100 и по 200 человѣкъ, около Буга и въ Плоцкомъ отдѣлѣ. Только къ югу отъ Ченстохова, вотъ здѣсь (показывая на картѣ), въ углу, гдѣ сходится австро-прусская граница, собралась большая шайка. По полученнымъ свѣдѣніямъ, это наилучше вооруженное и организованное скопище, потому, что владѣя краковскою линіею, оно получаетъ изъ Галиціи все, что нужно. Тамъ много заграничныхъ выходцевъ, особенно венгровъ. Вотъ эту-то шайку и необходимо разсѣять. Для этого я назначаю два отряда: одинъ—южный, подъ командою полковника князя Багратіона, изъ трехъ ротъ Смоленскаго полка, изъ 7-го стрѣлковаго баталіона и 4-хъ орудій, съ эскадрономъ драгунъ и двумя сотнями. Багратіонъ долженъ 5-го числа прійдти въ Мѣховъ, чтобы вечеромъ быть въ Олькушѣ.

„Другая, сѣверная колонна будетъ, Корфъ, подъ вашею командою. Съ вами пойдутъ отсюда 4 роты, въ Ченстоховѣ вы получите еще 4, а можетъ быть и 6, возьмете 6 орудій изъ стоящей тамъ батареи и сотню или двѣ казаковъ. Съ этимъ отрядомъ выступайте завтра утромъ изъ Ченстохова и вечеромъ прибудьте въ Жарки“.

Тутъ Его Высочество взялъ циркуль, вымѣрилъ по картѣ разстояніе; оказалось 25 верстъ, а затѣмъ продолжалъ.

„Хотя я и прочелъ сегодня въ иностранныхъ газетахъ, что Жарки заняты мятежниками, но тамъ ихъ много быть не можетъ, и потому вы ихъ выбьете, и переночуете тамъ. 6-го числа вы перейдете въ Огродзинецъ. Въ этотъ вечеръ Багратіонъ будетъ въ Олькушахъ, значитъ—между вами будетъ верстъ 20. Тотчасъ по приходѣ пошлите къ нему сильные разъѣзды, войдите съ нимъ въ сношенія и условьтесь о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ. Цѣль вашего движенія на Домброво должна состоять въ томъ, чтобы разбивъ мятежниковъ, не дать имъ уйти въ Австрію, а отбро-

сить въ Пруссію. Я получилъ сегодня депешу отъ короля, что у него приготовлено на границѣ 3 батальона. Въ случаѣ необходимости, вы даже можете вступить въ Пруссію, но не вдавайтесь въ нее болѣе одного перехода.

„Вотъ все, что я хотѣлъ сказать вамъ. Я не вдаюсь въ подробности, чтобы не стѣснять вашихъ распоряженій, которыя должны быть самостоятельны. Очень можетъ быть, что придя даже въ Ченстоховъ, по собраніи свѣдѣній, вы измѣните свой маршрутъ и вообще будете дѣйствовать по обстоятельствамъ, совершенно иначе, чѣмъ я предполагаю. Я высказалъ только мою цѣль, а выполненіе предоставляю вашему усмотрѣнію".

Послѣ этого Великій князь всталъ и, прощаясь со мною и съ полковникомъ Корфомъ, прибавилъ: „Душевно желаю всякаго успѣха".

До срока, назначеннаго для посадки отряда, оставалось часа три. Въ этотъ промежутокъ времени надо было успѣть смѣнить одну изъ выступающихъ ротъ съ караула, привести двѣ стрѣлковыя роты за три версты изъ Повонзковскихъ бараковъ въ казармы, уложить обозъ, закупить продукты. Благодаря распорядительности квартермистра и ротныхъ командировъ, къ 4 часамъ все было готово. Обходя роты отряда, собравшіяся во дворѣ Сапежинскихъ казармъ, я далъ имъ наставленіе и отправилъ къ вѣнскому дебаркадеру. Оказалось, что на желѣзной дорогѣ, куда съ утра было послано приказаніе, ничего не приготовлено. Это лучше всего показывало, что значило оставлять желѣзныя дороги въ польскихъ рукахъ. Управляющій дорогою, начальникъ станціи, начальникъ движенія, не смотря на присутствіе генералъ-адъютанта Корфа и оберъ-полицціймейстера, ходили какъ посторонніе зрители. На каждой физіономіи служащихъ было написано не только равнодушіе, но какъ бы пренебреженіе къ приказаніямъ и требованіямъ властей. Пришлось ждать часа 3, покуда составляли поѣздъ.

Въ это время принесли изъ штаба конвертъ, на имя командира Полоцкаго полка Островскаго, который полковникъ Корфъ долженъ былъ вручить ему въ Ченстоховѣ. Тогда же появился въ вокзалѣ офицеръ генеральнаго штаба, полякъ родомъ; онъ ни къ кому не подошелъ, не счелъ нужнымъ явиться начальнику отряда и только въ вагонѣ заявилъ, что назначенъ

исправляющимъ должность его начальника штаба. Это не могло не произвести дурнаго впечатлѣнія на Корфа. Передъ отходомъ поѣзда, я собралъ офицеровъ и просилъ ихъ во время дѣла беречь полковника, такъ какъ видѣлъ его взволнованнымъ, и былъ увѣренъ, что онъ при первой перестрѣлкѣ бросится впередъ, подъ пули. Только въ 9 часовъ подали вагоны; роты живо усѣлись. Изъ предосторожности, на случай предательства, я приказалъ поставить на локомотивъ, по сторонамъ машиниста, двухъ стрѣлковъ съ заряженными ружьями. Кромѣ того, въ двухъ верстахъ впереди поѣзда посланъ былъ передовой локомотивъ, съ горнистомъ и офицеромъ, для извѣщенія объ опасности.

Послѣ полуночи, во время остановки въ Петраковѣ, узнали, что роты, которыя должны были присоединиться въ Ченстоховѣ, выступили оттуда. Это уже измѣняло приказанія, полученныя въ Варшавѣ; но еще болѣе удивило Корфа то, что, по прибытіи въ 8 ч. утра въ Ченстоховъ, тамъ ничего не знали о назначеніи въ экспедицію 6-ти орудій и казачьихъ сотенъ, а также никто не могъ сказать, въ какомъ направленіи пошли полоцкія роты, съ полковникомъ Островскимъ. Чтобы исполнить приказаніе Великаго князя, надо было немедленно, по присоединеніи орудій, трогаться далѣе. О приготовленіи для нижнихъ чиновъ пищи нечего было и думать, тѣмъ болѣе, что предстоящій 25-ти-верстный переходъ до Жарокъ шелъ проселкомъ, по очень гористой мѣстности. Вслѣдствіе гололедицы, подъемы и спуски сильно затрудняли обозъ и артиллерію. Черезъ это отрядъ, среди непроницаемой темноты и изморози, до крайности утомленный, не имѣя 30 часовъ пищи, едва къ 10 часамъ вечера добрался до Жарокъ. Хотя тамъ и узнали, что полоцкія роты въ мѣстечкѣ, но гдѣ полковникъ Островскій—пришлось разыскивать цѣлый часъ. Офицеръ генеральнаго штаба, ни слова не сказавъ полковнику Корфу, уѣхалъ впередъ. Онъ оказался потомъ у Островскаго, тоже поляка.

Необходимо замѣтить, что во время севастопольской обороны, Корфъ, бывши командированъ въ дѣйствующую армію, находился въ полку Островскаго, такъ что они были старыми знакомыми, но все-таки Корфъ счелъ долгомъ явиться ему, какъ старшему въ чинѣ, тѣмъ болѣе, что онъ не могъ знать,

онъ леталъ съ одного конца Радомской губерніи въ другой, и никто не зналъ гдѣ онъ и куда бросится; сегодня онъ на югѣ у Олькуша, завтра на сѣверѣ—у Конска. Неразлучный спутникъ его въ поискахъ за повстанцами, полковникъ Шпиліотовъ, былъ не разъ свидѣтелемъ забавныхъ послѣдствій вспыльчивости Ченгеры. Однажды ѣдутъ они вмѣстѣ передъ пѣхотною колонною, а впереди эскадронъ драгунъ. Вдругъ послѣдній пошелъ рысью, скрылся за возвышеніемъ, а затѣмъ послышались выстрѣлы. „Ченгеры стегнулъ коня ногайкою, говорилъ Шпиліотовъ — я за нимъ; пѣхота конечно отстала версты на двѣ. Передъ въѣздомъ въ опушку, я замѣчаю ему, что безразсудно въѣзжать въ лѣсъ однимъ. Въ это время какой-то повстанецъ выбѣгаетъ на поляну; увидя двухъ начальниковъ, безъ всякаго конвоя, онъ ошалѣваетъ, но потомъ цѣлится. Ченгеры бросается къ нему и кричитъ скачущему за нимъ горнисту: „чего глядишь, дуракъ, бери его". Повстанецъ такъ былъ озадаченъ этимъ, что, опустивъ ружье, сдался горнисту, а Ченгеры помчался черезъ лѣсъ догонять драгунъ".

Другой разъ, расказывалъ Шпиліотовъ, ночью, ѣдемъ мы позади отряда, на фурманкѣ, и оба дремлемъ. Вдругъ колонна, встрѣтивъ нѣсколько пустыхъ подводъ, остановилась. „Что такое"? спрашиваетъ проснувшійся Ченгеры. Бывшій въ разъѣздѣ урядникъ докладываетъ, что встрѣченныя подводы только что отвезли на ближайшій фольварокъ начальника банды съ его штабомъ и карауломъ. „Скачи туда со взводомъ,—приказываетъ Ченгеры уряднику, и бери всѣхъ живьемъ," а сидѣвшему на козлахъ фурштату кричитъ: „валяй за казаками". Скачемъ мы сквернымъ проселкомъ, по камнямъ и рытвинамъ —продолжалъ свой разсказъ Шпиліотовъ; я едва сижу, держась за края повозки; а онъ всякую минуту кричитъ возницѣ „пошелъ скорѣй", сопровождая приказанія тычкомъ въ шею. На разсвѣтѣ въѣзжаемъ во дворъ фольварка и видимъ человѣкъ 15 поляковъ, поставленныхъ въ шеренгу. По ихъ лицамъ и одеждѣ было видно, что это народъ привиллегированный. Ченгеры выскакиваетъ изъ брички и кричитъ казакамъ „валяй ихъ ногайками"! Казаки не заставили повторять приказаніе. „А ты чего не помогаешь"? обращается онъ къ артиллеристу, державшему мою верховую лошадь,—„дуй и ты". Начался вальсъ: каждый казакъ, взявъ лѣвою рукою лѣвую руку

повстанца, отпускаетъ ему удары, а Ченгеры приговариваетъ: „Это вамъ, мерзавцы, задатокъ, а расплата будетъ впереди“.

Замѣчательно, что когда черезъ два года Ченгеры, получивъ другое назначеніе, уѣзжалъ изъ Кѣльцъ, то окрестные помѣщики и чиновники-поляки, въ числѣ болѣе ста человѣкъ, дали ему обѣдъ, отдѣльно отъ военнаго общества, прощались съ нимъ съ полнымъ сожалѣніемъ, а крестьяне, гминные войты и солтысы, верхами провожали его до первой станціи.

Желая узнать подробности о происходящемъ въ Кѣльцахъ, а главное притянуть въ Радомъ часть кавалеріи, которой тамъ не было, генералъ Ушаковъ послалъ къ Ченгеры, состоявшаго при немъ офицера Полоцкаго полка поручика Лускино; но какъ проѣздъ считался несовсѣмъ безопаснымъ, то командированному дали двухъ стрѣлковъ. Подъѣзжая къ Суходневу [1]). Лускино замѣтилъ, что за нимъ скачутъ два верховыхъ, вооруженныхъ саблями и револьверами. Одинъ изъ стрѣлковъ далъ по нимъ выстрѣлъ, на который послѣдовало два отвѣта изъ шоссейной канавы. Приказавъ ямщику ударить по лошадямъ, поручикъ понялъ, что его ожидаетъ что-то недоброе. Какъ только тройка остановилась у почтовой станціи, ее со всѣхъ сторонъ окружили выбѣжавшіе изъ-за строеній мятежники. Всякое сопротивленіе было бы безполезно. Лускино и два его спутника оказались плѣнными. Дальнѣйшій разсказъ этого эпизода я веду со словъ Лускино, бывшаго потомъ офицеромъ моего штаба.

Шайка, захватившая его вмѣстѣ съ двумя стрѣлками, была боковымъ отрядомъ большой банды Лангевича, формировавшейся въ Илженскихъ и Опатовскихъ лѣсахъ. Въ тотъ же день плѣнныхъ отвели въ мѣстечко Вонхоцкъ, главную квартиру знаменитаго довудца, гдѣ и арестовали: Лускино, при квартирѣ какого-то пана въ венгеркѣ, называвшаго себя комендантомъ, а нижнихъ чиновъ—отдѣльно. На слѣдующее утро Лангевичъ потребовалъ Лускино къ себѣ. Въ присутствіи нѣсколькихъ лицъ своей свиты, вооруженныхъ саблями, револьверами и кинжалами, онъ сдѣлалъ плѣнному нѣсколько вопросовъ. Какъ уроженецъ Литвы, поручикъ отвѣчалъ ему на

[1]) Большое селеніе, центръ казенныхъ горныхъ заводовъ, въ 20 верстахъ отъ Кѣльцъ.

чистомъ польскомъ языкѣ. Узнавъ, что Лускино католикъ, Лангевичъ началъ уговаривать его перейти къ повстанцамъ, доказывая, что литвину непростительно сражаться противъ поляковъ. Получивъ подобающіе отвѣты и просьбу не склонять его къ поступку противному чести и присягѣ, начальникъ банды объявилъ, что онъ готовъ дать поручику свободу, если онъ дастъ слово не участвовать въ дѣлахъ съ повстанцами, но что нижніе чины во всякомъ случаѣ останутся плѣнными.

— Дать подобное обязательство, — отвѣчалъ Лускино, — равносильно измѣнѣ; кромѣ того, я не считаю возможнымъ воспользоваться свободою, разъ что ввѣренные мнѣ стрѣлки остаются въ плѣну; мой долгъ раздѣлить ихъ участь.

— Въ такомъ случаѣ,—продолжалъ Лангевичъ,—какъ поступить съ вами, будетъ зависѣть отъ военнаго совѣта.

Плѣннаго снова отвели къ коменданту. Когда послѣдній куда-либо уходилъ, въ комнату Лускино вводили часоваго. Однимъ изъ таковыхъ оказался кузнецъ, мальчикъ лѣтъ 16-ти, постоянно подковывавшій въ Радомѣ верховую лошадь поручика. Оставшись съ нимъ глазъ-на-глазъ, часовой этотъ откровенно сознавался, что взятъ въ банду силою, и очень былъ бы радъ вырваться изъ нея. Тотъ же часовой передалъ охраняемому имъ плѣннику, что въ бандѣ есть слухъ „на утро разстрѣлять пана поручика, а жолнержевъ (солдатъ) его повѣсить, для чего уже строятъ висѣлицу“. Можно вообразить, какое впечатлѣніе произвело это на плѣннаго. Вечеромъ онъ вновь былъ потребованъ къ Лангевичу, и шелъ къ нему съ полною увѣренностію, что его ведутъ для объявленія приговора; но оказалось, что онъ приглашенъ на чай, въ общество лицъ свиты довудца. Здѣсь Лускино былъ представленъ адъютанту Лангевича, знаменитой дѣвицѣ Пустовойтовой, дочери русскаго генерала и бывшей воспитанницѣ Варшавскаго института. Одѣтая въ гусарскую куртку съ короткою юбкою и въ высокіе сапоги со шпорами, разливая чай, она разыгрывала роль хозяйки. „Мнѣ было не до чая,— говорилъ мнѣ Лускино,—я не зналъ чему приписать приглашеніе, тѣмъ болѣе, что Лангевичъ относился ко мнѣ внимательно, чего нельзя было сказать о его свитѣ“. Адъютантъ-дѣвица тоже не преминула ввернуть нѣсколько шпилекъ и

намековъ, напримѣръ: видѣлъ ли я, какъ вѣшаютъ, и какую смерть предпочелъ бы, если бы мнѣ предоставили выборъ?

— Послѣ чая,—продолжалъ Лускино,—меня снова отвели подъ арестъ. Всю ночь я проходилъ по комнатѣ, мысленно подготовляя себя къ смерти; но передъ разсвѣтомъ усталость взяла свое, я сѣлъ на диванъ и невольно задремалъ. Вдругъ часовой будитъ меня; мнѣ вообразилось, что за мною пришли, чтобы вести на казнь. Очнувшись, слышу возлѣ дома бѣготню, конскій топотъ, а затѣмъ три отдаленные выстрѣла, вслѣдъ за которыми часовой бросается передо мной на колѣни, съ крикомъ: „ратуйте, пане поручнику, ратуйте!“ (т. е. спасите меня). Въ ту же минуту изъ сосѣдней комнаты выбѣгаетъ ошалѣлый комендантъ и, не обращая на насъ вниманія, удираетъ. Между тѣмъ шумъ усиливается, выстрѣлы, приближаясь, слышатся громче. Только тогда я понялъ, что банда атакована нашимъ отрядомъ и что настаетъ часъ моего спасенія.

Не прошло пяти минутъ, какъ нѣсколько пуль ударили въ стѣну дома, и одна выбила стекло окна, у котораго стоялъ Лускино. Опасаясь, чтобы солдаты, разгорячась, не приняли его за переодѣтаго повстанца, онъ, прижавшись спиною къ стѣнѣ, вытянутою рукою выставилъ въ окно свою фуражку съ кокардою, и махалъ ею. Два сапера заглянули въ окно, и такимъ образомъ плѣнный, а съ нимъ вмѣстѣ и оба конвоировавшіе его стрѣлка были спасены. Повстанцы такъ храбро бѣжали, что забыли о нихъ; Лускино же, забравъ оставленныя комендантомъ бумаги, въ томъ числѣ и различныя предписанія Лангевича въ другія банды, черезъ два дня, вмѣстѣ съ отрядомъ, возвратился въ Радомъ.

Обратимся теперь къ происходившему въ Варшавѣ.

Прежде чѣмъ было возстановлено сообщеніе съ Петербургомъ, куда пришлось посылать телеграммы черезъ Берлинъ, прусское правительство, самымъ ощутительнымъ образомъ, выразило желаніе содѣйствовать водворенію спокойствія въ Польшѣ. На третій же день послѣ нападеній на войска, по повелѣнію короля Вильгельма, прибыли въ Варшаву, черезъ Торнъ и Плоцкъ, въ распоряженіе Намѣстника: генералъ Альвенслебенъ, флигель-адъютантъ полковникъ Тресковъ и капитанъ генеральнаго штаба Верди-де-Вернуа, Первый немедленно отпра-

вился съ особымъ порученіемъ въ Петербургъ, а послѣдніе остались при Его Высочествѣ. Вскорѣ они совершенно вошли въ наше военное общество, а впослѣдствіи сдѣлались какъ бы членами полковой семьи Прусскаго полка, особенно Верди, знавшій потомъ всѣхъ его офицеровъ и принимавшій близко все, что въ немъ происходило. Не только смотры начальства и полковой праздникъ, но обычные семейные вечера были постоянно имъ посѣщаемы. Въ настоящее время, послѣ отличій сдѣланныхъ въ двухъ компаніяхъ, Верди начальствуетъ дивизіею и пользуется европейскою извѣстностію, какъ замѣчательный военный писатель.

По полученіи донесеній отъ начальниковъ военныхъ отдѣловъ, о произведенныхъ повсемѣстно нападеніяхъ, приказано было стянуть войска въ главные пункты, съ цѣлью направлять изъ нихъ, для уничтоженія бандъ, подвижныя колонны и самостоятельные летучіе отряды; но лѣсныя дебри помогали мятежникамъ укрываться отъ преслѣдованій, а захватываемыя у крестьянъ подводы служили имъ средствомъ для быстрыхъ передвиженій. Въ случаѣ же настиженія, шайки разбѣгались, разсѣивались по окрестностямъ, условясь заранѣе о сборномъ пунктѣ, а до сбора производили безчинства и насилія по деревнямъ и мѣстечкамъ и захватывали силою молодежь въ банду. Не имѣя возможности преслѣдовать мелкія партіи по всѣмъ направленіямъ, наши отряды возвращались въ свои штабъ квартиры, а дня черезъ два, при появленіи гдѣ либо новаго скопища, снова выступали. Подобныя безпрестанныя погони крайне утомляли войска.

Прусскому полку пришлось принять участіе въ одной изъ первыхъ экспедицій, направленныхъ изъ Варшавы. Въ послѣднихъ числахъ января 1863 года, получены были свѣдѣнія, что большія мятежническія банды, ограбивъ наши таможни на границѣ Галиціи, собрались между расходящимися вѣтвями варшавско-вѣнской дороги и что въ деревнѣ Ойцовѣ главная квартира революціоннаго ржонда, куда прибыла масса выходцевъ изъ Венгріи. Говорили, будто бы численность скопища простирается до 6 тысячъ и что въ Домброво прибыли извѣстные эмигранты Высоцкій и Мирославскій.

4-го февраля я получилъ изъ замка, отъ начальника штаба генерала Минквица, записку такого содержанія: „Его Высочество приказалъ командиру С.-Петербургскаго гренадерскаго

короля Фридриха-Вильгельма III полка немедленно прибыть къ нему, для полученія приказаній". Пріѣхавъ во дворецъ, я засталъ въ пріемной слѣдующихъ лицъ: генералъ баронъ Корфъ ходилъ по комнатѣ, толкуя о чемъ-то съ комендантомъ княземъ Бебутовымъ; у оконъ налѣво, маркизъ Велепольскій, статсъ-секретарь Энохъ и чиновникъ канцеляріи Заборовскій, составляли отдѣльную группу, а противъ входной двери, у камина, стоялъ только-что прибывшій изъ Петербурга, генералъ-адъютантъ графъ А. В. Адлербергъ, генералъ свиты графъ Толь и завѣдывавшій гофмаршальскою частью Тенгоборскій. Баронъ Корфъ объявилъ мнѣ, что три роты моего полка, съ ротою Кексгольмскаго, назначаются, подъ моимъ начальствомъ, въ экспедицію, дней на шесть, къ сторонѣ Ченстохова. Только-что онъ успѣлъ сказать это, какъ изъ небольшой двери справа вышелъ Великій князь. Увидя насъ, онъ обратился къ барону Корфу со словами:

— Вы, вѣроятно, говорите съ нимъ насчетъ экспедиціи?

— Точно такъ. Генералъ самъ изберетъ роты, которыя отправятся съ нимъ сегодня же, и сообщитъ ваши приказанія въ Австрійскій полкъ.

— Да вы кого назначаете начальникомъ отряда, неужели его? — спросилъ Его Высочество.

Здѣсь необходимо замѣтить, что въ это время у меня былъ тяжко боленъ двухлѣтній сынъ Георгій, и Великій князь зналъ это.

Получивъ утвердительный отвѣтъ, Его Высочество продолжалъ:

— Какъ можно; у него опасно боленъ ребенокъ, оставьте его при семьѣ. И затѣмъ, обратясь ко мнѣ, спросилъ:

— Кто у тебя въ полку надежный штабъ-офицеръ?

— Полковникъ баронъ Корфъ [1]), отвѣчалъ я,—онъ былъ на Дунаѣ и въ Севастополѣ.

— Въ такомъ случаѣ поѣзжай въ полкъ, сдѣлай всѣ распоряженія и, затѣмъ, привези ко мнѣ Корфа, я хочу самъ ознакомить его съ обстоятельствами, при которыхъ ему предстоитъ

---

[1]) Полковникъ Корфъ былъ только однофамилецъ начальника дивизіи, генералъ-адъютанта барона Корфа, и очень не любилъ, чтобы его считали родственникомъ послѣдняго.

дѣйствовать. Сдѣлай это поскорѣе, потому что отрядъ къ 5 часамъ долженъ быть у Вѣнскаго вокзала.

Возвратясь въ казармы, я назначилъ роты, написалъ въ Австрійскій полкъ о повелѣніи главнокомандующаго и потребовалъ къ себѣ Корфа. На бѣду его не оказалось дома. Прошло часа полтора, пока разосланные за нимъ въ разные концы города офицеры разыскали его. Неожиданность видимо подѣйствовала на полковника; онъ вошелъ ко мнѣ блѣдный, нѣсколько растерявшійся. Впрочемъ, разсѣянность была всегдашнимъ его недостаткомъ. Теперь, по прошествіи 25-ти лѣтъ со времени описываемыхъ событій, я охотно сознаюсь, что поступилъ необдуманно, назвавъ Корфа способнымъ для важной, самостоятельной командировки. Не прощалъ и до сихъ поръ не прощаю себѣ и то, что согласился на желаніе Великаго князя избавить меня отъ экспедиціи; но тогда вниманіе его къ моей семьѣ до того меня тронуло, что я не считалъ себя въ правѣ возражать на это. Я долженъ былъ вспомнить, что полковникъ Корфъ, при всѣхъ своихъ служебныхъ достоинствахъ, при всемъ своемъ образованіи, полученномъ въ Дерптскомъ университетѣ, былъ человѣкъ крайне нервный, что на него находили иногда дни меланхоліи и что онъ смотрѣлъ на поляковъ, какъ на заблуждающуюся, но заслуживающую сожалѣнія націю. Все это могло бы быть взвѣшано мною только при спокойномъ обсужденіи вопроса, при полномъ хладнокровіи, которое мы тогда не всегда имѣли. Первымъ побужденіемъ моимъ, называя Корфа, было дать ему, какъ испытанному въ бою и завѣдомо храброму офицеру, новый случай къ отличію. Говорю объ этомъ для того, чтобы читателямъ было яснѣе послѣдующее.

Къ чести офицеровъ моего, до сихъ поръ дорогого для меня, полка, въ которомъ теперь остался всего одинъ офицеръ времени моего командованія, скажу, что всѣ они рвались другъ передъ другомъ въ экспедицію. Въ помощь командира отряда я назначилъ начальника стрѣлковъ, подполковника Росси. Полковой штабъ-лекарь Шахтингеръ самъ вызвался идти съ Корфомъ, адъютантомъ его былъ подпоручикъ Гофманъ [1]).

[1]) Въ настоящее время онъ служитъ главнымъ инженеромъ Николаевской желѣзной дороги.

По прибытіи въ замокъ, насъ встрѣтилъ генералъ Корфъ. Въ короткихъ словахъ онъ объяснилъ полковнику, что предстоящая экспедиція весьма важна и что отъ нея можетъ зависѣть исходъ мятежа. Великій князь самъ ввелъ насъ въ кабинетъ, раскрылъ большую подробную карту, приказалъ сѣсть вокругъ стола и въ слѣдующихъ словахъ объяснилъ цѣль экспедиціи:

„Въ настоящее время во всемъ царствѣ нѣтъ значительныхъ скопищъ, исключая разбросанныхъ бандъ по 100 и по 200 человѣкъ, около Буга и въ Плоцкомъ отдѣлѣ. Только къ югу отъ Ченстохова, вотъ здѣсь (показывая на картѣ), въ углу, гдѣ сходится австро-прусская граница, собралась большая шайка. По полученнымъ свѣдѣніямъ, это наилучше вооруженное и организованное скопище, потому, что владѣя краковскою линіею, оно получаетъ изъ Галиціи все, что нужно. Тамъ много заграничныхъ выходцевъ, особенно венгровъ. Вотъ эту-то шайку и необходимо разсѣять. Для этого я назначаю два отряда: одинъ—южный, подъ командою полковника князя Багратіона, изъ трехъ ротъ Смоленскаго полка, изъ 7-го стрѣлковаго баталіона и 4-хъ орудій, съ эскадрономъ драгунъ и двумя сотнями. Багратіонъ долженъ 5-го числа прійдти въ Мѣховъ, чтобы вечеромъ быть въ Олькушѣ.

„Другая, сѣверная колонна будетъ, Корфъ, подъ вашею командою. Съ вами пойдутъ отсюда 4 роты, въ Ченстоховѣ вы получите еще 4, а можетъ быть и 6, возьмете 6 орудій изъ стоящей тамъ батареи и сотню или двѣ казаковъ. Съ этимъ отрядомъ выступайте завтра утромъ изъ Ченстохова и вечеромъ прибудьте въ Жарки“.

Тутъ Его Высочество взялъ циркуль, вымѣрилъ по картѣ разстояніе; оказалось 25 верстъ, а затѣмъ продолжалъ.

„Хотя я и прочелъ сегодня въ иностранныхъ газетахъ, что Жарки заняты мятежниками, но тамъ ихъ много быть не можетъ, и потому вы ихъ выбьете, и переночуете тамъ. 6-го числа вы перейдете въ Огродзинецъ. Въ этотъ вечеръ Багратіонъ будетъ въ Олькушахъ, значитъ—между вами будетъ верстъ 20. Тотчасъ по приходѣ пошлите къ нему сильные разъѣзды, войдите съ нимъ въ сношенія и условьтесь о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ. Цѣль вашего движенія на Домброво должна состоять въ томъ, чтобы разбивъ мятежниковъ, не дать имъ уйти въ Австрію, а отбро-

сить въ Пруссію. Я получилъ сегодня депешу отъ короля, что у него приготовлено на границѣ 3 батальона. Въ случаѣ необходимости, вы даже можете вступить въ Пруссію, но не вдавайтесь въ нее болѣе одного перехода.

„Вотъ все, что я хотѣлъ сказать вамъ. Я не вдаюсь въ подробности, чтобы не стѣснять вашихъ распоряженій, которыя должны быть самостоятельны. Очень можетъ быть, что придя даже въ Ченстоховъ, по собраніи свѣдѣній, вы измѣните свой маршрутъ и вообще будете дѣйствовать по обстоятельствамъ, совершенно иначе, чѣмъ я предполагаю. Я высказалъ только мою цѣль, а выполненіе предоставляю вашему усмотрѣнію".

Послѣ этого Великій князь всталъ и, прощаясь со мною и съ полковникомъ Корфомъ, прибавилъ: „Душевно желаю всякаго успѣха".

До срока, назначеннаго для посадки отряда, оставалось часа три. Въ этотъ промежутокъ времени надо было успѣть смѣнить одну изъ выступающихъ ротъ съ караула, привести двѣ стрѣлковыя роты за три версты изъ Повонзковскихъ бараковъ въ казармы, уложить обозъ, закупить продукты. Благодаря распорядительности квартермистра и ротныхъ командировъ, къ 4 часамъ все было готово. Обходя роты отряда, собравшіяся во дворѣ Сапежинскихъ казармъ, я далъ имъ наставленіе и отправилъ къ вѣнскому дебаркадеру. Оказалось, что на желѣзной дорогѣ, куда съ утра было послано приказаніе, ничего не приготовлено. Это лучше всего показывало, что значило оставлять желѣзныя дороги въ польскихъ рукахъ. Управляющій дорогою, начальникъ станціи, начальникъ движенія, не смотря на присутствіе генералъ-адъютанта Корфа и оберъ-полиціймейстера, ходили какъ посторонніе зрители. На каждой физіономіи служащихъ было написано не только равнодушіе, но какъ бы пренебреженіе къ приказаніямъ и требованіямъ властей. Пришлось ждать часа 3, покуда составляли поѣздъ.

Въ это время принесли изъ штаба конвертъ, на имя командира Полоцкаго полка Островскаго, который полковникъ Корфъ долженъ былъ вручить ему въ Ченстоховѣ. Тогда же появился въ вокзалѣ офицеръ генеральнаго штаба, полякъ родомъ; онъ ни къ кому не подошелъ, не счелъ нужнымъ явиться начальнику отряда и только въ вагонѣ заявилъ, что назначенъ

исправляющимъ должность его начальника штаба. Это не могло не произвести дурнаго впечатлѣнія на Корфа. Передъ отходомъ поѣзда, я собралъ офицеровъ и просилъ ихъ во время дѣла беречь полковника, такъ какъ видѣлъ его взволнованнымъ, и былъ увѣренъ, что онъ при первой перестрѣлкѣ бросится впередъ, подъ пули. Только въ 9 часовъ подали вагоны; роты живо усѣлись. Изъ предосторожности, на случай предательства, я приказалъ поставить на локомотивъ, по сторонамъ машиниста, двухъ стрѣлковъ съ заряженными ружьями. Кромѣ того, въ двухъ верстахъ впереди поѣзда посланъ былъ передовой локомотивъ, съ горнистомъ и офицеромъ, для извѣщенія объ опасности.

Послѣ полуночи, во время остановки въ Петраковѣ, узнали, что роты, которыя должны были присоединиться въ Ченстоховѣ, выступили оттуда. Это уже измѣняло приказанія, полученныя въ Варшавѣ; но еще болѣе удивило Корфа то, что, по прибытіи въ 8 ч. утра въ Ченстоховъ, тамъ ничего не знали о назначеніи въ экспедицію 6-ти орудій и казачьихъ сотенъ, а также никто не могъ сказать, въ какомъ направленіи пошли полоцкія роты, съ полковникомъ Островскимъ. Чтобы исполнить приказаніе Великаго князя, надо было немедленно, по присоединеніи орудій, трогаться далѣе. О приготовленіи для нижнихъ чиновъ пищи нечего было и думать, тѣмъ болѣе, что предстоящій 25-ти-верстный переходъ до Жарокъ шелъ проселкомъ, по очень гористой мѣстности. Вслѣдствіе гололедицы, подъемы и спуски сильно затрудняли обозъ и артиллерію. Черезъ это отрядъ, среди непроницаемой темноты и изморози, до крайности утомленный, не имѣя 30 часовъ пищи, едва къ 10 часамъ вечера добрался до Жарокъ. Хотя тамъ и узнали, что полоцкія роты въ мѣстечкѣ, но гдѣ полковникъ Островскій—пришлось разыскивать цѣлый часъ. Офицеръ генеральнаго штаба, ни слова не сказавъ полковнику Корфу, уѣхалъ впередъ. Онъ оказался потомъ у Островскаго, тоже поляка.

Необходимо замѣтить, что во время севастопольской обороны, Корфъ, бывши командированъ въ дѣйствующую армію, находился въ полку Островскаго, такъ что они были старыми знакомыми, но все-таки Корфъ счелъ долгомъ явиться ему, какъ старшему въ чинѣ, тѣмъ болѣе, что онъ не могъ знать,

что содержится въ конвертѣ, который ему предстояло вручить командиру Полоцкаго полка, а потому вопросъ, кто начальникъ отряда—Корфъ или Островскій, какъ старшій, затемнялся и путаница отношеній уже начиналась. Когда же послѣдній прочелъ переданную ему бумагу, то, видимо измѣнившись въ лицѣ, обратясь къ сидѣвшему возлѣ него офицеру генеральнаго штаба, сказалъ:

— Начальникомъ отряда назначенъ полковникъ Корфъ. поэтому я отмѣняю всѣ сдѣланныя мною распоряженія. Затѣмъ съ тономъ видимаго оскорбленія прибавилъ:

— Въ предписаніи говорится, чтобы я передалъ мои роты барону, а самъ возвратился бы въ Ченстоховъ и оставался бы при штабѣ полка; но я этого не сдѣлаю.

— А я, возразилъ Корфъ, не могу командовать отрядомъ, разъ что вы старше. Вспомните, что 8 лѣтъ назадъ вы уже были моимъ начальникомъ.

— Да, но то было время, а теперь другое. Во всякомъ случаѣ я назадъ не поѣду и объявляю, что съ готовностію поступаю подъ команду младшаго. У такого человѣка и офицера, какъ вы баронъ, я готовъ быть за рядоваго.

Достаточно было этихъ словъ, чтобы Корфъ видѣлъ въ нихъ, со стороны Островскаго, порывъ великодушія, воспользоваться которымъ считалъ неблагороднымъ. Между ними завязался споръ; каждый настаивалъ на своемъ. Между тѣмъ отрядъ стоялъ на улицѣ, ожидая приказанія куда идти для ночлега. Ночь была холодная, люди сильно зябли. Препинанія начальниковъ кончились тѣмъ, что рѣшили разъяснить дѣло, по смыслу приказаній Великаго князя вполнѣ ясное, по утру, а теперь развести роты по квартирамъ, которыя правящій должность начальника штаба назначилъ за 4 версты отъ Жарокъ, причемъ для офицеровъ указалъ стоявшій еще 2 версты дальше пивной заводъ. Такимъ образомъ нижніе чины были поставлены врозь отъ своихъ начальниковъ. Въ броварню отправились только Корфъ, два брата Росси, Гофманъ, докторъ и еще два младшихъ офицера, ротные-же командиры и всѣ прочіе офицеры не хотѣли оставить своихъ людей. Трудно себѣ представить съ какою цѣлью можно было распорядиться такимъ образомъ въ военное время, да еще въ раіонѣ дѣйствій и почему Корфъ согласился на это. Въ послѣднемъ уже видно было, что

онъ совершенно отрѣшился отъ какой-либо инициативы и предоставилъ порученному ему дѣлу идти путемъ случайностей.

Только въ полночь добрались роты до деревни, а штабъ отряда до броварни. Въ послѣдней, въ одной комнатѣ помѣстились младшіе офицеры, въ другой—оба штабъ-офицера и докторъ. Покуда офицеры размѣщались, деньщики ихъ разбирали чемоданы и раздували самоваръ. Корфъ, не снимая оружія, задумчиво ходилъ по комнатѣ. Одинъ изъ офицеровъ предложилъ ему стаканъ чаю; сначала онъ отказался, но потомъ присѣлъ къ столу и отпилъ половину. Въ это время ему подали записку, привезенную казакомъ изъ Жарокъ. Прочтя, онъ всталъ, отошелъ къ другому столу, чтобы написать отвѣтъ, но потомъ скомкалъ полученную записку и сунулъ въ карманъ пальто. Затѣмъ, быстро взявъ фуражку, обращаясь къ подполковнику Росси, сказалъ:

„Бумаги и деньги у меня подъ подушкой; я выйду пройтись на воздухъ.“—Никто тогда не обратилъ вниманія на эти слова; всѣ были уставши, спѣшили кончить чай, чтобы отдохнуть. Не прошло четверти часа, какъ вбѣгаетъ караульный унтеръ-офицеръ съ словами:

— Ваше высокоблагородіе! Часовой у воротъ видѣлъ, что полковникъ прошли по дорогѣ вправо, къ полю, а теперь тамъ былъ выстрѣлъ.

Всѣ вскочили кто какъ былъ, схватили фонари и бросились по шоссе, направо отъ воротъ. Шагахъ въ полутораста отъ дома, они увидали Корфа полулежащимъ на кучѣ щебня, съ простреленнымъ вискомъ; въ правой рукѣ былъ револьверъ. Въ карманѣ его пальто нашли записку, писанную офицеромъ генеральнаго штаба, оставшимся при Островскомъ въ Жаркахъ. Она была слѣдующаго содержанія:

„Завтра въ 9 часовъ утра отряду быть готову къ выступленію. Ранцы можно везти на подводахъ.“

Это писалъ младшій старшему, подчиненный—начальнику! Спрашивается, что это—совѣтъ или приказаніе? Кто же начальникъ—Корфъ или Островскій? Куда и зачѣмъ идти отряду? Все какъ-бы умышленно сложилось такъ, чтобы всѣ сбились съ толку. Гдѣ-же диспозиція на слѣдующій день, какія свѣдѣнія изъ разъѣздовъ, гдѣ непріятель?—никто ничего не зналъ и не понималъ.

Хотя одинъ изъ офицеровъ и писалъ о случившемся такъ: „Рыцарь въ душѣ, Корфъ унесъ съ собою въ могилу тайну заставившую его разстаться съ жизнію“; но всякій близко знавшій его характеръ и душевное настроеніе, понималъ, что самоубійство это было только оффиціальною тайною, а истинною его причиною была борьба между долгомъ и убѣжденіемъ; — послѣднее взяло верхъ—и Корфа не стало. По долгу службы онъ обязанъ былъ отстранить всякое вмѣшательство Островскаго, удалить его изъ отряда, если-бы онъ и не хотѣлъ уѣхать; онъ могъ даже отстранить отъ исправленія должности офицера генеральнаго штаба, такъ неприлично дѣйствовавшаго въ отношеніи своего начальника, и затѣмъ буквально слѣдовать указаніямъ Великаго князя. По убѣжденію онъ не имѣлъ достаточно силы воли, чтобы заставить себя быть начальникомъ старшаго и не уважить въ немъ человѣка оскорбленнаго. Онъ взглянулъ на отреченіе Островскаго отъ старшинства, какъ на приносимую ради его жертву, принять которую считалъ для себя унизительнымъ. Наконецъ, кто знаетъ, не заподозрилъ-ли онъ, что оба поляка ведутъ противъ него интригу, съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ неудачи, все свалить на него, что бросило-бы тѣнь на войска гвардіи? Все это могло прійти въ голову человѣку нервному и до крайности возбужденному.

Въ Варшавѣ нѣсколько дней не было извѣстій изъ отрядовъ, на которые возлагалось столько надеждъ. Великій князь нѣсколько разъ спрашивалъ меня, нѣтъ-ли какихъ либо свѣдѣній въ полку? Подобная неизвѣстность, не предвѣщая ничего хорошаго, очень всѣхъ тревожила. Наконецъ прибывшій изъ отряда поручикъ Росси 2-й сообщилъ горестную вѣсть, о совершившемся. Тѣло полковника Корфа было привезено въ Варшаву и со всѣми военными почестями предано землѣ, на Вольскомъ кладбищѣ, гдѣ офицеры поставили ему памятникъ. Замѣчательно, что его похороны были едва ли не единственныя, на которыхъ присутствовали поляки. Причина этого была та, что при первомъ извѣстіи о самоубійствѣ Корфа, въ Варшавѣ былъ пущенъ слухъ, что онъ потому посягнулъ на свою жизнь, что не хотѣлъ драться противъ повстанцевъ.

Распускать разныя нелѣпости, съ цѣлью держать войска въ постоянномъ напряженіи, входило въ програму польской справы. Даже и тогда, когда поляки взялись за оружіе, они

пускали молву, что скоро произойдетъ нѣчто въ родѣ Вареоломеевской ночи, или что всѣмъ бандамъ приказано обложить Варшаву и взять ее штурмомъ. Къ несчастію, вѣрили этому, принимали мѣры, посылали сильные разъѣзды вокругъ города, а иногда даже окружали его аванпостами. Воображеніе, настроенное постоянными ожиданіями чего-то, было однажды причиною ночной тревоги. Вспоминая теперь объ этомъ дѣлается смѣшно, а тогда было досадно.

Однажды, въ 2 часа ночи, человѣкъ будитъ меня, говоря: „тревога"! Спрашиваю, были ли ракеты и сигнальные выстрѣлы изъ цитадели? Отвѣчаетъ, что еще не было, но что роты уже выстраиваются. Тогда, торопясь одѣться, посылаю ординарца спросить часовыхъ у воротъ, не знаютъ ли они почему тревога. Получаю такой отвѣтъ: „часовые говорятъ, что мимо нихъ проскакалъ казакъ, крикнувшій имъ, что на *Гороховое поле ихняю войска двадцать тысячъ подступило*". Что за чушь, думаю, — Гроховское поле за Вислою; но все-таки, спѣшу въ казармы. Не смотря на февраль, ночь была тихая, шелъ теплый дождикъ; вдали, на Повонзкахъ, трубятъ тревогу, отъ Волынскихъ казармъ доносятся раскаты барабана. Между тѣмъ въ городѣ совершенная тишина, при которой еще слышнѣе раздается стукъ колесъ, отъ несущихся на рысяхъ на сборные пункты орудій. Не видя и тѣни какого-либо движенія на улицахъ, я не повелъ полка изъ казармъ, но послалъ въ замокъ адъютанта, доложить Великому князю, что полкъ готовъ, но я до приказанія не тронусь, потому что нигдѣ нѣтъ даже признака нарушенія тишины. Адъютантъ возвратился съ приказаніемъ распустить роты, и разсказывалъ, что во дворцѣ уже все было на ногахъ, площадь была полна войскъ и Великій князь выѣзжалъ къ нимъ. По разслѣдованіи оказалось, что къ одной изъ заставъ пріѣзжалъ изъ разъѣздовъ казакъ, сказать, что вдали черезъ шоссе перебѣгаютъ какіе-то люди. Караульный унтеръ-офицеръ послалъ вѣстоваго предупредить объ этомъ въ ближайшія казармы, а посланный прибѣжалъ, объявляя, что поляки идутъ на заставу. „Тревога"! крикнули въ казармѣ; барабанщикъ забилъ и отъ одного полка къ другому пошла потѣха.

Другая тревога, впрочемъ, вскорѣ прекращенная, была днемъ, изъ-за того, что какой-то солдатъ стащилъ на рынкѣ

у еврейки селедку. Жидовка закричала „гвалтъ", солдатъ—бѣжать, сбивая встрѣчныхъ и крича „тревога"; тѣ въ свою очередъ кричать „москали бьютъ"; народъ бросился съ рынка, по улицамъ запираютъ лавки, уволенные въ городъ солдаты несутся въ свои казармы, однимъ словомъ—общая кутерьма. Къ счастію, нигдѣ не ударили въ барабаны, и кончилось только тѣмъ, что нѣкоторыя роты начали выстраиваться, но тотчасъ же были распущены.

Подробно описывать всѣ экспедиціи противъ повстанцевъ, значило бы писать исторію усмиренія польскаго возстанія. Поэтому я разскажу только о тѣхъ, въ которыхъ принималъ личное участіе; и при этомъ воспоминанія мои коснутся болѣе бытовой, чѣмъ военной стороны этого предмета.

Весенніе мѣсяцы 1863 года прошли почти въ безпрестанныхъ снаряженіяхъ изъ Варшавы небольшихъ отрядовъ въ экспедиціи, противъ появлявшихся бандъ. То же самое дѣлалось во всѣхъ военныхъ отдѣлахъ царства: изъ Плоцка, Калиша, Радома, Петрокова, Кѣльцъ и Люблина подвижныя колонны двигались по разнымъ направленіямъ, въ предѣлахъ приписанныхъ къ этимъ городамъ раіоновъ. Большею частью мятежники убѣгали, прятались въ лѣса; когда удавалось настичь или отыскать ихъ, они несли всегда пораженія, что, впрочемъ, не оказывало особеннаго вліянія на возстаніе, которое сверхъ ожиданій не утихало. Причина этого заключалась въ поддержкѣ его заграницею, особенно Австріею, видимо протежировавшею эмиграціи въ царство. Спустить разнаго рода сбродъ подъ наши пули было для нея весьма выгодно. При этомъ она очищала свои арсеналы и склады въ Краковѣ и Лембергѣ отъ разнаго хлама, выставляя его на базарахъ для распродажи идущимъ въ Польшу повстанцамъ. Ржавыя, негодныя ружья, тесаки, фляжки, ранцы, и прочая гнившая въ складахъ дрянь выгодно, распродавалась съ аукціона. Насколько это было честно, со стороны находящагося въ наружной дружбѣ съ Россіею государства,—это былъ для нея вопросъ посторонній, разъ что было прибыльно для дыряваго кармана и въ смыслѣ очистки населенія отъ праздношатающихся искателей приключеній. Тѣ изъ послѣднихъ, которые уцѣлѣли отъ русскаго штыка, на русскія-же деньги были отправляемы, смотря по степени виновности, въ Сибирь или внутрь Россіи. Въ го-

родскихъ тюрьмахъ Польши оставались, изъ взятыхъ въ плѣнъ, только главные зачинщики и начальники шаекъ, вся-же масса сдававшихся сотнями препровождалась въ Варшаву и оттуда цѣлыми поѣздами въ Петербургъ. Конвоированіе поѣздовъ съ плѣнными возлагалось, поочереди, на роты гвардейскаго варшавскаго отряда. Подобныя командировки ожидались ротными командирами съ нетерпѣніемъ, потому что доставляли офицерамъ случай побывать въ Петербургѣ, повидаться съ родными и, кромѣ того, представиться Государю, который при каждомъ разводѣ смотрѣлъ прибывающія изъ Варшавы части. Какъ прибытіе плѣнныхъ въ Варшаву, такъ и ихъ отправленіе далѣе, происходило почти всегда неожиданно. Обыкновенно часа за два получалось приказаніе приготовить въ казармахъ того или другаго полка помѣщеніе и пищу человѣкъ на 200 и назначить роту для дальнѣйшаго конвоированія. Экстренность распоряженій производила невольную суету: то не оказывалось дома ротнаго командира, то адъютантъ по службѣ въ какомъ нибудь штабѣ, то квартермистръ уѣхалъ за пріемкою.

Не мало затрудненій представлялъ для армейскихъ офицеровъ, конвоировавшихъ плѣнныхъ изъ губерній, проводъ ихъ черезъ Варшаву. Многіе не знали о приказаніи вести ихъ, съ желѣзной дороги въ цитадель, околицами. Народъ, собираясь толпами, не разъ препятствовалъ проводу. Были даже случаи, что въ конвойныхъ кидали камнями, такъ что приходилось укрываться въ ближайшія казармы. За подобные случаи, бѣдные начальники партій подвергались аресту. Казалось-бы, что, вмѣсто боязни толпы, слѣдовало показать ей силу власти и, принявъ мѣры противъ скопищъ, вести плѣнныхъ съ барабаннымъ боемъ по самымъ люднымъ улицамъ, дабы всѣ видѣли, не изъ реляцій, которымъ поляки не вѣрили, а во-очію, результаты наносимыхъ повстанцамъ пораженій.

Много питали возстаніе надежды на заступничество Франціи и Англіи, дипломатическія сношенія которыхъ съ нашимъ правительствомъ имѣли въ то время характеръ вмѣшательства въ польскую смуту. Иностраннымъ газетамъ, всегда готовымъ печатать какой угодно вздоръ о Россіи, стоило только намекнуть на что-либо похожее на заступничество, какъ поляки, вѣря всякой нелѣпицѣ, подымали носы и усиливали свои надежды. Однажды, очень серьезный и далеко не молодой полякъ спро-

силъ меня: правда-ли говорятъ въ городѣ, что вспомогательный 60-ти тысячный корпусъ французскихъ войскъ перешелъ границу и занялъ Ловичъ? Кажется бо̀льшаго вздора нельзя было придумать, а между тѣмъ и ему вѣрили.

Твердость отвѣтныхъ, полныхъ достоинства, нотъ князя Горчакова хотя и остановила пылъ французскихъ и англійскихъ политиковъ, но все-таки наше правительство, съ первымъ извѣстіемъ о вооруженномъ возстаніи, приняло мѣры къ скорѣйшему его подавленію, для чего постоянно усиливало войска, направляя въ царство Польское и въ Литву цѣлыя дивизіи. Въ Варшавскій округъ были направлены 2 и 3 гренадерскія и 10 пѣхотная дивизіи.

Но оставивъ на время борьбу съ возстаніемъ, вспомнимъ, что 1863 и ему предшествовавшіе года были началомъ тѣхъ преобразованій въ военномъ вѣдомствѣ, которыя шли потомъ въ прогрессивной пропорціи, похожей на ломку всего прежняго. Много было писано противъ этой ломки и еще болѣе въ ея защиту, и обѣ стороны сильно увлекались. Въ осужденіяхъ былъ пересолъ, въ доказательствахъ необходимости измѣненій:—натяжки, обобщеніе частныхъ фактовъ, какая-то злоба ко всему, что было прежде, какое-то гоненіе на всѣхъ, кто только подозрѣвался не вполнѣ сочувствовавшимъ новизнѣ. Здраваго, хладнокровнаго отношенія обѣихъ сторонъ къ дѣлу не было. Хвалить нововводимое, восторгаться имъ, можно было сколько угодно; но разбирать его, или сказать слово въ защиту прежняго,—было опасно; если-же кто и рисковалъ этимъ, то ему, иногда косвенно, а иногда и прямо, довольно осязательно давали чувствовать, что это запомнится, и помнилось долго. А между тѣмъ сколько ошибались при этомъ; сколькихъ считали врагами реформъ, когда они были только противъ торопливости, безпощадности и безразборчивости къ старому. Они только желали, чтобы имъ дали время оглядѣться, вводить новое прочно, безъ скачковъ, безъ порывовъ: они хотѣли только сдерживать напоръ волны, такъ грозно поднявшейся, съ тѣмъ, чтобы она, заливая дурное, не смыла и хорошаго. Кто знаетъ, не помогъ-ли ихъ посильный отпоръ дѣлу нововводителей тѣмъ, что ихъ порывы не поколебали всего сразу, иначе могъ-бы произойти пробѣлъ, во время котораго старое оказалось-бы уничтоженнымъ, а новое неосуществившимся. Въ

этомъ родѣ кое-что и случалось. Напримѣръ, одной артиллерійской бригадѣ, стоявшей близъ границы, приказано было сдать снаряды и принять новые, для орудій вводимой системы, но орудій не выслали, чрезъ что батареи 4 мѣсяца находились въ такомъ положеніи, что если-бы имъ пришлось дѣйствовать, то не могли-бы сдѣлать ни одного выстрѣла. Это привожу для примѣра, а такихъ примѣровъ было не мало.

Первымъ серьезнымъ нововведеніемъ, объявленнымъ во время польскаго мятежа, было уничтоженіе въ войскахъ тѣлеснаго наказанія. Всѣ, кто тогда стоялъ близко къ солдату и несъ за него отвѣтственность, отнеслись къ этой мѣрѣ сочувственно; но въ то же время не только думали, но говорили другъ другу: „жаль, что не во-время"; заявлять же это оффиціально боялись. Они знали, что заявляющаго назовутъ отсталымъ, поборникомъ кулачной расправы, ретроградомъ и т. д. Нужно замѣтить, что въ то время не только между полковыми, но и между ротными командирами было уже весьма много такихъ, которые пользовались правомъ наказывать тѣлесно, только при крайней необходимости. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоило заглянуть въ штрафные журналы. Важно было не самое наказаніе, а право начальника примѣнять его, и сознаніе солдата, что его наказать могутъ. Уничтоживъ и то и другое разомъ, безъ подготовки, гуманисты торжествовали, глумились надъ тѣми, которые опасались безпорядковъ, радовались успѣху своего дѣла, а того и не подозрѣвали, что это успѣхъ кажущійся, бумажный. Въ войскахъ гласно, по распоряженію начальства, тѣлесныя наказанія прекратились; но нижніе чины сами поняли невозможность сразу управиться съ тѣми изъ ихъ среды, на которыхъ не дѣйствуютъ никакія другія мѣры взысканія, а между тѣмъ ихъ проступки требовали немедленнаго наказаній, иначе могли имѣть пагубныя послѣдствія. Это вызвало то, что нижніе чины, помимо командира, собственнымъ судомъ приговаривали неисправимаго пьяницу или воришку къ наказанію розгами, и сами, по товарищески, приводили это въ исполненіе, по домашнему, не вынося сора изъ избы. Ближайшіе начальники смотрѣли на это сквозь пальцы, очень довольные тѣмъ, что избавились отъ непріятной обязанности присутствовать при подобной расправѣ.

Во время минувшей войны подобныя расправы практикова-

лись повсюду. Если бы въ военное время за всѣ проступки, которые по уставу подлежатъ судебному преслѣдованію, предавали нижнихъ чиновъ суду, то за каждою частью шелъ бы взводъ арестованныхъ, и сотни самыхъ полезныхъ для боя людей, вмѣсто того, чтобы быть въ цѣпи, находились бы въ тыловыхъ судебныхъ коммисіяхъ. Несомнѣнно, что изъ числа бывшихъ на войнѣ командировъ частей найдется теперь не мало такихъ, которые станутъ оспаривать сказанное; но они сдѣлаютъ это или по невѣдѣнію о томъ, что происходило за ихъ спиною, или по недостатку рѣшимости высказать истину, что въ военное время судебное разбирательство непримѣнимо и другаго суда, кромѣ суда начальника, быть не можетъ, конечно исключая случаевъ важныхъ нарушеній дисциплины или измѣны. Мы знали многихъ начальниковъ, горою стоявшихъ за идеи новаторовъ, которые въ мирное время проповѣдывали гуманность; но когда глазъ на глазъ задавали имъ вопросъ: многихъ ли они предали во время войны суду?—то получили отвѣтъ—„ни одного“.—„Чѣмъ же вы замѣняли судъ надъ провинившимся?“ спрашивали ихъ.—Они, шепотомъ, отвѣчали намъ: „нагайкою...“

Сильно ошибется тотъ, кто взглянетъ на сказанное мною, какъ на слова адвоката, безусловно отстаивающаго тѣлесное наказаніе. Напротивъ, гораздо прежде его уничтоженія, я допускалъ примѣненіе его только въ крайности. Но эту мѣру слѣдовало провести иначе и во-время, а не сразу перерубать канатъ, сдерживавшій преступленія; слѣдовало уничтожить произвольное, по единоличному опредѣленію младшихъ начальниковъ наказаніе, но оставить за старшими, начиная съ полковаго командира, право разрѣшать его. Черезъ огульное уничтоженіе этого права вышло то, что молодаго солдата, только что поступившаго въ службу, не можетъ приказать наказать безъ суда корпусный командиръ, а солдата заслуженнаго, дѣлавшаго компанію, сряду по выходѣ въ запасъ, волостной старшина можетъ сѣчь сколько ему угодно.

Но обратимся къ прерванному разсказу. Нѣкоторыя изъ посылаемыхъ изъ Варшавы экспедицій не достигали цѣли, потому что баронъ Корфъ стѣснялъ начальниковъ отрядовъ своими инструкціями, не удаляться отъ Варшавы далѣе извѣстнаго пункта, или возвратиться въ нее къ извѣстному сроку.

Все это происходило отъ той же боязни, чтобы поляки не предприняли чего либо въ городѣ. Много курьезнаго и досаднаго представляла эта боязь, какъ бы чѣмъ-нибудь не раздражить жителей, особенно если предстояли какіе-либо католическіе праздники. Напримѣръ, въ праздникъ „Божьяго тѣла“, когда изъ костеловъ дѣлаются, въ теченіи трехъ дней, крестные ходы къ устраиваемымъ на улицахъ алтарямъ, ежедневно наряжали цѣлый баталіонъ на усиленіе караула въ замкѣ, и дѣлали это секретно. Баталіону приказывалось идти въ 4 часа утра, когда городъ еще спитъ, чтобы никто не увидѣлъ; располагали его на заднемъ дворѣ зàмка, запирали въ улицы ворота и людямъ запрещено было выглядывать. Въ такомъ положеніи баталіонъ оставался до вечера, а назадъ вели его не по улицамъ, а берегомъ Вислы, точно стыдились того, что дѣлали.

Что касается инструкцій, даваемыхъ начальникамъ экспедицій, то никогда не забуду я разсказа графа Берга, прибывшаго весною 1863 года, для исправленія, вмѣсто генерала Рамзая, должности помощника главнокомандующаго. Однажды я при немъ докладывалъ Великому князю о результатѣ моей экспедиціи. Когда я сказалъ, что повстанцы ушли за Бугъ, графъ спросилъ меня, почему я ихъ не преслѣдовалъ? Я отвѣтилъ, что въ данномъ мнѣ предписаніи было указано, чтобы я возвратился къ назначенному сроку. При докладѣ Бергъ не возразилъ на это, но, выйдя потомъ въ другую комнату, отозвавъ меня въ сторону, сказалъ:

„Вотъ что я скажу вамъ, генералъ: когда въ 1823 году я былъ начальникомъ экспедиціи, посланной въ киргизскія степи, то въ Оренбургѣ мнѣ тоже дали кипу инструкцій и предписаній; но когда мнѣ предстояло дѣйствовать, то я убѣдился, что придумываемое и составляемое въ штабахъ и кабинетахъ никуда не годится въ полѣ. Тогда я разорвалъ всѣ инструкіи и поступалъ сообразно съ обстоятельствами. За это я получилъ чинъ и званіе флигель-адъютанта“.

Другой разъ мнѣ былъ высказанъ графомъ Бергомъ тоже мѣткій совѣтъ. Я спросилъ его, когда онъ былъ уже намѣстникомъ, почему, при обширности его занятій, онъ не проситъ о назначеніи себѣ помощника?

„Никогда не просите помощника, отвѣтилъ онъ. Назначеніе его равносильно приказанію укладывать чемоданы. Вотъ вамъ

примѣръ: въ мартѣ я былъ назначенъ сюда помощникомъ, а въ августѣ главнокомандующій уѣхалъ отсюда".

Но о графѣ Бергѣ мнѣ предстоитъ говорить впереди еще многое, поэтому, не останавливаясь на этой замѣчательной личности, продолжаю.

Чѣмъ болѣе развивалось вооруженное возстаніе, тѣмъ чаще появлялись въ Варшавѣ лица, присылаемыя изъ Петербурга въ распоряженіе намѣстника; но никто изъ нихъ, исключая генерала графа Толя, не оставался при немъ на продолжительное время. Всѣ они, сдѣлавъ два или три поиска, возвращались въ столицу. Только графъ Толь болѣе 6 мѣсяцевъ завѣдывалъ желѣзною дорогою отъ Варшавы до станціи Лаппы и войсками по этой линіи расположенными. Это былъ чрезвычайно дѣятельный и распорядительный генералъ. Сегодня онъ на линіи, завтра на нѣсколько часовъ въ Варшавѣ и въ тотъ же день гдѣ-нибудь на поискахъ, въ островскихъ лѣсахъ. Какъ ни старались повстанцы прервать сообщеніе по желѣзной дорогѣ, но никакъ не могли достичь этого, такъ бдительно охранялась она. Только одинъ разъ имъ удалось устроить засаду для поѣзда, на которомъ Толь ѣхалъ въ Варшаву. Они сняли два-три рельса, нѣсколько вагоновъ опрокинулись, но графъ и тутъ не растерялся: его незначительный конвой отбилъ нападеніе, быстро исправилъ дорогу и черезъ два часа Толь явился къ намѣстнику. Не придавая важности случившемуся, онъ, по полученіи приказаній, полетѣлъ обратно въ Лаппы. Никто не могъ такъ цѣнить энергіи этого генерала, какъ начальники отрядовъ, ходившихъ въ экспедиціи по направленію къ Бугу. Стоило, бывало, сообщить ему какое либо свѣдѣніе о появленіи шайки или попросить содѣйствія, какъ схвативъ роту съ ближайшей станціи, Толь является на подмогу, а къ ночи былъ опять на мѣстѣ. Онъ такъ наметалъ бывшія подъ его начальствомъ войска, что для нихъ было нипочемъ сдѣлать часа въ 4 двадцать пять верстъ и въ тотъ же день возвратиться на линію.

Выше я сказалъ, что 1863 годъ былъ началомъ преобразованій въ войскахъ. Приведу случай, доказывающій, какъ нѣкоторыя весьма почтенныя и достойныя лица, сразу увлекались новымъ направленіемъ. Если-бы ближайшіе, частные начальники не сдерживали этого увлеченія личными распоряженіями

и своимъ нравственнымъ вліяніемъ на молодыхъ офицеровъ то многое не прошло бы такъ спокойно какъ это случалось. Пріѣзжаетъ въ Варшаву инспектировать войска одинъ изъ членовъ военнаго совѣта, бывшій кавказецъ, человѣкъ весьма добрый и симпатичный. Опрашивая офицеровъ не имѣютъ-ли они претензій, онъ вступилъ съ ними въ разговоръ о томъ, хороши ли ихъ квартиры, добросовѣстно ли ихъ ремонтируютъ, не дуетъ ли изъ оконъ и проч. Офицеры отвѣчали отрывочно: „довольны, хорошо", но большая часть молчала. Инспектирующій видимо недоволенъ и начинаетъ разспрашивать каждаго по одиночкѣ, въ такомъ родѣ:

— Вы живете въ казармахъ?

— Точно такъ.

— Сколько комнатъ вы занимаете?

— Одну.

— А гдѣ же помѣщается вашъ деньщикъ?

— Съ другими деньщиками, въ томъ-же корридорѣ.

— Развѣ это удобно для васъ?

Офицеръ молчитъ; инспекторъ обращается къ другому.

— Когда исправляли вашу квартиру?

— Не знаю; я получилъ ее недавно.

— Чисто она окрашена, печи не дымятъ?

— Не совсѣмъ чисто; случается, что при вѣтрѣ дымятъ.

— Почему же вы мнѣ не заявляете объ этомъ?

Офицеръ не отвѣчаетъ, вслѣдствіе чего говорится длинная рѣчь о томъ, что теперь требуется полная откровенность, что правительство желаетъ улучшеній, что прежніе порядки отжили свое время и т. д. Не отвѣчаетъ же офицеръ, понимая, что изъ его заявленія только возникла бы безполезная и непріятная переписка, которая длилась бы гораздо долѣе, чѣмъ офицеру придется жить на занимаемой имъ квартирѣ, потому-что роты и батальоны перемѣщались въ Варшавѣ, по различнымъ причинамъ, безпрерывно, располагаясь то въ монастыряхъ, то въ общественныхъ зданіяхъ, смотря по тому, гдѣ было необходимѣе имѣть ихъ подъ рукою. Независимо отъ этого, можно-ли было требовать ежегодной окраски квартиръ, когда въ тѣхъ же казармахъ были нужды болѣе существенныя? Можно-ли было думать о мелочахъ, когда, вслѣдствіе скопленія войскъ, по тѣснотѣ и недостатку помѣщеній, сол-

даты ѣли щи на дворѣ, часто подъ дождемъ и снѣгомъ? Какъ не сказать, что это было время увлеченій, если инспекторъ, очень хорошо понимавшій, что въ военной службѣ частенько приходится довольствоваться тѣмъ, что есть, задаетъ подобные вопросы. Что-же-бы вышло, если бы всякій прапорщикъ подавалъ рапорты о тѣхъ неудобствахъ, которыя онъ испытываетъ?

Въ другомъ полку, тотъ же инспектирующій, осматривая солдатское бѣлье, нашелъ, что рубашки коротки и холстъ толстъ. Ротный командиръ отвѣчаетъ, что на холстѣ клеймо пріемной коммисіи, слѣдовательно полкъ браковать его не въ правѣ, а рубашки утвержденной длины. Генералъ разсердился за возраженіе, приказалъ взыскать, и тутъ же, при нижнихъ чинахъ, распространился о томъ какъ необходимо, чтобы солдату было отпускаемо все сполна, чтобы онъ ни въ чемъ не нуждался, чтобы, прежде чѣмъ съ него взыскивать за неопрятность, начальство заботилось бы о качествѣ отпускаемыхъ матеріаловъ. Это говорилось точно новость, никому неизвѣстная, точно объ этомъ прежде не думали и не заботились. Если бы нижніе чины сами не были увѣрены въ этой заботѣ, то въ людяхъ съ порочными наклонностями и слабыми характерами, при малѣйшемъ, иногда неизбѣжномъ, замедленіи выдачъ, могъ бы зародиться ропотъ, или претензіи. Къ счастію, этому было мало примѣровъ только потому, что ближайшіе начальники, благодаря прежнимъ традиціямъ, пользовались и авторитетомъ, и довѣріемъ.

Чѣмъ болѣе наполнялась варшавская цитадель корифеями возстанія и чѣмъ многочисленнѣе становились партіи отправляемыхъ въ Россію плѣнныхъ, тѣмъ болѣе было у начальниковъ военныхъ отдѣловъ города дѣла и возни съ докучливыми просительницами. Рѣдкій часъ дня проходилъ, чтобы ихъ не являлось по нѣскольку, то съ жалобами на недопускъ проститься съ родными, то на неправильное отправленіе мужа, сына или племянника, въ числѣ плѣнныхъ. Приходилось выслушивать цѣлые разсказы о невиновности ссылаемаго и просьбы объ облегченіи участи арестованнаго. При врожденномъ притворствѣ и при томъ умѣньи облекать всякій поступокъ политическаго характера въ драматическую форму, часто весьма трудно было отличить истину отъ лицемѣрной фальши, но и оставаться безчувственнымъ къ семейному горю было не легко.

Выслушивая сопровождаемые обыкновенно рыданіями, а иногда и истериками, разсказы, надо было ежеминутно повторять себѣ „не вѣрь, все это ложь и притворство",—надо было притупить въ себѣ всякое чувство состраданія и сохранить равнодушіе, чтобы не попасться въ ловушку, что разъ и случилось со мною.

Является ко мнѣ докторъ-окулистъ, пользовавшій моего сына, съ просьбою спасти его брата, гимназиста, бѣжавшаго въ Австрію, поступившаго въ банду и затѣмъ взятаго въ плѣнъ, причемъ онъ назвался чужимъ именемъ и австрійскимъ подданнымъ. Повѣривъ тому, что мальчикъ былъ увлеченъ, я ходатайствовалъ о немъ и его отдали на поруки брата. Юноша былъ спасенъ. Братъ же его, докторъ, слѣдовательно человѣкъ образованный, встрѣчая меня потомъ много разъ въ городѣ и въ Саксонскомъ саду, всякій разъ отворачивался, дѣлая видъ, что не узнаетъ меня. Впослѣдствіи оказалось, что тотъ, за кого я ходатайствовалъ, вовсе не гимназистъ, а студентъ, очень серьезно замѣшанный въ революціонной пропагандѣ.

Закончу настоящую главу эпизодомъ изъ моей личной, семейной жизни. Я бы не коснулся его, какъ не представляющаго ничего интереснаго для посторонняго читателя, если бы это не имѣло отношенія къ будущему. Въ маѣ мѣсяцѣ произошло увеличеніе моей семьи. Великая княгиня, всегда милостивая къ моей женѣ, выразила желаніе быть крестной матерью новорожденной моей дочери, и когда я спросилъ кого ей угодно имѣть кумомъ, то назвала шефа моего полка, короля Прусскаго. Зная, что для подобной съ моей стороны просьбы нужно предварительное Высочайшее разрѣшеніе, я старался отклонить желаніе Ея Высочества, приводя, что теперь не такое время, чтобы безпокоить Государя частнымъ дѣломъ, но потомъ, обдумавъ, что Великая княгиня можетъ заявить королю о своемъ желаніи помимо меня, безъ всякихъ на это разрѣшеній, передалъ ей эту мысль. Въ тотъ же день послана была депеша въ Берлинъ, а на слѣдующій—мнѣ былъ сообщенъ отвѣтъ, что король съ удовольствіемъ принимаетъ предложеніе быть крестнымъ отцомъ моей дочери. При слѣдующей моей командировкѣ въ Берлинъ, это обстоятельство имѣло уже нѣкоторое, небезъинтересное значеніе.

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

1863 г.

Командировка въ Берлинъ.—Представленіе королю.—Визиты.—Празднества и закладка памятника.—Обѣдъ въ замкѣ.—Новый шефъ.—Осмотръ казармъ.—На придворномъ концертѣ.—Смотръ полку Александра I.—Рѣчи на обѣдѣ.—Находчивость русскаго солдата.—Парадъ кавалеріи.—Интимный вечеръ у принца Фридриха-Карла.—Обѣдъ у фельдмаршала Врангеля. О рѣчи Императора Николая своему полку.—Поѣздка въ Шпандау.—Въ стрѣлковой школѣ.—Въ ложѣ короля.—Поѣздка въ Потсдамъ.—Русская колонія и церковь.—Выѣздъ изъ Берлина.

5-го марта 1863 года предстояла закладка монумента шефу моего полка, королю Фридриху Вильгельму III и празднованіе 50-ти лѣтней годовщины учрежденія ордена Желѣзнаго креста. По этому случаю повелѣно было, для присутствія на этихъ празднествахъ, назначить депутаціи: изъ Варшавы—отъ Прусскаго полка и изъ Петербурга—изъ кавалеровъ означеннаго ордена, въ лицѣ генералъ-адъютанта Кноринга, фельдфебеля и музыканта гвардейскаго экипажа, какъ единственныхъ, остававшихся на службѣ съ Кульмскимъ крестомъ. 3-го марта, вмѣстѣ съ полковымъ адъютантомъ Таубе, командиромъ 1-й роты капитаномъ Фрейманомъ, подпоручикомъ Гофманомъ, фельдфебелемъ, унтеръ-офицеромъ и рядовымъ 1-й роты, я выѣхалъ изъ Варшавы. Нашъ поѣздъ, какъ и всѣ поѣзда въ то время, былъ конвоируемъ полуротою. До границы мы доѣхали благополучно, хотя и считали возможною какую либо выходку со стороны желѣзнодорожниковъ, или попытку со стороны повстанцевъ, частенько стрѣлявшихъ изъ-засадъ по вагонамъ. По переѣздѣ границы насъ поражало различіе существовавшее между тѣмъ, что дѣлалось у насъ, въ Александровѣ, и происходившимъ за 4 версты, на первой прусской стан-

ціи. У насъ жандармъ, входя въ вагоны отбирать паспорты, робко говоритъ: „прóшу, панове, пассы"; тамъ, такой же жандармъ—пруссакъ, обращается къ тѣмъ же пассажирамъ, почти командуя: Ihre Passe, meine Herren!" (ваши паспорты, господа). У насъ въ таможенномъ залѣ, при осмотрѣ багажа, всѣ чиновники и служителя говорятъ по польски, тамъ вы не услышите другой фразы кромѣ нѣмецкой.

Въ Торнѣ, гдѣ поѣздъ стоялъ довольно долго, нѣмцы узнали, что проѣзжаетъ русская депутація. Покуда мы пили чай, нѣсколько почтенныхъ бюргеровъ вступили съ нами въ разговоръ, разспрашивали о цѣли нашей поѣздки въ Берлинъ и, узнавъ ее, выражали радость, говоря, что видятъ въ нашей командировкѣ знакъ старой связи между нашею и прусскою арміями. Нѣсколько молодыхъ людей прислушивались къ разговору, но не рѣшались при старшихъ вмѣшиваться въ него; а затѣмъ тѣ и другіе проводили насъ до вагоновъ, со всевозможными пожеланіями. Между тѣмъ, на платформѣ, около нашихъ солдатъ собралась большая группа народа: одни съ любопытствомъ осматривали ихъ, другіе ухитрялись на польсконѣмецкомъ діалектѣ заговаривать, третьи угощали пивомъ, или предлагали сигары.

На слѣдующій день, часу въ 6-мъ утра, мы были въ Берлинѣ. Не смотря на раннее время, дебаркадеръ былъ полонъ публикою. Не успѣлъ я сдѣлать трехъ шаговъ отъ вагона, какъ слышу громко, вопросительно произносимые мой чинъ и фамилію. Я отозвался; передо мною явился въ полной формѣ офицеръ, отрапортовавшій, приложивъ руку къ каскѣ:

„По повелѣнію его величества короля, капитанъ 2-го гвардейскаго полка Эркертъ назначенъ состоять при вашемъ превосходительствѣ и при русской депутаціи".

Отрекомендовавшись, я представилъ нашему будущему чичероне моихъ трехъ офицеровъ, послѣ чего Эркертъ спросилъ у насъ багажные билеты и, передавъ бывшему при немъ вѣстовому, объявилъ, что нашихъ солдатъ встрѣчаетъ фельдфебель, нѣсколько говорящій по-русски, и что насъ ожидаютъ у подъѣзда придворные экипажи.

Размѣстясь въ щегольскихъ колясках, черезъ нѣсколько минутъ, мы подъѣхали къ прекрасной Британской гостинницѣ. Несмотря на 6-й часъ утра, входъ и лѣстницы были парадно

освѣщены; почтенный хозяинъ отеля, старикъ Крюгеръ, во фракѣ, съ орденами, и въ бѣломъ галстукѣ, встрѣтилъ насъ со всѣми своими кельнерами у лѣстницы и самъ проводилъ въ приготовленныя комнаты. Каждый изъ офицеровъ получилъ въ бель-этажѣ спальню и кабинетъ, у меня же была еще гостиная и, кромѣ того, общій большой залъ для всѣхъ. Нижніе чины наши были помѣщены въ номерахъ верхняго этажа. Въ залѣ насъ ожидалъ чай и кофе. Какъ только мы вошли въ него, подъ его окнами, хоръ музыкантовъ грянулъ нашъ гимнъ „Боже Царя храни“, а потомъ исполнилъ нѣсколько маршей. Это было привѣтствіе нашей депутаціи, со стороны уланскаго полка императора Александра II.—Мы никакъ не ожидали подобнаго вниманія, какъ и вообще той изысканной предупредительности и любезности, которыя были намъ оказаны съ первыхъ минутъ нашего пріѣзда и во все время моего десятидневнаго пребыванія въ Берлинѣ.

Черезъ часъ по пріѣздѣ, мнѣ подали конвертъ отъ генералъ-адъютанта графа Н. В. Адлерберга, состоявшаго въ то время при королѣ прусскомъ. Онъ извѣщалъ, что его величество въ тотъ-же день, въ 12 часовъ, принимаетъ депутацію въ собственномъ дворцѣ. Прибывъ туда за полчаса до назначеннаго времени, мы должны были ждать, потому что король находился на смотру всѣхъ девятыхъ ротъ гвардейскихъ полковъ. Состоявшій при насъ капитанъ Эркертъ, какъ-бы извиняясь, что намъ приходится ждать, объяснилъ, что подобные смотры производятся ежегодно въ началѣ марта, съ цѣлью видѣть какъ подготовлены къ общему строю молодые солдаты, поступившие на службу 1 октября.

Дворецъ короля снаружи имѣетъ видъ хорошаго частнаго дома скромныхъ размѣровъ; онъ находится въ началѣ улицы „Подъ Липами“, противъ монумента Фридриха Великаго. За нѣсколько минутъ до возвращенія его величества изъ манежа, начали пріѣзжать принцы, генералы и лица свиты. Никто изъ нихъ не въѣзжалъ на подъѣздъ дворца, но всѣ останавливались не доѣзжая, выходили изъ экипажей и безъ шинели, не смотря на чувствительный холодъ, входили на него. При этомъ никто ни мало не стѣснялся тѣмъ, что вносилъ въ зало грязь на своихъ испачканныхъ сапогахъ. Это происходило не отъ небрежности, или отъ недостатка уваженія къ мѣсту, куда они собра-

лись, но считалось извѣстнымъ военнымъ шикомъ. Ко времени пріѣзда короля насъ ввели въ его большой кабинетъ, куда взошли только: наслѣдный принцъ, братья его величества Карлъ и Альбертъ и старшіе изъ генераловъ. Король вышелъ въ той формѣ какъ былъ на смотру, и прямо подошелъ къ намъ; каждый изъ насъ долженъ былъ самъ назвать свой чинъ, фамилію и должность. Ставъ затѣмъ передъ нами, Вильгельмъ I обратился къ намъ съ словами, выражавшими мысль, что онъ крайне благодаренъ Государю Императору за то, что онъ вспомнилъ о предстоящемъ празднествѣ прусской арміи и прислалъ депутаціи, какъ отъ кавалеровъ ордена Желѣзнаго Креста, такъ и отъ полка имени его родителя; что онъ видитъ въ этомъ не только личное къ нему расположеніе, но и выраженіе тѣхъ-же самыхъ чувствъ, которыя, 50 лѣтъ назадъ, соединяли оба народа узами взаимной дружбы и довѣрія.

Во время нашего представленія доложили, что несутъ знамена, присланныя въ Берлинъ изъ армейскихъ полковъ. Выходя на подъѣздъ для ихъ встрѣчи, король просилъ насъ слѣдовать за нимъ. Покуда подносили штандарты, его величество пояснилъ намъ, что онъ приказалъ доставить въ Берлинъ знамена всѣхъ тѣхъ полковъ, которые участвовали въ кампаніяхъ 1813 и 14 годовъ.

„Я дѣлаю это для того—продолжалъ король—чтобы мой народъ и моя армія помнили и чтили-бы славныя дѣянія своихъ отцовъ и дѣдовъ, и видѣли-бы, какъ ихъ государь цѣнитъ заслуги героевъ достопамятной эпохи. Завтра вы увидите ея представителей; я пригласилъ на закладку монумента моему отцу всѣхъ ветерановъ великой войны и очень радъ, что при этомъ будутъ представители русской арміи“.

Послѣ этого, въ комнатахъ 2-го этажа, мы были представлены королевѣ. Ея величество разспрашивала меня о Великомъ князѣ Константинѣ Николаевичѣ и о Великой княгинѣ, интересовалась нѣкоторыми подробностями о полкѣ, вспоминала, что Императрица Александра Θеодоровна особенно любила его. Съ каждымъ изъ офицеровъ королева говорила особо.

Изъ дворца мы отправились представляться прочимъ членамъ королевской фамиліи: наслѣдному принцу, братьямъ и племянникамъ короля, фельдмаршалу барону Врангелю, бывшему тогда генералъ-губернаторомъ Берлина. Почтенный

*

старикъ принялъ насъ въ высшей степени радушно, говорилъ съ нами о русскихъ войскахъ съ тѣмъ чувствомъ, которое не могло быть поддѣльнымъ и выражало полное знаніе имъ духа русской арміи. Введя насъ въ кабинетъ, онъ подвелъ меня къ своему письменному столу и, указывая на акварельные портреты Императора Николая Павловича и Императрицы Александры Өеодоровны, сказалъ:

„Вотъ тѣ, съ кѣмъ я никогда не разстаюсь, и которые всегда въ моемъ сердцѣ. Она подарила мнѣ этотъ портретъ, когда, выходя замужъ, уѣзжала въ Россію. Это была не женщина, а ангелъ. Ему-же (при этомъ онъ указалъ на маску, снятую съ Николая Павловича послѣ смерти) я ежедневно молюсь, потому что это былъ Монархъ и человѣкъ, какихъ больше нѣтъ“.

Послѣ Врангеля мы были у военнаго министра, генерала Роона, у президента министерства Бисмарка, у коменданта, у министра двора, у нашего посла Убри и у генерала Мантейфеля, управлявшаго военнымъ кабинетомъ короля. Всѣ они на другой, а нѣкоторые и въ тотъ-же день, отдали намъ визиты.

Братья короля, принцы Карлъ и Альбертъ, немного говорили по-русски. Независимо близкаго родства съ нашимъ Государемъ, они видимо симпатизировали всѣму русскому, особенно послѣдній. Онъ иначе не выѣзжалъ какъ русскою закладкою, съ кучеромъ въ русскомъ армякѣ и шляпѣ, а на маневрахъ его экипажи закладывались четверками въ рядъ. При каждомъ съ нами свиданіи, братья короля привѣтливымъ обращеніемъ до того приблизили насъ къ себѣ, что мы смотрѣли на нихъ какъ-бы на лицъ нашего Царскаго Дома. Далеко не то было со стороны молодаго поколѣнія принцевъ, исключая впрочемъ принца Фридриха-Карла, но и въ его обращеніи и разспросахъ о нашихъ войскахъ видна была скорѣе любознательность, чѣмъ участіе. То же самое можно сказать и о многихъ генералахъ. Чѣмъ кто изъ нихъ былъ старше годами, тѣмъ охотнѣе и ближе знакомился съ нами, тѣмъ менѣе это знакомство отзывалось сухою вѣжливостью. Видимо было, что старое поколѣніе еще сохранило прежнія чувства благодарности къ русскимъ, за ту помощь, которая была оказана прусской арміи въ тяжкую для нея наполеоновскую эпоху. Фельдмаршалъ Врангель былъ представителемъ этой довольно

еще многочисленной, въ описываемое время, партіи. Это былъ типъ служаки старой школы; типъ нѣсколько оригинальный, но достойный уваженія. Не смотря на свои 80 лѣтъ, онъ никогда не носилъ шинели и въ самое ненастное зимнее время, въ одномъ сюртукѣ, ходилъ по улицамъ. Народъ иначе не называлъ его какъ „папа Врангель". При одномъ изъ нашихъ послѣдующихъ свиданій я спросилъ его: „Какая причина его особенной популярности въ народѣ"?—онъ отвѣтилъ:

„Берлинцы народъ благодарный; они не забыли какъ въ 1848 году я угощалъ ихъ картечью и тѣмъ спасъ отъ анархіи; вотъ они за это и любятъ меня".

Не смотря на разнообразіе и обиліе испытанныхъ въ первый день нашего пребыванія въ Берлинѣ ощущеній и на физическую усталость, вечеромъ мы были въ театрѣ „Викторія", въ отведенныхъ отъ двора ложахъ. Тамъ въ этотъ вечеръ давали большой военный концертъ, состоявшій изъ нарочно написанныхъ кантатъ, изъ чтенія патріотическихъ стихотвореній и изъ живыхъ картинъ, напоминавшихъ царствованіе Фридриха-Вильгельма III. Публика состояла исключительно изъ военныхъ и ветерановъ, съѣхавшихся на завтрашнее торжество. При появленіи королевской фамиліи, восторгъ зрителей дошелъ до того, что концертъ на нѣсколько минутъ былъ прерванъ.

Слѣдующій день, 5 марта, былъ еще полнѣе различными для насъ новизнами и ощущеніями; это былъ день закладки монумента. Но не эта, въ сущности, не представлявшая ничего особеннаго и такъ часто случающаяся церемонія, привлекла наше вниманіе. Гораздо знаменательнѣе было празднованіе въ тотъ-же день пятидесятилѣтія учрежденія ордена Желѣзнаго Креста. Съ ранняго утра Берлинъ былъ убранъ флагами гигантскихъ размѣровъ, коврами, транспарантами, представлявшими эпизоды минувшихъ войнъ, бюстами и портретами царствующаго короля и его отца, учредителя ордена. Улицы, по которымъ должны были идти ветераны, покрылись сплошными массами народа, собравшагося не изъ одного любопытства, но по душевному влеченію видѣть героевъ. Какъ-то чувствовалось, что какъ въ украшеніяхъ пути этого шествія, такъ и въ стеченіи публики, не было ничего оффиціальнаго, приказаннаго; напротивъ, все отзывалось сердечностью патріотизма.

Въ 10 часовъ утра процессія тронулась вдоль улицы „Подъ Липами", отъ Бранденбургскихъ воротъ къ площади замка, противъ котораго закладывался монументъ. Впереди всѣхъ, на бѣломъ конѣ, въ кирасирскомъ мундирѣ и золотомъ шишакѣ, ѣхалъ фельдмаршалъ Врангель. Появленіе его, по всей улицѣ, въ версту длиною, сопровождалось оглушительными криками восторга. На балконахъ и у открытыхъ оконъ дамы махали платками, народъ—шляпами, всѣ кричали: „lebe hoch! brawo, papa Wrangel". Старикъ, по временамъ, подымалъ каску и дѣлалъ рукою привѣтъ народу. За нимъ шли 1,200 ветерановъ, по шести въ рядъ, въ мундирахъ тѣхъ самыхъ полковъ, въ которыхъ они служили 50 лѣтъ назадъ [1]). Ихъ длинная колонна была раздѣлена на 4 отряда, по числу корпусовъ того времени. Передъ каждымъ отдѣленіемъ шелъ герольдъ, несшій, на длинномъ позолоченномъ древкѣ, въ лавровомъ вѣнкѣ, надпись фамиліи корпуснаго командира; за герольдомъ слѣдовалъ хоръ музыкантовъ, игравшій марши 13 и 14 года, и затѣмъ ветераны, служившіе въ этомъ корпусѣ. Впереди былъ корпусъ Іорка, потомъ Бюлова, Блюхера и, наконецъ, Клейста. Особенно умилительное впечатлѣніе производило то, что между представителями давно минувшихъ славныхъ лѣтъ, мы видѣли и ихъ сыновей. Въ одномъ мѣстѣ, дряхлаго старика-генерала поддерживалъ молодой солдатикъ, состоящій на службѣ; въ другомъ — безногаго инвалида-солдата велъ его сынъ—генералъ настоящаго времени, въ третьемъ—два кадета везли въ креслахъ израненаго дядю или родственника.

Къ 11 часамъ мы были на площади, у мѣста закладки и присоединились къ депутаціямъ отъ полковъ прусской арміи. Меня, съ моими офицерами, помѣстили правѣе королевскаго павильона, а нашего фельдфебеля поставили часовымъ у основанія монумента; противъ него, другимъ часовымъ, стоялъ старшій изъ унтеръ-офицеровъ лейбъ-регимента. Покуда войска (по одной ротѣ съ каждаго гвардейскаго полка) вступали на площадь, я обошелъ ряды ветерановъ. Нѣкоторые изъ нихъ, узнавъ отъ сопровождавшаго насъ капитана Эркерта,

---

[1]) Тѣ изъ инвалидовъ, которые не имѣли средствъ сшить себѣ форму прежняго времени, были обмундированы на казенный счетъ.

что я командиръ полка имени короля, которому они служили, безцеремонно жали мою руку. Нашлись и такіе, которые бывали съ полкомъ въ однихъ отрядахъ и сражались вмѣстѣ. Вообще слова — „русскій генералъ" вызывали на ихъ лицахъ видимое удовольствіе и воспоминаніе о дняхъ молодости, объ общихъ радостяхъ и лишеніяхъ.

Въ 12 часовъ послѣдовалъ выходъ королевской фамиліи, изъ главныхъ воротъ замка, къ павильону у мѣста закладки, по устроеннымъ черезъ площадь досткамъ, покрытымъ краснымъ сукномъ. По прочтеніи манифеста начался церковный обрядъ, послѣ котораго совершился самый процессъ закладки. Отъ лицъ королевской фамиліи и старшаго генералитета, молотокъ перешелъ ко мнѣ и къ моимъ офицерамъ. Затѣмъ король обошелъ депутаціи, строй ветерановъ и войска, которыя были потомъ пропущены церемоніальнымъ маршемъ.

Въ 3 часа происходилъ въ замкѣ обѣдъ на 2 тысячи особъ. Мы пріѣхали туда, когда въ залѣ были еще немногіе изъ приглашенныхъ, между которыми я увидѣлъ довольно рослаго бѣлокураго полковника въ кирасирской формѣ, издали до того похожей на нашу, что я принялъ его за прибывшаго изъ Петербурга конно-гвардейца.

— Вы, генералъ, изъ Варшавы? спросилъ онъ, подойдя ко мнѣ, чистымъ русскимъ языкомъ.

Въ отвѣтъ я назвалъ себя и свою должность.

— Удивляетесь, что я говорю по-русски?—продолжалъ незнакомецъ,—я былъ нѣкоторое время посланникомъ въ Петербургѣ и всегда радъ случаю имѣть практику; я — Бисмаркъ.

Дѣлая наканунѣ визиты, мы не застали его, потому эта встрѣча была первою, когда я увидѣлъ человѣка, имя котораго тогда только начинало пріобрѣтать извѣстность. Разговоръ нашъ былъ прерванъ въ самомъ началѣ, подошедшимъ австрійскимъ эрцгерцогомъ. Между тѣмъ залы начали быстро наполняться; за столомъ мнѣ указали мѣсто между генералами, противъ особъ королевской фамиліи, а моимъ офицерамъ — между соотвѣтствующими чинами другихъ иностранныхъ депутацій. Во время этого обѣда было предложено только два тоста: одинъ—самимъ королемъ—за армію и за представителей эпохи освобожденія Пруссіи, и другой, фельдмаршаломъ Врангелемъ—за короля. По окончаніи обѣда члены королев-

ской фамиліи и прибывшіе на торжество иностранные принцы обходили линіи столовъ, при чемъ всѣ приглашенные оставались у мѣстъ, которыя занимали. Ни одна изъ принцессъ не прошла мимо меня, не спросивъ что-либо о великой княгинѣ Александрѣ Іосифовнѣ; особенно же долго говорила принцеса Мекленбургъ-Шверинская, поручившая передать Ея Высочеству, что она питаетъ къ ней тѣ же чувства любви и дружбы, которыя связывали ихъ прежде. Нѣкоторые изъ подобныхъ вопросовъ, по правдѣ сказать, досадовали меня, потому что участіе выражалось съ какимъ-то сожалѣніемъ, что Великому князю и его супругѣ приходится переживать въ Варшавѣ трудныя минуты, что имъ вѣроятно скучно тамъ, такъ какъ польское общество имъ манкируетъ и т. д. „Какое вамъ дѣло,—думалось мнѣ,—разспрашивать о томъ, что составляетъ нашу собственную заботу; вѣдь никто не проситъ ни вашего участія, ни вашихъ сожалѣній“.

При возвращеніи изъ замка произошелъ слѣдующій случай. На поворотѣ въ улицу, отъ скопленія экипажей, карета, въ которой я сидѣлъ съ Эркертомъ, пріостановилась. Въ это время какой-то уличникъ изъ толпы, вставивъ въ открытое окно кареты кулакъ, погрозилъ имъ, проговорилъ: „Verschvundene Ostreichrn“ (проклятые австрійцы). Я такъ былъ озадаченъ этой выходкой, что даже не разслышалъ словъ; но Эркертъ, повторивъ ихъ, объяснилъ, что насъ приняли за австрійцевъ, и что въ настоящее время народъ такъ раздраженъ противъ Австріи, за ея интриги на франкфуртскомъ сеймѣ, что не можетъ видѣть тѣхъ, кто носитъ вмѣсто каски кепи и принимаетъ всѣхъ иностранцевъ, въ подобномъ головномъ уборѣ, за австрійцевъ.

Въ тотъ же день, вечеромъ, намъ были присланы двѣ ложи на парадный спектакль въ королевской оперѣ. Давали нарочно написанный для этого дня прологъ, въ которомъ, передъ изображеніемъ заложеннаго утромъ памятника, читались стихи, обращенные къ памяти Вильгельма III, проходили черезъ сцену процессіи, участвующіе въ которыхъ изображали различныя провинціи и народности Пруссіи, клали вѣнки къ подножію памятника, произносили хвалебные монологи и т. д. За прологомъ давали 1 актъ оперы „Лагерь въ Силезіи“ и, наконецъ,

представлено было нѣсколько живыхъ картинъ, изображавшихъ эпизоды изъ войны 13 и 14 годовъ.

На слѣдующій день, въ 9 час. утра, король прислалъ ко мнѣ флигель-адъютанта полковника Гогенлое, съ извѣстіемъ, что Государь назначилъ его величество шефомъ нашего полка, и что онъ желаетъ видѣть депутацію въ 12 ч. во дворцѣ, чтобы представиться чинамъ полка. Эта новость очень насъ обрадовала. Въ назначенный часъ я, съ моими офицерами и нижними чинами, былъ во дворцѣ. Насъ провели въ комнату, гдѣ столы, зеркальныя рамы, каминъ и стѣнныя украшенія были изъ русскаго малахита; все это были подарки Императора Николая Павловича. Король вышелъ къ намъ въ мундирѣ Калужскаго полка, котораго онъ съ давнихъ временъ былъ шефомъ[1]). Я подошелъ съ почетнымъ рапортомъ и подалъ полный, по-нѣмецки написанный, списокъ офицеровъ.

„Назначеніе меня—сказалъ намъ его величество—шефомъ полка, носящимъ имя моего отца на вѣчныя времена, считаю знакомъ особенной ко мнѣ пріязни вашего Императора, моего искренняго друга и племянника. Чтобы показать ему мою признательность, я сегодня же прошу его быть шефомъ моего кирасирскаго, имени Императора Николая, полка. Я еще вчера получилъ увѣдомленіе о моемъ новомъ назначеніи, но не хотѣлъ объявить объ этомъ, чтобы не смѣшивать національнаго торжества съ личнымъ моимъ праздникомъ“.

Въ отвѣтъ на это я высказалъ его величеству, что полкъ считаетъ за счастіе имѣть его во главѣ своихъ рядовъ, что мы видимъ въ этомъ назначеніи новую къ намъ милость Государя, и что полкъ постарается съ тою же честью служить при новомъ шефѣ, какъ служилъ при его родителѣ.

Затѣмъ король разспрашивалъ насъ про стоянку полка въ Нарвѣ, про настоящее его положеніе въ Варшавѣ, интересовался много ли въ полку переведенныхъ съ Кавказа, сколько

---

[1]) Вильгельмъ I былъ назначенъ шефомъ Калужскаго пѣхотнаго полка въ 1813 году, имѣя 18 л. отъ роду и чинъ поручика. Во время одного изъ сраженій онъ былъ посланъ съ приказаніемъ къ генералу, командовавшему отрядомъ, въ составъ котораго входила русская бригада. Молодой принцъ подскакалъ къ ней въ то время, когда одинъ изъ ея полковъ, именно Калужскій, шелъ въ атаку. Передавъ приказаніе, онъ присоединился къ полку и вмѣстѣ съ нимъ бросился на непріятеля.

ежегодно поступаетъ рекрутъ. Съ нижними чинами онъ сказалъ нѣсколько словъ по-русски, спрашивая ихъ: „съ котораго года въ службѣ, какой губерніи, нравится ли Берлинъ, гдѣ лучше въ Нарвѣ или въ Варшавѣ“.

Въ 5 часовъ былъ обѣдъ, данный исключительно по случаю шефства. Кромѣ нашей депутаціи, къ нему были приглашены чины русскаго посольства и тѣ изъ прусскихъ генераловъ, которые имѣли высшіе русскіе ордена.

Вечеръ описываемаго дня былъ, подобно предшествовавшему и почти всѣмъ предстоявшимъ, проведенъ въ театрѣ. Въ этотъ разъ давали балетъ „Фликъ и Флокъ“, въ которомъ, въ теченіи цѣлаго акта, движущаяся задняя декорація изображала различныя столицы европейскихъ государствъ. Когда дошла очередь до Россіи, то появился видъ Петербурга, снятый съ Троицкаго моста на Зимній дворецъ и биржу, раздѣленные Невою. Во время пріостановки этой картины, на сценѣ была весьма плохо исполнена русская пляска. Вмѣсто парня вышелъ бородатый кучеръ въ длинномъ армякѣ, съ шляпою невиданнаго фасона. Во время одного изъ антрактовъ, дежурный камергеръ передалъ мнѣ, что его величество, разъ навсегда, приглашаетъ меня въ большую королевскую ложу.

Такъ какъ утро 7 марта оставалось свободнымъ отъ приглашеній и службы, то я воспользовался имъ, чтобы хотя нѣсколько ознакомиться съ внутренними порядками и бытомъ прусскихъ войскъ. Съ этою цѣлью мы съ вечера сговорились съ Эркертомъ, часовъ въ 9 утра, поѣхать въ казармы 2-го гвардейскаго полка, въ которомъ онъ командовалъ ротою. Просилъ-ли онъ заранѣе разрѣшенія командира полка показать мнѣ казармы, или взялъ это на себя,—не знаю, но несомнѣнно, что король узналъ объ этомъ, потому что потомъ спрашивалъ меня и доставилъ мнѣ случай видѣть, въ большемъ размѣрѣ, не только устройство, но и разнаго вида обученіе, войскъ. Насъ никто не встрѣтилъ, кромѣ дежурнаго по ротѣ и я не видѣлъ на занятіи не только полковаго, но и баталіоннаго командира. Въ ротѣ Эркерта происходили обыкновенныя утреннія занятія. Въ широкомъ корридорѣ одинъ изъ офицеровъ обучалъ шеренгу молодыхъ солдатъ, прочіе занимались гимнастикою на дворѣ. Какъ только офицеръ увидѣлъ входящаго капитана, скомандовалъ „смирно“, и, ставъ на

флангъ, отдалъ ему честь. Въ то время у насъ еще не было введено подобнаго правила въ уставъ, но, бывши въ младшихъ чинахъ, мы сами собою исполняли то же самое. Полагаю, что не столько важно облеченіе правилъ военной вѣжливости въ законъ, какъ наблюденіе за ея исполненіемъ; иначе, что ни пиши, все останется мертвою буквою. Полюбопытствовавъ видѣть книгу прусскаго устава, я убѣдился, что онъ написанъ въ томъ же духѣ, какъ были изданы наши уставы 40-хъ годовъ, безъ всякихъ разсужденій и наставленій, краткими параграфами, какъ и что дѣлать.

При обходѣ помѣщеній роты, болѣе всего поражалъ просторъ, удобство и порядокъ; не было громадныхъ залъ на цѣлые взводы, но по сторонамъ широкаго и свѣтлаго корридора шли небольшія комнаты, не болѣе какъ человѣкъ на 12. Посреди комнаты большой круглый столъ, обитый клеенкой и окруженный 12-ю табуретами. По стѣнамъ, между кроватями, прибиты висячіе шкафики для каждаго. Распредѣленіе кому съ кѣмъ жить предоставляется соглашенію нижнихъ чиновъ, утверждаемому ротнымъ командиромъ; ни ранжиръ, ни другія условія въ разсчетъ не принимаются, но происхожденіе и нравственность играютъ при этомъ первую роль. Отъ этого въ ротѣ образуется нѣчто въ родѣ мелкихъ артелей или корпорацій; напримѣръ: люди образованныхъ классовъ живутъ отдѣльно отъ взятыхъ изъ крестьянъ, сыновья комерсантовъ—отдѣльно отъ привлеченныхъ на службу изъ фабричныхъ и мастеровыхъ. Чрезъ это никто другъ другу не мѣшаетъ, понятія и интересы не смѣшиваются; всякій, состоя на службѣ, въ свободное время, вращается въ той же средѣ людей, къ которой привыкъ съ дѣтства, не отвлекаясь отъ интересовъ родной семьи и ея традицій. Людямъ съ средствамъ разрѣшается улучшать свои помѣщенія; такъ я видѣлъ въ комнатѣ, занятой бывшими студентами и сыновьями купцовъ, нѣсколько лампъ вмѣсто одной казенной, зеркало, стулья вмѣсто табуретовъ, на столѣ лежали газеты и журналы, Подобныя отступленія нисколько не шли въ разрѣзъ съ самымъ строгимъ соблюденіемъ чистоты, порядка и подчиненія заведеннымъ правиламъ. За это отвѣчаютъ старшіе въ комнатахъ, обязанные во всякое время знать кто изъ живущихъ съ ними, гдѣ и почему находится. Если старшій въ отсутствіи, то всегда есть замѣняющій его. Чрезъ это

ни одинъ человѣкъ никогда не остается безъ начальствующаго надъ нимъ. Я заставалъ въ нѣкоторыхъ комнатахъ на лицо, вмѣсто двѣнадцати, 5 или 6 человѣкъ, и, какъ только мы входили, очередной по старшинству подходилъ ко мнѣ съ рапортомъ. Вотъ гдѣ начало той подчиненности, исполнительности и отвѣтственности, которыя такъ вкоренились въ прусской арміи.

Насколько прусскіе солдаты лучше и удобнѣе помѣщены чѣмъ наши, настолько они ѣдятъ хуже нашихъ. Приготовленная въ этотъ день пища была жидка и весьма не вкусна. Разницу въ продовольствіи замѣтили и бывшіе съ нами нижніе чины. Гуляя по городу, съ приставленнымъ къ нимъ фельдфебелемъ ландвера, они заходили то въ тѣ, то въ другія казармы. Я однажды спросилъ одного изъ нихъ, понравилось ли ему какъ живутъ прусскіе солдаты? Онъ отвѣтилъ:

— Живутъ-то они, ваше превосходительство, не худо, а ужь ѣдятъ куда плоше нашего; кабы нашихъ посадить хоть на недѣлю на такой супъ, такъ у всѣхъ бы животы подвело.

Не имѣя въ этотъ день ни отъ кого приглашенія на обѣдъ, мы съ удовольствіемъ приняли предложеніе, нашего любезнаго чичероне Эркерта, отобѣдать въ офицерской столовой его полка. Собственно обѣдъ, какъ и наши подобные, былъ очень простъ; но помѣщеніе, сервировка, видъ и одежда прислуги, состоящей изъ солдатъ, одѣтыхъ въ красивыя ливреи, все было прекрасно. Вообще въ Пруссіи отводится для офицерскихъ собраній въ казармахъ широкое помѣщеніе, со всѣми удобствами. Напримѣръ, во 2-мъ гвардейскомъ полку мы видѣли: огромный столовый залъ, въ которомъ можетъ обѣдать человѣкъ семьдесятъ, двѣ большія комнаты для библіотеки, эстаминетъ для куренья, залъ для игры въ карты, домино и шахматы, читальню съ множествомъ газетъ и военныхъ журналовъ, билліардную, комнату для буфета и просторную переднюю. Все это освѣщается газомъ и прекрасно меблировано.

Вечеромъ мы были на придворномъ концертѣ, въ кругломъ залѣ дворца. Его можно было назвать скорѣе музыкальнымъ вечеромъ, потому что, сверхъ лицъ королевской фамиліи, приглашенныхъ было немного. Пѣнію извѣстныхъ артистокъ Лукки и Арто акомпанировалъ хоръ придворной капеллы, а на роялѣ — знаменитый Мейерберъ, старичекъ съ еврейскимъ

типомъ лица, въ завитомъ параичкѣ, со множествомъ всевозможныхъ крестовъ и звѣздъ на фракѣ, имѣвшій тогда на видъ лѣтъ 65. Здѣсь мы неожиданно встрѣтили принцессу Марію Максимиліановну Лейхтенбергскую, ѣхавшую изъ Петербурга, сряду послѣ замужества, въ Баденъ. Увидѣвъ русскіе мундиры, она видимо обрадовалась и, говоря со мною, упомянула, что ей очень тяжело навсегда оставлять родину. Во время исполненія послѣдняго номера программы, королева, черезъ принца Альберта, подозвала меня къ себѣ.

— Я хочу сдѣлать вамъ сюрпризъ—сказала она; вы услышите сейчасъ музыку, которая навѣрно будетъ для васъ пріятна и которую я очень люблю.

По данному знаку, хоръ капеллы превосходно исполнилъ седьмую херувимскую Бортнянскаго.

Возвратясь въ отель, я нашелъ увѣдомленіе отъ генерала Мантейфеля о томъ, что его величеству угодно, чтобы я завтра подробно осмотрѣлъ полкъ Императора Александра I-го. Называясь гвардейско-гренадерскимъ, онъ занимаетъ въ прусской гвардіи положеніе параллельное съ моимъ Прусскимъ полкомъ.

8-го марта, въ 9 часовъ утра, мы подъѣхали къ манежу полка, расположенному возлѣ его казармъ. При входѣ я былъ встрѣченъ начальникомъ дивизіи и бригаднымъ командиромъ, что нѣсколько удивило и отчасти шокировало меня, тѣмъ болѣе, что и на лицахъ этихъ почтенныхъ и старыхъ годами генераловъ было замѣтно, что имъ не доставляло особеннаго удовольствія встрѣчать, въ то время еще относительно молодаго, иностраннаго генералъ-маіора. Чтобы избавить и себя и ихъ отъ стѣсняющаго положенія, я убѣдилъ обоихъ предоставить полковому командиру самому показать мнѣ то, что онъ желаетъ. Тогда начальникъ дивизіи, тономъ приказанія, передалъ полковнику Альвенслебену (однофамильцу пріѣзжавшаго въ Варшаву генерала), чтобы онъ показалъ мнѣ шереножное и ротное ученье, церемоніальный маршъ, гимнастику и т. д. и затѣмъ, вмѣстѣ съ бригаднымъ, уѣхалъ изъ манежа. Изъ видѣннаго мною можно было вывести заключеніе, что строевое обученіе идетъ у пруссаковъ совершенно также, какъ у насъ, съ тою разницею, что въ отношеніяхъ офицеровъ между собою сильно проглядываетъ врожденная нѣмцамъ педантичность. Я не слыхалъ, во время двухъ-часоваго пребыванія въ манежѣ,

ни одной фразы, сказанной капитаномъ поручику обыкновеннымъ тономъ; всякое слово отзывалось рѣзкимъ, повелительнымъ приказаніемъ. Съ другой стороны, принимающій приказаніе офицеръ держитъ себя, передъ отдающимъ его, до того натянутымъ, что нашъ солдатъ, говорящій съ начальникомъ, походилъ бы тамъ на человѣка, небрежно относящагося къ словамъ старшаго. На лицахъ младшихъ офицеровъ, которымъ что либо говорилъ ротный командиръ, выражалась какая-то подобострастность; они вытягивались при этомъ въ струнку, все время держали руку у козырька, какъ-то таращились, потомъ поворачивались по-солдатски и отходили на свое мѣсто, маршируя съ носка. Изъ разговоровъ моихъ съ нѣкоторыми изъ нихъ я потомъ заключилъ, что это ничто иное какъ укоренившаяся мода, производящая на иностранца то же непріятное впечатлѣніе, какое производитъ неумѣстная развязность и фатовство большей части французскихъ офицеровъ. Здѣсь излишняя деревянность, тамъ—какое-то кривлянье. Разница съ нашими пріемами обученія состоитъ въ томъ, что у пруссаковъ ружейные пріемы дѣлаютъ гораздо чаще, командуется, хотя бы маленькой шеренгѣ, съ крикомъ, какъ будто цѣлому полку; сигналы совершенно тѣ же что у насъ, но съ измѣненнымъ значеніемъ, напримѣръ то, что у насъ означало перемѣну цѣпи, — у нихъ наступленіе.

Изъ манежа мы проѣхали за городъ, гдѣ на сосѣднемъ полѣ, двѣ заранѣе посланныя туда роты, производили разсыпной строй, а особая піонерная команда, по 10 человѣкъ съ каждой роты (въ родѣ нашихъ саперныхъ командъ), въ теченіи 9 минутъ устроила мостъ черезъ ровъ, въ 4 сажени, изъ ранѣе подвезенныхъ бревенъ, досокъ и кольевъ и въ 28 минутъ разбила и насыпала ложементъ на два полувзвода. Хотя и пришлось хвалить за такое проворство, но мы очень хорошо понимали, что все это дѣло показное, нѣсколько разъ продѣланное и подготовленное для смотровъ: колья заранѣе были заострены, каждый человѣкъ зналъ, что гдѣ лежитъ и за что кому браться. Чтобы пруссаки не думали потомъ, что они насъ обошли, я высказалъ мое мнѣніе о подобномъ показаніи товара лицомъ Эркерту.

По окончаніи осмотра, полковой командиръ, отъ имени своихъ офицеровъ, пригласилъ насъ въ казармы на обѣдъ.

Узнавъ, что до него остается полчаса времени, я выразилъ желаніе, съ цѣлью ознакомиться съ дѣлопроизводствомъ, взглянуть на полковую канцелярію. Вдвоемъ съ полковымъ адъютантомъ, мы поднялись въ верхній этажъ казарменнаго флигеля. Вмѣсто анфилады комнатъ нашихъ канцелярій, здѣшняя состояла всего изъ двухъ: одна въ два окна, другая въ одно, подъ которымъ стоялъ телеграфный станокъ. Большой письменный столъ посрединѣ первой комнаты, нѣсколько шкафовъ у стѣнъ, по столику передъ каждымъ окошкомъ для полагаемыхъ по штату только двухъ писарей, причемъ одинъ и телеграфистъ,—вотъ все помѣщеніе и составъ полковой канцеляріи. Видя это, я полагалъ, что тамъ не ведется ни списковъ, ни входящаго и исходящаго журналовъ и потому просилъ показать мнѣ книгу приказовъ и послужные списки офицеровъ и нижнихъ чиновъ. Оказалось, что приказы пишутся прямо набѣло, собственноручно полковымъ адъютантомъ, что послужной списокъ помѣщается на печатномъ бланкѣ, въ четверку обыкновеннаго листа бумаги, что есть и алфавитъ полка, и штрафной журналъ, и журналы входящій и исходящій. Все это, по упрочившемуся порядку, приведено въ такія сжатыя формы и пишется такимъ мелкимъ и умѣстистнымъ шрифтомъ, что выше и ниже написаннаго, не только нѣтъ полей, но нельзя приписать ни одной строчки.

Во время моихъ разспросовъ полковаго адъютанта, вошелъ офицеръ съ докладомъ, что пріѣхалъ военный министръ, и что меня просятъ въ столовую. Войдя въ ярко освѣщенный и убранный растеніями залъ, я догадался, что намъ дается оффиціальный обѣдъ. Кромѣ всѣхъ офицеровъ полка, въ мундирахъ, тамъ были: военный министръ генералъ Роонъ, начальникъ штаба гвардіи, начальникъ дивизіи, бригадный командиръ и личный лейбъ-медикъ короля. Присутствіе послѣдняго было объяснено тѣмъ, что онъ когда-то состоялъ старшимъ врачемъ этого полка, но вѣрнѣе предположить, что онъ былъ присланъ для того, чтобы немедленно передать происходившее на обѣдѣ. Все это было для насъ неожиданностію.

Не буду описывать: ни роскошной обстановки, ни обилія яствъ и винъ, ни отличнаго оркестра, игравшаго во время обѣда, но перехожу прямо къ болѣе интересному, — къ тѣмъ рѣчамъ, которыя говорились передъ тостами. Первый изъ нихъ

былъ предложенъ военнымъ министромъ за нашего Государя, въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Каждому прусскому офицеру извѣстны узы дружбы, связывающія насъ съ русскою арміею. Каждый изъ насъ, отъ короля до солдата, раздѣляетъ эти чувства. Въ томъ, что русскому Императору угодно было, къ достопамятному для нашего отечества дню, прислать къ намъ дорогихъ и уважаемыхъ гостей, мы видимъ знакъ его вниманія и любви. Предлагаю тостъ за здравіе и долгоденствіе Императора Всероссійскаго".

На это я отвѣчалъ:

„Хотя въ русской арміи есть много лицъ, болѣе меня достойныхъ быть ея представителями, но какъ особый случай и милость моего Государя дали мнѣ возможность находиться въ Берлинѣ въ столь торжественные дни, то позвольте мнѣ выразить передъ вами, что мы высоко цѣнимъ сдѣланное намъ отличіе, быть представителями нашей арміи въ вашей средѣ. Время, когда вашъ полкъ и полкъ, которымъ я имѣю честь командовать, получили свои названія, соединило обѣ арміи чувствами взаимнаго уваженія и любви. Дай Богъ, чтобы эти чувства остались вѣчными и недоступными ни для какихъ политическихъ интересовъ. Въ то достославное время, оба полка сражались вмѣстѣ, за общее дѣло, подъ знаменитымъ девизомъ вашимъ: „Mit Gott für König und Vaterland!" (Съ Богомъ — за Короля и Отечество). Теперь же, когда вашъ король принялъ шефство нашего полка, мы соединяемся новыми узами съ вами и съ вашею арміею. Да здравствуетъ ея верховный вождь, мой августѣйшій шефъ и вашъ державный повелитель, Вильгельмъ I!"

Послѣ этого, полковникъ Альвенслебенъ произнесъ большую рѣчь, имѣвшую военно-политическій оттѣнокъ. Онъ доказывалъ, что въ настоящее, трудное для Пруссіи, время, преданность офицеровъ своему долгу и ихъ любовь къ монарху можетъ оказать великія заслуги отечеству, при чемъ совѣтовалъ слѣдовать примѣру русскихъ офицеровъ, самопожертвованіе которыхъ и вѣрность престолу признаны всѣми. Такое содержаніе рѣчи оправдывалось тѣмъ, что въ то время палата депутатовъ вела явную борьбу съ правительствомъ и два года сряду отказывала ему въ средствахъ на содержаніе арміи. Правительство

было вынуждено распускать палату, что производило сильное волненіе умовъ, а чрезъ это народные представители и войска представляли двѣ враждебныя силы.

Военный министръ энергично отвѣчалъ Альвенслебену, какъ бы отъ имени короля. Онъ заявилъ, что его величество вполнѣ надѣется на свои войска, и провелъ параллель между направленіемъ прусской и русской армій, въ отношеніи ихъ преданности своимъ государямъ и сознанія долга. Въ заключеніе своей рѣчи генералъ Роонъ сказалъ: „Доколѣ прусскіе офицеры будутъ помнить слова Императора Николая, сказанныя имъ кирасирскому имени его полку въ Потсдамѣ, до тѣхъ поръ они останутся твердымъ оплотомъ престола. *Слова эти должны быть евангеліемъ прусской арміи*" *).

Послѣ этого шли тосты: за русскую армію, за мой полкъ, за братство обѣихъ армій. Выразивъ благодарность отъ имени своего полка, я отвѣчалъ тостомъ за прусскую армію и за полкъ Императора Александра I. Все это, вмѣстѣ взятое, содѣйствовало общему оживленію и энтузіазму, съ которымъ присутствовавшіе принимали всякую здравицу. Въ концѣ обѣда я увидѣлъ, что съ дальняго конца стола, гдѣ сидѣли прибывшіе со мною изъ Варшавы нижніе чины депутаціи, направляется ко мнѣ, съ бокаломъ въ рукѣ унтеръ-офицеръ Васильевъ, а за нимъ—состоящій при нихъ фельдфебель ландвера. Не совсѣмъ твердая походка и блиставшіе глаза Васильева указывали, что онъ порядочно выпилъ. Зная его охотникомъ этого дѣла, я опасался, не вышло бы чего либо неловкаго. Между тѣмъ фельдфебель, подойдя къ министру, доложилъ, что русскіе солдаты желаютъ выпить за его здоровье. Генералъ Роонъ уже протянулъ руку, чтобы чокнуться съ Васильевымъ, но послѣдній, прежде чѣмъ приблизить свой бокалъ, обратился ко мнѣ и громко сказалъ:

— Осмѣливаюсь просить ваше превосходительство, передать военному министру, что, по одному слову начальства, русскій солдатъ готовъ не только пить, но и умереть вмѣстѣ съ прусскимъ, за нашего Государя и за *ихняго* короля.

Я немедленно передалъ сказанное по-французски. Это воз-

*) Ниже я привожу эти слова, съ разсказа современника, о посѣщеніи Императоромъ Николаемъ Берлина.

будило общій восторгъ. Министръ обнялъ и поцѣловалъ Васильева, офицеры сошли съ мѣстъ и, наперерывъ, кто обнималъ его, кто жалъ его руку, кто благодарилъ меня*).

Обѣдъ кончился въ 8 часовъ, такъ что я, перемѣнивъ форму, опоздалъ къ началу спектакля, а между тѣмъ показаться въ театрѣ было необходимо, потому что съ того вечера, какъ король предложилъ мнѣ мѣсто въ большой придворной ложѣ, я еще ни разу не воспользовался этимъ приглашеніемъ. Спутники мои такъ были угощены на описанномъ обѣдѣ, что отказались отъ оперы и я отправился вдвоемъ съ Эркертомъ.

9 (21) марта, утромъ, происходилъ общій парадъ всей стоявшей въ Берлинѣ кавалеріи. Для этого она была выстроена, въ пѣшемъ строю, развернутымъ фронтомъ, вдоль средняго бульвара улицы „Подъ Липами". Полки проходили церемоніальнымъ маршемъ, повзводно. Подобный парадъ дѣлается королемъ ежегодно, съ цѣлью видѣть подготовку молодыхъ солдатъ кавалеріи къ пѣшему строю. Полки равнялись довольно чисто; особенно хорошо прошли уланы, но что поражало насъ—такъ это офицерство. Они парадировали, до того усердно, вытягивая носки и хлопая ногами, до того напрягали колѣни и всю свою фигуру, что на многихъ невозможно было смотрѣть безъ смѣха. Даже офицеры аристократическаго лейбъ-регимента (то, что у насъ кавалергарды) не были исключеніемъ. Такое каррикатурное стараніе, безобразившее самыхъ видныхъ и красивыхъ молодыхъ людей, было тоже ничто иное какъ шикъ, отъ котораго отказался бы каждый изъ нихъ, еслибы увидѣлъ свою фигуру въ зеркало. Послѣ парада мы завтракали у короля, а обѣдали въ этотъ день у принца Алберта. На этотъ обѣдъ, кромѣ нашей депутаціи, были приглашены только лица, находившіяся минувшею осенью съ его высочествомъ на Кавказѣ. Разговоръ шелъ преимущественно объ этомъ путешествіи и о кавказской арміи. Обхожденіе съ нами обоихъ братьевъ короля, Карла и Алберта, было въ высшей степени симпатичное. Несмотря на почтенные годы, они были до того ласковы, что говоря съ ними, исчезало всякое стѣсненіе, невольно про-

*) Припоминая сказанное, невольно думается:—какъ все это измѣнилось, сравнительно съ настоящими отношеніями обѣихъ націй.

являющееся, когда приходится думать о важности лица, съ которымъ говоришь, и о требованіяхъ этикета.

Еще утромъ этого дня, капитанъ Эркертъ передалъ мнѣ, что принцъ Фридрихъ-Карлъ, въ то время командиръ 3-го корпуса, проситъ меня, въ 8 часовъ вечера къ себѣ, запросто, въ сюртукѣ безъ эполетъ. Такое приглашеніе нѣсколько удивило меня, тѣмъ болѣе, что я получилъ его одинъ, безъ сопровождавшихъ меня офицеровъ и даже безъ сопутствія неразлучнаго нашего спутника Эркерта. Благодаря ему, я уже былъ предваренъ, что Фридрихъ-Карлъ преданъ военному дѣлу до страсти; что онъ не любитъ общества, не находитъ удовольствія ни на балахъ, ни въ театрахъ и врагъ женщинъ. Въ наказаніе за это, судьба послала ему 3-хъ дочерей подрядъ и тогда ни одного еще сына, что̀ сердило его. Бывъ введенъ въ кабинетъ принца безъ предварительнаго доклада, я засталъ тамъ 3-хъ офицеровъ, принадлежащихъ штабу его корпуса. Его высочество пригласилъ меня сѣсть съ нимъ на отоманку, стоявшую въ небольшой альковѣ, гдѣ мы проговорили до 11 часовъ, не вставая; прочіе усѣлись за круглый столъ посреди кабинета и только изрѣдка, когда принцъ обращался къ кому либо, принимали участіе въ нашей бесѣдѣ. Видимо было, что я призванъ для того, чтобы узнать подробности о тѣхъ нововведеніяхъ, которыя тогда такъ быстро шли въ нашей арміи, одно за другимъ. Особенно интересовали принца: окружная система, стрѣлковыя войска, наши лагерные сборы и положеніе варшавскаго гарнизона. Изъ дѣлаемыхъ имъ выводовъ было замѣтно, что онъ многому изъ новаго отдавалъ преимущество, но въ общемъ находилъ, что не слѣдовало упразднять того, къ чему привыкла армія и что составляетъ ея традиціи или историческія преданія. Болѣе всего ему не нравилось упраздненіе корпусовъ.

— Мы сами — говорилъ онъ, находимъ, что у насъ есть кое-что устарѣлое, но въ дѣлѣ преобразованій нужна большая осторожность. Возьмемъ для примѣра наши игольчатыя ружья; онѣ имѣютъ недостатки, вмѣсто ихъ избрана другая, во всѣхъ отношеніяхъ лучшая система, но король не соглашается на перемѣну ружей, покуда армія не сдѣлаетъ кампаніи съ игольчатыми. Нѣтъ ничего хуже, какъ передъ войною перевооружать

армію, т. е. брать отъ солдата оружіе, къ которому онъ привыкъ, и давать новое.

— Но кажется, замѣтилъ я, въ настоящее время трудно ожидать близкой войны.

— Близко и далеко — понятія относительныя, возразилъ принцъ. Вы тоже, годъ назадъ, едва-ли ожидали, что вамъ придется, если не воевать съ поляками,—это было бы для нихъ много чести, то усмирять ихъ. Точно такъ и мы не знаемъ, что будетъ черезъ годъ, а тѣмъ болѣе черезъ 3 года. Это самый долгій срокъ, который я даю для мира.

Послѣдствія показали, что пророчество принца сбылось: черезъ годъ онъ уже пожиналъ лавры въ Шлезвигѣ, а черезъ три—громилъ австрійцевъ въ Богеміи.

Послѣ этого разговоръ коснулся Кавказа.

— Вы счастливѣе насъ — продолжалъ принцъ; у васъ есть постоянная и прекрасная боевая школа для офицеровъ. Кавказская армія выработываетъ у васъ такой боевой кадръ, который можетъ оказать большую пользу въ будущемъ. Императоръ Николай предвидѣлъ это давно, командируя туда ежегодно гвардейскихъ офицеровъ. Говорятъ, теперь этого больше не дѣлаютъ? Я подтвердилъ.

Вспомнивъ о Николаѣ Павловичѣ, принцъ сказалъ:

— Я всегда съ особенною благодарностію вспоминаю то время, когда покойный вашъ Императоръ, за первое мое боевое крещеніе, далъ мнѣ отличіе, которымъ я дорожу болѣе всего (при этомъ онъ указалъ на Георгіевскій крестъ). Я былъ тогда поручикомъ и получилъ Георгія за штурмъ барикадъ, во время революціи въ Баденѣ.

Около 11 часовъ послышался легкій стукъ въ дверь кабинета, изъ внутреннихъ комнатъ.

— Это сигналъ моей жены, сказалъ принцъ, напоминающій, что я заговорился; мы сегодня должны показаться на одномъ балѣ, хотя я гораздо охотнѣе продолжалъ бы нашу бесѣду.

Прощаясь со мною, его высочество просилъ передать въ Варшавѣ его поклонъ Великому князю и генералу барону Рамзаю.

Капитанъ Эркертъ обыкновенно являлся къ намъ въ 9 ч. утра, но 10 марта пришелъ гораздо ранѣе, чтобы поздравить

насъ съ днемъ рожденія нашего шефа; тогда же онъ передалъ мнѣ, что генералъ Мантейфель проситъ меня показать ему нашихъ солдатъ въ походной формѣ, въ 10 часовъ, въ его квартирѣ. Въ то же утро получены были отъ графа Н. В. Адлерберга, при отзывѣ на мое имя, ордена, пожалованные королемъ всѣмъ чинамъ нашей депутаціи, не исключая и нижнихъ чиновъ; каждый изъ нихъ получилъ медаль, часы и 30 талеровъ (около 40 руб.). При представленіи Мантейфелю я уже былъ со звѣздою ордена короны 2 ст.; мы застали у него многихъ полковыхъ командировъ берлинскаго гарнизона. Всѣ они интересовались нашею походною формою, разсматривали ранцы, патронныя сумки, но особенно восхищались башлыками и высокими сапогами. Отъ Мантейфеля надо было спѣшить переодѣться въ парадную форму, чтобы къ часу быть во дворцѣ, поздравить шефа и благодарить его за награды. Король вышелъ впервые въ нашемъ мундирѣ и, подойдя ко мнѣ со словами „имѣю честь представиться“,—спросилъ все ли на немъ по формѣ.

Въ этотъ же день, въ 4 часа былъ для насъ обѣдъ у фельдмаршала барона Врангеля, имѣвшій скорѣе семейный, чѣмъ оффиціальный характеръ. Кромѣ насъ были приглашены два адъютанта и близкіе родственники фельдмаршала, съ ихъ женами. Ни въ сервировкѣ, ни въ меню обѣда не было ни малѣйшей роскоши. Я сидѣлъ рядомъ съ хозяиномъ; противъ моего прибора былъ поставленъ небольшой акварельный портретъ Государя Александра Николаевича, а противъ хозяина,—такой же портретъ Императора Николая. Все, что говорилось фельдмаршаломъ, указывало на его любовь къ Россіи и на преданность нашему Царствующему Дому. Въ энергическихъ и исполненныхъ сердечности словахъ, предложены были маститымъ хозяиномъ тосты за короля и нашего Государя, послѣ чего, обращаясь ко мнѣ, онъ произнесъ:

— Скажите вашему Императору и вашимъ товарищамъ, что кто крещенъ вмѣстѣ огнемъ и кровью, какъ мы и русскіе, того не поссорятъ никакіе парламенты; кто слышалъ слова Императора Николая, въ трудныя для Пруссіи минуты,— тотъ никогда не измѣнитъ его сыну. Скажите всѣмъ вашимъ, что куда бы ни пошла русская армія, мы всегда будемъ за нею надежнымъ резервомъ.

Послѣ этого фельдмаршалъ просилъ, чтобы никто не предлагалъ болѣе никакихъ тостовъ; но я не могъ не отвѣтить ему, и когда всталъ, онъ схватилъ меня за руку и усадилъ, такъ что пришлось говорить сидя:

— Какъ фельдмаршалъ,—сказалъ я,—вы властны повелѣвать въ бою, и всякій, зная ваше прошлое, состоя подъ вашимъ начальствомъ, пойдетъ умирать, куда вы укажете; но вы невластны запретить русскому сердцу высказать вамъ чувства глубокаго почитанія и благодарности, за вашу память о томъ, что русская армія въ былыя времена дѣлала для вашего отечества, за вашу любовь къ Россіи и ея Монарху. Позвольте же мнѣ выразить эту благодарность отъ имени всѣхъ носящихъ русскій мундиръ и поднять бокалъ за ваше здоровье!

Послѣ обѣда всѣ перешли въ залъ, наполненный всевозможными подарками и приношеніями, начиная съ королевскихъ и кончая каменно-угольною глыбою съ надписью: „An papa Wrangel", поднесенною рудокопами.

Выше, нѣсколько разъ, было упомянуто о словахъ Императора Николая I, произнесенныхъ передъ кирасирскимъ его имени полкомъ. О нихъ говорили: и военный министръ, и полковникъ Альвенслебенъ, сказалъ и Врангель.

Пора объяснить читателямъ, какія это слова и почему они были сказаны.

Вслѣдствіе революціи 1848 года, Императоръ Николай Павловичъ былъ крайне недоволенъ внутреннею политикою Пруссіи и, проѣзжая потомъ заграницу, нѣсколько разъ объѣзжалъ Берлинъ. Однажды онъ остановился въ Потсдамѣ, гдѣ произвелъ смотръ кирасирскому полку, котораго былъ шефомъ. По окончаніи смотра, вызвавъ офицеровъ передъ середину строя, онъ, съ особенною энергіею въ голосѣ, сказалъ имъ:

„Я съ прискорбіемъ слѣдилъ, какъ зловредныя, анархическія идеи запада проникали въ Пруссію и породили въ ней безпорядки, стоившіе жертвъ и крови. Дай Богъ, чтобы это никогда болѣе не повторялось; но если случится что-либо подобное, то знайте, что я стану во главѣ вашего полка и скорѣе лягу передъ нимъ, чѣмъ допущу, чтобы зло коснулось

вашихъ войскъ. Только черезъ мой трупъ враждебныя ар-[illegible] могутъ проникнуть въ Россію“.

Вотъ слова, которыя генералъ Роонъ, за [illegible] обѣдѣ, назвалъ [illegible] [illegible] [illegible].

Узнавъ о рѣчи, сказанной Императоромъ передъ его полкомъ, городской совѣтъ города Берлина рѣшилъ: отправить въ Потсдамъ депутацію, просить Николая Павловича забыть прошлое,—другими словами—простить берлинцевъ и пріѣхать въ столицу. Въ числѣ депутатовъ былъ хозяинъ нашего отеля Крэгеръ, который передавалъ мнѣ лично, что принимая депутацію, Государь строго, почти гнѣвно высказалъ ей свое неудовольствіе за событія 1848 года, но все-таки обѣщалъ на другой день пріѣхать въ Берлинъ.

— Несмотря на мои 70 лѣтъ,—продолжалъ Крэгеръ,—я не помню, чтобы нашъ городъ когда-либо бывалъ такъ убранъ и встрѣчалъ бы кого такъ, какъ народъ встрѣчалъ тогда Императора Николая. Энтузіазмъ былъ выше всякаго описанія; восторженные крики сопровождали его повсюду и сотни тысячъ ждали на улицахъ его появленія по нѣсколько часовъ, лишь бы взглянуть на него.

Выслушавъ разсказъ старика, подумалось: „Да, времена и люди измѣнчивы“.

Въ этотъ же день, по случаю рожденія короля, мы были на большомъ раутѣ во дворцѣ. Только-что успѣли мы возвратиться, какъ входитъ ко мнѣ Эркертъ, съ запискою къ нему отъ дежурнаго флигель-адъютанта о томъ, что завтра, въ 12 часовъ дня, его величество желаетъ видѣть офицеровъ и нижнихъ чиновъ депутаціи въ различныхъ формахъ одежды. На вопросъ, въ какой формѣ быть мнѣ, какъ предсѣдательствующему, Эркертъ не могъ дать положительнаго отвѣта, но, взявъ листъ почтовой бумаги, написалъ генералу Мантейфелю записку и послалъ ее съ разсыльнымъ гостинницы.

— Какъ это у нихъ все просто,—замѣтилъ мой адъютантъ; строевой капитанъ пишетъ записку генералу, равному нашему начальнику главнаго штаба, да еще посылаетъ ее съ посыльнымъ.

Дѣйствительно просто, особенно если принять во вниманіе, во-первыхъ то, что это дѣлается въ 2 часа ночи, и во вторыхъ,—что генералъ-адъютантъ, занимающій высшій военный

постъ, черезъ четверть часа даетъ отвѣтъ на той же бумагѣ, безъ всякихъ занесеній въ журналы и разносныя книги. Изъ этого факта можно сдѣлать такой выводъ: здѣсь не сердятся, если офицеръ, въ экстренномъ случаѣ, обращается прямо къ тому лицу, отъ котораго зависитъ рѣшеніе служебнаго вопроса; здѣсь, обращающемуся съ дѣломъ служебнымъ, не приходится долго ждать отвѣта; здѣсь сановность лица не дѣлаетъ его недоступнымъ.

При представленіи чиновъ полковой депутаціи одѣтыми въ различныя формы, присутствовали: наслѣдный принцъ, командиръ гвардейскаго корпуса принцъ Августъ Виртембергскій, военный министръ, генералъ Мантейфель и еще нѣсколько генераловъ. Король, осмотрѣвъ офицерскія формы, взялъ у рядоваго запасную пару сапогъ, отошелъ къ окну, долго ее разсматривалъ, и, отдавая, сказалъ по-русски: „это очень хорошо", но обратясь къ присутствовавшимъ прибавилъ: „aber das kostet zu viel".

Тотчасъ по возвращеніи изъ дворца, мы, въ загородныхъ экипажахъ, отправились въ крѣпость Шпандау, находящуюся верстахъ въ 16 отъ Берлина. Поѣздка эта намъ была предложена по волѣ короля, для осмотра патроннаго завода и стрѣлковой школы; но я, кромѣ того, просилъ показать мнѣ госпиталь и казармы 4-го гвардейскаго полка. Госпиталь оказался въ весьма плохомъ состояніи: тѣснота и духота въ палатахъ и повсемѣстная неопрятность поразили насъ, тѣмъ болѣе, что казармы 4-го полка были въ образцовомъ видѣ. При осмотрѣ ротныхъ цейхгаузовъ, помѣщавшихся на просторныхъ и свѣтлыхъ чердакахъ, я съ удивленіемъ узналъ, что въ Пруссіи не всѣ нижніе чины имѣли тогда шинели; ихъ было только по 30 въ ротѣ, для выдачи наряжаемымъ въ ненастное время на службу. Это казалось тѣмъ болѣе страннымъ, что казарменными принадлежностями роты были снабжены до роскоши.

Стрѣльба стрѣлковой школы далеко не соотвѣтствовала нашимъ ожиданіямъ. При насъ стрѣляли ея кадровые чины, слѣдовательно лучшіе стрѣлки и учителя арміи. Упражняясь ежедневно два раза и получая неограниченное число патроновъ, они стрѣляли при насъ на 200 шаговъ, въ соотвѣтствующія нашимъ мишени, и дали всего 75 проц., что у насъ нерѣдко даютъ цѣлыя роты. Послѣ того стрѣляли 10 выборныхъ стрѣл-

ковъ, на 150 шаговъ, въ выскакивающія мишени; у нихъ результатъ былъ превосходный. На дистанціи далѣе 200 шаговъ намъ стрѣльбу не показали, отговариваясь тѣмъ, что они въ это время года на дальнія дистанціи не стрѣляютъ. Бывшій со мною подпоручикъ Гофманъ просилъ кого-либо изъ прусскихъ офицеровъ стрѣлять съ нимъ черезъ выстрѣлъ, но какъ желающихъ не оказалось, то онъ сдѣлалъ три выстрѣла самъ, одинъ лучше другого. Я тоже предложилъ стрѣлять кому-либо со мною, предваривъ, что болѣе двухъ лѣтъ не бралъ ружья въ руки и никогда не стрѣлялъ изъ игольчатой винтовки. Тогда начальникъ школы назначилъ, для состязанія, одного изъ поручиковъ. Выпустивъ по три пули, мы дали совершенно одинаковые результаты.

На обратномъ пути, проѣзжая черезъ Шарлотенбургъ, мы, хоть второпяхъ, успѣли взглянуть на дворецъ и осмотрѣть мавзолей на могилѣ короля Фридриха-Вильгельма III и его супруги, родителей Императрицы Александры Ѳеодоровны. Возвратясь въ отель, надо было поскорѣй переодѣться и спѣшить въ театръ. Во время перваго антракта король прислалъ мнѣ, съ флигель-адъютантомъ, прочесть только-что полученную депешу о томъ, что полковникъ Ченгеры разбилъ соединенныя банды Лангевича, который бѣжалъ въ Галицію, гдѣ арестованъ и заключенъ австрійскимъ правительствомъ въ крѣпость. Въ слѣдующій антрактъ я счелъ должнымъ благодарить его величество за радостное сообщеніе. Король, увидя меня въ аванъ-ложѣ, вошелъ въ нее съ слѣдующими словами:

— Поздравляю васъ съ побѣдой, которая, вѣроятно, положитъ конецъ возстанію. Я, впрочемъ, былъ увѣренъ, что вашимъ войскамъ не трудно будетъ справиться съ мятежниками. Ну, а что же дальше?

Я молчалъ.

— Вотъ что я скажу вамъ,—продолжалъ король,—когда мой дѣдъ получилъ Силезію, то въ ней было болѣе трехъ четвертей всѣхъ землевладѣльцевъ поляковъ,—теперь тамъ всего три польскихъ помѣщика. Вотъ въ чемъ вѣрное средство противъ повторенія безпорядковъ.

Приближалось время нашего возвращенія въ Варшаву. Хотя намъ и очень хорошо было въ Берлинѣ, но усталость отъ всевозможныхъ приглашеній и осмотровъ заставляла вспоми-

нать пословицу: „въ гостяхъ хорошо, а дома лучше". Даже наши нижніе чины начинали скучать, хотя были содержаны совершенно по-офицерски. Возвращаясь наканунѣ изъ театра, я увидѣлъ, что рядовой Губинъ какъ-бы ждетъ меня на лѣстницѣ отеля.

— Что тебѣ? спрашиваю его.

— Осмѣлюсь, ваше превосходительство, спросить, отвѣчаетъ онъ, скоро-ли мы отсюда поѣдемъ?

— А что, развѣ здѣсь не хорошо?

— Да больно булки прискучили и дѣла нѣтъ никакого,— скучновато; поскорѣе бы въ полкъ, робко проговорилъ Губинъ.

Войдя въ комнаты, я могъ его обрадовать, потому что нашелъ въ кабинетѣ увѣдомленіе графа Н. В. Адлерберга, что нашъ отъѣздъ назначенъ 14-го марта и что завтра, 12-го, въ полдень, мы представляемся королю. За полчаса до его выхода, мы были въ знакомой малахитовой залѣ дворца. Его величество вышелъ въ сюртукѣ нашего полка. Въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ онъ просилъ насъ сохранить воспоминанія о нашемъ пребываніи въ Берлинѣ, какъ онъ сохранитъ память о знакомствѣ съ нами. При этомъ король объявилъ, что Государь принялъ званіе шефа 6-го кирасирскаго Императора Николая I полка. Не прощаясь съ нами окончательно, его величество сказалъ, что увидитъ насъ за обѣдомъ, на что мы получили приглашеніе еще утромъ. Послѣ стола, шефъ долго говорилъ съ моими офицерами, поручилъ мнѣ передать его поклонъ Великому князю и, послѣ ухода королевы во внутренніе покои, приказалъ намъ идти за нимъ, въ смежную комнату; всѣ же присутствовавшіе остались въ столовой. Здѣсь собственно и происходило прощаніе безъ свидѣтелей. Давъ руку каждому изъ офицеровъ, король обнялъ меня, поручилъ передать полку, что онъ гордится званіемъ его шефа, и объявить его увѣренность въ томъ, что онъ всегда будетъ получать только радостныя о насъ извѣстія.

Почтенный хозяинъ нашъ, Крюгеръ, не разъ жаловался моимъ офицерамъ, что мы слишкомъ скромно живемъ въ его отелѣ, такъ какъ ни разу не дѣлали званныхъ обѣдовъ и ужиновъ, что австрійскіе и особенно французскіе офицеры, приглашаемые на празднества и маневры, доставляли ему го-

раздо болѣе выгоды, и что счетъ, который предстоитъ ему представить въ министерство двора, за время пребыванія нашей депутаціи, будетъ слишкомъ ничтоженъ. Чтобы потѣшить старика, я пригласилъ на сегодняшній вечеръ нѣсколькихъ изъ знакомыхъ русскихъ, находившихся въ Берлинѣ, и Эркерта, съ тремя офицерами его роты. Обрадованный Крюгеръ угостилъ насъ превосходнымъ ужиномъ, съ изысканными винами. Это былъ единственный вечеръ, который въ теченіи 10-ти дневнаго пребыванія въ Берлинѣ, мы провели дома.

Весь слѣдующій день былъ посвященъ поѣздкѣ въ Постдамъ, гдѣ мнѣ хотѣлось видѣть гвардейскій стрѣлковый батальонъ; но оказалось, что онъ въ ночь выступилъ на практическую военную прогулку. Осмотръ большого и новаго дворцовъ, а также лѣтняго королевскаго замка Бабельсберга, занялъ все утро. Въ Бабельсбергѣ мы на каждомъ шагу встрѣчали воспоминанія о Россіи. Въ одной комнатѣ были вазы нашего фарфороваго завода, съ портретами Государя и Императрицы, въ другой—большія картины изображали парадъ на Царицыномъ лугу, Кремль, Царскосельскій дворецъ; но болѣе всего переносила наши мысли на родину — комната въ верхнемъ этажѣ, смежная съ спальнею короля. Отличаясь простотою меблировки, она вся была увѣшана картинками, представляющими виды Краснаго Села. Тутъ были: и Дудергофъ, и ставка Государя въ большомъ лагерѣ, и Царскій валикъ на военномъ полѣ.

Пообѣдавъ въ гостинницѣ, я отправился отыскивать особенно интересовавшую меня русскую колонію, устроенную въ 1814 году; она имѣла близкое отношеніе къ моему полку. Изъ документовъ того времени видно, что при возвращеніи русскихъ войскъ изъ Парижа, Прусскій полкъ провелъ въ Берлинѣ цѣлый мѣсяцъ, среди всевозможныхъ торжествъ, парадовъ и праздниковъ. Королю Вильгельму III однажды особенно понравились пѣсенники 7-й роты. Императоръ Александръ I, узнавъ объ этомъ, приказалъ оставить ихъ, въ числѣ 17 человѣкъ, навсегда въ Пруссіи. Получивъ такой подарокъ, король повелѣлъ построить для нихъ возлѣ Потсдама дома, по образцу русскихъ избъ, съ рѣзьбою, типа богатыхъ деревень Тверской губерніи. Тѣмъ изъ подаренныхъ, которые имѣли въ Россіи женъ, разрѣшено было выписать семейства на счетъ казны и

такимъ образомъ образовалась Потсдамская русская колонія. Когда я теперь, ровно черезъ 50 лѣтъ послѣ ея основанія, видѣлъ ее, то она представляла рядъ дачъ, въ которыхъ только средняя часть переднихъ фасадовъ сохранила подобіе русскихъ построекъ, съ боковъ же были уже флигеля совершенно нѣмецкаго вида. Тѣмъ не менѣе, надъ воротами каждаго дома была прибита, какъ въ нашихъ деревняхъ, черная доска съ надписью, на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ: имени домовладѣльца, его званія, какой онъ губерніи. Интервалы между домами заняты садиками и огородами; на краю колоніи, на небольшомъ возвышеніи, красовалась прекрасная, каменная церковь, похожая въ миніатюрѣ на конно-гвардейскую въ Петербургѣ. Долго шелъ я по линіи дачъ, никого не встрѣчая; наконецъ, изъ одного дома вышла женщина, къ которой я и обратился съ просьбою указать мнѣ, въ которомъ изъ домовъ я могу найти кого-либо изъ тѣхъ русскихъ, которые были оставлены при устройствѣ колоніи. Она отвѣтила, что теперь уже не осталось ни одного изъ стариковъ, что послѣдній изъ нихъ умеръ годъ назадъ, но что его сынъ можетъ мнѣ сообщить все, что нужно, и указала на его домъ, надъ которымъ я прочелъ надпись: „Ярославской губерніи, Рыбинскаго уѣзда, унтеръ-офицеръ Петръ Яблочковъ“. Хозяинъ дома, что-то работавшій съ двумя мальчиками въ огородѣ, принялъ меня за нанимателя дачи и спросилъ на чистомъ берлинскомъ нарѣчіи: что мнѣ угодно? Я отвѣтилъ ему по-русски, что желаю навѣстить соотечественниковъ и взглянуть на ихъ житье-бытье на чужбинѣ. Вмѣсто отвѣта на родномъ языкѣ, Яблочковъ, человѣкъ лѣтъ 40, съ совершенно русскимъ типомъ лица, но одѣтый въ толстую нѣмецкую куртку и въ фетровой шляпѣ, отвѣтилъ мнѣ, что онъ не говоритъ по-русски. Досадно было услышать это и я невольно подумалъ: почему же нѣмцы нашихъ колоній живутъ у насъ 100 лѣтъ и не только не забываютъ своего языка, но едва понимаютъ по-русски? Покоряясь необходимости, я долженъ былъ русскому человѣку объяснять по-нѣмецки, что я командую полкомъ, въ которомъ служилъ его отецъ.

— Какъ же, я читалъ въ газетахъ о вашемъ пріѣздѣ въ Берлинъ, отвѣчалъ Яблочковъ, приглашая меня въ комнаты. Самъ онъ съ семьею занималъ пристройку, а большой, очень

хорошо меблированный домъ отдавался въ наемъ. Въ комнатахъ насъ окружили 6 славныхъ, здоровыхъ мальчугановъ, отъ 3 до 16 лѣтъ, и одна дѣвочка, вошедшая вмѣстѣ съ полною, смуглою матерью семьи. Она тотчасъ же бойко заговорила со мною по французски. Словоохотливая болтушка разсказала, что она вывезена изъ Марсели, въ качествѣ бонны, какою-то русскою княгинею, что она очень любитъ русскихъ, что мужъ ея славный работникъ и т. д.

Зная, что въ этомъ году кончается срокъ 50-ти-лѣтней привиллегіи, данной русскимъ колонистамъ, я ожидалъ сѣтованій на это и, вмѣсто того, услышалъ отъ отца столь многочисленной семьи фразу, произнесенную съ нѣкоторою гордостью:

— Все это будутъ солдаты, сказалъ Яблочковъ, указывая на сыновей, и надѣюсь, хорошіе слуги нашего великаго короля.

Не смотря на многочисленность членовъ, семья эта жила, видимо, въ достаткѣ, дѣти были просто, но чисто и тепло одѣты, вездѣ замѣтны были опрятность и порядокъ.

Я попросилъ Яблочкова проводить меня въ церковь. Онъ послалъ одного изъ сыновей предварить кистера, чтобы ее отворили. Дорогою я узналъ, что всѣ жители колоніи остались православными и что они ежегодно говѣютъ.—Ну, слава Богу, подумалось мнѣ, что хоть это сохранилось!—Церковь колоніи небольшая, но очень красивая; золоченый иконостасъ украшенъ образами превосходной живописи, ризница весьма богата, пожертвованіями особъ нашей Царской Фамиліи и многихъ русскихъ, дорогими облаченіями и утварью. Пѣвчіе церкви, дѣти колонистовъ, по словамъ кистера, поютъ очень хорошо. На ихъ нотахъ славянскія слова написаны нѣмецкими буквами. Поблагодаривъ Яблочкова, я не могъ не высказать ему, какъ грустно русскому офицеру видѣть, что отцы теперешнихъ обитателей колоніи не умѣли воспитать своихъ дѣтей въ духѣ сохраненія своей народности. Возвращаясь-же по желѣзной дорогѣ въ Берлинъ, мнѣ такъ стало досадно на это, что я даже жалѣлъ, зачѣмъ былъ въ колоніи.

Послѣдній вечеръ въ Берлинѣ я провелъ у нашего посланника Убри. Въ серединѣ вечера вошелъ Бисмаркъ; простота его рѣчи и непринужденность обращенія показались мнѣ симпатичными. Разговоръ былъ общій. Говорили о театрахъ, о

Петербургѣ, о пѣніи Лукки, но ни одного намека на что-либо политическое.

Наконецъ настало 14 марта, день нашего выѣзда изъ Берлина. Все утро до самаго обѣда было проведено въ прощальныхъ визитахъ всѣмъ тѣмъ лицамъ, которымъ мы представлялись по пріѣздѣ, а послѣ обѣда надо было сдѣлать нѣкоторыя покупки. Передъ обѣдомъ мнѣ доставили изъ посольства два громадные ящика, адресованные на имя Великаго князя изъ Парижа, съ просьбою доставить ихъ Его Высочеству. Хотя въ нихъ оказалось 4 пуда, что составляло немалую обузу при пересадкахъ, но отказаться было не ловко, хотя потомъ и оказалось, что слѣдовало-бы.

Грустно намъ было разставаться съ нашимъ милымъ чичероне Эркертомъ, человѣкомъ въ высшей степени симпатичнымъ. Въ слѣдующія мои поѣздки заграницу бывали при мнѣ другіе офицеры, но ни одного подобнаго. Не говоря о его вниманіи и предупредительности во всемъ, онъ заботился, чтобы мы нигдѣ и ни въ чемъ не встрѣчали затрудненій, заранѣе знакомилъ съ обычаями двора, съ характерами и привычками лицъ, съ которыми намъ приходилось имѣть дѣло и т. д. Видимо было, что онъ хорошо извѣстенъ при дворѣ и лично королю, который былъ къ нему всегда привѣтливъ. Впослѣдствіи Эркертъ отличился въ австро-прусской войнѣ 1866 года, былъ сильно израненъ, выздоровѣлъ, но въ 1870 году, бывши уже командиромъ полка, убитъ подъ Гравелотомъ.

Передъ выѣздомъ на желѣзную дорогу происходило трогательное прощанье съ старикомъ Крюгеромъ и финансовое—съ придворными кучерами и прислугою. Сначала мы были въ затрудненіи въ какой мѣрѣ наградить ихъ за 10-ти-дневную службу, но и тутъ выручилъ Эркертъ, объявивъ, что будетъ вполнѣ достаточно, если мы дадимъ на всѣ три экипажа, т. е. 6-ти лицамъ 90 талеровъ. У дебаркадера, при выходѣ изъ экипажей, они низко намъ кланялись, видимо довольные. Въ 11 часовъ вечера курьерскій поѣздъ помчалъ насъ къ Бромбергу. Тамъ пришлось пересѣсть на другой, идущій черезъ Торнъ въ Александрово. Не скрою, что переѣхавъ границу, какъ-то противно было снова услышать польскіе „прши и вржи“, съ ихъ „пшепрашемъ и якъ се машъ пане“. 15-го числа вечеромъ мы были въ Варшавѣ.

Представляясь на слѣдующее утро Великому князю, я далъ словесный отчетъ о моей командировкѣ и доложилъ, что привезъ присланные ему черезъ посольство два ящика. Его Высочество былъ очень удивленъ, сказавъ при этомъ, что ничего громоздскаго не выписывалъ изъ Парижа, а ожидаетъ оттуда только пару заказанныхъ пистолетовъ. Потомъ оказалось, что ящики заключали въ себѣ нѣсколько серебрянныхъ кастрюль, мисокъ, соусниковъ и блюдъ съ крышками, которыя Велепольскій, изъ боязни отравы, выписалъ себѣ на имя Великаго князя, даже не предваривъ его. Не довѣряя прислугѣ, маркизъ приказывалъ своему повару замыкать посуду съ наложеннымъ укшаньемъ, а самъ другимъ ключемъ отпиралъ ее.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

1863 г.

Усиленіе войскъ въ Варшавѣ.—Обозная реформа.—Праздники на чужбинѣ.—Лѣтнія экспедиціи.—Жандармъ-вѣшатель.—Хорошо задуманное—дурно исполнено.—Дѣло въ лѣсу, у деревни Шуги.—Солдатъ герой и фанатикъ.—Полковой праздникъ.—Командировка на маневры въ Пруссію.—Проводы Великаго князя изъ Берлина.—Парадъ 3-го корпуса.—Описаніе маневренной жизни.—Визитъ короля.—Возвращеніе въ Варшаву.

Кромѣ усиленія варшавскаго округа, направленіемъ въ него трехъ дивизій, вооруженное возстаніе вызвало распоряженіе, о приведеніи полковъ гвардейскаго отряда изъ двухъ въ трехъ-баталіонный составъ. Въ то же время получено было распоряженіе, о доставленіи къ полкамъ изъ Петербургскаго интендантства полковаго обоза, сданнаго ими передъ выступленіемъ въ Варшаву. Насколько первое, т. е. формированіе 3-хъ батальоновъ, было для полковъ пріятно, такъ какъ подвигало производство и облегчало тяжелую службу, настолько возвращеніе въ полки старыхъ повозокъ было полковымъ командирамъ не по сердцу. Нужно замѣтить, что эти повозки служили уже болѣе 30 лѣтъ, дѣлали два похода къ западной границѣ, что на нихъ отпускался половинный ремонтъ, достаточный только для возобновленія окраски, а не для капитальныхъ исправленій, которыхъ никто и не дѣлалъ. Постоянно хранимый въ сараяхъ, обозъ этотъ былъ для полковыхъ командировъ одною обузою и при сдачѣ полковъ служилъ лишь поводомъ къ пререканіямъ. При выступленіи въ Варшаву, приказаніе сдать обозъ интендантству, безъ брака, крайне всѣхъ обрадовало. Полковые командиры думали навсегда отдѣлаться отъ той громадной приплаты, которую приходилось имъ дѣ-

-лать, сдавая полки. Поэтому распоряженіе о возвратѣ повозокъ было грустнымъ сюрпризомъ, тѣмъ болѣе что негодность ихъ для службы признана была всѣми.

Дабы избавиться отъ послѣдствій подобнаго распоряженія, надо было придумать что либо такое, что-бы было выгодно для казны и избавило бы полкъ отъ непроизводительнаго расхода. Достичь этого мнѣ помогло слѣдующее соображеніе. Мой полкъ, находясь много лѣтъ въ Нарвѣ, постоянно употреблялъ для всякаго рода перевозокъ и домашнихъ работъ, такъ называемыя, собственныя повозки колонистскаго образца, принятаго въ Остзейскомъ краѣ. Подъ названіемъ чернаго обоза, повозки эти отлично служили, были легки, укладисты и прочны. Стоила же каждая изъ нихъ въ Нарвѣ отъ 50 до 65 рублей. Наведя справку, что будетъ стоить казнѣ перевозка провіантскихъ телѣгъ цѣлой дивизіи, изъ Петербурга въ Варшаву, я узналъ, что желѣзная дорога получитъ за это до 9000 рублей. Раздѣливъ эту сумму на число повозокъ, полагаемыхъ на дивизію, съ ея артиллеріею и стрѣлковымъ баталіономъ, оказалось, что перевозка каждой телѣги обойдется около 100 руб. Переговоривъ съ командирами прочихъ полковъ, я составилъ записку о томъ, что мы просимъ дать намъ то, во что обойдется перевозка, и обязуемся за это, въ двухмѣсячный срокъ, построить новыя провіантскія телѣги колонистскаго образца, весь же форменный обозъ оставляемъ безвозмездно казнѣ. Записка была мною представлена барону Корфу. Сначала онъ рѣшительно отказался дать ей ходъ, говоря, что военный министръ не согласится отмѣнить свое распоряженіе; но когда всѣ полковые командиры поддержали мои доводы, то записка была представлена намѣстнику. Великій князь немедленно телеграфировалъ въ Петербургъ, о пріостановкѣ отправки обоза, приказалъ представить ему образецъ проектированной мною повозки, и найдя ее вполнѣ практичною, велѣлъ сдѣлать представленіе объ отпускѣ въ полки ассигнованной на перевозку суммы. Получивъ деньги, мы дѣятельно принялись за постройку провіантскихъ телѣгъ колонистскаго образца; черезъ 2½ мѣсяца онѣ были готовы—и представлены въ закладкѣ главнокомандующему.

Для тѣхъ изъ военныхъ читателей, которые интересуются такимъ жизненнымъ вопросомъ, какъ войсковой обозъ, коснусь

нѣкоторыхъ подробностей этого дѣла, въ надеждѣ, что и лица не-военнаго званія не посѣтуютъ за включеніе въ мои воспоминанія тѣхъ данныхъ, которыя указываютъ, какъ часто многое изъ полезнаго не осуществляется только потому, что теоретическіе и кабинетные выводы предпочитаются совѣтамъ опыта. То же самое случилось и съ нашими обозами, причинившими не много горя въ минувшую войну. Построенныя въ Варшавѣ, повозки колонистскаго типа представляли слѣдующіе выгоды: 1) стоили болѣе чѣмъ вдвое дешевле введенныхъ въ 1866 году; 2) были гораздо легче и потому подвижнѣе, такъ что пара лошадей могла везти то, что въ форменномъ обозѣ везло 4 лошади; 3) чрезъ это, число подъемныхъ лошадей уменьшилось-бы въ арміи на треть, а это сократило-бы болѣе чѣмъ на милліонъ расходъ на фуражное довольствіе; 4) колонистскія повозки представляли возможность перевозить въ нихъ войска, для чего имѣли висячія на ремняхъ сидѣнья, и 5) въ случаѣ движенія по узкой гати, не допускающей поворота, онѣ могли, черезъ переносъ дышла къ задней оси, идти заднимъ ходомъ.

Въ Петербургѣ не повѣрили въ возможность строить повозки за ту цѣну, которую получили полки; не повѣрили и въ тѣ преимущества, которыя представляли онѣ. Интендантство такъ ревниво взглянуло на это, что прислало своего чиновника—доку убѣдиться, какъ онъ выразился являясь ко мнѣ, „не построили ли мы наши повозки изъ экономическихъ дровъ". Опыты, произведенные этимъ господиномъ, на песчаномъ Повонзковскомъ полѣ, убѣдили интендантскаго спеціалиста, что не все то хорошо, что кажется таковымъ по математическимъ выкладкамъ. При немъ пара лошадей везла колонистскую повозку, по сыпучему песку, съ полною укладкою, тамъ, гдѣ четверка, запряженная въ форменную провіантскую телѣгу, безпрестанно останавливалась. Впослѣдствіи, какъ бы въ награду за полезное предложеніе, интендантство расщедрилось отпустить полкамъ на каждую повозку по 25 руб. добавочныхъ. Но ни опытъ, извлеченный варшавскими полками во время экспедицій, гдѣ колонистскія повозки безпрепятственно шли по проселкамъ, взбирались на горы, спускались, а иногда и валились въ овраги, ни простота и дешевизна ихъ устройства—ничто не побороло упрямство теоретиковъ. Черезъ годъ въ полки были высланы чертежи обоза новой кон-

струкціи, придуманной особою обозною коммисіею, а потомъ устроили въ трехъ округахъ особыя обозныя мастерскія, для постройки повозокъ. Глядя на эти чертежи, съ безчисленными дырами для оковокъ, винтовъ и болтовъ, съ такимъ сидѣньемъ для правящаго лошадьми, при которомъ на всякомъ поворотѣ его ноги уходили въ одну сторону, а корпусъ въ другую, всякій, когда либо бывавшій въ походахъ, только пожималъ плечами. Отъ меня, не знаю почему, частнымъ письмомъ, военный министръ затребовалъ откровеннаго мнѣнія о конструкціи новаго обоза. Долгъ службы требовалъ, чтобы я высказалъ вполнѣ моё убѣжденіе, и я тогда же отвѣтилъ, что, при первой войнѣ, повозки, построенныя по высланнымъ чертежамъ, будутъ обузою войскъ. Черезъ 15 лѣтъ такъ и случилось. Весь же результатъ моей откровенности былъ тотъ, что черезъ полгода меня оффиціально увѣдомили, что мое заключеніе, препровожденное въ обозную коммисію, противъ изобрѣтеній которой оно и было написано, министръ приказалъ оставить безъ послѣдствій. Что конструкція новаго обоза не пригодна и постройка его въ обозныхъ мастерскихъ исполнялась какъ попало, доносилось министру даже лицами близкими къ нему. Извѣстный партизанъ нововведеній, генералъ Аничковъ, осматривая въ Петроковѣ новыя повозки Тобольскаго полка, доносилъ министру, что, въ случаѣ войны, полку надежнѣй идти съ старымъ обозомъ, потому что новый, простоявъ нѣсколько мѣсяцевъ въ сараѣ, дотого разсохся, что для передвиженія, даже безъ клади, совершенно негоденъ [1]).

Въ свое время мы еще возвратимся къ тѣмъ нововведеніямъ и преобразованіямъ, которыя имѣли тѣ же послѣдствія, что и реорганизація обозовъ, а теперь обратимся къ последовательности разсказа.

Грустно было впервые встрѣчать пасхальные праздники на чужбинѣ. Не смотря на то, что въ Варшавѣ, кромѣ присутствія двора Великаго князя, было до 30 тысячъ православнаго населенія, къ которому принадлежали и высшія административныя власти, наступившіе праздники далеко не имѣли той обстановки, какою они сопровождаются на родинѣ. Въ дни нашей Страстной недѣли театры оставались открытыми, на улицѣ было

[1]) Рапортъ генерала Аничкова № 5, 1866 г.

полное оживленіе, на Святой-же городъ имѣлъ будничный видъ, поляки умышленно оставались въ своихъ домахъ, не являлись на гулянья, театры были закрыты, однимъ словомъ — ничто не имѣло радостнаго вида праздниковъ.

Вскорѣ по ихъ окончаніи, мнѣ пришлось дѣлать первую мою экспедицію, съ отрядомъ изъ 4-хъ ротъ моего полка и 2-хъ эскадроновъ гродненскихъ гусаръ. Мнѣ было указано обойти пространство между радомскимъ шоссе и рѣкою Вислою. Такъ какъ за всякимъ движеніемъ отрядовъ слѣдили десятки глазъ и десятки гонцовъ доносили о его направленіи, поэтому, чтобы достичь цѣли, нужны были особыя уловки. Не разъ приходилось выступать въ направленіи на югъ и, пройдя нѣсколько верстъ, круто повернуть на востокъ. Сверхъ преслѣдованія и уничтоженія банды, на насъ возлагалась, обязанность производить въ указанныхъ помѣщичьихъ домахъ, обыски и арестовывать тѣхъ изъ владѣльцевъ имѣній, которые значились въ выдаваемыхъ намъ спискахъ. Если посылаемымъ на поиски отрядамъ не всегда удавалось отыскать и настигнуть банду, то все-таки экспедиціи приносили войскамъ пользу, пріучая ихъ къ усиленнымъ и быстрымъ передвиженіямъ и представляя офицерамъ случаи развивать свою находчивость и дѣйствовать самостоятельно. Непріятную сторону экспедицій представляли два обстоятельства: первое — сознаніе, что имѣешь дѣло не съ организованнымъ противникомъ, а съ шайками разнаго сброда, половина котораго, какъ набранная силою, не хотѣла бы драться; второе—производство обысковъ и арестованій, дѣло скорѣе полицейское, чѣмъ военное.

Въ одну изъ подобныхъ экспедицій, мнѣ довелось проходить черезъ мызу помѣщика Лаца, включеннаго въ списокъ подлежащихъ арестованію. Это было въ первой половинѣ мая мѣсяца. Въ прелестное весеннее утро, передъ восходомъ солнца, мы подходили къ хорошо устроенной мызѣ, гдѣ все еще спало грубокимъ сномъ. Остановивъ отрядъ, не доходя имѣнія, я отдалъ командиру эскадрона приказаніе произвести у Лаца обыскъ и арестовать его. Не зная ни степени виновности помѣщика, ни его семейнаго положенія, съ тяжелымъ чувствомъ смотрѣлъ я, отъ воротъ двора, на исполненіе моего приказанія. Черезъ двѣ-три минуты въ домѣ начали подымать

сторы; прислуга, какъ бы пробужденная пожаромъ, забѣгала изъ одного флигеля въ другой, бросалась къ дому, куда было не впускали ее; нѣкоторые выбѣгали изъ дома, въ чемъ попало и тутъ же временно арестовывались. Наконецъ выходитъ изъ дома дама, въ бѣломъ пенюарѣ, кружевная косынка прикрываетъ ея распущенные волосы; нетвердою, но торопливою походкою приближается она ко мнѣ, и, зарыдавъ, падаетъ передо мною на колѣни. Я спѣшу поднять ее; въ это время она произноситъ:

— Что вы дѣлаете, генералъ! За что?

Я старался ее успокоить, объясняя, что арестовываю ея мужа потому, что мнѣ такъ приказано, но чѣмъ вызвано подобное распоряженіе—я не знаю; старался убѣдить ее, что если ея мужъ не серьезно замѣшанъ въ возстаніи, то арестованіе его будетъ непродолжительно и есть не болѣе какъ мѣра предосторожности или предупрежденіе преступленія; наконецъ объявилъ, что съ моей стороны приняты всѣ мѣры, чтобы арестованіе было произведено безъ насилія, если только съ ихъ стороны не будетъ сопротивленія для подробнаго обыска. На просьбу дамы, о дозволеніи сопровождать мужа до заставы, я согласился. Отрядъ тронулся далѣе. Въ коляскѣ, окруженной уланскимъ конвоемъ, ѣхалъ Лащъ съ женою. Такъ какъ кромѣ него было еще нѣсколько плѣнныхъ и арестованныхъ, то на ночлегъ я приказалъ отводить Лащамъ отдѣльную квартиру, а чтобы, вступая въ Варшаву, не конфузить ихъ проѣздомъ по люднымъ улицамъ подъ конвоемъ, велѣлъ объѣхать городъ и сдать арестованнаго въ цитадель. Два мѣсяца спустя мнѣ докладываютъ, что отставной полковникъ желаетъ меня видѣть. Входитъ сѣдой старикъ, почтеннаго вида, военной осанки. Онъ называетъ себя Лащемъ, бывшимъ начальникомъ инженерной дистанціи въ Минскѣ. Это былъ отецъ арестованнаго помѣщика, явившійся благодарить меня за способъ арестованія, причемъ объяснилъ, что я спасъ его сына отъ великаго несчастія, что теперь онъ судится только за сочувствіе къ соотчичамъ, тогда какъ прійди я съ отрядомъ недѣлю позже, то его силою заставили бы начальствовать бандою, на что онъ, подъ страхомъ смерти за ослушаніе, имѣлъ уже приказаніе революціоннаго правительства.

Исключивъ грустную картину арестованій, экспедиціи за

повстанцами, въ общемъ, имѣли много привлекательнаго и разнообразили варшавскую стоянку. Скажемъ объ этомъ, со словъ одного изъ молодыхъ участниковъ поисковъ. „Съ какимъ бывало особеннымъ удовольствіемъ приближаешься къ какому-нибудь мѣстечку, занятому полкомъ или баталіономъ, постоянно тамъ квартирующимъ. Пѣсни обыкновенно становятся громче, бубенъ гудитъ, ротный плясунъ охотнѣе выкидываетъ новыя колѣнца. Для квартирующихъ приходъ подвижной колонны былъ тоже радостнымъ событіемъ. Офицеры разспрашиваютъ пришедшихъ изъ Варшавы о тамошнихъ новостяхъ, разсказываютъ о положеніи дѣлъ въ своемъ раіонѣ, даютъ новыя свѣдѣнія и указанія. Пока нижнихъ чиновъ разводятъ по квартирамъ, дѣлаются распоряженія объ охраненіи отряда разъѣздами; ротные командиры хлопочутъ, чтобы кашевары поскорѣе приступали къ дѣлу. Подъ вечеръ офицеры, собравшись вмѣстѣ, идутъ выкупаться, или погулять, а возвратясь усаживаются вокругъ общаго самовара, гдѣ-нибудь въ садикѣ или на лужайкѣ. Тутъ идутъ оживленные разсказы объ общихъ знакомыхъ, объ ожидаемыхъ наградахъ, о дальнѣйшемъ ходѣ экспедиціи. На слѣдующее утро, чуть забрезжило, бьютъ „сборъ"—и отрядъ выступаетъ на новый поискъ. Казаки рысцой пускаются впередъ; завидя селеніе или лѣсъ, они разсыпаются цѣпью, осматриваютъ каждый задворокъ, обнюхиваютъ каждый кустъ, каждую балку и чуть завидѣли вдали всадника или пыль отъ повозки, нѣсколько человѣкъ, взявъ пики на перевѣсъ, несутся туда, съ надеждою, что напали на слѣдъ банды; но большею частію надежды оказывались обманчивыми: всадникъ оказывается пастухомъ, а пыль—поднятою его стадомъ.

Въ промежуткахъ между экспедиціями жизнь наша въ Варшавѣ шла безъ особенныхъ приключеній, хотя лично для меня и не была вполнѣ покойною. Въ ожиданіи прибавки семьи, я опасался, чтобы, при жизни въ городѣ, уличный безпорядокъ, въ родѣ брошеннаго въ окно камня или внезапная тревога не произвели испуга и его послѣдствій. Для отстраненія этого, я просилъ коменданта дать мнѣ двѣ-три комнаты въ цитадели, куда и перевезъ жену съ тремя дѣтьми, а самъ остался въ казармахъ, гдѣ между служебнымъ дѣломъ занялся устройствомъ отдѣлываемой для меня, въ перестраиваемомъ полицей-

скомъ домѣ, квартиры. Въ то время въ Варшавѣ можно было пріобрѣсти все необходимое баснословно дешево, особенно въ нѣмецкихъ и еврейскихъ магазинахъ. Поляки, истощенные возстаніемъ и обобранные „народовымъ ржондомъ", ничего не покупали, отчего застой въ торговлѣ былъ всеобщимъ. Вслѣдствіе этого, отличная вѣнская мебель и экипажи продавались нѣмцами за половинную цѣну, лишь бы выручить необходимое для уплаты за помѣщеніе.

Въ одну изъ экспедицій въ Островскіе лѣса, мнѣ довелось ознакомиться съ особеннымъ видомъ революціоннаго террора. По мѣрѣ того какъ наши подвижныя колонны уничтожали одну банду за другою, руководители мятежа приходили къ убѣжденію, что борьба съ войсками имъ не подъ силу. Весь тотъ контингентъ, который они могли забирать изъ городовъ и мѣстечекъ, видимо изсякалъ, а сельское населеніе, не вѣря никакимъ обѣщаніямъ пановъ и видя въ возстаніи одно бѣдствіе, не шло въ банды. Чтобы принудить его, революціонеры обратились къ террору. Для этого они въ городахъ организовали кинжалистовъ, а для деревень — жандармовъ-вѣшателей, на которыхъ возложили завѣдываніе извѣстными участками населенія. Первые обязаны были убивать тѣхъ, кого намѣчали вожаки революціи, вторые — собирать съ населенія оружіе, лошадей, деньги и вѣшать тѣхъ изъ крестьянъ, кто оказывалъ содѣйствіе войскамъ, или сопротивлялся распоряженіямъ революціонной власти. Выступивъ однажды съ ночлега раннимъ іюльскимъ утромъ, на разсвѣтѣ мы вступали въ Островскіе лѣса. Не доходя съ полверсты до опушки, куда уже вошли уланы, вижу я крестьянина, торопливо вышедшаго изъ деревни и направлявшагося въ лѣсъ, на перерѣзъ нашей дороги. Идя полемъ, онъ безпрерывно оглядывался, какъ бы боясь, чтобы кто либо изъ деревенскихъ не увидалъ его. Проѣхавъ саженъ 100 по лѣсу, вижу того же крестьянина, горячо объясняющимъ что-то окружившимъ его солдатамъ. Оказалось, что онъ проситъ защиты окрестнаго населенія отъ нѣкоего шляхтича Касперскаго, живущаго въ деревнѣ, лежащей верстахъ въ 5-ти по нашему пути. По словамъ жаловавшагося, Касперскій дѣлалъ съ населенія всякаго рода поборы: силою заставлялъ молодыхъ работниковъ идти въ банды, отбиралъ лошадей и скотъ, отправлялъ въ шайки продукты, хлѣбъ, фуражъ, теп-

лую одежду, выгонялъ въ самую рабочую пору подводы для перевозки повстанцевъ, облагалъ хозяевъ всякую недѣлю денежною податью, и троихъ, за неплатежъ, уже повѣсилъ. Ясно, что это былъ одинъ изъ жандармовъ-вѣшателей. Схватить подобнаго господина было крайне интересно, а потому я тотчасъ же послалъ въ деревню полуэскадронъ уланъ, чтобы оцѣпить ее и, главное, домъ Касперскаго. Терроръ, наведенный на окрестное населеніе, былъ такъ великъ, что жалующійся крестьянинъ на колѣняхъ умолялъ не брать его проводникомъ и отпустить, говоря, что если узнаютъ, что онъ указалъ на Касперскаго, то ему не избѣжать вѣсилицы.

Когда я съ пѣхотою подходилъ къ указанной деревнѣ, шляхтичъ былъ уже арестованъ. Это произошло такимъ образомъ: Офицеръ, подскакавшій съ нѣсколькими казаками къ дому Касперскаго, войдя въ него, не нашелъ никого, кромѣ старой служанки. Въ комнатѣ, выходящей въ поле, стояла измятая, не застланная кровать, и было отворено окно. Ясно, что хозяинъ дома успѣлъ скрыться, хотя служанка и клялась, что онъ ночью уѣхалъ въ Варшаву. Между тѣмъ, оцѣплявшіе деревню уланы видѣли, что кто-то перелѣзалъ черезъ заборъ огорода и бросился въ рожь. Спѣшившіеся и конные болѣе получаса шарили во ржи, покуда наткнулись на притаившагося въ ней человѣка, въ халатѣ, безъ шапки, съ обвязанною платкомъ шеею. Хриплымъ, едва слышнымъ голосомъ онъ говорилъ имъ, что пріѣхалъ въ Касперскому, какъ къ родственнику, изъ Гродно, и заболѣлъ, а спрятался отъ испуга. Когда его вели по деревнѣ ко мнѣ, то изъ всѣхъ домовъ вышли смотрѣть на арестованнаго, и многія женщины, кивая головами и подмигивая тайкомъ, какъ бы подтверждали, что это тотъ самый, кого ищутъ. При первомъ допросѣ онъ увѣрялъ, что ничего не знаетъ и назвалъ себя Мольскимъ. Все это было мнѣ доложено, прежде чѣмъ я подъѣхалъ къ околицѣ, гдѣ среди конвойныхъ стоялъ арестованный.

Моя цѣль была нестолько разбирать степень его виновности и сдѣланныя имъ насилія и преступленія, сколько узнать отъ него гдѣ банды, что по роду его профессіи не могло быть ему неизвѣстно. Добиться указаній о мѣстопребываніи шаекъ я поручилъ бывшему при отрядѣ, съ ракетнымъ взводомъ, поручику конной артиллеріи Лѣсовому, хорошо знавшему поль-

скій языкъ. По приходѣ въ мѣстечко Брокъ, гдѣ мой отрядъ долженъ былъ соединиться съ колонами полковниковъ Валуева и Эммануэля и имѣть ночлегъ, я былъ все время занятъ различными распоряженіями для дальнѣйшихъ поисковъ, я увидѣлъ Лѣсоваго только подъ вечеръ.

— Ну, что,—спрашиваю я его,—какъ идетъ дѣло съ Касперскимъ?

— Не сознается,—отвѣчалъ Лѣсовой; показываетъ, какъ всѣ они, что ничего не знаетъ, никакихъ вербовокъ и поборовъ для бандъ не дѣлалъ и гдѣ повстанцы—вѣдать не вѣдаетъ. Часъ назадъ я постращалъ его нагайками, но и это не помогло; впрочемъ, я еще не теряю надежды, авось и поддастся.

Вечеромъ я собралъ къ себѣ начальниковъ колонъ для совѣщанія. Приказанія уже были отданы и диспозиція составлена, какъ входитъ Лѣсовой съ докладомъ, что Касперскій сознался и сдѣлалъ важныя показанія, измѣняющія обстоятельства.

— Какъ же вы этого добились? спрашиваю я.

— Увѣренный, что онъ все знаетъ и только запирается, я приказалъ казакамъ снова взять его въ нагайки. Послѣ 30 ударовъ, онъ вдругъ закричалъ: „Досыть! Не хце болѣ служить полякамъ, бендзе служить Цесаржи".

Я потребовалъ Касперскаго къ себѣ; онъ показалъ, что въ настоящее время банды должны быть по сю сторону Нарева, потому что до 26 іюня онъ и людей, и деньги отправлялъ къ Ломжѣ, а съ 28-го ему приказано отправлять все въ Островскіе лѣса, гдѣ должны соединиться до 8 тысячъ человѣкъ, подъ начальствомъ Вавера, Ясинскаго и Гржимайлы, у деревни Щавино. Это заставило измѣнить всѣ сдѣланныя распоряженія и диспозицію движенія. На зарѣ соединенный отрядъ разошелся разными путями, съ цѣлью съ разныхъ сторонъ появиться у Щавина. Касперскаго я велѣлъ вести при авангардѣ моей колоны. Дорогою онъ указалъ въ разныхъ деревняхъ своихъ помощниковъ, такъ что къ концу перехода арестованныхъ набралось человѣкъ до 15.

Хотя выше было сказано, что при изложеніи личныхъ моихъ экспедицій я не намѣренъ вдаваться въ описаніе военныхъ дѣйствій, но здѣсь не могу не привести примѣра, какъ часто малѣйшее отступленіе начальника колоны, отъ указан-

наго въ диспозиціи, можетъ уничтожить самыя лучшія соображенія. Передъ вечеромъ, отъ встрѣченнаго авангардомъ еврея было узнано, что соединенныя банды находятся у деревни Триносы. Не имѣя времени измѣнять направленія колоны Эммануеля, двинутой на Щавинъ, я рѣшился атаковать Триносы, вмѣстѣ съ колоною полковника Валуева, приказавъ ему сдѣлать обходъ этой деревни справа; но для того, чтобы мятежники не узнали принятаго нами направленія, не выказаться изъ лѣсовъ ранѣе 2-хъ часовъ утра, дабы Эммануэль успѣлъ къ этому времени быть у Щавина. Моя колона къ полуночи пришла къ выходу изъ лѣснаго дефиле. Я остановилъ ее на привалъ, чтобы выждать, когда совершится обходъ правой. Что же дѣлаетъ Валуевъ! Вмѣсто того, чтобы обойдя Триносы не выказываться, какъ было ему приказано, изъ лѣса, онъ посылаетъ команду охотниковъ впередъ, для осмотра впереди лежащей мѣстности. Я же, въ ожиданіи условленнаго часа, приказалъ пѣхотѣ составить ружья и уланамъ спѣшиться, самъ же прилегъ у дороги на разостланный коверъ. Пользуясь теплою лѣтнею ночью, отрядъ дремалъ. Тишина въ лѣсу была мертвая; поляки и не воображали, что въ 4 верстахъ отъ ихъ восьмитысячнаго стана находятся двѣ русскія колоны, хотя въ шесть разъ меньшія численностію, но увѣренныя въ несомнѣнномъ успѣхѣ. Около часа ночи, лежавшій поблизости отъ меня, фельдфебель одной изъ ротъ будитъ меня.

— Что такое?—спрашиваю его.

— Ваше превосходительство, сейчасъ вправо слышны были два выстрѣла, говоритъ онъ,—а вотъ еще и еще.

Я вскочилъ. Въ той-же сторонѣ, откуда послышались выстрѣлы, взвилась ракета, за нею другая. Понявъ, что у Валуева произошло что-либо неожиданное, я поднялъ отрядъ, и ускореннымъ шагомъ вывелъ его изъ лѣса, а затѣмъ повелъ бѣгомъ на Триносы. Чуть брезжило, когда роты подбѣгали къ скрывавшему эту деревню возвышенію. Смотрю, вдали виденъ казачій взводъ, несущійся по направленію къ намъ. Подлетѣвшій офицеръ подаетъ мнѣ записку, написанную карандашемъ. Было еще на столько темно, что безъ огня трудно было прочесть ее, поэтому я велѣлъ зажечь снопъ сжатой пшеницы. Читаю: „Банды открыты, спѣшите поскорѣе съ орудіями“. Спрашиваю у офицера—далеко-ли Триносы и гдѣ пов-

станцы? Онъ отвѣчаетъ, что всего версты полторы, и указывая рукою, прибавляетъ—„вотъ здѣсь за пригорками". Тогда я сажаю прислугу на орудія и несусь съ батареею на ближайшее возвышеніе. Взлетѣвъ на него, батарейный командиръ громко командуетъ: „Съ передковъ". И что же мы видимъ? пустую равнину, посреди которой небольшая деревня, а въ дальней синевѣ, у лѣса, дымки рѣдкихъ выстрѣловъ и мелькающіе казачки. Я былъ раздосадованъ и раздраженъдо-нельзя. Минутъ черезъ 10 подскакиваетъ ко мнѣ Валуевъ съ словами:

— Вотъ такъ трусы, вотъ такъ дураки! Ихъ было нѣсколько тысячъ, а у меня всего 30 стрѣлковъ и двѣ сотни.

— Ну и намъ съ вами, полковникъ, не чѣмъ похвалиться. Гдѣ же теперь банды?

— Ушли, мерзавцы; вонъ туда въ лѣсъ. Я послалъ за ними полторы сотни.

Такимъ образомъ дѣло, обѣщавшее всѣ шансы успѣха, ушло изъ рукъ только потому, что Валуевъ, вмѣсто того, чтобы дождаться двухъ часовъ, не выходя изъ лѣса, прошелъ впередъ, наткнулся на повстанскій пикетъ и вступилъ съ нимъ въ перестрѣлку. Банды моментально снялись и вразсыпную скрылись въ окружавшіе равнину лѣса.

Фактъ этотъ приведенъ вовсе не для того, чтобы бросить тѣнь на человѣка рѣдкой храбрости и отваги. Не во-время примѣненныя къ дѣлу, онѣ-то и были причиною, что онъ рванулся впередъ раньше, чѣмъ было условлено. Черезъ четыре дня тотъ же Валуевъ, атакуя банду, врубился въ толпу косиньеровъ, былъ сильно раненъ въ голову и получилъ Георгіевскій крестъ.

Соединенныя у Триносъ банды все-таки не избѣгли пораженія. Раздѣливъ свой отрядъ на нѣсколько колонъ и давъ имъ различныя направленія, я заставилъ повстанцевъ броситься внизъ по Нареву. Одна ихъ часть наткнулась на высланный изъ Варшавы отрядъ генерала Раля, другая, получивъ начальникомъ бѣжавшаго изъ Нижегородскаго полка поручика Тромбчинскаго, была разбита моего же полка маіоромъ Крыловымъ, имѣвшимъ всего стрѣлковую роту штабсъ-капитана Галлера, одну роту Низовскаго полка и полъ-эскадрона уланъ. Дѣло происходило 4-го іюля. Лѣсъ, который предстояло атаковать, былъ занятъ тремя тысячами повстан-

певъ. Чтобы дать время посланнымъ на поиски уланамъ присоединиться къ отряду, Крыловъ не сразу атаковалъ банду, но разсыпалъ стрѣлковую роту во ржи, въ 500 шагахъ отъ опушки. Мятежники, взобравшись на деревья, заняли ее въ нѣсколько ярусовъ, откуда открыли усиленную, но совершенно безвредную стрѣльбу. Наша цѣпь 2½ часа вела съ ними мѣткую перестрѣлку и пристрѣлялась до того, что била на выборъ, до тѣхъ поръ, пока у стрѣлковъ оставалось уже мало патроновъ. Тогда Крыловъ, подойдя къ командиру роты, Галлеру, сказалъ:

— Чѣмъ выпускать послѣдніе патроны и ждать, чтобы повстанцы бросились на насъ, попробуемъ предупредить ихъ.

Между тѣмъ стрѣлки слышали какъ съ деревьевъ кричали:

— На пршедъ панове, на пршедъ! москалей не дуже!

Галлеръ, выйдя передъ цѣпь, крикнулъ: „За мной, ребята", и повелъ роту впередъ. Повстанцы твердо держались на опушкѣ, пока рота не подошла шаговъ на 50 и съ крикомъ „ура?" бросилась въ штыки. Не выдержавъ, поляки начали отходить въ лѣсъ, гдѣ бой перешелъ въ рукопашную. Опушка оказалась до того усѣянною трупами, что пугливая лошадь Крылова не хотѣла переступить черезъ нихъ, и ему пришлось искать мѣста гдѣ бы проѣхать. Въ это время, въ полуверстѣ влѣво, онъ увидѣлъ колону, стройно идущую на бывшую въ резервѣ роту Низовцевъ. По близорукости онъ принялъ косиньеровъ за подходящую на помощь часть другаго нашего отряда и поѣхалъ къ нимъ; но, къ счастію, въ этотъ самый моментъ, двѣ удачно пущенныя Лѣсовымъ ракеты заставили колонну остановиться, а уланы штабъ-ротмистра барона Офенберга, вмѣстѣ съ казаками Валуева, бросились на нее въ атаку, во время которой послѣдній и былъ раненъ въ голову, съ поврежденіемъ черепа. Косиньеры были уничтожены до послѣдняго.

Во время боя въ лѣсу произошелъ слѣдующій, трудно объяснимый фактъ. Къ цѣпи Прусскаго полка добровольно присоединились нѣсколько человѣкъ изъ резерва, отъ армейской роты. Въ чащѣ лѣса Галлеръ, съ десяткомъ людей, случайно отдѣлился отъ своихъ и на полянѣ наткнулся на толпу косиньеровъ человѣкъ въ 70. Армейскій солдатикъ, имя кото-

раго, къ сожалѣнію осталось неизвѣстнымъ, выбѣгаетъ впередъ, имъ на-встрѣчу, дѣлаетъ выстрѣлъ, потомъ, ставъ на одно колѣно, беретъ ружье на руку и, перекрестясь, одинъ встрѣчаетъ толпу. Поляки изрубили его въ куски, а тѣмъ временемъ Галлеръ, нѣсколько разъ кричавшій добровольно жертвовавшему собою, чтобы онъ уходилъ, успѣлъ присоединиться къ своей ротѣ. Спрашивается, былъ ли это со стороны шедшаго на явную смерть солдата сознательный порывъ спасти офицера, или онъ умышленно искалъ смерти и вѣнца мученика?

Говоря объ экспедиціяхъ не могу не разсказать эпизода, доказывающаго до какой степени поляки утратили тогда всякое понятіе о чести и достоинствѣ человѣка.

Однажды моему отряду предстояло ночевать возлѣ помѣщичьей мызы. Для выбора мѣста бивака былъ посланъ впередъ съ казаками маіоръ Грессеръ. Когда я подъѣзжалъ къ околицѣ, онъ доложилъ мнѣ, что пѣхота и артиллерія расположатся тутъ же, вправо отъ дороги, а уланы и казаки—за садомъ, ближе къ водопою. Что же касается моего помѣщенія, то владѣлецъ мызы проситъ меня остановиться въ его домѣ, при чемъ Грессеръ указалъ на небольшаго роста господина въ венгеркѣ и соломенной шляпѣ. Замѣтя что рѣчь идетъ о немъ, панъ, приподнявъ шляпу, сталъ приближаться.

— Очень вамъ благодаренъ—говорю я ему, но я не желаю стѣснять васъ, тѣмъ болѣе, что имѣю палатку и для меня гораздо удобнѣе быть на бивакѣ.

Полурусскимъ, полупольскимъ говоромъ панъ началъ доказывать, что его домъ въ двухъ шагахъ, что на бивакѣ сыро, что всѣ отрядные начальники останавливались у него, причемъ назвалъ генераловъ: Миллеръ-Закомельскаго, Краснокутскаго и графа Крейца, что у него все приготовлено и что я крайнѣ обижу его отказомъ.

— Извольте, чтобы вы не обижались, я принимаю предложеніе, но съ условіемъ, что вамъ будетъ заплачено за все взятое для меня.

Покуда я дѣлалъ распоряженія о выставкѣ аванпостовъ и объ отправленіи разъѣздовъ, панъ ждалъ меня и самъ ввелъ въ домъ. Въ комнатѣ, указанной для спальни, вижу кровать, съ цѣлою горою подушекъ съ оборками, покрытую атласнымъ

розовымъ покрываломъ. На замѣчаніе, что все это лишнее, панъ разсыпался въ увѣреніяхъ о своей преданности и любви къ военнымъ, радовался, что мною принято приглашеніе ночевать въ его домѣ и такъ надоѣлъ этимъ, что я безъ церемоніи попросилъ его дать мнѣ возможность умыться и отдохнуть. Уходя онъ спрашиваетъ меня:

— Позвольте узнать, можно ли теперь отлучаться изъ мызы или пріѣзжать въ нее? Я это спрашиваю потому, что ночью должна возвратиться изъ Варшавы моя матушка.

— Пріѣзжать—отвѣчалъ я—можетъ всякій, но отсюда никто уходить не долженъ.

— Почему же? прикидываясь наивнымъ, спрашиваетъ онъ.

— Чтобы никто не далъ знать въ банды о близости отряда, о его расположеніи и силѣ.

— О, разуме, разуме, ясневельможне генерале, проговорилъ панъ, расшаркиваясь.

Какъ только онъ вышелъ, и когда я сталъ мыться, къ растворенному въ садъ окну, подбѣжалъ артиллерійскій фейерверкеръ и маня меня рукою, тихо, какъ бы боясь быть подслушанну, говоритъ мнѣ:

— Ваше превосходительство! сейчасъ здѣшній панъ прибѣжалъ въ конюшню, вскочилъ на неосѣдланную лошадь и помчался полемъ къ лѣсу: вонъ онъ еще виднѣется во ржи, пригнувшись, чтобъ не замѣтили.

Это взбѣсило меня. Выйдя на крыльцо, я крикнулъ урядинку стоявшаго на дворѣ казачьяго караула.

— Возьми человѣкъ 5 и скачи ржанымъ полемъ въ лѣсъ, догони бѣжавшаго сію минуту помѣщика и тащи его ко мнѣ.

Вспомнивъ, что 5 человѣкъ легко могутъ быть наведены на засаду, я послалъ вслѣдъ за казаками взводъ уланъ.

Промчавшись версты двѣ лѣсомъ, казаки увидѣли въ его чащѣ ветхій костелъ и возлѣ него хорошій домъ, съ высокими запертыми воротами. Замѣтя, что свѣжій слѣдъ, по которому они гнались, вдругъ пресѣкся, казаки остановились, одинъ изъ нихъ вскочилъ на сѣдло и черезъ перекладину воротъ видитъ взмыленную лошадь, привязанною къ сараю. Бѣглецъ оказался у ксендза.

— Пожалуйте сейчасъ къ генералу, говоритъ ему урядникъ, схватывая за руку, когда онъ хотѣлъ выбѣжать въ сѣни.

— Какъ ты смѣешь хватать меня! я пріѣхалъ къ пробощу съ визитомъ, мнѣ надо переговорить о дѣлѣ, я черезъ четверть часа буду.

Завязался споръ, кончившійся тѣмъ, что пана взяли силою. Меня крайне интересовалъ результатъ погони. Вмѣстѣ съ бывшимъ при отрядѣ полковникомъ генеральнаго штаба, мы вышли за околицу. Не прошло нѣсколькихъ минутъ, видимъ нашего пана, съ скрученными веревкою руками и безъ шляпы, ведутъ казачки, имѣя пики на перевѣсъ. Приказавъ развязать, я подозвалъ его къ себѣ. Вяло слѣзъ онъ съ коня и пошатываясь подходитъ. Что я наговорилъ ему и какими угостилъ эпитетами,—не помню, но вѣроятно достойными его поступка и заключилъ такъ:

— За то, что вы такъ подло нарушили объясненное вамъ правило военнаго времени, я васъ арестовываю какъ шпіона и отправлю въ цитадель.

Завылъ панъ какъ школьникъ, котораго собираются сѣчь и бросаясь передо мною на колѣни, кричитъ:

— Помилуйте, змилуйтесь, пане генерале! Били меня, я родовитый дворянинъ, а меня вотъ какъ били!

Съ этими словами онъ поворачивается къ намъ спиною. Его венгерка была такъ исполосована ногайками, что въ нѣсколькихъ мѣстахъ виднѣлось бѣлье.

— Нельзя было иначе, ваше превосходительство, заговорилъ урядникъ;—не хотѣли, упирались; мы сначала по чести, всего два раза стегнули; но онъ пытался ускакать отъ насъ, такъ нагнавши маленько подбавили,—досада взяла, что изъ-за этакой дряни коней мучили.

И смѣшно и жалко было видѣть гостепріимнаго хозяина въ такомъ растрепанномъ видѣ.

— Такъ какъ вы—сказалъ я ему—уже получили должное за твердость вашихъ убѣжденій и доказали вашу любовь къ военнымъ, то я васъ прощаю, идите.

Полковникъ генеральнаго штаба былъ нѣсколько возмущенъ своеручной расправой казаковъ, говоря, что нельзя имъ позволять, безъ суда, бить благороднаго человѣка нагайками.

— Вы называете этого господина благороднымъ? По моему урядникъ вѣрнѣе опредѣлилъ его, назвавъ дрянью. Хотите, я приглашу его обѣдать и онъ придетъ.

— Ну, нѣтъ; уже до такой то степени онъ вѣроятно не уронитъ себя.

— Василій! крикнулъ я моему деньщику;—скажи пану, что я прошу его въ 5 часовъ обѣдать.

Часа черезъ два, чины моего небольшаго отряднаго штаба собрались въ столовую и когда я вошелъ туда, то панъ, во фракѣ и бѣломъ галстукѣ, какъ ни въ чемъ не бывало, разговаривалъ съ офицерами, а затѣмъ весь обѣдъ болталъ о томъ, что повстанцы не стоятъ, чтобы гоняться за ними и подъ конецъ клялся, что ѣздилъ къ ксендзу достать старой вудки, чтобы угостить насъ.

На слѣдующій день оказалось, что находившаяся за лѣсомъ банда была извѣщена, тѣмъ же ксендзомъ, о нашемъ прибытіи и ушла за Бугъ. Впослѣдствіи я часто встрѣчалъ того же пана въ Саксонскомъ саду и онъ всегда очень мило раскланивался со мною; на вопросы—кто это? я отвѣчалъ—это казачій крестникъ, а потомъ, конечно, приходилось объяснять, чѣмъ онъ заслужилъ подобный титулъ.

Этимъ эпизодомъ заканчиваю мои воспоминанія объ экспедиціяхъ, почти всегда кончавшихся пораженіемъ повстанцевъ.

Дабы отнять у поляковъ средства къ дальнѣйшей поддержкѣ возстанія и укрѣпиться въ большемъ числѣ пунктовъ, въ концѣ іюля приказано было расквартировать полки такъ, чтобы въ каждомъ мѣстечкѣ было по 2 роты Это давало возможность охранять жителей отъ агентовъ революціи и отъ грабежей, а также лишало средствъ формировать или укомплектовать банды, что было признано и самими поляками. Одинъ изъ вожаковъ доносилъ ржонду: „Занятіе войсками множества новыхъ пунктовъ, и налагаемыя контрибуціи, ставятъ революцію въ безвыходное положеніе".

Къ началу августа возстаніе видимо ослабло. Крестьянское населеніе открыто начало дѣйствовать противъ революціонеровъ, образуя изъ своей среды сельскую стражу, усердно помогавшую войскамъ арестовывать отдѣльныхъ агентовъ и разыскивать склады оружія.

6-го августа полку предстояло въ первый разъ справлять въ Варшавѣ свой полковой праздникъ. Въ этотъ день Великій князь посѣтилъ лагерь полка, разбитый противъ казармъ,

на эспланадѣ цитадели. Во время молебствія въ походной церкви, Его Высочеству понравилось пѣніе. Обращаясь ко мнѣ, онъ сказалъ:

— У тебя славный хоръ; такіе свѣжіе голоса рѣдко встрѣчаются между нижними чинами.

Стоявшій возлѣ генералъ Корфъ не упустилъ случая отвѣтить:

— Это я сформировалъ ихъ, когда командовалъ полкомъ.

А онъ никогда имъ не командовалъ, а былъ всего 3 мѣсяца за полковаго командира, и то ровно 30 лѣтъ назадъ.

Въ половинѣ августа Великій князь поѣхалъ въ Петербургъ. Въ его отсутствіе получено было приказаніе о командированіи нѣсколькихъ лицъ на маневры въ Пруссію. Изъ Варшавскаго округа были назначены: командиръ Литовскаго уланскаго полка флигель-адъютантъ полковникъ баронъ Дризенъ и я, какъ командиръ Прусскаго полка. На этотъ разъ я взялъ съ собою жену, а она пригласила, для компаніи, дочь полковаго доктора г-жу Шахтингеръ. Наканунѣ отъѣзда мы были въ замкѣ, откланяться Великой княгинѣ, не предчувствуя, что по возвращеніи уже не застанемъ ея въ Варшавѣ. Подъѣзжая къ Берлину, госпожѣ Шахтингеръ захотѣлось увидѣть городъ издали. Какъ я ей ни доказывалъ, что съ той стороны откуда подходитъ нашъ поѣздъ, городъ закрытъ тянущимся цѣлую станцію лѣсомъ, она все-таки выглянула въ опущенное окно.

— Стойте, стойте! кричитъ она, хватаясь за голову, — у меня сорвало вѣтромъ шляпу.

Мы не могли удержаться отъ смѣха; но чтобы наказать ее за неосторожность, я сталъ поддразнивать, что безъ шляпки ей уже нельзя ѣхать съ нами въ придворной коляскѣ, а потому ей остается повязать голову платочкомъ, и въ видѣ горничной, помѣститься съ багажемъ, въ наемномъ фіакрѣ.

Она готова была заплакать; но оказалось, что за нами были высланы кареты.

Для всѣхъ приглашенныхъ на маневры иностранцевъ были приготовлены квартиры, въ знакомомъ читателямъ „Британскомъ отелѣ", о которомъ я говорилъ въ предшествовавшей главѣ моихъ воспоминаній. Тамъ мы нашли уже прибывшихъ изъ Петербурга на маневры: генералъ-адъютанта Гильден-

штуббе, артиллеріи полковника Петерса, командира Калужскаго полка Вернера и г.-гв. Финляндскаго полка капитана Засса. Въ тотъ же день въ вечеру прибыли и командированные изъ другихъ государствъ. Между ними были: отъ Баваріи — генералъ Троонъ, тотъ самый, который командовалъ баварскимъ корпусомъ въ франко-прусскую войну; отъ Вюртемберга—генералъ Вердеръ, осаждавшій и взявшій въ ту же войну Страсбургъ; отъ Австріи—полковникъ Бенедекъ, сынъ того генерала Бенедека, котораго три года спустя такъ нещадно разбили пруссаки подъ Кенигсрецомъ. Франція и Англія оффиціальныхъ представителей не имѣли, но изъ послѣдней былъ, какъ туристъ, молодой лейтенантъ Браунъ, очень веселый и пріятный юноша. Со всѣми пришлось познакомиться; но ближе другихъ я сошелся съ Бенедекомъ, какъ постояннымъ моимъ сосѣдомъ за обѣдами въ отелѣ, въ дни, когда не было приглашеній во дворецъ. Въ этотъ пріѣздъ насъ не такъ баловали въ этомъ отношеніи, какъ въ мартѣ.

Прибывъ въ Берлинъ 20 августа, мы на другой день представились королю, затѣмъ наслѣдному и другимъ принцамъ. Пріемъ имѣлъ характеръ полной оффиціальности и для насъ, русскихъ, покуда не было никакихъ исключеній передъ иностранцами, такъ разительно выражавшихся, когда я пріѣзжалъ въ мартѣ съ депутаціею отъ полка. Состоящій при насъ ротмистръ гвардейскаго уланскаго полка далеко не походилъ на милаго Эркерта, въ это время уже командовавшаго батальономъ.

Выданное каждому изъ насъ расписаніе смотровъ и ученій въ присутствіи короля, на которыхъ мы должны были находиться, указало, что почти каждое утро намъ предстояла служба. Верховыя лошади были для насъ назначены отъ придворнаго вѣдомства. Не знаю, что думали и какъ судили о нихъ кавалеристы, я же замѣчу, что онѣ были выѣзжаны крайне плохо и до того ложились въ поводъ, что возвратясь съ ученья, всякій разъ, бывало, не чувствуешь рукъ. Чѣмъ больше ее сдерживаешь, тѣмъ она дѣлается упрямѣе, а не сдерживать нельзя, потому что всѣ онѣ до того рвутся впередъ, что всякую минуту можно попасть въ свитѣ не на подобающее по чину мѣсто, или опередить тѣхъ, кто долженъ находиться непосредственно за королемъ. Подобная выѣздка была

причиною, что въ продолженіи двухъ недѣль я долженъ былъ перемѣнить четырехъ лошадей, наконецъ догадался дать конюшенному 10 талеровъ, и тогда только получилъ доброѣзжаго коня, съ мягкимъ поводомъ.

По возвращеніи съ ученій всѣ мы обыкновенно обѣдали за особымъ общимъ столомъ, въ парадной залѣ гостинницы. Сосѣдъ мой Бенедекъ оказался очень забавнымъ собесѣдникомъ. Однажды у насъ зашелъ съ нимъ споръ объ обмундированіи войскъ, при чемъ я выразилъ удивленіе, что австрійская пѣхота до сихъ поръ сохранила бѣлые мундиры. Многіе изъ принявшихъ участіе въ нашемъ разговорѣ соглашались со мною:

— Видите ли, господа,—сказалъ тогда Бенедекъ,—предположимъ, что впервые принявъ бѣлые мундиры мы сдѣлали глупость. Можно было не догадаться, что это глупо 5 или 10 лѣтъ, но согласитесь, что придерживаться одного и того же 50 лѣтъ и не замѣтить неудобства—было бы экстра-глупостью. Я самъ командую пѣхотнымъ полкомъ и увѣряю васъ, что нѣтъ ничего практичнѣе и опрятнѣе бѣлаго мундира. Сколько разъ случалось, что на маневрахъ, отъ пыли и грязи, мундиры испачкаются до того, что люди кажутся трубочистами; но стоитъ воспользоваться двумя часами отдыха и приказать вымыть мундиры въ прудѣ или въ любой рѣчкѣ,—и полкъ выдетъ въ строй чистенькимъ, такъ что весело смотрѣть на него.

Вечера мы проводили большею частью въ городскихъ или загородныхъ театрахъ. Впрочемъ послѣдними Берлинъ въ то время похвастать не могъ; кромѣ Кроля не было ничего порядочнаго. У послѣдняго всегда было множество военныхъ, что дало намъ возможность замѣтить, какую разницу представляло появленіе офицеровъ въ общественныхъ собраніяхъ въ Пруссіи и унасъ. Тамъ они первенствовали, являлись между публикою съ сознаніемъ этого первенства, всякій давалъ имъ дорогу, никто не осмѣлился бы взглянуть на офицера двусмысленно, или съ выраженіемъ враждебности. То ли было въ 60 годахъ у насъ? Зная, что нѣмцы вообще народъ разчетливый, мы удивлялись, что прусскіе офицеры въ такомъ числѣ наполняютъ театры, тогда какъ у насъ военные теряются въ общей массѣ публики. Завидно было видѣть и то, что тамъ офицеры повсюду являются щеголями. Въ ихъ обращеніи

другъ къ другу, даже на гуляньи, или въ фойэ театра, сейчасъ видно кто говоритъ съ старшимъ, или съ равнымъ себѣ. Въ первомъ случаѣ вы тотчасъ замѣтите оттѣнокъ подчиненности, во второмъ—отсутствіе грубаго панибратства и притомъ ни малѣйшей натянутости. Интересно было бы знать, какого сословія молодые люди составляютъ главный контингентъ укомплектованія прусскихъ офицеровъ и доступно ли тамъ достигнуть офицерскаго званія людямъ безъ воспитанія, которое во многихъ случаяхъ жизни и службы, гораздо важнѣе всякаго спеціальнаго образованія.

27 августа, рано утромъ, мнѣ принесли изъ посольства повѣстку, что Великій князь Константинъ Николаевичъ, со всѣмъ семействомъ, пріѣзжаетъ въ этотъ день въ Берлинъ. Это сильно удивило насъ, потому что при нашемъ выѣздѣ, всего недѣлю назадъ, не было не только слуха, но и намека на то, что онъ оставляетъ Варшаву. Поспѣть встрѣтить приходящій въ 6 ч. утра поѣздъ было уже невозможно, поэтому я отправился представиться въ зданіи нашего посольства, гдѣ Его Высочество остановился. Тамъ мы узнали, что намѣстникомъ Польши назначенъ графъ Бергъ, и что Константинъ Николаевичъ уѣзжаетъ совсѣмъ. Тутъ же я представлялся и Великой княгинѣ, причемъ просилъ назначить часъ, когда она могла бы принять мою жену, желающую лично благодарить Ея Высочество, за постоянно благосклонное къ ней вниманіе.

— Передайте ей,—сказала Великая княгиня, что мы ѣдемъ обѣдать къ наслѣдному принцу въ Потсдамъ, а вечеромъ пьемъ чай у вдовствующей королевы въ Шарлотенбургѣ, поэтому пусть она пріѣдетъ на дебаркадеръ къ нашему отъѣзду, въ 11 часовъ вечера; мнѣ самой хочется проститься съ нею.

Въ это время вошелъ король. Я тотчасъ сталъ откланиваться; но онъ остановилъ меня и, принявъ серьезный видъ, обратился ко мнѣ съ словами:

— А я недоволенъ вами. Великій князь сейчасъ сдѣлалъ мнѣ замѣчаніе, что я не по формѣ одѣтъ въ вашемъ мундирѣ: портупею слѣдуетъ носить черезъ плечо, а не на поясѣ.

— Смѣю доложить Вашему Величеству—отвѣчалъ я, что эта перемѣна сдѣлана два мѣсяца назадъ, и потому я полагалъ, что вашъ военный агентъ въ Петербургѣ, генералъ Лоонъ, уже давно сообщилъ объ этомъ; я же не имѣлъ еще

случая видѣть Васъ, въ этотъ пріѣздъ, въ мундирѣ моего полка.

— Совершенно вѣрно—сказалъ король уже улыбаясь, Лоонъ прозѣвалъ,—и давъ мнѣ руку, крѣпко пожалъ мою.

Часовъ въ 10 вечера всѣ находившіеся въ Берлинѣ русскіе были уже въ дебаркадерѣ. Вскорѣ прибыли туда принцы Карлъ и Альбертъ съ сыновьями, а вслѣдъ за ними вошла и Великая княгиня. Увидавъ жену мою и поцѣловавъ ее, она сѣла на диванъ и начала говорить съ нею о томъ, что ея здоровье заставляетъ ее провести осень въ Крыму и что Великому князю необходимо отдохнуть. Принцъ Альбертъ, видя подобное обращеніе, спросилъ стоявшаго возлѣ полковника барона Дризена, кто дама, съ которою говоритъ Великая княгиня? Баронъ отвѣтилъ, что это жена моя. Тогда принцъ выразилъ мнѣ желаніе быть ей представлену, а затѣмъ уже самъ представилъ своего брата, принца Карла. По отходѣ поѣзда они оба провели мою жену до кареты. Упоминаю объ этомъ для того, чтобы послѣдующій разсказъ о нашемъ пребываніи на маневрахъ былъ ясенъ читателямъ.

30 августа, по случаю имянинъ нашего Государя, былъ большой обѣдъ во дворцѣ. Въ концѣ его, сюрпризомъ для всѣхъ насъ, король поздравилъ А. И. Гильденштуббе съ производствомъ въ полные генералы и съ назначеніемъ командиромъ гренадерскаго корпуса. Это доказывало, что всѣ важнѣйшія перемѣны въ русской арміи моментально, по телеграфу, передаются въ Берлинъ. Въ этомъ я имѣлъ случай еще болѣе убѣдиться, когда у меня, въ Варшавѣ, во время обѣда, зашла рѣчь о генералѣ Хитрово, только что назначенномъ начальникомъ 32 дивизіи. Кто-то изъ офицеровъ спросилъ меня, гдѣ штабъ этой дивизіи? Я, съ полной увѣренностію, говорю, что въ Житомірѣ.

— Нѣтъ, въ Луцкѣ,—возразилъ обѣдавшій съ нами прусскій офицеръ Верди-де-Варнуа, о которомъ я уже писалъ, говоря, что онъ состоялъ при намѣстникѣ. Начался споръ. Я велѣлъ подать послѣднее квартирное росписаніе арміи и тамъ значилось, что 32 дивизія стоитъ въ Житомірѣ.

— Все это такъ, но я вчера получилъ бумагу изъ нашего генеральнаго штаба—возразилъ Верди, что 10 дней назадъ 32 дивизія переведена въ Луцкъ, и уже отмѣтилъ это на моей картѣ.

Черезъ мѣсяцъ и мы узнали, что она дѣйствительно переведена. Выходитъ. что прусскіе офицеры раньше насъ знаютъ что у насъ дѣлается. Когда присутствовавшіе удивились почему Верди такъ упорно стоитъ на своемъ, то онъ сказалъ:

— Напрасно вы этому удивляетесь. Я вамъ скажу болѣе: у насъ ведутся особые списки всѣхъ генераловъ сосѣднихъ государствъ, съ отмѣткою ихъ способностей къ военному дѣлу, дабы въ случаѣ войны знать, чего можно ожидать отъ каждаго.

— Какіе вы милые и заботливые сосѣди,—шутя, отвѣтилъ я ему.

2-го сентября, вечеромъ, всѣмъ приглашеннымъ на маневры, было приказано, къ 10 часамъ слѣдующаго утра, прибыть на вокзалъ Сѣверной желѣзной дороги, для присутствія на парадѣ 3-му корпусу, въ Франкфуртѣ на-Одерѣ. По пріѣздѣ въ этотъ городъ, приготовленные экипажи отвезли каждаго на отведенную квартиру, чтобы переодѣться въ парадную форму. По странной случайности, мнѣ дана была квартира въ домѣ бывшаго лейбъ-медика Императора Николая Павловича. Это былъ прекрасный, небольшой отель, переполненный рѣдкими картинами и разными подарками покойнаго Государя. Узнавъ, что я русскій, вдова Манта угостила меня вкуснымъ завтракомъ.

Третьимъ корпусомъ командовалъ тогда принцъ Фридрихъ-Карлъ. Парадъ, имъ данный, происходилъ при громадномъ стеченіи публики и народа, собравшагося изъ окрестностей. Для удержанія ихъ въ приличномъ отдаленіи отъ войскъ, къ полиціи были приданы строевые нижніе чины. Здѣсь мнѣ пришлось видѣть, какъ въ конституціонномъ государствѣ полиція распоряжается съ тѣми, кто противится ея приказаніямъ. Если бы у насъ случилось что либо подобное этому, что я описываю, то Богъ знаетъ, какой бы вопль подняли газеты и поборники свободы и равенства. Стоящая лѣвѣе свиты публика, исподоволь подавалась впередъ и наконецъ перешла линію, обозначенную полиціантами. Маленькій, коренастый солдатикъ, взятый изъ фронта, весьма энергично говоритъ: „Осади назадъ"! „Мы никому не мѣшаемъ", отвѣчаетъ ему нѣсколько голосовъ, подаваясь еще впередъ. „Не разсуждать"! крикнулъ солдатъ, взявъ ружье за середину и ставя его горизонтально, такъ

что оно коснулося напиравшей группы. Одинъ изъ молодыхъ людей, оттолкнувъ ружье, началъ браниться, другіе поддержали его; поднялся шумъ. Блюститель порядка хладнокровно произнесъ: „Говорю вамъ, назадъ!“ Повторилъ эти слова еще разъ, а послѣ третьяго раза, когда публика начала окружать его, оборотя ружье, такъ хватилъ прикладомъ въ грудь бывшаго противъ него господина, что тотъ какъ снопъ повалился на землю. Нѣсколько подоспѣвшихъ къ этому мѣсту полицейскихъ оттѣснили народъ, а ревностный исполнитель своей обязанности занялъ свое мѣсто, какъ будто ничего не случилось.

Былъ на этомъ парадѣ и другой, подобный же примѣръ. Когда кончилось прохожденіе пѣхоты, то между нею и кавалеріею образовался значительный интервалъ. Публика, стоявшая на сторонѣ музыкантовъ, противоположной той гдѣ былъ король и свита, начала перебѣгать на ихъ сторону. Нѣсколько полицейскихъ пробовали остановить, но толпа окружила ихъ; тогда явились на подмогу конные жандармы, что еще болѣе взволновало народъ, пустившій въ дѣло трости и зонтики. Нѣсколько лицъ изъ свиты, въ томъ числѣ и маститый фельдмаршалъ Врангель, бросились водворять порядокъ; между тѣмъ жандармы обнажили сабли и фухтелями угощали безъ разбора всѣхъ, кто только намѣревался прорываться черезъ линію, что и прекратило сумятицу. Затѣмъ парадъ продолжался своимъ порядкомъ.

Въ 5 часовъ городъ Франкфуртъ угощалъ короля обѣдомъ, къ которому были приглашены всѣ иностранные гости. Передъ тостомъ за Его Величество, принцъ Карлъ сказалъ сильную рѣчь о заслугахъ Гогенцолерновъ отечеству и томъ величіи, на которое возвели они прусскую націю. Къ вечеру мы возвратились въ Берлинъ.

5-го сентября утромъ всѣмъ приглашеннымъ на маневры было прислано подробное ихъ росписаніе по днямъ, и въ тотъ же день, въ 11 часовъ, мы выѣхали по желѣзной дорогѣ на станцію, откуда они начинались. Росписаніе это, въ видѣ пригласительнаго билета, на четверть-листѣ толстой бумаги, можетъ служить образчикомъ нѣмецкой аккуратности. Привожу его въ переводѣ.

„5-го сентября: Прибытіе на дебаркадеръ Сѣверной до-

роги въ 11 ч. утра. 12 ч. 15 м.—станція Шенбергъ, коляска № 8. Часъ дня—прибытіе на поле маневра,—верховая лошадь № 10. Ночлегъ: мѣстечко Вейсенфельдъ.—Квартира—улица такая-то. № 17. Обѣды ежедневно, въ 6 часовъ, у Его Величества Короля—замокъ такой-то.

Получивъ подобную карту, всякій былъ совершенно покоенъ, ни очемъ не приходилось ни спрашивать, ни заботиться. Предупредительность и вниманіе къ каждому были такъ велики, что, напримѣръ, я, войдя въ мою квартиру, состоявшую изъ двухъ прекрасныхъ комнатъ съ коврами, нашелъ на письменномъ столѣ бумагу, конверты разныхъ форматовъ, карандаши, перья, даже печатныя бланки для телеграммъ и послѣдній номеръ газеты; затѣмъ тончайшее постельное бѣлье, туалетъ съ полнымъ приборомъ и проч. Было ли это сдѣлано по распоженію придворнаго вѣдомства, или знакомъ радушія хозяина квартиры,—не знаю, но во всякомъ случаѣ выражало рѣдкое гостепріимство.

Не входя въ подробное описаніе каждаго дня маневровъ, скажу о нихъ въ общихъ чертахъ. Въ теченіи всѣхъ семи дней намъ пришлось быть въ полномъ смыслѣ на службѣ и довольно тяжелой. Маневръ начинался обыкновенно въ 8 часовъ утра, когда король и садился на коня, у ближайшаго бивака. Туда же заблаговременно приводили и нашихъ верховыхъ лошадей, а это приходилось въ верстахъ въ 7, а иногда и 10 отъ квартиръ. Значитъ, надо было встать часовъ въ 6. Маневръ длился обыкновенно часовъ до трехъ. По отбою всѣ мы бѣжали къ своимъ коляскамъ, спѣшили на квартиры, чтобы успѣть привести себя въ порядокъ, переодѣться въ другую форму и быть къ 6 часамъ, тоже верстъ за 10, въ замкѣ короля. Обѣдъ кончался въ 8 часу. Полчаса его величество оставался среди приглашенныхъ, затѣмъ уходилъ въ свои апартаменты, причемъ, обращаясь ко всѣмъ, говорилъ: „Надѣюсь, господа, видѣть васъ всѣхъ черезъ часъ внизу". Понятно, что послѣ этого уѣхать домой было неловко, а потому мы проводили этотъ часъ сидя на террасѣ, или бродя по парку, а къ 9 часамъ собирались въ комнаты нижняго этажа, гдѣ были разставлены карточные столы, разложены газеты, журналы, иллюстраціи, альбомы, шахматы, домино и т. д. Здѣсь всякій, не смотря на присутствіе короля, занимался чѣмъ хо-

тѣлъ. Его величество появлялся часовъ въ 10, въ сюртукѣ. Онъ переходилъ отъ одной группы къ другой, а въ это время одинъ изъ чиновъ двора составлялъ партіи виста. Считая неудобнымъ отказываться, и я однажды попалъ въ число играющихъ. Моими партнерами оказались: нѣкій англичанинъ посольства, генералъ вюртембергской службы и какой-то камергеръ. Сѣли не условливаясь въ цѣнѣ. У меня было съ собою не болѣе 30 червонцевъ. Что если они обыкновенно играютъ— думалось мнѣ—по талеру и не хватитъ денегъ для расплаты? Когда кончили, то оказалось, что столь важные персоны всегда играютъ по грошу и при большомъ счастьи я выигралъ всего полтора талера.

Въ одинъ изъ подобныхъ вечеровъ, стою я у камина и говорю о чемъ-то съ А. И. Гильденштуббе. Подходитъ король и улыбаясь спрашиваетъ меня:

— Какія извѣстія имѣете вы изъ Варшавы?

— Ничего особеннаго, ваше величество, тамъ кажется все спокойно.

— А что вамъ пишетъ ваша жена о моей крестницѣ?

— Жена моя здѣсь, въ Берлинѣ.

— Да! произноситъ король съ удивленіемъ и затѣмъ, обращаясь къ Гильденштуббе, продолжаетъ:

— Какъ странно, что братья мои были представлены женѣ генерала и командира моего полка, а я, ея кумъ и его шефъ, незнакомъ съ нею.

На это я возразилъ, что, зная объ отсутствіи изъ Берлина королевы, не считалъ себѣ въ правѣ просить о представленіи жены моей ко двору.

— Я шучу,—продолжалъ король, впрочемъ, я еще надѣюсь видѣть ее до вашего отъѣзда.

Послѣднія слова были для меня неразрѣшимой задачей. Что значитъ „я еще надѣюсь видѣть ее"? Означало-ли это необходимость представиться—и тогда: когда и гдѣ? Спрашиваю слышавшаго нашъ разговоръ графа Н. В. Адлерберга и прошу его совѣта. Онъ отвѣчаетъ, что въ отсутствіи королевы дамы обыкновенно не представляются и что слова „надѣюсь видѣть" не болѣе какъ façon de parler и могутъ означать мысль увидѣть въ театрѣ, или на парадѣ. Всѣ, къ кому я ни обращался,

отвѣчали въ томъ же родѣ, только одинъ Гильденштуббе сказалъ мнѣ:

— Мое мнѣніе то, что вашей женѣ слѣдуетъ эти дни, отъ 4 до 6 часовъ, быть всегда дома. Короли никогда и ничего не говорятъ даромъ.

Общій характеръ дѣйствій прусскихъ войскъ на маневрахъ, совершенно такой же какъ и нашихъ; но сами войска носили на себѣ отпечатокъ той юности, которая заставляла сомнѣваться въ ихъ выносливости. За исключеніемъ унтеръ-офицеровъ, баталіоны, по наружному виду людей, походили на кадетскіе. Къ концу маневра въ нихъ проявлялась замѣтная усталость и отсталыхъ бывало не мало; на ночь же на биваки привозили массу соломы для подстилки и дровъ для костровъ. Это намъ казалось излишнею нѣжностью и порождало убѣжденіе, что войско, воспитанное такимъ образомъ, можетъ хорошо драться лишь тогда, когда его подвезутъ на поле сраженія въ вагонахъ, а приведись ему недѣлю побродить по осенней грязи, или остаться нѣсколько ненастныхъ ночей подъ открытымъ небомъ, то оно сильно растаетъ. Высказываю подобное мнѣніе на основаніи того, что видѣлъ на маневрахъ; но очень можетъ быть, что тѣ же баталіоны, пополненные при мобилизаціи призывными, произведутъ совсѣмъ иное впечатлѣніе. Другая особенность, замѣченная въ прусскихъ войскахъ та, что ихъ кавалерія, гораздо слабѣйшая нашей по конскому составу, гораздо болѣе развита въ отношеніи иниціативы младшихъ начальниковъ, чего въ то время у насъ не было. Я напримѣръ видѣлъ гусарскій полкъ, рысью наступавшій развернутымъ фронтомъ по данному направленію. Командиръ лѣвофлангового эскадрона, увидя, что въ верстѣ влѣво, двѣ роты спѣшатъ занять ближайшій лѣсокъ, не ожидая приказанія, дѣлаетъ заѣздъ налѣво и несется въ атаку на эти роты, хотя другіе эскадроны полка продолжаютъ идти въ прежнемъ направленіи.

Король принималъ видимое участіе во всемъ происходившемъ и быстро переносился съ одного пункта на другой. Въ каждомъ его словѣ, въ каждомъ замѣчаніи проявлялась любовь къ военному дѣлу и желаніе поощрить войска. Припоминаю какое впечатлѣніе произвела на насъ та манера, съ которою король объявилъ, знакомому читателямъ офицеру, даруемую

ему награду. Послѣ горячей, но отбитой атаки одной горы, занятой 2-мъ гвардейскимъ полкомъ, король, давъ отбой, приказалъ составить ружья и въѣхавъ на гору, гдѣ солдаты и офицеры окружили его, сказалъ имъ въ переносномъ смыслѣ слѣдующее:

— Да, горячее было дѣло; много пало храбрыхъ, но есть и отличившіеся, и первый между ними капитанъ Эркертъ, а потому я поздравляю его маіоромъ.

Несомнѣнно, что Эркертъ зналъ о предстоящемъ ему по линіи чинѣ, но большая разница прочесть о своемъ производствѣ въ газетѣ или въ мертвомъ, заурядномъ приказѣ, или узнать объ этомъ изъ устъ своего государя, который еще при этомъ обнялъ производимаго. Подобныя минуты никогда не забываются, и вѣроятно Эркертъ помнилъ ихъ, умирая черезъ 7 лѣтъ на поляхъ Гравелота.

Въ одинъ изъ маневренныхъ дней пришлось воскресенье. По этому случаю на бивакахъ происходило богослуженіе, въ присутствіи Короля, съ простотою присущею лютеранскимъ священнодѣйствіямъ. По окончаніи церковнаго парада, его величество подозвалъ къ себѣ Гильденштуббе и меня; отведя насъ въ сторону, онъ тихо сообщилъ, что наканунѣ, въ Варшавѣ, совершено покушеніе на жизнь новаго намѣстника графа Берга, и спросилъ меня, не имѣю ли я объ этомъ какихъ либо свѣдѣній? Я отвѣчалъ, что даже не зналъ о случившемся; король же добавилъ, что ему извѣстно только, что покушеніе было сдѣлано на Краковскомъ предмѣстьи и обошлось безъ послѣдствій.

Въ послѣдній день маневровъ, по ихъ окончаніи, 10 сентября, всѣ мы къ 3 часамъ съѣхались на ближайшую станцію желѣзной дороги, чтобы возвратиться въ Берлинъ. Наслѣдный принцъ, отъѣзжавшій на слѣдующій день въ Англію, вошелъ въ нашъ вагонъ проститься съ русскими офицерами, что избавило насъ отъ обязанности представляться ему передъ нашимъ выѣздомъ, назначеннымъ на 12 число. Наканунѣ, въ 12 час. дня, мы откланивались королю, вмѣстѣ съ другими иностранцами, бывшими на маневрахъ. Выслушавъ обычныя въ подобныхъ случаяхъ выраженія признательности за присылку депутацій, мы уже выходили изъ залы, какъ его величество, подозвавъ меня къ себѣ, поручилъ передать полку, что онъ съ

особеннымъ интересомъ слѣдилъ за его дѣйствіями, и радовался его отличіямъ, что онъ крайне сожалѣетъ, что не имѣлъ случая лично выразить ему свое благоволеніе, но надѣется исполнить это въ будущемъ; потомъ, обнявъ меня, сказалъ: „Посылаю съ вами благословеніе моей крестницѣ“. Послѣдними же его словами были вопросы: когда я выѣзжаю и обѣдаю-ли сегодня у Убри? Оказалось, что это было спрошено не безъ умысла.

По возвращеніи изъ дворца, я объявилъ женѣ, что теперь она спокойно можетъ укладываться, что король простился со мною и, вспоминая крестницу, ни чѣмъ не намекнулъ на происходившій на маневрахъ разговоръ. Въ 6 часу я отправился къ посланнику на обѣдъ, даваемый имъ для отъѣзжавшихъ соотчичей. Изъ прусскихъ властей къ нему были приглашены только Бисмаркъ и фельдмаршалъ баронъ Врангель, занявшіе мѣста возлѣ хозяина, а противъ него сидѣли А. И. Гильденштуббе и я. Въ концѣ обѣда, одинъ изъ прислуги, нагнувшись, тихо говоритъ мнѣ: „Васъ просятъ скорѣе домой“. Не считая возможнымъ выйдти изъ-за стола и думая, что жена вѣроятно прислала не за мною, а за экипажемъ, который ей былъ нуженъ, я отвѣтилъ: „Хорошо, послѣ“. Минуты черезъ двѣ, тотъ же человѣкъ уже погромче произнесъ: „У васъ въ отели король“. Не успѣлъ я обратиться къ Гильденштуббе за совѣтомъ что предпринять, какъ Бисмаркъ говоритъ мнѣ: „Поѣзжайте, генералъ, поѣзжайте скорѣе“. Какъ я ни торопился, но, подъѣзжая къ отелю, увидѣлъ издали только отъѣзжающую коляску Короля; на крыльцѣ, въ сѣняхъ и въ корридорѣ гостинницы, столько было народа, что я едва могъ пробраться къ своимъ комнатамъ.

Визитъ, сдѣланный Его Величествомъ женѣ моей, происходилъ при слѣдующей обстановкѣ. Она, вмѣстѣ съ своею спутницею госпожею Шахтингеръ, занимала сь укладкою вещей; сундукъ и чемоданъ были открыты, а на комодѣ, среди разныхъ вещей и картонокъ, стоялъ мраморный бюстъ короля, только что присланный изъ дворца мнѣ въ подарокъ, на память о бытности на маневрахъ. Черезъ стеклянную дверь, выходившую изъ передней въ корридоръ, жена видитъ полковника, въ полной формѣ, говорящимъ съ бывшимъ при мнѣ придворнымъ лакеемъ. Слыша, что первый произноситъ ея фамилію, она выходитъ, и спрашиваетъ пол-

ковника что ему угодно? Тотъ отвѣчаетъ, что Его Величество желаетъ знать, можетъ ли генеральша принять его? Женѣ пришлось принять Короля въ простомъ дорожномъ платьи и среди безпорядка, присущаго всякой квартирѣ, изъ которой готовятся выѣхать. Визитъ длился минутъ 20, въ продолженіи коихъ жена моя не могла достаточно надивиться простотѣ обращенія и любезности Его Величества. Онъ распрашивалъ ее о моей прежней службѣ, о томъ въ какихъ городахъ ей, какъ женѣ военнаго, приходилось жить, до пріѣзда въ Варшаву, какія должности занималъ ея отецъ, и узнавъ, что онъ ветеранъ Отечественной войны и Георгіевскій кавалеръ, интересовался подробностями его жизни. Прощаясь, Его Величество вынулъ изъ каски и подалъ женѣ моей футляръ, въ которомъ оказались брошь, серьги и браслетъ съ его портретомъ, прося передать это крестницѣ, а покуда она выростетъ, носить самой, на память о его посѣщеніи.

Визитъ Короля русской дамѣ, не имѣвшей чести быть предварительно представленной, произвелъ неописанную сенсацію въ отелѣ. Все ея населеніе сбѣжалось изъ всѣхъ этажей видѣть его отъѣздъ когда онъ уѣхалъ, то многіе, особенно дамы, безцеремонно влетали въ наше помѣщеніе, взглянуть на ту, которая удостоилась такой чести. Одни поздравляли ее, другіе, рекомендуясь, жали ей руки, третьи до того восторгались, что обнимали жену мою, совершенно растерявшуюся отъ подобныхъ овацій и не понимавшею, что всѣмъ имъ надобно и изъ-за чего они въ такомъ восторгѣ. Съ сіяющимъ лицомъ встрѣтилъ меня старикъ Крюгеръ, говоря, что въ теченіи 40 лѣтъ, что онъ владѣетъ Британской гостинницей, только второй разъ Король посѣтилъ ее. Впослѣдствіи Крюгеръ, ту комнату гдѣ жена принимала Его Величество, не отдавалъ въ наемъ, но устроилъ въ ней, у окна, возвышеніе, на которомъ поставилъ два кресла и прибилъ на нихъ золоченыя дощечки съ надписями, кто сидѣлъ на нихъ. Проѣзжая черезъ Берлинъ 12 лѣтъ спустя, мы зашли къ Крюгеру; старикъ, со слезами на глазахъ, вспоминалъ объ описанномъ визитѣ, а спустя 24 года, сынъ мой видѣлъ тѣ же кресла съ надписями, у наслѣдника Крюгера, умершаго только четыре года назадъ.

Всѣ наши, бывшіе на обѣдѣ у Убри, знавшіе о причинѣ моего отъѣзда, вечеромъ собрались у насъ, узнать подроб-

ности, причемъ почтенный Гильденштуббе былъ особенно доволенъ тѣмъ, что предсказалъ этотъ визитъ и нѣсколько разъ повторялъ: „А помните, я говорилъ, что Короли ничего не говорятъ даромъ". Разбирая детали происходившаго, онъ же находилъ, что жена моя сдѣлала непростительную ошибку противъ этикета тѣмъ, что поцѣловала Короля въ голову, когда онъ цѣловалъ ея руку. Это до такой степени казалось ему важнымъ, что онъ упрекалъ себя зачѣмъ заранѣе не предупредилъ жену мою: „qu'on ne baise pas des têtes couronnées" (Что коронованныхъ головъ не цѣлуютъ).

Въ 11 часовъ всѣ составлявшіе русскую депутацію отправились на желѣзную дорогу. При дальнѣйшемъ путешествіи обѣ мои дамы отличились. Подъѣзжая къ Бромбергу, гдѣ слѣдовало пересѣсть на поѣздъ, идущій въ Варшаву, я предупредилъ ихъ, чтобы онѣ сами позаботились о бывшихъ при нихъ вещахъ, потому-что буду занятъ передачей на другой путь нашего багажа. Исполнивъ это, прихожу въ вокзалъ и вижу моихъ дамъ благодушествующими за кофеемъ. Выпивъ наскоро свой стаканъ, я пошелъ хлопотать объ отдѣльномъ купе и, получивъ его, жду дамъ у вагона. Второй звонокъ—ихъ нѣтъ; проходитъ еще 2—3 минуты—ихъ и не видно на длинной галлереѣ дебаркадера. Оберъ кондукторъ объявляетъ мнѣ, что болѣе минуты послѣ третьяго звонка онъ ждать не можетъ; раздается этотъ звонокъ, и только тогда мои спутницы показываются изъ какой-то двери. На мой крикъ онѣ побѣжали и мнѣ, уже во время свистка, пришлось подсаживать ихъ на высокія ступеньки вагона. Отпышавшись, минуты черезъ 3, одна изъ нихъ спрашиваетъ: „А гдѣ мой зонтикъ и пальто?"—Другая, оглядывая вагонъ, говоритъ: „Гдѣ же мой мѣшокъ и пледъ?" Все это, несмотря на мое предвареніе, онѣ оставили въ вагонѣ берлинскаго поѣзда, который давнымъ-давно ушелъ въ Кенигсбергъ. Начались оханья, аханья, вопросы—что дѣлать? Изъ Торна я телеграфировалъ начальнику Кенигсбергской станціи, и тотъ отвѣтилъ, что никакихъ вещей не оказалось. Не оказалось же ихъ, какъ выяснилось потомъ, потому, что ѣхавшій съ нами въ вагонѣ Гильденштуббе, замѣтя оставленныя вещи, сдалъ ихъ начальнику одной изъ промежуточныхъ станцій. Благодаря нѣмецкой аккуратности и содѣйствію военнаго агента Верди, все забытое было потомъ возвращено черезъ таможню, по принадлежности.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

1863—1865.

Предложеніе новыхъ назначеній.—Противодѣйствіе террору.—Мѣры новаго оберъ-полиціймейстера.—Генералъ говорунъ.—Возрожденіе общественной жизни.—Почему гвардейскій отрядъ остался въ Варшавѣ.—Путанница изъ за назначеній.—Поѣздка въ Петербургъ.—Паны дерутся, а у хлоповъ чупы болятъ.—Нѣсколько словъ о графѣ Бергѣ.—Таинственное убійство.

Послѣдовавшее во время моего отсутствія назначеніе новаго намѣстника и покушеніе на его жизнь были причиною, что, по возвращеніи въ Варшаву, мы нашли всѣхъ въ какомъ-то возбужденномъ состояніи. На дебаркадерѣ встрѣтилъ меня полковой адъютантъ Таубе, съ словами, что начальникъ дивизіи, баронъ Меллеръ-Закомельскій, проситъ меня прямо съ желѣзной дороги, какъ есть, заѣхать къ нему. Зачѣмъ такая экстренность, думаю я, когда въ полку все хорошо и благополучно, но ѣду.

— У меня есть вамъ предложеніе отъ намѣстника, говоритъ мнѣ баронъ. Не желаете-ли принять Литовскій полкъ?

— А что же съ Фуругельмомъ? спрашиваю я.

— Да ничего особеннаго, но слишкомъ замудрилъ, не понялъ духа полка и своимъ педантизмомъ до того раздражилъ общество, что приходится убрать его. Полкъ, вы сами знаете, превосходный.

— Несомнѣнно, прекрасный полкъ,—говорю я; но согласитесь, что для меня нѣтъ никакихъ причинъ мѣнять мой полкъ, на другой, въ той же дивизіи. Я четвертый годъ командую имъ, всѣ меня знаютъ и я всѣхъ, всѣ привыкли къ моимъ взглядамъ и требованіямъ.

— Ручаюсь, что тамъ васъ примутъ съ радостью и полюбятъ не меньше тѣмъ въ Прусскомъ полку.

— Богъ знаетъ. Но вѣдь отъ хорошаго хорошаго не ищутъ.

— Значитъ, вы отказываетесь?

— Отказываться не смѣю,—это мое служебное правило, но просилъ бы оставить меня на мѣстѣ, тѣмъ болѣе, что годъ назадъ, по тѣмъ же причинамъ, я отказался отъ Волынскаго полка, и было бы неловко принимать другой.

— Но кого же выбрать, вѣдь вы старшій?

— Предложите командиру Австрійскаго полка Каталею; онъ, бывши дивизіоннымъ адъютантомъ, числился въ Литовскомъ полку,—ему это дѣло подходящее.

— Если это послѣднее ваше слово, то я такъ и доложу главнокомандующему.

По возвращеніи отъ начальника дивизіи, только-что я успѣлъ войти въ кабинетъ, подаютъ конвертъ отъ начальника отряда. Вскрываю,—проситъ меня немедленно прибыть къ нему, по важному, лично меня касающемуся дѣлу. Выходитъ сюрпризъ за сюрпризомъ; переодѣвшись, ѣду и дорогой думаю: „вѣрно Корфъ станетъ говорить о томъ же". Но онъ встрѣтилъ меня такъ.

— Ну, любезнѣйшій, вы никакъ не ожидаете о чемъ я буду говорить съ вами.

— Вѣроятно о томъ же, отвѣчаю я, о чемъ мнѣ только-что сообщилъ начальникъ дивизіи.

— А что такое?

— Что не желаю-ли я принять Литовскій полкъ?

— Нѣтъ,—это уже старо. У насъ теперь, что часъ то новое. Графъ Бергъ предлагаетъ вамъ мѣсто начальника округа внутренней стражи, вмѣсто генерала Ильинскаго.

— Это, признаюсь вамъ, до того для меня ново и неожиданно, что въ настоящую минуту я не могу сказать вамъ ни да, ни нѣтъ.

— Вполнѣ понимаю васъ, продолжаетъ Корфъ, и скажу откровенно, я заявилъ намѣстнику, что едва-ли вы согласитесь смѣнить строевую службу на гарнизонную. Онъ просилъ меня уговорить васъ, но я уговаривать не стану. По всему

видно, что имъ нужно на это мѣсто человѣка дѣятельнаго и распорядительнаго, а у нихъ выборъ-то не великъ.

— Позвольте мнѣ обдумать, навести справки о содержаніи, о квартирѣ и вообще о положеніи окружнаго начальника, и тогда, дня черезъ два, я дамъ положительный отвѣтъ.

— Хорошо; но мой совѣтъ—требуйте прибавки къ содержанію. Въ этихъ случаяхъ необходимо торговаться. Самое лучшее привезите записку, на какихъ условіяхъ вы примете предложеніе, а то на словахъ все обѣщаютъ, а потомъ жди.

На слѣдующій день я послалъ наводить справки, а получивъ ихъ отправился посовѣтываться съ помощникомъ начальника штаба, генераломъ Черницкимъ.

Вхожу къ нему съ словами: „Я къ вамъ, Димитрій Ивановичъ, за совѣтомъ."

— Догадываюсь, батинька, за какимъ,—отвѣчаетъ онъ,—въ гарнизонныя крысы приглашаютъ?..

— Отгадали; дѣло-то вѣдь щекотливое.

— Да и спѣшное, перебиваетъ Черницкій; бумажку-то отъ насъ получили?

— Нѣтъ, не получалъ еще.

— А мы ужъ настрочили. Минквицъ велѣлъ написать, что намѣстникъ ожидаетъ отъ васъ отвѣта на переданное черезъ барона Корфа предложеніе.

— Отчего же такая поспѣшность? спрашиваю я.

— Не догадываетесь? Оттого, что есть уже нюхающіе, нѣтъ-ли мѣстечка.

— А если есть, такъ зачѣмъ же мнѣ и предлагаютъ?

— Да вы развѣ не желаете, отказываетесь?

— Конечно, на то содержаніе, которое получалъ Ильинскій, я не пойду. Вѣдь теперь окружной начальникъ получаетъ менѣе командира гвардейскаго полка, живетъ на наемной квартирѣ, а у меня прекрасный казенный домъ,—какой-же мнѣ расчетъ.

— И не берите. Вы не знаете, что такое эта гарниза? Непріятностей не оберетесь: кляузы, доносы на каждомъ шагу, и мало-ли что тамъ творится.

Возвратясь домой, я немедленно отвѣтилъ на присланную Минквицемъ бумагу, что могу принять предлагаемое мѣсто, только на слѣдущихъ условіяхъ: 1) чтобы мнѣ сохранили по-

лучаемое мною содержаніе, съ прибавкою тѣхъ представительныхъ, которыя полагаются командиру гвардейскаго полка; 2) чтобы я имѣлъ казенную квартиру, не менѣе занимаемой мною теперь, и 3) чтобы мнѣ былъ оставленъ мундиръ полка, которымъ я командую. Черезъ день начальникъ штаба лично передалъ мнѣ, что намѣстникъ не можетъ согласиться на мои условія и потому назначается генералъ Соболевскій, идущій на то же мѣсто безъ всякихъ условій.

Нужно замѣтить, что въ это время, въ военномъ министерствѣ уже было приготовлено къ утвержденію положеніе о преобразованіи внутренней стражи въ мѣстныя войска, которыя получали новые, весьма широкіе штаты, ставившіе ихъ даже выше дѣйствующихъ войскъ. Начальники мѣстныхъ войскъ въ военныхъ округахъ получали права̀ и содержаніе одинаковыя съ начальниками дивизій, имѣли отдѣльные штабы и вообще обстанавливались какъ нельзя лучше. Все это было отъ меня скрыто. Ни баронъ Корфъ, ни Черницкій ни слова не сказали мнѣ, первый—вѣроятно оттого, что первый желалъ удержать меня въ строю, а второй—умолчалъ по приказанію Минквица, которому пріятнѣе было имѣть человѣка болѣе подходящаго, чѣмъ меня, такъ какъ онъ зналъ, что я примусь за дѣло безъ разсчета понравится-ли это или нѣтъ окружному штабу.

Покушеніе на жизнь графа Берга измѣнило взгляды на продѣлки кинжалистовъ и жандармовъ-вѣшателей. Съ домомъ Замойскаго поступлено было довольно круто. На 5-й день послѣ происшествія были еще видны слѣды расправы; въ немъ не осталось ни одной рамы, а по арестованіи жившихъ, все ихъ имущество было выброшено.

Желая показать, что пора однихъ стращаній прошла и что противъ террора надо дѣйствовать тѣмъ-же оружіемъ, черезъ два дня послѣ покушенія, графъ Бергъ приказалъ, въ одинъ и тотъ же день, на 7-ми площадяхъ Варшавы, въ 10 часовъ утра, повѣсить 7 человѣкъ, изъ числа содержавшихся въ цитадели, уличенныхъ въ убійствѣ. Самая казнь была произведена не секретно, гдѣ-нибудь во-рву и не тайкомъ, въ 6 часовъ утра, какъ дѣлалось доселѣ. Эта мѣра сразу положила конецъ тайнымъ убійствамъ. Организаторы ихъ, постепенно попадая въ руки полиціи, сами начали выдавать другъ-друга. Тотъ са-

мый жандармъ-вѣшатель Касперскій, о которомъ говорено въ началѣ IX главы, переодѣтый полиціантомъ, былъ, вмѣстѣ съ настоящимъ жандармомъ, поставленъ на мосту черезъ Вислу, съ обязанностію указывать всѣхъ агентовъ прежней своей профессіи и извѣстныхъ вожаковъ и организаторовъ.

Экспедиціи, происходившія осенью 1863 года, были предпринимаемы не столько противъ шаекъ, которыхъ уже почти не было, сколько для розыска складовъ оружія, зарываемаго разбѣжавшимися бандами въ лѣсахъ. Эти поиски походили на военныя прогулки, во время которыхъ офицерство, какъ всегда молодежь, находило предлоги къ различнымъ продѣлкамъ, въ родѣ слѣдующей. Во время одной изъ дневокъ, приводятъ ко мнѣ взятаго разъѣздомъ человѣка, въ карманахъ котораго нашли множество писемъ и конвертовъ, посланныхъ изъ сосѣдней мызы въ Варшаву, частію для сдачи на почту, частію для разноса по адресамъ. Я приказалъ тремъ знающимъ польскій, французскій и нѣмецкій языки офицерамъ, подъ надзоромъ бывшаго при мнѣ офицера генеральнаго штаба, разобрать эту тайную почту. Надзирающій оказался еще бо̀льшимъ шалуномъ чѣмъ его подчиненные. Нашли они два письма, писанныя гувернанткою: одно въ Швейцарію, настоятельницѣ монастыря, въ которомъ она воспитывалась, а другое—своей пріятельницѣ, тоже гувернанткѣ, въ Варшаву. Первое переполнено было благодареніями за тѣ нравственные и религіозные принципы, которые внушала настоятельница и которыми авторша письма клянется руководствоваться всю жизнь; во второмъ описывается, во всѣхъ деталяхъ, ухаживаніе за нею ея патрона, его соблазнительная наружность, противъ достоинствъ которой она не могла устоять, и полное сознаніе въ своихъ къ нему отношеніяхъ. Повѣсы, разбиравшіе почту, рѣшили, что эти письма не подлежатъ конфискаціи, но что ихъ надо переложить изъ одного конверта въ другой, т. е. писанное настоятельницѣ—отправить къ подругѣ въ Варшаву, а адресованное послѣдней — послать въ Швейцарію. Можно вообразить, что произошло отъ этого съ настоятельницей монастыря.

Не смотря на замѣтный упадокъ революціоннаго духа въ странѣ, возстаніе затихало не сразу. Какъ затушенное пожарище, оно по временамъ вспыхивало то здѣсь, то тамъ. Предзнаменованіемъ предстоявшаго умиротворенія было появленіе

при намѣстникѣ генерала Трепова, съ его проектомъ о военно-полицейскомъ управленіи краемъ. Одни говорили, что онъ былъ вызванъ графомъ Бергомъ, другіе—что онъ самъ явился просить назначенія. Послѣднее менѣе вѣроятно, потому что ищущій и еще не получившій мѣста, не перевозитъ съ собою семьи, а онъ пріѣхалъ съ нею. Вскорѣ по прибытіи, при возвращеніи Ѳ. Ѳ. Трепова съ старшею дочерью изъ церкви, на самой людной „Сенаторской" улицѣ, на него сдѣлано было покушеніе. Трое негодяевъ слѣдили за нимъ, и одинъ изъ нихъ, небольшимъ топоромъ, ударилъ его сзади по головѣ. Ударъ скользнулъ и только слегка ранилъ шею возлѣ уха. Генералъ имѣлъ на столько присутствіе духа, что погнался за преступникомъ, который успѣлъ скрыться черезъ проходной дворъ, но къ вечеру былъ разысканъ и на другой-же день повѣшенъ.

Къ началу наступавшаго 1864 года начали съѣзжаться въ Варшаву сотрудники будущихъ преобразователей и администраторовъ Польши, піонеры того дѣла, которое взяли на себя Н. Милютинъ и князь Черкасскій. Тогда-же по указанію и рекомендаціи Ѳ. Ѳ. Трепова, вызванъ былъ въ Варшаву, бывшій командиръ сначала кіевскаго, а потомъ петербургскаго гарнизоннаго баталіона, молодой полковникъ баронъ Фредериксъ. Появленіе его въ 1-й день Рождества 1864 года въ замкѣ намѣстника и видимо близкое отношеніе къ Трепову, удивило многихъ, но не меня, знавшаго Фредерикса съ давнихъ поръ, по службѣ въ Петербургѣ. Всѣ спрашивали: кто это, зачѣмъ онъ прибылъ, куда назначается? Когда же, черезъ нѣсколько дней, послѣдовалъ приказъ о назначеніи его варшавскимъ оберъ-полиціймейстеромъ, то толкамъ и предположеніямъ не было конца. Одни находили, что на подобную должность слѣдовало назначить человѣка знающаго Польшу, знающаго обычаи и духъ города; другіе осуждали выборъ, говоря, что развѣ гарнизонный командиръ годится на подобное мѣсто; третьи ворчали только потому, что взятъ человѣкъ со стороны, тогда какъ при штабахъ и управленіяхъ не мало торчало охотниковъ, караулящихъ хорошее мѣстечко. Необходимо замѣтить, что Фредериксъ принадлежалъ къ числу тѣхъ гарнизонныхъ командировъ, которыхъ генералъ Лауницъ заманивалъ къ себѣ изъ молодыхъ гвардейскихъ офицеровъ. Вступивъ въ должность оберъ-полиціймейстера, онъ на пер-

выхъ же порахъ, обнаружилъ, кромѣ служебной дѣятельности, не мало свѣтскаго такта и ловкости. Дѣлая визиты всѣмъ занимавшимъ извѣстное положеніе въ русскомъ обществѣ, въ томъ числѣ и командирамъ полковъ гвардейскаго отряда, онъ просилъ насъ помочь ему, въ трудномъ дѣлѣ преобразованія варшавской полиціи. Первою для этого мѣрою онъ считалъ возможно скорѣйшее удаленіе изъ нея всѣхъ поляковъ и замѣну ихъ людьми, выбранными изъ полковъ. Понимая, что главнымъ условіемъ выбора должна быть честность и затѣмъ развитіе, мы охотно дали все, что было лучшаго, не жалѣя даже фельдфебелей и унтеръ-офицеровъ. За тѣмъ новый оберъ-полиціймейстеръ началъ окружать себя людьми лично ему извѣстными, преимущественно изъ бывшихъ своихъ корпусныхъ товарищей, вызывая ихъ въ Варшаву изъ всѣхъ концовъ Россіи. Въ должность полицейскихъ чиновниковъ стали охотно идти къ нему офицеры гвардіи, съ единственнымъ условіемъ оставаться въ мундирѣ своего полка и съ правомъ возвратиться въ него во всякое время. Обставя себя такимъ образомъ и имѣя постоянную поддержку въ единственномъ своемъ начальникѣ Треповѣ, вскорѣ назначенномъ генералъ-полиціймейстеромъ царства, Фредериксъ началъ круто вводить въ городѣ наружный и внутренній порядокъ. Первое, конечно, было легче втораго. Не проходило недѣли, чтобы обновленная полиція не дѣлала какого-либо серьезнаго открытія: то ловили важнаго политическаго преступника, то открывали тайную типографію, то перехватывали ѣдущаго изъ-заграницы эммисара. Прекратились убійства, прекратилось появленіе прокламацій. Нарушенія постановленій генералъ-полиціймейстера, или распоряженій полиціи, преслѣдовались строго и моментально. Не заперта въ указанное время калитка, не передѣлана на русскій языкъ надпись вывѣски, вышелъ кто-либо на улицу въ траурѣ, или имѣлъ на себѣ запрещенные эмблематическіе знаки, въ родѣ польскаго орла, или сломаннаго креста,—за все это налагались чувствительные денежные штрафы, доходившіе иногда, смотря по состоянію и образу жизни виновныхъ, до значительныхъ размѣровъ. При этомъ не дѣлалось ни малѣйшихъ исключеній, ни для вельможныхъ пановъ, ни для еврейскихъ банкировъ. О всѣхъ денежныхъ взысканіяхъ еженедѣльно печатались въ приказахъ по полиціи подробныя вѣдомости, а

лучаемое мною содержаніе, съ прибавкою тѣхъ представительныхъ, которыя полагаются командиру гвардейскаго полка; 2) чтобы я имѣлъ казенную квартиру, не менѣе занимаемой мною теперь, и 3) чтобы мнѣ былъ оставленъ мундиръ полка, которымъ я командую. Черезъ день начальникъ штаба лично передалъ мнѣ, что намѣстникъ не можетъ согласиться на мои условія и потому назначается генералъ Соболевскій, идущій на то же мѣсто безъ всякихъ условій.

Нужно замѣтить, что въ это время, въ военномъ министерствѣ уже было приготовлено къ утвержденію положеніе о преобразованіи внутренней стражи въ мѣстныя войска, которыя получали новые, весьма широкіе штаты, ставившіе ихъ даже выше дѣйствующихъ войскъ. Начальники мѣстныхъ войскъ въ военныхъ округахъ получали права̀ и содержаніе одинаковыя съ начальниками дивизій, имѣли отдѣльные штабы и вообще обстанавливались какъ нельзя лучше. Все это было отъ меня скрыто. Ни баронъ Корфъ, ни Черницкій ни слова не сказали мнѣ, первый—вѣроятно оттого, что первый желалъ удержать меня въ строю, а второй—умолчалъ по приказанію Минквица, которому пріятнѣе было имѣть человѣка болѣе подходящаго, чѣмъ меня, такъ какъ онъ зналъ, что я примусь за дѣло безъ разсчета понравится-ли это или нѣтъ окружному штабу.

Покушеніе на жизнь графа Берга измѣнило взгляды на продѣлки кинжалистовъ и жандармовъ-вѣшателей. Съ домомъ Замойскаго поступлено было довольно круто. На 5-й день послѣ происшествія были еще видны слѣды расправы; въ немъ не осталось ни одной рамы, а по арестованіи жившихъ, все ихъ имущество было выброшено.

Желая показать, что пора однихъ стращаній прошла и что противъ террора надо дѣйствовать тѣмъ-же оружіемъ, черезъ два дня послѣ покушенія, графъ Бергъ приказалъ, въ одинъ и тотъ же день, на 7-ми площадяхъ Варшавы, въ 10 часовъ утра, повѣсить 7 человѣкъ, изъ числа содержавшихся въ цитадели, уличенныхъ въ убійствѣ. Самая казнь была произведена не секретно, гдѣ-нибудь во-рву и не тайкомъ, въ 6 часовъ утра, какъ дѣлалось доселѣ. Эта мѣра сразу положила конецъ тайнымъ убійствамъ. Организаторы ихъ, постепенно попадая въ руки полиціи, сами начали выдавать другъ-друга. Тотъ са-

мый жандармъ-вѣшатель Касперскій, о которомъ говорено въ началѣ IX главы, переодѣтый поліціантомъ, былъ, вмѣстѣ съ настоящимъ жандармомъ, поставленъ на мосту черезъ Вислу, съ обязанностію указывать всѣхъ агентовъ прежней своей профессіи и извѣстныхъ вожаковъ и организаторовъ.

Экспедиціи, происходившія осенью 1863 года, были предпринимаемы не столько противъ шаекъ, которыхъ уже почти не было, сколько для розыска складовъ оружія, зарываемаго разбѣжавшимися бандами въ лѣсахъ. Эти поиски походили на военныя прогулки, во время которыхъ офицерство, какъ всегда молодежь, находило предлоги къ различнымъ продѣлкамъ, въ родѣ слѣдующей. Во время одной изъ дневокъ, приводятъ ко мнѣ взятаго разъѣздомъ человѣка, въ карманахъ котораго нашли множество писемъ и конвертовъ, посланныхъ изъ сосѣдней мызы въ Варшаву, частію для сдачи на почту, частію для разноса по адресамъ. Я приказалъ тремъ знающимъ польскій, французскій и нѣмецкій языки офицерамъ, подъ надзоромъ бывшаго при мнѣ офицера генеральнаго штаба, разобрать эту тайную почту. Надзирающій оказался еще бо̀льшимъ шалуномъ чѣмъ его подчиненные. Нашли они два письма, писанныя гувернанткою: одно въ Швейцарію, настоятельницѣ монастыря, въ которомъ она воспитывалась, а другое—своей пріятельницѣ, тоже гувернанткѣ, въ Варшаву. Первое переполнено было благодареніями за тѣ нравственные и религіозные принципы, которые внушала настоятельница и которыми авторша письма клянется руководствоваться всю жизнь; во второмъ описывается, во всѣхъ деталяхъ, ухаживаніе за нею ея патрона, его соблазнительная наружность, противъ достоинствъ которой она не могла устоять, и полное сознаніе въ своихъ къ нему отношеніяхъ. Повѣсы, разбиравшіе почту, рѣшили, что эти письма не подлежатъ конфискаціи, но что ихъ надо переложить изъ одного конверта въ другой, т. е. писанное настоятельницѣ—отправить къ подругѣ въ Варшаву, а адресованное послѣдней — послать въ Швейцарію. Можно вообразить, что произошло отъ этого съ настоятельницей монастыря.

Не смотря на замѣтный упадокъ революціоннаго духа въ странѣ, возстаніе затихало не сразу. Какъ затушенное пожарище, оно по временамъ вспыхивало то здѣсь, то тамъ. Предзнаменованіемъ предстоявшаго [illegible]творенія было появленіе

*

при намѣстникѣ генерала Трепова, съ его проектомъ о военно-полицейскомъ управленіи краемъ. Одни говорили, что онъ былъ вызванъ графомъ Бергомъ, другіе—что онъ самъ явился просить назначенія. Послѣднее менѣе вѣроятно, потому что ищущій и еще не получившій мѣста, не перевозитъ съ собою семьи, а онъ пріѣхалъ съ нею. Вскорѣ по прибытіи, при возвращеніи Ѳ. Ѳ. Трепова съ старшею дочерью изъ церкви, на самой людной „Сенаторской" улицѣ, на него сдѣлано было покушеніе. Трое негодяевъ слѣдили за нимъ, и одинъ изъ нихъ, небольшимъ топоромъ, ударилъ его сзади по головѣ. Ударъ скользнулъ и только слегка ранилъ шею возлѣ уха. Генералъ имѣлъ на столько присутствіе духа, что погнался за преступникомъ, который успѣлъ скрыться черезъ проходной дворъ, но къ вечеру былъ разысканъ и на другой-же день повѣшенъ.

Къ началу наступавшаго 1864 года начали съѣзжаться въ Варшаву сотрудники будущихъ преобразователей и администраторовъ Польши, піонеры того дѣла, которое взяли на себя Н. Милютинъ и князь Черкасскій. Тогда-же по указанію и рекомендаціи Ѳ. Ѳ. Трепова, вызванъ былъ въ Варшаву, бывшій командиръ сначала кіевскаго, а потомъ петербургскаго гарнизоннаго баталіона, молодой полковникъ баронъ Фредериксъ. Появленіе его въ 1-й день Рождества 1864 года въ замкѣ намѣстника и видимо близкое отношеніе къ Трепову, удивило многихъ, но не меня, знавшаго Фредерикса съ давнихъ поръ, по службѣ въ Петербургѣ. Всѣ спрашивали: кто это, зачѣмъ онъ прибылъ, куда назначается? Когда же, черезъ нѣсколько дней, послѣдовалъ приказъ о назначеніи его варшавскимъ оберъ-полиціймейстеромъ, то толкамъ и предположеніямъ не было конца. Одни находили, что на подобную должность слѣдовало назначить человѣка знающаго Польшу, знающаго обычаи и духъ города; другіе осуждали выборъ, говоря, что развѣ гарнизонный командиръ годится на подобное мѣсто; третьи ворчали только потому, что взятъ человѣкъ со стороны, тогда какъ при штабахъ и управленіяхъ не мало торчало охотниковъ, караулящихъ хорошее мѣстечко. Необходимо замѣтить, что Фредериксъ принадлежалъ къ числу тѣхъ гарнизонныхъ командировъ, которыхъ генералъ Лауницъ заманивалъ къ себѣ изъ молодыхъ гвардейскихъ офицеровъ. Вступивъ въ должность оберъ-полиціймейстера, онъ на пер-

выхъ же порахъ, обнаружилъ, кромѣ служебной дѣятельности, не мало свѣтскаго такта и ловкости. Дѣлая визиты всѣмъ занимавшимъ извѣстное положеніе въ русскомъ обществѣ, въ томъ числѣ и командирамъ полковъ гвардейскаго отряда, онъ просилъ насъ помочь ему, въ трудномъ дѣлѣ преобразованія варшавской полиціи. Первою для этого мѣрою онъ считалъ возможно скорѣйшее удаленіе изъ нея всѣхъ поляковъ и замѣну ихъ людьми, выбранными изъ полковъ. Понимая, что главнымъ условіемъ выбора должна быть честность и затѣмъ развитіе, мы охотно дали все, что было лучшаго, не жалѣя даже фельдфебелей и унтеръ-офицеровъ. За тѣмъ новый оберъ-полиціймейстеръ началъ окружать себя людьми лично ему извѣстными, преимущественно изъ бывшихъ своихъ корпусныхъ товарищей, вызывая ихъ въ Варшаву изъ всѣхъ концовъ Россіи. Въ должность полицейскихъ чиновниковъ стали охотно идти къ нему офицеры гвардіи, съ единственнымъ условіемъ оставаться въ мундирѣ своего полка и съ правомъ возвратиться въ него во всякое время. Обставя себя такимъ образомъ и имѣя постоянную поддержку въ единственномъ своемъ начальникѣ Треповѣ, вскорѣ назначенномъ генералъ-полиціймейстеромъ царства, Фредериксъ началъ круто вводить въ городѣ наружный и внутренній порядокъ. Первое, конечно, было легче втораго. Не проходило недѣли, чтобы обновленная полиція не дѣлала какого-либо серьезнаго открытія: то ловили важнаго политическаго преступника, то открывали тайную типографію, то перехватывали ѣдущаго изъ-заграницы эммисара. Прекратились убійства, прекратилось появленіе прокламацій. Нарушенія постановленій генералъ-полиціймейстера, или распоряженій полиціи, преслѣдовались строго и моментально. Не заперта въ указанное время калитка, не передѣлана на русскій языкъ надпись вывѣски, вышелъ кто-либо на улицу въ траурѣ, или имѣлъ на себѣ запрещенные эмблематическіе знаки, въ родѣ польскаго орла, или сломаннаго креста,—за все это налагались чувствительные денежные штрафы, доходившіе иногда, смотря по состоянію и образу жизни виновныхъ, до значительныхъ размѣровъ. При этомъ не дѣлалось ни малѣйшихъ исключеній, ни для вельможныхъ пановъ, ни для еврейскихъ банкировъ. О всѣхъ денежныхъ взысканіяхъ еженедѣльно печатались въ приказахъ по полиціи подробныя вѣдомости, а

собранная штрафная сумма поступала на усиленіе полицейскаго надзора.

Переводъ вывѣсокъ съ польскаго на русскій языкъ порождалъ презабавные курьезы. Напримѣръ, вывѣска надъ какимъ-то гаденькимъ ресторономъ, гласившая, что въ немъ приготовляютъ кушанье „фляги господарски", т. е. рубцы, была переведена такъ: „здѣсь хозяйскія внутренности". Въ другомъ мѣстѣ, надъ конторою для справокъ о гувернанткахъ, красовалась вывѣска: „Контора строченія гувернантокъ". Потомъ было дознано, что такіе переводы не всегда дѣлались по незнанію русскаго языка, а нарочно, чтобы дразнить полицію. Русская пословица: „не бей кнутомъ, а бей рублемъ" вполнѣ оправдалась. Поупрямились поляки полгода, а затѣмъ увидѣли, что лучше подчиниться тому, что приказано, чѣмъ платить за свои выходки. Не мало были благодарны новому оберъ-полиціймейстеру и русскія дамы. До его назначенія онѣ терпѣли постоянныя непріятности въ польскихъ магазинахъ, гдѣ съ заговорившей по русски покупательницы или запрашивали неслыханную цѣну, или нарочно подсовывали дурной товаръ, а при возраженіи говорили дерзости. Былъ, напримѣръ, случай, что модистка, основываясь на томъ, что о цѣнѣ не было сдѣлано условія и что работа заказана къ сроку, за работу платья изъ данной ей матеріи, безъ всякаго приклада, потребовала 80 рублей. Нѣсколько наложенныхъ за подобные счета штрафовъ, въ двойномъ размѣрѣ того, что по рѣшенію экспертизы было приписано лишняго, положили конецъ подобнымъ продѣлкамъ.

Дѣятельностъ Фредерикса вскорѣ была оцѣнена и начальствомъ и обществомъ. Онъ представлялъ одинъ изъ рѣдкихъ примѣровъ поразительно быстраго повышенія и полученія наградъ. Прибывъ въ Варшаву молодымъ полковникомъ, съ Анной въ петличкѣ, онъ черезъ три мѣсяца получилъ прямо Владиміра на шею и въ томъ же году произведенъ въ генералы и взятъ въ свиту. Кромѣ заслугъ передъ обществомъ по оффиціальной своей дѣятельности, его любили еще и за то, что онъ никогда не отказывался быть участникомъ общественныхъ удовольствій: обѣдовъ, пикниковъ и гуляній и, несмотря на массу служебныхъ занятій, часто самъ становился во главѣ подобныхъ предпріятій. По поводу даваемыхъ имъ иногда ве-

черовъ и обѣдовъ, не могу не вспомнить случая, характеризовавшаго личность одного изъ состоявшихъ при графѣ Бергѣ господъ. Кто изъ современниковъ описываемаго періода не зналъ, извѣстнаго и въ Петербургѣ и въ Варшавѣ, Петра Семеновича Лебедева, когда-то редактора „Русскаго Инвалида“, потомъ профессора администраціи въ военной академіи, перешедшаго изъ Вильны отъ Муравьева въ Варшаву, по особымъ порученіямъ къ графу Бергу. Давалъ Фредериксъ обѣдъ, по случаю своего производства. Приглашены были всѣ генералы, находившіеся въ Варшавѣ, въ томъ числѣ и Лебедевъ, до страсти любившій говорить спичи. Въ этомъ отношеніи онъ былъ неподражаемъ и могъ говорить сколько угодно и о чемъ угодно, и говорить красно и забавно, но безъ всякаго внутренняго содержанія. Наканунѣ назначеннаго для обѣда дня, онъ, вечеромъ, влетаетъ при мнѣ въ кабинетъ Фредерикса и проситъ его не сердиться, что завтра, при тостѣ за здоровье графа Берга, онъ ни слова не скажетъ въ его пользу.

— Да я вовсе и не желаю, чтобы говорились какія либо рѣчи, отвѣтилъ Фредериксъ.

— Я потому предупреждаю васъ, продолжалъ съ нѣкоторымъ раздраженіемъ Лебедевъ,—что Бергъ сдѣлалъ со мною гадость. Зачѣмъ онъ вызвалъ меня изъ Вильны, зачѣмъ даетъ мнѣ массу работы, зачѣмъ поручаетъ самыя трудныя слѣдствія? и за все это какая же благодарность? Развѣ онъ не могъ представить меня къ наградѣ? Многіе получили, а я ничего. Послѣ этого у меня языкъ не повернется восхвалять его.

— Успокойтесь, любезнѣйшій; вѣрьте, что я буду очень радъ, если у меня никого не будутъ ни хвалить, ни бранить. Пріѣзжайте въ числѣ прочихъ друзей и сослуживцевъ откушать, а больше ни о чемъ не безпокойтесь.

— Хорошо, что Бергъ боленъ; но если бы онъ былъ у васъ, то откровенно скажу, что я бы не пріѣхалъ, чтобы не встрѣчаться съ нимъ.

На слѣдующій день, когда розлили шампанское, кто-то изъ сидѣвшихъ возлѣ князя Бебутова, обращается къ нему, какъ къ старшему изъ присутствовавшихъ, и напоминаетъ, что пора провозгласить тостъ за намѣстника. Бебутовъ встаетъ, провозглашая своимъ армянскимъ нарѣчіемъ: „За здоровье главнокомандующаго“ и сряду прибавляетъ: „Ну, Лебедевъ, ты, братъ

мастеръ, валяй дальше". Лебедевъ, ни мало не затрудняясь, начинаетъ такъ:

„Господа! Когда при Елизаветѣ Петровнѣ наша отступавшая армія бѣдствовала и голодала въ Литвѣ, и Императрицѣ доложили объ этомъ, то она спросила: „а что Каменскій"? Узнавъ, что онъ здоровъ, она, прибавила: „все будетъ хорошо, лишь бы былъ здоровъ главнокомандующій". А такъ какъ въ настоящую минуту нашъ глубокопочитаемый главнокомандующій боленъ, то..." и пустился высчитывать достоинства и заслуги графа Берга, а кончилъ желаніемъ ему скораго выздоровленія. Мы съ Фредериксомъ переглянулись и только пожали плечами. Былъ ли боленъ Каменскій, говорила ли что либо о немъ Императрица Елизавета,—все это никому не извѣстно, но Лебедеву это рѣшительно все равно, лишь бы было къ чему придраться для темы.

Вспомнивъ о немъ, не могу не привести другаго случая его смѣлыхъ ораторскихъ выходокъ. Въ 1853 году, передъ началомъ войны съ турками, Лебедевъ читалъ въ гвардейскомъ штабѣ лекцію объ Аустерлицкомъ сраженіи. Въ числѣ слушателей былъ Государь Цесаревичъ и многіе заслуженные генералы. Описывая расположеніе войскъ передъ боемъ, Лебедевъ говоритъ: „До сихъ поръ никто не приводилъ факта, чтобы князь Кутузовъ, подобно другимъ военачальникамъ, обращался къ войскамъ передъ боемъ съ рѣчью, чего онъ не сдѣлалъ даже передъ Бородинымъ. Но мнѣ удалось найти документъ, указывающій, что передъ Аустерлицкимъ сраженіемъ, Кутузовъ, подъѣхавъ къ Низовскому и Симбирскому полкамъ, сказалъ имъ: ...." далѣе лекторъ говоритъ довольно длинную рѣчь. По окончаніи лекціи раздается громкій аплодисментъ, многіе изъ почетныхъ слушателей спѣшатъ пожать руку торжествующему оратору. Вдругъ изъ заднихъ рядовъ кто-то громко спрашиваетъ:

— Скажи пожалуйста, Петръ Семеновичъ, кто же у кого укралъ рѣчь, Кутузовъ у Омеръ-паши, или Омеръ-паша у Кутузова?

Вопросъ этотъ задалъ товарищъ Лебедева по корпусу и по мундиру генеральнаго штаба, капитанъ Талызинъ.

— Ты всегда съ неумѣстными шутками, проговорилъ лекторъ, среди общей тишины и торопясь сойти съ кафедры.

— Нѣтъ, дай кончить, говоритъ Талызинъ и продолжаетъ, обратясь уже къ остановившейся публикѣ. Во-первыхъ, ни одного изъ названныхъ полковъ подъ Аустерлицомъ не было, а во-вторыхъ—приведенная рѣчь была вчера мною слово въ слово прочитана во французской газетѣ, гдѣ сказано, что ее говорилъ Омеръ-паша турецкимъ войскамъ, стянутымъ къ Дунаю, а онъ увѣряетъ, что ее говорилъ Кутузовъ.

Послѣдняго Лебедевъ уже не слыхалъ, потому что успѣлъ проскользнуть въ ближайшую дверь.

Если вспоминать всѣ подобныя продѣлки знаменитаго говоруна, то можно бы было написать цѣлые томы. Достаточно сказать, что однажды, между Лебедевымъ и другимъ профессоромъ, такимъ же говоруномъ, какъ-то состоялось пари о томъ, кто долѣе проговоритъ на заданную тему. Первому назначено было говорить о чернильницѣ, второму о перѣ. Послѣ полутора-часоваго говоренья, Лебедевъ не дошелъ еще до чернилъ; тогда конкурентъ его, признавъ себя побѣжденнымъ, отказался отъ состязанія.

Къ числу курьезныхъ эпизодовъ жизни нашей въ Варшавѣ принадлежитъ балъ, данный отъ города намѣстнику, на 1-е января 1864 года. Онъ былъ устроенъ по инціативѣ бывшаго въ то время президента города, генерала Витковскаго. Цѣль этой затѣи состояла въ желаніи показать, будто жители Варшавы, по случаю умиротворенія города и всего края, которое въ сущности далеко еще не было достигнуто, раскаяваются во всемъ прошломъ и выражаютъ свою покорность правительству. Неблаговиднѣе всего было то, что этотъ балъ устраивался по подпискѣ, собираемой со всѣхъ жителей безъ разбора, такъ что всякій еврей имѣлъ право внести 3 рубля и везти своихъ цурокъ. Само собою разумѣется, что интелегентная часть польскаго населенія, хотя и вносила плату, но уклонялась отъ личнаго участія, подъ разными предлогами, такъ что исключительный контингентъ публики, за исключеніемъ русскихъ, составляли: мастеровые, ремесленники и купцы. За недѣлю до бала въ русскомъ обществѣ много толковали— ѣхать ли на этотъ балъ или не ѣхать? Но въ виду политической подкладки дѣла, лицамъ, занимавшимъ оффиціальное положеніе, нельзя было манкировать, тѣмъ болѣе, что само начальство заявило объ этомъ. Помню, что баронъ П. И. Корфъ,

узнавъ, будто нѣкоторыя военныя дамы уклоняются отъ бала, пріѣхалъ къ намъ уговаривать всѣхъ быть на немъ.

Прежде тѣмъ говорить о томъ, что происходило въ этотъ вечеръ, замѣчу, что балъ состоялся въ намѣстниковскомъ палацѣ, гдѣ жилъ Витковскій. Тамъ же, какъ и въ другихъ казенныхъ зданіяхъ, въ виду предупрежденія поджоговъ, была помѣщена рота моего полка. Въ день бала, часу въ 8 вечера, является ко мнѣ дежурный офицеръ съ докладомъ, что намѣстниковскій палацъ горитъ. Оказалось, что не смотря на охрану, злоумышленники, несомнѣнно изъ числа чиновниковъ магистрата, успѣли облить деревянную лѣстницу одного изъ флигелей керосиномъ и поджечь ее. Къ счастію огонь былъ вскорѣ замѣченъ однимъ изъ унтеръ-офицеровъ роты и пожаръ потушили въ самомъ началѣ. Страшно и подумать, чтобы произошло, еслибы то же самое успѣли сдѣлать съ парадною лѣстницею главнаго зданія во время бала.

Когда я съ женою вошелъ въ ярко освѣщенныя залы, то они уже были полны такой публикой, которой, конечно, никто изъ насъ не встрѣчалъ, не только на балахъ даваемыхъ въ честь представителей власти, но гдѣ бы ни было. Тутъ были личности, у которыхъ наши кухарки покупали провизію, портные — шившіе наши мундиры, каретники—чинившіе наши экипажи, евреи съ своими женами, сидѣвшими вдоль стѣнъ, въ своихъ разноцвѣтныхъ парикахъ,—однимъ словомъ всевозможный сбродъ, въ перемежку съ тѣми офицерами и семействами русскихъ, которые явились потому, что балъ давался въ честь намѣстника, да еще съ цѣлью выраженія, хотя и мнимой, но все-таки выставляемой преданности правительству. Вслѣдствіе полученнаго президентомъ свѣдѣнія, что гр. Бергъ прибудетъ только къ 12 часамъ, танцы начались ранѣе его пріѣзда. Какъ ни остерегались наши дамы отъ приглашеній кавалерами, смахивающими на лавочниковъ, все-таки, въ силу того, что надо было дѣлать видъ будто вѣрятъ въ ихъ примиреніе, имъ приходилось танцовать и съ ними.

Около 12 часовъ, въ аванзалѣ собрались лица назначенныя для встрѣчи намѣстника. Впереди нихъ стоялъ президентъ съ адресомъ отъ города. Интересуясь взглянуть на эту церемонію, я пробрался туда же и былъ удивленъ, что позади Витковскаго, кромѣ десятка пожилыхъ людей, знакомыхъ всѣмъ намъ кон-

дитеровъ, парикмахеровъ и содержателей ресторановъ, стоитъ масса видныхъ кавалеровъ, въ совершенно одинаковыхъ фракамъ и бѣлыхъ галстукахъ.

— Откуда явилось столько польской молодежи? спросилъ я стоявшаго возлѣ меня Фредерикса.

— Хороша польская!—отвѣтилъ онъ. Изъ за этихъ чучелъ я три дня хлопоталъ, чтобы одѣть ихъ франтами.

Оказалось, что это были передѣтые агенты и полиціанты, наряженные для увеличенія свиты Витковскаго и для охраны властей.

Графъ Бергъ вошелъ въ сопровожденіи двухъ флигель-адъютантовъ, какъ-бы представителей того, кому устроители бала хотѣли показать, что Варшава покойна и Польша усмирена. Выслушавъ рѣчь, сказанную Витковскимъ по французски и адресъ на томъ же языкѣ, намѣстникъ появился въ большомъ залѣ, гдѣ пробылъ полчаса, смотря на танцы, а съ хоръ на нихъ же смотрѣли солдаты въ амуниціи, готовые, по первому знаку, очистить зданіе отъ публики.

Теперь, по прошествіи 24 лѣтъ отъ описываемаго эпизода, невольно рождается вопросъ: кого хотѣли обмануть эти господа подобнымъ баломъ? Въ Польшѣ всѣ знали, что все это дѣлается въ надеждѣ убѣдить Петербургъ въ усмиреніи края, но трудно вообразить, чтобы и тамъ вѣрили подобной комедіи.

Черезъ нѣсколько дней, послѣ столь курьезнаго бала, составленная Витковскимъ депутація, явилась благодарить намѣстника за посѣщеніе, причемъ просила графа Берга разрѣшить городу отблагодарить своего президента, за его труды по водворенію порядка и заботы о населеніи. Благодарность эта должна была выразиться въ подаркѣ президенту городской земли, находившейся на Прагѣ, на берегу Вислы, влѣво отъ новаго моста. Въ то время эта земля не давала никакого дохода, такъ какъ состояла изъ песчанной, часто заливаемой полосы, покрытой ямами, изъ которыхъ брали песокъ и глину. Но Витковскій смотрѣлъ далеко впередъ. Сначала онъ, въ видѣ одолженія городу, разрѣшилъ свозить на подаренную ему землю всякія нечистоты и мусоръ. Черезъ это въ одинъ годъ ямы были зарыты, грунтъ поднялся и удобренъ. Когда же на границѣ отмежеваннаго президенту участка, начали строить казармы мѣстныхъ войскъ и потомъ православный соборъ, то

онъ предложилъ обратить прилегающій берегъ Вислы въ городской паркъ. Это украсило-бы,—говорилось въ представленномъ проектѣ, лежащій противъ замка берегъ рѣки и дало бы жителямъ разростающагося предмѣстья возможность, въ лѣтнее время, пользоваться тѣнистыми аллеями новаго парка. Но чтобы осуществить столь полезное предложеніе, городу надо было купить подъ паркъ землю, а какъ она уже принадлежала Витковскому, то онъ и изъявилъ благосконное согласіе продать изъ нея 30 тысячъ локтей, по существовавшей для Праги справочной цѣнѣ, т. е. по рублю за квадратный локоть [1]).

Наступившій 1865 годъ былъ для русскихъ годомъ возрожденія общественной жизни въ Варшавѣ. Русскій клубъ весною былъ переведенъ въ одинъ изъ конфискованныхъ и передѣланныхъ домовъ Замойскаго, но такъ какъ въ немъ не было залы для баловъ, концертовъ и спектаклей, то рѣшено было пристроить таковую со стороны сада, съ крытою вокругъ нее верандою. Черезъ это клубъ получилъ прекрасное и удобное для всякаго рода общественныхъ удовольствій помѣщеніе. Въ лѣтніе дни центромъ соединенія русскаго общества были: утромъ извѣстный Саксонскій садъ, а по вечерамъ—Швейцарская долина. Въ первомъ, отъ 6 до 9 утра, игралъ оркестръ Левандовскаго, а отъ 2 до 4—одинъ изъ полковыхъ хоровъ. Если я говорю о русскомъ обществѣ, то слѣдуетъ подразумѣвать преимущественно военное и немногихъ изъ варшавскихъ старожиловъ. По вечерамъ всѣ отправлялись въ Швейцарскую долину, находящуюся въ верстѣ отъ города. Путь къ ней идетъ по замѣчательной своими пирамидальными тополями Іерусалимской аллеѣ, по сторонамъ которой уже тогда начинали возводиться, среди садовъ, красивыя дачи. Въ хорошо устроенномъ воксалѣ и въ саду Швейцарской долины по вечерамъ игралъ оркестръ Бильзе, восхищавшій потомъ петербургскую публику въ Павловскѣ, гдѣ это удовольствіе стоитъ рубли, а мы платили всего 30 к. Вообще надо сказать, что при завидныхъ климатическихъ условіяхъ, Варшава мало по малу начала нравиться нашимъ офицерамъ, такъ что они уже переставали сожалѣть о Петербургѣ.

Между тѣмъ вопросъ о возвращеніи гвардіи былъ нѣсколько

---

[1]) Польскій локоть на 3 вершка менѣе аршина

разъ поднимаемъ оффиціально. Почти послѣ каждаго свиданія графа Берга съ Государемъ, намѣстникъ говорилъ намъ, что Его Величество выражалъ ему подобное желаніе; между тѣмъ удержать гвардейскую дивизію при себѣ было постоянною заботою графа Берга; онъ очень ловко велъ это дѣло. Не смѣя прямо возражать Государю, онъ дѣлалъ это косвенно, затягивая дѣло до тѣхъ поръ, покуда въ Петербургѣ привыкли видѣть на парадахъ только двѣ дивизіи, а въ Варшавѣ офицеры перестали желать возвращенія. Однажды, послѣ свиданія съ Государемъ въ Вержболовѣ, графъ пригласилъ полковыхъ командировъ гвардейскаго отряда обѣдать.

— Государь вновь выразилъ желаніе,—сказалъ онъ,—взять ваши полки въ Петербургъ. По этому поводу я посылаю Его Величеству письмо, которое прошу васъ выслушать.

Письмо это начиналось всевозможными похвалами офицерамъ арміи, восхваленіемъ ихъ трудовъ, преданности долгу и Государю, а потомъ сводилось къ тому, что въ Варшавѣ, какъ въ центрѣ польскаго общества и въ городѣ близкомъ къ границѣ, необходимо имѣть такія части и такихъ офицеровъ, которые, кромѣ служебныхъ достоинствъ, не навлекли-бы порицаній за недостатокъ воспитанія, были-бы представительны, поддерживали-бы связи въ обществѣ и которые вселяли-бы, даже враждебному населенію, уваженіе къ мундиру. Однимъ словомъ, расхваливъ офицеровъ арміи въ началѣ письма, по его прочтеніи выходило, что они не вполнѣ пригодны для Варшавы. Нѣсколькими подобными письмами, графъ Бергъ достигъ того, что дѣло возвращенія гвардейскаго отряда откладывалось съ года на годъ, а потомъ и совсѣмъ забыли о немъ.

Гвардейскіе полки были дѣйствительно необходимы намѣстнику, не только для одной представительности, но потому, что онъ извлекалъ изъ нихъ силы и для гражданскаго устройства края. Когда пришлось закрывать католическіе монастыри, какъ притоны фанатизма и противодѣйствія поляковъ законной власти, то многое, что стоявшими близко къ намѣстнику приписывалось себѣ, проектировалось и составлялось прикомандированными къ этимъ господамъ офицерами. Могу напримѣръ назвать поручиковъ моего полка Козина и Глушкова, дѣятельно работавшихъ по закрытію монастырей, за что они не получили и спасиба, тогда какъ тотъ, кто выдавалъ ихъ ра-

боты за свои, былъ осыпанъ наградами. Что-же касается крестьянской реформы, то и въ этомъ дѣлѣ, безъ содѣйствія офицеровъ гг. Милютину и Черкасскому, едва-ли бы удалось найти столько дѣльныхъ комисаровъ, сколько они получили изъ полковъ. Но и въ этомъ случаѣ всѣ заслуги были приписаны гражданскому элементу.

Изъ дѣлъ о лицахъ, участвовавшихъ въ мятежѣ было видно, что главнымъ притономъ революціи служили монастыри, а потому осенью 1864 года рѣшено было занять ихъ войсками. Эта доля выпала по преимуществу на мой полкъ, 6 ротъ котораго были размѣщены по различнымъ монастырямъ Варшавы. Пребываніе въ нихъ какъ офицеровъ, такъ и нижнихъ чиновъ не лишено интереса. Завѣдываніе всѣми расквартированными по монастырямъ частями я поручилъ маіору Полю, котораго офицеры прозвали „кардиналомъ". Впрочемъ и ихъ можно было назвать пріорами, такъ какъ въ ихъ обязанность входило: слѣдить за монахами, знать каждаго въ лицо, наблюдать за ними и за ихъ посѣтителями. Сначала жизнь офицеровъ въ монастыряхъ была незавидна. Святые отцы думали разными шиканами выжить незваныхъ гостей: отвели имъ самыя темныя и сырыя кельи, безъ мебели, не давали освѣщенія и дровъ; но такъ какъ русскій человѣкъ способенъ обжиться гдѣ и съ кѣмъ угодно, то мало-по-малу и здѣсь все обошлось какъ нельзя лучше. Не прошло и мѣсяца, какъ хозяева сошлись со своими постояльцами и посѣщали ихъ. Въ офицерскихъ кельяхъ появилась нетолько приличная мебель, но и фортепіано, и бутылочки „вингжины" изъ монастырскаго погреба. Нижнимъ чинамъ, хорошо оплачивая ихъ трудъ, монахи доставляли работы въ своихъ садахъ и огородахъ.

Идя однажды по Медовой улицѣ, вижу у монастырской калитки нѣсколькихъ солдатъ моего полка.

— Какъ живется, ребята?

— Очень хорошо, ваше превосходительство,—по праздникамъ даже водку отпущаютъ.

— Знаю; а вы все-таки приглядывайте, дѣлайте свое дѣло какъ приказано. Чѣмъ же занимаются ваши хозяева.

— Да то въ костелѣ молятся, то въ саду съ книжками ходятъ, а по утрамъ подъ деревьями плетками хлещутся.

— И больно сѣкутъ себя?

— Никакъ нѣтъ, больше для близиру, чтобъ спина не чесалася,—отвѣчалъ одинъ, а другой прибавилъ:

— Насъ бы попросили, такъ въ другой разъ не захотѣли бы.

Въ монастырѣ капуциновъ былъ монахъ Левчакъ, который до того сблизился съ постояльцами, что солдаты звали его Левчаковъ. Однажды онъ попросилъ ихъ перенести изъ монастырской оранжереи, къ знакомому ксендзу, 40 горшковъ превосходныхъ розъ въ полномъ цвѣту. Команда съ розами вѣроятно встрѣтилась какому-нибудь корреспонденту, который обрадовался случаю напечатать въ иностранныхъ газетахъ, что русскіе солдаты расхищаютъ монастыри, и днемъ, цѣлыми командами, выносятъ изъ оградъ вещи монаховъ.

Закрытіе монастырей, подготовленное ихъ занятіемъ, послѣдовало тайно, въ одну и ту-же ночь во всей Польшѣ. Въ опредѣленный день, когда монахи разошлись спать, поставлены были часовые къ колокольнѣ, у ризницъ и по два у каждой кельи, всѣ выходы заперли, а залы и корридоры освѣтили. По прибытіи въ каждый монастырь лицъ, назначенныхъ совершить актъ закрытія, монаховъ разбудили, велѣли одѣться и собраться въ трапезу. Здѣсь имъ объявили указъ объ упраздненіи монастыря и предложили: или перейти въ одинъ изъ незакрываемыхъ монастырей въ провинціи, или выѣхать за-границу, или наконецъ перечислиться въ первобытное состояніе. Все это совершилось тихо и спокойно, безъ всякаго сопротивленія и волненій въ городѣ.

Лѣто 1865 года было уже проведено нами вполнѣ по мирному. Полки въ полномъ составѣ выступали въ свои лагери, устроенные по близости ихъ казармъ. Занятія представляли болѣе интереса, чѣмъ при разбросанности ротъ: производились полковыя ученья, дѣлались смотры, а въ свободное время всѣ могли пользоваться тѣми общими удовольствіями, которыя всегда бываютъ оживленнѣе при значительныхъ сборахъ войскъ. По возвращеніи изъ лагеря, въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль, я находился въ неопредѣленномъ служебномъ положеніи, вслѣдствіе слѣдующаго. Въ одну изъ субботъ, послѣ обычнаго въ этотъ день обѣда въ клубѣ, подаютъ мнѣ записку отъ дежурнаго адъютанта намѣстника, такого содержанія: „Его сіятельство проситъ васъ немедленно къ себѣ“. Зная, что графъ Бергъ

никогда не претендовалъ на то въ какой формѣ являются къ нему въ экстренныхъ случаяхъ, я отправился, какъ былъ, въ сюртукѣ.

— Войдите сюда, говоритъ мнѣ намѣстникъ, черезъ отворенную дверь кабинета, и даетъ телеграмму отъ военнаго министра, въ которой говорилось, что Государю угодно назначить меня командующимъ 2-ю пѣхотною дивизіею, и спрашивалось нѣтъ-ли на это препятствій?

— Что вы на это скажете? проговорилъ графъ, когда я возвращалъ ему депешу. Я отвѣчалъ, что мнѣ остается только благодарить за это, что дивизія эта старая и боевая, наконецъ что она стоитъ въ Казани, гдѣ, какъ въ университетскомъ городѣ, есть всѣ средства для воспитанія дѣтей, а это для меня весьма важно.

— Во всякомъ случаѣ—продолжалъ намѣстникъ—предлагаю вамъ обдумать. Посовѣтуйтесь съ барономъ Корфомъ, переговорите объ этомъ съ вашею супругою и дайте мнѣ завтра утромъ окончательный отвѣтъ.

Къ Корфу я совѣтоваться не поѣхалъ, а на утро, передъ обѣднею въ замкѣ, отправился къ начальнику дивизіи барону Меллеръ-Закомельскому, заявить ему, что мнѣ вскорѣ предстоитъ сдать полкъ. Порадовавшись за меня, баронъ спросилъ, говорилъ-ли намѣстникъ, кого онъ избираетъ на мое мѣсто? Такъ какъ объ этомъ не было сказано ни слова, то мы начали вмѣстѣ обдумывать, кто-бы могъ быть избранъ въ командиры полка; и когда, въ числѣ прочихъ, я назвалъ полковника Аллера, то на немъ и остановились. По пріѣздѣ въ замокъ, я засталъ тамъ, какъ бывало всегда по воскресеньямъ, въ сборѣ всѣхъ генераловъ и командировъ частей. Дверь въ кабинетъ Берга оставалась запертою; минутъ черезъ 10, графъ выглянувъ изъ нея, громко произнесъ фамилію генерала Черницкаго и мою. Мы вошли.

— Чѣмъ-же вы рѣшили? спрашиваетъ онъ меня.

— Я остаюсь при вчерашнемъ,—было моимъ отвѣтомъ.

— А я имѣю другія соображенія, замѣтилъ главнокомандующій, и, обращаясь къ Черницкому, указалъ ему на лежавшія на столѣ бланки телеграммъ.

— Садитесь и пишите военному министру. Самъ же, съ сложенными за спиною руками, началъ ходить по комнатѣ, дик-

туя: „Желая удержать командира Прусскаго полка въ командуемомъ мною округѣ, прошу назначить его начальникомъ 10 дивизіи, а генерала Глѣбова—въ Казань".

Хотя я тутъ-же поблагодарилъ графа за выраженное въ отношеніи меня желаніе, но сразу понялъ, что оно можетъ не понравиться въ Петербургѣ, а потому, возвратясь домой, тотчасъ-же написалъ письмо министру, въ которомъ, изложивъ какъ все происходило, просилъ его поступить со мною по его усмотрѣнію, независимо отъ заявленій дѣлаемыхъ изъ Варшавы.

Прошла недѣля, проходитъ и другая, наконецъ состоялось нѣсколько назначеній, но о мнѣ ни слова. Между тѣмъ, 30 августа, во время молебствія въ соборѣ, баронъ Корфъ по секрету передалъ мнѣ, что намѣстникъ получилъ отъ министра не совсѣмъ пріятный отвѣтъ, въ такомъ родѣ: „Если генералъ Глѣбовъ не годится въ Варшавѣ, то онъ безполезенъ и въ Казани, представьте его къ отчисленію, тогда командиръ Прусскаго полка будетъ назначенъ на его мѣсто". Вижу я — дѣло не ладно, что еще болѣе подтвердилось, когда пріѣхавшій изъ Петербурга генералъ-адъютантъ Шварцъ передалъ мнѣ, что министръ выразился при немъ такъ: „Видно у васъ, въ Варшавѣ, хорошо командовать полками, что полковые командиры отказываются отъ дивизій". Надо замѣтить, что въ полку и въ городѣ всѣ знали о сдѣланномъ о мнѣ запросѣ, но назначенія не выходило. Это ставило меня въ фальшивое положеніе и передъ подчиненными, и передъ обществомъ, такъ какъ многіе могли думать, что я кѣмъ-либо забракованъ. Чтобы разъяснить дѣло, я хотѣлъ немедленно проситься въ Петербургъ, но какъ на зло, въ началѣ сентября, меня назначили командовать на маневрахъ одною изъ сторонъ, а потому пришлось отложить поѣздку на нѣсколько дней.

Въ послѣдній день маневра произошелъ случай, доказывавшій, до какой степени графъ Бергъ, не смотря на свои 74 года, былъ еще выносливъ и крѣпокъ. По ходу маневра, мнѣ представилась возможность атаковать батарею уланскимъ полкомъ, скрыто поставленнымъ за рощею. На томъ мѣстѣ вспаханнаго поля, гдѣ должна была произойти атака, находился главнокомандующій со свитою. Опасаясь столкновенія съ этою

группою, я послалъ къ нему адъютанта доложить, что сію минуту уланы развернутся изъ-за рощи и пойдутъ въ атаку.

„Очень радъ; мы полюбуемся на нихъ", отвѣчалъ намѣстникъ.

Полкъ на рысяхъ вышелъ изъ-за прикрытія, развернулся и первый дивизіонъ понесся прямо на свиту. Пыль отъ вспаханной земли закрыла поле. Передовые люди раздались, но замыкавшій за эскадрономъ офицеръ, на полномъ карьерѣ, ударилъ грудью своего коня графа Берга въ лѣвую ногу. И офицеръ, и его лошадь полетѣли кубаремъ, а старикъ остался какъ монументъ, до конца маневра не слѣзъ съ лошади, а потомъ имѣлъ еще силы пройти пѣшкомъ версты 4 до заставы. Ушибъ ноги былъ до того силенъ, что на ней образовались кровяные подтеки, которые пришлось разрѣзать, что заставило графа провести цѣлый мѣсяцъ въ постели. Но это нисколько не остановило его занятій: онъ продолжалъ принимать всѣхъ лежа, выслушивалъ доклады, собиралъ у себя коммисіи и проч. На другой день описаннаго случая, прося разрѣшенія ѣхать въ Петербургъ, я засталъ графа въ кровати, подписывавшимъ бумаги. Не сказавъ, конечно, ни слова о полученномъ отъ министра отвѣтѣ, онъ увѣрялъ, что ничего не знаетъ и не понимаетъ, почему такъ замѣшкалось мое назначеніе.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, первымъ дѣломъ моимъ было явиться къ военному министру. Въ то время это происходило проще, чѣмъ впослѣдствіи, когда пріѣзжавшимъ изъ провинціи дѣлалось все труднѣе и труднѣе добиться пріема, и когда можно было видѣть министра только въ извѣстный день недѣли, и, частенько, за отмѣною пріемовъ, ждать мѣсяцъ. Я пріѣхалъ къ министру въ 9 часовъ утра на его квартиру и былъ немедленно принятъ.

— По какому случаю пожаловали? было первымъ его вопросомъ.

— Пріѣхалъ просить васъ разъяснить мое неопредѣленное положеніе.

— Это на счетъ вашего назначенія въ Казань? Признаюсь, до полученія вашего письма, я полагалъ, что вы сами не желаете этого назначенія.

— Я собственно потому и писалъ, чтобы вы поступили въ этомъ дѣлѣ по личному усмотрѣнію.

— За то, что вы до сихъ поръ не назначены, поблагодарите вашего главнокомандующаго. Подъ благовиднымъ предлогомъ, онъ хотѣлъ спустить того, кто ему не нуженъ, другому.

— Но, согласитесь, что я тутъ не причемъ.

— Очень можетъ быть, но и я понимаю, чего хочется графу Бергу. Я настолько былъ къ нему внимателенъ, что когда 10 дивизія шла въ Варшавскій округъ, то писалъ графу, желаетъ-ли онъ, чтобы генералъ Глѣбовъ привелъ ее. Тогда онъ ничего не возражалъ, а теперь думаетъ отъ него отдѣлаться. Теперь же я представилъ вмѣсто васъ Зотова, и такъ какъ онъ генералъ-лейтенантъ, то вы не можете считать себя обойденнымъ. Но если Государю угодно будетъ все-таки назначить васъ, то конечно, такъ и будетъ. Въ противномъ случаѣ вамъ остается ждать.

Отпуская меня, министръ прибавилъ: „Вы хорошо сдѣлали, что пріѣхали; теперь я буду знать, что вы не желаете быть пришитымъ къ варшавскому округу. Передайте отъ меня все, что слышали, графу Бергу и скажите ему, что если онъ непремѣнно желаетъ удержать васъ, то пусть откроетъ вакансію“.

„Паны дерутся, а у холоповъ чубы болятъ“, подумалось мнѣ, выходя отъ министра.

По возвращеніи въ Варшаву, я—конечно въ мягкой формѣ—передалъ намѣстнику все мнѣ сказанное.

— Не спрашивалъ ли васъ министръ о строевомъ образованіи войскъ округа? произнесъ графъ, выслушавъ мой отчетъ о бытности въ Петербургѣ и, получивъ отрицательный отвѣтъ, выразилъ удивленіе, что тамъ такъ мало обращаютъ вниманія на его распоряженія и заботы о войскахъ.

— Я избралъ, продолжалъ онъ,—состоящихъ при мнѣ генерала Фуругельма и полковника Ляхницкаго, лучшихъ строевыхъ офицеровъ Семеновскаго полка, наблюдать за строевою частью и посылаю ихъ провѣрять фронтовое образованіе полковъ. Они даютъ имъ указанія и инструкціи, и я совершенно покоенъ за строевое дѣло въ округѣ.

Оставалось удивляться, какъ графъ Бергъ, при своемъ умѣ, могъ думать, что всякую заднюю мысль можно такъ прозрачно прикрывать увертками, да еще вѣрилъ при этомъ, что онъ

всѣхъ морочитъ и что никому не понятны его цѣли. Кому же не было извѣстно, что Фуругельмъ, хотя человѣкъ и весьма образованный, вовсе не обладаетъ способностью обучать войска. Педантизмъ въ мелочахъ и оригинальное упрямство не составляютъ умѣнья вести строевое дѣло. Когда пришлось взять отъ Фуругельма Литовскій полкъ, графу Бергу хотѣлось показать, что это дѣлается не по необходимости, а потому, что этотъ генералъ ему нуженъ. И вотъ онъ сочиняетъ новую при себѣ должность—повѣряющаго строевыя занятія, и пристраиваетъ къ нему своего зятя, человѣка, нервно разстроеннаго и только что возвратившагося изъ лечебницы въ Вѣнѣ. Эти два довѣренныя лица главнокомандующаго разъѣзжали по округу и производили смотры, которые только тормазили дѣло. Не мало ходило анекдотовъ о ихъ пребываніи въ полковыхъ штабахъ, а между тѣмъ графъ Бергъ повторялъ всѣмъ и каждому, что это были лучшіе фронтовики Семеновскаго полка. Мнѣ, знавшему обоихъ съ прапорщичьяго ихъ чина, однополчанину, оставалось только улыбаться и думать, кого же это онъ обманываетъ?

Вообще графъ Бергъ представлялъ собою какое-то странное соединеніе ума, энергіи, быстроты соображенія, съ фальшивостью и эгоизмомъ. Если человѣкъ былъ ему почему-либо нуженъ, то онъ обворожалъ его своею любезностью и вниманіемъ; но избави Богъ повѣрить этому. Разъ, что нужда проходила, разъ, что изъ этого человѣка было извлечено все, что считалось необходимымъ, онъ выбрасывался какъ лишній, всѣ заслуги его забывались, графъ отворачивался отъ него. Если же попадался сюжетъ, который могъ постоять за себя и съ нимъ приходилось считаться, то, подъ благовиднымъ предлогомъ, его спускали изъ округа, говоря, что это дѣлаютъ съ крайнимъ сожалѣніемъ.

Вскорѣ по возвращеніи изъ Петербурга, въ полку произошелъ прискорбный случай, который, не смотря на все свое значеніе, остался загадочнымъ. Часовъ въ 9 утра входятъ ко мнѣ старшій докторъ и дежурный по полку и докладываютъ, что подпоручикъ Мелехъ оказался въ своей постели мертвымъ. Въ первую минуту я подумалъ, что смерть послѣдовала отъ удара, но докторъ заявилъ, что на шеѣ умершаго видны багровыя полосы и у кровати найдено измятое вдоль полотенце. Это ясно указывало на задушеніе. Мелехъ жилъ въ нанятомъ

подъ офицерскія квартиры домѣ, въ одномъ корридорѣ съ нѣсколькими товарищами. Каждый изъ нихъ занималъ отдѣльный номеръ, а прислуга помѣщалась вмѣстѣ, въ двухъ большихъ комнатахъ, на концахъ корридора. Она обыкновенно поднималась часовъ въ 6 утра, а офицеры около 8. Деньщикомъ у Мелеха былъ старый солдатъ, человѣкъ угрюмый и молчаливый, но ни въ чемъ не замѣченный. Одинъ изъ офицеровъ, умываясь, услышалъ два глухіе отрывистые крика. „Вѣрно кто-нибудь изъ господъ зоветъ деньщика“, замѣтилъ стоявшій возлѣ умывальника слуга этого офицера. Въ это-же время, возвращавшійся изъ булочной вѣстовой, увидя, что въ квартирѣ Мелеха еще заперты ставни, замѣтилъ это его деньщику, спокойно чистившему въ корридорѣ сапоги, а подававшій умываться прибавилъ къ этому: „Развѣ ты не слыхалъ, что баринъ звалъ тебя?—„Ничего, поспѣетъ“, отвѣтилъ тотъ, потомъ пошелъ отворять ставни, а затѣмъ вошелъ въ комнату Мелеха и тотчасъ-же, выйдя изъ нея, прошелъ въ квартиру подпоручика Россинскаго, которому сказалъ; „Пожалуйте посмотрѣть, баринъ, кажется, померъ“. При этомъ въ его голосѣ не было замѣтно ни волненія, ни испуга. Подозрѣніе, конечно, пало на деньщика. При первомъ разслѣдованіи дѣла оказалось, что Мелехъ послѣдніе дни ждалъ значительной суммы денегъ изъ имѣнія, въ кошелкѣ же его найдено всего 17 руб. Значитъ, убійства съ цѣлью грабежа предполагать было невозможно. Какая же могла быть цѣль его? Между тѣмъ изъ дѣлъ же полка мнѣ было извѣстно, что у Мелеха велся процессъ съ дальними родственниками, за землю значительной цѣнности, и что за 4 дня до происшествія получена была бумага, что сенатъ рѣшилъ дѣло въ его пользу, съ уплатою ему нѣсколькихъ тысячъ, за неправильное пользованіе его наслѣдствомъ. Болѣе двухъ мѣсяцевъ тянулось слѣдствіе, не выяснившее ничего опредѣленнаго. Дѣло это окончилось тѣмъ, что деньщикъ убитаго, по сильному подозрѣнію, былъ сосланъ въ арестантскія роты. Главнымъ мотивомъ къ подозрѣнію было то, что во время арестованія, когда караулившіе его полицiанты стали уговаривать его сознаться, то онъ однажды проговорилъ: „Ну, такъ и быть, мнѣ все равно“, а подумавши, произнесъ потомъ: „Нѣтъ, не скажу“,— на чемъ упорно стоялъ, отказываясь давать показанія. Вѣрнѣе

всего можно было предполагать, что убійство было совершено по подкупу наслѣдниковъ, проигравшихъ процессъ, но кѣмъ?— осталось тайною.

Происшествіе это было для меня тѣмъ прискорбнѣе, что случилось въ послѣдніе дни моего командованія полкомъ,— командованія крайне пріятнаго, счастливаго и благополучнаго. По случаю новаго назначенія, въ первой половинѣ ноября 1865 г.. мнѣ предстояло сдать полкъ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

1865—1866.

Двойственность обязанностей.—Предварительная поѣздка въ Радомъ.—Пріемъ гражданскихъ властей.—Сдача полка.—Прощальный балъ и рѣчи.—Проводы и переѣздъ въ Радомъ.—День начальника отдѣла.—Мѣстное общество.—Первый объѣздъ отдѣла.—Переписка съ генералъ-полиціймейстеромъ.—Одинъ изъ моихъ предмѣстниковъ и его взгляды.—Переходъ войскъ къ кадровому составу.—Ликвидація полковыхъ хозяйствъ.—Новыя губерніи.—О Николаевскомъ пріютѣ солдатскихъ дѣтей въ Варшавѣ.—Пожалованіе маіората.—Австро-прусская война.—Объѣздъ границы.—Ойцевская пещера.—Постройка казармъ въ Кѣльцахъ.—Ихъ освидѣтельствованіе.—Командованіе сводною дивизіею.—Смотръ Государя.—Прежніе резервные баталіоны.—Переводы старослужащихъ.

Въ первыхъ числахъ ноября состоялся приказъ о назначеніи меня командующимъ 7-ю пѣхотною дивизіей, штабъ которой находился въ 90 верстахъ отъ Варшавы, въ г. Радомѣ. Эта вакансія открылась потому, что бывшій начальникъ дивизіи, генералъ-лейтенантъ Бельгардтъ, получилъ мѣсто коменданта въ Динабургѣ. Такъ какъ вмѣстѣ съ командованіемъ этою дивизіею совпадало начальствованіе Радомскимъ военнымъ отдѣломъ, то попасть прямо изъ полковыхъ командировъ на должность равную, по правамъ и кругу обязанностей, званію военнаго губернатора, было для меня нѣкоторымъ испытаніемъ въ моихъ административныхъ способностяхъ. Пришлось одновременно—дѣлать дѣло и учиться ему. Но, при Божьей помощи и при содѣйствіи тогда еще, сравнительно, молодыхъ силъ, не надорванныхъ различными испытаніями жизни, мнѣ удалось оправдать оказанное отличіе. Бывъ всего 3 года генераломъ, лестно было, помимо должности помощника, стать прямо во главѣ старой, боевой дивизіи, да еще съ придачею

начальствованія надъ двумя губерніями и войсками, въ нихъ расположенными. Мнѣ помнилось то время, когда званіе начальника дивизіи стояло настолько высоко, что мы, бывши молодыми гвардейскими офицерами, смотрѣли на него какъ на нѣчто недосягаемое. Начальники армейскихъ дивизій, пріѣзжавшіе въ Петербургъ, лѣтъ 40 назадъ, возбуждали общее вниманіе: всякій интересовался знать, кто онъ, гдѣ стоитъ его дивизія, гдѣ онъ началъ службу. На разводахъ, на выходахъ, въ лагерѣ—пріѣзжіе начальники дивизій были видными гостями. О пріѣздахъ корпусныхъ командировъ мы знали всегда заранѣе. Смотря на значеніе начальника дивизіи съ этой точки зрѣнія, какъ было не радоваться, получая это званіе?

По объявленіи приказа, я поѣхалъ въ замокъ представиться графу Бергу; при этомъ представленіи находился и баронъ Корфъ. Намѣстникъ встрѣтилъ меня словами:

— Поздравляю, очень, очень радъ, что вы останетесь у насъ; будемъ продолжать службу вмѣстѣ.

Затѣмъ, обратясь къ Корфу, прибавилъ:

— Вѣдь не сегодня-завтра генералъ-лейтенантъ?

— Да, обгоняютъ насъ, стариковъ, обгоняютъ, проговорилъ Корфъ.

Какъ увидимъ ниже, этого „не сегодня-завтра“ пришлось ожидать-таки долгонько.

Изъ замка я оправился къ Ѳ. Ѳ. Трепову, въ управленіи котораго, какъ генералъ-полицiймейстера царства, сосредоточивались всѣ дѣла и доклады по отдѣлу; принимая его я поступалъ если не подъ прямое, то подъ косвенное его начальство. Хотя мнѣ тогда и впервые приходилось имѣть съ нимъ служебныя отношенія, но, зная его за человѣка правдиваго и преданнаго дѣлу, да притомъ всегда готоваго дать добрый и полезный совѣтъ, я былъ увѣренъ, что мы сойдемся съ нимъ во взглядахъ на управленіе отдѣломъ. Тогда между намѣстникомъ и представителями гражданской реформы, Милютинымъ и княземъ Черкасскимъ, уже начинался замѣтный разладъ. Зная, что по новой должности начальника отдѣла, мнѣ придется быть въ постоянныхъ отношеніяхъ къ той и другой партіи, я чувствовалъ, что попадаю между двухъ огней. Служить нашимъ и вашимъ я не умѣлъ, да и не желалъ; идти противъ которой-нибудь партіи, безъ явныхъ причинъ, было

нельзя,—поэтому совѣты и поддержка такого близко-стоящаго къ намѣстнику дѣятеля, какъ Треповъ, мнѣ была необходима.

При всякомъ полученіи новой части, я всегда старался, до ея принятія, хотя поверхностно ознакомиться съ нею, т. е. получить о ней и о главныхъ ея дѣятеляхъ нѣкоторыя свѣдѣнія. А такъ какъ всѣ дѣла дивизіи сосредоточивались въ рукахъ начальника дивизіоннаго штаба, который, въ то же время, завѣдывалъ и дѣлами отдѣла, то меня крайне интересовало знать, что за личность полковникъ Добровольскій, бывшій тогда начальникомъ штаба полученной мною дивизіи. Мнѣ рекомендовали его какъ человѣка весьма умнаго и ловкаго, но въ то же время очень избалованнаго отношеніями къ нему бывшаго начальника дивизіи, генерала Ушакова. Говорили, что Добровольскій такъ забралъ въ свои руки бразды правленія, что онъ *все* въ дивизіи и въ отдѣлѣ.

По всей вѣроятности и Добровольскій старался получить свѣдѣнія обо мнѣ. Вѣроятно до него дошли слухи, что я не допускаю въ части, которая мнѣ подчинена, ничьего доминирующаго надъ собою вліянія и двойственности власти. Надо полагать, что это и было причиною тому, что онъ, сряду по напечатаніи о моемъ назначеніи въ газетахъ, явился ко мнѣ въ Варшаву, чтобы лично убѣдиться, съ кѣмъ ему предстоитъ имѣть дѣло. Какъ человѣкъ смѣтливый, изъ нѣсколькихъ обмѣненныхъ нами фразъ, онъ понялъ, что пробовать меня напрасно и заявилъ, что намѣренъ хлопотать о полученіи полка, на что, какъ начальникъ штаба дивизіи, имѣетъ право. Я отвѣтилъ, что въ моихъ правилахъ никогда не удерживать при себѣ тѣхъ, кто имѣетъ причины уходить куда-либо, но прошу, до моего прибытія, оставаться въ Радомѣ, дабы я могъ при немъ провѣрить дѣла отдѣла. Такимъ образомъ, съ Добровольскимъ мы покончили наши отношенія при первомъ же свиданіи.

Только что разнеслась молва о новомъ моемъ назначеніи, какъ явились уже завистники, пустившіе слухъ, будто мнѣ трудно сдать полкъ. Начальникъ штаба, Минквицъ, на столько былъ наивенъ, что повѣрилъ ему и даже доложилъ графу Бергу. Къ счастію, при этомъ находился баронъ Корфъ, успокоившій обоихъ, ручаясь, что ничего подобнаго быть не можетъ, такъ какъ онъ отлично знаетъ состояніе полковаго

хозяйства, находящагося въ полномъ порядкѣ. Мнѣ не разъ приходилось убѣждаться, что зависть скорѣе всего является у людей, которымъ, казалось бы, нѣтъ никакого повода завидовать человѣку вовсе не стоящему поперегъ ихъ дороги.

Преемникъ мой довольно долго не прибывалъ къ полку, чѣмъ я и воспользовался, чтобы на нѣсколько дней съѣздить въ Радомъ, принять дивизію и дѣла отдѣла. Тамъ я уже не засталъ генерала Бельгарда. Сдавъ дивизію своему помощнику, генералу Ченгеры, онъ поспѣшилъ уѣхать въ Петербургъ. В. А. Бельгардъ начальствовалъ ею не долго,—всего полтора года. Поглощенный дѣлами отдѣла, онъ оставлялъ въ ней все въ томъ видѣ и направленіи, какъ было при генералѣ Ушаковѣ. Не имѣя возможности получить непосредственно отъ бывшаго начальника дивизіи рекомендаціи полковыхъ командировъ, что было для меня необходимо, я заявилъ объ этомъ сожалѣніе Добровольскому. На слѣдующій же день онъ представилъ мнѣ объемистую тетрадь, съ подробною, собственноручною аттестацією не только полковыхъ командировъ, но всѣхъ штабъ-офицеровъ, уѣздныхъ начальниковъ и ихъ помощниковъ, а также чиновъ штаба и управленія отдѣла. Долго я хранилъ этотъ документъ, какъ образчикъ того, до чего можетъ дойти самоувѣренность и пристрастіе. Узнавъ потомъ каждаго изъ аттестованныхъ, я убѣдился въ этомъ.

По пріѣздѣ въ Радомъ, я впервые лично познакомился съ почтеннымъ К. О. Чингеры, увидѣлъ въ немъ ту прямую и честную натуру, которая съ перваго раза вселяетъ къ себѣ полное довѣріе. Онъ зналъ дивизію, дѣла отдѣда, всѣхъ занимавшихъ въ губерніи гражданскія должности и самый край до тонкости; зналъ отношенія служащихъ между собою, ихъ продѣлки и причины вражды и дружбы. Не вдаваясь въ мелочи, со всѣмъ этимъ онъ ознакомилъ меня въ главныхъ чертахъ (безъ всякаго намѣренія очернить кого либо), настолько, что еслибы кто и попробовалъ потомъ провести свой взглядъ, то я уже зналъ почему и съ какою цѣлью это дѣлается. Радомскій губернаторъ, узнавъ о моемъ пріѣздѣ, подъ какимъ-то предлогомъ выѣхалъ изъ города, чтобы не являться мнѣ въ роли подчиненнаго и не представлять гражданскихъ чиновниковъ. Уже одно это не предвѣщало ничего хорошаго и явно указывало, что мнѣ предстоитъ не мало непріятностей съ

этимъ господиномъ въ будущемъ. На слѣдующій день, всѣ чины различныхъ губернскихъ учрежденій были мнѣ представлены, старшимъ по губернаторѣ, начальникомъ учебной дирекціи Престюкомъ. Къ чести его, надо замѣтить, что, говоря объ управленіи губерніею, онъ старался сгладить впечатлѣніе, произведенное не на одного меня, но и на всѣхъ, отсутствіемъ губернатора. Каждый изъ присутствовавшихъ, конечно, понялъ цѣль подобной выходки, хотя я наружно отнесся къ ней съ полнымъ равнодушіемъ, какъ равно и къ тому, что на слѣдующее утро губернаторъ, будучи военнымъ, пріѣхалъ ко мнѣ въ визитной, а не въ парадной формѣ. Еслибы я предвидѣлъ дѣлаемое имъ впослѣдствіи, то могъ бы дать его поступкамъ оффиціальное значеніе; но мнѣ хотѣлось, всѣми зависящими отъ меня средствами, показать, что для сохраненія добрыхъ отношеній, я охотно жертвую формальностями. Поступивъ впервые на административный постъ, и еще не наученый опытомъ узнавать людей, я считалъ необходимымъ не обнаруживать передъ польскимъ чиновничествомъ, что между русскими правительственными лицами могутъ быть враждебныя отношенія и счеты изъ-за подчиненности. Не зналъ я и того, что возбуждать и поддерживать вражду входило въ програму лицъ, стоявшихъ тогда во главѣ гражданскаго управленія, какъ протестъ противъ военной диктатуры. Очень можетъ быть, что вмѣшательство военныхъ властей въ гражданское дѣло представляло неудобства; но надо вспомнить то, чѣмъ оно было вызвано, какъ мѣра чрезвычайная. Положеніе объ управленіи военными отдѣлами подчиняло ихъ начальникамъ только личный составъ гражданской администраціи, въ отношеніи принятія на службу, отстраненія отъ должности, переводовъ и наградъ. Все это, черезъ губернатора же, восходило на разрѣшеніе начальника отдѣла; въ рѣшеніе же дѣлъ гражданскаго свойства, если въ нихъ не было политическаго оттѣнка, мы не входили.

Дѣлопроизводителемъ отдѣла былъ подполковникъ Гулевичъ, человѣкъ очень умный и въ полномъ смыслѣ дѣловой. Не смотря на то, что переписка въ управленіи была громадная, онъ велъ ее весьма аккуратно. Обиліе переписки зависѣло отъ того, что выдача билетовъ на отлучку, хотя бы въ сосѣдній уѣздъ, наложеніе и взысканіе штрафовъ, переписка по

нарушенію военнаго положенія, разборъ жалобъ на духовенство и помѣщиковъ, на притѣсненія гражданскихъ властей, нарядъ слѣдствій, преданіе суду, дѣла по участію въ возстаніи, отчетность штрафныхъ суммъ,—все это велось въ управленіи отдѣла.

По возвращеніи въ Варшаву я засталъ моего преемника, полковника Аллера, уже прибывшимъ къ полку, и потому немедленно приступилъ къ его сдачѣ. Вопреки пущенному слуху, она нетолько произошла безъ затрудненій, но была окончена въ сутки. Получивъ объ этомъ донесеніе, баронъ Корфъ, въ приказѣ по отряду, выразилъ мнѣ особую благодарность, какъ за скорую сдачу полка, доказавшую, что онъ находится въ примѣрномъ порядкѣ, такъ и вообще за 5-лѣтнее имъ командованіе. Тяжело было мнѣ разставаться съ офицерами полка, послѣ нашихъ взаимныхъ отношеній. Ихъ общество представляло тогда сплоченную, дружную, единодушную семью, близко принимавшую всѣ интересы полка, его успѣхи и отличія, горе и радости своего командира. Впослѣдствіи мнѣ приходилось сдавать три девизіи, гдѣ, съ гордостью могу сказать, многіе любили меня и гдѣ я оставлялъ не мало людей, до сихъ поръ мнѣ преданныхъ; но можно ли сравнить ощущенія при разлукѣ съ дивизіею съ тѣми, которыя испытываешь прощаясь съ полкомъ? Въ послѣднемъ случаѣ теряешь какъ бы нѣчто родное, точно что-то отрывается отъ сердца, долго-долго потомъ тоскующаго. Замѣчательно, что въ теченіи 5 лѣтъ, при довольно частыхъ перемѣнахъ въ составѣ полковаго общества, я ни разу не замѣтилъ въ комъ-либо, не только ни малѣйшаго противодѣйствія моимъ распоряженіяхъ, или заглазнаго осужденія моихъ дѣйствій, но даже тѣни чего-либо подобнаго. Въ средѣ состоявшей изъ 60—70 человѣкъ, всегда могутъ найтись люди противоположныхъ съ командиромъ мнѣній и взглядовъ, а между тѣмъ въ Прускомъ полку этого никогда не было. Стоило мнѣ сказать *да*—и всѣ единогласно говорили тоже; стоило сказать *нѣтъ*—и я былъ увѣренъ, что этого не будетъ. Могутъ сказать, что это естественно; разъ что *да* и *нѣтъ*, исходятъ отъ командира части, они равносильны приказанію. Отвѣчу, что въ служебномъ смыслѣ такъ и должно быть; но я говорю о частныхъ отношеніяхъ къ офицерскому обществу.

Да простятъ мнѣ читатели, если, изъ чувства благодарно-

сти къ прошлому, назову тѣхъ изъ офицеровъ полка, которымъ я преимущественно былъ обязанъ и дружбой, и службой. Имѣя во главѣ баталіоновъ такихъ личностей, какими были: баронъ Корфъ, Крыловъ и Росси, мнѣ легко было вести служебное дѣло, потому что каждый изъ подчиненныхъ уважалъ ихъ и дорожилъ ими. Ни одного изъ нихъ уже нѣтъ на свѣтѣ, но память о нихъ навсегда сохранится въ сердцахъ бывшихъ товарищей. Штабные полка, т. е. адъютантъ Таубе, казначей Будкинъ и квартермистръ Ширмо-Щербинскій, представляли собою рѣдкое соединеніе людей, для которыхъ полкъ былъ—все. Дружные, почти неразлучные между собою, они составляли центръ, вокругъ котораго группировалась молодежь, послушная тому камертону, который держали штабъ-офицеры. Между ротными командирами назову: Фреймана, Никитина, Галлера, Дауделя, Нащокина, Охтерлоне, Смѣльскаго, Росси 2,—все это были личности, при которыхъ можно было оставаться вполнѣ покойнымъ за ихъ части. Изъ бывшихъ при мнѣ юными, только-что вышедшими въ полкъ офицерами, какъ напримѣръ: Ивановъ, Миліусъ, Мячковъ, Гофманъ, Веге, Защукъ, Тимофеевъ, Мацкевичъ, Шишенковъ, Тимошенко,—вышли потомъ прекрасные дѣятели на различныхъ поприщахъ службы. Нѣкоторые изъ нихъ сошли въ могилу; но гдѣ остальные? Въ то время, когда бывшій командиръ вашъ пишетъ эти строки, мысленно переносясь въ счастливѣйшіе годы своей жизни, вы, разсѣянные по простанству земли Русской, вѣрно вспоминаете о полкѣ съ тѣми же чувствами любви и привязанности къ нему, которыя руководили нами, когда мы вмѣстѣ служили въ немъ.

Хотя дальнѣйшій разсказъ мой о проводахъ, которые были сдѣланы мнѣ и моему семейству обществомъ офицеровъ, можетъ показаться самохваленіемъ, но не могу умолчать о нихъ въ моихъ воспоминаніяхъ, какъ о фактѣ, доказывающемъ, что сердечность отношеній между командиромъ и подчиненными, не только не умаляетъ служебныхъ достоинствъ части, но напротивъ, помогаетъ имъ. Офицеры, желая выразить мнѣ и женѣ моей свое сочувствіе, дали намъ блестящій прощальный балъ. Въ числѣ приглашенныхъ, кромѣ лицъ знакомыхъ со мною домами, были всѣ военные и гражданскіе начальники различныхъ учрежденій: князь Черкасскій, Соловьевъ, Самаринъ, Браунштейнъ, директоръ театровъ Гауке и т. д. Изъ город-

скаго общества были всѣ, кто имѣлъ какое-либо отношеніе къ полку, или былъ близокъ къ моему семейству. За ужиномъ много было предложено прощальныхъ тостовъ, высказано пожеланій и произнесено рѣчей, въ которыхъ очерчивались мои отношенія къ полку и къ обществу. За исключеніемъ сказаннаго старшимъ по мнѣ полковникомъ, оффиціальнаго въ рѣчахъ офицеровъ было немного. Даже и онъ закончилъ свою такъ: „Едва ли найдется другой, кто бы такъ вѣрно осуществлялъ пословицу: „служба—службой, а дружба—дружбой". Благодаримъ васъ за ту и другую".

Изъ всѣхъ прочихъ рѣчей, выпускаю все, что имѣло служебный характеръ, но не могу не привести того, что указывало на отношенія командира къ обществу и общества къ командиру. Капитанъ В. В. Будкинъ между прочимъ говорилъ [1]:

.... „Въ теченіи 5 лѣтъ мы были окружены вашею любовью, пользовались вашимъ довѣріемъ. Гостепріимство и радушіе ваше, ваше участіе къ горю и радости каждаго,—все это оцѣнено нами. Разстаемся съ вами какъ съ опытнымъ и справедливымъ руководителемъ, благимъ совѣтчикомъ, скажу болѣе—какъ съ отцомъ семьи, нынѣ сиротѣющей. Да послужитъ намъ послѣдній приказъ вашъ заповѣдью; пусть онъ поможетъ намъ слить прошедшее съ будущимъ и тѣмъ нравственно не разлучаться съ вами. Благодаримъ васъ отъ имени всѣхъ и за все..."

Капитанъ Щербинскій сказалъ: „Многіе изъ товарищей, выставляя сдѣланное вами для полка, говорили о васъ, какъ о командирѣ. Позвольте мнѣ сказать о человѣкѣ: кому, какъ не намъ, судить объ этомъ? кому, какъ не намъ, знать, какъ вы чистосердечно любили насъ и полкъ нашъ? Хотя вы строго и высоко держали принципы службы и достоинства мундира,—многіе изъ насъ не боялись повѣрять вамъ даже семейныя свои тайны. Мы знаемъ, что вы говорили про наше общество тѣмъ, чье мнѣніе для насъ дорого; знаемъ, какъ горячо вы отстаивали тѣхъ, кто нуждался въ этомъ... Ваше семейство было нашимъ. Среди него мы были свои, чувствовали себя дома, какъ бы въ кругу родныхъ; въ его средѣ мы учились жизни и тому взгляду, который дѣлаетъ человѣка преданнымъ

---

[1] Во время минувшей войны онъ былъ командиромъ полка и умеръ въ Болгаріи.

долгу и чести... Не ограничиваясь добрыми дѣлами для полка, послѣдніе дни вашего имъ командованія, вы дали пріютъ и кровъ несчастнымъ сиротамъ русскихъ солдатъ,—сиротамъ, забывшимъ даже свой языкъ и вѣру. Дай Богъ, чтобы вездѣ умѣли цѣнить васъ и любить такъ, какъ мы цѣнимъ и любимъ, за все для насъ сдѣланное"...

На слова Намѣстника и лицъ постороннихъ полку, я отвѣчалъ съ тою сдержанностью, которая и въ самыя патетическія минуты не должна давать волю сердечнымъ порывамъ. Но, сдерживать ихъ, отвѣчая офицерамъ, я не могъ. Привожу сказанное мною имъ всѣмъ вмѣстѣ:

„Изъ всего, что вы сказали мнѣ отъ своего имени и отъ имени вашихъ товарищей, я принимаю на себя только то, что относилось къ истинной и горячей любви моей къ вамъ и къ нашему полку. Все остальное дѣлалъ не я, а вы сами. Развѣ, узнавъ васъ, я могъ не цѣнить васъ, не отстаивать вашихъ интересовъ? Развѣ тѣ, уважавшіе мои ходатайства, дѣлали это для меня? Наконецъ, если Богъ помогалъ мнѣ быть полезнымъ и въ частной жизни, то зачѣмъ вспоминать объ этомъ? Благодарю васъ за то, что умѣряете горечь разлуки сказаннымъ вами отъ души и сердца. Вѣрьте, что у моего сердца только двѣ главныя, святыя привязанности: одна—это собственная семья моя, а другая—ваша, полковая семья. Поручаю вашей памяти ту, которую увожу съ собою. Пройдутъ годы, не станетъ меня, но останутся мои дѣти, выученныя мною любить и уважать васъ. Быть можетъ вы встрѣтите ихъ на пути жизни. Вспомните тогда ихъ отца, вспомните его любовь къ вамъ... Завѣщаю вамъ слѣдующее: стремитесь всегда къ тому единодушію, къ той любви и преданности полку, которыя составляли цѣль всѣхъ моихъ дѣйствій, и которыя были душою нашихъ отношеній. Берегите новаго вашего командира и не забывайте стараго..."

Въ числѣ отвѣтовъ, которые мнѣ приходилось дать на рѣчи гражданскихъ представителей, надо было отвѣчать и Я. А. Соловьеву, отъ котораго зависѣло принятіе офицеровъ на богато-оплачиваемыя должности комисаровъ по крестьянскимъ дѣламъ. Вотъ, что сказалъ это по этому поводу.

„Не далѣе недѣли назадъ, я обратился къ присутствующему здѣсь лицу, съ просьбою за одного изъ вашихъ товари-

щей. Просьба моя была уважена, но при этомъ мнѣ было сказано: „Не могу надивиться неисчерпаемости Прусскаго полка. Кого ни возьмешь—одинъ другого лучше. Гдѣ вы берете офицеровъ такого образованія и направленія?“ Лестнѣе оцѣнки сдѣлать было нельзя. Дорожите ею, а говорилъ это Яковъ Александровичъ Соловьевъ“ [1]).

За два дня до описанныхъ проводовъ, мы были приглашены на прощальный обѣдъ, данный намъ городскимъ обществомъ. Въ громадной залѣ дома Паца, имѣя во главѣ графа Берга, соединились для этого всѣ наши знакомые, но были и личности, принявшіе въ этомъ обѣдѣ участіе только потому, что на немъ былъ намѣстникъ, внутренно же завидовавшія мнѣ до озлобленія.

6 января 1866 года было послѣднимъ днемъ пребыванія моего въ полковой семьѣ. На слѣдующее утро, послѣ напутственнаго молебствія, усадивъ жену и пятерыхъ дѣтей въ дорожные экипажи, я выѣхалъ въ Радомъ. За заставою мы замѣтили, что по окраинамъ шоссе скачутъ двое верховыхъ, къ которымъ присоединилось потомъ еще нѣсколько. Это были офицеры полка, вздумавшіе проводить насъ до первой станціи, гдѣ мы уже окончательно простились съ ними. Но такъ какъ Радомъ находится всего въ 90 верстахъ отъ Варшавы, куда мнѣ частенько приходилось ѣздить по службѣ, то, во все время командованія 7-ю дивизіею, связь моя съ Прусскимъ полкомъ поддерживалась личными свиданіями. Стоило одному изъ офицеровъ узнать о моемъ пріѣздѣ моемъ или жены моей, какъ объ этомъ узнавалъ весь полкъ, и покуда мы оставались въ Варшавѣ,—все свободное время проходило въ кругу полковаго общества.

На границѣ Радомской губерніи, въ мѣстечкѣ Бѣлобжегахъ, куда пришлось подъѣзжать уже въ сумерки, я былъ встрѣченъ, какъ начальникъ отдѣла, мѣстными властями и чиновниками. Военный и гражданскій уѣздные начальники, жандармскій офицеръ, начальники участковъ, черезъ которые предстояло

---

[1]) Я могъ привести подлинныя слова рѣчей потому, что, по ихъ для меня значенію, онѣ были мнѣ слишкомъ дороги, и я тогда же просилъ дать мнѣ копіи, которыя храню у себя, какъ отрадныя воспоминанія.

ѣхать, управляющій почтовою частью, мѣстный бургомистръ и войты гминъ,—всѣ въ парадной формѣ ожидали у станціи. Все было для меня ново, и сознаюсь, нѣсколько стѣсняло меня. Что могъ я сказать людямъ, которыхъ вижу впервые, кромѣ того, что надѣюсь на ихъ содѣйствіе.

Первый мѣсяцъ моей жизни въ Радомѣ былъ весь поглощенъ знакомствомъ съ дѣлами отдѣла и съ лицами служебнаго персонала какъ управленія, такъ и штаба дивизіи. При множествѣ работы по политическимъ и административнымъ процессамъ въ отдѣлѣ, дѣла дивизіи невольно отходили на второй планъ, такъ что занятіе ими казались отдыхомъ. Изъ слѣдующаго перечня того, что приходилось дѣлать въ теченіи дня, видно, много ли у начальника отдѣла оставалось свободнаго времени. Въ 9 часовъ утра моя пріемная, даже лѣстница, ежедневно наполнялась множествомъ всякаго рода посѣтителей. Тутъ были и ксендзы, съ просьбами о позволеніи выѣхать въ сосѣдній уѣздъ, и помѣщики—желающіе видѣться съ арестованными родственниками, и чиновники—просящіе перевода или зачисленія на службу, и крестьяне—нуждавшіеся въ заступѣ отъ притѣсненія пановъ, но больше всего было евреевъ и евреекъ съ жалобами, доносами, разными дрязгами и сплетнями. По записной книгѣ о просителяхъ, въ которую ежедневно заносились ихъ имена и просьбы, оказывалось, что среднимъ числомъ приходилось принимать и выслушивать, при каждомъ утреннемъ пріемѣ, до 50 лицъ и затѣмъ еще человѣкъ 10, приходившихъ между 2 и 3 часами. Этотъ вторичный пріемъ былъ назначенъ мною съ тою цѣлью, чтобы тотъ, кто пріѣзжалъ изъ ближайшихъ окрестностей, не былъ вынужденъ ждать слѣдующаго утра, но могъ бы въ тотъ же день возвратиться домой. Утренній пріемъ обыкновенно кончался около 11 часовъ, когда приходили съ рапортами комендантъ и полиціймейстеръ. Время отъ 12 до 2 часовъ проходило въ объѣздѣ тюрьмъ, въ посѣщеніи гимназіи, городской больницы или военнаго лазарета, въ осмотрѣ казармъ той или другой части. Въ 3 часа приходилъ начальникъ штаба, по дѣламъ дивизіи и отдѣла; послѣднихъ поступало такъ много, что пересмотръ ихъ и наложеніе резолюцій длилось часовъ до 5, а въ 7 часовъ начинались доклады предсѣдателей слѣдственныхъ и военно-судныхъ комисій, съ ихъ аудито-

рами. Это была самая продолжительная и тяжелая работа. Отъ нея зависѣла участь, а иногда и жизнь арестованныхъ за тяжкія политическія преступленія. Чтобы не сдѣлать ошибки или недосмотра, нерѣдко приходилось прочитывать все дѣло, вникать въ свидѣтельскія показанія, въ справки объ общественномъ и семейномъ положеніи и о прошлой жизни подсудимаго. Въ началѣ смуты начальники отдѣловъ сами конфирмовали смертные приговоры, но въ мое время это право возвратилось къ намѣстнику. Разборъ докладовъ и дѣлъ этого сорта длился часовъ до 11 вечера, такъ что для необходимыхъ, собственноручныхъ отвѣтовъ нѣкоторымъ лицамъ и для частной переписки приходилось оставаться за письменнымъ столомъ далеко за полночь. По этому можно судить въ какой мѣрѣ справедливы тѣ гражданскіе дѣятели, которые, печатая свои мемуары и статьи въ журналахъ, старались доказать, что начальники военныхъ отдѣловъ ничего не дѣлали.

Кромѣ служебныхъ занятій, необходимо было соблюсти и свѣтскія условія, т. е. познакомиться съ тѣми изъ мѣстнаго общества, съ которыми приходилось быть въ сношеніяхъ. Это были исключительно русскія семейства служащихъ, между которыми первое мѣсто принадлежало губернатору. Несмотря на указанную мною съ его стороны выходку, о небытности при представленіи мнѣ чиновниковъ, наши съ нимъ отношенія, въ теченіи полугода, были хороши, чему много содѣйствовали симпатичность и личныя достоинства его семьи. Что-же касается до характера ея главы, то лучше умолчу объ этомъ, такъ какъ факты будутъ говорить сами за себя.

Большимъ ресурсомъ для частной жизни нашей въ Радомѣ служили семейства артиллерійскихъ полковниковъ Шпиліотова и Козелло и начальника жандармскаго управленія Вунша. Послѣдній былъ весьма интересною личностью. При началѣ севастопольской обороны, какъ исправлявшій должность начальника штаба при князѣ Меньшиковѣ, онъ много разсказывалъ интереснаго о распоряженіяхъ, предшествовавшихъ высадкѣ союзниковъ, о подробностяхъ Альминскаго сраженія и о знаменитомъ фланговомъ движеніи нашей арміи, заставившемъ непріятеля перейти на южную сторону города. Хотя зависть и клевета и коснулась Вунша, указывая будто онъ употреблялъ во-зло довѣріе Меншикова и обезпечилъ себя,—но я, не знаю

въ какой мѣрѣ справедливо первое, могу вполнѣ опровергнуть второе. Какъ въ Радомѣ, такъ потомъ и въ Варшавѣ, гдѣ онъ и умеръ, Вунштъ жилъ весьма скромно, даже нуждался и ничего, кромѣ пенсіи, не оставилъ женѣ своей. Оригинальною личностью былъ командиръ 7 артиллерійской бригады, генералъ Ладанъ. То затворникъ, то общительный, интересный и милый собесѣдникъ, онъ былъ иногда нервенъ до рѣзкости. Однажды пріѣзжалъ въ Радомъ, для осмотра войсковыхъ помѣщеній, состоящій при министрѣ генералъ Аничковъ. Артиллеристы занимали въ то время старыя каменныя казармы, передѣланныя изъ бывшихъ магазиновъ и конюшень, тѣсныя и сырыя. Не успѣлъ Аничковъ войти, какъ ничего еще не видя, началъ хвалить помѣщенія и этимъ лишилъ Ладана возможности заявить о ихъ негодности. Отъѣзжая, посѣтитель сталъ извиняться, что обезпокоилъ бригаднаго командира. Тогда Ладанъ не выдержалъ.

— Напротивъ, сказалъ онъ Аничкову—намъ остается благодарить, что хотя кого-нибудь присылаютъ къ намъ, а тѣмъ болѣе человѣка, который съ одного взгляда рѣшаетъ, что мы помѣщены отлично. Все-таки вашъ пріѣздъ доказываетъ, что мы еще не совсѣмъ забыты.

Изъ числа полковыхъ командировъ дивизіи, прежде другихъ мнѣ пришлось ознакомиться съ командиромъ стоявшаго въ Радомѣ Могилевскаго полка, полковникомъ Аленичемъ. Какъ полковой командиръ, онъ представлялъ собою два крайне противуположные типа. Знатокъ строеваго дѣла, обладающій большимъ умѣньемъ обучать полкъ, молодецъ передъ строемъ, лихой въ бою,—онъ никакъ не могъ справляться съ внутреннимъ управленіемъ полка. Завѣдующій хозяйствомъ, казначей и квартермистръ распоряжались у него какъ хотѣли, и внѣ строя онъ точно боялся сдѣлать замѣчаніе даже прапорщику. Всю свою продолжительную службу онъ провелъ въ 7-й дивизіи. Въ Венгерскую кампанію — командиръ роты въ Полоцкомъ полку, въ 1854 году, на Дунаѣ, — баталіонный командиръ въ Витебскомъ полку, командующимъ котораго былъ уже въ Севастополѣ, а затѣмъ и принялъ этотъ полкъ. За его беззавѣтную храбрость, его называли въ арміи „Львомъ 7-й дивизіи", и съ этимъ-то львомъ передъ строемъ и ягненкомъ дома—произошелъ слѣдующій казусъ: Во время возстанія, вслѣдъ за

описанною мною экспедиціею Корфа [1]), Великій князь, бывъ недоволенъ командиромъ Полоцкаго полка, полковникомъ Островскимъ, приказалъ начальнику штаба написать министру о замѣнѣ его другимъ. Генералъ Минквицъ перепуталъ, перезабылъ и полки, и фамиліи. Первою пришла ему на мысль фамилія, кончающаяся на *ичъ*, а не на *скій*, онъ и велѣлъ составить представленіе объ отчисленіи отъ командованія полкомъ полковника Аленича. Мирно живетъ Аленичъ въ мѣстечкѣ Пилицѣ, усердно занимаясь своимъ дѣломъ, вдругъ читаетъ въ „Инвалидѣ", что онъ зачисляется по армейской пѣхотѣ, а на его мѣсто назначается полковникъ Эрнротъ. Почему, за что, за какую провинность?—неизвѣстно.

Спѣшитъ Аленичъ въ Радомъ, узнать причину невзгоды отъ своего начальника дивизіи; но оказывается, что и тотъ ничего не знаетъ.

— Я самъ—говоритъ ему генералъ Ушаковъ—развелъ руками, прочтя о вашемъ отчисленіи; поѣзжайте въ Варшаву, авось тамъ все узнаете.

Ѣдетъ Аленичъ въ Варшаву, въ штабъ округа, является Минквицу.

— Да развѣ не вы командовали Полоцкимъ полкомъ?—спрашиваетъ послѣдній.

— Нѣтъ, я командовалъ Витебскимъ,—отвѣчалъ Аленичъ.

— Странно. Вѣроятно тутъ вышло недоразумѣніе,—продолжалъ виновникъ путаницы,—но вы не тревожьтесь, мы постараемся разъяснить это. Возращайтесь въ Радомъ, — мы васъ пристроимъ.

Почти годъ ожидалъ Аленичъ этого „мы васъ пристроимъ", покуда командира Могилевскаго полка не произвели въ генералы и его не назначили на открывшуюся вакансію.

Начальникъ штаба Добровольскій былъ замѣненъ назначеннымъ на его мѣсто полковникомъ Шулешкинымъ, человѣкомъ весьма хорошимъ, но до крайности болѣзненнымъ. Страдая органическимъ порокомъ сердца, онъ часто былъ въ такомъ нервномъ состояніи, что не могъ заниматься дѣлами; но, къ счастію, въ старшемъ адъютантѣ Шарнгорстѣ, я имѣлъ прекраснаго замѣстителя. Съ нимъ, въ первой половинѣ февраля, я предпринялъ объѣздъ западной половины отдѣла, съ цѣлью

[1]) См. Глава 7-я этой книги.

ознакомиться съ дѣлами уѣздныхъ и участковыхъ начальниковъ и произвести ревизію магистратовъ. За одно съ этимъ я интересовался видѣть командира Полоцкаго полка Нильсона— въ Конскѣ, Витебскаго — Эрнрота въ Пилицѣ и Шульмана— въ Кѣльцахъ. Такъ какъ полки въ то время были расквартированы по-баталіонно и частію по-ротно, то, не желая зимою стягивать ихъ въ полковые штабы, я приказалъ собрать въ нихъ только унтеръ-офицеровъ, по виду и развитію которыхъ можно было судить и о рядовыхъ.

Для ревизіи дѣлъ въ городскихъ присутственныхъ мѣстахъ и въ мѣстечкахъ, которыхъ по пути было множество, приходилось останавливаться черезъ каждыя 10 или 12 верстъ, вслѣдствіе чего объѣздъ длился двѣ недѣли, тогда какъ маршрутъ мой, въ сложности, составлялъ не болѣе 500 верстъ. Не смотря на то, что край въ это время былъ уже вполнѣ умиротворенъ и что вся администрація была въ военныхъ рукахъ, мнѣ все еще приходилось встрѣчать чиновниковъ, въ дѣлахъ и поступкахъ которыхъ обнаруживались, съ предвзятою цѣлью, нарушенія предписанныхъ правилъ. Но болѣе всего надоѣдали встрѣчи, устраиваемыя евреями. Встрѣчи же мѣстными властями были мною заранѣе отмѣнены, но удержать жидовъ отъ шумныхъ овацій, которыми они думали доказывать свою преданность законной власти, не было возможности. По пріѣздѣ въ мѣстечко, даже въ ночное время, все жидовское населеніе собиралось на край селенія, гдѣ—съ доморощеннымъ оркестромъ, а гдѣ и съ балдахиномъ, думая, что я пойду подъ нимъ мимо ихъ лачугъ; но я нигдѣ не выходилъ изъ экипажа, что, впрочемъ, не мѣшало толпѣ бѣжать возлѣ коляски съ криками „ура! нехъ жіе Цесаржъ Александръ другій“. Ксендзы постоянно находились между представлявшимися, имѣя видъ какихъ-то униженныхъ и оскорбленныхъ. На лицѣ каждаго изъ нихъ какъ-бы было написано: „Я исполняю то, чего не исполнить нельзя, но больше отъ меня ничего не ожидайте“. Въ Кѣльцахъ, при общемъ пріемѣ, находился и мѣстный епископъ, со всѣмъ своимъ штатомъ. Онъ видимо умышленно сталъ ниже всѣхъ гминныхъ войтовъ изъ крестьянъ.

„Смотрите-дескать — какъ мы покорно переносимъ наше униженіе“.

Понявъ это, прежде чѣмъ начать пріемъ, я обратился къ епископу съ словами:

— Потрудитесь, ваше преосвященство, стать на подобающее вашему сану мѣсто, во главѣ представляющихся, и не забывать, что русское правительство обращаетъ прежде всего свое вниманіе на служителей алтаря, если только они не допускаютъ въ своемъ духовномъ стадѣ политическихъ соблазновъ и своимъ поведеніемъ не даютъ примѣра двуличію.

Затѣмъ я попросилъ епископа обождать въ кабинетѣ, покуда кончу пріемъ, чтобы побесѣдовать съ нимъ наединѣ, что продолжалось добрыхъ полчаса.

Сначала хитрый старецъ думалъ отдѣлаться непониманіемъ русскаго языка и отвѣтами въ родѣ *да* и *нѣтъ*; но когда я попросилъ его подробно разсказать мнѣ о томъ, на какомъ основаніи и какъ онъ, передъ возстаніемъ, освящалъ знамена, шитыя польскими помѣщицами и кѣлецкими дамами, для повстанскихъ бандъ,—то заговорилъ. Остановивъ его оправдательныя рѣчи, я такъ пробралъ его, сопоставляя прошлое его поведеніе, съ тѣмъ, что потребуется отъ него въ будущемъ, что онъ не разъ обтиралъ лобъ отъ выступавшаго пота.

При представленіи гражданскихъ властей больше всего приходилось говорить съ гминными войтами и выборными изъ крестьянъ, потому что съ другими говорить не стоило. Разсуждать съ польскимъ чиновникомъ или шляхтою было-бы напрасною тратою времени. Преданными ихъ ничѣмъ не сдѣлаешь, а потому съ этимъ сортомъ людей я говорилъ тономъ начальника, отдающаго приказаніе, „чтобъ было, а не будетъ такъ вонъ!" Крестьянамъ же надо было выставить себя ихъ защитникомъ отъ произвола пановъ и ухищреній ксендза, поддержать въ нихъ довѣріе къ власти и благодарность къ правительству. Тутъ всякое слово могло имѣть значеніе и принести пользу, потому что падало на добрую почву. Для польскаго крестьянина слово „Царь" имѣетъ ту же обаятельную силу, что и для русскаго,—надо только, чтобы онъ не видѣлъ въ представителѣ власти колебаній и влеченій то въ одну, то въ другую сторону.

Перебирая переписку прежнихъ давноминувшихъ лѣтъ, я нашелъ нѣсколько бумагъ, касающихся управленія Радомскимъ отдѣломъ. Описываемые въ нихъ факты характеризуютъ

ту перемѣну во взглядахъ на дѣла въ Польшѣ и въ направленіи, которое произошло въ графѣ Бергѣ, черезъ два года послѣ возстанія. Изъ нихъ же видно, какъ нѣкоторые изъ русскихъ дѣятелей, поставленные во главѣ управленій для поддержанія русскихъ интересовъ, первые заискивали популярности. Въ доказательство этого приведу нѣсколько выписокъ изъ моихъ бумагъ къ бывшему генералъ-полиціймейстеру Ѳ. Ѳ. Трепову, которыя лучше всего обрисовываютъ политическое состояніе края.

1) „По объѣздѣ западныхъ уѣздовъ, я пришелъ къ убѣжденію, что Радомскій отдѣлъ, въ политическомъ отношеніи, не можетъ быть сравниваемъ съ прочими. Здѣсь былъ зародышъ и разгаръ возстанія, здѣсь оно питалось и существовало долѣе чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ, здѣсь и теперь еще много затаенной злобы. Несмотря на все мое стараніе, чтобы дѣла рѣшались скорѣе и число арестованныхъ уменьшалось, въ январѣ оно увеличилось. Даже крестьяне прилегающихъ къ Австріи уѣздовъ, далеко не тѣ, что въ уѣздахъ сѣверныхъ. Я увѣренъ, что графъ Бергъ недоволенъ, почему у меня и болѣе арестованныхъ, и болѣе слѣдственныхъ дѣлъ; увѣренъ, что онъ будетъ еще болѣе недоволенъ за то, что̀ я говорю о положеніи ввѣреннаго мнѣ отдѣла. Но неужели онъ желаетъ, чтобы ему только доносили о спокойствіи и преданности, которыхъ не существуетъ?

2) „Губернаторъ препроводилъ ко мнѣ копію съ отзыва дѣйствительнаго статскаго совѣтника Кошелева, о томъ, чтобы онъ не запрашивалъ болѣе военно-полицейскія власти о благонадежности въ политическомъ отношеніи лицъ, поступающихъ на службу въ его вѣдомство. Распоряженіе объ этомъ отмѣнено не было. Кто-же далъ г. Кошелеву право отмѣнять приказанія намѣстника? Подобное исключеніе для коммисіи финансовъ угрожаетъ такими послѣдствіями въ будущемъ, за которыя я слагаю съ себя всякую отвѣтственность. Пусть ужь лучше объявятъ общую амнистію. Не явное ли это открытіе пути, всѣмъ корифеямъ бывшаго мятежа, пробраться на лучшія мѣста, требующія наибольшаго довѣрія правительства. Скорѣе можно-бы было предоставить подобную льготу всякому другому вѣдомству, но не финансовому, съ г. Кошелевымъ во главѣ. Горные заводы и лѣсная стража дали первый матеріалъ въ

Понявъ это, прежде чѣмъ начать пріемъ, я обратился къ епископу съ словами:

— Потрудитесь, ваше преосвященство, стать на подобающее вашему сану мѣсто, во главѣ представляющихся, и не забывать, что русское правительство обращаетъ прежде всего свое вниманіе на служителей алтаря, если только они не допускаютъ въ своемъ духовномъ стадѣ политическихъ соблазновъ и своимъ поведеніемъ не даютъ примѣра двуличію.

Затѣмъ я попросилъ епископа обождать въ кабинетѣ, покуда кончу пріемъ, чтобы побесѣдовать съ нимъ наединѣ, что продолжалось добрыхъ полчаса.

Сначала хитрый старецъ думалъ отдѣлаться непониманіемъ русскаго языка и отвѣтами въ родѣ *да* и *нѣтъ*; но когда я попросилъ его подробно разсказать мнѣ о томъ, на какомъ основаніи и какъ онъ, передъ возстаніемъ, освящалъ знамена, шитыя польскими помѣщицами и кѣлецкими дамами, для повстанскихъ бандъ,—то заговорилъ. Остановивъ его оправдательныя рѣчи, я такъ пробралъ его, сопоставляя прошлое его поведеніе, съ тѣмъ, что потребуется отъ него въ будущемъ, что онъ не разъ обтиралъ лобъ отъ выступавшаго пота.

При представленіи гражданскихъ властей больше всего приходилось говорить съ гминными войтами и выборными изъ крестьянъ, потому что съ другими говорить не стоило. Разсуждать съ польскимъ чиновникомъ или шляхтою было-бы напрасною тратою времени. Преданными ихъ ничѣмъ не сдѣлаешь, а потому съ этимъ сортомъ людей я говорилъ тономъ начальника, отдающаго приказаніе, „чтобъ было, а не будетъ такъ вонъ!“ Крестьянамъ же надо было выставить себя ихъ защитникомъ отъ произвола пановъ и ухищреній ксендза, поддержать въ нихъ довѣріе къ власти и благодарность къ правительству. Тутъ всякое слово могло имѣть значеніе и принести пользу, потому что падало на добрую почву. Для польскаго крестьянина слово „Царь“ имѣетъ ту же обаятельную силу, что и для русскаго,—надо только, чтобы онъ не видѣлъ въ представителѣ власти колебаній и влеченій то въ одну, то въ другую сторону.

Перебирая переписку прежнихъ давноминувшихъ лѣтъ, я нашелъ нѣсколько бумагъ, касающихся управленія Радомскимъ отдѣломъ. Описываемые въ нихъ факты характеризуютъ

ту перемѣну во взглядахъ на дѣла въ Польшѣ и въ направленіи, которое произошло въ графѣ Бергѣ, черезъ два года послѣ возстанія. Изъ нихъ же видно, какъ нѣкоторые изъ русскихъ дѣятелей, поставленные во главѣ управленій для поддержанія русскихъ интересовъ, первые заискивали популярности. Въ доказательство этого приведу нѣсколько выписокъ изъ моихъ бумагъ къ бывшему генералъ-полиціймейстеру Ѳ. Ѳ. Трепову, которыя лучше всего обрисовываютъ политическое состояніе края.

1) „По объѣздѣ западныхъ уѣздовъ, я пришелъ къ убѣжденію, что Радомскій отдѣлъ, въ политическомъ отношеніи, не можетъ быть сравниваемъ съ прочими. Здѣсь былъ зародышъ и разгаръ возстанія, здѣсь оно питалось и существовало долѣе чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ, здѣсь и теперь еще много затаенной злобы. Несмотря на все мое стараніе, чтобы дѣла рѣшались скорѣе и число арестованныхъ уменьшалось, въ январѣ оно увдличилось. Даже крестьяне прилегающихъ къ Австріи уѣздовъ, далеко не тѣ, что въ уѣздахъ сѣверныхъ. Я увѣренъ, что графъ Бергъ недоволенъ, почему у меня и болѣе арестованныхъ, и болѣе слѣдственныхъ дѣлъ; увѣренъ, что онъ будетъ еще болѣе недоволенъ за то, что̀ я говорю о положеніи ввѣреннаго мнѣ отдѣла. Но неужели онъ желаетъ, чтобы ему только доносили о спокойствіи и преданности, которыхъ не существуетъ?

2) „Губернаторъ препроводилъ ко мнѣ копію съ отзыва дѣйствительнаго статскаго совѣтника Кошелева, о томъ, чтобы онъ не запрашивалъ болѣе военно-полицейскія власти о благонадежности въ политическомъ отношеніи лицъ, поступающихъ на службу въ его вѣдомство. Распоряженіе объ этомъ отмѣнено не было. Кто-же далъ г. Кошелеву право отмѣнять приказанія намѣстника? Подобное исключеніе для коммисіи финансовъ угрожаетъ такими послѣдствіями въ будущемъ, за которыя я слагаю съ себя всякую отвѣтственность. Пусть ужь лучше объявятъ общую амнистію. Не явное ли это открытіе пути, всѣмъ корифеямъ бывшаго мятежа, пробраться на лучшія мѣста, требующія наибольшаго довѣрія правительства. Скорѣе можно-бы было предоставить подобную льготу всякому другому вѣдомству, но не финансовому, съ г. Кошелевымъ во главѣ. Горные заводы и лѣсная стража дали первый матеріалъ въ

банды, и до сихъ поръ многіе преступники скрытно проживаютъ на заводахъ и у лѣсниковъ, подъ чужими именами, покровительствуемые кошелевскими чиновниками".

3) „Управляющій комисіею финансовъ Кошелевъ препроводилъ ко мнѣ два слѣдственныя дѣла о крестьянахъ, скотъ которыхъ, всего въ числѣ 15 коровъ, пасся на казенной дачѣ, требуя при этомъ или преданія крестьянъ суду, или взысканія съ нихъ штрафа въ размѣрѣ 10 руб. за каждую. Изъ дѣла видно, что скотъ этотъ не пасся, а по недосмотру пастуха забрелъ въ казенный лѣсъ, гдѣ оставался не болѣе двухъ часовъ, тогда какъ помѣщичій скотъ постоянно заходитъ на казенные участки, безъ всякаго за это взысканія съ пановъ. Сопоставляя эти данныя, вижу въ требованіи г. Кошелева какъ-бы явную придирку къ сословію, остававшемуся вѣрнымъ правительству во время мятежа, а въ дѣйствіяхъ финансовыхъ чиновниковъ—какъ-бы отместку за эту вѣрность. Отказавъ г. Кошелеву въ первомъ его требованіи, относительно преданія крестьянъ суду, я приказалъ оштрафовать ихъ по 1 рублю за каждую голову скота, о чемъ сообщилъ ему и доношу вамъ, дабы вы видѣли направленіе дѣлъ въ комисіи г. Кошелева и цѣли подвѣдомственныхъ ему польскихъ чиновниковъ".

4) „На-дняхъ я получилъ, черезъ начальника штаба округа, конфирмацію намѣстника, по дѣлу революціонной организаціи Опочинскаго уѣзда, о двухъ важныхъ политическихъ преступникахъ, помѣщикахъ Даманскомъ и Родванѣ. Изъ приговора военно-судной комисіи видно, что оба они явно уличены, присягою 30 свидѣтелей, въ совершенныхъ ими злодѣяніяхъ, въ понужденіи крестьянъ къ возстанію, въ повѣшеніи тѣхъ, которые не исполняли ихъ преступныхъ приказаній. Судъ приговорилъ ихъ къ смертной казни; я же, въ виду распоряженія объ ея отмѣнѣ, опредѣлилъ сослать ихъ въ каторжныя работы безъ срока; но намѣстникъ конфирмовалъ: Даманскаго—къ 6-ти мѣсячному заключенію въ крѣпости, а Родвана водворить въ имѣніи подъ надзоръ полиціи. Не явное-ли это нарушеніе справедливости и гдѣ-же уваженіе къ закону? Какой-же послѣ этого держаться системы? Важнаго государственнаго преступника, вѣшающаго людей за вѣрность Царю и присягѣ, прощаютъ и въ то же время выгоняютъ честнаго

чиновника, 35 лѣтъ усердно служившаго правительству, за то, что дочь его не была на свадьбѣ подруги, выходившей за офицера,—и безъ суда, даже безъ опроса, ссылаютъ въ другую губернію. Чего-же послѣ этого держаться? Представьте себѣ, какое впечатлѣніе произведетъ появленіе Родвана среди крестьянъ и семей повѣшенныхъ имъ отцовъ! Какое мнѣніе получатъ эти преданные правительству люди о нашихъ судахъ? Подобныя конфирмаціи бросаютъ тѣнь на все военно-полицейское управленіе. Измѣнить рѣшеніе намѣстника уже невозможно, но необходимо указать, какой подрывъ власти и закону производитъ кассированіе рѣшеній суда, и какой вредъ это приноситъ правительству и русскому дѣлу въ Польшѣ. Въ Варшавѣ это не такъ замѣтно; но надо быть здѣсь, чтобы видѣть впечатлѣніе, произведенное въ Радомѣ и Кѣльцахъ прощеніемъ Родвана. На другой-же день по появленіи его на свободѣ, въ обоихъ городахъ были разбросаны прокламаціи, воспрещающія полькамъ посѣщать русскія семейства и входить въ сближеніе съ москалями".

При первомъ знакомствѣ съ полковыми командирами, мнѣ довелось слышать отъ нихъ не мало странностей, о бывшихъ въ дивизіи порядкахъ. Надо замѣтить, что она, 15 лѣтъ сряду была подъ начальствомъ генерала Ушакова. Казалось-бы, что въ столь продолжительное время можно было все устроить и вести правильно и солидно. На дѣлѣ-же, въ смыслѣ внутренняго порядка, я встрѣтилъ крайнее разнообразіе и распущенность. Желая узнать этому причину, я разспрашивалъ о прошломъ, не только полковыхъ командировъ, но и другихъ, заслуживавшихъ полнаго довѣрія старожиловъ дивизіи. Изъ ихъ словъ выходило, что Ушаковъ представлялъ изъ себя двѣ крайности: до начала реформъ въ военномъ вѣдомствѣ—это былъ консерваторъ, требовательный до педантизма и строгій до излишества; но какъ только во главѣ министерства стало другое лицо и ощутились другія вѣянія, Ушаковъ круто измѣнилъ свои взгляды и убѣжденія и сдѣлался либераломъ. Подъ конецъ это дошло до того, что по утвержденіи новыхъ, къ счастію, недолго существовавшихъ правилъ ротнаго хозяйства, онъ ввелъ въ ротахъ нѣчто въ родѣ самоуправленія; требовалъ, чтобы ротные командиры ни во что, кромѣ обу-

ченія, не входили, и чтобы нижніе чины сами распоряжались своимъ хозяйствомъ. На одномъ изъ инспекторскихъ смотровъ, вызвавъ къ себѣ всѣхъ артельщиковъ и отдаливъ ихъ начальниковъ, Ушаковъ говорилъ, чтобы они никого не допускали къ котлу. Слыша это отъ одного изъ полковыхъ командировъ, я не вѣрилъ своимъ ушамъ, покуда, проѣздомъ черезъ мѣстечко Шидловцы, не зашелъ въ отведенный для солдатъ домъ. Это было ночью. Оказалось, что всѣ спятъ на голыхъ доскахъ. Требую ротнаго командира, чтобы распечь и взыскать съ него; но онъ докладываетъ, что нижніе чины, по общему ихъ рѣшенію, занесенному въ учрежденную новымъ положеніемъ книгу приговоровъ, постановили: отпущенную на постели солому продать, а деньги употребить на водку.

Прежде Ушаковъ строго взыскивалъ съ солдата за не ярко вычищенную пуговицу, а потомъ сердился зачѣмъ требуютъ опрятности. Любимыми его фразами ротнымъ командирамъ, въ послѣднее время, было: „Что вы приводите ко мнѣ вашихъ людей приглаженными? Давайте мнѣ солдата какъ онъ есть, а не накрахмаленнымъ! Я хочу его видѣть такимъ, какъ онъ дома, а не въ гостяхъ“.

Послѣ осмотра Витебскаго полка, въ квартирѣ его командира, у насъ зашелъ съ нимъ такой разговоръ:

— Въ нашей службѣ, говоритъ полковникъ, все зависитъ не отъ постановленій закона, а отъ взгляда начальника.

— Изъ чего вы это заключаете? спрашиваю я.

— Да вотъ, напримѣръ сегодня, вы замѣтили, что мои унтеръ-офицеры небрежно одѣты, а выведи я ихъ такъ при генералѣ Ушаковѣ, такъ онъ прогналъ бы ихъ за то, что вышли такъ чисто.

— Извините, я васъ не понимаю; полагаю, что за чистоту сердиться трудно.

— А между тѣмъ у насъ такъ было. Бывшій начальникъ дивизіи говорилъ, что всѣ прежнія требованія мирнаго времени идутъ въ ущербъ боевыхъ качествъ войскъ.

На это я отвѣтилъ, что только тогда можно бы было дать значеніе подобной мысли, если бы генералъ Ушаковъ доказалъ, что немытый и оборванный солдатъ дерется лучше, чѣмъ чистый; а такъ какъ этого никто доказать не можетъ, то буду строго требовать порядка и опрятности.

При первомъ посѣщеніи Витебскаго полка, я былъ удивленъ встрѣчею тамъ съ товарищемъ дѣтства. При поименномъ представленіи полковымъ командиромъ офицеровъ, вижу небольшаго роста маіора, лицо котораго мнѣ необыкновенно знакомо. Вглядываюсь и невольно вскрикиваю: „Зайчикъ!“ Это было прозвище, данное кадетами одному изъ товарищей,—Мельницкому. Болѣе 25 лѣтъ мы не видались и, несмотря на разницу чиновъ и положеній, тутъ же обнялись съ нимъ. Черезъ годъ бѣдняга умеръ, оставивъ семью безъ всякихъ средствъ къ существованію.

Въ Кѣльцахъ мнѣ пришлось пробыть нѣсколько дней, такъ какъ тамъ, кромѣ Смоленскаго полка, квартировали: артиллерія, казачій полкъ, былъ военный госпиталь, гимназія и отдѣльный учебный округъ. Все это надо было осмотрѣть и кромѣ того, ознакомиться съ нѣсколькими лицами, занимавшими должности по крестьянской реформѣ. Между послѣдними были два молодые человѣка, служившіе въ гвардіи,—Искрицкій и Петровъ. Первый только-что женившійся на красавицѣ, дочери К. О. Ченчеры, а второй прибылъ въ Польшу съ молоденькою и симпатичною женою. Обѣ они были украшеніемъ русскаго кружка въ Кѣльцахъ, центромъ котораго долго оставался домъ Ченчеры, гдѣ всѣ мы собирались въ свободные вечера.

По возвращеніи въ Радомъ, я нашелъ тамъ распоряженіе о приведеніи арміи въ кадровый составъ и объ утвержденіи для полковъ четырехъ различныхъ штатовъ: военнаго, усиленнаго мирнаго, обыкновеннаго и кадроваго и, въ то же время, объ учрежденіи резервныхъ баталіоновъ. Все это кореннымъ образомъ измѣняло организацію полковъ. Дабы не принадлежащіе къ военному званію читатели поняли суть этихъ военныхъ реформъ, позволяю себѣ коснуться ихъ съ нѣкоторою подробностію.

Со времени Крымской кампаніи и до 1863 г., т. е. продолженіи 7 лѣтъ, у насъ не было рекрутскихъ наборовъ; черезъ это въ полкахъ были люди только 4-хъ сроковъ службы, а именно: поступившіе на службу до 1856 г. и затѣмъ 1863, 1864 и 1865 г. Кадровый составъ опредѣлялъ имѣть въ ротѣ всего 60 рядовыхъ и 8 унтеръ-офицеровъ. Послѣдніе принадлежали исключительно старшему сроку, а такъ какъ при при-

веденія въ кадры приказано было уволить всѣхъ поступившихъ до 1856 г., то и ушли почти всѣ лучшіе и опытные унтеръ-офицеры, вмѣсто которыхъ, по неожиданности распоряженія, не было подготовлено надежныхъ замѣстителей. Но съ этимъ кое-какъ справились, потому что люди набора 1863 года, перваго послѣ продолжительнаго промежутка, представляли прекрасный матеріалъ.

Вмѣстѣ съ измѣненіемъ штатовъ вводилось и измѣненіе въ системѣ хозяйственнаго управленія полками, которые, изъ единоличнаго управленія полковаго командира, переходили къ коллегіальному, комитетскому. Привести въ исполненіе подобную мѣру было не легко. Это доказывается тѣмъ, что спустя два года, я нашелъ въ Московскомъ округѣ полки, управляемые еще по прежней системѣ. Надо было имѣть основательное знаніе хозяйства и особенную настойчивость, чтобы столь радикальная перемѣна совершилась съ соблюденіемъ справедливости и выгодъ казны; но въ 7-й дивизіи мнѣ удалось сдѣлать это довольно скоро. Тогда въ каждомъ полку существовали особыя, образованныя изъ экономическихъ средствъ, суммы, на обезпеченіе сдачи полковъ. Нормальный ихъ размѣръ опредѣлялся въ 5 тысячъ; но какъ за этимъ не было тщательнаго надзора, то въ однихъ полкахъ было меньше, а въ другихъ нѣсколько больше. Являлись вопросы: 1) насколько имѣющаяся въ полку сумма обезпечиваетъ недостатки по хозяйству? 2) если существующая сумма не достаточна—кто долженъ ее пополнить; а если она болѣе чѣмъ ее нужно—куда причислить остатокъ? 3) кому принадлежитъ то полковое имущество, которое содержится сверхъ штатовъ и табелей и которое было заведено при прежней системѣ хозяйства, на экономическія средства, составлявшія собственность полковаго командира? Вопросы видимо крайне существенные и сложные. Предвидя что рѣшеніе ихъ, черезъ офиціальные запросы высшимъ инстанціямъ, поведетъ къ безконечной перепискѣ, я взялъ все на себя и, никого не запрашивая, образовалъ ликвидаціонныя комиссіи въ каждомъ полку, въ томъ составѣ, какой считалъ самымъ практичнымъ. Председателями комиссіи были назначены штабъ-офицеры другихъ полковъ, а членами: казначей, квартермистеръ и два ротные командира, одинъ изъ своего, а другой—изъ чужаго полка, по моему избранію. Каж-

дая комисія обязана была, въ теченіи мѣсяца, тщательно пересмотрѣть все полковое имущество, составить подробныя вѣдомости, какъ о недостающемъ и требующемъ исправленія, такъ и о томъ, что имѣется въ полку излишняго противъ табелей, т. е., что не составляетъ казенной собственности, съ оцѣнкою какъ того, такъ и другого. Справедливость оцѣнки, или другими словами, согласіе или несогласіе на нее, скрѣплялось подписью полковаго командира. По представленіи этихъ вѣдомостей ко мнѣ, въ дивизіонномъ штабѣ составлялся балансъ между цѣнностями недостающаго или неисправнаго и излишняго, и опредѣлялось: сколько полковой командиръ обязанъ приплатить сверхъ имѣющейся суммы на обезпеченіе сдачи, или сколько получить изъ этой суммы. Въ тѣхъ случаяхъ, когда командиръ полка находилъ оцѣнку несогласною съ дѣйствительною стоимостью недостающаго, назначались посредники изъ штабъ-офицеровъ, и ихъ рѣшеніе было безапеляціоннымъ. Результатомъ этихъ распоряженій было то, что въ двухъ полкахъ суммы на обезпеченіе оказались вполнѣ достаточными, въ одномъ—полковому командиру пришлось приплатить, а въ остальномъ—онъ получилъ до 800 руб. въ личное свое распоряженіе.

Введеніе новой системы хозяйства и занятія съ кадровымъ составомъ, вызывавшія усиленную работу, требовали частыхъ поѣздокъ въ полки. При стремленіи къ уничтоженію прежняго, преобразователи не хотѣли дать времени чему либо устроиться и приказанія упразднять старое и заводить новое получались одно за другимъ. Музыкантскіе хоры полковъ велѣно было распустить, а горнистовъ снабдить такими инструментами, которые замѣняли бы и рожокъ и трубу. Такія дудки носили названіе инструментовъ Вурма. Бывъ съ давнихъ поръ лично знакомъ съ этимъ артистомъ, при первой поѣздкѣ въ Петербургъ, я спросилъ его, зачѣмъ онъ придумалъ горнистскіе хоры? — „Я доказывалъ,—отвѣчалъ Вурмъ, что изъ этого ничего не выйдетъ; но что же было дѣлать, когда мнѣ было приказано что-либо выдумать, во что бы ни стало". Чтобы осуществить это распоряженіе, полки должны были за ничто продать дорого стоившіе имъ инструменты и заказывать ни къ чему не годные новые. Къ веснѣ они были готовы; но что это была за музыка! Когда я впервые услыхалъ

ее, вмѣстѣ съ начальникомъ штаба, то выходя изъ манежа, онъ сказалъ: „Теперь я понимаю, что стѣны Іерихона могли рухнуть отъ трубныхъ звуковъ“. Вмѣсто прежнихъ полковыхъ хоровъ, былъ заведенъ одинъ, общій на всю дивизію. Какъ на него, такъ и на вурмскіе хоры, полки израсходовали по 1,200 р. Слѣдовательно, эта новая затѣя, придуманная ради экономіи, сразу потребовала на всю армію болѣе двухсотъ тысячъ непроизводительнаго расхода и, кромѣ того, принесла полкамъ чувствительные убытки, такъ какъ лишила ихъ того, что заигрывали музыканты, а новыхъ, іерихонскихъ хоровъ, конечно никуда не нанимали. Они были способны только разгонять, а не привлекать публику. Надо было совершенно не знать духа арміи, чтобы не понимать, какое значеніе имѣетъ военный хоръ въ провинціи, какое вліяніе онъ имѣетъ на внутреннюю жизнь полка и на его отношеніе къ мѣстному обществу. Не смотря на всѣ заявленія, нужно было 6 лѣтъ, чтобы побороть упрямство, и только послѣ этого полкамъ возвращены были прежніе музыкантскіе хоры, на что снова затрачены большія суммы.

Праздникъ Пасхи 1866 года былъ ознаменованъ упраздненіемъ военныхъ отдѣловъ и раздѣленіемъ царства польскаго, вмѣсто четырехъ, на 8 губерній. То и другое послѣдовало по настояніямъ представителей гражданскихъ реформъ въ краѣ, Н. Милютина и князя Черкасскаго, вопреки желаній намѣстника, хотя онъ и дѣлалъ видъ, что раздѣляетъ пользу подобной мѣры. Сущность ея состояла лишь въ томъ, что губернаторы, выйдя изъ-подъ вліянія начальниковъ отдѣловъ, приняли на себя ихъ обязанности, но собственно военно-полицейское управленіе осталось въ полной силѣ, чего только и хотѣлось преобразователямъ. Впрочемъ это существовало не долго. Вслѣдъ за событіемъ 4-го апрѣля, генералъ Треповъ былъ вызванъ въ Петербгургъ; его замѣнилъ оберъ-полиціймейстеръ Варшавы баронъ Фредериксъ. Какъ онъ ни боролся, какъ ни отстаивалъ свои права, противная партія брала верхъ и значеніе генералъ-полиціймейстера постепено умалялось, а затѣмъ это званіе было упразднено. Къ чести Ѳ. Ѳ. Трепова нужно сказать, что, оставляя свой постъ, онъ не забылъ усердной службы своихъ подчиненныхъ. Какъ человѣкъ, близко знавшій сколько пользы приносили служившіе въ отдѣлахъ,

онъ настоялъ о выдачѣ имъ значительныхъ денежныхъ наградъ, изъ состоявшихъ въ распоряженіи намѣстника штрафныхъ суммъ, такъ что ни одинъ изъ чиновъ управленія отдѣломъ не остался безъ вниманія.

Съ упраздненіемъ военныхъ отдѣловъ, нѣкоторые изъ губернаторовъ, какъ бы въ отместку за прошлое подчиненіе, старались дать почувствовать военнымъ начальникамъ, что теперь—все въ ихъ власти. Въ Радомѣ такое направленіе было замѣчено съ перваго же дня по объявленіи новаго административнаго положенія. Не прошло недѣли, какъ получена была бумага, что городъ слишкомъ дорого платитъ за наемъ моей квартиры и пототу губернаторъ предлагаетъ мнѣ пріискать другое помѣщеніе, тѣмъ болѣе, что занимаемый мною домъ онъ предназначилъ для вновь учреждаемой казенной палаты. Замѣтьте, что это писалъ человѣкъ, съ которымъ я старался, даже съ нѣкоторыми уступками, поддерживать хорошія отношенія. Квартира, конечно, осталась за мною, потому что я написалъ объ этомъ начальнику штаба и намѣстникъ приказалъ пріискать для казенной палаты другой домъ. Взглянувъ на подобную попытку губернатора какъ на мелочность не заслуживающую препреканій, я и въ слѣдующую зиму, чтобы не дать полякамъ повода къ толкамъ и сплетнямъ, поддерживалъ съ нимъ приличныя отношенія, но и это не помогало.

Заботясь о будущности устроенннаго мною, въ бытность командиромъ полка, Николаевскаго пріюта для солдатскихъ дѣтей въ Варшавѣ, я и въ Радомѣ продолжалъ дѣлать въ его пользу все, что можно: входилъ въ сношенія съ православными священниками о разысканіи солдатскихъ дѣтей, брошенныхъ въ городахъ и мѣстечкахъ Польши, собиралъ пожертвованія, устраивалъ въ пользу пріюта спектакли. Послѣднему много способствовали тѣ изъ русскихъ, которые прибыли во вновь вводимыя гражданскія учрежденія, особенно управляющій акцизомъ г. Погодинъ и жена его. Наплывъ русскихъ чиновниковъ замѣтно повліялъ на монотонность жизни, такъ что явилась даже возможность устроить городской клубъ.

Коснувшись устройства Николаевскаго пріюта для солдатскихъ дѣтей въ Варшавѣ, считаю не лишнимъ, хотя вкратцѣ ознакомить читателей съ этимъ полезнѣйшимъ изъ всѣхъ на-

шихъ пріютовъ, тѣмъ болѣе, что о немъ весьма мало знаютъ въ Россіи.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1863 года, въ самый разгаръ революціонной пропаганды въ Польшѣ, посѣщая занимаемыя моимъ полкомъ казармы, я замѣтилъ, что всякій разъ, когда я во время обѣда нижнихъ чиновъ подходилъ къ ихъ столамъ, устроеннымъ на казарменномъ дворѣ, къ заднимъ воротамъ бросалась масса нищихъ дѣтей обоего пола, отъ 7-ми до 12-ти-лѣтняго возраста. Они собирались къ солдатскому обѣду съ надеждою получить отъ „москалей" кусокъ хлѣба, а подчасъ и мяса. Солдатики охотно удѣляли этимъ несчастнымъ свои остатки. Однажды я взошелъ во дворъ съ заднихъ воротъ. Услыша команду „встать", дѣти бросились, и прямо наткнулись на меня. Изъ распроса тѣхъ, которые казались по смышленнѣе и менѣе робкими, я узналъ, что это по преимуществу сыновья и дочери русскихъ солдатъ, или умершихъ въ Польшѣ, или ушедшихъ съ полками въ Россію, куда матери-польки не хотѣли слѣдовать за своими мужьями. Тѣ, съ которыми я говорилъ, отвѣчали по-польски; никто изъ нихъ не зналъ какого онъ вѣроисповѣданія, православный, или католикъ, а одинъ даже сказалъ, что онъ „жолнерской (т. е. солдатской) вѣры". Матери и родственницы этихъ несчастныхъ эксплоатировали ихъ, посылая собирать подаяніе и били, или не пускали на ночь домой тѣхъ, кто приносилъ меньше злота. Грустно стало мнѣ при мысли, что дѣти людей, отстаивавшихъ своею грудью и кровью русское дѣло въ Польшѣ, предоставлены подобной участи.

Спустя нѣсколько дней, у меня былъ домашній спектакль. Какъ теперь помню, мы играли „Ревизора". При разъѣздѣ публики, въ числѣ ожидавшихъ экипажа, находился князь Черкасскій. Благодаря меня, онъ выразился такъ:

— Зачѣмъ вы насъ балуете и не соединяете пріятнаго съ полезнымъ. Всякій изъ насъ, за удовольствіе слышать русскую рѣчь со сцены, да еще при такомъ мастерскомъ исполненіи, съ радостію готовъ бы былъ заплатить въ пользу добраго дѣла.

Я тутъ же вспомнилъ о бѣдствующихъ дѣтяхъ русскаго солдата; а на другой день поѣхалъ къ Черкасскому переговорить о томъ, нельзя ли устроить въ Варшавѣ пріютъ для

солдатскихъ дѣтей. Князь отнесся къ моей мысли съ большимъ сочувствіемъ и мы тутъ же условились, что я привезу ему записку о необходимости подобнаго заведенія, какъ средства къ спасенію русской народности отъ ополяченія, а онъ доложитъ ее намѣстнику и постарается заинтересовать его къ этому дѣлу. Графъ Бергъ нетолько нашелъ мою мысль полезною, но приказалъ немедленно приступить къ ея осуществленію. Вслѣдствіи этого составлена была, подъ предсѣдательствомъ генерала барона Меллеръ-Закомельскаго, комисія, въ которой я принялъ на себя обязанность дѣлопроизводителя, для обсужденія основаній и средствъ, необходимыхъ для устройства пріюта и для составленія положенія о его организаціи и управленіи.

Въ поданной мною запискѣ были предложены слѣдующіе источники, могущіе образовать ту сумму, которая дала бы возможность, хотя исподволь, приступить къ дѣлу, а именно: 1) устройство любительскихъ спектаклей и военнаго концерта въ родѣ инвалиднаго, даваемаго въ Петербургѣ; 2) сборъ пожертвованій взамѣнъ пасхальныхъ и новогоднихъ визитовъ; 3) приглашеніе русскихъ членовъ общества къ поступленію въ дѣйствительные члены устраиваемаго заведенія, съ опредѣленнымъ ежегоднымъ взносомъ въ его пользу; 4) пожертвованіе расположенными въ Варшавѣ полками извѣстнаго количества дровъ на отопленіе зданія; 5) назначеніе въ прислугу по одному нестроевому изъ каждой стоящей въ городѣ части и 6) предложеніе нижнимъ чинамъ всѣхъ войскъ, находящихся въ Польшѣ, въ періодъ вольныхъ работъ, пожертвовать одинъ день заработка въ пользу пріюта.

Нельзя умолчать, что послѣдняя мѣра была нѣкоторыми командирами частей оспариваема, какъ принудительная и что вообще дѣло учрежденія пріюта не обошлось безъ тайныхъ интригъ тѣхъ личностей, которыя вообразили, что моя цѣль выслужиться передъ графомъ Бергомъ.—Много надо было настойчивости и терпѣнія для противодѣйствія подобнымъ взглядамъ, но Богъ видимо помогалъ мнѣ.

Покуда накоплялась сумма, изъ указанныхъ источниковъ и отъ пожертвованій, я, черезъ комендантовъ городовъ и черезъ уѣздныхъ начальниковъ, собиралъ свѣдѣнія о всѣхъ солдатскихъ сиротахъ, находящихся въ Польшѣ. Доставленные

ими списки указывали, что не считая деревень ихъ набиралось болѣе 300. Нечего было и разсчитывать на устройство такого заведенія, которое вмѣстило бы такую массу дѣтей, а потому было рѣшено устроить пріютъ первоначально только на 50 сиротъ. Что особенное покровительство Божіе осѣняло задуманное мною дѣло и что оно было дѣйствительно необходимо, это доказало общее къ нему сочувствіе. Не говоря о быстро поступавшихъ пожертвованіяхъ, отъ одного гулянья въ Саксонскомъ саду, съ лоттереею-аллегри, было выручено до 8 тысячъ рублей. Главными жертвователями были намѣстникъ и архіепископъ варшавскій Іоанникій, внесшіе каждый по тысячѣ рублей. Когда же графъ Бергъ испросилъ высочайшее соизволеніе на наименованіе будущаго пріюта, въ память царственнаго первенца, Николаевскимъ, то Императрица Марія Александровна, принимая заведеніе подъ свое покровительство пожаловала 2000 руб. на его обзаведеніе. Къ концу 1864 года сдѣлалось несомнѣннымъ, что устройство пріюта возможно и надо было подумать о его помѣщеніи. Въ этомъ отношеніи главная помощь была оказана тѣмъ же княземъ Черкасскимъ. Съ соизволенія намѣстника, онъ отдалъ подъ пріютъ помѣщеніе упраздняемаго монастыря и католической духовной академіи, переводимой въ другое зданіе. Болѣе полугода пришлось употребить на исправленіе и примѣненіе монастыря, поступившаго, вмѣстѣ съ садомъ, въ вѣчную собственность устраиваемаго заведенія; на это затрачивалась почти вся собираемая сумма. Благодаря помощи полковъ мастеровыми, къ концу 1865 года все было окончено. На 50 дѣтей заготовлена мебель, одежда, бѣлье, въ зданіе проведена вода, оно освѣщено газомъ, устроены были баня и небольшой лазаретъ, закуплены классныя и мастерскія принадлежности, наняты надзирательница и ея помощница, а равно женская прислуга для дѣвочекъ. Такимъ образомъ, менѣе чѣмъ черезъ годъ послѣ представленія моей записки, когда не было еще ни копѣйки денегъ, пріютъ былъ совершенно готовъ, имѣлъ собственный домъ и 8 тысячъ рублей на расходы перваго года; въ день же открытія, 6-го декабря 65 года, онъ получилъ, въ даръ отъ намѣстника, 13 тысячъ запаснаго капитала, отчисленнаго изъ инвалиднаго бывшихъ ветерановъ царства Польскаго.

Въ настоящее время Николаевскій пріютъ призрѣваетъ

полтораста солдатскихъ дѣтей, расходуетъ на нихъ отъ 18 до 20 тысячъ въ годъ и имѣетъ до 70 тысячъ запаснаго капитала. Но капиталъ этотъ далеко еще недостаточенъ для того, чтобы считать существованіе пріюта навсегда обезпеченнымъ. Потребуйся полное исправленіе стариннаго зданія—и его недостанетъ. Вотъ почему я и сказалъ, что о Николаевскомъ пріютѣ мало кто знаетъ въ Россіи. Еслибы цѣль его учрежденія и существенная нужда въ немъ была распространена въ народѣ, то несомнѣнно явились бы крупныя пожертвованія и образовали бы неприкосновенный капиталъ такого размѣра, который далъ бы возможность содержать пріютъ одними процентами.

Для удовлетворенія тѣхъ, кто пожелалъ бы знать, какую пользу принесъ пріютъ въ теченіи 23-лѣтняго существованія, скажу, что его питомцы подвизаются на различныхъ путяхъ частной и общественной дѣятельности. По выпускѣ 17 лѣтъ изъ заведенія, они, большею частію, поступаютъ въ услуженіе: мальчики—въ писаря, приказщики, фельдшера, въ музыканты и кондуктора, дѣвочки служатъ: няньками, горничными, бѣлошвейками и о всѣхъ слышны самые похвальные отзывы. Не мало было примѣровъ поступленія дѣтей изъ пріюта въ гимназіи. Я знаю мальчика пасшаго свиное стадо еврея въ Сандомірѣ, присланнаго ко мнѣ тамошнимъ священникомъ, для опредѣленія въ пріютъ. Теперь онъ начальникомъ одной изъ главныхъ телеграфныхъ станцій. Не наведи меня Богъ на мысль объ устройствѣ пріюта и всѣ эти дѣти русскихъ людей или погибли бы, или были бы ополячены.

Въ день бракосоченія Наслѣдника, главнымъ военнымъ дѣятелямъ въ періодъ возстанія, были пожалованы маіораты, изъ казенныхъ земель въ Польшѣ. Въ числѣ прочихъ и я удостоился этой существенной награды. Намъ было предоставлено право самимъ выбирать имѣнія, съ условіемъ, чтобы ихъ доходность не превышала той суммы, въ какую данъ маіоратъ. Лица въ чинѣ генералъ-лейтенантовъ получили маіораты въ 3 тысячи, генералъ-маіоры, стоявшіе поближе къ намѣстнику, въ 2 тысячи, прочіе въ полторы. Я былъ доволенъ послѣднимъ и счастливъ какъ нельзя болѣе, потому что полученная награда хотя нѣсколько обезпечивала будущность семьи, что, при неимѣніи состоянія, имѣло для меня громадное

*

значеніе. Теперь главное состояло въ умѣніи выбрать имѣніе. Не имѣя никакого понятія гдѣ лучше и доходнѣе земли, я уже думалъ предоставить это вѣдавшей казенныя имѣнія комисіи финансовъ, какъ судьба послала мнѣ добраго и опытнаго совѣтника, въ лицѣ бывшаго при Паскевичѣ радомскимъ губернаторомъ, отставнаго полковника Бѣлостоцкаго, случайно, въ качествѣ мѣстнаго помѣщика, пріѣхавшаго ко мнѣ съ визитомъ. Онъ-то и рекомендовалъ мнѣ, жившаго въ Радомѣ, отставнаго коммисара Боландовича, завѣдывавшаго при немъ казенными имѣніями губерніи. Баландовичъ на другой же день явился ко мнѣ, со спискомъ нѣсколькихъ фольварковъ, находящихся на границѣ Илженскаго и Кѣлецкаго уѣздовъ, въ 60 верстахъ отъ Радома. Мнѣ слѣдовало-бы немедленно ѣхать съ этимъ спискомъ въ Варшаву, чтобы подать тамъ заявленіе въ комисію финансовъ, но ожиданіе прибыли въ семьѣ задержало меня недѣли на три. Этимъ временемъ чиновники комисіи, зная, что никто не пожалѣетъ наградить ихъ за указаніе и содѣйствіе, включили лучшія имѣнія въ заявленія тѣхъ, кто жилъ въ Варшавѣ и могъ ранѣе меня войти съ ними въ сношеніе. Такимъ образомъ, два лучшіе фольварка изъ моего заявленія были уже отданы и надо было выбрать другіе. Самое бы лучшее было просить замѣнить ихъ лѣснымъ участкомъ, какъ многіе и сдѣлали, но я не понималъ тогда выгоды подобной замѣны и взялъ то, что мнѣ предложили. Чрезъ это мой маіоратъ оказался безлѣснымъ, тогда какъ обмѣнявшіе малоходныя усадьбы на лѣсъ были въ большой выгодѣ, потому что за проданныя тогда же частицы лѣса получили большія деньги, а земля изъ подъ него все-таки осталась ихъ собственностью. Лучшіе маіораты конечно попали въ собственность тѣхъ, къ кому былъ расположенъ управлявшій комисіею финансовъ Кошелевъ и его коллеги: князь Черкасскій и Соловьевъ. Эти господа сильно негодовали, что военнымъ даютъ маіораты; они увѣряли, что негодуютъ не изъ зависти, а потому, что считаютъ подобную мѣру вредною въ политическомъ и нравственномъ смыслѣ: но когда, черезъ годъ, разрѣшено было представить къ маіоратамъ и гражданскихъ дѣятелей, то никто изъ нихъ не только не отказался, а напротивъ, другъ передъ другомъ рвались какъ бы получить по больше, и по лучше.

Такъ какъ и теперь случается читать статьи противъ маіоратовъ, то позволяю себѣ нѣсколько остановиться на этомъ вопросѣ. Едва-ли справедливо смотрѣть на маіораты какъ на средства для обрусѣнія Польши. Они были даны генераламъ, прослужившимъ много лѣтъ и занимавшимъ должности, по которымъ получали гораздо болѣе, чѣмъ доходъ съ ихъ маіората; слѣдовательно нельзя было и разсчитывать на то, чтобы они поселились въ пожалованныхъ имѣніяхъ. Выходить для этого въ отставку было-бы съ ихъ стороны и невыгодно и неблагодарно. Всякій понимаетъ, что служить и въ то же время жить въ имѣніи невозможно. Изъ этого ясно, что на пожалованіе маіоратовъ надо смотрѣть, какъ на существенную награду, а не какъ на средства обрусѣнія края. Хотя всякая награда дается за прошлую службу, но съ надеждою, что она будетъ поощреніемъ и для будущей, а не съ желаніемъ, чтобы награжденный выходилъ въ отставку и поселялся бы въ своемъ маіоратѣ. Есть и другія причины, почему получившіе маіораты не могутъ лично управлять ими, за исключеніемъ конечно тѣхъ, кои, по какимъ либо поводамъ оставляя службу, имѣютъ значительные наличные капиталы. Чтобы самому вести хозяйство маіората, необходимо, сряду по его полученіи, пріобрѣсти въ фольварки весь живой и мертвый инвентарь, т. е. купить лошадей, рогатый скотъ, сбрую, земледѣльческія орудія, принадлежности скотоводства, обзавестись посудою, утварью, мебелью,—не только для собственнаго жилища, но и для всѣхъ служащихъ при фольваркахъ. На это, при самомъ скромномъ размѣрѣ, въ маіоратъ оцѣненный полутора-тысячнымъ доходомъ, надо употребить по меньшей мѣрѣ отъ 15 до 20 тысячъ. У всякаго-ли изъ награжденныхъ могутъ быть такія деньги?—вѣрнѣе ни у кого. Вотъ причина, почему нельзя требовать, чтобы маіоратные владѣльцы сами управляли пожалованнымъ имѣніемъ. Многіе писали, будто генералы потому не живутъ въ маіоратахъ, что для русскаго землевладѣльца скучно жить въ Польшѣ. Разъ что у человѣка есть интересующее его занятіе и дѣло, да еще собственное, приносящее пользу, скучно быть не можетъ. Но для начала этого дѣла нужны средства, а нѣтъ ихъ,—такъ и начинать его немыслимо.

Кто же изъ маіоратныхъ владѣльцевъ не понимаетъ, что

при личномъ управленіи маіоратъ далъ бы вдвое и втрое противъ того, что получается отъ арендатора; да что же дѣлать, когда иначе поступать нельзя. Если-бы можно было получить кредитъ подъ землю маіората, въ количествѣ достаточномъ для заведенія инвентаря, то всякій, свободный отъ службы владѣлецъ, съ радостью поселился-бы въ пожалованномъ имѣніи.

Въ концѣ мая мѣсяца 1866 г. я былъ неожиданно вытребованъ графомъ Бергомъ изъ Радома въ Варшаву. Тамъ я узналъ, что политическія отношенія между Пруссіею и Австріею предвѣщали близкую войну между ними. Чтобы обезпечить нейтральность нашей границы, со стороны воюющихъ, намѣстникъ счелъ необходимымъ усилить ея охраненіе, для чего нѣкоторыя войска должны были придвинуться къ Галиціи. Уѣзды, прилегающіе къ ней и къ Силезіи, были раздѣлены на два района, и я получилъ назначеніе командовать войсками, усиливающими кардоны въ Сандомірѣ, Олькушѣ и Мѣховѣ. Для этого были назначены полки: Волынскій уланскій, 9 Казачій и Витебскій пѣхотный; штабу же моей дивизіи приказано было перейти изъ Радома въ Кѣльцы. По полученіи личныхъ наставленій намѣстника о томъ, чтобы оказывать возможное снисхожденіе австрійцамъ, если они будутъ вынуждены искать убѣжища въ нашихъ предѣлахъ, я возвратился въ Радомъ, а черезъ 3 дня переѣхалъ съ семьею въ Кѣльцы. Тамъ мнѣ отвели квартиру въ домѣ вдовы Зеленской. Ея мужъ устроилъ себѣ въ подгорной части города маленькій раекъ. Въ теченіи многихъ лѣтъ онъ составилъ коллекцію превосходныхъ картинъ и разныхъ старинныхъ вещей, скупая ихъ исподоволь, послѣ революціи 1830 г., у эмигрировавшихъ магнатовъ. Этотъ, походившій на музей, домъ находился въ саду, со всевозможными затѣями.

Проведенное въ Кѣльцахъ лѣто было лучшимъ временемъ моей службы въ Польшѣ. Кромѣ прекраснаго климата и удобствъ, мы имѣли тамъ нѣсколько семейныхъ домовъ, среди которыхъ дружески и пріятно проводили свободное отъ службы время. Этому не мѣшало и то, что въ теченіи іюня и іюля мѣсяцевъ, мнѣ приходилось часто ѣздить въ Мѣховъ и Олькушъ, для осмотра и провѣрки пограничныхъ кордоновъ.

Съ открытіемъ военныхъ дѣйствій между Австріею и Прус-

сіею, я отправился въ Олькушъ, какъ ближайшій къ границѣ городъ. Объѣзжая посты, мнѣ не разъ довелось быть въ мѣстности, называемой польской Швейцаріей. Въ одной изъ ея долинъ находится деревня Ойцово, та самая, по имени которой названъ извѣстный польскій балетъ „Веселье въ Ойцовѣ“, даваемый у насъ подъ названіемъ „Крестьянская свадьба“. Почти вся прелестная, прилегающая къ этой деревнѣ мѣстность принадлежитъ иностранцамъ, настроившимъ тамъ громадныя фабрики и заводы. Въ бытность мою всѣ хозяева ихъ были въ большомъ страхѣ, какъ бы ихъ, какъ принадлежащихъ къ ландверу, не потребовали въ войска. Черезъ нѣсколько дней такъ и случилось, что заставило ихъ обратиться къ русскимъ властямъ съ просьбою, о принятіи въ русское подданство, или о выдачѣ свидѣтельствъ о болѣзни. На первое имъ отвѣчали, что поздно спохватились, а на второе—посовѣтовали ѣхать для освидѣтельствованія въ Варшаву, къ своему консулу.

Южнѣе Ойцова идетъ горный перевалъ, съ вершины котораго открывается долина Вислы и за нею равнина, на которой, верстахъ въ 10 отъ нашей границы, расположенъ Краковъ, а за нимъ, въ дальней синевѣ, видны снѣжныя вершины Карпатъ. Въ одной изъ горъ мнѣ показывали замѣчательной величины пещеру, входъ въ которую прикрытъ громаднымъ камнемъ и растущими вокругъ него и по всей покатости горы вѣковыми дубами, такъ что войти въ пещеру можно только совершенно пригнувшись къ землѣ, но сряду за входомъ начинается высокій и широкій корридоръ, пересѣкаемый, черезъ каждые 25 шаговъ, громадными залами. Мѣстные крестьяне, провожавшіе меня съ факелами, говорили, что подобныхъ залъ они насчитываютъ до 10; но ихъ вѣроятно больше, и что никто не знаетъ гдѣ кончается пещера, потому что далѣе, вслѣдствіе удушливости воздуха, никто пройти не могъ и факелы гаснутъ. Даже въ 5-й залѣ они едва свѣтили, а потому далѣе я не пошелъ. По словамъ провожавшихъ, существуетъ цѣлая легенда, будто бы въ этихъ пещерахъ, въ древности, долго скрывался какой-то завоеватель, съ десятысячнымъ войскомъ. Старожилы говорили, что прежде корридоры и залы были выше, теперь же высота постепенно уменьшается, потому что полы всякую зиму покрываются слоями помета летучихъ мышей, слетающихся въ пещеру въ такомъ количествѣ, что онѣ не только

при личномъ управленіи маіоратъ далъ бы вдвое и втрое противъ того, что получается отъ арендатора; да что же дѣлать, когда иначе поступать нельзя. Если-бы можно было получить кредитъ подъ землю маіората, въ количествѣ достаточномъ для заведенія инвентаря, то всякій, свободный отъ службы владѣлецъ, съ радостью поселился-бы въ пожалованномъ имѣніи.

Въ концѣ мая мѣсяца 1866 г. я былъ неожиданно вытребованъ графомъ Бергомъ изъ Радома въ Варшаву. Тамъ я узналъ, что политическія отношенія между Пруссіею и Австріею предвѣщали близкую войну между ними. Чтобы обезпечить нейтральность нашей границы, со стороны воюющихъ, намѣстникъ счелъ необходимымъ усилить ея охраненіе, для чего нѣкоторыя войска должны были придвинуться къ Галиціи. Уѣзды, прилегающіе къ ней и къ Силезіи, были раздѣлены на два района, и я получилъ назначеніе командовать войсками, усиливающими кардоны въ Сандомірѣ, Олькушѣ и Мѣховѣ. Для этого были назначены полки: Волынскій уланскій, 9 Казачій и Витебскій пѣхотный; штабу же моей дивизіи приказано было перейти изъ Радома въ Кѣльцы. По полученіи личныхъ наставленій намѣстника о томъ, чтобы оказывать возможное снисхожденіе австрійцамъ, если они будутъ вынуждены искать убѣжища въ нашихъ предѣлахъ, я возвратился въ Радомъ, а черезъ 3 дня переѣхалъ съ семьею въ Кѣльцы. Тамъ мнѣ отвели квартиру въ домѣ вдовы Зеленской. Ея мужъ устроилъ себѣ въ подгорной части города маленькій раекъ. Въ теченіи многихъ лѣтъ онъ составилъ коллекцію превосходныхъ картинъ и разныхъ старинныхъ вещей, скупая ихъ исподоволь, послѣ революціи 1830 г., у эмигрировавшихъ магнатовъ. Этотъ, походившій на музей, домъ находился въ саду, со всевозможными затѣями.

Проведенное въ Кѣльцахъ лѣто было лучшимъ временемъ моей службы въ Польшѣ. Кромѣ прекраснаго климата и удобствъ, мы имѣли тамъ нѣсколько семейныхъ домовъ, среди которыхъ дружески и пріятно проводили свободное отъ службы время. Этому не мѣшало и то, что въ теченіи іюня и іюля мѣсяцевъ, мнѣ приходилось часто ѣздить въ Мѣховъ и Олькушъ, для осмотра и провѣрки пограничныхъ кордоновъ.

Съ открытіемъ военныхъ дѣйствій между Австріею и Прус-

сіею, я отправился въ Олькушъ, какъ ближайшій къ границѣ городъ. Объѣзжая посты, мнѣ не разъ довелось быть въ мѣстности, называемой польской Швейцаріей. Въ одной изъ ея долинъ находится деревня Ойцово, та самая, по имени которой названъ извѣстный польскій балетъ „Веселье въ Ойцовѣ", даваемый у насъ подъ названіемъ „Крестьянская свадьба". Почти вся прелестная, прилегающая къ этой деревнѣ мѣстность принадлежитъ иностранцамъ, настроившимъ тамъ громадныя фабрики и заводы. Въ бытность мою всѣ хозяева ихъ были въ большомъ страхѣ, какъ бы ихъ, какъ принадлежащихъ къ ландверу, не потребовали въ войска. Черезъ нѣсколько дней такъ и случилось, что заставило ихъ обратиться къ русскимъ властямъ съ просьбою, о принятіи въ русское подданство, или о выдачѣ свидѣтельствъ о болѣзни. На первое имъ отвѣчали, что поздно спохватились, а на второе—посовѣтовали ѣхать для освидѣтельствованія въ Варшаву, къ своему консулу.

Южнѣе Ойцова идетъ горный перевалъ, съ вершины котораго открывается долина Вислы и за нею равнина, на которой, верстахъ въ 10 отъ нашей границы, расположенъ Краковъ, а за нимъ, въ дальней синевѣ, видны снѣжныя вершины Карпатъ. Въ одной изъ горъ мнѣ показывали замѣчательной величины пещеру, входъ въ которую прикрытъ громаднымъ камнемъ и растущими вокругъ него и по всей покатости горы вѣковыми дубами, такъ что войти въ пещеру можно только совершенно пригнувшись къ землѣ, но сряду за входомъ начинается высокій и широкій корридоръ, пересѣкаемый, черезъ каждые 25 шаговъ, громадными залами. Мѣстные крестьяне, провожавшіе меня съ факелами, говорили, что подобныхъ залъ они насчитываютъ до 10; но ихъ вѣроятно больше, и что никто не знаетъ гдѣ кончается пещера, потому что далѣе, вслѣдствіе удушливости воздуха, никто пройти не могъ и факелы гаснутъ. Даже въ 5-й залѣ они едва свѣтили, а потому далѣе я не пошелъ. По словамъ провожавшихъ, существуетъ цѣлая легенда, будто бы въ этихъ пещерахъ, въ древности, долго скрывался какой-то завоеватель, съ десятысячнымъ войскомъ. Старожилы говорили, что прежде корридоры и залы были выше, теперь же высота постепенно уменьшается, потому что полы всякую зиму покрываются слоями помета летучихъ мышей, слетающихся въ пещеру въ такомъ количествѣ, что онѣ не только

въ сплошную покрываютъ своды, но, цѣпляясь, одна за другую, висятъ цѣлыми гирляндами.

Съ вершины горы, къ югу, представляется прекрасная панорама. Передъ солнечнымъ закатомъ, пятидесяти-верстное разстояніе до Карпатъ сокращается на столько, что на нихъ простымъ глазомъ видна всякая деревушка между лѣсами, покрытыми золотистыми лучами солнца, а общій фонъ картины, образуемый дальними снѣговыми высями, дѣлается фіолетовымъ. Въ описываемое время Краковъ еще не былъ окруженъ тѣми громадными фортами, которые теперь заслоняютъ его со стороны нашей границы. Спустя 8 лѣтъ, мнѣ вновь случилось быть въ тѣхъ мѣстахъ, и съ тѣхъ пунктовъ, откуда городъ былъ какъ на ладони, теперь виднѣлись однѣ колокольни. Милые сосѣди, не теряя времени и не жалѣя денегъ, заботятся встрѣтить насъ съ этой стороны въ надежномъ оплотѣ.

Военныхъ дѣйствій по близости нашей границы не было; неслышно было даже о появленіи разъѣздовъ, а между тѣмъ австрійцы, на всякій случай, перевезли изъ пограничныхъ городовъ къ намъ всѣ свои казначейства и архивы. Длинные ряды ихъ запечатанныхъ вагоновъ занимали всѣ запасные пути нашей станціи—„Граница". Даже семейства ихъ чиновниковъ жили въ нашихъ таможенныхъ зданіяхъ. Такая, нарушающая нейтралитетъ, льгота была допущена съ негласнаго разрѣшенія графа Берга, большаго партизана австрійцевъ. Видя, по ходу военныхъ дѣйствій, что противъ нашей границы не можетъ быть ничего мало-мальски серьезнаго, я въ половинѣ іюля возвратился въ Кѣльцы.

Черезъ нѣсколько дней по возвращеніи, я вновь былъ потребованъ въ Варшаву, но уже съ мирными цѣлями. Съ давнихъ поръ намѣстника заботила необходимость постройки въ Кѣльцахъ казармъ, но представляемыя инженерами смѣты казались слишкомъ высокими, не утверждались, и дѣло тянулось годъ-за-годъ. Вспомнивъ, что во время мятежа Смоленскій пѣхотный полкъ своими средствами построилъ въ Кѣльцахъ, изъ бревенъ проводимыхъ въ лѣсахъ просѣкъ, бараки на двѣ роты, намѣстнику захотѣлось доказать, что онъ обойдется и безъ инженеровъ. Когда я по пріѣздѣ представлялся ему, то онъ объявилъ, что поручаетъ мнѣ постройку деревянныхъ казармъ барачной системы; что возлагаетъ на меня вы-

боръ мѣста и заготовку матеріаловъ, съ тѣмъ, чтобы работали взятые изъ полковъ мастеровые. И такъ, изъ строеваго меня обращали въ инженера-строителя. Какъ я ни отговаривался неопытностію въ подобномъ дѣлѣ, ничего не помогало,—пришлось согласиться, но съ условіемъ, чтобы я никому, кромѣ самаго намѣстника не представлялъ никакихъ отчетовъ, и чтобы отъ меня не требовали ни справочныхъ цѣнъ, ни урочнаго положенія, о которомъ я не имѣю ни малѣйшаго понятія. Деньги на постройку мнѣ были отпущены, примѣрно, авансомъ изъ штрафныхъ суммъ. Черезъ двѣ недѣли въ Кѣльцахъ было собрано изъ полковъ 150 плотниковъ, 50 каменьщиковъ и печниковъ, а мѣстные крестьяне уже подвозили, за условленную плату, бревна и бутовую плиту для фундаментовъ. 6-го августа сдѣлана была, въ присутствіи губернатора, закладка—и работа закипѣла. Для составленія плана и главнаго руководства работами былъ приглашенъ мною, за опредѣленное вознагражденіе, губернскій архитекторъ, а для постояннаго надзора нанятъ, за 50 р. въ мѣсяцъ, гражданскій кондукторъ. Въ отношеніи пріисканія техниковъ, не ученыхъ, а практичныхъ и работящихъ, знающихъ дѣло не по курсу, а по опыту, въ Польшѣ затрудненій не встрѣчается. Найти человѣка для надзора за полевыми работами, знающаго обращеніе съ хозяйственными машинами, хорошаго садовника, опытнаго овцевода, или лѣсничаго, тамъ весьма легко и все это люди, идущіе за весьма умѣренную плату. Они не будутъ, какъ у насъ, требовать особенныхъ помѣщеній или особой для себя прислуги и стола, а довольствуются опредѣленнымъ по условію количествомъ продуктовъ и угломъ возлѣ рабочихъ.

При постройкѣ казармъ всѣ хозяйственные разсчеты, веденіе книгъ прихода и расхода, расплата съ возчиками и рабочими, покупка матеріаловъ и казарменныхъ принадлежностей—все это было возложено на особаго офицера. Такъ какъ солдаты за всякій рабочій день получали задѣльную плату, то трудились изо всѣхъ силъ, и весело было смотрѣть какъ живо шло дѣло. Мѣсто постройки сдѣлалось для жителей Кѣльцъ любимою загородною прогулкою; особенно же ихъ занимала каменная ломка, производимая тутъ же, изъ ближайшей горы, посредствомъ пороха. Два первые бревенчатые

[illegible] бы 50, да [illegible]

Пришлось и бывшему однокашнику объявить, что у меня не было ни подрядчиковъ-евреевъ, ни вахтеровъ, ни пріемщиковъ.

— У васъ,—продолжалъ я,—по смѣтнымъ цѣнамъ за дерево извѣстной длины и толщины назначено 3 р., а я за то же дерево, привезенное крестьянами, платилъ 1 р. 60 к. въ обдѣлкѣ; у васъ кирпичъ цѣнится 18 руб. тысяча — я платилъ 9. Все это отъ того, что у меня деньги выдавались въ тотъ же день, а у васъ подрядчику приходится ждать цѣлые годы, платить писарямъ, вахтерамъ, подавать прошенія, нѣсколько разъ ѣздить въ Варшаву, а то такъ и въ Петербургъ.

Дешевизна постройки кѣлецкихъ бараковъ дошла до военнаго министра совершенно случайно. Тотъ же самый генералъ Аничковъ, о которомъ говорено выше, бывши въ Кѣльцахъ, осматривалъ ихъ и въ своемъ отчетѣ помѣстилъ, между прочимъ, слѣдующее:

„Кѣлецкіе бараки построены непосредственнымъ распоряженіемъ командующаго 7-ю пѣхотною дивизіею, на примѣрно отпущенную ему сумму въ 19 тысячъ. Они состоятъ: изъ трехъ деревянныхъ и одного каменнаго зданія, каждый на роту военнаго состава, съ квартирою для ротнаго командира и фельдфебеля, съ ротною кухнею; гауптвахты съ карцерами, цейхауза съ каменнымъ подваломъ для провизіи и конюшни для артельныхъ лошадей. Бараки очень хороши и просторны, воздухъ прекрасный. Въ нихъ устроены гимнастическія лѣстницы и канаты, для ежедневнаго упражненія солдатъ. Каменный баракъ построенъ изъ мѣстнаго камня и обошелся не дороже деревяннаго. По изумительной дешевизнѣ и тщательности постройки, кѣлецкіе бараки представляютъ явленіе весьма замѣчательное, доказывающее, съ какими незначительными расходами могутъ быть устраиваемы воинскія помѣщенія и въ другихъ мѣстностяхъ Имперіи, попеченіемъ самихъ войскъ. Надобно принять во вниманіе, что лѣсъ и другіе матеріалы были куплены, а въ самой постройкѣ войска участвовали съ платою имъ того, что они могли бы заработать на другихъ вольныхъ работахъ. Значитъ, если лѣсъ будетъ данъ на постройку казармъ даромъ и всѣ работы будутъ произведены войсками, то постройка обойдется еще дешевле [1]).

---

1) Рапортъ генерала Аничкова отъ 22 февраля 1867 г. № 5.

барака были уже подъ крышею, какъ при кл... люціи на пря-
для третьяго, приходящагося на значител... кѣлецкихъ бара-
мѣтилъ, что со стороны склона пр... Селѣ генерала Тот-
ментъ на сажень выше горизон... находить удобнѣе пере-
нельзя ли построить остальн... какъ они возводятъ ихъ
кондуктора; онъ тутъ же ... было этого, чтобы для освидѣ-
что бараки изъ мѣст... бараковъ снарядили изъ Петербурга
деревянныхъ. Я ... ительствомъ инженернаго полковника
графа Берга; ... прибыла въ Кѣльцы по выступленіи полковъ
просилъ мнѣ ... депутатомъ отъ войскъ, при освидѣтель-
ковъ отъ ... и потому назначенъ маіоръ Краевичъ, которому я далъ
казенн... былъ назначенъ освидѣтельствованіе во всѣхъ подроб-
Так... допустить всѣ свѣдѣнія о способахъ постройки и до-
на... сообщить о результатахъ въ Варшаву, гдѣ я находился во
нести мнѣ о ... время лѣтняго сбора. Черезъ нѣсколько дней получены были мною отъ комисіи запросы о томъ, сколько человѣкъ ежедневно находилось на каждомъ родѣ работъ, какихъ размѣровъ и сколько было употреблено разнаго рода бревенъ и досокъ, по какой цѣнѣ покупались: кирпичъ, желѣзо, известь и проч. На все это я отвѣчалъ, что принялъ на себя постройку съ условіемъ, никому, кромѣ намѣстника, не предъявлять никакихъ отчетовъ и свѣдѣній, а потому не угодно ли комисіи обратиться прямо къ графу Бергу. Обращалась ли она и какой дала отзывъ о моихъ постройкахъ въ Петербургъ — не знаю, но Краевичъ разсказывалъ много интереснаго о способахъ освидѣтельствованія. Для того, чтобы убѣдиться, сколько оборотовъ въ печахъ, ломали по двѣ печи въ каждомъ баракѣ; чтобы узнать есть-ли смазка въ полахъ, вынимали половницы въ каждой комнатѣ; чтобы провѣрить глубину фундаментовъ— ихъ отрывали не только снаружи, но и съ внутренней стороны, снимая плинтусы и полы. На вопросъ Краевича, зачѣмъ это дѣлаютъ? — предсѣдатель отвѣтилъ: „Вы думаете, мы не знаемъ, что можно выложить фундаментъ такъ, что снаружи онъ будетъ въ аршинъ, а снутри въ вершокъ“.

— А мы и не подозрѣвали этого — замѣтилъ Краевичъ, — вѣкъ живи—вѣкъ учись.

Думается, что если бы вмѣсто присылки комисіи, деньги, которыя получили ея предсѣдатель и члены, въ видѣ прогоновъ,

порціонныхъ и суточныхъ, отпустили полку, то можно было бы выстроить ему еще цѣлый баракъ.

Противъ испытываемыхъ въ подобныхъ дѣлахъ непріятностей ожно сказать, что это всегда и вездѣ общая доля людей, чужихъ той среды, которая смотритъ на свою спеціальность какъ нѣчто неприкосновенное. Всякое отступленіе отъ принятаго рутиннаго порядка составляетъ, въ глазахъ спеціалистовъ, посягательство на ихъ достояніе. Приведу такой примѣръ:

Тотъ же кѣлецкій губернаторъ, обративъ особенное вниманіе на дороги, проектировалъ нѣсколько шоссейныхъ соединеній между городами и уже распорядился заготовкою матеріаловъ. Мѣстные жители сильно обрадовались, охотно собирали и подвозили камни; вдругъ послѣдовало приказаніе прекратить работу. Начались запросы, потребовались смѣты, отчеты; на человѣка, желавшаго сдѣлать благодѣяніе краю, пошли всевозможныя сплетни и нареканія, заставившія его все бросить. Теперь только обросшія травою кучи щебня и груды вросщаго въ землю камня, собраннаго съ полей, указываютъ на благое намѣреніе губернатора и на правленіе проектированныхъ шоссе.

Весною 1867 года получено было извѣстіе, что Государь, на обратномъ пути съ парижской выставки, будетъ въ Варшавѣ. Поэтому случаю тамъ былъ назначенъ большой лагерный сборъ войскъ. Въ половинѣ мая туда же была направлена и моя дивизія, подъ именемъ 2 сводной, такъ какъ въ ней придавали еще два полка: Кременчугскій—изъ 8-й и Тобольскій—изъ 10 дивизіи. Первымъ командовалъ полковникъ Мальмъ, вторымъ—Бремзенъ. Между этими двумя командирами была громадная разница. Первый представлялъ собою образецъ знанія, солидности, умѣнья отлично вести полкъ, второй—совершенную противуположность, съ примѣсью той болтливости и самоувѣренности, которыя сильно вредятъ дѣлу. Къ счастію, что полкъ-то его былъ отличный самъ по себѣ и полонъ тѣхъ историческихъ традицій, которыя трудно пошатнуть даже самому неснособному командиру. Стоило взглянуть на вступленіе обоихъ полковъ въ лагерь, чтобы видѣть разницу между ихъ командирами.

Пріѣздъ Государя ожидался въ половинѣ іюня, но совершился нѣсколько ранѣе. Приготовить къ смотрамъ только что

Военный министръ, какъ видно изъ его резолюціи на приведенномъ рапортѣ, доложилъ о постройкѣ кѣлецкихъ бараковъ Государю. Встрѣтивъ въ Царскомъ Селѣ генерала Тотлебена, Его Величество сказалъ, что находитъ удобнѣе передать постройку казармъ войскамъ, такъ какъ они возводятъ ихъ и скорѣе, и дешевле. Достаточно было этого, чтобы для освидѣтельствованія кѣлецкихъ бараковъ снарядили изъ Петербурга комисію, подъ предсѣдательствомъ инженернаго полковника Алексѣева. Она прибыла въ Кѣльцы по выступленіи полковъ въ лагерь, а потому депутатомъ отъ войскъ, при освидѣтельствованіи, былъ назначенъ маіоръ Краевичъ, которому я далъ предписаніе: допустить освидѣтельствованіе во всѣхъ подробностяхъ, сообщить всѣ свѣдѣнія о способахъ постройки и донести мнѣ о результатахъ въ Варшаву, гдѣ я находился во время лѣтняго сбора. Черезъ нѣсколько дней получены были мною отъ комисіи запросы о томъ, сколько человѣкъ ежедневно находилось на каждомъ родѣ работъ, какихъ размѣровъ и сколько было употреблено разнаго рода бревенъ и досокъ, по какой цѣнѣ покупались: кирпичъ, желѣзо, известь и проч. На все это я отвѣчалъ, что принялъ на себя постройку съ условіемъ, никому, кромѣ намѣстника, не предъявлять никакихъ отчетовъ и свѣдѣній, а потому не угодно ли комисіи обратиться прямо къ графу Бергу. Обращалась ли она и какой дала отзывъ о моихъ постройкахъ въ Петербургъ — не знаю, но Краевичъ разсказывалъ много интереснаго о способахъ освидѣтельствованія. Для того, чтобы убѣдиться, сколько оборотовъ въ печахъ, ломали по двѣ печи въ каждомъ баракѣ; чтобы узнать есть-ли смазка въ полахъ, вынимали половницы въ каждой комнатѣ; чтобы провѣрить глубину фундаментовъ— ихъ отрывали не только снаружи, но и съ внутренней стороны, снимая плинтусы и полы. На вопросъ Краевича, зачѣмъ это дѣлаютъ? — предсѣдатель отвѣтилъ: „Вы думаете, мы не знаемъ, что можно выложить фундаментъ такъ, что снаружи онъ будетъ въ аршинъ, а снутри въ вершокъ“.

— А мы и не подозрѣвали этого — замѣтилъ Краевичъ, — вѣкъ живи—вѣкъ учись.

Думается, что если бы вмѣсто присылки комисіи, деньги, которыя получили ея предсѣдатель и члены, въ видѣ прогоновъ,

собравшуюся 6-ти-полковую дивизію, въ теченіи нѣсколькихъ дней, было не легко. Тогда еще требовались: и стройное движеніе цѣлой дивизіи въ резервномъ порядкѣ, и сохраненіе равненія нѣсколькими баталіонами, и сложная перемѣна фронта линіи, состоящей изъ шести или 9 баталіоновъ. При подобныхъ перестроеніяхъ все зависитъ отъ ловкости и сноровки баталіонныхъ командировъ; а чтобы узнать ихъ, надо было пересмотрѣть всѣ полки отдѣльно: въ одномъ придать энергіи, въ другомъ уничтожить робость или уменьшить суетливость, а затѣмъ уже сводить ихъ вмѣстѣ. А тутъ пришлось подъ рядъ нѣсколько праздниковъ и какъ на зло — нѣсколько ненастныхъ дней. Все это, вмѣстѣ съ присущими всѣмъ большимъ лагерямъ препятствіями, въ родѣ занятія учебнаго поля полками другихъ дивизій, стрѣльбою, практикою артиллеріи,— привело къ тому, что до пріѣзда Государя мнѣ удалось сдѣлать только одно дивизіонное ученье.

Благодаря существовавшему въ Варшавѣ порядку, каждому начальнику дивизіи отводили близъ лагеря особую дачу, въ которой можно было удобно размѣститься съ семьею. Нанятая для меня дача находилась на „Повонзкахъ". Во времена Цесаревича Константина Павловича, этотъ лагерь былъ превосходно устроенъ и служилъ любимымъ гульбищемъ лучшаго варшавскаго общества, а теперь оказался сильно запущеннымъ.

Кромѣ служебнаго дѣла, графъ Бергъ возложилъ на меня еще устройство для Государя русскаго спектакля изъ любителей, въ придворномъ театрѣ, до котораго изъ лагеря было верстъ 10, такъ что утромъ и послѣ обѣда — на ученьяхъ, а вечеромъ, часовъ до 12—на репетиціяхъ. Вспоминая прошлое, теперь не вѣрится, какъ это тогда на все хватало силъ и не считалось тягостію, а напротивъ—удовольствіемъ.

Государь пробылъ въ Варшавѣ только два дня. Въ первый — былъ общій нарядъ, а во второй—общее двухъ-стороннее ученье. Тѣмъ и другимъ онъ остался доволенъ, за исключеніемъ одного случая на маневрахъ, именно позднимъ появленіемъ обходной колонны и нерѣшительностію ея наступленія. Графъ Бергъ, долго ея ожидавшій не выдержалъ и поскакалъ самъ къ лѣсу, изъ котораго она должна была дебушировать. Офицеръ генеральнаго штаба Кн... И...., желая его успокоить, рѣшился замѣтить, что колонна виднѣется и ему не стоитъ безпокоиться са-

мому, а не угодно ли послать его. „Нѣтъ,—отвѣчаетъ графъ,—вы видите, что она ползетъ какъ черепаха: Avec de pareils imbeciles on perd les batailles“.

Маневръ пріостановился. Государь, сойдя съ коня, взошелъ на укрѣпленіе, занятое 7 стрѣлковымъ баталіономъ, и увидя Берга пронесшимся въ карьеръ, обратился къ намъ съ улыбкою: „Каковъ старикъ, все еще думаетъ, что онъ подъ Остроленкою *)...

Предполагавшійся спектакль былъ замѣненъ баломъ, даннымъ въ честь Государя, въ новомъ русскомъ клубѣ.

Въ отношеніи баловъ какъ-то вообще не счастливилось графу Бергу. Сколько разъ онъ ни затѣвалъ ихъ, всегда выходила какая-нибудь неловкость. Такъ случилось и теперь. Захотѣлось ему показать Государю будто польское общество сблизилось съ русскимъ; поэтому онъ потребовалъ, чтобы старшины клуба разослали приглашенія на балъ въ семейства польской интеллигенціи. Старшины отвѣтили, что во-первыхъ до сихъ поръ ни одинъ полякъ не переступалъ еще порога русскаго собранія, а во-вторыхъ, что они вовсе незнакомы съ польскими помѣщиками и потому считаютъ неловкимъ приглашать ихъ, тѣмъ болѣе, что никто изъ пановъ не заявилъ даже желанія быть на балѣ. Какъ намѣстникъ ни настаивалъ, старшины не поддавались, но заявили, что онъ можетъ получить сколько угодно билетовъ и разослать ихъ отъ своего имени кому хочетъ. Вслѣдствіе этого на балъ явилось нѣсколько поляковъ съ своими женами; но какъ они не были ни съ кѣмъ знакомы, то никто не обращалъ на нихъ вниманія, а потому имъ пришлось оставаться въ сторонѣ, составляя отдѣльную группу.

Въ кругу смотрѣвшей на танцующихъ публики, Государь замѣтилъ одну изъ русскихъ дамъ, представленную ему, 7 лѣтъ назадъ, на балѣ въ Псковѣ. Вспоминая объ этомъ Его Величество спросилъ ее, гдѣ она теперь и узнавъ, что живетъ

*) Тридцать шесть лѣтъ назадъ, въ 1831 году, въ сраженіи подъ Остроленкою, гр. Бергъ совершилъ извѣстный подвигъ, проведя по балкамъ горѣвшаго моста Новоингерманландскій пѣхотный полкъ, и бросившись съ нимъ на непріятельскую батарею. Взявъ ее, онъ вырвалъ побѣду изъ рукъ польскаго главнокомандующаго Скржинецкаго. Въ память этого событія, въ 1872 г., когда исполнилось 60 лѣтъ службы гр. Берга въ офицерскихъ чинахъ, онъ былъ назначенъ шефомъ Новоингерманландскаго полка.

внѣ Варшавы, поинтересовался о жизни русскихъ въ польскихъ городахъ.

— Живемъ мы, Ваше Величество—отвѣчала она, хотя и не всегда весело, но дружно, въ своей военной средѣ.

— Почему же вы не знакомитесь съ польскимъ обществомъ?

— Мы пробовали, Государь, сходиться съ нимъ, но всѣ попытки оказались напрасными. Напримѣръ въ Радомѣ мы условились встрѣчать Новый годъ вмѣстѣ съ польскими семействами, которымъ клубъ разослалъ приглашенія. Всѣ приняли ихъ, отвѣтили что непремѣнно будутъ и ни одна изъ дамъ не пріѣхала.

— Странно! возразилъ Государь, — между тѣмъ я вижу здѣсь нѣсколько дамъ польскаго общества.

— Ихъ присутствіе вызвано особымъ случаемъ и не можетъ считаться добровольнымъ.

— Почему это?

— Имъ были посланы билеты самимъ намѣстникомъ.

— Да? Стало быть не все то справедливо, что мнѣ говорятъ,—замѣтилъ Императоръ.

Разговоръ этотъ слышали многіе изъ близъ стоявшихъ. Онъ дошелъ до старшинъ клуба, дошелъ и до намѣстника. Первые благодарили даму совершенно неумышленно разсказавшую дѣло, какъ оно было; но графъ Бергъ съ той поры замѣтно косился какъ на нее, такъ и на ея мужа.

По отъѣздѣ Государя, получено было распоряженіе о немедленной отправкѣ изъ каждой дивизіи по 250 чел. старшихъ сроковъ службы, на укомплектованіе мѣстныхъ войскъ восточной Сибири. Какъ ни охали полковые командиры, что приходится разставаться съ лучшими людьми, но все-таки надо было отправить ихъ. Послѣ Царскаго смотра, войска оставались въ сборѣ дней 10. Въ это время произошелъ случай, заставившій меня 7 недѣль ходить на костыляхъ. Отправившись однажды съ женою и съ чинами штаба гулять, мы подошли къ гимнастическимъ машинамъ, у которыхъ кончалъ занятія стрѣлковый баталіонъ, офицеры же его продолжали забавляться взбѣганіемъ на досчатую горку. Видя что нѣкоторые изъ нихъ неправильно исполняютъ это упражненіе, я вздумалъ похвастать своимъ искусствомъ, говоря имъ: „Позвольте-ка старому стрѣлку показать вамъ какъ надо взбѣгать“. Побѣжалъ, да

забылъ, что со мною мой пудель, никогда ни на шагъ не отстававшій отъ меня. Сбѣгая внизъ, вижу подъ ногами моего „Картуша", стараюсь не наступить на него и на серединѣ горки падаю. Спутники мои хохочутъ, а я не могу подняться. Воображая, что необходимо тотчасъ же размяться, я отправился домой пѣшкомъ. На слѣдующій день уже трудно было спустить ногу съ постели, а призванный докторъ, найдя вытянутость жилъ въ подъемѣ, потребовалъ безусловнаго покоя. Между тѣмъ графъ Бергъ, чтобы труды по приготовленію любительскаго спектакля не пропали, просилъ мнѣ дать его черезъ нѣсколько дней. И вотъ мнѣ пришлось, всякій день, съ вытянутою ногою, ѣздить на прерванныя репетиціи. Это такъ раздражило ее, что ни компресы, ни бинтованіе не помогли. Въ такомъ положеніи я возвратился въ Радомъ, гдѣ наложили гипсовую повязку.

Лагерный сборъ кончился въ половинѣ іюня. Какъ только войска прибыли на свои квартиры, послѣдовалъ обычный, ежегодный приказъ: о распредѣленіи молодыхъ солдатъ послѣдняго набора, изъ резервныхъ баталіоновъ въ полки. Чтобы дальнѣйшій разсказъ мой объ этомъ былъ яснѣе, необходимо сказать, что жажда ломки всего прежняго измѣнила упроченный временемъ и не представлявшій ни малѣйшихъ неудобствъ методъ образованія рекрутъ. До начала реформъ, точно также какъ въ настоящее время, рекруты поступали прямо въ тѣ части, гдѣ имъ предстояло служить. Тамъ они учились, тамъ начинали, продолжали и кончали службу. Кажется, что могло быть лучше и разумнѣе этого, и кому не извѣстно, что всякій лучше и охотнѣе работаетъ для себя, чѣмъ для другихъ. Нѣтъ,—новаторамъ надо было придумать что-либо иное, и они придумали, чтобы всѣ рекруты, съ мѣста набора, поступали сначала въ особые резервные баталіоны и, по истеченіи полугода, переводились-бы въ полки, подъ именемъ, уже обученныхъ молодыхъ солдатъ. На дѣлѣ же выходило, что это были не рекруты, а испорченные для будущаго недоучки. Въ резервныхъ баталіонахъ на нихъ смотрѣли какъ на временно-прикомандированныхъ, не заботились ни о ихъ бытѣ, ни о ихъ развитіи и нравственности, а обучали настолько, чтобы сбыть только смотръ. Ни о дисциплинѣ и отвѣтственности, ни о сознаніи долга и преданности службѣ, — ни о чемъ

барака были уже подъ крышею, какъ при кладкѣ фундамента для третьяго, приходящагося на значительномъ скатѣ, я замѣтилъ, что со стороны склона пришлось выводить фундаментъ на сажень выше горизонта. Это дало мнѣ мысль, нельзя ли построить остальныя зданія каменными. Спрашиваю кондуктора; онъ тутъ же дѣлаетъ разсчетъ и оказывается, что бараки изъ мѣстнаго плитняка будутъ стоить не дороже деревянныхъ. Я немедленно спросилъ на это разрѣшеніе графа Берга; но онъ, усумнясь не будутъ ли они сыры, запросилъ мнѣнія губернатора. Инженеръ-полковникъ Хлѣбниковъ отвѣтилъ, что въ Кѣльцахъ всѣ дома, не исключая и казеннаго губернаторскаго, построены изъ мѣстнаго камня. Такимъ образомъ четвертая казарма была возведена каменная. Ровно черезъ 3 мѣсяца по закладкѣ, 6-го декабря, всѣ постройки были окончены, освящены и заняты баталіономъ Смоленскаго полка. Стоимость ихъ простиралась всего до 19 тысячъ, т. е. въ четыре раза дешевле смѣты инженернаго вѣдомства; но, въ благодарность за усердіе, намѣстникъ прибавилъ еще 3 тысячи въ награду архитектору, кондуктору, офицеру и всѣмъ унтеръ-офицерамъ, бывшимъ при постройкѣ. Такимъ образомъ, 4 казармы, на 200 человѣкъ каждая, съ четырьмя квартирами для ротныхъ командировъ и кухнями, погребами и конюшнею, стоили 22 тысячи.

Постройка эта не обошлась для меня безъ непріятностей. Одни смотрѣли на это дѣло какъ на желаніе выказаться, другіе — какъ на намѣреніе доказать свое безкорыстіе, а нѣкоторые сплетничали просто изъ зависти, видя въ данномъ порученіи особое ко мнѣ расположеніе графа Берга. Однажды, за обѣдомъ въ клубѣ, я слышу такую фразу: „Теперь намъ, инженерамъ, надо учить уставъ, а строевымъ офицерамъ—архитектуру; потому что начальники дивизій будутъ строить казармы, а мы станемъ командовать". Другой разъ одинъ изъ инженеровъ, мой товарищъ по корпусу, спрашиваетъ меня:

— Скажи, пожалуйста, неужели правда, что ты построилъ кѣлецкіе бараки за 22 тысячи?

— Правда,—отвѣчалъ я.

— Вотъ чудакъ! Да вѣдь тебѣ съ радостію дали бы 50, да еще въ ножки бы поклонились.

Пришлось и бывшему однокашнику объявить, что у меня не было ни подрядчиковъ-евреевъ, ни вахтеровъ, ни пріемщиковъ.

— У васъ,—продолжалъ я,—по смѣтнымъ цѣнамъ за дерево извѣстной длины и толщины назначено 3 р., а я за то же дерево, привезенное крестьянами, платилъ 1 р. 60 к. въ обдѣлкѣ: у васъ кирпичъ цѣнится 18 руб. тысяча — я платилъ 9. Все это отъ того, что у меня деньги выдавались въ тотъ же день, а у васъ подрядчику приходится ждать цѣлые годы, платить писарямъ, вахтерамъ, подавать прошенія, нѣсколько разъ ѣздить въ Варшаву, а то такъ и въ Петербургъ.

Дешевизна постройки кѣлецкихъ бараковъ дошла до военнаго министра совершенно случайно. Тотъ же самый генералъ Аничковъ, о которомъ говорено выше, бывши въ Кѣльцахъ, осматривалъ ихъ и въ своемъ отчетѣ помѣстилъ, между прочимъ, слѣдующее:

„Кѣлецкіе бараки построены непосредственнымъ распоряженіемъ командующаго 7-ю пѣхотною дивизіею, на примѣрно отпущенную ему сумму въ 19 тысячъ. Они состоятъ: изъ трехъ деревянныхъ и одного каменнаго зданія, каждый на роту военнаго состава, съ квартирою для ротнаго командира и фельдфебеля, съ ротною кухнею; гауптвахты съ карцерами, цейхауза съ каменнымъ подваломъ для провизіи и конюшни для артельныхъ лошадей. Бараки очень хороши и просторны, воздухъ прекрасный. Въ нихъ устроены гимнастическія лѣстницы и канаты, для ежедневнаго упражненія солдатъ. Каменный баракъ построенъ изъ мѣстнаго камня и обошелся не дороже деревяннаго. По изумительной дешевизнѣ и тщательности постройки, кѣлецкіе бараки представляютъ явленіе весьма замѣчательное, доказывающее, съ какими незначительными расходами могутъ быть устраиваемы воинскія помѣщенія и въ другихъ мѣстностяхъ Имперіи, попеченіемъ самихъ войскъ. Надобно принять во вниманіе, что лѣсъ и другіе матеріалы были куплены, а въ самой постройкѣ войска участвовали съ платою имъ того, что они могли бы заработать на другихъ вольныхъ работахъ. Значитъ, если лѣсъ будетъ данъ на постройку казармъ даромъ и всѣ работы будутъ произведены войсками, то постройка обойдется еще дешевле [1]).

---

[1]) Рапортъ генерала Аничкова отъ 22 февраля 1867 г. № 5.

Военный министръ, какъ видно изъ его резолюціи на приведенномъ рапортѣ, доложилъ о постройкѣ кѣлецкихъ бараковъ Государю. Встрѣтивъ въ Царскомъ Селѣ генерала Тотлебена, Его Величество сказалъ, что находитъ удобнѣе передать постройку казармъ войскамъ, такъ какъ они возводятъ ихъ и скорѣе, и дешевле. Достаточно было этого, чтобы для освидѣтельствованія кѣлецкихъ бараковъ снарядили изъ Петербурга комисію, подъ предсѣдательствомъ инженернаго полковника Алексѣева. Она прибыла въ Кѣльцы по выступленіи полковъ въ лагерь, а потому депутатомъ отъ войскъ, при освидѣтельствованіи, былъ назначенъ маіоръ Краевичъ, которому я далъ предписаніе: допустить освидѣтельствованіе во всѣхъ подробностяхъ, сообщить всѣ свѣдѣнія о способахъ постройки и донести мнѣ о результатахъ въ Варшаву, гдѣ я находился во время лѣтняго сбора. Черезъ нѣсколько дней получены были мною отъ комисіи запросы о томъ, сколько человѣкъ ежедневно находилось на каждомъ родѣ работъ, какихъ размѣровъ и сколько было употреблено разнаго рода бревенъ и досокъ, по какой цѣнѣ покупались: кирпичъ, желѣзо, известь и проч. На все это я отвѣчалъ, что принялъ на себя постройку съ условіемъ, никому, кромѣ намѣстника, не предъявлять никакихъ отчетовъ и свѣдѣній, а потому не угодно ли комисіи обратиться прямо къ графу Бергу. Обращалась ли она и какой дала отзывъ о моихъ постройкахъ въ Петербургъ — не знаю, но Краевичъ разсказывалъ много интереснаго о способахъ освидѣтельствованія. Для того, чтобы убѣдиться, сколько оборотовъ въ печахъ, ломали по двѣ печи въ каждомъ баракѣ; чтобы узнать есть-ли смазка въ полахъ, вынимали половницы въ каждой комнатѣ; чтобы провѣрить глубину фундаментовъ— ихъ отрывали не только снаружи, но и съ внутренней стороны, снимая плинтусы и полы. На вопросъ Краевича, зачѣмъ это дѣлаютъ? — предсѣдатель отвѣтилъ: „Вы думаете, мы не знаемъ, что можно выложить фундаментъ такъ, что снаружи онъ будетъ въ аршинъ, а снутри въ вершокъ“.

— А мы и не подозрѣвали этого — замѣтилъ Краевичъ, — вѣкъ живи—вѣкъ учись.

Думается, что если бы вмѣсто присылки комисіи, деньги, которыя получили ея предсѣдатель и члены, въ видѣ прогоновъ,

порціонныхъ и суточныхъ, отпустили полку, то можно было бы выстроить ему еще цѣлый баракъ.

Противъ испытываемыхъ въ подобныхъ дѣлахъ непріятностей можно сказать, что это всегда и вездѣ общая доля людей, чуждыхъ той среды, которая смотритъ на свою спеціальность какъ на нѣчто неприкосновенное. Всякое отступленіе отъ принятаго ею рутиннаго порядка составляетъ, въ глазахъ спеціалистовъ, посягательство на ихъ достояніе. Приведу такой примѣръ:

Тотъ же кѣлецкій губернаторъ, обративъ особенное вниманіе на дороги, проектировалъ нѣсколько шоссейныхъ соединеній между городами и уже распорядился заготовкою матеріаловъ. Мѣстные жители сильно обрадовались, охотно собирали и подвозили камни; вдругъ послѣдовало приказаніе прекратить работу. Начались запросы, потребовались смѣты, отчеты; на человѣка, желавшаго сдѣлать благодѣяніе краю, пошли всевозможныя сплетни и нареканія, заставившія его все бросить. Теперь только обросшія травою кучи щебня и груды вросщаго въ землю камня, собраннаго съ полей, указываютъ на благое намѣреніе губернатора и на правленіе проектированныхъ шоссе.

Весною 1867 года получено было извѣстіе, что Государь, на обратномъ пути съ парижской выставки, будетъ въ Варшавѣ. Поэтому случаю тамъ былъ назначенъ большой лагерный сборъ войскъ. Въ половинѣ мая туда же была направлена и моя дивизія, подъ именемъ 2 сводной, такъ какъ въ ней придавали еще два полка: Кременчугскій—изъ 8-й и Тобольскій — изъ 10 дивизіи. Первымъ командовалъ полковникъ Мальмъ, вторымъ — Бремзенъ. Между этими двумя командирами была громадная разница. Первый представлялъ собою образецъ знанія, солидности, умѣнья отлично вести полкъ, второй — совершенную противуположность, съ примѣсью той болтливости и самоувѣренности, которыя сильно вредятъ дѣлу. Къ счастію, что полкъ-то его былъ отличный самъ по себѣ и полонъ тѣхъ историческихъ традицій, которыя трудно пошатнуть даже самому неснособному командиру. Стоило взглянуть на вступленіе обоихъ полковъ въ лагерь, чтобы видѣть разницу между ихъ командирами.

Пріѣздъ Государя ожидался въ половинѣ іюня, но совершился нѣсколько ранѣе. Приготовить къ смотрамъ только что

собравшуюся 6-ти-полковую дивизію, въ теченіи нѣсколькихъ дней, было не легко. Тогда еще требовались: и стройное движеніе цѣлой дивизіи въ резервномъ порядкѣ, и сохраненіе равненія нѣсколькими баталіонами, и сложная перемѣна фронта линіи, состоящей изъ шести или 9 баталіоновъ. При подобныхъ перестроеніяхъ все зависитъ отъ ловкости и сноровки баталіонныхъ командировъ; а чтобы узнать ихъ, надо было пересмотрѣть всѣ полки отдѣльно: въ одномъ придать энергіи, въ другомъ уничтожить робость или уменьшить суетливость, а затѣмъ уже сводить ихъ вмѣстѣ. А тутъ пришлось подъ рядъ нѣсколько праздниковъ и какъ на зло — нѣсколько ненастныхъ дней. Все это, вмѣстѣ съ присущими всѣмъ большимъ лагерямъ препятствіями, въ родѣ занятія учебнаго поля полками другихъ дивизій, стрѣльбою, практикою артиллеріи,— привело къ тому, что до пріѣзда Государя мнѣ удалось сдѣлать только одно дивизіонное ученье.

Благодаря существовавшему въ Варшавѣ порядку, каждому начальнику дивизіи отводили близъ лагеря особую дачу, въ которой можно было удобно размѣститься съ семьею. Нанятая для меня дача находилась на „Повонзкахъ". Во времена Цесаревича Константина Павловича, этотъ лагерь былъ превосходно устроенъ и служилъ любимымъ гульбищемъ лучшаго варшавскаго общества, а теперь оказался сильно запущеннымъ.

Кромѣ служебнаго дѣла, графъ Бергъ возложилъ на меня еще устройство для Государя русскаго спектакля изъ любителей, въ придворномъ театрѣ, до котораго изъ лагеря было верстъ 10, такъ что утромъ и послѣ обѣда — на ученьяхъ, а вечеромъ, часовъ до 12—на репетиціяхъ. Вспоминая прошлое, теперь не вѣрится, какъ это тогда на все хватало силъ и не считалось тягостію, а напротивъ—удовольствіемъ.

Государь пробылъ въ Варшавѣ только два дня. Въ первый — былъ общій нарядъ, а во второй—общее двухъ-стороннее ученье. Тѣмъ и другимъ онъ остался доволенъ, за исключеніемъ одного случая на маневрахъ, именно позднимъ появленіемъ обходной колонны и нерѣшительностію ея наступленія. Графъ Бергъ, долго ея ожидавшій не выдержалъ и поскакалъ самъ къ лѣсу, изъ котораго она должна была дебушировать. Офицеръ генеральнаго штаба Кн... И...., желая его успокоить, рѣшился замѣтить, что колонна виднѣется и ему не стоитъ безпокоиться са-

мому, а не угодно ли послать его. „Нѣтъ,—отвѣчаетъ графъ,— вы видите, что она ползетъ какъ черепаха: Avec de pareils imbeciles on perd les batailles“.

Маневръ пріостановился. Государь, сойдя съ коня, взошелъ на укрѣпленіе, занятое 7 стрѣлковымъ баталіономъ, и увидя Берга пронесшимся въ карьеръ, обратился къ намъ съ улыбкою: „Каковъ старикъ, все еще думаетъ, что онъ подъ Остроленкою *)...

Предполагавшійся спектакль былъ замѣненъ баломъ, даннымъ въ честь Государя, въ новомъ русскомъ клубѣ.

Въ отношеніи баловъ какъ-то вообще не счастливилось графу Бергу. Сколько разъ онъ ни затѣвалъ ихъ, всегда выходила какая-нибудь неловкость. Такъ случилось и теперь. Захотѣлось ему показать Государю будто польскоее общество сблизилось съ русскимъ; поэтому онъ потребовалъ, чтобы старшины клуба разослали приглашенія на балъ въ семейства польской интеллигенціи. Старшины отвѣтили, что во-первыхъ до сихъ поръ ни одинъ полякъ не переступалъ еще порога русскаго собранія, а во-вторыхъ, что они вовсе незнакомы съ польскими помѣщиками и потому считаютъ неловкимъ приглашать ихъ, тѣмъ болѣе, что никто изъ пановъ не заявилъ даже желанія быть на балѣ. Какъ намѣстникъ ни настаивалъ, старшины не поддавались, но заявили, что онъ можетъ получить сколько угодно билетовъ и разослать ихъ отъ своего имени кому хочетъ. Вслѣдствіе этого на балъ явилось нѣсколько поляковъ съ своими женами; но какъ они не были ни съ кѣмъ знакомы, то никто не обращалъ на нихъ вниманія, а потому имъ пришлось оставаться въ сторонѣ, составляя отдѣльную группу.

Въ кругу смотрѣвшей на танцующихъ публики, Государь замѣтилъ одну изъ русскихъ дамъ, представленную ему, 7 лѣтъ назадъ, на балѣ въ Псковѣ. Вспоминая объ этомъ Его Величество спросилъ ее, гдѣ она теперь и узнавъ, что живетъ

*) Тридцать шесть лѣтъ назадъ, въ 1831 году, въ сраженіи подъ Остроленкою, гр. Бергъ совершилъ извѣстный подвигъ, проведя по балкамъ горѣвшаго моста Новоингерманландскій пѣхотный полкъ, и бросившись съ нимъ на непріятельскую батарею. Взявъ ее, онъ вырвалъ побѣду изъ рукъ польскаго главнокомандующаго Скржинецкаго. Въ память этого событія, въ 1872 г., когда исполнилось 60 лѣтъ службы гр. Берга въ офицерскихъ чинахъ, онъ былъ назначенъ шефомъ Новоингерманландскаго полка.

внѣ Варшавы, поинтересовался о жизни русскихъ въ польскихъ городахъ.

— Живемъ мы, Ваше Величество—отвѣчала она, хотя и не всегда весело, но дружно, въ своей военной средѣ.

— Почему же вы не знакомитесь съ польскимъ обществомъ?

— Мы пробовали, Государь, сходиться съ нимъ, но всѣ попытки оказались напрасными. Напримѣръ въ Радомѣ мы условились встрѣчать Новый годъ вмѣстѣ съ польскими семействами, которымъ клубъ разослалъ приглашенія. Всѣ приняли ихъ, отвѣтили что непремѣнно будутъ и ни одна изъ дамъ не пріѣхала.

— Странно! возразилъ Государь, — между тѣмъ я вижу здѣсь нѣсколько дамъ польскаго общества.

— Ихъ присутствіе вызвано особымъ случаемъ и не можетъ считаться добровольнымъ.

— Почему это?

— Имъ были посланы билеты самимъ намѣстникомъ.

— Да? Стало быть не все то справедливо, что мнѣ говорятъ,—замѣтилъ Императоръ.

Разговоръ этотъ слышали многіе изъ близъ стоявшихъ. Онъ дошелъ до старшинъ клуба, дошелъ и до намѣстника. Первые благодарили даму совершенно неумышленно разсказавшую дѣло, какъ оно было; но графъ Бергъ съ той поры замѣтно косился какъ на нее, такъ и на ея мужа.

По отъѣздѣ Государя, получено было распоряженіе о немедленной отправкѣ изъ каждой дивизіи по 250 чел. старшихъ сроковъ службы, на укомплектованіе мѣстныхъ войскъ восточной Сибири. Какъ ни охали полковые командиры, что приходится разставаться съ лучшими людьми, но все-таки надо было отправить ихъ. Послѣ Царскаго смотра, войска оставались въ сборѣ дней 10. Въ это время произошелъ случай, заставившій меня 7 недѣль ходить на костыляхъ. Отправившись однажды съ женою и съ чинами штаба гулять, мы подошли къ гимнастическимъ машинамъ, у которыхъ кончалъ занятія стрѣлковый баталіонъ, офицеры же его продолжали забавляться взбѣганіемъ на досчатую горку. Видя что нѣкоторые изъ нихъ неправильно исполняютъ это упражненіе, я вздумалъ похвастать своимъ искусствомъ, говоря имъ: „Позвольте-ка старому стрѣлку показать вамъ какъ надо взбѣгать“. Побѣжалъ, да

забылъ, что со мною мой пудель, никогда ни на шагъ не отстававшій отъ меня. Сбѣгая внизъ, вижу подъ ногами моего „Картуша“, стараюсь не наступить на него и на серединѣ горки падаю. Спутники мои хохочутъ, а я не могу подняться. Воображая, что необходимо тотчасъ же размяться, я отправился домой пѣшкомъ. На слѣдующій день уже трудно было спустить ногу съ постели, а призванный докторъ, найдя вытянутость жилъ въ подъемѣ, потребовалъ безусловнаго покоя. Между тѣмъ графъ Бергъ, чтобы труды по приготовленію любительскаго спектакля не пропали, просилъ мнѣ дать его черезъ нѣсколько дней. И вотъ мнѣ пришлось, всякій день, съ вытянутою ногою, ѣздить на прерванныя репетиціи. Это такъ раздражило ее, что ни компресы, ни бинтованіе не помогли. Въ такомъ положеніи я возвратился въ Радомъ, гдѣ наложили гипсовую повязку.

Лагерный сборъ кончился въ половинѣ іюня. Какъ только войска прибыли на свои квартиры, послѣдовалъ обычный, ежегодный приказъ: о распредѣленіи молодыхъ солдатъ послѣдняго набора, изъ резервныхъ баталіоновъ въ полки. Чтобы дальнѣйшій разсказъ мой объ этомъ былъ яснѣе, необходимо сказать, что жажда ломки всего прежняго измѣнила упроченный временемъ и не представлявшій ни малѣйшихъ неудобствъ методъ образованія рекрутъ. До начала реформъ, точно также какъ въ настоящее время, рекруты поступали прямо въ тѣ части, гдѣ имъ предстояло служить. Тамъ они учились, тамъ начинали, продолжали и кончали службу. Кажется, что могло быть лучше и разумнѣе этого, и кому не извѣстно, что всякій лучше и охотнѣе работаетъ для себя, чѣмъ для другихъ. Нѣтъ,—новаторамъ надо было придумать что-либо иное, и они придумали, чтобы всѣ рекруты, съ мѣста набора, поступали сначала въ особые резервные баталіоны и, по истеченіи полугода, переводились-бы въ полки, подъ именемъ, уже обученныхъ молодыхъ солдатъ. На дѣлѣ же выходило, что это были не рекруты, а испорченные для будущаго недоучки. Въ резервныхъ баталіонахъ на нихъ смотрѣли какъ на временно-прикомандированныхъ, не заботились ни о ихъ бытѣ, ни о ихъ развитіи и нравственности, а обучали настолько, чтобы сбыть только смотръ. Ни о дисциплинѣ и отвѣтственности, ни о сознаніи долга и преданности службѣ, — ни о чемъ

этомъ не было и въ поминѣ. Такъ называемые молодые солдаты являлись въ полки съ мнѣніемъ, что ихъ образованіе кончено, и когда ихъ начинали переучивать, что́ гораздо труднѣе чѣмъ учить, то смотрѣли на это какъ на придирки, обнаруживали неохоту и ропотъ: „Тамъ насъ хвалили, а здѣсь говорятъ, что мы ничего не знаемъ"—думали они. Извѣстно, что впечатлѣніе производимое на солдата въ первые дни служенія, и пріобрѣтенныя имъ привычки, остаются неизгладимыми, и надо много умѣлаго труда, чтобы измѣнить ихъ. Что обученіе рекрутъ въ чужой части вредно отражалось на дальнѣйшей ихъ службѣ, было признано во всей арміи, но несмотря на это, подобная система существовала, изъ-за упрямства ея автора, лѣтъ десять.

Когда наступало время отправлять мнимо-обученныхъ молодыхъ солдатъ по полкамъ, то въ то же время изъ полковъ, цѣлыми сотнями, брали лучшихъ людей старшихъ сроковъ службы въ мѣстныя команды, учрежденныя тогда-же, вмѣсто упраздненныхъ баталіоновъ внутренней стражи. Такихъ людей, съ границъ царства польскаго, переводили въ Сибирь, въ Туркестанъ и во внутреннія губерніи. Такимъ образомъ, въ періодъ переводовъ, обыкновенно въ августѣ мѣсяцѣ, несмотря на вполнѣ мирное время, цѣлые поѣзда съ переводимыми сновали изъ одного конца Имперіи въ другой: изъ Казани въ Варшаву, изъ Варшавы въ Саратовъ, изъ Вятки въ Тифлисъ, изъ Кіева въ Пермь и тому подобное. Кто-то сдѣлалъ вычисленіе, что вслѣдствіе переводовъ, болѣе 100 тысячъ человѣкъ совершенно напрасно переѣзжали съ мѣста на мѣсто на счетъ казны. Можно вообразить что стоили подобныя распоряженія правительству! Но, кромѣ денежныхъ расходовъ, переводы приносили громадный вредъ и образованію, и нравственному воспитанію солдата. Побывъ полгода въ резервномъ баталіонѣ, потомъ 2—3 года въ полку, затѣмъ столько-же въ мѣстныхъ войскахъ, солдатъ вездѣ считалъ себя временнымъ гостемъ; начальство смотрѣло на него какъ на чужаго, и онъ самъ точно-такъ-же смотрѣлъ на начальство, не стараясь узнать его. Никто не заботился о его бытѣ, да и самъ-то онъ ничѣмъ не обзаводился, жилъ цыганомъ. Товарищество, любовь къ своей части, желаніе узнать ея традиціи, ея прошлое, привязаться къ ней,—все это сдѣлалось, для переводимыхъ съ мѣ-

ста на мѣсто, совершенно чуждымъ. Съ другой стороны, ближайшее начальство, видя, что отъ него берутъ людей, на образованіе которыхъ положено имъ столько труда и заботъ, теряло энергію, у него опускались руки,—оно невольно дѣлалось равнодушнымъ. При такихъ порядкахъ, сердечнаго участія къ дѣлу службы существовать не могло. Кто изъ близко стоящихъ къ образованію солдата не знаетъ, чего стоитъ, напримѣръ, довести его до званія стрѣлка перваго разряда. На это надо не одинъ годъ, и въ то время, когда это вами достигнуто, его берутъ отъ васъ и обращаютъ въ конвойнаго, а вмѣсто взятаго присылаютъ полу-неуча. Еще большаго труда стоитъ образовать хорошаго унтеръ-офицера и музыканта. Способныхъ къ этому людей намѣчаютъ заранѣе, испытываютъ, подготовляютъ, чтобы изъ нихъ вышли надежные учителя, и только что является надежда на успѣхъ—ихъ переводятъ. Оставаться равнодушнымъ къ подобнымъ распоряженіямъ, вызывавшимъ со всѣхъ сторонъ жалобы, не было возможности. Невозможно было молчать уже потому, что иногда назначали къ переводу такое число людей старшихъ сроковъ службы, котораго въ части не оказывалось, даже считая всѣхъ фельдфебелей, унтеръ-офицеровъ и музыкантовъ. Намъ извѣстно, что кое-кто заявляли о томъ, что происходитъ отъ переводовъ, думая помочь дѣлу, и только повредили себѣ.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

1867—1868 гг.

Упраздненіе военныхъ отдѣловъ. — Объ офицерскихъ обществахъ того времени.—По поводу обмундировальныхъ мастерскихъ.—Записка о переводахъ.—Совѣщаніе у генерала Рамзая.—Поѣздка въ Петербургъ — Представленія тамъ. — Въ Зимнемъ дворцѣ.—Желаніе возвратиться въ Россію.—Новое назначеніе.—Приготовленіе къ отъѣзду.—На перепутьи въ Варшавѣ. — Представленіе Государю. — Неосновательные слухи. — Проѣздъ черезъ Москву и Козловъ до Тамбова.

По упраздненіи военныхъ отдѣловъ, большая половина дѣла отпала, и явилась возможность заняться прямою своею обязанностью—по начальствованію дивизіею. При вторичномъ ея объѣздѣ, въ началѣ великаго поста, я встрѣтилъ въ Мѣховѣ священника Витебскаго полка, прибывшаго туда для исповѣди и причащенія 3-го баталіона. Желая присутствовать при служеніи, я былъ пораженъ тѣмъ, что столь великое таинство совершается не въ церкви, а въ одномъ изъ жилыхъ покоевъ, такъ какъ ни въ этомъ городѣ, ни въ штабѣ полка — Пилицѣ, нѣтъ православнаго храма.

— Почему-же вы,—спрашиваю я полковаго командира,—не поставите вашей походной церкви?

— У насъ въ дивизіи нѣтъ полковыхъ церквей, отвѣчалъ полковникъ.

— Какъ нѣтъ церквей! Вспомните, вы стоите въ католическомъ краѣ. Стало быть, ваши люди никогда не бываютъ въ храмѣ Божіемъ, даже въ Свѣтлое Воскресенье?

— Они ходятъ въ костелы. Вся служба въ этотъ день ограничивается тѣмъ, что священникъ, вмѣстѣ съ солдатами, пропоетъ „Христосъ Воскресе“,—благословитъ розговѣнье и этимъ все кончается.

Я не могъ опомниться отъ удивленія. Что-же дѣлали мои предмѣстники? Неужели они не знали о подобномъ положеніи? При дальнѣйшихъ разспросахъ разъяснилось, что полки уже нѣсколько лѣтъ находятся безъ церквей, что они еще при выступленіи въ 1853 году на Дунай, оставили ихъ на Волыни, въ мѣстахъ своего прежняго квартированія: въ Луцкѣ, Дубнѣ и Ровно. Возмущенный подобнымъ равнодушіемъ къ дѣлу религіи, я немедленно просилъ разрѣшенія графа Берга отправить въ эти города полковыя подводы, для перевозки походныхъ церквей къ полкамъ, на ихъ средства. Къ празднику Пасхи церкви были привезены; но многое въ нихъ было растрачено, такъ какъ иконостасы оказались въ какихъ-то сараяхъ, перекладывались не разъ съ мѣста на мѣсто и никто не охранялъ ихъ. Потерянное и попорченное вскорѣ было исправлено, и въ день Свѣтлаго Воскресенья, нижніе чины, послѣ 10-ти лѣтъ, впервые, имѣли утѣшеніе услышать на чужбинѣ православное богослуженіе.

Производимыя безпрерывно нововведенія и реформы въ военной сферѣ потребовали усиленной работы со стороны младшихъ и неусыпнаго надзора со стороны старшихъ начальниковъ. Тѣ и другіе занялись дѣломъ съ энергіею и усердіемъ, несмотря на то, что имъ приходилось бороться съ неодолимыми препятствіями. Обращеніе полковъ въ кадровый составъ и безпрестанные переводы людей цѣлыми массами, весьма часто ставили даже тѣхъ, которые всею душею были преданы своему дѣлу, въ крайнее положеніе. Во всѣхъ европейскихъ арміяхъ принято называть кадрами тѣ части войскъ, которыя состоятъ изъ опытныхъ и надежныхъ учителей. При такомъ составѣ доведеніе арміи до крайняго наличнаго минимума не страшно, потому что, въ случаѣ мобилизаціи, какъ молодые новобранцы, такъ и призываемые изъ запаса, вливаются въ среду твердую и надежную. Что-же представлялъ, за взятіемъ всѣхъ старослужащихъ, нашъ кадровый составъ описываемаго времени? Онъ состоялъ изъ солдатъ, прослужившихъ годъ или два, изъ переведенныхъ за пороки и неспособность изъ гвардіи и жандармовъ, изъ возвращенныхъ въ строй деньщиковъ, пожарныхъ, сторожей и изъ только что прибывшихъ изъ резервныхъ баталіоновъ рекрутъ, хотя и называвшихся молодыми солдатами, но ни къ чему основательно не подготовлен-

ныхъ. Было отчего призадуматься, особенно находясь на границѣ. Мало этого: всѣ лучшіе офицеры были взяты: одни въ военно-полицейское управленіе, другіе — на гражданскія должности по крестьянской реформѣ. Возможность получать мѣста съ бо́льшимъ содержаніемъ привела къ тому, что въ теченіи двухъ лѣтъ изъ дивизіи вышло 107 лучшихъ офицеровъ.

„Да и какъ было не идти имъ въ другія вѣдомства,—доносилъ министру генералъ Аничковъ,—если взамѣнъ скуднаго жалованья армейскаго офицера, имъ предлагаютъ мѣста, напримѣръ: военно-уѣзднаго начальника съ 2,400 руб. въ годъ содержанія, начальника земской стражи въ губерніи — съ 2,500 р., коммисара по крестьянскимъ дѣламъ — съ 3,000 р.; даже офицера таможенной стражи съ 1,200 р.“ [1]).

Необходимо замѣтить, что это писалъ человѣкъ всецѣло преданный новаторству. Казалось-бы, что если хотѣли, во что-бы ни стало, ломать все прежнее, то не слѣдовало-бы открывать возможности къ выходу изъ строевой среды лучшихъ ея силъ, а напротивъ—привлекать въ нее, предоставивъ, не побочнымъ и постороннимъ для военнаго вѣдомства, а строевымъ должностямъ, бо́льшія средства къ жизни. Дѣлали напротивъ: различными льготами открыта была возможность достигать офицерскаго званія выходцамъ изъ разныхъ сословій, лишь бы они выдерживали экзамены, по крайне ограниченной программѣ! Исключенные изъ семинарій, выгнанные изъ гимназій, или изъ писцовъ различныхъ гражданскихъ учрежденій брались въ полки, а оттуда пробирались въ юнкерскія училища, безъ всякаго разбора и справокъ о прежней средѣ, о родѣ занятій, о семейномъ бытѣ. Развѣ даваемыя полиціею удостовѣренія о поведеніи могли служить гарантіею? Не пьянствуетъ, не дебоширствуетъ, не находится подъ слѣдствіемъ—значитъ хорошъ; а какія идеи, привычки и взгляды занесетъ онъ съ собою въ офицерское общество,—какое кому дѣло? Достигши офицерскаго званія, эти лица составляли въ полкахъ сначала отдѣльныя группы меньшинства; но когда лучшіе представители прежняго состава повышли, то соста-

[1]) Рапортъ генерала Аничкова военному министру, 22 февраля 1867 г. № 5.

вили, если не большинство, то все-таки такую по численности партію, съ которою пришлось считаться и принимать мѣры, чтобы она не сдѣлалась преобладающею. Для этого необходима была поддержка сверху, и такъ какъ ее не являлось, то ближайшимъ руководителямъ полковъ самимъ пришлось принимать мѣры для лучшаго направленія молодыхъ офицеровъ. Приведу по этому поводу выдержку изъ конфиденціальнаго письма, съ которымъ я обратился къ полковымъ командирамъ.

„Незавидное положеніе, въ которомъ находятся нѣкоторые изъ младшихъ офицеровъ, неоднократно заставляло меня думать о томъ—нѣтъ-ли средства помочь этому, и не разъ останавливаться надъ вопросомъ: почему наши офицеры, получая въ Польшѣ все-таки нѣсколько болѣе чѣмъ въ Имперіи, въ наружномъ видѣ, въ манерахъ, въ способѣ держать себя въ обществѣ, далеко не тѣ, чѣмъ были прежде.

„Вникая въ причины заставляющія ихъ скрываться даже отъ своего общества и впадать въ неряшество, я узналъ, что рѣдкій изъ офицеровъ живетъ одинъ, что большая часть имѣетъ при себѣ женщину, конечно польку, которая, совершенно овладѣвая имъ, заставляетъ входить въ долги. Не смѣя ни въ чемъ противорѣчить ей, офицеръ жертвуетъ всѣмъ: она рядится, а онъ ходитъ въ изношенномъ. Понемногу втягиваясь въ подобную жизнь, молодой человѣкъ дѣлается циникомъ во всѣхъ отношеніяхъ. На него и находятъ быть можетъ минуты, когда онъ хотѣлъ-бы оторваться отъ зла, но у него недостаетъ ни средствъ, ни характера. Главными причинами этого грустнаго состоянія я нахожу то, что полковые командиры не имѣютъ свѣдѣній о частной, домашней жизни офицеровъ, о средѣ, въ которой они вращаются, и мало вліяютъ на ихъ нравственное направленіе. Мнѣ нерѣдко доводилось слышать мнѣніе, что полковому командиру нѣтъ дѣла, кто съ кѣмъ и какъ живетъ, лишь бы былъ исправенъ по службѣ. Отъ этого и происходитъ, что офицеръ, связавшись съ полькою, начинаетъ опускаться, дѣлается сначала равнодушенъ къ своей наружности, не взвѣшиваетъ своихъ поступковъ, совершаетъ служебныя упущенія и наконецъ доходитъ до того, что его приходится удалять. Придите къ нему на помощь вовремя,—и онъ можетъ быть спасенъ. Развѣ мы не видимъ, что юноша, полный силъ и

энергія, черезъ 2—3 года дѣлается неузнаваемъ и носитъ на себѣ отпечатокъ какъ наружнаго, такъ и нравственнаго упадка. Прошу васъ принять мѣры, чтобы субалтернъ-офицеры были постоянно заняты дѣломъ, пользовались бы только тѣмъ обществомъ, въ которомъ нѣтъ дурныхъ примѣровъ, и не попадали-бы подъ вліяніе тѣхъ, кто уже погрязъ въ дурной жизни и безповоротно потерялъ самолюбіе. Къ этому побуждаетъ насъ не только духъ узаконеній, но и нравственный долгъ, такъ какъ тотъ начальникъ, который не предупреждаетъ зла, содѣйствуетъ его развитію".

Открытіе доступа къ офицерскому званію людямъ всѣхъ сословій и происхожденій, крайне невыгодно отозвалось на составѣ полковыхъ обществъ. Были даже попытки, ради пополненія некомплекта, дать возможность всякому сдаточному достичь производства, не продолжительнымъ испытаніемъ, или выслугою извѣстнаго срока въ унтеръ-офицерскомъ званіи, а путемъ прохожденія черезъ юнкерскія училища. На совѣщаніи, бывшемъ по этому предмету у графа Берга, изъ всѣхъ генераловъ нашелся только одинъ, который, желая попасть въ тонъ новаторовъ, заявилъ, что считаетъ подобную мѣру полезною; всѣ же другіе высказали противное, а именно, что если это осуществится, то въ училища скорѣе всего попадутъ выгнанные изъ службы чиновники, сельскіе писаря и грамотные лакеи и приказчики. Неужели-же желательно, чтобы они сдѣлались офицерами? Извѣстно, что въ войскахъ самый лучшій и неиспорченный элементъ составляютъ люди, поступающіе изъ хлѣбопашцевъ. Какой же крестьянинъ, какъ бы онъ ни былъ способенъ, въ состояніи, безъ подготовки съ дѣтства, удовлетворить требованіямъ программы юнкерскаго училища и держать экзаменъ изъ алгебры? Если и явится такой феноменъ, то онъ будетъ одинъ изъ тысячи. Кому же новый законъ дастъ дорогу? Людямъ, завѣдомо нравственно испорченнымъ, которымъ некуда дѣваться. Прикинувшись на два года исправными и нравственными, они одолѣютъ программы, но получа эполеты, примутся за прежнее, и, давъ волю своимъ порочнымъ инстинктамъ, конечно, не пощадятъ ни чести мундира, ни репутаціи своей части.

Вспомню кстати и другое совѣщаніе происходившее, у графа Берга, по поводу учрежденія военно-обмундировальной мастер-

ской въ Брестѣ. Сколько помнится, это было въ 1866 году. Прибывшій для этого въ Варшаву главный интендантъ открылъ засѣданіе рѣчью, что мастерскія учреждаются для того, чтобы войска не были заняты никакими работами: чтобы солдатъ получалъ все готовое, а командиры полковъ не были бы отвлекаемы никакими хозяйственными заботами отъ прямыхъ своихъ обязанностей. Но какъ производить постройку одежды на Варшавскій округъ вольно-наемными портными сразу, покуда мастерская не вполнѣ еще устроена,—трудно и дорого, то онъ просилъ, чтобы на первое время полки дали бы по нѣсколько портныхъ каждый. Изъ этой рѣчи было видно, что съ перваго же шага начались противорѣчія. Только-что сказано, что мастерскія учреждаютъ для того, чтобы не отвлекать солдата отъ службы, и сряду же дѣлаютъ это. Затѣмъ графъ Бергъ спросилъ: „согласны-ли войска дать по 10 чел. портныхъ съ полка?“ Начальники кадровыхъ дивизій отвѣчали, что это возможно; но кавалеристы возстали на томъ основаніи, что мастерская не будетъ шить мундировъ для кавалеріи, для чего же брать изъ нея и портныхъ? То же самое говорилось и въ отношеніи гвардейскихъ полковъ. Затѣмъ начальникъ мѣстныхъ войскъ заявляетъ, что ему предстоитъ одѣть 40 тысячъ рекрутъ, и потому онъ отъ своихъ частей ни одного человѣка дать не можетъ. Вышло, что армейскимъ дивизіямъ приходилось дать уже не по 10, а по 30 человѣкъ съ полка. Начинаются пререканія, во время которыхъ представитель интендантства выразилъ мысль, что онъ удивляется спорамъ, и что не все ли равно для полка дать 10 или 30 человѣкъ. Тогда одинъ изъ присутствовавшихъ отвѣтилъ ему:

„А намъ остается удивляться, что хозяинъ арміи не знаетъ ея положенія. Не знаетъ, что, за разными сокращеніями штатовъ и вслѣдствіе послѣднихъ нововведеній, полки находятся въ такомъ положеніи, что если полковому командиру надо подковать лошадь, то онъ посылаетъ ее къ вольному кузнецу; что для окраски телѣги приходится нанимать маляра. Неужели же необходимо довести и до того, чтобы для передѣлки мундировъ полкъ нанималъ портныхъ“.

Графъ Бергъ хотя и понималъ нужды войскъ, но, не желая идти противъ интендантства, не зналъ, какъ соблюсти

первыя и угодить второму. Чтобы прекратить споры, я рѣшился сказать графу:

— Разъ, что вы признаете нужнымъ, чтобы портные были даны,—прикажите, и мы дадимъ. Найдете, что мало 30,—дадимъ 40. Развѣ можно не исполнять приказанія? Но кому это принесетъ пользу, войскамъ или интендантству — это другой вопросъ".

Конечно, такъ и случилось, а потомъ всѣ лучшіе изъ данныхъ полками портныхъ были не временно удержаны, какъ говорилъ главный интендантъ, а навсегда оставлены въ обмундировательной мастерской. Не значило-ли это чужими руками жаръ загребать? О той организаціи, которую получили эти мастерскія, объ ихъ хозяйственной части и о мнимой ихъ пользѣ, наконецъ о тѣхъ милліонахъ, которые были на нихъ затрачены, можно бы было сказать многое.

Вообще трудно понять, съ какою цѣлью принимались мѣры къ замѣнѣ полковыхъ мастерскихъ центральными, которыя всегда обходятся дороже, а между тѣмъ лишаютъ полки хозяйственной самостоятельности. То, что русскій солдатъ на все способенъ и что прежде всякая часть нашихъ войскъ, бросьте ее хоть въ Сахару или на необитаемый островъ, не пропала-бы, составляло всегдашнюю зависть всѣхъ европейскихъ армій. Русская рота прошлаго времени не нуждалась ни въ какихъ центральныхъ мастерскихъ. Она могла сама себѣ построить жилище, обуться, одѣться, прокормиться, сдѣлать паромъ, лодку, телѣгу; ей не надо было ни инженеровъ, ни интендантовъ. Казалось бы, что слѣдовало дорожить этимъ, а не уничтожать подобную самостоятельность части, возможность найти въ самой себѣ и кузнеца, и повара, и садовника, и плотника. Такое свойство въ военное время еще важнѣе, чѣмъ въ мирное. Въ минувшую войну мы видѣли, какъ центральныя учрежденія, быть можетъ, при всемъ своемъ желаніи и при громадныхъ затратахъ, не могли удовлетворить самыхъ насущныхъ нуждъ арміи. Склады были переполнены, а войска нуждались даже въ медикаментахъ. Та же война указываетъ, что тамъ, гдѣ войска останавливались, хотя на нѣсколько дней, они сами исправляли мельницы, обращали зерно въ муку, устраивали пекарни, даже бани, чинили мундиры и обувь. Чѣмъ подобныя свойства арміи болѣе развиваются, безъ ущерба ея образованію, тѣмъ лучше, тѣмъ

она менѣе будетъ стоить правительству; а что развитіе мастерства не можетъ вредно вліять на обученіе, доказывается тѣмъ, что 30 лѣтъ назадъ, строевое образованіе было доведено до совершенства и мастерства процвѣтали. Могутъ сказать, что тогда не требовалось ни стрѣльбы, ни самоокапыванія. Согласенъ; но стрѣльбѣ и при мастерствахъ можно обучать всѣхъ поголовно, какъ это и дѣлается теперь съ кашеварами и хлѣбопеками, которымъ это нисколько не мѣшаетъ варить щи и печь хлѣбы, а самоокапываніе ни что иное какъ мода, на которую напрасно затрачивается время. Какой же русскій человѣкъ не окопается, дайте только ему не скребокъ, а хорошую лопату. Развѣ сотни тысячъ народа, построившаго у насъ десятки тысячъ верстъ желѣзныхъ дорогъ и каналовъ, были обучаемы какъ рыть землю, обдѣлывать насыпи и т. д. Если спрашивать о самоокапываніи профессоровъ фортификаціи, и о гимнастикѣ какого-нибудь Шмидта и Комп., да еще слушаться ихъ, то они какъ дважды два докажутъ, что Россія погибнетъ, если вся армія не обратится въ землекопателей и акробатовъ. Все это увлеченія, подобныя увлеченію плаваніемъ, проѣздками на сотенныя разстоянія, военными велосипедистами и т. п.

Возрастъ дѣтей, требовавшій уже нѣсколько серьезнаго обученія, заставлялъ меня подумывать о переселеніи въ Россію, такъ какъ въ Радомѣ не было никакой возможности имѣть учителей. Съ этою цѣлью, въ январѣ 1868 г., я взялъ отпускъ въ Петербургъ, чтобы заявить о моемъ желаніи получить перемѣщеніе во внутреннія губерніи. Но передъ этимъ графъ Бергъ въ августѣ мѣсяцѣ 1867 г. приказалъ мнѣ составить записку о послѣдствіяхъ переводовъ нижнихъ чиновъ изъ однихъ мѣстъ въ другія, но повелъ это дѣло совершенно не такъ, какъ слѣдуетъ, и привелъ его къ самымъ непріятнымъ для меня послѣдствіямъ въ будущемъ.

Такъ какъ въ полкахъ недоставало того числа людей старшаго срока службы, которое приказано было отправить въ Московскій округъ, то въ іюлѣ 1867 г. я, частнымъ письмомъ, просилъ начальника штаба похлопотать, чтобы перевели меньше. На это я получилъ приказаніе графа Берга составить подробную записку о томъ, въ какое положеніе приводятся кадровыя части, черезъ переводъ изъ нихъ самыхъ лучшихъ и твердыхъ людей. Записку, какъ говорилъ мнѣ потомъ баронъ Рамзай,

намѣстникъ хотѣлъ отправить прямо къ Государю; но баронъ упросилъ его не дѣлать этого, а обсудивъ, представить министру. Между тѣмъ я получаю депешу прибыть къ 30-му августу въ Варшаву. Пріѣзжаю и узнаю, что туда созваны всѣ начальники дивизій. Являясь фельдмаршалу думаю, что вѣроятно онъ что-либо скажетъ по поводу моей записки, но вмѣсто этого слышу, на французскомъ языкѣ, такую фразу: „Очень радъ, mon cher, видѣть васъ, и прошу завтра ко мнѣ обѣдать, чтобы вмѣстѣ выпить стаканъ шампанскаго за здоровье Государя". Изъ замка ѣду являться барону Рамзаю. У него совсѣмъ другая встрѣча. Только что я вошелъ въ кабинетъ, какъ онъ замыкаетъ его на ключъ и, обнимая меня, говоритъ: „Позвольте мнѣ поцѣловать васъ за то, что вижу въ васъ человѣка рѣшившагося высказать то, что всѣ знаютъ, но заявлять боятся. Намѣстникъ хотѣлъ отправить вашу записку Государю, но я отстранилъ это, поэтому онъ поручилъ мнѣ обсудить ее вмѣстѣ со всѣми начальниками дивизій".

— Едва-ли будетъ удобно, отвѣчалъ я,—выставлять меня авторомъ записки. Между начальниками дивизій есть старѣйшій генералъ-лейтенантъ во всей арміи, Карлъ Алексадровичъ Бельгардъ, я же всего 5 лѣтъ генералъ-маіоромъ и только командующіей дивизіей. Не вышло бы изъ этого, что яйца курицу учатъ.

— Да, это правда. Ну, такъ мы прочтемъ эту записку, какъ составленную въ окружномъ штабѣ, хотя и долженъ вамъ сказать, что, по возвращеніи моемъ съ осмотра, по Высочайшему повелѣнію, кадровой дивизіи въ Пензѣ, я докладывалъ, что она въ томъ же самомъ положеніи, какое вы описываете въ вашей запискѣ.

На обѣдѣ у намѣстника не было и рѣчи о чемъ-либо служебномъ; но на другой день у барона Рамзая записка была прочтена помощникомъ начальника штаба, и всѣ тогда же заявили, что все въ ней сказанное до того вѣрно, что каждый готовъ подписать ее. Покойный Д. И. Черницкій тотчасъ же смекнулъ, что если записка пойдетъ дальше, какъ составленленная въ штабѣ, которымъ онъ тогда временно управлялъ, то едва ли это понравится въ Петербургѣ, и потому повелъ такую рѣчь:

— Хотя всѣ и заявили, что прочтенное вполнѣ справедливо,

но было бы еще убѣдительнѣе, если бы сказанное подтвердить цифрами: сколько куда и когда переведено, какіе люди и откуда прибыли для замѣны и т. д.

Баронъ согласился; я же хотя и видѣлъ, что этимъ дѣло затягиваютъ надолго, но не возражалъ, потому что сдѣланнаго уже нельзя было поправить. Только въ половинѣ сентября дивизіонные штабы получили запросы о доставленіи свѣдѣній по извѣстнымъ формамъ; штабы написали въ полки, полки прислали съ ошибками, пришлось возвращать, — и пошла обычная канцелярская канитель, длившаяся всю осень. Въ началѣ ноября пріѣзжаетъ въ Радомъ начальникъ жандармскаго округа, баронъ Фредериксъ; какъ старый пріятель, онъ останавливается у меня, и, между разговорами заявляетъ, что онъ послалъ копію съ моей записки шефу жандармовъ.

Совершенно уже забывъ о происходившемъ два мѣсяца назадъ, я спрашиваю:

— О какой запискѣ вы говорите?

— О той, что была читана у Рамзая въ августѣ.

— Зачѣмъ же она нужна шефу жандармовъ и почему вы даже не спросили меня?

— Да, видите ли почему: по моей инструкціи требуется, чтобы я еженедѣльно доносилъ обо всемъ, что дѣлается въ Варшавѣ. Въ августѣ я и донесъ, что собраны для совѣщанія всѣ начальники дивизій. Дней 10 назадъ получаю отъ шефа такую записку: „Сообщите въ чемъ состояли совѣщанія и чѣмъ они кончились?“ Я сначала и хотѣлъ написать вамъ, да потомъ подумалъ,—покуда письмо пойдетъ, покуда вы отвѣтите; не проще ли достать копію съ вашей записки и написать, что я ничего не знаю, чѣмъ кончилось совѣщаніе, а посылаю то, что было на немъ читано. Такъ я и сдѣлалъ.

— Удружили, нечего сказать! Увидите, что изъ-за этого выйдетъ что-нибудь весьма для меня непріятное.

И вышло потомъ не мало, не только непріятнаго, но даже горькаго. Но, не желая навязывать собственную горечь другимъ, перехожу къ вышеупомянутой поѣздкѣ въ Петербургъ.

Тамъ, первымъ дѣломъ, было явиться къ кому слѣдуетъ и посѣтить старыхъ знакомыхъ. Нѣкоторые изъ нихъ стояли у военныхъ дѣлъ довольно высоко. Отъ нихъ узнаю, что су-

ществуетъ мнѣніе, будто я самъ отправилъ свою записку къ Государю.

— Да что вы здѣсь съ ума что ли сошли, говорю я, раздосадованный подобною нелѣпостью. Кто же мнѣ далъ право, по служебному дѣлу, писать прямо къ Государю, помимо фельдмаршала и министра? Да знаете ли, что если у меня ротный командиръ, помимо полковаго, напишетъ мнѣ, то я посажу его подъ арестъ. Право, у васъ тутъ умъ за разумъ заходитъ.

— Ну, ужъ какъ бы тамъ ни было, а здѣсь въ этомъ убѣждены, возражаетъ мой знакомый, а если такое убѣжденіе извѣстной личности разъ запало въ голову, то вѣрьте, что это вамъ никогда не забудется.

— И не забылось оно! Несмотря на все мое стараніе разъяснить истину, меня къ этому не допустили, говоря, что это дѣло не имѣло никакого вліянія, что напротивъ, меня считаютъ однимъ изъ лучшихъ и полезнѣйшихъ, и что возобновлять объ этомъ разговоръ совершенно напрасно.

На слѣдующій день я представлялся Государю. Во время ожиданія пріема входитъ въ залъ генералъ Эггертъ, крайне взволнованнымъ.

— Вы представлялись такому-то? спрашиваетъ онъ меня.

Отвѣчаю—представлялся.

— Спрашивалъ онъ васъ о чемъ-либо, говорилъ съ вами?

— Какже; мы говорили о Варшавѣ, о предстоящемъ пріѣздѣ графа Берга, о моемъ здоровьѣ, о моемъ находящемся за границею братѣ, мало-ли о чемъ.

— И ни слова о службѣ, о войскахъ и ихъ нуждахъ?

— Ни слова.

— Нѣтъ, это невыносимо! Я четыре года не былъ здѣсь; ѣду, чтобы переговорить о дѣлахъ, о службѣ, а меня принимаютъ какъ какого-нибудь фланера, съ которымъ вчера видѣлись, не интересуются ничѣмъ, даже не спрашиваютъ меня не имѣю-ли а о чемъ либо доложить, а когда я самъ началъ, то заминаютъ, протягиваютъ руку, —значитъ—„проваливай, мнѣ не до тебя!“

— Напрасно вы горячитесь; вѣдь не васъ однихъ такъ принимаютъ, а всѣхъ.

— Да помилуйте, продолжалъ кипятиться Эггертъ, еслибы я это предвидѣлъ, я бы не пріѣхалъ, не тратился-бы.

Въ это время генерала Краснокутскаго, Эггерта и меня позвали въ кабинетъ Государя.

Его Величество разспросилъ каждаго изъ насъ о чемъ-либо, касающемся нашихъ частей. Съ первымъ говорилъ о зимнихъ занятіяхъ кавалеріи и о манежахъ; со вторымъ — о составѣ офицеровъ; меня спросилъ о санитарномъ состояніи дивизіи, и когда я отвѣтилъ, что въ 4 полкахъ всего 130 больныхъ, то удивился что такъ мало. На это я доложилъ:

— Мы въ кадровомъ составѣ, Ваше Величество.

Лицо Государя вдругъ сдѣлалось серьезнѣе. Махнувъ рукою, онъ сказалъ:

— Я все забываю *объ этомъ вашемъ кадровомъ составѣ*, и съ этими словами направился къ двери, ведущей въ общую пріемную; но вдругъ остановился и, обратясь ко мнѣ, серьезнымъ тономъ спросилъ меня:

— Ну, а что же, этотъ кадровый-то составъ твердъ?

— Послѣ того, что вы изволили видѣть его въ іюнѣ мѣсяцѣ въ Варшавѣ, всѣхъ старослужащихъ взяли отъ насъ въ мѣстныя войска

— Слышалъ, знаю. Это оправдываютъ необходимостью уровнять сроки службы въ частяхъ; но я надѣюсь, что такихъ переводовъ впередъ не будетъ.—Съ этими словами Государь прошелъ въ залъ общаго пріема.

Ну, слава Богу,—подумалось мнѣ; что бы тамъ ни было, а я все-таки оказалъ пользу дѣлу. Съ тѣхъ поръ дѣйствительно изъ полковъ переводили не сотнями, а только десятками.

Спускаясь вмѣстѣ въ швейцарскую, Эггертъ возобновилъ прерванный разговоръ.

— Вотъ видите, сказалъ онъ, какъ Государь всѣмъ интересуется и всякаго разспрашиваетъ, а тамъ ни о чемъ ни слова.

Чтобы обезпечить за собою полученіе назначенія внѣ Польши, я проѣхалъ изъ Петербурга въ Москву, съ цѣлью узнать тамъ отъ А. И. Гильденштуббе, не будетъ-ли вскорѣ вакансіи на дивизію въ его округѣ. Какъ бывшій мой полковой командиръ, онъ очень былъ радъ моему заявленію и обѣщалъ содѣйствіе.

По возвращеніи въ Радомъ, я засталъ тамъ все общество въ большомъ волненіи. Одинъ изъ молодыхъ артиллерійскихъ офицеровъ, въ настоящее время даровитый военный писатель, накропалъ стишки сатирическаго содержанія, въ сущности совершенно безвинные, въ которыхъ весьма мѣтко обрисовалъ все гражданское и военное общество. Особенно возстали барыни. Однѣ хвастали, что знаютъ автора; другія злились, что не называютъ его, и всѣ перебранились и перессорились. Такъ какъ виновникъ кутерьмы былъ хорошимъ моимъ знакомымъ и часто бывалъ въ моей семьѣ, то многія надулись на насъ, зачѣмъ я принимаю его.

Передъ Пасхою 1868 г. я получилъ оффиціальное предвареніе о томъ, что буду перемѣщенъ начальникомъ 18 дивизіи, потому,—какъ сказано въ хранящемся у меня документѣ,—что для командованія ею нуженъ человѣкъ, „отличающійся знаніемъ службы и извѣстный своими административными способностями"; къ этому было прибавлено, что графъ Бергъ согласился на мой переводъ „съ крайнимъ сожалѣніемъ и только въ виду заявленной необходимости",—однимъ словомъ, въ похвалахъ недостатка не было. Вскорѣ послѣдовалъ приказъ о новомъ моемъ назначеніи и о томъ, что вмѣсто меня 7 дивизія переходитъ къ генералу Батезатулу. Онъ былъ мнѣ товарищемъ по корпусу, вышелъ въ Литовскій полкъ, откуда поступилъ въ академію, а затѣмъ я потерялъ его изъ вида. Казалось бы, что встрѣтясь съ однокашникомъ, можно было бы проявить желаніе вновь сойтись ближе; но онъ, принявъ дивизію, не спросилъ меня даже ни объ одномъ полковомъ командирѣ, ни объ одномъ служебномъ дѣлѣ. Болѣзненный, носившій постоянно, даже въ комнатѣ, ватную шапочку, онъ всегда выѣзжалъ въ каретѣ и съ костылемъ. Оригинальность его взглядовъ на занятія высказалась скоро и рѣзко. Не смотря на май мѣсяцъ,— самое горячее время для приготовленія полковъ къ лагерю, Батезатулъ сердился, зачѣмъ они занимаются фронтовыми ученьями, заявляя, что онъ признаетъ только стрѣльбу и грамотность; однимъ словомъ проповѣдывалъ совершенно въ духѣ новыхъ теорій. Во время одного изъ полковыхъ ученій, въѣзжаетъ онъ на плацъ въ каретѣ. Полковникъ Аленичъ, увидя, что изъ нея выходитъ генералъ съ костылемъ, командуетъ полку „смирно". „Зачѣмъ эти китайскія

церемоніи! кричитъ генералъ,—вы здѣсь хозяинъ, я зритель". Такъ какъ строевое ученье было уже окончено, то полковой командиръ думалъ завершить его церемоніальнымъ маршемъ. Только что произнесли предварительную команду, какъ Батезатулъ снова закричалъ, что все это вздоръ, и чтобы онъ никогда болѣе не слыхалъ этой команды; что надо учить только тому, что дѣлается на войнѣ и т. д.—въ тонъ и теперь повторяемой иногда пѣсенки. Видимо было, что дивизія попадаетъ въ руки одного изъ гонителей фронтовыхъ упражненій, что сдѣлалось тогда, для вводителей новыхъ системъ обученія, моднымъ сюжетомъ порицанія прежняго. Къ сожалѣнію это повторяется и теперь любителями новыхъ проэктовъ. Они язвительно критикуютъ всѣ требованія поддерживающія порядокъ и стройность, а сами ничего не говорятъ положительнаго. Писать общими фразами: о находчивости, о развитіи, о воинственномъ духѣ, или говорить о томъ, что надо учить только тому, что требуется на войнѣ, безъ указанія, чему же именно,—все равно что повторять избитыя фразы, красивыя по формѣ, пріятныя для уха, но въ сущности не приносящія пользы, потому что ни отваги, ни храбрости учить нельзя, а порядку, стройности и стойкости можно.

Вмѣсто строевыхъ занятій, Батезатулъ велѣлъ ежедневно производить военныя прогулки, а чтобы солдаты привыкали къ походнымъ снаровкамъ, приказалъ имъ имѣть въ сапогахъ стельки изъ соломы и, встрѣчая людей на улицѣ, провѣрялъ, исполняется ли его приказаніе. Все это можетъ служить примѣромъ, какъ часто самыя полезныя требованія, не вовремя примѣняемыя, обращаются въ самыя глупыя. Въ это время многія роты стояли верстахъ въ 5 отъ города, по деревнямъ. Чтобы придти въ городъ на ученье и возвратиться, солдату приходилось сдѣлать 10 верстъ, а когда ученье два раза въ день—то и 20. Прибавьте къ этому, что для обѣда и ужина онъ идетъ за полверсты на солдатскую кухню, и составится уже 22 версты. Кажется это достаточная практика въ ходьбѣ, безъ военныхъ прогулокъ. Затѣмъ, развѣ въ сапогъ, сшитый не для похода, всегда взойдетъ соломенная стелька, да и нужна ли она среди лѣта?

По полученіи Высочайшаго приказа о новомъ назначеніи, я началъ собираться къ переселенію, что съ семьею, состояв-

нею тогда уже изъ 7 дѣтей, было не легко. Переѣздъ предстоялъ изъ Радома въ Тамбовъ, слишкомъ на 2 тысячи верстъ, такъ какъ надо было ѣхать изъ Варшавы на Петербургъ и Москву, чтобы въ первомъ представиться Государю, а во второй—новому окружному начальству. Такимъ образомъ, съ тѣхъ поръ, что я получилъ первую отдѣльную часть, т. е. въ теченіи 10 лѣтъ, мнѣ приходилось 6 разъ переселяться, разорять домъ и снова его устраивать. Не смотря на это, перемѣщеніе мое изъ 7 дивизіи въ 18-ю, было принято мною радостно. Пора было наконецъ разстаться съ Польшей, гдѣ, судя по ходу дѣлъ, все повернулось на старый ладъ и русское вліяніе приняло рутинное направленіе, въ духѣ уступчиваго примиренія. Дѣятелямъ эпохи возстанія, такъ много испытавшимъ, трудно было примѣняться къ новой политикѣ, проявлявшейся во всѣхъ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ графа Берга, при увѣренности, что она не приведетъ русское дѣло къ желаемому результату. Новымъ администраторамъ дана была полная свобода, если не совсѣмъ уничтожать, то ослаблять значеніе военныхъ властей, съ такимъ трудомъ введенное генераломъ Треповымъ. Пользовавшимся этимъ значеніемъ не легко было переносить его паденіе и видѣть, что ему нѣтъ поддержки, и что всякая придирчивость и интрига бывшихъ подчиненныхъ беретъ верхъ. Мнѣ могутъ задать вопросъ: какое дѣло военному начальнику, имѣющему свой отдѣльный кругъ дѣйствій, до того, что и какъ дѣлается въ гражданскомъ вѣдомствѣ? Отвѣчу, что дѣйствительно не было-бы дѣла, если бы агенты послѣдняго не проявляли, на каждомъ шагу, желанія вымѣщать на бывшихъ начальникахъ свою досаду за свое прежнее имъ подчиненіе. Писать и жаловаться во всякомъ случаѣ непріятно, а когда знаешь, что справедливости и заступы не будетъ, то самое лучше уйти,—что я и сдѣлалъ.

Привыкнувъ всегда, при перемѣнѣ жительства и служебнаго положенія, все обдумать и всѣмъ распорядиться заранѣе, въ этотъ разъ я тоже составлялъ заблаговремено планъ моего переселенія, и до пріѣзда моего преемника Батезатула имѣлъ время сообразить что изъ имущества слѣдовало продать и что взять съ собою. Для перевозки вещей, подлежавшихъ отправкѣ до Варшавы, я нанялъ еврейскія фуры, а далѣе онѣ пошли по желѣзнымъ дорогамъ. Укупорка посуды и мебели произво-

дилась евреями, изъ специалистовъ этого дѣла, явившихся откуда-то издали, предложить свои услуги; какъ только прошла вѣсть о моемъ переводѣ. Въ этомъ отношеніи Западный край имѣетъ преимущество передъ нашими внутренними губерніями. Не угодно-ли въ какомъ-нибудь Темниковѣ или Демянскѣ найти укладчиковъ, или возчиковъ, съ фургонами?— а если и найдешь, то милые соотчичи заломятъ такую цѣну, что поневолѣ все продашь за безцѣнокъ. Тамъ же, гдѣ есть евреи, подобные предприниматели сами являются съ предложеніями.

Единственно, съ чѣмъ мнѣ жаль было разстаться,—это съ заведенными еще въ Варшавѣ экипажами и лошадьми. Первые пришлось продать за безцѣнокъ, вторыхъ-же раскупили на расхватъ. Долго я не могъ простить себѣ, что продалъ ихъ, особенно верховыхъ, и что послушалъ совѣта тѣхъ кто, смѣялся надъ моимъ намѣреніемъ вести лошадей въ Тамбовъ. „Помилуйте—говорили они, да на васъ будутъ тамъ пальцами показывать; въ разсадникъ коннозаводства—да вести лошадей изъ Польши". На дѣлѣ же оказалось потомъ, что я сдѣлалъ великую глупость, повѣривъ, будто въ Тамбовѣ можно купить лучшихъ и гораздо дешевле. Ровно мѣсяцъ искалъ я по всѣмъ заводамъ и у барышниковъ пару выѣзжанныхъ и не нашелъ, покуда не представился случай купить въ городѣ. Верховой-же лошади не могъ пріобрѣсти цѣлую зиму, ни за какую цѣну.

Давно ли я описывалъ въ моихъ воспоминаніяхъ прощанье съ полкомъ, какъ приходится говорить о прощаньи съ дивизіею. Добрые командиры полковъ, не исключая и тѣхъ, которые не входили въ ея составъ, а были у меня въ отдѣлѣ, по полученіи извѣстія о моемъ перемѣщеніи, самыми сочувственными ко мнѣ письмами, выражали свое сожалѣніе о томъ, что разстаются со мною. Письма командировъ: Витебскаго полка Журавлева, Полоцкаго—Нильсона, Смоленскаго — Ольдероге, казачьяго — Кузнецова, до сего времени хранятся у меня въ подлинникѣ. Я горжусь ими, и если бы не опасеніе, что меня могутъ счесть самохваломъ, то привелъ бы ихъ цѣликомъ,— столько въ нихъ лестнаго и задушевнаго. За нѣсколько дней до моего отъѣзда, всѣ полковые и батарейные командиры, а также многіе изъ баталіонныхъ и ротныхъ, съѣхались въ Ра-

домъ и вмѣстѣ съ чинами штаба чествовали меня обѣдомъ. Не могу при этомъ вновь не вспомнить велерѣчиваго Лебедева, бывшаго въ то время моимъ помощникомъ. Отвѣчая на провинціальныя рѣчи, я высказалъ, что мнѣ довелось быть начальникомъ боевыхъ полковъ въ такое время, когда строевая моя дѣятельность ограничивалась самыми обыденными вещами, и что, обучая стрѣльбѣ и шагу, нельзя было доказать, какимъ бы я былъ передъ ними въ тѣ моменты, когда примѣръ начальника увлекаетъ массы и ведетъ къ побѣдамъ. Какъ только я произнесъ слово *шагъ*, Лебедевъ ухватился за него, какъ за тему для длинной отвѣтной рѣчи, которую заключилъ такъ: „Великій Суворовъ говорилъ: шагъ—это побѣда! слѣдовательно, и вы, требуя шага живаго и молодецкаго, безъ оглядки, безъ сомнѣнія въ успѣхѣ, вели насъ къ побѣдѣ въ будущемъ, вдохнули въ полки тотъ духъ, который родитъ побѣды и т. д.". Изъ этого видно, какъ надо быть осторожну, чтобы не дать словоохотливому оратору повода къ выводамъ, неподходящимъ къ дѣлу, и грѣшить противъ логики. Во время этого обѣда мнѣ поднесли альбомъ съ портретами офицеровъ не только своей дивизіи, но и полковъ Кременчугскаго и Тобольскаго, входившихъ въ составъ той сводной, которою я командовалъ въ прошломъ году, въ лагерѣ подъ Варшавою.

По отправкѣ вещей, пришлось провести послѣдніе дни въ Радомѣ какъ на бивакѣ, что обыкновенно чувствительнѣе для взрослыхъ членовъ семьи, чѣмъ для малолѣтнихъ, которыхъ всегда занимаетъ все выходящее изъ вседневной колеи. Спать на сѣнѣ въ повалку, пить чай изъ большой чашки, знать, что не будетъ урока — все это для нихъ въ родѣ праздника. Не малою для меня задачею было перевезти до Варшавы семерыхъ дѣтей, съ двумя гувернантками, нянькою, кормилицею и двумя людьми, всего съ женою 15 человѣкъ. Свои экипажи были проданы, найти наемныхъ не было возможности. Къ счастью, въ лицѣ варшавскаго почтъ-директора, я имѣлъ стараго пріятеля, написалъ ему—и онъ выслалъ въ Радомъ громаднѣйшую почтовую карету, или лучше дилижансъ, изъ ходившихъ когда-то между Варшавою и Брестомъ. Это былъ цѣлый ковчегъ. На первой станціи, въ Едлинскѣ, мы были пріятно удивлены, увидя, что тамъ насъ ожидали семейства добрыхъ знакомыхъ и многіе изъ офицеровъ, съ полковымъ хо-

ромъ музыки. Произошла невольная остановка часа на два, такъ какъ нельзя было не принять приготовленнаго ими завтрака. Въ городкѣ Гроицахъ, во время перекладки лошадей, 6-тилѣтній сынъ мой незамѣтно забрался въ садикъ станціоннаго дома; когда всѣ усѣлись, никто не обратилъ вниманія на отсутствіе столь крупнаго пассажира, и только, отъѣхавъ саженъ 50, услышали крикъ гнавшагося ребенка. Въ предупрежденіе подобныхъ случаевъ въ будущемъ, я раздѣлилъ семью на партіи, назначилъ на каждыхъ двухъ дѣтей наблюдательницу, съ выдачею ей впередъ денегъ для расплаты въ станціонныхъ буфетахъ, такъ какъ самому невозможно было усмотрѣть, что кто просилъ и кому что подано.

Въ Варшавѣ мы остановились у моего пріятеля, барона Фредерикса, который, по обширности своей квартиры, могъ отдѣлить для насъ три комнаты, обративъ ихъ въ своего рода пансіонъ, съ приготовленными кроватями для дѣтей, ихъ гувернантокъ и нянекъ. Тамъ состоялись крестины новорожденнаго моего сына, появившагося на свѣтъ за четыре недѣли до нашего выѣзда изъ Радома. Это задержало насъ въ Варшавѣ на три дня; въ теченіи ихъ предстояло проститься съ многими знакомыми и откланяться графу Бергу, которому, несмотря на его ко мнѣ въ послѣднее время охлажденіе, я все-таки считалъ себя обязаннымъ. Не говоря о его къ намъ вниманіи, при бытности моей полковымъ командиромъ, ни одно мое представленіе, ни одна просьба о помощи моимъ подчиненнымъ не оставались, съ его стороны, безъ удовлетворенія. Онъ же помогъ мнѣ и при настоящемъ переѣздѣ. На сдѣланное имъ представленіе, о выдачѣ мнѣ пособія на подъемъ, изъ Петербурга было отказано, хотя другимъ, переѣзжавшимъ не за 2,000 верстъ, а изъ одной улицы въ другую, давали тысячи. Графъ такъ разсердился за этотъ отказъ, что, прочтя бумагу, сказалъ начальнику штаба: „Передайте ему, что если изъ Петербурга отказываютъ подъ предлогомъ, что у нихъ нѣтъ денегъ, то у меня онѣ найдутся: выдайте полторы тысячи изъ состоящихъ въ моемъ распоряженіи". Такая помощь семейному человѣку великое дѣло и немногіе изъ начальниковъ поступаютъ подобнымъ образомъ.

Къ часу нашего отъѣзда въ Петербургъ, въ вокзалѣ желѣзной дороги собрались почти всѣ офицеры бывшаго моего

полка и многіе изъ знакомыхъ. Я оставилъ Варшаву не безъ сожалѣнія. Слишкомъ много было тамъ испытано и не мало оставалось лицъ, съ которыми мы переживали вмѣстѣ и тяжелыя, и радостныя минуты, а это сильно связываетъ людей между собою. Русскія семейства, сблизившіяся другъ съ другомъ въ 63 и 64 годахъ, навсегда сохранили дружескія къ намъ отношенія. Знакомства же, сдѣланныя послѣ возстанія, были уже далеко не тѣ; чѣмъ больше наѣзжало новыхъ дѣятелей, тѣмъ русское общество дѣлалось разрозненнѣе. Наконецъ и сама Варшава, по своему климату и удобствамъ жизни, доставляла много пріятнаго.

Двухдневный переѣздъ по желѣзной дорогѣ до Петербурга не представлялъ ничего особеннаго. Такъ какъ петербургскіе наши родные были въ то время уже на дачѣ, то мы размѣстились въ ихъ городской квартирѣ. Здѣсь остановка была продолжительна. Послѣ долгаго отсутствія хотѣлось повидать всѣхъ, съ кѣмъ мы были связаны старинною дружбою, хотѣлось показать подраставшимъ дѣтямъ кое-что въ столицѣ и ея окрестностяхъ. Лица, которымъ мнѣ предстояло являться по службѣ, находились при Государѣ въ Красномъ Селѣ. Тамъ-же, по-близости, жили на дачѣ родители моей жены, а потому каждая поѣздка моя въ Красное соединяла въ себѣ и служебную и родственную обязанность.

Представленіе Государю состоялось въ саду, передъ дворцомъ, безъ всякаго предварительнаго записыванія. Зная, что утренніе смотры обыкновенно кончаются около 11 ч., я къ тому времени былъ уже у подъѣзда веранды. Выходя изъ коляски, Его Величество, увидя меня, сказалъ:

— Здравствуй! ты пріѣхалъ, чтобы быть на моихъ смотрахъ?

— Я прибылъ представиться Вашему Величеству по случаю назначенія командующимъ 18 дивизіею.

— Ну, съ этимъ-то я тебя не поздравляю, продолжалъ Государь, потому что тамъ порядочные безпорядки, особенно въ Рязани, въ стрѣлковомъ баталіонѣ. Надѣюсь, что ты это поправишь. Старому семеновцу это не трудно.

— Постараюсь, Ваше Величество, оправдать ваше довѣріе.

— Не сомнѣваюсь. Если желаешь знать подробности, обра-

тись къ брату Николаю Николаевичу, онъ тебѣ можетъ передать ихъ. Отправляйся съ Богомъ на мѣсто, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше; ты застанешь полки въ сборѣ и увидишь что въ нихъ хромаетъ.

Отъ Государя я прошелъ прямо, садомъ, во дворецъ Великаго князя Николая Николаевича. Крайне было интересно узнать, въ чемъ именно заключаются безпорядки въ полкахъ, которыми мнѣ предстояло начальствовать. На это уже былъ намекъ въ письмѣ ко мнѣ начальника главнаго штаба, полученномъ еще въ Радомѣ, и если Государю извѣстно о распущенности, значитъ есть что-либо серьезное, думалось мнѣ. Но почему же никто не говоритъ фактовъ?

Представлялось его высочеству, я передалъ ему слова Государя·

— Мнѣ, любезнѣйшій, сказалъ Великій князь, извѣстно только то, что дошло до меня въ послѣднюю бытность въ Рязани. Я не знаю въ какомъ состояніи полки по строевой части и по хозяйству; это, конечно, передаотъ тебѣ Александръ Ивановичъ Гильденштуббе въ Москвѣ, но что касается внутренняго порядка, то онъ долженъ быть очень плохъ. Достаточно тебѣ сказать, что ко мнѣ являлась депутація изъ Зарайска, съ просьбою о выводѣ изъ города стрѣлковаго баталіона, до того онъ тамъ безчинствуетъ.

— Позвольте мнѣ, Ваше Высочество,—отвѣчалъ я на это—по прибытіи на мѣсто, вникнувъ въ дѣло, донести вамъ о всемъ, что окажется.

— Для чего же? Я до тамошнихъ войскъ не касаюсь и у тебя есть свой командующій округомъ. Наконецъ, вѣроятно министръ передастъ тебѣ все болѣе подробно, чѣмъ я.

Но ни министромъ, ни въ главномъ штабѣ мнѣ не было сказано ничего особеннаго, кромѣ общихъ фразъ о моемъ предмѣстникѣ. Оставалась одна надежда узнать, въ чемъ именно обвиняютъ дивизію, отъ начальника округа въ Москвѣ, но и тамъ всѣ полученныя мною свѣдѣнія заключались въ слѣдующемъ:

— Ничего особеннаго—говорилъ Гильденштуббе—тамъ не было. Конечно, дивизія съ самаго возвращенія своего съ Кавказа, часто переходила изъ рукъ въ руки, а въ твердыхъ рукахъ не была. Полковые командиры—такъ себѣ: одинъ, какъ

произведенный въ генералы, только ждетъ преемника, другой по болѣзни въ отпуску, третій добрый малый, но небольше.

— Я что-то слышалъ, продолжалъ командующій войсками, про жалобу, поданную Великому князю въ Рязани; но полагаю, что это не важно, иначе я получилъ-бы оффиціальное донесеніе. Вы не безпокойтесь, особеннаго труда подтянуть вамъ не будетъ, если возметесь по нашему, по семеновски. Вотъ хозяйство въ полкахъ дѣйствительно плохо, много контрольныхъ начетовъ. Вдругъ это поправить трудно, но исподоволь и это сдѣлается; вамъ, уже командовавшему тремя частями, не учиться этому дѣлу.

Выходило, что и тутъ мнѣ все-таки нельзя было добиться, въ чемъ-же именно заключаются тѣ безпорядки и та распущенность, о которой всѣ только намекаютъ и никто не представляетъ факта, указывающаго, на что именно жаловались жители Зарайска. Наконецъ, они могли жаловаться на одинъ стрѣлковый баталіонъ,—причемъ же тутъ дивизія? Начальникъ штаба округа передалъ мнѣ только то, что во всѣхъ слухахъ и толкахъ, не побывавъ на мѣстѣ, трудно добиться истины, потому что пріѣзжающіе изъ Тамбова говорятъ одно, а изъ Рязани другое, но что, по его мнѣнію, все происходило отъ того, что мой предмѣстникъ ни на что не обращалъ вниманія, кромѣ переписки, велъ жизнь отшельника, отворачивался отъ солдата, когда встрѣчалъ его.

По прибытіи въ Тамбовъ, я наконецъ узналъ причины взведенныхъ на дивизію нареканій. Начало всему заключалось въ слѣдующей пустѣйшей интригѣ. Предводитель Зарайскаго уѣзда просваталъ свою дочь за командира одного изъ запасныхъ эскадроновъ, стоящаго въ другомъ уѣздѣ. И тесть и зять нашли, что было-бы недурно жить въ одномъ городѣ, а это оказывалось возможнымъ только въ томъ случаѣ, если-бы стрѣлковый баталіонъ вывели изъ Зарайска, а на его мѣсто перевели-бы эскадронъ жениха. Сначала пробовали доказывать неудобства стоянки кавалерійской части тамъ, гдѣ находился эскадронъ; писали въ округъ, но оттуда послѣдовалъ отказъ; писали въ штабъ инспектора кавалеріи уже съ прибавками, что городъ готовъ построить манежъ и конюшни; но и это не подѣйствовало. Тогда предводитель и его пріятели изъ уѣздной администраціи, стали возводить самыя обыкновенныя солдат-

скія продѣлки въ преступленія, пошли сплетни, доносы, подбиваніе жителей жаловаться за всякіе пустяки; распускали слухи, что отъ стрѣлковъ нѣтъ житья и что они чуть не грабятъ по дорогамъ. Тѣ же личности, воспользовавшись проѣздомъ Великаго князя черезъ Рязань, нашли охотниковъ подписать просьбу и быть депутатами, для ходатайства о выводѣ баталіона изъ Зарайска.—Вотъ примѣръ, какъ часто до Петербурга многое доходитъ въ превратномъ видѣ и какъ, изъ-за личныхъ видовъ и интригъ, бросается тѣнь не только на отдѣльныхъ лицъ, но на цѣлые полки, ни въ чемъ не повинные. Ниже я приведу еще болѣе сильный примѣръ подобнаго рода, по поводу извѣстнаго моршанскаго пожара, въ 1875 году.

Въ Москвѣ я долженъ былъ провести три дня, чтобы познакомиться съ чинами окружнаго штаба, сдѣлать необходимые визиты: генералъ-губернатору, губернатору, предводителю дворянства, митрополиту, такъ какъ со всѣми этими лицами предстояло потомъ встрѣчаться, при пріѣздахъ по службѣ.

Каждый день утромъ я имѣлъ какъ-бы приказаніе являться къ Гильденштуббе. Отпуская меня, онъ обыкновенно прибавлялъ: „Пріѣзжайте завтра; еще найдется о чемъ поговорить". Однажды онъ спрашиваетъ меня:

— Вы знаете Преображенскаго Т....

— Знаю—отвѣчалъ я,—мы одновременно командовали ротами, я у васъ, а онъ у генерала Катенина.

— А знаете-ли, что вѣроятно онъ получитъ у васъ полкъ вмѣсто Крауза.

— Какъ-же это?—возразилъ я. Вѣдь онъ у васъ-же въ округѣ командуетъ резервнымъ баталіономъ. Онъ хорошій человѣкъ, но какой-же это полковой командиръ, да еще послѣ Крауза?

— Да вы пожалуйста не подумайте, что это мой выборъ, продолжалъ Гильденштуббе,—и не вините меня, если подобное назначеніе состоится. На дняхъ былъ здѣсь тотъ, отъ кого идутъ всѣ представленія о назначеніяхъ, и спрашиваетъ меня: Ну что, каковъ Т...? Плохъ—отвѣчаю я. Да я и самъ знаю что плохъ—говоритъ онъ; но вы уже пожалуйста не препятствуйте; я хочу дать ему полкъ: какъ нибудь справится.

И вѣдь дали, а черезъ годъ пришлось отнять.

Закупивъ въ Москвѣ необходимое для дома, мы отправились далѣе. На Рязанской дорогѣ намъ оказали неожиданное вниманіе. Узнавъ, что мнѣ приходится брать 12 билетовъ и 4 для прислуги, управляющій приказалъ дать отдѣльный, инспекторскій вагонъ, въ нѣсколько отдѣленій, съ зеркальными окнами, такъ что и прислуга моя преважно возсѣла на бархатъ.

Въ Козловѣ предстояло оставить желѣзную дорогу, потому что далѣе къ Тамбову она только начинала строиться; хотя до цѣли нашего странствія, длившагося уже мѣсяцъ, оставалось 70 верстъ, но какъ проѣхать ихъ съ семьею, ставило меня въ затрудненіе. Везти маленькихъ дѣтей на перекладныхъ не было возможности, нанять рессорные экипажи негдѣ, а потому пришлось остановиться въ Козловѣ на цѣлый день, чтобы пріискать извощиковъ, имѣющихъ тарантасы; это удалось только на слѣдующее утро. Отъ вокзала до лучшей гостинницы, носившей названіе „Дворянской", съ вывѣскою „Au gout de la noblesse", пришлось идти пѣшкомъ. Полученіе багажа задержало меня на станціи; придя-же въ гостинницу, застаю жену чуть не въ слезахъ.

— Что случилось? спрашиваю я съ удивленіемъ.

— Да помилуй — отвѣчаетъ она. Тутъ ни къ чему нельзя прикоснуться: хотѣла уложить дѣтей, но кровати и диваны кишатъ клопами.

Вотъ такъ gout de la noblesse! Пришлось принести сѣна и уложить дѣтей на полу. Спускаясь въ нижній этажъ, гдѣ была обѣденная зала, на поворотѣ лѣстницы, красовалось громадное зеркало въ золоченой рамѣ, до того загаженное мухами, что стекло уже ничего не отражало. Встрѣтя тутъ же засаленнаго лакея, правящаго должность швейцара, жена моя говоритъ ему:

— Безсовѣстный вы народъ! Даже зеркала протереть отъ грязи не хотите.

— Ничего, сударыня, не подѣлаешь, все дожди да дожди.

Не правда-ли, вполнѣ логичное оправданіе.

Благодаря отличной погодѣ, переѣздъ 70-ти верстъ въ тарантасахъ оказался не на столько неудобнымъ, какъ ожидалось. Раза три дѣтей выпускали пройти версты двѣ пѣшкомъ;

они бѣгали, ловили бабочекъ, рвали васильки и находили, что ѣхать въ тарантасѣ лучше чѣмъ въ вагонѣ. На половинѣ пути между Козловомъ и Тамбовомъ, дорогу пересѣкаетъ большой земляной валъ, вродѣ бруствера. Не бывъ до того внутри Россіи, къ югу отъ Москвы, я былъ удивленъ, когда на мой вопросъ, что это за валъ?—ямщикъ отвѣтилъ—татарскій. Изъ собранныхъ мною свѣдѣній объ этомъ валѣ оказалось, что онъ тянется отъ Пензы до Воронежа и былъ дѣйствительно построенъ противъ татарскихъ набѣговъ.

Степная мѣстность, съ ея необъятными засѣвами, поражала меня тѣмъ, что на разстояніи 25-ти-верстнаго перегона между станціями встрѣчаешь всего одну или двѣ деревни и не видищь ихъ даже на краяхъ горизонта, точно находишься въ ненаселенной мѣстности, а между тѣмъ она одна изъ самыхъ многолюдныхъ. Только на послѣдней станціи передъ Тамбовомъ догадываешься, гдѣ руки, обработывающія эти безконечныя степи. Спустившись въ балку, мы увидѣли, что по ея оврагу, версты на двѣ въ обѣ стороны отъ дороги, тянется громадное село. Точно также и другія деревни, невидимыя покуда не въѣдешь въ нихъ, расположены въ балкахъ. Всѣ онѣ въ то время были настолько богаты хлѣбомъ, что каждая усадьба окружена была множествомъ скирдъ необмолоченной ржи и пшеницы. У иного двора ихъ насчитывалось до 20 и нѣкоторыя принадлежали не только прошлогоднему, но и болѣе отдаленному урожаю. Зажиточность этого края, доходившая до того, что у рѣдкаго хозяина было менѣе 6 лошадей, вовсе не соотвѣтствовала ни наружному виду построекъ, ни внутреннему ихъ устройству. Плохія, крытыя соломою избы, полуразвалившійся дворъ, грязный входъ, хата безъ пола, дѣти въ оборванныхъ рубашенкахъ,—вотъ что представлялось глазу проѣзжаго, въ этой въ высшей степени плодородной мѣстности. Проѣзжая ее 8 лѣтъ спустя, не осталось и десятой доли прежней зажиточности. Кабакъ и земскіе порядки постарались объ этомъ.

И вѣдь дали, а черезъ годъ пришлось от
Закупивъ въ Москвѣ необходимое для
лись далѣе. На Рязанской дорогѣ нам
вниманіе. Узнавъ, что мнѣ прихо
4 для прислуги, управляющій
инспекторскій вагонъ, въ
ными окнами, такъ что
бархатъ.

Въ Козловѣ пр
что далѣе къ Т
цѣли нашего
70 верстъ
затрудн
было
пр
п

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

1868—1870 гг.

...въ Тамбовъ.—Новыя лица и власти.—Члены общества.—Общественная жизнь и клубы.—Примѣры превратностей.—Театры въ провинціи.—Объѣздъ полковыхъ штабовъ.—Оригинальная командирша.—Земскія дороги.—Устройство новаго лагеря.—Служебная и семейная поры.—Мой тесть П. П. Чайковскій.—Поѣздка въ Петербургъ.—Среди сильныхъ заносовъ.—Постройка желѣзной дороги.—Еще объ общественной жизни въ Тамбовѣ.

Въ прелестный лѣтній вечеръ, 7 іюля 1868 года, въѣзжали мы въ Тамбовъ, раскинувшійся среди садовъ, по лѣвому, нагорному берегу Цны. Возлѣ города, вправо отъ дороги, виднѣлся лагерь трехъ полковъ моей новой дивизіи. Множество церквей, вмѣстѣ съ расположенными въ центрѣ города монастыремъ и стариннымъ соборомъ, придавали ему прекрасный видъ издали, но по мѣрѣ въѣзда выгодное впечатлѣніе постепенно исчезало. Убогіе домики предмѣстья, немощеныя улицы, обычная ихъ неопрятность, большія площади, въ видѣ пустырей съ грязью,—и все это покрытое густою черноземною пылью, стоявшею неподвижно, не располагало въ пользу города, въ которомъ предстояло жить. Только на Большой и Дворянской улицахъ оказалось нѣсколько хорошихъ зданій, какъ то: институтъ, присутственныя мѣста, губернаторскій домъ, гимназіи, дворянское собраніе и проч.

Квартира для насъ была нанята заранѣе, въ Дворянской улицѣ, въ домѣ соборнаго протопопа. Тамъ мы застали наши вещи, мѣсяцъ назадъ отправленныя изъ Радома и прибывшія только наканунѣ нашего пріѣзда. По разсказамъ лицъ, знавшихъ Тамбовъ нѣсколько лѣтъ назадъ, я воображалъ, что найду въ немъ просторное и удобное казенное помѣщеніе. Въ

'аршавѣ мнѣ говорили, что тамъ есть казенный домъ для опуснаго командира, съ квартирами для всѣхъ чиновъ его 'ба, со службами и садомъ. Все это дѣйствительно было, лагодаря щедрости и великодушію военнаго министерства ;ремени, быльемъ и поросло. Съ упраздненіемъ корпу-'е нашли ничего лучшаго, какъ раздарить опроставшіяся і зданія разнымъ вѣдомствамъ. Въ Тамбовѣ дома кор-.о штаба были подарены духовному вѣдомству, а три года .пустя, когда пришлось поставить тамъ дивизію, то не знали куда пристроить ея штабъ, и надо было выпрашивать помѣщенія какъ милости, даже за плату. Тоже самое повторилось потомъ повсемѣстно и въ особенности въ военныхъ поселеніяхъ, гдѣ дома военнаго вѣдомства продавали за безцѣнокъ, или дарили. Какіе расчеты руководили подобными распоряженіями, понять трудно.

На другой день по пріѣздѣ, при представленіи чиновъ дивизіоннаго штаба, я узналъ, что въ этотъ-же день полковой праздникъ стоящаго въ лагерѣ Тульскаго полка. Тамъ, послѣ церковнаго парада, я впервые увидѣлъ три полка дивизіи. Наружный видъ и составъ людей оказались лучше ожиданій, но, и при бѣгломъ взглядѣ на остальное, было очень замѣтно, что внутренняго порядка и должнаго образованія мало. На всемъ отражалось, что дивизія не имѣла руководителя, твердо держащаго общее ея служебное направленіе. Это впрочемъ не пугало меня, такъ какъ я не разъ убѣждался, что подобные недостатки могутъ быть скоро исправлены, лишь-бы не было чего либо вреднаго относительно дисциплины и нравственнаго направленія.

Хозяинъ моей квартиры, хотя и лицо духовное, былъ человѣкъ весьма хитрый и скупой. Имѣя по близости города собственный хуторъ, онъ хотѣлъ быть моимъ поставщикомъ фуража и продуктовъ, и, зная, что я ищу лошадей, какъ занимавшійся барышничествомъ, разсчитывалъ продать мнѣ пару громадныхъ клячъ, за баснословную цѣну. Между тѣмъ онъ пользовался въ городѣ нѣкоторымъ вѣсомъ въ обществѣ. Послѣ законоучительства въ кадетскомъ корпусѣ, онъ въ короткое время попалъ въ соборные протоіереи, потомъ въ члены консисторіи и наконецъ былъ сдѣланъ викарнымъ.

Наскоро устроившись, первымъ дѣломъ было поскорѣе сдѣ-

лать сначала оффиціальные, а потомъ и частные визиты. Къ числу первыхъ принадлежали посѣщенія губернатора и губернскаго предводителя дворянства. Это были личности, представлявшія настолько два совершенно противуположные типа, насколько важничающій педантъ-чиновникъ не похожъ на радушнаго хлѣбосола-помѣщика. Для перваго не существовало другихъ отношеній, кромѣ оффиціальной бумаги за номеромъ. Отъ подобныхъ отношеній страдало дѣло, потому что то, что можно было, при личныхъ объясненіяхъ, кончить въ день, при перепискѣ тянулось недѣлю. Сначала я пробовалъ объясниться лично, но всегда слышалъ: „потрудитесь, ваше превосходительство, написать объ этомъ“.

Прочее городское общество, по случаю лѣта, было въ разъѣздѣ по деревнямъ и городъ казался до осени опустѣвшимъ. Если-бы не семейства военныхъ и тамбовскаго исправника И. И. Величко, въ сестрѣ котораго жена моя встрѣтила свою институтскую подругу, то первое время намъ, привыкшимъ всегда жить, какъ говорится съ людьми, не съ кѣмъ было-бы дѣлить досуга. Впрочемъ, нѣтъ худа безъ добра; чрезъ это я имѣлъ возможность посвятить все свободное время на болѣе близкое знакомство съ полками. Первое инспектированіе ихъ показало, что покуда я не поставлю всего на свой ладъ, дѣла будетъ не мало. Болѣе всего удивило меня то, что я нашелъ хозяйство въ старой системѣ одиночнаго имъ управленія, тогда какъ уже прошло два года со времени введенія новаго положенія о полковомъ хозяйствѣ. Хотя ликвидація имуществъ и была произведена, но не было сдѣлано разсчетовъ, кто кому долженъ, полкъ-ли командиру, или командиръ полку; между тѣмъ противъ ликвидаціонныхъ вѣдомостей были заявлены претензіи, пререканія не были разобраны, однимъ словомъ, хозяйственная часть представляла полнѣйшую путаницу. Внутренній порядокъ былъ тоже не лучше. Въ доказательство приведу то, что въ одномъ изъ полковъ я нашелъ 3-хъ человѣкъ, не принадлежащихъ никакому капральству, и никто изъ унтеръ-офицеровъ не признавалъ ихъ своими. Въ другомъ полку оказался такой ротный командиръ, который изъ 8 своихъ унтеръ-офицеровъ могъ назвать по фамиліи только двоихъ; субартернъ-офицеры удивлялись, когда я спрашивалъ у нихъ имена находящихся изъ ихъ взводовъ въ командиров-

кахъ. О подобныхъ вещахъ мнѣ никто не заявлялъ ни въ Петербургѣ, ни въ Москвѣ, а тому, будто-бы люди обижаютъ жителей въ Зарайскѣ, чего вовсе не было, повѣрили. Конечно, при перечисленныхъ мною безпорядкахъ могло бы дойти и до этого, но къ удивленію, поведеніе нижнихъ чиновъ было безукоризненно, что надо отнести не къ надзору за ними, а къ существовавшимъ въ полкахъ традиціямъ.

Въ военномъ быту нерѣдко приходится наталкиваться на вещи трудно объясняемыя. Почему иное идетъ такъ, а не иначе, почему и когда завелся въ полку тотъ или другой обычай,—никакъ не добьешься, а между тѣмъ онъ существуетъ и держится. Напримѣръ, замѣчаешь, что такой-то баталіонъ всегда лучше и чище выходитъ въ строй, чѣмъ другой, хотя командиръ его менѣе понимаетъ дѣло и менѣе заботливъ, чѣмъ другіе. Почему у ротнаго командира А., усерднаго и энергичнаго, чаще случаются происшествія, чѣмъ у ротнаго командира Б., который завѣдомо сибаритничаетъ и ни за чѣмъ не смотритъ? Вникая въ подобныя явленія, оказывается, что это ничто иное, какъ переходящія изъ года въ годъ, изъ одного состава къ другому, традиціи; что когда-то, быть можетъ очень давно, былъ въ полку такой баталіонный командиръ, который вкоренилъ въ своей части любовь къ щегольству, или ротный командиръ, поставившій свою роту такъ, что она гордилась передъ другими порядкомъ и отсутствіемъ происшествій,—такъ оно и пошло. Но какъ все это держится и переходитъ отъ одного поколѣнія къ другому, когда давно уже нѣтъ ни одного человѣка, знавшаго этихъ командировъ,—это остается тайною. Замѣчаютъ-ли что-либо подобное теперешніе начальники,—я не знаю, но прежде это было и поддерживалось можетъ быть продолжительностью службы и постоянствомъ системы и взглядовъ. При безпрерывныхъ преобразованіяхъ и реформахъ, вѣроятно, подобныя традиціи исчезли, какъ исчезло многое, считаемое нововводителями несовременнымъ.

Какъ ни трудно, въ первое время по переселеніи изъ одного края въ другой, начинать новыя знакомства и пріобрѣтать связи, но я все-таки считалъ себя счастливымъ, что выбрался изъ Польши въ центръ Россіи. Ужъ одно то, что здѣсь не встрѣчаешь, на каждомъ шагу, то непріязненныхъ взглядовъ, то льстиво-лукаваго обращенія, много значитъ. Здѣсь

находишь болѣе радушія, менѣе разсчета и эгоизма. За то я предпочитаю жизнь въ провинціи жизни въ столицѣ, гдѣ рѣдко кто безъ маски, не только въ обществѣ, но даже и дома. При всемъ этомъ я замѣтилъ, что начальствовать частью тамъ, гдѣ нѣтъ земства и нѣтъ городовыхъ положеній, гораздо легче, менѣе столкновеній, менѣе отношенія ко всевозможнымъ учрежденіямъ. Что касается полковыхъ командировъ, то, исключая одного, они далеко уступали оставленнымъ мною въ прежней дивизіи. Этихъ надо было безотступно руководить и слѣдить за ихъ дѣйствіями. Я говорю о томъ составѣ, который былъ въ первый годъ моего начальствованія, но потомъ многое измѣнилось. Только одного изъ нихъ никакъ нельзя было убѣдить, что все происходящее въ полку не должно быть отъ меня скрываемо. Это былъ нѣкто С..., только и думавшій о томъ, какъ-бы чего не узналъ начальникъ дивизіи. Шесть лѣтъ я возился съ нимъ, и все-таки не достигъ того, чтобы онъ понялъ, что собственная его польза быть откровеннымъ со мною. На всякій въ полку безпорядокъ, даже на всякое происшествіе, открытое самимъ полковымъ командиромъ, я всегда смотрѣлъ какъ на доказательство его дѣятельности. Только тамъ не бываетъ ошибокъ и промаховъ, гдѣ ничего не дѣлается, а гдѣ больше работаютъ, тамъ всегда больше узнаютъ и видятъ. Терпѣть я не могъ, когда кто-либо изъ подчиненныхъ являлся ко мнѣ съ словами „несчастіе случилось". Большею частію это несчастіе сводилось къ тому, что или пьяный солдатъ сломалъ себѣ ногу, или замотался артельщикъ. Разъ что при разборѣ дѣла не обнаруживалось ни слабости надзора, ни упущеній со стороны ближайшихъ начальниковъ виновнаго, что за безнадзорность и бездѣйствіе власти, раскрытыхъ полковымъ командиромъ, имъ-же уже взыскано,—это не несчастіе, а случайность. Въ службѣ весьма часто причины, породившія безпорядокъ, гораздо важнѣе самаго безпорядка.

Чины дивизіоннаго штаба принятой мною дивизіи оказались достойными личностями, много содѣйствовавшими мнѣ для достиженія тѣхъ результатовъ, которыя я поставилъ цѣлью моихъ дѣйствій. Въ этомъ отношеніи я болѣе всего былъ обязанъ старшему адъютанту штаба Кршивицкому и дивизіонному доктору Лагарсико. Первый былъ правою моею рукою въ образовательной и административной части, второй по надзору за

санитарнымъ и гигіеническимъ содержаніемъ нижнихъ чиновъ. Какъ о томъ, такъ и о другомъ сохраняю самыя отрадныя и благодарныя воспоминанія.

Постепенный входъ нашъ въ мѣстное общество начался съ тѣхъ его членовъ, которые оставались на лѣто въ городѣ. Между ними первое мѣсто занимала, въ то время весьма еще бодрая старушка, Анна Ивановна Козакова. Это былъ типъ теперь почти исчезнувшій даже въ провинціи, и потому я позволяю себѣ нѣсколько долѣе остановиться на немъ. Почтенная, весьма умная женщина, съ независимыми средствами, ни передъ кѣмъ не заискивавшая, она пользовалась въ городѣ большимъ авторитетомъ. Всѣ боялись ея, потому что знали прямоту ея нрава. Кто-бы изъ вліятельныхъ лицъ ни пріѣзжалъ въ Тамбовъ, хотя бы по службѣ, — дѣлалъ ей визитъ, иначе навлекалъ на себя ея гнѣвъ, а кто разъ подвергался ему, тотъ лучше не показывайся въ обществѣ. Я называлъ ее тамбовскимъ комендантомъ. Жила она одна, ежедневно принимала по утрамъ, любила ѣздить на обѣды и вечера, иногда приглашала и къ себѣ на партію. Ѣздила она не иначе какъ въ каретѣ и всегда шагомъ, чтобы удобнѣе было разглядывать проходящихъ. Кучеръ и лошади ея были едва-ли не сверстниками своей госпожи. Всякій день, въ извѣстный часъ, эту карету можно было видѣть на Большой улицѣ. Стоило проходить кому-либо изъ знакомыхъ, какъ карета останавливалась, знакомый подзывался къ спущенному окну и, поцѣловавъ протянутую руку, обязанъ былъ доложить: гдѣ былъ вчера, что слышалъ и кого видѣлъ. Черезъ нѣсколько шаговъ карета останавливалась у другой стороны улицы, къ ней подзывалась дама, или офицеръ, или монахъ съ книжечкой. Подзываніе считалось знакомъ благоволенія, а проѣздъ мимо—гнѣвомъ. Разъ кто-то спросилъ:— „Что это вы, Анна Ивановна, не изволили сегодня поговорить со мной?“

— Да что тебя подзывать, когда ты ничего никогда не знаешь.

Срѣзать, озадачить кого-либо изъ зазнающихся—было для нея ни-по-чемъ.

Зная французскій языкъ, она не переносила его въ обществѣ: „Пожалуйста не французить“, говорила она, входя въ гостиную, если слышала французскую рѣчь; а въ русской ея

рѣчи были особенно любимыя слова въ родѣ: таперича, онамнясь, въ тупору, слѣдство—вмѣсто слѣдствіе и т. д. У Анны Ивановны было нѣсколько интимныхъ подругъ, подходившихъ къ ея годамъ. Много анекдотовъ ходило про нее, особенно за время эмансипаціи, введенія земства и новыхъ судовъ. Все это она ненавидѣла, а между тѣмъ всегда засѣдала на хорахъ при земскихъ выборахъ и въ первомъ ряду—при всѣхъ интересныхъ процессахъ: „Ну ужь вашъ Плевако—говорила она, ничего особеннаго я въ немъ не вижу"; а про другаго знаменитаго адвоката отзывалась такъ: „Этотъ хоть и плюгавый полячишка, да говоритъ проще, безъ завитушекъ".

Въ противуположность Козаковой и ея подружекъ существовалъ въ Тамбовѣ другой кружокъ, тоже старушекъ, но благотворительницъ: Угрюмова, Байкова и Рѣтькина. Эти выражали свою религіозность обожаніемъ архіереевъ, что заставляло ихъ бросать деньги на рясы и облаченія. Если одна подносила къ Рождеству рясу въ тысячу рублей, то другая дарила къ Пасхѣ въ двѣ.

До открытія Саратовской желѣзной дороги, въ Тамбовъ охотно съѣзжались семейства помѣщиковъ на время декабрьскихъ собраній дворянства и земства. Многіе оставались на всю зиму, жили открыто, давали званные обѣды и танцовальные вечера. Это было то время, когда помѣщики доживали свой золотой вѣкъ. Между ними помню людей весьма богатыхъ, напримѣръ: Циммерманы, Соловые, Бабины, Ознобишины, Рахманиновы. Вообще двѣ первыхъ зимы жилось въ Тамбовѣ до того весело, что бывало радуешься услыша великопостный колоколъ. Мы застали тамъ, кромѣ дворянскаго собранія, два клуба: Коммерческій и Англійскій, возродившійся, какъ это всегда бываетъ, вслѣдствіе несогласія партій и походившій столько же на англійскій, какъ на китайскій. Первый давалъ два раза въ мѣсяцъ танцовальные вечера, то обильно посѣщаемые, то безлюдные; устраивалъ субботніе обѣды по подпискѣ, имѣлъ прекраснаго повара, выписывалъ стерлядей и осетровъ изъ Саратова. Англійскій клубъ только два года влачилъ свое существованіе, а Коммерческій, то упадая, то немного возвышаясь, говорятъ до сихъ поръ коротаетъ свои дни.

Попробовалъ я разъ поддаться баллотировкѣ въ старшины и почти годъ состоялъ таковымъ, но болѣе не выдержалъ.

Одинъ изъ старшинъ вздумалъ присвоить себѣ распорядительную роль, держалъ тонъ повелителя. Уродится же на свѣтъ такой нѣмецъ, который всюду, къ чему ни прикоснется, все портитъ. Бывало, въ частномъ-ли домѣ или въ собраніи, идетъ вечеръ весело, оживленно, но входитъ онъ — и точно всѣхъ холодной водой облило, всѣ сторонятся отъ него. Особенно забавно было смотрѣть на это, вездѣ и всюду разыгрываемое величіе, зная, что этотъ господинъ находится въ рукахъ двухъ ничтожныхъ лицъ, которыхъ труситъ до того, какъ-будто между ними тремя есть какая-нибудь преступная тайна.

Въ теченіи жизни въ Тамбовѣ, мнѣ довелось быть свидѣтелемъ нѣсколькихъ примѣровъ превратностей судьбы. Одинъ дававшій пиры—остался безъ куска хлѣба; другой, хваставшій рысаками—ѣздилъ въ долгъ на извощикахъ; третій, проигрывавшій нѣсколько сотъ въ вечеръ, уклонялся отъ копѣечной партіи. Многіе изъ таковыхъ, напримѣръ братья Е... весьма добрые люди, угощавшіе весь городъ обѣдами, потомъ очутились въ крайней бѣдности. Грустно было видѣть человѣка, имѣвшаго отличный домъ, поселившимся въ лачужкѣ, вросшей въ землю. Барынь, блиставшихъ красотою и бриллiантами, встрѣчали потомъ въ поношенныхъ платьяхъ съ чужаго плеча, взятыхъ въ долгъ отъ торговки. Но ни чей помѣщичій крахъ не произвелъ такого ошеломляющаго впечатлѣнія, какъ губернскаго предводителя Леона. Нѣсколько лѣтъ онъ считался Крезомъ, для котораго не было ничего невозможно. Его состояніе росло не по днямъ, а по часамъ: фабрики, заводы, парки, сады,—все это появлялось какъ-бы по волшебству. Всякій, имѣвшій тысячу рублей въ запасѣ, считалъ себя счастливымъ, если Леонъ соглашался принять такую ничтожность для своихъ оборотовъ, и былъ увѣренъ, что пристроилъ свой капиталецъ самымъ выгоднымъ образомъ. Многіе до того вѣровали въ твердость Леоновскаго состоянія, что за нѣсколько лѣтъ не брали процентовъ. Вдругъ, въ одинъ прекрасный день, разносится слухъ, что Леона нѣтъ ни въ городѣ, ни въ имѣніи. Началось волненіе въ обществѣ, вскорѣ превратившееся въ отчаяніе. Оказалось, что Крезъ исчезъ навсегда. Онъ скрылся заграницу и масса его кредиторовъ остались разоренными. Мнѣ случилось видѣть людей, потерявшихъ десятки тысячъ и довѣрчивыхъ маменекъ, пустившихъ дѣтей по міру.

*

Фабрики, картинныя галлереи, дорогіе сервизы, гобелены, старыя вина, все это, вмѣстѣ съ домами и тысячами десятинъ, пошло съ молотка.

Былъ и другой предводитель Е..., но уѣздный, который въ 5 лѣтъ спустилъ на обѣды, балы и рысаковъ все, что имѣлъ—и дома, и имѣніе жены; но этотъ поступилъ честнѣе. Съ громадной семьей, онъ переселился въ другой городъ, поступилъ на частное мѣсто, и исподволь расплачивался съ долгами. Замѣчательное явленіе представляло это семейство, состоявшее изъ нѣсколькихъ сыновей и дочерей. Тѣ и другіе росли дѣтьми природы, почти безъ надзора. Старуха нянька, полупьяный лакей, да семинаристъ для обученія грамотѣ—вотъ каковъ былъ составъ ихъ воспитателей, покуда можно было отдать дочерей въ институтъ и въ женскую гимназію; но когда и туда нечѣмъ было платить, то пришлось взять до окончанія курса. Несмотря на это, изъ дочерей вышли премилыя дѣвушки, сами себя образовавшія, развитыя и умныя. Одна, по смерти матери, взяла на свои руки всю семью, другія сдѣлались замѣчательными музыкантшами. Часто видѣлъ я примѣры, что изъ дѣтей, вполнѣ предоставленныхъ судьбѣ, выходили дѣльные люди, тогда какъ изъ тѣхъ, о которыхъ заботились, для которыхъ родители ничего не жалѣли,—не выходило ни малѣйшаго прока.

Къ числу выдающихся личностей принадлежалъ тамбовскій исправникъ Величко, отставной гусаръ, бывшій въ бою подъ Альмою и раненный подъ Балаклавою; это былъ человѣкъ, обладавшій всѣми достоинствами лицъ, про которыхъ говорятъ: онъ честная, прямая натура, онъ душа общества. Весельчакъ, первый танцоръ, первый комикъ между любителями сцены, первый дамскій кавалеръ, онъ былъ любимъ всѣми и при этомъ имѣлъ громадный авторитетъ между крестьянами. Во время ихъ освобожденія, въ его уѣздѣ не было ни одного серьезнаго случая, тогда какъ въ сосѣднихъ не разъ прибѣгали къ содѣйствію войскъ. Выбранный въ исправники дворянствомъ, онъ пробылъ въ этой должности безсмѣнно 27 лѣтъ и, выходя въ отставку, не имѣлъ ничего, кромѣ 30-ти рублевой пенсіи въ мѣсяцъ, но за то былъ оцѣненъ дворянствомъ. Оно составило капиталъ для стипендіи имени Величко въ мѣстной гимназіи. Это едва-ли не единственный примѣръ въ Рос-

сіи подобной оцѣнки службы исправника. Бывало гдѣ Величко— тамъ и весело. Какъ кадетъ временъ Императора Николая, онъ боготворилъ его и, какъ кавалеристъ въ душѣ, никогда не оставилъ бы военной службы, еслибы полученная тяжелая рана въ голову, во время рубки съ англійскою кавалеріею, не помѣшала ему нести строевую службу, что и заставило согласиться на просьбу дворянъ, принять должность по выборамъ. Много интереснаго разсказывалъ онъ про свое исправничество, при знаменитыхъ въ своемъ родѣ тамбовскихъ губернаторахъ Булгаковѣ и Данзасѣ. Про послѣдняго говорили, что онъ управлялъ губерніею спустя рукава, что много разъ собирались смѣнить его, но онъ до того былъ любимъ обществомъ, что все кончалось въ его пользу. Для раскрытія происходившихъ въ губерніи безпорядковъ, были не разъ присылаемы самые строгіе ревизоры. Нѣкоторые изъ нихъ, сряду по прибытіи, не скрывали, что пріѣхали смѣнить губернатора, но, проживъ мѣсяцъ въ Тамбовѣ, уѣзжали очарованные Данзасомъ, и дѣлались въ Петербургѣ первыми его защитниками. Пріѣзжалъ ли въ городъ генералъ для смотровъ, или флигель-адъютантъ по рекрутскому набору, или попечитель учебнаго округа ревизовать училища, каждый тотчасъ попадалъ въ руки Данзаса, умѣвшаго такъ обставить его жизнь въ мѣстномъ обществѣ, что пріѣхавшій на день оставался недѣлю, а думавшій окончить порученіе въ недѣлю, жилъ цѣлый мѣсяцъ.

Говоря о Величко, не могу не вспомнить другаго друга моего И. И. Ознобишина. Больной много лѣтъ ногами, онъ почти никогда не выѣзжалъ изъ своего уютнаго домика на Тезековской улицѣ, или не выходилъ изъ своего садика. Снявъ военный мундиръ, Ознобишинъ нѣсколько лѣтъ занималъ различныя должности при театральной дирекціи въ Петербургѣ, что поставило его въ близкія отношенія съ артистами всѣхъ сценъ. Поэтому ни одинъ актеръ, ни одинъ литераторъ не проѣзжали черезъ Тамбовъ, не побывавъ въ уютномъ домикѣ на Тезековской. Тамъ я познакомился съ покойнымъ Васильевымъ, съ И. Ф. Горбуновымъ, съ Леоновою, Кольцовою, Вейнбергомъ, Венявскимъ, съ Н. Рубинштейномъ, съ писателями Бергомъ, Дьяченкой и проч.

Среди собиравшихся у Ознобишина, прежняя моя страсть

къ театру снова сильно разгорѣлась. Играть самому, какъ бывало въ Варшавѣ, по моему званію, я считалъ неудобнымъ, но не находилъ ничего предосудительнаго стать, по выбору любителей драматическаго искусства, во главѣ ихъ кружка и взять на себя обязанности распорядителя спектаклей съ благотворительною цѣлью. Въ первую же зиму вокругъ насъ сплотилась цѣлая группа такихъ талантливыхъ исполнителей различныхъ амплуа, какихъ я не встрѣчалъ ни прежде, ни послѣ, ни на одной любительской сценѣ. Организаціи дѣла много способствовало то, что у Ознобишина была весьма полная театральная библіотека съ нотами для водевилей и оперетокъ, не теперешнихъ, безсмысленныхъ, тенденціозныхъ, развращающихъ вкусъ и коверкающихъ искусство, а оперетокъ стараго времени, милыхъ и граціозныхъ, въ родѣ: Дезертира, Кетли, Сиротки Сусанны и проч.

Можетъ быть эти строки прочтетъ кто-либо изъ членовъ нашего тамбовскаго кружка и ему будетъ пріятно вспомнить былое, вспомнить свою молодость и свои забавы. Пусть же онъ знаетъ, что авторъ этихъ записокъ не забылъ его, и съ чувствомъ любви и дружбы перепменовываетъ нѣкоторыхъ участниковъ. Первыми сюжетами между любителями были: на драматическія роли—М. И. Сатинъ, молодой Шнейдеръ и графъ Саліасъ; комики Н. И. Величко, Строкинъ, Добровольскій; резонеры—Кржевицкій, Оленинъ, А. Ознобишинъ, Стелдлихъ, Верховскій; для водевильныхъ ролей: Полубояриновъ, Давыдовъ, Ивановъ. Изъ дамъ: комическія роли исполнялись госпожами—Шульгиной и моею женою; свѣтскихъ дамъ играли:—Елагина, Кржевицкая, прочія амплуа занимали—двѣ сестры Полянскія, Вечослова, Оленина, Строкина, Николаева, молодыя роли въ драмѣ:—Яковлева; въ опереткахъ отличалась Брянцева и сестры Полянскія. Этотъ составъ кружка былъ до того сыгравшись, что ему ничего не стоило, въ 4 или 5 репетицій, при самой сложной обстановкѣ, ставить очень серьезныя піесы, разнообразить репертуаръ и давать до 10 благотворительныхъ спектаклей въ зиму. Всѣ переименованныя лица жили до того дружно, что, за исключеніемъ маленькихъ капризовъ барышень, не было никакихъ непріятностей, споровъ изъ-за ролей, а тѣмъ болѣе интригъ, столь присущихъ театральному дѣлу. Всѣ такъ вѣрили въ авторитетъ распоря-

дителей, что почти не было примѣра отказа отъ назначенной ими роли. Все, что было лучшаго въ текущемъ репертуарѣ того времени, въ обѣихъ столицахъ, появлялось и на тамбовской любительской сценѣ нашего кружка. Ревизоръ, Женитьба, Не въ свои сани, Доходное мѣсто, піесы Тургенева, а изъ переводныхъ—Мольера, лучшія драмы и комедіи Дьяченко и Александрова—все было исполняемо съ успѣхомъ. Лучшимъ доказательствомъ этого было то, что, несмотря на бытность въ Тамбовѣ одно время очень хорошей антрепренерской труппы, мѣста на любительскіе спектакли брались на расхватъ и почти всѣ ложи были абонированы. О каждомъ спектаклѣ, на оборотѣ афиши слѣдующаго, печатался подробный отчетъ, а такъ какъ постановка нѣкоторыхъ піесъ, напримѣръ—Записки Демона, Клара д'Обервиль и проч., требовала значительныхъ расходовъ, особенно по декоративной и костюмерной части, то велась особая приходо-расходная книга. Изъ нея видно, что въ 6-ть зимъ дано было 50 спектаклей, съ которыхъ выручено, за всѣми расходами, чистой прибыли, для благотворительныхъ цѣлей, 13 тысячъ рублей. Спектакли давались: въ пользу обѣихъ гимназій—мужской и женской, въ пользу публичной библіотеки, пріютовъ, Краснаго Креста, въ пользу бѣдныхъ города, на устройство общины сестеръ милосердія и. т. д

Не говоря объ удовольствіи, доставляемомъ хорошею игрою любителей, одна матеріальная, помощь приносимая ими дѣлу благотворенія, должна-бы была расположить мѣстную администрацію къ подобному предпріятію; но выходило обратно. Во всѣхъ городахъ разрѣшеніе къ печатанію афишъ лежитъ на обязанности полиціймейместера, но въ Тамбовѣ, въ отношеніи только любительскихъ представленій, взялъ этотъ трудъ на себя нашъ начальникъ губерніи и дѣлалъ затрудненія, лишь-бы показать свое вліяніе. Нельзя вообразить той мелочности, которая не была бы придумана для того, чтобы хоть чѣмъ-нибудь досадить распорядителямъ. Извѣстно, что всѣ существующія піесы раздѣлены цензурою на запрещенныя, дозволенныя съ исключеніями и безусловно дозволенныя. Имъ составлены списки, періодически разсылаемые во всѣ города. Прежде чѣмъ представлять афишу на утвержденіе, конечно, принимались въ соображеніе всѣ требуемыя закономъ условія, да и піесы-то да-

вались извѣстныя, всюду игранныя, слѣдовательно, всякая справка о томъ, дозволенныя онѣ или нѣтъ, была явнымъ знакомъ недовѣрія. Между тѣмъ нѣсколько разъ не разрѣшались піесы безусловно дозволенныя, подъ предлогомъ какого-то стариннаго циркуляра, въ которомъ будто-бы говорилось, что губернаторъ можетъ не разрѣшить къ представленію и дозволенную піесу, если находитъ ее не подходящею къ мѣстнымъ условіямъ. Однимъ словомъ, не было ни одного представленія, которое не сопровождалось бы подобными продѣлками, не говоря уже о томъ, что утвержденія афиши приходилось иногда ждать дня по три и болѣе. Когда, несмотря на все это, спектакли любителей шли своимъ порядкомъ, то придумана была новая комбинація. Въ концѣ сезона приказано было губернскому архитектору осмотрѣть прочность городскаго театра, и, конечно, послѣдовало донесеніе, что въ немъ нельзя допускать дальнѣйшихъ представленій. Такъ какъ слѣдующій спектакль назначался въ пользу пріюта, состоявшаго подъ покровительствомъ жены губернскаго предводителя, то послѣдній рѣшилъ устроить сцену въ залѣ дворянскаго собранія. На это затрачены были большія деньги, и когда все было окончено, то получена была бумага, что на хоры собранія, по ихъ будто-бы ветхости, публика допущена быть не можетъ, между тѣмъ какъ на этихъ-же хорахъ, при послѣднемъ засѣданіи суда, было болѣе 400 человѣкъ. Выведенный всѣмъ этимъ изъ терпѣнія, предводитель жаловался въ Петербургъ и, смѣшно сказать, для разбора подобныхъ дрязгъ, оттуда были командированы два статскихъ совѣтника. Конечно, они не могли не понять въ чемъ причина пререканій; но, желая быть справедливыми и въ то же время поддержать представителя администраціи, они рѣшили дѣло такъ: допустить на хоры можно, но съ тѣмъ, чтобы съ нихъ былъ сдѣланъ второй выходъ. Вотъ какъ самое хорошее и полезное дѣло, можетъ быть испорчено изъ-за личности.

Прошу прощенія у читателей, что такъ распространился о театральномъ дѣлѣ, но они, вѣроятно, уже замѣтили мою слабость въ этомъ отношеніи. Что любишь, о томъ всегда говоришь чаще и больше.

Обращаюсь теперь къ моей служебной жизни въ Тамбовѣ. Первый объѣздъ дивизіонныхъ штабовъ, предпринятый осенью, начался съ Рязани. Тамъ я впервые встрѣтился съ губернато-

ромъ Н. А. Болдаревымъ, съ перваго знакомства выказавшимъ полную любезность и вниманіе. Здѣсь мнѣ передали всю сущность зарайской исторіи съ стрѣлковымъ батальономъ, и объяснили ее именно такъ, какъ я изложилъ выше.—Я радовался, что хоть одинъ изъ моихъ полковъ будетъ имѣть дѣло съ человѣкомъ, понимающимъ, что между людьми могутъ быть не одни канцелярскія и чиновничьи отношенія. Командиромъ этого полка былъ отлично знающій службу штабъ-офицеръ, примѣрный, но крайне скупой хозяинъ, что не мѣшало его полку быть самымъ богатымъ въ дивизіи, какъ по состоянію суммъ, такъ и по обилію вещей. Изъ Рязани я проѣхалъ по желѣзной дорогѣ въ Усмань, гдѣ квартировалъ 4 полкъ, имѣвшій командиромъ полковника Уфнярскаго, съ которымъ я имѣлъ удовольствіе прослужить болѣе пяти лѣтъ и до сихъ поръ вспоминаю о немъ, какъ о личности, достойной полнаго уваженія. Соединяя въ себѣ всѣ качества образованнаго офицера, онъ обладалъ рѣдкимъ тактомъ командира, всесторонне зналъ строевое дѣло, былъ любимъ и полкомъ и городскимъ обществомъ.

Изъ Усмани, черезъ Липецкъ, надо было проѣхать въ Лебядянь, для осмотра 3-го полка. Командиръ его только номинально носилъ это званіе, въ сущности же я засталъ тамъ нѣсколькихъ командировъ, въ лицѣ полковыхъ: адъютанта, казначея и квартермистра, а надъ ними верховною властью была супруга командира полка. До сей поры не могу забыть впечатлѣнія, произведеннаго на меня слѣдующимъ фактомъ. Во время обѣда, вспомнивъ что-то замѣченное мною при осмотрѣ цейхгауза, я говорю полковнику:

— Вамъ необходимо правильнѣе разсортировать вещи, а то, помните, рядомъ съ холстами, на той-же полкѣ, я видѣлъ полушубки, а рядомъ съ сапожнымъ товаромъ—мыло.

— Ну, я такъ и знала, перебиваетъ меня командирша. — Это, ваше превосходительство, произошло отъ того,—говоритъ она,—что я еще не побывала въ цейхгаузѣ. А въ лазаретѣ вы ничего не замѣтили.

— Можетъ быть и замѣтилъ,—отвѣчалъ я, но, во всякомъ случаѣ прошу извиненія, что началъ служебный разговоръ въ вашемъ присутствіи.

— Нѣтъ, ужь вѣрно тамъ было все какъ слѣдуетъ, потому

вчера была тамъ. все осмотрѣла и велѣла переставить ти отъ наружной стѣны на середину.

[illegible]пругъ этой особы, въ сущности добрякъ, до того былъ рактеренъ, что много мнѣ было труда заставить его от[illegible] вліяніе его дражайшей половины на полковыя дѣла. [illegible] я пріобрѣлъ въ ней яраго врага, но избавилъ себя [illegible] подобныхъ описанной.

[illegible] полковъ, мнѣ обыкновенно отводили квартиры [illegible] богатыхъ купцовъ. Отведутъ, бывало, весь бель[illegible] съ паркетомъ, зеркалами, вазами и мебелью, на кото[illegible]димо, никогда никто не садился, кромѣ архіерея, гу[illegible], да пріѣзжаго для осмотровъ генерала. Чѣмъ лучше [illegible]енія полковаго командира къ купечеству и полиціи, тѣмъ [illegible] отводилась богаче. Въ ней меня всегда удивляла по[illegible]льная чистота, столь не присущая нашимъ бородатымъ [illegible] коммерсантамъ. Потомъ я узналъ, что хозяева бо[illegible] домовъ сами обыкновенно живутъ въ подвальномъ [illegible], или во флигелѣ, гдѣ та-же духота и нечистота, какъ [illegible], а въ чистую половину входятъ только въ дни [illegible] тезоименитствъ, да въ храмовой праздникъ. Я какъ-то [illegible] одного изъ нихъ, почему онъ не занимаетъ верхняго [illegible]енія, а тѣснится въ низу?

[illegible]то намъ-съ непривычно, отвѣчалъ хозяинъ. Придешь [illegible] домой, —паркетъ попортишь, да и приткнуться [illegible] неудобно-съ; а внизу, гдѣ ни растянешься все

[illegible]реѣзды изъ одного уѣзднаго города въ другой, происхо[illegible] такимъ дорогамъ, что до сихъ поръ, вспоминая о [illegible] дрожь пробѣгаетъ. Мосты, гати, спуски въ балки, все [illegible] одна проѣздимо. Какъ бывало ни стараешься узнать, [illegible] исправляетъ, ни одинъ крестьянинъ не знаетъ. Общій [illegible] былъ таковъ: „А кто его знаетъ, говорятъ есть подряд[illegible] никто не видалъ его". Съ полкомъ, шедшимъ изъ [illegible] въ лагерь, былъ такой случай: для проѣзда обоза [illegible] полуразвалившійся мостъ, а за тѣмъ по гати, пришлось [illegible] его, провести лошадей отдѣльно, а повозки и ящики [illegible] на рукахъ. Такъ какъ полкъ былъ впереди и [illegible] особо, то надо было обратиться къ помощи

крестьянъ. Оказавъ ее безвозмездно, они обратились къ полковому командиру съ такою просьбою:

— Ты, ваше благородіе, идешь въ губернію [1]), нельзя-ли тамъ постараться тебѣ, чтобы намъ самимъ чинить мостъ и гать, а то берутъ съ насъ деньги на какого-то земскаго подрядчика, а мы его,. вотъ седьмой годъ, и въ глаза не видали. Кабы не брали денегъ, мы-бы, съ нашимъ удовольствіемъ, все сами справляли; вѣдь наши-же животы тутъ мучатся.

Подобныя явленія сдѣлались извѣстными только со введеніемъ земства. По этому поводу былъ у меня разговоръ съ губернаторомъ. Подъ самымъ Тамбовомъ, на астраханскомъ трактѣ находился мостъ, черезъ который, на предстоявшихъ маневрахъ, должна была пройти вся артиллерійская бригада, а на немъ были сгнившія балки и такія дыры въ настилкѣ, что немыслимо было провезти ни одной пушки.

— Что-же мнѣ дѣлать? говоритъ губернаторъ,—я уже два раза писалъ въ земскую управу объ этомъ, а она, какъ видите, и не думаетъ приступать къ исправленію.

— Неужели-же, спрашиваю я,—нѣтъ никакихъ средствъ заставить управу исполнить ваше законное требованіе?

— Есть средство, да прибѣгать къ нему неудобно. Я могъ-бы произвести исправленіе, что-бы оно ни стоило, на счетъ управы, и донести о моемъ распоряженіи сенату. Разъ я такъ и сдѣлалъ, но вслѣдъ за тѣмъ получилъ указаніе, что къ подобнымъ мѣрамъ слѣдуетъ прибѣгать только въ крайнихъ случаяхъ. Согласитесь, что послѣ этого получить вторичное наставленіе не захочешь.

Впечатлѣніе, произведенное на меня первымъ объѣздомъ полковыхъ штабовъ и осмотромъ матеріальнаго состоянія полковъ, было то, что, придавши однимъ энергіи и усиливъ контроль надъ другими, дѣло пойдетъ. Гораздо болѣе труда предстояло по введенію внутренняго порядка, большей исполнительности и отвѣтственности начальства за ихъ подчиненныхъ. Это, впрочемъ, со времени введенія преобразованій, сдѣлалось общимъ зломъ и разросталось въ 60-хъ годахъ эпидемически.

---

[1]) Въ той мѣстности, подъ словомъ *губернія,* крестьяне разумѣютъ губернскій городъ.

Въ слѣдующемъ 1869 году, вся дивизія, вмѣстѣ съ артиллерійскою бригадою, должна была собраться въ лагерѣ подъ Тамбовомъ, для чего надо было выбрать подходящее и довольно обширное мѣсто. Въ концѣ апрѣля получена была объ этомъ бумага изъ округа, въ которой было сказано, что Высочайшее повелѣніе сообщено министру внутреннихъ дѣлъ, для зависящаго распоряженія объ отводѣ земли подъ лагерь. Столь категорическая Высочайшая воля была передана министромъ губернатору; но послѣдній въ бумагѣ городскому головѣ уже прибавилъ: „о чемъ сообщаю для отвода мѣста, *буде на это не встрѣтится законныхъ препятствій*“. Достаточно было этого крючковатаго намека, чтобы нашлось препятствіе. Городской голова началъ доказывать, что, съ проведеніемъ Саратовской желѣзной дороги, у него нѣтъ свободной земли и указывалъ, что ее должно отвести земство. Послѣднее отписывалось, говоря, что пригородныя деревни имѣютъ малый надѣлъ. Между тѣмъ время уходило; до прихода полковъ оставалось всего недѣли четыре, въ теченіи которыхъ надо было возвести пекарни, кухни, канцеляріи, лазареты, устроить плотины для запруды. иначе лагерь остался-бы безъ воды. Предоставляю читателю судить, каково положеніе военнаго начальника, обязаннаго выполнить Высочайшую волю, когда со стороны представителя гражданской администраціи не только нѣтъ содѣйствія, но дѣлаются всевозможныя препятствія. И такъ-то у насъ вездѣ и во всемъ, точно войска, города и земства не слуги одного государя, а враждебныя другъ другу учрежденія. Чтобы скорѣе добиться отвода земли, пришлось лично поклониться городскому головѣ, богатому, необразованному купчинѣ и ѣздить съ поклономъ къ предсѣдателю земской управы. Наконецъ удалось склонить ихъ на то, что городъ далъ 150 и земство 250 десятинъ, необходимыя подъ лагерь и учебное поле. Тогда я выбралъ возвышенность, лежащую на югъ отъ города, въ полутора верстѣ отъ заставы. Затѣмъ предстояло опредѣлить, за какую цѣну крестьяне и городъ уступаютъ землю подъ лагеръ военному вѣдомству. Благодаря содѣйствію исправника и вліянію, которое онъ имѣлъ на населеніе, крестьяне согласились получить въ годъ по 19 р. за десятину, а городъ взялъ за выгонъ по 25 руб., тогда какъ земля крестьянъ была распахана. При отмежеваніи лагер-

наго участка, мнѣ случилось говорить съ выборными отъ деревни.

— Какъ вамъ, ребята, не грѣшно, говорилъ я, брать съ казны по 19 руб., когда вы за лучшую землю подъ пшеницу платите помѣщикамъ по 10 и 12 р. въ годъ?

— Эхъ, баринъ, отвѣчали мужички, если бы намъ получать деньги-то отъ твоей милости, такъ мы отдали бы эту землю и по 8 рублей, а то поди-ка, получи ихъ отъ земства, аль черезъ полицію. Дай Богъ, чтобъ и черезъ 5 годовъ онѣ вышли; а другой хозяинъ помретъ прежде чѣмъ получитъ,— какъ же намъ не запрашивать?

Впослѣдствіи я убѣдился въ истинѣ этихъ словъ, потому что года три спустя мнѣ прислали толстѣйшее дѣло, озаглавленное: „Объ уплатѣ денегъ за землю подъ лагерь при городѣ Тамбовѣ". Хотя изъ веденной три года переписки ясно было видно, что земля была отведена и войска пользовались ею, но все-таки министерство финансовъ требовало, чтобы я выдалъ особое удостовѣреніе о томъ, что дивизія, въ 1869 году, *дѣйствительно* находилась въ лагерѣ на отведенной землѣ.

Изъ моей палатки, поставленной на самомъ высокомъ мѣстѣ лагеря, открывался превосходный видъ на утонувшій въ садахъ городъ и далѣе верстъ на 5, на низменный берегъ Цны, извивавшейся по заливнымъ лугамъ, вплоть до лѣса, въ опушкѣ котораго виднѣлись главы Трегуляевскаго монастыря. Между лагеремъ и городомъ, ближе къ нему, шла лента Саратовской желѣзной дороги, что оживляло общую картину. По окончаніи устройства лагеря, онъ сдѣлался любимымъ мѣстомъ прогулки горожанъ, особенно въ тѣ дни, когда назначались: церковный парадъ, заря съ церемоніею, или общее ученье съ артиллеріею. Въ праздники, когда по вечерамъ играла музыка и выходили на линейки пѣсенники, народъ приходилъ слушать ихъ, не только изъ города, но и изъ окрестныхъ деревень.

Вскорѣ послѣ лагеря, 1-й полкъ дивизіи отъ полковника Т..., оказавшагося непригоднымъ, перешелъ въ руки новаго командира и въ теченіи трехъ мѣсяцевъ переродился. Тѣхъ же самыхъ людей нельзя было узнать, такъ они измѣнились къ лучшему. Офицеры стали появляться въ обществѣ; казармы, въ которыя прежде противно было войдти, сдѣлались

чище и свѣтлѣе. Говорю объ этомъ, въ подтвержденіе непреложной истины, что въ нашей службѣ все зависитъ отъ того, кто стоитъ во главѣ полка. Хотя и существуетъ поговорка, что „новая метла всегда мететъ чище", но вновь принявшій полкъ велъ дѣло до конца одинаково. Единстеннымъ недостаткомъ этого командира было его самообольщеніе. Ему казалось, что лучше, распорядительнѣе его нѣтъ никого на свѣтѣ, а между тѣмъ частенько приходилось сдерживать его увлеченія, указать ему предѣлы его власти и подобающій тонъ отношеній. Я часто ему говаривалъ, что быть его начальникомъ очень пріятно, но находиться въ подчиненіи ему не желалъ бы.

Пріѣздъ въ Тамбовъ осенью этого года Принца Ольденбургскаго былъ причиною перваго моего знакомства съ тамошнимъ институтомъ, куда Его Высочеству угодно было приглашать меня. Потомъ знакомство съ начальницей и съ многими изъ родителей воспитанницъ дало возможность ближе узнать это заведеніе. Сравнивая его съ подобными въ Петербургѣ, нахожу, что въ послѣднихъ болѣе свѣтскаго лоска, но направленіе воспитанія въ провинціальномъ институтѣ ближе подходитъ къ домашнему. Въ немъ дѣти какъ-то натуральнѣе, менѣе стараются казаться большими. Въ продолженіи всей моей бытности въ Тамбовѣ, я доставлялъ институткамъ зависѣвшія отъ меня удовольствія: по воскресеньямъ въ институтскомъ саду игралъ хоръ военной музыки, въ святки и на масляной устраивались живыя картины, а для тѣхъ которыя при выпускѣ не имѣли средствъ экипировать себя, удѣлялась часть сбора съ благотворительныхъ спектаклей. Оказалось, что и въ этомъ отношеніи театральное дѣло принесло пользу. Одна изъ бывшихъ институтокъ, Брянцева, отличавшаяся прекраснымъ голосомъ, участвовала въ спектаклѣ, который былъ устроенъ для пріѣзда Принца и пѣла въ опереткѣ „Кетли". Я воспользовался этимъ случаемъ, чтобы представить нашу примадонну Его Высочеству. Онъ такъ былъ доволенъ ея игрою, что предложилъ ей поступить на его счетъ въ консерваторію и далъ вспомоществованіе.

Начало наступившаго года сопровождалось для меня потерями, какъ въ служебномъ, такъ и въ семейномъ отношеніи. Въ февралѣ скончался мой помощникъ, генералъ-маіоръ Чер-

кесовъ, примѣрный служака, отличный собесѣдникъ, но записной волокита. Преданный службѣ, онъ былъ правою моею рукою. Сочувствуя всему, что я желалъ и требовалъ, онъ строго слѣдилъ за исполненіемъ моихъ распоряженій, и при немъ я могъ быть вполнѣ увѣренъ, что все ему порученное будетъ усвоено. Всѣ въ дивизіи и особенно Тульскій полкъ, которымъ онъ командовалъ до Уфнярскаго, настолько любили и уважали его, что на свой счетъ поставили ему памятникъ въ оградѣ Казанскаго монастыря.

Вслѣдъ за смертью Черкесова я былъ вызванъ въ Петербургъ, по случаю тяжкой болѣзни моего тестя, отставнаго генерала Чайковскаго, желавшаго, чтобы я взялъ съ собою трехъ старшихъ дочерей, которымъ было тогда всего, 12, 8 и 6 лѣтъ. Въ Москвѣ я узналъ, что онъ уже скончался, а потому, оставивъ дѣтей у родныхъ, поспѣшилъ въ Петербургъ съ женою.

Скончавшійся 83 лѣтъ отъ роду, Петръ Петровичъ Чайковскій принадлежалъ къ числу людей рѣдкихъ правилъ. Въ 1811 году, имѣя всего 16 лѣтъ, бывши юнкеромъ, онъ былъ личнымъ свидѣтелемъ смерти сына генералиссимуса Суворова, утонувшаго въ рѣкѣ Рымникѣ. Состоя въ тотъ день ординарцемъ у начальника дивизіи князя Суворова, онъ ѣхалъ на перекладной, съ писаремъ, позади коляски князя.

— Въ это время, разсказывалъ мнѣ покойный тесть, князь объѣзжалъ полки, стоявшіе въ Молдавіи. День былъ дождливый, а наканунѣ была гроза съ страшнымъ ливнемъ. Подъѣзжая къ рѣкѣ Рымнику, которую за нѣсколько дней можно было переходить въ бродъ, мы увидѣли ее сильно поднявшеюся. При спускѣ, коляска генерала остановилась; верхъ ея былъ поднятъ и фартукъ застегнутъ. Я соскочивъ съ перекладиной, подбѣжалъ, думая не будетъ ли какихъ приказаній, и услышалъ слѣдующій разговоръ:

— Не лучше ли выйти? спрашиваетъ князь кучера.

— Не извольте безпокоиться, ваша свѣтлость, отвѣтилъ онъ, такія ли мѣста переѣзжали, а здѣсь я знаю каждый камешекъ.

— Ну, такъ трогай, приказалъ генералъ, но осторожнѣе.

Глубина рѣки, продолжалъ покойный тесть, оказалась гораздо больше, чѣмъ можно было думать, смотря съ берега, гдѣ

я и мой спутникъ выжидали покуда коляска подымется на противуположную сторону. Вдругъ мы видимъ, что кучеръ вскакиваетъ на козлы, ударяя по лошадямъ, лихая четверка подхватываетъ, экипажъ какъ будто бы пошатнулся, и вслѣдъ затѣмъ опрокидывается, а быстрое теченіе поворачиваетъ его колесами вверхъ. Будь коляска открыта, быть можетъ князь, хорошо плававшій, успѣлъ бы спастись; но поднятый вверхъ и застегнутый запанъ не допустили. Такимъ образомъ сынъ великаго Суворова погибъ въ волнахъ той самой рѣки, которую отецъ прославилъ побѣдою, имя которой носилъ въ своемъ титулѣ—Рымникскаго.

Въ 1814 году П. П. Чайковскій, состоя уже дивизіоннымъ адъютантомъ, въ сраженіи при Фершампенуазѣ, былъ раненъ пулею въ грудь и штыкомъ въ ребро. Счастливое излеченіе дало ему возможность продолжать службу въ строю. Въ турецкую кампанію 1828 году, онъ, командуя Шлиссельбургскимъ егерскимъ полкомъ, вызвался вести охотниковъ на ночной штурмъ крѣпости Исакчи, причемъ обѣ его ноги были перебиты картечью. Императоръ Николай Павловичъ приказалъ выдать ему 1,000 червонцевъ и отправить на казенный счетъ лечиться въ Теплицъ. Тамъ онъ провелъ полтора года, изъ которыхъ 8 мѣсяцевъ пробылъ въ постели, съ подвязанными на блокахъ ногами. Возвратясь въ Россію на костыляхъ, онъ потомъ настолько поправился, что въ 1830 году получилъ мѣсто коменданта въ Севастополѣ и былъ свидѣтелемъ извѣстнаго арестантскаго бунта. Затѣмъ Чайковскій былъ назначенъ строителемъ вновь возводимыхъ на западномъ берегу Чернаго моря укрѣпленій, съ подчиненіемъ ему собранныхъ для работъ у Геленджика войскъ, а по окончаніи этого порученія былъ переведенъ комендантомъ и управляющимъ минеральными водами въ Пятигорскѣ. Одиннадцать лѣтъ пробылъ онъ въ этой должности, но, наконецъ, не могъ перенести тѣхъ непріятностей, которыя возникли вслѣдствіе интригъ нѣкоторыхъ личностей, изъ числа окружавшихъ князя Воронцова. Гоненія на честнаго и вѣрнаго слугу начались изъ-за того, что онъ всѣми силами возсталъ противъ замысла возвести у источниковъ каменныя галлереи, въ родѣ заграничныхъ, чего хотѣлось и князю, а между тѣмъ это привело-бы къ уничтоженію источниковъ. Желающіе выслужиться и нажиться архитекторы-ино-

страницы представляли Воронцову проектъ за проектомъ, одинъ грандіознѣе другаго; но какъ только они попадали въ руки Чайковскаго, то онъ, разбивая эти затѣи, доказывалъ, что тяжелыя зданія изъ гранита задавятъ подземныя жилы минеральныхъ водъ, лежащія такъ близко къ поверхности земли, что только легкія, деревянныя зданія могутъ служить галлереями, а не гранитныя колоннады, красивыя на видъ, но гибельныя для источниковъ. Князь Воронцовъ сердился, писалъ выговоры, присылалъ изъ Тифлиса архитекторовъ и медиковъ, но ничто не помогло побороть гражданскаго мужества Чайковскаго. Многіе изъ друзей совѣтовали ему покориться волѣ вельможнаго начальника; противная сторона пробовала подсылать своихъ агентовъ, съ намеками на благодарность и на великія выгоды но честный старикъ рѣшился лучше выйдти въ отставку, чѣмъ продать дѣло, приносящее громадную пользу человѣчеству. Чайковскій оставилъ мѣсто, на которомъ его преемники въ 2—3 года составили себѣ состоянія; онъ-же, съ семьею въ 8 дѣтей, послѣ одиннадцати-лѣтняго директорства, выѣхалъ изъ Пятигорска безъ гроша, только съ пенсіею за 40-лѣтнюю службу и за раны. Всѣ его дѣти, по особому Высочайшему повелѣнію, были приняты—сыновья въ кадетскіе корпуса, а дочери—въ институты, пансіонерками Его Величества. Послѣ отъѣзда Чайковскаго изъ Пятигорска, проектъ возведенія каменныхъ зданій начали-было приводить въ исполненіе; но едва только кончили фундаментъ надъ цѣлительнѣйшимъ Елизаветинскимъ источникомъ, какъ онъ исчезъ и впослѣдствіи открылся, но уже въ меньшемъ видѣ, верстахъ въ 10 отъ говода. Пришлось прекратить работы, и тогда вспомнили Чайковскаго, но уже поздно.

По отданіи послѣдняго долга его праху, вслѣдствіе полученной депеши, что 5-лѣтняя дочь моя заболѣла дифтеритомъ, мы на другой же день поспѣшили выѣхать обратно въ Тамбовъ. Въ Москвѣ узнаю, что, вслѣдствіе снѣжныхъ заносовъ, проѣздъ къ Рязани и далѣе крайне затруднителенъ. Несмотря на это, взявъ остававшихся тамъ трехъ дочерей, мы выѣзжаемъ, но верстахъ въ 70 отъ Рязани поѣздъ останавливается, и мы 10 часовъ ждемъ на маленькой станціи. Не зная, что меня ожидаетъ дома и застану-ли я ребенка въ живыхъ, пришлось еще два раза переносить остановки. Думаю, что рѣдкій

изъ читателей не испыталъ удобства зимнихъ странствованій по нашимъ желѣзнымъ дорогамъ въ степныхъ губерніяхъ, но едва-ли кому приходилось перенести то, что выпало тогда на нашу долю. Въ вагонахъ ни топлива, ни свѣта; дѣти проголодались до того, что сжалясь надъ ними, одна дама отправилась по вагонамъ просить для нихъ куска булки или хлѣба, и нашлась какая-то сердобольная купчиха изъ Саратова, удѣлившая моимъ дѣвочкамъ три сухіе баранка.

Въ Козловѣ поѣздъ былъ задержанъ, но тамъ, уже съ нѣкоторымъ спокойствіемъ на душѣ, можно было ожидать расчистки пути, потому что полученная телеграмма гласила, что наша больная внѣ опасности. Въ 6 верстахъ отъ Тамбова снова остановка, съ объявленіемъ, что надо выходить изъ вагоновъ и идти полторы версты до поѣзда, высланнаго на встрѣчу. Это было въ 3 часа февральской ночи. Явился вопросъ: какъ при 15 градусахъ мороза, среди вѣтра съ мятелью, перенести дѣтей? Но, благодаря вниманію и распорядительности управляющаго дорогою, милѣйшаго М. П. Верховскаго, и чиновъ моего штаба, выѣхавшихъ на встрѣчу въ пошевняхъ, жена и дѣти были перевезены благополучно, но я поплатился. Торопясь пройти изъ I класса въ III, за человѣкомъ, чтобы онъ поспѣшилъ перенести вещи на подводу, я сталъ съ усиліемъ отворять примерзшую дверь, въ темнотѣ попалъ рукою въ дверную пружину и сорвалъ себѣ ноготь, который тутъ же отрѣзали простыми ножницами. Такъ какъ другой подводы не оказалось, то до выѣхавшаго на встрѣчу поѣзда, два жандарма вели меня по сугробамъ подъ руки.

Черезъ два часа мы были дома, гдѣ нашъ другъ и докторъ П. Ф. Лазаренко встрѣтилъ насъ радостною вѣстью, что больной гораздо лучше. Это заставило забыть и боль руки и всѣ перенесенныя въ пути невзгоды.

Позднею осенью 1869 года послѣдовало открытіе Тамбово-Козловской желѣзной дороги. Почти большая ея половина отъ Тамбова была построена трудами нижнихъ чиновъ моей дивизіи. Двумя пунктами, на которыхъ происходили самыя интересныя и большія работы, были выемки и насыпи, въ 2-хъ верстахъ отъ Тамбова и возлѣ села Лысыхъ-горъ, гдѣ дорога пересѣкала балку и строился мостъ. Такъ какъ послѣдній пунктъ былъ въ 18 верстахъ отъ города, то для пробы пищи

нижнихъ чиновъ, для осмотра бараковъ и шалашей, въ которыхъ они жили, и для провѣрки состоянія ихъ здоровья, я часто ѣздилъ туда, сначала въ экипажѣ, а потомъ на дрезинѣ. Кромѣ исполненія служебной обязанности, меня интересовалъ и самый ходъ работъ. При ихъ производствѣ не разъ приходилось убѣждаться, что и въ самомъ простомъ дѣлѣ извѣстная опытность и сноровка часто замѣняютъ силу. Солдатамъ за земляную работу платили 3 р. за каждую вынутую и отвезенную кубическую сажень земли. Обыкновенно ставили на кубикъ двоихъ, и если они вынимали его въ теченіи дня, то получали полтора рубля каждый. Это не всѣ могли выполнить, но менѣе рубля никто не вырабатывалъ. Такая плата, при продовольствіи отъ подрядчика, можетъ считаться отличною; но въ каждой ротѣ мнѣ случалось видѣть двухъ-трехъ такихъ искусниковъ землекопанія, которые ухитрялись одолѣть въ одиночку цѣлый кубикъ и получать 3 руб. Замѣчательно, что таковыми были вовсе не казавшіеся сильными, а напротивъ люди средняго роста и сухіе.

Нѣкоторые изъ начальниковъ того времени, а теперь и многіе изъ нихъ, того убѣжденія, что вольныя работы не должны быть допускаемы, такъ какъ онѣ отнимаютъ время отъ обученія, уничтожаютъ одежду и обувь, и вредятъ здоровью нижнихъ чиновъ. Ни съ однимъ изъ этихъ доводовъ я не могу согласиться. Прослужа 35 лѣтъ въ строю, половину въ гвардіи и столько же въ арміи, я никогда не раскаявался въ томъ, что развивалъ въ полкахъ стремленіе къ вольнымъ работамъ. На всѣ противъ нихъ возраженія скажемъ, что самое полезное дѣло можетъ сдѣлаться вреднымъ, если поведется кое-какъ, безъ знанія и надзора за нимъ. Шестинедѣльный періодъ работъ, назначаемый обыкновенно послѣ усиленныхъ лѣтнихъ занятій, служитъ для людей отдыхомъ; они любятъ его, потому что избавляются отъ однообразной казарменной жизни, проводятъ дни и ночи на чистомъ воздухѣ, что напоминаетъ имъ ихъ прежній бытъ и привычныя занятія. Удержать людей отъ того, чтобы они, во время рабочаго періода, не опускались въ смыслѣ порядка и дисциплины, вполнѣ зависитъ отъ ихъ начальства. Если офицеры будутъ находиться при своихъ людяхъ на мѣстѣ работъ, и не предоставятъ ихъ полной свободѣ, или въ безконтрольное распоряженіе унтеръ-офицеровъ, то распущенно-

сти быть не можетъ. Работа, не вредная для здоровья, не изнуряющая силы, нисколько не вредитъ и образованію. При должномъ ея размѣрѣ и при улучшенномъ довольствіи, нижніе чины поправляются на работахъ, которыя развиваютъ силы и обновляютъ энергію. Что же касается порчи одежды, то на работѣ носятъ обыкновенно старую, никуда уже негодную, которую не жаль и бросить. Вольныя работы не приносятъ пользы только тамъ, гдѣ къ нимъ относятся съ предвзятою мыслью, что онѣ вредны, гдѣ солдатъ не увѣренъ, что заработанныя деньги будутъ распредѣлены правильно, или гдѣ ему не объявляютъ подробнаго о нихъ разсчета. Взглянувъ на то же дѣло съ другой стороны, видимъ, что увольненіе нижнихъ чиновъ для заработка часто приноситъ замѣтную пользу и сельскому хозяйству. Сотня лишнихъ рукъ для полевой работы, для землевладѣльца—великое дѣло, особенно тамъ, гдѣ рукъ мало, что бываетъ почти повсемѣстно во время уборки хлѣбовъ и травъ. Сколько разъ случалось, что сахарозаводчикъ, при внезапномъ наступленіи мороза, чтобы спасти свекловицу, умоляетъ дать ему людей за какую угодно плату, лишь бы убрать во время. То же самое бываетъ и на рѣкахъ, когда надо быстро нагрузить или разгрузить къ сроку, а нанять, кромѣ солдатъ, некого. Тогда за цѣною не стоятъ. Къ сожалѣнію, у насъ только на югѣ время увольненія солдатъ на вольныя работы соображено съ нуждами населенія. Тамъ періодъ работъ совпадаетъ съ уборкою хлѣбовъ, въ прочихъ же военныхъ округахъ работы разрѣшаются съ 1-го сентября, когда полевыя работы уже окончены. Чрезъ это теряютъ войска и жители, что, несомнѣнно, отражается на благосостояніи края. Не одна сотня тысячъ четвертей и сотня тысячъ рублей пропадаетъ въ Россіи, отъ несобраннаго съ полей хлѣба и отъ нескошенной во время травы.

Съ открытіемъ желѣзной дороги, общественная жизнь въ Тамбовѣ сильно измѣнилась. Отъ нее ожидали оживленія, а вышло наоборотъ. Не говоря о томъ, что многія семейства переѣхали на зиму въ Москву, и лѣтняя общественная жизнь съ каждымъ годомъ дѣлалась все тише и тише. Въ первые два года нашего пребыванія въ Тамбовѣ, извѣстная его весенняя ярмарка, въ 10 воскресенье послѣ Святой, длящаяся двѣ недѣли, отличалась многолюдствомъ, громаднымъ приводомъ

лошадей и съѣздомъ ремонтеровъ со всѣхъ концовъ Россіи. Въ концѣ ярмарки открывался сезонъ бѣговъ и скачекъ, длившійся обыкновенно двѣ-три недѣли, что привлекало въ городъ окрестныхъ помѣщиковъ, изъ коихъ многіе были коннозаводчиками. Къ этому же времени и клубъ переселялся въ городской садъ, гдѣ имѣлъ лѣтнее помѣщеніе, называвшееся вокзаломъ. Туда по вечерамъ собирались всѣ съ бѣговъ и скачекъ, одни поиграть въ карты, другіе послушать музыку, а большая часть поужинать и покутить, причемъ не обходилось и безъ скандальчиковъ. Прислушиваясь къ говору, спорамъ и разсужденіямъ коннозаводчиковъ, невольно являлось сравненіе ихъ съ охотниками. Какъ послѣдніе не могутъ ничего разсказать безъ прикрасъ, такъ и эти, какъ пустятся въ разсужденія о рысакахъ и скакунахъ, и въ разсказы какъ кто кого провелъ при продажѣ или покупкѣ, то точно слушаешь эпизоды изъ „Не любо—не слушай, а лгать не мѣшай". Между ними много было типичныхъ представителей старины, какъ напримѣръ: генералъ Жихоревъ, ветеранъ временъ Александра I, силачъ Воейковъ, носившій монашескій подрясникъ, отставной гусаръ Сипягинъ, красившій лошадей. Распорядителемъ бѣговъ былъ всегда членъ коннозаводства и бывшій глава ремонтеровъ всей Россіи, А. И. Сабуровъ.

Посѣщеніе бѣговъ и вокзала для дамъ тамбовскаго общества составляло предметъ необходимости. Тамъ онѣ, одна передъ другою, хвастали своими нарядами, пріобрѣтали ухаживателей, спорили чья лошадь проиграетъ или выиграетъ. Были и такія, которыя слишкомъ близко входили въ коннозаводское дѣло: для нихъ было ни почемъ громогласно произносить самые щекотливые термины, въ родѣ того, что такая-то матка больше не принимаетъ, или такой-то производитель негоденъ для завода; а одна была и такая, которая съ гордостію заявляла, что постоянно присутствуетъ на случкахъ и руководитъ ими на заводѣ своего мужа.

Впослѣдствіи, съ каждымъ годомъ, какъ ярмарка такъ и бѣга постепенно упадали, число посѣтителей и пріѣзжихъ уменьшалось, помѣщики видимо бѣднѣли. Въ клубѣ уже не было прежней крупной игры, субботніе обѣды прекратились и публику лучшаго общества замѣнила сѣренькая публика бѣднаго чиновничества, дочери котораго отплясы-

вали въ вокзалѣ съ купчиками и юнкерами. Чтобы составить себѣ подходящую партію, приходилось сговариваться заранѣе, иначе трудно было встрѣтить въ вокзалѣ кого-либо изъ своего круга.

Окрестности Тамбова не представляли ничего привлекательнаго; на городъ пріятно было взглянуть издали, но изъ города некуда было выйдти. Единственнымъ для этого, и то въ сущности весьма убогимъ, мѣстомъ была Инвалидная слобода, предмѣстье города, тянувшееся отъ него къ югу, по берегу Цны. Бывшій возлѣ него лугъ служилъ мѣстомъ прогулки въ экипажахъ. Тамъ же, по воскресеньямъ, собирался народъ посидѣть на травкѣ, поглазѣть на развалившихся въ колясках, съ своими супругами, купчиковъ, хваставшихъ рысаками. Въ концѣ города, при началѣ слободы, находится единственный прелестный уголокъ, дача г. Соболевскаго, родственника И. И. Величко. Владѣтель состоялъ на службѣ, а потому хозяиномъ дачи оставался Величко. Послѣдній, перейдя во вновь выстроенный домъ, уступилъ намъ старый домикъ въ саду, гдѣ семья моя прожила два лѣта, вдали отъ городской пыли, дѣлавшейся въ вѣтряный день невозможною. Жизнь въ Инвалидной оставила самыя пріятныя впечатлѣнія. Она соединяла въ себѣ и близость къ городу и лагерю, и прелесть дачной жизни, представляя возможность проводить прекрасные лѣтніе вечера въ саду, на берегу рѣки, вмѣстѣ съ милою, дружескою семьею, съ которою мы были неразлучны.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

1870 — 1871.

Поѣздка за границу.—Леченье въ Карлсбадѣ.—Разговоръ генерала съ священникомъ.—Вѣсти о разрывѣ Германіи съ Франціей.—Визитъ къ Мольтке.—Австрійскіе офицеры на балѣ.—Споры о томъ, кто побѣдитъ.—Поѣздка въ Швейцаріи.—Черезъ Симплонъ въ Миланъ и Венецію—Возвращеніе черезъ Вѣну.—Русскій купецъ о Седанской катастрофѣ.—Холера 1881 года въ Тамбовѣ.—Ея свирѣпость.—Корреспондентъ „Голоса".—Освященіе знаменъ въ Рязани.—Преосвященный Алексѣй.—Смотръ во время эпидеміи.—Завѣденіе въ полкахъ инвентарей и послѣдствіи этой мѣры.—Приготовленія къ походу въ Московскій лагерь.

Въ наступившемъ 1870 году мнѣ снова довелось быть заграницею, но уже не по служебнымъ обязанностямъ. Со времени польскаго возстанія, я сильно страдалъ грудною невральгіею, обратившеюся въ хроническую. Думая избавиться отъ недуга, часто мѣшавшаго даже службѣ, по совѣту врачей, я отправился въ концѣ мая въ Карлсбадъ. Поѣздка была предпринята совмѣстно съ однимъ близкимъ знакомымъ, что должно-бы было сдѣлать ее вдвойнѣ пріятною. Но мой спутникъ при всѣхъ его достоинствахъ, оказался, для совмѣстной ежедневной жизни, крайне тяжелымъ и нерѣшительнымъ. Никогда нельзя было узнать, чего онъ хочетъ. Берешь въ отелѣ номеръ въ 2 комнаты и спрашиваешь, которую вы хотите занять? „Мнѣ все равно", отвѣчаетъ онъ.—Ну, такъ скажите, которою?—„Я не знаю". Даже подходя къ кассѣ брать билеты, трудно было добиться, въ какомъ классѣ онъ желаетъ ѣхать. И такъ постоянно въ теченіи трехъ мѣсяцевъ.

Въ этотъ разъ какъ-то странно было въѣзжать въ Берлинъ, зная, что никто не встрѣтитъ и что будешь тамъ совершенно незамѣтнымъ путешественникомъ, тогда какъ въ прежнія поѣздки встрѣчали съ почетомъ, ни о чемъ не приходи-

лось заботиться, все было готовое. Только владѣлецъ Britisch-отеля, старикъ Крюгеръ, обрадовался мнѣ, какъ родному. Въ Дрезденѣ, гдѣ не былъ съ 1847 года, я нашелъ огромную перемѣну. Старый городъ остался въ прежнемъ видѣ, но форштадты были неузнаваемы, равно какъ и правый берегъ Эльбы. Тамъ, гдѣ были каменоломни и пустыри,—воздвиглись великолѣпныя виллы, похожіе на дворцы, съ садами и парками. Отдохнувъ сутки, мы взяли путь на Теплицъ. Желѣзная дорога, извиваясь параллельно теченію Эльбы, проходила по живописнымъ ея берегамъ: Бастей, Кенигштейнъ, Лиліенштейнъ промелькнули, возбуждая воспоминанія молодости и тѣ восторги, которые ощущались при первомъ посѣщеніи этихъ мѣстъ.

Такъ какъ желѣзная дорога отъ Теплица до Карлсбада только начинала строиться, то дальнѣйшій путь предстоялъ въ экипажѣ. Въ Кометау, во время покормки лошадей, мнѣ удалось видѣть ученье стоявшаго тамъ австрійскаго стрѣлковаго батальона. Хотя оно не представляло ничего особеннаго, но все-таки доставило развлеченіе, сократившее скуку остановки. Тогда впервые мнѣ пришлось видѣть австрійскія войска, показавшіяся, сравнительно съ прусскими, мѣшковатыми. Въ Карлсбадъ мы въѣзжали подъ вечеръ. Невозможность искать квартиру ночью заставила остановиться въ отелѣ Russischer-Hof. Слѣдующій день былъ посвященъ осмотру города и знакомству съ нимъ, что съ перваго раза произвело самое пріятное впечатлѣніе. Лечебный сезонъ былъ въ разгарѣ и съѣздъ посѣтителей былъ самый полный, что затрудняло пріисканіе квартиры и возвышало цѣны; но все-таки, сравнительно съ нашими россійскими, ихъ нельзя было считать высокими. За двѣ большія, прекрасно меблированныя комнаты, въ бель-этажѣ, на одной изъ лучшихъ улицъ „Neue viese", мы платили 25 гульденовъ въ недѣлю, что составляло, по курсу на наши деньги, съ небольшимъ 13 руб.

Не говоря о прелестномъ мѣстоположеніи, о восхитительныхъ видахъ и безчисленныхъ загородныхъ прогулкахъ, одна другой лучше, самая жизнь въ Карлсбадѣ и существовавшіе тогда въ немъ обычаи мнѣ чрезвычайно нравились. Многіе находятъ эту жизнь монотонною и даже скучною; я же, не смотря на то, что кромѣ двухъ семействъ не имѣлъ никого зна-

комыхъ, не скучалъ ни минуты. Да и можно ли скучать, когда занятъ всякую минуту. Встаешь въ $5^1/_2$ часовъ, къ 6-ти уже у источника, гдѣ остаешься до 8, среди массы самой разнообразной публики, слушаешь музыку, зайдешь на почту, которая тутъ же. Въ 8, по превосходнымъ тѣнистымъ дорожкамъ, идешь въ горы, подымаешься на сотни футовъ надъ городомъ, любуешся имъ съ птичьяго полета, или уходишь въ лѣсъ. Вездѣ ступенями обдѣланныя подъемы, разнообразныя бесѣдки, скамьи для отдыха. Къ $9^1/_2$ возвращаешься въ свой садикъ, съ такимъ аппетитомъ, о которомъ, при нашей обычной жизни, не имѣешь и понятія. Двѣ чашки вкуснаго кофе, съ прославившимся карлсбадскимъ печеньемъ, удовлетворяютъ его. Затѣмъ два, только два часа отдыха, употребляемы на переписку или чтеніе газеты; въ 12—уже время брать ванну, а затѣмъ версты за двѣ или за полторы идешь обѣдать, въ одномъ изъ загородныхъ ресторановъ. Путь лежитъ по великолѣпной улицѣ Alte Viese, преполненной богатыми магазинами. Затѣмъ вы выходите на „Променаду". Такъ называется дивная каштановая аллея, идущая по берегу рѣчки; съ одной стороны она окаймлена почти отвѣсною лѣсистою скалою, съ другой—цѣлую версту тянутся временные магазины, съ самыми разнообразными товарами. Тамъ богемскій хрусталь, тутъ—кружева, тамъ инкрустаціи, тутъ полотна, цвѣты, безделушки изъ янтаря и пѣнки и т. д. Вы и не замѣчаете, какъ прошли версты 2 до ресторана, гдѣ вамъ, за гульденъ или полтора, даютъ три блюда, правда не важныхъ, но непремѣнно такихъ, которыя соотвѣтствуютъ вашему леченью. Послѣ обѣда, въ 4 часа, начинается концертъ въ одномъ изъ загородныхъ садовъ. Тамъ безплатно, и изрѣдка за нѣсколько крейцеровъ (копѣекъ), вы слушаете прекрасный оркестръ Лабицкаго, или вмѣсто этого, возвратясь въ городъ, идете въ театръ, начинающійся въ 5 и кончающійся въ 8 часовъ, а не то направляетесь, въ Kaiser-паркъ или Posthof, любоваться чудными карлсбадскими розами, гдѣ спрашиваете себѣ молока или чаю. Въ 10 часовъ вы уже дома и засыпаете богатырскимъ сномъ. „Все это хорошо, но изрѣдка—возразятъ мнѣ—а всякій день одно и то же наскучитъ". Въ томъ-то и дѣло, что не одно и то же, потому что разнообразить цѣль и направленіе прогулокъ можно сколько угодно; въ какую бы сторону вы ни по-

шли, увидите иныя картины, такъ что въ мѣсяцъ онѣ повторяются передъ вами не болѣе двухъ разъ.

Въ Карлсбадѣ встрѣтился я съ добрымъ варшавскимъ моимъ знакомымъ, генераломъ В. М. Шварцемъ. Это былъ человѣкъ правды, не измѣнявшій своихъ честныхъ убѣжденій и правилъ ни изъ угожденія сильнымъ міра сего, ни изъ житейскихъ видовъ и почестей. Во время нашихъ прогулокъ съ нимъ, много разсказывалъ онъ мнѣ интереснаго изъ своей продолжительной службы и особенно о непріятностяхъ и столкновеніяхъ, которыя онъ имѣлъ въ послѣднее время, отъ лже-либеральныхъ представителей нашей администраціи. Современную противоположность прогулокъ съ Шварцемъ представляли встрѣчи съ княземъ Суворовымъ, имѣвшимъ страсть болтать безъ умолка, о чемъ и съ кѣмъ угодно. Онъ могъ заговорить до обморока, такъ что, завидя его, не разъ приходилось повернуть назадъ, или скрыться въ переулокъ.

Въ одно изъ воскресеній, послѣ обѣдни, Шварцъ, зайдя ко мнѣ, встрѣтился съ нашимъ русскимъ священникомъ Г., весьма молодымъ, но видимо образованнымъ и умнымъ человѣкомъ. Между ними завязался слѣдующій, тогда же мною занесенный въ дневникъ, разговоръ:

— Мнѣ говорили, спрашиваетъ Шварцъ—что вы, батюшка, изъ Петербурга? гдѣ же вы тамъ служите?

— Я законоучителемъ въ такомъ-то институтѣ, отвѣчаетъ священникъ.

— Да? въ такомъ случаѣ мнѣ особенно интересно поговорить съ вами. Скажите пожалуйста, въ институтѣ-то вашемъ теперь благополучно? говоритъ Шварцъ, дѣлая особенное удареніе на послѣднее слово.

— Я понимаю, почему вы спрашивате такимъ тономъ. Теперь, кажется, все благополучно.

— Не думаю, возразилъ генералъ, разъ что у васъ тоже начальство, которое было 4 года назадъ.

Затѣмъ, обращаясь къ намъ обоимъ, онъ разсказалъ слѣдующее:

— Я былъ членомъ коммиссіи, подъ предсѣдательствомъ М. Н. Муравьева, по поводу преступленія Каракозова. Нить разслѣдованій и показаній дошла до того, что пришлось по-

требовать къ допросу одну изъ воспитанницъ этого института; забылъ теперь ея фамилію.

Священникъ подсказалъ ее.

— Если бы вы могли только вообразить, что она разсказывала намъ, продолжалъ Шварцъ. Слова и названія, которыя и мужчина произносилъ бы съ смущеніемъ, 17-ти лѣтняя дѣвушка произносила, нисколько не стѣсняясь. Когда одинъ изъ членовъ выразилъ этому невольное удивленіе, то она весьма откровенно замѣтила ему:

„Вы напрасно удивляетесь и разспрашиваете меня съ осторожностію, говорите прямо. Я уже прошла черезъ все, что рано или поздно приходится почти всякой испытать въ жизни. Да какъ же вы хотите чтобы было иначе, когда многое въ нашемъ воспитаніи подготовляетъ къ этому. Возьмите хоть гимнастику, въ которой нѣкоторые пріемы не только возбуждаютъ воображеніе, но и самыя ощущенія; чрезъ это практически проводили насъ. Что же до теоріи, то поприще для порчи было еще шире. Все, что было писано Чернышевскимъ и Огаревымъ,—все это прочтено нами, и Ренанъ былъ нашею настольною книгою. Ее можно было найти подъ подушкою каждой дѣвицы старшаго класса".

На мой вопросъ, продолжалъ Шварцъ—откуда же вы доставали эти книги? она отвѣчала:

— А на что-же двоюродные и троюродные братцы, подъ видомъ которыхъ являлись къ намъ студенты или технологи, на глазахъ классныхъ дамъ приносившіе въ конфектныхъ корзинкахъ все что угодно, не исключая романовъ Поль-де-Кока.

Молча слушалъ священникъ этотъ разсказъ, опустя голову, и со вздохомъ сказалъ:

— Да, дурное, тяжелое и даже непонятное было время. Все, что говорили вамъ, могло быть, и удивляться этому нечего. А что я-то вынесъ и испыталъ тогда, вы поймете изъ слѣдующаго факта. Передъ великимъ постомъ приглашаетъ меня начальница. Вхожу; проситъ садиться и очень нѣжно, мягкимъ голосомъ начинаетъ:

— У меня къ вамъ просьба, батюшка. Нельзя-ли, чтобы тѣ изъ дѣтей, особенно старшія, которыя, по понятной стыдливости, стѣсняются, т. е. не желаютъ исповѣдываться у васъ, исполнили это у постороннихъ священниковъ?

Пораженный подобнымъ предложеніемъ, я смотрю на нее во всѣ глаза; она же ни мало не смутясь, продолжаетъ:

— Исповѣдь вѣдь дѣло совѣсти, а въ этомъ дѣлѣ надо предоставить дѣтямъ полную свободу, пусть онѣ исповѣдуются у кого желаютъ.

Допустить это я, конечно, не нарушая долга службы, не могъ, и потому возразилъ начальницѣ:

— Я отвѣчаю за нравственное и религіозное направленіе моихъ духовныхъ дѣтей передъ Богомъ, а за уклоненіе отъ опредѣленныхъ закономъ постановленій,—передъ моимъ начальствомъ, и потому исполнить вашего желанія не могу.

Директрисса разсердилась; я же на другой же день отправился доложить объ этомъ, кому слѣдовало, и испросить приказанія. Категорическаго отвѣта не послѣдовало, но въ видѣ совѣта мнѣ было сказано:

— Оставь; не вмѣшивайся, только наживешь себѣ непріятности, а дѣла не поправишь.

Выслушавъ разсказъ обоихъ гостей моихъ, я не могъ удержаться, чтобы, пожавъ плечами не сказать:

— Да что-же это такое! Чѣмъ все это кончится?

— Да ужь и кончилось, отвѣтилъ Шварцъ. Разслѣдованіе зашло такъ далеко, что въ его сѣть стали попадать уже не мелкая рыба, а осетры и щуки, а потому приказано было прекратить дѣло. Ну, а что будетъ впереди, то одному Богу извѣстно.

Въ половинѣ іюня газеты указали на возможность разрыва Пруссіи съ Франціею, а пріѣзжавшіе изъ Эмса разсказывали подробности происходившаго тамъ между королемъ Вильгельмомъ и французскимъ посланникомъ Грамономъ. Все это производило сильную сенсацію въ Карслбадѣ. На улицахъ, у источниковъ, въ ресторанахъ, въ концертахъ—вездѣ только и говорили о предстоящей войнѣ. Больше другихъ интересовались новостями, конечно, военные, между которыми было нѣсколько находившихся въ отпуску на водахъ прусскихъ офицеровъ. Какъ только получена была телеграмма о томъ, что король Вильгельмъ выѣхалъ изъ Эмса, всѣ пруссаки, въ ту же ночь, выѣхали къ своимъ полкамъ. Подобное отношеніе къ своему долгу крайне поучительно. Въ немъ вся сила и весь секретъ тѣхъ побѣдъ, которыя черезъ мѣсяцъ удивили Евро-

пу. Видя подобный фактъ, съ грустью подумалось, такъ ли бы поступили наши? чувствуется, что нашлись бы такіе, которые сказали бы „зачѣмъ торопиться; потребуютъ—успѣю пріѣхать".

Описываемое время было крайне интересно: самыя замѣчательныя событія быстро шли одно за другимъ и, наконецъ, пришла вѣсть о мобилизаціи прусской арміи. Въ отношеніи мобилизаціи не безъинтересенъ слѣдующій фактъ, переданный мнѣ прибывшимъ въ Карлсбадъ знакомымъ генераломъ. Онъ проѣзжалъ черезъ Берлинъ на другой день по объявленіи войны. Зная, что въ Берлинѣ любятъ, чтобы тѣ изъ нашихъ, которые извѣстны въ оффиціальномъ военномъ кругу и бывали представляемы, заявляли о себѣ визитомъ главнымъ мѣстнымъ дѣятелямъ, генералъ, поѣхалъ и къ Мольтке, конечно съ цѣлью не безпокоить его въ подобное время лично, а только росписаться. Войдя въ переднюю, онъ спрашиваетъ у ординарца книгу посѣтителей, но послѣдній очень привѣтливо приглашаетъ его войти въ залъ, говоря, что его начальникъ принимаетъ безъ доклада всѣхъ, кто желаетъ видѣть его. Въ залѣ онъ видитъ Мольтке преспокойно ходящимъ по комнатѣ, съ заложенными за спиною руками. Посѣтитель началъ извиняться, что безпокоитъ его своимъ визитомъ, когда ему дорога всякая минута.

— Напротивъ,—говоритъ Мольтке, приглашая гостя садиться,—въ настоящее время я свободнѣе, чѣмъ когда-либо; я даже второй день не былъ въ моемъ департаментѣ, потому что тамъ нечего теперь дѣлать. Всѣ распоряженія сдѣланы заранѣе и корпуснымъ командирамъ послано приказаніе распечатать находящіеся у нихъ конверты. Вотъ у нихъ теперь много дѣла, а я до отъѣзда короля на Рейнъ совершенно свободенъ.

Завидно положеніе государства, въ которомъ дѣла устроены подобнымъ образомъ, и гдѣ при намекѣ на что либо выходящее изъ ряда, не начинается суеты и на самый серьезный вопросъ не говорятъ: „ахъ, оставьте пожалуйста, намъ теперь вовсе не до того".

Австрійскіе офицеры въ Карлсбадѣ казались гораздо болѣе суетившимися, чѣмъ пруссаки, съ полнымъ спокойствіемъ уѣхавшіе въ свои части, безъ всякаго вызова и приказанія. Кстати объ австрійцахъ. Ихъ было на водахъ довольно много,

особенно пѣхотныхъ, но не такихъ, которые являются въ Петербургъ съ своими принцами, или въ Красное село на маневры. То выборные, молодецъ къ молодцу, а тамъ мы видѣли заурядныхъ. Между ними что субъектъ, то типъ. На улицахъ, желая подражать молодцоватости пруссаковъ, они напускали на себя особенную важность, нисколько не подходившую къ ихъ фигурамъ, а на танцовальныхъ вечерахъ, даваемыхъ въ курзалѣ, были уморительны. Короткія, собранныя сзади на резину курточки и панталоны въ обтяжку, сильно потертые на мѣстѣ сидѣнья, слишкомъ обрисовывали природное ихъ дородство. И въ этомъ-то костюмѣ офицерство почтенныхъ лѣтъ пускалось въ плясъ. При нѣсколькихъ парахъ танцующихъ, оно бы и ничего, но тамъ обычай вальсировать и полькировать на дистанціи и все время, покуда играетъ музыка, танцовать съ одною и тою же дамою. Чтобы дать танцующимъ нѣкоторый отдыхъ, музыка, не переставая играть, измѣняетъ кадансъ, переходя отъ обыкновеннаго такта къ самому рѣдкому, и, покуда онъ длится, танцующія пары этимъ рѣдкимъ тактомъ покачиваются на мѣстѣ. Представьте себѣ лысую голову на дородномъ корпусѣ, облеченномъ въ курточку и панталоны colant, покачивающуюся такимъ образомъ, обхвативъ станъ чопорной нѣмочки, сохраняя при этомъ самую серьезную физіономію, точно онъ священнодѣйствуетъ. Когда я увидалъ подобную гимнастику первый разъ, то на меня напалъ такой смѣхъ, что пришлось уйти изъ залы.

Съ объявленіемъ войны многіе были того мнѣнія, что французы расправятся съ Пруссіею въ два-три мѣсяца. Нѣкоторые держали даже пари объ этомъ, въ томъ числѣ и почтенный В. М. Шварцъ со мною: но, близко зная духъ прусской арміи и ея состояніе, я былъ увѣренъ, что побѣда будетъ на сторонѣ Пруссіи. Державшіе сторону французовъ увѣряли, что стоитъ Наполеону перебросить изъ Страсбурга три дивизіи за Рейнъ и занять Баденъ, какъ вся южная Германія, чтобы отмстить за 1863 годъ, отложится отъ Пруссіи. Можетъ быть такъ-бы и случилось, если-бы не былъ упущенъ моментъ для подобной диверсіи; но на дѣлѣ оказалось, что покуда французы стягивались къ границѣ, два Баварскіе и Вюртенбергскій корпуса уже были въ Баденѣ, а черезъ 2 недѣли по объявленіи войны,

сраженіе при Вертѣ открыло рядъ тѣхъ побѣдъ, которыя въ два мѣсяца привели Вильгельма къ стѣнамъ Парижа.

Война помѣшала мнѣ, по совѣту докторовъ, ѣхать изъ Карлсбада на морскія купанья, такъ какъ въ концѣ іюля не было уже никакой возможности пробраться ни въ Трувиль, ни въ Аркашонъ, ни въ Біаррицъ. Пришлось перемѣнить маршрутъ и отдыхать, послѣ строгаго курса водъ, въ Швейцаріи.

Путь въ Швейцарію былъ предпринятъ нами, черезъ Егеръ и Мюнхенъ, на Нюренбергъ къ Констанскому озеру. Въ Мюнхенъ мы попали въ тотъ знаменательный день, когда наслѣдный принцъ прусскій неожиданно явился въ засѣданіи баварской палаты, уже отказавшей своему правительству въ кредитѣ на войну; но энергическая рѣчь принца произвела переворотъ въ пользу Пруссіи. Дѣло было ведено съ такою настойчивостію и такъ рѣшительно, что на другой же день баварскіе драгуны выступили въ походъ. Вскорѣ мы на себѣ испытали, какъ въ Германіи безцеремонно обращаются съ публикою, разъ что желѣзныя дороги попадаютъ въ распоряженіе военныхъ. Несмотря на то, что мы имѣли билеты прямого сообщенія отъ Мюнхена до Линдау, нашъ поѣздъ остановили за версту отъ Нюрнберга и объявили, что онъ дальше не пойдетъ, покуда не будутъ отправлены военные поѣзда и чтобы мы очистили вагоны. Надежда попасть на станцію оказалась напрасною. Двое изъ пассажировъ думали пробраться къ буфету и уже вскочили на платформу, гдѣ строились солдаты, но ихъ безцеремонно столкнули на рельсы. Оставалось издали смотрѣть на ту суету, которая происходила у вагоновъ: солдаты, офицерство, желѣзно-дорожная прислуга, все это бѣгало, кричало, таскало вещи, ставило лошадей. Не извѣстно, долго-ли еще пришлось-бы намъ любоваться такой картиной, если-бы сжалившійся кондукторъ, подойдя къ нашей группѣ, не шепнулъ намъ, что съ товарной станціи вскорѣ пойдетъ смѣшанный поѣздъ въ Линдау. Тѣ, кто подобно намъ, успѣли выручить свой багажъ и найти носильщиковъ, воспользовались этимъ, но большая часть прибывшихъ изъ Мюнхена осталась въ Нюренбергѣ.

Вспоминая быстрые успѣхи пруссаковъ въ войну 1870 года и непостижимыя пораженія французовъ, не могу не вспомнить разговора, происходившаго уже по возвращеніи моемъ въ Там-

бовъ, между мною и купцомъ Сергѣевымъ, въ день полученія извѣстія о Седанской катастрофѣ. При входѣ въ лавку онъ спрашиваетъ меня:

— Изволили, ваше превосходительство, слышать, будто Наполеонъ со всею арміею сдался въ плѣнъ?

— Какъ же, читалъ депешу.

— Да неужели же это въ самомъ дѣлѣ случилось?

— Конечно, есть даже вторая телеграмма, съ нѣкоторыми подробностями.

— Какъ-то сомнительно, продолжалъ купецъ, покачивая головой.

— Да почему же вы не вѣрите? спрашиваю я.

— Да помилуйте! Вѣдь если собрать 100 тысячъ барановъ, а не солдатъ, да окруживши, начать палить въ нихъ, такъ, положимъ, 80 тысячъ будутъ убиты и ранены, либо забраны, а ужъ двадцать-то тысячъ безпремѣнно прорвется и убѣжитъ; а тутъ сто тысячъ народа съ ружьями, да съ пушками, сдалися живьемъ! Воля ваша, это неслыхано. Тутъ что нибудь да не ладно.

Простой, русскій человѣкъ понять не могъ, какъ можно вооруженному солдату сдаться непріятелю.

Проѣзжая по Швейцаріи, я имѣлъ значительныя остановки въ Цюрихѣ, Люцернѣ, Тунѣ, Бернѣ, Лозанѣ и Женевѣ. Къ сожалѣнію, хотя и теплая, но дождливая погода, длившаяся двѣ недѣли, съ перерывами на нѣсколько часовъ, мѣшала любоваться красотами природы съ высотъ Кульма, Монблана и Симплона, вершины которыхъ были въ постоянномъ туманѣ. Не смотря на это, поѣздки по озерамъ, нѣсколько дней, проведенныхъ въ Интерлакенѣ, осмотръ поименованныхъ городовъ и смѣняемыя одна другою горныя картины доставляли мнѣ большое удовольствіе. Болѣе всего удивляло меня безчисленное количество отелей внѣ городовъ. Не было ни озера, ни горы, съ мало-мальски привлекательнымъ видомъ, чтобы на нихъ, или противъ нихъ не красовался многоэтажный отель. По пути изъ Костанца въ Цюрихъ, я остановился на нѣсколько часовъ въ Шафгаузенѣ, чтобы видѣть его знаменитый водопадъ. Изъ оконъ находившагося у самой станціи громаднаго отеля, черезъ спускающійся къ Рейну садъ, открывался несравненный видъ на водопадъ и на противоположный

берегъ рѣки, подымающійся терассами. По одной изъ нихъ, среди виноградниковъ, вилась лентою желѣзная дорога, съ перекинутымъ черезъ рукавъ Рейна висячимъ мостомъ. Въ отелѣ меня удивила необычайная тишина и полное отсутствіе посѣтителей. Спросивъ служившаго намъ кельнера о причинѣ безлюдья, мы узнали, что въ настоящее время у нихъ, на сотню нумеровъ, всего два семейства: одно—находящагося на войнѣ прусскаго полковника, поселившееся, чтобы быть ближе къ театру военныхъ дѣйствій, а другое — купца изъ Иркутска, ѣхавшее на морское купанье въ Біарицъ и остановившееся за невозможностью пробраться во Францію. Остается дивиться, на какія средства содержатся эти безчисленныя и громадныя гостинницы въ Швейцаріи?

Не мало забавляло насъ въ пути то комическое участіе, которое принимала Швейцарія въ военныхъ предосторожностяхъ. Какъ государство, сосѣднее съ воюющими сторонами, она поставила на каждой станціи десятокъ солдатъ съ трубачемъ. Къ приходу поѣзда, это грозное воинство выстраивалось на платформѣ; по остановкѣ вагоновъ, трубачъ давалъ какой-то сигналъ, по которому солдаты подбѣгали къ вагонамъ, отпирали ихъ, взглядывали на сѣтки съ ручнымъ багажемъ и подъ скамьи сидѣній, а затѣмъ, запирая, вскрикивали: „fertig"; труба снова испускала звуки—и поѣздъ несся далѣе. Подобная продѣлка, повторяясь черезъ 5 минутъ, такъ какъ станціи очень часты, всякій разъ вызывала улыбку или забавное замѣчаніе пассажировъ. Казалось, что сами исполнители этой комедіи понимали всю ея глупость, хотя и исполняли ее крайне отчетливо. Спрошенный мною кондукторъ, тоже съ улыбкою, объяснилъ, что это дѣлается съ цѣлью осмотра, не провозится-ли къ одной изъ воюющихъ армій оружія, или вообще какая-либо военная контрабанда.

Видѣли мы въ Швейцаріи и другіе факты, доказывавшіе, что пресловутая республиканская свобода существуетъ болѣе въ воображеніи нашихъ либераловъ, чѣмъ въ дѣйствительности. При остановкѣ поѣзда въ Лозанѣ, всѣ носильщики багажа были выстроены на платформѣ въ шеренгу, и ни одинъ изъ нихъ не двигался. Не зная, что пассажиру надо подойти самому къ тому, кого онъ избираетъ и вести его въ вагонъ за вещами, я, стоя въ дверяхъ вагона, подозвалъ одного, выкрик-

нувъ находившiйся на его фуражкѣ номеръ. Но не успѣлъ онъ сдѣлать двухъ шаговъ, какъ какой-то блюститель порядка хватаетъ его и ударами по шеѣ осаживаетъ на мѣсто. Въ Бернѣ я былъ свидѣтелемъ слѣдующей сцены. Гуляя за городомъ, вижу, что по полю, съ котораго былъ свезенъ сжатый хлѣбъ, бродитъ нѣсколько дѣтей, имѣющихъ видъ нищихъ, подбирающихъ оставшiеся на жнивѣ колосья. Одна изъ дѣвочекъ зашла въ примыкавшiй къ полосѣ лѣсокъ, гдѣ успѣла собрать нѣсколько сухихъ прутьевъ. Вдругъ на нее налетаетъ съ поднятою дубиною сторожъ. Бѣдняжка бросаетъ прутья и бѣжитъ къ городу; но лѣсникъ нагоняетъ ее, хватаетъ за волосы и начинаетъ бить палкою. У насъ, по крайней мѣрѣ, кто-нибудь вступился бы за ребенка, а тамъ гулявшiе по аллеѣ смотрѣли на подобное варварство какъ на дѣло обыкновенное, такъ что я не выдержалъ и издали крикнулъ республиканцу: „Какъ вамъ не стыдно такъ обращаться съ ребенкомъ", что быть можетъ и заставило его отпустить дѣвочку. Вотъ такъ liberté, égalité и fraternité, подумалось мнѣ.

Висячiе мосты Фрибурга и видъ на Женевское озеро по дорогѣ къ Лозанѣ, при выѣздѣ изъ послѣдняго тоннеля, поразили меня болѣе всего. Въ Женевѣ мы прожили три дня въ hôtel Metropole, въ ожиданiи свѣдѣнiй съ театра военныхъ дѣйствiй. Я все еще не терялъ надежды пробраться какъ нибудь во Францiю, къ морскимъ купаньямъ. На желѣзной дорогѣ намъ объявили, что могутъ выдать билеты только до Макона, а посланная мною туда начальнику станцiи телеграмма съ отвѣтомъ гласила, что далѣе путешественники отправляются только съ разрѣшенiя военнаго начальства. Не рискуя подвергаться случайностямъ, или быть гдѣ либо приняту за прусскаго шпiона, я рѣшился проѣхать въ сѣверную Италiю и оттуда предпринять обратный путь въ Россiю. Три дня, проведенные нами въ Женевѣ, были скучнѣйшими изъ всего путешествiя. Постоянный дождь мѣшалъ предпринять какую-либо прогулку за городъ, а въ городѣ, кромѣ очень плохаго цирка, не было никакихъ развлеченiй, такъ что приходилось просиживать вечера въ отелѣ, наполненномъ англичанами.

Проѣхавъ Женевское озеро на пароходѣ, мы въ дилижансѣ поднялись на Симплонъ, спустились къ Аронѣ, чтобы тамъ сѣсть на желѣзную дорогу. Постоянное ненастье лишило насъ

возможности хоть издали видѣть извѣстные Веве, Монтре, Шильонскій замокъ, закрытые туманомъ. Тоже самое было и при шести-часовомъ подъемѣ на Симпломъ, черезъ вершину котораго мы перевалили уже за облаками; но какъ только начался спускъ на южную сторону, насъ поразила замѣтная перемѣна въ воздухѣ. Его теплая, влажная мягкость чувствовались не только при вдыханіи, но и при прикосновеніи къ лицу. Столь же замѣтно измѣнялась и растительность.

При спускѣ въ долину предстоялъ переѣздъ черезъ итальянскую границу и таможенный осмотръ. Здѣсь мнѣ сильно пригодился добрый совѣтъ варшавскаго моего пріятеля Фредерикса. Оставивъ у него свою военную форму, я хотѣлъ оставить и ордена, но онъ потребовалъ, чтобы я взялъ ихъ и непремѣнно положилъ бы въ сундукъ сверхъ всего, особенно ленту, говоря, что это произведетъ полезный эфектъ. Такъ и случилось. Какъ только открыли сундукъ и чиновникъ увидѣлъ ленту и двѣ звѣзды, то тотчасъ же велѣлъ закрыть, говоря, что тутъ не можетъ быть ничего запрещеннаго. На послѣдней станціи передъ Ароной, въ нашъ громадный дилижансъ заложили шестерикъ прекрасныхъ коней, но править ими посадили совершенно пьянаго почтальона. Не разбирая ни спусковъ, ни подъемовъ, онъ такъ гналъ, что дилижансъ кидало изъ стороны въ сторону. Переночевавъ въ Аронѣ, на слѣдующее утро мы сѣли на желѣзную дорогу и въ полдень были въ Миланѣ.

Бывшая столица Ломбардіи произвела на насъ несравненно лучшее впечатлѣніе чѣмъ Женева, а ея жители были куда привѣтливѣе швейцарцевъ. Первымъ дѣломъ было конечно осмотрѣть знаменитый соборъ. Это 500-лѣтъ строющееся зданіе, возводимое исключительно изъ желѣза и мрамора, можетъ быть оцѣнено только при подробномъ осмотрѣ его деталей вблизи; въ общемъ оно далеко не кажется такъ грандіозно, какъ напр., соборы въ Кельнѣ и Страсбургѣ. Только обходя его выступы, карнизы, безчисленныя башенки, ниши и колоны, можно разсмотрѣть массу скульптурныхъ украшеній, изъ которыхъ каждое представляетъ по своей отдѣлкѣ совершенство. Въ безчисленныхъ углубленіяхъ, по карнизамъ и гребнямъ крышъ, вы видите статуи или бюсты знаменитыхъ царей и императоровъ, героевъ, ученыхъ, художниковъ, не только христіанскаго, но и

языческаго міра. Разсматривая каждый предметъ внимательно, замѣчается, какъ искусство и отношенія художниковъ къ дѣлу постепенно упадаетъ. На это указалъ намъ и провожавшій насъ: „Взгляните на эту виноградную кисть—говорилъ онъ, сдѣланную 300 лѣтъ назадъ, и посмотрите вотъ на эту, которая на 200 лѣтъ моложе. Тамъ ягода кажется прозрачною, живою, видна каждая жилка листиковъ, а здѣсь ни нѣжности, ни отдѣлки. Все, что вышло изъ подъ рѣзца художниковъ прошлыхъ столѣтій, дышетъ натурою, все же нынѣшнее—работа каменьщиковъ". То, надъ чѣмъ прежде художники трудились полжизни, теперь работаютъ въ два-три года, отъ того и выходитъ грубо и аляповато. Постройка миланскаго собора давала средства къ существованію нѣсколькимъ поколѣніямъ скульпторовъ, одной и той же семьи: дѣдъ передовалъ свое мѣсто сыну и внуку, внукъ правнуку, который, работая, видѣлъ произведенія своего отца, дѣда и прадѣда.

Изъ Милана мы рѣшили возвращаться черезъ Венецію и Вѣну. Такъ какъ срокъ моего отпуска приближался, то пришлось ограничиться наружнымъ осмотромъ Венеціи, потому что для знакомства съ достопримѣчательностями этого историческаго города не было уже времени. Его наружность, за исключеніемъ площади св. Марка, мнѣ показалась только оригинальною, но далеко не привлекательною. Для тѣхъ, кому мило все, кромѣ своего, подобный отзывъ покажется дерзкимъ, но, не боясь прослыть профаномъ, сознаюсь, что знаменитый Grand-canal, съ его черными гондолами, не только не прельщалъ меня, но напротивъ: окаймляющіе его дома, съ вѣчно закрытыми жалюзи, закоптѣлые, съ слѣдами по стѣнамъ выливаемыхъ изъ оконъ нечистотъ,—имѣли мрачный, тюремный видъ. Можетъ быть во время празднествъ, когда эти дома освѣщены, когда по каналамъ скользятъ иллюминованныя гондолы, управляемыя разряженными гондольерами, это и красиво, но въ обыкновенный день надо много притворства, чтобы восхищаться этимъ. При этомъ не могу не вспомнить какъ въ Киссингинѣ мнѣ посовѣтовали ѣхать за 2 мили, смотрѣть охотничій домъ баварскаго короля, говоря, что это замѣчательная прогулка. Потомъ мнѣ было стыдно самого себя, что повѣрилъ, и я думалъ, что надо мною посмѣялись. На небольшой полянѣ, среди холмовъ, поросшихъ соснами, стоялъ довольно старый сельскій домикъ

въ 4 комнаты и караулка сторожа, обнесенная вмѣстѣ съ огородомъ плетнемъ, а возлѣ, на горкѣ, среди рощи, два придѣланные вокругъ деревьевъ столика съ скамейками,—вотъ и все, съ прибавкою двухъ паръ собакъ и двухъ дикихъ козъ, запертыхъ въ сараѣ. Между тѣмъ во всѣхъ магазинахъ продовались фотографіи этого Jäger Haus'a, и о немъ упоминалось въ гидахъ. У насъ вѣроятно возлѣ любаго уѣзднаго городка найдутся такіе охотничьи дома, но о нихъ никто не знаетъ. Спросите нашихъ туристовъ, видали-ли онѣ Москву съ Воробьевыхъ горъ, или Нижегородскій откосъ, гдѣ сливается Ока съ Волгою, и половина изъ нихъ не имѣетъ понятія объ этихъ дѣйствительно очаровательныхъ видахъ, а отъ какого-нибудь Егергауза приходятъ въ восторгъ.

Мнѣ очень хотѣлось проѣхать изъ Венеціи въ Тріестъ моремъ, но оно, какъ нарочно, такъ бурлило, что пришлось сѣсть въ вагонъ, о чемъ я вовсе не сожалѣлъ, потому что путь по знаменитому Зиммерингу представлялъ рядъ восхитительныхъ видовъ. Все время вы видите то надъ собою, то подъ собою, на нѣсколько сотъ футъ ниже и выше, города и селенія и не замѣчаете какъ подымаетесь или спускаетесь къ нимъ зигзагами, по терассамъ. Не мѣшало бы только при этомъ правленіямъ желѣзныхъ дорогъ заграницею позаботиться объ удобствѣ пассажировъ. Не говоря объ отсутствіи того приспособленія, безъ котораго обойтись невозможно, чтобы утолить голодъ, надо впередъ записаться у оберъ-кондуктора и тогда, на одной изъ станцій, вамъ дается 10 минутъ на обѣдъ и только при этомъ вы получаете приборъ и стулъ, иначе 16 часовъ голодаете.

Въ Вѣнѣ мы пробыли три дня, чтобы отдохнуть и сдѣлать нѣкоторыя покупки. Въ послѣднія 10 лѣтъ, что я не былъ въ ней, городъ сильно измѣнился къ лучшему. Тамъ, гдѣ были постройки старинной архитектуры, воздвигались отели, не уступающія дворцамъ. Вообще Вѣна одинъ изъ самыхъ веселыхъ городовъ; нѣтъ въ году сезона, чтобы половина ея театровъ не была открыта; лѣтнихъ гуляній множество, ежедневно нѣсколько концертовъ и всюду, даже въ маленькихъ общественныхъ садикахъ, слышится музыка.

Заручившись нѣкоторой протекціей противъ таможенныхъ строгостей, я закупилъ въ Вѣнѣ много разныхъ вещицъ, для

подарковъ семьѣ и сослуживцамъ; но, несмотря на это, все-таки не безъ страха подъѣзжалъ къ нашей границѣ. Оказалось, что при умѣньи держать себя, всегда можно избѣжать слишкомъ придирчиваго осмотра. Служащіе при таможнѣ такъ приснорованись, что по наружности видятъ кто провозитъ что-либо для себя и кто для аферы, а потому знаютъ кого можно осматривать снисходительно и кого строго. Малѣйшая безтактность, или неумѣстная обидчивость, непремѣнно вызоветъ затрудненія, что и случилось съ моимъ спутникомъ. Онъ везъ своей женѣ кусокъ бархата и два или три готовыя, неношенныя платья, что воспещается. Осматривавшій чиновникъ, увидя ихъ, безъ всякаго намѣренія сдѣлать непріятное, проговорилъ какъ бы самъ про себя: „ну, эти платья-то кажется ненадѣванныя". Вдругъ раздается изъ толпы голосъ: „Моя жена обносковъ не носитъ". Тогда чиновникъ, бросивъ строгій взглядъ по направленію моего спутника, шепнулъ помогавшему ему служителю: „вынимай все". Бархатъ, платья, куски полотна—все было открыто и за все, неумѣстно обидившемуся, пришлось заплатить пошлину и большой штрафъ какъ бы за скрытіе контрабанды.

Прибывъ въ Варшаву и узнавъ, что бывшая моя 7 дивизія въ Повонзковскомъ лагерѣ, я поѣхалъ навѣстить старыхъ сослуживцев . Три полковые командира и многіе изъ офицеровъ были еще моего времени, и какъ только узнали о моемъ пріѣздѣ въ первый полкъ, собрались туда. Начальствовалъ въ то время этою дивизіею, бывшій мой помощникъ и знакомый читателямъ по одной изъ предшествовавшихъ главъ моихъ воспоминаній, П. С. Лебедевъ, а начальникомъ штаба у него оставался бывшій и при мнѣ, полковникъ Громанъ. Послѣдній разсказалъ мнѣ много неутѣшительнаго о ходѣ дѣлъ въ дивизіи и просилъ устроить переводъ его куда-либо, лишь бы не оставаться въ настоящемъ положеніи при Лебедевѣ. Полковые командиры упросили меня принять отъ нихъ, на другой день, обѣдъ въ англійской гостинницѣ.

По возвращеніи въ Тамбовъ, я нашелъ семью свою на дачѣ, въ 25 верстахъ отъ города, въ имѣніи нашей доброй знакомой, Е. А. Болдыревой, предложившей занять одинъ изъ свободныхъ флигелей ея усадьбы, выходившій въ старинный тѣнистый садъ, раскинувшійся по берегу Цны. Тамъ и былъ

проведенъ мною остатокъ лѣта. Такъ какъ въ этомъ году полки дивизіи стояли лагеремъ въ мѣстахъ своего расположенія, а не въ общемъ сборѣ, то я былъ свободнѣе и объѣхалъ всѣ полки въ концѣ августа. Жизнь въ Воронцовкѣ (такъ называлось имѣніе) была крайне пріятною. Къ нашей хлѣбосольной хозяйкѣ часто пріѣзжали сосѣди, общіе наши знакомые, гостили по нѣскольку дней, устраивали общія прогулки. Встрѣчаемое въ Воронцовкѣ гостепріимство, вниманіе и радушіе дѣлали домъ Елизаветы Александровны самымъ посѣщаемымъ и пріятнымъ въ губерніи. Съ наступленіемъ осеннихъ непогодъ, надо было возвратиться въ Тамбовъ.

Зима 1871 года не была похожа на прежнія веселыя зимы. Желѣзная дорога, соединивъ этотъ городъ съ Саратовымъ и Москвою, оказала самое неблагопріятное вліяніе на общественную жизнь. Семейные помѣщики, имѣвшіе средства, уѣхали на зиму, одни въ столицы, другіе заграницу. Клубъ тоже постепенно упадалъ: на танцовальные вечера и субботніе обѣды являлись только по уговору. Охотно были посѣщаемы только балы въ Дворянскомъ собраніи, устраиваемые наканунѣ новаго года. Обычай встрѣчать новый годъ всѣмъ обществомъ вмѣстѣ избавлялъ отъ обязанности дѣлать потомъ визиты.

Весна этого года началась дурными предзнаменованіями. Вскорѣ послѣ Святой разнеслась молва о нѣсколькихъ случаяхъ заболѣванія холерою въ Орлѣ и Воронежѣ. Съѣздъ на ярмарку, на бѣга и скачки былъ самый ограниченный, а передъ сборомъ полковъ въ лагерь стали поступать изъ полковъ свѣдѣнія о заболѣваніи нижнихъ чиновъ желудочными разстройствами, что обыкновенно предшествуетъ эпидеміи. Вмѣстѣ съ дивизіоннымъ докторомъ были мною сдѣланы распоряженія о предупредительныхъ мѣрахъ и составлены санитарныя инструкціи. Въ концѣ мая начали появляться въ городѣ одиночные случаи заболѣваній, но мѣстная администрація почему-то скрывала ихъ; въ войскахъ же, до 1 іюня, все было благополучно. Съ этого числа эпидемія въ сѣверной половинѣ города начала развиваться съ необыкновенною быстротою, и вскорѣ смертность дошла до неимовѣрныхъ размѣровъ. Это произвело общую панику и поголовное бѣгство тѣхъ, кто долженъ бы былъ показывать примѣръ твердости и распорядительности; всѣ разъѣхались и въ городѣ остались архіерей, предсѣдатель земской

управы Бланкъ и я. Въ первые же дни эпидеміи земская больница была переполнена. Чтобы помочь населенію, я распорядился устройствомъ въ городѣ особыхъ холерныхъ отдѣленій, для чего, при содѣйствіи предсѣдателя управы, было нанято четыре большіе частные дома, куда принимали заболѣвающихъ всѣхъ сословій. Независимо отъ этого, для нижнихъ чиновъ былъ построенъ въ лагерѣ, въ теченіи 8-ми дней, большой холерный баракъ. Собственно въ лагерѣ заболѣвало очень мало, но изъ числа людей, ходившихъ въ городской караулъ, поступало ежедневно нѣсколько человѣкъ. Всего во время эпидеміи, въ 3-хъ полкахъ, находившихся въ общемъ лагерѣ, заболѣло 140 человѣкъ, изъ коихъ умерло 39. Такое число заболѣвшихъ, на $7^1/_2$ тысячный отрядъ, можно назвать весьма умѣреннымъ, сравнительно съ тѣмъ, что происходило въ городѣ. Впрочемъ, свирѣпствованію холеры въ Тамбовѣ нечего было и удивляться, такъ какъ не только передъ ея появленіемъ, но и во время разгара эпидеміи, къ оздоровленію города со стороны мѣстной администраціи не было принимаемо никакихъ мѣръ. Накопившаяся годами на площадяхъ, въ боковыхъ улицахъ и во дворахъ, нечистота гнила, заражая воздухъ, а объ удаленіи ея никто не думалъ. Равнодушіе къ общему бѣдствію и безнадзорность доходили до того, что на кладбищахъ рыли могилы не глубже аршина, и только осенью, когда отъ дождей земля осѣла, вспомнили, что надо поправить зло. Эти факты подтверждаются тѣмъ, что въ Козловѣ, находящемся всего въ 60 верстахъ, и въ Воронежѣ, сообщающемся тремя поѣздами въ день, холера была весьма легкою. Не ясно-ли, что Тамбовъ, вслѣдствіе своей запущенности, представлялъ для нея готовую почву.

Чтобы не дать эпидеміи развиться въ войскахъ, кромѣ гигіеническихъ мѣръ, какъ-то: улучшеннаго довольствія, выдачи винныхъ порцій, сухарной воды для питья и предосторожностей противъ простуды, было сдѣлано все, клонившееся къ поддержанію въ людяхъ бодрости духа и отстраненія малѣйшаго унынія. Умѣренныя занятія утромъ и послѣ обѣда, выводъ полковъ на биваки, по возможности, подальше отъ зараженнаго города, общія ученья съ кавалеріею и артиллеріею, игры въ мячъ и городки, по вечерамъ музыка и пѣсенники въ полкахъ,—все это вмѣстѣ сильно содѣйствовало малому числу

заболѣвавшихъ. Независимо отъ этого, въ то самое время, когда число умиравшихъ въ городѣ дошло до наибольшей цифры, я вывелъ полки на нѣсколько дней на маневры и продержалъ ихъ съ недѣлю въ окрестностяхъ, дѣлая небольшія передвиженія и маневрированія, по возможности разнообразными и занимательными. Замѣчательно, что во время военныхъ прогулокъ и маневрированій не было ни одного заболѣвшаго.

Въ какой мѣрѣ, въ началѣ семидесятыхъ годовъ, въ нашей періодической печати, продолжалось еще направленіе предшествовавшаго десятилѣтія, осуждать и перетолковывать въ дурную сторону все, что дѣлается въ войскахъ, можно видѣть изъ слѣдующаго факта.

Нѣкто господинъ Забѣлинъ, инспекторъ или начальникъ института сельскихъ учителей, помѣстилъ въ газетѣ „Голосъ" корреспонденцію изъ Тамбова, въ которой писалъ, что бѣдные солдаты, во время свирѣпствующей эпидеміи, несмотря на жару, выводятся на долгія ученья; что ученья эти производятся безъ отдыха; что отъ ранняго утра до поздней ночи онъ слышитъ барабаны и пальбу, изъ чего и выводитъ заключеніе, что холера уноситъ людей вслѣдствіе ихъ крайняго изнуренія и т. д. Теперь трудно и припомнить всю умышленную ложь, помѣщенную въ этой корреспонденціи; но тогда ея инсинуаціи вызвали съ моей стороны опроверженіе, и я потребовалъ, чтобы „Голосъ" напечаталъ его.

Въ то время, когда холера доходила до высшей степени своего озлобленія, мнѣ необходимо было ѣхать въ Рязань, на прибивку и освященіе новыхъ знаменъ, данныхъ квартировавшему тамъ Тульскому полку, въ ознаменованіе столѣтняго его существованія. Не смотря на близость отъ Тамбова, въ Рязани холеры вовсе не было, а потому на меня смотрѣли какъ на прибывшаго изъ чумнаго города. Торжественное освященіе знаменъ совпало, 8 іюля, съ днемъ полковаго праздника. Водосвятіе и обрядъ присяги совершалъ архіепископъ Алексѣй. Это былъ еще весьма не старый и крайне умный пастырь, лично извѣстный Императорской Фамиліи. Онъ разсказывалъ мнѣ, почему пользовался особымъ благоволеніемъ Императрицы Маріи Александровны. Во время перваго своего пріѣзда въ Сергіевскую лавру, гдѣ Алексѣй былъ тогда кончающимъ курсъ студентомъ, Ея Величеству угодно было ви-

дѣть обрядъ постриженія въ монахи. Настоятель лавры спросилъ академиковъ, не желаетъ-ли кто быть постриженъ. Алексѣй вызвался; обрядъ совершился въ присутствіи Императрицы, и юный монахъ тогда же былъ рукоположенъ въ священники. Дальнѣйшія повышенія Алексія не заставили себя ждать, такъ какъ Государыня постоянно интересовалась его карьерою.

По возвращеніи моемъ въ Тамбовъ, эпидемія начинала уже нѣсколько терять свою силу. Тогда же разсказывали, что время ея ослабленія было предсказано какимъ-то нищимъ евреемъ, который пророчилъ, что въ день праздника Владимірской Божіей Матери будетъ сильная гроза, послѣ которой холера начнетъ прекращаться.

Былъ-ли дѣйствительно такой пророкъ—не знаю,—но что 8 іюля дѣйствительно была первая отъ начала эпидеміи гроза и что съ этого дня эпидемія начала ослабѣвать,—это вѣрно. Впрочемъ, уменьшеніе это было только относительное. Когда въ половинѣ іюля командующій войсками округа Гильденштуббе пріѣхалъ смотрѣть дивизію, то, обходя съ нимъ холерныя отдѣленія, мы видѣли еще до 50 больныхъ и въ пригородныхъ слободахъ умирало много. Помню я между прочимъ такой случай. Когда полки, построившись на лагерномъ полѣ, ожидали Гильденштуббе, то въ теченіи четверти часа, мимо фронта, изъ ближайшей деревни, пронесли три гроба одинъ за другимъ. Впечатлѣніе, производимое этимъ шествіемъ, тутъ-же было разсѣяно никогда не унывающею натурою русскаго солдата. И въ подобныя минуты въ каждой ротѣ всегда найдется нѣсколько человѣкъ, умѣющихъ разсѣять и даже разсмѣшить товарищей. Я стоялъ тогда, вмѣстѣ съ начальникомъ штаба, передъ серединою первой линіи, шагахъ въ 15 отъ фронта, и мы слышали слѣдующій разговоръ. Увидя покойниковъ, одинъ изъ солдатъ, перекрестясь, говоритъ:

— Это, братцы, къ добру, — значитъ смотръ будетъ хорошъ.—Другой отвѣчаетъ:

— То какъ во снѣ гробъ увидишь, а это вѣдь на яву.

— А вѣдь и они тоже на смотръ пошли, — замѣчаетъ третій.

— Тамъ, говорятъ, построже будетъ,—слышится изъ второй шеренги.

— А что, ребята, есть тамъ начальство, аль нѣтъ?

— Еще-бы! развѣ безъ начальства можно? Я безпремѣнно капитаномъ буду...

Ближайшіе засмѣялись. Въ это время показалась коляска Гильденштуббе, и команда „смирно“ прекратила разговоръ.

Въ августѣ я поѣхалъ въ Москву, куда ожидали Государя для смотровъ. Послѣ одного изъ обѣдовъ въ Петровскомъ дворцѣ, обходя присутствовавшихъ, Его Величество обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

— Когда я въ послѣдній разъ видѣлъ твою дивизію?

— Она со времени вступленія вашего на престолъ не имѣла еще счастія представляться намъ,—отвѣчалъ я, — но при покойномъ Государѣ, вы изволили ее видѣть въ 51 году, когда подъ Москвою были маневры 6-го корпуса.

— Да, припоминаю—продолжалъ Императоръ, этому ровно 20 лѣтъ; дивизія была послѣ того на Кавказѣ.

Затѣмъ, подозвавъ къ себѣ командующаго войсками, Его Величество прибавилъ:

— Надо устроить, чтобы на будущій годъ 18 дивизія была въ общемъ сборѣ; я еще ни разу не видалъ ее.

Это очень меня обрадовало. Для армейскихъ войскъ, удаленныхъ отъ столицъ, Царскій смотръ всегда ожидается какъ свѣтлый праздникъ. Одна надежда увидѣть Государя одушевляетъ ихъ, удваиваетъ усердіе, служитъ для всѣхъ поощреніемъ. Когда я ночью возвратился въ Тамбовъ, и, проѣхавъ прямо въ лагерь, объявилъ вызваннымъ по тревогѣ полкамъ эту новость, то раздалось такое „ура“, которое въ городѣ заставило предполагать, что произошло что-либо необыкновенное; лагерь же ликовалъ отъ радости.

По окончаніи лагеря я перемѣнилъ квартиру. Изъ центра города мы переселились на его окраину, гдѣ, возлѣ Инвалидной слободы, на берегу Цны, я нанялъ большой домъ, особнякъ, съ огромнымъ садомъ. Кромѣ того, что это помѣщеніе обходилось дешевле, оно было особенно пріятно близкимъ сосѣдствомъ съ дружественною намъ семьею И. И. Величко, съ которымъ я уже познакомилъ читателей. Онъ былъ страшнымъ охотникомъ прогулокъ на водѣ, для чего построилъ собственнаго изобрѣтенія лодку съ двумя колесами, на подобіе пароходныхъ, приводимыхъ въ движеніе двумя рабочими. Почти каждый вечеръ мы предпринимали въ ней прогулки

версты за двѣ, на островъ, къ такъ называемой „Казимiровой избушкѣ“, гдѣ какой-то предпрiимчивый нѣмецъ держалъ небольшой ресторанчикъ.

Желанiе ввести въ дивизiи прочный хозяйственный порядокъ, бережливость и отвѣтственность какъ за казенное, такъ и за собственное имущество полковъ, заставило меня отдать приказъ о заведенiи въ нихъ инвентарей, т. е. подробныхъ описей всему, что въ нихъ находится, и составить инструкцiю какъ вести ихъ. Въ инвентаряхъ слѣдовало обозначать: когда вещь куплена и выдана въ употребленiе, сколько она стоила, на чьихъ рукахъ находится и кто за нее отвѣчаетъ. Занесенiе въ инвентарь новыхъ вещей и исключенiе пришедшихъ въ негодность, указано было производить приказомъ по полку, разъ въ годъ, именно въ теченiи сентября мѣсяца, послѣ подробнаго осмотра и провѣрки хозяйства полковымъ командиромъ. Такимъ образомъ, то, что вошло въ положенiе о полковомъ хозяйствѣ только послѣ войны, было заведено мною 8-ю годами раньше. Подобный же примѣръ былъ и съ другимъ вопросомъ. Тогда еще не было и въ поминѣ о какихъ-либо общихъ мѣрахъ для мобилизацiи полковъ; у меня же была дана полковымъ командирамъ подробная инструкцiя, что должно быть исполнено въ каждый день мобилизацiи.

Съ введенiемъ инвентарей, небрежность обращенiя и произвольные расходы замѣтно уменьшились; а экономическiя суммы въ полкахъ стали возрастать. Здѣсь кстати замѣтить, что въ нашихъ военныхъ кружкахъ, даже у людей опытныхъ, практически прошедшихъ различныя степени начальствованiя, стало проявляться убѣжденiе, что не только не слѣдуетъ заботиться объ экономическихъ остаткахъ, но даже и допускать ихъ. Полагаемъ, что они заразились подобнымъ мнѣнiемъ отъ тѣхъ проповѣдниковъ новыхъ системъ и принциповъ, которые не понимаютъ ни внутренней жизни войскъ, ни дѣйствительныхъ нуждъ армiи. Какъ бы ни была исправна часть, какъ бы строго ни наблюдали за ея хозяйствомъ, попробуйте мобилизовать ее—и вы увидите, какъ у нее посыплются деньги на разныя мелочныя потребности для похода, какъ многаго не окажется для него необходимаго и какъ многое, что ей слѣдовало бы имѣть или получить, не получится во-время. Начинать тогда переписку и жаловаться некогда, а необходимое

пріобрѣсти нужно. Разъ, что на подобный случай есть деньги,—часть вывернется изъ затрудненій; разъ, что ихъ нѣтъ,—ей предотоитъ бѣдствовать. Наконецъ экономія необходима и на случаи указанные въ законахъ. Въ положеніи о полковомъ хозяйствѣ существуетъ особый 23 отдѣлъ, озаглавленный такъ: „Расходы, на что нѣтъ отпуска отъ казны.“

Мысль, что заботиться объ экономическихъ средствахъ полка не слѣдуетъ, одна изъ тѣхъ ошибокъ кабинетныхъ идеалистовъ, которая доказываетъ ихъ полное непониманіе жизни. Полкъ—та же семья. Если глава́ семьи, хотя бы и вполнѣ достаточной, не станетъ заботиться, чтобы имѣть запасъ на непредвидѣнное, то рано или поздно испытаетъ горе. То же самое произойдетъ и съ полкомъ, чему было много примѣровъ. Само собою разумѣется, что забота объ экономіи не должна быть направлена во вредъ настоящаго благосостоянія части и въ особенности въ ущербъ какого-бы ни было рода довольствія солдата. Умѣть извлекать экономію не значитъ злоупотреблять. Дайте плохому хозяину что хотите, у него не только не будетъ остатка, но всегда окажется дефицитъ, тогда какъ у человѣка практичнаго, знающаго какъ сберечь, какъ наблюсти за расходомъ, какъ организовать отвѣтственность, и при уменьшенныхъ отпускахъ, всегда образуется остатокъ. Въ этомъ вся причина тѣхъ примѣровъ, что, при одинаковости условій, въ одномъ полку все въ отличномъ видѣ, люди лучше одѣты, казармы чище содержаны и значительныя экономическія суммы, а въ другомъ—повсюду безпорядокъ, дурная пища, лошади не въ тѣлѣ, и нѣтъ ни копѣйки хозяйственной экономіи.

Въ теченіи зимы, въ виду предстоявшихъ Высочайшихъ смотровъ, на которыхъ полки впервые должны были представиться Государю, спустя 17 лѣтъ по его воцареніи, чины дивизіи употребляли всю свою энергію, чтобы заслужить похвалу. Въ полкахъ происходила усиленная дѣятельность: строили новое обмундированіе, ремонтировали лошадей, обновляли обозы, офицеры цѣлые дни проводили въ своихъ ротахъ. Между тѣмъ полки находились далеко не въ комплектѣ, потому что старослужащіе были уволены осенью, а назначенные вмѣсто нихъ изъ ближайшихъ губерній рекруты начали прибывать только въ февралѣ, а изъ дальнихъ, какъ напримѣръ изъ Вятской,

откуда было назначено 900 человѣкъ, они ожидались только въ концѣ апрѣля. Болѣе всего озабочивало то, что мы не могли дождаться оффиціальнаго увѣдомленія дѣйствительно-ли дивизія будетъ въ лагерѣ подъ Москвою, когда именно она должна выступить, какимъ способомъ направятъ полки, по желѣзнымъ-ли дорогамъ или походнымъ порядкомъ? На всѣ просьбы о скорѣйшемъ рѣшеніи этихъ вопросовъ, изъ Москвы отвѣчали, что ничего еще не извѣстно, и только 15 апрѣля получена была бумага, что дивизія должна слѣдовать по грунтовымъ дорогамъ и прибыть въ лагерь къ 1 іюня. Маршруты пришлось составить такъ, чтобы полки тронулись изъ Усмани 20, изъ Тамбова—25 и изъ Лебедяни—26 апрѣля, а между тѣмъ вятскіе рекруты только 19 прибыли въ Тамбовъ. Ихъ предстояло обмундировывать, обучать стрѣльбѣ, учить обращенію съ ружьемъ, предстояло дать имъ хотя элементарныя понятія о чинопочитаніи и дисциплинѣ, все это необходимо было сдѣлать во время похода, потому что, черезъ недѣлю по приходѣ въ Москву, предстоялъ парадъ въ Высочайшемъ присутствіи. Зная усердіе полковыхъ командировъ, уже вполнѣ усвоившихъ мои взгляды и требованія, я не горевалъ объ этомъ, такъ какъ, по моему мнѣнію, ничто такъ не развиваетъ солдата и такъ быстро не втягиваетъ рекрута въ общій составъ строя, какъ походъ. Тутъ, онъ, безъ обученія, поневолѣ выучивается идти въ ногу, разъ что ему въ теченіи 5 или 6 недѣль, поставленному между старыми солдатами, приходится ежедневно отмахать переходъ верстъ въ 20. Тутъ онъ живо втягивается, живо свыкается съ массою, подчиняется ея обычаямъ, чувствуетъ себя ея членомъ, а не тѣмъ отчужденнымъ неучемъ, какимъ новобранецъ считается первое время въ казармѣ. То, что въ настоящее время новобранцевъ успѣваютъ въ 4 мѣсяца приготовить въ строй, считаютъ чѣмъ-то особеннымъ, ставятъ это въ примѣръ, въ укоръ тому времени, когда солдатъ, состоявшій годъ на службѣ, считался еще рекрутомъ. Все это пустыя рѣчи. Когда было нужно, то и мы, не въ 4 мѣсяца, а въ 6 недѣль похода готовили вотяковъ и черемисовъ въ строй, и никто не кричалъ объ этомъ, не удивлялся этому; видѣли необходимость и умѣли сдѣлать, да не какъ попало, а основательно, что докажетъ послѣдующій мой разсказъ. То же, что годъ прослужившій считался рекрутомъ, зависѣло отъ долгаго срока службы и было

простымъ обычаемъ. Въ наше время даже и не спрашивалось, сколько въ ротѣ рекрутъ, а по извѣстному списочному числу требовалось извѣстное число рядовъ, а кто въ этихъ рядахъ, рекруты ли, молодые ли, или старые солдаты,—этого не разбирали. Конечно, въ строй плохо обученныхъ не ставили, ихъ во время смотровъ оставляли въ различныхъ домашнихъ должностяхъ, что дѣлается и теперь.

Трудно понять, въ какикъ видахъ приказано было направить полки походнымъ порядкомъ, а не по желѣзнымъ дорогамъ, когда ротамъ приходилось нѣсколько разъ переходить рельсы. Что при этомъ не имѣлось въ виду той пользы, какую я объяснилъ выше—это несомнѣнно, такъ какъ все, что дѣлалось въ отношеніи дивизіи потомъ, не облегчало, а затрудняло всѣ шансы на ея успѣхи при смотрахъ. Но разсчеты тѣхъ, которые, надо полагать, думали: пускай-ка онъ теперь покажетъ свое умѣнье вывернуться при подобной обстановкѣ—оказались ошибочными. Я лично всегда радовался, когда служба выходила изъ обыкновенной рутины, когда условія осложнялись и когда предстояла возможность показать, что и при самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ, во что бы ни стало, надо исполнить требуемое. Только тогда военному человѣку и есть возможность показать умѣнье, энергію и распорядительность.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

1872.

Походъ въ московскій лагерь. — Неожиданный сюрпризъ. — Военная желѣзная дорога. — Интересная депеша. — Политехническая выставка. Первый парадъ. Приготовленіе къ смотрамъ. — Ученье 6-ти полковой дивизіи.—Отзывъ о немъ Государя.—Случай на смотровой стрѣльбѣ.— Маневры и ихъ результатъ.—Слова Его Величества на плацу. —Передъ обѣдомъ у генералъ-губернатора.—Отъѣздъ Государя.—Конецъ вѣнчаетъ дѣло.

Чтобы прибывшіе передъ выступленіемъ въ лагерь рекруты могли быть во время похода подготовлены къ строю, мною даны были полковымъ командирамъ подробныя инструкціи. какъ вести занятія во время дневокъ. Въ 4-мъ и 1-мъ полку, которой долженъ былъ проходить черезъ Рязань, я могъ во второй половинѣ мая провѣрить, въ какой мѣрѣ исполняются мои указанія, и потому нарочно поѣхалъ осмотрѣть 4-й полкъ. Полковникъ Уфнярскій, о которомъ я уже имѣлъ случай упоминать, представилъ мнѣ своихъ рекрутъ въ общемъ строю ротъ, нисколько не портящими ни построеній, ни разсыпнаго ученья. Не доказываетъ ли это, что при усердіи и умѣньи можно сдѣлать и то, что кажется недостижимымъ.

Въ Рязани былъ полученъ мною такой сюрпризъ, который ставилъ дивизію въ крайне затруднительное положеніе. Начальникъ окружнаго штаба сообщалъ мнѣ, что приказано 1 и 4 полки направить отъ Рязани по желѣзной дорогѣ, такъ какъ дивизія, сряду по прибытіи въ Москву, назначена на постройку временной желѣзной дороги, отъ Химокъ до Петровскаго дворца, съ тѣмъ, чтобы къ пріѣзду Высочайшаго Двора на выставку, Государь могъ-бы 10-го іюня проѣхать по ней; иначе говоря, чтобы 13 верстъ было готово въ 9 дней. Пре-

доставляю читателю судить, каково было дивизіи, получившей 900 рекрутъ наканунѣ выступленія въ пятисотъ-верстный походъ, сразу по прибытіи въ лагерь, стать на 10 дней на земляныя работы и послѣ этого представиться на Высочайшій смотръ, не имѣя ни одного дня не только для приготовленія, но даже для постановки лагеря. Когда полки успѣли поставить палатки и привести все въ должный видъ, трудно и объяснить. Это совершилось вслѣдствіе существовавшаго еще въ то время стараго правила: приказано—сдѣлано.

Почему для постройки дороги назначена была моя дивизія прямо съ похода, тогда какъ въ Москвѣ находилась постоянно тамъ стоящая гренадерская, имѣвшая устроенный лагерь, предоставляется догадываться. Когда я потомъ добивался узнать причину, то въ Петербургѣ говорили, что тамъ не могутъ знать и помнить мѣстныхъ условій, а если это находили неудобнымъ, то дѣло округа было просить о перемѣнѣ. Въ окружномъ же штабѣ объясняли, что если ему было прямо указано назначить 18-ю дивизію, значитъ на это были причины и штабъ не считалъ себя въ правѣ спрашивать объ этомъ. Остается признать, что причины точно были, но какія?... Не было даже допущено, чтобы мои полки работали очередуясь съ гренадерами. Мало того, въ то же время вступили въ лагерь два полка 1-й дивизіи; хотя ихъ и прикомандировали къ моей, но дали свободу 10 дней готовиться къ параду, тогда какъ мои полки эти 10 дней, съ 5 часовъ утра до вечерней зари, рыли землю и таскали тачки.

Получивъ распоряженіе о направленіи 1-го и 4-го полковъ отъ Рязани по желѣзной дорогѣ, я далъ командирамъ ихъ предписанія, войти отъ себя въ сношеніе съ правленіемъ дороги, о распредѣленіи баталіоновъ по поѣздамъ, о времени посадки, о нагрузкѣ обозовъ и проч., самъ же возвратился въ Тамбовъ, чтобы оттуда, вмѣстѣ съ дивизіоннымъ штабомъ, прибыть въ Москву къ 1-му іюня. Дня черезъ четыре получаю я изъ Москвы, отъ завѣдывающаго передвиженіемъ, подполковника генеральнаго штаба, такую телеграмму: „4-й полкъ *направить* изъ Рязани завтра въ 6 часовъ вечера; 1-й полкъ—двумя часами позже". Какъ вамъ нравится, читатель, тонъ этой депеши? Что это—совѣтъ или приказаніе подполковника генералу? Но посмотрите, что вышло потомъ. Полученная де-

пеша была мною повторена обоимъ полковымъ командирамъ въ Рязань. Каково же было мое удивленіе, когда я получаю отвѣтъ, что 4-й полкъ еще наканунѣ прибылъ въ Москву. Значитъ, завѣдующій передвиженіемъ, живя въ томъ же городѣ, даже не зналъ, что полкъ въ лагерѣ и считалъ его еще въ Рязани. При этомъ невольно вспоминается, что 25 лѣтъ назадъ, когда не было никакихъ завѣдывающихъ передвиженіемъ и комендантовъ станцій, изъ Петербурга было спѣшно перевезено въ Сѣверо-западный и Привислянскій край 7 дивизій, безъ всякихъ затрудненій и случайностей.

Когда полки разошлись по линіи на свои участки, я сдѣлался совершенно свободенъ и могъ на-досугѣ подробно осмотрѣть выставку, до ея оффиціальнаго открытія. Впрочемъ, въ видѣ прогулки, я посѣщалъ иногда тотъ или другой участокъ строившейся желѣзной дороги. Собраннымъ на ея постройку съ разныхъ концовъ инженерамъ и кондукторамъ рѣшительно нечего было дѣлать, такъ какъ работа, на совершенно ровной мѣстности, была не хитрая. На мои вопросы офицерамъ, что имъ указываютъ инженеры? всѣ единогласно отвѣчали, что ровно ничего: „ходятъ да покрикиваютъ: разбивай комья, откидывай дерновину, утрамбовывай крѣпче, не задѣвай рейку“. Неужели же это не могъ бы сдѣлать любой фельдфебель? За то какъ было эфектно, когда главный распорядитель постройки выѣзжалъ верхомъ изъ воротъ Петровскаго дворца, окруженный громадною свитою изъ офицеровъ всѣхъ родовъ оружія, собранныхъ учиться новому дѣлу чужими руками. Тутъ были и артиллеристы пѣшіе и конные, и гусары въ перемежку съ уланами, драгуны, казаки, саперы, былъ даже морякъ и нѣсколько статскихъ. Все это преважно направлялось по линіи, съ видомъ совершающихъ великое государственное предпріятіе, тогда какъ стоило только пробить линію, да поставить рейки для профили и безъ всякихъ спеціалистовъ насыпь была бы сдѣлана точно также, какъ и при нихъ. У насъ на Руси часто какъ-то странно стали относиться къ самому простому дѣлу. Допустите инженера хоть провести садовую дорожку или прорыть канаву, онъ непремѣнно придастъ этому дѣлу важность, явится съ мензулой и цѣпью, а простой мужичекъ, съ веревкой и колышками, сдѣлаетъ то же, нисколько не хуже. Мнѣ не разъ приходилось

испытывать подобныя специальныя продѣлки. Напримѣръ: полкъ, безъ всякихъ указаній, но согласно напечатаннаго наставленія, сѣлъ на желѣзную дорогу въ Москвѣ, проѣхалъ 500 верстъ и выгрузился въ Тамбовѣ. Черезъ два дня является ко мнѣ капитанъ, состоящій при комитетѣ о передвиженіи войскъ, и просить назначить ему баталіонъ для указанія правилъ, какъ садиться въ вагоны и разгружаться.

— Не будетъ-ли это—говорю я ему—лишнимъ. Вѣдь тотъ-же самый баталіонъ только три дня назадъ и грузился, и выгружался-же при мнѣ, по всѣмъ правиламъ „Наставленія".

— Я это знаю, ваше превосходительство, но мнѣ приказано, вотъ предписаніе.

— Если приказано—дѣлайте.

Конечно ничего новаго спеціалистъ не показалъ, да и показывать-то нечего, потому что дѣло самое простое; пробылъ онъ на платформѣ минутъ 20, доложилъ мнѣ, что все дѣлалось правильно, и съ первымъ же поѣздомъ укатилъ дальше. Неужели-же можно предположить, чтобы любой баталіонный или ротный командиръ не могъ понять такой простой вещи, какъ посадка въ вагоны, когда для этого подробно и толково составлены и напечатаны правила. Дѣлать изъ обыкновенной вещи нѣчто хитрое и возводить бездѣлицу въ важное—сдѣлалось теперь модою.

Въ день открытія выставки состоялась церемонія прибытія на нее ботика Петра Великаго, доставленнаго изъ Петербурга по желѣзной дорогѣ, а къ морскому отдѣлу выставки—по Москвѣ рѣкѣ. Почетный караулъ для встрѣчи ботика былъ отъ Рязанскаго полка моей дивизіи, основаннаго Петромъ I. Встрѣча происходила въ присутствіи Великаго князя Константина Николаевича, которому наканунѣ представлялись всѣ командиры частей. Здѣсь я впервые встрѣтился съ его высочествомъ, послѣ службы при немъ въ Варшавѣ. „А! это мой, варшавскій", сказалъ Великій князь, увидя меня, и сталъ разспрашивать о тѣхъ изъ бывшихъ сослуживцевъ (такъ онъ называлъ насъ), которыхъ мнѣ случалось встрѣчать послѣ 63-г года.

Пріѣздъ Государя состоялся 11-го іюня. Отъ Химокъ его провезли по выстроенной моими полками желѣзной дорогѣ. Его Величество вышелъ на платформѣ у Петровскаго дворца,

имѣвшей видъ павильона въ русскомъ стилѣ. Такъ какъ ни мнѣ, ни полковымъ командирамъ, по поводу работъ не было сказано ни слова, то для насъ осталось неизвѣстнымъ, доложено-ли Государю кто и при какихъ обстоятельствахъ строилъ дорогу.

На слѣдующій день происходилъ общій парадъ. При произведенной наканунѣ командующимъ войсками репетиціи, я впервые, послѣ похода, увидѣлъ мои полки и то безъ стрѣлковыхъ ротъ, оставленныхъ на работѣ. Репетиція успокоила меня, потому что многіе батальоны проходили такъ хорошо, какъ только можно желать при обыкновенныхъ обстоятельствахъ, а не при тѣхъ, въ которыя была поставлена дивизія. Самый парадъ кончился блистательно. Сравнивая полки, Государь выразился такъ: „Гренадеры прошли хорошо, но я привыкъ видѣть ихъ безъ тѣхъ шероховатостей, которыя кое-гдѣ были. Что же касается 18-й дивизіи, то я никакъ и не думалъ, чтобы армейская кадровая дивизія могла такъ превосходно представиться"—и затѣмъ, взглядывая по очереди на каждаго изъ моихъ полковыхъ командировъ, добавилъ: „отлично, отлично, отлично и отлично".

Видимо было, что сдѣланная Государемъ оцѣнка не всѣмъ пришлась по вкусу. Мое начальство отнеслось къ высказаннымъ похваламъ, какъ будто и не слыхало ихъ. Я же болѣе всего радовался тому, что все требуемое мною отъ полковыхъ командировъ и мои взгляды на способы обученія вполнѣ оправдались. Пусть, понимающій строевое дѣло читатель, взвѣситъ слѣдующія условія: полки выступаютъ въ концѣ апрѣля, съ рекрутами, не имѣвшими другой одежды кромѣ полушубковъ, они идутъ 500 верстъ, дѣлая ученья только на дневкахъ; сряду послѣ похода становятся, на 9-ть дней, на тяжелую земляную работу, затѣмъ выходятъ прямо на царскій смотръ и представляются не хуже тѣхъ, которые готовятся цѣлый мѣсяцъ. Гдѣ же секретъ подобнаго явленія? Онъ заключается въ правильномъ, снаровистомъ и практичномъ одиночномъ обученіи, въ систематичномъ и постоянномъ наблюденіи за внутреннимъ порядкомъ въ ротахъ, въ неотступномъ требованіи, чтобы солдатъ въ казармѣ, въ походѣ, на работѣ былъ бы вездѣ, какъ на глазахъ, такъ и за глазами, всегда солдатомъ. Если при этомъ ротный командиръ съумѣетъ воз-

будить въ солдатѣ желаніе быть щеголемъ и молодцомъ, будетъ безъ мелочной привязчивости требовать на маршѣ бодрости, будетъ знать когда надо подтянуть и когда дать свободу, то парадное дѣло всегда будетъ хорошо, безъ ученій и репетицій.

Послѣ выставки Высочайшій Дворъ возвратился въ Петербургъ. Отъѣзжая, Государь объявилъ, что въ концѣ іюля пріѣдетъ въ Москву, смотрѣть стрѣльбу, линейное ученье и маневрированіе. Обратясь ко мнѣ, Его Величество прибавилъ: „Надѣюсь, что во всемъ этомъ, твоя дивизія представится такъ же, какъ на парадѣ“.

Мнѣ предстояло въ 5 недѣль пройти съ полками весь курсъ стрѣльбы, который, по раннему выступленію съ квартиръ, они могли только начать и то урывками, во время дневокъ, пройти маневрированіе малыми частями, полковыя ученья, сторожевую службу. На меня же была возложена и подготовка двухъ полковъ 1 дивизіи, прикомандированныхъ къ моей, превратившейся чрезъ это въ шести-полковую, съ двумя бригадами артиллеріи. Полки 1 дивизіи, прекрасные по своему составу, оказались слабо подготовленными въ одиночномъ образованіи, такъ что рѣдкій батальонъ могъ сохранять тактъ, или не сбиваться при ломкѣ фронта. Ссылаюсь въ этомъ на бывшихъ полковыхъ командировъ Гоштовта и Владимірскаго. Стоило только указать, что упущено, что и почему я требую, и въ одну недѣлю многое было поправлено. Они даже обрадовались моимъ требованіямъ и откровенно сознавались, что недостатки привились съ того времени, когда начальство приняло за правило не обращать вниманія на одиночное обученіе и непремѣнно за все хвалить и благодарить.

Любимымъ препровожденіемъ свободныхъ лагерныхъ вечеровъ было посѣщеніе скачекъ и выставки, на которую часто пріѣзжали изъ Петербурга партіи иностранныхъ офицеровъ, приглашенныхъ въ Красносельскій лагерь. Почти каждую такую партію, хлѣбосольный хозяинъ Москвы, князь В. А. Долгоруковъ, угощалъ обѣдами, приглашая и старшихъ начальниковъ лагеря. Военное общество вообще любило князя, за его всегдашнее къ нему вниманіе. По вечерамъ случалось иногда заглянуть въ Петровскій паркъ, гдѣ тогда процвѣталъ Château des fleurs. Особенно любилъ посѣщать его Уфлярскій, носив-

шій большіе усы и баки. Надъ нимъ другіе полковые командиры подтрунивали, будто одна изъ пѣвицъ собственно для него прибавляла къ своимъ куплетамъ припѣвъ: „ахъ, какъ было мнѣ пріятно съ этимъ милымъ усачемъ!

Шести-полковой составъ дивизіи требовалъ особыхъ сноровокъ учить ее съ двумя бригадами артиллеріи, на относительно тѣсномъ Ходынскомъ полѣ. Такъ какъ въ то время уже начинало входить въ обыкновеніе производить ученье съ тактическимъ заданіемъ, не ожидая приказаній старшаго начальника, то надо было къ пріѣзду Государя составить такое предположеніе, которое дало бы возможность, въ часъ времени, показать Его Величеству каждый изъ полковъ въ 1-й линіи.

Вторичный пріѣздъ Государя состоялся 19 іюля. Въ тотъ же день, послѣ обѣда, онъ смотрѣлъ стрѣльбу линейныхъ ротъ всѣхъ войскъ, а на слѣдующее утро были назначены дивизіонныя ученья гренадерской и моей дивизіи, одной послѣ другой. Вмѣстѣ съ первою, построенною у Петровскаго дворца, должно было представиться и Александровское военное училище. Моя дивизія, при началѣ ученья гренадеръ, уже строилась въ резервный порядокъ, на противуположной сторонѣ поля, у самаго лагеря. Покуда полки собирались, все наше вниманіе было обращено къ сторонѣ дворца, такъ какъ результатъ ученья гренадеръ могъ повліять на расположеніе духа Государя, а слѣдовательно и на ученье моей дивизіи. Черезъ четверть часа по выѣздѣ Его Величества изъ дворца, вижу, что кто-то несется ко мнѣ маршъ-маршемъ. Подскакавшій адъютантъ передаетъ слѣдующее: „Начальникъ штаба прислалъ доложить вашему превосходительству, что Его Величество недоволенъ училищемъ, дабы вы имѣли это въ виду". Дурное предзнаменованіе—подумалъ я, но никому не передалъ сообщеннаго.

Во время половины ученья гренадеръ, громадная, черная туча надвигалась изъ-за лагеря; всѣ думали, что нашъ смотръ будетъ отмѣненъ. Когда издали донеслись отвѣтные крики на похвалы гренадерамъ, у меня отлегло отъ сердца;—значитъ Государь доволенъ и подъѣдетъ къ дивизіи въ хорошемъ расположеніи. Дѣйствительно, впереди громадной свиты, большимъ галопомъ подъѣзжалъ онъ веселый и радостный. По-

куда я рапортовалъ, нѣсколько крупныхъ капель дождя упали на подаваемую строевую записку. Проѣзжая на перерѣзъ линій глубокаго резервнаго порядка, Государь здоровался съ каждымъ изъ 6 полковъ и съ свойственнымъ только ему добродушіемъ и ласковостію тона, замѣтилъ мнѣ: „А насъ, кажется, порядочно смочитъ“. Возвращаясь отъ стоявшихъ въ послѣдней линіи батарей, Его Величество пустилъ лошадь шагомъ и въ это время сказалъ:

— Разсказывай, въ чемъ состоитъ твое предположеніе и какъ ты намѣренъ дѣйствовать?

Такъ какъ не всѣмъ читателямъ извѣстна мѣстность, на которой происходило ученье, то я не привожу его подробной программы, переданной мною въ короткихъ словахъ Государю. Выслушавъ меня, Его Величество замѣтилъ:

— Только пожалуйста не растягивай ученья, веди его поживѣе.

Въ это время уже шелъ сильный дождь и начались порядочные удары грома. Не успѣла, бывшая впереди, 2-я бригада развернуть боеваго порядка, какъ Государь началъ самъ подавать сигналы и отдавать приказанія, что хотя и измѣняло программу, но не произвело недоразумѣній, потому что оба полковые командира были предварены мною, какъ поступать, если Государь лично поведетъ ученье. Между тѣмъ гроза усиливалась, дождь превратился въ ливень, что не мѣшало полкамъ получить уже нѣсколько похвалъ и быстро окончить атаку Ваганьковскаго кладбища. Когда она подходила къ концу, я подъѣхалъ къ Гильденштуббе, котораго едва отыскалъ въ заднихъ рядахъ свиты, и говорю ему:

— Потрудитесь доложить Государю, что здѣсь дѣйствія 2-й бригады кончаются, и что не угодно-ли Его Величеству обратить вниманіе на 1-ю бригаду, которая начнетъ наступленіе по направленію парка.

— Нѣтъ, ужъ вы лучше доложите сами,—отвѣтилъ онъ.

Въ этомъ отвѣтѣ вполнѣ выразился характеръ Гильденштуббе: быть подальше, покуда еще не выразилось, будетъ ли смотръ удаченъ.

Дождь, лившій какъ изъ ведра, не давалъ пушечному дыму расходиться; онъ густою пеленою висѣлъ надъ полемъ, засти-

лая его такъ, что въ 20 шагахъ невозможно было разглядѣть ни всадника, ни пушку. Молнія и удары грома слѣдовали безъ промежутковъ. Темнота была настолько велика, что я наугадъ скакалъ впереди свиты, чтобы провести Государя къ тому мѣсту, гдѣ должна была развернуться 1-я бригада. Покуда совершалось ея перестроеніе и батареи выѣзжали на позицію, гроза быстро начинала проходить, и какъ только батальоны, выславъ стрѣлковъ открыли огонь, солнце освѣтило поле. Увидя, что 6 батальоновъ, сохраняя линію и интервалы батарей, идутъ стройно, Государь нѣсколько разъ поблагодарилъ ихъ. Не доходя парка, я соединилъ 6 батарей въ центрѣ боевой линіи, для его обстрѣла, а затѣмъ, выждавъ прихода къ лѣвому флангу 2-й бригады, направилъ 3-ю сводную бригаду (два полка 1 дивизіи) на тѣсныхъ интервалахъ, въ атаку на паркъ, сквозь громившую его артиллерію. Этимъ было закончено ученье. Объѣхавъ полки, Его Величество по нѣсколько разъ благодарилъ каждый батальонъ. Единственное замѣчаніе, которое было имъ сдѣлано, состояло въ томъ, что при современномъ развитіи огня, не слѣдуетъ слишкомъ массировать войскъ. Покуда съѣзжались начальники и командиры частей, чтобы выслушать разборъ ученья, Государь, въ присутствіи всѣхъ, взявъ мою руку и держа ее, изволилъ сказать:

— Всѣмъ, что я видѣлъ, я чрезвычайно доволенъ. Вижу, насколько ты и твои полковые командиры сдѣлали то, чего я даже и не ожидалъ. Я знаю въ какое положеніе была поставлена дивизія и потому тѣмъ болѣе всѣмъ вамъ чести. Отъ души благодарю всѣхъ и прошу передать это твоимъ офицерамъ.

Затѣмъ, обращаясь къ генералу Гильденштуббе, Его Величество прибавилъ:

— Какова 18-я то дивизія, да и командиры полковъ ея молодцы!

Вышеприведенныя слова Императора, въ тотъ же день, были объявлены мною въ приказѣ по дивизіи.

Вслѣдъ за Государемъ подъѣзжаетъ ко мнѣ военный министръ Д. А. Милютинъ, и снимая, какъ теперь вижу, зубами мокрую перчатку, протягиваетъ мнѣ руку, говоря: „И радуюсь, и поздравляю, и благодарю“.

Дальнѣйшій разсказъ покажетъ степень этой благодарности.

Въ тотъ же день, вечеромъ, происходилъ смотръ стрѣльбы стрѣлковыхъ ротъ съ неопредѣленныхъ дистанцій. Покуда считали пули и производили оцѣнку, Государь проѣхалъ къ артиллеріи, выведенной тоже на смотровую стрѣльбу. Я, съ прочими старшими начальниками, направился туда же, а на обратномъ пути, возвращаясь къ своимъ мишенямъ, встрѣчаю Великаго князя Николая Николаевича.

— А ты знаешь,—говоритъ онъ мнѣ—какой у тебя въ дивизіи вышелъ оригинальный казусъ? Въ мишени 1-й стрѣлковой роты Рязанскаго полка нѣтъ ни одной пули.

Я такъ и ахнулъ! Эта рота всегда была первою по стрѣльбѣ во всей дивизіи; ея отличнаго командира, молодаго поручика Асѣева, лично зналъ и всегда благодарилъ Гильденштуббе, и вдругъ у него ни одной пули [1]). Подскакавъ къ мишенямъ, вижу, что дѣйствительно нѣтъ ни одной, даже шальной. Асѣевъ стоитъ блѣдный, какъ полотно, и на всѣ мои вопросы только молча пожимаетъ плечами, готовый заплакать. Замѣтивъ, что сосѣдняя мишень 2 полка вся испещрена пробоинами, я поспѣшилъ предупредить Гильденштуббе, чтобы онъ доложилъ Государю, что, по всей вѣроятности, рота, вмѣсто своей мишени, по ошибкѣ стрѣляла въ сосѣднюю. Вообще-же стрѣльба была отличною. Проѣзжая мимо мишеней, Его Величество благодарилъ каждую роту и вдругъ видитъ совершенно нетронутую мишень 1-й стрѣлковой роты.

— Это что за фокусъ? спрашиваетъ онъ.

Гильденштуббе передалъ сказанное мною, а я рѣшился еще прибавить:

— Эта рота, Ваше Величество, лучшая во всей дивизіи, а ея командиръ, поручикъ Асѣевъ, отличный офицеръ во всѣхъ отношеніяхъ. Вѣроятно они стрѣляли не въ свою мишень, иначе хоть одна бы пуля да попала.

Взглянувъ на Асѣева, у котораго закапали съ рѣсницъ слезы, Государь изволилъ произнести:

— Успокойтесь. При такой аттестаціи и вина прощается, а тутъ видимая ошибка.

Чтобы не возвращаться болѣе къ чрезвычайно важному во-

---

[1]) Въ настоящее время Асѣевъ командуетъ ротою Московскаго юнкерскаго училища.

просу стрѣльбы, имѣющему громадное вліяніе на весь ходъ занятій въ войскахъ, скажу о немъ подробнѣе. Многіе престранно у насъ смотрятъ на дѣло, такъ что и не поймешь, чего другому хочется. Послѣ неоднократныхъ опытовъ и совѣщаній съ лицами практики, признано было необходимымъ, чтобы стрѣльба имѣла опредѣленную оцѣнку, соотвѣтствующую тѣмъ или другимъ условіямъ ея производства. Казалось-бы, что эта оцѣнка и должна охранять достоинство стрѣльбы отъ произвольнаго взгляда начальства. Что-же мы видимъ сплошь и рядомъ въ дѣйствительности? Смотритъ начальство полкъ; одна рота дала 71 процентъ, другая 64, третья 60,—значитъ всѣ, по оцѣнкѣ, на эту дистанцію стрѣляли очень хорошо. Первой говорятъ— „спасибо", второй—порядочно, но впередъ прошу чтобъ было лучше", а третью начинаютъ бранить. Какъ-же это такъ, думаетъ потомъ солдатъ,—оцѣнка гласитъ, что рота стрѣляла очень хорошо, а насъ ругаютъ? Несомнѣнно, что всѣ занимающіеся стрѣльбою должны стремиться достигнуть отличной оцѣнки; но почему-же не отдать каждому того, что онъ заслужилъ, чѣмъ, добиваясь идеаловъ, быть явно несправедливымъ. Что-же выходитъ изъ подобныхъ увлеченій? Выходитъ то, что, видя ненасытность желаній, войска не упускаютъ случая, гдѣ только мало-мальски возможно, схитрить, выпустить лишнія пули, прибавить при счетѣ число пробоинъ, однимъ словомъ потѣшить начальство. Такъ потѣшаютъ не только старшихъ начальниковъ, которымъ трудно услѣдить за ухищреніями ловкаго фельдфебеля или взводнаго, но и самыхъ ближайшихъ, особенно если они имѣютъ дурную привычку возбуждать соревнованіе посредствомъ наградъ деньгами или чарками водки. Пять лѣтъ я возился съ стрѣлковымъ дѣломъ и въ гвардіи и въ арміи, пять лѣтъ боролся противъ всевозможныхъ ухищреній, и пришелъ къ убѣжденію, что только та стрѣльба вѣрна, при которой каждый стрѣляетъ при мнѣ, по одиночкѣ. Мнѣ всегда было странно видѣть тѣхъ начальниковъ, которые восхищаются баснословными результатами стрѣльбы. Помню такой случай. Смотрѣлъ А. И. Гильденштуббе стрѣлковыя роты цѣлой дивизіи, и въ тотъ-же вечеръ, встрѣтивъ меня въ паркѣ, говоритъ мнѣ:

— А каково сегодня стрѣляли-то? Ваша третья стрѣлковая рота Бѣлевскаго полка дала 83 процента на 900 шаговъ.

— Васъ это радуетъ? спрашиваю я его.

— Еще-бы! вѣдь это куда выше отличнаго.

— А меня нисколько, потому что такихъ результатовъ не должно быть.

— Это почему?

— Да очень просто: эта-же самая рота, по журналу домашней стрѣльбы, имѣетъ на 900 шаговъ всего 52 процента, что тоже результатъ прекрасный; а извѣстно, что на смотру люди, отъ ажитаціи, отъ излишняго старанія, наконецъ отъ того, что иначе одѣты, стрѣляютъ всегда на 3—4 процента ниже курсовой стрѣльбы. Не ясно-ли, что тутъ или было выпущено больше пуль, чѣмъ приказано, или невѣрно сосчитаны пробоины.

— Вы всегда и во всемъ находите что либо черное, даже своихъ не щадите,—возразилъ старикъ недовольнымъ тономъ. Наконецъ если вы предполагаете фальшь, почему-же вы ее допускаете?

— А не угодно-ли вамъ научить меня, какъ я могу предупредить ее, и какое имѣю право вмѣшиваться въ порядокъ при старшемъ? Вы смотрите разомъ 24 роты; я стою за одною изъ своихъ и вижу только ее, да и то покрытую дымомъ. Слышу вправо и влѣво отъ меня безконечную стрѣльбу; понимаю, что выпускаютъ не по двѣ пули, какъ приказано, а сколько кто успѣетъ. Еще удивительно, что при такомъ способѣ смотрѣть, у кого-нибудь не оказалось болѣе 100 процентовъ.

— Но согласитесь, что не могу же я смотрѣть каждую роту особо; на это потребовалось-бы болѣе мѣсяца.

— Совершенно согласенъ. Я только хотѣлъ сказать, что не слѣдуетъ судить о стрѣльбѣ по смотровымъ результатамъ и отчетамъ, и гоняться за тѣмъ, чтобы всѣ стрѣляли выше отличнаго.

Возвращаюсь къ смотрамъ Государя. На слѣдующее утро предстоялъ двухсторонній маневръ гренадерской дивизіи противъ сводной, состоявшей, какъ было выше сказано, изъ моей и двухъ полковъ 1 пѣхотной. Предположеніе для него было объявлено заранѣе и заключалось въ томъ, что гренадеры (западный отрядъ) не должны были допустить въ Москву, черезъ Ваганьевскую заставу непріятеля, наступающаго отъ с. Тушина. Ими командовалъ генералъ Моллеръ, а наступающими—

пишущій эти воспоминанія... У меня (въ восточномъ отрядѣ) было 18 батальоновъ, а у гренадеръ 13, но за то они имѣли большой перевѣсъ въ кавалеріи: мнѣ былъ данъ всего одинъ Сумскій гусарскій полкъ, а Моллеру 5 полковъ, съ двумя конными батареями, что давало ему возможность знать каждое мое движеніе. Когда, наканунѣ вечеромъ, составленная мною диспозиція была готова для отправленія къ Государю, въ баракъ дивизіоннаго штаба взошелъ начальникъ штаба Моллера, полковникъ Лабунскій, и спрашиваетъ моего начальника штаба Нарбута, кто у насъ везетъ диспозицію во дворецъ?

Удивленный подобнымъ вопросомъ, я говорю ему: „Разумѣется, самъ начальникъ штаба.

— Зачѣмъ же - возражаетъ Лабунскій—мы всегда отправляли съ офицеромъ; вѣдь конвертъ передается обыкновенно камердинеру и уже онъ относитъ его въ кабинетъ.

— Если у васъ такъ принято, то такъ и дѣлайте, а я смотрю иначе. Можетъ быть Государю угодно будетъ принять того, кто привезъ конвертъ адресованный въ собственныя руки, и спросить о чемъ-либо касающемся маневра. Что можетъ отвѣтить строевой офицеръ?

Видимо было, что Лабунскій пришелъ съ цѣлью что-либо вывѣдать, потому что обратился потомъ ко мнѣ съ такой фразой:

— Мнѣ поручилъ генералъ Моллеръ условиться съ Нарбутомъ, нельзя ли завтра намъ дѣйствовать такъ, чтобы все шло поглаже?

— Скажите генералу,—отвѣчалъ я, что я составилъ самую простую диспозицію и что мои дѣйствія будутъ вполнѣ зависѣть отъ него. Весь мой отрядъ сосредоточивается въ Тушинѣ, что мнѣ донесутъ мои разъѣзды о вашемъ расположеніи, сообразно съ этимъ я и направлю мои колонны, а потому впередъ ничего сказать не могу. Впрочемъ, и разъѣздамъ-то моимъ трудно будетъ что-либо высмотрѣть, такъ какъ вы, имѣя массу кавалеріи, можете заслониться и не отогнать ихъ.

Кажется, я достаточно намекнулъ этимъ не только на свои намѣренія, но и на то какъ слѣдуетъ помѣшать имъ; но Лабунскій, какъ потомъ самъ сознавался мнѣ, принявъ мои слова за хитрость, вообразилъ, что я сдѣлаю совершенно противное.

Кто знаетъ ближайшія окрестности Москвы, къ сѣверу отъ

нея, для того и безъ чертежа будетъ понятно мое краткое описаніе маневра, происходившаго между Петербургскимъ шоссе и рѣкою Москвою, въ пространствѣ, на которомъ обѣ Всесвятскія рощи, села—Всесвятское и Покровское и деревня Тушино. По распоряженію посредника, въ 9 ч. утра, отрядъ мой тронулся съ бивака тремя колоннами: правая (3 полка съ 6-ю батареями) берегомъ рѣки—Москвы, на артиллерійское поле, съ приказаніемъ наступать черезъ правый флангъ лагеря; лѣвая (2 полка съ 4-мя батареями)—лѣсомъ, въ обходъ с. Всесвятскаго на Петербургское шоссе, съ приказаніемъ демонстрировать противъ малой рощи, но не вступать въ рѣшительный бой,—и средняя (1 полкъ съ двумя батареями)—по ильинскому шоссе на с. Покровское. Я находился при средней колоннѣ. Не прошло и получаса, какъ пущенные впередъ, по всѣмъ направленіямъ, разъѣзды Сумскихъ гусаръ доставили мнѣ болѣе 10 донесенія, изъ которыхъ я узналъ, что непріятель занимаетъ двумя полками пространство отъ большой рощи до рѣки, а двумя другими Всесвятское, что ни переправа у Покровскаго, ни село это не занято даже разъѣздами. Такое разъединеніе силъ было первою и весьма важною ошибкою, давшею мнѣ возможность направить среднюю колонну въ оставленное непріятелемъ незанятое двухверстное пространство между его бригадами.

Около 10 часовъ, мы услышали сильную канонаду справа, а затѣмъ и жаркій ружейный огонь моей правой колонны. Не смотря на все желаніе, я никакъ не могъ узнать что̀ въ ней происходитъ, потому что насъ раздѣляла большая роща, считавшаяся непроходимою. Я сильно опасался, чтобы эта колонна не пострадала отъ кавалеріи противника, такъ какъ она до сихъ поръ нигдѣ не обнаружилась, и имѣла на артиллерійскомъ полѣ прекрасную мѣстность для дѣйствій. Завидя наступленіе средней моей колонны, непріятельская бригада выслала противъ нее изъ Всесвятскаго всего одинъ батальонъ съ двумя орудіями. Сбить ихъ цѣлымъ полкомъ съ 12 орудіями было дѣломъ одной минуты. Отступая, батальонъ этотъ, вмѣсто того, чтобы занять интервалъ между лазаретными бараками и лагеремъ, ушелъ въ малую рощу. Это дало мнѣ возможность проѣхать къ баракамъ, чтобы взглянуть, что дѣлается на артиллерійскомъ полѣ, противъ правой колонны. Я увидѣлъ, что

верстахъ въ двухъ вправо идетъ бой, а за нимъ, посреди поля, стоятъ въ общей колоннѣ 5 кавалерійскихъ полковъ, не принимающіе никакого участія. Государь Императоръ со всею свитою смотрѣлъ на происходившее съ высоты стрѣлковыхъ валовъ. Тогда я моментально разослалъ всѣхъ бывшихъ при мнѣ ординарцевъ, чтобы всѣ батареи и роты, которыхъ они встрѣтятъ, спѣшили ко мнѣ. Не прошло и 10 минутъ, какъ двѣ батареи средней колонны, съ посаженною прислугою, неслись въ интервалъ между бараками и лагеремъ, а за ними бѣжали и роты. Снятыя съ передковъ орудія открыли огонь въ тылъ непріятельской линіи. Это до того ошеломило кавалерійскую колонну, что она не только не выставила противъ насъ своихъ конныхъ батарей, но, повертѣвшись въ разныя стороны, сочла за лучшее уйти на рысяхъ изъ-подъ выстрѣловъ и скрыться изъ вида. Между тѣмъ, стоило только начальнику этой кавалеріи пустить хоть одинъ полкъ на первую мою батарею, прискакавшую сначала безъ прикрытія, и она должна бы была сняться, а другія не успѣли бы къ ней пристроиться, и все было бы поправлено.

Канонада, открытая мною отъ госпитальныхъ бараковъ, обратила на себя вниманіе Государя. Онъ такъ былъ далекъ отъ случившагося, что счелъ мои орудія за принадлежащія правой колоннѣ Моллера; но, видя, что кавалерія его уходитъ, съѣхалъ съ возвышенія, откуда смотрѣлъ на ходъ маневра, и крупнымъ галопомъ направился къ намъ.

Я выѣхалъ передъ орудія съ рапортомъ.

— Ты какимъ образомъ очутился здѣсь? спрашиваетъ меня Государь.

Я разсказалъ все, какъ было.

— Вотъ такъ сюрпризъ! Что же теперь дѣлать Моллеру? Вѣдь онъ отрѣзанъ отъ 2-й бригады и путь къ заставѣ открыть; маневръ въ сущности оконченъ, а между тѣмъ я еще не видалъ и половины войскъ. Что ты теперь предпримешь?

— Я оставлю здѣсь одну батарею съ Тульскимъ и гусарскимъ полками, самъ же займу тремя полками въ тылу непріятеля артиллерійскій лагерь, а остальнымъ частямъ прикажу поспѣшно идти къ полотну Смоленской дороги.

— Надо дать гренадерамъ—сказалъ Государь—возможность поправиться. Прекрати наступленіе на часъ, пропусти ихъ за

лагерный оврагъ и затѣмъ увидимъ, что предприметъ Моллеръ.

Вслѣдъ за этимъ Его Величество послалъ гренадерамъ приказаніе отступить на Ходынское поле. Первый изъ отступавшихъ батальоновъ, проходя мимо нашихъ орудій, давно прекратившихъ огонь, вздумалъ стрѣлять по нимъ. Это разсердило Государя до того, что онъ приказалъ этому батальону уходить бѣгомъ; вслѣдъ за нимъ потянулись мимо моихъ 12 орудій еще 5 батальоновъ съ своими батареями. Бывшіе же противъ нихъ 3 полка присоединились ко мнѣ.

Послѣ этого, съ противной стороны, послѣдовала вторая, самая капитальная ошибка. Вмѣсто того, чтобы направить всѣ свои части къ городу, такъ какъ защита Москвы составляла ихъ главную цѣль, онѣ были присоединены къ бригадѣ, занимавшей Всесвятское, что и послужило къ окончательному проигрышу маневра. Чтобы отстранить всякое предположеніе о томъ, что я возобновилъ бой ранѣе назначеннаго срока, по прошествіи часа, я послалъ полковника Нарбута спросить Государя, прикажетъ ли онъ начать наступленіе. По полученіи разрѣшенія, мною сдѣланы были слѣдующія распоряженія: средняя колона, усиленная полкомъ изъ правой, направлена черезъ лѣвый флангъ лагеря, съ приказаніемъ атаковать малую рощу во флангъ, одновременно съ сводной бригадой, которой послано приказаніе дѣйствовать рѣшительнѣе; остальнымъ частямъ правой колоны, перейдя лагерный оврагъ, идти прямо на Ваганьковское кладбище. Для противодѣйствія послѣднему, непріятель хотя и отдѣлилъ два батальона, но было уже поздно. Они не могли помѣшать мнѣ, такъ какъ послѣдовательная атака Сумскихъ гусаръ заставляла ихъ безпрестанно останавливаться, а въ это время мои два полка успѣли занять насыпь желѣзной дороги, кладбище и находящуюся за нимъ заставу. Получивъ объ этомъ донесеніе, Государь приказалъ дать отбой. Съ насыпи дороги Его Величество, не говоря ни слова, долго вглядывался въ общее расположеніе войскъ. Затѣмъ, давъ сигналъ для сбора начальниковъ, молча, шагомъ направился къ Петровскому дворцу. Видно было, что онъ недоволенъ. Постоянно увеличивающаяся подъѣзжавшими начальниками свита безмолвно слѣдовала позади. Такъ мы проѣхали все Ходынское поле. Остановясь у шоссе, Государь вызвалъ

въ середину образовавшагося круга генерала Моллера и меня, и началъ слѣдующій, памятный отъ слова до слова разборъ маневра.

— „Диспозиціи по обоимъ отрядамъ были составлены правильно, но на сколько въ восточномъ она была выполнена толково и дѣльно, на столько у васъ (обращеніе къ Моллеру), съ перваго же движенія начались ошибки. Если бы вы, вмѣсто того, чтобы направить 2-ю бригаду во Всесвятское, заняли Покровское и его мостъ и задержали бы тамъ среднюю колонну противника, то не дали бы ему возможности врѣзаться между вашими бригадами, чѣмъ онъ (указаніе на меня) такъ находчиво воспользовался, явившись въ тылу вашей 1-й бригады съ 3-мя батареями. Что же въ это время дѣлаютъ ваши 5 кавалерійскихъ полковъ? Вмѣсто того, чтобы обрушиться на нихъ и прикрыть ваше отступленіе къ Москвѣ, они, не сдѣлавъ даже выстрѣла, куда-то скрылись. Слѣдовало кончить маневръ, но я хотѣлъ дать вамъ возможность поправиться и приказалъ восточному отряду пропустить вашу отрѣзанную бригаду. Что же вы дѣлаете потомъ? Вмѣсто того, чтобы занять прекрасную позицію по линіи Смоленской желѣзной дороги, притянувъ туда и 2-ю бригаду, вы отступаете къ малой рощѣ и открываете доступъ къ городу. Вы даже ни разу не воспользовались громаднымъ перевѣсомъ вашей кавалеріи, которой я и не видалъ ни въ одной атакѣ, тогда какъ въ восточномъ отрядѣ былъ всего одинъ полкъ, а между тѣмъ Сумскіе эскадроны нѣсколько разъ задерживали ваши два баталіона. Посмотрите, чѣмъ же все кончилось. Кромѣ того, что вы пропустили непріятеля въ городъ, вы дали ему возможность со всѣхъ сторонъ окружить васъ кольцомъ.

Затѣмъ Его Величество, обратясь ко мнѣ, продолжалъ:

„А тебѣ, въ полномъ смыслѣ побѣдителю, полное спасибо Всѣми твоими распоряженіями и дѣйствіями твоихъ полковъ я чрезвычайно доволенъ. Господа полковые командиры, благодарю васъ. Передайте мою благодарность всѣмъ и каждому. Сумскій полкъ и артиллерія особенно отличались. Жаль, что я не видалъ полковъ сводной бригады, но и она видимо исполнила своё назначеніе, притянувъ на себѣ всѣ силы оплошавшаго противника. Еще разъ благодарю всѣхъ“.

Такой разборъ маневра произвелъ на побѣжденныхъ гру-

стное впечатлѣніе; съ понурымъ видомъ, молча поѣхали они къ своимъ частямъ. Но и побѣдители боялись слишкомъ замѣтно проявлять свою радость, видя какъ внутренно досадовало главное московское начальство на то, что излюбленные его гренадеры оплошали. Оплошали не полки, ничѣмъ невиноватые, а тотъ кто былъ во главѣ ихъ.

Въ тотъ же день, въ 6 часовъ вечера, происходилъ парадный обѣдъ у князя Долгорукова, къ которому были приглашены всѣ начальники и командиры полковъ. Едва я успѣлъ войти въ пріемную, какъ подходитъ ко мнѣ старый знакомый, генералъ-адъютантъ баронъ Ливенъ, беретъ подъ руку, и, отводя въ нишь окна, говоритъ:

— Разскажи, пожалуйста что за особенный маневръ былъ сегодня. Такъ досадно, что я не могъ быть на немъ изъ-за австрійцевъ, которымъ долженъ былъ показывать выставку. Изъ свиты мнѣ говорили, что они такого интереснаго маневра не запомнятъ.

— Маневръ — отвѣчалъ я—былъ дѣйствительно замѣчателенъ, по оригинальности ошибокъ моихъ противниковъ.

— Слышалъ я это; но разскажи все по порядку, я вѣдь знаю мѣстность и мнѣ интересны подробности.

Я разсказалъ все, какъ было. Въ концѣ разсказа тихо подошелъ къ намъ военный министръ, прислушался и, когда я кончилъ, говоритъ:

— Да, дѣйствительно (называетъ меня по имени) дѣйствовалъ отлично; но если судить строго, тактически, то и у васъ были рискованныя движенія. Вѣдь вы растянули ваши 18-ть баталіоновъ версты на 4, такъ что противникъ могъ бы легко прорвать вашу линію.

— Позвольте вамъ сказать на это—отвѣчалъ я, что для 18-ти баталіоновъ съ 48 орудіями, при нынѣшнихъ дистанціяхъ, четырехверстную позицію нельзя считать растянутою. Неужели вы полагаете, что еслибы противъ меня былъ кто-либо другой, то я дѣйствовалъ бы такъ, какъ сегодня? Я думаю, что одна изъ обязанностей всякаго распоряжающагося боемъ, знать характеръ и способности своего противника.

— Это вѣрно,—сказалъ министръ улыбаясь, а я отошелъ къ моимъ полковымъ командирамъ, собравшимся у другого окна, противъ входной двери.

Вскорѣ вошелъ Государь, въ мундирѣ своего Петербургскаго уланскаго полка и остановясь, прикрылъ глаза рукою.

— Со свѣта никого не узнаю,—сказалъ онъ, и затѣмъ направился прямо къ намъ, съ словами: „А, вотъ и побѣдители". Потомъ, положа руку мнѣ на плечо и смотря на полковыхъ командировъ, Его Величество продолжалъ:

— Я все время любовался вашими тремя полками, дѣйствовавшими на правомъ флангѣ. Не говоря о томъ, что все дѣлалось правильно и въ примѣрномъ порядкѣ, мнѣ особенно пріятно было видѣть, какъ дѣльно распоряжались не только ротные командиры и офицеры, но даже унтеръ-офицеры. Въ каждомъ было видно полное знаніе дѣла. Я знаю какъ вамъ это въ нынѣшнее время не легко достается, а вы должны знать, что я тѣмъ болѣе цѣню это. Очень радъ, что имѣю случай еще разъ поблагодарить васъ.

Послѣ обѣда Государь изволилъ принять предложеніе хозяина послушать цыганъ, хоръ которыхъ ожидалъ въ особой залѣ. Ихъ пѣніе продолжалось часовъ до 9, такъ что мы возвращались въ лагерь уже въ сумерки. За заставою А. И. Гильденштуббе, на лихой четверткѣ, обгоняетъ меня, приказываетъ каретѣ остановиться и приглашаетъ пересѣсть къ нему, гдѣ между нами начинается слѣдующій разговоръ:

— Зачѣмъ вы, любезнѣйшій, сегодня, такъ сильно напирали на гренадеръ. При Государѣ, да и вообще, надо вести маневры по возможности менажируя своего противника.

— Изъ вашихъ словъ, отвѣчалъ я, видно, будто вы того мнѣнія, что я умышленно старался повредить генералу Моллеру.

— Я этого не говорю, но видите ли что: въ подобныхъ случаяхъ, если вы и видите, что на непріятельской сторонѣ ошибки, надо дать ей возможность поправиться, а не сразу пользоваться оплошностью товарища.

— Но вѣдь у противной стороны были такія ошибки, не воспользоваться которыми было бы непростительно. Пропустить ихъ, значило бы обнаружить полное незнаніе и совершенную неспособность къ дѣлу. Вы видѣли изъ разбора Государемъ хода маневра, въ какой степени онъ все видитъ и все замѣчаетъ. За что же, изъ-за другихъ, я буду подвергать себя его гнѣву?

— Все это такъ, продолжалъ начальникъ округа, но все-таки слѣдовало имѣть въ виду, что Государю было бы пріятнѣе, если бы дивизія, которую онъ такъ любитъ, маневрировала успѣшно.

— Вы, ваше высокопревосходительство, напрасно удивляетесь, что гренадеры, при всѣхъ ихъ строевыхъ достоинствахъ, проигрываютъ маневры. Это всегда такъ будетъ.

— Это почему? сердито спрашиваетъ Гильденштуббе.

— Угодно, чтобы я говорилъ откровенно?

— Пожалуйста.

— Потому, что ихъ командиры, исключая, впрочемъ, полковника Э...., на маневрахъ вовсе не думаютъ о томъ, что дѣлается противъ нихъ; для нихъ общая цѣль — постороннее дѣло. Они только оглядываются, не близко ли вы, и заботятся только о равненіи и стройности баталіоновъ, сами подсчитываютъ имъ тактъ, а что предпринимаетъ противъ нихъ непріятель, объ этомъ и не заботятся. Кто же не выигрывалъ противъ нихъ маневра? Въ этотъ лагерь вы дѣлали ихъ три раза, и всякій разъ они кончались не въ ихъ пользу.

Далѣе мы ѣхали уже молча. Старикъ не могъ не сознавать истины высказаннаго, но все-таки она была ему непріятна. Онъ чувствовалъ, что всѣ потраченные имъ труды, на образованіе любимыхъ его полковъ, были односторонни. Обращаясь къ давно прошедшему, припоминаю, что и во время командованія полкомъ Гильденштуббе не любилъ маневровъ.

22 іюля, послѣ церковнаго парада и развода съ церемоніею Екатеринославскому полку, предстоялъ отъѣздъ Государя на югъ. Въ ночь на это число разосланы были во всѣ части награды. Оба мои бригадные и всѣ полковые командиры получили тѣ ордена, къ которымъ были представлены, всѣ бывшіе въ лагерѣ генералы—тоже, но я не получилъ ничего, хотя и несомнѣнно, что былъ тоже представленъ, такъ какъ еще передъ Пасхою, начальникъ окружнаго штаба, по приказанію командующаго войсками, писалъ мнѣ, что я представленъ къ очередному ордену, но что всѣ награды отложены до лѣтняго Высочайшаго смотра. Какъ прошли смотры и маневры, видно изъ вышесказаннаго; гдѣ же причина тому, что я обойденъ? Что Государь былъ вполнѣ и даже исключительно доволенъ дивизіею—это не подлежало сомнѣнію. Увидя меня на разводѣ,

начальникъ штаба не могъ не выразить удивленія сдѣланному со мною. „Я два раза, говорилъ онъ, сегодня ночью требовалъ къ себѣ адъютанта для справки, не произошло ли въ штабѣ ошибки съ представленіемъ наградныхъ списковъ, и не наша ли вина въ томъ, что вамъ не присланъ орденъ, но оказалось, что представленіе о васъ послано вмѣстѣ съ другими, такъ что я и понять не могу, что все это значитъ". Какъ мнѣ ни было тяжко, послѣ всѣхъ похвалъ и благодарностей, перенести случившееся, но я искалъ утѣшенія въ томъ, что Государь видимо доволенъ мною и, конечно, не могъ знать и помнить, подлежалъ ли я очередной наградѣ или еще не выслужилъ для этого опредѣленнаго срока.

Сряду послѣ развода, всѣ генералы и командиры частей собрались къ часу отъѣзда Государя, на курскомъ дебаркадерѣ. Случилось такъ, что Его Величество пріѣхалъ туда получасомъ ранѣе, чѣмъ было назначено, и во все оставшееся до отъѣзда время обходилъ присутствовавшихъ. Я, вмѣстѣ съ начальникомъ артиллеріи Леманомъ, стоялъ въ концѣ линіи съѣхавшихся. Государь приблизился къ намъ и, подавъ обоимъ руку, сказалъ:

— Еще разъ, на прощанье, спасибо вамъ обоимъ. Артиллеріей я чрезвычайно доволенъ: и на маневрахъ, и на стрѣльбѣ, она показалась именно такъ, какъ я желаю. Затѣмъ, обращаясь ко мнѣ: „Что касается твоей дивизіи, то я увѣренъ, что покуда она останется въ такихъ рукахъ, всегда будетъ радовать меня такъ-же, какъ теперь".

Эти слова настолько ободрили меня, что я осмѣлился отвѣтить:

— Если Ваше Величество такъ милостиво относитесь къ нашимъ трудамъ, то позвольте просить васъ о вспомоществованіи офицерамъ дивизіи. Они совершили сюда походъ въ 500 верстъ и имѣли счастіе впервые, во все ваше царствованіе, представиться вамъ. Въ ознаменованіе этого и вашихъ милостивыхъ отзывовъ, дерзаю просить о пожалованіи имъ третнаго не въ зачетъ жалованья.

Государь выслушалъ меня, куря папиросу; какъ теперь вижу, что по лицу его не промелькнуло и тѣни неудовольствія, а напротивъ—оставалась все время та же улыбка, съ которою онъ началъ говорить со мною и Леманомъ. Когда я кончилъ,

Его Величество громко подозвалъ къ себѣ министра и сказалъ ему, указывая на меня:

— Вотъ онъ проситъ о вспомоществованіи для своихъ офицеровъ; я ничего не имѣю противъ, напротивъ—очень радъ.

Какъ ни смѣло было съ моей стороны рѣшиться на подобный шагъ, но я думалъ: если меня обошли безъ всякаго повода, то пусть всѣ знаютъ это, и если Государь соизволилъ на испрашиваемое, то это послужитъ лучшею для меня наградою. Предоставляю читателю судить, какой эффектъ произвело все это и какими удивленными глазами смотрѣлъ на меня Гильденштуббе и тотъ, кто былъ виною сдѣланной мнѣ обиды. Сознаюсь, что, дѣйствуя помимо непосредственнаго начальника, я нарушилъ служебный порядокъ. Совѣсть моя оправдывала меня тѣмъ, что если допущено поступить со мною такъ несправедливо, то почему же и мнѣ не воспользоваться случаемъ доказать передъ всѣми, что Государь доволенъ мною и что случившееся произошло помимо его воли и неизвѣстно ему.

Дня черезъ два я поѣхалъ къ Гильденштуббе для объясненій. На мою просьбу сообщить мнѣ причину почему я обойденъ, онъ же спросилъ меня:

— А увѣрены ли вы, что дѣйствительно были представлены?

— Полагаю, отвѣчалъ я, что вамъ это должно быть лучше извѣстно, чѣмъ мнѣ. У меня 64 ротныхъ командира, и если вы спросите, кто изъ нихъ былъ представленъ, я назову каждаго, у васъ же всего 6 начальниковъ дивизій и вы меня же спрашиваете представленъ ли я, когда три мѣсяца назадъ сообщали мнѣ, черезъ начальника штаба, что я удостоенъ представленія.

— Ну, такъ я долженъ вамъ сказать, что для меня совершенно непонятно, почему все это случилось; только могу васъ увѣрить, что я тутъ не причемъ.

Если бы у старика достало энергіи отстоять свое представленіе или, по крайней мѣрѣ, настоять, чтобы ему разъяснили, почему оно не уважено, то дѣло бы выяснилось. Я же не только хлопотать, но даже заявлять что-либо—не хотѣлъ. Это было бы мелочью, сравнительно съ тѣми благодарностями, которыя три раза, при всѣхъ, были мнѣ высказаны Его Величествомъ. Впослѣдствіи, при одной изъ поѣздокъ въ Петербургъ, я узналъ, что было приказано представленіе меня къ

наградѣ не включать въ число бумагъ, назначаемыхъ въ Москву.

По возвращеніи въ Тамбовъ, я вскорѣ получилъ письмо отъ брата изъ Чугуева, гдѣ происходили смотры войскъ харьковскаго округа. По пути къ Кременчугу Государь вспомнилъ о мнѣ; разговаривая съ братомъ, онъ сказалъ ему:

— Дивизія твоего брата доставила мнѣ истинное удовольствіе, она въ отличномъ состояніи. Особенно мнѣ понравился его отвѣтъ министру, что всякому генералу весьма важно знать характеръ и способности своего противника.

Значитъ, Государю былъ переданъ разговоръ съ барономъ Ливеномъ, происходившій передъ обѣдомъ у генералъ-губернатора.

Описывая кончавшійся лагерь, упомяну, что въ теченіи его Александровское военное училище, по наружному командованію, было подчинено мнѣ. Много въ то время ходило толковъ о духѣ и направленіи его воспитанниковъ. На это мнѣ указывалъ и командующій войсками, говоря, что молодежь этого училища и по наружности носитъ отпечатокъ, производящій непріятное впечатлѣніе.

Что эти толки имѣли основаніе, скоро пришлось убѣдиться фактами. Въ 1872 г. было выпущено въ дивизію 5 человѣкъ изъ этого училища. Не получая нѣсколько лѣтъ сряду ни одного офицера изъ военно-учебныхъ заведеній, командиры полковъ обрадовались; но радость ихъ была непродолжительна. Не прошло и двухъ лѣтъ, какъ четверо оставили военную службу, а затѣмъ подаетъ въ отставку и послѣдній. Видя въ немъ порядочно воспитаннаго и способнаго офицера, я написалъ полковому командиру, чтобы онъ склонилъ юношу не мѣнять карьеры. Что же отвѣчаетъ этотъ господинъ своему полковнику: „Я не вижу никакого разсчета продолжать службу, тѣмъ болѣе, что намъ учителя съ каѳедры говорили, что не стоитъ быть военнымъ, и что всякій, маломальски образованный человѣкъ, долженъ идти другою дорогою". Въ другомъ полку, въ концѣ 60-хъ годовъ, былъ такой примѣръ: объ отличномъ, бывшемъ при мнѣ цѣлое лѣто ординарцемъ офицерѣ, поступаетъ запросъ,—нѣтъ-ли препятствія къ переводу его въ жандармы? Я призываю его и спрашиваю, что заставляетъ его оставлять строй? Онъ откровенно

высказалъ, что скудность содержанія, не дозволяющая ему содержать при себѣ сестру, послѣ недавно умершей матери.

— Понимаю, сказалъ я, что для васъ, въ настоящее время, это крайне трудно, но потерпите; чѣмъ далѣе, тѣмъ будетъ легче. Неужели вы думаете, что всѣ мы начали службу иначе. Многіе точно также нуждались какъ и вы, но служили и, какъ видите дослужились до того званія, при которомъ правительство даетъ достаточныя средства жить безъ нужды, даже съ семействомъ.

— Позвольте сказать вамъ, ваше превосходительство, что вы начали службу въ то время, когда военное званіе было почетнѣйшимъ, когда передъ военнымъ мундиромъ отворялась всюду дверь и офицеръ, всегда и вездѣ, принимался съ вниманіемъ и ласкою. Теперь же всякій журналистъ, всякій газетчикъ безнаказанно глумится надъ офицерами, выдумываетъ и печатаетъ всякія небылицы на военное сословіе, лишь бы осмѣять его. Въ ваше время стоило терпѣть нужду въ виду будущаго...

Не думаю, чтобы кто-либо могъ возразить на эту, всѣмъ въ то время чувствованную, истину.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

1872—1874.

Тамбовскій дамскій комитетъ Общества Краснаго Креста.—Помощь самарцамъ и герцеговинцамъ.—Литературные вечера и спектакли.—Балы съ лоттереями.—Эпизодъ съ китайцемъ.—Оппозиція нововведеніямъ.—Поѣздка въ Петербургъ.—Опредѣленіе сыновей.—Въ Ярославлѣ и Тулѣ.—Пріѣздъ въ Тамбовъ министра. — Храбрый полиціймейстеръ. — Лагерь 1874 г.—Смотръ послѣ смотра.—Заступа за подчиненнаго.—Поѣздка въ Воронежъ.

Осенью 1872 г. мы случайно узнали, что въ Тамбовѣ существуетъ мѣстное управленіе общества Краснаго Креста, подъ предсѣдательствомъ губернатора; но кто его члены, гдѣ оно засѣдаетъ, какъ идутъ его дѣла,—все это было какъ бы тайною для публики и вообще для жителей города. Цѣль подобной скрытности объяснить было трудно, тѣмъ болѣе, что въ сочувствіи народонаселенія къ интересамъ общества сомнѣваться было грѣшно. Это потомъ выразилось весьма ощутительно. Нѣкоторыя изъ дамъ, слыша что во многихъ городахъ существуютъ дамскіе комитеты, печатающіе свои отчеты въ газетахъ, послѣ долгихъ усилій, успѣли склонить жену начальника губерніи разослать приглашенія собраться къ ней для выбора предсѣдательницы. Но и тутъ не обошлось безъ промаховъ. Пригласили только знакомыхъ, обойдя многихъ извѣстныхъ благотворительницъ и вліятельныхъ дамъ, чѣмъ надолго повредили дѣлу. Обойденныя долго игнорировали существованіе комитета, выбраннаго не всѣми, а только извѣстнымъ кружкомъ. Выборъ въ предсѣдательницы палъ на жену мою. Не прошло недѣли, какъ дамскій комитетъ имѣлъ больше членовъ, чѣмъ мѣстное управленіе. Это было не совсѣмъ пріятно тому, кто надѣялся, что комитетъ будетъ въ полномъ

ему подчинении, и собираемыя дамами пожертвованія и взносы поправятъ тощую кассу мѣстнаго управленія.

Послѣ долгой борьбы съ чиновничьимъ упрямствомъ, дамскому комитету удалось достигнуть возможности начать свою самостоятельную дѣятельность, принесшую, какъ будетъ выяснено, такъ много пользы обществу. По просьбѣ дамъ, я взялъ на себя обязанность дѣлопроизводителя ихъ комитета, въ чемъ, говоря откровенно, потомъ не разъ раскаявался. Если я имѣлъ терпѣніе 3 года добровольно оставаться въ этой должности, то только потому, что видѣлъ, какихъ результатовъ можно достигнуть при энергіи и сердечномъ отношеніи къ дѣлу. Быть дѣлопроизводителемъ въ комитетѣ, гдѣ засѣдаетъ 9 дамъ, дѣло вовсе не легкое. Привести 9 барынь къ соглашенію, прекратить ихъ споры и неидущія къ разсматриваемому вопросу разсужденія, гораздо труднѣе, чѣмъ справиться съ оркестромъ несыгравшихся музыкантовъ. Бывало скажешь: „Позвольте,—то, что вы изволите говорить, вовсе не касается вопроса".—А она на это:—„А, вамъ угодно, чтобы я молчала, слушаю-съ,—я буду молчать".—Стоило бывало двумъ или тремъ согласиться съ предложеніемъ предсѣдательницы, чтобы остальныя были противъ, единственно изъ желанія показать, что и онѣ что-либо значатъ. Самыми полезными оказались наименѣе говорящія, но, къ сожалѣнію ихъ было только двѣ.

Къ числу выдававшихся дѣйствій Тамбовскаго дамскаго комитета принадлежали: учрежденіе общины сестеръ милосердія, сборъ пожертвованій въ пользу герцеговинцевъ, помощь голодающимъ самарцамъ, и въ особенности—моршанскимъ погорѣльцамъ. Въ то время въ провинціи не имѣли еще яснаго понятія о томъ, что такое сестры милосердія. Кое-кто, конечно, читалъ о существованіи ихъ въ столицахъ, но масса была совершенно чужда ихъ дѣятельности. Поэтому мысль объ основаніи общины долго казалась странною, даже для интелигенціи, и надо было почти въ каждомъ домѣ объяснять ея цѣль и пользу. Въ самомъ комитетѣ долго спорили, нужны-ли сестры въ мирное время, будетъ ли война или не будетъ, какое опредѣлить сестрамъ содержаніе, кому завѣдывать ими и наконецъ договорились до того, что надо было объяснять, какая разница между сестрою милосердія и наемною сидѣлкою.

Одна изъ барынь подняла цѣлую бурю изъ-за того, что предсѣдательница помѣстила въ смѣту расходовъ по устройству общины стоимость сторъ и теплыхъ сапогъ. „Помилуйте — шумѣла эта госпожа, вы хотите изъ нихъ барышень сдѣлать, простыхъ дѣвокъ обращаете въ мамзелей; другая босою бѣгала, а тутъ мало ей башмаковъ, еще теплые сапоги заводите“.

Не смотря на всѣ препятствія, община основалась, окрѣпла и достигла своей цѣли. По ознакомленіи сестеръ съ ихъ обязанностями и по обученіи ихъ уходу за больными, чѣмъ безвозмездно занимался докторъ Ноговиковъ, служба сестеръ началась съ дежурствъ въ мѣстной земской больницѣ. Но и это не обходилось безъ непріятностей и сплетенъ. Изъ досады, что сестры заставляютъ сидѣлокъ исполнять свое дѣло, а надзирательницъ во время перемѣнять бѣлье, сполна отпускать пищу, требуя ея доброкачественности, — тѣ и другія всѣми силами старались вредить сестрамъ, выдумывали на нихъ разныя небылицы, и не проходило недѣли, чтобы предсѣдательница комитета не ѣздила въ больницу разбирать столкновенія. Но какъ приносимая сестрами польза была видима, то медицинскій персоналъ былъ на ихъ сторонѣ.

Процвѣтанію общины и вообще предпріятіямъ дамскаго комитета много содѣйствовалъ преосвященный Палладій I, епископъ тамбовскій и шацкій (нынѣ экзархъ Грузіи), по благословенію котораго она была основана. Съ чувствами глубокаго почитанія и благодарности вспоминается объ этомъ, рѣдкой души, святителѣ. Онъ представлялъ собою соединеніе строгой монашеской жизни, лично для себя и жизни общественной, для добра и пользы своей паствы. Сочувствуя учрежденію общины, онъ разрѣшилъ, чтобы по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, въ ея пользу, производился кружечный сборъ во всѣхъ церквахъ города; самъ привелъ выдержавшихъ годичное испытаніе сестеръ къ присягѣ, по нарочно составленному имъ на этотъ случай тексту, и своеручно возложилъ на нихъ кресты, самую же общину благословилъ образомъ. Слово, сказанное послѣ присяги священникомъ Хитровымъ, при всей своей краткости, было до того сильно, что многіе плакали, а когда одна изъ присягнувшихъ пошла потомъ съ кружкою, то народъ наперерывъ опускалъ въ нее свою лепту.

Пожертвованія въ пользу герцеговинцевъ и помощь, оказанная дамскимъ комитетомъ голодавшимъ самарцамъ, были вызваны распоряженіями главнаго управленія Общества, которое особымъ циркуляромъ призывало къ этому всѣ мѣстныя управленія и дамскіе комитеты. Въ Герцеговину была послана только вещественная помощь. Съ разрѣшенія преосвященнаго Палладія, дамскій комитетъ, чрезъ мѣстную консисторію, разослалъ отъ себя воззваніе ко всѣмъ жителямъ Тамбовской губерніи, о посильномъ пожертвованіи бѣльемъ, одеждою, непортящимися продуктами: чаемъ, сахаромъ, сухарями и проч. По прочтеніи воззванія въ приходахъ, со всѣхъ концовъ губерніи начали присылать въ комитетъ платки, рубахи, фуфайки и холсты: послѣдніе поступали въ такомъ количествѣ, что еженедѣльно отвозили на желѣзную дорогу по нѣсколько тюковъ съ этими предметами.

Въ пользу голодающихъ самарцевъ дамскимъ комитетомъ былъ устроенъ концертъ и литературный вечеръ, первый—въ дворянскомъ собраніи, второй—въ залѣ клуба. Успѣхи подобныхъ предпріятій всегда зависѣли отъ умѣнья предсѣдательницы и ея помощницъ привлечь къ сочувствію нѣсколькихъ лицъ, извѣстныхъ своими средствами, и раздать знакомымъ возможно больше билетовъ. Помню такой случай. Во время одного изъ спектаклей въ театрѣ, подходитъ къ ложѣ предсѣдательницы молодящійся старичекъ-помѣщикъ, А. П. Ивановъ, частенько бывавшій навеселѣ. Любитель поселадонничать, онъ началъ разсыпаться въ сожалѣніяхъ, что, по случаю отъѣзда въ Москву, не можетъ полюбоваться ея игрою въ слѣдующемъ благотворительномъ спектаклѣ. Предсѣдательница отвѣтила, что ей вдвойнѣ непріятенъ его отъѣздъ, потому что черезъ нѣсколько дней она устраиваетъ концертъ въ пользу самарцевъ, и бѣдные голодающіе лишатся той помощи, которую онъ навѣрное бы оказалъ имъ, взявъ нѣсколько билетовъ.

— Въ такомъ случаѣ позвольте, сударыня, и мнѣ быть вдвойнѣ полезнымъ,—говоритъ Ивановъ, подавая сторублевую бумажку.—Это плата за билеты, которые вамъ было бы угодно пожаловать мнѣ, а самые билеты вы можете продать кому угодно.

На одномъ изъ литературныхъ вечеровъ произошелъ ка-

начальникъ штаба не могъ не выразить удивленія сдѣланному со мною. „Я два раза, говорилъ онъ, сегодня ночью требовалъ къ себѣ адъютанта для справки, не произошло ли въ штабѣ ошибки съ представленіемъ наградныхъ списковъ, и не наша ли вина въ томъ, что вамъ не присланъ орденъ, но оказалось, что представленіе о васъ послано вмѣстѣ съ другими, такъ что я и понять не могу, что все это значитъ". Какъ мнѣ ни было тяжко, послѣ всѣхъ похвалъ и благодарностей, перенести случившееся, но я искалъ утѣшенія въ томъ, что Государь видимо доволенъ мною и, конечно, не могъ знать и помнить, подлежалъ ли я очередной наградѣ или еще не выслужилъ для этого опредѣленнаго срока.

Сряду послѣ развода, всѣ генералы и командиры частей собрались къ часу отъѣзда Государя, на курскомъ дебаркадерѣ. Случилось такъ, что Его Величество пріѣхалъ туда получасомъ ранѣе, чѣмъ было назначено, и во все оставшееся до отъѣзда время обходилъ присутствовавшихъ. Я, вмѣстѣ съ начальникомъ артиллеріи Леманомъ, стоялъ въ концѣ линіи съѣхавшихся. Государь приблизился къ намъ и, подавъ обоимъ руку, сказалъ:

— Еще разъ, на прощанье, спасибо вамъ обоимъ. Артиллеріей я чрезвычайно доволенъ: и на маневрахъ, и на стрѣльбѣ, она показалась именно такъ, какъ я желаю. Затѣмъ, обращаясь ко мнѣ: „Что касается твоей дивизіи, то я увѣренъ, что покуда она останется въ такихъ рукахъ, всегда будетъ радовать меня такъ-же, какъ теперь".

Эти слова настолько ободрили меня, что я осмѣлился отвѣтить:

— Если Ваше Величество такъ милостиво относитесь къ нашимъ трудамъ, то позвольте просить васъ о вспомоществованіи офицерамъ дивизіи. Они совершили сюда походъ въ 500 верстъ и имѣли счастіе впервые, во все ваше царствованіе, представиться вамъ. Въ ознаменованіе этого и вашихъ милостивыхъ отзывовъ, дерзаю просить о пожалованіи имъ третнаго не въ зачетъ жалованья.

Государь выслушалъ меня, куря папиросу; какъ теперь вижу, что по лицу его не промелькнуло и тѣни неудовольствія, а напротивъ—оставалась все время та же улыбка, съ которою онъ началъ говорить со мною и Леманомъ. Когда я кончилъ,

Его Величество громко подозвалъ къ себѣ министра и сказалъ ему, указывая на меня:

— Вотъ онъ проситъ о вспомоществованіи для своихъ офицеровъ; я ничего не имѣю противъ, напротивъ—очень радъ.

Какъ ни смѣло было съ моей стороны рѣшиться на подобный шагъ, но я думалъ: если меня обошли безъ всякаго повода, то пусть всѣ знаютъ это, и если Государь соизволилъ на испрашиваемое, то это послужитъ лучшею для меня наградою. Предоставляю читателю судить, какой эффектъ произвело все это и какими удивленными глазами смотрѣлъ на меня Гильденштуббе и тотъ, кто былъ виною сдѣланной мнѣ обиды. Сознаюсь, что, дѣйствуя помимо непосредственнаго начальника, я нарушилъ служебный порядокъ. Совѣсть моя оправдывала меня тѣмъ, что если допущено поступить со мною такъ несправедливо, то почему же и мнѣ не воспользоваться случаемъ доказать передъ всѣми, что Государь доволенъ мною и что случившееся произошло помимо его воли и неизвѣстно ему.

Дня черезъ два я поѣхалъ къ Гильденштуббе для объясненій. На мою просьбу сообщить мнѣ причину почему я обойденъ, онъ же спросилъ меня:

— А увѣрены ли вы, что дѣйствительно были представлены?

— Полагаю, отвѣчалъ я, что вамъ это должно быть лучше извѣстно, чѣмъ мнѣ. У меня 64 ротныхъ командира, и если вы спросите, кто изъ нихъ былъ представленъ, я назову каждаго, у васъ же всего 6 начальниковъ дивизій и вы меня же спрашиваете представленъ ли я, когда три мѣсяца назадъ сообщали мнѣ, черезъ начальника штаба, что я удостоенъ представленія.

— Ну, такъ я долженъ вамъ сказать, что для меня совершенно непонятно, почему все это случилось; только могу васъ увѣрить, что я тутъ не причемъ.

Если бы у старика достало энергіи отстоять свое представленіе или, по крайней мѣрѣ, настоять, чтобы ему разъяснили, почему оно не уважено, то дѣло бы выяснилось. Я же не только хлопотать, но даже заявлять что-либо—не хотѣлъ. Это было бы мелочью, сравнительно съ тѣми благодарностями, которыя три раза, при всѣхъ, были мнѣ высказаны Его Величествомъ. Впослѣдствіи, при одной изъ поѣздокъ въ Петербургъ, я узналъ, что было приказано представленіе меня къ

наградѣ не включать въ число бумагъ, назначаемыхъ въ Москву.

По возвращеніи въ Тамбовъ, я вскорѣ получилъ письмо отъ брата изъ Чугуева, гдѣ происходили смотры войскъ харьковскаго округа. По пути къ Кременчугу Государь вспомнилъ о мнѣ; разговаривая съ братомъ, онъ сказалъ ему:

— Дивизія твоего брата доставила мнѣ истинное удовольствіе, она въ отличномъ состояніи. Особенно мнѣ понравился его отвѣтъ министру, что всякому генералу весьма важно знать характеръ и способности своего противника.

Значитъ, Государю былъ переданъ разговоръ съ барономъ Ливеномъ, происходившій передъ обѣдомъ у генералъ-губернатора.

Описывая кончавшійся лагерь, упомяну, что въ теченіи его Александровское военное училище, по наружному командованію, было подчинено мнѣ. Много въ то время ходило толковъ о духѣ и направленіи его воспитанниковъ. На это мнѣ указывалъ и командующій войсками, говоря, что молодежь этого училища и по наружности носитъ отпечатокъ, производящій непріятное впечатлѣніе.

Что эти толки имѣли основаніе, скоро пришлось убѣдиться фактами. Въ 1872 г. было выпущено въ дивизію 5 человѣкъ изъ этого училища. Не получая нѣсколько лѣтъ сряду ни одного офицера изъ военно-учебныхъ заведеній, командиры полковъ обрадовались; но радость ихъ была непродолжительна. Не прошло и двухъ лѣтъ, какъ четверо оставили военную службу, а затѣмъ подаетъ въ отставку и послѣдній. Видя въ немъ порядочно воспитаннаго и способнаго офицера, я написалъ полковому командиру, чтобы онъ склонилъ юношу не мѣнять карьеры. Что же отвѣчаетъ этотъ господинъ своему полковнику: „Я не вижу никакого разсчета продолжать службу, тѣмъ болѣе, что намъ учителя съ каѳедры говорили, что не стоитъ быть военнымъ, и что всякій, маломальски образованный человѣкъ, долженъ идти другою дорогою“. Въ другомъ полку, въ концѣ 60-хъ годовъ, былъ такой примѣръ: объ отличномъ, бывшемъ при мнѣ цѣлое лѣто ординарцемъ офицерѣ, поступаетъ запросъ,—нѣтъ-ли препятствія къ переводу его въ жандармы? Я призываю его и спрашиваю, что заставляетъ его оставлять строй? Онъ откровенно

высказалъ, что скудность содержанія, не дозволяющая ему содержать при себѣ сестру, послѣ недавно умершей матери.

— Понимаю, сказалъ я, что для васъ, въ настоящее время, это крайне трудно, но потерпите; чѣмъ далѣе, тѣмъ будетъ легче. Неужели вы думаете, что всѣ мы начали службу иначе. Многіе точно также нуждались какъ и вы, но служили и, какъ видите дослужились до того званія, при которомъ правительство даетъ достаточныя средства жить безъ нужды, даже съ семействомъ.

— Позвольте сказать вамъ, ваше превосходительство, что вы начали службу въ то время, когда военное званіе было почетнѣйшимъ, когда передъ военнымъ мундиромъ отворялась всюду дверь и офицеръ, всегда и вездѣ, принимался съ вниманіемъ и ласкою. Теперь же всякій журналистъ, всякій газетчикъ безнаказанно глумится надъ офицерами, выдумываетъ и печатаетъ всякія небылицы на военное сословіе, лишь бы осмѣять его. Въ ваше время стоило терпѣть нужду въ виду будущаго...

Не думаю, чтобы кто-либо могъ возразить на эту, всѣмъ въ то время чувствованную, истину.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

1872—1874.

Тамбовскій дамскій комитетъ Общества Краснаго Креста.—Помощь самарцамъ и герцеговинцамъ.—Литературные вечера и спектакли.—Балы съ лоттереями.—Эпизодъ съ китайцемъ.—Оппозиція нововведеніямъ.—Поѣздка въ Петербургъ.—Опредѣленіе сыновей.—Въ Ярославлѣ и Тулѣ.—Пріѣздъ въ Тамбовъ министра.—Храбрый полиціймейстеръ.—Лагерь 1874 г.—Смотръ послѣ смотра.—Заступа за подчиненнаго.—Поѣздка въ Воронежъ.

Осенью 1872 г. мы случайно узнали, что въ Тамбовѣ существуетъ мѣстное управленіе общества Краснаго Креста, подъ предсѣдательствомъ губернатора; но кто его члены, гдѣ оно засѣдаетъ, какъ идутъ его дѣла,—все это было какъ бы тайною для публики и вообще для жителей города. Цѣль подобной скрытности объяснить было трудно, тѣмъ болѣе, что въ сочувствіи народонаселенія къ интересамъ общества сомнѣваться было грѣшно. Это потомъ выразилось весьма ощутительно. Нѣкоторыя изъ дамъ, слыша что во многихъ городахъ существуютъ дамскіе комитеты, печатающіе свои отчеты въ газетахъ, послѣ долгихъ усилій, успѣли склонить жену начальника губерніи разослать приглашенія собраться къ ней для выбора предсѣдательницы. Но и тутъ не обошлось безъ промаховъ. Пригласили только знакомыхъ, обойдя многихъ извѣстныхъ благотворительницъ и вліятельныхъ дамъ, чѣмъ надолго повредили дѣлу. Обойденныя долго игнорировали существованіе комитета, выбраннаго не всѣми, а только извѣстнымъ кружкомъ. Выборъ въ предсѣдательницы палъ на жену мою. Не прошло недѣли, какъ дамскій комитетъ имѣлъ больше членовъ, чѣмъ мѣстное управленіе. Это было не совсѣмъ пріятно тому, кто надѣялся, что комитетъ будетъ въ полномъ

ему подчиненіи, и собираемыя дамами пожертвованія и взносы поправятъ тощую кассу мѣстнаго управленія.

Послѣ долгой борьбы съ чиновничьимъ упрямствомъ, дамскому комитету удалось достигнуть возможности начать свою самостоятельную дѣятельность, принесшую, какъ будетъ выяснено, такъ много пользы обществу. По просьбѣ дамъ, я взялъ на себя обязанность дѣлопроизводителя ихъ комитета, въ чемъ, говоря откровенно, потомъ не разъ раскаявался. Если я имѣлъ терпѣніе 3 года добровольно оставаться въ этой должности, то только потому, что видѣлъ, какихъ результатовъ можно достигнуть при энергіи и сердечномъ отношеніи къ дѣлу. Быть дѣлопроизводителемъ въ комитетѣ, гдѣ засѣдаетъ 9 дамъ, дѣло вовсе не легкое. Привести 9 барынь къ соглашенію, прекратить ихъ споры и неидущія къ разсматриваемому вопросу разсужденія, гораздо труднѣе, чѣмъ справиться съ оркестромъ несыгравшихся музыкантовъ. Бывало скажешь: „Позвольте,—то, что вы изволите говорить, вовсе не касается вопроса“.—А она на это:—„А, вамъ угодно, чтобы я молчала, слушаю-съ,—я буду молчать“.—Стоило бывало двумъ или тремъ согласиться съ предложеніемъ предсѣдательницы, чтобы остальныя были противъ, единственно изъ желанія показать, что и онѣ что-либо значатъ. Самыми полезными оказались наименѣе говорящія, но, къ сожалѣнію ихъ было только двѣ.

Къ числу выдававшихся дѣйствій Тамбовскаго дамскаго комитета принадлежали: учрежденіе общины сестеръ милосердія, сборъ пожертвованій въ пользу герцеговинцевъ, помощь голодающимъ самарцамъ, и въ особенности—моршанскимъ погорѣльцамъ. Въ то время въ провинціи не имѣли еще яснаго понятія о томъ, что такое сестры милосердія. Кое-кто, конечно, читалъ о существованіи ихъ въ столицахъ, но масса была совершенно чужда ихъ дѣятельности. Поэтому мысль объ основаніи общины долго казалась странною, даже для интелигенціи, и надо было почти въ каждомъ домѣ объяснять ея цѣль и пользу. Въ самомъ комитетѣ долго спорили, нужны-ли сестры въ мирное время, будетъ ли война или не будетъ, какое опредѣлить сестрамъ содержаніе, кому завѣдывать ими и наконецъ договорились до того, что надо было объяснять, какая разница между сестрою милосердія и наемною сидѣлкою.

Одна изъ барынь подняла цѣлую бурю изъ-за того, что предсѣдательница помѣстила въ смѣту расходовъ по устройству общины стоимость сторъ и теплыхъ сапогъ. „Помилуйте — шумѣла эта госпожа, вы хотите изъ нихъ барышень сдѣлать, простыхъ дѣвокъ обращаете въ мамзелей; другая босою бѣгала, а тутъ мало ей башмаковъ, еще теплые сапоги заводите".

Не смотря на всѣ препятствія, община основалась, окрѣпла и достигла своей цѣли. По ознакомленіи сестеръ съ ихъ обязанностями и по обученіи ихъ уходу за больными, чѣмъ безвозмездно занимался докторъ Ноговиковъ, служба сестеръ началась съ дежурствъ въ мѣстной земской больницѣ. Но и это не обходилось безъ непріятностей и сплетенъ. Изъ досады, что сестры заставляютъ сидѣлокъ исполнять свое дѣло, а надзирательницъ во время перемѣнять бѣлье, сполна отпускать пищу, требуя ея доброкачественности, — тѣ и другія всѣми силами старались вредить сестрамъ, выдумывали на нихъ разныя небылицы, и не проходило недѣли, чтобы предсѣдательница комитета не ѣздила въ больницу разбирать столкновенія. Но какъ приносимая сестрами польза была видима, то медицинскій персоналъ былъ на ихъ сторонѣ.

Процвѣтанію общины и вообще предпріятіямъ дамскаго комитета много содѣйствовалъ преосвященный Палладій I, епископъ тамбовскій и шацкій (нынѣ экзархъ Грузіи), по благословенію котораго она была основана. Съ чувствами глубокаго почитанія и благодарности вспоминается объ этомъ, рѣдкой души, святителѣ. Онъ представлялъ собою соединеніе строгой монашеской жизни, лично для себя и жизни общественной, для добра и пользы своей паствы. Сочувствуя учрежденію общины, онъ разрѣшилъ, чтобы по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, въ ея пользу, производился кружечный сборъ во всѣхъ церквахъ города; самъ привелъ выдержавшихъ годичное испытаніе сестеръ къ присягѣ, по нарочно составленному имъ на этотъ случай тексту, и своеручно возложилъ на нихъ кресты, самую же общину благословилъ образомъ. Слово, сказанное послѣ присяги священникомъ Хитровымъ, при всей своей краткости, было до того сильно, что многіе плакали, а когда одна изъ присягнувшихъ пошла потомъ съ кружкою, то народъ наперерывъ опускалъ въ нее свою лепту.

Пожертвованія въ пользу герцеговинцевъ и помощь, оказанная дамскимъ комитетомъ голодавшимъ самарцамъ, были вызваны распоряженіями главнаго управленія Общества, которое особымъ циркуляромъ призывало къ этому всѣ мѣстныя управленія и дамскіе комитеты. Въ Герцеговину была послана только вещественная помощь. Съ разрѣшенія преосвященнаго Палладія, дамскій комитетъ, чрезъ мѣстную консисторію, разослалъ отъ себя воззваніе ко всѣмъ жителямъ Тамбовской губерніи, о посильномъ пожертвованіи бѣльемъ, одеждою, непортящимися продуктами: чаемъ, сахаромъ, сухарями и проч. По прочтеніи воззванія въ приходахъ, со всѣхъ концовъ губерніи начали присылать въ комитетъ платки, рубахи, фуфайки и холсты: послѣдніе поступали въ такомъ количествѣ, что еженедѣльно отвозили на желѣзную дорогу по нѣсколько тюковъ съ этими предметами.

Въ пользу голодающихъ самарцевъ дамскимъ комитетомъ былъ устроенъ концертъ и литературный вечеръ, первый—въ дворянскомъ собраніи, второй—въ залѣ клуба. Успѣхи подобныхъ предпріятій всегда зависѣли отъ умѣнья предсѣдательницы и ея помощницъ привлечь къ сочувствію нѣсколькихъ лицъ, извѣстныхъ своими средствами, и раздать знакомымъ возможно больше билетовъ. Помню такой случай. Во время одного изъ спектаклей въ театрѣ, подходитъ къ ложѣ предсѣдательницы молодящійся старичекъ-помѣщикъ, А. П. Ивановъ, частенько бывавшій навеселѣ. Любитель поселадонничать, онъ началъ разсыпаться въ сожалѣніяхъ, что, по случаю отъѣзда въ Москву, не можетъ полюбоваться ея игрою въ слѣдующемъ благотворительномъ спектаклѣ. Предсѣдательница отвѣтила, что ей вдвойнѣ непріятенъ его отъѣздъ, потому что черезъ нѣсколько дней она устраиваетъ концертъ въ пользу самарцевъ, и бѣдные голодающіе лишатся той помощи, которую онъ навѣрное бы оказалъ имъ, взявъ нѣсколько билетовъ.

— Въ такомъ случаѣ позвольте, сударыня, и мнѣ быть вдвойнѣ полезнымъ,—говоритъ Ивановъ, подавая сторублевую бумажку.—Это плата за билеты, которые вамъ было бы угодно пожаловать мнѣ, а самые билеты вы можете продать кому угодно.

На одномъ изъ литературныхъ вечеровъ произошелъ ка-

зусъ, характеризующій отношенія представителя мѣстной власти къ дѣлу благотворительности вообще и къ дамскому комитету въ особенности. Лучшій изъ чтецовъ выбралъ для себя стихи, лѣтъ пять назадъ напечатанные въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, и безчисленное число разъ читанные въ различныхъ городахъ Россіи. Глава администраціи вычеркнулъ эти стихи изъ проекта афиши. Замѣнить ихъ другими читающій не хотѣлъ, а пополнить чѣмъ-либо инымъ уже не было времени. Тогда распорядитель вечера, тѣмъ же самымъ стихамъ далъ другое названіе, они были прочтены, и строгій цензоръ любительскихъ афишъ сильно аплодировалъ тому, что считалъ неудобнымъ для прочтенія. Желая подразнить его, одна изъ дамъ комитета спрашиваетъ его въ антрактѣ:

— Какъ же вамъ, ваше превосходительство, понравились стихи, которые читалъ такой-то?

— Очень, очень хороши; прекрасно были подобраны для цѣли вечера, да и прочитаны превосходно,—отвѣчаетъ онъ.

— И неправда-ли, что въ нихъ нѣтъ ничего противоцензурнаго?

— Рѣшительно ничего.

— А вѣдь это тѣ самые стихи, которые вы вычеркнули изъ афиши.

Юпитеръ воспылалъ гнѣвомъ и, для поддержанія собственнаго достоинства, не придумалъ ничего лучшаго, какъ приказать полиціи составить протоколъ и принести на распорядителя жалобу мировому судьѣ. Претензія его была удовлетворена за весьма сходную цѣну: судья приговорилъ распорядителя къ рублевому штрафу. Фактъ нѣсколько школьническій, но что же было дѣлать съ тѣмъ, кто выводилъ изъ терпѣнія своими придирками.

Участіе, принятое дамскимъ комитетомъ въ помощи моршанскимъ погорѣльцамъ, войдетъ въ описаніе этого страшнаго пожара, когда до него дойдетъ очередь.

Денежныя суммы комитета росли съ каждымъ годомъ и были гораздо болѣе суммъ мѣстнаго управленія, которое не несло никакихъ расходовъ, тогда какъ комитетъ содержалъ общину сестеръ милосердія, ссужалъ бѣдныхъ, посылалъ вспомоществованія погорѣльцамъ. Изъ всѣхъ предпріятій комитета, первое мѣсто, по количеству дохода, занимали балы

съ лотереею-аллегри, даваемые ежегодно, въ первыхъ числахъ декабря, во время дворянскихъ и земскихъ выборовъ. Предварительная работа комитета по этому поводу обыкновенно начиналась въ половинѣ сентября, съ того, что предсѣдательница отправляла письма секретарю Государыни Императрицы и старшимъ фрейлинамъ великихъ княгинь, прося ихъ доложить о цѣли устраиваемой лотереи и оказать ей вниманіе присылкою вещей. Въ томъ же родѣ писалось извѣстнымъ банкирамъ и концессіонерамъ желѣзныхъ дорогъ, предводителямъ дворянства всѣхъ уѣздовъ губерніи, архіерею и многимъ изъ помѣщиковъ. Затѣмъ члены комитета распредѣляли между собою всѣ лучшіе магазины и лавки Тамбова и лично обращались къ ихъ владѣльцамъ, съ просьбою пожертвовать для лотереи вещицы изъ своего товара.

Такимъ образомъ получалось до трехъ-сотъ болѣе или менѣе цѣнныхъ вещей, между которыми первенство принадлежало конечно присланнымъ лицами Императорской Фамиліи; но и нѣкоторыя изъ частныхъ лицъ жертвовали предметы, служившіе приманкою.

За нѣсколько дней до бала, вещи выставлялись въ квартирѣ предсѣдательницы, гдѣ члены комитета сами ихъ нумеровали, составляли описи, лично всыпали билеты въ колесо и запечатывали его. Наканунѣ лотереи все переносилось въ малую залу дворянскаго собранія, смежную съ танцовальною. Послѣдняя украшалась флагами и щитами, съ эмблемами и атрибутами общества попеченія о раненыхъ. Двѣ дамы, изъ числа членовъ комитета, во все время розыгрыша находились возлѣ колеса, а двѣ другія—при пирамидахъ и столахъ съ разложенными вещами, имѣя каждая по два ассистента изъ офицеровъ. Благодаря цѣнности выигрышей, а отчасти и сочувствію публики, обыкновенно колесо быстро пустѣло, такъ что часу во 2-мъ ночи не оставалось ни одного билета. Несмотря на незначительную плату за билетъ, выручка отъ лоттереи всегда раза на 4 и болѣе превышала сдѣланные на нее и на балъ расходы; въ среднемъ она доставляла ежегодно отъ 1,200 до 1,800 р. чистой прибыли.

Въ одну изъ подобныхъ лоттерей произошелъ слѣдующій случай.

Главнымъ выигрышемъ шелъ № 100. Подъ нимъ значилась

полутора-аршинная фарфоровая фигура сидящаго на подушкѣ китайца, съ качающеюся головою, присланная великою княгиніею Маріею Николаевною. Много денегъ доставилъ этотъ китаецъ. Одинъ изъ проѣзжихъ ремонтеровъ взялъ до двухъсотъ билетовъ, чтобы выиграть его, но не добился. Но вотъ подходитъ къ выставкѣ одна изъ примировавшихъ въ Тамбовѣ молодыхъ дамъ, подъ руку съ пріѣхавшимъ изъ дальняго уѣзда молодымъ человѣкомъ, имѣвшимъ видъ тѣхъ фатящихъ юношей, которые являются задавать шикъ.

— Однако какія у васъ хорошенькія вещицы на лотереѣ — обращается онъ, на французскомъ языкѣ, къ случившейся тутъ же предсѣдательницѣ и хозяйкѣ бала.

— Не хотите-ли попробовать счастья?—спрашиваетъ она.

— Какъ вамъ сказать,—отвиливаетъ онъ;—во-первыхъ, я несчастливъ вообще, а во-вторыхъ—на всѣхъ подобныхъ затѣяхъ лучшія вещи не попадаютъ въ колесо; вотъ и вашъ китаецъ по всей вѣроятности будетъ сидѣть до слѣдующей лотереи.

— Вы вѣроятно, забываете, что говорите съ хозяйкой бала, устраивающею эту лотерею! Кто вамъ далъ право дѣлать подобные выводы?—возразила предсѣдательница.

Бывшая съ франтикомъ дама отошла отъ него, а онъ забормоталъ:

— Mais pardon, madame... я право не думалъ... я... я...

— Если вы сомнѣваетесь—продолжала предсѣдательница, что сотаго нумера нѣтъ въ колесѣ, то можете стоять возлѣ него, покуда китаецъ не будетъ выигранъ. Затѣмъ, обратясь къ бывшему у колеса ассистенту, прибавила: потрудитесь сказать мнѣ, когда сотый нумеръ будетъ взятъ и кѣмъ именно.

Въ это время франтикъ успѣлъ нырнуть въ толпу, но имѣлъ неосторожность остаться ужинать.

Между тѣмъ лотерея продолжалась; въ колесѣ оставалось уже немного билетовъ, а сотый номеръ все еще не выходилъ. Предсѣдательница и члены комитета начинали безпокоиться. Наконецъ всѣ билеты были проданы, а китаецъ сидитъ себѣ да помахиваетъ головою, какъ-будто подтверждая, что его въ колесѣ дѣйствительно не было. Это окончательно взволновало хозяйку, хотя волноваться было напрасно, потому что многіе, взявъ билеты по порученію знакомыхъ, не ѣдущихъ на балъ,

передають ихъ не развертывая, другіе же предоставляютъ это удовольствіе тѣмъ изъ своихъ дѣтей, на счастье которыхъ берутъ билеты, зная что выигрышъ можно получить и завтра. Сѣли за ужинъ. Въ срединѣ его одинъ изъ офицеровъ подводитъ къ предсѣдательницѣ чиновника Густова, объявляя что онъ предъявилъ сотый билетъ, чтобы получить китайца. Тогда она проситъ Густова дать ей руку и идетъ съ нимъ между столами. За однимъ изъ нихъ, въ обществѣ господъ интриговавшихъ противъ комитета, она находитъ франта, выразившаго сомнѣніе къ дѣйствіямъ распорядительницъ лотереи.

— Потрудитесь — говоритъ она выигравшему китайца, показать вашъ номеръ вотъ этому господину, такъ какъ онъ имѣлъ смѣлость сомнѣваться, что сотый билетъ въ колесѣ.

Сконфуженный франтъ привстаетъ, говоря заикаясь... mais je... mais... moi... madame...

— Оставьте ваше je и mais при себѣ и будьте впередъ осторожнѣе, заключила предсѣдательница.

Когда спросили Густова, почему онъ не предъявилъ своего билета ранѣе, то онъ разсказалъ, что жена его, взявъ нѣсколько билетовъ, и держа ихъ на ладони, пробиралась между танцующими къ знакомой дамѣ, чтобы при ней развернуть ихъ. Кто-то изъ вальсирующихъ подтолкнулъ ее подъ руку, билеты подскочили и разсыпались по полу. Изъ числа подобранныхъ одинъ что-то выигралъ. Получивъ вещь, супруги Густовы черезъ полчаса уѣхали домой, и тамъ, когда, жена раздѣваясь, растегнула корсажъ, изъ подъ него выпалъ неразвернутый лотерейный билетъ. Увидя, что это сотый номеръ и помня, что онъ принадлежитъ китайцу, г-жа Густова упросила мужа возвратиться въ собраніе и немедленно взять выигрышъ. Такимъ образомъ, прежде чѣмъ разсѣять сомнѣнія неосторожнаго критика лотереи, надѣлавшій такую кутерьму китаецъ, заочно, провелъ часа два за дамскимъ корсажемъ.

Въ слѣдующемъ 1873 г. общаго лагернаго сбора дивизія не имѣла. Два же полка, именно Ряжскій и Белевскій, были назначены для содержанія карауловъ, первый—въ Ярославлѣ, второй—въ Тулѣ. Четвертый полкъ оставался для той же цѣли въ Рязани, а затѣмъ въ Тамбовскомъ лагерѣ стоялъ телько Рязанскій полкъ. Это дало мнѣ возможность пользоваться въ теченіи лѣта нѣкоторою свободою и провести съ семьею недѣли

четыре на дачѣ, возлѣ первой отъ Тамбова желѣзнодорожной станціи, въ имѣніи Сабуровыхъ, Александровкѣ. Въ то время два моихъ сына усиленно приготовлялись къ поступленію въ Пажескій корпусъ, кандидатами котораго они были уже 5-й годъ. Два года сряду я надѣялся, что они будутъ приняты, но всякій разъ получалъ увѣдомленіе, что до нихъ не дошла очередь. Странно было только то, что первый разъ мнѣ писали, будто они состоятъ 28 и 29 кандидатами, а черезъ годъ увѣдомили, что сдѣлались почему-то 40 и 41. Видя, что при такомъ непонятномъ отдаленіи отъ очереди, а не приближеніи къ ней, мальчики никогда не достигнутъ пріема, я написалъ письмо къ главному начальнику военно-учебныхъ заведеній, прося его войти въ положеніе человѣка, послѣ 30 лѣтъ службы, неимѣющаго надежды, чтобы сыновья его, зачисленные въ пажи, поступили когда-либо въ комплектъ корпуса. На это послѣдовалъ отвѣтъ, чтобы я привезъ дѣтей къ 10-му августа въ пансіонъ, существовавшій тогда при Николаевскомъ кавалерійскомъ училищѣ, куда они, по выдержаніи экзамена, будутъ приняты на пажескія вакансіи, съ правомъ быть потомъ переведенными въ корпусъ. Я такъ и сдѣлалъ; и не смотря на то, что одному было всего 11 лѣтъ, а другому 13, оба такъ хорошо выдержали экзаменъ, что ихъ помѣстили въ 4-й классъ. Дня черезъ 4 послѣ этого, встрѣчаю я въ знакомомъ домѣ одного изъ самыхъ важныхъ лицъ главнаго управленія военно-учебныхъ заведеній, завѣдывавшаго кандидатскими списками и опредѣленіями въ корпуса. Мы были старыми знакомыми и когда-то однополчанами. Но въ Петербургѣ старыя связи не долговѣчны, особенно въ глазахъ попадающихъ на высокія должности.

— Какого это вы привезли въ намъ феномена, спрашиваетъ онъ меня, что въ 11 лѣтъ выдерживаетъ экзаменъ въ 4-й классъ?

— Не феномена, говорю я, а того самаго мальчика, о которомъ два раза просилъ васъ, и вы два года подрядъ отказывали.

— Что же мнѣ было дѣлать, когда онъ не попадалъ въ очередь?

— Да онъ никогда и не могъ бы попасть, хотя бы ждалъ 20 лѣтъ, потому что первый разъ вы писали мнѣ, что онъ 29 кандидатъ, а черезъ годъ сдѣлался 41-мъ. Кто же мнѣ ру-

чается, что на третій годъ онъ не сдѣлался бы 60-мъ, а потомъ сотымъ?

— Могло и это случиться, потому что мы часто получаемъ приказаніе свыше—принять того или другаго не въ очередь, или перечислить въ экстренные кандидаты, которые становятся тогда старше.

Продолжать разговоръ, разъ что вводятъ въ него слово *свыше*, я считалъ безполезнымъ, зная, что это любимая манера господъ желающихъ отдѣлаться. Они очень хорошо знаютъ, что никто не можетъ справляться о томъ, что приказывается *свыше*, а потому и сваливаютъ на подобное приказаніе, что хотятъ.

Вѣроятно, прекращеніе мною разговора было понято, потому что при прощаніи, тотъ же, ссылающійся на *свыше*, говоритъ мнѣ.

— А вы желали бы, чтобы ваши сыновья были теперь же переведены въ корпусъ?

— Странный вопросъ, отвѣчалъ я,—какъ же мнѣ не желать этого? Для мальчиковъ большая разница, попасть ли прямо въ заведеніе, гдѣ имъ предстоитъ окончить образованіе, или перейти въ него, когда на нихъ будутъ смотрѣть какъ на чужихъ, гдѣ они никого и ихъ никто не знаетъ.

— Въ такомъ случаѣ это можно сдѣлать. Я знаю, что одного изъ вызванныхъ къ поступленію не представили къ экзамену, значитъ одна вакансія есть, а другую мы какъ-нибудь найдемъ. Привозите сыновей послѣ завтра въ корпусъ, а я сегодня же напишу директору, чтобы ихъ приняли.

Я поблагодарилъ, думая про себя: не есть ли это доказательство, что когда захотятъ—все сдѣлаютъ, все возможно, а не захотятъ—всегда найдутъ чѣмъ отговориться или отписаться.

Черезъ два дня я сдалъ мальчиковъ въ корпусъ и въ тотъ же вечеръ поспѣшилъ уѣхать изъ Петербурга, гдѣ безпрестанно натыкаешься на непостижимыя перемѣны въ людяхъ. Съ инымъ былъ вмѣстѣ въ корпусѣ, съ другимъ служилъ въ полку, третьяго встрѣчалъ въ обществѣ милымъ, скромнымъ и обязательнымъ; затѣмъ проходитъ лѣтъ 15—20, пріѣзжаешь изъ провинціи и никого не узнаешь, особенно тѣхъ, кого судьба вознесла во вліятельные. Одинъ, съ тономъ протектора, едва

протягиваетъ два пальца, другой проходитъ мимо, притворяясь, что онъ не узнаетъ, или не видитъ васъ, а третій на вашу просьбу отвѣчаетъ: „Извините, я занятъ, приходите въ другой разъ". Въ какія-нибудь 15 лѣтъ измѣнились люди, измѣнились вкусы, измѣнились обычаи. Кто отдавалъ честь—тотъ толкается, кто былъ вѣжливъ—тотъ задираетъ носъ, а всѣ вмѣстѣ прикидываются либералами, браня и рубя сплеча все прежнее.

Чтобы осмотрѣть полки, занимавшіе въ теченіи лѣта караули въ губернскихъ городахъ, мнѣ пришлось съѣздить въ Ярославль и въ Тулу. Тогда мнѣ довелось быть впервые въ этихъ городахъ и они произвели на меня совершенно различное впечатлѣніе. Было ли тому причиною лѣтнее время, когда помѣщики разъѣзжаются по деревнямъ, или уже такъ измѣнилась жизнь въ провинціи, но Ярославль казался какимъ-то мертвымъ городомъ. Даже на городскомъ бульварѣ и на набережной Волги, несмотря на прекрасный видъ другаго берега, было пусто. Только высокія ограды монастырей и древніе храмы стояли нѣмыми памятниками старины. Губернаторъ былъ тоже въ отъѣздѣ. Изъ полученнаго потомъ отъ него письма, я узналъ, что онъ сожалѣлъ, что не могъ лично засвидѣтельствовать мнѣ, о примѣрномъ поведеніи нижнихъ чиновъ Ряжскаго полка и потому письменно просилъ выразить полку благодарность жителей Ярославля, за то спокойствіе, которое они испытывали во время лѣтней стоянки ряжцевъ въ ихъ городѣ.

Тула показалась совершенно иною. Постоянное движеніе къ желѣзной дорогѣ и дѣятельность на знаменитомъ оружейномъ заводѣ давали городу сильное оживленіе. Лагерь Бѣлевскаго полка былъ прекрасно расположенъ и устроенъ. Его офицеры успѣли сойтись съ мѣстнымъ обществомъ, были вездѣ радушно принимаемы. Данный ими при мнѣ вечеръ, въ офицерской столовой, былъ весьма многолюденъ и оживленъ. Управляющимъ заводомъ былъ тогда генералъ Нотбекъ, доставившій мнѣ возможность видѣть все оружейное производство въ полномъ ходу.

На обратномъ пути изъ Тулы, я остановился на нѣсколько дней въ Москвѣ, гдѣ въ то время происходили Высочайшіе смотры и маневры. Хотя я и былъ при этомъ постороннимъ зрителемъ, но меня не миновалъ фактъ, вновь подтверждаю-

щій какъ важно, когда старшій начальникъ ставитъ подчиненнаго въ весьма неловкое положеніе. По окончаніи маневра, уже садясь въ коляску, Государь, замѣтивъ меня стоящимъ возлѣ Гильденштуббе, изволилъ обратиться ко мнѣ съ словами:

— Ну, а что твои полки? Надѣюсь, что такіе же, какими я видѣлъ ихъ въ прошлое лѣто.

— Быть, самому себѣ судьею своего дѣла трудно—отвѣчалъ я; командующій войсками смотрѣлъ два полка, остававшіеся въ Рязани и Тамбовѣ.

— Вы смотрѣли ихъ? спрашиваетъ Государь, смотря на Гильденштуббе.

Тотъ, приложивъ руку въ каскѣ, низко кланяется... и больше ни слова.

Меня такъ и передернуло. Молчаніе могло быть принято за то, что было уже такъ плохо, что и говорить не стоитъ.

Вообще, покойный А. И. Гильденштуббе часто заставлялъ не понимать себя. Служа съ нимъ 5 лѣтъ, какъ съ полковымъ командиромъ и 8 лѣтъ—какъ съ командующимъ войсками, я-ли не могъ изучить его, а между тѣмъ онъ часто заставлялъ меня задавать себѣ вопросъ: Какихъ же онъ убѣжденій и взглядовъ? Сегодня онъ представитель прежнихъ порядковъ, поклонникъ стараго режима, а завтра поборникъ новыхъ вѣяній и реформаторъ. Говоря съ нимъ глазъ на глазъ, бывало не знаешь какъ отвѣчать ему, и чего онъ желаетъ? Однажды онъ спрашиваетъ, какого я мнѣнія о распоряженіи завести при полковыхъ штабахъ домашнія дисциплинарныя команды,—распоряженіи крайне не практичномъ, чтобы не сказать болѣе. Разговоръ происходилъ при начальникѣ штаба. Я смотрю на послѣдняго и отвѣчаю неопредѣленно, лишь бы отдѣлаться отъ вопроса. Старикъ слушаетъ улыбаясь и затѣмъ говоритъ:

— Посмотрите,—онъ, кажется, воображаетъ, что это мы выдумали эти команды.

Ясно, что онъ сознавалъ весь вредъ сведенія въ одно мѣсто всѣхъ негодяевъ полка, всю невозможность не только исправить ихъ, разъ что они вмѣстѣ, но и усмотрѣть за ними; но все-таки требовалъ, чтобы подобное распоряженіе было исполнено. Между тѣмъ, по своей опытности, по своему положенію

и званію, могъ бы отстранить его, и тѣмъ принести несомнѣнную пользу войскамъ и службѣ.

Съ наступленіемъ 1873 года начали появляться въ печати публичныя заявленія опасеній, на счетъ послѣдствій нѣкоторыхъ изъ преобразованій, совершенныхъ въ военномъ вѣдомствѣ въ предшествовавшее десятилѣтіе. Опасенія эти были болѣе или менѣе раздѣляемы людьми компетентными, опытными и занимавшими видныя должности въ военной администраціи. „На дняхъ я прочелъ—писалъ мнѣ одинъ изъ нихъ—приказъ о введеніи окружной системы и объ упраздненіи корпусовъ. Послѣднее большая ошибка. Не знаю какъ пойдетъ теперь хозяйственная часть войскъ, но строевому его образованію я внутренно пропѣлъ вѣчную память“. Газета „Русскій Міръ“ въ каждомъ своемъ номерѣ касалась какого нибудь нововведенія, резюмировала его и доказывала, что многимъ изъ упраздняемаго слѣдовало-бы дорожить. Направленіе этой газеты было исключительное. Она была единственною, рѣшившеюся смѣло говорить о военныхъ преобразованіяхъ и ихъ послѣдствіяхъ. Частенько приходилось удивляться храбрости ея сотрудниковъ, видимо стоявшихъ близко къ тѣмъ вопросамъ, о которыхъ они трактовали. Впрочемъ слово „преобразованіе“ не вполнѣ подходитъ къ тому, противъ чего ратовалъ „Русскій Міръ“ и что, хотя и робко, но все-таки осуждалось въ строевой средѣ. Тамъ не столько сѣтовали на новое, сколько скорбѣли о хорошемъ старомъ. И какъ было не скорбѣть, видя что строевымъ элементомъ жертвуютъ бюрократизму. Многіе осуждали и то, что представители строевой среды, т. е. старшіе фронтовые начальники, извѣстные своими знаніями и опытностію и завѣдомо несочувствовавшіе многому изъ вводимаго, молча переносили ломку прежняго и не возражали противъ того, что не обѣщало никакой пользы, тогда какъ спрашивали ихъ мнѣній и заключеній. „Затѣмъ я стану возражать—писалъ мнѣ одинъ изъ таковыхъ,—когда убѣжденъ, что сдѣлается такъ, какъ имъ хочется и возраженіями только навлеку на себя гоненіе, а пользу не принесу“. Многіе изъ заслуженныхъ личностей того времени, видя какъ иное измѣненіе прежняго тревожило и волновало людей желавшихъ пользы, совѣтывали имъ не принимать всего близко къ сердцу. Это легко было совѣтовать, но исполнять трудно. Надо быть слиш-

комъ гибкимъ и слишкомъ владѣющимъ собою, чтобы равнодушно относиться къ тому, что идетъ въ разрѣзъ съ убѣжденіями, укоренившимися съ молодыхъ лѣтъ. Вотъ почему тѣ изъ нововведеній, которыя, не внося ничего существеннаго, дѣлались только ради ломки прежняго, задѣвали за живое и казались болѣе вредными, чѣмъ были на самомъ дѣлѣ. Это-то и порождало невольное осужденіе совершившагося и винить за это естественное побужденіе не слѣдовало, а между тѣмъ многіе потерпѣли за него, тогда какъ дѣлали это изъ любви къ службѣ и изъ преданности долгу.

Въ мартѣ мѣсяцѣ описываемаго года, я ѣздилъ въ Петербургъ хлопотать тамъ о перемѣщеніи одного изъ полковыхъ штабовъ изъ захолустья въ городъ, находящійся на желѣзной дорогѣ, гдѣ, за упраздненіемъ резервныхъ баталіоновъ, оставались свободныя казармы. Я засталъ въ военномъ обществѣ столицы большое оживленіе. Все толковали о какихъ-то совѣщаніяхъ и спорили чье возьметъ. Оказалось, что въ то время находились въ Петербургѣ всѣ командующіе войсками въ округахъ, созванные для обсужденія записки противъ окружной системы, поданной фельдмаршаломъ княземъ Барятинскимъ. Совѣщанія эти были секретными, но все-таки многое изъ того, что происходило на нихъ, дѣлалось извѣстнымъ. Въ какой мѣрѣ ходъ борьбы интересовалъ тогда военное общество и какъ боялись за ея исходъ тѣ, которые на побѣдѣ новаторовъ основывали свои карьеры, можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра. Когда я заявилъ мою просьбу о переводѣ полка изъ Лебедяни въ Козловъ, то лицо, которое вѣдало подобныя дѣла, сказало мнѣ: „Ахъ, оставьте пожалуйста! развѣ вы не знаете какіе теперь рѣшаются вопросы? У насъ голова кругомъ, а вы пристаете съ какимъ-то полковымъ штабомъ“.

— Вольно же вамъ имѣть такую голову, которая кругомъ ходитъ, — отвѣчалъ я, и обратился къ начальнику болѣе авторитетному, который и рѣшилъ вопросъ по моему желанію.

Близко знавшіе происходившее говорили мнѣ потомъ, что одно время шансы сторонниковъ окружной системы и связанныхъ съ нею преобразованій были очень слабы, и если-бы не опасенія, что съ перемѣною системы придется снова все пере-

дѣлывать, то очень можетъ быть, что она не устояла-бы. Въ подобной борьбѣ, какъ и всегда при столкновеніи партій, многіе явно обнаружили свою двуличность. Все это съ различными добавленіями и комментаріями передавалось въ общественные кружки города, дѣлалось злобою дня, и, какъ всякая неизвѣстность о томъ что будетъ, сильно волновало военныхъ. Но все кончилось тѣмъ, что въ виду наступленія Пасхи и ожидаемаго вслѣдъ за нею пріѣзда императора германскаго, совѣщанія вскорѣ были прекращены.

Ради пріѣзда маститаго гостя, въ Петербургъ были приведены всѣ три полка, которыхъ онъ былъ шефомъ, въ томъ числѣ и Прусскій полкъ, сданный мною 8 лѣтъ назадъ. Мнѣ было крайне жаль, что весеннія занятія и приготовленія къ лагерю лишили меня возможности быть въ это время въ Петербургѣ, чтобы поблагодарить императора за рескриптъ, присланный мнѣ по сдачѣ полка, за 5-лѣтнее имъ командованіе.

Къ числу характеризующихъ провинціальную жизнь явленій слѣдуетъ отнести пріѣздъ, весною 1874 года, въ Тамбовъ министра внутреннихъ дѣлъ. Приготовленія къ этому событію начались за нѣсколько недѣль: чинили мостовыя, красили казенныя зданія, обмундировали полицію и конечно суетился больше всѣхъ полиціймейстеръ Аданъ, собиравшій и сообщавшій свѣдѣнія о томъ, какія у министра привычки, гдѣ и какъ встрѣчали и провожали его. Мѣстной администраціи хотѣлось, чтобы военные чины приняли участіе въ фетированіи многозначущаго для нея гостя, а между тѣмъ ея представитель, не желая показывать, что онъ лично озабоченъ предстоящею ревизіею и придаетъ ей значеніе, подсылалъ Адана узнавать, не думаю-ли я поставить почетный караулъ, буду-ли представлять военныхъ чиновъ, не выѣду-ли на встрѣчу министру по желѣзной дорогѣ и т. п. На всѣ эти, какъ-бы стороною задаваемые вопросы, я отвѣчалъ, что мы имѣемъ опредѣленныя правила кому какія дѣлать встрѣчи и потому будетъ сдѣлано только то, что указано въ уставѣ.

Узнавъ въ которомъ часу состоится пріѣздъ, я приказалъ прибыть къ тому времени, въ губернаторскую квартиру, начальнику штаба и командиру квартировавшаго въ городѣ полка. Министръ вошелъ въ сопровожденіи губернатора, его лю-

бимаго чиновника особыхъ порученій и полиціймейстера. Увидя меня, онъ сказалъ, что радъ возобновить давнишнее знакомство, спросилъ довольны-ли войска мѣстными властями и удобно-ли расположены онѣ? Зная, что чтобы ни было сказано мною, все останется по старому и только возбудитъ безплодную переписку, я отвѣчалъ, что мы народъ покладливый и особыхъ претензій не имѣемъ, а что касается помѣщеній, то просилъ-бы его высокопревосходительство посѣтить казармы. Обѣщавъ быть въ нихъ вечеромъ, министръ тутъ же весьма внушительно замѣтилъ, что Высочайшая воля и обоюдная польза требуетъ, чтобы мѣстныя власти города оказывали войскамъ содѣйствіе и поддерживали бы взаимное между жителями и постояльцами согласіе. Вѣроятно до него уже дошли слухи, что, при существовавшемъ составѣ мѣстныхъ администраторовъ, войскамъ поддерживать должныя отношенія весьма трудно. По возвращеніи домой, я нашелъ у себя приглашеніе на даваемый губернаторомъ обѣдъ. Къ этому очень памятному обѣду были приглашены: губернскій и уѣздный предводители дворянства, предсѣдатель управы, предсѣдатели палатъ,—всего человѣкъ 20, между которыми былъ и полиціймейстеръ. Съ нимъ-то, вслѣдствіе распущенности и любви къ братьямъ Елисѣевымъ, и произошелъ весьма курьезный эпизодъ. Въ серединѣ обѣда, не помню по какому поводу, зашелъ разговоръ сначала о направленіи молодежи, потомъ о сельскомъ хозяйствѣ, причемъ кто-то упомянулъ Петровскую земледѣльческую академію.

— Это заведеніе, сказалъ министръ, давно бы слѣдовало закрыть; что же касается молодежи, то въ ней, слава Богу, замѣчается перемѣна къ лучшему, именно съ тѣхъ поръ какъ мальчиковъ заставили учиться, введя классическое образованіе, и можно надѣяться...

Вдругъ полиціймейстеръ прерываетъ министра:

— Ну, нѣтъ, ваше высокопревосходительство, это классическое образованіе... Богъ съ нимъ...

Министръ, въ свою очередь, бросивъ взглядъ удивленія на храбраго полиціймейстера, желалъ продолжать и уже произносилъ:

— Можно надѣяться, что...

— Нѣтъ, позвольте-съ, перебиваетъ его снова блюститель порядка, проглотивъ для храбрости большую рюмку хереса,—

я вамъ сейчасъ докажу-съ. Напримѣръ здѣсь, прекраснаго мальчика исключили изъ гимназіи за какую-то латинскую басню.

Представте тебѣ, читатель, весь эффектъ этой сцены! министръ оглядываетъ всѣхъ присутствующихъ, какъ-бы спрашивая—да что же это такое? Губернаторъ съ досады блѣднѣетъ, его чиновникъ—церемоніймейстеръ, стиснувъ зубы, пожимаетъ плечами, сосѣдъ горластаго полиціймейстера—толкаетъ его локтемъ, всѣ другіе, опустивъ глаза въ тарелки, такъ и замерли. Послѣ паузы министръ обращается ко мнѣ, сидѣвшему противъ него, съ слѣдующими словами:

„Вѣроятно, вашему превосходительству, впервые приходится быть свидѣтелемъ, чтобы мѣру, которую правительство рѣшилось ввести послѣ долгаго испытанія, чтобы систему, которой 200 лѣтъ слѣдуетъ вся Европа, рѣшился осуждать и критиковать—и кто же?—кто не имѣетъ о ней понятія и вообще едва ли что смыслитъ, не исключая даже общепринятыхъ приличій“. Эта тирада была начата pianissimo, потомъ шла crescendo и закончилась сильнымъ forte.

Все смолкло, всѣ притаили дыханіе.

Понятно, что послѣ этого было очень трудно возобновить разговоръ.

Только минутъ черезъ 5, у присутствовавшихъ началъ проходить испугъ, произведенный выходкою полиціймейстера, а виновникъ общаго смущенія, по окончаніи обѣда, какъ будто ничего не случилось, оставался въ залѣ, улыбаясь поглядывалъ на министра, до тѣхъ поръ, пока чиновникъ-распорядитель не убралъ его, подъ предлогомъ вызова по службѣ. Когда разносили кофе, въ залѣ образовались группы. Оба предводителя дворянства, губернскій воинскій начальникъ и я говорили съ министромъ. Послѣдній, увидя подошедшаго къ намъ губернатора, сказалъ ему:

— Однако, ваше превосходительство, вашъ полиціймейстеръ слишкомъ рѣчистъ.

— У него нѣсколько живой характеръ, а впрочемъ это чиновникъ...

— Чиновникъ — перебиваетъ министръ, который осмѣливается, при своемъ губернаторѣ и его министрѣ, осуждать дѣйствія высшаго правительства. Передайте ему, что если я не

велѣлъ ему выйти изъ-за стола, то единственно изъ уваженія къ обществу, въ которомъ находился.

Приведу кстати другой случай. Заболѣла у полиціймейстера рука, такъ что онъ не могъ быть въ соборѣ и на обычномъ послѣ молебствія съѣздѣ у губернатора, къ которому обыкновенно, въ торжественные дни, собирались представители различныхъ административныхъ учрежденій. Среди общаго говора, начальникъ губерніи обращается къ присутствовавшимъ.

— Не знаетъ ли кто, господа, какъ здоровье нашего полиціймейстера?

Выступаетъ городской голова, толстый, бородатый купчина, и говоритъ:

— Да ничего особеннаго, ваше превосходительство, не извольте безпокоиться. У нихъ ручка заболѣла, такъ *взять-то и не чѣмъ-съ*.

Послѣ обѣда мы поѣхали въ городскія казармы. Чтобы судить, какое онѣ сдѣлали впечатлѣніе, достаточно упомянуть, что, обойдя ихъ, министръ сказалъ:

— Въ такихъ казармахъ совѣстно было бы держать арестантовъ, а не то что солдатъ.

Лѣто 1874 года опять пришлось проводить въ лагерѣ подъ Москвою, на извѣстномъ Ходынскомъ полѣ, вмѣстѣ съ гренадерами, и опять командовать шести-полковою дивизіею, такъ какъ къ моей прикомандировали изъ 1-й полки Софійскій и Нарвскій. Этотъ годъ лагерь былъ крайне скученъ и однообразенъ. Чтобы избавить гренадеръ отъ повторявшихся неудачъ на маневрахъ, А. И. Гильденшуббе устроилъ такъ, что отдѣльныхъ смотровъ по дивизіямъ не было, а Государю, вмѣсто двухсторонняго маневра, было показано общее одностороннее ученье. Сряду по отъѣздѣ Его Величества получено было распоряженіе, что насъ будетъ еще смотрѣть членъ военнаго совѣта, генералъ-адъютантъ Казнаковъ. Оно было какъ-то странно. почти на другой день послѣ Царскаго смотра, представлять полки кому-либо другому. Инспектированіе это въ хозяйственномъ отношеніи еще могло имѣть основаніе, но строевая повѣрка какъ бы умаляла предшествовавшую оцѣнку. Хорошо, что все прошло удачно; но представьте, что инспектировавшій нашелъ бы по своему мнѣнію что-либо дурнымъ. Раз-

вѣ онъ могъ бы заявить объ этомъ, разъ что полки, почти наканунѣ, заслужили похвалу Государя? Подобное распоряженіе ставило и смотрящаго и осматриваемыхъ въ неловкое положеніе, а потому имъ приходилось исполнять одну формальность.

Никто не станетъ оспаривать пользу осмотра войскъ знающими строевое дѣло и опытными генералами, въ особенности если это дѣлается внезапно; но и тутъ надо сообразоваться съ временемъ и обстоятельствами.

Такъ какъ значительная часть моей строевой службы прошла подъ начальствомъ А. И. Гильденштуббе, то мнѣ слишкомъ часто приходится въ моихъ воспоминаніяхъ возвращаться къ этой, во многомъ почтенной личности. Прошу за это извиненія у моихъ читателей, предваряя, что и въ будущемъ мнѣ не разъ предстоитъ возвращаться къ тому же.

Однимъ изъ полковъ дивизіи командовалъ полковникъ П...., человѣкъ, отлично знавшій службу, рѣдкій хозяинъ и строевикъ. Полкъ его всегда былъ въ замѣчательномъ порядкѣ, но Гильденштуббе, съ давнихъ поръ, за что-то не любилъ его. Смотритъ онъ, однажды, бригаду; покуда 1-й полкъ въ линіи, за все и про все похваламъ нѣтъ конца; но какъ только выходитъ впередъ полкъ П...., нисколько не уступавшій первому, пойдетъ, какъ говорится, всякое лыко въ строку. Видя, что придраться не къ чему, старикъ разсердится, напримѣръ, за то, что одинъ изъ батальонныхъ командировъ (замѣтимъ лучшій въ дивизіи) произноситъ команду не проѣхавши за батальонъ, а проѣзжая за него.

— Что вы, полковникъ,—вспылилъ Гильденштуббе, привели вашъ полкъ сюда для того, чтобы я училъ вашихъ батальонныхъ командировъ? и пойдетъ все громче и круче. По окончаніи ученья, на которомъ больше никакихъ ошибокъ и не было, командующій войсками, отзывая меня въ сторону, говорить:

— Послушайте, отъ него надо взять полкъ.

Хотя это и было мнѣ въ высшей степени досадно, но, не желая объясняться при другихъ, молчу. Молчаніе мое было понято.

Отъѣзжая еще дальше, Гильденштуббе снова обращается ко мнѣ.

— Вы, кажется, не раздѣляете моего мнѣнія?

— Совершенно не раздѣляю,—отвѣчалъ я.

— Почему же это, позвольте узнать?

— Потому, что этотъ полковникъ одинъ изъ лучшихъ полковыхъ командировъ.

— Чѣмъ же вы это докажете?

— Тѣмъ, что, кромѣ примѣрнаго хозяйства и внутренняго порядка въ полку, онъ найдется при всякой неожиданности, и въ то время, когда рѣдкій бы не растерялся на его мѣстѣ и изъ пустяковъ довелъ бы дѣло до криминальнаго происшествія, онъ всегда распорядится какъ слѣдуетъ.

— Развѣ вы имѣли случай убѣдиться въ этомъ?

— Имѣлъ, и вотъ одинъ изъ нихъ. Во время похода въ Москву, одинъ изъ его ротныхъ командировъ приказалъ поставить подъ ружье трехъ молодыхъ солдатъ, за лѣность и невниманіе во фронтѣ. Въ ротѣ нашелся порочный солдатъ, обманомъ подговорившій пристроиться къ наказаннымъ всѣхъ новобранцевъ, а затѣмъ и всю роту. Приказанія разойтись рота не исполнила. Командиръ полка немедленно явился самъ и, безъ всякаго шума и угрозъ, приказалъ развести роту повзводно, отдѣлилъ молодыхъ солдатъ отъ старыхъ, а черезъ 5 минутъ подговаривавшій къ неповиновенію былъ узнанъ, арестованъ и преданъ суду. Въ тотъ же день всѣ унтеръ-офицеры и нѣкоторые изъ старыхъ солдатъ были переведены въ разныя роты полка, а на слѣдующемъ-же привалѣ, передъ цѣлымъ полкомъ, приведенъ былъ въ исполненіе и приговоръ суда. Я не докладывалъ вамъ объ этомъ, потому что происшествіе было разобрано безъ всякихъ слѣдователей и прокуроровъ, и покончено самимъ полковымъ командиромъ. Согласитесь, что будь на его мѣстѣ другой,—такъ этотъ случай былъ бы возведенъ въ бунтъ, чему было много примѣровъ, а тутъ преступленіе наказано, съ соблюденіемъ закона и все обошлось безъ огласки.

— Да, это дѣйствительно сдѣлано находчиво и разумно,— сказалъ Гильденштуббе, и сряду-же, на происходившемъ послѣ ученья церемоніальномъ маршѣ, усиленно расхваливалъ полкъ того, кого только-что находилъ нужнымъ смѣнить. Мало того, до происходившаго между нами разговора, онъ никогда не принималъ полковника П...., когда тотъ, дежуря по войскамъ,

... а потомъ принималъ его
...:
... говорилъ съ вашимъ Н...
... ветъ своихъ штабъ-офицеровъ
... ихъ достоинствами и недо-

... я.
... видѣться съ братомъ, осматри-
... заставило меня быть въ Воро-
... смотры интересовали меня потому,
... сравнить свои части съ чужими. Тамъ-
... отдать визитъ инспектору клас-
... полковнику Мамчичу, бывшему
... Онъ доставилъ мнѣ возможность
... гимназію, что было кстати потому,
... кадетскихъ корпусовъ, я еще не видалъ
... воспитанники въ это время были въ саду,
... въ неимовѣрномъ безпорядкѣ.
... мебель стоящую какъ попало, а книги
... по столамъ и табуретамъ, я спро-
... что значитъ?
... отвѣчалъ онъ,—воспитанникамъ,
... позволяется теперь отдыхать, ло-
... имъ предоставлена полная свобода

... гимназіи напомнило мнѣ раз-
... военнаго училища, которому осматри-
... что у него *приторная чистота*.
... что распущенность была общею.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

1875 г.

Вторичное леченье въ Карлсбадѣ.—Пензенскій купецъ на водахъ.—Извѣстіе о моршанскомъ пожарѣ.—Черезъ Кельнъ въ Парижъ.—Его рестораны, театры и магазины.—Домъ Инвалидовъ.—Возвращеніе.—Подробности и послѣдствія моршанскаго пожара.—Помощь погорѣльцамъ.—Интересный документъ исправника.—Поѣздка въ Москву.—Разговоръ съ министромъ.—Представленіе Государю.—Знакомство съ новымъ губернаторомъ.—Назначеніе въ Казань и потомъ въ Нижній-Новгородъ.—Прощанье съ Тамбовомъ.

Съ весны 1875 года давнишняя моя болѣзнь (грудная жаба) начала замѣтно усиливаться, что заставило меня ѣхать въ Москву совѣтоваться съ докторами. Какъ они, такъ особенно А. И. Гильденштуббе, настаивали, чтобы я отправился лѣтомъ заграницу. На мое возраженіе о неимѣніи на это средствъ, послѣдній говорилъ: „Неужели вы думаете, что начальнику дивизіи, прослужившему болѣе тридцати лѣтъ, откажутъ въ вспомоществованіи на леченіе? подавайте записку—я представлю". Какъ я ему ни предсказывалъ неудачу, онъ все-таки сдѣлалъ представленіе, на которое послѣдовалъ отвѣтъ, что, за израсходованіемъ всей опредѣленной на подобныя надобности суммы, ходатайству не можетъ быть дано дальнѣйшаго хода. Несмотря на отказъ въ вспомоществованіи на леченіе, докторъ отправилъ меня въ Карлсбадъ. Въ этотъ разъ я поѣхалъ одинъ, но прежнимъ путемъ, черезъ Варшаву, откуда заѣхалъ взглянуть на свой маіоратъ, находящійся между Кѣльцами и Радомомъ. Проѣзжая Кѣльцы, мнѣ любопытно было взглянуть, на построенныя мною 8 лѣтъ назадъ казармы. Онѣ оказались не требовавшими еще ни малѣйшаго ремонта. Выѣхавъ изъ маіората утромъ, въ 6 часовъ вечера я въѣзжалъ въ Краковъ. Австрійская таможня, вмѣсто всякаго осмотра, ограничилась

полученіемъ гульдена. Работы на возводимыхъ вокругъ города фортахъ были въ полномъ разгарѣ. Ближайшія къ нашей границѣ, вправо и влѣво отъ дороги, были громадны; всѣ они соединялись между собою особымъ шоссе, идущимъ вокругъ всего города.

Ночлегъ въ Краковѣ нѣсколько напомнилъ мнѣ Варшаву 1862 года. Въ гостинницѣ, на городскомъ бульварѣ, въ вокзалѣ желѣзной дороги, тѣ-же недоброжелательныя лица, смотрѣвшія такъ, какъ будто онѣ уже знаютъ, что я русскій.

Переѣздъ отъ Кракова до Карлсбада потребовалъ ровно сутки. Отъ вокзала уже видна была перемѣна, совершившаяся за послѣдніе 5 лѣтъ. Дебаркадеръ, строившійся тогда въ полѣ, соединялся съ городомъ, а вправо на высотахъ, гдѣ были тоже поля, виднѣлись отели, окруженные садами. Въ этотъ разъ мнѣ удалось очень скоро отыскать себѣ хорошую квартиру, въ лучшей части города, именно на площадкѣ, гдѣ Salon Saxe, такъ, что, два раза въ недѣлю, я изъ своей квартиры слушалъ концерты, даваемые оркестромъ Лабицкаго на эстрадѣ, окруженной каштанами. Черезъ нѣсколько дней я замѣтилъ, что насколько разросся и украсился Карлсбадъ, на столько же измѣнилась его внутренняя жизнь. По горѣ, надъ военнымъ госпиталемъ, явилась новая улица, а надъ общественнымъ садомъ красовались великолѣпныя виллы. Вмѣстѣ съ этимъ измѣнилась и почти изчезла прежняя патріархальность тихаго, спокойнаго Карлсбада. Пять лѣтъ назадъ на его улицахъ можно было, въ теченіи цѣлаго дня, встрѣтить, двѣ-три кареты дѣлавшихъ визиты докторовъ,—другой ѣзды, кромѣ ручныхъ колясочекъ, не было: теперь-же появились не только наемныя коляски, но множество собственныхъ экипажей. Въ гостинницахъ и ресторанахъ подавали не одно gemässig (невредящее), но все что угодно, и желающіе покутить оставались тамъ до утра; бывало, театръ кончался въ 8 часовъ и въ 10 весь городъ предавался Морфею, а теперь слушаютъ „Прекрасную Елену“ или „принцессу Герольштейнъ“ до 11 часовъ. Однимъ словомъ, скромный и мирный Карлсбадъ заразился соблазнами всякаго большаго, моднаго города. Что въ немъ осталось еще неизмѣнившимся, это наплывъ жидовъ, съ ихъ тучными супругами. Русскихъ въ этотъ пріѣздъ было не особенно много, но за то между ними оказался очень ори-

иинальный сюжетъ,—купецъ изъ Пензы, почти ни слова не онимавшій по-нѣмецки. Онъ разсказывалъ о себѣ удивительыя вещи, начиная съ того, что 6-й годъ подъ рядъ пріѣзжаетъ ъ Карлсбадъ, пьетъ самый сильный источникъ „Шпрудель“, никогда не совѣтовался съ докторами. На мое по этому оводу удивленіе, онъ отвѣтилъ:

— Да за что я буду имъ деньги платить, когда и безъ нихъ ожно. Вотъ ужъ 6-й годъ пью, и скажу вамъ-съ, большую ользу приноситъ. Изъ Пензы выѣдешь, едва пыхтишь, а поьешь Божьяго дара—полегчаетъ. Сюда ѣдешь—петли рвутся, теперь посмотрите-ка—пола на полу заходитъ.

— И много вы пьете? спрашиваю я.

— Да, благодареніе Господу, нынѣшній годъ одолѣваю по стаканчиковъ; ну, а прежде пивалъ съ осторожкой.

Шесть стакановъ Шпруделя! Выговорить страшно, а ему и почемъ. Скучалъ онъ, бѣдный; являлся къ источнику въ часа утра и выпивалъ послѣдній стаканъ, когда другіе только одходили къ первому. Одинъ изъ знакомыхъ мнѣ русскихъ юбилъ подтрунивать надъ нимъ, когда онъ гулялъ съ нами, это случалось довольно часто, потому что старикъ искалъ сякой возможности поговорить порусски.

— Какіе же вы повезете домой подарки? спрашиваетъ мой накомый купца.

— Да надо бы что-нибудь захватить для дочекъ, отвѣчалъ нъ.

— Возьмите кружевъ, здѣсь есть отличныя.

— Нѣтъ-съ, батюшка, это намъ не подъ масть, — я ужъ прицѣнялся: за платчишко, которымъ и носъ не прикроешь, омятъ 60 гульденовъ. Отъ кружевъ у дочекъ, пожалуй, гоюва закружится; имъ бы гульденчика въ 3—и то бы ладно.

Когда мы заходили втроемъ въ какой-либо ресторанъ, гдѣ бѣдъ стоилъ полтора или два гульдена, онъ никогда не саился съ нами.

— Почему вы не потребуете себѣ прибора? спросишь его.

— Благодаримъ покорно-съ. Здѣсь, видите, какія цѣны; а меня въ городѣ, на той сторонѣ рѣчки, есть кухмистерша,— амъ посходнѣе-съ. Заплатишь крейцеровъ 50 и все равно, что дѣсь, тоже голодный встанешь.

Вскорѣ покойная моя жизнь на водахъ была нарушена не-

пріятнымъ извѣстіемъ изъ Тамбова: начальникъ штаба телеграфировалъ о случившемся въ Моршанскѣ пожарѣ, истребившемъ все имущество Бѣлевскаго полка. Вслѣдъ за тѣмъ, я прочелъ въ „Голосѣ" всѣ ужасы этого бѣдствія, со всевозможными инсинуаціями и клеветами на чиновъ полка, что сильно меня огорчало. Я предчувствовалъ, что ими воспользуются тѣ личности, которыя только и караулили какого-либо повода, чтобы взвести на дивизію и на меня, все, что угодно, лишь бы повредить мнѣ. Дальнѣйшіе факты вполнѣ подтвердятъ это. Но, чтобы быть послѣдовательнымъ, отложу ихъ описаніе до моего возвращенія и обращусь къ моему дальнѣйшему пребыванію заграницею.

Пяти-недѣльное леченіе принесло мнѣ видимую пользу. То же самое было и при первой моей поѣздкѣ въ Карлсбадъ, а какъ возвратился домой къ прежнимъ занятіямъ и къ прежнему образу жизни, со всѣми ея заботами и съ неизбѣжными служебными столкновеніями, такъ все, сдѣланное водами и регулярною жизнію, быстро исчезло. Карлсбадскій докторъ совѣтовалъ мнѣ ѣхать на морское купанье въ Трувиль, но, въ виду совершившагося въ Бѣлевскомъ полку, я спѣшилъ возвратиться, чтобы скорѣе узнать истину и не дать интригамъ и злобѣ очернить полкъ. Вмѣсто полутора мѣсяца, оставшагося до окончанія моего отпуска, я рѣшился остаться заграницею только три недѣли, чтобы видѣть Рейнъ и побывать впервые въ Парижѣ.

Выѣхавъ 20-го іюня изъ Карлсбада, на другой день я былъ въ Франкфуртѣ, а на третій—утромъ, сѣвъ въ Майнцѣ на пароходъ, къ вечеру былъ въ Кельнѣ. Послѣ того, что 5 лѣтъ назадъ я видѣлъ въ Швейцаріи и Тиролѣ, берега Рейна не произвели на меня и десятой доли того впечатлѣнія, котораго я ожидалъ, судя по восторженнымъ описаніямъ путешественниковъ. Въ Кельнѣ я употребилъ цѣлый день на осмотръ тамошняго собора и новыхъ укрѣпленій, внутрь которыхъ меня не впускали, а потому пришлось ограничиться наружнымъ осмотромъ, и то большею частію издали. Оставивъ въ отелѣ лишній багажъ, я налегкѣ, со скорымъ поѣздомъ, пустился далѣе. Такъ какъ онъ выходилъ въ 10 часовъ вечера, то Ахенъ и другіе города мы проѣзжали ночью. Часа въ четыре утра, съ нѣкоторою досадою пришлось выходить изъ спаль-

наго вагона, со всѣми ручными пожитками, для ихъ осмотра на пограничной таможнѣ. Насъ ввели въ пустой, грязноватый залъ, гдѣ, кромѣ голыхъ скамеекъ и обитыхъ клеенкою столовъ, не было никакой мебели. Осмотръ вещей былъ одною проформою; тутъ-же намъ объявили, что до Парижа будутъ только минутныя остановки, а между тѣмъ въ буфетѣ не оказалось ничего кромѣ кофе. Его подали не въ чашкахъ, а разливали, уже подслащеннымъ и разбавленнымъ молокомъ, изъ огромной миски, по тарелкамъ. Въ первый разъ въ жизни мнѣ пришлось не пить, а хлебать кофе ложкою. Въ 10 часовъ утра поѣздъ остановился на дебаркадерѣ Сѣверной дороги.

И такъ я въ Парижѣ,—въ этомъ современномъ Вавилонѣ, про который каждый русскій, съ дѣтства, наслышался всевозможныхъ чудесъ и восторговъ. Я велѣлъ фіакру вести меня на „улицу Мира", въ отель „Британскіе острова", которую мнѣ рекомендовалъ покойный мой сослуживецъ по Варшавѣ, Татищевъ, какъ очень тихую и носящую семейный характеръ, каковою она и оказалась.

Съ перваго-же дня моего пребыванія въ Парижѣ, я уже замѣтилъ, что онъ не то, чего я ожидалъ. Меня рѣшительно ничто не поражало и, кромѣ магазиновъ, я ни въ чемъ не видалъ ни блеска, ни элегантности. Такъ какъ „улица Мира". съ одной стороны выходитъ на Вандомскую площадь, а другимъ концомъ упирается въ Aveuue de l'Opera, то первымъ дѣломъ было взглянуть на то и другое. На Вандомской площади, представляющей четыреугольный ящикъ изъ громадныхъ домовъ средневѣковой архитектуры, я невольно подумалъ: неужели этотъ ящикъ лучше нашей Дворцовой площади? Зданіе Большой Оперы, видимое только съ одного фасада, дѣйствительно хорошо, но до того близко обстроено домами, что общаго оцѣнить невозможно. Знаменитый Тюллерійскій дворецъ въ то время носилъ еще на себѣ слѣды пожара; садъ его оставался запущеннымъ: ни одного цвѣтника, ни одной скамейки для отдыха.

Десять дней подрядъ, каждое утро, отъ 6 до 12 часовъ, было употребляемо мною на осмотръ лучшихъ пунктовъ Парижа, и повсюду я спрашивалъ себя: о чемъ-же такъ кричатъ и чѣмъ такъ восхищаются? Что дѣйствительно заслуживало удивленія, такъ это не зданія и виды, а утренній туалетъ города, кото-

рый отъ 5 до 7 часовъ утра чистится и моется, какъ какая-нибудь гостиная. Такъ по крайней мѣрѣ было на лучшихъ улицахъ. Огромные ящики, запряженные прекрасными першеронами, останавливались у каждаго дома; по звонку, женская прислуга выноситъ въ корзинкахъ весь соръ, за день накопившійся въ квартирахъ и кухняхъ, въ этотъ ящикъ. Въ то-же время открывались краны вдѣланныхъ въ стѣны трубъ и изъ нихъ спускались изъ всѣхъ этажей помои и грязная вода въ общую, идущую подъ тротуарами и мостовою, трубу. Когда ящики приближались къ концу улицы, въ различныхъ ея пунктахъ открывали водопроводные краны и вода текла по ней; между тѣмъ, съ противуположнаго конца появлялась на парѣ лошадей особая повозка, которая, имѣвшимися позади раздвинутыми во всю ширину дороги лопастями изъ щетокъ, по мѣрѣ движенія, сгоняла воду въ ренштоки и люки, терла макадамъ, и такимъ образомъ мыла и тротуары и мостовую. Къ 8 часамъ все было сухо и чисто.

Все, что возможно видѣть въ 10 дней, было мною осмотрѣно: Лувръ, церкви, Палерояль, Люксембургъ, Ботаническій садъ, домъ Инвалидовъ и проч.

За исключеніемъ послѣдняго, ничто не возбуждало моего удивленія и на мой взглядъ не многими превосходило видѣнное въ Берлинѣ и Вѣнѣ. Восхваляемый Jardin des plantes, не смотря на то, что послѣ войны прошло уже 4 года, былъ въ самомъ жалкомъ видѣ: деревья поломаны, дороги заросли, кромѣ остова двухъ китовъ, скелета слона, медвѣдя и нѣсколькихъ кроликовъ, ничего тамъ не было. Хозяйка моего отеля пресерьезно оправдывала это тѣмъ, что, во время осады, всѣхъ звѣрей поѣли Гамбета, съ Викторомъ Гюго и Жюль-Фавромъ. Вообще она почти со слезами разсказывала мнѣ объ упадкѣ Парижа и о прошломъ, цвѣтущемъ его состояніи при имперіи. Была-ли она права въ отношеніи послѣдняго—не знаю, но что въ 1875 году Парижъ ни чѣмъ не могъ блеснуть передъ иностранцемъ—это вѣрно!

Проводя всѣ дни на бульварахъ и лучшихъ улицахъ, я не встрѣтилъ ни одного экипажа, который бросился-бы мнѣ въ глаза, какъ попадаются они десятками на Невскомъ проспектѣ и по набережнымъ,—въ Берлинѣ „подъ Липами“, или въ „Пратерѣ“ Вѣны. Лучшею закладкою оказалась пара орловскихъ

рысаковъ, обогнавшая меня въ Булонскомъ лѣсу. Это была коляска съ русской упряжью и бородатымъ, толстымъ кучеромъ на козлахъ, въ которой неслась кокотка богатаго московскаго купчика. Самъ Булонскій лѣсъ, о которомъ такъ кричатъ у насъ, ничѣмъ не лучше Царскосельскаго или Гатчинскаго парка. Можетъ быть, во время скачекъ, или въ извѣстные дни года онъ оживляется и украшается; но и наши парки, оживляются не менѣе; а того, что происходило въ былые годы въ Петергофѣ, 1 или 22 іюля, конечно не видали въ Парижѣ даже и при Наполеонахъ. Привыкши къ своему, при несчастной страсти восхвалять чужое, у насъ дивятся тому заграничному, что часто не стоитъ вниманія. Въ южной Италіи я не былъ, не видалъ Неаполя и Палермо, не знаю красотъ Греціи и востока, но пусть мнѣ укажутъ въ европейскихъ столицахъ виды подобные тому, что представляетъ Нева, если стать на серединѣ Троицкаго моста, лицомъ къ заливу, или отъ биржи взглянуть на дворецъ и набережную; пусть найдутъ въ Вѣнѣ, Парижѣ и Лондонѣ, что либо подобное картинѣ съ Воробьевыхъ горъ на Москву. Любители восхвалять иностранное восхищаются фонтанами Версаля, тогда какъ они миніатюръ Петергофскихъ.

Утомленный осмотромъ разныхъ зданій, галлерей и музеевъ, я проводилъ обѣденное время въ различныхъ кафе, ресторанахъ и отеляхъ, отыскивая восхваляемыя нашими туристами чудеса кулинарнаго искусства. Я пробовалъ все, отъ обѣда въ 4 франка (diner de Paris), въ 2 франка (Boullion), до 12 франковыхъ (тогда 5 р. нашими деньгами),—въ Grand Hôtel, въ Луврѣ и въ Café d'Angleterre, и откровенно скажу, что нигдѣ нельзя пообѣдать такъ, какъ за 3 р. у Olivier, въ московскомъ Эрмитажѣ. Конечно, у насъ не поставятъ вамъ въ стоимость обѣда полубутылки вина и не подадутъ абрикосовъ, но это вино стоитъ тамъ франкъ, а абрикосы — тоже, что у насъ огурцы въ іюлѣ. И такъ, и въ отношеніи ѣды я не нашелъ въ Парижѣ ничего особеннаго.

Обращаюсь теперь къ удовольствіямъ, т. е. преимущественно къ театрамъ, потому что всѣми этими bal mabile и café chantant могутъ восхищаться только юноши, въ родѣ гимназистовъ и купеческихъ сынковъ, или пресыщенные старички. Мнѣ говорили, что лѣтомъ половина театровъ закрыта

и что многіе артисты въ отсутствіи, однако я былъ въ Большой оперѣ, въ Théâtre français, въ Палерояле, въ Gymnase и въ Водевилѣ; видѣлъ Брессонэ, Краузетъ, слышалъ Жюдикъ, первую пѣвицу Решко и лучшаго тенора оперы, и скажу вотъ что: въ общемъ французы играютъ гораздо лучше нашихъ; ихъ опера, безъ всякаго сравненія, хуже нашей итальянской, обстановка превосходитъ петербургскую только въ феерiяхъ (напримѣръ въ Chatte blanche я видѣлъ всѣ декораціи изъ хрусталя и стекла). Но все, чѣмъ парижскіе театры превосходятъ наши, уничтожается ихъ неудобнымъ устройствомъ и нелѣпыми обычаями. Даже въ Большой оперѣ и въ Comédie française, заплативши 12 и 9 франковъ въ 4-мъ и 8-мъ ряду, вы жметесь на узенькомъ стулѣ, съ подъемнымъ сидѣньемъ, которое обязаны приподнимать для каждаго проходящаго мимо васъ. Въ прочихъ театрахъ къ вамъ всякую минуту пристаетъ женщина, замѣняющая капельдинера, съ предложеніемъ: то скамьи подъ ноги, то бинокля, то афиши, или цвѣтка въ бутоньерку. Попробуйте отказать,—она непремѣнно заворчитъ и обратитъ на васъ вниманіе сосѣдей. Въ антрактахъ вы оглушены криками врывающихся во всѣ входы разнощиковъ: одинъ кричитъ—газеты, другой—мороженое, третій—лимонадъ, четвертый—пирожки и такимъ образомъ партеръ превращается въ толкучку. Если вы уйдете изъ этого хаоса въ фойе, или на подъѣздъ выкурить папироску (другаго мѣста для этого не полагается), то по возвращеніи вамъ предстоитъ новое испытаніе, пройти на свое мѣсто. То же самое дѣлается даже въ Большой оперѣ, несмотря на ея мраморныя лѣстницы, золоченныя двери и зеркальныя стѣны въ фойе. Крайне оригинальнымъ показался мнѣ въ оперѣ способъ пропуска зрителей. Войдя въ сѣни, вы поражены ихъ великолѣпіемъ и обширностью. Прямо противъ входныхъ дверей передъ вами возвышенная нишь, въ которой, на громадныхъ стульяхъ, засѣдаютъ въ рядъ три господина во фракахъ и бѣлыхъ галстухахъ; швейцаръ знакомъ руки показываетъ, что вы должны подойти къ нимъ и предъявить вашъ билетъ. Одинъ изъ господъ подержитъ его, посмотритъ и, отдавая, указываетъ на другую нишь, гдѣ тоже засѣдаютъ трое, но уже съ болѣе внушительнымъ видомъ, люди солидные. Тамъ опять повертятъ вашъ билетъ и кивкомъ головы укажутъ на тяжелую

бархатную портьеру, къ которой вы и направляетесь, думая: „если такъ обставленъ входъ, то что же за удобства и чудеса я испытаю и увижу далѣе“? Но вотъ стоящій у портьеры, весь въ галунахъ, лакей пропускаетъ васъ и въ двухъ шагахъ передъ вами стѣна, а вправо узенькая лѣсенка въ 6—7 ступеней. Поднявшись по ней въ прекрасный по отдѣлкѣ зрительный залъ, вамъ невозможно пробраться до вашего ряда, такъ какъ впереди нѣсколько рядовъ скамеекъ, на которыхъ сидитъ публика. Вы должны просить того, кто передъ вами, встать, затѣмъ дѣлаете шагъ впередъ и встрѣчаете то же препятствіе; опять просите и проходите, когда сидѣнье откинуто въ бокъ. Такимъ образомъ вы пробираетесь на свое мѣсто, а между тѣмъ всякій, кого вы потревожили, невольно проворчитъ сквозь зубы что-либо на вашъ счетъ.

Что дѣйствительно поражаетъ въ Парижѣ, — это обиліе и великолѣпіе магазиновъ и ихъ администрація. Луврь, Bon Marché, Le Blanc — все это магазины, занимающіе цѣлые кварталы. Чтобы судить, каковъ въ нихъ денной оборотъ, достаточно сказать, что, напримѣръ, въ Луврѣ содержится 10 громадныхъ фургоновъ-каретъ, прекрасной закладки, для развоза по городу, раза три въ день, того, что куплено въ магазинѣ.

Изъ всего мною осмотрѣннаго, самое лучшее впечатлѣніе произвелъ на меня Домъ Инвалидовъ, въ которомъ болѣе всего поражаетъ самый строгій порядокъ и видимое уваженіе къ старымъ строевымъ традиціямъ. Я видѣлъ тамъ представителей трехъ поколѣній: старика, лѣтъ 95, бывшаго съ Наполеономъ въ Москвѣ, его сына, лишившагося ноги въ Алжирѣ, и 12-лѣтняго внука, обучаемаго тутъ же, вмѣстѣ съ другими сыновьями инвалидовъ, барабанной наукѣ. Когда протрубили къ обѣду,—и старые и малые построились по наружной галлереѣ внутренняго двора; они исполняли команду дежурнаго, шли въ величайшемъ порядкѣ, въ рядахъ и въ ногу, несмотря на то, что бóльшая часть ихъ были ветераны. Столь серьезное отношеніе къ строю и уваженіе къ нему, со стороны людей преклонной старости, казалось чѣмъ-то умилительнымъ, указывало, какимъ духомъ были проникнуты войска прежнихъ поколѣній. Можно вообразить, какъ имъ тяжело смотрѣть на современную изнѣженность и распущен-

ность нынѣшняго солдата. Нѣтъ сомнѣнія, что гуманное начальство настоящаго времени охотно дозволило бы этимъ старикамъ всякое облегченіе и отступленіе отъ педантическаго исполненія внутренняго порядка, еслибы только замѣтило, что они тяготятся имъ. Но изъ разговора съ однимъ изъ инвалидовъ я узналъ, что они какъ бы гордятся и дорожатъ тѣмъ, что еще могутъ исполнять хотя ничтожныя служебныя требованія, и всякая перемѣна въ новомъ духѣ, вводимая въ ихъ среду, огорчила бы ихъ. Внутреннее устройство Дома Инвалидовъ не оставляетъ желать ничего лучшаго. Тамъ не упущено ничего, что можетъ напоминать ветеранамъ ихъ славное прошлое. Въ залахъ и дортуарахъ множество портретовъ маршаловъ и генераловъ, съ которыми они служили; вся галлерея внутри двора представляетъ въ фрескахъ сплошной рядъ громадныхъ картинъ военнаго содержанія, начиная отъ временъ Людовика I, до послѣднихъ битвъ въ Алжирѣ и подъ Севастополемъ. Въ этихъ фрескахъ вся военная исторія Франціи.

Чтобы покончить съ Парижемъ, упомяну о случаѣ, ясно указывающемъ, до какой исправности доведено тамъ телеграфное вѣдомство, и какъ оно внимательно къ публикѣ. 29-го іюня, по случаю имянинъ, я получилъ нѣсколько телеграммъ изъ Россіи. Нѣкоторые изъ знакомыхъ, не зная, что я измѣнилъ намѣреніе быть на морскомъ купаньи, адресовали свои депеши въ Трувиль. Я не давалъ знать туда, что нахожусь въ Парижѣ, не относился ни на почту, ни въ полицію, о пересылкѣ чего-либо изъ Трувиля, а между тѣмъ три направленныя туда телеграммы были, того же 29-го іюня, переданы въ Парижъ и принесены въ мой номеръ. Какимъ образомъ телеграфная служба Трувиля узнала гдѣ я, и отыскала мой адресъ, это остается загадкой.

Обратный путь въ Россію я предпринялъ черезъ Кельнъ на Берлинъ, Варшаву, Брестъ и Москву. По возвращеніи въ Тамбовъ, первымъ дѣломъ было узнать о подробностяхъ моршанскаго пожара, собрать свѣдѣнія о происходившемъ въ Бѣлевскомъ полку, и затѣмъ осмотрѣть его. Пожаръ этотъ представлялъ нѣчто ужасное, не поддающееся никакому описанію. Довольно большой городъ, съ многими каменными

постройками, расположенный по берегу значительной рѣки, исчезъ въ теченіи какихъ нибудь 3-хъ часовъ. Пламя, показавшееся въ одной изъ пригородныхъ слободъ, разомъ охватило нѣсколько улицъ. Очевидцы разсказывали, что горѣло все: церкви, ограды, дома, заборы, мостики, сады, тумбы,— *земля горѣла*, говорилъ мнѣ одинъ изъ старожиловъ. Пламя охватывало такъ быстро, что въ воздухѣ образовался какъ-бы огненный вихрь, захватывавшій дыханіе, такъ что многіе падали и ползкомъ искали спасенія. Былъ примѣръ, что цѣлое семейство, бросившееся въ садъ, сгорѣло, или вѣрнѣе, задохлось подъ собственною яблонею. Силою урагана относило за рѣку и въ поле загорѣвшіеся стропила и головни. Офицеръ, бѣжавшій черезъ соборную площадь, былъ сбитъ съ ногъ и опаленъ раскаленнымъ листомъ кровельнаго желѣза. Спасти что-либо оказалось не мыслимымъ, такъ какъ все выносимое изъ домовъ на площади, улицы и даже въ сады, тамъ-же загоралось. Полкъ потерялъ все свое имущестоо: обозъ, цейхгаузъ, склады неприкосновеннаго запаса, лазаретъ, мастерскія, казарменные дома,—все погибло. Многое погибло и отъ недостатка распорядительности, а еще болѣе отъ того, что полковой командиръ растерялся болѣе всѣхъ. Знамена, хранившіяся въ его квартирѣ, были спасены благодаря находчивости ординарца: схвативъ всѣ три знамени и видя, что все кругомъ охвачено пламенемъ, онъ бросился къ мосту черезъ рѣку и отнесъ знамена въ находящуюся на другомъ берегу рощу. Казенный денежный ящикъ уцѣлѣлъ только потому, что завѣдывающій полковымъ хозяйствомъ приказалъ затопить его въ рѣкѣ. Лазаретъ полка находится на высокомъ берегу Цны. Изъ него успѣли вынести всѣ вещи, не исключая кроватей, сложили ихъ у самой воды, но и это не спасло,—все сгорѣло до-тла.

Исправлявшій во время поѣздки моей заграницу мою должность, генералъ Жуковъ, по полученіи перваго извѣстія о пожарѣ, поѣхалъ въ Моршанскъ, куда отправился и начальникъ губерніи. Послѣднему сильно не понравилось заявленіе полиціймейстера о томъ, что чины полка дѣлали все, чтобы помочь жителямъ, хотя и не успѣли въ этомъ, такъ какъ никакія человѣческія силы не могли бы ничего сдѣлать противъ разсвирѣпѣвшей стихіи. Мѣстныя мелкія власти, изъ желанія уго-

дить, доводили до свѣдѣнія своего начальства всякую ходячую по городу сплетню, пущенную противъ полка, а между отрепьями городскаго населенія нашлись личности, дѣлавшія самыя нелѣпыя заявленія. Узнавъ, что въ слѣдственной коммисіи слушаютъ кого угодно, въ нее являлись праздношатающіеся. заявлявшіе одинъ—что онъ видѣлъ, какъ солдаты тащили изъ лавокъ всякія сласти, другой — что онъ видѣлъ солдатъ, бѣжавшихъ по улицѣ съ подушками; нашелся и такой свидѣтель, изъ спившихся мѣщанъ, не разъ бывшій подъ судомъ, который показалъ, будто у одного изъ офицеровъ изъ-подъ пальто торчалъ кусокъ шелковой матеріи. Всѣ подобныя инсинуаціи подхватывались корреспондентами газетъ, сообщались, какъ неопровержимые факты, и прикрашивались ими на разныя манеры. Выходило такъ, что мѣстная администрація, вмѣсто того, чтобы заняться раскрытіемъ причины пожара и помощью погорѣльцамъ, заботилась о собраніи уликъ противъ чиновъ полка и ихъ разслѣдованіемъ. Оффиціальный защитникъ военныхъ, полиціймейстеръ, которому ближе чѣмъ кому-либо могло быть извѣстно поведеніе солдатъ, былъ немедленно отрѣшенъ губернаторомъ отъ должности, а на его мѣсто назначенъ чиновникъ особыхъ порученій, употребившій всѣ средства для поддержанія взводимыхъ на полкъ выдумокъ. Между тѣмъ, ни со стороны домовладѣльцевъ, ни со стороны полиціи не было подано ни одной оффиціальной жалобы. Это еще болѣе сердило того, кто желалъ этихъ жалобъ. Въ угоду ему, юные дѣятели прокуратуры съ рвеніемъ принялись за разслѣдованіе слуховъ и сплетенъ; но, какъ ни старались, не могли отыскать ни одного виновнаго.

По прибытіи къ полку, я засталъ его въ лагерѣ, на зарѣчной сторонѣ города, и нашелъ офицерское общество до крайности взволнованнымъ, а полковаго командира сконфуженнымъ. Офицеры заявили, что во время пожара никто не только не получалъ отъ него никакихъ приказаній, но и не видалъ его. Болѣе всего оскорбило общество то, что, по требованію слѣдователя, полковой командиръ допустилъ очную ставку офицеровъ съ тѣмъ мѣщаниномъ, который заявлялъ о шелковой матеріи, съ тѣмъ, чтобы онъ указалъ, у кого видѣлъ ее, и, конечно, указать не могъ. Послѣ этого вполнѣ было понятно то раздраженіе, въ которомъ я засталъ общество. Надо было,

прежде всего, успокоить его и затѣмъ принять мѣры для прекращенія разбора взводимыхъ на полкъ произвольныхъ обвиненій. Какъ только я сдѣлалъ распоряженіе, чтобы командиръ полка безъ депутата отъ штаба дивизіи не высылалъ ни одного человѣка для допроса, всякая переписка о дѣйствіяхъ полковыхъ чиновъ прекратилась. Между тѣмъ, въ письмѣ командующему войсками я подробно изложилъ всѣ обстоятельства дѣла и просилъ, для убѣжденія въ невинности полка, прислать въ Моршанскъ довѣренное отъ него лицо. Для этого былъ немедленно командированъ помощникъ начальника штаба, генералъ Корево, который и убѣдился, что все взводимое на полкъ ни что иное, какъ интрига и личности.

Бѣдствія, порожденныя моршанскимъ пожаромъ, дошли до свѣдѣнія Императрицы Маріи Александровны. Генералъ-адъютантъ Баумгартенъ писалъ женѣ моей, какъ предсѣдательницѣ тамбовскаго дамскаго комитета общества „Краснаго Креста“, что Ея Величество повелѣла оказать помощь погорѣльцамъ и взять на попеченіе комитета получившихъ обжоги и увѣчья. Вслѣдствіе этого, была немедленно командирована въ Моршанскъ М. Ф. Шилова, съ крупною суммою денегъ, для распредѣленія ихъ между нуждающимися. Свѣдѣнія о нихъ были собраны чрезъ предводителя и городскаго голову, а выдача пособій происходила въ присутствіи гласнаго думы и чиновника полиціи. Вслѣдъ за тѣмъ туда же были отправлены двѣ сестры милосердія, съ перевязочными средствами и нѣсколькими тюками бѣлья и платья, собранными, какъ пожертвованія, дамами комитета. Сестры разыскивали увѣчныхъ на ихъ пепелищахъ, ежедневно обходили ихъ, дѣлали необходимыя перевязки, покупали для нихъ лекарства, ухаживали за наиболѣе пострадавшими. Но этимъ не кончилась помощь погорѣльцамъ со стороны дамскаго комитета. Его предсѣдательница разослала болѣе 500 писемъ ко всѣмъ губернаторамъ, епархіальнымъ архіереямъ, во всѣ полки округа, въ банкирскія конторы и ко всѣмъ извѣстнымъ своею благотворительностью лицамъ, съ просьбою о посильной помощи оставшимся безъ крова и имущества моршанцамъ. Результатъ этой мѣры былъ поразительный. Въ теченіи четырехъ мѣсяцевъ поступило въ комитетъ, сколько помнится, болѣе 8 тысячъ рублей. Особенно щедро отозвалось военное сословіе Московскаго округа,

а въ немъ самыя крупныя пожертвованія были сдѣланы мѣстными войсками и моею дивизіею, за что мнѣ и было объявлено благоволеніе Ея Величества.

Присланныя въ пользу погорѣльцевъ деньги утвердили меня въ мнѣніи, что у насъ всѣ слои общества всегда готовы къ пожертвованіямъ, если только видятъ, что ихъ взносы идутъ на опредѣленную ими мѣстную и для всѣхъ видимую цѣль, а не въ общую кассу того главнаго учрежденія, отъ котораго зависитъ дать пожертвованію хотя и благотворительное, но произвольное назначеніе. По поводу этого я нѣсколько разъ писалъ бывшему предсѣдателю А. К. Баумгартену, что напрасно главное управленіе требуетъ къ себѣ всѣ суммы, собираемыя въ провинціи, и что было бы гораздо полезнѣе оставлять ихъ при мѣстныхъ органахъ общества; буде же это считается неудобнымъ, то все-таки было бы лучше, если бы главное управленіе имѣло эти суммы на особомъ счету, по губерніямъ, ежегодно публикуя, сколько въ какой комитетъ поступило пожертвованій. И въ дѣлѣ благотворенія соревнованіе—великій двигатель. Говорю это на основаніи слышаннаго мною отъ самихъ жертвователей. Они говорили:

— Я далъ бы вдвое, если бы зналъ, что мои деньги пойдутъ на раненыхъ солдатъ, уроженцевъ нашей губерніи. Или:

— Мы готовы бы были записаться въ члены, если бы были увѣрены, что наши взносы будутъ употреблены для больныхъ и раненыхъ здѣшней дивизіи. Или:

— Для своего полка (т. е. для полка, стоящаго въ уѣздѣ) крестьяне съ радостью пожертвовали бы, а то для чего они будутъ жертвовать на чужихъ, а свои, быть можетъ, останутся безъ помощи.

Я убѣжденъ, что и во время войны собиралось бы гораздо болѣе пожертвованій, если бы жертвователи знали, что ихъ лепты пойдутъ въ пользу той части, которая стояла у нихъ, съ которою они свыклись и сроднились, гдѣ служатъ ихъ родные и знакомые. Это подтверждается и учрежденіемъ при тамбовскомъ комитетѣ общины сестеръ милосердія. Сначала пожертвованія шли, вообще, довольно туго; всегда надо было особенное стараніе и умѣнье склонить къ нему, а какъ только сдѣлано было предложеніе жертвовать въ пользу учреждаемой на мѣстѣ общины сестеръ милосердія,—отказа не было, и, ме-

нѣе чѣмъ въ полгода, собрано было столько, что явилась возможность открыть общину, не тратя ни копѣйки изъ общихъ суммъ комитета.

Въ концѣ августа описываемаго года я собрался въ Москву, гдѣ предстоялъ Высочайшій смотръ собраннымъ на Ходынскомъ лагерѣ войскамъ. Передъ самымъ отходомъ поѣзда изъ Тамбова, является на станцію начальникъ штаба дивизіи и докладываетъ, что командиръ Бѣлевскаго полка препроводилъ ко мнѣ отзывъ къ нему новаго моршанскаго полиціймейстера (изъ губернаторскихъ чиновниковъ). Пробѣгаю бумагу и не вѣрю своимъ глазамъ. Вотъ содержаніе этого курьезнаго и многообъясняющаго документа:

„Командиру 71 пѣхотнаго Бѣлевскаго полка.

„Дошло до моего свѣдѣнія, что на сихъ дняхъ въ лагерь ввѣреннаго вамъ полка пріѣзжали: начальникъ дивизіи и помощникъ начальника штаба Московскаго округа, о чемъ вы не сообщили мнѣ. Примѣняясь къ статьѣ (такой-то) Свода Законовъ, *о безпаспортныхъ и бѣглыхъ*, прошу о всѣхъ прибывающихъ въ полкъ доводить до свѣдѣнія полиціи“. Подписалъ за полиціймейстера—такой-то.

Вѣроятно, со времени существованія въ Россіи полиціймейстеровъ, не было примѣра подобной дерзости со стороны чиновника, обязаннаго закономъ знать о пріѣздѣ и являться всякому генералу, пріѣзжающему въ городъ по дѣламъ службы.

Спрашивается, чѣмъ былъ вызванъ подобный поступокъ и какое побужденіе руководило вовсе неглупымъ человѣкомъ, чтобы сдѣлать такую выходку? Не ясно ли, что онъ хотѣлъ угодить этимъ своему патрону и заслужить его благодарность, дѣйствуя въ его духѣ. Не имѣя возможности отвѣчать на полученную бумагу изъ вокзала, я приказалъ препроводить ея копію губернатору и написать ему отъ моего имени, что прошу принять мѣры, чтобы его чиновники не смѣли писать полковымъ командирамъ дерзкихъ бумагъ.

По прибытіи въ Москву, я немедленно поѣхалъ въ лагерь явиться командующему войсками, жившему по близости дворца, на дачѣ; но онъ въ это время обѣдалъ у Государя, и потому я зашелъ ждать его возвращенія въ баракъ начальника штаба. А. И. Гильденштуббе черезъ полчаса заѣхалъ туда-же;

— Пожалуйста телеграфируйте—добавилъ начальникъ штаба—и пришлите немедленно ко мнѣ. Подобныя вещи спускать невозможно, иначе у насъ дойдетъ до того, что становые будутъ писать выговоры генераламъ.

На слѣдующій день, въ 9 часовъ утра, я представлялся Государю въ Петровскомъ дворцѣ, передъ выѣздомъ его на смотръ. Зная, что можетъ зайти рѣчь о Бѣлевскомъ полкѣ, я счелъ необходимымъ, прежде представленія, видѣть военнаго министра, для чего прибылъ во дворецъ къ 8 часамъ. Министръ принялъ меня и, съ первыхъ же словъ разговоръ перешелъ на тему о моршанскомъ пожарѣ.

— Скажите, говоритъ онъ, какимъ образомъ вы оставляете полковника С..... до сихъ поръ во главѣ полка, послѣ того, что происходило въ Моршанскѣ?

— Съ моей стороны я сдѣлалъ все, что считалъ своимъ долгомъ; я подробно написалъ о положеніи полка командующему войсками, а остальное не въ моей власти, такъ какъ отчисленія и назначенія отъ меня не зависятъ.

— Въ такомъ случаѣ скажите отъ меня Александру Ивановичу, что я жду его представленія. Такихъ господъ, какъ С...., нельзя оставлять командирами.

— Но позвольте вамъ сказать, что въ газетныхъ толкахъ нѣтъ и сотой доли правды о Бѣлевскомъ полкѣ. Все это умышленно раздуто, и я имѣю въ рукахъ доказательство, какъ мѣстная администрація относится къ военной средѣ и какъ она третируетъ ея начальниковъ.

Затѣмъ я разсказалъ какъ собирались противъ полка обвиненія и свидѣтели; какъ слѣдователь допрашивалъ солдатъ и дѣлалъ очную ставку цѣлаго общества офицеровъ съ пьяницей-мѣщаниномъ, а наконецъ передалъ и содержаніе отзыва полиціймейстера, примѣнившаго начальника дивизіи и помощника начальника окружнаго штаба къ безпаспортнымъ и бѣглымъ.

Министръ улыбнулся. „Нѣтъ—говоритъ онъ—вы вѣрно не такъ поняли; тамъ вѣроятно другія выраженія; не думаю, чтобы въ бумагѣ были именно эти слова".

— Могу васъ увѣрить—продолжалъ я, что передаю ея текстъ слово въ слово. Впрочемъ, этотъ отзывъ будетъ сегодня

[illegible] изъ Тамбова, а вечеромъ представлялъ рапортъ вы-сокопревосходительству.

— Интересно будетъ взглянуть. Вы вѣроятно представляе-тесь Государю,—такъ знайте: онъ сейчасъ уѣзжаетъ на ученье.

Видя, что въ сѣняхъ дворца собирается много свиты и у дверей ждетъ линейный казакъ съ лошадью Государя, я не пошелъ наверхъ, а остался внизу, противъ ведущей изъ внутреннихъ залъ лѣстницы. Черезъ 2—3 минуты Его Величество спускается и, увидя меня, еще не дойдя до нижней ступени, съ милостивымъ взглядомъ говоритъ мнѣ:

— А, здравствуй! Затѣмъ, подойдя и давая руку, спрашиваетъ: ну, что у тебя дѣлается?

— Кромѣ Бѣлевскаго полка—отвѣчалъ я—въ прочихъ все благополучно.

— То-то, кромѣ Бѣлевскаго полка! Я очень, очень недоволенъ имъ. Развѣ можно было распустить полкъ до того, чтобы онъ во время пожара не только не помогъ жителямъ, но далъ-бы сгорѣть всему казенному имуществу?

— Смѣю доложить Вашему Величеству, что, разобравъ дѣло на мѣстѣ, я могу ручаться, что все, о чемъ писали въ газетахъ, выдумано, и что какъ офицеры, такъ и нижніе чины ни въ чемъ не виноваты.

— А полковой командиръ, который допустилъ, что у него все сгорѣло, кромѣ собственнаго его имущества, тоже ни въ чемъ не виноватъ?

— Вполнѣ оправдывать его я не смѣю; но считаю долгомъ доложить, что полковникъ С.... восемь лѣтъ командуетъ полкомъ и всегда представлялъ его въ хорошемъ состояніи. Что же касается его имущества, то оно не сгорѣло только потому, что, по случаю передѣлки въ квартирѣ, было убрано въ сарай, который случайно остался цѣлъ. Вся вина полковника въ томъ, что, когда надо было моментально распорядиться, онъ совершенно растерялся.

— Что же это за командиръ, который теряется во время пожара? Хорошъ онъ будетъ въ бою! Что же сдѣлано, чтобы скорѣе пополнить сгорѣвшее? вѣдь полкъ остался безъ обоза и безъ всего?

— Сгорѣло все, кромѣ знаменъ и денежнаго ящика. Я былъ

заграницею; но еще ранѣе моего возвращенія отправлены требованія на снабженіе полка всѣмъ необходимымъ.

— Я знаю, что тебя не было; а что же смотрѣлъ заступившій твое мѣсто? Все это происходитъ отъ того, что бригадные командиры относятся къ своимъ полкамъ не такъ, какъ слѣдуетъ, а я хочу, чтобы они были не номинальными, а дѣйствительными начальниками полковыхъ командировъ. Во всякомъ случаѣ, хлопочи, чтобы все было скорѣе приведено въ порядокъ. Никто не знаетъ, что будетъ весною.

Оказалось, что желая представиться, я былъ вполнѣ правъ. Государь не только не гнѣвался на меня, но въ этотъ же день, послѣ ученья, два раза милостиво обращался ко мнѣ, спрашивая, видѣлъ-ли я заграницею иностранныя войска, и былъ-ли въ Эмсѣ, во время пребыванія тамъ бывшаго моего шефа, Императора Вильгельма.

На слѣдующій день были маневры 35-й дивизіи противъ гренадёръ, на которыхъ я былъ назначенъ посредникомъ. Въ 8 часовъ, пасмурнаго утра, начальство и свита ожидали Государя на шоссе, за Всесвятскимъ. Туда же пріѣхалъ и военный министръ, уже получившій курьезный полиціймейстерскій отзывъ. Онъ обратился ко мнѣ съ слѣдующей фразой:

— Ну, извините меня, я долженъ откровенно сознаться, что вчера усумнился въ вашихъ словахъ. Да и не мудрено:— даже Государь, которому я только что докладывалъ отзывъ храбраго полиціймейстера, не вдругъ повѣрилъ такой храбрости.

Результатомъ всей этой продѣлки было увольненіе изъ службы многосемейнаго чиновника, потерявшаго мѣсто изъ-за желанія дѣйствовать въ духѣ своего начальника.

Бывши въ началѣ наступившаго 1876 года въ Петербургѣ, на выходѣ во дворцѣ, я познакомился съ вновь назначеннымъ губернаторомъ. Черезъ нѣсколько дней, въ тотъ самый часъ, какъ я готовъ былъ ѣхать на желѣзную дорогу, чтобы возвратиться домой, онъ пріѣхалъ ко мнѣ съ визитомъ. Вновь назначенный былъ человѣкъ военный и къ тому-же очень богатый, а потому всѣ надѣялись, что, послѣ 10-ти-лѣтняго чиновничьяго рутинерства, наступаетъ новая эра, и что открытый домъ губернатора оживитъ общество. Считая, что новый губернаторъ уже былъ у меня въ Петербургѣ, по его прибытіи въ Тамбовъ,

далъ ему визита. Изъ изложеннаго видно, отвѣчала-ли жалоба истинѣ. Нужно, впрочемъ, сказать, что потомъ всячески старался поправить дѣло и съ каждымъ днемъ юя со мною любезнѣе. Ничего не зная о посланной въ рбургъ жалобѣ, я съ своей стороны отвѣчалъ тѣмъ-же; ознакомились домами, и отношенія наши были самыя ныя.

ъ сожалѣнію, въ Петербургѣ на это пустое дѣло взгля-серьезно и рѣшили разлучить меня съ обидчивымъ губер-юмъ. Въ половинѣ марта, пробѣгая „Инвалидъ", я про-въ немъ, что назначаюсь начальникомъ 2-й пѣхотной ди-, въ Казань, а на мое мѣсто переведенъ изъ Казани ге-ъ Набель. Не столько перемѣна дивизіи и предстоящій ѣздъ огорчили меня, какъ то, что это было сдѣлано безъ вся-справки, безъ запроса и объясненій. Даже мой ближайшій льникъ, генералъ Гильденштуббе писалъ мнѣ, что онъ не удивленъ и ничего не знаетъ о причинѣ перевода. Что-асается виновника всей этой исторіи, то онъ не зналъ, смотрѣть мнѣ въ глаза, старался изысканнымъ внима-ъ загладить сдѣланное, и, когда, по случаю внезапной ги Набеля, дивизія сдѣлалась снова вакантною, то спра-лъ меня, нельзя ли какъ-нибудь устроить, чтобы я вновь ялъ ее и остался въ Тамбовѣ? Я отвѣтилъ ему: „Пусть этомъ хлопочетъ тотъ, кто виноватъ въ моемъ переводѣ, не скажу ни слова".

гранныя бываютъ личности между губернаторами: иной, какъ напримѣръ и тотъ, о которомъ идетъ рѣчь, въ сущ-ı человѣкъ хорошій, но непремѣнно воображаетъ, что всѣ манкируютъ и что представители военнаго сословія же-ъ первенствовать передъ нимъ, тогда какъ никто объ ь и не думаетъ. Разъ что, по существующимъ правиламъ отношеніяхъ между гражданскими и военными начальни-, въ нѣкоторыхъ случаяхъ старшинство чиновъ въ раз-ъ не принимается,—кому охота заводить столкновенія изъ-эго, кому быть впереди въ соборѣ, или первому подхо-къ кресту? Презабавно смотрѣть, когда видишь, что че-къ, занимающій серьезный постъ, такъ и караулитъ, что-то не сталъ выше его. Казалось бы, что отданіе во всѣхъ аяхъ первенства тому, кто старше въ чинѣ, устранило-

всѣ эти мелочности. Если же строго соблюдать существующія правила, то выходитъ нѣчто странное. Напримѣръ: въ соборѣ губернаторъ—полковникъ или статскій совѣтникъ—выше стараго генералъ-лейтенанта, а выйдя изъ собора къ церковному параду, командующій дивизіею, генералъ-маіоръ, первенствуетъ передъ губернаторомъ—генералъ-лейтенантомъ.

Въ концѣ апрѣля я началъ готовиться къ переѣзду въ Казань, для чего списался съ начальникомъ штаба 2-й дивизіи. Но въ это самое время въ Московскомъ округѣ открылась вакансія 3-й дивизіи—въ Нижнемъ-Новгородѣ. А. И. Гильденштуббе, желая удержать меня у себя, немедленно сдѣлалъ представленіе о назначеніи меня въ Нижній, что вскорѣ и состоялось. Такимъ образомъ, два раза я былъ назначаемъ начальникомъ 2-й дивизіи, и ни разу не принималъ ее.

Остальные дни мая мѣсяца были послѣдними днями моего пребыванія въ Тамбовѣ. Хотя я лѣтомъ два раза и пріѣзжалъ въ него, но только для того, чтобы навѣстить, а потомъ перевезти семью въ новое мѣсто моего служенія. Нигдѣ еще, въ теченіи 25-ти лѣтней, скитальческой, армейской жизни, не доводилось мнѣ оставаться такъ долго какъ въ Тамбовѣ. Хотя тамъ, какъ видно изъ сказаннаго, и случались непріятныя столкновенія, но въ общемъ, 8 лѣтъ проведенныя въ этомъ городѣ, вспоминаются съ удовольствіемъ. Много въ немъ сдѣлано связей, много оставлено привязанностей и друзей, разставаться съ которыми было не легко. Но особенно тяжела мнѣ была разлука съ полками дивизіи, въ которую было вложено немало труда и заботъ. Тамъ всѣ знали меня и я всѣхъ. Всѣ мои требованія были усвоены, все шло стройно, по укоренившемуся порядку, и я надѣялся, что самъ воспользуюсь плодами моихъ трудовъ, когда придется вести дивизію въ дѣло: но судьба опредѣлила иначе. Ровно черезъ годъ пришлось вести въ бой полки иные, но все-таки мною снаряженные и подготовленные.

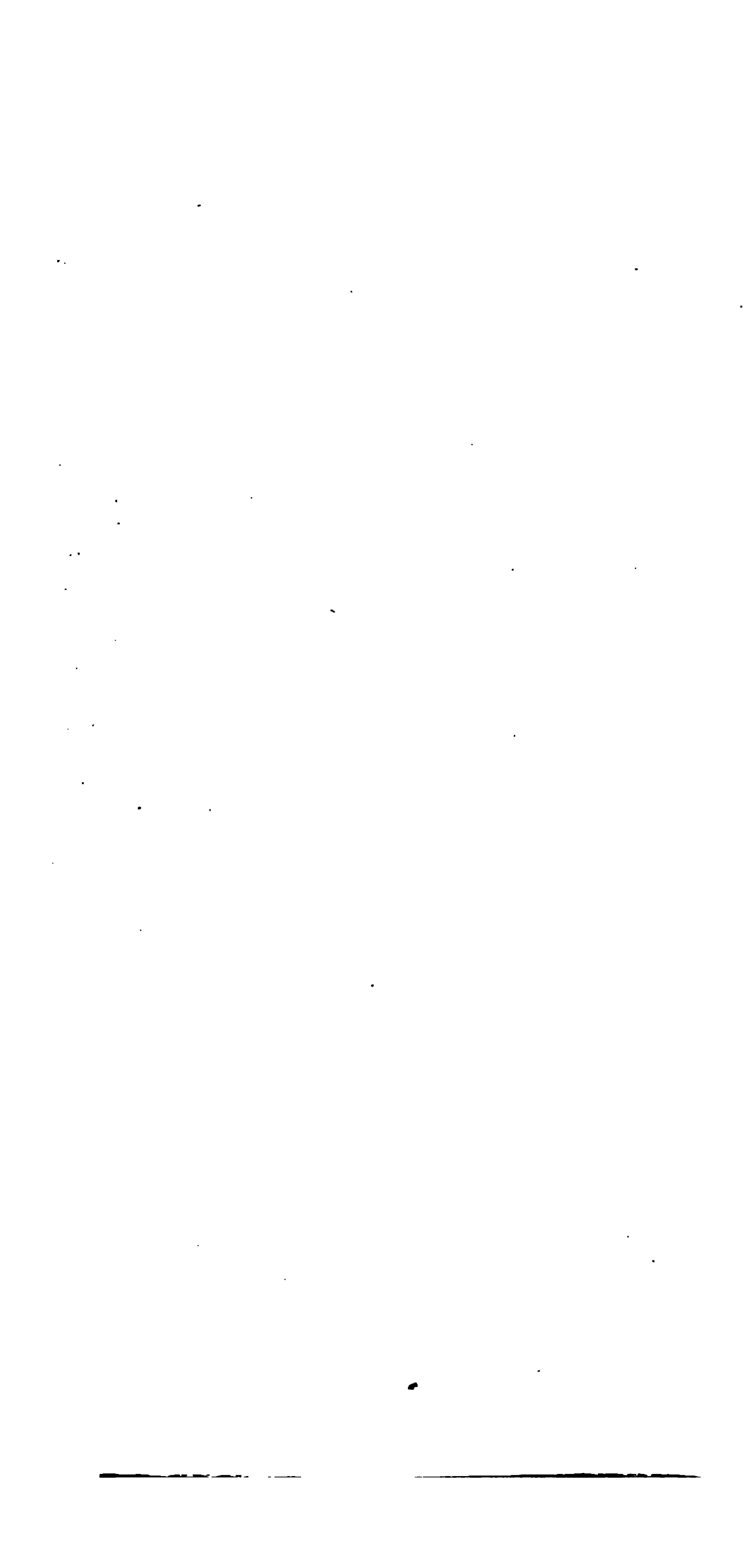
Воспользовавшись временнымъ моимъ пребываніемъ въ Тамбовѣ городское общество, сослуживцы и друзья дали мнѣ прощальные обѣды. Обѣдъ отъ города былъ вполнѣ оффиціальнымъ: на немъ присутствовали представители различныхъ учрежденій, съ губернаторомъ во главѣ. Двѣ личности изъ числа игравшихъ служебныя роли К... и Н..., радовавшіеся всякому про-

исходившему между военными и гражданскими властями столкновенію, старались на этомъ обѣдѣ казаться мнѣ сочувствующими. Противно было видѣть, когда они подходили чокаться бокалами и выражать свое сожалѣніе, что разстаются со мною. Одинъ началъ-было рѣчь о томъ, что теряетъ общество съ отъѣздомъ моего семейства, но я поспѣшилъ прервать слова Іуды благодарностью.

Обѣдъ, данный сослуживцами, былъ совсѣмъ иного характера. Къ нему съѣхались изъ Рязани, Козлова и Усмани полковые командиры и большая часть штабъ-офицеровъ дивизіи. Каждаго изъ нихъ я зналъ въ теченіи многихъ лѣтъ, и многіе мною же были выдвинуты на занимаемыя ими должности. Скажу не хвастаясь, что въ теченіи многолѣтней службы, мнѣ рѣдко приходилось ошибаться въ служебныхъ достоинствахъ моихъ подчиненныхъ. Большею частью тѣ, кого я отличалъ, оказывались достойными повышеній и, до послѣднихъ дней нашего взаимнаго служенія, были мнѣ помощниками. Назову тѣхъ изъ штабъ-офицеровъ дивизіи, имена которыхъ, съ чувствомъ уваженія и благодарности, навсегда сохраню въ своей памяти. Таковыми были: въ 1-мъ полку Стояновъ и Рейнгардъ, во 2-мъ—Акинфіевъ и Ракитинъ, въ 3-мъ—Коростылевскій, Ретунскій и Охтерлоне и въ 4-мъ—Милліусъ и Гординскій.

Такъ какъ дамы тамбовскаго общества не могли принимать участія въ оффиціальномъ чествованіи отъ города, то онѣ дали отдѣльный обѣдъ женѣ моей, на который рѣшили не приглашать ни одного мужчины, кромѣ меня. Подъ впечатлѣніемъ предстоявшей разлуки, вначалѣ всѣ были пріунывши, но по мѣрѣ рѣчей и тостовъ оказалось, что на прекрасный полъ шампанское дѣйствуетъ такъ же, какъ и на мужчинъ. Его представительницы постепенно развеселялись, такъ что послѣ обѣда дошло дѣло до танцевъ. Полькированіе и вальсъ молодыхъ произвели заразительное дѣйствіе на старушекъ. Анна Ивановна Казнакова и г-жа Комсина, годы которыхъ, взятые вмѣстѣ, далеко превосходили столѣтіе, не выдержали, велѣли музыкѣ играть „русскую“ и пустились плавно, помахивая платочками.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.



ОГЛАВЛЕНІЕ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

привезенъ изъ Тамбова, а вечеромъ представленъ вашему высокопревосходительству.

— Интересно будетъ взглянуть. Вы вѣроятно представляетесь Государю,—такъ вамъ пора: онъ сейчасъ уѣзжаетъ на ученье.

Видя, что въ сѣняхъ дворца собираются лица свиты и у дверей ждетъ линейный казакъ съ шинелью Государя, я не пошелъ наверхъ, а остался внизу, противъ ведущей изъ внутреннихъ залъ лѣстницы. Черезъ 2–3 минуты Его Величество спускается и, увидя меня, еще не дойдя до нижней ступени, съ милостивымъ взглядомъ говоритъ мнѣ:

— А, здравствуй! Затѣмъ, подойдя и давая руку, спрашиваетъ: ну, что у тебя дѣлается?

— Кромѣ Бѣлевскаго полка—отвѣчалъ я—въ прочихъ все благополучно.

— То-то, кромѣ Бѣлевскаго полка! Я очень, очень недоволенъ имъ. Развѣ можно было распустить полкъ до того, чтобы онъ во время пожара не только не помогъ жителямъ, но далъ-бы сгорѣть всему казенному имуществу?

— Смѣю доложить Вашему Величеству, что, разобравъ дѣло на мѣстѣ, я могу ручаться, что все, о чемъ писали въ газетахъ, выдумано, и что какъ офицеры, такъ и нижніе чины ни въ чемъ не виноваты.

— А полковой командиръ, который допустилъ, что у него все сгорѣло, кромѣ собственнаго его имущества, тоже ни въ чемъ не виноватъ?

— Вполнѣ оправдывать его я не смѣю; но считаю долгомъ доложить, что полковникъ С.... восемь лѣтъ командуетъ полкомъ и всегда представлялъ его въ хорошемъ состояніи. Что же касается его имущества, то оно не сгорѣло только потому, что, по случаю передѣлки въ квартирѣ, было убрано въ сарай, который случайно остался цѣлъ. Вся вина полковника въ томъ, что, когда надо было моментально распорядиться, онъ совершенно растерялся.

— Что же это за командиръ, который теряется во время пожара? Хорошъ онъ будетъ въ бою! Что же сдѣлано, чтобы скорѣе пополнить сгорѣвшее? вѣдь полкъ остался безъ обоза и безъ всего?

— Сгорѣло все, кромѣ знаменъ и денежнаго ящика. Я былъ

заграницею; но еще ранѣе моего возвращенія отправлены требованія на снабженіе полка всѣмъ необходимымъ.

— Я знаю, что тебя не было; а что же смотрѣлъ заступившій твое мѣсто? Все это происходитъ отъ того, что бригадные командиры относятся къ своимъ полкамъ не такъ, какъ слѣдуетъ, а я хочу, чтобы они были не номинальными, а дѣйствительными начальниками полковыхъ командировъ. Во всякомъ случаѣ, хлопочи, чтобы все было скорѣе приведено въ порядокъ. Никто не знаетъ, что будетъ весною.

Оказалось, что желая представиться, я былъ вполнѣ правъ. Государь не только не гнѣвался на меня, но въ этотъ же день, послѣ ученья, два раза милостиво обращался ко мнѣ, спрашивая, видѣлъ-ли я заграницею иностранныя войска, и былъ-ли въ Эмсѣ, во время пребыванія тамъ бывшаго моего шефа, Императора Вильгельма.

На слѣдующій день были маневры 35-й дивизіи противъ гренадёръ, на которыхъ я былъ назначенъ посредникомъ. Въ 8 часовъ, пасмурнаго утра, начальство и свита ожидали Государя на шоссе, за Всесвятскимъ. Туда же пріѣхалъ и военный министръ, уже получившій курьезный полиціймейстерскій отзывъ. Онъ обратился ко мнѣ съ слѣдующей фразой:

— Ну, извините меня, я долженъ откровенно сознаться, что вчера усумнился въ вашихъ словахъ. Да и не мудрено:— даже Государь, которому я только что докладывалъ отзывъ храбраго полиціймейстера, не вдругъ повѣрилъ такой храбрости.

Результатомъ всей этой продѣлки было увольненіе изъ службы многосемейнаго чиновника, потерявшаго мѣсто изъ-за желанія дѣйствовать въ духѣ своего начальника.

Бывши въ началѣ наступившаго 1876 года въ Петербургѣ, на выходѣ во дворцѣ, я познакомился съ вновь назначеннымъ губернаторомъ. Черезъ нѣсколько дней, въ тотъ самый часъ, какъ я готовъ былъ ѣхать на желѣзную дорогу, чтобы возвратиться домой, онъ пріѣхалъ ко мнѣ съ визитомъ. Вновь назначенный былъ человѣкъ военный и къ тому-же очень богатый, а потому всѣ надѣялись, что, послѣ 10-ти-лѣтняго чиновничьяго рутинерства, наступаетъ новая эра, и что открытый домъ губернатора оживитъ общество. Считая, что новый губернаторъ уже былъ у меня въ Петербургѣ, по его прибытіи въ Тамбовъ,

я поѣхалъ къ нему первымъ. На половинѣ пути мы встрѣтились. Остановивъ сани, онъ объявилъ, что только заѣдетъ къ архіерею и сейчасъ-же будетъ у меня, а я сказалъ, что ѣду къ нему, но дабы онъ засталъ меня, немедленно возвращаюсь и буду ждать его; забрасывать карточку на его квартиру я уже не поѣхалъ. Вмѣсто немедленнаго пріѣзда, губернаторъ прибылъ ко мнѣ въ 5 часовъ, когда я обѣдалъ, и были уже сумерки. Болѣе получаса мы проговорили вполнѣ дружески, при чемъ я старался ознакомить его съ моимъ взглядомъ на отношенія, которыя должны существовать между представителями военнаго и гражданскаго общества; старался доказать, что намъ слѣдуетъ соблюдать взаимные интересы и жить дружно, потому что служимъ одному и тому-же Государю. Увы! все это ни къ чему не послужило, и опять судьба столкнула меня съ человѣкомъ самаго страннаго взгляда на наши отношенія.

На слѣдующее утро новому начальнику губерніи представлялись чины всѣхъ подвѣдомственныхъ ему учрежденій. Хотя офицеры дивизіоннаго штаба, по закону, и не обязаны-бы были являться гражданскому начальнику, но, желая соблюсти военную вѣжливость, я приказалъ начальнику штаба и старшимъ адъютантамъ быть у губернатора. По окончаніи общаго пріема, послѣдній, въ рѣзкой формѣ высказалъ начальнику моего штаба свое неудовольствіе на то, что я наканунѣ не отвѣтилъ на его визитъ. Это было немедленно мнѣ передано, и крайне удивило меня. Чтобы съ перваго шага не становиться въ непріятныя отношенія и вмѣстѣ дать человѣку понять, если онъ самъ не понималъ, что по ночамъ визитовъ не дѣлаютъ и напомнить о вчерашней встрѣчѣ, изъ которой онъ могъ знать о моемъ къ нему визитѣ, слѣдовательно и претендовать не имѣлъ ни малѣйшаго повода, я поѣхалъ къ нему. При первыхъ-же словахъ, распѣтушившійся нѣсколько сконфузился, не зналъ что говорить, но потомъ казалось понялъ, что сдѣлалъ безтактность, и всячески старался измѣнить разговоръ. Не понравилось мнѣ еще то, что, когда я пріѣхалъ, то губернаторъ, бывъ въ сюртукѣ, бросился изъ кабинета въ уборную, и возвратился оттуда въ мундирѣ. Что за китайщина и къ чему былъ сдѣланъ этотъ фарсъ чинопочитанія, когда впослѣдствіи выяснилось, что онъ и послѣ моего пріѣзда жаловался, что я

не отдалъ ему визита. Изъ изложеннаго видно, отвѣчала-ли эта жалоба истинѣ. Нужно, впрочемъ, сказать, что потомъ онъ всячески старался поправить дѣло и съ каждымъ днемъ дѣлался со мною любезнѣе. Ничего не зная о посланной въ Петербургъ жалобѣ, я съ своей стороны отвѣчалъ тѣмъ-же; мы познакомились домами, и отношенія наши были самыя пріятныя.

Къ сожалѣнію, въ Петербургѣ на это пустое дѣло взглянули серьезно и рѣшили разлучить меня съ обидчивымъ губернаторомъ. Въ половинѣ марта, пробѣгая „Инвалидъ", я прочелъ въ немъ, что назначаюсь начальникомъ 2-й пѣхотной дивизіи, въ Казань, а на мое мѣсто переведенъ изъ Казани генералъ Набель. Не столько перемѣна дивизіи и предстоящій переѣздъ огорчили меня, какъ то, что это было сдѣлано безъ всякой справки, безъ запроса и объясненій. Даже мой ближайшій начальникъ, генералъ Гильденштуббе писалъ мнѣ, что онъ крайне удивленъ и ничего не знаетъ о причинѣ перевода. Что-же касается виновника всей этой исторіи, то онъ не зналъ, какъ смотрѣть мнѣ въ глаза, старался изысканнымъ вниманіемъ загладить сдѣланное, и, когда, по случаю внезапной смерти Набеля, дивизія сдѣлалась снова вакантною, то спрашивалъ меня, нельзя ли какъ-нибудь устроить, чтобы я вновь принялъ ее и остался въ Тамбовѣ? Я отвѣтилъ ему: „Пусть объ этомъ хлопочетъ тотъ, кто виноватъ въ моемъ переводѣ, я же не скажу ни слова".

Странныя бываютъ личности между губернаторами: иной, вотъ какъ напримѣръ и тотъ, о которомъ идетъ рѣчь, въ сущности человѣкъ хорошій, но непремѣнно воображаетъ, что всѣ ему манкируютъ и что представители военнаго сословія желаютъ первенствовать передъ нимъ, тогда какъ никто объ этомъ и не думаетъ. Разъ что, по существующимъ правиламъ объ отношеніяхъ между гражданскими и военными начальниками, въ нѣкоторыхъ случаяхъ старшинство чиновъ въ разсчетъ не принимается,—кому охота заводить столкновенія изъ-за того, кому быть впереди въ соборѣ, или первому подходить къ кресту? Презабавно смотрѣть, когда видишь, что человѣкъ, занимающій серьезный постъ, такъ и караулитъ, чтобы кто не сталъ выше его. Казалось бы, что отданіе во всѣхъ случаяхъ первенства тому, кто старше въ чинѣ, устранило-бы

всѣ эти мелочности. Если же строго соблюдать существующія правила, то выходитъ нѣчто странное. Напримѣръ: въ соборѣ губернаторъ—полковникъ или статскій совѣтникъ—выше стараго генералъ-лейтенанта, а выйдя изъ собора къ церковному параду, командующій дивизіею, генералъ-маіоръ, первенствуетъ передъ губернаторомъ—генералъ-лейтенантомъ.

Въ концѣ апрѣля я началъ готовиться къ переѣзду въ Казань, для чего списался съ начальникомъ штаба 2-й дивизіи. Но въ это самое время въ Московскомъ округѣ открылась вакансія 3-й дивизіи—въ Нижнемъ-Новгородѣ. А. И. Гильденштуббе, желая удержать меня у себя, немедленно сдѣлалъ представленіе о назначеніи меня въ Нижній, что вскорѣ и состоялось. Такимъ образомъ, два раза я былъ назначаемъ начальникомъ 2-й дивизіи, и ни разу не принималъ ее.

Остальные дни мая мѣсяца были послѣдними днями моего пребыванія въ Тамбовѣ. Хотя я лѣтомъ два раза и пріѣзжалъ въ него, но только для того, чтобы навѣстить, а потомъ перевезти семью въ новое мѣсто моего служенія. Нигдѣ еще, въ теченіи 25-ти лѣтней, скитальческой, армейской жизни, не доводилось мнѣ оставаться такъ долго какъ въ Тамбовѣ. Хотя тамъ, какъ видно изъ сказаннаго, и случались непріятныя столкновенія, но въ общемъ, 8 лѣтъ проведенныя въ этомъ городѣ, вспоминаются съ удовольствіемъ. Много въ немъ сдѣлано связей, много оставлено привязанностей и друзей, разставаться съ которыми было не легко. Но особенно тяжела мнѣ была разлука съ полками дивизіи, въ которую было вложено немало труда и заботъ. Тамъ всѣ знали меня и я всѣхъ. Всѣ мои требованія были усвоены, все шло стройно, по укоренившемуся порядку, и я надѣялся, что самъ воспользуюсь плодами моихъ трудовъ, когда придется вести дивизію въ дѣло: но судьба опредѣлила иначе. Ровно черезъ годъ пришлось вести въ бой полки иные, но все-таки мною снаряженные и подготовленные.

Воспользовавшись временнымъ моимъ пребываніемъ въ Тамбовѣ городское общество, сослуживцы и друзья дали мнѣ прощальные обѣды. Обѣдъ отъ города былъ вполнѣ оффиціальнымъ: на немъ присутствовали представители различныхъ учрежденій, съ губернаторомъ во главѣ. Двѣ личности изъ числа игравшихъ служебныя роли К... и Н..., радовавшіеся всякому про-

исходившему между военными и гражданскими властями столкновенію, старались на этомъ обѣдѣ казаться мнѣ сочувствующими. Противно было видѣть, когда они подходили чокаться бокалами и выражать свое сожалѣніе, что разстаются со мною. Одинъ началъ-было рѣчь о томъ, что теряетъ общество съ отъѣздомъ моего семейства, но я поспѣшилъ прервать слова Іуды благодарностью.

Обѣдъ, данный сослуживцами, былъ совсѣмъ иного характера. Къ нему съѣхались изъ Рязани, Козлова и Усмани полковые командиры и большая часть штабъ-офицеровъ дивизіи. Каждаго изъ нихъ я зналъ въ теченіи многихъ лѣтъ, и многіе мною же были выдвинуты на занимаемыя ими должности. Скажу не хвастаясь, что въ теченіи многолѣтней службы, мнѣ рѣдко приходилось ошибаться въ служебныхъ достоинствахъ моихъ подчиненныхъ. Большею частью тѣ, кого я отличалъ, оказывались достойными повышеній и, до послѣднихъ дней нашего взаимнаго служенія, были мнѣ помощниками. Назову тѣхъ изъ штабъ-офицеровъ дивизіи, имена которыхъ, съ чувствомъ уваженія и благодарности, навсегда сохраню въ своей памяти. Таковыми были: въ 1-мъ полку Стояновъ и Рейнгардъ, во 2-мъ—Акинфіевъ и Ракитинъ, въ 3-мъ—Коростылевскій, Ретунскій и Охтерлоне и въ 4-мъ—Милліусъ и Гординскій.

Такъ какъ дамы тамбовскаго общества не могли принимать участія въ оффиціальномъ чествованіи отъ города, то онѣ дали отдѣльный обѣдъ женѣ моей, на который рѣшили не приглашать ни одного мужчины, кромѣ меня. Подъ впечатлѣніемъ предстоявшей разлуки, вначалѣ всѣ были пріунывши, но по мѣрѣ рѣчей и тостовъ оказалось, что на прекрасный полъ шампанское дѣйствуетъ такъ же, какъ и на мужчинъ. Его представительницы постепенно развеселялись, такъ что послѣ обѣда дошло дѣло до танцевъ. Полькированіе и вальсъ молодыхъ произвели заразительное дѣйствіе на старушекъ. Анна Ивановна Казнакова и г-жа Комсина, годы которыхъ, взятые вмѣстѣ, далеко превосходили столѣтіе, не выдержали, велѣли музыкѣ играть „русскую" и пустились плавно, помахивая платочками.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Цѣна за обѣ части 5 р. безъ пересылки.

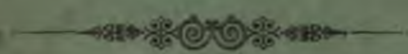
ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Личныя и служебныя воспоминанія

П. П. Карцова.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

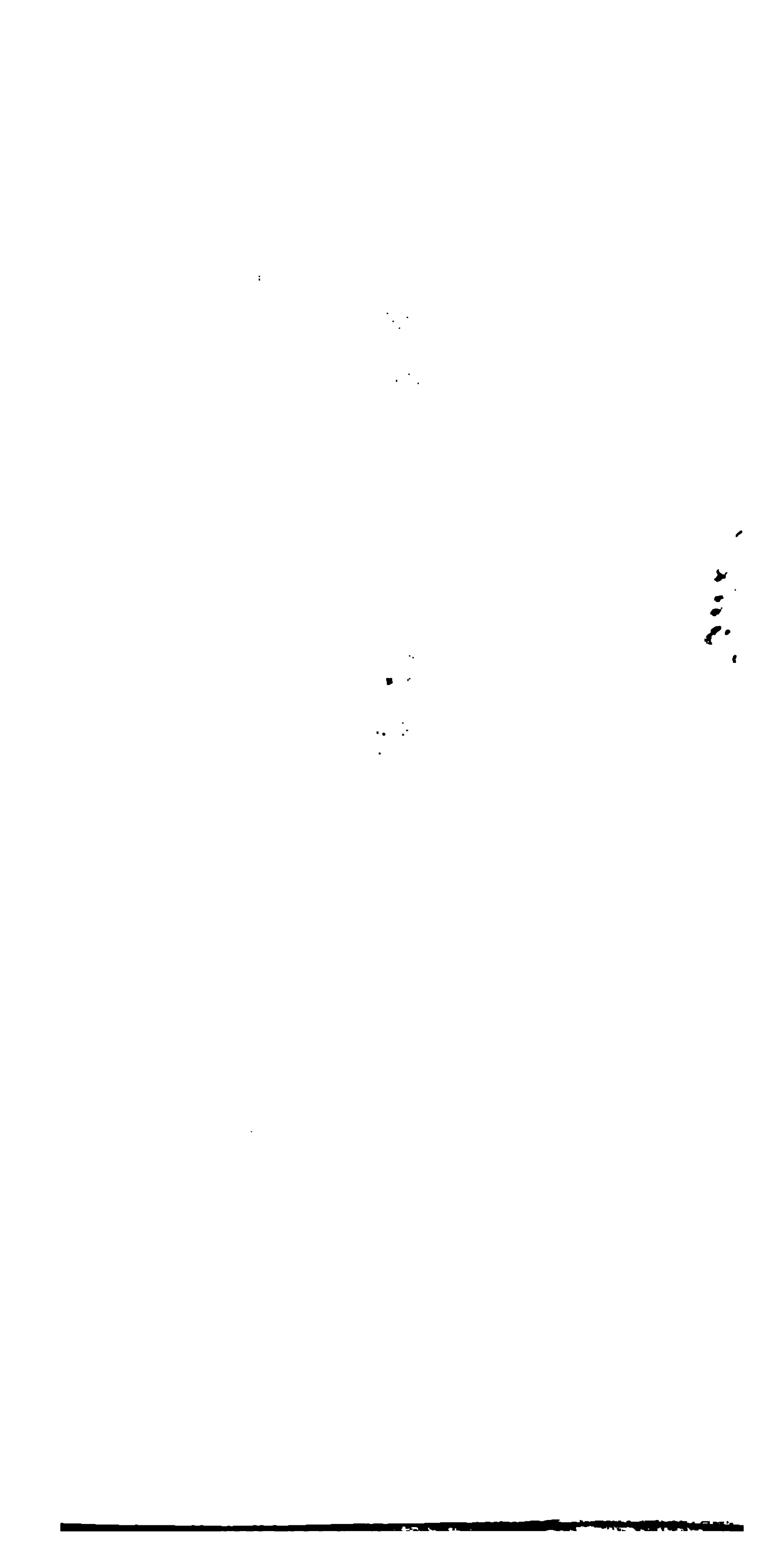
1876 — 1878 годъ.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества «Общественная Польза», Бол. Подъяческая, № 39.
1888.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Часть вторая.



ИЗЪ ПРОШЛАГО.

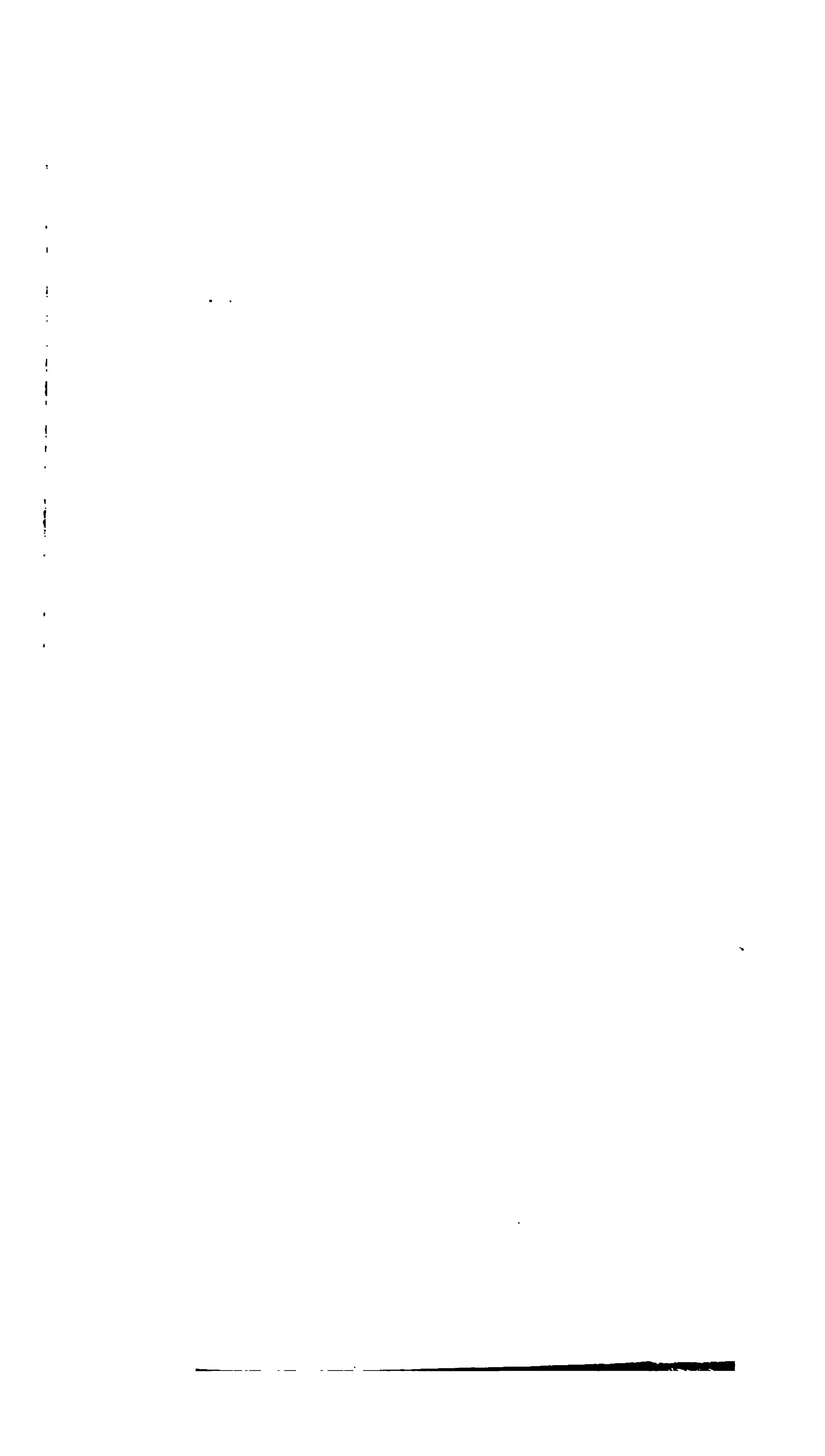
Личныя и служебныя воспоминанія

П. П. Карцова.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1876—1878 годъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества «Общественная Польза», Бол. Подъяческая, № 39.
1888.



ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

1876.

Знакомство съ новою дивизіею. — Лагерь въ Москвѣ. — Взгляды начальника округа. — Сербскіе добровольцы. — Пріѣздъ принца Гумберта. — Его военно-административные взгляды. — Пріѣздъ Государыни Цесаревны, королей датскаго и греческаго. — Представленіе имъ лагеря и войскъ. — Разсказъ о проспанной тревогѣ. — Перевозъ семьи въ Нижній. — Нѣтъ худа безъ добра.

Узнавъ, что 3-я дивизія назначается на лѣто въ лагерь подъ Москвою, я оставилъ семью въ Тамбовѣ и отправился принимать новую дивизію. Она была уже мнѣ нѣсколько знакома: въ ней я началъ въ 1857 году мою армейскую службу, въ званіи командира 3-го стрѣлковаго баталіона, въ ней же, черезъ 20 лѣтъ, пришлось окончить строевую службу, подъ стѣнами Константинополя. Двухъ ея полковыхъ командировъ я зналъ лично.

Проѣздомъ черезъ Москву надо было представиться Гильденштуббе, который счелъ нужнымъ передать мнѣ свои взгляды на полки и ихъ командировъ. Что онъ скрылъ отъ меня бѣдность полковъ и расхваливалъ ихъ, это понятно; но что крайне пристрастно рекомендовалъ одного изъ командировъ, — это осталось для меня загадкою. „Что касается до командира 3-го полка, — говорилъ командующій войсками, — то совѣтую имѣть за нимъ глазъ да глазъ. Это былъ любимчикъ вашего предмѣстника, а между тѣмъ я знаю, что онъ командуетъ полкомъ, какъ говорится, изъ халата"! Такъ было сказано о полковникѣ Кусовѣ, тогда какъ это былъ несомнѣнно лучшій полковой командиръ въ дивизіи, да я думаю и въ округѣ. Человѣкъ достойнѣйшій во всѣхъ отношеніяхъ, клавшій въ полкъ свою душу, Кусовъ держалъ его въ рукахъ и, какъ

имѣвшій хорошія собственныя средства, ничего не жалѣлъ для полка. Невѣрная оцѣнка людей, сколько я замѣчалъ, происходила у почтеннаго А. И. Гильденштуббе отъ того, что онъ любилъ иногда собирать свѣдѣнія о томъ, что дѣлается въ войскахъ, побочными, часто далеко невѣрными путями и отъ кого попало.

Видъ Нижняго-Новгорода, въ которомъ я до того не бывалъ, произвелъ на меня самое пріятное впечатлѣніе. Въ то время Ока и Волга еще не вполнѣ вступили въ берега, такъ что картина отъ вокзала на подымающійся террасами городъ и съ откоса на разливы Волги представляла одну изъ рѣдкихъ, по своей красотѣ и величію. Три дня, проведенные въ городѣ, были употреблены мною на первое инспектированіе обоихъ стоящихъ въ немъ полковъ и на оффиціальные визиты, начиная съ архіерея и губернатора. Первый плѣнилъ меня своею привѣтливостью и простотою пріема, второй — удивилъ беззастѣнчивою бойкостью и роскошью своей обстановки. Впрочемъ, послѣднему помогало то, что едва-ли кто изъ губернаторовъ въ Россіи пользуется помѣщеніемъ въ такомъ дворцѣ, какъ нижегородскій, отданный въ полное его распоряженіе, со всѣмъ его убранствомъ, прекрасными залами и даже съ церковью.

На обратномъ пути, проѣзжая Ковровъ, я встрѣтился на станціи съ вновь назначеннымъ ко мнѣ въ дивизію командиромъ бригады, генераломъ В. Д. Давыдовымъ, сыномъ знаменитаго партизана отечественной войны. Если по своей тучности и вообще комплекціи онъ не былъ похожъ на отца, то по игривости и бойкости ума вѣроятно походилъ на него. Возвращаясь въ Тамбовъ, я заѣхалъ въ Рязань проститься съ Тульскимъ полкомъ, который только-что былъ сданъ Уфнярскимъ новому командиру. Достаточно было взглянуть на послѣдняго передъ строемъ, чтобы пожалѣть, что этотъ прекрасный полкъ попадаетъ въ такія руки.

Къ 1-му іюня полки собрались въ лагерь; къ этому же времени я пріѣхалъ въ Москву, гдѣ и началось болѣе близкое знакомство съ дивизіею. Она оказалась далеко не такою, какою рекомендовалъ ее Гильденштуббе. Впрочемъ это не удивило меня, такъ какъ я издавна зналъ его манеру рекомендовать новому начальнику принимаемую часть съ лучшей сто-

роны, а потомъ говорить, что часть распускается. Въ дѣйствительности строевое дѣло было вовсе не дурно, но хозяйство и манера начальствованія похвалы не заслуживали. Болѣе же всего поражала меня какая-то запуганность, въ которой я засталъ офицеровъ. Они были такъ засуечены и такъ невоспріимчивы и равнодушны, точно съ ними никогда никто не обращался и не говорилъ по-человѣчески. При первомъ объѣздѣ лагеря командующимъ войсками, остановясь у фланга 1-го полка, гдѣ были всѣ его офицеры, Гильденштуббе весьма любезно привѣтствовалъ ихъ, желая имъ благополучнаго лагеря. Они выслушали его слова въ позѣ нижнихъ чиновъ, отдающихъ честь; никто не отвѣчалъ даже поклономъ, ни одинъ штабъ-офицеръ не нашелся поблагодарить за привѣтъ, хотя бы солдатскимъ отвѣтомъ „покорно благодаримъ". Когда я выразилъ полковому командиру мое удивленіе, то онъ отвѣтилъ:

— Трудно, ваше превосходительство, ожидать инаго, когда офицеры, кромѣ распеканій, ничего не слыхали; они уже привыкли къ безмолвію.

Странно, что такой бывалый начальникъ, какъ Гильденштуббе, не измѣнилъ подобнаго направленія. Хотя онъ самъ, быть можетъ, иногда и не совсѣмъ справедливо, а по какимъ-либо другимъ мотивамъ, обрушивался на кого-либо, но при надобности умѣлъ и поднять духъ части, ободрить, успокоить ее. О замѣченномъ въ дивизіи мы часто говаривали съ Александромъ Ивановичемъ, и однажды я даже вызвалъ его на извиненіе передъ полковымъ командиромъ. Было это такъ: только-что прибывшій въ роту новобранецъ не могъ ему назвать фамиліи своего ротнаго командира. Старикъ страшно разсердился и сильно распекъ всѣхъ начальниковъ этого солдата. Мы выслушали крутые выговоры безъ возраженій, но когда горячность миновала, я доложилъ, что онъ напрасно принялъ такъ близко случившееся, потому что въ немъ невиноваты—ни неумѣвшій отвѣтить, ни его начальники, такъ какъ спрошенный былъ чувашъ, только недѣлю назадъ прибывшій въ роту и вовсе непонимающій по-русски. Гильденштуббе немедленно извинился передъ тѣми, кого распекалъ.

Вспомню при этомъ и другой случай. Мы на столько знали другъ друга, что я могъ позволить себѣ, бывши глазъ-на-глазъ

съ Александромъ Ивановичемъ, оспаривать нѣкоторые его взгляды и дѣйствія. У него была манера ежедневно выѣзжать на учебное поле, при домашнихъ занятіяхъ и особенно на стрѣльбу. Какъ старый служака, онъ не могъ переносить самой мелкой неисправности и недосмотра, а потому ни одно его посѣщеніе не обходилось безъ замѣчаній и выговоровъ. Извѣстно, что никакое занятіе не требуетъ отъ солдата такого внутренняго спокойствія, какъ стрѣльба, а могъ ли солдатъ быть спокоенъ, когда зналъ, что за нимъ командующій войсками, отъ глаза котораго не скроются ни длинные волосы, ни скрививш йся каблукъ. Можно ли было этому стрѣлку сохранять хладнокровіе, думать о правильномъ прицѣливаніи, сосредоточиться на выстрѣлѣ? Объясняя это Гильденштуббе, я сознавался, что самъ избѣгаю бывать на стрѣльбѣ ежедневно, а предоставляя это дѣло полковымъ и батальоннымъ командирамъ, пріѣзжаю на стрѣльбу изрѣдка, невзначай, иногда разъ въ недѣлю, а другой разъ и два раза въ день.

— А кто же мнѣ будетъ порукою, — возразилъ Гильденштуббе, — что если я не буду появляться ежедневно, то иной ротный командиръ тоже не пожалуетъ къ ротѣ?

— Во-первыхъ, порукою будетъ то, что полковой командиръ узнаетъ объ этомъ, а во-вторыхъ—страхъ, что вы или я можемъ наѣхать нечаянно и серьезно взыскать съ манкирующаго, что мнѣ и случалось дѣлать, но не болѣе 3-хъ разъ въ теченіи 10-ти-лѣтняго командованія дивизіями.

Съ тѣхъ поръ, въ теченіи всего лагеря, старикъ обыкновенно издали здоровался съ стрѣлявшими, и только два раза приближался къ нимъ, приказывая при этомъ продолжать занятія. Онъ призналъ, что мои доводы о ежедневномъ пребываніи старшаго начальника, на такомъ занятіи какъ домашняя стрѣльба, совершенно безполезны для дѣла.

Съ приходомъ въ лагерь уже было извѣстно, что въ этомъ году Государь не будетъ смотрѣть собранныхъ подъ Москвою полковъ, и что Высочайшіе смотры будутъ замѣнены смотрами командующаго войсками. Это производило невыгодное впечатлѣніе, потому, во-первыхъ, что офицеры теряли надежду получить награды сверхъ нормы, а во-вторыхъ — всѣ знали обычай Гильденштуббе, все время распекаетъ и хвалитъ только

въ концѣ, желая показать, что войска, бывшія слабыми, выучились и поправились только вслѣдствіе его трудовъ и указаній. Сдѣланный имъ въ началѣ лагеря парадъ вполнѣ подтвердилъ это. Онъ такъ распекъ всѣхъ полковыхъ командировъ, такъ энергично поручалъ мнѣ подтянуть полки, что они впали въ уныніе, и мнѣ же надо было успокоивать и ободрять ихъ. Къ счастью, полковые командиры вѣрили въ мое вліяніе на строгаго начальника и знали мои къ нему отношенія. Вскорѣ послѣ парада началась переборка ученій по батальонно, по полкамъ и бригадамъ. Я зналъ, что на первыхъ будутъ грозы, на вторыхъ появится пасмурность и только при бригадныхъ ученьяхъ проглянетъ солнышко. Такъ оно и было, но, къ сожалѣнію, батальонныя ученья едва не кончились грустнымъ фактомъ. Смотря полкъ полковника Кусова, командующій войсками, за негромкую и не снаровистую команду одного баталіоннаго командира, до того круто отнесся къ полковому, что тотъ, сказавшись больнымъ, уѣхалъ съ ученья. Онъ былъ такъ огорченъ новымъ доказательствомъ нерасположенія главнаго начальника, что на другой же день подалъ въ отставку. Мнѣ было жаль разстаться съ лучшимъ полковымъ командиромъ дивизіи; хотя и съ большимъ трудомъ, но я уговорилъ Кусова взять прошеніе назадъ и далъ ему слово употребить все мое вліяніе, чтобы командующій войсками увидѣлъ, въ какой мѣрѣ онъ ошибался въ оцѣнкѣ его службы.

Въ началѣ іюня Гильденштуббе заболѣлъ подагрою и передалъ мнѣ, какъ старшему послѣ него, начальствованіе лагернымъ сборомъ, но только въ наружномъ отношеніи; всѣ же распоряженія о занятіяхъ оставилъ за собою, объявляя ихъ черезъ своего новаго начальника штаба, такъ какъ прежній получилъ дивизію. Этой перемѣнѣ войска не симпатизировали уже потому, что мѣняли опытнаго, 8 лѣтъ имъ извѣстнаго начальника штаба, на лицо, совершенно имъ чуждое. Первый, имѣя значительное вліяніе на дѣла округа, зналъ всѣхъ и его всѣ знали, о новомъ-же никто не слыхалъ и надо было еще узнать, что изъ него выйдетъ. Болѣзнь Гильденштуббе приключилась весьма не кстати, такъ какъ съ половины іюля начались пріѣзды въ Москву иностранныхъ гостей. Первымъ прибылъ итальянскій наслѣдный принцъ Гумбертъ, съ супругою. Прежде чѣмъ описывать его посѣщеніе, скажу нѣсколько

словъ о злобѣ дня того времени, о сербско-турецкой войнѣ и ея вліяніи.

Политическія событія на Балканскомъ полуостровѣ уже два года волновали русское общество. Возстаніе герцеговинцевъ, война въ Черногоріи и въ особенности неистовства турокъ въ Болгаріи возбуждали сочувствіе не только нашей интеллигенціи, но и народа. Сначала оно состояло въ денежныхъ и вещественныхъ пожертвованіяхъ, но съ открытіемъ военныхъ дѣйствій въ Сербіи, выразилось уже въ личной помощи. Правительство разрѣшило желающимъ офицерамъ, по выходѣ въ отставку, поступать въ сербскія войска, съ правомъ, по окончаніи войны, возвратиться въ свои части, а славянскіе комитеты приглашали желающихъ изъ народа, выдавая таковымъ пособія на одежду и путевые расходы. Охотниковъ попробовать счастья нашлось не мало, они были названы добровольцами. Одни пошли по призванію, съ цѣлью быть защитниками единовѣрцевъ, другіе—испытать себя въ боевомъ дѣлѣ, но большая часть была искателями приключеній. Что касается добровольцевъ изъ офицеровъ армейскихъ полковъ, то они раздѣлялись на двѣ категоріи: нѣкоторые шли съ убѣжденіемъ принести пользу и себѣ, и дѣлу славянства, но много было и такихъ, объ уходѣ которыхъ мы не жалѣли. Сознаюсь, что тѣхъ, которые просились по минутному увлеченію, я старался удерживать, предсказывая, что въ недалекомъ будущемъ они могутъ удовлетворить свое стремленіе быть въ дѣлахъ, въ составѣ своихъ полковъ, вмѣстѣ съ товарищами, а не среди необученныхъ и не дисциплинированныхъ сербскихъ ополченій. Многіе послѣвали моему совѣту, а отправившіеся, по возвращеніи сознавались, что мало чему выучились.

Перехожу къ посѣщенію Москвы принцемъ Гумбертомъ. Онъ имѣлъ соизволеніе Государя видѣть собранныя въ лагерѣ войска, а потому, по болѣзни командующаго войсками, мнѣ довелось все представлять ему и всюду сопровождать его. Три дня бытности при немъ привели меня къ убѣжденію, что это человѣкъ вѣрныхъ взглядовъ на строевое дѣло и дисциплину, чуждый излишней гуманности. Принцу было показано ученье 1-й гренадерской дивизіи, послѣ котораго онъ пожелалъ видѣть лагерные полковые лазареты. Сѣвъ въ коляску, мы отправились въ Всесвятскіе бараки, которыми онъ остался ви-

димо доволенъ; да и трудно было не похвалить ихъ, потому что чистота и порядокъ въ лазаретахъ были доведены до щегольства. Спрашивая во что обходится казнѣ содержаніе каждаго больнаго, его высочество былъ крайне удивленъ, когда я доложилъ, что полки получаютъ менѣе франка на человѣка. При выѣздѣ изъ бараковъ, встрѣтившійся судебный слѣдователь обратилъ на себя вниманіе принца, цвѣтомъ своего малиноваго воротника и околыша.

— Какого полка этотъ офицеръ? спросилъ онъ.

— Это не офицеръ, а военный судья,—было моимъ отвѣтомъ.

— Что значитъ военный судья и между тѣмъ не офицеръ полка? вновь спрашиваетъ принцъ.

Пришлось объяснить ему, что у насъ существуетъ особое военно-судебное учрежденіе, вѣдающее тѣ проступки солдатъ, которые не предоставлено судить въ полкахъ, и что въ этомъ учрежденіи три инстанціи, изъ коихъ высшая называется главнымъ военно-суднымъ управленіемъ.

Онъ слушалъ очень внимательно и потомъ сказалъ:

— Я этого не понимаю. Развѣ можетъ судить и наказывать солдата кто-либо, кромѣ офицера, его начальника?

Возвращаясь во дворецъ, намъ пришлось проѣзжать лагерный оврагъ, въ одномъ изъ береговъ котораго было устроено нѣсколько карцеровъ, въ видѣ вытянутыхъ въ линію землянокъ, возлѣ которыхъ расхаживали часовые. Это вновь возбудило любопытство принца. Чтобы удовлетворить его, надо было разсказать, что со времени уничтоженія тѣлеснаго наказанія, солдаты, за маловажные поступки, подвергаются, на основаніи дисциплинарнаго устава, аресту, смотря по винѣ, на однѣ или нѣсколько сутокъ.

Тогда его высочество удивилъ меня вопросомъ:

— Да развѣ это наказаніе?

Я не зналъ что отвѣтить, а онъ продолжалъ:

— Значитъ, у васъ того мнѣнія, что за пьянство, самовольную отлучку, за неряшество или лѣность,—надо давать солдату отдыхъ. Какое же это наказаніе, если въ то время, когда товарищи виновнаго на ученьи, въ караулѣ или на тяжелой работѣ, ему даютъ возможность ничего не дѣлать и спать сколько угодно? Нѣтъ, у насъ смотрятъ на подобныя вещи

вѣрнѣе, практичнѣе: лишаютъ свободы только того, кого ожидаетъ серьезное наказаніе по суду, а за текущіе, обыкновенные поступки ставятъ солдата въ ранцѣ, съ насыпаннымъ въ него пескомъ, подъ особое тяжелое ружье, сдѣланное изъ свинца, лицомъ плотно къ стѣнѣ. Какъ онъ простоитъ такъ часовъ 5, подъ нашимъ итальянскимъ солнцемъ, такъ не захочетъ впередъ ни отлучаться, ни лѣниться. Повѣрьте, что это гораздо дѣйствительнѣе вашихъ арестованій.

Итальянскіе гости оставались въ Москвѣ дня четыре. Въ это время, кромѣ осмотра достопримѣчательностей города, князь В. А. Долгоруковъ старался доставлять имъ доступныя по сезону развлеченія. Мнѣ, какъ временно замѣнявшему представителя военной среды, привелось быть вездѣ съ ними. Помню обѣдъ у генералъ-губернатора, поѣздку на Воробьевы горы, вечеръ въ Нескучномъ, съ иллюминаціею и неизбѣжнымъ цыганскимъ хоромъ въ саду.

Въ день отъѣзда принца Гумберта, всѣмъ тѣмъ гражданскимъ чинамъ, которые состояли во главѣ осмотрѣнныхъ имъ заведеній, были пожалованы итальянскіе ордена, причемъ не были обойдены и чины полиціи. Потомъ оказалось, что и нѣкоторые изъ военныхъ, ничего не представлявшіе, получили такія-же награды. Я всегда удивлялся, какъ это жаждущіе крестиковъ умѣютъ устраиваться такъ, что получаютъ ихъ. Другой не имѣлъ случая слова сказать пріѣзжему принцу, а смотришь уже со звѣздою отъ него; а тотъ, кто былъ служебно-близокъ къ нему, остается безъ ордена.

Вскорѣ по отъѣздѣ итальянцевъ, получено было увѣдомленіе, что Москву посѣтитъ Государыня Цесаревна и съ нею короли Датскій и Греческій, съ ихъ супругами. За нѣсколько дней до ихъ пріѣзда сообщено было изъ Петербурга, чтобы, кромѣ почетнаго караула, ничего другаго не представлять. Предупреждая меня объ этомъ, Гильденштуббе подтвердилъ, отнюдь не предлагать высокимъ посѣтителямъ что-либо смотрѣть въ лагерѣ, и стараться кончать занятія пораньше, дабы они, катаясь, не могли видѣть войскъ издали. Я удивлялся подобному приказанію, потому что предлагать что-либо смотрѣть было-бы вообще безтактно и неумѣстно, а не показать войскъ, если высокія особы пожелаютъ ихъ видѣть, нельзя. Такъ оно и случилось.

Почетный караулъ былъ принятъ королемъ Датскимъ въ вокзалѣ желѣзной дороги. Тамъ-же передали всѣмъ генераламъ, что Цесаревна приказала пригласить ихъ въ 6 часовъ вечера, къ своему столу, въ большой Кремлевскій дворецъ. Послѣ обѣда Ея Высочество и Ихъ Величества обходили присутствовавшихъ, говоря со многими. Въ это время Цесаревна спросила о чемъ-то коменданта, генерала Фредерикса, который, отвѣчая, указалъ на меня. Замѣтя это, я поспѣшилъ подойти, и тогда Ея Высочество изволила обратиться ко мнѣ съ словами:

— Я желала-бы видѣть войска въ ихъ лагерѣ. Когда вы можете показать ихъ?

— Во всякое время, когда Вашему Высочеству угодно будетъ назначить, отвѣчалъ я.

— Въ такомъ случаѣ, самое лучшее, завтра вечеромъ; мы думаемъ быть въ 7 часовъ на скачкахъ и прямо оттуда проѣхали-бы въ лагерь.

Я отвѣтилъ:—Войска будутъ счастливы видѣть Ваше Высочество и привѣтствовать Вашихъ августѣйшихъ родителей.

Слышавшій это, новый начальникъ штаба, съ видимымъ удивленіемъ, потомъ спрашиваетъ меня:

— Какимъ-же образомъ вы будете показывать войска, когда знаете, что есть бумага не дѣлать никакихъ представленій?

— А какимъ образомъ, отвѣтилъ я, возможно не исполнить волю Цесаревны, разъ что ей угодно объѣхать лагерь! Поѣзжайте къ Гильденштуббе, разскажите все, что слышали, и передайте, что я сейчасъ же сдѣлаю всѣ распоряженія для встрѣчи Ея высочества, по уставу.

На слѣдующій день, въ 7 часовъ вечера, войска были поставлены у своихъ палатокъ, имѣя на опредѣленныхъ мѣстахъ музыкантскіе хоры и пѣсенниковъ, а на флангахъ полковъ— своихъ офицеровъ. Въ 8 часовъ, отъ павильона скачекъ, показался поѣздъ изъ нѣсколькихъ, запряженныхъ четвернями въ рядъ, колясокъ. Въ первой находились: Цесаревна съ датскою королевскою четою и ихъ младшею дочерью, во второй — король греческій съ супругою, а затѣмъ лица ихъ свиты. Ея высочество привѣтствовала офицеровъ каждаго полка и здоровалась отдѣльно съ каждымъ батальономъ. Находясь на конѣ, возлѣ ея экипажа, я докладывалъ названіе

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

1876.

Знакомство съ новою дивизіею. — Лагерь въ Москвѣ. — Взгляды начальника округа. — Сербскіе добровольцы. — Пріѣздъ принца Гумберта.— Его военно-административные взгляды. — Пріѣздъ Государыни Цесаревны, королей датскаго и греческаго. — Представленіе имъ лагеря и войскъ. — Разсказъ о проспанной тревогѣ. — Перевозъ семьи въ Нижній.—Нѣтъ худа безъ добра.

Узнавъ, что 3-я дивизія назначается на лѣто въ лагерь подъ Москвою, я оставилъ семью въ Тамбовѣ и отправился принимать новую дивизію. Она была уже мнѣ нѣсколько знакома: въ ней я началъ въ 1857 году мою армейскую службу, въ званіи командира 3-го стрѣлковаго баталіона, въ ней же, черезъ 20 лѣтъ, пришлось окончить строевую службу, подъ стѣнами Константинополя. Двухъ ея полковыхъ командировъ я зналъ лично.

Проѣздомъ черезъ Москву надо было представиться Гильденштуббе, который счелъ нужнымъ передать мнѣ свои взгляды на полки и ихъ командировъ. Что онъ скрылъ отъ меня бѣдность полковъ и расхваливалъ ихъ, это понятно; но что крайне пристрастно рекомендовалъ одного изъ командировъ,— это осталось для меня загадкою. „Что касается до командира 3-го полка,—говорилъ командующій войсками,—то совѣтую имѣть за нимъ глазъ да глазъ. Это былъ любимчикъ вашего предмѣстника, а между тѣмъ я знаю, что онъ командуетъ п-комъ, какъ говорится, изъ халата"! Такъ было ск полковникѣ Кусовѣ, тогда какъ это былъ несомнѣнно полковой командиръ въ дивизіи, да я думаю и въ Человѣкъ достойнѣйшій во всѣхъ отношеніяхъ, кл полкъ свою душу, Кусовъ держалъ его въ рукахъ

имѣвшій хорошія собственныя средства, ничего не жалѣлъ для полка. Невѣрная оцѣнка людей, сколько я замѣчалъ, происходила у почтеннаго А. И. Гильденштуббе отъ того, что онъ любилъ иногда собирать свѣдѣнія о томъ, что дѣлается въ войскахъ, побочными, часто далеко невѣрными путями и отъ кого попало.

Видъ Нижняго-Новгорода, въ которомъ я до того не бывалъ, произвелъ на меня самое пріятное впечатлѣніе. Въ то время Ока и Волга еще не вполнѣ вступили въ берега, такъ что картина отъ вокзала на подымающійся террасами городъ и съ откоса на разливы Волги представляла одну изъ рѣдкихъ, по своей красотѣ и величію. Три дня, проведенные въ городѣ, были употреблены мною на первое инспектированіе обоихъ стоящихъ въ немъ полковъ и на оффиціальные визиты, начиная съ архіерея и губернатора. Первый плѣнилъ меня своею привѣтливостью и простотою пріема, второй — удивилъ беззастѣнчивою бойкостью и роскошью своей обстановки. Впрочемъ, послѣднему помогало то, что едва-ли кто изъ губернаторовъ въ Россіи пользуется помѣщеніемъ въ такомъ дворцѣ, какъ нижегородскій, отданный въ полное его распоряженіе, со всѣмъ его убранствомъ, прекрасными залами и даже съ церковью.

На обратномъ пути, проѣзжая Ковровъ, я встрѣтился на станціи съ вновь назначеннымъ ко мнѣ въ дивизію командиромъ бригады, генераломъ В. Д. Давыдовымъ, сыномъ знаменитаго партизана отечественной войны. Если по своей тучности и вообще комплекціи онъ не былъ похожъ на отца, то по игривости и бойкости ума вѣроятно походилъ на него. Возвращаясь въ Тамбовъ, я заѣхалъ въ Рязань проститься съ Тульскимъ полкомъ, который только-что былъ сданъ Уфнярскимъ новому командиру. Достаточно было взглянуть на послѣдняго передъ строемъ, чтобы пожалѣть, что этотъ прекрасный полкъ попадаетъ въ такія руки.

Къ 1-му іюня полки собрались въ лагерь; къ этому же времени я пріѣхалъ въ Москву, гдѣ и началось болѣе близкое знакомство съ дивизіею. Она оказалась далеко не такою, какою рекомендовалъ ее Гильденштуббе. Впрочемъ это не удивило меня, такъ какъ я издавна зналъ его манеру рекомендовать новому начальнику принимаемую часть съ лучшей сто-

роны, а потомъ говорить, что часть распускается. Въ дѣйствительности строевое дѣло было вовсе не дурно, но хозяйство и манера начальствованія похвалы не заслуживали. Болѣе же всего поражала меня какая-то запуганность, въ которой я засталъ офицеровъ. Они были такъ засуечены и такъ невоспріимчивы и равнодушны, точно съ ними никогда никто не обращался и не говорилъ по-человѣчески. При первомъ объѣздѣ лагеря командующимъ войсками, остановясь у фланга 1-го полка, гдѣ были всѣ его офицеры, Гильденштуббе весьма любезно привѣтствовалъ ихъ, желая имъ благополучнаго лагеря. Они выслушали его слова въ позѣ нижнихъ чиновъ, отдающихъ честь; никто не отвѣчалъ даже поклономъ, ни одинъ штабъ-офицеръ не нашелся поблагодарить за привѣтъ, хотя бы солдатскимъ отвѣтомъ „покорно благодаримъ". Когда я выразилъ полковому командиру мое удивленіе, то онъ отвѣтилъ:

— Трудно, ваше превосходительство, ожидать инаго, когда офицеры, кромѣ распеканій, ничего не слыхали; они уже привыкли къ безмолвію.

Странно, что такой бывалый начальникъ, какъ Гильденштуббе, не измѣнилъ подобнаго направленія. Хотя онъ самъ, быть можетъ, иногда и не совсѣмъ справедливо, а по какимъ-либо другимъ мотивамъ, обрушивался на кого-либо, но при надобности умѣлъ и поднять духъ части, ободрить, успокоить ее. О замѣченномъ въ дивизіи мы часто говаривали съ Александромъ Ивановичемъ, и однажды я даже вызвалъ его на извиненіе передъ полковымъ командиромъ. Было это такъ: только-что прибывшій въ роту новобранецъ не могъ ему назвать фамиліи своего ротнаго командира. Старикъ страшно разсердился и сильно распекъ всѣхъ начальниковъ этого солдата. Мы выслушали крутые выговоры безъ возраженій, но когда горячность миновала, я доложилъ, что онъ напрасно принялъ такъ близко случившееся, потому что въ немъ невиноваты—ни неумѣвшій отвѣтить, ни его начальники, такъ какъ спрошенный былъ чувашъ, только недѣлю назадъ прибывшій въ роту и вовсе непонимающій по-русски. Гильденштуббе немедленно извинился передъ тѣми, кого распекалъ.

Вспомню при этомъ и другой случай. Мы на столько знали другъ друга, что я могъ позволить себѣ, бывши глазъ-на-глазъ

съ Александромъ Ивановичемъ, оспаривать нѣкоторые его взгляды и дѣйствія. У него была манера ежедневно выѣзжать на учебное поле, при домашнихъ занятіяхъ и особенно на стрѣльбу. Какъ старый служака, онъ не могъ переносить самой мелкой неисправности и недосмотра, а потому ни одно его посѣщеніе не обходилось безъ замѣчаній и выговоровъ. Извѣстно, что никакое занятіе не требуетъ отъ солдата такого внутренняго спокойствія, какъ стрѣльба, а могъ ли солдатъ быть спокоенъ, когда зналъ, что за нимъ командующій войсками, отъ глаза котораго не скроются ни длинные волосы, ни скривившійся каблукъ. Можно ли было этому стрѣлку сохранять хладнокровіе, думать о правильномъ прицѣливаніи, сосредоточиться на выстрѣлѣ? Объясняя это Гильденштуббе, я сознавался, что самъ избѣгаю бывать на стрѣльбѣ ежедневно, а предоставляя это дѣло полковымъ и батальоннымъ командирамъ, пріѣзжаю на стрѣльбу изрѣдка, невзначай, иногда разъ въ недѣлю, а другой разъ и два раза въ день.

— А кто же мнѣ будетъ порукою, — возразилъ Гильденштуббе, — что если я не буду появляться ежедневно, то иной ротный командиръ тоже не пожалуетъ къ ротѣ?

— Во-первыхъ, порукою будетъ то, что полковой командиръ узнаетъ объ этомъ, а во-вторыхъ—страхъ, что вы или я можемъ наѣхать нечаянно и серьезно взыскать съ манкирующаго, что мнѣ и случалось дѣлать, но не болѣе 3-хъ разъ въ теченіи 10-ти-лѣтняго командованія дивизіями.

Съ тѣхъ поръ, въ теченіи всего лагеря, старикъ обыкновенно издали здоровался съ стрѣлявшими, и только два раза приближался къ нимъ, приказывая при этомъ продолжать занятія. Онъ призналъ, что мои доводы о ежедневномъ пребываніи старшаго начальника, на такомъ занятіи какъ домашняя стрѣльба, совершенно безполезны для дѣла.

Съ приходомъ въ лагерь уже было извѣстно, что въ этомъ году Государь не будетъ смотрѣть собранныхъ подъ Москвою полковъ, и что Высочайшіе смотры будутъ замѣнены смотрами командующаго войсками. Это производило невыгодное впечатлѣніе, потому, во-первыхъ, что офицеры теряли надежду получить награды сверхъ нормы, а во-вторыхъ — всѣ знали обычай Гильденштуббе, все время распекаетъ и хвалитъ только

въ концѣ, желая показать, что войска, бывши слабыми, выучились и поправились только вслѣдствіе его трудовъ и указаній. Сдѣланный имъ въ началѣ лагеря парадъ вполнѣ подтвердилъ это. Онъ такъ распекъ всѣхъ полковыхъ командировъ, такъ энергично поручалъ мнѣ подтянуть полки, что они впали въ уныніе, и мнѣ же надо было успокоивать и ободрять ихъ. Къ счастью, полковые командиры вѣрили въ мое вліяніе на строгаго начальника и знали мои къ нему отношенія. Вскорѣ послѣ парада началась переборка ученій по батальонно, по полкамъ и бригадамъ. Я зналъ, что на первыхъ будутъ грозы, на вторыхъ появится пасмурность и только при бригадныхъ ученьяхъ проглянетъ солнышко. Такъ оно и было, но, къ сожалѣнію, батальонныя ученья едва не кончились грустнымъ фактомъ. Смотря полкъ полковника Кусова, командующій войсками, за негромкую и не снаровистую команду одного баталіоннаго командира, до того круто отнесся къ полковому, что тотъ, сказавшись больнымъ, уѣхалъ съ ученья. Онъ былъ такъ огорченъ новымъ доказательствомъ нерасположенія главнаго начальника, что на другой же день подалъ въ отставку. Мнѣ было жаль разстаться съ лучшимъ полковымъ командиромъ дивизіи; хотя и съ большимъ трудомъ, но я уговорилъ Кусова взять прошеніе назадъ и далъ ему слово употребить все мое вліяніе, чтобы командующій войсками увидѣлъ, въ какой мѣрѣ онъ ошибался въ оцѣнкѣ его службы.

Въ началѣ іюня Гильденштуббе заболѣлъ подагрою и передалъ мнѣ, какъ старшему послѣ него, начальствованіе лагернымъ сборомъ, но только въ наружномъ отношеніи; всѣ же распоряженія о занятіяхъ оставилъ за собою, объявляя ихъ черезъ своего новаго начальника штаба, такъ какъ прежній получилъ дивизію. Этой перемѣнѣ войска не симпатизировали уже потому, что мѣняли опытнаго, 8 лѣтъ имъ извѣстнаго начальника штаба, на лицо, совершенно имъ чуждое. Первый, имѣя значительное вліяніе на дѣла округа, зналъ всѣхъ и его всѣ знали, о новомъ-же никто не слыхалъ и надо было еще узнать, что изъ него выйдетъ. Болѣзнь Гильденштуббе приключилась весьма не кстати, такъ какъ съ половины іюля начались пріѣзды въ Москву иностранныхъ гостей. Первымъ прибылъ итальянскій наслѣдный принцъ Гумбертъ, съ супругою. Прежде чѣмъ описывать его посѣщеніе, скажу нѣсколько

словъ о злобѣ дня того времени, о сербско-турецкой войнѣ и ея вліяніи.

Политическія событія на Балканскомъ полуостровѣ уже два года волновали русское общество. Возстаніе герцеговинцевъ, война въ Черногоріи и въ особенности неистовства турокъ въ Болгаріи возбуждали сочувствіе не только нашей интеллигенціи, но и народа. Сначала оно состояло въ денежныхъ и вещественныхъ пожертвованіяхъ, но съ открытіемъ военныхъ дѣйствій въ Сербіи, выразилось уже въ личной помощи. Правительство разрѣшило желающимъ офицерамъ, по выходѣ въ отставку, поступать въ сербскія войска, съ правомъ, по окончаніи войны, возвратиться въ свои части, а славянскіе комитеты приглашали желающихъ изъ народа, выдавая таковымъ пособія на одежду и путевые расходы. Охотниковъ попробовать счастья нашлось не мало, они были названы добровольцами. Одни пошли по призванію, съ цѣлью быть защитниками единовѣрцевъ, другіе—испытать себя въ боевомъ дѣлѣ, но большая часть была искателями приключеній. Что касается добровольцевъ изъ офицеровъ армейскихъ полковъ, то они раздѣлялись на двѣ категоріи: нѣкоторые шли съ убѣжденіемъ принести пользу и себѣ, и дѣлу славянства, но много было и такихъ, объ уходѣ которыхъ мы не жалѣли. Сознаюсь, что тѣхъ, которые просились по минутному увлеченію, я старался удерживать, предсказывая, что въ недалекомъ будущемъ они могутъ удовлетворить свое стремленіе быть въ дѣлахъ, въ составѣ своихъ полковъ, вмѣстѣ съ товарищами, а не среди необученныхъ и не дисциплинированныхъ сербскихъ ополченій. Многіе послѣвали моему совѣту, а отправившіеся, по возвращеніи сознавались, что мало чему выучились.

Перехожу къ посѣщенію Москвы принцемъ Гумбертомъ. Онъ имѣлъ соизволеніе Государя видѣть собранныя въ лагерѣ войска, а потому, по болѣзни командующаго войсками, мнѣ довелось все представлять ему и всюду сопровождать его. Три дня бытности при немъ привели меня къ убѣжденію, что это человѣкъ вѣрныхъ взглядовъ на строевое дѣло и дисциплину, чуждый излишней гуманности. Принцу было показано ученье 1-й гренадерской дивизіи, послѣ котораго онъ пожелалъ видѣть лагерные полковые лазареты. Сѣвъ въ коляску, мы отправились въ Всесвятскіе бараки, которыми онъ остался ви-

димо доволенъ; да и трудно было не похвалить ихъ, потому что чистота и порядокъ въ лазаретахъ были доведены до щегольства. Спрашивая во что обходится казнѣ содержаніе каждаго больнаго, его высочество былъ крайне удивленъ, когда я доложилъ, что полки получаютъ менѣе франка на человѣка. При выѣздѣ изъ бараковъ, встрѣтившійся судебный слѣдователь обратилъ на себя вниманіе принца, цвѣтомъ своего малиноваго воротника и околыша.

— Какого полка этотъ офицеръ? спросилъ онъ.

— Это не офицеръ, а военный судья,—было моимъ отвѣтомъ.

— Что значитъ военный судья и между тѣмъ не офицеръ полка? вновь спрашиваетъ принцъ.

Пришлось объяснить ему, что у насъ существуетъ особое военно-судебное учрежденіе, вѣдающее тѣ проступки солдатъ, которые не предоставлено судить въ полкахъ, и что въ этомъ учрежденіи три инстанціи, изъ коихъ высшая называется главнымъ военно-суднымъ управленіемъ.

Онъ слушалъ очень внимательно и потомъ сказалъ:

— Я этого не понимаю. Развѣ можетъ судить и наказывать солдата кто-либо, кромѣ офицера, его начальника?

Возвращаясь во дворецъ, намъ пришлось проѣзжать лагерный оврагъ, въ одномъ изъ береговъ котораго было устроено нѣсколько карцеровъ, въ видѣ вытянутыхъ въ линію землянокъ, возлѣ которыхъ расхаживали часовые. Это вновь возбудило любопытство принца. Чтобы удовлетворить его, надо было разсказать, что со времени уничтоженія тѣлеснаго наказанія, солдаты, за маловажные поступки, подвергаются, на основаніи дисциплинарнаго устава, аресту, смотря по винѣ, на однѣ или нѣсколько сутокъ.

Тогда его высочество удивилъ меня вопросомъ:

— Да развѣ это наказаніе?

Я не зналъ что отвѣтить, а онъ продолжалъ:

— Значитъ, у васъ того мнѣнія, что за пьянство, самовольную отлучку, за неряшество или лѣность,—надо давать солдату отдыхъ. Какое же это наказаніе, если въ то время, когда товарищи виновнаго на ученьи, въ караулѣ или на тяжелой работѣ, ему даютъ возможность ничего не дѣлать и спать сколько угодно? Нѣтъ, у насъ смотрятъ на подобныя вещи

вѣрнѣе, практичнѣе: лишаютъ свободы только того, кого ожидаетъ серьезное наказаніе по суду, а за текущіе, обыкновенные поступки ставятъ солдата въ ранцѣ, съ насыпаннымъ въ него пескомъ, подъ особое тяжелое ружье, сдѣланное изъ свинца, лицомъ плотно къ стѣнѣ. Какъ онъ простоитъ такъ часовъ 5, подъ нашимъ итальянскимъ солнцемъ, такъ не захочетъ впередъ ни отлучаться, ни лѣниться. Повѣрьте, что это гораздо дѣйствительнѣе вашихъ арестованій.

Итальянскіе гости оставались въ Москвѣ дня четыре. Въ это время, кромѣ осмотра достопримѣчательностей города, князь В. А. Долгоруковъ старался доставлять имъ доступныя по сезону развлеченія. Мнѣ, какъ временно замѣнявшему представителя военной среды, привелось быть вездѣ съ ними. Помню обѣдъ у генералъ-губернатора, поѣздку на Воробьевы горы, вечеръ въ Нескучномъ, съ иллюминаціею и неизбѣжнымъ цыганскимъ хоромъ въ саду.

Въ день отъѣзда принца Гумберта, всѣмъ тѣмъ гражданскимъ чинамъ, которые состояли во главѣ осмотрѣнныхъ имъ заведеній, были пожалованы итальянскіе ордена, причемъ не были обойдены и чины полиціи. Потомъ оказалось, что и нѣкоторые изъ военныхъ, ничего не представлявшіе, получили такія-же награды. Я всегда удивлялся, какъ это жаждущіе крестиковъ умѣютъ устраиваться такъ, что получаютъ ихъ. Другой не имѣлъ случая слова сказать пріѣзжему принцу, а смотришь уже со звѣздою отъ него; а тотъ, кто былъ служебно-близокъ къ нему, остается безъ ордена.

Вскорѣ по отъѣздѣ итальянцевъ, получено было увѣдомленіе, что Москву посѣтитъ Государыня Цесаревна и съ нею короли Датскій и Греческій, съ ихъ супругами. За нѣсколько дней до ихъ пріѣзда сообщено было изъ Петербурга, чтобы, кромѣ почетнаго караула, ничего другаго не представлять. Предупреждая меня объ этомъ, Гильденштуббе подтвердилъ, отнюдь не предлагать высокимъ посѣтителямъ что-либо смотрѣть въ лагерѣ, и стараться кончать занятія пораньше, дабы они, катаясь, не могли видѣть войскъ издали. Я удивлялся подобному приказанію, потому что предлагать что-либо смотрѣть было-бы вообще безтактно и неумѣстно, а не показать войскъ, если высокія особы пожелаютъ ихъ видѣть, нельзя. Такъ оно и случилось.

Почетный караулъ былъ принятъ королемъ Датскимъ въ вокзалѣ желѣзной дороги. Тамъ-же передали всѣмъ генераламъ, что Цесаревна приказала пригласить ихъ въ 6 часовъ вечера, къ своему столу, въ большой Кремлевскій дворецъ. Послѣ обѣда Ея Высочество и Ихъ Величества обходили присутствовавшихъ, говоря со многими. Въ это время Цесаревна спросила о чемъ-то коменданта, генерала Фредерикса, который, отвѣчая, указалъ на меня. Замѣтя это, я поспѣшилъ подойти, и тогда Ея Высочество изволила обратиться ко мнѣ съ словами:

— Я желала-бы видѣть войска въ ихъ лагерѣ. Когда вы можете показать ихъ?

— Во всякое время, когда Вашему Высочеству угодно будетъ назначить, отвѣчалъ я.

— Въ такомъ случаѣ, самое лучшее, завтра вечеромъ; мы думаемъ быть въ 7 часовъ на скачкахъ и прямо оттуда проѣхали-бы въ лагерь.

Я отвѣтилъ:—Войска будутъ счастливы видѣть Ваше Высочество и привѣтствовать Вашихъ августѣйшихъ родителей.

Слышавшій это, новый начальникъ штаба, съ видимымъ удивленіемъ, потомъ спрашиваетъ меня:

— Какимъ-же образомъ вы будете показывать войска, когда знаете, что есть бумага не дѣлать никакихъ представленій?

— А какимъ образомъ, отвѣтилъ я, возможно не исполнить волю Цесаревны, разъ что ей угодно объѣхать лагерь! Поѣзжайте къ Гильденштуббе, разскажите все, что слышали, и передайте, что я сейчасъ же сдѣлаю всѣ распоряженія для встрѣчи Ея высочества, по уставу.

На слѣдующій день, въ 7 часовъ вечера, войска были поставлены у своихъ палатокъ, имѣя на опредѣленныхъ мѣстахъ музыкантскіе хоры и пѣсенниковъ, а на флангахъ полковъ—своихъ офицеровъ. Въ 8 часовъ, отъ павильона скачекъ, показался поѣздъ изъ нѣсколькихъ, запряженныхъ четвернями въ рядъ, колясокъ. Въ первой находились: Цесаревна съ датскою королевскою четою и ихъ младшею дочерью, во второй—король греческій съ супругою, а затѣмъ лица ихъ свитъ. Ея высочество привѣтствовала офицеровъ каждаго полка и здоровалась отдѣльно съ каждымъ батальономъ. Находясь на конѣ, возлѣ ея экипажа, я докладывалъ названіе

каждой проѣзжаемой части и фамилію ея командира. По окончаніи объѣзда, продолжавшагося около часа, когда экипажи выѣхали на шоссе, ведущее черезъ учебное поле къ Петровскому дворцу, передняя коляска остановилась. Король датскій подошелъ ко мнѣ и, подавъ руку, благодарилъ за доставленный ему случай видѣть прекрасныя войска. Послѣ этого Государыня Цесаревна подозвала меня и изволила сказать:

— Я буду рада передать Государю, что видъ вашихъ полковъ доставилъ мнѣ большое удовольствіе. Но отчего же я не видала кавалеріи?

— Она расквартирована по окрестнымъ деревнямъ, а Вашему высочеству угодно было видѣть лагерь.

— Во всякомъ случаѣ, я желала бы видѣть и кавалерійскіе полки.

— Если вамъ угодно назначить время, когда и гдѣ они должны представиться, то все будетъ съ точностью исполнено.

— Завтра, - продолжала Цесаревна,—въ 6 часовъ мы ѣдемъ въ Троицкую лавру. Нельзя ли сдѣлать такъ, чтобы я видѣла ихъ гдѣ-либо по пути къ желѣзной дорогѣ.

— Я прикажу имъ прибыть, къ часу вашего отъѣзда, на площадь передъ вокзалами Ярославской и Николаевской дороги.

Это желаніе Великой княгини вновь возбудило сомнѣніе въ штабѣ округа, какъ поступить. Покуда тамъ раздумывали, не запросить ли Петербургъ, я отдалъ приказаніе полкамъ 1-й кавалерійской дивизіи прибыть на слѣдующій день, къ 5 часамъ, изъ загороднаго расположенія и стать въ полковыхъ эскадронныхъ колонахъ на площади, лицомъ къ вокзаламъ, гдѣ ихъ и видѣла Цесаревна, проѣздомъ, несмотря на накрапывавшій дождь, въ открытой коляскѣ, по фронту.

Послѣ отъѣзда высокихъ посѣтителей въ Петербургъ, Гильденштуббе нѣсколько разъ требовалъ меня къ себѣ по вечерамъ и всякій разъ заставлялъ разсказывать, какъ и что происходило, причемъ въ немъ постоянно проглядывало безпокойство о томъ, что въ Петербургѣ можетъ не понравится, зачѣмъ совершился объѣздъ лагеря, когда была бумага, чтобы не представлять войскъ.

Въ смыслѣ буквальнаго исполненія формальностей, покойный Александръ Ивановичъ имѣлъ преоригинальные взгляды и часто возводилъ самые обыкновенные случаи въ событія особенной важности. Однажды, мѣсяцевъ черезъ 5 послѣ лагеря, онъ встрѣтилъ меня, пріѣхавшаго изъ Тамбова, такой фразой:

— Вообразите, что со мною случилось?

— Что такое?—спрашиваю я, видя, что старикъ начинаетъ съ перваго слова волноваться.

— Нѣтъ, вы только вообразите! Я, который отстоялъ въ моей службѣ 54 лагеря, проспалъ,—замѣтьте, буквально проспалъ тревогу, сдѣланную Государемъ.

— Я уже слышалъ объ этомъ еще осенью въ Тамбовѣ,—проговорилъ я съ улыбкою.

— Вамъ это забавно, а каково было мнѣ? Я до сихъ поръ не могу хладнокровно вспомнить объ этомъ!

— Да развѣ это имѣло для васъ какія-либо непріятныя послѣдствія?

— Никакихъ; напротивъ, Государь много смѣялся надъ этимъ. Вотъ какъ это было. Я, какъ обыкновенно, имѣлъ на время лагеря помѣщеніе въ Петровскомъ дворцѣ, но передъ прибытіемъ Двора, переѣхалъ въ городъ. Это оказалось совершенно напраснымъ, потому что Дворъ занялъ Ильинское, но мнѣ казалось неловкимъ оставаться во дворцѣ, когда Государь могъ во всякое время пріѣхать въ него. Хотя мною и были приняты всѣ мѣры, чтобы во всякую минуту знать происходящее въ лагерѣ и моментально явиться туда, а именно: въ мою пріемную былъ проведенъ телеграфъ, при которомъ день и ночь находился сигналистъ, пара лошадей стояла въ хомутахъ, верховыя находились въ лагерномъ штабѣ, но все это ни къ чему не привело. Въ одно прекрасное утро, часа въ два, Государь пріѣхалъ изъ Ильинскаго прямо въ лагерь и приказалъ ударить тревогу. Полки вышли быстро и въ порядкѣ; сдѣланное имъ ученье прошло прекрасно. Ко мнѣ изъ штаба посылали одну телеграмму за другою, а я преспокойно спалъ, ничего не подозрѣвая, такъ какъ бездѣльникъ писарь тоже непробудно храпѣлъ. Вдругъ, часу въ 6-мъ, вбѣгаетъ въ спальню растрепанный камердинеръ съ словами, что Государь прислалъ

ко мнѣ дежурнаго флигель-адъютанта. Я тороплюсь одѣться, чтобы принять его.

— Государь Императоръ—говоритъ онъ, приказалъ передать вашему высокопревосходительству, что Его Величество остался вполнѣ доволенъ, какъ быстротою, съ которою полки вышли по тревогѣ, такъ и произведеннымъ ими ученьемъ.

— Какой тревогой, какимъ ученьемъ? спрашиваю я, глядя на него съ удивленіемъ.

— Развѣ вамъ еще не извѣстно, что въ 3 часа утра въ лагерѣ была тревога?

— Я такъ и отшатнулся—продолжалъ Александръ Ивановичъ,—и какъ удержался на ногахъ—самъ не знаю.

— Я все-таки не вижу причины, почему это встревожило васъ до того, что вы до сихъ поръ говорите съ безпокойствомъ о случаѣ, который могъ произойти со всякимъ.

— Ну, такъ и есть!—возразилъ старикъ,—вотъ и вы, какъ тотъ флигель-адъютантъ, воображаете, что я могъ знать о тревогѣ и не быть на ней.

— Я вовсе этого не воображаю, но увѣренъ, что Его Величество приписалъ ваше отсутствіе невольному случаю. Развѣ вы не могли заболѣть, развѣ экипажъ вашъ не могъ сломаться по пути въ лагерь?

— Вамъ легко такъ разсуждать. Потомъ мнѣ и самому все это приходило въ голову, а тогда только одна мысль и была у меня, что я проспалъ тревогу. Къ счастію, около полудня я получилъ изъ Ильинскаго телеграмму, что приглашаюсь туда въ 6 часовъ, къ Высочайшему столу. Это, какъ знакъ того, что Государь не гнѣвается на меня, нѣсколько меня успокоило, но все-таки я подъѣзжалъ къ Ильинскому съ волненіемъ, велѣлъ кучеру остановиться у садовой калитки и пошелъ къ дворцу по боковой аллеѣ. Вдругъ, почти натыкаюсь на Государя, прогуливавшагося подъ руку съ Императрицей. Оба они улыбались, и въ самыхъ милостивыхъ выраженіяхъ, начали подтрунивать надо мною, а за обѣдомъ заставили разсказать какъ случилось, что я проспалъ тревогу.

— Вотъ видите—говорю я,—ваше отсутствіе не было приписано служебной неисправности.

— Да; но я отношу это только къ особенной добротѣ и снисходительности Государя; въ сущности-же это все-таки

была непростительная неисправность, которую въ службѣ извинять нельзя. Разъ, что офицеръ не на своемъ мѣстѣ, онъ виноватъ. Вотъ почему я и не могу, что бы тамъ ни говорили, простить себя.

Описанный случай лучше всего доказываетъ, какъ прежніе служаки смотрѣли на исполненіе своего долга.

По окончаніи лагеря, я поѣхалъ вмѣстѣ съ сыномъ, прибывшимъ изъ корпуса въ отпускъ, въ Тамбовъ за семействомъ, чтобы самому перевезти его въ Нижній-Новгородъ. Поѣздка эта произошла не безъ приключеній. Не доѣзжая 8 верстъ до Тамбова, дорожный сторожъ, видя, что изъ-подъ крыши багажнаго вагона идетъ дымъ, далъ сигналъ остановить поѣздъ. Быстрота остановки встревожила пассажировъ; а когда они узнали причину, то всѣ, въ томъ числѣ и мы, бросились къ локомотиву, который уже отводилъ горѣвшій вагонъ шаговъ на 100 впередъ. Прежде всего надо было открыть его, и тутъ-то вполнѣ обнаружилось не только равнодушіе служащихъ при дорогѣ, но и полная ихъ неисправность. Ключъ отъ вагона оказался у багажнаго кондуктора, который вмѣсто того, чтобы быть при вагонѣ, забрался въ самый задній, гдѣ едва розыскали его. Когда отворили вагонъ, пламя хлынуло съ такою силою, что трудно было подступиться; но не смотря на это, нѣсколько пассажировъ пробовали вытаскивать то, что было ближе; но и это было неисполнимо. Верхніе, загоравшіеся сундуки, такъ придавили нижніе, что не было возможности что-либо вытащить. Такимъ образомъ бѣднымъ пассажирамъ, въ томъ числѣ и мнѣ съ сыномъ, оставалось одно: сѣсть на откосъ дороги и смотрѣть, какъ на ихъ глазахъ горѣло ихъ имущество. Мое положеніе было еще далеко не изъ худшихъ, потому что, ѣхавши налегкѣ, я лишался только бывшаго со мною въ лагерѣ бѣлья и обмундировки; но были пассажиры, понесшіе чувствительные убытки. Такъ, одинъ офицеръ, ѣхавшій въ Саратовъ принимать наслѣдство послѣ умершаго родственника, лишился всѣхъ документовъ, доказывавшихъ его права на огромное имѣніе. Дама, возвращавшаяся изъ Парижа, потеряла богатое приданое, сдѣланное тамъ для двухъ дочерей, въ числѣ котораго было на нѣсколько тысячъ однихъ бриллiантовъ.

Такъ какъ путь былъ загроможденъ горѣвшимъ вагономъ,

то изъ Тамбова былъ присланъ встрѣчный поѣздъ, пришедшій тогда, когда багажъ пассажировъ уже догоралъ. При этой катастрофѣ не обошлось и безъ комическихъ сценъ. Вѣроятно кто-либо изъ купцовъ везъ закупленный въ Москвѣ товаръ съѣдобнаго свойства. Обгорѣлые ящики съ апельсинами и икрою, всякаго рода колбаса, коробки съ папиросами, тающій отъ жара сахаръ,—все это валялось на рельсахъ и въ канавахъ откосовъ. Мужички изъ III-го класса расхаживали, поддвирая остатки и лакомились ими, съ разными прибаутками.

— Бери, братъ, папироски-то,—и раскуривать не надо.

— Да, говоритъ другой,—дорожники народъ учтивый, сами и огонекъ поднесли.

— Ты что не выпивши закусывать собираешься?—спрашиваетъ третій, парня въ чуйкѣ, нагибающагося за кускомъ сыра.

— Эхъ, братцы, смотри какой шугай-то продырявило, восклицаетъ одинъ изъ рабочихъ, подымая тлѣющую дамскую кофту,—а ему въ отвѣтъ:

— Да ты затопчи искорки-то, твоей жонкѣ и дырявый годится.

На другой день, лишившимся багажа выдавали за него деньги, по рублю за фунтъ. Кто везъ что-либо тяжелое, въ родѣ торгующаго бакалейными товарами, тотъ не остался въ накладѣ; но бѣдныя дамы, за свои сотенныя невѣскія платья, получили пустяки.

Въ Тамбовѣ я засталъ мой домъ уже въ полномъ разстройствѣ: все, что стоило перевозки, укладывалось въ ящики; остальное, выставленное частію на дворѣ, частію въ комнатахъ, распродавалось, конечно, за безцѣнокъ. Впрочемъ, мнѣ было не привыкать къ этому, такъ какъ, приходилось въ 7-й разъ испытывать, отъ новыхъ назначеній и переводовъ, полное разстройство.

Послѣднюю недѣлю моего пребыванія въ Тамбовѣ прожили мы въ гостинницѣ. Наконецъ, насталъ и день отъѣзда. Грустно было, послѣ 8 лѣтъ пріятной жизни, разставаться съ добрыми знакомыми и друзьями. Всѣ они, равно многіе изъ купцовъ и когда-либо служившая у меня прислуга, пришли въ вокзалъ проводить насъ. Съ нѣкоторыми изъ пріятелей это прощанье было послѣднимъ въ жизни,—ихъ не стало, но память о нихъ

навсегда сохранится въ душѣ моей. Не стало А. И. Козаковой, не стало Комсина, Поповыхъ, Вечесловой, Ветчинина, Чечериной. Какъ теперь вижу послѣдній взглядъ и прощальный жестъ въ окно вагона, у котораго я стоялъ, моего незабвеннаго друга Ил. Ив. Ознобишина. Черезъ годъ, за Дунаемъ, я узналъ о его кончинѣ и о томъ, что, за нѣсколько минутъ до послѣдняго вздоха, онъ велѣлъ подать себѣ мою фотографію, и смотря на нее, сказалъ женѣ своей: „Передай ему, что я уношу нашу дружбу туда, гдѣ нѣтъ ей ни конца, ни измѣны". Теперь, почти единственнымъ свидѣтелемъ и участникомъ этой дружбы остался дорогой для меня Ив. Ив. Величко, отношенія мои къ которому не испытаютъ измѣны и на землѣ.

Переѣздъ семьи до Москвы, по любезности правленій желѣзныхъ дорогъ, мнѣ ничего не стоилъ. Всѣ тяжести и багажъ были тоже перевезены безплатно. Приписываю это участію добрыхъ людей къ моему безцеремонному переводу, въ память восьми-лѣтнихъ отношеній моихъ къ мѣстному обществу. Могу безъ хвастовства сказать, что общее расположеніе къ намъ выразилось при нашемъ отъѣздѣ сильнѣе, чѣмъ я ожидалъ и заслуживалъ. Это заставляетъ меня забыть и тѣ столкновенія, о которыхъ я упоминалъ выше.

Читатели вѣроятно замѣтили, что въ моихъ запискахъ я частенько перехожу отъ послѣдовательности разсказа фактовъ, къ различнымъ изъ нихъ выводамъ, если считаю ихъ полезными для лицъ, дѣятельность которыхъ касается того или другаго слоя общества. Быть можетъ одни осудятъ, а кто нибудь и похвалитъ меня за это. Дѣлаю это и теперь, по поводу полученнаго мною, проѣздомъ черезъ Москву, отъ моего 14-лѣтняго сына, письма изъ корпуса. То, что я намѣренъ разсказать, можетъ быть пригодится и педагогамъ. Сильно самолюбивый, честно относившійся къ своимъ обязанностямъ, мальчикъ былъ, по сильной глазной болѣзни, уволенъ на лѣто въ отпускъ ранѣе начала весеннихъ экзаменовъ, а потому долженъ былъ, для перехода изъ 4-го класса въ 5-й, держать экзамены осенью. Зная его стараніе и хорошія отмѣтки въ теченіи курса, я, да и онъ самъ, не сомнѣвался въ этомъ переводѣ. Вдругъ я получаю отъ него самое горькое, исполненное отчаянія письмо, въ которомъ онъ извѣщаетъ, что съ

нимъ сдѣлана величайшая несправедливость. Изъ всѣхъ предметовъ онъ получилъ при экзаменѣ хорошіе баллы и только изъ одной ариѳметики 6, баллъ тоже переводный,—и, несмотря на это, его оставили въ классѣ. Въ каждомъ словѣ этого письма видно было неутѣшное горе. Ему казалось, что все въ жизни для него погибло, и что уже ничѣмъ нельзя исправить случившагося. По первому впечатлѣнію, я былъ въ недоумѣніи, чему приписать явное нарушеніе справедливости. Это заставило меня письменно обратиться къ инспектору классовъ, съ просьбою объ увѣдомленіи, что послужило поводомъ къ оставленію сына въ томъ же классѣ? Инспекторъ немедленно отвѣчалъ, что имъ руководило желаніе принести моему сыну пользу въ будущемъ; что, при нетвердости въ математикѣ, ему было-бы слишкомъ трудно идти далѣе; что, оставшись въ классѣ, гдѣ онъ изъ лучшихъ, въ слѣдующемъ онъ могъ-бы сдѣлаться худшимъ, а это, при извѣстномъ самолюбіи, могло-бы совершенно обезкуражить его; что составъ класса, въ который онъ имѣлъ бы право перейти, далеко не такъ хорошъ, какъ тотъ, въ которомъ онъ остается. Въ заключеніе, инспекторъ писалъ, что если я непремѣнно желаю, то мальчикъ будетъ немедленно переведенъ. Конечно, мнѣ пришлось только благодарить инспектора за его участіе, а за тѣмъ остается сказать, что „нѣтъ худа безъ добра“ и пожелать, чтобы въ нашихъ корпусахъ было побольше такихъ инспекторовъ и побольше начальства, которое смотрѣло бы на свои обязанности не съ одной формальной стороны, а вкладывало-бы въ свои отношенія къ ввѣреннымъ имъ дѣтямъ побольше сердечности.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

1876 г.

Переѣздъ въ Нижній Новгородъ.—Первые знакомые.—Встрѣча съ моимъ учителемъ.—Корпусныя воспоминанія.—Военная гимназія.—Клубы и удовольствія.—Приготовленія къ войнѣ.—Выгодные заказы.—Зимнія занятія.—Мои бесѣды съ офицерами.—Первая мобилизація.—Нижегородское общество.

Переѣздъ нашъ изъ Москвы до Нижняго совершился также удобно какъ и до Москвы. 30 августа, въ 10 часовъ утра, мы были уже у цѣли нашего путешествія. Хотя въ это время знаменитая нижегородская ярмарка была уже оффиціально закрыта, но торговля еще продолжалась, а потом оживленіе какъ на ней, такъ и въ городѣ было еще сильно замѣтно. Вскорѣ, по устройствѣ заранѣе нанятой квартиры, начались обычныя, по переѣздѣ на новое мѣсто, знакомства съ обществомъ. Здѣсь оно оказалось гораздо многочисленнѣе, чѣмъ въ Тамбовѣ, такъ-что знакомиться со всѣми было трудно. Съ первыхъ же дней прибытія мы во многихъ встрѣтили вполнѣ русское радушіе и желаніе сблизиться; это было причиною, что, по прошествіи двухъ-трехъ мѣсяцевъ, мы не только вполнѣ освоились, но подружились со многими. Иначе, впрочемъ, и быть не могло, потому что нижегородское общество того времени представляло рѣдкое соединеніе людей образованныхъ и гостепріимныхъ. Различіе между нимъ и тамбовскимъ обществомъ было то, что здѣсь находилось болѣе лицъ, не принадлежавшихъ мѣстной администраціи, слѣдовательно болѣе или менѣе независимыхъ отъ ея представителя. Въ Нижнемъ было много директоровъ различныхъ банковъ, предсѣдателей пароходныхъ обществъ. Большая часть служащихъ при пароходныхъ кампаніяхъ были морскіе офицеры хорошихъ фамилій, женившіеся на дочеряхъ мѣстныхъ помѣщиковъ. Можно было насчитать до десятка до-

мовъ, жившихъ открыто и принимавшихъ постоянно; у прочихъ были назначенные дни, и если-бы была возможность посѣщать всѣхъ, то въ одинъ и тотъ-же вечеръ пришлось бы перебывать у многихъ.

Такъ какъ, кромѣ четырехъ дѣтей моихъ, находившихся въ корпусѣ и институтѣ, у меня оставалось еще столько же требовавшихъ подготовительнаго обученія, то для нихъ предстояло пріискать учителей. Въ военной гимназіи мнѣ рекомендовали для нѣмецкаго языка учителя Юргенса. Ѣду къ къ нему—и вижу передъ собою почтеннаго, но еще вполнѣ бодраго старика Карла Андреевича, который 40 лѣтъ назадъ училъ меня самого. Мы встрѣтились съ нимъ какъ родные, хотя когда разстались, то я былъ 17-ти-лѣтнимъ юношей, а онъ 23-хъ лѣтнимъ молодымъ человѣкомъ: но и тогда въ немъ былъ уже видѣнъ будущій прекрасный учитель, съ большимъ вліяніемъ на учащуюся молодежь. Съ перваго дня открытія новгородскаго кадетскаго корпуса въ 1834 году, въ теченіи 48 лѣтъ, онъ былъ въ немъ преподавателемъ нѣмецкаго языка. Его характеристика можетъ быть выражена въ нѣсколькихъ словахъ: внимательное и сердечное отношеніе къ своей обязанности, терпѣливое и настойчивое преподаваніе, съ постепеннымъ пріобрѣтеніемъ, переработываніемъ и провѣркою практическихъ пріемовъ передачи познаній кадетамъ. Я до сихъ поръ помню, какъ онъ придумывалъ упрощенныя и всякому понятныя объясненія трудныхъ грамматическихъ правилъ, какъ онъ считалъ праздникомъ, когда ему удавалось добиться, если малоспособный изъ насъ уразумѣвалъ дѣло изъ подысканнаго Юргенсомъ примѣра. Классная дисциплина и порядокъ были его первыми требованіями, а между тѣмъ онъ любилъ пошутить, и посредствомъ простаго разсказа, анекдота, сравненія и уподобленія, умѣлъ, никого не оскорбляя, повліять на нравственность, вызвать сознаніе необходимости благовоспитанія и выдержки. Память Карла Андреевича была изумительна: онъ помнилъ весь ходъ постепенныхъ успѣховъ, оттѣнковъ характера и шалостей каждаго изъ пріѣзжавшихъ въ корпусъ, лѣтъ черезъ 20 или 25 по выпускѣ, генераловъ и полковниковъ, говорилъ, въ которомъ году они выпущены, какіе за ними были грѣшки. Такова была большая часть нашихъ учителей того времени.

Въ Нижнемъ я нашелъ родной для меня, бывшій Новгородскій графа Аракчеева кадетскій корпусъ, переведеннымъ туда изъ-подъ Новгорода и превращеннымъ въ Нижегородскую, графа-же Аракчеева, военную гимназію. Фактъ этого перевода и переименованіе совершенно извращали историческое значеніе идеи учрежденія этого корпуса, созданнаго по волѣ Императора Николая I-го, собственно для воспитанія дѣтей дворянъ Новгородской и Тверской губерній, отчасти на средства самихъ дворянъ, и на капиталъ, пожертвованный графомъ Аракчеевымъ. По смыслу духовнаго его завѣщанія, въ которомъ онъ просилъ Государя передать все движимое и недвижимое его имѣніе такому наслѣднику, который никогда не растратилъ-бы его, Императоръ повелѣлъ передать все достояніе Аракчеева Новгородскому корпусу. Слѣдовательно, переименованіе его въ Нижегородскій, и самый переводъ съ береговъ Мсты на Волгу, нарушили и волю жертвователя, и Высочайшее повелѣніе, такъ какъ въ немъ было сказано, что названіе Новгородскаго корпуса Аракчеевскимъ дѣлается на вѣчныя времена. Спрашивается, какой смыслъ имѣетъ для Нижняго имя Аракчеева, вся служба и дѣятельность котораго сосредоточивались въ Новгородѣ? Это все равно, что какому-либо заведенію, устроенному въ Могилевѣ, дать имя Минина или Пожарскаго. Развѣ и по переводѣ въ Нижній, нельзя было оставить за нимъ его историческое имя Новгородскаго? У насъ почти всѣ полки носятъ названіе различныхъ городовъ, однако-же Петербургскій полкъ находится въ Варшавѣ, Тверской — на Кавказѣ, Минскій—въ Кишиневѣ. Къ сожалѣнію, наши реформаторы 60-хъ годовъ, при осуществленіи своихъ идей, не обращали вниманія на то, что своими передѣлками они подрывали нравственную и историческую связь прошедшаго съ настоящимъ.

Вскорѣ, по переселеніи въ Нижній, я былъ приглашенъ посѣтить военную гимназію.

— Вѣдь это колыбель вашего воспитанія,—говорилъ мнѣ директоръ,—вы кадетъ перваго пріема и перваго выпуска.

— Послѣднее вѣрно, отвѣчалъ я; но что касается перваго, то эту надломленную колыбель перенесли съ ея родины на мѣсто, неимѣющее ничего общаго съ моимъ дѣтствомъ. Повѣрьте, что при прежнихъ порядкахъ, я и безъ приглашенія явился бы къ вамъ, и если у васъ сохранилось что-либо изъ

вещей моего времени, то указалъ бы то, чего вы не знаете. Но въ настоящее время военныя гимназіи не имѣютъ ничего общаго съ войсками. Это не то, что прежде, когда всякій командиръ части, а тѣмъ болѣе генералъ, смотрѣлъ на кадетскій корпусъ, какъ на что-то родственное. Теперь ваше обособленное начальство можетъ взглянуть на мое посѣщеніе вашей гимназіи, какъ на вмѣшательство въ чужое вѣдомство.

По настоятельной просьбѣ, я все-таки обѣщалъ пріѣхать въ гимназію въ ближайшее воскресенье, къ обѣднѣ. Это посѣщеніе, сряду по входѣ въ церковь, заставило меня подумать: зачѣмъ гимназіи оставлено названіе военной, и неужели стоячій воротникъ и свѣтлыя пуговицы достаточны для того, чтобы носить такое наименованіе? Правда, воспитанники стояли въ порядкѣ, имѣвшемъ подобіе строя; но какъ стояли они! Признака рядовъ и шеренгъ не существовало, ранжира тоже, многіе безпрестанно оглядывались, а тѣ, кто постарше, сложа руки на груди à la Napoleon, опираясь спиною или плечами о стѣну. По краямъ этой пародіи на строй, передъ которымъ строй институтокъ можно назвать идеальнымъ, находились господа во фракахъ. Для нихъ какъ это, такъ и то, что воспитанникъ, вышедшій читать псалтырь, имѣлъ разорванную куртку, а у пѣвчихъ, стоявшихъ на клиросѣ, волоса могли бы быть завиты на затылкѣ, казалось дѣломъ обыкновеннымъ. При обходѣ заведенія, въ читальной комнатѣ находилось пять или шесть читавшихъ воспитанниковъ; нѣкоторые изъ нихъ привстали, прочіе только оглянулись черезъ плечо: какое дескать, намъ до него дѣло. Все это плоды гуманныхъ нововведеній и реформъ 60-хъ годовъ, къ несчастію еще проявляющіеся въ нѣкоторыхъ учрежденіяхъ.

Бывалъ я не разъ въ военной гимназіи на балахъ, концертахъ и спектакляхъ. Тутъ уже исчезало всякое различіе чиновъ, званій и возрастовъ. Мальчики такъ отъ души увлекались, что ни сѣдины старика, ни густые эполеты, ни условія вѣжливости къ старшимъ для нихъ не существовали. Все суетилось, бѣгало, шумѣло,—оживленіе точно было удивительное, доходившее до забвенія всего остальнаго. Вѣроятно этого требовала новая педагогія, думалось мнѣ, но все-таки не понимаю, причемъ тутъ наименованіе гимназіи *военною*. Но, довольно!

Благодаря Бога, имя кадета воскресло; военныя гимназіи, съ ихъ антивоеннымъ направленіемъ, канули въ вѣчность.

Мы застали въ Нижнемъ три клуба: дворянскій, коммерческій и всесословный. Первый былъ наименѣе посѣщаемъ, во второмъ два раза въ мѣсяцъ бывали танцовальные вечера, а третій отличался многочисленностію членовъ. Вообще же въ теченіи зимы недостатка въ удовольстіяхъ не было. Отсутствіе постоянной труппы замѣнялось любительскими спектаклями, частыми вечерами въ частныхъ домахъ и пикниками.

Со времени сформированія, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, дѣйствующей арміи, повсюду, гдѣ сходилось общество, главнымъ предметомъ разговоровъ были событія на Балканскомъ полуостровѣ и переговоры тянувшіеся въ Константинополѣ. Все предвѣщало войну, близость которой, такъ сказать, носилась въ воздухѣ. Главною моею заботою было привести скорѣе въ извѣстность, чего недостаетъ въ полкахъ для военнаго времени и не мало при этомъ пришлось встрѣтить сюрпризовъ.

Какъ только полки приступили къ приведенію подъемной части въ порядокъ, деньги изъ казенныхъ ящиковъ такъ и посыпались, и только тогда полковые командиры повѣрили, какъ важно имѣть въ полку лишнее, или экономическое, на черный день. Интересно было бы въ подобныя минуты посмотрѣть на тѣхъ, кто проповѣдуетъ, что полковая экономія вредна и ведетъ къ злоупотребленіямъ. Такъ простительно говорить только людямъ, ни за что не отвѣчающимъ, не имѣющимъ ничего въ своемъ командованіи, умѣющимъ только приказывать, но не исполнять; а кто видѣлъ въ своей жизни солдата и зябнувшимъ, и голоднымъ, да привыкъ любить его, тотъ всегда прибережетъ лишнюю для него копѣйку.

Сряду по возвращеніи изъ лагеря стали поступать предписанія требовать и пополнять то или другое, и когда на многое пришлось отвѣчать, что довольствующее интендантство отказываетъ по неимѣнію требуемаго, то приказывали обратиться въ другой складъ, или къ полкамъ, которые не мобилизовались. Помню, напримѣръ, что лазаретные фургоны были назначены въ дивизію изъ гвардейскихъ полковъ и изъ Динабургскаго склада. Много было въ то время анекдотическаго и много поучительнаго для будущаго. Однажды является ко мнѣ

чиновникъ и докладываетъ, что привезъ изъ Динабурга фургоны. Я спрашиваю его:

— Гдѣ строились эти фургоны, и гдѣ ручательство, что они достаточно прочны для похода?

— Всѣ они, отвѣчалъ чиновникъ, построены съ подряда. Что же касается прочности, то ничего не могу сказать, хотя подробно знаю дѣло о ихъ постройкѣ.

— Это интересно, разскажите пожалуйста.

— Когда вышло положеніе о подвижныхъ лазаретахъ, продолжалъ чиновникъ, то предстояло построить болѣе 200 фургоновъ. Сначала было приказано объявить торги на ихъ поставку въ мѣстахъ, откуда было бы удобнѣе и ближе разослать фургоны въ разные пункты квартированія войскъ. Но какъ динабургскій подрядчикъ заявилъ цѣну на 10 руб. дешевле другихъ, то было рѣшено отдать весь подрядъ ему одному. Вотъ теперь изъ Динабурга и разсылаются эти повозки въ Кіевъ, Кишиневъ, Одессу и въ Нижній

— А что же стоила вамъ эта перевозка до Нижняго?

— Перевозка сюда обошлась по 60 руб. съ повозки; но въ Кіевъ и Одессу стоитъ дороже, смотря по разстоянію.

— Значитъ тогда пожалѣли 10 руб., а теперь платятъ 100.

За справедливость и точность сказаннаго не ручаюсь, но разсказъ чиновника переданъ дословно.

Были и другія, крайне оригинальныя распоряженія того времени. Вотъ для примѣра: ротѣ носильщиковъ полагается имѣть фельдфебеля, а въ форму его вооруженія входитъ сабля на портупеѣ. Казалось чего бы проще какъ выслать за нее деньги и приказать купить. Нѣтъ, интендантство нашло практичнѣе прислать саблю изъ петербургскаго склада, а портупею къ ней приказано потребовать изъ варшавскаго. Самъ интендантъ Кіевскаго округа разсказывалъ мнѣ, что ему было предписано отправить въ Тифлисъ одну манерку.

— Если сосчитать, говорилъ онъ, что стоила укупорка этой манерки и пересылка за полторы тысячи верстъ по почтѣ, то въ Тифлисѣ могли бы за эти деньги купить нейзильберовую.

Замѣчательна была, въ описываемое время, тоже безцеремонность пользованія телеграфомъ, за что казна все-таки расплачивалась. Приведу одинъ изъ многихъ случаевъ, бывшихъ со мною. Для того, чтобы открыть въ казначействѣ кредитъ

на полученіе 142 р. для покупки въ дивизіонный лазаретъ разныхъ мелочей, въ родѣ стакановъ, ножей, вилокъ, ножницъ, свѣтильни, иголокъ и проч., я получилъ телеграмму словъ въ 60, съ перечнемъ цѣны на каждую вещь, и это было сдѣлано безъ всякой экстренности, за мѣсяцъ до выступленія.

Мнѣ почти одновременно приходилось знакомиться и съ подчиненными, и съ обществомъ. Сдѣлать это было не долго и не трудно, потому что тѣ и другіе оказались на столько симпатичными, что оставалось только благодарить судьбу за то, что я встрѣтилъ въ Нижнемъ. Хотя надъ многимъ пришлось поработать въ полкахъ, многое измѣнить, многое направить иначе; но причины, вызывавшія это, были не въ полкахъ и ихъ командирахъ, а въ оригинальности, во взглядахъ и манерѣ моего предмѣстника. Работать надъ этимъ было пріятно, потому что въ моихъ помощникахъ я встрѣтилъ людей мнѣ сочувствовавшихъ и радовавшихся вводимымъ мною перемѣнамъ.

Что же касается городскаго общества, среди котораго проходила частная наша жизнь, то оно представляло рѣдкую для губернскаго города среду, обладавшую всѣми данными для самаго пріятнаго знакомства. Правда, что и оно не было чуждо партій, но ихъ было только двѣ: губернаторская, состоявшая исключительно изъ чиновниковъ, и независимая, — къ которой принадлежали помѣщики, директоры банковъ, пароходныхъ компаній и обществъ, и мы военные, соблюдавшіе полный нейтралитетъ, но внутренно сочувствовавшіе независимымъ. Соединить эти два лагеря, при всемъ желаніи, не было никакой возможности. Между тѣмъ эта рознь сильно мѣшала многому, не только въ смыслѣ удовольствій, но и въ отношеніи всякаго общественнаго предпріятія. Подобное разъединеніе было тѣмъ чувствительнѣе, что, по разсказамъ старожиловъ, 5 лѣтъ назадъ, при губернаторѣ Одинцовѣ, никакихъ партій не существовало, и нижегородское общество представляло рѣдкій примѣръ единодушія.

Центромъ соединенія независимой или помѣщичьей партіи были дома: Жадовскихъ, Андреевыхъ, Мессинга, Черкасовыхъ и Зыбиныхъ. Всѣ посѣщавшіе ихъ нерѣдко собирались и у меня; у всѣхъ насъ были назначенные дни и мы проводили осенніе и зимніе вечера другъ у друга, или собирались въ

процвѣтавшемъ въ то время комерческомъ клубѣ. Послѣ неизбѣжныхъ карточныхъ пулекъ, главнымъ предметомъ разговоровъ были конечно разсужденія и предположенія о предстоявшей войнѣ. Читальная комната клуба, гдѣ была вывѣшена большая карта Балканскаго полуострова, съ наколотыми у Кишинева разноцвѣтными булавками, всегда была полнехонька. Всѣ передовыя телеграммы, газетныя корреспонденціи и частныя извѣстія съ юга читались съ жадностью. Взгляды на совершившіяся назначенія лицъ Главной квартиры были различны; но мы, военные, безъ всякаго исключенія, душевно радовались, что дѣйствующая армія ввѣряется Великому князю Николаю Николаевичу. Мы видѣли въ Его высочествѣ,—да оно такъ и было—единственнаго представителя того типа начальниковъ, которые знаютъ духъ арміи, знаютъ и любятъ солдата и обладаютъ великимъ даромъ одушевлять массы. Кто сроднился съ военнымъ дѣломъ, тотъ понимаетъ какъ это важно и цѣнимо въ начальникѣ, не только въ военное, но и въ мирное время.

Все это оправдалось на дѣлѣ. Во время войны мнѣ не разъ доводилось имѣть подъ начальствомъ такія армейскія части, которымъ еще не доводилось видѣть своего главнокомандующаго, но онѣ знали его; онѣ уже вошли въ составъ арміи вѣрующими въ него. Вотъ почему очень часто приходилось слышать, что солдаты, толкуя о немъ, не называли его ни Великимъ княземъ, ни главнокомандующимъ, а говорили „нашъ Николай Николаевичъ!“ Вотъ почему и нижегородское общество, узнавъ, что Его высочество серьезно болѣнъ въ Одессѣ, было сильно опечалено и взволновано этимъ извѣстіемъ.

Чѣмъ болѣе продолжалась безплодная стоянка дѣйствующей арміи подъ Кишиневомъ, названная однимъ изъ корреспондентовъ „Кишиневскимъ сидѣньемъ“, тѣмъ замѣтнѣе выяснилось общественное мнѣніе противъ безконечно длившихся переговоровъ. Провинціальная публика, не всегда имѣющая возможность знать дѣйствительныя причины взглядовъ и дѣйствій правительства, понемногу начала привыкать къ мысли, что вѣроятно войны не будетъ. Это значительно охладило тотъ патріотизмъ, который проявлялся осенью. То же самое, по получаемымъ изъ Кишинева свѣдѣніямъ, замѣчалось и въ арміи. Тамъ, въ первое время по мобилизаціи, всѣ были полны самаго горячаго воодушевле-

нія, всѣ были готовы на всевозможныя жертвы; но продолжительное бездѣйствіе и тщетное ожиданіе открытія компаніи значительно уменьшили патріотическіе порывы: „Насталъ періодъ сомнѣній — писалъ оффиціальный корреспондентъ — въ силѣ арміи и государства, въ силѣ его внѣшнихъ союзовъ. Интимные разговоры въ кружкахъ на эту тему становятся все громче и громче". Если тамъ, на рубежѣ Имперіи, въ сосредоточеніи семидесятитысячной арміи, продолжительность неопредѣленнаго положенія имѣла охлаждающее вліяніе, то весьма естественно, что внутри государства, вдали отъ правительственнаго центра, мѣстное общество, при неимѣніи оживляющихъ его извѣстій, постепенно приходило къ мысли, что войны не будетъ, что мы вѣроятно не готовы къ ней, и что все кончится одними переговорами. При этомъ, конечно, толкамъ и пересудамъ конца не было; но наконецъ и они затихли. Какъ въ клубѣ, такъ и въ частныхъ домахъ перестали говорить о Болгаріи; рѣдко кто интересовался телеграммами, и вмѣсто разсматриванія карты Бессарабіи, принялись за карты воспитательнаго дома. Только въ военной средѣ еще поддерживалась надежда на возможность войны; но и это, какъ все, что тянется долго, постепенно слабѣло. Я самъ задавалъ себѣ вопросъ: тронутъ ли насъ или не тронутъ, и не лучше ли, вмѣсто мечтаній о войнѣ, заняться мирными работами.

Узнавъ, что въ дивизіи еще не было приступлено къ тактическимъ занятіямъ и военнымъ бесѣдамъ съ офицерами, я хотѣлъ ввести ихъ. Но, прежде приступа къ этому, считалъ необходимымъ ознакомить офицеровъ съ моимъ взглядомъ на подобныя занятія и откровенно высказать о тѣхъ недостаткахъ, которые замѣчены мною. Привожу выдержку изъ первой моей бесѣды въ настоящихъ воспоминаніяхъ, въ томъ предположеніи, что, быть можетъ, тѣ юные военные читатели, которые прочтутъ эти строки, найдутъ въ нихъ что либо полезное и примѣнимое къ ихъ дѣятельности. Вотъ что говорилъ я 12 лѣтъ назадъ моимъ подчиненнымъ:

„Прежде чѣмъ начать съ вами тактическія занятія, я предложилъ вамъ собраться здѣсь, съ цѣлью выслушать мои совѣты, которые давно желалъ высказать и которые отчасти уже сообщены вашимъ ближайшимъ начальникамъ, въ видѣ конфиденціальныхъ моихъ писемъ.

„Прошу васъ не ожидать отъ настоящей моей бесѣды чего либо новаго, не смотрѣть на нее какъ на лекцію. Я намѣренъ говорить о недостаткахъ нашихъ, предоставляя другимъ судить о нашихъ достоинствахъ. Бесѣда моя будетъ ни что иное, какъ наставленіе, основанное на 35-лѣтней службѣ и на желаніи принести пользу тѣмъ, кто самъ желаетъ быть полезнымъ дѣлу, которому посвятилъ себя. Смотрите на мою бесѣду какъ на дѣло своей семьи, чисто домашнее, а въ домашнемъ дѣлѣ первое условіе—не выносить соръ изъ избы и второе—полная откровенность хозяина; поэтому вы услышите отъ меня болѣе осужденія чѣмъ похвалъ, болѣе непріятныхъ истинъ, чѣмъ восхваленій. Но никто изъ васъ не долженъ и не имѣетъ права относить того, что я буду говорить, къ своей или къ чьей либо личности.

„Я буду говорить о солдатѣ какъ о матеріалѣ и объ офицерѣ, въ особенности о ротномъ командирѣ, какъ о мастерѣ выработывающемъ изъ этого матеріала слугу государству и защитника родинѣ.

„Такая роль уже сама собою указываетъ всю важность и значеніе званія ротнаго командира. Значеніе это представилось бы еще яснѣе, если бы я имѣлъ время и возможность разобрать кругъ его дѣйствій и обязанностей. Ротный командиръ, какъ глава той единицы, которой предоставляется значительная самостоятельность, имѣетъ громадное вліяніе на весь ходъ полковаго организма и полковаго хозяйства, — это въ мирное время. Въ военное-же, отъ его предусмотрительности и находчивости часто зависитъ участь его баталіона, а иногда и полка.

„Чтобы быть подготовленному къ этому, чтобы не учиться тогда когда нужно уже знать, чтобы быть не бременемъ, а полезнымъ звеномъ полковой машины, необходимо готовиться къ этому званію.

„Ротнымъ командиромъ нельзя родиться, а надо выучиться быть имъ.

„Старинный шведскій уставъ гласилъ: „Ротный командиръ долженъ быть отцомъ своей роты“. Если двѣсти лѣтъ назадъ, при господствѣ грубой силы, олицетворенной палкою, существовалъ такой взглядъ, то въ какой же мѣрѣ слѣдуетъ стремиться къ этому теперь!

„Но да не подозрѣваетъ кто либо, что уставъ требовалъ, или что теперь желательно отца балующаго. Я говорю объ отцѣ заботящемся, но не распускающемъ,—любящемъ, но и наказующемъ. Только такой отецъ и командиръ можетъ быть цѣнимъ, любимъ и уважаемъ. Русскій солдатъ своимъ простымъ природнымъ умомъ очень хорошо понимаетъ это. Онъ чутокъ къ каждому дѣйствію начальника, и никакимъ баловствомъ, никакою распущенностью вы не привяжете его такъ, какъ заботливостью о его бытѣ, справедливостью и толковою, разумною строгостью. Воображающіе, что рота любитъ тѣхъ командировъ, которые позволяютъ солдату вольничать, которые сквозь пальцы смотрятъ на службу, отворачиваются отъ безпорядка,—жестоко ошибаются. Солдатъ хитритъ въ этомъ случаѣ, и только притворяется любящимъ. Онъ при первомъ случаѣ пойдетъ не за нимъ, а скорѣе за подпоручикомъ. если видитъ въ немъ знаніе, исполнительность и твердость характера.

„Въ чемъ же должно состоять приготовленіе себя къ званію ротнаго командира? Во первыхъ, въ безусловно точномъ сознаніи своего долга, т. е. въ исполненіи всего предписаннаго закономъ; но исполненіе исполненію рознь. Одно и то же можно исполнять изъ страха наказанія и исполнять съ сердечнымъ участіемъ и съ любовію къ дѣлу. Во-вторыхъ,—въ совершенномъ знаніи того, чему предстоитъ учить другихъ; но и знаніе бываетъ различно: поверхностное, за которое, пожалуй, не арестуютъ, и основательное, со всѣми практическими пріемами и сноровками, облегчающими обученіе. Въ-третьихъ,—въ пріученіи себя къ безотговорочной исполнительности, служащей основою всякаго порядка, благоустройства и боевого успѣха. Можно ли требовать отъ солдата исполненія, когда онъ видитъ, что офицеръ самъ не исполняетъ то, что ему приказано. Тутъ, со стороны солдата, невольно является и лѣность, и ропотъ, и неуваженіе. Въ-четвертыхъ,—развитіе въ себѣ самолюбія, но не того фальшиваго, называемаго щепетильностію, которое принимаетъ всякое служебное замѣчаніе или выговоръ за личную обиду, а самолюбія истиннаго и благороднаго. Такое самолюбіе не допускаетъ офицера до стыда не знать того, чему онъ обязанъ учить; оно спасаетъ его отъ небрежности и отъ крайне неловкаго положенія выслушивать горькія истины при подчиненныхъ, заставляетъ работать.

„Неподготовленная съ юности смотрѣть на свой трудъ съ серьезностью и доводить его до конца, молодежь наша смотритъ на многое въ службѣ какъ на мелочи, незаслуживающія вниманія. Это великое зло, потому что всѣ наши занятія: строй, стрѣльба, нравственное развитіе солдата и его внутренній бытъ—все это непрерывная цѣпь, составленная изъ звеньевъ разныхъ величинъ. Стоитъ начать ржавить малому звену, и прочность всей цѣпи уже дѣлается сомнительною. Не счистите ржавчины вовремя—цѣпь лопнетъ. Вотъ почему въ службѣ все важно, и мелочей, въ томъ видѣ, какъ ихъ теперь понимаютъ, быть не должно и не можетъ.

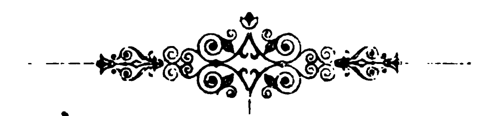
„Это происходитъ отъ того, что нѣкоторые изъ нашихъ младшихъ офицеровъ—военные только наполовину. Не пройдя съ дѣтства строго-военной школы, какъ проходили ее прежніе кадеты, они не усвоили еще сущности военнаго воспитанія. Прежній кадетъ собственнымъ опытомъ узнавалъ обязанности ефрейтора, десяточнаго, капральнаго, и отвѣчалъ за своихъ подчиненныхъ, за каждое ружье, за каждый мундиръ своего отдѣленія. Многіе воображаютъ, что командовать ротою такъ легко, что объ этомъ и думать нечего, и не пріучаютъ ни своего характера вліять на массу, ни своего глаза видѣть недостатки сразу, ни своей мысли къ тому, въ чемъ состоятъ обязанности командира. Со всякимъ дѣломъ надо знакомиться исподволь и изучать его систематически, иначе будутъ схвачены однѣ верхушки. Нельзя быть мастеромъ, не бывши подмастерьемъ.

„Неужели высказанные недостатки должны оставаться навсегда, только потому, что надежда на сознаніе офицерами своего долга и разсчетъ на ихъ самолюбіе заставляютъ обращаться съ ними сообразно достоинству ихъ званія, безъ неумѣстной строптивости и горячности. Неужели нельзя измѣнить взглядовъ на службу и на исполненіе обязанностей, безъ крутыхъ мѣръ?“

Бесѣду мою я закончилъ слѣдующимъ:

„Пусть сказанное мною будетъ для васъ пробою того, чего можно достичь путемъ совѣта, если этотъ совѣтъ дается людямъ благороднаго направленія. Душевно желаю, чтобы слова мои были приняты въ настоящемъ ихъ смыслѣ, безъ всякихъ перетолкованій“.

Да простятъ мнѣ читатели, что я такъ увлекся предме-омъ для многихъ, быть можетъ, неинтереснымъ, но слиш-омъ близкимъ моей минувшей дѣятельности. Прошу вспо-нить, что ей была посвящена вся моя 40-лѣтняя строевая лужба, а потому все ея касающееся слишкомъ для меня до-ого, и я не могу не высказать о ней моихъ взглядовъ и убѣж-еній, въ воспоминаніяхъ о прошломъ.



ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

1876.

Вступленіе къ описанію военнаго времени.—Настроеніе общества.—Слухи изъ Кишенева.—Мобилизація дивизіи.—Объявленіе войны.—Возня съ обозами —Объѣздъ полковъ.—Капитанъ-магометанинъ.—Прощальный обѣдъ и спектакль.—Приказъ по дѣйствующей арміи.—Молебствіе предъ выступленіемъ.—Послѣдніе проводы.—Выѣздъ изъ Нижняго Новгорода.—Остановка въ Москвѣ.—Отъѣздъ изъ Округа.

Только десять лѣтъ прошло отъ поучительной, по своему началу, ходу и послѣдствіямъ, нашей войны съ Турціей. Столь незначительный промежутокъ времени далеко недостаточенъ, чтобы о немъ говорить съ полною откровенностью, безъ боязни осудить кого-либо неправильно, безъ опасенія выставить факты не въ должномъ свѣтѣ, безъ страха навлечь на себя упреки въ пристрастіи. Но я пишу не исторію. Прошу читателей не придавать моему разсказу оффиціальности, а смотрѣть на него, какъ на личныя воспоминанія и взгляды участника, не имѣющаго ни малѣйшей претензіи на литераторство, а тѣмъ болѣе на авторитетство.

Война 1877 года застала меня на 35 году моей строевой службы и въ томъ званіи, которое уже давало право на извѣстную роль въ военной сферѣ. Прослужить 35 лѣтъ, наполовину въ гвардіи и затѣмъ въ арміи, само по себѣ уже не мало, а прослужить въ то время, когда въ военномъ вѣдомствѣ совершались коренныя преобразованія, — тѣмъ болѣе. Быть воспитану въ строгомъ и стройномъ режимѣ 30-хъ годовъ, провести первое служебное десятилѣтіе подъ руководствомъ людей, закаленныхъ въ суровыхъ требованіяхъ и взглядахъ 40-хъ годовъ, пройти ихъ собственнымъ опытомъ, потомъ вдругъ стать въ близкое соприкосновеніе съ людьми другихъ идей, другихъ принциповъ и направленій,—все это не мало значило въ смыслѣ житейской и особенно военно-служебной

опытности. Затѣмъ, не только видѣть, но и испытать на себѣ ломку прежнихъ правилъ и положеній, всего того, что привилось и окрѣпло съ дѣтства, примѣняться самому къ новымъ вѣяніямъ и проводить ихъ въ подчиненную среду,—для всего этого неизбѣжно было многое перечувствовать и много поработать надъ собою. Есть счастливцы, для которыхъ все равно что́ дѣлать и какъ дѣлать, лишь бы это было для нихъ выгодно и покойно, которые готовы плыть по какому угодно вѣтру. Имъ все удается гораздо легче, чѣмъ тѣмъ, которые не легко мѣняютъ свои убѣжденія и правила. Поэтому прослужить 35 лѣтъ—не поле перейти, и если оглянуться назадъ, то какая масса фактовъ, перемѣнъ и личностей предстанетъ передъ нами.

Въ періодъ времени, котораго коснутся дальнѣйшія мои записки, несмотря на его непродолжительность, событія смѣнялись быстро: личности, съ которыми приходилось имѣть дѣло, высказывались рельефнѣе, и переносимыя ощущенія западали въ душу рѣзче и глубже. При обыкновенномъ расчетѣ службы, годъ войны считается за два; по тому-же, что въ этотъ годъ испытывается и перечувствывается, его можно считать за десять.

Событія, совершавшіяся въ теченіи лѣта 1876 на Балканскомъ полуостровѣ, ясно указывали на близость войны. Съ кѣмъ предстояла она—объ этомъ никто не спрашивалъ, потому что всякій внутренно сознавалъ ея неизбѣжность съ тѣмъ правительствомъ, которое уже два года истощало терпѣніе Россіи и явно пренебрегало миролюбіемъ ея Государя. Многія, получаемыя осенью 1877 года, распоряженія давали право предполагать, что и ввѣренныя мнѣ части войскъ будутъ призваны къ участію въ военныхъ дѣйствіяхъ. Я сильно радовался каждому изъ нихъ, потому что, не смотря на истекавшій шестой десятокъ жизни, несмотря на громадность семьи, состоявшей изъ 10 дѣтей, считалъ жизнь мою не полною и службу не законченною, разъ что не участвовалъ въ войнѣ и не испыталъ себя въ бою. Носить 35 лѣтъ военный мундиръ, 35 лѣтъ учиться и учить военному дѣлу, начальствовать 4-мя полками, покрывшими себя славою во многихъ войнахъ, и быть самому не проэкзаменовану въ томъ, что дало-бы дипломъ на носимое мною званіе, мнѣ представлялось чѣмъ-то неправильнымъ и недокон-

ченнымъ. Мнѣ хотѣлось, чтобы все, мною полученное и заслуженное, получило санкцію военной среды и общественнаго мнѣнія. Хотѣлось и того, чтобы сыновья мои могли назвать и указать въ жизни отца факты, доказывающіе, что онъ былъ военнымъ не по одному мундиру.

Слова Императора Александра II, сказанныя имъ московскому дворянству при возвращеніи изъ Крыма и объявленная 2 ноября 1876 года мобилизація шести корпусовъ, образовавшихъ дѣйствующую армію, были предвареніемъ Турціи, что если она не приметъ послѣднихъ, болѣе чѣмъ умѣренныхъ, предложеній, то война неминуема. Вся осень и начало зимы прошли для насъ въ приведеніи въ готовность того, что полагалось полкамъ по штатамъ военнаго времени. Уже при этихъ предварительныхъ передъ войною работахъ ясно обнаружилось, какая разница между готовностью на бумагѣ и дѣйствительною.

Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ намъ приходилось получать указанія, что тѣ или другія вещи, полагаемыя для военнаго времени, заготовляются и хранятся въ интендантскихъ складахъ и будутъ доставлены въ войска по ихъ требованію. Войсковые начальники имѣли полное право надѣяться, что все необходимое и отмѣченное въ вѣдомостяхъ словами: „хранится въ интендантскомъ складѣ", давно готово, и что имъ нечего объ этомъ заботиться; но при первыхъ же запросахъ довольствующему интендантству о доставкѣ чего либо, начали поступать отвѣты, что одно не готово, другое заказано, за третьимъ надо обратиться туда-то. Такъ, напримѣръ, получено было распоряженіе, что полки должны получить аптечныя платформы изъ Варшавской обозной мастерской, куда и было немедленно написано. Варшавскій интендантъ былъ видимо удивленъ подобнымъ требованіемъ, и въ ноябрѣ мѣсяцѣ отвѣтилъ, что платформъ у него нѣтъ, что на нихъ только въ январѣ будетъ сдѣланъ заказъ, но готовы онѣ могутъ быть не ранѣе апрѣля. То же самое повторилось и съ другими вещами.

Къ счастію, что намъ пришлось имѣть цѣлую зиму для приготовленій; но если бы въ ноябрѣ послѣдовала не частная мобилизація, при которой недостающее въ частяхъ, выступавшихъ въ Бессарабію, бралось изъ частей оставшихся на мѣстѣ, а была бы объявлена общая, то нельзя и вообразить тѣхъ затрудненій, которыя пришлось бы встрѣтить. Пользуясь тѣмъ, что мы

хотя и готовимся къ войнѣ, но еще не мобилизуемся, я составилъ для своихъ полковыхъ командировъ подробную инструкцію, на случай мобилизаціи. Это избавило ихъ потомъ отъ множества запросовъ и недоразумѣній. Въ инструкціи подробно было указано, что обязанъ былъ дѣлать каждый изъ чиновъ полкового управленія въ первый, во второй, въ третій и т. д. день по объявленіи мобилизаціи, кого и куда слѣдовало отправить, откуда и что требовать. Всѣ матеріальныя приготовленія, пріемъ и пріѣздка лошадей, укладка обоза, сдача дѣлъ и остающагося имущества,—все это должно было окончиться въ восьмой день. Дальнѣйшее уже зависѣло не отъ полковъ, а отъ времени прибытія послѣдней партіи запасныхъ. Въ дивизіи же все было подготовлено такъ, чтобы на третій по окончательномъ укомплектованіи, т. е. въ 11-й день мобилизаціи, она могла выступить.

Въ началѣ апрѣля, среди полнаго затишья, въ Нижнемъ узнали о проѣздѣ Государя въ Кишиневъ. Одни говорили, что это предвѣщаетъ скорое объявленіе войны, другіе полагали, что это не болѣе какъ угроза, съ цѣлью подкрѣпить ею требованія Россіи въ Константинополѣ. Вскорѣ сомнѣнія были разрѣшены. 4 апрѣля, совершенно неожиданно, получена была мною депеша о мобилизаціи дивизіи. Это произвело магическое впечатлѣніе на насъ, военныхъ, и поразительно оживило городъ. Депеши къ губернатору и къ воинскому начальнику получены были часомъ раньше моей. Взглянувъ въ окно, всякій понялъ, что въ городѣ произошло что-то необыкновенное. У воротъ каждаго дома стояло по нѣсколько человѣкъ, горячо о чемъ-то разговаривавшихъ; прохожіе суетливо куда-то спѣшили, наскоро обмѣниваясь нѣсколькими словами съ встрѣчными; полиціанты почти бѣгомъ разносили по домамъ повѣстки; конные стражники на рысяхъ сновали взадъ и впередъ; даже извозчики, понуждаемые сѣдоками, погоняли своихъ клячъ усерднѣе обыкновеннаго. Въ дивизіонномъ штабѣ и полковыхъ канцеляріяхъ моментально закипѣла работа: во всѣ пункты, гдѣ стояли части дивизіи, полетѣли телеграммы.

Въ полдень я поѣхалъ къ губернатору, узнать о его распоряженіяхъ и условиться о взаимныхъ дѣйствіяхъ. Я засталъ у него предводителя дворянства, предсѣдателя управы, городского голову и полиціймейстера. На всѣхъ лицахъ выража-

ялъ озабоченность, а торопливый обмѣнъ фразъ сводился къ тому, что всѣмъ намъ необходимо дѣйствовать заодно, дружно и по возможности безъ затягивающей всякое дѣло переписки, а личными сношеніями. Послѣднее сильно помогло успѣху. Возвратясь домой, я нашелъ у себя собравшимися: губернскаго воинскаго начальника, бригаднаго командира Коноплянскаго, обоихъ полковыхъ командировъ — графовъ Татищева и Комаровскаго и всѣхъ чиновъ дивизіоннаго штаба. Начальникъ штаба подалъ нѣсколько телеграммъ, какъ полученныхъ въ теченіи утра, такъ и требовавшихъ моей подписи. Покуда я занялся этимъ въ кабинетѣ, къ названнымъ лицамъ вышла въ залъ многочисленная семья моя, еще не видѣвшая меня съ утра и интересовавшаяся узнать о происходившемъ. Къ нимъ постепенно присоединялись, пріѣзжавшіе одинъ за другимъ, наши знакомые городскаго общества. Подобные визиты продолжались до самаго вечера.

5-го числа, во второй день мобилизаціи, были получены по телеграфу донесенія, что изъ полковъ уже отправлены офицеры въ запасные баталіоны, въ пункты пріема лошадей и во всѣ мѣста, куда приказано было командировать предварительными распоряженіями Главнаго Штаба. Вмѣстѣ съ этимъ полковые командиры сообщали, что все указанное моею инструкціею приводится въ исполненіе.

Первые же дни мобилизаціи показали, что распоряженія гражданской администраціи шли весьма дружно и быстро. Нельзя было не удивляться тому спокойствію и той быстротѣ, съ которыми городская и сельская полиціи собирали отпускныхъ и представляли лошадей на пункты пріемки. Этимъ полки обязаны были двумъ лицамъ: городскому головѣ Губину, съ которымъ, безъ всякихъ переписокъ о всемъ условливались на словахъ, такъ что заявленное сегодня—завтра уже осуществлялось, и еще болѣе особой дѣятельности губернскаго воинскаго начальника, генерала Курлова. Не бывъ непосредственно подчиненъ мнѣ, какъ начальнику дивизіи, онъ сознавалъ, что только при обоюдномъ согласіи, дѣло укомплектованія призванными можетъ идти успѣшно и быстро. Партіи прибывающихъ изъ запаса ни на минуту не задерживались в сборномъ пунктѣ и о всѣхъ получаемыхъ распоряженіяхъ онъ

сообщалъ мнѣ, а я ему—лично, избѣгая переписки, всегда только замедляющей дѣло.

Отрадно было видѣть, что ни призываемые изъ запаса, ни провожавшіе ихъ родные, не обнаружили ни малѣйшаго унынія. Крестьяне, сдававшіе лошадей, передавали ихъ съ шуточками и прибаутками, показывавшими какъ народъ былъ далекъ отъ печальнаго настроенія. Совсѣмъ сѣдой старикъ, сдавая лошадь приговаривалъ: „Иди, бурка, служи за меня, стараго сивку". Другой, прощаясь съ конемъ, просилъ солдатъ: „Поберегите, братцы, добрая была скотинка, доморощенная, вѣкъ бы не разстался, кабы Царю не понадобилась". Что же касается правилъ пріема и браковки лошадей, то въ нихъ оказались значительные промахи. Между болѣзнями, дававшими право браковать лошадь, многія были пропущены, а мѣра роста для обозныхъ лошадей втораго разряда назначена была до того малая, что эти лошади оказались безсильными до безполезности, между тѣмъ цѣны на нихъ опредѣлены были такія, что породили барышничество.

Къ недостатку правилъ пріемки нужно отнести и то, что она производилась только по наружному осмотру, безъ права пробовать лошадь въ упряжи; чрезъ это въ войско попало не мало такихъ, съ которыми обознымъ пришлось испытать потомъ не мало горя. Одна оказывалась съ затономъ, другая—била куда бы ее ни запрягли, третья—лѣнива до безполезности.

Въ первые дни мобилизаціи не было времени думать о чемъ либо кромѣ скорѣйшаго исполненія того, что требовали безпрерывно получаемыя телеграммы. Частенько онѣ указывали на необходимость предварительнаго сношенія съ окружнымъ московскимъ начальствомъ; но оно, въ это горячее время, уже не считало насъ своими и не торопилось отвѣтами, такъ что многое приходилось брать на себя.

Когда главное было исполнено, то возникъ весьма естественный вопросъ: когда же и куда насъ направятъ? Среди ожиданій его разрѣшенія, полученная вечеромъ 12 апрѣля телеграмма возвѣстила, что война объявлена. Она произвела всеобщее воодушевленіе и воскресила начинавшіе ослабѣвать порывы патріотизма. Прочтя депешу, всякій или говорилъ, или думалъ: „Слава Богу! наконецъ-то неизвѣстность и томленіе

прекращаются". Но и при этомъ находились личности, которыя, разбирая текстъ манифеста и не встрѣчая въ немъ слова „война", оспаривали ея объявленіе, объясняя, что войскамъ повелѣно только вступить въ предѣлы Турціи, и что если она не окажетъ сопротивленія и согласится на всѣ требованія Россіи, то войны и не будетъ. Подобные кривотолки не имѣли значенія, и мы, съ возбужденною энергіею, продолжали приготовленія къ походу.

Первыя партіи запасныхъ, изъ людей ближайшихъ уѣздовъ, прибыли довольно скоро; остальныя собрались къ 16 дню мобилизаціи, и только тогда мы узнали, что дивизія направляется въ Кіевскій округъ, для занятія тѣхъ пунктовъ Волынской губерніи, изъ которыхъ вышли полки, поступившіе въ составъ дѣйствующей арміи, и что наше выступленіе начнется съ 4-го мая. Остававшіяся до этого срока двѣ недѣли были употреблены на сведеніе ротъ и баталіоновъ и на занятія стрѣльбою. Но ничто не представляло такихъ хлопотъ и возни, какъ устройство обозовъ. Покуда ихъ тщательно окрашенныя повозки стояли въ сараяхъ и выдвигались на Божій свѣтъ только для инспекторскихъ смотровъ,—казалось, что все исправно; но когда ихъ, даже безъ укладки, употребили для проѣздки лошадей, то увидѣли, что конструкція повозокъ причинитъ войскамъ не мало хлопотъ въ будущемъ. Какъ ни старались въ полкахъ выбрать въ обозные людей, мало-мальски умѣющихъ править четверками, найти такихъ между запасными было невозможно. Пятнадцати человѣкъ, пріученныхъ къ этому въ мирное время, было недостаточно, да и они не могли справляться съ набранными изъ разныхъ мѣстъ лошадьми, никогда не знавшими другого экипажа, кромѣ мужицкой телѣги. Остальные 50 обозныхъ, назначенные изъ призывныхъ, не видывали форменной полуанглійской сбруи. Многихъ лошадей трудно было не только заложить, но и подвести къ громаднымъ лазаретнымъ каретамъ; а когда ихъ запрягли, то одинъ громъ отъ колесъ этихъ громадъ по мостовой, до того пугалъ лошадей, что послѣ первой проѣздки многое оказалось порванымъ и поломаннымъ. Кромѣ этого, при обозахъ не оказалось мелочей, необходимыхъ для похода. Писать и ожидать присылки недостающаго изъ интендантства—не было времени; надо было все исправить и пополнить скорѣе, и тутъ-то пол-

ковые командиры снова убѣдились, какъ необходимо имѣть экономическія деньги въ запасѣ и какъ полезно въ мирное время беречь каждую казенную копѣйку на черный день. Первый осмотръ обозовъ, находившихся въ Нижнемъ, и проѣздка ихъ съ полною укладкою, заставили меня усомниться, въ возможности добиться въ этомъ отношеніи должнаго порядка. Вмѣсто одного смотра, пришлось сдѣлать четыре, и только послѣ недѣльныхъ усилій можно было достигнуть, что повозки полковъ и дивизіоннаго лазарета прошли мимо меня безъ приключеній, безъ остановки и сохраняя должные интервалы. Но то, что оказалось при проѣздкахъ, было ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что пришлось испытать полкамъ отъ обозовъ впослѣдствіи.

Пользуясь оставшимися до выступленія двумя недѣлями, я могъ объѣхать полки, квартировавшіе во Владимірѣ и въ Шуѣ. Осмотръ доставилъ мнѣ полное удовольствіе. Не говоря о томъ, что все найдено въ исправности, ихъ, укомплектованный по военному составу, строй имѣлъ прекрасный видъ и пріобрѣлъ значительную внушительность. Роты полковъ не представляли болѣе миніатюрныя кучки нашего кадроваго состава, похожія на полувзводики, а напоминали то время, когда войска постоянно содержались въ полномъ комплектѣ. Это было время моей молодости, время начала службы, полное тѣхъ радужныхъ надеждъ и стремленій, которыя рѣдко забываются.

Приливъ въ каждую роту полутораста человѣкъ изъ запаса совершенно измѣнилъ видъ строя. Вмѣсто безусыхъ юношей, онъ составился изъ людей возмужалыхъ, лица которыхъ выражали опредѣленный характеръ, внушающій довѣріе къ ихъ стойкости. Кое-гдѣ виднѣлись сѣдовласые бакенбардисты, служившіе на Кавказѣ и въ 63 году въ Польшѣ.

Послѣ десятидневныхъ занятій съ призывными, они не только не портили фронта, но скрѣпили и украсили его. Было бы еще лучше, если-бы, вопреки основныхъ правилъ укомплектованія, не назначили въ пѣхоту служившихъ въ артиллеріи и кавалеріи, никогда не державшихъ ружья, и не попадали бы въ строй нестроевые, бывшіе служителями госпиталей и сторожами провіантскихъ магазиновъ. Замѣчательно, что въ то время, когда къ намъ назначали артиллеристовъ,

въ батареяхъ жаловались зачѣмъ имъ даютъ пѣхотинцевъ, не видавшихъ гранаты и банника. Въ малыхъ размѣрахъ подобная путаница не имѣетъ особаго значенія, но все-таки указываетъ, что у уѣздныхъ начальниковъ, или тамъ, гдѣ составляются распредѣленія запасныхъ, должнаго порядка не было. Что касается обмундированія и снаряженія запасныхъ, то оно не встрѣчало никакихъ затрудненій, и въ этомъ отношеніи всѣ люди, на другой день прибытія, уже были готовы.

Лучшимъ по матеріальной готовности оказался Псковскій полкъ Кусова, которому шуйскіе фабриканты подарили въ обозъ нѣсколько великолѣпныхъ лошадей. Въ отношеніи же строеваго вида лучшимъ былъ Великолуцкій полкъ.

При смотрѣ въ немъ стрѣльбы въ цѣль, рота капитана Т... Б...го особенно отличилась. Изъ разговора съ нимъ, я узналъ, что онъ магометанинъ.

— Не будетъ ли вамъ, капитанъ,—спрашиваю я его,—тяжело идти на войну противъ вашихъ единовѣрцевъ?

— Я русскій, а не турецкій магометанинъ, отвѣчалъ онъ.

— Спрашиваю васъ объ этомъ потому, что если бы васъ сколько нибудь смущала предстоящая война, то можно, безъ всякаго ущерба вашей карьерѣ, назначить васъ въ запасный батальонъ, гдѣ тоже нужны хорошіе командиры.

— Разъ, что я присягалъ моему государю, продолжалъ капитанъ, ничто не можетъ меня заставить измѣнить моему долгу, а потому я бы не желалъ въ подобное время разстаться съ товарищами и съ полкомъ, съ которымъ я сроднился.

Мнѣ оставалось только похвалить убѣжденія этого отличнаго офицера.

Не радостно принято было нами извѣстіе, что дивизія, не входя въ составъ дѣйствующей арміи, назначается въ Кіевскій округъ, да къ тому же и разъединяется. Первую бригаду приказано было расположить лагеремъ при Житомірѣ, а 2-ю, съ дивизіоннымъ штабомъ, въ Луцкѣ. Незавидною долею казалась намъ стоянка въ этихъ городахъ въ то время, когда войска первой мобилизаціи будутъ сражаться, пожинать лавры и получать награды за Дунаемъ. Хотя и понималось, что чѣмъ ближе мы будемъ къ театру военныхъ дѣйствій, тѣмъ скорѣе можемъ принять въ нихъ участіе, но являлось невольное сомнѣніе въ осуществленіи подобной надежды. Въ особенно-

сти насъ смущала мысль: „а что, если послѣ войны, въ которой намъ не удастся принять участія, насъ навсегда оставятъ на Волыни?“ Это предположеніе казалось тѣмъ болѣе грустнымъ, что чѣмъ ближе подходило время выступленія, тѣмъ Нижній-Новгородъ и его общество горячѣе высказывали намъ свое вниманіе и дружбу. Уже съ половины апрѣля начались ихъ проявленія. Почти не проходило дня, чтобы въ томъ или въ другомъ домѣ не давались, своимъ знакомымъ, прощальные вечера или обѣды. 17-го апрѣля, въ день рожденія Государя, послѣ парада, въ который была выведена вся бригада въ своемъ шеститысячномъ составѣ, городъ угощалъ нижнихъ чиновъ, для чего были устроены столы по бульвару, идущему вдоль Кремлевской стѣны. Черезъ два дня данъ былъ обѣдъ всѣмъ офицерамъ въ залахъ Коммерческаго клуба. Много самыхъ задушевныхъ рѣчей и тостовъ было произнесено на этомъ обѣдѣ.

Въ тотъ же день, вечеромъ, состоялся прощальный любительскій спектакль въ городскомъ театрѣ. Участвующими въ немъ были, вмѣстѣ съ городскими дамами, преимущественно офицеры выступавшихъ въ походъ полковъ первой бригады. Какая пьеса шла въ этотъ разъ не помню, но поставленная послѣ нея живая картина „Россія на вершинѣ Балканъ“ произвела фуроръ. Публика болѣе 5 разъ требовала поднятія занавѣса, осыпая появленіе картины оглушительными рукоплесканіями. Россію изображала всѣми любимая и уважаемая О. А. Черкасова, особа рѣдкой представительности и красоты, вполнѣ русскаго типа. Одѣтая въ кольчугу и латы, сдѣланныя какъ бы изъ иконъ, она стояла на вершинѣ скалы; въ одной рукѣ держала обвитый лаврами опущенный мечъ, другою указывала на парящаго надъ нею орла. У подножія горы были поставлены группы болгаръ, съ благоговѣніемъ смотрящія на эмблему Россіи. По сторонамъ сцены, внѣ рамы этой, имѣвшей пророческое значеніе картины, находились другія группы, составленныя изъ участвовавшихъ въ спектаклѣ и изъ тѣхъ лицъ общества, которыя изъявили согласіе быть въ русскихъ костюмахъ и усилить хоръ, исполнявшій народный гимнъ.

Теперь, когда прошло только 10 лѣтъ отъ описываемаго времени, невольно сопоставляешь прошедшее съ настоящимъ. Кто изъ участниковъ минувшей войны могъ думать, что до-

статочно будетъ 8 лѣтъ, чтобы народъ, спасенный Россіею отъ всѣхъ ужасовъ тираніи и избавленный ею отъ четырехсотлѣтняго рабства, такъ скоро забылъ это и что онъ выкажетъ самую черную неблагодарность своимъ спасителямъ? Никому такъ не горька эта неблагодарность, какъ тѣмъ, кто были участниками достопамятной эпохи, кто жертвовалъ кровью и жизнью за братій по вѣрѣ; кто видѣлъ всѣ неистовства, совершаемыя надъ ними, видѣлъ развалины городовъ, оскверненные и разграбленные храмы Божіи, убійства дѣтей; кто шелъ по полямъ, покрытымъ трупами, по пожарищамъ селъ и деревень болгарскихъ.

Забывшимъ все это болгарамъ, вмѣсто прокламацій настоящаго, позорнаго ихъ правительства, слѣдовало бы ежедневно читать своимъ дѣтямъ, какъ молитву, приказъ отданный русской арміи 12 апрѣля 1877 г. Документъ этотъ, едва-ли гдѣ повторенный послѣ войны, столь замѣчателенъ, что читатели вѣроятно не посѣтуютъ на меня за то, что я привожу его въ моихъ воспоминаніяхъ. Вотъ что говорилось въ этомъ приказѣ:

„Сотни лѣтъ тяготѣетъ иго турецкое надъ христіанами—братьями нашими. Горька ихъ неволя! Все, что дорого человѣку: святая вѣра Христова, честное имя, потомъ и кровію добытое добро,—все поругано, осквернено невѣрными. Не выдержали несчастные, возстали противъ угнетателей, и вотъ уже два года льется кровь христіанская: города и села выжжены: имущество разграблено; жены и дочери обезчещены, населеніе многихъ мѣстъ поголовно вырѣзано. Мѣра долготерпѣнія нашего Царя-Освободителя истощилась... Намъ выпала доля исполнить волю Царскую и святой завѣтъ предковъ нашихъ. Не для завоеваній идемъ мы, а въ защиту поруганныхъ и угнетенныхъ братій нашихъ, на защиту вѣры Христовой“...

Присланное въ концѣ апрѣля росписаніе порядка передвиженія полковъ отъ Нижняго, Владиміра и Шуи, по желѣзнымъ дорогамъ черезъ Москву, Смоленскъ, Минскъ и Брестъ въ Кіевскій округъ, указывало, что движеніе начнется 4-го мая съ полковъ 1-й бригады. Наканунѣ этого дня, она, въ полномъ составѣ, въ походно-боевой формѣ, была построена въ трехъфасномъ каре, на площади передъ Кремлемъ, у древнѣйшаго изъ нижегородскихъ соборовъ, передъ которымъ, по пре-

данію, происходило благословеніе князя Пожарскаго; четвертый фасъ заняли семейства офицеровъ и дамы нижегородскаго общества. Преосвященный Іоаникій, тогда архіепископъ Нижегородскій и Арзамасскій, нынѣ высокопреосвященный митрополитъ Московскій, выразилъ благосклонное желаніе лично совершить напутственное молебствіе и благословить полки.

Уже при вступленіи баталіоновъ на прощадь, она была покрыта народомъ, толпы котораго виднѣлись на далекомъ пространствѣ расходившихся отъ собора улицъ. Окна домовъ, ихъ крыши, даже деревья бульвара, до самой Волги,—все это было унизано народомъ.

Ясное, тихое майское утро, благоговѣйная тишина, царившая между войсками и публикой, давали возможность слышать каждое слово молитвъ, каждый звукъ пѣнія архіерейскаго хора. Еще до начала служенія, по выраженію лицъ, какъ выступавшихъ на войну, такъ и провожавшихъ ихъ, по напряженному вниманію къ происходившему, можно было судить какія ощущенія испытывались каждымъ въ эти знаменательныя минуты. „Съ нами Богъ! разумѣйте языцы и покоряйтеся", провозгласилъ архидіаконъ, и сряду послѣ это возгласа, сначала робко, а потомъ все чаще и чаще стали слышаться въ публикѣ глубокіе вздохи и всхлипыванія сдержаннаго плача. Видимо было, что всѣ переживали торжественныя, но трудныя минуты. Къ концу молебна и у солдатъ стали скатываться слезы, среди офицерскихъ семействъ слышались рыданія. Онѣ усилились при пѣніи стиха „Кто Богъ великій, яко Богъ нашъ, ты еси Богъ творяй чудеса". Самымъ потрясающимъ моментомъ было то, когда преосвященный Іоаникій обратился ко мнѣ, колѣнопреклоненному передъ нимъ, съ напутственнымъ словомъ, исполненнымъ сердечнаго къ войскамъ сочувствія и надеждъ, возлагаемыхъ на насъ Царемъ и родиной. Въ ту минуту, когда онъ благословлялъ меня иконою Богоматери, я случайно увидѣлъ, тоже стоявшими на колѣнахъ, жену и дѣтей моихъ. Представляю каждому судить, что въ эту минуту происходило въ душѣ моей. Она вся была проникнута святостію совершавшагося и какимъ-то необъяснимымъ ощущеніемъ, но въ ней не было ни борьбы, ни страха. Такія минуты не поддаются никакому описанію; онѣ только глубоко чувствуются и никогда не забываются.

По окончаніи богослуженія, городской голова Губинъ, съ депутаціею отъ города, въ знакъ благодарности нижегородцевъ своимъ постояльцамъ, за то спокойствіе, которое они охраняли, поднесъ обоимъ полкамъ иконы Преображенія Господня и Николая Чудотворца. Тогда же мнѣ подали телеграмму, извѣщавшую, что всѣ находящіеся въ дивизіи подпрапорщики произведены въ офицеры, съ чѣмъ я лично поздравилъ ихъ передъ церемоніальнымъ маршемъ, которымъ войска расходились съ площади.

Въ предшествовавшіе описанному дни, въ полкахъ укладывали повозки, сдавали остающееся имущество, отправляли въ Житоміръ и Луцкъ хлѣбопековъ и квартирьеровъ и переправляли обозы за Оку, къ вокзалу желѣзной дороги. Послѣднее требовало не мало времени и распорядительности. По случаю разлива, плашкотный мостъ еще не былъ наведенъ и переправа происходила на буксируемомъ пароходомъ паромѣ; на немъ помѣщалось не болѣе 6 казенныхъ повозокъ съ лошадьми, а ихъ, вмѣстѣ съ офицерскими, надо было перевезти около двухсотъ; каждый же рейсъ, съ обратнымъ приходомъ парома, длился болѣе часа.

Выступленіе изъ Нижняго началось съ 10 Новоингерманландскаго полка, за которымъ черезъ день послѣдовалъ 9 Староингерманландскій. Каждый отправлялся на 6 поѣздахъ, слѣдовавшихъ черезъ 6 часовъ одинъ послѣ другого. Такъ какъ дивизіонный штабъ по росписанію долженъ былъ слѣдовать въ хвостѣ дивизіи, то я могъ остаться въ Нижнемъ до 8 мая. Послѣдніе дни прошли, среди добрыхъ знакомыхъ и родной семьи, въ сборахъ къ походу и въ послѣднихъ прощальныхъ бесѣдахъ. Въ одинъ изъ такихъ дней нижегородское общество оказало мнѣ, въ лицѣ избранныхъ сочленовъ своихъ, исключительное вниманіе. Мнѣ былъ поднесенъ прекрасный, въ дорогой оправѣ, русскаго стиля альбомъ, съ портретами лицъ (не исключая и дамъ), составлявшихъ ближайшій кружокъ нашъ. Николай Никитичъ Жадовскій, передавая его, говорилъ мнѣ: „Примите этотъ знакъ нашей любви, дружбы и благодарности. Мы подносимъ его не начальнику, не генералу, а человѣку, память о которомъ сохранится навсегда между нами. Не забудьте и вы насъ“.

Чѣмъ болѣе проходитъ время со дня разлуки съ тѣми ли-

цами, чьи портреты въ этомъ альбомѣ, тѣмъ мнѣ дѣлается дороже этотъ подарокъ. Нѣкоторыхъ изъ нихъ уже нѣтъ въ живыхъ, съ другими не пришлось болѣе встрѣтиться; но дружба, соединившая меня съ ними и ихъ семействами, жива и крѣпка по прежнему.

Пароходъ, перевозившій меня вечеромъ, 8 мая, черезъ Оку, былъ полонъ провожавшими, остававшимися въ вокзалѣ до отхода поѣзда. Съ бокалами въ рукахъ вышли они на платформу, гдѣ я простился съ нѣкоторыми навсегда. Вмѣстѣ съ послѣднимъ свисткомъ кондуктора раздались голоса: „До скораго свиданія! Прощайте! Желаемъ побѣдъ! Берегите себя, возвращайтесь скорѣе!" и т. д. Запыхтѣлъ локомотивъ и, подъ крики „ура!" провожавшихъ, поѣздъ тронулся. Долго я оставался на балконѣ вагона, и невольно пробѣгали мысли: что-то ждетъ тамъ, впереди; придется-ли вернуться, увижу ли дѣтей и тѣхъ, чьи отдаленные голоса еще доносились отъ вокзала.

Думая, что мнѣ придется провести въ Луцкѣ все лѣто, я рѣшился взять второго моего сына съ собою, такъ какъ онъ, по болѣзни глазъ, былъ отпущенъ изъ корпуса ранѣе конца весеннихъ экзаменовъ. Съ нимъ и съ провожавшею меня женою, мы 9 мая пріѣхали въ Москву, гдѣ я засталъ 2-ю мою бригаду еще не отправленною; первая была уже двинута по смоленской дорогѣ къ Бресту. Каждый эшелонъ дивизіи имѣлъ въ Москвѣ дневку, для перевозки тяжестей съ нижегородской дороги на смоленскую. Къ сожалѣнію, штабъ округа, неизвѣстно по какимъ соображеніямъ, распорядился размѣстить полки для дневки въ деревняхъ, лежащихъ невдалекѣ отъ нижегородскаго вокзала и верстахъ въ 15 отъ смоленскаго. Чрезъ это командамъ, перегружавшимъ тяжести и баталіонамъ, передъ посадкою, приходилось представляться командующему войсками, послѣ 15-верстнаго ночнаго перехода черезъ весь городъ. Такъ какъ нѣкоторымъ эшелонамъ назначено было выѣзжать въ 6 часовъ утра, то понятно, что они должны были вставать въ часъ ночи. Мудрено-ли послѣ этого, что нижніе чины могли казаться вялыми и усталыми. Между тѣмъ, ничто не мѣшало поставить баталіоны въ Всесвятское и Покровское, которыя всего въ трехъ верстахъ отъ смоленскаго дебаркадера. При заявленіи объ этомъ былъ полученъ

слѣдующій отвѣтъ: „Вамъ придется на войнѣ испытывать и не такія неудобства“. — „Отъ непріятеля всякое неудобство понятно, отвѣчалъ я, но отъ нераспорядительности и каприза — прискорбно“. Впрочемъ, подобныя явленія не составляютъ исключеній; какъ только какая-либо часть переходитъ въ другой округъ, о ней мало кто заботится и на нее уже смотрятъ какъ на чужую. Такъ было при отправленіи въ 1869 году 18-го стрѣлковаго баталіона изъ Зарайска въ Оренбургъ, такъ случилось и теперь.

Не совсѣмъ-то подъ пріятнымъ впечатлѣніемъ выступали полки изъ Москвы. Говорю это не о себѣ, потому что мнѣ лично не было сдѣлано ни малѣйшаго замѣчанія и со мною командующій войсками разстался вполнѣ дружески, но мнѣ жаль было моихъ подчиненныхъ. Полки выступали на войну, послѣ 15-ти-лѣтней стоянки въ Московскомъ округѣ. Казалось бы, что слѣдовало разстаться съ ними посердечнѣе и привѣтливѣе, чѣмъ это происходило. Обходя роты передъ ихъ посадкою въ вагоны, А. И. Гильденштуббе оставался вѣренъ той присущей ему педантичности, которая тяжела и въ обыкновенное время, а въ минуту разставанія съ войсками, заслужившими ему всевозможныя похвалы и награды, тѣмъ болѣе. Кажется, въ подобныя минуты, какъ выступленіе на войну, можно бы было отступить отъ своихъ привычекъ. Что происходило въ первой бригадѣ, которую онъ именовалъ графскою,— я не знаю, такъ какъ она выступала безъ меня; но во второй, отъѣздъ каждаго эшелона сопровождался выговорами то одному, то другому баталіонному или ротному командиру: одному за нетщательно скатанную шинель, другому—за скоробившійся козырекъ кепи, безъ всякаго вниманія къ тому, что многіе изъ грузившихъ повозки, всю ночь провели въ тяжелой работѣ и едва успѣли стать на свои мѣста. Командиръ одного изъ полковъ долженъ былъ выслушать цѣлый рядъ упрековъ за прошлое, цѣлый потокъ укоризнъ за беззаботность,—и все это за то, что у одного изъ солдатъ былъ покраснѣвши глазъ. Я, сколько могъ, старался загладить замѣчанія сдѣланныя въ сущности добрымъ начальникомъ.

Къ счастію, произведенное подобными проводами впечатлѣніе было разсѣяно тѣмъ сочувствіемъ, которое выразили отъѣзжавшимъ толпы провожавшаго народа и московское купече-

ство. Каждому эшелону депутаціи отъ города раздавали пироги, калачи, винныя порціи. Не были забыты и офицеры. Присланные въ ихъ вагоны Филипповымъ и другими пекарями хлѣба и торты были очень кстати, потому-что на небольшихъ станціяхъ дальнѣйшаго пути, офицеры часто не могли получить простаго баранка, а на подобныхъ станціяхъ обыкновенно и останавливали военные поѣзда на продолжительное время.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

1876.

От Москвы до Бреста. — Прибытіе въ Луцкъ. — Поѣздка въ Щепетовку.—Проѣздъ Государя въ армію.—Князья Горчаковъ и Суворовъ.— Оригинальный полковникъ. — Поѣздка въ Кіевъ.—Деликатные выговоры.—Подвижныя колонны.—Житоміръ и Бердичевъ.—Извѣстіе о переправѣ у Галаца.—Сравненіе ея съ Систовскою.—Двѣ иконы.—Препровожденіе свободнаго времени. — Продѣлки съ жидами. —Проводы одного сына и пріѣздъ другаго.

Для слѣдованія отъ Москвы въ Кіевскій округъ, дивизіонный штабъ былъ присоединенъ къ эшелону дивизіоннаго лазарета, выходившаго по Смоленской дорогѣ 10 мая, въ 8 часовъ вечера.

Не съ спокойною душою довелось мнѣ раставаться съ семьею.

Въ Нижнемъ трое дѣтей лежали въ кори, а въ Москвѣ захворала и провожавшая меня жена. Все это, вмѣстѣ съ мыслью, придется ли возвратиться и увидѣть ихъ, невольно сжимало сердце, а между тѣмъ надо было показать подчиненнымъ примѣръ полнаго спокойствія. Этого особенно требовали прощальныя сцены, происходившія въ вокзалѣ, при отходѣ военныхъ поѣздовъ. Плачъ, часто переходившій въ рыданіе, а иногда и въ истерику, слышался изъ дамской уборной, гдѣ жены и матери офицеровъ не могли выдерживать послѣднихъ минутъ разлуки. Впрочемъ, все это тяготило душу недолго. Какъ только входили въ вагоны, беззаботная веселось несемейной офицерской молодежи, ихъ одушевленныя лица и оживленный говоръ, невольно развлекали и тѣхъ, на комъ замѣчались слѣды прощальныхъ впечатлѣній. Поѣздъ трогался, и всѣ, кого уносилъ онъ, предавали и себя, и тѣхъ, съ кѣмъ только-что разстались, волѣ Божіей. На меня благотворно вліяло то, что при мнѣ находился 15-лѣтній сынъ, а

окружавшій меня служебный персоналъ состоялъ изъ людей, успѣвшихъ въ теченіи года сблизиться со мною, съ минуты же выѣзда сдѣлавшихся второю моею семьею. Начальникъ штаба, два адъютанта и два ординарца, 5 офицеровъ роты носильщиковъ и дивизіоннаго лазарета и три доктора, изъ которыхъ старшимъ былъ почтенный Соловьевъ, — составляли моихъ спутниковъ. Послѣдній представлялъ собою типъ штабъ-лекарей прежняго времени, теперь почти не существующій. старыхъ и опытныхъ служакъ сороковыхъ годовъ.

Двое сутокъ переѣзда до Бреста не представляли ничего особеннаго. Ни прилегавшая къ желѣзнодорожному полотну мѣстность, ни города, черезъ которые проходило оно, не могли интересовать даже тѣхъ, кто впервые видѣлъ ихъ. Погода вполнѣ благопріятствовала нашему путешествію. Въ отличное майское утро мы высадились въ Брестѣ, гдѣ меня встрѣтили старые мои сослуживцы В. А. Таубе и Н. Д. Щербинскій. Первый, во время командованія моего Прусскимъ полкомъ, былъ моимъ адъютантомъ, второй—квартермистромъ: въ описываемое же время Таубе завѣдывалъ Брестскою обмундировательною мастерскою, а Щербинскій состоялъ брестскимъ уѣзднымъ воинскимъ начальникомъ. Оба встрѣтили меня какъ родного. Какъ старожилы, они ознакомили меня съ крѣпостью, съ возводимыми передъ нею фортами и съ довольно мизернымъ городомъ, представлявшимъ нѣкоторое оживленіе потому, что въ немъ находились тогда части 4-го корпуса, шедшаго на усиленіе дѣйствующей арміи, съ которою мы, такъ сказать, соприкоснулись впервые.

Ровно въ полночь, съ 13 на 14 мая, мы сѣли на бресто-кіевскую желѣзную дорогу и въ 6 часовъ слѣдующаго утра высадились на станціи Рожище, гдѣ насъ уже ожидали высланные изъ Луцка экипажи. Сдѣлать это было возможно потому, что слѣдовавшіе впереди штаба полки 2-й бригады двумя днями ранѣе насъ вступили въ Луцкъ. Первая же моя бригада въ то же время заняла лагерь подъ Житоміромъ.

Непривлекательною показалась намъ предстоявшая стоянка, хотя и нельзя сказать, чтобы видъ города издали былъ дуренъ. Развалины древней, когда-то знаменитой крѣпости, старинной, готической архитектуры костелъ, руины православнаго храма, по преданію временъ Владиміра Святого, новый

еще неосвященный тогда соборъ,—все это, расположенное на возвышенномъ берегу рѣки Стыри и окаймленное съ запада довольно большимъ озеромъ, представлялось красивымъ. Но красоту общаго вида мы оцѣнили потомъ, а теперь, проѣзжая по кривымъ закоулкамъ жидовскихъ мазанокъ и лавченокъ, ожидали, что и квартиры наши будутъ въ томъ же родѣ. Къ счастью оказалось противное. Жидовскія лачуги гнѣздились вдоль шоссе, по главной улицѣ, а въ сторонѣ отъ нея, въ видѣ отдѣльныхъ усадебъ, оказалось нѣсколько опрятныхъ и удобныхъ домовъ шляхты и мѣстныхъ чиновниковъ. Каждый изъ такихъ домовъ имѣлъ чистенькій дворъ и за нимъ садъ. Въ нихъ-то и были наняты намъ квартиры, посланнымъ впередъ офицеромъ.

Въ домѣ, занятомъ для чиновъ штаба, могли помѣститься вмѣстѣ со мною: начальникъ штаба, одинъ изъ адъютантовъ и оба мои ординарца. Но первый, какъ человѣкъ со средствами, нанялъ себѣ по близости другую квартиру. Совмѣстная жизнь съ молодежью нисколько не стѣсняла меня, а напротивъ, кромѣ нѣкотораго развлеченія, давала возможность еще ближе узнать характеръ и способности каждаго. Я имѣлъ три отдѣльныя комнаты — для спальни, кабинета и пріемной и, кромѣ того, общую столовую, въ которую, въ опредѣленный часъ, собирались всѣ чины штаба для обѣда и ужина, а жившіе со мною и для чая. За столовою шли комнаты моихъ сожителей, изъ которыхъ старшему было не болѣе 23 лѣтъ. Командиръ 2-й бригады генералъ Вадимъ Денисовичъ Давыдовъ (сынъ знаменитаго партизана), командиръ полка Кусовъ, доктора: Соловьевъ, Кунаховичъ и Гринкругъ квартировали по сосѣдству. Два послѣдніе и нѣкоторые изъ офицеровъ взяли съ собою женъ, что давало возможность пользоваться дамскимъ обществомъ.

На третій день по водвореніи въ Луцкѣ, я получилъ телеграмму изъ Кіева, о проѣздѣ Государя по бресто-кіевской дорогѣ въ дѣйствующую армію, причемъ начальникамъ отдѣльныхъ частей разрѣшалось выѣхать на станціи продолжительныхъ остановокъ Царскаго поѣзда. Ближайшею къ нашей стоянкѣ станціею была указана Щепетовка, гдѣ былъ назначенъ обѣдъ. На основаніи этого извѣщенія, я, съ начальникомъ штаба, генераломъ Давыдовымъ и командиромъ Псковскаго полка, выѣхалъ рано утромъ на станцію Киверцы, откуда мы

проѣхали по желѣзной дорогѣ въ Щепетовку. Тамъ часа три ждали проѣзда, вмѣстѣ съ прибывшими мѣстными властями, сильно суетившимися, чтобы собравшійся изъ деревень народъ не переступалъ за устроенные у платформы барьеры.

Ровно въ 4 часа подходилъ Царскій поѣздъ. Государь, увидя насъ изъ вагона, изволилъ выйти на платформу.

— Ты какимъ образомъ здѣсь? спросилъ онъ меня, давая руку.

— Дивизія въ лагерѣ у Луцка и Житоміра, отвѣчалъ я, и мы воспользовались возможностью представиться Вашему Величеству.

— Здравствуй, толстякъ, здравствуй Кусовъ,—продолжалъ Государь, взглядывая на Давыдова и Кусова, — знакомыя все лица; очень радъ васъ видѣть. Ну, что у тебя, все благополучно?

Я отвѣтилъ, что все, благодаря Бога, хорошо.

— А все-ли готово на случай, если придется идти дальше?

— Въ экстренномъ случаѣ можемъ выступить по первому приказанію, а мелкіе недостатки постараемся пополнить въ теченіи лагеря.

Послѣ вопросовъ: давно ли пришли, удобенъ ли лагерь, сколько больныхъ и проч., Государь подошелъ къ стоявшему за барьеромъ народу и, сказавъ нѣсколько словъ собравшимся волостнымъ старшинамъ, вошелъ въ вагонъ. Было замѣтно, что Его Величество озабоченъ и утомленъ.

Поѣздъ оставался на станціи около получаса. Въ числѣ выходившихъ на платформу лицъ свиты, всѣ замѣтили юнаго офицера, въ кителѣ, прохаживавшагося съ однимъ изъ молодыхъ флигель-адъютантовъ. На вопросъ, кто онъ? мнѣ отвѣтили, что это племянникъ Императрицы, принцъ Баттенбергскій. Можно ли было тогда думать, чтобы этотъ мальчикъ могъ потомъ сдѣлаться княземъ Болгарскимъ, взбаломутившимъ Европу, и что за всѣ сдѣланныя ему благодѣянія, онъ отплатитъ такою черною неблагодарностью.

Желаніе узнать что-либо о будущемъ назначеніи дивизіи заставило меня принять предложеніе генерала Салтыкова, спросившаго не хочу ли я видѣть военнаго министра?

Черезъ нѣсколько минутъ министръ вышелъ на платформу. Послѣ свойственныхъ ему привѣтовъ, я спросилъ его:

— Позвольте узнать, имѣть ли мнѣ въ виду, что дивизія вскорѣ будетъ двинута къ границѣ, или она все лѣто простоитъ на мѣстѣ?

— А почему это васъ такъ интересуетъ?

— Потому, что если имѣется въ виду первое, то полки займутся исключительно скорѣйшимъ окончаніемъ курса стрѣльбы и я усилю занятія съ призывными, сниму лошадей съ травы и т. д. Если же останемся въ кіевскомъ округѣ, то поведу занятія по программѣ мирнаго времени.

— Такъ и ведите. Объ усиленіи дѣйствующей арміи нѣтъ рѣчи, да я думаю, что въ этомъ не будетъ надобности и въ будущемъ.

Извѣстно, что подобное заключеніе оказалась потомъ невѣрнымъ. Разговоръ нашъ можетъ быть и продолжался бы, если бы его не прервалъ вышедшій изъ вагона князь Суворовъ. Онъ быстро подошелъ къ намъ съ слѣдующею, обращенною ко мнѣ фразою:

— Какъ вы смѣли оставить 18-ю дивизію и принять другую [1])?

Принявъ эту рѣзкость за шутку, чѣмъ она и была въ дѣйствительности, я отвѣчалъ, что оставилъ 18-ю дивизію не по своей волѣ; неугодно ли спросить объ этомъ вотъ кого, — причемъ указалъ на министра.

Не обращая вниманія на это указаніе, князь тѣмъ же тономъ продолжалъ:

— Да, помилуйте! отдать эту отличную дивизію и кому же, сыну еврейки! Развѣ можетъ быть что-нибудь путное отъ жидовки? Съ этими словами Суворовъ быстро отошелъ къ проходившему мимо насъ князю Горчакову.

— Болтунъ! пустилъ ему вслѣдъ, съ улыбкою, министръ, отходя къ своему вагону.

Между тѣмъ министръ иностранныхъ дѣлъ, подъ руку съ

[1]) Дабы читатели знали причину столь нецеремоннаго вопроса, необходимо пояснить, что въ составъ 18-й дивизіи входилъ Ряжскій полкъ, шефомъ котораго былъ Суворовъ. Незадолго передъ войною праздновался пятидесятилѣтній юбилей службы князя, и тогда я былъ во главѣ депутаціи этого полка, подносившей своему шефу альбомъ; да и прежде того мы, съ давнихъ поръ, были знакомы другъ другу и часто встрѣчались.

княземъ Суворовымъ, гулялъ по платформѣ. Противъ спущеннаго окна Государева вагона, Горчаковъ, подходя къ одной изъ стоявшихъ въ толпѣ старухъ, спрашиваетъ ее:

— Скажи, бабушка, кто изъ насъ красивѣе, я или вотъ этотъ великанъ?

Старуха съ улыбкой указала на Суворова.

Въ это время послышался голосъ стоявшаго у окна Государя:

— О чемъ вы тамъ балагурите? спрашиваетъ онъ по-французски.

— У нея дурной вкусъ, Ваше Величество, отвѣчаетъ Горчаковъ,—увѣряетъ, что Суворовъ красивѣе меня.

Черезъ 5 минутъ Царскій поѣздъ несся далѣе, а мы сѣли въ задержанный на запасномъ пути пассажирскій, шедшій къ Бресту, и поздно вечеромъ возвратились въ Луцкъ.

Отвѣтъ, данный министромъ на мой вопросъ о томъ, можемъ ли мы ожидать движенія къ границѣ, опечалилъ офицеровъ. Неужели, думали они, всѣ наши мечты о войнѣ, всѣ наши труды, разлука съ семействами, испытанные проводы и возлагаемыя при этомъ на насъ надежды, будутъ имѣть въ результатѣ монотонную стоянку въ лагерѣ подъ Луцкомъ? „Въ такомъ случаѣ, говорила молодежь, ужъ лучше бы было идти опять на Ходынку [1]). Тѣ, кто постарше и опытнѣе, не очень вѣрили въ пророчество о томъ, что не будетъ надобности усиливать дѣйствующую армію.

Кромѣ извѣстій объ отдѣльныхъ подвигахъ нашихъ моряковъ, оттуда не сообщалось ничего особеннаго и, вмѣсто съ нетерпѣніемъ ожидаемаго извѣстія о переправѣ черезъ Дунай, корреспонденты пробавлялись описаніемъ устройства санитарныхъ станцій, жизни въ Бухарестѣ, да продѣлокъ агентовъ пресловутаго товарищества продовольствія арміи. Не было газеты, въ которой по пяти разъ въ день не повторялась бы стереотипная фраза „намъ пишутъ изъ Плоэшти“. Это до такой степени надоѣло, что вошло въ поговорку, и если кто-либо начиналъ разсказывать что-нибудь всѣмъ извѣстное, то

---

[1]) Такъ войска Московскаго округа называютъ лагерь, расположенный на Ходынскомъ полѣ.

его останавливали словами: „Ну, это тоже—намъ пишутъ изъ Плоэшти ..

Къ полкамъ, состоявшимъ въ Луцкомъ лагерѣ, вскорѣ по ихъ вступленіи, былъ присоединенъ одинъ изъ казачьихъ полковъ 2-й очереди [1]). Онъ состоялъ преимущественно изъ пожилыхъ людей, да и командовавшій имъ полковникъ тоже видалъ виды. Это былъ человѣкъ лѣтъ 50, сѣдой, коренастый, еще въ крымскую компанію составившій себѣ репутацію лихаго рубаки, но не чуждый общихъ казачьихъ замашекъ. Въ дѣлѣ службы для него не существовало ничего невозможнаго, на все были готовы отвѣты и доводы, но были-ли они вѣрны—это другой вопросъ. Является онъ ко мнѣ въ день прибытія полка. Послѣ нѣсколькихъ обычныхъ вопросовъ о составѣ полка и его размѣщеніи, о числѣ офицеровъ и проч., я говорю ему:

— Мнѣ бы хотѣлось, полковникъ, видѣть вашъ полкъ въ полномъ составѣ; когда вы можете представить его?

— Когда прикажете.

— Но я не желалъ-бы тревожить людей, раньше чѣмъ они устроятся и кони отдохнутъ съ похода, вотъ почему я спрашиваю, когда вамъ удобнѣе?

— Намъ все равно-съ; когда прикажете.

— Какъ все равно? Вѣдь надо-же прибраться самимъ и возлѣ лошадей, надо устроить кухни, конюшни. Такъ-ли?

— Точно такъ.

— Ну такъ какъ-же?

— Когда прикажете.

— Повторяю вамъ, что мнѣ все равно; я хочу знать ваше мнѣніе.

— И намъ все равно-съ.

— Да вѣдь вы только что согласились, что полку надо устроиться и оправиться отъ похода.

— Такъ точно.

— А теперь говорите что все равно. Скажите-же мнѣ, наконецъ, когда я могу видѣть полкъ?

---

[1]) Донскіе полки, въ отношеніи призыва на службу, раздѣляются на 3 очереди, по опредѣленному числу полковъ въ каждой. Первая очередь была призвана при первой мобилизаціи, въ ноябрѣ 1876 года, а 2-я—вмѣстѣ съ нашею апрѣльскою мобилизаціею.

– Когда прикажете.

то наконецъ раздосадовало меня и я рѣзко сказалъ ему, буду подробно смотрѣть полкъ черезъ 4 дня.

– Слушаю-съ, отвѣчалъ полковникъ, и затѣмъ прибавилъ: кажете идти?

– Можете,—оставалось отвѣтить ему.

Потомъ мы встрѣтились съ этимъ оригиналомъ въ Турціи. да я припомнилъ ему нашъ разговоръ въ Луцкѣ и спро-, почему онъ такъ упорно не хотѣлъ назначить дня для ра, онъ отвѣчалъ:

– Тогда, ваше превосходительство, я еще не зналъ васъ, му на все и отвѣчалъ—„какъ прикажете". Это меня всегда чало на службѣ. Если я самъ назначу день, да вый- плохо, меня могутъ попрекнуть,—„самъ дескать вы-ся".

Осмотрѣвъ устройство лагеря и направивъ занятія полковъ оставленному мною росписанію, я счелъ нужнымъ съѣз- въ Кіевъ, представиться командующему войсками и по-омиться съ лицами окружнаго штаба. Съ личностью генера-рентельна я уже былъ знакомъ еще въ бытность его въ Фин-скомъ полку, а затѣмъ во время командованіи имъ 1-й дейской дивизіей. Я зналъ, что это человѣкъ, до тонкости ющій строевое дѣло и войсковое хозяйство, а потому спо-ый вѣрно оцѣнить служебный трудъ и отличить достоин- каждой части, а это такъ важно въ старшихъ начальни-. Въ это время въ Кіевъ только что прибыла 2-я дивизія Казани. Генералъ Дрентельнъ смотрѣлъ ее по полкамъ. бы ближе ознакомиться съ его требованіями, я отправился динъ изъ этихъ смотровъ. Тутъ я убѣдился, что главное аніе обращается на порядокъ и тишину строя, что въ ованіяхъ генерала нѣтъ ни излишняго педантизма, ни ирчивости. Слухи о томъ, что онъ имѣетъ особую манеру, амыхъ вѣжливыхъ выраженіяхъ, дѣлать чувствительныя чанія, оправдались. При прохожденіи обоза, на одномъ патронныхъ ящиковъ не оказалось шанцеваго инструмента, ругомъ, вмѣсто опредѣленнаго числа, было подвязано 3; на ьемъ 5, а тамъ опять ничего.

Остановивъ прохожденіе, генералъ подзываетъ съ себѣ за-вѣдывающаго хозяйствомъ и очень покойно спрашиваетъ его:

— Скажите, подполковникъ, по какому случаю у васъ не вездѣ уложенъ шанцевый инструментъ по положенію?

Подполковникъ молчитъ.

— Отвѣчайте, когда васъ спрашиваютъ.

— Не успѣли уложить, ваше превосходительство.

— Что? Повторите, какъ вы сказали?

— Не успѣли уложить.

— Извините меня, не успѣть вы не могли, потому, что, во-первыхъ, о моемъ смотрѣ полкъ былъ предупрежденъ за 6 дней, а во-вторыхъ—если вы успѣли подвязать 5 вещей, то могли уложить и 10. И такъ ясно, что не въ этомъ дѣло. Замѣтьте, что я требую того, что должно быть исправно во всякое время, а тѣмъ болѣе собираясь на войну. Зачѣмъ же вы на себя клевещете?

Оправдываться было трудно. Бѣдный подполковникъ совсѣмъ сконфузился. Послѣдовала пауза, послѣ которой генералъ продолжалъ:

— Позвольте дать вамъ добрый совѣтъ. Очень можетъ быть, что въ недостаткѣ въ полку шанцеваго инструмента виноваты не вы, а кто-нибудь другой, а вы взводите на себя вину и говорите что не успѣли. Согласитесь, что это вѣдь неправда. Сказали-бы: позабылъ или полѣнился осмотрѣть. Никогда не слѣдуетъ говорить неправду, хотя бы и на самаго себя.

Изъ лицъ окружнаго штаба ближе другихъ я сошелся съ интендантомъ Сарычевымъ и начальникомъ штаба Черкесовымъ. Это были въ полномъ смыслѣ люди дѣла, въ высшей степени обязательные, хотя при своей серьезности, по первому впечатлѣнію и не казались такими. Собранныя мною отъ нихъ свѣдѣнія о будущемъ назначеніи дивизіи сводились къ тому, что намъ предстоитъ провести зиму на Волыни.

Кіевское начальство смотрѣло на наше прибытіе изъ Московскаго округа, какъ на мѣру, предпринятую для охраненія края, не столько въ военномъ, сколько въ политическомъ отношеніи. Для этого мнѣ было приказано высылать изъ Луцкаго лагеря двѣ подвижныя колонны, по одной ротѣ въ каждой, въ сосѣдніе съ Австріею уѣзды, съ такимъ разсчетомъ, чтобы эти роты, послѣ 5 дней движенія въ различныхъ направленіяхъ, возвращались въ лагерь и въ тотъ же день выступали бы слѣдующія 2 роты. Подобныя прогулки были полезны

только въ томъ отношеніи, что пріучали ротныхъ командировъ, не бывшихъ въ походахъ и не двигавшихся иначе какъ по рельсамъ, къ нѣкоторой самостоятельности и распорядительности. По возвращеніи ротъ, я требовалъ ихъ командировъ къ себѣ, для личнаго мнѣ доклада о всемъ замѣченномъ. Это ближе знакомило меня и съ ними и съ краемъ. Передаваемое ими сводилось къ слѣдующему:

Народонаселеніе въ достаткѣ, хотя и подъ сильнымъ гнетомъ еврейства. Не зная цѣли появленія ротъ и ихъ переходовъ по проселкамъ, изъ мѣстечка въ мѣстечко, жители съ недоумѣніемъ смотрѣли на солдатъ, особенно когда узнавали, что они пожаловали съ береговъ Волги, о которой тамошній народъ слыхалъ только въ сказкахъ. Мѣстныхъ властей, за исключеніемъ двухъ-трехъ урядниковъ, офицеры нигдѣ не видали; а если гдѣ случалось проходить мимо становыхъ квартиръ и волостныхъ правленій, то ихъ принципалы не считали нужнымъ заявлять о своемъ присутствіи. Двумъ ротамъ довелось находиться въ базарные дни въ мѣстечкахъ, отстоявшихъ верстахъ въ 3—4 отъ границы. Офицеры были очень удивлены, видя тамъ группы австрійскихъ солдатъ, разгуливавшими по площади, какъ у себя дома. Интересно было бы знать, дозволили бы австрійскія власти нашимъ солдатамъ, такъ же свободно расхаживать по ту сторону пограничной черты? Раза два мнѣ самому случилось встрѣчать, даже въ Луцкѣ, въ 70 верстахъ отъ Галиціи, нѣсколькихъ военныхъ, нашей сосѣдки. Одѣты они были въ мундиры; но были ли это нижніе чины, или переодѣтые офицеры, узнать было трудно. На вопросъ почему они здѣсь, всегда получался общій отвѣтъ, что они въ отпуску у окрестныхъ помѣщиковъ. Разъ я поинтересовался спросить мѣстнаго исправника, извѣстно ли полиціи кто эти иностранцы и почему они пользуются правомъ свободнаго пребыванія въ нашихъ предѣлахъ, и получилъ такого рода отвѣтъ:

— Да у насъ такъ ведется съ давнихъ поръ, потому что многіе родственники здѣшнихъ помѣщиковъ служатъ въ австрійскихъ войскахъ.

— Можетъ быть это вовсе не родственники, а просто переодѣтые агенты, являющіеся узнать сколько у насъ войскъ на границѣ и гдѣ именно.

— Конечно и это возможно—продолжалъ исправникъ,—да какъ-то неловко разузнавать, разъ что помѣщикъ заявилъ, что это его шваґеръ или пріятель.

О, простота и халатность!—подумалось мнѣ.

При описываемой поѣздкѣ въ Кіевъ, мнѣ впервые представился случай поклониться дорогому для меня праху старшаго моего брата, за годъ передъ тѣмъ перевезенному изъ Харькова и похороненному на берегу Днѣпра, въ склепѣ храма, стоящаго на мѣстности, называемой „Аскольдова могила". Подъ впечатлѣніемъ воспоминаній о давно минувшемъ, мнѣ приходило на мысль, что будь братъ живъ, его мѣсто вѣроятно было бы не на посту командующаго войсками въ Харьковѣ, а на берегахъ Дуная. Тогда же припомнилось мнѣ, какъ за 17 лѣтъ передъ войною, покойный братъ, видѣвшій дѣйствія моего стрѣлковаго баталіона на маневрахъ, говорилъ мнѣ въ Ропшѣ: „тебѣ Богъ далъ смёкъ и быстроту взгляда въ полѣ,—практикуй и береги ихъ. Они дороже многаго, что писано въ книгахъ и читается съ каѳедръ. Когда-нибудь эти свойства сослужать тебѣ службу".

Возвращаясь изъ Кіева, я изъ Бердичева свернулъ по почтовой дорогѣ въ Житоміръ, гдѣ стояла лагеремъ 1-я моя бригада, подъ командою крайне болѣзненнаго генерала Коноплянскаго, бывшаго моего товарища по мѣсту воспитанія. Подробно осмотрѣвъ полки, я нашелъ ихъ неотставшими отъ 2-ой бригады, стоявшей на моихъ глазахъ, только стрѣльба была нѣсколько слабѣе. Въ Житомірѣ я впервые познакомился съ тамошнимъ губернаторомъ Грессеромъ, бывшимъ въ то время статскимъ.

Сѣвъ въ вагонъ шедшаго къ Бресту поѣзда, я развернулъ купленныя въ Бердичевѣ газеты, изъ которыхъ узналъ о только-что совершившейся переправѣ нашихъ войскъ у Галаца. Эта новость была мнѣ вдвойнѣ радостна: во-первыхъ,—какъ первый серьезный успѣхъ кампаніи, а во-вторыхъ,—какъ подвигъ совершенный дивизіею, которою я командовалъ болѣе 7 лѣтъ и сдалъ всего годъ назадъ. Не скрою, что отчасти и дурное чувство промелькнуло во мнѣ въ эти минуты. Мнѣ было досадно, что другой пользуется тѣмъ, что мною посѣяно. Семь лѣтъ я работалъ въ 18 дивизіи, съ мыслію, что когда-нибудь самъ поведу ее въ дѣло. При мнѣ въ ней подготовлялся тотъ

составъ ротныхъ командировъ и офицеровъ, которые теперь акъ славно показали себя. Много сердечнаго труда и участія ыло вложено въ это подготовленіе; въ 7 лѣтъ моего начальтвованія перемѣнился весь прежній составъ полковъ, всѣ ижніе чины при мнѣ начали свою службу, такъ что я смѣло іогъ сказать, что эта дивизія была воспитана и обучена мною.

Читая оффиціальную реляцію и подробности галацкой переравы, мнѣ, какъ теперь видились тѣ офицеры Рязанскаго и 'яжскаго полковъ, которые названы какъ особенно отличивпіеся. Въ огнѣ было только по 5 ротъ каждаго полка. Если ринять во вниманіе относительную численность сражавпихся, сравнить естественныя преграды, встрѣченныя при выадкѣ, и вспомогательныя средства, то переправа у Галаца, въ мыслѣ подвига, нисколько не уступаетъ Систовской. Здѣсь ереправлялось всего 10 ротъ безъ артиллеріи и защищало ереправу 4,000 турокъ, имѣвшихъ кавалерію и орудія, а шиина Дуная была, вмѣстѣ съ разливомъ, болѣе 4 верстъ. У 'истова брала переправу полная дивизія, ширина рѣки не превышала полуторы версты, средства посадки и перевозки и равнивать нечего: полное содѣйствіе береговыхъ батарей, понопы, множество лодокъ, высадка орудій одновременно съ пѣотою и въ резервѣ двѣ свѣжія дивизіи. У Галаца же, кромѣ русла рѣки, надо было проплыть плавни, до подошвы Будкакскихъ возвышенностей. На этомъ пространствѣ, сплошь юкрытомъ камышами въ ростъ человѣка, лодки останавливаись, работа веслами была невозможна, отталкивались баграми, і мѣстами люди, по грудь въ водѣ, тащили лодки на лямкахъ, адая и увязая въ илистой почвѣ,—и все это подъ пулями изъ южементовъ, покрывавшихъ въ нѣсколько ярусовъ ближайшія юзвышенности.

Не могу не упомянуть въ моихъ воспоминаніяхъ о тѣхъ бывпихъ моихъ сослуживцахъ Рязанскаго и Ряжскаго полковъ, оторые при мнѣ вышли изъ училищъ, при мнѣ прошли младіе оберъ-офицерскіе чины, и теперь стали во главѣ ротъ, соершившихъ славное дѣло, 10 іюня, у Буджака. Вотъ имена собенно отличившихся представителей 18-й дивизіи моего времени: подполковникъ Акинфіевъ, капитанъ Клоченко, штабсъапитанъ Кириловъ, поручикъ Эльснеръ, первымъ вступившій а турецкую землю и тутъ же раненый, и поручикъ Кюрто.

Затѣмъ помяну павшихъ въ бою—поручика и прапорщика Васильевыхъ и прапорщика Никольскаго. Личность послѣдняго заслуживаетъ, чтобы сказать о ней подробнѣе. Только за годъ до войны, Никольскій, будучи кандидатомъ московскаго университета, поступилъ вольноопредѣляющимся въ Ряжскій полкъ. Какъ теперь вижу его, черезъ недѣлю по вступленіи, дневальнымъ по лагерной линейкѣ: невзрачный, худой, со впалою грудью, не имѣющій средствъ сшить себѣ собственнаго мундира, въ старомъ, пригнанномъ на него солдатскомъ; увидя меня, онъ вытянулся и подбодрился сколько могъ, не замѣчая, что представляетъ изъ себя смѣшную фигуру. На выраженное мною сомнѣніе—выдержитъ ли онъ трудности военной службы, онъ отвѣтилъ коротко: „надѣюсь и постараюсь". Черезъ три мѣсяца онъ былъ произведенъ въ офицеры; а при зимнемъ пріѣздѣ моемъ въ Козловъ, гдѣ стоялъ Ряжскій полкъ, я уже слушалъ въ офицерскомъ собраніи докладъ Никольскаго, о данной ему тактической задачѣ, ясно доказывавшій, что въ теченіи перваго полугода своей службы, онъ вполнѣ усвоилъ себѣ тѣ военныя познанія, которыя обязательны для офицера, и ознакомился съ лучшими военно историческими сочиненіями. Вообще это была личность, одаренная какою-то особенною любовью къ военному дѣлу. При переправѣ онъ палъ вмѣстѣ съ десяткомъ своихъ солдатъ, окруженный толпою налетѣвшихъ на нихъ черкесовъ. Своею геройскою смертью, они исторгли временной успѣхъ изъ рукъ непріятеля. Ближайшія къ этой свалкѣ роты, видя, какъ турки отрубали головы ихъ товарищей и, схвативъ за волосы, швыряли, какъ мячи, въ нашу сторону, пришли въ такую ярость, что безъ команды, сами бросились впередъ, и тутъ ужь никому не дали пощады. Вся линія, въ виду натиска мстителей за своего офицера, примкнула къ нимъ и какъ лава ринулась съ такою силою, противъ которой ничто устоять не могло.

По возвращеніи въ Луцкъ, офицеры дивизіоннаго штаба встрѣтили меня радостнымъ извѣстіемъ о совершившейся, 15 іюля, переправѣ главныхъ силъ у Систова. Съ жадностію читали мы въ газетахъ описаніе этого подвига, а получаемыя вслѣдъ за тѣмъ телеграммы о занятіи Тырнова, о взятіи Никополя и объ успѣхахъ генерала Гурко за Балками, хотя и радовали насъ, но въ то же время возбуждали зависть, зачѣмъ

все это совершается безъ нашего участія. По мѣрѣ полученія этихъ извѣстій, болѣе и болѣе ослабѣвала наша надежда попасть въ составъ дѣйствующей арміи. Намъ казалось, что такъ пойдетъ побѣда за побѣдой, и что сказанное мнѣ въ Кіевѣ, о возможности простоять зиму на Волыни, оправдается. Увлеченные вѣстями о безостановочномъ фронтальномъ наступленія 8 корпуса, мы забыли, что у всякаго фронта есть фланги, и что необходимо было подумать въ какой мѣрѣ они обезпечены.

Покорившись грустной долѣ заниматься во время войны тѣмъ же, чѣмъ мы занимались много лѣтъ на учебныхъ поляхъ, я, вмѣсто составленія диспозицій для боя, составлялъ росписанія занятій стрѣльбою и предположеній для малыхъ маневровъ. Во время этихъ вполнѣ мирныхъ занятій, получена была мною изъ Рязани, отъ преосвященнаго Палладія (нынѣ экзарха Грузіи) икона Божіей Матери, какъ благословеніе на брань. Меня тронуло подобное вниманіе и память о нашемъ знакомствѣ, во время совмѣстной жизни въ Тамбовѣ. Хотя какъ эта икона, такъ и полученная въ Нижнемъ отъ архіепископа Іоанникія, были вручены лично мнѣ, но какъ онѣ, во время войны, осѣняли своею благодатью тѣхъ, кто совершалъ и своею кровью запечатлѣвалъ дарованныя моимъ полкамъ побѣды, то я смотрѣлъ на нихъ, какъ на принадлежащія дивизіи, а потому, разставаясь съ нею, передалъ ихъ дивизіонному штабу, гдѣ, надѣюсь, онѣ хранятся какъ святыня, свидѣтельствующая о подвигахъ 3-й дивизіи.

Лагерныя занятія съ одною бригадою оставляли достаточно свободнаго времени; надо было подумать и о томъ, чтобы доставить какое-либо развлеченіе окружающей меня молодежи. Мѣстное общество представляло для этого весьма мало данныхъ. Единственнымъ домомъ, гдѣ могли собираться офицеры, было семейство исправника Лебедева, большаго хлѣбосола и охотника что-либо устраивать. Онъ жилъ на концѣ города, возлѣ лагеря, занимая цѣлую усадьбу, съ надворными флигелями и огромнымъ садомъ. Въ флигеляхъ помѣщались всѣ артиллерійскіе офицеры и ихъ почтенный бригадный командиръ, полковникъ Золотухинъ, о которомъ мнѣ не разъ придется говорить въ моихъ воспоминаніяхъ.

Въ окрестностяхъ Луцка оказалось нѣсколько колоній че-

ховъ и фабрикъ, расположенныхъ въ красивыхъ мѣстностяхъ. Пользуясь прекрасными лѣтними вечерами, мы устраивали то въ одномъ, то въ другомъ изъ загородныхъ мѣстъ прогулки, а иногда и пикники съ танцами, и дни за днями проходили незамѣтно.

Немалое развлеченіе доставляли молодежи различныя продѣлки съ евреями, которые повадились обращаться ко мнѣ со всевозможными просьбами и кляузами. Первое время не было отбоя отъ просителей и просительницъ, толпившихся у крыльца съ прошеніями, не имѣвшими никакого отношенія съ дѣятельностью начальника дивизіи. Увѣщанія и увѣренія въ томъ, что я не имѣю ничего общаго съ уѣздной администраціей, не дѣйствовали. Ицки и Мошки не могли отрѣшиться отъ мысли, чтобы генералъ не представлялъ собою власти на все и на всѣхъ. Приставанья ихъ наконецъ до того всѣмъ надоѣли, что штабная молодежь рѣшила отвадить надоѣдливыхъ израилей какимъ-нибудь болѣе дѣйствительнымъ средствомъ. Въ одинъ прекрасный день, шалуны прапорщики и поручики приказали вѣстовымъ, помимо моего вѣдома, направлять жидовъ на ихъ крыльцо. Проситель со страхомъ и надеждой входилъ въ переднюю, воображая сейчасъ предстать предъ лицо „пана енарала“. Подговоренный заранѣе деньщикъ, съ важностью отбиралъ прошенія;—черезъ нѣсколько минутъ дверь отворялась и, вмѣсто пана-генерала, жидъ видѣлъ полдесятокъ молодыхъ офицеровъ, какъ-бы засѣдающихъ въ присутственномъ мѣстѣ. Затѣмъ происходила слѣдующая сцена:

— Ты подалъ прошеніе на имя генерала?

— Такъ точно, ясновельмозне.

— Какъ же ты смѣешь, такой-сякой, лѣзть со всякимъ вздоромъ? Вѣдь васъ тутъ цѣлыя двѣ недѣли со двора гоняютъ. Какое дѣло генералу до вашихъ дрязгъ.

— Цо же вы это говорите, цтобъ енаралу не было дѣла, когда онъ енаралъ.

— Не разсуждать! За то, что ты противузаконно подалъ прошеніе,—будешь сейчасъ наказанъ. Вѣстовой!

Обомлѣвшаго просителя безцеремонно запирали въ чуланъ и затѣмъ, черезъ пять минутъ, торжественно объявляли приговоръ. Наказанія при этомъ раздѣлялись, смотря по степени

вины, на два разряда: если вина была невелика, то жидъ должень былъ, въ течении извѣстнаго срока, при помощи деньщика, выучить наизусть названія всѣхъ четырехъ полковъ дивизіи. Когда деньщикъ приходилъ докладывать, что „жидъ затвердилъ“, то его опять вводили и трибуналъ школьничавшихъ, преважно выслушивалъ безсвязный лепетъ дрожавшаго отъ страха еврея.

— Ну, называй полки по порядку.

— Девьятово пихотнова Старогерландсково пулкъ. Одынастево Пшсковсково отъ фитмаршалка князе Кутузевшкій и Шмоленсково пулкъ...

Болѣе строгая мѣра наказанія состояла въ томъ, что жидъ долженъ былъ простоять довольно долго въ какой нибудь особенной позѣ, передъ однимъ изъ адъютантовъ, Байковымъ, пока тотъ рисовалъ съ него этюдъ. Къ концу стоянки, у Байкова составилась довольно большая коллекція прекрасно схваченныхъ еврейскихъ типовъ.

Не меньшимъ развлеченіемъ молодежи были, такъ называемые ею, жидовскіе разводы съ церемоніей. Для этого компанія шалуновъ отправлялась въ ряды еврейскихъ лавочекъ. Войдя въ одну изъ нихъ, они молча осматривали ея стѣны и, не говоря ни слова, выходили. Хозяинъ и вся его семья, обыкновенно торчащая въ лавкѣ или у ея двери, съ крикомъ кидалась за выходившими.

— Господа офицеры! Пожалуйте, для чего уходите? Што-зе вамъ угодно?

Офицерство такъ же серьезно и безмолвно входило въ слѣдующую лавку, гдѣ повторялось то же самое. Послѣ трехъ-четырехъ подобныхъ посѣщеній, вся узкая улица наполнялась торговцами и торговками, кричавшими на всѣ тоны:

— Скажите, господа, цо нужно.

— Просимъ къ намъ, панове, у насъ все есть.

Гвалтъ усиливался выбѣгавшими изъ лавокъ еврейками. Каждому хотѣлось заманить къ себѣ покупателей. Но тѣ, храня мертвое молчаніе, двигались впередъ, а впереди и сзади ихъ, толкая другъ друга, тѣснилась цѣлая процессія. Затѣмъ шалуны неожиданно останавливались и громко произносили поочереди: „Свининой торгуете? Есть колбасы, есть окорокъ?“

Только тогда евреи догадывались въ чемъ дѣло и, понемногу отступая, робко и съ укоромъ произносили: „Чи это благородно? Ай, ай, ай! Чи это по-дворянски?“

По сдѣланному въ моей семьѣ еще въ Нижнемъ условію, было положено, что находившійся при мнѣ въ Луцкѣ второй сынъ, въ началѣ іюля, возвратится къ матери, а вмѣсто него пріѣдетъ старшій. На этомъ основаніи, въ началѣ іюля я самъ отвезъ младшаго въ Брестъ, откуда онъ въ тотъ-же день вечеромъ сѣлъ въ вагонъ московскаго поѣзда.

Во время моего двухсуточнаго отсутствія изъ Луцка, скончался, послѣ долгой болѣзни, дивизіонный врачъ Соловьевъ. При послѣднемъ нашемъ свиданіи, какъ бы предчувствуя близкій конецъ онъ говорилъ мнѣ: „Странно устроила судьба! 40 лѣтъ назадъ въ Луцкѣ я началъ мою службу, поступивши изъ академіи врачемъ въ конную батарею, и здѣсь-же кончаю ее“. Не только чины штаба, но и офицеры полковъ сочувственно отнеслись къ этой потерѣ; для меня-же она была тѣмъ чувствительнѣе, что надо было ожидать назначенія дивизіоннымъ докторомъ человѣка со стороны, ни мнѣ и никому неизвѣстнаго. Надѣяться на то, чтобы на мѣсто умершаго назначили кого-либо изъ полковыхъ врачей,— было трудно, потому что они были далеко не изъ старшихъ; но я попробовалъ попытаться, написалъ письма медицинскимъ властямъ въ Кіевъ и Петербургъ, прося назначить доктора Великолуцкаго полка Кунаховича,— и мнѣ удалось.

12 іюня, рано утромъ пріѣхалъ мой старшій сынъ и привезъ намъ первое извѣстіе о неудачѣ 5-й дивизіи, 8 числа подъ Плевною.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

1876.

вел̌ѣніе о походѣ къ границѣ — Приготовленія. — Неожиданный тъ. — Смотръ командующаго войсками. — Посадка на желѣзную дорогу.— ь Лунца до Раздѣльной.—Встрѣча съ ранеными въ Жмеринкѣ.—Пошіе интенданта.—День въ Унгенахъ.— Почтовая контора.—Переѣздъ границы

Не успѣли мы опомниться отъ произведеннаго первою нечею подъ Плевною впечатлѣнія, какъ мнѣ подали депешу кого содержанія: „Высочайше повелѣно 3-ю пѣхотную дивизію править къ Кишиневу, въ составъ дѣйствующей арміи. ланъ передвиженія получится изъ Главнаго штаба; подробсти почтою".

Нельзя описать того восторга, который вызвала эта телеамма. Крики „ура!" собравшихся въ это время къ утреннему ю чиновъ штаба, огласили улицу. Всѣ они стремглавъ бролись, — одни въ городъ, повѣстить квартировавшихъ тамъ чальниковъ, другіе понеслись верхами въ лагерь. Тѣ и дру- передавали по пути радостную вѣсть всякому встрѣчному—естьянамъ на базарѣ, солдатамъ, евреямъ: „Походъ, походъ! ѣмъ за Дунай"! кричали они. Услыша эти крики, бывшія лагерѣ на ученьи роты моментально были распущены, а ходившіяся въ палаткахъ выбѣгали на линейки. Всѣ ликои, бросали на воздухъ шапки, кричали „ура!" Да и какъ ло не радоваться! Вмѣсто скучной стоянки въ жидовскомъ одишкѣ, вмѣсто однообразныхъ занятій, по вѣчно одинако- программѣ, предстояло испытать то, къ чему каждый изъ съ готовился съ дѣтства, что составляло стремленіе и цѣль нной карьеры. О предстоящихъ трудахъ, опасностяхъ и ценіяхъ никто и не думалъ. У всѣхъ и на умѣ и на языкѣ лько и были—Дунай, Балканы, Константинополь.

Получа повелѣніе о присоединеніи къ арміи, я немедленно

телеграфировалъ женѣ, что возьму старшаго сына съ собою до Кишинева, а если будетъ можно, то и до Бухареста.

Жизнь въ лагерѣ моментально измѣнилась. Находившимся въ движеніи по уѣздамъ ротамъ приказано было возвратиться, подъемныя лошади сняты съ луговъ, опять началась ихъ проѣздка, солдаты продавали излишнія вещи, шили бѣлые чахлы на шапки и черезъ день уже щеголяли въ нихъ; говоръ, пѣсни, особенная веселая суетливость, оживленныя лица солдатъ и офицеровъ—все это указывало, до какой степени радовала всѣхъ вѣсть о походѣ къ арміи.

Казалось, что съ окончаніемъ мобилизаціи полки были совершенно готовы; но когда пришлось идти къ границѣ, изъ Кіева посыпались запросы: есть-ли то, есть-ли другое, и оказалось, что о многомъ, введенномъ въ дѣйствующей арміи, мы и не знали. На посланные въ главное и окружное интендантства требованія получены были отвѣты, что одно будетъ выслано на станціи, черезъ которыя намъ предстояло слѣдовать, а другое получится въ Кишиневѣ, но кое въ чемъ и отказывали, ссылаясь, что это слѣдовало требовать въ Москвѣ. Болѣе всего заботило то, что полки не имѣли походныхъ палатокъ. Для нижнихъ чиновъ ихъ дѣйствительно выслали на одну изъ попутныхъ станцій, но офицеры такъ и оставались всю кампанію безъ палатокъ.

Въ первыхъ распоряженіяхъ о движеніи къ границѣ было сказано, что дивизія направляется къ Кишиневу; но когда садиться на желѣзную дорогу и кому гдѣ,—объ этомъ предстояло ждать плана передвиженія. Онъ былъ полученъ только 17 іюля, а 18-го, казачьему полку, по этому же плану, слѣдовало уже выступить изъ Луцка на станцію Рожище, гдѣ предстояла посадка и прочихъ частей 2-й бригады. За два дня до этого получена была телеграмма, что 18-го же числа командующій войсками, въ 10 часовъ утра, произведетъ смотръ войскамъ луцкаго лагеря, а затѣмъ проѣдетъ въ Житоміръ смотрѣть 1-ю бригаду. До того времени никто въ дивизіи, кромѣ меня, не зналъ и не видалъ генералъ-адъютанта Дрентельна. Представлять части новому начальнику, не зная его взглядовъ и требованій, всегда тревожно, а представлять при этомъ человѣку, слывущему за въ высшей степени знающаго и зоркаго,—еще труднѣе.

Прежде чѣмъ описывать этотъ смотръ, скажу нѣсколько ловъ о частномъ эпизодѣ, случившемся со мною въ тотъ же ень утромъ. Часовъ въ 8, когда всѣ мои сожители, чины штаба, уже въ смотровой формѣ, собрались къ чаю, въ столоую входитъ командиръ Великолуцкаго полка.

— Я привелъ къ вашему превосходительству, говоритъ нъ, одного господина, взятаго въ лагерѣ, не то дезертира, е то шпіона, въ полувоенной формѣ.

Всѣ съ удивленіемъ переглянулись, а я спросилъ, гдѣ ке онъ?

— Здѣсь, въ передней, отвѣтилъ полковникъ. Прикажете му войти?

— Интересно взглянуть, что это за сюжетъ. Пусть войдетъ.

Одинъ изъ адъютантовъ отворилъ дверь и удивленный отсколилъ отъ нея. Я привсталъ и, пораженный неожиданностью, нова опустился на стулъ. Передо мною стоялъ второй мой ынъ, пажъ, двѣ недѣли назадъ отправленный изъ Бреста въ Іижній. Въ эту минуту мнѣ вообразилось, что въ моемъ сеействѣ случилось какое-нибудь несчастіе и его прислали приотовить меня. Я бросился къ нему съ словами:

— Говори прямо, говори скорѣй, что случилось?

Мальчикъ такъ былъ озадаченъ подобной встрѣчей, что, росая фуражку на стулъ, произнесъ сквозь слезы:

— Я думалъ тебя порадовать, а ты Богъ знаетъ что воображаешь!

Оказалось, что и сынъ мой и полковникъ Рыдзевскій, хоошо его знавшій, хотѣли сдѣлать мнѣ сюрпризъ и вмѣсто того апугали меня. Изъ дальнѣйшихъ разспросовъ выяснилось, то причиною неожиданнаго пріѣзда сына была моя депеша кенѣ, о нашемъ походѣ къ границѣ и о томъ, что беру старлаго сына съ собою. Младшій братъ такъ позавидовалъ старшему, что началъ умолять мать отпустить его въ Луцкъ, чтобы опровождать меня въ походѣ, воображая, что я возьму обоихъ за границу. Желая какъ-нибудь отстранить порывъ сына въ то же время не огорчить его прямымъ отказомъ, мать объявила ему, что готова бы была отпустить его, но не имѣетъ лишнихъ денегъ.

— Я найду деньги, отвѣчаетъ онъ, только подари мнѣ всѣ енужныя и старыя вещи изъ гардероба отца. Она согласи-

лась. Въ тотъ же день, все, что мною было оставлено: эполеты, шарфы, сапоги, изношенныя платья и обувь сестеръ,—все это было продано татарину.

Собравъ такимъ способомъ рублей до 40, мальчикъ живо собрался въ дорогу и на пятый день былъ уже въ Брестѣ. Черезъ часъ по пріѣздѣ онъ, вмѣстѣ съ старшимъ братомъ, уже находился въ числѣ присутствовавшихъ на смотру командующаго войсками.

Смотръ прошелъ блистательно. По окончаніи его генералъ Дрентельнъ сказалъ мнѣ: „Много дивизій прошло и пропущено мною черезъ округъ, но откровенно скажу вамъ, что я не видѣлъ болѣе устроенной и молодцоватой, чѣмъ третья". Обращаясь же къ офицерамъ, онъ прибавилъ: „Очень жалѣю, что не пришлось познакомиться съ вами поближе. Я предполагалъ въ концѣ лагеря подробно осмотрѣть ваши части; но, судя по тому, что видѣлъ теперь, увѣренъ, что бригада со славою покажетъ себя на томъ великомъ и святомъ поприщѣ, къ которому призывается".

Слова, сказанныя командующимъ войсками нижнимъ чинамъ, были до того полны простаго, понятнаго сердцу патріотизма, что видимо воодушевили ихъ. Только казачьему полку не посчастливилось. Въ немъ былъ замѣченъ значительный недостатокъ лошадей, противъ показаннаго въ строевомъ рапортѣ. Но и этому полку замѣчанія были высказаны безъ всякой придирчивости къ мелочамъ и съ полнымъ пониманіемъ причинъ и обстоятельствъ упущенія. На уклончивыя и неловкія оправданія полковаго командира, А. Р. Дрентельнъ сказалъ ему:

„Прекратимте объясненія, полковникъ. Что у васъ не всѣ лошади—это я вамъ доказалъ, а что казна отпускаетъ фуражъ на всѣхъ,—это, кажется, доказывать нечего, и вы лучше меня знаете куда онъ поступаетъ. Вы недавно пришли съ Дона, и сегодня же выступаете въ походъ. Только поэтому я не буду теперь разбирать этого дѣла; но совѣтую пополнить коней до перехода границы, такъ какъ я напишу, чтобы, по присоединеніи полка къ арміи, тамъ повѣрили бы, исполнили ли вы мой совѣтъ. Въ нѣкоторое для васъ утѣшеніе скажу, что въ другихъ казачьихъ полкахъ я нашелъ то же самое. Впрочемъ, я увѣренъ, что и ваши донцы-молодцы не отстанутъ въ

боевой славѣ отъ товарищей. Желаю успѣха, и да благословитъ васъ Богъ".

Прямо съ плаца казачій полкъ пошелъ на станцію Рожище, а съ 22 іюля началось выступленіе и прочихъ войскъ лагеря. Наканунѣ выхода, для каждаго эшелона служили напутственный молебенъ. Первымъ тронулся изъ Луцка 11 пѣхотный Псковскій полкъ. Любо было смотрѣть на молодецкій видъ, щеголеватость и снаряженіе его баталіоновъ. Можно ли было думать, что черезъ четыре мѣсяца не останется и подобія всего этого; что лишенія войны, потери въ бою и болѣзни, превратятъ бо́льшую часть этихъ молодцовъ въ изнуренныхъ тѣломъ, но, къ счастію, бодрыхъ духомъ героевъ. На 3-й верстѣ отъ города я остановилъ полкъ, чтобы поблагодарить людей и полковника Кусова, за отличное состояніе полка. Обнявъ его, я простился съ нимъ, сказавъ: „До свиданія въ Кишиневѣ". Къ несчастію, этому свиданію не суждено было осуществиться. Лучшій командиръ, всѣми любимый и уважаемый Александръ Ивановичъ Кусовъ, рыцарь чести и долга, былъ первою жертвою войны въ моей дивизіи.

По возвращеніи съ проводовъ Псковскаго полка, я нашелъ у себя телеграмму о вторичномъ неуспѣхѣ нашихъ войскъ подъ Плевною. Это поразило насъ болѣе чѣмъ первая неудача. Зная, что къ Плевнѣ стягивается болѣе двухъ корпусовъ, съ двойнымъ противъ турокъ числомъ орудій, всѣ были увѣрены въ несомнѣнномъ ихъ пораженіи, и вдругъ вмѣсто ожидаемыхъ извѣстій объ отмщеніи, одна депеша за другою приносила самыя грустныя подробности.

Хотя по плану передвиженія отъѣздъ дивизіоннаго штаба изъ Рожищъ былъ назначенъ 30 іюня; но, желая лично присутствовать при посадкѣ баталіоновъ и артиллеріи, я выѣхалъ изъ Луцка 26 числа. Первый 18-верстный переходъ, въ прекрасный, но не жаркій лѣтній день, былъ въ полномъ смыслѣ прогулкою. Мои адъютанты, два молодые ординарца и двое сыновей, желали сопровождать меня, ѣхавшаго въ коляскѣ, верхами. Жалѣя ихъ, пришлось ѣхать потише, а на половинѣ перехода мы остановились, чтобы закусить, въ тѣнистомъ лѣсу, у рѣчки. Отрадно было смотрѣть на окружавшую меня молодежь, радовавшуюся походу, какъ дѣти послѣ зимы радуются первой загородной прогулкѣ. Смѣхъ, говоръ, мечты о будущихъ по-

*

бѣдахъ, воинственные планы и всякаго рода предположенія смѣняли одно другое. Передъ тѣмъ, чтобы снова сѣсть на коней, одинъ изъ ординарцевъ, Эрнротъ, взлѣзъ на высокую липу и вырѣзалъ на ней всѣ наши фамиліи. Кому-то изъ насъ придется когда-либо провѣрить, уцѣлѣло ли дерево съ этою надписью?

Въ теченіи четырехъ дней, проведенныхъ въ Рожищахъ, я получалъ одинъ сюрпризъ за другимъ. Сначала полковникъ Кусовъ, находившійся при головномъ эшелонѣ дивизіи, доносилъ, что на станціи Раздѣльной, гдѣ полки должны были получить обѣщанныя палатки, ихъ не оказалось; затѣмъ—что онѣ не получены и въ Жмеринкѣ. Наконецъ онъ телеграфировалъ, что второй бригадѣ приказано, не останавливаясь въ Кишиневѣ, слѣдовать въ Яссы. Почему это дѣлается и почему подобныя распоряженія идутъ помимо начальника дивизіи,—оставалось только догадываться: „Вѣроятно нашимъ приходится плохо, говорили въ полкахъ,—если насъ такъ торопятъ, даже не сообщая о причинахъ, вызывающихъ подобную поспѣшность",

Наканунѣ выѣзда дивизіоннаго штаба изъ Рожищъ, пріѣхали туда изъ Луцка нѣкоторые изъ знакомыхъ, чтобы проводить насъ. Они разсказывали, что по слухамъ, идущимъ съ австрійской границы, Плевна взята. Подъ впечатлѣніемъ этого извѣстія, мы 30 іюля сѣли въ вагоны и тронулись въ путь, продолжавшійся двѣ недѣли. Только чины дивизіоннаго штаба, выжидая прихода эшелоновъ, имѣли возможность остаться по три дня въ Яссахъ и Бухарестѣ, полки же, хотя и часто задерживались на станціяхъ, но, не зная когда ихъ тронутъ далѣе, или оставались въ вагонахъ, или бивакировали у станцій. Прибывъ въ 2 часа ночи въ Бердичевъ, я засталъ тамъ первую бригаду ожидавшею нагрузки, чтобы слѣдовать по-эшелонно за нами. Такимъ образомъ, штабъ дивизіи очутился между бригадами, т. е. въ томъ порядкѣ, который былъ указанъ планомъ передвиженія, высланнымъ изъ главнаго штаба. Казалось бы, что направляя полки къ границѣ, слѣдовало начальника дивизіи и его штабъ поставить во главѣ эшелоновъ. Тогда онъ первымъ получалъ-бы всѣ касающіяся его войскъ распоряженія, и всѣ приказанія, идущія изъ главной квартиры въ тылъ арміи, гораздо скорѣе доходили бы до него и не

могли бы быть извѣстны подчиненнымъ ранѣе ихъ начальника. Вступая въ извѣстный раіонъ театра войны, для частныхъ начальниковъ весьма важно своевременно знать все, что было предписано до ихъ прибытія.

Въ Бердичевѣ слухъ о взятіи Плевны подтвердился. Явившіеся мнѣ на станціи полковые командиры первой бригады говорили объ этомъ, какъ о несомнѣнномъ фактѣ. Всѣмъ до того хотѣлось, чтобы такъ было, что офицеры обступали пассажировъ встрѣчныхъ поѣздовъ; многіе увѣряли, что въ Кіевѣ телеграммы о паденіи Плевны расклеены на углахъ улицъ. Потомъ оказалось, что все это продуктъ пантуфлевой-жидовской почты, такъ какъ по мѣрѣ нашего приближенія къ границѣ молва слабѣла, а потомъ уже прямо говорили, что ничего неизвѣстно.

На станціи Раздѣльной я разстался съ моими сыновьями. Оттуда я отправилъ ихъ черезъ Кіевъ въ Петербургъ, дабы они къ началу курса возвратились въ корпусъ. Нелегко было и имъ и мнѣ въ эту минуту, такъ какъ наша разлука могла быть вѣчною. Потомъ я жалѣлъ, что не взялъ сыновей съ собою. Будучи 16 и 15 лѣтъ, они уже могли бы перенести все, что переносили тѣ молодые офицеры, которые были старше ихъ всего двумя или тремя годами. Между тѣмъ ихъ пребываніе при мнѣ, въ столь поучительное время, принесло-бы имъ, готовящимся къ военному поприщу, громадную пользу въ будущемъ. Никакія теоретическія указанія не могутъ сдѣлать того, что даетъ собственный опытъ. Даже то, что потерявъ годъ классныхъ занятій въ корпусѣ, они вышли бы въ офицеры годомъ позже, съ лихвою вознаграждалось бы тѣмъ, что они пріобрѣли бы, находясь при мнѣ. Взять ихъ съ собою, безъ разрѣшенія ихъ начальства, мнѣ казалось нарушеніемъ служебнаго порядка; однако были примѣры, что ихъ корпусные товарищи оставались при отцахъ во все время войны.

Поворотъ желѣзнаго пути къ Кишиневу казался намъ рубежемъ, за которымъ начнется новая жизнь, съ новыми, еще неиспытанными до тѣхъ поръ впечатлѣніями,—новое поприще, на которомъ предстоитъ встрѣча съ новыми обстоятельствами и новыми лицами.

Въ Жмеринкѣ насъ остановили на запасномъ пути, въ полуверстѣ отъ станціи, загроможденной поѣздами, и объявили,

что мы простоимъ до пропуска санитарнаго поѣзда съ ранеными. Идя къ станціи, вижу вдали на платформѣ двухъ дамъ и съ ними пожилаго кавалера. Озабоченный, я проходилъ мимо, какъ вдругъ слышу, что меня окликаютъ по имени. Оборачиваюсь и вижу, что одна изъ дамъ графиня Гейденъ, а пожилой господинъ—мой старый тамбовскій знакомый, управлявшій врачебною частью, Зедергольмъ. Отъ нихъ я узналъ грустныя подробности о потеряхъ 18 іюля и о томъ, что прибывающій черезъ полтора часа поѣздъ Краснаго Креста везетъ жертвъ этого фатальнаго дѣла. Полтора часа остановки были употреблены на обѣдъ, во время которато общая столовая вокзала имѣла совсѣмъ иной характеръ, чѣмъ въ обыкновенное мирное время. Въ нее входили и выходили изъ нея офицеры всѣхъ родовъ оружія: артиллеристы, сопровождавшіе осадныя орудія и снаряды; саперы, строившіе у станціи лазаретные бараки; опредѣлившіеся въ армію изъ отставокъ и возвращающіеся изъ командировокъ; чиновники, назначенные въ полевой почтамтъ и казначейство; интенданды, ѣдущіе изъ арміи дѣлать заподряды въ Россіи. Всѣ обмѣнивались слухами, всѣ разспрашивали другъ друга. Шумъ, суетня и говоръ покрывались звуками странствующаго цыганскаго оркестра, отъ котораго хотѣлось поскорѣе уйти на платформу, что я и сдѣлалъ, утоливъ аппетитъ какимъ-то плохимъ супомъ и кускомъ жаренаго мяса.

Черезъ полчаса послышался свистокъ санитарнаго поѣзда съ ранеными, которыхъ мы увидѣли здѣсь впервые. Я полюбопытствовалъ обойти ихъ вагоны. Устройство и комфортъ, доведенные до щегольства, образцовая чистота, бодрый, даже веселый видъ тѣхъ раненыхъ, которые были на ногахъ, производили самое отрадное впечатлѣніе. Если всѣхъ раненыхъ и больныхъ—думалось мнѣ, будутъ перевозить такъ, то лучшаго и вообразить невозможно. Впослѣдствіи пришлось увидать, въ этомъ отношеніи, и обратную сторону медали. Солдаты нашего поѣзда обступили санитарный и вступили въ разговоръ съ вышедшими на вагонные балконы ранеными. Отвѣты ихъ, на вопросы о причинахъ неудачи, сводились къ тому, что атакующіе не были своевременно поддерживаемы.

Говорилъ я съ двумя ранеными офицерами 5 и 30 дивизій. По ихъ разсказу, 5 дивизія 8 іюня шла отъ Никополя въ

Плевну безъ всякой предварительной развѣдки, не имѣя впереди кавалеріи; головной полкъ втянулся въ улицу, не построивъ боеваго порядка, и попалъ въ ловушку. Про вторую атаку 18 числа тѣ же лица заявляли, что полки дрались отчаянно, но безъ связи, что не было единоначалія и ничего общаго въ распоряженіяхъ. Вообще же, встрѣчаемые въ слѣдующіе дни поѣзда съ ранеными и разсказы послѣднихъ, не благопріятно вліяли на ѣдущихъ къ арміи.

Въ Жмеринкѣ меня встрѣтилъ подполковникъ Исаковъ, объявивъ, что онъ назначенъ интендантомъ моей дивизіи. Пришлось повѣрить на слово, потому что объ этомъ никто не сообщалъ мнѣ. Я даже обрадовался его появленію. Это было первое лицо, отъ котораго я узналъ, что мы нигдѣ не остановимся, и что 2-я моя бригада уже проѣхала Яссы. Онъ сообщилъ, что генералъ Гурко отступилъ, что отрядъ его расформированъ, а образовался новый, Рущукскій отрядъ, ввѣренный Государю Наслѣднику. Все это, уже нѣсколько дней совершившееся, было для насъ новостью. Отъ командира 2-й бригады, генерала Давыдова, я не имѣлъ ни одного донесенія съ самаго выступленія изъ Луцка; да оно и немудрено, потому что онъ не зналъ гдѣ я, а я писалъ ему наугадъ, въ тѣ пункты, черезъ которые почтовые поѣзда проходили или раньше, или позже его бригады. Все это было результатомъ манеры дѣлать распоряженія помимо старшихъ начальниковъ и посылать приказанія прямо младшимъ.

О дальнѣйшихъ средствахъ продовольствія полковъ и снабженія ихъ металлическими деньгами, нашъ новый интендантъ не могъ передать ничего опредѣленнаго, исключая нѣкоторыхъ данныхъ, о существовавшемъ товариществѣ Горвица, Когана и К°. Тогда же Исаковъ заявилъ, что ему необходимо ѣхать впередъ, въ Яссы и въ Бухарестъ, устроить снабженіе полковъ сухарами и деньгами. Я согласился на это; онъ сѣлъ на первый обгонявшій насъ пассажирскій поѣздъ, и съ тѣхъ поръ мы не видали нашего интенданта до прибытія къ главной квартирѣ въ Горній Студень.

Проѣхавъ Кишиневъ ночью, далѣе до Унгенъ мы не ѣхали, а ползли, и прибывъ туда, 4 августа рано утромъ, засѣли окончательно. Сначала объявили, что нашъ поѣздъ тронется около полудня, потомъ, что его отправятъ въ 3 часа, а за-

тѣмъ пошли откладывать съ часа на часъ. Пользуясь продолжительною остановкою, первымъ дѣломъ было поспѣшить въ угненское почтовое отдѣленіе, куда была направляема изъ Имперіи вся корреспонденція, адресованная въ части дѣйствующей арміи. Эта мѣра нисколько не устранила той неурядицы, которая составляла, во всю компанію, самое больное мѣсто нашихъ сношеній съ родными и близкими. Не подалеку отъ дебаркадера, небольшой флигель, во дворѣ, служилъ помѣщеніемъ для пограничной почтовой конторы. Путь къ нему и весь дворъ былъ покрытъ разсыпанными и втоптанными въ песокъ, нераспечатанными конвертами. Нельзя себѣ и вообразить, что я увидѣлъ, войдя въ помѣщеніе конторы. Тамъ, гдѣ и 25 сортировщиковъ не могли бы управиться, работая 20 часовъ въ сутки, было не болѣе 7—8 человѣкъ. Видя, что имъ нѣтъ никакой возможности вести дѣло какъ должно, они сами сознавались, что занимаются только денежными письмами и цѣнными посылками, не обращая вниманія на простую корреспонденцію. При справкѣ,—нѣтъ ли мнѣ писемъ и посылки? два заказныя письма были выданы, но насчетъ посылки сказали, что хотя 5 ящиковъ съ папиросами и записаны въ книгу полученными на мое имя, но отыскивать ихъ всѣ отказались, предоставляя сдѣлать это самому. Со мною былъ одинъ изъ ординарцевъ. Сторожъ конторы проводилъ меня въ незапертой сарай, отъ крыши до входа наполненный ящиками, тюками и связками. Сообразивъ, что, по времени отправки, посланное мнѣ изъ Нижняго могло придти только дня за два до нашего пріѣзда, мы начали искать ихъ въ верхнихъ слояхъ посылокъ, для чего надо было карабкаться подъ крышу и, послѣ получаса работы, нашли. Хорошо, что на это было время; оставайся мы въ Унгенахъ два, три часа—и никто изъ насъ никогда бы не получилъ посланнаго. Сопровождавшій насъ сторожъ разсказывалъ, что двѣ недѣли назадъ почтовая контора должна была сжечь на огородѣ 20 тысячъ простыхъ писемъ, за невозможностью сортировать ихъ. Впослѣдствіи мы испытали на себѣ всѣ неудобства, происходившія отъ неустройства нашей полевой почты.

Теперь, когда прошло 10 лѣтъ отъ описываемаго времени, невольно спрашиваешь самъ себя: неужели все это повторится и при будущихъ войнахъ? Вопросъ объ устройствѣ вѣрнаго и

правильнаго сношенія съ чинами арміи и чиновъ ея съ родиною настолько важенъ, что необходимо подумать о немъ заранѣе. Сноситься съ главнымъ управленіемъ почтъ и ждать покуда оно пришлетъ достаточное число чиновниковъ въ Унгены и потомъ въ полевыя почтовыя отдѣленія, было дѣломъ излишней увѣренности въ исполненіи своихъ требованій. Главное управленіе, даже при полномъ желаніи угодить арміи, не могло сразу отправить сотню служащихъ, не ослабивъ своихъ органовъ. Можно было предвидѣть, что командируютъ сортировщиковъ и чиновниковъ изъ разныхъ и преимущественно изъ тѣхъ губерній, гдѣ служба легче. Покуда этимъ чиновникамъ пошлются предписанія, выдадутся прогоны, покуда онѣ выѣдутъ и доѣдутъ до арміи, пройдутъ недѣли. Не проще ли бы было, отдѣливъ денежную и цѣнную корреспонденцію, какъ требующую контроля и бухгалтеріи, въ вѣдѣніе почтоваго вѣдомства,—всю же простую корреспонденцію передать въ военныя руки. Многочисленные наши штабы и канцеляріи ничего бы не потеряли, если бы въ каждое почтовое отдѣленіе тыла и корпусовъ было назначено по 5 писарей и для завѣдыванія ими—по одному офицеру, хотя бы изъ резервныхъ. Они могли бы разсортировывать прибывающую въ отдѣленіе простую корреспонденцію, запаковывать ее по корпусамъ и дивизіямъ, и сдавать на отходящую въ главную квартиру почту, или что было бы еще лучше, отправлять съ казаками, на вьюкахъ, прямо въ корпусные, а гдѣ возможно, то и въ дивизіонные штабы. Для послѣдняго способа было бы достаточно, чтобы въ вѣдѣніи офицера почтоваго отдѣленія было дано 10 или 15 казаковъ. Вѣдь давали же ихъ различнымъ лицамъ интендантскаго и гражданскаго вѣдомства, которые употребляли ихъ для личныхъ услугъ, въ видѣ вѣстовыхъ и посыльныхъ. Подобная мѣра значительно облегчила бы полевое почтовое вѣдомство и избавила бы служащихъ въ арміи отъ безъизвѣстности и нравственнаго безпокойства объ оставленныхъ ими семействахъ.

Нельзя представить себѣ ничего хуже той тоски, которую испытываешь, оставаясь цѣлый день на станціи, не зная почему не везутъ далѣе. На всѣ вопросы, зачѣмъ насъ не отправляютъ, получался одинъ отвѣтъ: нѣтъ еще депеши изъ Яссъ, что путь свободенъ; а между тѣмъ проходили часы, и ни одного

поѣзда не приходило отъ границы. Люди томились отъ жары въ душныхъ вагонахъ, или бродя возлѣ пути. День былъ до того знойный, что обдавало жаромъ и сверху, и отъ раскаленныхъ зданій; ни одного садика, ни одного деревца вблизи. Офицеры тоже не знали гдѣ укрыться, такъ какъ въ пассажирскихъ залахъ томилась публика двухъ задержанныхъ поѣздовъ. Часовъ въ 7, къ вокзалу начали подъѣзжать, изъ окрестныхъ имѣній, ихъ обитатели и преимущественно обитательницы, какъ оказалось, въ надеждѣ послушать военную музыку, къ чему, вѣроятно, пріучили ихъ полки, проходившіе до начала дѣйствій въ Румынію. Между пріѣхавшими дамами была и знакомая мнѣ съ давнихъ поръ, жена начальника кавалерійской дивизіи, проводившая мужа до границы, а лѣто гостившая у кого-то изъ своихъ бессарабскихъ знакомыхъ.

— Неужели вы, обратилась она ко мнѣ, не доставите намъ удовольствія послушать вашу музыку?

— Съ величайшею готовностью сдѣлалъ бы это, отвѣчалъ я, если бы она была со мною, но я ѣду съ штабомъ дивизіи и дивизіоннымъ лазаретомъ, а при нихъ музыки не полагается.

— Поѣдемте, mesdames, назадъ, сказала дама пріѣхавшимъ съ нею, этой какой-то скучный поѣздъ.

Да и намъ было не весело: точно въ западню попали. Около полуночи появился весь день непоказывавшійся комендантъ станціи и объявилъ, что можно садитьтя, но и усѣвшись, мы прождали болѣе часа. Наконецъ, поѣздъ тронулся и потащился не скорѣе 25 верстъ въ часъ. Многіе задремали, а нѣкоторые совсѣмъ заснули, какъ кто-то изъ офицеровъ провозгласилъ: „Господа, скоро граница!“

Было 4 часа утра. Сквозь первые лучи восходившаго солнца блеснула вдали желтоватая полоса мутнаго Прута. Всѣ бросились къ окнамъ, точно ожидали увидѣть что-нибудь необыкновенное и всѣ замолкли, подъ какимъ-то особеннымъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ словомъ „граница“. Должно быть какое-либо особенное чувство пробѣжало по нервамъ каждаго изъ готовящихся переступить за рубежъ родины. Приближаясь къ мосту черезъ рѣку Прутъ, поѣздъ пошелъ тише, какъ-бы давая время подумать: что же это такое? отчего сердце забилось скорѣе, отчего явилась потребность перекреститься, отчего промелькнуло въ умѣ: прощай, все дорогое сердцу, прощай ма-

тушка Россія! Увижу ли тебя, или за твою честь и за твою славу сложу тамъ, куда увозятъ меня отъ тебя, мою голову?

Такъ думалось мнѣ, и мнѣ казалось, что то же думали и всѣ, сопровождавшіе меня. Но мостъ пройденъ. Стоявшій на концѣ его часовой былъ первымъ не русскимъ солдатомъ, увидѣннымъ нами на чужбинѣ.

Часовъ въ 6 утра подъѣзжаемъ къ Яссамъ. Наружность города произвела пріятное впечатлѣніе чистотою зданій и обиліемъ зелени. Онъ очень красиво раскинулся, въ видѣ амфитеатра, по небольшой возвышенности.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

1876.

Три дня въ Яссахъ. — Товарищество Грегеръ, Коганъ и К°. — Интендантскія сцены.—Продѣлки румынъ.—Отъ Яссъ до Бухареста. – У начальника тыла. - Hôtel de Boulevard. - Благодѣтельный еврей. - На бивакѣ въ Фротештп.—Далѣе до Зимницы.—Дневка. – Поѣздка въ главную квартиру. — Секреты. — Неизвѣстность гдѣ 2-я бригада. — Обратно въ Зимницу.

Съ прибытіемъ въ Яссы, мы въ полномъ смыслѣ очутились въ terra incognito. Ничего не зная о предстоящемъ назначеніи, о будущемъ довольствіи, не имѣя ни одного приказа, ни одного циркуляра по дѣйствующей арміи, ни одного рубля звонкою монетою, тогда какъ за все надо было платить серебромъ или золотомъ, мы не знали къ кому обратиться, отъ кого получить какія-либо свѣдѣнія. Случившійся въ вокзалѣ артиллерійскій чиновникъ могъ заявить намъ, что въ городѣ находится отдѣленіе интендантства и казначейства, и что мы можемъ найти помѣщеніе въ гостинницахъ. Городское управленіе дѣйствительно крайне внимательно отнеслось къ отводу квартиръ: всѣ лица штаба получили прекрасные номера, въ лучшей отели, конечно за плату. Послѣ долгихъ ожиданій, наконецъ разыскали завѣдывающаго передвиженіемъ и коменданта станціи; но и они не могли сказать, когда насъ отправятъ далѣе. Гдѣ вторая бригада,—тоже никто сказать не могъ, но за то предварили, что намъ придется прожить въ Яссахъ нѣсколько дней, такъ какъ полки первой бригады, вмѣсто того, чтобы слѣдовать по желѣзной дорогѣ, по недостатку подвижнаго состава, должны были выгрузиться въ Унгенахъ и идутъ по шоссе. Такимъ образомъ, въ первый же день перехода границы, дивизія расплылась: 1-я бригада отстала, 2-я— ушла неизвѣстно куда. Задержка въ Яссахъ для лицъ штаба была пріятна, какъ отдыхъ послѣ недѣльной жизни въ ваго-

ахъ, а для отставшихъ полковъ даже необходима. Имъ предтояло пополнить сухарный запасъ, обезпечить обозы фураемъ, получить деньги.

Яссы представились намъ крайне оживленными. Всѣ заасные пути у вокзала были въ нѣсколько рядовъ заставлены оенными поѣздами, съ всякаго рода тяжестями, не исключая окрытыхъ брезентами миноносокъ, громадныхъ крѣпостныхъ рудій и платформъ, съ пирамидами неснаряженныхъ снаряовъ. Во время походовъ первое знакомство со всякою новою ѣстностью обыкновенно начинается съ буфета. Такъ было и дѣсь. Прежде всего каждый поспѣшилъ выпить кофе или ъѣсть что-нибудь. И кофе и *что-нибудь* подано было хорошо, о и заплатить за нихъ пришлось недурно. Что ни спроси: ашка чая, рюмка водки, стаканъ сельтерской воды — все ранкъ. У выходнаго подъѣзда мы были удивлены приглаеніями извощиковъ, сдѣланными чистымъ русскимъ языкомъ. Іотомъ мы узнали, что всѣ здѣшніе возницы—наши выходцы, копческой секты, захватившіе въ свои руки извощичій проыселъ главныхъ городовъ Румыніи.

Въ Яссахъ намъ пришлось впервые познакомиться съ гентами господъ Грегера, Горвица и Когана. На первыхъ орахъ они оказались предупредительными до того, что предагали квартермистрамъ брать у нихъ больше, чѣмъ было еобходимо, и на замѣчаніе, что требованіе подано на стольо-то, отвѣчали: „Намъ вашего требованія не нужно, дайте олько росписочку". Такъ какъ полкамъ не были извѣстны и условія заключеннаго съ товариществомъ контракта, ни го организація и отношенія къ войскамъ его агентовъ, то ослѣдніе безнаказанно пользовались неопытностію пріемщиовъ. Тѣ изъ хозяйственныхъ чиновъ, которые были поопытѣе, несмотря на краткое пребываніе въ Яссахъ, успѣли заѣтить, что товарищество въ явной стачкѣ съ мѣстными влаями, выдававшими агентамъ баснословныя справочныя цѣны, а основаніи которыхъ правительству предстояло разсчитыаться за все взятое войсками гораздо дороже, чѣмъ полки огли бы пріобрѣсти то же самое на базарахъ.

Разъ коснувшись товарищества продовольствія арміи, считаю лучшимъ высказать о немъ разомъ все, что пришлось спытать потомъ отъ этого удивительнаго гешефтъ-махерства,

тѣмъ возвращаться къ нему впослѣдствіи. Склады товарищества были устроены только тамъ, гдѣ оно могло дешево скупить извѣстнаго рода продукты. Черезъ это проходившія войска очень часто не получали именно того, въ чемъ нуждались. Они требовали, напримѣръ, ячмень, а имъ отвѣчали, что его нѣтъ, что его можно получить въ другихъ складахъ, верстъ за 15 отъ маршрутнаго пути, и предлагали взять соль или сахаръ. Въ другомъ пунктѣ войскамъ нуженъ былъ чай, а ихъ подчивали сѣномъ. Были и такіе примѣры, что агентъ склада, въ которомъ завѣдомо хранился дешево скупленный фуражъ, отказывалъ въ немъ до тѣхъ поръ, покуда цѣна не подымалась, или покуда ему не удавалось получить высокой справки. Крупныя части войскъ, огражденныя отъ притѣсненій присутствіемъ при нихъ высшаго начальника, еще коекакъ справлялись съ агентами еврейской компаніи, но маршевыя команды и мелкія части, стоявшія отдѣльно, частенько находились въ безвыходномъ положеніи. Больше всего роптали на жидовскіе порядки бѣдные казаки, такъ какъ агенты не считали для себя обязательнымъ доставлять что-либо туда, гдѣ стоитъ эскадронъ или рота. Всякій, дѣлавшій кампанію, подтвердитъ, что какъ только начались непогоды и безкормица, агенты исчезали, и въ самое трудное для продовольствія время, съ ноября по мартъ, никто не видалъ ни одного изъ этихъ проходимцевъ. Можно положительно сказать, что товарищество было не только безполезно для арміи въ смыслѣ продовольствія, но, развивая въ краѣ дороговизну, положительно вредило намъ. Заранѣе стакнувшись съ мѣстными евреями, въ рукахъ которыхъ сосредоточивалась бóльшая часть румынской торговли, и покровительствуемые продажною администраціею края, гг. Грегеръ, Горвицъ и Коганъ умышленно возвышали цѣны на всѣ продукты первой необходимости, и такимъ образомъ одновременно обирали и казну и наши собственные карманы.

Интендантскихъ и казначейскихъ чиновниковъ мы застали въ Яссахъ устроившимися какъ дома. При каждомъ состояли писаря и казаки для посылокъ. Чтобы помочь полкамъ, я лично отправился разыскивать старшаго изъ интендантовъ. Вхожу въ переднюю; казачій урядникъ объявляетъ, что доложить нельзя, потому что генералъ еще спятъ, а между тѣмъ

было уже 11 часовъ. Я потребовалъ, чтобы лакей разбудилъ сибарита. Въ слѣдующей комнатѣ, въ ожиданіи выхода своего принципала, вско чилъ со стула мелкій интендантскій чиновникъ, объявившій мнѣ, что, проѣзжая въ армію, счелъ долгомъ представиться начальству.

— Куда же вы ѣдете?—спрашиваю я.

— Въ 4-й корпусъ, письмоводителемъ къ дивизіонному интенданту.

— Давно въ Яссахъ?

— Четвертый день.

— Почему же такъ долго? Вѣдь, вѣроятно, вы необходимы въ дивизіи?

— Вчера и третьяго дня я тоже приходилъ явиться, но не изволили принимать.

Въ это время, въ дверяхъ боковой комнаты, появилась особа интенданта, нечесаная и въ халатѣ. Увидя меня, особа притворилась, что не знала о моемъ присутствіи, что ей иначе доложили.

— Извините, ваше превосходительство, я сію минуту,— произнесъ онъ, и хотѣлъ скрыться.

— Пожалуйста, оставайтесь, какъ есть. Я пришелъ по служебному дѣлу и для меня рѣшительно все равно въ какомъ вы костюмѣ, лишь бы вы исполнили необходимое.

— Приказывайте, ваше превосходительство. Повѣрите ли, мы теперь до того завалены работою, что всю ночь просидѣлъ надъ бумагами и только-что прилегъ. Вотъ извольте посмотрѣть (при этомъ указалъ на столъ), какая кипа депешъ накопилась въ теченіи утра, на всѣ надо отвѣтить, а онѣ еще не распечатаны.

На столѣ дѣйствительно лежала пачка телеграммъ.

— Странно, что во время войны вы такъ нелюбопытны и добродушно сознаетесь, что не читаете депешъ по нѣсколько часовъ, замѣтилъ я ему.

— Что дѣлать, ваше превосходительство, силъ не хватаетъ.

Въ тотъ же день, когда происходилъ этотъ разговоръ, вечеромъ я видѣлъ этого господина въ одномъ изъ café-chantant, съ двумя или тремя коллегами и какими-то веселыми дамами, за особымъ столомъ, на которомъ стояли два крюшона. Эта ком-

панія неистово апплодировала французу, пѣвшему по-русски, только-что вышедшаго тогда „Стрѣлочка“, чѣмъ и обратила на себя вниманіе.

Когда я объяснилъ причину моего визита, то, между обѣщаніями сдѣлать возможное, пущена была въ ходъ слѣдующая фраза:

— Что касается чая и сахара, то надо будетъ прежде справиться нѣтъ ли ихъ у товарищества, и если у нихъ нѣтъ, то я прикажу отпустить отъ насъ.

— Почему же это?

— Потому, ваше превосходительство, что я навлеку на себя большія непріятности, если отпущу то, что есть въ складахъ товарищества. Намъ приказано оказывать ему всевозможное содѣйствіе.

— Ну, хорошо, дѣлайте какъ знаете. Намъ главное скорѣе получить отъ васъ талоны на авансы въ звонкой монетѣ.

— Въ этомъ задержки не будетъ. Кромѣ того, ваше превосходительство, можете приказать полкамъ, согласно приказа по арміи, обмѣнить на каждаго рядоваго, изъ собственныхъ солдатскихъ денегъ, по одному ассигнаціонному рублю на серебро.

— А для офицеровъ тоже опредѣлена норма промѣна? спросилъ я.

— Нѣтъ-съ, для офицеровъ размѣнъ не разрѣшенъ.

— Какъ же это? Офицеру монета еще нужнѣе. Солдатъ будетъ сытъ, разъ что въ полку есть серебро, а за что же офицеръ долженъ платить по курсу, когда здѣсь за рубль даютъ два съ половиною франка?

— Что дѣлать, ваше превосходительство. Промѣнъ офицерскихъ денегъ зависитъ отъ личной любезности казначея, но приказать ему я не могу.

Пришлось послать въ казначейство старшаго адъютанта, съ покорною просьбою перемѣнить на серебро каждому оберъ-офицеру 25 и штабъ-офицеру 50 рублей. Адъютантъ возвратился съ отказомъ, причемъ оказалось, что казначейскіе чиновники относятся къ офицерамъ съ полною небрежностью.

— Я засталъ всѣхъ въ присутствіи, говорилъ адъютантъ, въ жилетахъ, безъ сюртуковъ и галстуковъ. На просьбу артил-

лерійскаго полковника, бывшаго въ походной формѣ и въ шарфѣ, поспѣшить выдачею денегъ, такъ какъ батарея черезъ часъ выступаетъ, чиновникъ отвѣчалъ: „Не велика важность и подождать, видите сколько народу“. Полковникъ замѣтилъ, что онъ ждетъ болѣе часа, и что неприлично такъ отвѣчать, бывши въ рубахѣ, когда съ нимъ говорятъ по службѣ. „А вы что за ревизоръ! Будете разговаривать, такъ и до завтра не получите“, было ему отвѣтомъ.

Ясское казначейство было не единственное, гдѣ происходили подобныя явленія. Въ Бухарестѣ, въ Систовѣ, въ интендантствахъ корпусовъ, всякое полученіе слѣдуемаго сопровождалось такимъ формализмомъ, такими придирками и равнодушіемъ къ дѣлу, которыя могли быть переносимы только въ виду серьезности обстоятельствъ. Пріемщикамъ приходилось или терпѣть, или заискивать личнаго знакомства съ чиновниками—и тогда желаемое достигалось скорѣе. Конечно, были и пріятныя исключенія, къ числу которыхъ нужно отнести интендантство и казначейство 4-го корпуса, гдѣ интендантомъ былъ подполковникъ Паленъ.

Какъ ни старался завѣдывавшій передвиженіемъ, генеральнаго штаба подполковникъ Бѣлявскій, служившій прежде въ моей дивизіи, поскорѣе отправить насъ, но могъ достичь это только 8 августа. Онъ до того былъ измученъ румынскимъ правленіемъ желѣзною дорогою, что жаль было смотрѣть на него. Изъ его разсказовъ было очевидно, что всѣ затрудненія и задержки дѣлаются умышленно; да иначе и быть не могло, потому что румынская желѣзнодорожная служба была переполнена поляками и венгерцами.

— Только что съ вечера—говорилъ Бѣлявскій—составишь поѣздъ, чтобы утромъ отправить эшелонъ, какъ ночью отцѣпятъ тайкомъ нѣсколько вагоновъ и нарочно отошлютъ за двѣ станціи назадъ, или прицѣпятъ къ проходящему пассажирскому поѣзду. Усмотрѣть за всѣми плутнями нашихъ милыхъ союзниковъ невозможно. Одна слава, что здѣшнія желѣзныя дороги находятся въ нашемъ военномъ управленіи.

— Почему-же вы не жалуетесь? напишите начальнику тыла арміи, генералу Каталею,—онъ шутить не любитъ.

— Пробовалъ писать, да ни къ чему не ведетъ. Теперь

вы и не узнаете Василія Васильевича. Онъ тоже пробовалъ бороться, но какъ ему раза два, отъ имени князя Горчакова, напомнили о необходимости относиться къ румынамъ съ крайнею осторожностью, отнюдь не затрогивая самолюбія ихъ властей, то на всѣ мои жалобы я получаю одинъ отвѣтъ; „постарайтесь устроить безъ столкновеній“.

Все это мы испытали и на себѣ. Нашъ переѣздъ отъ Яссъ до Бухареста можно было назвать мытарствомъ. Ни одной станціи мы не проѣхали въ назначенные часы, нигдѣ не останавливались на опредѣленное время. Все дѣлалось какъ-бы случайно, по какимъ-то таинственнымъ прихотямъ. Начальники станцій притворялись, что не понимаютъ ни по-русски, ни по-французски, и не давали отвѣта, почему мы стоимъ, или почему насъ отправляютъ, не давая солдатамъ времени окончить обѣдъ, когда назначена продолжительная остановка. При этомъ роль нашихъ станціонныхъ комендантовъ, долженствовавшихъ всѣмъ руководить и все знать, была самая пассивная. Чувствуя свое безсиліе, они избѣгали выходить на платформы. Часовъ по 6 приходилось стоять на запасныхъ путяхъ станцій, на которыхъ нельзя было достать куска хлѣба или кипятку для чая.

Корреспонденты газетъ, описывая движеніе авангарда и главной квартиры арміи, сообщали, будто при видѣ военныхъ поѣздовъ, румыны провожали ихъ знаками сочувствія, махали шляпами и женщины даже крестились; что желѣзныя дороги, занятыя казацкими пикетами, вслѣдствіе перехода въ руки нашей военной администраціи, вполнѣ исправны. Можетъ быть, все это такъ и было, когда проходили впервые появившіяся войска, или эшелоны главныхъ квартиръ, но мы ничего подобнаго не испытали.

Чѣмъ ближе мы подъѣзжали къ Бухаресту, тѣмъ остановки дѣлались чаще и продолжительнѣе. За 4 станціи до этого города, потерявъ терпѣніе, я, съ начальникомъ штаба и двумя адъютантами, пересѣлъ на обгонявшій насъ пассажирскій поѣздъ и уѣхалъ впередъ. Непонятно, почему почтовые и пассажирскіе поѣзда могли идти по росписанію и имъ не мѣшали встрѣчные, а насъ задерживали. При столь медленномъ движеніи, казалось, можно было-бы избѣжать несчастій, а, между тѣмъ, еще въ маѣ мѣсяцѣ проваливались мосты,

поѣздъ Кіевскаго гусарскаго полка потерпѣлъ крушеніе, въ одной изъ артиллерійскихъ батарей загорѣлся на платформѣ зарядный ящикъ. Все это до того походило на умыслы желѣзно-дорожной службы, что Великій князь приказалъ произвести слѣдствіе. Подъ самымъ Бухарестомъ и нашъ эшелонъ навезли на пустые вагоны, причемъ были поломаны 4 повозки, поранено двое людей и 4 лошади.

10 августа, въ 3 часа дня, я былъ въ Бухарестѣ, гдѣ, вмѣстѣ съ чинами моего штаба, остановился въ прекрасномъ „Hôtel de Boulevard“.

Послѣ десяти-дневнаго странствія попасть въ хорошій городъ и хорошую гостиницу, гдѣ можно освѣжиться, вкусно поѣсть и покойно поспать, не слыша стукотни вагонныхъ колесъ и свистка локомотива, — необыкновенно пріятно, и мы воспользовались этимъ вполнѣ. Конечно странно, что пишущій воспоминанія о войнѣ говоритъ о такихъ прозаическихъ вещахъ, какъ сонъ и ѣда. Но повѣрьте, читатель, война тѣмъ и привлекательна, что приводитъ къ крайне разнообразнымъ и противуположнымъ ощущеніямъ.

Румыны того мнѣнія, что ихъ Бухарестъ — маленькій Парижъ. Въ первый день нашего пребыванія въ немъ, мы готовы были повѣрить этому. Hôtel de Boulevard, гдѣ я остановился, представляла ту особенность, что внутренній дворъ, съ стеклянной крышей, замѣнялъ общій залъ, заставленный тропическою зеленью и цвѣтами, между которыми въ нѣсколькихъ мѣстахъ били освѣжающіе фонтанчики; полъ изъ узорчатаго асфальта, вродѣ мозаики, прекрасная сервировка, расторопная прислуга, говорящая по французски и понимающая по-русски, всевозможныя газеты,—все это могло удовлетворить и болѣе строгихъ посѣтителей, чѣмъ находящееся въ походѣ офицерство. Главное-же достоинство гостинницы въ нашихъ глазахъ заключалось въ томъ, что въ нее сходились всѣ русскіе, находившіеся на службѣ въ Бухарестѣ, и всѣ ѣдущіе въ Главную квартиру и возвращающіеся изъ нея, — а такихъ было не мало. Всѣ новости о случившемся въ послѣдніе дни за Дунаемъ, слухи и предположенія о предстоящихъ дѣйствіяхъ, о новыхъ назначеніяхъ, о наградахъ и немилостяхъ,— все это собиралось и передавалось въ залѣ отеля. При первомъ моемъ входѣ въ нее, я уже встрѣтилъ знакомыхъ: гене-

рала Рауха, пріѣхавшаго прямо изъ расформированнаго отряда генерала Гурко, Голынскаго, бывшаго командира Гатчинскихъ кирасиръ, назначеннаго теперь Бухарестскимъ комендантомъ. Первый сообщилъ о лихихъ дѣйствіяхъ кавалеріи и стрѣлковъ за Балканами; второй разсказалъ нѣсколько эпизодовъ изъ продѣлокъ тѣхъ господъ, которые, составляя бремя арміи, какъ ея осадки, гнѣздятся въ тылу ея,—одни дебоширствуя, другіе—бѣдствуя.

На слѣдующій день утромъ я пошелъ навѣстить моего добраго знакомаго и товарища по варшавской службѣ, генерала Каталея. Это была почтенная и достойная личность; говорю — была, потому что уже черезъ четыре мѣсяца его не стало на свѣтѣ. Въ описываемое время онъ занималъ важный постъ начальника тыла арміи. Не прошло трехъ мѣсяцевъ со времени его назначенія, а онъ уже до того, какъ говорится, уходилъ себя, что былъ неузнаваемъ физически; мнѣ же показалось, что разстроенъ и нравственно. Если половина того, что онъ говорилъ о своемъ положеніи, была дѣйствительностію, то ея было вполнѣ достаточно, чтобы всѣми силами стараться о какомъ угодно назначеніи, лишь-бы избавиться отъ занимаемой должности. Онъ впрочемъ такъ и сдѣлалъ.

— Жду, какъ спасенія, говорилъ мнѣ Каталей, пріѣзда генерала Дрентельна, назначеннаго на мое мѣсто, и вообразите мою радость, по милости Великаго князя, я получаю нашу родную третью гвардейскую дивизію.

— Но вѣдь для этого вамъ надо будетъ уѣхать изъ арміи въ Варшаву.

— Какъ въ Варшаву? Я встрѣчу ее въ Кишиневѣ. Развѣ вы не знаете, что гвардія, гренадеры и еще двѣ дивизіи мобилизуются и въ сентябрѣ присоединяются къ арміи?

— Ничего я не знаю, потому что со времени выѣзда изъ Луцка не имѣю ни одного распоряженія по дѣйствующей арміи, и если-бы кто спросилъ меня, везутъ-ли насъ куда слѣдуетъ,—я отвѣчалъ-бы, что не знаю.

— Но дальше вы ужъ не поѣдете, а пойдете. Васъ-то со штабомъ пожалуй еще можно провезти до Фратешти, а полкамъ придется идти по шоссе.

— Не знаете-ли вы чего о моей второй бригадѣ, и нельзя-ли какъ-нибудь нагнать ее?

— Знаю; она дня четыре назадъ перешла Дунай, а теперь ѣроятно при главной квартирѣ въ Горномъ-Студнѣ. Видѣлъ здѣсь вашего тучнаго Давыдова; бѣдняга, совсѣмъ раскисъ гъ жары.

— Кто-же мнѣ дастъ маршрутъ для дальнѣйшаго похода?

— До Зимницы я дамъ, а дальше моя власть прекращается. Тамъ, вѣроятно, кто-нибудь встрѣтитъ бригаду, а то ькъ узнаете отъ Штольценвальда; онъ начальникъ этаповъ живетъ въ Зимницѣ *).

Послѣ этого я обратился къ Каталею о выдачѣ для диви и картъ театра войны, такъ какъ еще въ Луцкѣ получилъ зъ главнаго штаба телеграмму, что онѣ будутъ выданы отъ ачальника тыла арміи. Въ принесенномъ тогда-же изъ управенія свертиѣ оказалось всего десять экземпляровъ, тогда акъ полагалось снабдить картами всѣхъ штабъ-офицеровъ и отныхъ командировъ дивизіи.

— Гдѣ-же остальные экземпляры?—спрашиваю я Василія асильевича,—вѣдь у меня 64 ротныхъ командира.

— Хорошо что и это захватили,—отвѣчалъ онъ.

Узнавъ, что изъ полученныхъ десяти экземпляровъ я могу дѣлить на дивизіонный штабъ не болѣе двухъ, разумѣется, ля себя и для начальника штаба, мои адъютанты и ординарцы росились въ книжные магазины и вскорѣ возвратились, радуясь, что достали карту Болгаріи Каница, изданія австрійкаго генеральнаго штаба. Когда они, въ общей залѣ отеля, аловались на невыдачу картъ полковника Артамонова, то динъ изъ присутствовавшихъ артиллерійскихъ офицеровъ амѣтилъ:

— Вы думаете, что это случилось только съ вами? Мы ришли сюда гораздо раньше и получили по одной картѣ на ригаду, которая по праву и осталась въ распоряженіи бригаднаго командира; между тѣмъ батареямъ случается передвигаться врозь, а потому и приходилось идти точно въ потемкахъ, куда проводникъ поведетъ.

Зная, что начальство проходящихъ войскъ всегда останавливается въ отелѣ Бульвара, у входа въ нее цѣлый день тол-

*) Это тотъ самый Штольценвальдъ, отъ котораго я принималъ, вно 20 лѣтъ назадъ, стрѣлковый баталіонъ въ Волковискѣ.

пилось множество разныхъ аферистовъ, подрядчиковъ, факторовъ и маркитантовъ, исключительно евреевъ. Одни пришли съ передовыми полками изъ Россіи, и хотя уже имѣли дѣлишки за Дунаемъ, но появлялись и въ Бухарестѣ, надѣясь на новые гешефты; другіе пристроились къ товариществу, и, называясь его агентами, думали погрѣться возлѣ новаго, неопытнаго начальства проходящихъ войскъ, а нѣкоторые понаѣхали изъ Австріи и Венгріи. Армія была для этого народа цвѣтникомъ, къ которому они слетались, какъ пчелы, поживиться золотымъ медомъ, въ видѣ полуимперіаловъ.

Возвращаясь однажды въ отель, я былъ остановленъ пожилымъ евреемъ, почтеннаго вида:

— Вашъ братецъ, вельможне генерале, командовалъ Козловскимъ пулкомъ; я былъ его пулку подрядчикомъ.

— Съ чѣмъ тебя и поздравляю; что-жъ тебѣ надобно?

Еврей прежде всего спросилъ: имѣютъ-ли мои полки каруцы (большія телѣги) и воловъ, такъ какъ въ дѣйствующей арміи заведено ихъ по четыре пары на каждую роту. Затѣмъ онъ объяснилъ, что въ Болгаріи пріобрѣсти воловъ нельзя, и если не позаботиться теперь, то придется посылать за ними верстъ за 200. Хотя и странно было получать необходимыя свѣдѣнія не оффиціальнымъ путемъ, а отъ еврея, но, свѣривъ его слова съ разсказами лицъ, бывшихъ за Дунаемъ, пришлось принять сказанное имъ къ руководству. Предложенныя имъ условія я сообщилъ командирамъ полковъ 1-й бригады; они приняли ихъ, и расторопный старикъ, въ теченіи трехъ дней, поставилъ по двѣ каруцы и по 4 пары воловъ на каждую роту. Мало этого: онъ отправился впередъ, чтобы заготовить то же самое для полковъ второй бригады, для чего поѣхалъ въ окрестности Плоэшти и оттуда доставилъ повозки въ Зимницу, чтобы полки первой бригады могли захватить ихъ съ собой. Этотъ фактъ доказываетъ, въ какой мѣрѣ евреи бываютъ иногда полезны для войскъ. Мозырскій жидъ, никогда не бывшій заграницею, въ 3—4 дня скупаетъ 120 повозокъ и 250 воловъ, не только не получая задатка, но внеся 200 руб. залога, и ограничивается при этомъ весьма умѣреннымъ барышемъ, такъ какъ волы были имъ поставлены дешевле справочной цѣны въ Бухарестѣ.

Полки первой бригады имѣли возлѣ Бухареста, не вступая

него, только одинъ день дневки, а затѣмъ направились умя переходами на станцію Фратешти. Я съ штабомъ диви: прибылъ туда-же, 12-го августа, по желѣзной дорогѣ. кивленнѣе и суетливѣе того, что представляла эта станція, удно было что-либо представить себѣ. Направо—склады арллерійскихъ снарядовъ, цѣлыя кучи бомбъ и гранатъ, за ними сса повозокъ съ красными крестами, мортиры, распряжений провіантскій транспортъ. Налѣво—груды якорей и телеьфной проволоки, разобранныя платформы, затѣмъ какой-то вѣсъ съ тюками, раскинутые шатры подвижнаго лазарета: гъ коновязь, тамъ гуртъ воловъ въ загородкѣ. Между всѣмъ імъ: солдаты, вахтера, медики, чиновники интендантства, леэя, сестры милосердія, румыны, масса евреевъ. Одни выгжаютъ тяжести изъ вагоновъ, другіе укладываютъ подцы; шумъ, суета, разспросы — просто вавилонское столпоэреніе.

Одновременно съ приходомъ нашего поѣзда, съ противупокной стороны тащился какой-то громадный обозъ. За тучею днятой имъ пыли не было видно конца его. На станціи и вогъ нея началась бѣготня, крики и восклицанія:

— Транспортъ! транспортъ идетъ!

— Большой?

— Конца не видно.

— Бѣги скорѣе—кричи, чтобы мѣста готовили.

— Куда бѣжать-то, все биткомъ набито...

— Какихъ везете? спрашиваетъ встрѣчающій докторъ, вывшаго впередъ другаго доктора, ведущаго транспортъ.

— Плевенскихъ, но есть и другіе.

— А много?

— Да человѣкъ 500 наберется.

Встрѣчавшій махнулъ рукой и быстро ушелъ въ шатры. тры милосердія сбѣгались изъ госпитальныхъ палатокъ. Я се подошелъ къ переднимъ, остановившимся повозкамъ. кой-то, покрытый пылью офицеръ подошелъ было рапортоь мнѣ.

— Теперь вамъ не до рапортовъ,—остановилъ я его, разцайте скорѣе; къ тому-же я здѣсь посторонній зритель.

— Санитары! закричалъ кто-то, захватывай больше носиъ.

Раненые зашевелились на подводахъ; кое-гдѣ послышались стоны.

— Господи! хоть-бы смерть скорѣе.

— Сестрица! водицы-бы! Сжеть меня—приподымаясь на локти—проговорилъ раненый, когда его положили на носилки.

— Сейчасъ, голубчикъ, погоди немного, въ шатрѣ чаемъ напоимъ.

Другой, на котораго я взглянулъ, отходя отъ впервые видѣнныхъ мною сценъ, шепталъ что-то, вздрогнулъ и вытянулся. Этому уже не нужны были ни чай, ни водица.

Бывшій со мною дивизіонный врачъ Кунаховичъ попросилъ моего разрѣшенія, остаться у станціи, покуда не разберутся съ ранеными.

— Можетъ, я могу чѣмъ нибудь помочь при перевязкахъ, сказалъ онъ, да кстати и ознакомлюсь съ видомъ и свойствами ранъ.

Давъ разрѣшеніе, я сѣлъ на коня, и молча отъѣхалъ отъ станціи. Въ верстѣ отъ платформы, на склонѣ небольшой горы, виднѣлась мыза, окруженная садомъ. Встрѣтившій меня у станціи адъютантъ, отправленный два дня назадъ изъ Бухареста, съ обозомъ дивизіоннаго лазарета, доложилъ, что авангардный баталіонъ первой бригады уже прибылъ, а прочія части пойдутъ къ вечеру, что онъ уже выбралъ мѣста для биваковъ, и что штабъ можетъ размѣститься на самой мызѣ, или въ саду. Я избралъ послѣднее.

Съ бивака былъ ясно видѣнъ противуположный, довольно возвышенный берегъ Дуная и на немъ два небольшіе турецкіе лагеря, а вправо, противъ Журжи, береговые батареи и минереты Рущука. Бивакъ у Фратешти, напоминалъ мнѣ наши мирные маневры—та же беззаботность, тѣ же пѣсни солдатъ, тѣ же группы, гуляющихъ послѣ отдыха, офицеровъ. Кто-то вспомнилъ, что въ эту ночь будетъ лунное затмѣніе, потому нѣкоторые долго не ложились, но наконецъ усталость отъ перехода взяла свое: часовъ въ 12 бивакъ успокоился. Вдругъ, среди всеобщей тишины, гдѣ-то вдали раздался пушечный выстрѣлъ, за нимъ другой, третій и загрохотала канонада. Это наши батареи у Журжи бомбардировали Рущукъ. Всѣ проснулись, выбѣжали изъ палатокъ, нѣкоторые начали одѣваться, другіе съ просонья закричали „сѣдлай“; но, сообразивъ въ

чемъ дѣло, взобравшись, кто на деревья, кто на повозки, старались что-либо высмотрѣть. Такъ какъ до Журжи было не менѣе 15-ти верстъ, то видны были только отблески, подобные зарницѣ.

Переходъ отъ Фратешти до Путенеи былъ довольно сносенъ; но второй, до деревни Бригадира, крайне труденъ. Еще въ Бухарестѣ намъ говорили, что придется идти 28 верстъ по безводной степи, безъ селеній. Предупредивъ объ этомъ полковыхъ командировъ, я сдѣлалъ распоряженіе, чтобы всѣ боченки фургоновъ, фляги и котелки, передъ выступленіемъ, были наполнены водою. Первая бригада, походомъ которой я распоряжался самъ, несмотря на сильный зной, прошла этотъ памятный переходъ благополучно, — въ ней былъ всего одинъ смертный случай отъ солнечнаго удара; но вторая, какъ я узналъ потомъ, поплатилась дороже. Вмѣсто того, чтобы выступать, какъ мы, на зарѣ, дѣлать до 8-ми часовъ утра полперехода и оставаться всю жаркую пору дня на привалѣ, а затѣмъ пройти остальную часть перехода отъ 6-ти до 10-ти часовъ вечера, —вторая бригада шла обыкновенно принятымъ способомъ, т. е. выходила часовъ въ 6 утра и затѣмъ весь день подвергалась зною. Натурально, люди томились, обезсиливали, впадали въ апатію, отставали, и кончилось тѣмъ, что бригада имѣла 11 смертныхъ случаевъ.

15-го августа штабъ дивизіи и 1-я бригада вступили въ Зимницу и расположились бивакомъ, на осушившемся разливѣ Дуная, или вѣрнѣе, на песчаной его отмели, мѣстами еще перерѣзанной вымоинами. Передъ этимъ огромнымъ пространствомъ обсохшаго разлива поднимались скалы праваго берега, съ лѣпившимся на нихъ Систовомъ. Говорили, что отъ Зимницы до него 4 версты, но намъ казалось не болѣе двухъ, до-того плоскость и вода скрываютъ разстояніе. Даже, смотря издали, трудно было себѣ представить, какимъ образомъ турки, занимая неприступную, самою природою укрѣпленную мѣстность, могли допустить переправу въ этомъ пунктѣ, и какимъ чудомъ она совершена съ такими, сравнительно небольшими потерями. Дунай сверкнулъ передъ нами широкою полосою выше города; передъ Систовымъ же, и ниже, воды не было видно, потому что частью прибрежный кустарникъ, частью лѣсистый островъ, ниже мостовъ, скрывалъ ее. Какое-то

особенное чувство овладѣвало душою при видѣ рѣки, которую народъ воспѣваетъ въ своихъ пѣсняхъ, и съ которою связано столько дорогихъ для насъ историческихъ воспоминаній.

Зимница, уже въ августѣ, всего черезъ два мѣсяца послѣ переправы, производила на свѣжаго человѣка особое, отвращающее своимъ безобразіемъ, впечатлѣніе. Она имѣла видъ самой грязной ярмарки, со всевозможными картинами разгула и безчинства. По улицамъ трудно было пройти или проѣхать. Время стояло сухое, поэтому надъ мѣстечкомъ стояли цѣлыя тучи такой пыли, о которой мы не имѣли понятія. Можно себѣ представить, какова должна быть здѣсь грязь въ осеннюю пору. Улицы Зимницы были набиты всевозможными отрепьями тыла арміи: румыны, евреи, цыгане, нестроевые всевозможныхъ чиновъ и вѣдомствъ, погонщики, маркитанты, уличные плясуны, бродячія арфянки, въ перемѣшку съ ослами, лошадьми и буйволами, — все это бродило, кричало, ругалось, продавало и покупало, ѣло и пьянствовало. Между тѣмъ въ городѣ былъ не только комендантъ, но и начальникъ этаповъ, съ значительнымъ штатомъ офицеровъ и чиновниковъ и съ состоящимъ въ его распоряженіи резервнымъ баталіономъ.

Не успѣлъ я оправиться отъ похода, какъ къ палаткѣ подъѣхалъ офицеръ, съ конвертомъ отъ начальника этаповъ. Бумага оказалась изъ полеваго штаба арміи. Ею сообщалось, что бригада, послѣ дневки, должна 17-го числа перейти Дунай и слѣдовать двумя переходами до деревни Овча-могила, гдѣ соединится со второй бригадой. Послѣднее чрезвычайно меня обрадовало, такъ какъ я предчувствовалъ, что мой почтенный Вадимъ Денисовичъ Давыдовъ, при жарѣ и при его поражающей тучности, на все махнулъ рукой. Въ бумагѣ было сказано, что для указанія пути явится ко мнѣ, причисленный къ генеральному штабу, штабсъ-капитанъ Арбузовъ. Офицеръ, доставившій конвертъ, оказался давнишнимъ моимъ подчиненнымъ; это былъ капитанъ Масина, двадцать лѣтъ назадъ служившій у меня прапорщикомъ, когда я командовалъ 3-мъ стрѣлковымъ баталіономъ. Онъ передалъ, что генералъ Штольценвальдъ проситъ меня, въ 2 часа, обѣдать въ Зимницу. Слыша, что онъ только-что возвратился изъ-за Дуная, былъ въ главной квартирѣ и доѣзжалъ до Тырнова, я охотно при-

[illegible]

ать приглашеніе [illegible]

[illegible]

У Ш[illegible] [illegible]

[illegible] аго. [illegible]

о время [illegible]

[illegible]

Сорокъ [illegible]

[illegible]

— [illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

наемный румынъ, вмѣсто Главной квартиры, не завезъ насъ въ Рущукъ.

Подъѣхавъ къ новому мосту черезъ Дунай, надо было употребить особыя усилія, чтобы попасть на него, потому что на огромномъ пространствѣ передъ въѣздомъ стояла масса обозовъ, транспортовъ и парковъ; все это ждало очереди, тѣснилось, опережало другъ друга, такъ что нѣсколько офицеровъ и рота саперъ едва могли поддерживать кое-какой порядокъ. Съѣхать съ моста на противуположный берегъ было тоже не легко. Спускавшіяся впереди подводы безпрестанно останавливались, вязли въ сыпучемъ пескѣ, застрявали въ вымоинѣ, и тогда приходилось ждать, покуда человѣкъ 10 саперъ помогутъ стронуть повозку съ мѣста, или закидаютъ яму землею. На обратномъ пути, ночью, намъ пришлось еще осязательнѣе ощутить затрудненія на мостахъ. Подъѣзжаю къ первому — не пускаютъ; спрашиваю „почему?“ — „Съ той стороны данъ сигналъ, что пущены встрѣчники“, отвѣчаетъ часовой. Ѣду къ другому мосту—та же исторія. Надо было убѣдить, что если отпрячь пристяжныхъ, то можно разъѣхаться. Отпрягли и не встрѣтили на мосту ни одной повозки.

Съ чувствомъ нѣкотораго волненія и сильнаго любопытства поднялся я на турецкій берегъ Дуная. Казалось какъ-то страннымъ ѣхать по непріятельской территоріи, въ раіонѣ военныхъ дѣйствій, безъ всякаго конвоя и не зная дороги. Въ то время я еще не предвидѣлъ, что въ арміи смотрѣли на все пройденное, какъ на свое, точно въ тылу Главной квартиры не могли появиться партизаны, или разбойничьи шайки башибузуковъ. И какія встрѣчались странныя противуположности: верстахъ въ пяти отъ Систова, въ деревнѣ Царевичи, наполненной разными нашими командами, стоитъ казачій караулъ. Часовой останавливаетъ каждаго проѣзжающаго и спрашиваетъ: „кто, куда и зачѣмъ ѣдетъ“? А ѣдешь далѣе,— нигдѣ ни души. При выѣздѣ изъ деревни мы обгоняемъ двухъ казаковъ.

— Не знаете-ли, ребята, какъ проѣхать въ Горный-Студень?

— А вотъ берите вправо, а потомъ держитесь полѣвѣе.

— А вы куда?

— Мы подъ Рущукъ, къ Бѣлой.

Пришлось держать дальнѣйшій путь по картѣ, хотя на ней юги часто расходились въ разныя стороны, безъ надписей. времени казалось, что мы проѣхали уже верстъ 30. Нако-цъ, въѣзжаемъ въ какую-то сожженную турецкую деревню, солдаты, въ рубашкахъ, безъ всякаго оружія, разбирали епицу съ крышъ и шарили по пожарищу. Отъ нихъ мы али, что Горный-Студень остался двѣ версты вправо, куда и указали дорогу. Я ожидалъ вскорѣ встрѣтить разъѣзды увидѣть пикеты, и придумывалъ, что отвѣтить, если бу-ъ спрашивать пароль или пропускъ. Вмѣсто этихъ охра-тельныхъ мѣръ, вокругъ деревни, гдѣ жили Государь и внокомандующій, не оказалось ни разъѣздовъ, ни часовыхъ, ъ что мы прямо наткнулись на лагерь конвойнаго баталіона а госпитальныя палатки. У въѣзда въ деревню, подъ забо-ъ первой хаты, сидѣлъ у складного столика какой-то госпо-ъ, безъ сюртука, въ большой соломенной шляпѣ, и писалъ -то. Вѣрно корреспондентъ, подумалъ я, и спросилъ его, гдѣ ти Главную квартиру. Онъ указалъ на высокій шестъ, съ вѣвающимся краснымъ флагомъ. Пробравшись мимо нѣ-льких хатъ, я попалъ въ лабиринтъ всякаго вида пала-ъ, шатровъ и юртъ, между которыми мелькали писаря, ка-и, придворная прислуга.

Горный-Студень лежитъ на возвышенной и обнаженной мѣст-ти, по обѣимъ сторонамъ лощины, на днѣ которой, изъ поч-ныхъ ключей струится ничтожная рѣченка. На восточномъ тѣ лощины находятся дома, принадлежащіе болгарамъ, на адной — туркамъ. Съ приближеніемъ нашихъ войскъ, по-ѣдніе бѣжали, дома ихъ опустѣли и отчасти разорены бра-шками.

Прежде чѣмъ представляться Великому князю, надо было бывать у начальника штаба арміи, у его помощника, ви-ъ коменданта Главной квартиры, интенданта и проч. Ока-юсь, что начальникъ штаба въ отъѣздѣ на Шипку. Когда передалъ его помощнику, что 1-я бригада придетъ завтра въ чу-Могилу и дивизія наконецъ соединится, то онъ съ удив-ніемъ спросилъ меня:

— Развѣ Арбузовъ не передалъ вамъ, что слѣдуетъ идти съ игадою прямо сюда? При Государѣ въ эту минуту нѣтъ ни ной пѣхотной части, поэтому мы и перемѣнили.

— Я Арбузова не видалъ, а въ предписаніи сказано идти къ Овчей-Могилѣ и соединиться тамъ со второю бригадою.

— Вы тамъ ее уже не застанете.

— Гдѣ-же эта, все уходящая отъ меня, бригада?

— Она третьяго-дня выступила, но куда—навѣрное сказать вамъ не могу. Въ настоящее время подобныя вещи не разсказываются.

— Даже начальнику дивизіи? подумалъ я. — Значитъ, все, что намъ говорили о секретахъ въ Бухарестѣ,—справедливо.

Здѣсь кстати сказать о системѣ секретовъ и тайнъ, существовавшихъ въ сношеніяхъ съ начальниками войскъ. Строго скрывая свои распоряженія отъ тѣхъ, кто долженъ былъ-бы знать ихъ и на кого можно было вполнѣ положиться, въ то же время забывали, что, въ силу третьяго пункта контракта съ гг. Грегеромъ, Горвицемъ и Коганомъ, дѣлали извѣстными всѣ планы любому еврею изъ ихъ компаніи. Въ этомъ пунктѣ сказано: „Намъ должны быть заблаговременно, не позже, какъ за недѣлю до начала движенія, сообщаемы пункты поставки, названія частей войскъ, сроки поставки и приблизительное количество потребностей для каждаго пункта“. Ясно, что евреи во всякое время знали, куда, сколько и какія именно войска двинуты, а отъ насъ скрывали это. Что въ военное время необходимо хранить въ тайнѣ стратегическіе планы и распоряженія,—противъ этого никто возражать не будетъ: но вопросъ— отъ кого скрывать ихъ и съ какою цѣлью?

На всѣ прочіе вопросы по поводу продовольствія дивизіи, сдачи заболѣвшихъ, о содержаніи офицеровъ, о порядкѣ требованій, о полученіи прежнихъ приказовъ и инструкцій—на все это мнѣ отвѣчали: обратитесь къ интенданту, спросите директора госпиталей, адресуйтесь въ дежурство, а гдѣ эти мѣста и лица,—предоставлялось искать самому. Такъ какъ ни интенданта, ни начальника госпиталей при Главной квартирѣ на лицо не оказалось, и кто заступаетъ ихъ мѣста—никто указать не могъ, то всѣ касающіеся ихъ вопросы оставались неразрѣшенными. Что же до руководящихъ приказовъ, безъ которыхъ нельзя было ступить ни шагу, то обѣщали по отпечатаніи прислать; но мы получили ихъ потомъ, только черезъ полтора мѣсяца. Въ оправданіе подобнаго факта приводился

слѣдующій доводъ: „Помилуйте, вѣдь у насъ въ Кишиневѣ было всего четыре корпуса, мы по числу ихъ и печатали, а теперь вдвое“. На это пришлось отвѣтить: „Объ увеличеніи состава арміи знали 12-го іюля, а теперь 16-е августа. Кажется, въ пять недѣль можно было подумать объ отпечатаніи приказовъ для прибывающихъ войскъ“.

Узнавъ, что Великій князь принимаетъ передъ обѣдомъ, до котораго оставалось еще много времени, я отправился въ полевое почтовое отдѣленіе, въ надеждѣ получить тамъ какую-либо вѣсточку отъ своихъ. Болѣе получаса бродили мы по деревнѣ, отыскивая почту по указанію встрѣчныхъ, и наконецъ, перепрыгивая канавы и перелѣзая черезъ плетни, добрались до сарая, въ которомъ помѣщалось почтовое отдѣленіе. Неужели, думалось мнѣ, никому не пришло въ голову распорядиться проводомъ къ почтѣ, если не дороги, что при множествѣ свободныхъ рукъ, было вполнѣ возможно, то хоть тропинки. Въ сараѣ вмѣсто столовъ служили доски, положенныя на ящики и боченки; на такихъ же боченкахъ сидѣли чиновники, бросавшіе подъ себя принимаемые ими денежные пакеты и свертки съ золотомъ. Что они не терялись и доходили по назначенію,—дѣлаетъ честь почтовому вѣдомству. Цѣлыя груды писемъ ворохами лежали въ углахъ и валялись подъ ногами. Почтовые чиновники не имѣли возможности, если бы и хотѣли, водворить какой-либо порядокъ. Срытыя въ кучу письма предоставлялось разбирать всякому приходившему за справками, не только офицеру, но и писарю. Само собою разумѣется, что каждый заботится только о себѣ и о своей части, и не принадлежащія ей письма бросались въ сторону. Такимъ образомъ и мнѣ съ Эрнротомъ пришлось рыться и перебирать болѣе тысячи конвертовъ, прежде чѣмъ найти письма на наше имя. При такомъ положеніи полевой почты, мы потомъ не удивлялись, когда въ штабъ третьей дивизіи попадали цѣлыя связки писемъ и газетъ, адресованныхъ въ 3-ю гренадерскую дивизію или въ 3-ю стрѣлковую бригаду.

Главная квартира Великаго князя и лицъ полеваго штаба расположилась въ домѣ крестьянина, на дворѣ котораго, подъ тѣнистымъ деревомъ, была разбита палатка Его Высочества. Онъ встрѣтилъ меня словами:

— А, здорово, старый знакомый! Что, какъ вы добрались, гдѣ твоя дивизія?

— Первая бригада при мнѣ, въ Зимницѣ, а гдѣ вторая— не знаю.

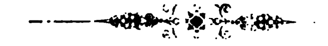
— Она пошла съ Имеретинскимъ. Приводи скорѣе первую; мы такъ разметались, что при Царѣ нѣтъ никого кромѣ конвоя. Теперь мнѣ некогда, ѣду къ Государю. Потомъ увидимся.

Перекусивъ кое-что въ шатрѣ расположившагося возлѣ лагеря маркитанта, часовъ въ 6, я выѣхалъ назадъ въ Зимницу. На обратномъ пути снова пришлось убѣдиться, какъ многое, по непредпріимчивости турокъ, проходило для насъ безнаказанно. Въ двухъ мѣстахъ я видѣлъ расположившіеся въ полѣ на ночлегъ транспорты, безъ всякой охраны и безъ конвоя, точно обозъ чумаковъ въ Полтавской губерніи. Проберись, въ треугольникъ между Бѣлой, Тырновомъ и Горнимъ-Студнемъ, хоть сотня хорошихъ всадниковъ съ лихимъ партизаномъ,—и чего бы они не забрали, чего бы не надѣлали?

Въ Систово мы уже въѣхали около 11 часовъ вечера, при совершенной темнотѣ, и еслибы не добрякъ-болгаринъ, взявшійся проводить насъ черезъ лабиринтъ переулковъ и крутыхъ спусковъ къ мостамъ, то мы и до разсвѣта не выбрались бы оттуда. Ни одного часоваго или сторожа, который могъ бы указать дорогу. На бивакѣ всѣ уже крѣпко спали, исключая чиновъ штаба, ожидавшихъ моего возвращенія, съ надеждою узнать, что новаго привезу я изъ Главной квартиры. Немногое могъ я разсказать имъ.

Съ предстоящимъ завтрашній день переходомъ черезъ Дунай, мы оставляемъ Румынію, а потому, здѣсь кстати замѣтить, что страна эта произвела на меня два, совершенно противоположныя впечатлѣнія. Ея природа и климатъ—самыя пріятныя, а ея народъ и администрація—самыя тяжелыя. Судя по тѣмъ описаніямъ, которыя доводилось читать о вступленіи первыхъ русскихъ эшелоновъ и о встрѣчахъ, дѣланныхъ главнокомандующему, мы думали найти въ румынахъ хотя нѣкоторое къ намъ сочувствіе, а испытали не только полнѣйшее равнодушіе, но явное недоброжелательство. Достать подводу или проводника, даже за плату, представляло постоянныя затрудненія. Съ приближеніемъ полковъ жители деревень

уходили въ поле, а въ городахъ всякій, кто могъ, старался обирать не только офицеровъ, но и солдатъ. Когда въ Яссахъ даже евреи покупали полуимперіалы за 7 руб. 70 к., въ Бухарестѣ румыны не давали за нихъ даже номинальныхъ 5 р. 15 к., и въ то же время за рублевую бумажку платили 2½ франка. Все это приводитъ къ мысли, что первоначальныя оваціи и восторги были необходимы румынамъ до тѣхъ поръ, покуда они боялись переправы турецкихъ войскъ на ихъ сторону, покуда имъ нужна была наша заступа. Но какъ только они увидѣли, что за спиною русской арміи, никого не обижавшей, можно жить спокойно, то и отвернулись отъ насъ. Наши солдатики скоро поняли своихъ союзниковъ.



ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

1877.

Переходъ за Дунай.—Стоянка при Главной квартирѣ Государя.—Интендантскіе транспорты.—Конвоированіе Главной квартиры.—Три дня въ Чуашъ-Махалѣ. — Эпизоды въ Болгарени.—Взглядъ на бой подъ Ловчею.—Бивакъ у Парадима.—У Плевенскихъ батарей.—Ночное движеніе къ Плевнѣ.—30 Августа.—Въ лазаретѣ 5 дивизіи.—На бивакѣ Староингерманландцевъ.—У сестры милосердія.—Два раненыхъ.—При румынской атакѣ.—Начальникъ маршевой команды.—Назначеніе начальникомъ Ловче-Сельвинскато отряда.

17-го августа я перевелъ первую бригаду черезъ систовскіе мосты Дуная и вступилъ съ нею въ предѣлы Турціи. Первый переходъ былъ всего въ 8-мь верстъ, до деревни Царевицы; но пропускъ черезъ мосты обоза и подъемъ его въ гору настолько задержали, что второй полкъ пришелъ на ночлежный бивакъ только въ сумерки.

Съ перваго же дня вступленія нашего въ Болгарію, мы болѣе и болѣе удивлялись ея благосостоянію. Обширныя поля были обработаны и засѣяны, мосты и дороги прекрасные, черезъ каждыя 5—6 верстъ, у природныхъ ключей, устроены обдѣланные гранитомъ бассейны для воды, близъ деревень богатыя пастбища, повсюду масса скота и всякаго рода домашней птицы. Только турецкія деревни, и то тамъ гдѣ жители покинули ихъ при приближеніи нашихъ отрядовъ, носили отпечатокъ разрушенія: этимъ распорядились болгары до нашего прихода.

Приближаясь къ Горному-Студню и полагая, что кто-либо встрѣтитъ бригаду, я остановилъ ее версты за полторы, дабы люди могли оправиться; но адъютантъ, посланный впередъ. въ комендантское управленіе Главной квартиры, возвратился съ приказаніемъ идти прямо на бивакъ, гдѣ до насъ стояла 3-я стрѣлковая бригада. По устройствѣ бивуака, я, вмѣстѣ съ полковыми командирами, поѣхалъ въ Горный-Студень пре-

ставиться Государю Императору. Квартира Его Величества находилась на западной сторонѣ оврага. Занимаемый Императоромъ домъ не представлялъ ничего особеннаго; деревянный, въ два этажа, обмазанъ глиною и обнесенъ со стороны двора открытою галлереею на столбахъ. На верху находились покои Государя, внизу—главныхъ чиновъ свиты, въ пристройкахъ—прислуга и экипажи. На дворѣ былъ раскинутъ обѣденный шатеръ для обширной свиты Государя и приглашаемыхъ начальниковъ войскъ. Его Величество принялъ насъ подъ навѣсомъ галлереи, говорилъ съ каждымъ, спросилъ меня о состояніи дивизіи, поблагодарилъ за вторую бригаду, которую видѣлъ при переходѣ къ Сельви, и настолько былъ милостивъ, что даже спросилъ меня о моемъ здоровьи.

— Я до сихъ поръ крѣпился, говорилъ о себѣ Государь, а вотъ нѣсколько дней назадъ и прихворнулъ; сегодня, впрочемъ, чувствую себя крѣпче.

Дѣйствительно, лицо Императора носило отпечатокъ утомленія; онъ замѣтно былъ похудѣвши противъ того, какимъ мы видѣли его два мѣсяца назадъ, проѣзжавшимъ въ армію. Едва я успѣлъ возвратиться на бивуакъ, какъ увидѣлъ, что къ находящемуся невдалекѣ подвижному лазарету подъѣхалъ верхомъ Великій Князь главнокомандующій. Приказавъ скорѣе сѣдлать коня, я успѣлъ встрѣтить Его Высочество, когда онъ, послѣ осмотра лазарета, подъѣзжалъ къ нашему лагерю.

— Имѣй въ виду, сказалъ Великій князь, что Государь передъ обѣдомъ обыкновенно заѣзжаетъ на бивакъ, поэтому прошу, чтобы вездѣ былъ порядокъ и чистота. Я знаю, какъ въ походѣ это развинчивается. Гдѣ нужно взысканіе, пожалуйста не церемонься, всѣ эти судебныя процедуры въ сторону, теперь не до нихъ.

Не успѣлъ Великій князь доѣхать до лагеря, какъ показалась коляска Государя. Бригада моментально выстроилась впереди палатокъ. Его Величество приказалъ остановиться на лѣвомъ флангѣ, гдѣ были собраны всѣ офицеры.

— Очень радъ васъ видѣть, господа, здоровыми и бодрыми, сказалъ Государь. Надѣюсь, что вы поддержите вѣковую славу вашихъ полковъ.

Громкое „ура!" было отвѣтомъ на милостивый привѣтъ Государя; Онъ объѣхалъ весь лагерь, благодарилъ меня и пол-

*

ковыхъ командировъ за молодцеватый видъ людей и, обращаясь ко мнѣ, прибавилъ: „А ты, вмѣстѣ съ полковыми командирами и начальникомъ штаба, пріѣдешь ко Мнѣ обѣдать".

Черезъ полчаса мы были у квартиры Его Величества, возлѣ того шатра, о которомъ сказано выше. Тутъ же находились всѣ лица Императорской главной квартиры, военная свита, нѣсколько иностранныхъ офицеровъ. Столъ былъ сервированъ по походному, но посуда и стаканы серебряные. Обѣдъ состоялъ изъ четырехъ блюдъ, съ шампанскимъ. Рядомъ съ Государемъ сидѣли: военный министръ Милютинъ и князь Суворовъ, напротивъ — графъ А. В. Адлербергъ, пригласившій меня сѣсть возлѣ: „Вы нашъ гость, садитесь поближе". Во время обѣда Государь былъ веселъ, вспоминалъ многое изъ прежней службы, и когда разговоръ коснулся прежнихъ требованій и стариннаго устава, то припоминалъ команды заряжанія на 12 темповъ. Замѣтивъ, что никто изъ близь сидящихъ не помогаетъ ему, когда онъ пріостанавливался, Его Величество обратился ко мнѣ:

— А что-же ты, старый ротный командиръ Семеновскаго полка, не помогаешь мнѣ?

— Я полагалъ, Ваше Величество, что это сдѣлають лица, сидящія ближе меня.

Взглянувъ направо и налѣво, Государь шутя замѣтилъ, что его сосѣдъ, какъ бывшій артиллеристъ, никогда не зналъ ружейныхъ пріемовъ, а этотъ (указывая на Суворова) если и зналъ, то все перезабылъ. Тутъ же Государь передалъ мнѣ, что наканунѣ имъ получена депеша о внезапной смерти генералъ-адъютанта Паткуля, а отъ военнаго министра я узналъ, что на-дняхъ прибудетъ въ мою дивизію генералъ Дандевиль, назначаемый командиромъ первой бригады, вмѣсто Коноплянскаго, который въ тотъ же день былъ отчисленъ отъ должности въ запасныя войска. Онъ дѣйствительно служить уже не могъ, такъ какъ быстро развивающаяся чахотка дѣлала его совершенно неспособнымъ къ строю. По окончаніи обѣда, генералъ Тучковъ, по порученію графа Адлерберга, передалъ мнѣ, что Государю угодно, чтобы я во все время, покуда буду находиться при Главной квартирѣ, ежедневно пріѣзжалъ бы къ обѣду.

Неизвѣстность о второй бригадѣ, особенно о томъ, въ какомъ положеніи ея довольствіе и есть-ли у полковъ деньги,—сильно меня тревожила. По прибытіи въ Горный-Студень, я отправилъ въ Сельви дивизіоннаго интенданта Исакова, приказавъ ему, обезпечить продовольствіе полковъ; съ нимъ же было послано Давыдову 5 экземпляровъ карты Болгаріи.

Въ Горномъ-Студнѣ мы простояли ровно недѣлю, съ 17 по 24 августа. Въ одно изъ воскресеній тамъ происходилъ церковный парадъ, въ присутствіи Государя, при вновь освященной послѣ разоренія болгарской церкви. Первый разъ въ жизни пришлось мнѣ видѣть церковь, въ которой иконостасомъ служила досчатая перегородка, оклеенная бумагою. Только два мѣстные образа были нарисованы на доскахъ, а всѣ прочіе—бумажные, прибитые гвоздиками. Служеніе совершалъ придворный протоіерей Никольскій; на клиросѣ пѣли 6 придворныхъ пѣвчихъ. Хотя подобная обстановка, въ присутствіи Императора, казалась слишкомъ скромною, но когда я увидѣлъ Его и его брата, вмѣстѣ съ громадною свитою, колѣнопреклоненными во время чтенія молитвы о дарованіи побѣды, то никакая роскошь служенія не показалась бы столь торжественною и полною значенія, какъ видѣнная и прочувствованная въ эти минуты. Въ продолженіи обѣдни разъ 5 подавали Государю телеграммы, которыя онъ, не распечатывая, отдавалъ стоящему позади него главнокомандующему.

Вокругъ Горнаго-Студня, какъ и во всей Болгаріи, огромные поля и луга стояли покрытыми нескошенною, великолѣпною травою. Видя, что никто не думаетъ воспользоваться ею для будущаго, мнѣ приходила мысль: „а чѣмъ-то мы будемъ кормить нашихъ лошадей зимою?“ Уже тогда чувствовалось, что на интендантство, а тѣмъ болѣе на жидовское товарищество, разсчитывать трудно. Я передалъ это опасеніе въ частномъ разговорѣ коменданту Главной квартиры.

— Почему бы, говорилъ я, не воспользоваться теперь пребываніемъ моей бригады и не снять эту траву. Четыре тысячи ничѣмъ не занятыхъ рукъ многое-бы сдѣлали и избавили-бы правительство отъ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ расхода.

— Князь Черкасскій, отвѣчалъ комендантъ, увѣряетъ, что распорядится этимъ черезъ свое гражданское управленіе.

Потомъ мы испытали, что значило это гражданское упр
вленіе!

Въ первую же недѣлю по прибытіи къ арміи, уже пришлос
испытать затрудненія, причиняемыя интендантскими порядкам
Когда половина привезеннаго въ обозѣ восьмидневнаго запа
сухарей уже вышла, то я приказалъ полкамъ обратиться с
требованіемъ къ товариществу; но его агента въ Горномъ-Ст
днѣ не оказалось, а находившійся тамъ интендантъ отвѣтил
что у него для войскъ сухарей нѣтъ, а есть только для ко
воевъ Главныхъ квартиръ. Къ счастью, кто-то изъ офицеров
замѣтилъ, что на дорогѣ, неподалеку отъ бивуака, остановил
интендантскій транспортъ. Я потребовалъ къ себѣ его начал
ника и спрашиваю его:

— Не можете-ли вы выдать бригадѣ сухари, на пополнен
восьмидневнаго запаса?

— Съ удовольствіемъ, отвѣчалъ офицеръ, мнѣ чѣмъ скорѣ
опорожнить транспортъ, тѣмъ лучше.

— Но вы, вѣроятно, получили приказаніе куда везти ег
и для кого именно?

— Точно такъ. Мнѣ приказано доставить его въ Овч
Могилу, что я и сдѣлалъ: но тамъ никого нѣтъ и я наудач
направился сюда.

— Ну такъ это, вѣроятно, для предполагавшагося там
сбора моей дивизіи. Сгружайте транспортъ въ полки.

На другой день является ко мнѣ другой транспортный офи
церъ и объявляетъ, что онъ привезъ сухари тоже для моей ди
визіи. Такъ какъ провіантскія телѣги были уже наканунѣ по
полнены, то полки могли принять изъ этого транспорта су
хари только на три дня текущаго довольствія. Между тѣмъ
офицеръ началъ просить принять и остальное, потому что опо
рожненныя повозки онъ безъ себя назадъ отправить не можетъ
и не знаетъ, куда ему дѣваться съ остальными. Вспомнивъ о
странствующей и, быть можетъ, нуждающейся моей второй
бригадѣ, я наудачу и на свой страхъ, далъ ему предписаніе
направиться въ Сельви. Чтобы узнать, безопасна ли туда до
рога, я поѣхалъ справиться объ этомъ лично въ штабъ арміи.

— Вамъ, вѣроятно, извѣстны, спрашиваю я одного изъ
штабныхъ распорядителей, можно ли проѣхать въ Сельви?

— Можете быть вполнѣ покойны, отвѣчалъ онъ: въ Сельви проѣдете хоть ночью, безъ всякаго конвоя.

— Ну, не говорите, возразилъ другой, присутствовавшій при этомъ дѣятель, тамъ бродятъ баши-бузуки, а можно нарваться и на черкесовъ.

Кому же вѣрить? думалъ я, возвращаясь домой, а все-таки отправилъ транспортъ.

Поздно ночью, на 20 августа, подали мнѣ бумагу полеваго штаба, въ которой сообщалось приказаніе Великаго князя, отправить на слѣдующій день, съ разсвѣтомъ, первый полкъ и первую батарею, съ подвижнымъ лазаретомъ и съ конвойнымъ баталіономъ Его Высочества, къ мосту на Осьмѣ, у селенія Болгарени. Не успѣлъ я сдѣлать должныя распоряженія о выступленіи, какъ оно было отложено сначала на 22, а потомъ на 23 число.

Дабы полки не оставались цѣлые дни совершенно праздными, я приказалъ выводить людей по утрамъ, до наступленія жары, часа на полтора въ поле, для провѣрки прицѣлки и ротныхъ ученій. На ночь же двѣ роты выставляли аванпосты. Государь ежедневно, прогуливаясь верхомъ или въ экипажѣ, почти всякій разъ заѣзжалъ на бивакъ, и не проходило дня, чтобы онъ не подзывалъ меня и не передалъ что-либо, доказывавшее его вниманіе къ полкамъ дивизіи, или лично ко мнѣ.

— Я сейчасъ заѣзжалъ въ госпиталь, говорилъ онъ однажды, и нарочно зашелъ въ юрту, поставленную для твоей сестры, которая завтра должна пріѣхать изъ Тырнова, посмотрѣть, какъ тамъ все для нея приготовлено.

Но особенно памятенъ пріѣздъ Государя вечеромъ 23 августа. Остановясь противъ середины бивака, Его Величество подозвалъ къ коляскѣ всѣхъ офицеровъ. Покуда они сбѣгались, онъ спросилъ меня:

— Слышалъ ты вчера отдаленную канонаду?

Я отвѣтилъ, что мы явственно слышали ее два раза—часовъ въ 7 утра и потомъ въ 4 часа дня.

— Вчера, продолжалъ Государь, когда всѣ собрались, ваша вторая бригада участвовала во взятіи Ловчи. Подробностей я еще не имѣю; но знаю, что полки со славою окрестились огнемъ. Поздравляю васъ, господа, и васъ, ребята, съ побѣдою вашихъ товарищей.

Грянуло „ура!“ и вмѣстѣ съ нимъ послышались возгласы: „И мы не отстанемъ! постараемся, покажемъ себя! только бы пустили впередъ!“ и т. п.

Давъ смолкнуть крикамъ восторга, Государь продолжалъ:

— Я хочу сказать, что вторая бригада *въ эту кампанію* окрестилась огнемъ; въ сущности же она окрещена имъ болѣе ста лѣтъ, равно какъ и ваша. Помните, что полкамъ дѣлавшимъ побѣды съ Суворовымъ, надо беречь и поддерживать свою боевую славу.

— Поддержимъ, Ваше Величество, только прикажите, кричали офицеры, бѣжавшіе возлѣ коляски.

У Государя навернулись слезы, когда онъ, давая рукою знакъ, чтобы они не бѣжали, говорилъ имъ:

— Надѣюсь, надѣюсь и увѣренъ въ васъ.

Въ тотъ же вечеръ первый полкъ, съ первою батареею Вольвачева, перешелъ въ Чуашъ-Махалу, чтобы на слѣдующее утро занять позицію у Болгаренскаго моста черезъ Осьму, въ 18 верстахъ отъ Плевны. Вмѣстѣ съ нимъ выступала также и Главная квартира Великаго князя. По тому же направленію, получивъ приказаніе конвоировать Главную квартиру Государя, тронулся на слѣдующій день и я, со вторымъ полкомъ.

Къ сказанному о пребываніи въ Горномъ-Студнѣ нельзя не добавить слѣдующій характеризующій фактъ. Пользуясь 7-ми-дневною остановкою, я приказалъ полкамъ отправить своихъ казначеевъ назадъ въ Систово, для полученія денегъ. Прошло двое сутокъ, казначеи не возвращаются. Это начинало безпокоить меня. Проходятъ еще сутки—ихъ все нѣтъ. Я уже думалъ, не ограблены ли они, что въ непріятельской странѣ всегда возможно. Наконецъ, на четвертый день они являются съ пустыми руками и разсказываютъ слѣдующее: въ первый же день въ интенданствѣ требованіе отъ нихъ приняли и объявили, чтобы они явились за талонами на слѣдующій день. Приходятъ; чиновникъ заявляетъ, что ихъ требованія еще не провѣрены, и чтобы они зашли часа черезъ три. Ждутъ казначеи 3 часа на крыльцѣ, жарясь на солнцѣ, и когда возвращаются въ присутствіе, то тотъ же чиновникъ говоритъ имъ, что надо еще подождать, потому что журналистъ не успѣлъ внести ихъ бумаги въ журналъ. Ждутъ еще, а затѣмъ имъ

объяснили, что сегодня поздно, и нужно придти завтра утромъ. На утро та же исторія, съ тою разницею, что какой-то необходимый для талоновъ господинъ уѣхалъ на обѣдъ въ Зимницу, а вечеромъ, уже при четвертомъ визитѣ, объявляютъ, что деньги отпущены быть не могутъ, потому что въ требованіяхъ какая-то графа поставлена ниже другой, что противно формѣ, приложенной къ приказу по арміи, вышедшему въ апрѣлѣ мѣсяцѣ. Какъ бѣдные казначеи ни упрашивали, какъ ни доказывали, что у полковъ нѣтъ рубля въ звонкой монетѣ, что во время объявленія названнаго приказа мы были еще въ Россіи,—все напрасно.

По поводу этого случая, послѣ одного изъ обѣдовъ у Государя, я обратился къ лицу, отъ котораго много зависѣло, съ просьбою помочь намъ, и разсказалъ случившееся съ казначеями въ Систовѣ, но получилъ такой отвѣтъ:

— Охъ, ужь это мнѣ чиновничество! вотъ оно гдѣ у меня сидитъ (послѣдовало указаніе рукою на затылокъ).

Вся помощь этимъ и кончилась. А что, еслибы эта особа, подумалось мнѣ, за подобную продѣлку послала въ Систово, не говорю адъютанта, а просто фельдъегеря съ запиской, что если что-либо подобное повторится, такъ всѣ эти журналисты и формалисты полетятъ съ мѣстъ, то навѣрно описанный случай былъ бы послѣднимъ. Къ сожалѣнію, такіе и подобные имъ случаи происходили частенько.

24-го августа мы пришли въ Чуашъ-Махалу около полудня. Мѣсто для бивака я выбралъ за возвышеніемъ, обращеннымъ къ Осьмѣ, по берегу которой пріютилась деревенька съ своими садами. Въ то время, когда полкъ и батарея вступали по жалонерамъ въ свои мѣста, на спускѣ съ горы показалась коляска, окруженная коннымъ конвоемъ и въ ней Государь съ Великимъ княземъ. Увидя меня, Его Величество приказалъ остановиться; я подскакалъ къ экипажу.

— Представь, какое грустное извѣстіе я передамъ тебѣ, сказалъ мнѣ Государь. Твой Кусовъ убитъ подъ Ловчею. Давно ли онъ завтракалъ у меня и я вспоминалъ съ нимъ о старыхъ финляндцахъ. Душевно жаль, отличный былъ офицеръ.

Извѣстіе о потерѣ лучшаго полковаго командира дивизіи поразило насъ всѣхъ. Во время обѣда и нѣсколько разъ по-

томъ, Государь высказывалъ сожалѣніе о смерти Кусова, но при какихъ обстоятельствахъ и въ какой моментъ боя убитъ этотъ достойнѣйшій человѣкъ, мы въ то время еще не знали.

Главная квартира главнокомандующаго, не останавливаясь въ Чуашъ-Махалѣ, прошла прямо за Осьму, къ Парадиму. Какъ это, такъ и носившаяся молва указывали, что предпринимается что-то серьезное противъ Плевны. Говорили, что къ ней сосредоточивается вся румынская армія, и что князь Карлъ Румынскій назначается командующимъ всѣми войсками Западнаго отряда. Положительнаго же мы ничего не знали; приходилось вывѣдать кое-что отъ лицъ свиты, а всего чаще отъ корреспондентовъ или отъ иностранныхъ офицеровъ, состоявшихъ при полевомъ штабѣ. По неопытности мы тогда еще не подозрѣвали, что слѣдовало обращаться къ евреямъ, агентамъ товарищества.

Оставшись старшимъ изъ войсковыхъ начальниковъ при Главной квартирѣ Государя, я получилъ увѣдомленіе отъ ея коменданта Рылѣева, что охраненіе мѣста стоянки Императора возлагается на штабъ моей дивизіи. Дабы не повторилось то, что было въ Горномъ Студнѣ, мною были немедленно сдѣланы распоряженія о высылкѣ разъѣздовъ и выставкѣ аванпостовъ.

На слѣдующій день, идя къ завтраку Государя, я встрѣтилъ офицера Преображенскаго полка, который просилъ меня указать ему, гдѣ квартира Его Величества.

— Идемте, мнѣ туда же, отвѣтилъ я.

Во время пути я узналъ, что онъ присланъ изъ Ловчи съ донесеніемъ къ Государю, и что, принадлежа къ составу конвойнаго гвардейскаго взвода, участвовалъ въ дѣлѣ. Полученное донесеніе Государь читалъ вслухъ, сидя на завалинкѣ болгарскаго домика, возлѣ котораго была разбита его палатка. Всѣ надѣялись услышать донесеніе бравшаго Ловчу князя Имеретинскаго; но оказалось, что это была записка генерала Добровольскаго, къ бригадѣ котораго былъ приданъ гвардейскій взводъ. Въ запискѣ не говорилось ни о комъ и ни о чемъ, кромѣ стрѣлковъ и горсти гвардейцевъ.

За завтракомъ много толковали о томъ, почему Добровольскій, помимо начальника отряда, писалъ прямо Государю, тогда

какъ подчиненная ему бригада составляла всего пятую часть войскъ, бравшихъ Ловчу.

2-я моя бригада принимала участіе во взятіи Ловчи только однимъ Псковскимъ полкомъ и то въ концѣ боя. До полудня она находилась въ резервѣ, затѣмъ полку было приказано спуститься ниже крытаго моста къ Осьмѣ, перейти ее въ бродъ, и, обойдя городъ съ западной стороны, выйти къ тутовой рощѣ, чтобы атаковать редутъ съ западнаго фаса. Въ головѣ полка шелъ первый батальонъ подполковника Кобордо. Кусовъ приказалъ ему, выйдя изъ предмѣстья, перестроиться по-ротно и, разсыпавъ стрѣлковъ, идти на редутъ, самъ же остался у рощи, чтобы выждать подходившіе отъ рѣки баталіоны. Роты Кобордо вступили въ огонь въ то время, когда съ другой стороны редутъ уже брали полки второй дивизіи, а турки начинали отступленіе. Не смотря на это, псковцы до того рвались впередъ, что въ 2—3 минуты потеряли нѣсколькихъ убитыми и 37 человѣкъ ранеными. Устроивъ батальоны, Кусовъ выѣхалъ изъ опушки рощи и, не видя за небольшою возвышенностью Кобордо, усумнился—вѣрно ли имъ взято направленіе. Подозвавъ адъютанта, онъ велѣлъ ему ѣхать къ первому батальону и подтвердить, чтобы онъ шелъ на редутъ. Самъ же приказалъ бывшему при немъ штабъ-горнисту держать его лошадь, и уже вынулъ ногу изъ стремени, чтобы слѣзть съ коня, какъ одна изъ пяти послѣднихъ пуль, выпущенныхъ въ этотъ день турками, ударила его въ голову надъ правой бровью и, съ частицею мозга, вышла наружу. Горнистъ не далъ своему полковнику упасть, подхватилъ его и тихо опустилъ на землю. Казалось, что смерть должна бы была послѣдовать моментально, а между тѣмъ послѣдняя искра жизни угасла только къ 5 часамъ слѣдующаго утра.

Смерть Кусова еще разъ доказала, какъ часто на войнѣ многіе предчувствуютъ свою кончину. Такъ, по разсказамъ офицеровъ, было и съ Кусовымъ. Со времени перехода границы, онъ былъ неузнаваемъ. Всегда энергичный, онъ вдругъ сдѣлался ко всему равнодушенъ, избѣгалъ разговоровъ и искалъ уединенія. Въ день боя, часа въ три утра, онъ потребовалъ къ себѣ завѣдующаго хозяйствомъ Маркова.

— Я чувствую, сказалъ ему Кусовъ, что буду убитъ сегодня. Въ казенномъ ящикѣ есть собственныя мои деньги въ

особомъ конвертѣ, — перешлите ихъ и коляску моему брату. Верховую лошадь я дарю вамъ.

Мало этого, онъ самъ назначилъ денежныя награды каждому изъ служившихъ при немъ деньщиковъ и вѣстовыхъ.

Узнавъ потомъ всѣ подробности взятія Ловчи и наслушавшись разсказовъ участниковъ дѣла, я никакъ не могъ понять: какимъ образомъ турки могли, мало того что уйти изъ редута, но увезти съ собою орудія. Ловчу обороняло, по самому широкому счету, 6,000 турокъ съ 4-мя орудіями, а атаковало ее по меньшей мѣрѣ 25,000, съ 92 орудіями, и, не смотря на всю возможность окружить непріятеля, ему дозволили драться съ 4 часовъ утра до 6 часовъ вечера, потомъ уйти и увезти несчастныя 4 пушки, причемъ мы потеряли около 2,000 человѣкъ, выбывшими изъ строя.

Изъ дальнѣйшаго разсказа читатели узнають, что мнѣ довелось потомъ укрѣплять Ловчу. Живя въ ней 3 мѣсяца, я узналъ каждый кустъ, каждую скалу, каждую ложбину ея окрестностей, потому-то мнѣ и казалось непостижимымъ, почему дали уйти разбитымъ туркамъ. Понятно, что они выстроили за городомъ сильный редутъ для того, чтобы сдѣлать его ключемъ позиціи. Защищать Ловчу и держаться въ ней они не могли, такъ какъ командовавшая ею съ южной стороны громадная высота давала возможность разгромить городъ. Въ виду этого, они и заняли горы въ сторонѣ отъ шоссе изъ Сельви, прикрывавшія редутъ и рѣку внѣ городской черты. Атака была ведена именно съ той стороны, откуда желалъ непріятель. При иныхъ распоряженіяхъ можно было избѣгнуть и половины потерь, понесенныхъ стрѣлковою бригадою и полками второй дивизіи, сбивавшими турокъ съ занятыхъ ими высотъ. Стоило только находившіяся въ резервѣ части направить въ обходъ, на путь отступленія турокъ къ западу, то-есть на дорогу въ Микре, и они должны бы были оставить высоты безъ боя и отойти въ редутъ, что они и сдѣлали потомъ, но уже успѣвъ нанести сильныя потери атакующимъ. Обходъ редута съ запада былъ вполнѣ возможенъ. Для этого стоило обогнуть незанятый городъ по тому же пути, по которому былъ пущенъ, передъ концомъ дѣла, Псковскій полкъ, и пройти ложбинами версты двѣ внѣ выстрѣловъ, чего турки не могли бы видѣть ни изъ редута, ни съ занятыхъ ими высотъ, такъ какъ радъ

калъ совершенно прикрылъ бы это движеніе. Если бы вышедшая на Микревскую дорогу часть пошла на редутъ одновременно съ атакою его отъ рѣки, то онъ, или былъ бы взятъ вдвое скорѣе и съ меньшими потерями, или совмѣстная атака заставила бы турокъ броситься на плевенское шоссе, то-есть на равнину, гдѣ они и могли быть легко разбиты.

Впослѣдствіи мнѣ привелось слышать, что обходное движеніе не было предпринято потому, что начальнику отряда не кому было поручить его, такъ какъ генералъ Скобелевъ былъ занятъ на правомъ флангѣ, а генералъ Разгильдѣевъ раненъ въ началѣ дѣла. Нерѣшимость дать отдѣльное порученіе, незнакомому командиру полка, служитъ новымъ доказательствомъ, какъ надо избѣгать назначеній въ войскахъ незнакомыхъ съ ними начальниковъ. Зная всѣхъ чиновъ бригады, я могъ-бы поручиться, что не только тотъ-же Кусовъ, но и многіе изъ баталіонныхъ командировъ могли-бы отлично исполнить подобное порученіе. Какъ извѣстно, турки на другой день пытались снова овладѣть Ловчей, и мнѣ довелось слышать объ этомъ отъ очевидцевъ слѣдующее:

Рано утромъ, 23-го августа, на сѣверныхъ высотахъ Ловчи появились свѣжія силы, высланныя Османъ-пашою изъ Плевны. Выдвинутая ими батарея открыла огонь по занятому редуту, но артиллерійскою перестрѣлкою, продолжавшеюся не болѣе получаса, дѣло и кончилось. Турки безнаказанно возвратились въ Плевну.

Вотъ что мнѣ разсказывалъ еще объ этомъ движеніи командиръ 9-го казачьяго полка, полковникъ Нагибинъ. Высланная Османомъ колона шла не по шоссе, но напрямикъ, между нашею кавалерійскою дивизіею генерала Лошкарева и казачьими сотнями Нагибина, посты которыхъ ясно видѣли движеніе турецкаго отряда на Ловчу; видѣли даже, гдѣ онъ ночевалъ. Одна изъ нашихъ конныхъ батарей выѣзжала со стороны Вида на возвышеніе, сдѣлала 4 выстрѣла и скрылась. Изъ этого ясно, что движеніе непріятеля было извѣстно, но ни справа, ни слѣва не было ничего сдѣлано для атаки турокъ во флангъ. На мой вопросъ Нагибину, почему-же онъ ничего не предпринялъ, полковникъ вполнѣ основательно отвѣтилъ:

— Что-же я могъ сдѣлать съ двумя бывшими при мнѣ сотнями, противъ нѣсколькихъ баталіоновъ съ артиллеріею.

Изъ происходившаго, во время завтрака, разговора Государя съ профессоромъ Боткинымъ, я узналъ, что Его Величество намѣренъ въ 2 часа ѣхать къ расположеннымъ у Болгарени госпиталямъ. Такъ какъ тамъ-же находился мой подвижной лазаретъ и 9-й Староингерманландскій полкъ, то я поспѣшилъ на его бивакъ, велѣлъ скорѣе заложить дрожки и поѣхалъ впередъ. Покуда закладывали, мнѣ подали записку изъ полеваго штаба, за подписью генерала Непокойчицкаго, въ которой значилось, что главнокомандующій приказалъ: передвинуть 9-й полкъ отъ Болгарени къ Парамиду и занять тамъ укрѣпленную позицію, а для охраненія моста у Болгарени поставить тамъ баталіонъ 10-го Новоингерманладскаго полка. Приказавъ исполнить это, я поспѣшилъ застать 9-й полкъ еще до выступленія. Версты за двѣ до моста начинался громадный лугъ, почти всплошную обставленный обозами находившихся подъ Плевною полковъ, сложенными въ кучи ранцами, парками, всякаго рода транспортами. На берегу возлѣ моста, между ивнякомъ, раскинулся нашъ подвижной лазеретъ.

Я уже засталъ въ немъ С. П. Боткина, осматривающимъ больныхъ, которыхъ впрочемъ было не много, исключительно лихорадочныхъ. Его сопровождалъ молодой врачъ, пользовавшій этихъ больныхъ и дивизіонный мой докторъ Кунаховичъ. Въ происходившихъ между Боткинымъ и молодымъ врачемъ объясненіяхъ, ясно выразилось то жалкое направленіе, которое существовало у выходившихъ въ 60-хъ годахъ изъ медицинской академіи студентовъ. На замѣчаніе лейбъ-медика и бывшаго своего профессора, только что начинавшій службу и практику юноша, отвѣчалъ тономъ оппонента, не признающаго никакого авторитета. Безпрестанно вставляя фразы: „это ваше мнѣніе, а я думаю иначе“,—„вамъ такъ кажется, а мнѣ напротивъ“ и т. д.; баталіонный лекарь произносилъ ихъ такимъ тономъ и стоялъ въ такой позѣ, какъ будто онъ говорилъ съ равнымъ. Кунаховичъ съ удивленіемъ посматривалъ на меня, пожимая плечами, а мнѣ приходило на мысль: „кто-же виноватъ въ подобномъ направленіи, какъ не сами профессора: что сѣяли, то и жнутъ“; но все-таки, проводя Сергѣя Петровича, я велѣлъ арестовать его бывшаго студента, на 3 дня, за неприличный тонъ и неумѣніе держать себя, говоря съ начальствомъ.

Между тѣмъ Староингерманландскій полкъ и находившаяся ͺри немъ первая батарея строились для выступленія къ Па- ͺалиму. Государь вмѣстѣ съ военнымъ министромъ подъѣхалъ ͺъ полку, когда головной баталіонъ уже трогался. Полкъ и ͺатарея, съ музыкой и пѣснями, проходили мимо Его Вели- ͺества.

— Какой молодецкій и развитой взглядъ людей,—сказалъ ͺмператоръ министру, а потомъ, обратясь ко мнѣ, прибавилъ:

— А ты точно курица высѣдившая утятъ, видишь какъ ͺни уплываютъ и долженъ оставаться на берегу.

При проходѣ батареи Государь обратилъ вниманіе на ея ͺытыхъ коней и отличное снаряженіе.

— Какими оказались въ походѣ,—спросилъ онъ коман- ͺующаго батареею,—новые четырехъ колесные ящики?

— Я, Ваше Величество,—отвѣчалъ капитанъ Вольвачевъ, ͺхъ хорошо изучилъ, производя пробныя съ ними передвиженія, ͺ долженъ сказать, что прежніе были плохи, а эти еще хуже.

— Ну да, что вамъ ни сдѣлай новое, вы всегда находите ͺеудобнымъ, — было отвѣтомъ Государя на смѣлый отзывъ ͺольвачева.

Пропустивъ орудія, Государь подозвалъ къ себѣ полковаго ͺомандира, графа Татищева, поблагодарилъ, поцѣловалъ его ͺ, перекрестивъ, сказалъ: „Ну, Христосъ съ тобой, ступай съ ͺогомъ". Я тоже простился съ графомъ, причемъ, когда онъ ͺроговорилъ что-то вродѣ: „Не забудьте семью",—я невольно ͺспомнилъ свое послѣднее прощанье съ Кусовымъ въ Луцкѣ.

Побывавъ въ шатрахъ подвижныхъ госпиталей, Государь ͺоѣхалъ назадъ, я же издали слѣдовалъ за свитой. На поло- ͺинѣ дороги къ Чуашъ-Махале, Его Величество и вся свита ͺересѣли на верховыхъ лошадей, выведенныхъ навстрѣчу. Во ͺремя дальнѣйшаго пути произошелъ довольно курьезный эпи- ͺодъ. Передъ пригоркомъ, за который круто загибала дорога, ͺстрѣчается солдатъ Новоингерманландскаго полка, верхомъ ͺ съ нимъ болгаринъ на ослѣ. Оба соскочили и остановились.

— Куда ты? спрашиваетъ Государь солдата.

— Съ проводникомъ, Ваше Величество, отвѣчаетъ онъ.

— Я вижу, что съ проводникомъ, но куда?

— Съ проводникомъ, Ваше Величество, повторяетъ сол- ͺатъ.

— Понимаю, возвышая голосъ, въ третій разъ спрашиваетъ Государь, но куда и зачѣмъ?

Совершенно растерявшійся солдатъ повторяетъ то же самое.

— Узнать, что это за дуралей, обратился Его Величество къ свитѣ и продолжалъ путь.

Я подъѣхалъ въ то время, когда многіе изъ свиты разспрашивали оторопѣвшаго и испугавшагося солдата. Поднявшись на пригорокъ, Государь увидѣлъ баталіонъ Новоингерманландскаго полка, стройно шедшій на смѣну Татищева у моста. Баталіонный командиръ объяснилъ Его Величеству, что встрѣченный былъ его конный вѣстовой, приставленный къ взятому изъ деревни проводнику для того, чтобы тотъ не убѣжалъ съ дороги. Передъ обѣдомъ въ Главной квартирѣ, военный министръ передалъ мнѣ подробности описанной сцены, прибавивъ, что Государь обратилъ вниманіе на щегольскій видъ и молодецкій шагъ баталіона. Дѣйствительно, полки дивизіи, только что перешедшіе Дунай, должны были казаться щеголями, сравнительно съ прочими войсками арміи, успѣвшими уже сильно обноситься.

26-го августа, въ 6 часовъ утра, Государь со свитою, окруженный своимъ кавалерійскимъ конвоемъ, проѣхалъ мимо бивака по дорогѣ къ Плевнѣ, а черезъ часъ мы уже услышали пушечную канонаду. Это было началомъ 4-хъ-дневнаго бомбардированія. Обозъ Главной квартиры оставался еще въ Чуашъ-Махале, а при немъ и я съ 2 баталіонами 10-го полка. Въ полдень, по случаю дня коронаціи, въ столовомъ шатрѣ происходило молебствіе и потомъ обѣдъ, подъ предсѣдательствомъ князя Суворова. Во время обѣда ему подали депешу, чтобы Главная квартира на утро перешла въ Раденицы, а я получилъ записку съ слѣдующими приказаніями главнокомандующаго: 1) 10-й Ново-ингерманландскій полкъ съ двумя батареями отправить въ Бѣлу, къ отряду Государя-Цесаревича. 2) Дивизіонному штабу и подвижному лазарету присоединиться къ 9-му Староингерманландскому полку на позиціи у Парадима. Чѣмъ было вызвано отдѣленіе полка отъ дивизіи въ запискѣ не объяснялось; въ Главной же квартирѣ наканунѣ ходила молва, будто турки тѣснятъ лѣвый флангъ арміи и Рущукскій отрядъ нуждается въ помощи. Но спрашивается, какую пользу сорокатысячному отряду могъ принести одинъ

къ? Столь малая часть можетъ быть полезна во время са-
о боя, если надо усилить извѣстный флангъ или пунктъ;
если полкъ приходитъ черезъ 4 дня послѣ дѣла, то чему
поможетъ? Между тѣмъ черезъ это составъ дивизіи совер-
нно разстроивался и de facto ея не существовало для арміи:
вый полкъ находился у Парадима, второй отправили въ
цукскій отрядъ, третій и четвертый были въ Ловчѣ, а отъ
го сдѣлалось цѣлою дивизіею меньше подъ Плевной.
По полученіи вышеприведенной записки, моя роль охрани-
главной квартиры Государя кончалась. Да и не съ кѣмъ
о бы охранять ее; но помощникъ коменданта, Тучковъ, про-
ъ меня не выступать, покуда онъ не выпроводитъ изъ де-
ни всего придворнаго и свитскаго обоза, причемъ мы усло-
ись, что онъ выступитъ въ 6, а я въ 8 часовъ утра. Вмѣ-
этого пришлось ждать до десяти. Громаднымъ фургонамъ
аретамъ шестериками, тотчасъ за бивакомъ, предстояло
скаться по узкой дорогѣ съ крутаго ската, а затѣмъ при
оротѣ въѣзжать на узкій мостъ. Ранѣе спуска экипажи то
ѣдали по переулкамъ деревни въ пескѣ, то налетали другъ
друга. Лошади не сдерживали и мчались подъ гору; у нѣ-
рыхъ повозокъ не оказалось тормаза, у другихъ ямщики,
русскому „авось", не хотѣли тормозить, полагаясь на свою
у. Порядка и повиновенія со стороны кучеровъ и прислуги
было никакого. Все это ужасно сердило меня и, наконецъ,
тѣніе мое истощилось. Я приказалъ своимъ слѣдовать не-
исимо отъ обоза Главной квартиры. Вплоть до Болгарени
экипажи обгоняли насъ, перегоняли другъ друга, то оста-
ливались, то снова неслись въ карьеръ. Видя этотъ безпо-
окъ, мнѣ вновь пришло на мысль, „а что если бы въ это
мя человѣкъ 30 черкесовъ гикнули бы изъ засады,—чтобы
лось тогда отъ обоза свиты?"
Въ 3 часа дня, въ самый разгаръ зноя, мы присоединились
Староингерманландскому полку на Парадимской позиціи.
сь я узналъ отъ графа Татищева, что его полкъ назначенъ
езервъ 9-го корпуса, находившагося подъ Плевной. Вслѣд-
е этого, мною немедленно былъ отправленъ офицеръ съ до-
ніями къ корпусному командиру, барону Криднеру и къ
льнику штаба Западнаго отряда, въ составъ котораго мы

вошли, о прибытіи штаба дивизіи и перваго полка къ Парадиму и вмѣстѣ сообщено, гдѣ находятся прочія части дивизіи.

Занятая нами позиція была та самая, отъ которой генералъ Зотовъ 18 августа отбилъ наступленіе Османа, вышедшаго съ 25,000 изъ плевненскихъ укрѣпленій. Возлѣ нашего бивака находилась большая часть батарей и ложементовъ, построенныхъ четвертымъ корпусомъ. Я со вниманіемъ осмотрѣлъ ихъ, и долженъ замѣтить, что наши фортификаціонныя работы представляются чѣмъ-то до крайности мелкимъ, сравнительно съ тѣми турецкими, которыя мнѣ пришлось видѣть впослѣдствіи. Профили тонкіе, съ узкими рвами, стрѣлковые ровики кажутся какими-то канавками, батареи безъ траверсовъ и все безъ всякой отдѣлки. У турокъ же чистота отдѣлки и сила профилей поразительны, въ чемъ я вполнѣ убѣдился при осмотрѣ Плевненскихъ и Адріанопольскихъ укрѣпленій. Могутъ сказать, что Адріанополь укрѣплялся цѣлый годъ, но Плевна, гдѣ 8-го іюля не было ни одной батареи, 18-го іюля имѣла громадные редуты, а черезъ мѣсяцъ—десятки ихъ, съ траншейными сообщеніями и прикрытыми путями. Наши же укрѣпленія у Парадима, гдѣ войска стояли три недѣли, имѣли видъ сдѣланныхъ въ одну ночь. Конечно, это не только не уменьшаетъ, а напротивъ—увеличиваетъ честь ихъ обороны: но я привожу только факты, отнюдь не становлюсь на сторону тѣхъ, которые воображаютъ, что вся суть военнаго дѣла заключается въ умѣніи строить укрѣпленія и что побѣды даются редутами. Здѣсь кстати замѣтимъ, что подобныя убѣжденія стали проводить наши профессора, сряду послѣ кампаніи, и ввели самоокапываніе въ такую моду, что войска занимались имъ до увлеченія. Къ счастью, какъ все модное, и это продолжалось недолго. Не прошло и 10 лѣтъ, какъ тѣ же господа проповѣдуютъ, что самоокапываніе уничтожаетъ предпріимчивость, удальство и самоувѣренность и потому вредно.

Бомбардированіе Плевны продолжалось, а 28 августа было особенно сильно. Желая взглянуть поближе на дѣйствіе батарей, я, вмѣстѣ съ начальникомъ штаба и двумя адъютантами, поѣхалъ къ Гривицѣ. По пути вправо и влѣво отъ дороги расположились болгарскія семьи, бѣжавшія изъ Плевны. Подобно нашимъ цыганамъ, они лежали и бродили возлѣ своихъ повозокъ и выпряженныхъ воловъ. Стоило взглянуть на ихъ

а, чтобы убѣдиться въ ихъ безвыходномъ положеніи. Когда поднялись на возвышеніе за Гривицею, то увидѣли бѣлые бы дыма, сначала быстро поднимающіеся въ высоту, поъ медленно расплывавшіеся въ воздухѣ. Спустясь въ лону, чаще и чаще стали встрѣчаться фуры съ красными стами, пустые зарядные ящики, ѣхавшіе въ тылъ за снаами, артельныя повозки съ котлами и мясомъ. До румынхъ батарей надо было уже пробираться безъ дорогъ, по тамъ, на лежавшую вправо возвышенность. Оттуда были ны всѣ наши батареи до Кнышина, кольцомъ обложившія нятыя турками позиціи. Противъ ихъ лѣваго фланга и Грикаго редута дѣйствовали румынскія батареи, превосходно ѣлявшія шрапнелью, изъ которыхъ каждая рвалась надъ тверомъ.

Всю ночь на 29-е число, не смотря на шестиверстное разяніе отъ боевой нашей линіи, мы бодрствовали, ежеминутно дая приказанія двинуться, такъ какъ съ лѣваго фланга долась сильная канонада и неумолкаемый ружейный огонь. утро я могъ только узнать, что это было въ отрядѣ Скобеа и что его войска понесли громадныя потери. Почему бы, алось, не сообщать о происходящемъ на одной позиціи въ гія?—это избавило бы отъ несправедливыхъ слуховъ и отъ увеличенія потерь. То и другое всегда непріятно дѣйуетъ на самоувѣренность и бодрость духа и производитъ войскахъ невольное уныніе. Такъ было и съ нами, когда ѣхавшіе изъ Парадима разсказывали, что видѣли, какъ туда несли знамена всѣхъ полковъ второй дивизіи, причемъ бавляли, будто въ ней осталось только четыре батальона, се остальное легло.

Въ тотъ же день я, наконецъ, получилъ прямыя свѣдѣнія второй бригады, и могъ узнать, что ея обозъ приближается Парадиму. Съ обозами прибыли: завѣдующіе хозяйствомъ, ртермейстеры и казначеи обоихъ полковъ. Они-то и сооблли тѣ подробности Ловчинскаго боя, которыя приведены пе. Прибытіе обозовъ въ Парадимъ, тогда какъ полки остаь въ Ловчѣ, меня крайне удивило; но оказалось, что они шли прямо изъ Сельви. Въ тотъ же день получено было вое донесеніе и отъ командира бригады Давыдова. Изъ него узналъ: 1) что батальонъ четвертаго полка оставленъ въ

Сельви, а въ Ловчѣ находятся 5 батальоновъ и батарея 9-й артиллерійской бригады, всѣ же батареи моей дивизіи взяты со второю къ Плевнѣ; 2) что полки издержали всѣ сухари и довольствуются хлѣбомъ изъ остатковъ турецкихъ запасовъ, получая вмѣсто трехъ фунтовъ—полтора, и 3) что бригада не можетъ вести никакой отчетности и переписи, потому что канцеляріи полковъ при обозахъ. Вина въ послѣднемъ, конечно, болѣе всего падаетъ на самого Давыдова, потому что, зная объ оставленіи обоза въ Сельви, ему никто не мѣшалъ послать туда офицера, съ приказаніемъ обозу бригады идти не къ Парадиму, а къ своимъ частямъ. Вотъ еще доказательство, что значитъ разбрасывать полки дивизіи и давать части чужимъ начальникамъ, которые, конечно, больше заботятся о своихъ, чѣмъ о постороннихъ. Чтобы сколько-нибудь поправить дѣло, я приказалъ дивизіонному интенданту немедленно отправляться въ Ловчу, для принятія мѣръ къ устройству довольствія, а завѣдующимъ хозяйствомъ съ обозами направиться туда же, къ своимъ полкамъ.

Около пяти часовъ дня, 29-го августа, прискакалъ на бивакъ офицеръ генеральнаго штаба. Это былъ тотъ же самый, котораго мы никакъ не могли дождаться въ Зимницѣ. Онъ привезъ приказаніе главнокомандующаго: Староингерманландскому полку, съ первою батареею, двинуться немедленно къ Гривицѣ и стать въ лощинѣ, возлѣ бивака Кіевскаго гусарскаго полка. Хотя о штабѣ дивизіи и о подвижномъ лазаретѣ не было сказано ни слова, тѣмъ не менѣе я счелъ долгомъ, вмѣстѣ со всѣми чинами штаба, слѣдовать за полкомъ. Черезъ полчаса полкъ тронулся и передъ закатомъ солнца втянулся въ высокій и густой кустарникъ. Въ сумерки нашла темная туча, разразившаяся сильною грозою съ ливнемъ, и наступилъ такой мракъ, что въ двухъ шагахъ невозможно было ничего видѣть. Орудія, патронные ящики, лазаретныя фуры,—все это столпилось въ кучу, батальоны и роты перемѣшались. Боясь, чтобы полкъ не зашелъ въ тылъ румынской позиціи, или, что было бы еще хуже, взявъ правѣе, не очутился бы передъ лѣвыми турецкимъ батареями, я приказалъ остановиться. Посланный къ Татищеву, ѣхавшему въ головѣ колоны, адъютантъ, возвратясь доложилъ мнѣ, что нашъ вожатый Арбузовъ, усумнившись въ вѣрности пути, уѣхалъ отыскивать дорогу. До

тѣхъ поръ мы его и видѣли; онъ снова исчезъ и болѣе не возвращался. По невозможности идти далѣе, я приказалъ составить ружья и оставаться тамъ, гдѣ стояли. Всю ночь мы провели подъ дождемъ, до того сильнымъ, что невозможно было ни развести костровъ, ни прилечь въ залитыхъ водою кустахъ.

По расторопности моего деньщика Трофима, я лично провелъ эту ночь относительно спокойно. Коляска моя оказалась за колоною и я расположился въ ней. Не зная о моемъ близкомъ присутствіи, солдатики толковали между собою безъ стѣсненія, и тутъ я еще болѣе, чѣмъ на мирныхъ маневрахъ, убѣдился, что русскій человѣкъ рѣдко унываетъ, и что чѣмъ хуже погода и чѣмъ труднѣе обстоятельства, тѣмъ солдатъ веселѣе и словоохотливѣе. Прибаутки и шуточки слышались возлѣ самой коляски до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ адъютантовъ, подойдя къ ней, не сказалъ мнѣ:

— Не хотите ли, ваше превосходительство, выпить стаканъ чаю

— Какъ это вы ухитрились добыть его? спросилъ я.

— Да это вашъ же Трофимъ догадался втиснуть кое-что въ задній ящикъ фургона, а заварили въ солдатскомъ котелкѣ.

Кромѣ чая и сахара, у Трофима оказалась бутылка вина и оставшіеся отъ обѣда пирожки.

Наступившее утро не помогло намъ узнать гдѣ мы находимся; туманъ былъ до того густъ, что видимый горизонтъ, покрытый бѣловато-сѣрою пеленою, ограничивался тридцатью шагами. Посланные впередъ и въ стороны офицеры, разузнать дорогу, возвращались, говоря, что колеи и разъѣзды между кустами безпрестанно пересѣкаются въ разныхъ направленіяхъ, и потому оріентироваться невозможно.

Часовъ въ 6 началась канонада; я рѣшилъ идти на выстрѣлы, но въ то время, когда баталіоны становились въ ружье, явился новый офицеръ генеральнаго штаба Эссенъ, съ запискою къ Татищеву: перевести полкъ къ первой осадной батареѣ. Чтобы не попасть подъ выстрѣлы, пришлось идти лощинами безъ дорогъ, по засѣяннымъ скатамъ, что сильно замедляло движеніе. Къ 12-ти часамъ мы подошли къ осадной батареѣ. 8 громадныхъ орудій стояло за бруствером на прочныхъ платформахъ. Первымъ дѣломъ было взять бинокль для осмотра впереди лежавшей мѣстности и тѣхъ грозныхъ укрѣпленій Плевны, о которыхъ такъ много говорили. Верстахъ въ двухъ вправо

виднѣлась деревня Гривица, а за нею едва замѣтною желтою линіею, обрисовывалась правильная насыпь редута. Въ верстѣ отъ него, въ сторонѣ города, можно было замѣтить нѣсколько укрѣпленій, мѣстами сливавшихся въ одно, мѣстами разъединенныхъ. Это былъ укрѣпленный лагерь турокъ, изъ котораго они высылали поддержки въ различные пункты своей оборонительной линіи.

Имѣя при дивизіонномъ штабѣ одинъ полкъ и то обреченный находиться въ резервѣ, я предоставилъ распоряжаться имъ полковому командиру, самъ-же остался возлѣ, простымъ зрителемъ боя. Но, желая узнать, какія сдѣланы для него распоряженія, просилъ Татищева показать мнѣ диспозицію. Къ крайнему удивленію, ни у него, ни у командира осадной батареи таковой не оказалось. Послѣдній могъ только сказать мнѣ, что ему приказано производить усиленную стрѣльбу до 11 часовъ, затѣмъ прекратить ее до часа, потомъ начать снова, и что въ 3 часа, по слухамъ, предполагается общая атака. Проѣзжавшіе мимо съ приказаніями флигель-адъютанты и ординарцы отвѣчали одно, что имъ ничего не извѣстно. Приходилось поневолѣ подумать: „бой съ секретами для участниковъ,— это что-то новое въ военномъ дѣлѣ“.

Въ 3 часа канонада загремѣла по всей линіи и вслѣдъ затѣмъ выказались изъ-за прикрытій наши стрѣлковыя цѣпи. Съ бруствера осадной батареи было отлично видно наступленіе румынъ на Гривицкій редутъ и нашей 5-й дивизіи по лощинѣ. Сильнѣйшая ружейная стрѣльба кипѣла съ обѣихъ сторонъ. Несмотря на четвертый часъ дня, нашедшія облака обратили день въ сумерки, черезъ что вся оборонительная линія турокъ обозначалась какъ огненная линейка. Вскорѣ долина покрылась пороховымъ дымомъ, который вмѣстѣ съ туманомъ застлалъ все бѣлою пеленою. Было только видно, что румыны, встрѣченные сильнымъ огнемъ, подавались очень медленно. Въ помощь ихъ лѣвому флангу была послана бригада пятой дивизіи, а первому баталіону Староингерманландскаго полка, съ 1-ю батареею, приказано перейти къ Гривицѣ. Вольвачевъ лихо вынесся на позицію противъ турецкой батареи, находившейся на загибѣ шоссе къ городу. Отославъ передки и ящики за ближайшую складку мѣстности, онъ отстрѣливался до самой ночи, а къ утру, одними своими людьми, окопался настоль-

о, что въ теченіи 4-хъ дней, при постоянной канонадѣ, имѣлъ
амую ничтожную потерю. Отъ 1-го баталіона была въ дѣлѣ
олько 1-я стрѣлковая рота; прочія оставались подъ выстрѣ-
ами, въ резервѣ, и имѣли одного убитымъ и 9 человѣкъ ра-
еными. Наступившая темнота прекратила бой. Я съ штабомъ
озвратился на бивакъ у Парадима и только утромъ узналъ,
то Гривицкій редутъ взятъ, а на всѣхъ прочихъ позиціяхъ
аши отбиты. Редутъ этотъ былъ занятъ нашими совмѣстно
ь румынами. Въ спокойные моменты обложенія имъ это по-
эму-то не нравилось, такъ какъ они считали редутъ своимъ,
удто бы ими взятымъ, трофеемъ между тѣмъ какъ, въ моментъ
зятія, на 4 русскихъ баталіона, насчитывалось всего 200 ру-
ынъ. Когда же наши части были выведены, то, въ ожиданіи
овыхъ нападеній со стороны турокъ, румыны выражали го-
ячее желаніе видѣть въ редутѣ хотя нѣсколько нашихъ ротъ,—
ради сліянія обѣихъ армій"—говорили они. И потомъ нѣ-
олько разъ, но словесно, они заявляли, чтобы отъ войскъ,
тоявшихъ близъ Гривицы, имъ отряжали на ночь хотя 2 роты;
акъ жаждали они, посредствомъ 2 ротъ, слить свои 3 дивизіи
ь русскими. Разсказывали, будто имъ не прямо отказали въ
толь благородномъ стремленіи, но попросили заявить его
исьменно. Вѣроятно, наши милые союзники заподозрили въ
томъ что-либо не совсѣмъ для нихъ удобное и потому на бу-
агѣ своихъ взглядовъ на сліяніе не излагали.

Не буду высказывать своего мнѣнія на причины третьей
еудачи подъ Плевною. Объ этомъ много писали и пишутъ
о сихъ поръ, а о томъ, что говорили тогда,—писать неудобно.
о почему не переименовать того, что существовало и что вся-
ому было извѣстно: неопредѣленность плана атаки, неясность
аспоряженій, несчастная система секретничанья, доходившая
о того, что диспозиція не сообщена была даже тѣмъ лицамъ,
оторыя должны были знать ее.

Третья неудача подъ Плевною была тѣмъ обиднѣе, что
лучилась въ день имянинъ Государя. Видимо было, что хо-
ѣли ознаменовать этотъ день побѣдою, порадовать бо-
ящее о войскахъ сердце Царя, а вмѣсто того огорчили
его, и армію. Но понесенныя ею потери не ослабили ея
уха и увѣренности въ своей силѣ. Стоило на другой день
идѣть ея биваки, чтобы убѣдиться въ этомъ. Вынеся съ по-

корностью Промыслу понесенные удары, армія стояла споко
ною и бодрою на своихъ прежнихъ позиціяхъ. Лицамъ,
близко стоявшимъ къ центру военныхъ распоряженій, труд
судить, какъ смотрѣли на неудачу составители предположе
для боя; но изъ отзыва тѣхъ, которыхъ приходилось видѣ
въ эти дни, было замѣтно, что они сильно пріуныли. Генера
Зотовъ, съ которымъ я видѣлся 1 сентября, черезъ день пос
боя, сильно жаловался на свое положеніе; да и дѣйствител
оно было не изъ легкихъ. Нося оффиціальное названіе начал
ника штаба при Карлѣ Румынскомъ, числившемся начальн
комъ всѣхъ войскъ Западнаго отряда, Зотовъ въ сущнос
былъ отвѣтственнымъ распорядителемъ дѣла. „Я подписал
диспозицію, говорилъ онъ мнѣ, а между тѣмъ не могъ бы
самостоятельнымъ ея исполнителемъ, и наши союзники вмѣс
помощи только затрудняютъ насъ".

На неизвѣстность цѣли, въ бою 30 августа, болѣе все
жаловались артиллеристы. Вотъ что пишетъ одинъ изъ них
въ своихъ запискахъ: „Начатая 26 августа канонада бы
прологомъ къ предстоявшей черезъ нѣсколько дней атакѣ; а
въ чемъ заключались предположенія на счетъ послѣдней,—м
не вѣдали. Необходимо было заранѣе обозначить болѣе тѣс
ный кругъ нашихъ дѣйствій; другими словами—необходим
было указаніе предполагаемыхъ пунктовъ атаки, такъ как
разстрѣлять всю позицію турокъ было очевидною невозмож
ностью; но пресловутый „секретъ" лежалъ на всемъ, въ пору
или не въ пору, это, повидимому, не разбиралось".

Въ теченіи 31 августа я два раза посылалъ къ графу Та
тищеву узнать о положеніи его полка. Утромъ ѣздилъ адъю
тантъ Байковъ, вечеромъ—ординарецъ Эрнротъ. Первый при
везъ извѣстіе, что полкъ выведенъ передъ Гривицу, гдѣ, при
крытый пригоркомъ, имѣлъ только 2-хъ раненыхъ. Эрнротъ
доложилъ, что при немъ полкъ переведенъ изъ-подъ выстрѣ
ловъ за шоссе лѣвѣе деревни, а 2-й баталіонъ, въ видѣ охра
ны, отведенъ версты на двѣ назадъ, къ той горѣ, гдѣ всѣ эти
дни находились Государь и главнокомандующій.

Чтобы находиться ближе къ Староингерманландскому полку,
1 сентября я перевелъ дивизіонный штабъ отъ Парадима вер
сты на 3 впередъ и расположилъ его въ лощинѣ, въ полувер
стѣ отъ полка. Въ другой лощинѣ неподалеку къ западу былъ

ъскинутъ подвижной лазаретъ 5-й дивизіи, куда были отправлены раненые 1-го баталіона и батареи. Мнѣ хотѣлось навѣстить ихъ. Спускаясь съ ближайшей горы, мы увидѣли атры и на разложенной вокругъ ихъ соломѣ, болѣе тысячи аненыхъ. Между шатрами мелькали сестры милосердія. Меня стрѣтилъ штабъ-офицеръ, смотритель лазарета. На вопросъ: ѣтъ-ли между сестрами моей родной сестры?—онъ отвѣтилъ: Какъ же, Елизавета Петровна вотъ здѣсь, въ третьемъ шатрѣ".

Чтобы войти въ него, нужно было пробираться между рядами лежавшихъ вплотную раненыхъ. Внутренность шатра редставляла ужасающее зрѣлище. Вскрикиванія, стоны, хрипѣніе, бредъ,—все это смѣшивалось въ какой-то раздирающій душу гулъ. По серединѣ шатра стояла высокая фигура олдата, въ шинели и въ аммуниціи. По формѣ шапки видно ыло, что это не русскій; издали я принялъ его за арапа, до его лицо его было черно. Подходя ближе, вижу рослаго румына. Опаленное лицо его казалось обугленнымъ; только лѣвая содранная щека висѣла, вмѣстѣ съ выбитымъ глазомъ, а ъ ея мѣстѣ виднѣлась черно-красная яма. Въ концѣ шатра ѣсколько докторовъ, безъ сюртуковъ, съ засученными руками, суетились возлѣ столовъ, на которыхъ лежали голые юди, а вокругъ пахло кровью и хлороформомъ. У одного ампутируемаго стояла сестра моя; я не видѣлся съ нею 2 года, о времени отъѣзда ея въ Черногорію. Увидя меня, она быстро подошла и, цѣлуя, проговорила:

— Здравствуй и, ради Бога, уходи скорѣе. Теперь, видишь, некогда слова сказать; пріѣзжай послѣ, когда управимся.

Поспѣшив выйдти на воздухъ, мнѣ страшно было оглянуться. Изъ шатровъ ежеминутно выносили умершихъ и клали утъ же, такъ что образовались уже ряды труповъ, покрытыхъ ростынями и шинелями.

Въ тотъ же день, часовъ въ 5 вечера, я поѣхалъ на бивакъ къ графу Татищеву, гдѣ засталъ офицеровъ и нижнихъ иновъ бодрыми и веселыми. Полкъ былъ расположенъ подъ орою, вмѣстѣ съ частями 5-й дивизіи и артиллерійскими батареями. Къ нимъ и отъ нихъ, безъ перерыва, тянулись ящики за снарядами и наполненные ими. Съ высотъ грохотала канонада, а въ лощинѣ кипѣла бивачная жизнь обыкновеннымъ орядкомъ, точно ничего не совершается особеннаго. За соста-

вленными рядами ружей, у ручья, дымились огни подъ ротными котлами; въ одномъ мѣстѣ выгружали подводу съ добытыми за Дунаемъ кочнями капусты; въ другомъ — подвозили къ баталіонамъ хлѣбъ, въ третьемъ—шла раздача винной порціи. Здѣсь, на лужайкѣ, вокругъ самовара, лежатъ офицеры; тамъ группа ихъ окружила проѣзжавшаго штабнаго и засыпаетъ его вопросами; говоръ, бѣготня, мѣстами пѣсни и перебранки съ евреемъ-маркитантомъ. Ниже, за рѣчкой, собираются рѣзать привязаннаго къ дереву вола, а рядомъ солдатикъ, прислонясь къ тому же дереву, наигрываетъ на какой-то дудкѣ русскую пѣсню. Все это вмѣстѣ представляло крайне оригинальную живую картину.

Когда мы возвращались къ своему биваку, пришлось опять проѣхать мимо подводы съ капустой. Бывшій при ней офицеръ, вѣроятно, замѣтилъ, съ какою завистью мы смотрѣли на нее, и точно прочиталъ въ нашихъ глазахъ мысль: „счастливцы, завтра будутъ ѣсть лѣнивыя щи, а мы пробавляемся консервами“. Онъ тутъ же обратился ко мнѣ съ словами:

— Неугодно-ли, ваше превосходительство, принять въ подарочекъ 5 кочешковъ; больше удѣлить не могу, съ трудомъ добылъ за Дунаемъ, въ Турнъ-Магурели.

Я съ благодарностію принялъ это подношеніе. Бывшій при мнѣ штабъ-горнистъ положилъ кочни въ тутъ же добытый кулекъ и, съ осторожностью достойною ананасовъ, привязалъ къ своему сѣдлу.

На слѣдующій день, вечеромъ, я опять зашелъ навѣстить сестру мою въ лазаретъ 5-й дивизіи. Онъ представлялъ уже другую, болѣе спокойную картину: главнѣйшія операціи были сдѣланы, многіе изъ стонавшихъ вчера смолкли на-вѣки; сестры разносили раненымъ чай и бульонъ. Только въ одномъ шатрѣ шла еще усиленная работа: изъ него то и дѣло выбрасывали отнятую руку или ногу.

Въ этотъ разъ сестра имѣла возможность пробыть со мною около часа. Сидя возлѣ своего фургона на пустомъ боченкѣ, а я противъ нея—на оглоблѣ повозки, она угостила меня кофеемъ со сливками изъ консервовъ. Вечеръ былъ дивный: закатывающееся солнце ярко освѣщало вершины холмовъ, бросая разнообразныя тѣни на лощины. Съ одной изъ ближайшихъ возвышенностей доносилось пѣніе заупокойныхъ молитвъ.

Взглянувъ въ ту сторону, я увидѣлъ группы солдатъ, роющихъ общія могилы, къ которымъ, отъ лазарета, тянулась длинная вереница покрытыхъ сѣрыми шинелями носилокъ. Въ сторонѣ, на отдѣльномъ холмикѣ, отпѣвали флигель-адъютанта, полковника Шлиттера. Мой разговоръ съ сестрою былъ прерванъ одною изъ сестеръ милосердія, пришедшею спросить, можно-ли раненому офицеру дать вмѣсто чая бульону.

— Онъ такъ жалобно проситъ, сказала она.

— А въ какомъ онъ положеніи? спросила сестра моя.

— Очень слабъ, едва говоритъ.

— Дайте.

Черезъ двѣ минуты та же сестра милосердія пронесла въ шатеръ бульонъ, и черезъ минуту, утирая слезу, вышла оттуда съ нетронутою чашкою.

— Что же, спросила сестра моя—не выпилъ?

— Скончался, покуда я говорила съ вами,—отвѣтила она.

Въ эту минуту раздалась сильная ружейная трескотня со стороны Гривицы. Я поспѣшилъ къ своему бивaку и съ перваго возвышенія увидѣлъ, что турки вновь пробуютъ овладѣть редутомъ. Покуда сѣдлали коней, чтобы ѣхать къ полку, пальба стихла. Желая узнать, что будетъ предпринято въ будущемъ съ разбросанною моею дивизіею, 4-го сентября утромъ я поѣхалъ къ Великому князю въ Парадимъ. При входѣ моемъ въ садъ, примыкавшій къ квартирѣ главнокомандующаго, къ ней подъѣхалъ принцъ Карлъ. Онъ сидѣлъ въ открытой коляскѣ, рядомъ съ своимъ адъютантомъ; на козлахъ—драбандъ и кучеръ въ цвѣтномъ народномъ румынскомъ костюмѣ: яркій, широкій, шитый шелками поясъ, шляпа съ лентами всевозможныхъ цвѣтовъ, въ рукѣ бичъ, у лошадей бубенчики, колокольчики и розетки въ заплетеныхъ гривахъ.

Пришлось выждать въ саду около получаса, послѣ чего Великій князь вышелъ вмѣстѣ съ Румынскимъ, чтобы ѣхать вмѣстѣ на позицію. Увидя меня, Его высочество сказалъ:

— Я назначаю тебя въ Ловчу, начальникомъ самостоятельнаго Ловче-Сельвинскаго отряда; тамъ соберется твоя дивизія и будетъ служить связью между Плевной и Шипкой.

— Слѣдовательно и Новоингерманландскій полкъ присоединится ко мнѣ? спросилъ я.

— Ну, это едва ли; я не знаю отпуститъ ли его Наслѣдникъ.

— Когда же прикажете выступать?

— Объ этомъ ты получишь приказаніе, а завтра можешь перейти съ 9-мъ полкомъ къ Згалуицѣ. Не забудь, что твоя цѣль оберегать нашъ правый флангъ и балканскіе проходы отъ Шипки до Вида.

Я ждалъ, что къ вечеру получу письменное приказаніе, но прошло 2 дня—его не было, а 6-го числа Главная квартира снова перешла въ Горный-Студень.

5-го сентября, въ день имянинъ сестры моей, мнѣ хотѣлось поздравить ее, а вмѣстѣ проститься, да кстати и повидать раненыхъ 9-го полка. За неимѣніемъ перевозочныхъ средствъ, ихъ еще много оставалось неотправленными. Смотритель лазарета говорилъ, что третій день хлопочетъ какъ бы получить подводы—и никакъ не можетъ.

— А отъ кого же вы ожидаете ихъ? спросилъ я.

— Да все отъ князя Черкасскаго. Всякій день только обѣщаютъ; жандармы и казаки скорѣе бы собрали братушекъ.

— Отчего же вы не берете подвижнаго лазарета моей дивизіи, онъ въ двухъ верстахъ и ничѣмъ не занятъ?

— Какъ же я распоряжусь безъ своего начальства, отвѣчалъ смотритель.

— Да если я, какъ начальникъ дивизіи, разрѣшаю вамъ, то какое же дѣло вашему начальству; оно можетъ быть только благодарно.

— Нѣтъ, ваше превосходительство, позвольте прежде спросить позволеніе начальника госпиталей.

— Но разсудите: онъ въ Главной квартирѣ, разрѣшеніе придетъ черезъ 2 дня, а вамъ нужна помощь сію минуту. Посмотрите какая масса народа скучена въ одномъ мѣстѣ; даже земля возлѣ вашего лазарета пахнетъ гнилою кровью.

— Я уже доносилъ объ этомъ, и просилъ разрѣшеніе перенести шатры на другое мѣсто, но отвѣта не имѣю.

Повидавшись со мною, сестра пошла проводить меня и видитъ, что возлѣ шатра лежитъ солдатъ, закутавшійся съ головою въ шинель. Подойдя и тронувъ его она говоритъ:

— Ты что же не собираешься? видишь, товарищи садятся на повозки.

Солдатъ всталъ молча.

— Да ты перевязанъ ли?

— Никакъ-нѣтъ

— А куда раненъ?

— Въ голову.

— Покажи-ка, нагнись.

Оказалось, что пуля на излетѣ ударилась сзади въ черепную кость, но, не пробивъ ея, защемилась.

По этому поводу сестра разсказала мнѣ нѣсколько изумительныхъ примѣровъ терпѣнія солдатъ. На другой день послѣ штурма, къ лазарету приползъ за 4 версты солдатикъ 16-й дивизіи, съ перебитою гранатою ногою, такъ что она держалась только на клочкѣ кожи. Когда онъ ползъ, волоча ногу, то она нѣсколько разъ переворачивалась и свила кожу въ веревку. Другой солдатъ 5-й дивизіи, съ обѣими перебитыми ногами, приползъ на локтяхъ.

У крайняго шатра два раненыхъ помогали другъ другу надѣть черезъ плечо скатанныя шинели.

— Куда это вы собираетесь? спросила сестра моя.

— Къ себѣ идемъ, въ полкъ на позицію, отвѣчаетъ тотъ, что постарше.

— Да вѣдь ты раненъ?

— Руку задѣло повыше локтя, да ничего, перевязали, могу дѣйствовать.

— А ты куда раненъ? спрашиваю я другаго.

— Я въ плечо, ваше превосходительство, отвѣтилъ онъ и въ то же время правильно беретъ ружье въ правую руку, плечо которой и было ранено.

— Зачѣмъ же берешь на плечо, разбередишь рану? говорю я.

— Ничего, ваше превосходительство, она силу не потеряла, позволяетъ.

— Вамъ бы все-таки лучше было остаться дня на 3, для перевязокъ, а потомъ, поправившись, и пошли бы въ полкъ,— замѣтила сестра.

— Нѣтъ, мы лучше на позицію; здѣсь безъ своихъ скучно, да и совѣсть беретъ, когда товарищи подъ пулями.

Оба солдатика оказались 2-й роты Староингерманландскаго полка моей дивизіи; одинъ изъ нихъ, узнавъ меня, обратился съ такою просьбою.

ѣмъ, поднявшись на возвышеніе, подъѣхали къ 6-ти ору-
іой румынской батареѣ, гдѣ застали прусскаго и австрій-
го военныхъ агентовъ, вмѣстѣ съ которыми, около часа,
трѣли на ходъ артиллерійскаго боя. Въ теченіи этого вре-
и много разъ слышны были по всей линіи сигналы наступ-
я и атаки, но никто не наступалъ. Въ нѣсколькихъ мѣ-
ъ изъ стрѣлковыхъ ровиковъ подымались одиночные люди,
ѣгали шаговъ на 20 впередъ, но видя, что ихъ не поддер-
аютъ, или падали, или возвращались. Между тѣмъ вправо
ѣво отъ насъ частенько лопались гранаты и посвистывали
и, но намъ все-таки хотѣлось дождаться результата. На-
ецъ, двѣ гранаты упали такъ близко, что прусскій офи-
ь замѣтилъ:

— Однако, господа, будетъ очень глупо, если кого-нибудь
насъ убьютъ безъ всякой пользы.

Раскланявшись, мы разъѣхались въ разныя стороны; нѣм-
-въ тылъ румынской позиціи, а я со своими—къ Гривицѣ,
узнали, что въ 9-мъ полку ранено 10 человѣкъ и пору-
ь Масловъ—опасно въ голову и что всѣ они уже отправ-
ы въ подвижной лазаретъ дивизіи. Возвратясь на бивакъ,
медленно обошелъ ихъ, нашелъ всѣхъ уже перевязанными,
тому распорядился скорѣйшею отправкою ихъ въ госпи-
у Болгарени.

Во время описанной поѣздки, мнѣ впервые довольно близко
лось видѣть румынскихъ солдатъ и ихъ офицеровъ. Ни-
подобнаго тому, что писали о нихъ наши корреспонденты,
нашелъ. Гдѣ они замѣтили подражаніе французамъ, шикъ
неры, напоминающіе парижскихъ boulevardiers,—я не знаю.
ротивъ, на лицахъ румынъ отражалась скорѣе унылая ту-
ъ, чѣмъ оживленіе. На обратномъ пути насъ обогнала ко-
а съ двумя нестарыми румынскими штабъ-офицерами. Эти
ода сидѣли неподвижными муміями и не взглянули на
ь, точно имъ досадна была встрѣча съ русскими.

Поздно вечеромъ возвратился Байковъ изъ Горнаго-Студня,
письмомъ отъ генерала Левицкаго, въ которомъ обѣщано
исполнить все, о чемъ просилъ, и съ предписаніемъ вы-
ить 7-го числа въ Ловчу, взявъ съ собою и парки. Сдѣ-
ь необходимыя распоряженія, мы поспѣшили разойтись,
какъ предстояло выступать въ 4 часа утра.

Ночью я былъ разбуженъ слѣдующимъ разговоромъ возлѣ моей палатки. Кто-то спрашивалъ у часоваго:

— Кто здѣсь стоитъ?

— Штабъ 3-й дивизіи.

— А не знаешь ли гдѣ 5-я дивизія?

— Не могу знать.

— Господи, да что же я буду дѣлать? нельзя ли разбудить хоть кого-нибудь изъ адъютантовъ, или писарей.

— Будите сами, я отойти не смѣю; писаря вотъ тутъ, у обоза.

Я вмѣшался въ разговоръ, спрашивая изъ своей палатки:

— Зачѣмъ вамъ адъютантъ и кто вы?

— Веду маршевую команду въ 5-ю дивизію; отъ самаго Систова не могу добиться гдѣ она. Ради самаго Бога помогите, мы бродимъ 4-е сутки.

— Да развѣ у васъ нѣтъ маршрута?

— Какъ ни просилъ въ Систовѣ—не дали; говорятъ, что маршруты выдаютъ въ Бухарестѣ. Можетъ быть онъ и былъ данъ прежнему начальнику команды, но онъ гдѣ-то заболѣлъ, или отсталъ. Въ Зимницѣ мнѣ дали только предписаніе вести къ Плевнѣ въ 5-ю дивизію. Команда громадная, болѣе 500 человѣкъ, люди вторыя сутки не ѣвши.

Приказавъ позвать ко мнѣ адъютанта, я зажегъ свѣчу, накинулъ на себя бурку и пригласилъ неизвѣстнаго въ палатку. Входилъ пожилой капитанъ, взволнованный и измученный. Я предложилъ ему сѣсть на складной стулъ,—онъ не садится.

— Скажите, гдѣ служите и откуда вы?

— Я, ваше превосходительство, подъ Севастополемъ командовалъ ротою, но ей-Богу такой муки не испытывалъ какъ теперь. Былъ 20 лѣтъ въ отставкѣ, да въ виду войны пожелалъ послужить, пока есть силы.

— Разскажите обстоятельно: гдѣ приняли команду, велика ли она, когда выступили, какъ шли и прочее.

— Команды ни отъ кого не принималъ; меня потребовали къ коменданту ночью, дали свертокъ бумагъ, конвертъ въ 5-ю дивизію и порціонныя деньги для команды на два дня. По списку значилось 720 человѣкъ, а когда я сосчиталъ людей, оказалось 670. Спрашиваю гдѣ остальные? Унтеръ-офицеры, которыхъ было всего 4, говорятъ: „кто заболѣлъ, а кто отсталъ".

Данные изъ Зимницѣ порціоны третьяго дня вышли; люди обезсилѣли, сколько ихъ повалилось, заболѣло и отстало—я не знаю, едва ли и 500 наберется, и куда ихъ вести, кого ни спрашивалъ, никто указать не могъ.

Въ это время вошелъ адъютантъ, которому я приказалъ назначить расторопнаго писаря верхомъ, знающаго дорогу въ Гривицу. Затѣмъ сказалъ бѣдному капитану:

— Когда провожатый доведетъ васъ до штаба 5-й дивизіи, вы прикажите ему возвратиться обратно. Идите съ Богомъ.

Капитанъ не зналъ какъ благодарить

— Меня Богъ направилъ на вашу палатку, проговорилъ онъ уходя.

7-го августа, въ 5 часовъ утра, мы выступили отъ Згалуицъ и могли бы въ тотъ же день быть въ Ловчѣ, если бы приданные дивизіи парки не задержали выступленія. Каковы были начальники этихъ парковъ, даже не явившіеся мнѣ по присоединеніи къ дивизіи, я буду имѣть случай сказать ниже.

Переходъ отъ Згалуицъ, вслѣдствіе труднаго подъема у Владина и дождливой погоды, былъ настолько тяжелъ, что, не доходя 5 верстъ до Ловчи, я остановилъ отрядъ у деревни Павликаны. Здѣсь впервые пришлось познакомиться съ домашнею жизнью болгаръ. Встрѣтившій отрядъ старшина деревни, старикъ лѣтъ 70, указалъ мнѣ хату по близости бивака, а ея хозяинъ поднесъ громадную корзину превосходнаго, розоваго винограда. На требованіе дровъ для бивачныхъ огней, у которыхъ люди могли бы обсушиться, старшина указалъ пустой домъ бѣжавшаго турка и окружающіе его плетни. Какъ только рабочіе начали разбирать ихъ, тотчасъ со стороны сосѣдей-болгаръ явились претензіи. Одинъ увѣрялъ, что купилъ домъ у турка, другой доказывалъ, что онъ городилъ плетни и не получилъ платы, а потому плетень его собственность; но когда потребованный для разъясненій старшина прикрикнулъ, то всѣ претензіи кончились. Этотъ случай далъ намъ понять, до какой степени мы можемъ разсчитывать на тѣхъ, кого пришли освобождать отъ турецкаго ига.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

1876.

Вступленіе въ Ловчу.—Водвореніе порядка.—Осмотръ и выборъ позицій.—Судебные порядки на войнѣ.—Гости изъ Главной квартиры.—Болѣзненность въ полкахъ.—Постройка укрѣпленій.—Первые поиски къ Западу.—Курьезное предписаніе и отвѣтъ на него.—Недостатокъ сухарей.—Ожидаемая блокада и осада Ловчи.—Наши гражданскіе дѣятели на войнѣ.—Рекогносцировки.

9-го сентября, въ прекрасный ясный день, въ 10 часовъ утра, отрядъ подходилъ къ Ловчѣ. Городъ, лежащій въ узкой долинѣ Осьмы, съ трехъ сторонъ окруженный высокими скалистыми горами и съ восточной виноградниками, представился намъ чрезвычайно красивымъ. На возвышенностяхъ, обращенныхъ къ Плевнѣ, виднѣлся силуэтъ пресловутаго редута, стоившаго столько русской крови, а ниже его—палатки Псковскаго и Великолуцкаго полковъ, съ которыми я разстался, полтора мѣсяца тому назадъ, въ Луцкѣ. Командиръ бригады, генералъ Давыдовъ, съ своимъ штабомъ и полковыми командирами, встрѣтилъ меня версты за двѣ. Поздравляя его съ побѣдою 22-го августа, я не могъ не вспомнить покойнаго Кусова, вмѣсто котораго встрѣчалъ меня, командующій его полкомъ, подполковникъ Кобордо. Вскорѣ мы въѣхали въ предмѣстье, состоявшее изъ брошенныхъ и полуразрушенныхъ турецкихъ домовъ. Передъ нимъ лежало громадное кладбище, съ торчащими плитами. Все пространство лѣвѣе его было покрыто свѣжими могилами, съ кое-гдѣ поставленными крестами. Проѣзжая между этими кладбищами и предмѣстьемъ, трудно было дышать отъ смрада разлагавшихся труповъ. „Неужели, господа, обратился я къ встрѣтившимъ меня,—въ теченіи двухъ недѣль нельзя было распорядиться, чтобы зарыть тѣла убитыхъ какъ слѣдуетъ“?

Первые шаги въ городъ уже указали, что въ немъ царитъ

полнѣйшій безпорядокъ. Солдаты, кто въ мундирѣ, кто въ шинели, или въ рубашкѣ, бродили по узкимъ переулкамъ, между брошенными домами и лавками. Много попадалось и нетрезвыхъ. Все это указывало, что мнѣ предстоитъ не мало хлопотъ къ водворенію порядка. Но прежде всего необходимо было ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ. Давыдовъ передалъ мнѣ, что побѣдители Ловчи ушли къ Плевнѣ, не оставивъ ему ни одного казака, что всю состоящую при бригадѣ артиллерію взяли туда же, что мѣстность къ западу освѣщена не болѣе какъ верстъ на 5, и что за этою линіею властвуютъ башибузуки и черкесы; что больныхъ въ полкахъ много, такъ какъ лихорадки и дезентерія сильно развиваются. Съ другой стороны интендантъ докладывалъ, что бригада издержала весь 8-ми дневный запасъ сухарей, что люди довольствуются хлѣбомъ, приготовляемымъ изъ остатка турецкаго зерноваго склада, и что въ городѣ запасовъ муки и зерна хватитъ не болѣе какъ дней на 10. Вообще положеніе оказывалось неутѣшительнымъ.

Принявъ все это къ свѣдѣнію, я на другой же день принялся за осмотръ позицій и занимавшихъ ихъ войскъ. Увидя полки я не вѣрилъ, что это тѣ, вполнѣ устроенныя и снаряженныя части, которыя всего 6 недѣль назадъ отправлялъ изъ Луцка. Загрязненные до нельзя мундиры, порванная амуниція, по нѣсколько человѣкъ въ ротѣ вмѣсто сапогъ въ лаптяхъ и болгарскихъ опанкахъ,—и все это послѣ одного дѣла, въ которомъ участвовало только 5 ротъ! Бывшій при мнѣ Староингерманландскій полкъ, одинъ изъ баталіоновъ котораго былъ тоже въ дѣлѣ, казался блестящимъ, въ сравненіи съ полками 2 бригады. Не ясное ли это доказательство, что не столько война разстраиваетъ части, сколько люди, неумѣющіе вести ихъ, или прикрывающіе войною свою апатію и равнодушіе. Поставивъ все мною замѣченное на видъ кому слѣдовало, я объѣхалъ позиціи, которыхъ было занято всего три: редутъ занимали 2 роты съ 4-мя орудіями, одна рота была выдвинута на версту по дорогѣ къ Микре и двѣ, съ остальными четырьмя орудіями,—на возвышеніе къ сѣверу отъ редута, уже названнаго Скобелевскою горою, потому что въ концѣ боя Скобелевъ занялъ ее кавказскою бригадою. Невольно подумаешь: какъ немного надо для того, чтобы повсемѣстно оставлять за собою

памятники, разъ что попадешь въ моду. Всѣ прочія части бивакировали позади редута, между тутовою рощею и виноградниками. Связи между разбросанными позиціями не было никакой. Вотъ все, что я нашелъ въ Ловчѣ.

Сама по себѣ она представляла городокъ, красиво расположенный по обоимъ берегамъ каменистой, вѣчно бурчащей Осьмы. Южная часть лѣпится по высѣченной зигзагами террасѣ каменистой горы, почти отвѣсно стоящей надъ рѣкою; сѣверная—раскинулась по узкой долинѣ, окаймленной болѣе отлогими возвышеніями, довольно близко съ запада и отдаленно къ сѣверу. Къ востоку тянулась равнина верстъ на 5, по которой вьется шоссе въ Плевну. За городомъ, къ югу, оно раздѣляется на два: одно идетъ по скалѣ къ Сельви, другое—лѣвымъ берегомъ рѣки къ Траяну, врѣзываясь въ образуемое ею ущелье.

Изъ перваго осмотра мѣстности я убѣдился, во-первыхъ въ громадности оборонительныхъ позицій и во-вторыхъ, что нападеніе на нихъ могло произойти: съ сѣвера—отъ Плевны, съ запада—со стороны Орханіи отъ Микре и съ юга—отъ Траяна. Такимъ образомъ оборонительная линія представляла три фронта: Плевненскій, Микреевскій и Траянскій. Считая, что нападенія отъ Плевны и отъ Траяна едва ли возможны, я обратилъ особенное вниманіе на западную линію, для чего приказалъ ординарцу моему Эрнроту снять планъ лежащихъ на западъ возвышеній.

Говорю объ этомъ подробно и еще подробнѣе буду говорить ниже, потому что вскорѣ мною былъ полученъ отзывъ начальника штаба арміи, генерала Непокойчицкаго, въ которомъ было сказано, что я долженъ привести Ловчу въ такое оборонительное состояніе, чтобы она могла выдержать не только блокаду, но и осаду.

Что касается водворенія въ городѣ и въ частяхъ бригады порядка, то вслѣдствіе принятыхъ мною энергическихъ мѣръ, это дѣло пошло весьма быстро. Полицмейстеромъ Ловчи былъ назначенъ, отличавшійся исполнительностью и усердіемъ, маіоръ Лебединскій и два такіе же офицера—его помощниками. Каждому изъ послѣднихъ дано по четыре унтеръ-офицера, городъ раздѣленъ на двѣ части, въ ночное время учреждены патрули по улицамъ города и разъѣзды вокругъ него; на кры-

томъ мосту черезъ Осьму поставлены часовые, а на главной улицѣ, близь отряднаго штаба, устроена гауптвахта. Для водворенія порядка въ войскахъ, офицерамъ дозволено отлучаться съ позицій не иначе, какъ съ разрѣшенія баталіонныхъ командировъ, а нижнимъ чинамъ—только по крайней надобности, командою при унтеръ-офицерѣ и непремѣнно при оружіи. Дежурнымъ по позиціямъ назначался штабъ-офицеръ, въ распоряженіе котораго наряжалось, на главный редутъ, 10 казаковъ. Въ первые дни по введеніи этихъ мѣръ было еще не мало случаевъ ихъ нарушенія. Вслѣдствіи этого, связанный правилами судопроизводства, я отдалъ приказъ, чтобы на резервномъ бивакѣ находилась безотлучно судная коммисія, изъ одного штабъ и 3-хъ оберъ-офицеровъ. Всякій изъ нижнихъ чиновъ, взятый въ городѣ нетрезвымъ, отлучившимся безъ дозволенія, или нарушающимъ дисциплину и право собственности жителей, былъ отправляемъ полицмейстеромъ, съ описаніемъ его вины, къ предсѣдателю коммисіи. Тамъ немедленно снимали допросъ, подводили статью закона и опредѣляли наказаніе. Приговоръ въ тотъ-же день присылался ко мнѣ, съ однимъ изъ членовъ и я, смотря по обстоятельствамъ, утверждалъ или облегчалъ его. Такимъ образомъ, между проступкомъ и наказаніемъ никогда не проходило болѣе сутокъ. Это имѣло самое благотворное дѣйствіе. Въ какіе нибудь 5—6 дней, число нарушителей порядка уменьшилось втрое, а черезъ 2 недѣли поведеніе людей и порядокъ въ городѣ сдѣлались такими, что безотлучное пребываніе коммисіи на бивакѣ было отмѣнено.

Минувшая война была первою практическою повѣркою введенной въ нашей арміи военно-судебной реформы. Эта повѣрка указала, что для военнаго времени необходимо измѣненіе нѣкоторыхъ правилъ и обрядностей суда. При понятіяхъ народа, что все, находящееся въ непріятельской землѣ безъ хозяина, есть достояніе войска, и что имущество врага есть военная добыча, нарушеніе правъ собственности можетъ случаться безпрестанно. Уничтожить подобное понятіе одними убѣжденіями немыслимо, а прибѣгать къ строгости военныхъ законовъ, значило бы разстрѣливать или ссылать много такихъ людей, которые были-бы въ бою первыми храбрецами. Весьма часто солдатъ, по военнымъ обстоятельствамъ, тер-

питъ нужду и переноситъ лишенія. Все, что можетъ облегчить эту нужду и лишенія, въ его глазахъ вполнѣ законно. Понимая, что босымъ и голоднымъ онъ не принесетъ пользы, а потому считаетъ, что какимъ бы путемъ онъ ни постарался обуться, или быть сытымъ, дѣлаетъ это не только для себя, но и для службы. Такой взглядъ порождаетъ цѣлую сѣть проступковъ и развѣтвляетъ ихъ на безчисленное множество видовъ. Каждый изъ нихъ, по смыслу полевыхъ военныхъ законовъ, составляетъ тяжкое преступленіе, влекущее за собою и тяжкое наказаніе. Нельзя разстрѣливать людей за отнятую булку, или за взятые изъ пустаго дома сапоги, когда то и другое принадлежитъ врагу, а между тѣмъ это есть ограбленіе невооруженнаго непріятеля и по закону наказывается смертью. Можетъ быть скажутъ, что достаточно было-бы одного или двухъ примѣровъ казни, чтобы прекратить подобныя явленія. Это мечты, не имѣющія смысла въ жизни.

Изъ всего мною сказаннаго не слѣдуетъ выводить, что на проступки солдатъ на войнѣ должно смотрѣть сквозь пальцы, или допускать свободу преступныхъ дѣяній. Я хочу только доказать, что для военнаго времени было бы необходимо расширить власть частныхъ начальниковъ, допустить тѣлесное наказаніе безъ перевода въ разрядъ штрафованныхъ и учредить такой порядокъ суда въ каждой части, чтобы никакое дѣло не длилось болѣе сутокъ и приговоръ утверждался бы старшимъ изъ наличныхъ начальниковъ:

Въ сущности всѣ, кто поопытнѣе и у кого былъ порядокъ, такъ и поступали. Одинъ изъ гуманнѣйшихъ приверженцевъ судоговореній, послѣ войны, при мнѣ спросилъ другого, еще болѣе гуманнаго начальника:

— Скажите откровенно, многихъ-ли вы отдали подъ судъ во время компаніи?

— Ни одного, отвѣчалъ второй.

— Какъ-же вы поступали съ тѣми, кто совершалъ проступки?

— А нагайка-то на что?

— Вообразите, что и я дѣлалъ то-же самое, отвѣчалъ первый.

— А гдѣ-же, господа, ваша восхваляемая судебная реформа? слыша ихъ разговоръ, спросилъ я.

— Да, но это для мирнаго времени, отвѣтилъ одинъ, а другой прибавилъ.

— На войнѣ она никуда не годится.

По водвореніи должнаго порядка въ городѣ, было приступлено къ устройству батарей на главныхъ пунктахъ избранныхъ мною позицій. Возводимыя укрѣпленія обозначали только контуръ той сѣти оборонительныхъ работъ, которую предстояло развить впослѣдствіи.

При ничтожныхъ средствахъ, которыя были въ моемъ распоряженіи, при томъ положеніи, въ которомъ я засталъ Ловчу въ смыслѣ ея обороны, нужно было, на всякій случай, подумать и о пути отступленія. Это указывало на невозможность оставлять въ городѣ подвижной лазаретъ и обозы полковъ, къ чему особенно вынуждало еще то, что изъ полуготовыхъ укрѣпленій войскамъ пришлось бы отходить, по весьма узкимъ улицамъ, на единственный мостъ черезъ Осьму и затѣмъ полторы версты подыматься въ громадную гору. Поэтому всѣ обозы были отправлены на двѣ версты за городъ и поставлены по обѣимъ сторонамъ Сельвинскаго шоссе. Тамъ, несмотря на каменистый грунтъ, были устроены потомъ землянки для людей, навѣсы для лошадей, кузницы и шалаши для мастеровыхъ.

На другой-же день по приходѣ въ Ловчу, Староингерманландскій полкъ, и съ нимъ всѣ три парка, выступили въ Сельви. Послѣднее было вызвано тѣмъ, что въ Ловчѣ и безъ нихъ находилось значительное число лошадей. Опасеніе недостатка фуража и видимое о заготовленіи его равнодушіе интендантства, вынудили меня тогда же сообщить въ штабъ арміи, о необходимости принять мѣры къ образованію запасовъ фуража на зиму. Но эти мѣры пришлось принимать самому и благодаря брошеннымъ турками лугамъ, а равно тому, что когда мнѣ удалось, черезъ мѣсяцъ, оттѣснить непріятельскія партіи и очистить отъ нихъ мѣстность до Вида, то между этою рѣкою и Ловчею открылись такіе запасы сѣна, которыхъ нетолько моему отряду, но и другимъ ближайшимъ частямъ было-бы довольно на всю зиму.

Самостоятельность ввѣреннаго мнѣ Ловче-Сельвинскаго отряда довольно долго была относительная. Весь сентябрь мѣсяцъ я былъ подчиненъ, въ командномъ отношеніи, de jure

—Карлу Румынскому, а de facto — его помощнику и началь
нику штаба генералу Зотову; кромѣ того мнѣ дано было з
мѣтить, о необходимости согласовать мои распоряженія съ же
ланіями генерала Радецкаго и его дѣйствіями на Шипкѣ

12-го сентября прибыли въ Ловчу изъ Главной квартиры
генеральнаго штаба полковникъ Сухотинъ и ординарецъ Вели
каго князя, Гродненскаго гусарскаго полка штабъ-ротмистр
Цуриковъ. Первому было поручено ознакомиться съ средствам
обороны и развѣдываній, второму—осмотрѣть подступы къ Лов
чѣ. Я очень былъ радъ прибытію этихъ гостей, въ надеждѣ, ч
они передадутъ кому слѣдуетъ, во-первыхъ—о невозможност
одною бригадою оборонять три громадные фронта, имѣвшіе д
10 верстъ протяженія и во-вторыхъ, что съ оставленными в
Ловчѣ двумя сотнями хитро предпринимать нетолько дальні
поиски, но и обыкновенное развѣдываніе, такъ какъ ихъ едв
доставало для службы при отрядѣ и для содержанія конно
почты, на 35 верстъ къ Сельви и на 22 версты—къ штабу З
това. Впрочемъ, еще до прибытія Сухотина и Цурикова,
уже доносилъ объ этомъ и просилъ усиленіе отряда кавалеріе
Вмѣстѣ съ названными лицами, на другой же день ихъ прибы
тія, я объѣхалъ всѣ позиціи и подробно ознакомилъ съ при
нятыми мѣрами по ихъ укрѣпленію, а равно и со всѣми мо
ими предположеніями по части обороны.

Въ присланномъ съ Сухотинымъ предписаніи начальник
полеваго штаба арміи было указано, чтобы, отъ полка послан
наго въ Сельви, одинъ баталіонъ, съ двумя орудіями, был
поставленъ, въ видѣ репли, на Сельвинскомъ шоссе, въ 13 вер
стахъ отъ Ловчи, на позицію близь деревни Какрино.

Не зная этой мѣстности и не видя изъ предписанія цѣл
подобнаго распоряженія, разъ что Ловча въ нашихъ рукахъ
я, 14 сентября, при отвратительной, вполнѣ осенней погодѣ
пригласилъ Сухотина осмотрѣть вмѣстѣ Какринскую позицію
Дорогою мой спутникъ разсказалъ, что эту позицію особенн
рекомендовалъ Скобелевъ. Тогда я понялъ, почему въ поле
вомъ штабѣ такъ настойчиво указывали на нее. Позиція эт
была-бы удобною лишь въ томъ случаѣ, еслибы моему отряд
пришлось отступать на Сельви, чего я ни въ какомъ случаѣ
не имѣлъ въ виду, а въ крайности отошелъ бы черезъ См
чанъ къ Горному-Студню.

Отступать на Сельви, хотя тамъ и находился полкъ, могуiй подкрѣпить меня, значило-бы открыть непріятелю прямой уть къ Главной квартирѣ и удаляться отъ общаго базиса рміи и отъ Систовской переправы. Въ виду этихъ соображеiй, сообщенныхъ полевому штабу, Какринской позиціи я не нялъ и вмѣсто того, чтобы совершенно безъ надобности ержать на ней баталіонъ въ осеннія непогоды, приказалъ ему рійти въ Ловчу, гарнизонъ которой, вслѣдствіе болѣзненности, мѣлъ уже до тысячи человѣкъ некомплекта.

Съ каждымъ днемъ развивающіеся въ отрядѣ лихорадки и ровавые поносы начинали сильно меня тревожить. Въ обохъ полкахъ ежедневно заболѣвало отъ 40 до 50-ти человѣкъ, акъ что бригада, которой и безъ того было недостаточно для бороны громадной позиціи, видимо таяла. Не только полкоые околодки и дивизіонный лазаретъ были полны, но прилось исправить и занять дома, находившіеся въ полуразруенномъ видѣ, безъ дверей и безъ стеколъ, а между тѣмъ другъ наступили дождливые, совершенно сѣверные, осенніе олода. Кромѣ обыкновенныхъ мѣръ противъ желудочныхъ азстройствъ и простуды, избавиться отъ которой, при постоннномъ расположеніи людей на позиціяхъ, было не легко, командировалъ дивизіоннаго врача просить содѣйствія олеваго медицинскаго инспектора, объ отпускѣ въ поли хинины. Вся находившаяся въ походныхъ аптекахъ же выходила, такъ что доктора прописывали четвертую часть го, что-бы слѣдовало. Несмотря на обѣщанное содѣйствіе, зъ Систова выслали вмѣсто 10 фунтовъ—два. Ни раскладыніе на ночь костровъ, ни усиленный отпускъ мяса, по фунту ъ человѣка, ни ежедневная выдача водки—ничто не уменьало заболѣваній. При всемъ этомъ, эвакуировать больныхъ ыло некуда, исключая находившагося въ 80-ти верстахъ Тырова, но посылаемые туда съ больными фургоны возвращались лько на 6-й день, а въ это время въ лазареты поступало двое болѣе того, что отвезено. Видя быстрое уменьшеніе рявъ, я просилъ объ усиленіи Ловчинскаго гарнизона хотя ѣмъ, чтобы къ дивизіи возвратили Новоингерманландскій олкъ. Онъ въ это время былъ уже переведенъ изъ Рущукаго отряда въ распоряженіе генерала Радецкаго и пользо-

общавшихъ только то, что дѣлается въ 30—40 верстахъ отъ Ловчи, я старался узнавать о происходящемъ и за линію освѣщенныхъ казаками мѣстностей. Для этого, при содѣйствіи появившагося на нѣсколько дней въ Ловчѣ главнаго тайнаго агента полеваго штаба, нанято было мною нѣсколько лазутчиковъ. Они отправлены были за Видъ къ Орханіи и за оба Балканскіе перевала; сообщаемое ими сводилось къ тому, что турки стягиваютъ значительныя силы къ Этрополю и Арабъ-Канаку, что въ Орханіи заготовляются всякаго рода запасы и что Тетевень дѣйствительно занята ими. Это окончательно убѣдило меня въ томъ, что если возможно ожидать нападенія на мой отрядъ, то только съ запада.

Изъ письменнаго донесенія и словесныхъ докладовъ, возвратившихся съ поисковъ, выяснилось: 1) что значительныхъ партій, какъ регулярныхъ, такъ и ирегулярныхъ турецкихъ войскъ, до Вида нѣтъ, но что появляются проходящія команды, грабящія и раззоряющія болгарскія селенія. 2) Что путь отъ Тетевени, черезъ Изворъ и Торосъ, служитъ этапнымъ трактомъ, для непріятельскихъ партій, идущихъ изъ-за Балканъ къ Плевнѣ, но по трудности проходовъ онъ доступенъ только пѣхотѣ, безъ повозокъ и для кавалеріи въ одинъ конь, въ поводу. 3) Что турки обыкновенно проходятъ отъ Тетевени до Извора произвольно, растянувшись по всей дорогѣ, затѣмъ собираются въ команды и идутъ черезъ Торосъ въ Плевну. 4) Что по всей мѣстности къ западу проживаетъ много помаковъ (болгаръ, принявшихъ магометанство), которые, ничѣмъ не отличаясь отъ христіанъ, гораздо вреднѣе башибузуковъ. Свободно проходя по нашимъ расположеніямъ, они доставляютъ туркамъ свѣдѣнія о русскихъ войскахъ и безнаказанно служатъ проводниками и лазутчиками для непріятеля.

По полученіи этихъ данныхъ, я составилъ подробную записку, о необходимости уничтоженія тайнаго пути правымъ берегомъ Вида, изъ-за Балканъ къ Плевнѣ. При этомъ я доносилъ начальнику полеваго штаба генералу Непокойчицкому, что съ занятіемъ нашею кавалеріею софійскаго шоссе, означенный путь отъ Тетевени можетъ пріобрѣсти развитіе и весьма важное значеніе для Плевны; что для уничтоженія этого пути я считаю необходимымъ занять Тетевень и Торосъ, но для этого нужно придать къ моему отряду еще двѣ сотни и

эскадрона драгунъ, съ конной батареей. Записка моя была ›авлена съ нарочнымъ офицеромъ, но онъ возвратился › результата; словесно же ему было передано, что я получу ѣтъ черезъ штабъ западнаго отряда.

Между тѣмъ отношенія мои къ этому отряду, названному ›мъ отрядомъ обложенія, были крайне неопредѣленны. Сна› о всѣхъ моихъ мѣрахъ и распоряженіяхъ я сообщалъ ›; но видя, что штабъ этотъ ничего не принимаетъ на себя ичего не рѣшаетъ, а это сильно мѣшало дѣлу, я сталъ ›иться прямо съ полевымъ штабомъ арміи, посылая Зотову ›и съ моихъ представленій, для свѣдѣнія. Это-ли, или же›е руководить мною, было причиною, что 20-го сентября я ›чилъ длинную руководящую бумагу, ясно доказывавшую, въ штабѣ Зотова не знаютъ, ни мѣстныхъ обстоятельствъ, ›оложенія Ловчи и занимающаго ее отряда. Мнѣ писали: ›тобы для постройки укрѣпленій были употребляемы мѣст› жители, турки и болгары, съ ихъ собственнымъ инстру›омъ; 2) чтобы въ городѣ были устроены склады и порохо› погреба; 3) чтобы отнюдь не предпринимать никакихъ ›стоятельныхъ дѣйствій и не увлекаться наступательными ›тками. Но замѣчательнѣе всего была собственноручная ›иска подписавшаго бумагу, чтобы Ловчинскій отрядъ, въ ›аѣ наступленія на него значительныхъ силъ изъ Плевны, ›азсчитывалъ-бы на помощь со стороны западнаго отряда. ›о-первыхъ я никогда не относился серьезно къ тому, чтобы ›анъ могъ предпринять что либо противъ Ловчи, зная, что ›ылъ ему можетъ ударить 3 дивизіи 4-го корпуса, съ стрѣл›ю бригадою и кавалерійскою дивизіею Лошкарева. Во-вто›ъ—интересно было-бы знать, какую роль предоставили-бы ›ъ частямъ въ то время, когда турецкій корпусъ пошелъ› мимо ихъ, атаковать Ловчу?

›а столь курьезное предписаніе я отвѣчалъ слѣдующее. 1) въ Ловчѣ и окрестностяхъ нѣтъ ни одного турка, слѣдо›льно и употреблять ихъ для постройки укрѣпленій нельзя; ›о болгары изъ выжженныхъ деревень только начинаютъ по›ться въ городѣ, не имѣютъ нетолько никакихъ инстру›овъ, но даже насущнаго куска хлѣба, поэтому прежде чѣмъ ›авлять работать, надо накормить ихъ, войска же сами нуж›ся въ сухаряхъ и 3) что для склада снарядовъ устрои-

ваются погреба при батареяхъ и нѣтъ надобности дѣлать другіе внутри города, гдѣ они и безъ непріятеля не будутъ въ безопасности отъ огня.

17 сентября Сухотинъ и Цуриковъ отбыли обратно въ Главную квартиру и въ тотъ-же день прибылъ къ отряду генералъ-маіоръ Дандевиль, назначенный командиромъ первой бригады. Такъ какъ первый ея полкъ находился въ Сельви, а второй въ Тырновѣ, то на слѣдующій-же день, по ознакомленіи его съ положеніемъ дѣлъ и съ ввѣренными ему частями, онъ отправился въ Сельви.

Длившаяся всю вторую половину сентября непогода, сильно отразилась не только на здоровьѣ нижнихъ чиновъ, но и на средствахъ продовольствія отряда. Для сбереженія людей, на всѣхъ позиціяхъ были устроены землянки. Нѣкоторыя части довели ихъ до совершенства, хотя это и было сопряжено съ большими трудностями. Пришлось вырубать въ скалахъ цѣлые корридоры, которые, по прочнымъ стропиламъ, покрывались хворостомъ и толстымъ слоемъ земли. Почти вездѣ сложены были печи и сдѣланы отдушины для вентиляцій. Пища солдатъ была улучшена какъ только возможно: мясо клали вволю и кромѣ казенной фунтовой порціи, роты пользовались, изъ брошенныхъ, бродившихъ по горамъ турецкихъ стадъ, бараниной. Обходя кухни, часто приходилось сердиться за то, что въ котлѣ было больше мяса, чѣмъ бульона.

Совершенно другое испытывали мы въ отношеніи провіанта, то-есть сухарей. Уже съ половины сентября доставка ихъ интенданствомъ съ каждымъ днемъ затягивалась. Были дни, что полки, выдавъ послѣдніе, не знали привезутъ-ли ихъ завтра. Мнѣ не разъ приходилось отдавать приказы, чтобы выданные на два дня сухари разложили на четыре. Крайне озабоченный этимъ, я почти черезъ день посылалъ дивизіоннаго интенданта къ интенданту отряда обложенія, обязаннаго продовольствовать войска, расположенныя въ Ловчѣ и Сельви. Всѣ подобныя посылки имѣли самые ничтожные результаты. Вмѣсто требуемыхъ 8000 пудовъ на пополненіе 8-ми дневнаго запаса, прислали 500, но и имъ приходилось радоваться, такъ какъ было что выдать на завтра. Сухари развѣшивали на фунты, какъ конфекты. Однажды, послѣ многихъ самыхъ убѣдительныхъ просьбъ, интендантъ отряда обложенія, полковникъ Свѣчинъ,

графировалъ мнѣ объ отправленіи въ Ловчу 23000 окъ
пуда) печенаго хлѣба. Проходитъ 3—4 дня,—нѣтъ тран-
та, а на посланный по телеграфу запросъ получается от-
, что это была ошибка, и что хлѣбъ поступилъ въ пол-
стоящіе у Плевны.

Не видя возможности получить что либо отъ Свѣчина и
па, что въ Тырновѣ масса сухарей въ складахъ, я пред-
лъ, для облегченія интенданства по части транспортиров-
перевезти сухари изъ Тырнова въ Ловчу полковыми ло-
ьми. На всѣ предложенія, на всѣ вопросы, просьбы и тре-
нія, на всѣ письма и телеграммы полевому интенданту
и и его помощнику въ Систово, или не было отвѣта, или
ылали такой, который возбуждалъ удивленіе, точно онъ
лся въ насмѣшку. Напримѣръ, я телеграфирую помощ-
главнаго интенданта, что *отъ Свѣчина изъ Парадима ничего
чить невозможно* потому что все идетъ подъ Плевну и по-
прошу распоряженія объ отпускѣ сухарей изъ Тырнова,
рые перевезу войсковыми средствами, безъ всякаго расхода
ы. На третій день получаю слѣдующій отвѣтъ: „Ловче-
винскій отрядъ *долженъ получать сухари изъ Парадима
интенданта Свѣчина*". Не угодно-ли вамъ, читатель, поста-
себя въ мое положеніе того времени.

Много думалъ я какъ выйти изъ затрудненій и наконецъ
ился сдѣлать представленіе, объ отпускѣ отряду, въ за-
ь сухарей, денегъ на покупку зерна, съ тѣмъ, что оно
тъ обращаемо въ муку и перепекаемо въ хлѣбъ по соб-
нному моему распоряженію. Основаніемъ къ подобному
ставленію служилъ приказъ, разрѣшавшій всѣмъ нештат-
ъ командамъ, взамѣнъ сухарей, получать деньги, по 8-ми
векъ въ день на человѣка, для покупки хлѣба. Великій
ь разрѣшилъ и я тотчасъ-же отправилъ своего интенданта
полевое казначейство, гдѣ онъ получилъ авансомъ 8 ты-
ь металлическихъ рублей. Съ тѣхъ поръ и до самаго вы-
ленія за Балканы, то-есть въ теченіи 2½ мѣсяцевъ, мой
дъ не зналъ не только никакого затрудненія по провіант-
у довольствію, но помогалъ въ этомъ другимъ. Ниже будетъ
жено какимъ способомъ мною было организовано это дѣло.

Кромѣ заботъ о текущемъ довольствіи отряда, не мало при-
илось хлопотать и по поводу распоряженія, которое не

вызывалось никакими совершающимися событіями и обстоятельствами, и едва-ли требовалось соображеніями о будущемъ. Выше я упоминалъ, о полученномъ мною отъ генерала Непокойчицкаго отзывѣ, что бы Ловча немедленно была приведена въ недосягаемое для врага оборонительное положеніе, и чтобы ея гарнизонъ могъ выдержать не только блокаду, но и осаду. Первое, какъ читатели видѣли, усердно исполнялось. Въ концѣ сентября всѣ укрѣпленія были готовы и какъ оборона, такъ и развѣдки доведены до того положенія, при которомъ отрядъ могъ спокойно ожидать врага, съ полною надеждою отбить его, хотя бы онъ былъ втрое сильнѣе. Что же касается того, чтобы выдержать блокаду и осаду, да еще неопредѣленное время и неизвѣстно прикакомъ гарнизонѣ, то это такая задача, для рѣшенія которой, кромѣ денегъ, нужны были многія другія средства, а между тѣмъ на нихъ не указывали.

Обдумывая, что могло заставить возложить на меня подобное порученіе, я останавливался на мысли, что вѣроятно въ Главной квартирѣ получены свѣдѣнія, о намѣреніи непріятеля идти отъ Орханіи на Ловчу, или опасались прорыва на нее Османа. Предполагать, что Османъ пойдетъ на Ловчу, тогда уже достаточно укрѣпленную, оставляя у себя въ тылу 60,000 армію, которая ринулась бы за нимъ и быть потомъ приперту къ Балканамъ, значило бы считать его не имѣющимъ малѣйшаго военнаго смысла.

Но полученное приказаніе не допускало никакихъ разсужденій и надо было исполнить, что только возможно. Не имѣя указаній, мнѣ оставалось самому предположить, что въ Ловчѣ находится въ осадѣ 10,000 гарнизонъ, для котораго надо заготовить на 3 мѣсяца: провіантъ, продукты, фуражъ, склады снарядовъ и патроновъ, медикаменты и перевязочныя средства. Для этого мною были приняты слѣдующія мѣры: 1) потребованы отъ окружнаго гражданскаго начальника свѣдѣнія: сколько съ Ловчинскаго округа можетъ быть собрано, реквизиціоннымъ способомъ, всякаго рода зерна, сѣна и скота на мясо; 2) для склада зерна занятъ и отданъ въ распоряженіе интенданта большой общественный магазинъ турецкаго правительства и двѣ мечети, а для надзора за запасами командированы къ нему 5 унтеръ-офицеровъ. Окружной начальникъ отвѣтилъ, что нѣтъ

надобности прибѣгать къ реквизиціи, потому что жители округа подлежатъ десятичному сбору въ пользу казны и потому не только десятая часть урожая можетъ служить для образованія запаса на случай осады, но вмѣсто денежной подати, можно требовать взноса зерна. При этомъ онъ представилъ вѣдомость всего, что можетъ быть свезено изъ округа, въ теченіи мѣсяца. Выставленныя въ вѣдомости цифры обѣщали такъ много, что наводили невольное сомнѣніе. Одной пшеницы было обѣщано 40,000 четвертей и 50,000 пудъ сѣна.

Достаточно этого, чтобы судить, что устроенное княземъ Черкасскимъ гражданское управленіе не имѣло понятія о современныхъ средствахъ края, которымъ бралось управлять. Ловчинскій окружной начальникъ составилъ свою вѣдомость не выѣзжая изъ города, со словъ своихъ агентовъ. Самоувѣренность его, какъ и всѣхъ служившихъ у князя Черкасскаго, была такъ велика, что они, не принимая ничего въ соображеніе, считали написанное или сказанное ими непогрѣшимымъ.

Всякій случай столкновенія нижнихъ чиновъ съ жителями вносился гражданскими окружными начальниками въ срочныя донесенія; о всякомъ взятомъ солдатами бревнѣ на землянку, или о клокѣ сѣна, доносилось какъ о необыкновенномъ происшествіи князю Черкасскому, а князь писалъ начальнику полеваго штаба, который, именемъ Великаго князя, объявлялъ замѣчанія.

Разъ что я коснулся гражданскаго управленія, чтобы не возвращаться къ нему впослѣдствіи, скажу о немъ подробнѣе.

Еще до перехода арміи черезъ Дунай, князь Черкасскій прибылъ 2 іюня въ Главную квартиру, съ цѣлымъ штатомъ будущихъ правителей Болгаріи. Штатъ этотъ уже тогда былъ многочисленъ. Армія еще не видѣла ни Рущука, ни Варны, а уже существовали и рущукскій, и варненскій, и систовскій губернаторы и вице-губернаторы, получающіе весьма значительное содержаніе. Одни изъ этихъ устроителей будущихъ судебъ Болгаріи проживали при Черкасскомъ, составляя его свиту, другіе находили болѣе удобнымъ, въ ожиданіи когда ихъ вызовутъ, жить въ Одессѣ и Бухарестѣ, получая губернаторскіе оклады. Такъ какъ армія въ теченіе полугода была въ раіонѣ только двухъ губерній, Систовской и Тырновской, то только

ихъ губернаторы могли считаться при дѣлѣ, котораго, въ виду военнаго положенія, у нихъ было немного.

Какъ только я прибылъ въ Ловчу, то на другой же день ко мнѣ явился подполковникъ, въ качествѣ начальника Ловчинскаго округа и объявилъ, что уже получилъ отъ князя Черкасскаго нѣсколько предписаній и инструкцій: что ему предписано немедленно открыть городской и судебный совѣты, учредить больницу и школу, и даже прислана программа преподаваемыхъ въ ней предметовъ, съ предвареніемъ, что около новаго года будутъ произведены ученикамъ экзамены. Кажется одного этого достаточно, чтобы судить, что такое было это гражданское управленіе во время войны. Въ только что занятый съ боя городъ, въ которомъ нѣтъ еще жителей, исключая полсотни людей, сбѣжавшихся изъ лѣсовъ, — въ городъ, гдѣ не открылось еще ни одной лавки, гдѣ нѣтъ ни одного дома съ уцѣлѣвшими дверьми и рамами,—является гражданскій начальникъ съ предписаніями, исполнить которыя нѣтъ естественной возможности. Ему велятъ учреждать совѣты тамъ, гдѣ нѣтъ жителей и заводить школы—гдѣ нѣтъ дѣтей.

Досаднѣе всего то, что на гражданскія должности большею частію были опредѣлены военные офицеры. Не думаю, чтобы кто-нибудь изъ нихъ, внутренно раздѣлялъ планы и взгляды своего патрона и его ближайшихъ помощниковъ. Многіе факты показывали, что цѣлью нѣкоторыхъ распоряженій этихъ господъ, было желаніе показать болгарамъ, что военная власть ничто въ сравненіи съ гражданскою, и что только отъ нихъ болгары могутъ ожидать всѣхъ благъ въ будущемъ. Возьмемъ для примѣра хоть то, что въ самый разгаръ безкормицы, циркуляромъ князя Черкасскаго, жителямъ воспрещалось продавать войскамъ ячмень и сѣно, подъ тѣмъ предлогомъ, что на зиму фуражъ будетъ заготовленъ распоряженіемъ гражданскаго управленія. Само собою разумѣется, что циркуляръ этотъ остался мертвою буквою; онъ далъ только болгарамъ поводъ поднять цѣны, а войскамъ, не имѣвшимъ ни малѣйшей вѣры къ распоряженіямъ мнимаго гражданскаго управленія, смотрѣть на него, какъ на вредящее арміи учрежденіе.

Интересенъ и слѣдующій фактъ. Когда были отпущены деньги на покупку для отряда зерна и явилась надобность въ усиленномъ хлѣбопеченіи, я приказалъ употреблять на дрова

уразрушенные турецкіе дома, находившіеся на окраинахъ
ода. Узнавъ объ этомъ, гражданскій начальникъ заявилъ
тензію, докладывая мнѣ, что князь Черкасскій приказалъ
регать дома турокъ на случай ихъ возвращенія на мѣсто
ельства, и что онъ испроситъ приказанія его сіятельства
отпускѣ дровъ изъ ближайшихъ къ городу казенныхъ лѣ-
ъ. Сознавая, что прежде слѣдуетъ позаботиться о войскахъ,
отомъ о туркахъ, которые, быть можетъ, никогда и не воз-
тятся, я приказалъ полицеймейстеру назначать дома на
мку по его усмотрѣнію; объ этомъ конечно было донесено
акъ бы въ насмѣшку мнѣ объявлено, что главноначаль-
ующій гражданскою частью, разрѣшилъ отвести Ловче-Сель-
скому отряду нѣсколько десятинъ лѣса, въ 12-ти верстахъ
Ловчи, но съ тѣмъ, чтобы войска сами его рубили, распи-
али и доставляли къ пекарнямъ. Лѣсъ этотъ оказался строе-
ъ, на такихъ горахъ и въ такихъ окраинахъ, откуда и
тные дровосѣки не могли бы добыть его. И эту-то работу,
ли соотечественники гражданскаго отдѣла, желали взва-
ъ на русскаго солдата, занятаго цѣлые дни работою
ѣпленій и проводящаго ночи на аванпостахъ. Конечно на
подобныя распоряженія приходилось не обращать вниманія
итая ихъ оставалось только пожимать плечами.

Кромѣ устройства укрѣпленій, я старался обезпечить от-
ъ отъ нечаяннаго нападенія правильными и постоянными
вѣдками верстъ на 40 въ окружности. Разъ установившійся
этомъ отношеніи порядокъ соблюдался съ полною точностью.
чальники четырехъ главныхъ постовъ, ежедневно, къ 6 ча-
ъ утра и къ 6 вечера, присылали прямо ко мнѣ подробныя
иски о всемъ случившемся и замѣченномъ. Такія же свѣ-
ія они пересылали одинъ другому черезъ съѣзжавшіеся въ
редѣленныхъ пунктахъ сосѣдніе разъѣзды. Такимъ обра-
ъ нетолько въ штабѣ отряда, но по всей линіи постовъ, во
кое время было извѣстно все гдѣ либо случившееся или
готовляемое непріятелемъ.

Съ 25 сентября начали поступать отъ лазутчиковъ свѣдѣ-
, что за Изворомъ и по ту сторону Вида, у Тороса, вновь
ли появляться башибузуки и что въ Тетевени возводятся
рѣпленія. Въ то же время, наблюдавшій за Троянскимъ пе-
аломъ войсковой старшина—Антоновъ доносилъ, что за пе-

реваломъ собираются черкессы, съ частію регулярныхъ войскъ, съ намѣреніемъ напасть на находящійся на сѣверномъ склонѣ, близь Траяна, монастырь Успенія Божіей Матери. Вслѣдствіе этихъ свѣдѣній я предписалъ: войсковому старшинѣ Тарасову, стоявшему въ Микре и Антонову изъ Траяна произвести поиски: первому на Изворъ и второму—къ перевалу.

Оба эти офицеры выполнили возложенныя на нихъ порученія съ замѣчательною точностью: Тарасовъ, послѣ горячей перестрѣлки, занялъ Изворъ; Антоновъ же присоединилъ къ себѣ 40 охотниковъ изъ болгаръ-горцевъ, достигъ половины сѣвернаго подъема, на слѣдующій день поднялся еще верстъ на 5-ть, но какъ дальнѣйшій путь, вслѣдствіе хлынувшихъ съ горъ отъ проливныхъ дождей потоковъ, оказался невозможнымъ, то возвратился къ монастырю, гдѣ учредилъ довольно сильный охранительный постъ. Это была первая наша попытка къ разслѣдованію Траянскаго перевала, имѣвшая послѣдствіемъ то, что турки, дѣйствительно собиравшіеся, въ числѣ 2-хъ тысячь всякаго сброда, напасть на Успенскій монастырь, узнавъ о его занятіи, ушли къ Тетевени.

Съ этого времени мысль о занятіи Тетевени начала все болѣе и болѣе занимать меня. Въ отвѣтъ на послѣднее донесеніе Антонова я приказалъ ему, послѣ двухъ дней необходимаго отдыха, произвести поискъ отъ Траяна къ Тетевени, съ цѣлью изслѣдовать путь и собрать свѣдѣнія о занимающихъ городъ силахъ. Изъ перехваченнаго при поискѣ письма жителя Тетевени къ своему сыну Антоновъ узналъ, что въ городѣ нѣсколько ротъ регулярной пѣхоты, что онъ охраняется передовыми постами, что турки сгоняютъ изъ окрестныхъ деревень жителей, не исключая женщинъ, на работу для постройки редутовъ. При всемъ желаніи предпринять экспедицію противъ Тетевени, покуда непріятель не успѣлъ укрѣпить ее, по невозможности удѣлить изъ Ловчи хотя бы полубаталіонъ, я долженъ былъ отложить это намѣреніе до тѣхъ поръ, покуда мнѣ не удастся убѣдить полевой штабъ, въ необходимости усилить отрядъ, хотя возвращеніемъ къ нему Новоингерманландскаго полка.

Въ послѣднихъ числахъ сентября въ Ловчу пришло до 200 болгаръ изъ села Тороса (50 верстъ отъ Ловчи, на сѣверо западъ). Явившаяся отъ нихъ ко мнѣ депутація передавала, что

на Торосъ напали башибузуки, ограбили дома, выгнали изъ села всѣхъ мужчинъ, а женъ и дѣтей заперли въ сараяхъ, морятъ ихъ голодомъ, производя всякаго рода насилія и неистовства. Я немедленно послалъ Тарасову приказаніе провѣрить все это и онъ 29 го сентября доносилъ мнѣ: „Свѣдѣнія о занятіи турками Тороса вѣрны. Болгары неотступно просятъ освободить ихъ женъ и дѣтей. Я вполнѣ готовъ идти туда, но непроницаемый туманъ не позволяетъ. Какъ только онъ пройдетъ, немедленно выступаю, прямо черезъ горы".

Онъ выступилъ на другой же день и 1 октября, въ день Покрова Богородицы, совершилось взятіе Тороса и освобожденіе отъ турецкихъ тиранствъ 500 душъ женщинъ и дѣтей. Опуская подробности этого дѣла, приведу слова Тарасова, которыми онъ заканчиваетъ свой рапортъ ко мнѣ: „Не могу описать, доносилъ онъ, той радости, съ которою, истомленныя голодомъ болгарки бросались къ моимъ ногамъ и цѣловали руки казаковъ". Въ числѣ раненыхъ оказалась женщина, съ полугодовымъ ребенкомъ, прострѣленная въ грудь двумя пулями. Покуда несчастныя семьи выбирались изъ заточенія, башибузуки вновь стали показываться изъ лѣса, что заставило Тарасова, подъ прикрытіемъ полусотни, поспѣшить за рѣку, причемъ казаки перевозили дѣтей на сѣдлахъ. Переночевавъ въ лѣсу, онъ возвратился на свой постоянный постъ въ Микре. Съ тѣхъ поръ бивакъ его превратился въ станъ болгарскихъ семей, поселившихся въ шалашахъ, возлѣ своихъ спасителей.

Одновременно съ поискомъ на Торосъ, произведена была Антоновымъ вторичная рекогносцировка отъ Траяна къ Тетевени, кончившаяся подробнымъ изслѣдованіемъ пути, собраніемъ свѣдѣній объ укрѣпленіяхъ и силѣ гарнизона этого города. На обратномъ пути Антоновъ отбилъ турецкое стадо, причемъ добыча его состояла: изъ 15 лошадей, 70 головъ скота и 300 барановъ. О лихихъ дѣйствіяхъ этихъ офицеровъ я донесъ главнокомандующему, съ представленіемъ обоихъ къ наградѣ, которую они немедленно и получили.

Чѣмъ болѣе обезпечивалось положеніе Ловчи, тѣмъ большую свободу дѣйствій пріобрѣтали войска моего отряда. Съ прибытіемъ въ началѣ октября двухъ эскадроновъ казанскаго драгунскаго полка, со взводомъ казачьей конной батареи, яви-

лась возможность, не ослабляя поисковъ къ западу, приступить къ постоянному разслѣдованію сѣверныхъ спусковъ съ Балканъ, по Розелитскому и Траянскому перевалу. Для усиленія надзора за этими спусками, я предписалъ графу Татищеву занять у предгорій: Траянъ, Успенскій монастырь и деревню Острецъ, 3 ротами его полка.

На сколько меня тревожила болѣзненность въ частяхъ находившихся въ Ловчѣ, настолько радовало отличное состояніе здоровья людей Староингерманландскаго полка, находящагося въ Сельви. Этому благопріятствовала стоянка его въ городѣ, ни разу съ начала компаніи не бывшемъ въ рукахъ турокъ, а по распланировкѣ и чистотѣ составлявшемъ исключеніе между городами Болгаріи. Впрочемъ, отличное состояніе здоровья въ полку, во многомъ зависѣло отъ заботливости и распоряженій его командира. Генералъ Дандевиль, вскорѣ по прибытіи къ бригадѣ, произвелъ полку смотръ и доносилъ мнѣ, что онъ не могъ ожидать, чтобы какая-либо часть, въ военное время, могла представиться въ такомъ устроенномъ видѣ, какъ Староингерманландскій полкъ. Тоже заявляли мнѣ и видѣвшіе людей этого полка, проѣздомъ черезъ Сельви, называвшіе его, по наружному виду и по порядку,—гвардейскимъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

1876.

** Organизація продовольствія средствами страны.—Почтовые курьезы.—Іалия парки.—Бѣдствіе болгаръ.—Взятіе Тетевени.—2-я бригада за Виомъ.—Принцъ Баварскій.—Каломанъ Ивановичъ.—Движеніе 2-й гренадерской дивизіи къ Плевнѣ.—Занятіе Розелитскаго перевала.—Рекогносцировки Сухомлинова.—Моя записка о проходахъ центральнаго Балкана.—Тревоги изъ за Елены.—Вѣсть о паденіи Плевны.—За обѣдомъ въ Боготѣ.—Послѣдняя поѣздка къ Великому князю.—Послѣдніе дни въ Ловчѣ.**

Выше мною было упомянуто, что съ разрѣшенія главнокомандующаго снабженіе отряда провіантомъ, съ 20 сентября, перешло въ мое личное распоряженіе. Вотъ какъ было организовано мною это дѣло.

Въ счетъ отпущенной суммы были наняты два смѣтливыхъ и расторопныхъ болгарина, изъ знающихъ всѣ окрестныя села. Каждому изъ нихъ было придано по два надежныхъ унтеръ-офицера и по два казака; такимъ образомъ образовались 2 партіи закупщиковъ хлѣба въ зернѣ. Разъѣзжая по округу, они закупали у болгаръ пшеницу, кукурузу, рожь, ячмень и овесъ, выдавали задатки, а окончательный разсчетъ производился по поставкѣ въ Ловчѣ. Подвозъ былъ до того успѣшенъ, что интендантъ и его секретарь цѣлый день были заняты, или пріемкою и расплатою, или сдачею зерна на мельницы. Послѣднихъ оказалось въ Ловчѣ три и всѣ испорченныя, но ихъ вскорѣ исправили. Втеченіи 3-хъ недѣль было закуплено и свезено зерна столько, что продовольствіе тысячнаго отряда могло считаться обезпеченнымъ на 4 мѣсяца. Для приготовленія хлѣба я приказалъ устроить 25 полевыхъ хлѣбопекарныхъ печей, а потомъ, когда отрядъ былъ увеличенъ и пришлось приготовлять хлѣбъ на 9 т. человѣкъ, то было прибавлено еще 15. Всѣ эти 40 печей помѣщались въ одну линію, въ оврагѣ близъ редута. До 50 хлѣбопековъ, раздѣлен-

ныхъ на двѣ очереди, спѣшно работали день и ночь. Изъ нихъ составлена была особая команда, помѣщенная въ двухъ вновь выстроенныхъ теплыхъ балаганахъ. Все это, при постоянно дѣйствующихъ печахъ, имѣло видъ фабрики. Такъ какъ хлѣбъ изъ одной пшеничной муки скоро пріѣдался, то выпекали его, перемѣшивая пудъ пшеничной съ полпудомъ ржаной и четверть пудомъ кукурузной.

По приведеніи перечисленныхъ мѣръ въ исполненіе, ни одинъ транспортъ не приходилъ въ Ловчу и провіантское продовольствіе солдата, втеченіи 2½-хъ мѣсяцевъ, обошлось казнѣ по 2 р. 70 к. на каждаго. По разсчету-же, сдѣланному интендантомъ дивизіи, довольствуя сухарями изъ транспортовъ, казна издержала бы, въ то же время не 8, а болѣе 60 тысячъ. Пріѣзжавшій въ Ловчу главный полевой интендантъ арміи, осмотрѣвъ сдѣланные мною запасы и порядокъ хлѣбопеченія, писалъ генералу Непокойчицкому: „Если-бы была возможность достичь, чтобы всѣ отрядные начальники дѣлали то, что я видѣлъ въ Ловчѣ, то продовольствіе войскъ было бы вездѣ обезпечено.

Октябрь мѣсяцъ, особенно первая его половина, былъ проведенъ нами въ Ловчѣ совершенно по мирному. Городъ постепенно наполнялся, въ немъ понемногу возродилась торговля, открылись 2—3 гостинницы; одна изъ болгарскихъ церквей приведена была въ порядокъ и въ ней всякій воскресный день служили полковые священники. Съ наступленіемъ же, послѣ сентябрскихъ ненастій, ясныхъ осеннихъ дней, болѣзненность нѣсколько стихла и на душѣ стало какъ-то веселѣе и спокойнѣе. Единственно, что иногда смущало насъ, это мысль о Плевнѣ, все еще державшейся, несмотря на прибытіе подкрѣпленій, несмотря на взятіе дорого стоившихъ гвардіи Дубняка и Телиша. Эти побѣды дали увѣренность, что теперь къ Осману не пройдутъ уже никакіе транспорты и поддержки, и что паденіе его твердынь дѣлается вопросомъ дня.

Послѣ всѣхъ описанныхъ заботъ и хлопотъ, октябрскіе дни можно было считать отдыхомъ. Занятый для меня домъ былъ настолько великъ, что въ нижнемъ этажѣ помѣщались: начальникъ штаба и дивизіонный интендантъ, а въ верхнемъ, кромѣ меня,—адъютанты съ ординарцами и дивизіонный докторъ. Двери и окна этого дома были исправлены, а имѣвшіяся

въ печи, за неимѣніемъ дровъ, пришлось топить взятыми изъ разрушенныхъ домовъ паркетами и рѣзными перегородками изъ дуба и орѣха, которыми такъ были богаты гаремныя пристройки турокъ.

Кромѣ отряднаго штаба, вокругъ меня составилась группа лицъ, имѣвшая всѣ данныя для пріятнаго и дружескаго препровожденія времени, въ свободные отъ службы часы. Таковыми были: флигель-адъютантъ полковникъ Орловъ, получившій въ отрядѣ казачью бригаду, составленную изъ 24-го и 30-го казачьихъ полковъ; уже знакомый читателямъ генералъ Давыдовъ; командиръ артиллерійской бригады полковникъ Золотухинъ—почтенный и оригинальный старичекъ, добродушный до крайности и большой любитель до всякаго рода новостей; командиръ 24-го полка — полковникъ Шамшевъ — bonvivant и хлѣбосолъ, болѣе похожій на московскаго барина, или полтавскаго помѣщика, чѣмъ на казака. Какъ человѣкъ не столько богатый какъ тароватый, онъ умѣлъ и въ Ловчѣ обставить себя и свою квартиру такъ, что сидѣлъ среди ковровъ, ѣлъ омары и запивалъ ихъ настоящимъ бургонскимъ. По вечерамъ мы собирались то у Давыдова, то у меня, то у Шамшева. Благодаря поискамъ Тарасова и Антонова, въ провизіи мы не нуждались. Послѣ всякой добычи, казачки, по существующему у нихъ обычаю, всегда присылали въ Ловчу гостинцы, въ видѣ отбитыхъ у турокъ коровъ и барановъ, а также и живой домашней птицы. Не рѣдко появлялась на столѣ и рыба, такъ какъ протекавшая черезъ городъ Осьма изобиловала вкусными форелями. Не рѣдкимъ нашимъ собесѣдникомъ былъ мой дивизіонный благочинный. Про него говорили, что онъ совершаетъ походъ съ мѣшечкомъ и мѣднымъ чайникомъ.

— Правда-ли, батюшка, спрашиваетъ его однажды Золотухинъ, что у васъ нѣтъ ни лошади, ни повозки, ни даже чемодана?

— Совершенная правда, отвѣчалъ онъ. Да и зачѣмъ они? Лишнее бремя. Длинныхъ переходовъ покуда не дѣлается, а пройти 15—20 верстъ, даже пріятно. Какая красота въ горахъ,—не налюбуешься и пройдешь незамѣтно.

— А гдѣ-же ваши вещи, бѣлье, одежда, спросятъ его.

— Какія вещи? гребешокъ въ карманѣ, смѣна бѣлья въ

котомкѣ, а подрясникъ на себѣ. Есть еще тулупъ да валенки, но тѣ, спасибо солдатикамъ, втиснуты въ ротную повозку.

— Все-таки я не понимаю, отецъ, какъ вы обходитесь съ котелкомъ и чайникомъ?

— И отлично обхожусь, доложу вамъ. Вы приходите въ бивакъ и ждете когда дойдутъ ваши повозки, да вьюки. А я досталъ изъ мѣшечка чай и сахаръ, попросилъ солдатика сбѣгать за водой, присѣлъ къ любому костру и черезъ 5 минутъ чай готовъ,—а вы ждите. Не только самъ напьешься, но и другихъ угостишь.

Штабная молодежь моя частенько любила подтрунивать надъ добрѣйшимъ Золотухинымъ. Каждое утро, или какъ только заслышитъ, что къ занимаемому мною дому проскакалъ казакъ или прошелъ телеграфистъ,—Золотухинъ ужъ тутъ, и пройдетъ бывало не прямо ко мнѣ, а прежде въ общую спальню адъютантовъ и ординарцевъ.

— Ну что, господа, какія вѣсти?

— Лучше не спрашивайте, Александръ Николаевичъ,— отвѣтитъ кто-нибудь изъ молодежи, принимая угрюмое выраженіе, чему подражаютъ и остальные.

— А что такое, откуда депеши?

— Какое депеши! Ночью генерала разъ 5 будили; кажется со всѣхъ сторонъ плохо.

— Что вы говорите!

— А вотъ посмотрите: генералъ заперся съ начальникомъ штаба и уже полчаса что-то диктуетъ.

— Да что-же такое, говорите скорѣе?

— Почемъ мы знаемъ. Двоимъ велѣно быть готовыми ѣхать съ казаками, я уже велѣлъ сѣдлать.

Наконецъ кто-нибудь сжалится надъ волнующимся старикомъ и сознается, что новаго ничего нѣтъ. Золотухинъ разсердится, походитъ взадъ и впередъ по общей комнатѣ, но все-таки, не вѣря, что нѣтъ новостей, осторожно войдетъ ко мнѣ.

— Какъ прошла ночь, ваше превосходительство?—спроситъ онъ, здороваясь.

— Ничего, покойно. Было два донесенія съ постовъ,—вотъ прочтите.

— Ну, а отъ Плевны? часу въ 12-мъ была слышна страшная канонада.

— Вѣтеръ съ той стороны, оттого такъ и казалось, а вѣроятно обыкновенная. Вѣдь еслибы что было, дали бы знать.

— Да, и то правда. А все-таки не зайти-ли на телеграфъ—можетъ что и есть.

— Зайдите.

Съ телеграфа Золотухинъ непремѣнно забѣжитъ къ Орлову, отъ него къ Давыдову, закуситъ у Шамшева, завернетъ къ окружному начальнику,—и такъ всякій день.

Разъ, уже послѣ обѣда, вбѣжалъ онъ прямо ко мнѣ, запыхавшись и едва проговорилъ:

— Ваше превосходительство, поздравляю, поздравляю!

— Что такое?

— Развѣ не знаете, Плевна взята!

Догадываясь, что снова кто-нибудь подшутилъ надъ нимъ, я спокойно спрашиваю: откуда вы взяли, кто вамъ сказалъ?

— Байковъ! онъ сейчасъ съ телеграфа идетъ къ вамъ съ депешей, но я обогналъ его.

— Перестаньте, Александръ Николаевичъ! охота вамъ вѣрить.

Въ это время входитъ Байковъ и улыбаясь подаетъ депешу изъ Сельви.

Подобныя продѣлки были такъ часты, что я даже распекалъ молодежь за подтруниваніе надъ почтеннымъ полковникомъ.

Почти каждый день, большимъ обществомъ, мы предпринимали поѣздки верхами по позиціямъ и окрестностямъ Ловчи, и почти всякій разъ мнѣ приходилось сердиться и удивляться беззаботности и риску русскаго солдата, особенно казачковъ. Другой отойдетъ версты четыре за аванпосты и бродитъ себѣ по горамъ безъ оружія, точно въ Костромской губерніи. Казаки же на почтовыхъ постахъ, отъ нечего дѣлать, придумали выгодный для себя промыселъ. Соберутъ съ неубранныхъ полей сотню овсяныхъ или ячменныхъ сноповъ и тутъ же, возлѣ поста обмолотятъ и вывѣятъ зерно, а потомъ продаютъ его въ обозы пѣхоты.

Съ каждымъ днемъ Ловча принимала возможно благоустроенный видъ. Ея главныя улицы хотя плохо, но освѣщались, мостовыя, бывшія въ ужасномъ состояніи, кое-какъ при-

шли на главной улицѣ въ порядокъ, появились двѣ-три извощичьи таратайки, часы на городской башнѣ исправлены, въ городѣ уже существовала почтовая контора и на телеграфной станціи стали принимать частныя депеши въ Россію. Странно было только то, что частная корреспонденція шла правильнѣе казенной. По поводу почтовыхъ сношеній войскъ съ штабами, могу привести слѣдующій фактъ.

Между Боготомъ, гдѣ была Главная квартира, и Ловчею—всего 22 версты. Между тѣмъ бумаги и приказы, сдаваемые полевымъ штабомъ въ почтовое отдѣленіе, иногда приходили ко мнѣ черезъ 2 недѣли. Желая узнать этому причину, какъ-то бывши въ Боготѣ, я сталъ жаловаться на подобный порядокъ, приводя въ примѣръ, что посылаемое мною по устроенной казачьей почтѣ доходитъ до меня и отъ меня въ 3 или 4 часа. Присутствовавшій при этомъ генералъ, жившій въ Тученицѣ, то-есть въ 2-хъ верстахъ отъ Богота, возразилъ на мою жалобу такимъ образомъ:

„Какой вы однако строгій; жалуетесь, что за 20 верстъ получаете приказы черезъ 2 недѣли. Вотъ я, находясь въ 2 верстахъ отсюда, получаю ихъ на 5-й день, тогда какъ вѣстовой могъ-бы принести черезъ полчаса“.

Подобному явленію было двѣ причины: первое то, что бумаги касающіяся военныхъ дѣйствій были въ вѣдѣніи одной части полеваго штаба, а административныя и хозяйственныя—въ вѣдѣніи другой. Представители-же этихъ частей не хотѣли обязываться другъ другу; административный не хотѣлъ сказать военному: „пожалуйста отправьте этотъ конвертъ по казачьей почты“, а сдавалъ его въ почтовое отдѣленіе. Послѣднее-же, вслѣдствіе любви къ секретамъ, не имѣло свѣдѣній, гдѣ какая часть находится; это было извѣстно только полевому почтамту, находившемуся въ Систовѣ; поэтому всякая административная бумага пересылалась прежде туда. Такимъ образомъ конвертъ, адресованный ко мнѣ изъ Богота, шелъ по почтѣ: 50 верстъ—въ Систово, оттуда 100 верстъ въ Тарновъ, изъ него 40 верстъ въ Сельви и наконецъ уже оттуда—35 верстъ въ Ловчу, т. е. совершалъ 225 верстъ вмѣсто 22, если-бы его сдали на летучую казачью почту. Читатели могутъ подумать, что я разсказываю небылицы, а между тѣмъ это дѣйствительно было.

Чтобы вполнѣ исполнить приказаніе о приведеніи Ловчи
такое положеніе, при которомъ она могла бы выдержать
;у, необходимо было, для помѣщенія артиллерійскихъ за-
овъ и склада снарядовъ, построить 10 большихъ порохо-
ъ погребовъ. Я выбралъ для этого центральное для всѣхъ
ѣпленій мѣсто, западнѣе Микреевскаго выѣзда. Къ погре-
ь, и отъ нихъ къ передовымъ батареямъ, были проведены
эги, причемъ въ двухъ пунктахъ пришлось строить боль-
мосты черезъ овраги. Для руководства этими работами
удалось выхлопотать присоединеніе къ отряду одной
ы 6 сапернаго баталіона; необходимые-же матеріалы были
ы изъ домовъ брошенной турецкой части города.

Когда постройка погребовъ была окончена, то для наполне-
ихъ снарядами, я вытребовалъ изъ Сельви всѣ три принад-
ащіе дивизіи парка. Но чего только не раскрыло это рас-
яженіе! во-первыхъ, вмѣсто трехъ парковъ явился одинъ
не полный. Вольнонаемный оказался разформированнымъ,
вижной—вытребованнымъ въ Парадимъ, для подвоза сня-
овъ къ Плевнѣ. Кѣмъ и когда были сдѣланы подобныя
поряженія, объ этомъ не было сообщено ни мнѣ, какъ на-
ьнику отряда, ни командиру артиллерійской бригады Золо-
ину, какъ прямому начальнику парковъ въ дивизіи. Что
андиры парковъ ушли не донося мнѣ—этому я не удивился,
эму что эти господа, впродолженіи всей компаніи, обнару-
али весьма слабыя понятія о службѣ и подчиненности. Но
ьзя было не удивиться, какъ дѣлавшіе подобныя распоря-
ія не понимали, что нельзя хозяйничать въ отрядѣ, безъ
эма его начальника.

Вытребованный летучій паркъ прибылъ въ Ловчу въ со-
ѣ 3-хъ отдѣленій, вмѣсто 5-ти. Командующій имъ капи-
ь оправдывался тѣмъ, что у него много больныхъ лоша-
а другихъ онъ не успѣлъ подковать, такъ какъ казна
ускаетъ паркамъ деньги только на ковку передовъ. Непро-
ельнѣе и безнравственнѣе подобной отговорки нельзя было
думать. Послѣдствія показали, что лошади не содержались
полномъ числѣ и болѣли оттого, что ихъ почти не кор-
и. Что же касается до ковки, то, во-первыхъ, запасныя
ковы на зады слѣдовало имѣть на лицо, а во-вторыхъ,
даровомъ сѣнѣ съ турецкихъ полей, тогда какъ на

него широко отпускались деньги, доходъ съ парка былъ таковъ, что даже выдавая полную дачу, можно было-бы подковать лошадей золотыми подковами. Между тѣмъ лошади 3-хъ прибывшихъ отдѣленій, при бѣгломъ моемъ осмотрѣ, имѣли видъ одровъ, которые съ голоду грызли другъ другу хвосты и гривы. Приказавъ полковнику Золотухину произвести парку инспекторскій смотръ, при которомъ опросъ офицеровъ обнаружилъ невообразимыя злоупотребленія ихъ командира, я сообщилъ о результатахъ начальнику артиллеріи арміи. Несмотря на это, названный капитанъ еще долго оставался командиромъ; но при первомъ моемъ свиданіи, въ Боготѣ, съ княземъ Масальскимъ, я не могъ не выразить моего удивленія къ подобному факту. „Помилуйте, отвѣчалъ онъ,—въ моемъ управленіи говорятъ, что это отличный офицеръ“. Разсказавъ князю подробности, я прибавилъ, что если виновный не будетъ наказанъ, то я доложу Великому князю и только этимъ добился отрѣшенія этого господина отъ должности.

Съ приходомъ къ Плевнѣ гвардіи и гренадеръ, начался новый періодъ войны и какъ-то почувствовалось, что мы пріобрѣтаемъ все бо́льшую и бо́льшую силу. Съ передовыхъ постовъ стали приводить десятками взятыхъ съ оружіемъ башибузуковъ, а 2 раза попались и шпіоны, одинъ изъ Карлова, другой изъ Орханіи. Они сознались, что имъ поручено высмотрѣть Ловчинскія укрѣпленія и развѣдать о силахъ гарнизона. Иногда приводили и стариковъ, съ женами и дѣтьми. Видъ этихъ полунагихъ и изнуренныхъ мусульманъ производилъ сильное впечатлѣніе и нужно было много силы воли, чтобы не поддаться чувству невольнаго къ нимъ участія. Только мысль о тѣхъ звѣрствахъ, которыя эти фанатики совершали надъ христіанами, заставляли относиться къ нимъ равнодушно.

Еще болѣе потрясающій нервы и гнетущій сердце видъ представляли семьи болгаръ, цѣлыми караванами проходившія черезъ Ловчу, съ Балканъ и изъ-за Вида, чтобы селиться среди русскихъ отрядовъ. Дня не проходило, чтобы не представлялись картины одна прискорбнѣе другой и чѣмъ болѣе усиливались непогоды, тѣмъ раздирающія душу сцены были ужаснѣе. Чаще всего попадались группы женщинъ, съ дѣтьми на рукахъ и за спиной, за которыми бѣгутъ босикомъ другіе

эти, блѣдные, изнуренные, въ однихъ рубашенкахъ, дрожаіе отъ холода. На лицахъ матерей уже нѣтъ слезъ, всѣ они ыплаканы. Мужчинъ мало между ними—они зарѣзаны или овѣшены, и если попадаются, то или живой остовъ, съ ренкомъ, мать котораго уведена въ неволю, или покрытый рубищемъ старикъ, котораго въ ручной телѣжкѣ тащила за сою сестра или дочь. Въ другомъ мѣстѣ, дряхлая старуха веэтъ одною рукою полунагую дѣвочку лѣтъ 6-ти, а другою ержитъ поводъ осла, на которомъ еще двое крошечныхъ коченѣлыхъ дѣтей. Одинъ изъ нихъ громко плачетъ, другой же утомился отъ крика и спитъ, качаясь на привязи, а между ѣмъ осенній дождь хлещетъ въ ихъ хорошенькія личики. озади осла, обвѣшаннаго собранною дорогою въ брошенномъ олѣ кукурузою, идетъ другая женщина, пригнутая къ землѣ сжестью взваленнаго на ея спину короба, съ имуществомъ эсчастной семьи, уже не одинъ день не ѣвшей ничего кромѣ ырой кукурузы. На вопросъ куда они идутъ? мы всегда получали одинъ отвѣтъ: „идемъ туда, гдѣ руссы“. А что могли ы сдѣлать для тысячъ подобнаго люда? Конечно не одинъ зъ насъ не проходилъ не давши монеты, но на долго-ли хвала подобная помощь?

Эти сцены были описаны мною въ письмахъ къ женѣ моей, ь Нижній-Новгородъ; она дѣлилась ими съ знакомыми и благодаря сердечности тамошняго дамскаго общества, въ городѣ ыло собрано нѣсколько пудовъ различной женской и дѣтской ѣплой одежды и обуви. Тюки съ ними были въ концѣ октября даны на почту, для отправки ко мнѣ, но я не получилъ ихъ. асть этихъ тюковъ, спустя 9 мѣсяцевъ, была возвращена въ ижній. Конечно я отказался отъ обратнаго полученія перелившаго тряпья, такъ какъ съ меня почта требовала 14 рублей ь его странствіе.

Молодое населеніе Балканскихъ склоновъ, уцѣлѣвши отъ урецкихъ неистовствъ и имѣвшее возможность запастись какимъ-либо оружіемъ, подъ предводительствомъ старыхъ бойовъ за свободу, образовало нѣсколько бандъ, называвшихся *четами*; они обыкновенно гнѣздились возлѣ нашихъ позицій. вѣ такія четы были приданы мною—одна Тарасову, другая—нтонову, которымъ онѣ служили проводниками и развѣдчи-

ками при поискахъ. Онѣ-же содержали караулы на вершинахъ горныхъ проходовъ.

Пользуясь затишьемъ передъ передовыми постами, я нѣсколько разъ производилъ примѣрное занятіе войсками оборонительныхъ позицій, по заранѣе составленнымъ диспозиціямъ. Въ случаѣ тревоги, всѣ части, получивъ увѣдомленіе откуда и противъ котораго фронта наступаетъ непріятель, должны были занять опредѣленные пункты и знать какимъ путемъ пройти къ нимъ, изъ постоянныхъ своихъ помѣщеній. Въ приложенныхъ къ диспозиціямъ инструкціяхъ было подробно указано: куда должны быть направлены казачьи сотни, какъ поступить съ обозами, гдѣ назначены перевязочные пункты, по какимъ укрѣпленіямъ распредѣляется рота носильщиковъ. Черезъ это каждый частный начальникъ зналъ, что ему дѣлать, куда вести свою часть и какая назначена роль въ общемъ ходѣ обороны.

Примѣрное занятіе того или другого фронта дѣлалось мною вовсе не изъ опасенія атаки на Ловчу, а ради того, чтобы чѣмъ нибудь занять офицеровъ и нижнихъ чиновъ, видимо начинавшихъ тяготиться бездѣйствіемъ. Но вскорѣ ему предстояло окончиться. Предвидя, что съ переходомъ гвардіи на Софійское шоссе, надо ожидать рѣшительныхъ дѣйствій за Видомъ, я сознавалъ необходимость оказать имъ содѣйствіе, движеніемъ отъ Ловчи къ Яблоницѣ. Но прежде чѣмъ предпринять его, необходимо было овладѣть Тетевенью, иначе этотъ укрѣпленный пунктъ оставался бы за моимъ лѣвымъ флангомъ. Составляя планъ экспедиціи къ Тетевени, я поставилъ себѣ цѣлью, комбинировать движеніе колонъ отъ Траяна и Ловчи такъ, чтобы турки не только были разбиты, но и окружены. Но такъ какъ путь отъ Тетевени, на западъ по долинѣ Бѣлаго Вида, не былъ еще изслѣдованъ, то 5-го октября я отправилъ поручика Эрнрота въ Микре къ Тарасову, чтобы вмѣстѣ съ нимъ произвести рекогносцировку этого пути. Имъ предстояло идти на деревню Градишицу (35 верстъ отъ Ловчи къ юго-западу), которая, по доставленнымъ болгарами свѣдѣніямъ, была занята башибузуками. Предпріимчивый Тарасовъ, не посылая впередъ разъѣздовъ, 6-го числа, въ сумерки, налетѣлъ на нихъ такъ неожиданно, что они успѣли только зажечь крайнюю хату и бросились въ разсыпную. Изрубивъ

ъ, кого можно было нагнать и захвативъ нѣсколько воору-
ныхъ помаковъ въ плѣнъ, Тарасовъ ночевалъ въ Гради-
цѣ, а на слѣдующій день сдѣлалъ усиленный переходъ,
ь дорогъ, по горамъ къ Тетевени. Въ 5-ти верстахъ отъ
:, оставивъ сотню въ лѣсу, самъ съ Эрнротомъ и урядни-
гъ, пѣшкомъ, ночью, то спускаясь въ кручи, то взбираясь
горы, пробрался такъ близко къ городу, что видѣлъ огни
домахъ и костры внутри укрѣпленій. По собраннымъ ими
дѣніямъ, въ Тетевени находилось 500 человѣкъ низама (ре-
ярнаго войска), два эскадрона драгунъ, 2 сотни черкесовъ
башибузуки. На основаніи этихъ данныхъ, я опредѣлилъ
тавъ предстоящей экспедиціи, начальникомъ которой назна-
гъ флигель-адъютанта полковника Орлова.

Отрядъ Орлова долженъ былъ выступить изъ Ловчи 10-го
ября и въ тотъ же день, лѣвая его колона, подъ началь-
омъ Антонова,—изъ Траяна. Но въ ночь на 10-е, ордина-
гъ генерала Гурко привезъ мнѣ отъ него письмо, съ извѣ-
ніемъ, что 12-го онъ предпринимаетъ атаку турецкихъ укрѣп-
ій при Горномъ Дубнякѣ и Телишѣ и проситъ меня выслать
послѣднему летучій отрядъ, который, демонстрируя, облег-
гъ бы дѣйствія гвардіи. Какъ ни было неудобно отклады-
ь экспедицію, къ которой уже были сдѣланы всѣ приготов-
ія, но я немедленно телеграфировалъ въ Сельви, командиру
го Казачьяго полка, Грекову, чтобы онъ форсированнымъ
шемъ выслалъ 2 сотни въ Ловчу. По ихъ прибытіи, онѣ,
ютѣ съ дивизіономъ драгунъ и взводомъ казачьей артилле-
, образовали летучій отрядъ, ввѣренный мною тому же
кову; 11-го октября онъ выступилъ и 12-го утромъ, какъ
алъ генералъ Гурко,—появился въ виду Телиша.

По возвращеніи летучаго отряда въ Ловчу, немедленно было
лано распоряженіе объ отправленіи экспедиціи на Тетевень.
составъ ея входили: въ лѣвую колону Антонова, изъ Тра-
—стрѣлковая рота Староингерманладскаго полка и полторы
ни 30-го казачьяго; въ правую—пять ротъ того же полка и
роты Великолуцкаго, дивизіонъ драгунъ, двѣ сотни 24-го
сотни тридцатаго, со взводомъ казачьей батареи. Итого:
ь ротъ, 2 эскадрона, 5 сотенъ и два орудія. Начальство
ъ пѣхотою было ввѣрено маіору Великолуцкаго полка
тру. 17-го числа, я лично проводилъ правую колону за

линію ловчинскихъ укрѣпленій. На слѣдующій день Антонов должен былъ подойти къ Тетевени съ востока, Орловъ же с сѣвера, отправивъ предварительно драгунъ въ обходъ долин Бѣлаго Вида. Но не всѣ комбинаціи были исполнены так какъ я предполагалъ. Во-первыхъ Антоновъ былъ открытъ н пріятельскими разъѣздами рано утромъ, и, по поднятой тр вогѣ, турки сами атаковали его большею частью своей пѣхот такъ что онъ цѣлый день держался въ оборонительномъ п ложеніи. Во-вторыхъ—Орловъ почти на сутки былъ задер жанъ въ Микре, по слѣдующему обстоятельству.

Въ день его выступленія, подъ вечеръ, полиціймейстеръ до ложилъ мнѣ, что по городу разнеслась молва, будто 20 тысяч турокъ, подъ начальствомъ Шевкетъ-паши, наступая изъ Ор ханіи, идутъ на Ловчу и уже перешли Видъ; что молва эт идетъ отъ болгарина, слышавшаго отъ мальчика, бѣжавшаг изъ Орханіи. Чрезъ два часа мальчикъ былъ отысканъ, при веденъ ко мнѣ и показалъ, что при отступленіи Турокъ в августѣ мѣсяцѣ, онъ былъ захваченъ и находился въ услу женіи у паши, гдѣ постоянно слышалъ о намѣреніи брат Ловчу, а наканунѣ побѣга видѣлъ, какъ большой отрядъ вы ступилъ къ Виду, и какъ въ Орханію, на множествѣ подвод привезли какія-то лодки и чугунныя вещи, а по дорогѣ бол гары передавали ему, будто передовые таборы уже перешл Видъ у Яблоницы (50 верстъ отъ Ловчи къ западу) [1]. Как ни казались мало вѣроятными эти слухи, но нельзя было пр небрегать ими, а потому я счелъ необходимымъ предварит Орлова, съ тѣмъ, чтобы онъ послалъ сильную развѣдку к Виду и до ея возвращенія не выступалъ бы изъ Микре. Чрез это онъ могъ тронуться 18-го числа только въ 3 часу дня вечеромъ занялъ ротою стрѣлковъ и сотней гору Бивалъ, в 5 верстахъ отъ Тетевени. 19-го октября, въ день, назначенны для атаки, туманъ былъ такъ великъ, что въ десяти шагахъ нельзя было различать предметовъ; поэтому, считая наступле ніе рискованнымъ, Орловъ отложилъ его до часа дня; но видя, что погода не измѣняется, пригласилъ маіора Беатра и рот ныхъ командировъ на совѣщаніе. Они единогласно и настой-

[1]) Лодками мальчикъ называлъ понтоны, которые турки подвози для Видина, гдѣ хотѣли устроить мостъ черезъ Дунай.

заявили желаніе атаковать немедленно и ручались за
іхъ. Когда Беатръ вызвалъ изъ стрѣлковыхъ ротъ охот-
въ, то всѣ до единаго выступили впередъ. Выбранные
нихъ 40 человѣкъ, а за ними 4 роты, въ 3 часа, стали
каться съ Биволя.

Ходъ боя подъ Тетевенью видѣнъ изъ слѣдующаго ко мнѣ
рта флигель-адъютанта Орлова:

Маіоръ Беатръ, которому всецѣло принадлежитъ честь и
а побѣды, сразу оцѣнилъ, что ключъ позиціи составляетъ
тъ, расположенный на возвышеніи, командующемъ всею
ностью, а потому, пошелъ съ двумя ротами въ обходъ
о возвышенія. Въ это время охотники, съ 2-мя другими ро-
, спустившись лѣвѣе, завязали перестрѣлку съ Турками,
рые открыли по нимъ огонь изъ ложементовъ, что и от-
ло ихъ вниманіе отъ обхода Беатра. Пользуясь туманомъ,
і его безъ выстрѣла подошли къ редуту почти съ тыла и
ились въ него. Впереди всѣхъ, съ ружьемъ въ рукахъ,
ымъ вскочилъ на брустверъ штабсъ-капитанъ Яковлевъ.
ь оставшихся въ живыхъ турокъ пробовала защищаться
юнетахъ, но въ это время уже спустились двѣ слѣдующія
і, ударили имъ во флангъ и заставили всѣхъ броситься
ороду. Наступившая темнота не позволила преслѣдовать
, а потому Беатръ, съ 4 ротами, ночевалъ въ отбитыхъ
укрѣпленіяхъ. На слѣдующій день предполагалось штур-
ть городъ, но оказалось, что турки ночью ушли за Видъ,
оры".

Назвать особенно отличившихся—писалъ Орловъ,—зна-
бы назвать всѣхъ. Всѣ до послѣдняго рядоваго рвались
лнить свой долгъ, но особую награду заслуживаютъ Беатръ
ковлевъ.

Въ 10 часовъ утра отрядъ, при колокольномъ звонѣ, всту-
ь въ городъ. Жители, съ духовенствомъ впереди, вышли
трѣчу войскамъ, а затѣмъ въ соборѣ былъ отслуженъ мо-
ть, и съ тѣхъ поръ что существуетъ Тетевень, своды его
ославнаго храма впервые огласились молитвами за рус-
о Царя и его воинство".

Занятіе Тетевени, послѣ полуторамѣсячнаго перерыва извѣ-
о побѣдахъ, произвело нѣкоторое впечатлѣніе въ Россіи.
у объ этомъ потому, что въ 20-хъ числахъ октября я по-

лучилъ нѣсколько депешъ изъ Варшавы, Тамбова, Москвы и Нижняго, съ поздравленіями и пожеланіями дальнѣйшихъ успѣховъ, а въ Московскихъ вѣдомостяхъ была перепечатана реляція Орлова; жаль только что съ такими ошибками, которыя могли возбудить недовѣріе, напр. вмѣсто 3-хъ редутовъ было напечатано, что ихъ взято 30.

Въ тотъ самый день, когда брали Тетевень, я получилъ отъ Великаго князя, поздно вечеромъ, слѣдующую телеграмму: „Немедленно вышли цѣлую бригаду въ Изворъ и оттуда дѣйствовать сообразно съ обстоятельствами къ Яблоницѣ. Увѣдомляй меня прямо о всемъ, что будетъ происходить въ отрядахъ“.

При полученіи этой депеши, у меня въ Ловчѣ цѣлой бригады не было, такъ какъ второй баталіонъ Великолуцкаго полка надо было оставить въ Тетевени, а ожидаемый Новоингерманландскій полкъ еще не прибылъ. Тѣмъ не менѣе я рѣшилъ отправить въ Яблоницу весь Псковскій и 2 баталіона Великолуцкаго полка, къ которому долженъ былъ присоединиться и 3-й, когда его смѣнитъ въ Тетевени одинъ изъ Новоингерманланадскихъ. По тону депеши предстояло распорядиться быстро и на словахъ, писать было некогда; поэтому я немедленно потребовалъ къ себѣ генерала Давыдова и обоихъ полковыхъ командировъ, и обсудивъ съ ними всѣ вопросы, отдалъ имъ, какъ строевыя, такъ и хозяйственныя приказанія. Въ теченіи ночи все было исполнено и 20-го утромъ я отвѣтилъ Великому князю, что бригада выступила. Въ то же время, желая оказать содѣйствіе генералу Гурко, я предписалъ флигель-адъютанту Орлову, со всѣми находящимися въ Тетевени въ его распоряженіи кавалерійскими частями, идти впереди 2-ой бригады за Видъ. Такимъ образомъ сдѣлано болѣе тѣмъ приказывалъ главнокомандующій и въ Ловчѣ осталось всего 2 батальона съ 2-мя сотнями.

22-го октября я, вмѣстѣ съ прибывшимъ изъ Сельви генераломъ Дандевилемъ, ѣздилъ въ Боготъ, чтобы лично представить Великому князю донесеніе о Тетевенской экспедиціи, но не засталъ Его высочества; онъ въ этотъ день сопровождалъ Государя за Видъ, къ войскамъ гвардіи. На другой день, во время завтрака у главнокомандующаго, донесеніе мое было прочтено Государю и заслужило высочайшее одобреніе, а въ

слѣдующій пріѣздъ въ Главную кватиру, Великимъ княземъ было мнѣ сказано: „Всѣ твои донесенія такъ дѣльны и основательны, какъ только желательно; такъ всегда и должно быть. Спасибо тебѣ за это“. Воспользовавшись этимъ, я исходатайствовалъ частямъ, участвовавшимъ во взятіи Тетевени, по 4 георгіевскихъ креста на роту и по 2 на сотню, и передалъ въ штабъ представленіе къ наградамъ отличившихся офицеровъ.

Между тѣмъ Давыдовъ шелъ со своею бригадою не только не форсированно, какъ ему было указано, но крайне медленно и, вмѣсто того чтобы прибыть туда 22-го, пришелъ только 24-го. Это сдѣлалось извѣстнымъ Великому князю; когда я пріѣхалъ къ нему 29-го октября, то онъ встрѣтилъ меня словами:

— Что это твоя бригада четыре дня шла какихъ нибудь 60 верстъ? Кого ты послалъ съ нею?

— Генерала Давыдова.

— Ну какъ же это можно! Понятно, что онъ не шелъ, а ползъ и пыхтѣлъ на каждой верстѣ.

— Онъ командиръ бригады и отстранять его отъ командыванія я не считалъ себя въ правѣ; для этого необходимъ высочайшій приказъ.

— Это одна формальность. Сейчасъ же войти съ представленіемъ о назначеніи Давыдова командиромъ 1-й бригады, а Дандевиля—второй и не ожидая приказа предпиши ему немедленно ѣхать въ Яблоницу и вступить въ командываніе, а Давыдову возвратиться въ Ловчу.

Перемѣщеніе этихъ генераловъ не могло состояться немедленно, потому что Дандевиль производилъ въ это время рекогносцировку Розелитскаго и Траянскаго балканскихъ перевалов́ъ.

Съ отдѣленіемъ отъ Ловче-Сельвинскаго отряда цѣлой бригады и драгунъ, его роль, какъ охранителя праваго фланга арміи окончилась, и дѣятельность его приняла другое направленіе, именно—разслѣдованіе проходовъ въ центральной, самой высшей части Балканъ. Но намѣреваясь изложить это ниже, снова обращаюсь къ хозяйственнымъ моимъ распоряженіямъ.

На сколько провіантское довольствіе отряда было обезпечено, на столько фуражное казалось сомнительнымъ. До половины октября, артиллерія и полки еще могли косить траву

въ турецкихъ поляхъ, верстъ за 6 и за 7 отъ Ловчи, куда они отправляли для этого цѣлыя команды. Съ приходомъ гвардіи и массы артиллерійскихъ частей подъ Плевну, этотъ источникъ быстро пресѣкся, но зато со взятіемъ Тетевени очистилась вся мѣстность между Видомъ и Траянскимъ шоссе, а на ней оказалось громадное количество, уже собраннаго, отличнаго сѣна, принадлежавшаго туркамъ. Вмѣсто того, чтобы правильно пользоваться богатствомъ фуража, котораго достало бы всѣмъ до февраля мѣсяца, оно пропало и для войскъ, и для правительства. Множество нахлынувшихъ отъ Плевны и изъ-за Вида фуражировъ растаскивало стоги какъ хотѣло. Ловчу запрудили пустые интендантскіе транспорты и наемные парки, заслышавшіе о богатствѣ фуража въ занятомъ мною до Тетевени пространствѣ. Замѣчательнѣе всего то, что наше интендантство смотрѣло на это съ полнымъ равнодушіемъ; ни одинъ его чиновникъ, ни одинъ администраторъ князя Черкасскаго, имъ же числа не было, не показывались въ этой мѣстности.

Вообще, естественное богатство края было таково, что до октября мѣсяца ни Плевненская армія, ни войска другихъ отрядовъ, не получавшія въ натурѣ ни одного фунта мяса и ни одного пуда сѣна отъ интендантства, находили все на мѣстѣ. Да и послѣ октября, только армія обложенія Плевны и Шипки фуражировали верстъ за 30 отъ своей стоянки. Тѣ, кто были обязаны знать это богатство, не вѣрили ему и даже выражали сомнѣніе, довольствовали-ли мы солдата полною фунтовою порціею мяса, и удивлялись, что армія не требовала гуртовъ изъ Россіи. Мы же, имѣя мясо въ избыткѣ, даже не замѣчали, чтобы количество скота уменьшалось отъ этого.

Чтобы сохранить фуражъ отъ расхищенія, я приказалъ въ занятыхъ моимъ отрядомъ мѣстностяхъ, поставить на лугахъ казачьи посты. Только этою мѣрою и было достигнуто что фуража было достаточно не только для своихъ частей, но и для первой кавалерійской дивизіи, прибывшей впослѣдствіи въ окрестности Ловчи. Достойно еще замѣчанія то, что втеченіе всей кампаніи, какъ только въ отрядѣ дѣлалось какое-либо распоряженіе, или предпринималась административная мѣра, тотчасъ-же получалось приказаніе сдѣлать то, что уже сдѣлано. Этимъ особенно пользовались наши гражданскіе дѣятели. Только что я выставилъ караулы для охраны фуража,

;акъ получилъ отъ генерала Непокойчицкаго такую телеграмму: „Прошу содѣйствовать Ловчинскому окружному начальнику, въ охраненіи турецкаго сѣна и другихъ припасовъ".

Въ послѣднихъ числахъ октября, въ сопровожденіи флигель-адъютанта барона Корфа, посѣтилъ Ловчу принцъ Арнульфъ Баварскій. Въ это время Ловча настолько уже устроилась, что гостя можно было помѣстить въ довольно сносномъ домѣ болгарина, говорившаго по-нѣмецки; обѣдалъ-же принцъ постоянно у меня. Впродолженіи двухъ дней онъ подробно осматривалъ всѣ наши укрѣпленія и тѣ позиціи, которыя обороняли турки. Я лично объяснилъ Его высочеству назначеніе каждой батареи и каждаго фронта, а также расположеніе войскъ въ случаѣ тревоги. Взбираясь по утесамъ, принцъ удивлялся произведеннымъ работамъ, хвалилъ избраніе позицій и бодрый видъ людей. Отъ меня онъ проѣхалъ въ Сельви къ Дандевилю, чтобы принять участіе въ предпринимаемомъ имъ поискѣ въ горы, на что, ради военной вѣжливости, испросилъ моего разрѣшенія.

Не разъ посѣщали Ловчу иностранцы и меньшаго значенія, но особенно долго зажился въ ней, неизвѣстно для чего, капитанъ австрійскаго генеральнаго штаба, прослывшій въ арміи подъ именемъ Коломана Ивановича. Онъ очень недурно говорилъ по-русски, умѣлъ балагурить, поѣсть на чужой счетъ, поиграть въ карты и, вообще, былъ себѣ на умѣ. Вполнѣ довѣряться ему казалось излишнимъ, а потому я приставилъ къ нему одного изъ моихъ ординарцевъ. Не проходило дня, чтобы Коломанъ не обращался ко мнѣ, или къ кому-либо изъ чиновъ отряднаго штаба, съ просьбами: то подковать лошадей, то ссудить сѣномъ, то починить повозку, и очень удивлялся, когда ему говорили, что надо заплатить мастеровымъ за труды. „Мастеръ казенный, день казенный, матеріалъ казенный, за что платить?"—бормоталъ австріецъ, нехотя вынимая изъ кошелька франкъ, много два.

Въ бытность мою 29 октября въ Боготѣ, Великій князь, во время обѣда, обратился ко мнѣ со словами: „На дняхъ будетъ проходить черезъ Ловчу 2 гренадерская дивизія. Постарайся, чтобы для нея былъ выбранъ хорошій бивакъ и вообще помоги ей, чѣмъ можно".

Зная, что эта дивизія находится въ Рущукскомъ отрядѣ, я

не могъ дать себѣ отчета, почему она слѣдуетъ къ Плевнѣ черезъ Ловчу, тогда какъ гораздо ближе идти на Бѣлу, Горный-Студень и Парадимъ. Тѣмъ не менѣе, возвратясь домой, я немедленно приказалъ доставить на избранный мною бивакъ возможно больше дровъ и соломы. Въ слѣдующую же ночь мы были разбужены пріѣздомъ ко мнѣ командира гренадерскаго корпуса, проѣзжавшаго въ Боготъ. Такъ какъ почтовыхъ лошадей въ Ловчѣ не было, то онъ просилъ доставить его туда на полковыхъ. Покуда приготовляли четверку, поставили самоваръ и подали кое-что закусить. Только въ это время я узналъ, что 2 гренадерская дивизія, 1 ноября, проходя Боготъ, должна представиться Государю на маршѣ.

— Гдѣ же она теперь? спрашиваю я.

— Сегодня должна придти въ Сельви.

— Едва ли это возможно, замѣтилъ пріѣхавшій съ корпуснымъ командиромъ, полковникъ генеральнаго штаба,— вѣдь мы обогнали первый полкъ только выступающимъ изъ Тырнова.

— Какъ, едва ли возможно? возвышая голосъ и съ видимымъ неудовольствіемъ продолжалъ корпусный. Должно быть возможно, если такъ приказано.

Видя, что генералъ начинаетъ горячиться и желая его успокоить, я сталъ доказывать, что если полкъ сегодня вышелъ изъ Тырнова, то ему въ 2 дня невозможно сдѣлать 110 верстъ, а какъ при этомъ онъ идетъ въ составѣ цѣлой дивизіи, съ обозами, съ подвижнымъ лазаретомъ и 3 парками, то это рѣшительно немыслимо.

— И ты тоже! еще громче возразилъ онъ, и, вынимая изъ кармана депешу, говоритъ мнѣ: смотри, видишь, подписано „Николай".

— Вижу.

— Такъ какъ же ты говоришь—немыслимо!

— Да вспомните, что дивизія, идущая съ обозами и парками въ одной колонѣ, занимаетъ 25 верстъ; слѣдовательно, когда первый полкъ вступитъ въ Сельви, то 4-й будетъ на цѣлый переходъ сзади.

— Знать ничего не хочу! проговорилъ корпусный сердито и, обратясь къ своему спутнику, продолжалъ: берите, полков-

никъ, бумагу и пишите Свѣчину (начальнику дивизіи), чтобы, не смотря ни на что, былъ бы послѣ завтра въ Боготѣ.

Когда депеша была составлена и полковникъ началъ читать ее, то при первыхъ словахъ: „Примите мѣры, чтобы...“ генералъ крикнулъ:

— Какъ примите мѣры? Пишите строжайшія мѣры, наистрожайшія мѣры.

Когда же и это было добавлено и прочтено, корпусный вспылилъ еще болѣе и сталъ повторять одно за другимъ:

— Пишите—несмотря на всѣ препятствія; пишите—я строжайше требую; пишите — чтобъ было исполнено безъ отговорокъ.

Раза 3 писалась и переписывалась депеша, наконецъ, находившійся при мнѣ подполковникъ Сухомлиновъ, подъ видомъ желанія дать писавшему время напиться чаю, предложилъ замѣнить его и умѣлъ сразу угодить корпусному командиру.

Около 4-хъ часовъ утра лошади были готовы и онъ покатилъ въ Боготъ.

На утро, часу въ восьмомъ, вошелъ ко мнѣ командиръ Кіевскаго гренадерскаго полка, полковникъ Пущинъ, росшій и воспитывавшійся на моихъ глазахъ. Я очень обрадовался его появленію, но былъ удивленъ его грустнымъ и озабоченнымъ видомъ.

— Что съ тобою? Здоровъ ли ты? было первымъ моимъ вопросомъ.

— Ахъ, лучше не спрашивай! Я просто въ отчаяніи.

— Да что съ тобой? Гдѣ твой полкъ? Вѣдь вамъ послѣ завтра надобно быть въ Боготѣ.

— То-то и горе! Полкъ только сегодня къ вечеру придетъ сюда. Идемъ 4 день безостановочно, всего разъ успѣли сдѣлать варку, люди измучены, масса отсталыхъ, деньги въ полку вышли. Я нарочно уѣхалъ впередъ, чтобы попросить помочь полку: одолжи сухарей, фуража и если можно денегъ.

— Не отчаявайся, поможемъ чѣмъ возможно, а покуда напейся чаю и отдохни.

Пославъ за завѣдующими хозяйствомъ, я приказалъ во всѣхъ ротахъ готовить двойное количество пищи, отвезти на бивакъ

ожидаемой дивизіи нѣсколько возовъ сѣна и выдать полку заимообразно 500 руб. изъ хозяйственной суммы. Едва я успѣлъ нѣсколько успокоить Пущина, какъ докладываютъ, что пріѣхалъ начальникъ штаба гренадерскаго корпуса. Онъ тоже казался разстроеннымъ и огорченнымъ. Немного оправясь, онъ подтвердилъ слова Пущина.

— Да объясните, спросилъ я его, въ чемъ дѣло и отчего все это происходитъ?

— Отъ суеты и нежеланія кого-либо слушать, чтобы несказали, что распоряжаются другіе. Вотъ въ чемъ дѣло: 23-го числа Великій князь телеграфировалъ, чтобы 2-я гренадерская дивизія немедленно выступила къ Плевнѣ и 1-го ноября была бы въ Боготѣ, гдѣ Государю угодно ее видѣть на маршѣ. По порчѣ-ли телеграфа, или по иной причинѣ, но мы получили эту депешу только 27-го ночью. Какъ я ни уговаривалъ немедленно донести объ этомъ, какъ ни доказывалъ, почему дивизія не можетъ идти въ одномъ эшелонѣ, съ обозами и парками и сдѣлать въ 3 дня 175 верстъ, и слушать не хотѣли, не хотѣли принять моего предложенія пустить обозы отдѣльно по шоссе, тѣмъ путемъ какъ идутъ теперь, а полки направить на Бѣлу и Горный Студень, что составило бы для нихъ не болѣе 80 верстъ.

— Такъ поѣзжайте скорѣе въ Главную квартиру—говорю я—и доложите; тамъ навѣрное примутъ во вниманіе и отложатъ смотръ на день или на 2. Просите чтобы дали здѣсь дневку, объясните въ чемъ дѣло.

— Какъ я поѣду, когда тамъ вѣроятно уже сказано, что все отлично и полки придутъ во время. Скажи я, что это не такъ, все на мнѣ и обрушится. Нѣсколько подумавъ, онъ рѣшился ѣхать.

Только что онъ вышелъ, какъ мнѣ подали слѣдующую телеграмму отъ Великаго князя: „Узнай и сообщи, прибыла ли 2-я гренадерская дивизія въ Сельви". На посланный мною туда запросъ, генералъ Дандевиль отвѣчалъ: „1-я бригада выступаетъ въ 4 часа безъ ранцевъ и обоза; 3-й полкъ только что прибылъ, 4-й прибудетъ ночью". Не прошло и 2-хъ часовъ по отправленіи этого отвѣта главнокомандующему, какъ Его высочество вновь телеграфировалъ мнѣ „Пошли на встрѣчу Сель-

ну офицера, съ приказаніемъ отъ меня ускорить движеніе передай ему, что разъ приказанное должно быть исполнено".

Въ ночь съ 30 на 31 октября стали приходить въ Ловчу ты головнаго полка. На мосту ихъ встрѣчали, нарочно наченные отъ моихъ частей унтеръ-офицеры, чтобы провожать бивакъ. По незначительному составу этихъ ротъ, можно ло судить, какую массу людей оставили онѣ на дорогѣ, а ихъ виду подумать, что дивизія только что выдержала бой торопливо отступаетъ.

Къ довершенію ея неудачъ произошелъ такой случай. очью, при спускѣ съ горы къ городу, 2 лазаретные фургона ного изъ полковъ оборвались вмѣстѣ съ лошадьми со скалы. деніе обошлось относительно благополучно, убитыхъ не ло, но нѣсколько серьезно ушибленныхъ отнесли въ нашъ зареть, въ томъ числѣ и полковаго врача Глатковскаго, бывго 10 лѣтъ назадъ въ командуемой мною 7-й дивизіи и тамъ льзовавшаго меня и мое семейство.

31 октября утромъ, вмѣстѣ, съ прибывшимъ Свѣчинымъ, я шелъ взглянуть на бивакъ его дивизіи. Въ это время къ му только еще подходили части 2-го полка и не ротами, а чками, по 30 и 40 человѣкъ; 2-й бригады еще не было. Свѣнъ былъ до нельзя огорченъ тѣмъ, что случилось и горько ловался на судьбу, которая заставила его терпѣть въ чужомъ ру похмѣлье, такъ какъ въ присутствіи старшаго онъ не гъ распоряжаться самостоятельно. Наконецъ получено было иказаніе дать дивизіи въ Ловчѣ дневку; это успокоило ея нальство и дало надежду, что быть можетъ многіе изъ остальхъ успѣютъ подойти. Подобное предположеніе отчасти осуществилось, но все-таки, въ теченіе 3-хъ слѣдующихъ дней, поэянно тянулись черезъ Ловчу остальные. Чтобы дать имъ едство оправиться, а главное знать куда прошли ихъ полки, приказалъ ихъ задерживать, помѣщать для отдыха въ роты ихъ частей и затѣмъ, по мѣрѣ скопленія, отправлять команми къ Боготу.

Вотъ что значитъ излишнее рвеніе и отчасти упрямво. Другое дѣло, еслибы дивизію требовали для боя, я выручки или подмоги; но тутъ ясно было видно, что а требуется не экстренно, такъ какъ данная 23-го числа

депеша предоставляла на передвиженіе 8 дней, слѣдовательно не указывала на особенную въ ней надобность и еслибы въ Главной квартирѣ знали о томъ, что телеграмма пришла 4-мя днями позже, то предназначенный смотръ навѣрное былъ бы отложенъ, что потомъ и случилось.

Обращаюсь теперь ко 2-й моей бригадѣ, дѣйствовавшей въ западномъ отрядѣ генерала Гурко. Хотя я и не былъ личнымъ свидѣтелемъ ея дѣйствій, но онѣ мнѣ подробно извѣстны изъ донесеній бригаднаго командира и изъ разсказовъ участниковъ; кромѣ того, я не считаю себя вправѣ умолчать о подвигахъ, совершенныхъ славными моими Псковскимъ и Великолуцкимъ полками.

Прибывъ 24-го октября въ Яблоницу, бригада заняла позицію близь этой деревни, а летучій отрядъ Орлова расположился, въ видѣ ея заслона отъ Этрополя, занятого турками. Съ прибытіемъ гвардіи, Орловъ былъ смѣненъ кавказскою бригадою генерала Черевина и отрядъ его былъ разформированъ: драгуны присоединились къ своему полку, а сотни 30-го и 24-го полковъ возвратились на посты въ Сельви и Ловчу. Вскорѣ по приходѣ въ Яблоницу, къ Давыдову явился парламентеръ, съ письмомъ на мое имя, отъ Шевкетъ-паши. Думая, что я лично начальствую высланными изъ Ловчи полками, паша просилъ меня объ увольненіи англійскихъ докторовъ, взятыхъ въ плѣнъ у Телиша. Такъ какъ это касалось дѣйствій гвардіи, то Давыдовъ переслалъ письмо въ штабъ западнаго отряда.

30-го октября, два баталіона Псковскаго полка, подъ начальствомъ подполковника Кобордо 1-го, производили рекогносцировку къ Этрополю. Они имѣли тамъ горячее дѣло и еслибы были поддержаны, то вѣроятно городъ былъ-бы взятъ двумя недѣлями ранѣе; на это указываетъ то, что турки уже начали снимать свой лагерь и отправлять обозы, но, увидя малочисленность рекогносцирующихъ, сами перешли въ наступленіе. Псковскіе баталіоны потеряли при этомъ 12 человѣкъ убитыми и 36 ранеными, въ томъ числѣ 3-хъ офицеровъ. Вслѣдъ за этимъ послѣдовала смѣна генерала Давыдова. Огорченный, онъ прислалъ мнѣ рапортъ объ отчисленіи, говоря въ немъ, что считаетъ отозваніе его изъ боевой линіи обидою и просилъ представить рапортъ главнокомандующему. По возвращеніи

гъ Ловчу, Давыдовъ былъ вызванъ въ Главную квартиру, гдѣ го нѣсколько успокоили и даже представили къ наградѣ, но нъ все-таки просилъ увольненія въ отпускъ и покуда не получилъ его, оставался еще полтора мѣсяца командиромъ перюй бригады.

Смѣнившій Давыдова, генералъ Дандевиль, сряду по прибытіи къ бригадѣ, получилъ приказаніе произвести усиленную рекогносцировку Этрополя, съ тѣмъ, чтобы при малѣйшемъ колебаніи непріятеля перейти въ полное наступленіе. 12-то ноября послѣдовало взятіе Этрополя, при чемъ Великолуцкій полкъ потерялъ 42 человѣка убитыми и 25 ранеными. Уже динъ перевѣсъ убитыхъ надъ ранеными характеризуетъ дѣйтвія полка въ этомъ дѣлѣ. Черезъ 3 дня Дандевиль занялъ Братешскій перевалъ. Доносся объ этомъ славномъ и крайне трудномъ дѣлѣ, онъ писалъ: „Свидѣтельствую, что и здѣсь Великолутцы перенесли подъ пулями ту тяжелую работу, ввозя а неприступныя вершины тяжелыя орудія, какъ и 11-го числа а Искерѣ. Работа производилась ими съ пѣснями и веселыми, дружными криками".

Болѣе всѣхъ отличился на Вратечѣ тотъ же маіоръ Беатръ; ъ самый трудный моментъ боя, когда непріятельскія пули долетали даже до перевязочнаго пункта, онъ доносилъ Дандевилю: „Хотя я сильно тѣснимъ турками, но съ потерями держусь хорошо". Онъ не только удержался, но перешелъ со своимъ баталіономъ въ наступленіе. „Молодцы Великолутцы, писалъ Дандевиль — выбивали турокъ изъ-за камней штыками и гнали ихъ съ перевала". Но не дешево стоила эта побѣда моей бригадѣ: она потеряла 52 убитыми, 197 ранеными и 33 пропавшими безъ вѣсти. Офицеровъ убито одинъ ранено 3.

Въ этомъ же дѣлѣ удаль Псковскаго полка выразилась въ слѣдующемъ эпизодѣ. Въ концѣ дня, его роты, со взятыхъ ими высотъ, увидѣли столь извѣстную потомъ гору Шандорникъ и видѣли въ то время, когда по рядамъ прошла молва о мнимомъ отступленіи турокъ. Стрѣлковыя роты, а за ними и бывшія во 2-й линіи, безъ приказанія и не выждя подхода остальныхъ ротъ полка, растянувшихся по лѣсистому подъему, быстро заняли очищенную турками батарею и бросились на главный редутъ Шандорника. Подъ градомъ пуль ворвались они въ

него, успѣли сбросить въ ровъ одно орудіе и схватились въ рукопашную, съ прижатыми къ противуположному фасу турками, къ которымъ въ это время подошли свѣжіе таборы. Это заставило нашихъ удальцовъ отступить, чѣмъ и кончилась неожиданная, никѣмъ неприказанная, лихая атака Псковскими ротами знаменитаго Шандорника. Будь она своевременно поддержана, такъ не только сберeглись бы жертвы, павшія впослѣдствіи, но и вся убійственная стоянка 2-й бригады на вершинахъ, была бы избѣгнута.

Вотъ что писалъ объ этомъ дѣлѣ Дандевиль: „Отданіе справедливости доблестнымъ качествамъ нашихъ офицеровъ и солдатъ, въ бояхъ съ непріятелемъ, сдѣлалось общимъ мѣстомъ, такъ что я не буду повторять того, что иначе и быть не можетъ, даже при тѣхъ трудностяхъ и лишеніяхъ, которыя испытали полки, при 7-ми верстномъ подъемѣ орудій“.

Послѣ описанныхъ дѣйствій началось шестинедѣльное стояніе 2-й моей бригады на высотахъ Арапъ-Конака, подъ выстрѣлами батарей Шандорника, стояніе среди непогодъ, мороза и мятелей. Убыль людей отъ постоянной аванпостной службы и переносимыхъ лишеній была громадная. Труды по устройству окоповъ и постоянная ходьба внизъ за каждымъ пудомъ сухарей или мяса, вмѣстѣ съ напряженною бдительностью и нескончаемою борьбою съ сыростью и холодомъ, невыразимо изнуряли людей. Обозы и всѣ хозяйственныя принадлежности бригады были оставлены въ Этрополѣ, за 12 верстъ отъ позиціи, на которой не дозволялось разбивать палатокъ и разводить, на высотѣ 3000 футъ, костровъ. Полковые врачи доносили, что не знаютъ что дѣлать съ накопившимися больными и что даже нѣтъ возможности вести контроль заболѣвающимъ, потому что ознобившіеся и изнуренные приходятъ съ горъ безъ всякихъ билетовъ и записокъ. Иногда въ одну ночь является болѣе 100 человѣкъ. Что солдаты не уходили съ позиціи безпричинно, доказывается тѣмъ, что многіе изъ нихъ, едва имѣвшіе силу добрести до околодка, пробывъ день или два въ теплѣ, такъ сказать, оттаивали и несмотря на общее свое изнуреніе, дававшее имъ право воспользоваться отдыхомъ, сами возвращались на позицію. Сапоги у всѣхъ считались уже рѣдкостью, шинели оборвались и прогорѣли у костровъ, люди ни на минуту не обсыхали. Замерзшія онучи и

олгарскіе опанки изъ сырой, только что снятой съ убитой жотины кожи, къ полудню растаивали на солнцѣ или у котра, для того, чтобы вечеромъ снова обратиться въ ледяную юру.

Сердце ныло отъ доходившихъ до меня слуховъ о лишеіяхъ, переносимыхъ Псковскимъ и Великолуцкимъ полками. Посланный осмотрѣть ихъ, дивизіонный врачъ писалъ мнѣ, то въ строгомъ смыслѣ нѣтъ ни одного человѣка, здоровье оторяго не было бы подорвано.

Жалость къ людямъ вынудила меня, въ началѣ декабря, братиться къ генералу Гурко съ слѣдующимъ письмомъ:

„Со времени перехода черезъ Дунай, въ теченіи 4½ мѣсяевъ, ввѣренная мнѣ дивизія ни одного дня не была въ сборѣ , разбитая на части, исходила Болгарію съ разными отрядами. Въ настоящее время она занимаетъ 7 пунктовъ, изъ коорыхъ 4 находятся у разныхъ переваловъ черезъ Балканы.

2-я бригада состоитъ въ отрядѣ вашего Превосходительства вамъ вполнѣ извѣстны нужды и служба ея полковъ. Въ иду тѣхъ трудностей и лишеній, въ виду совершенно уничтоившейся обуви и громаднаго числа заболѣваній, я рѣшаюсь бѣдительно просить васъ, во вниманіе къ выказаннымъ 2-ю ригадою заслугамъ и перенесеннымъ лишеніямъ, дать ей возюжность хотя нѣсколько отдохнуть и устроиться. Вы оказали-бы ля дивизіи величайшее одолженіе, еслибы нашли возможность, ъ прибытіемъ къ вамъ 3-хъ новыхъ дивизій, возвратить 2-ю ригаду въ Ловчу и о рѣшеніи вашемъ увѣдомили бы меня элеграммою".

Письмо это было отправлено съ нарочнымъ офицеромъ. Еще возвращенія его, генералъ Гурко отвѣчалъ мнѣ слѣдующею эпешею.

„Въ виду предстоящаго движенія впередъ, отправить 2-ю ышу бригаду въ Ловчу я не могу. Думаю, что отправка ея, къ сказать, съ поля сраженія на отдыхъ, была бы величайимъ для нея наказаніемъ и большою противъ нея несправедивостью. Доблестное поведеніе бригады служитъ залогомъ ого, что ея части сочтутъ величайшимъ для себя несчастіемъ, слибы отсылкою назадъ, я заставилъ бы ихъ, въ самую трудую минуту, покинуть своихъ боевыхъ товарищей. Помимо тихъ соображеній, я не могу отпустить части 3-й дивизіи по

чисто стратегическимъ причинамъ первой важности. Прошу васъ, если окажется возможнымъ, какъ можно скорѣе прислать остальную часть Новоингерманландскаго полка и генеральнаго штаба подполковника Сухомлинова".

Такимъ образомъ два отрядныхъ начальника писали другъ другу объ одномъ и томъ же; но одинъ о возвратѣ того, что ему принадлежало, а другой—объ оставленіи ему чужаго. Вникая въ поводы, вызвавшіе мое письмо и въ отвѣтъ на него, усматривается: 1) дать бригадѣ отдыхъ, когда она истаяла отъ лишеній, не было бы несправедливостью, какъ не былъ ею спускъ съ Шипки славной 14-й дивизіи, когда туда пришла 24-я. Съ приходомъ въ западный отрядъ 9-го корпуса и 3-й гвардейской дивизіи, облегчить тяжелую службу моей 2-й бригады была полная возможность. 2) Отозваніе бригады нельзя было называть ни наказаніемъ, ни несчастіемъ, потому что она уже доказала свое доблестное поведеніе въ бояхъ и ея репутація была вполнѣ обезпечена. Кромѣ того, во все дальнѣйшее пребываніе бригады на позиціяхъ, она прямаго участія въ дѣлахъ болѣе не принимала, а только исполняла сторожевую службу. Точно также она не принимала этого участія и впослѣдствіи, при общемъ движеніи колонъ западнаго отряда за Балканы и 3) Наконецъ, если стратегическія причины требовали удержанія 2-хъ моихъ полковъ въ стотысячномъ западномъ отрядѣ, то не менѣе важныя причины требовали возвращенія ихъ въ Ловче-Сельвинскій отрядъ, которому предстоялъ переходъ черезъ Траянъ. Разница была только въ томъ, что отдѣленіе бригады, въ которой было всего 3 тысячи, отъ стотысячнаго отряда не причинило бы ему ни малѣйшаго ущерба, а присоединеніе этихъ 3000 ко мнѣ, предпринимавшему всего съ 5½ батальонами крайне рискованное дѣло, принесло бы громадную пользу.

Съ занятіемъ западнымъ отрядомъ Врачета и Орханіи, значеніе Ловче-Сельвинскаго отряда, какъ охраны праваго фланга арміи, прекратилось, но на немъ, кромѣ связи отряда обложенія Плевны съ Шипкою, лежала новая обязанность—изслѣдованіе и охраненіе проходовъ центральнаго Балкана у Розелита, Траяна, Рахманлы и Тетевени. Среди заботъ объ этомъ произошелъ неожиданно грустный эпизодъ у Елены.

Вечеромъ 24 ноября, я получилъ отъ Великаго князя слѣ-

ющую телеграмму: „Турки въ превосходныхъ силахъ атакои наши войска у Елены; пошли немедленно все, что моць, изъ Ловчи и Сельви въ Тырново, въ распоряженіе геала Деллинсгаузена и увѣдомь его по телеграфу. Съ войми, которыя пошлешь въ Тырново, отправь Давыдова, а ъ оставайся въ Ловчѣ“.

Немедленно мною сдѣланы были слѣдующія распоряженія: цано предписаніе Давыдову, взявъ 3-й баталіонъ Староинманландскаго полка, выступить съ разсвѣтомъ, форсированъ маршемъ, въ Сельви, присоединить тамъ 1 баталіонъ э же полка и 2 сотни 30-го казачьяго и идти къ Тырнову; послано, съ нарочными, приказаніе ротамъ у переваловъ и къ Сельви, гдѣ присоединиться къ Давыдову; 3) такъ ъ Сельви осталось бы безъ войскъ, то туда выслать ночью роту изъ Ловчи.

Донося объ этихъ распоряженіяхъ Великому князю по терафу, я испрашивалъ приказаніе, послать ли въ Тырновъ иллерію? Черезъ 2 часа послѣдовалъ слѣдующій отвѣтъ геала Непокойчицкаго: „Великій князь главнокомандующій годаритъ васъ за точныя распоряженія. Отъ Елены нѣтъ э позднѣйшихъ извѣстій, поэтому Его высочеству угодно, бы войска ваши не трогались, но были бы готовы на всякій чай; съ Розелитскаго и Траянскаго проходовъ ротъ не майте“.

Послѣднее заставило въ ту же ночь послать отмѣну ротамъ, ходившимся у переваловъ; но только что конверты были оты очереднымъ казакамъ, какъ мнѣ подали депешу Делинузена, которою онъ просилъ выслать подкрѣпленія какъ кно скорѣе. Пришлось вновь телеграфировать Великому зю, отъ котораго, 25-числа на разсвѣтѣ, полученъ отвѣтъ: ошли роты какъ ты предполагалъ, но отъ Траяна и Розеа не снимай, батарею отправь“. Черезъ часъ Давыдовъ выпилъ и 27 телеграфировалъ мнѣ: „Прибылъ согласно ваму маршруту къ монастырю св. Николая, сдѣлавъ сегодня верстъ по отвратительной гористой дорогѣ. Отсталыхъ нѣтъ. ка отдыхаемъ. Большое затрудненіе въ фуражѣ“.

Такъ какъ отправленное мною подкрѣпленіе пришло въ то мя, когда Сулейманъ-паша, удовольствовавшись взятіемъ

Елены, отступилъ, то всѣ посланныя къ Деллинсгаузену части, черезъ недѣлю, возвратились на свои квартиры.

Наступившіе съ половины ноября холода сдѣлали жизнь ротъ на позиціяхъ, въ землянкахъ, невыносимою, тѣмъ болѣе, что вся окрестность на полъ-аршина покрылась снѣгомъ. Поэтому я приказалъ, снявъ аванпосты и оставивъ на укрѣпленіяхъ только караулы при орудіяхъ, перевести войска въ городъ.

Между тѣмъ дни проходили за днями, а Плевна все не сдавалась. Бомбардированіе ея, подобно громовымъ раскатамъ, доносилось до насъ и иногда канонада разгоралась до того, что мы были увѣрены въ совершающемся прорывѣ Османа, или въ новомъ штурмѣ съ нашей стороны; но на утро узнавали, что положеніе все то-же. Томительны были наши ожиданія, не смотря на увѣренность въ благопріятномъ исходѣ.

28 ноября, около двухъ часовъ дня, когда послѣ общаго обѣда всѣ штабные разошлись по своимъ уголкамъ, въ мою комнату, запыхавшись вбѣжалъ начальникъ Ловчинской телеграфной станціи и едва переводя духъ проговорилъ:

— Ваше превосходительство, Плевна взята!

— Почему вы знаете? Гдѣ депеша! Давайте скорѣе.

— Депеша частная, ко мнѣ, отъ начальника станціи въ Боготѣ.

Эрнротъ услыхалъ этотъ разговоръ, не выдержалъ, крикнулъ „ура“ и въ одинъ мигъ всѣ вѣстовые, очередные казаки и деньщики, съ тѣмъ же восклицаніемъ бросились на улицу, спѣша сообщить радостную вѣсть первыми, кому бы то ни было. Не прошло 5 минутъ, какъ болгары, ихъ жены и дѣти, солдаты и офицеры бѣжали изъ дома въ домъ, изъ лавки въ лавку, съ возгласами обуявшаго ихъ восторга. Но когда, послѣ перваго впечатлѣнія, каждый пришелъ въ себя, то невольно задавалъ себѣ вопросъ, правда-ли? Боязнь разочарованія и желаніе скорѣе узнать подтвержденіе заставляло офицеровъ штаба, каждыя 5 минутъ, бѣгать на телеграфъ. Почтенный Золотухинъ не сходилъ со станціи до вечера и наконецъ, въ 5 часу, перехватилъ таки депешу ко мнѣ, почти бѣгомъ принесъ ее и бросившись цѣловать меня, кричалъ:

— Правда, ваше превосходительство, правда! Вотъ она, депеша-то къ вамъ. Читайте!

Несмотря на то, что начало уже смеркаться, я приказалъ
ить сборъ и такъ какъ войска были на готовѣ, то быстро
обрались на площадку, среди города. Громко прочтя депешу
поздравивъ полки, я приказалъ тутъ же отслужить благо-
дарственный молебенъ, съ салютомъ изъ всѣхъ стоявшихъ на
атареяхъ орудій. Неумолкаемое „ура“ вторило пушечнымъ
ыстрѣламъ и долго еще разносилось по Ловчинскимъ ули-
амъ, а эхо окружающихъ скалъ повторяло его. Послѣ мо-
ебна я съ трудомъ добрался до квартиры: болгары съ кри-
ами окружали меня; женщины хватали за руки и цѣловали
хъ. На посланную Великому князю, отъ имени войскъ,
оздравительную телеграмму я получилъ слѣдующій отвѣтъ:
Сердечно благодарю войска и тебя за поздравленіе и за слав-
ую службу“.

Съ этого дня жизнь наша въ Ловчѣ измѣнилась: орудія и
араулы сняты съ позицій, насталъ дѣйствительный отдыхъ,
о время котораго въ полкахъ осматривали оружіе, исправляли
дежду и обувь, заготовляли вьюки. Улицы оживились наѣхав-
шими изъ-подъ Плевны офицерами всевозможныхъ полковъ,
юбы запастись сапогами, провизіею и теплою одеждою. Мои
фицеры, наоборотъ, жаждали увидѣть Плевну, но желающихъ
казалось такъ много, что я разрѣшилъ увольнять не болѣе
-хъ съ полка.

1-го декабря я поѣхалъ въ Боготъ, лично поздравить Вели-
аго князя съ Георгіемъ 1-й степени. Во время обѣда, при ко-
оромъ, въ числѣ прислуги, было нѣсколько взятыхъ въ плѣнъ
рабовъ, видимо выдрессированныхъ къ этому дѣлу пашами, я
идѣлъ противъ начальника артиллеріи, а онъ возлѣ Великаго
нязя.

— Кто старше ты или Свѣчинъ? спросилъ меня Его Вы-
очество.

— Мы стоимъ рядомъ, но онъ старше—отвѣчалъ я.

— А я думалъ, что тебѣ придется принять 9-й корпусъ.

Прошу читателя замѣтить этотъ вопросъ, такъ какъ онъ
мѣетъ значеніе для послѣдующаго.

Настоящая поѣздка въ Главную квартиру была необходима
для того, чтобы узнать, что̀ предстоитъ моему отряду. Еще
передъ обѣдомъ спросилъ я объ этомъ, встрѣченнаго возлѣ сто-
ловой, генерала Непокойчицкаго.

*

— Съ чего вы взяли, что предполагаются передвиженія? Все остается какъ было, отвѣтилъ онъ.

— Я спрашиваю не изъ пустаго любопытства, возразилъ я, — а потому, что встрѣтилъ по дорогѣ сюда квартирьеровъ 16-й дивизіи, значитъ передвиженія уже начались. Кромѣ того, въ Ловчѣ масса всякаго рода запасовъ, нужно же распорядиться ими, иначе придется все бросить.

— Въ свое время получите приказанія, а теперь я ничего не знаю.

И въ подобныя-то минуты опять секреты, — подумалось мнѣ.

За тѣмъ же обѣдомъ, ради сбереженія интересовъ казны, я обратился къ начальнику артиллеріи князю Масальскому, съ прямо касающимся его вопросомъ: „какъ мнѣ поступить съ складами снарядовъ и съ пороховыми погребами въ Ловчѣ?“

— А кто вамъ приказывалъ устраивать ихъ, спрашиваетъ онъ вмѣсто отвѣта.

— Мнѣ было предписано это начальникомъ полеваго штаба арміи.

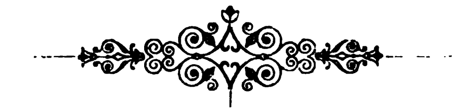
— Ну такъ его и спрашивайте. Если считаютъ возможнымъ дѣлать распоряженія по артиллерійской части помимо меня, то пусть и поступаютъ какъ знаютъ.

Значитъ и здѣсь ничего не узнаешь, сказалъ я самъ себѣ: одинъ секретничаетъ, а другой, изъ личности, жертвуетъ дѣломъ. Результатомъ послѣдняго было то, что все что стоило такихъ трудовъ и денегъ, при выступленіи черезъ 3 недѣли изъ Ловчи, пришлось бросить на расхищеніе „братушекъ“.

Послѣднія 3 недѣли жизни въ Ловчѣ сильно напоминали намъ Россію. Начавшіеся около Николина дня морозы держались между 3 и 7 градусами. Выпалъ снѣгъ; установился прекрасный первопутокъ. Наши обозные и артиллеристы ухитрились устроить нѣсколько розвальней и саней, на которыхъ мы обновляли болгарскую зиму, катаясь на тройкахъ, по шоссе, къ сторонѣ Плевны изъ Сельви.

Между тѣмъ Ловча съ каждымъ днемъ переполнялась проходившими войсками. Кромѣ 1-й кавалерійской дивизіи, расположившейся въ окрестныхъ деревняхъ, въ городѣ находились: 3 стрѣлковая бригада и полки 16-й дивизіи Скобелева, остававшагося здѣсь 3 дня. Нельзя было надивиться его умѣнію

влять извѣстный шикъ, даже въ такихъ мелочахъ, на ко-
я никто другой не обратилъ бы вниманія. Дворъ дома,
)нъ квартировалъ, представлялъ видъ грандіознаго стана.
мные костры, пылая всю ночь, освѣщали ближайшія
ы и отражались заревомъ; къ деревьямъ и по забору
, привязанъ десятокъ неразсѣдланныхъ лошадей. Вокругъ
й сидѣли и стояли и донцы, и кубанцы, и осетины;
о видѣлъ даже 2-хъ киргизовъ или туркменъ, а въ числѣ
нарцевъ генерала находились и гвардейскіе офицеры.
было имѣть особый талантъ, чтобы, въ званіи началь-
армейской дивизіи, умѣть такъ широко и эфектно обра-
свой небольшой по положенію штабъ, въ самую разнообраз-
и многочисленную свиту. Отдавая ему мой визитъ, я за-
ь Скобелева, поправляющимъ какую-то рукопись, а че-
столъ противъ него, на диванѣ, завернувшись въ бурку,
ъ длинноволосый господинъ, въ родѣ корреспондента. Во
я нашего разговора вошелъ офицеръ Литовскаго полка,
опросомъ: „какой обѣдъ прикажете, Ваше Превосходи-
ство, приготовить на завтра?“ Видимо недовольный и по-
ніемъ и вопросомъ, Скобелевъ, нахмуря брови, отвѣтилъ:
омъ“—и офицеръ исчезъ.



ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.

1877.

Изслѣдованія и рекогносцировки. — Записка о центральныхъ проходахъ.—Рѣшеніе идти черезъ Траянъ.—Сформированіе отряда.—Организація движенія.—Подъемъ перваго эшелона.—Ночное дѣло стрѣлковъ.—Подъемъ орудій. — Отдѣльная колона Сухомлинова.—Второй и третій эшелоны —Архимандритъ Макарій.—Депеши изъ Главной квартиры и съ Шипки.—Сочельникъ и день Рождества въ горахъ.—Диспозиція и бой 26 декабря. — Подъ пулями — Обходъ Грекова и атака Орлинаго гнѣзда.—Донесеніе о побѣдѣ.—Преслѣдованіе и взятіе деревни Корнаръ и транспорта.

26-го минувшаго декабря исполнилось ровно десять лѣтъ со времени перехода и взятіи Траянскаго перевала на Балканахъ. Значеніе дѣла, совершеннаго за два дня до паденія Шипки, было поглощено этимъ событіемъ и прошло тогда какъ бы незамѣченнымъ; но память о немъ красуется, въ видѣ надписи, на знаменахъ двухъ старѣйшихъ полковъ русской арміи [1]). Одно событіе заслонило другое, вслѣдствіе разницы въ числѣ участвовавшихъ и положенія лицъ, стоявшихъ во главѣ предпріятій.

Что же касается результатовъ и ихъ послѣдствій, то, конечно, они сравниваемы быть не могутъ, но это нисколько не умаляетъ заслугъ отрядовъ, дѣйствовавшихъ на обоихъ пунктахъ, потому что каждый изъ нихъ, одинаково свято, исполнилъ свой долгъ и съ одинаковымъ успѣхомъ достигъ указанныхъ цѣлей. Масштабы и средства для ихъ достиженія были различны: большимъ кораблямъ досталось большое и плаванье, но и меньшій, выдержавъ одинакую съ ними борьбу, достигъ пристани.

---

[1]) За отличія оказанныя Староингерманландскимъ и Новоингерманландскимъ полками, при взятіи Траянскаго перевала, имъ даны георгіевскія знамена, съ надписью: „За переходъ черезъ Балканы у Траяна“.

Описаніе того, какъ это случилось, составитъ предметъ слѣ-
ющихъ главъ моихъ воспоминаній, вызванныхъ желаніемъ
знакомить ихъ читателей съ подвигомъ, который былъ со-
вершенъ небольшимъ отрядомъ, на высочайшемъ изъ Бал-
анскихъ переваловъ. И вслѣдъ за тѣмъ, когда происходило
дѣло, и въ теченіи десяти минувшихъ лѣтъ, о немъ мало го-
ворили и еще меньше писали. Пусть же русскіе люди узнаютъ
его подробности, оцѣнятъ его значеніе и заслуги тѣхъ частей
одной арміи, которыя совершили его.

Пишущему эти строки довелось стать во главѣ отряда,
назначеннаго для перехода черезъ Траянъ, а потому въ моихъ
рукахъ сосредоточивались всѣ данныя для его организаціи.
Говорю это не ради того, чтобы выставить себя виновникомъ
успѣха, а для того, чтобы читателямъ было извѣстно, почему
я могъ знать всѣ подробности и судить о нихъ не только какъ
участникъ, но какъ распорядитель и отвѣтчикъ за возложенное
на отрядъ порученіе.

Но чтобы оно обозначилось яснѣе, необходимо указать
на нѣкоторыя предшествовавшія дѣйствія, для чего прихо-
дится возвратиться къ происходившему за мѣсяцъ до паденія
Плевны.

Въ одинъ изъ октябрьскихъ вечеровъ, явился ко мнѣ ге-
неральнаго штаба подполковникъ Сухомлиновъ и передалъ,
что Великій князь главнокомандующій желаетъ, чтобы я за-
нялъ Траянскій и Розелитскій перевалы, при чемъ добавилъ,
что хотя Его Высочество, отправляя его, и довольно настой-
чиво говорилъ объ этомъ, но предоставляетъ мнѣ свободу
дѣйствій.

— Такъ какъ вы передали мнѣ волю главнокомандующаго,
то я на васъ и возложу подробное разслѣдованіе и изученіе
подъемовъ, отвѣчалъ я Сухомлинову [1]).

При тогдашнихъ силахъ отряда, ослабленнаго отдѣленіемъ
цѣлой бригады къ генералу Гурко, и при необходимости имѣть

[1]) При первомъ свиданіи съ этимъ штабъ-офицеромъ, я понялъ, съ
кѣмъ имѣю дѣло и не ошибся, потому что въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ,
которые онъ оставался при мнѣ, я могъ только удивляться его такту
и усердію. Впродолженіи всей многолѣтней моей службы я не встрѣчалъ
офицера генеральнаго штаба болѣе способнаго, полезнаго и пріятнаго
для войскъ и ихъ начальниковъ.

хотя небольшія части въ Ловчѣ и Сельви, невозможно было и думать о немедленномъ занятіи переваловъ. Поэтому я рѣшилъ отклонять это предпріятіе, до ожидаемаго уже тогда паденія Плевны. Еслибы оно и имѣло успѣхъ, то не принесло бы въ то время желаемой пользы, а только подвергло бы, расположенныя на заоблачныхъ высяхъ войска, страшнымъ лишеніямъ. Дабы доказать это и убѣдить, что я вовсе не отказываюсь отъ мысли идти черезъ Траянъ, я настойчиво предпринялъ изслѣдованіе подъемовъ. Для ихъ рекогносцировки были посылаемы сотенные командиры, стоявшіе у подножій, и съ ними подполковникъ Сухомлиновъ. Вмѣстѣ съ этимъ я доносилъ, что опасаться спуска турокъ по сѣверному склону не слѣдуетъ, разъ что онъ повсюду охраняется сотнями и пѣхотными поддержками. При одной изъ подобныхъ рекогносцировокъ это мнѣніе вполнѣ подтвердилось.

Стоявшій у подножія Розелитскаго перевала, въ деревнѣ Острецѣ, сотникъ Аѳанасьевъ получилъ свѣдѣніе, будто на высшей точкѣ перевала—горѣ Мара-Гайдукѣ, турки строятъ укрѣпленіе и въ числѣ двухъ тысячъ намѣрены спуститься на нашу сторону, съ цѣлью раззорить болгарскія деревни и кулибы (хутора) сѣвернаго склона. Условясь со стоявшимъ совмѣстно съ нимъ командиромъ роты, Александровскимъ, Аѳанасьевъ рѣшился лично убѣдиться въ справедливости дошедшихъ до него слуховъ. Выступивъ въ горы въ 4 часа утра, 30 октября, они весь день карабкались по крутизнамъ, но могли пройти только половину подъема.

На слѣдующій день, уже подъ вечеръ, не доходя верстъ двухъ до вершины, турки встрѣтили ихъ выстрѣлами, не причинившими по дальности никакого вреда. Ободренные этимъ, Александровскій и Аѳанасьевъ, направивъ роту правѣе и сотню лѣвѣе укрѣпленія, продолжали подыматься. Тогда турки прекратили огонь и ушли. Видимо было, что они только ждали предлога, чтобы избавиться отъ невыносимой стоянки на высотѣ 7,000 футъ. Послѣ срытія укрѣпленія, оба предпріимчивые офицера, оставивъ на высотѣ партію Болгаръ при десяти казакахъ для наблюденія, возвратились въ Острецъ.

Получивъ депешу о занятіи Мара-Гайдука и зная какъ Великій князь интересуется перевалами, 1-го ноября я поѣхалъ въ Боготъ; но помня, что прежде чѣмъ что-либо докладывать

Главнокомандующему, по порядку службы слѣдуетъ доложить о томъ же начальнику штаба арміи, я зашелъ къ генералу Непокойчицкому.

— Что вамъ угодно? спросилъ онъ меня, какъ только я переступилъ порогъ его хаты.

— Я пріѣхалъ доложить, что вчера рота и сотня изъ Острецa заняли Розелитскій перевалъ.

— Да? сказалъ онъ невозмутимымъ тономъ, точно дѣло идетъ о такой бездѣлицѣ, про которую разспрашивать и не стоитъ.

— Угодно вамъ доложить объ этомъ Главнокомандующему, или прикажете мнѣ сдѣлать это? спросилъ я.

— Пойдемте къ Великому князю вмѣстѣ.

Войдя въ юрту Его высочества, Непокойчицкій, указывая на меня произнесъ: „Вотъ генералъ пріѣхалъ доложить, что его казаки и рота заняли вчера Мара-Гайдукъ".

— Какъ! неужели? съ видимымъ интересомъ сказалъ Великій князь. Да какъ ты передрогъ!—и затѣмъ крикнулъ: „Подать поскорѣе водки, сыру, чаю; а покуда садись и скорѣе разсказывай, вотъ карта".

Только-что я началъ, какъ смотрю начальникъ штаба повернулся и вышелъ. Тогда невольно подумалось: неужели военныя дѣйствія менѣе интересны, нежели жалобы на войска нашихъ гражданскихъ правителей.

Послѣ подробнаго доклада о занятіи перевала, Великій князь сказалъ:

— Ну спасибо; значитъ есть надежда перебраться и здѣсь. Имѣй въ виду, что быть можетъ скоро я прикажу тебѣ тронуться, куда окажется возможнѣе.

— Позвольте, Ваше высочество, прежде подробнѣе ознакомиться съ подъемами. На Мара-Гайдукъ съ артиллеріею и даже съ вьюками подниматься немыслимо, но я все-таки поручу Сухомлинову еще разъ осмотрѣть его; мнѣ кажется, что намъ лучше имѣть въ виду Траянъ.

— Смотри, такъ-ли? здѣсь того мнѣнія, что переходя западнѣе Розелита, придется идти къ Шипкѣ черезъ Калоферское ущелье и штурмовать сильную позицію; между тѣмъ какъ, переваливая черезъ Розелитъ, это избѣгается.

— Совершенно такъ, но я смѣю увѣрить, что если теперь,

въ октябрѣ, Турки бросили перевалъ, по невозможности стоять на немъ, то въ декабрѣ, когда начнутся постоянныя метели и сильные морозы, Мара-Гайдукъ будетъ совершенно непроходимъ.

Отпуская меня, Великій князь прибавилъ: „работай какъ началъ и о всемъ почаще увѣдомляй меня".

Изъ объясненій съ лицомъ, которому могли быть подробно извѣстны намѣренія Его высочества, выяснилось, что до паденія Плевны существовала такая комбинація: предполагаемое въ то время движеніе за Балканы имѣло цѣлью только освобожденіе войскъ генерала Радецкаго отъ невыносимой стоянки на Шипкинскомъ перевалѣ. Тогда предполагали, что генералъ Гурко, взявъ Арабъ-Конакъ, пойдетъ къ востоку, и когда дойдетъ до Златицы, то въ голову его колонъ выйдетъ мой Новоингерманландскій полкъ изъ Тетевени. Когда же они пройдутъ Клиссурское ущелье, то изъ Ловчи, перейдя Траянъ, выйдетъ мой отрядъ; наконецъ роты и сотни, занимающія Сельви, перейдутъ Балканы черезъ Розелитъ и такимъ образомъ вся моя дивизія соединится у Калофера и образуетъ авангардъ арміи, наступающей, по долинамъ Гіопса и Тунджи, на Шипку съ запада.

— Позвольте на это замѣтить,—возразилъ я,—что все это кажется возможнымъ и даже красивымъ только смотря на карту; но можно ли полагаться на удачу подобныхъ комбинацій при такихъ препятствіяхъ, какъ Балканы. Достаточно двухъ, трехъ дней метели, чтобы всѣ разсчеты измѣнились. Не слишкомъ ли рисковано, со столь незначительными силами, какъ мои у Тетевени и Сельви, спускаться съ Балканъ въ то время, когда главная армія еще у Плевны, и даже не опредѣлилось направленіе движенія генерала Гурко, то есть, — пойдетъ ли онъ, спустившись, на западъ, или на востокъ, а это будетъ зависѣть отъ того, куда отступятъ передъ нимъ турки.

Въ теченіе ноября мѣсяца подполковникъ Сухомлиновъ еще разъ подробно изслѣдовалъ Розелитскій и три раза Траянскій перевалы. Чтобы отклонить существовавшіе въ Главной квартирѣ намѣреніе направить меня на Розелитъ и по возможности убѣдить, какъ рискованно, съ находившимися тогда въ моемъ распоряженіи 5-ю баталіонами, предпринимать от-

дѣльный переходъ за Балканы, я составилъ слѣдующую подробную записку о перевалахъ.

„Изслѣдованіе Балканскихъ проходовъ черезъ Мара-Гайдукъ къ Калоферу и черезъ Траянъ къ Теке и Корнари, начатое мною съ первыхъ чиселъ октября, производилось почти еженедѣльно. Для наблюденія за ними поставлено было по сотнѣ и по ротѣ въ Острецѣ и Траянѣ. Подполковникъ генеральнаго штаба Сухомлиновъ нѣсколько разъ подымался съ казацкими партіями и болгарскими охотниками до самыхъ вершинъ и убѣдился, что Траянскій перевалъ занятъ турецкими укрѣпленіями, а Мара-Гайдукъ, хотя и брошенъ турками, но теперь уже невозможенъ для подъема.

„Траянскій перевалъ имѣетъ два подъема и спуска: одинъ отъ Успенскаго монастыря и другой отъ выжженнаго города Траяна. На первомъ, вьющаяся по скалѣ тропа представляетъ на вершинѣ ребро двухъ сходящихся подъ острымъ угломъ плоскостей, теперь совершенно занесенныхъ снѣгомъ и непроходимыхъ. Подъемъ отъ Траяна можно считать сравнительно лучшимъ, но все-таки, по личному удостовѣренію Сухомлинова и по показаніямъ старожиловъ, для прохода артиллеріи немыслимъ, для пѣхоты же представляетъ едва-ли преодолимыя трудности“.

Приведенную записку я отправилъ начальнику штаба, Непокойчицкому, съ Сухомлиновымъ, при слѣдующемъ письмѣ:

„При самомъ искреннемъ желаніи сказать о Розелитскомъ и Траянскомъ перевалахъ согласное съ видами Великаго князя, я по долгу присяги не могу вводить Его высочество въ заблужденіе и черезъ это подвергать ввѣренныя мнѣ войска гибели, въ непроходимыхъ заоблачныхъ горахъ и дебряхъ, гдѣ стужа уже теперь доходитъ до 18 градусовъ. Пройти, хотя бы и со страшными усиліями и сбивая непріятеля, пѣхота можетъ, но удержатся ли 5 баталіоновъ на высотѣ 7,000 футъ? какъ устроить подвозъ продовольствія и снарядовъ, транспортировку раненыхъ и больныхъ, что̀ окажется и что̀ мы встрѣтимъ при спускѣ на югъ въ долину Гіопса,—всѣ эти вопросы дѣлаютъ предположенія о *немедленномъ* переходѣ болѣе чѣмъ рискованными.

„Простите, если я, быть можетъ, говорю несогласное съ вашимъ мнѣніемъ, но считаю святою обязанностію высказать

начальнику штаба мое убѣжденіе, основанное на желаніи исполнить долгъ службы по присягѣ и совѣсти".

Подполковнику Сухомлинову я поручилъ, отдавая письмо, сколь возможно отклонять идею о *немедленномъ*, *отдѣльномъ переходѣ* и всѣми силами стараться объ отсрочкѣ его до тѣхъ поръ, покуда событія не подготовятъ возможности согласовать движеніе съ общими дѣйствіями.

Сряду послѣ паденія Плевны, въ Главной квартирѣ составлялся планъ общаго перехода арміи черезъ Балканы. Для приведенія его въ исполненіе, въ первой половинѣ декабря, войска, составлявшія отрядъ обложенія, были направлены на подкрѣпленіе тѣхъ, которые уже занимали пункты, избранные для перехода.

9 декабря я получилъ изъ Главной квартиры депешу: „Великій князь проситъ васъ пріѣхать завтра, вмѣстѣ съ подполковникомъ Сухомлиновымъ". Цѣль вызова состояла въ сообщеніи плана общаго движенія войскъ за Балканы, причемъ мнѣ было объявлено, что я перехожу по Траянскому перевалу. Такъ какъ въ это время подъ моимъ начальствомъ оставалось всего полтора полка пѣхоты, 3 батареи и 2 казачьихъ полка, то я просилъ Главнокомандующаго хотя нѣсколько усилить отрядъ.

— Само собою разумѣется, отвѣтилъ Его высочество, что ты будешь усиленъ стрѣлковою бригадою и полкомъ или двумя кавалеріи, о чемъ тебя увѣдомятъ; а теперь займись подготовкою, устройствомъ продовольствія, организуй возлѣ себя побольше болгарскихъ четъ и вели еще разъ осмотрѣть подъемъ. Когда выступать—я сообщу, но мы еще увидимся.

Чтобы воспользоваться остающимся временемъ, я поручилъ подполковнику Сухомлинову, вмѣстѣ съ прибывшимъ въ дивизію новымъ начальникомъ штаба, подполковникомъ Сосновскимъ, еще разъ осмотрѣть сѣверный склонъ подъема, заѣхать къ архимандриту Успенскаго монастыря Макарію, не разъ помогавшему намъ при рекогносцировкахъ, чтобы условиться съ нимъ, относительно заготовки вьюковъ сухарей, расчистки пути и проч.

По возвращеніи Сосновскаго и Сухомлинова, 19 декабря я поѣхалъ въ Боготъ, получить послѣднія указанія Великаго князя. Тамъ я узналъ, что вмѣсто обѣщаннаго усиленія от-

ряда, 3-ю стрѣлковую бригаду и первую кавалерійскую дивизію отдаютъ Скобелеву. Съ трудомъ удалось уговорить дать мнѣ хоть одинъ стрѣлковый баталіонъ и получить обѣщаніе, послѣ перехода перевала, возвратить дивизіи вторую бригаду.

Послѣднее приказаніе и наставленія Его высочество закончилъ словами:

— Удастся перейти, честь и слава, а нѣтъ,—такъ демонстрируй, но работай усердно. Я знаю, что переходъ почти невозможенъ, но ты сдѣлаешь это для меня.

По возвращеніи въ тотъ же вечеръ въ Ловчу, вся ночь прошла въ распоряженіяхъ къ предстоящему походу, въ составленіи маршрутовъ, инструкцій и приказаній относительно подвоза продовольствія и патроновъ, устройства тыла, транспортировки и т. п.

20 декабря, утромъ, былъ отданъ мною приказъ о разформированіи Ловче-Сельвинскаго отряда и объ образованіи изъ него Траянскаго. Но прежде чѣмъ излагать подробности предварительныхъ распоряженій, считаю необходимымъ вкратцѣ упомянуть о томъ, когда и въ какихъ пунктахъ переходили прочія войска арміи.

Въ минувшую войну русскія войска были двинуты черезъ ту среднюю часть Балканъ, которая до сихъ поръ считалась недосягаемымъ оплотомъ Турціи, а потому не была укрѣплена ею заранѣе. Твердыни, которыя взяты потомъ нашими отрядами, были воздвигнуты уже по объявленіи войны.

По взятіи Плевны, наши войска были направлены черезъ Балканы нѣсколькими колонами, на слѣдующіе проходы:

1) На лѣвомъ флангѣ,—черезъ Ханкіойскій перевалъ (4.000 футъ) перешла 25 и 26 декабря колона князя Святополкъ-Мирскаго, безъ боя, но затѣмъ въ долинѣ Тунджи имѣла кровопролитныя дѣла 27 и 28 числа.

2) Въ центрѣ—шли двѣ колоны: а) Шипкинскій перевалъ (4.900 футъ) взятъ 28 декабря отрядомъ генералъ-лейтенанта Радецкаго; б) по Зеленодревесному перевалу (4.500 футъ) шла колона генерала Скобелева 2-го, имѣвшая дѣла 27 и 28 декабря. Западнѣе Шипки, Траянскій перевалъ (6.700 ф.) пройденъ 23, 24, 25 и взятъ 26 декабря ввѣреннымъ мнѣ Траянскимъ отрядомъ.

3) На правомъ флангѣ — черезъ проходы: Арабъ-Конак-

скій, Златицкій, Ташкисенскій и Лютиковскій (отъ 3.000 до 3.400 ф.) прошли колоны Западнаго отряда генерала Гурко.

Изъ означеннаго перечня Балканскихъ проходовъ видно, что Траянскій—самый высочайшій изъ нихъ. Общій характеръ мѣстности 17-ти верстнаго подъема на перевалъ слѣдующій.

Путь отъ Траяна до начала подъема у Княжевицкихъ кулибъ, на протяженіи 5 верстъ, идетъ долиною рѣки Бѣлой-Осьмы, большею частью по карнизамъ крутыхъ скалъ. Представляя на каждомъ шагу прелестные ландшафты, онъ чрезвычайно живописенъ, даже зимою. До кулибъ приходится два раза переходить рѣку въ бродъ, что̀, по словамъ Болгаръ, при разливахъ считается невозможнымъ. У кулибъ, сряду по переходѣ Осьмы, начинается и тянется съ версту весьма крутой подъемъ, кажущійся снизу непреодолимымъ. Затѣмъ тропа, поднимаясь, идетъ то лѣсомъ, то горнымъ хребтомъ, съ отвѣсными къ ущельямъ боками, по крайне узкимъ карнизамъ, висящимъ надъ пропастью. Версты за 3 до вершины, передъ лощиною, покрытою дубовымъ лѣсомъ, находится небольшое четырехугольное каменное зданіе, въ видѣ сарая безъ крыши. Это овчарня, служащая во время бурь и метелей убѣжищемъ пастухамъ и странникамъ. Пройдя за нее съ версту лѣсомъ, путь упирается въ громадную гору, имѣющую видъ голаго черепа. Тутъ всякая растительность прекращается и отсюда начинается подъемъ на перевалъ, сразу подъ угломъ 60, а мѣстами и 70 градусовъ, весь занесенный снѣгомъ, изъ-подъ котораго кое-гдѣ, какъ сахарныя головы, выглядываютъ каменныя глыбы. О томъ, каковъ былъ дальнѣйшій подъемъ къ вершинѣ, на которой, едва замѣтною черною грядою, виднѣлись турецкія укрѣпленія, я скажу ниже.

Убѣдясь изъ послѣдней моей поѣздки въ Главную квартиру, что на увеличеніе отряда надѣяться трудно, я не настаивалъ на этомъ, тѣмъ болѣе, что одно изъ вліятельныхъ тамъ лицъ выразилось такъ: „Если ваши 5-ть баталіоновъ погибнутъ, то это не будетъ имѣть вліянія на ходъ кампаніи".

Не личная опасность смущала меня, а отвѣтственность за отрядъ. Я обѣщалъ сдѣлать все, что зависитъ отъ человѣческихъ усилій, но за вѣрный успѣхъ не ручался, потому что ни Арабъ-Конакскій хребетъ, ни знаменитый Шипкинскій

валъ, несмотря на всѣ ихъ трудности, не могутъ идти сравненіи съ Траянскимъ Балканомъ, составляющимъ, ѣ Мара-Гайдука, высшую точку всѣхъ Балканскихъ . Мѣстные жители называютъ его „Дери-магаре“, или рть магарска“, то-есть гибель ословъ. Всѣ же военные тели, въ томъ числѣ Каницъ и Мольтке, считали Траян перевалъ невозможнымъ для движенія войскъ: „Тотъ ге-лъ,—говоритъ послѣдній,—который вознамѣрится перейти зъ Траянъ, заранѣе заслуживаетъ имя безразсуднаго, по- что достаточно двухъ баталіоновъ, чтобы задержать на-леніе цѣлаго корпуса“.

дѣсь, по показаніямъ лѣтописцевъ: „безслѣдно гибли кіе легіоны, а турки, покорители Византіи и Болгар- царства, искали другихъ путей, считая Траянскій не-одимымъ“.

Iомня послѣднія слова Великаго князя при выходѣ моемъ екабря изъ его юрты, я, по возвращеніи вечеромъ въ у, собралъ къ себѣ всѣхъ лицъ моего штаба и вмѣстѣ Сухомлиновымъ и Сосновскимъ проработалъ всю ночь. я въ виду, что разстояніе между Шипкою и Корнари, намъ предстояло спуститься, 70 верстъ, что при одно-енномъ началѣ движенія моего въ горы, съ наступленіемъ цкаго, турки, въ моментъ боя, когда дорогà всякая ро-е стали бы отдѣлять противъ меня ни одного табора, я илъ, дабы привлечь на себя ихъ вниманіе и отвлечь отъ цкаго, обнаружиться раньше, а потому назначилъ на- подъема на 23 декабря, т. е. за 4 дня до общаго насту-ія на Шипку, отложеннаго на 27-е, о чемъ мнѣ было со-но слѣдующею шифрованною депешею генерала Непо-ицкаго: „Великій князь приказалъ вамъ сильно демон-ровать, чтобы облегчить дѣйствія Радецкаго, который ата-ъ Шипку 27-го, а Скобелевъ 26-го спустится съ горъ и етъ Иметли“ [1]).

ъ теченіе ночи съ 19-го на 20-е было сдѣлано слѣдующее:) Составлено распредѣленіе отряда на эшелоны, для посте-аго ихъ подъема на перевалъ. Двинуть весь отрядъ разомъ

[1] Какъ будетъ указано ниже, Скобелевъ спустился не 26-го, а только декабря.

нельзя было по невозможности собрать такое число вьючныхъ животныхъ, которое было бы достаточно для подъема продовольствія и снарядовъ для всѣхъ.

2) Для разбросанныхъ у подгорій, въ Сельви, Острецѣ и Тетевени, частей отряда составлены маршруты, съ такимъ разсчетомъ, чтобы въ извѣстный день сосредоточить каждый эшелонъ у Княжевицкихъ Кулибъ.

3) Вмѣстѣ съ маршрутами разосланы командирамъ частей предписанія о тѣхъ мѣрахъ, которыя каждый изъ нихъ долженъ принять при выступленіи и во время движенія.

Дальнѣйшія распоряженія видны изъ отданнаго мною приказа по формируемому отряду. Дѣлаю изъ него тѣ извлеченія, которыя необходимы для разъясненія дальнѣйшихъ моихъ дѣйствій.

„По волѣ Его Императорскаго Высочества Главнокомандующаго, изъ Ловче-Сельвинскаго отряда формируется, подъ моимъ начальствомъ, для перехода черезъ Балканы отъ Травна, Траянскій отрядъ изъ слѣдующихъ частей: Староингерманландскій пѣхотный полкъ въ полномъ составѣ, Новоингерманландскаго полка 8 ротъ, 10-й стрѣлковый баталіонъ, рота 6-го сапернаго баталіона, Донскіе казачьи №№ 24 и 30 полки, и 3-я батарея 3-й артиллерійской бригады; всего $5^1/_2$ баталіоновъ, 10 сотенъ и 8 орудій. Всѣ прочія батареи дивизіи остаются временно въ Ловчѣ.

Начальникомъ штаба отряда назначается подполковникъ Сосновскій.

Всѣмъ чинамъ штаба 3-й дивизіи войти въ составъ отряднаго штаба.

Начальникомъ артиллеріи быть полковнику Золотухину, а отряднымъ комендантомъ маіору Лебединскому.

Генеральнаго штаба подполковнику Сухомлинову состоять при мнѣ для порученій. Ординарцами ко мнѣ назначаются: Лейбъ-гвардіи Уланскаго Его Величества полка штабъ-ротмистръ Крестовскій, Староингерманландскаго полка — поручикъ Эрнротъ, Великолуцкаго — поручикъ Яковлевъ и 24-го казачьяго—хорунжіе Марковъ и Грошевъ.

Общее начальство надъ остающимися чинами и складами въ Ловчѣ возлагаю на подполковника Новоингерманландскаго

а Чигирина, которому руководствоваться особо даннымъ предписаніемъ.

Дивизіонному интенданту, съ состоящею при немъ коман- остаться въ Ловчѣ, для усиленной заготовки сухарей, ко- е ежедневно отправлять въ кулибы, гдѣ чиновнику Рома- чу устроить складъ и руководить транспортировкою его на ахъ къ перевалу.

Отрядному врачу Кунаховичу, по взятіи перевала, возвра- ся въ Ловчу къ подвижному лазарету; всѣмъ прочимъ амъ слѣдовать съ отрядомъ, а равно и ротѣ носильщи- ".

аспредѣленіе войскъ на эшелоны было слѣдующее:

ервый эшелонъ (полковника Бородина) 10-й Стрѣлковый ба- нъ, 2 орудія и 2 сотни, долженъ былъ выступить изъ и 21 декабря и 23 начать движеніе по подъему.

торой эшелонъ (флигель-адъютанта, полковника графа Та- ва) выступаетъ 21-го изъ Сельви, приходитъ въ Траянъ 23 инаетъ подыматься 24 декабря.

ретій эшелонъ (маіора Духновскаго), состоя изъ частей, оложенныхъ въ Ловчѣ, выступаетъ 22-го, на слѣдующій соединяется въ Траянѣ со вторымъ и подымается вмѣстѣ имъ.

етвертый эшелонъ (маіора Кобордо)—22-го выходитъ изъ вени въ деревню Шипково, гдѣ поступаетъ подъ началь- полковника Сухомлинова и совершаетъ отдѣльный пере- черезъ Балканы,—на Рахманлы.

осле этихъ, такъ сказать, строевыхъ распоряженій, на- али самыя трудныя, наиболѣе меня озабочивавшія,—это еченіе продовольствіемъ и устройство черезъ перевалъ ценія съ оставляемыми въ тылу обозами и командами. трядѣ состояло 6,500 человѣкъ, требовавшихъ ежедневно пудовъ сухарей. Это количество я и приказалъ всякій отправлять изъ Ловчи въ кулибы. Для передачи же ихъ ревалъ требовалось 150 вьюковъ.

ба офицера генеральнаго штаба, отрядный врачъ и по- імейстеръ выѣхали изъ Ловчи въ Траянъ 21-го числа. На ихъ было мною возложено озаботиться возможно большимъ омъ вьюковъ и воловыхъ подводъ, для подъема орудій и зомъ изъ деревень и кулибъ Болгаръ, для проложенія

пути и расчистки заносовъ. Докторъ Кунаховичъ долженъ былъ устроить въ кулибахъ помѣщеніе для больныхъ и раненыхъ, распорядиться транспортировкою ихъ съ горъ и эвакуаціею въ Ловчу. Неоцѣнимую при всемъ этомъ помощь оказывалъ командированнымъ лицамъ настоятель Траянскаго Успенскаго монастыря, архимандритъ Макарій и старшина окружія Георгій, бывшій ратникъ ополченія. Первый всю осень распоряжался охраною сѣверныхъ спусковъ мѣстными горцами, сопровождалъ Сухомлинова во всѣхъ рекогносцировкахъ и теперь не оставлялъ отряда ни на минуту. Утромъ онъ провожалъ эшелоны въ горы, руководилъ тамъ расчисткою пути по подъему, вечеромъ являлся ко мнѣ за приказаніями, ночью хлопоталъ въ монастырѣ по заготовкѣ хлѣба и вина, отправлялъ все это на вьюкахъ къ войскамъ, а къ разсвѣту, верхомъ на горной лошадкѣ, отецъ Макарій уже былъ опять на подъемѣ. Георгій много содѣйствовалъ по сбору вьюковъ, фуража и подводъ.

Что же касается самихъ Болгаръ вообще, то готовность ихъ помогать намъ выражалась болѣе обѣщаніями, чѣмъ дѣломъ. Вмѣсто необходимыхъ 150 вьюковъ въ день, въ первый же день они выставили всего 70, а затѣмъ, несмотря на щедрую плату, по 8 франковъ въ сутки, при всѣхъ усиліяхъ отца Макарія, невозможно было получать болѣе 30-ти. То же самое нужно сказать и о рабочихъ для расчистки пути. Собранныя архимандритомъ и Георгіемъ подводы приходилось караулить и рабочихъ окружать часовыми, безъ чего они разбѣгались. Между тѣмъ позади эшелоновъ, какъ бы крадучись, шла на подъемъ масса кое-какъ вооруженнаго народа. Было нѣсколько партій, болѣе или менѣе организованныхъ, со знаменами и хоругвями, но во время боя никто не видалъ этихъ ополченцевъ и если ихъ было человѣкъ 20 въ цѣпи, то эти составляли исключеніе.

Покуда эшелоны шли къ сборному пункту, я оставался въ Ловчѣ для организаціи тыла и для устройства правильной доставки снарядовъ и патроновъ на перевалъ. Тогда же было отправлено мною въ Главную квартиру подробное донесеніе о всѣхъ моихъ распоряженіяхъ и принятыхъ мѣрахъ. Въ полученномъ отвѣтѣ, кромѣ благодарностей за раціональность всего мною сдѣланнаго, снова дѣлались намеки на то, что мнѣ луч-

ше идти черезъ Розелитъ и спуститься у Калофера, между тѣмъ какъ въ полевомъ штабѣ знали, что организація перехода черезъ Траянъ уже подготовлена. Этотъ совѣтъ былъ выраженъ въ слѣдующей формѣ: „Въ телеграммѣ къ вамъ Великій князь даетъ указаніе движенію вашего отряда на Калоферъ. Это, конечно, только указаніе того направленія, которое желательно для содѣйствія Радецкому, но все зависитъ отъ обстоятельствъ. Во всякомъ случаѣ, предупреждаю, что настолько извѣстны виды Главнокомандующаго, ваша дивизія, по всей вѣроятности, *послѣ спуска Радецкаго и подхода Гурко къ Филиппополю*, пойдетъ по долинѣ Гіопса, также на Филиппополь, или въ этомъ направленіи. Спустившись въ долину, вамъ придется *смотрѣть въ оба и быть готову къ различнымъ случайностямъ*, но во всякомъ случаѣ, если турки бы оставили Златицу и Клиссуру и вы будете обезпечены съ запада, дѣйствуйте рѣшительно къ востоку. Посылайте донесеніе прямо на имя Главнокомандующаго".

Прошу читателей вспомнить подчеркнутое мною, когда дойдетъ дѣло до взгляда на мои дальнѣйшія дѣйствія и до разбора ихъ.

Утромъ, 22-го декабря, въ 8 часовъ, я сѣлъ въ запряженныя тройкою сани и по отличному зимнему пути выѣхалъ въ Траянъ, гдѣ уже кипѣла усиленная дѣятельность. У отведеннаго мнѣ дома стояли собранные вьюки и подводы, казаки конвойной сотни хлопотали у коновязей, части эшелоновъ, съ пѣснями, проходили въ кулибы. Вечеромъ собрались ко мнѣ: Татищевъ, Сосновскій, Кунаховичъ, командиръ казачьяго полка Грековъ и отецъ Макарій. Сухомлиновъ не былъ на совѣщаніи потому, что съ утра выѣхалъ на встрѣчу четвертаго эшелона въ Шипково. Въ виду тѣхъ трудностей, которыя предстояли для подъема артиллеріи, я рѣшилъ взять съ собою на перевалъ только 4 орудія, подъемъ которыхъ велѣлъ начать въ тотъ же день, какъ только стрѣлки и батарея придутъ въ кулибы. Подполковникъ Сосновскій спросилъ: разрѣшаю ли я, если окажется возможнымъ, атаковать укрѣпленія врасплохъ, однимъ первымъ эшелономъ, не дожидая подхода прочихъ?

„Имѣйте въ виду,—отвѣчалъ я ему,—что главная цѣль отряда—демонстрированіе, но если представится случай взять

укрѣпленіе, такъ сказать, налетомъ, то, конечно, упускать его не слѣдуетъ".

По полученіи окончательныхъ распоряженій о немедленномъ движеніи въ горы, всѣ поименованныя лица отправились къ своимъ мѣстамъ, я же остался въ Траянѣ, чтобы выждать прибытія къ началу подъема остальныхъ эшелоновъ.

Части перваго эшелона стали подходить въ Княжевицкія кулибы около 2-хъ часовъ дня, но артиллерія могла придти только къ вечеру и чтобы перевести батарею черезъ Осьму на бивакъ, пришлось каждый передокъ, каждое орудіе, каждый зарядный ящикъ отдѣльно спускать къ броду и подымать на крутой берегъ на рукахъ. Надзоръ за этимъ дѣломъ былъ порученъ ординарцу моему, Крестовскому, успѣвшему заранѣе подробно ознакомиться съ мѣстностью. Въ помощь артиллеристамъ была назначена рота стрѣлковъ и вся работа производилась при свѣтѣ костровъ. Послѣ переправы орудій, два изъ нихъ, какъ идущія съ первымъ эшелономъ, начали разбирать на части: тѣло привязали на заранѣе содранные дубовые лубки, передки, лафеты, колеса разложили по особымъ салазкамъ. Саперы помогали прикрѣплять эти части, стрѣлки увязывали вьюки, Староингерманландцы рубили деревья и тутъ же вытесывали изъ нихъ полозья и подкладки подъ салазки. Видъ бивака представлялъ весьма оживленную и оригинальную картину, освѣщенную пылающими кострами.

Полковникъ Бородинъ, съ своими стрѣлками, долженъ былъ тронуться 23-го числа, въ 2 часа утра. Когда первое орудіе было разложено на лубки и салазки, въ нихъ впрягли по нѣсколько паръ буйволовъ, и къ каждымъ салазкамъ назначено человѣкъ по 40 солдатъ и Болгаръ, которые на лямкахъ помогали тащить орудія, подпирая ихъ съ боковъ и сзади. Не говоря о крутизнѣ подъема, приходилось перерубать и обходить то сваленное бурею поперегъ дороги вѣковое дерево, то глыбу торчащихъ камней, то образовавшуюся отъ осеннихъ дождей и горныхъ потоковъ промоину, и все это—идя въ гору при 45 градусной крутизнѣ. Кирки, ломы, топоры, лопаты—все было въ дѣлѣ. Рабочіе, собравъ всѣ силы, дружно налягутъ на лямки, затянутъ родную русскую „дубинушку", гикнутъ, протащутъ 5—6 шаговъ и снова остановятся, чтобы перевести духъ. Вслѣдствіе этого, орудіе настолько отставало

тъ стрѣлковъ, что послѣдніе, подымаясь все въ гору и гору, же не слыхали за собою ни голосовъ, ни стука топоровъ и ирокъ. Достигнувъ овчарни, Бородинъ сдѣлалъ небольшой ривалъ. Надъ нею уже развивался бѣлый флагъ съ краснымъ крестомъ.

Вотъ какъ описываетъ одинъ изъ участниковъ пройденную къ полудню стрѣлками до овчарни часть подъема. „Чудный, прелестно фантастическій видъ представляли пройденные нами хребты и склоны, роскошно покрытые лѣсомъ. Деревья были сплошь запушены инеемъ; ползучія растенія оплели ихъ вѣтви и висѣли въ неподвижномъ воздухѣ цѣлыми ирляндами и все это представлялось взору какъ бы изваяннымъ изъ одной громадной глыбы серебра, рукою дивнаго художника. Лѣсъ стоялъ какъ очарованный. Узенькая тропинка, роложенная вчера развѣдчиками, нерѣдко шла по самому раю лѣсистыхъ обрывовъ. Глянешь внизъ—и конца не видно рутому склону. Одинъ невѣрный шагъ, одинъ скользкій скатъ а косогорѣ и все это, тяжести и люди, мгновенно рухнутся ъ пропасть... Было о чемъ призадуматься“.

Видя, что въ этотъ день напрасно разсчитывать на содѣйствіе артиллеріи, а между тѣмъ необходимо сегодня же начать емонстрацію, Сосновскій и Бородинъ рѣшили идти далѣе. Это было необходимо еще потому, что эшелонъ Сухомлинова могъ же спускаться къ Рахманлы и надо было отвлечь отъ него урокъ, иначе, при малочисленности отрядца, онъ былъ бы редоставленъ явной погибели.

По прибытіи къ овчарнѣ двухъ Староингерманландскихъ отъ и казаковъ, стрѣлки, въ 4 часа дня, тронулись къ главому перевалу. Для описанія подъема снова обращаюсь къ печатлѣнію участниковъ. Увидя голый черепъ, макушка котораго исчезла въ густомъ, молочно-бѣломъ туманѣ, одинъ зъ офицеровъ, указывая на него проговорилъ: „Вонъ она, мерть-то магарска“. Времени оставалось немного, а потому емедленно было приступлено къ разработкѣ подъема. Надо было вести его зигзагами, потому что прямое направленіе мѣло 60-ти градусную крутизну. Этотъ тяжелый трудъ приняли на себя: Крестовскій, вмѣстѣ съ другими ординарцами, отникъ Поцѣлуевъ и нѣсколько стрѣлковыхъ офицеровъ. До ояса въ снѣгу, проваливаясь въ занесенныя ямины, скользя

по оголеннымъ плитамъ, они шли впереди рабочихъ, пролагая дорогу, въ буквальномъ смыслѣ, собственною грудью. Это было до того утомительно, что при 17-ти градусномъ морозѣ люди обливались пòтомъ, а дышать было почти нечѣмъ; воздухъ, скованный стужею, на высотѣ 5,900 ф. былъ такъ разрѣженъ, что у нѣкоторыхъ показалась кровь изъ носа, ушей и горла. Болѣе 4-хъ часовъ длился подъемъ на черепъ Траяна и когда достигли вершины гребня, было уже около 9 часовъ вечера.

Чтобы не обнаруживать незначительности силъ эшелона, Сосновскій, переговоривъ съ Бородинымъ, предложилъ ему идти на укрѣпленіе и захватить его врасплохъ. Въ это время подошелъ къ нимъ командиръ 30-го казачьяго полка, полковникъ Грековъ, человѣкъ, котораго можно охарактеризовать такъ: „огненный пылъ въ лихой атакѣ, и невозмутимое хладнокровіе подъ пулями“.

Съ нѣсколькими проводниками изъ Болгаръ, среди ночной туманной мглы, эти лица, вмѣстѣ съ моими ординарцами, стали впереди стрѣлковъ. На послѣдней террасѣ баталіонъ перестроился по-ротно въ двѣ линіи, послѣдовала тихая команда— „маршъ“, люди перекрестились и двинулись. Имъ было приказано соблюдать полную тишину и не отвѣчать на выстрѣлы. Цѣпь была уже въ восьми-стахъ шагахъ отъ укрѣпленій, какъ вдругъ, на высотахъ влѣво, запылалъ костеръ и вслѣдъ за этимъ, моментально, весь очеркъ Траянскаго черепа обозначился огнями ружейныхъ выстрѣловъ. Всѣ шансы внезапнаго нападенія исчезли. Оставаться подъ огнемъ было безцѣльно, отступать не хотѣли, и вотъ цѣпь, а за нею и резервы, безъ выстрѣла бросились впередъ, но не доходя 500 шаговъ до подошвы отвѣсной скалы „Орлинаго гнѣзда“, очутились въ мертвомъ пространствѣ, образуемомъ незначительною складкою мѣстности. Видя невозможность захвата, офицеры воспользовались этимъ и остановили свои части. Несмотря на стужу, стрѣлки залегли на снѣгу и оставались въ этомъ положеніи до тѣхъ поръ, пока Турки не прекратили огонь и только передъ разсвѣтомъ, оставивъ за гребнемъ наблюдательные посты, Бородинъ приказалъ ротамъ отступить на бивакъ у овчарни.

24-го декабря, на разсвѣтѣ, я получилъ отъ Сосновскаго слѣдующую записку:

„*У перевала, 4 часа утра.* Сейчасъ возвратился изъ-подъ рѣпленій. Первое орудіе довезено только до овчарни. Снѣгъ перевалѣ до полутора аршина; Болгары дороги на подъемъ расчистили. Тревожусь участью Сухомлинова. Пользуясь маномъ и разсчитывая на слабость укрѣпленія, казавшагося ѣ такимъ при рекогносцировкѣ, я предложилъ Бородину ѣлать попытку овладѣть имъ внезапно. Лишь только стрѣлки иблизились на ружейный выстрѣлъ, Турки открыли огонь, торый не прекращался всю ночь почти ни на минуту. Укрѣпнія въ эти дни рѣшительно преобразились и представляютъ перь три яруса ложементовъ; но самое важное — построены выя, которыхъ прежде не было. Употреблю всѣ усилія, чтобы полудню втащить орудіе. Днемъ сообщу подробности; теръ же, послѣ двухъ безсонныхъ ночей, отъ безсилія не въ стояніи".

Ночная рекогносцировка стоила намъ: убитыми 8 стрѣлковъ; нено: офицеръ, 10 стрѣлковъ и 2 казака; контужено: 1 оберъфицеръ и 6 стрѣлковъ. Кромѣ того, полковникъ Бородинъ, офицера и 48 стрѣлковъ обморожены.

Вслѣдъ за запискою Сосновскаго получено было мною съ терпѣніемъ и тревогою ожидаемое донесеніе отъ Сухомлива. Онъ писалъ, что, прибывъ 22-го вечеромъ въ Шипково, нашелъ тамъ ни ротъ, ни казаковъ, долженствовавшихъ идти изъ Тетевени. Сознавая всю важность удачнаго обхода Рахманлы, онъ рѣшился идти на перевалъ съ 2-мя сотнями, нтыми изъ Траяна. Проводники увѣряли его, что лѣтомъ въ омъ мѣстѣ можно пройти Балканы въ теченіи 9 часовъ. зсчитывая, что при заносахъ придется идти гораздо долѣе, тни выступили въ 4 часа утра. Въ горахъ не только дороги, и признака человѣческаго слѣда не оказалось. Несмотря это, предпріимчивый и энергичный Сухомлиновъ поднился 6 часовъ, пробираясь по сугробамъ, и прошелъ только ньшій хребетъ, до деревни Рыбарцы, отъ которой начинался авный перевалъ. Пролагая грудью путь по глубокой цѣнѣ, не только люди, но и лошади, веденныя въ поводу, вывались изъ силъ и отставали. Съ полудня пошелъ снѣгъ, казаки все-таки карабкались, хватаясь за вѣтви и цѣпляясь камни, пока вьюга не залѣпила глаза, а проводники откались взбираться выше. Идти далѣе по открытому черепу

значило бы подвергнуть сотни явной гибели. Все это заставило Сухомлинова вернуться въ Шипково, куда онъ добрался только ночью и гдѣ уже засталъ четвертый эшелонъ, который не могъ поспѣть по маршруту, тоже вслѣдствіе заноса въ горахъ.

По полученіи этихъ донесеній, я послалъ приказанія: Сосновскому—оставить стрѣлковый баталіонъ въ лѣсу у овчарни, ускорить подъемъ орудій и изыскивать средства для обхода фронтальной турецкой позиціи; Сухомлинову — по прибытіи въ кулибы, оставить тамъ пѣхоту, какъ общій резервъ отряда, а самому, съ 2-мя сотнями присоединиться ко второму эшелону и, явясь графу Татищеву, оставаться при немъ.

Такъ какъ къ полудню третій эшелонъ Духновскаго долженъ былъ дойти до овчарни, то въ этотъ же день я переѣхалъ къ вечеру въ кулибы, чтобы оттуда лично руководить дальнѣйшими движеніями по перевалу. Убѣдясь въ невозможности поднять всю взятую съ собою батарею, я приказалъ ограничиться подъемомъ только тѣхъ двухъ орудій, которыя были уже разобраны, а прочимъ возвратиться въ Ловчу. Сдѣлавъ необходимыя распоряженія для усиленія транспортировки въ горы сухарей и патроновъ, я отправился къ овчарнѣ, откуда, при благопріятствовавшей погодѣ, отлично былъ видѣнъ не только весь черепъ перевала, но и конусообразная скала „Орлинаго гнѣзда“, увѣнчанная укрѣпленіями, имѣвшими видъ остроугольнаго люнета. Татищева и Сухомлинова я не засталъ у овчарни; они, съ большею частью ротныхъ командировъ, отправились на перевалъ, чтобы ознакомиться съ мѣстностью и съ расположеніемъ турецкихъ укрѣпленій. При нихъ, около 5-ти часовъ пополудни, первое орудіе было собрано и поставлено на той самой горѣ, на которой 23-го горѣлъ сигнальный костеръ Турокъ.

Наканунѣ праздника Рождества Христова, ровно въ половинѣ 6-го, грянулъ первый русскій орудійный выстрѣлъ съ Траянскаго Балкана и горное эхо долго разносило его по ущельямъ. Вслѣдъ за попавшею шрапнелью, надъ непріятельскимъ люнетомъ показалось бѣлое облачко и граната горнаго орудія, давъ недолетъ, зарылась въ снѣгъ. Затѣмъ все смолкло, и этими пробными выстрѣлами закончился православный сочельникъ на Траянѣ.

Но не закончились работы и усиленные труды на подъемѣ. это время начинали подымать на черепъ второе орудіе. мая личнымъ присутствіемъ помочь дѣлу, я поѣхалъ туда воочію убѣдился, какихъ страшныхъ, нечеловѣческихъ уси- требовала эта операція. При мнѣ спускалась съ черепа а саперъ, для того, чтобы, поужинавъ на бивакѣ, ночью ова приняться за работу. Тому, кто видѣлъ каково было скаться съ черепа, вполнѣ правдивыми покажутся слова естовскаго, писавшаго, что „ужасы спуска еще труднѣе асовъ подъема". Только русскій солдатъ могъ бодро и без- отно вынести то, что мы, участники Балканскихъ перехо- ъ, видѣли въ эти дни.

Осмотрѣвъ раненыхъ и сдѣлавъ распоряженія, чтобы 25-го ла демонстрированіе поддерживалось однею кононадою и бы на перевалѣ остались только караулы съ сильными ка- ьими пикетами, я, для составленія донесеній Великому князю диспозиціи къ назначенному мною на 26-е число штурму, ьзуясь дивнымъ луннымъ освѣщеніемъ, на ночь возвра- ся въ кулибы. Нельзя выразить, что-за дивныя картины елось мнѣ видѣть при спускѣ. Приближаясь къ занятой меня хатѣ, я былъ пораженъ необыкновеннымъ зрѣли- ъ, которое представляла Бѣлая Осьма. Это совершенно ная рѣка прозрачна какъ кристалъ съ изумруднымъ отли- ъ. Образуя при лунномъ свѣтѣ миріады блестящихъ, какъ лліанты, искръ, она вьется, шумитъ, пѣнится, прыгаетъ съ ня на камень, льется каскадами. То замерзая хрусталь- и подвѣсками, то сбѣгая съ камней въ видѣ стеклянныхъ паковъ, то прорываясь между расщелинами скалъ, среди ной тишины, рѣка производитъ тотъ шумъ, который какъ- собенно вліяетъ на душу. Долго простоялъ бы я на крыль- моего домика, не отрывая глазъ отъ дивной картины, если не окликъ часовыми резервнаго бивака двухъ всадниковъ, равлявшихся къ моему жилищу. Это былъ отецъ Макарій, сопровожденіи служки. У обоихъ было по винтовкѣ за чами и по пистолету за поясомъ. Мы вмѣстѣ вошли въ у, гдѣ уже кипѣлъ походный самоваръ, а мой вѣрный га, Трофимъ, встрѣтилъ меня докладомъ, что надо дать ть старшему адъютанту о моемъ возвращеніи, такъ какъ

у него есть нѣсколько полученныхъ въ мое отсутствіе депешъ и донесеній.

— Почему это Болгары, спросилъ я отца Макарія, такъ неохотно помогаютъ намъ? Сегодня мнѣ доложили, что едва собрали 30 вьюковъ и то только потому, что Георгій взялъ съ собою казаковъ и пригрозилъ ими.

— Какъ вы хотите, чтобы было иначе,—отвѣчалъ архимандритъ, когда 400 лѣтъ народъ рождался, жилъ и умиралъ въ рабствѣ, не зная, что значитъ законъ и совѣсть, не зная другаго побужденія, кромѣ кнута и палки.

— Но, кажется возразилъ я—въ теченіи полугода, что русскіе среди болгаръ, они могли бы убѣдиться, что мы пришли освобождать, а не угнетать ихъ.

— Да, но чтобы понять это, необходима увѣренность, что ваши побѣды навсегда укрѣпятъ за нашимъ народомъ свободу; повѣрьте, все зависитъ отъ боязни, что русскіе уйдутъ и тогда настанетъ расправа со всѣми, кто угождалъ имъ.

Въ это время вошелъ адъютантъ Байковъ съ депешами и я простился съ архимандритомъ, обѣщая принять его предложеніе заѣхать завтра, по случаю великаго праздника, къ нему въ монастырь.

Первая поданная мнѣ депеша была за подписью начальника полеваго штаба, который писалъ: „Главнокомадующій одобряетъ всѣ ваши предположенія и приказалъ, чтобы вы обо всемъ доносили Его высочеству возможно чаще. Великій князь приказалъ продолжать сильныя демонстраціи, чтобы облегчить дѣйствія Радецкаго, который 27-го атакуетъ Шипку, а Скобелевъ 26-го числа спустится съ горъ и займетъ Иметли. Атакъ съ фронта и напрасныхъ потерь избѣгайте [1]).

Вторая депеша была отъ Радецкаго; въ ней значилось совершенно иное, а именно: „Колоны генераловъ Скобелева и Мирскаго начинаютъ движеніе 25-го декабря, при чемъ надо предполагать"... Далѣе, вѣроятно по ошибкѣ противъ ключа десяти словъ понять было нельзя, а затѣмъ депеша кончалась

---

[1]) Какъ замѣчено выше, Скобелевъ подошелъ къ Иметли только 27-го, что и было причиною того затруднительнаго положенія, въ которомъ очутился князь Святополкъ-Мирскій, войска котораго должны были драться одни, въ теченіи цѣлыхъ сутокъ.

ки: „прошу возможно скорѣе войти въ связь со Скобеле-
.
очія телеграммы изъ Главной квартиры извѣщали о на-
эніи, данномъ различнымъ колонамъ генерала Гурко, о
ніи одной изъ нихъ на Петричевъ, при чемъ были убиты
лы Каталей и Философовъ,—оба бывшіе мои товарищи
ужившцы.
то время, когда на Руси уже догорали Рождественскія
я сидя надъ картой, обдумывалъ комбинаціи для пред-
аго штурма и писалъ Великому князю: „Послѣ страш-
усилій одно орудіе поставлено на перевалѣ и открыло
другое будетъ поднято въ теченіи ночи. Ночная демон-
я и рекогносцировка указали, что перевалъ и южный
ь сильно укрѣплены и обороняются низамомъ. Во вто-
яніи два укрѣпленія связаны траншеями; оборона двухъ-
ая. По полученнымъ свѣдѣніямъ къ Корнари подходитъ
ѣпленіе. Морозъ на вершинѣ дошелъ до 27 градусовъ;
озившихся въ стрѣлковомъ баталіонѣ 48, убитыхъ 10.
съ фронта немыслима; постараюсь найти обходъ. Ко-
Сухомлинова на Рахманлы едва не погибла въ снѣгахъ,
ятели; 26-го буду атаковать“.
мъ ближе подходило время рѣшительнаго дѣйствія, тѣмъ
озабочивала меня мысль о будущемъ. Если удастся сбить
ь и спуститься къ Корнари, невольно рождался во-
,—что же дальше? Не зная ничего, что я встрѣчу въ до-
Гіопса, найдется ли тамъ продовольствіе, въ какихъ си-
турки занимаютъ укрѣпленныя ими ущелья, къ востоку
ссуры и къ западу у Калофера; не зная чѣмъ кончится
пленіе Радецкаго на Шипку,—все это, вмѣстѣ съ созна-
что послѣ спуска у отряда нѣтъ уже отступленія,—
› меня тревожило. Хотя въ послѣднюю бытность въ Глав-
вартирѣ и было условлено, что вторая моя бригада, спу-
ись у Златицы, направится на соединеніе со мною че-
Клиссуру, но удастся ли ей взять эту сильную позицію
вопросъ.
ранія отыскать обходный путь къ южному спуску не
сь безъ результатовъ. Призванные на совѣщаніе мѣст-
рцы заявили, что надо пробовать спуститься въ ущелье
нѣе нашей позиціи. Подполковникъ Сухомлиновъ вы-

звался лично изслѣдовать этотъ путь. Въ день Рождества, рано утромъ, съ нѣсколькими офицерами Староингерманландскаго и 30-го казачьяго полковъ, съ охотниками изъ унтеръ-офицеровъ, сопровождаемый проводниками, онъ началъ спускаться по скату, неимѣвшему признака человѣческаго слѣда. Гуськомъ, держась другъ за друга и увязая въ снѣгу, гдѣ ползкомъ, гдѣ скачками, смѣльчами добрались до извѣстной горцамъ тропы, прошли по ней съ версту къ югу и, убѣдясь, что они уже за линіею турецкой позиціи, возвратились къ бивваку. Къ этому времени второе орудіе было уже поставлено сажень на 300 лѣвѣе перваго, черезъ что оно могло дѣйствовать по тѣмъ укрѣпленіямъ, которыя препятствовали би обходу.

Получивъ эти свѣдѣнія, я составилъ на 26-е число слѣдующую диспозицію:

„Завтра, 26-го декабря, всѣмъ находящимся на перевалѣ эшелонамъ, подъ начальствомъ флигель-адъютанта графа Татищева, подойти до разсвѣта къ артиллерійской позиціи, откуда въ 7-мъ часовъ утра начать наступленіе двумя колонами:

„Въ лѣвую колону,—командира 30-го казачьяго полка, полковника Грекова,—назначаю: 10-й стрѣлковый баталіонъ, 1-й баталіонъ Староингерманландскаго полка, первую и 3-ю стрѣлковыя роты Новоингерманландскаго полка и 5 сотенъ 30-го казачьяго. Этой колонѣ, пройдя позади орудій, спуститься въ оврагъ лѣвѣе лѣса и, обойдя правый флангъ противника, выбить Турокъ изъ боковыхъ укрѣпленій и занять на южномъ спускѣ деревню Корнари.

„Правой колонѣ: 2-му и 3-му баталіонамъ Староингерманландскаго полка, 3-мъ сотнямъ 24-го и одной сотнѣ 30-го казачьихъ полковъ, подъ личнымъ начальствомъ полковника графа Татищева, давъ время лѣвой колонѣ совершить обходъ, демонстрировать, а буде окажется возможнымъ, то и атаковать главное укрѣпленіе „Орлиное грѣздо“ съ фронта, а по выбитіи непріятеля спуститься къ Теке и, принявъ мѣры къ обезпеченію отъ нечаяннаго нападенія, направить по 2 сотни къ Клиссурѣ и Калоферу, а также освѣтить мѣстность къ югу.

„Всѣмъ прочимъ частямъ отряда остававаться въ общемъ резервѣ, за главною вершиною перевала, впредь до приказанія.

„Перевязочные пункты устроить: передовой—за горою пра-
ѣе орудій, главный—у овчарни.

„Я буду находиться сначала на позиціи у орудій, а во вре-
я атаки съ фронта—на возвышеніи, впереди резерва“.

Отправивъ эту диспозицію къ Татищеву, я вспомнилъ объ
бѣщаніи быть въ монастырѣ, куда поѣхалъ, около полудня,
ъ саняхъ. Въ главныхъ воротахъ ограды меня встрѣтилъ ар-
имандритъ съ братіею и, при пѣніи рождественскаго тропаря,
велъ въ церковь. Послѣ молебствія и многолѣтія Государю
Императору, отецъ Макарій въ краткихъ словахъ разсказалъ
нѣ исторію своей обители, указалъ нѣкоторыя древнія ико-
ы, а затѣмъ пригласилъ меня и трехъ монаховъ къ себѣ въ
елію, гдѣ не обошлось безъ угощенія шашлыкомъ и кофеемъ.
Здѣсь же я узналъ, что 4 мѣсяца назадъ, иноки, въ день сво-
го храмоваго праздника Успенія Божіей Матери, выдержали
нападеніе банды башибузуковъ. Въ отомщеніе за неудачу,
урки тогда же выжгли и разграбили Траянъ, одинъ изъ луч-
шихъ городовъ сѣверной Болгаріи.

26-го декабря, до разсвѣта, я выѣхалъ съ конвойною по-
усотнею и членами отряднаго штаба на подъемъ и къ восходу
олнца былъ у овчарни. Тамъ все было уже готово для при-
нятія раненыхъ съ передоваго перевязочнаго пункта. У начала
одъема меня догнали два казака съ почтоваго поста у кулибъ и
одали двѣ телеграммы: одну отъ начальника штаба, другую
ъ Великаго князя. Въ первой было сообщено, что генералъ
урко 22 декабря занялъ Софію; въ депешѣ же Великаго князя
начилось: „Когда спустишься съ горъ, пошли сильные разъ-
зды къ сторонѣ Златицы, дабы взойти въ связь съ кавале-
ріею, которая послана къ сторонѣ твоего отряда. Гуркѣ пи-
сано, чтобы части твоей дивизіи направились безъ замедленія
черезъ Клиссуру на Карлово“.

Около 6-ти часовъ утра, когда я подъѣзжалъ къ подъему
а черепъ, горы были еще покрыты бѣловатымъ туманомъ,
на небѣ кое-гдѣ мелькали звѣзды; лѣвая колона черною
ентою виднѣлась тянувшеюся отъ артиллерійской позиціи
ъ оврагу. Бывши на половинѣ подъема, около 7-ми часовъ
тра, мы услышали первый выстрѣлъ изъ нашихъ орудій, а
огда поднялись на черепъ, то казакъ отъ Грекова подалъ
нѣ записку, что вся его колона спустилась въ ущеліе; пра-

вая же стояла за скатомъ позади послѣдняго возвышенія. Турки сегодня отвѣчали уже изъ двухъ горныхъ орудій дальняго боя.

Поднявшись на черепъ Траяна, я невольно остановился, пораженный открывшеюся передо мною картиной. Произведенное ею впечатлѣніе далеко превосходило все, что было испытано мною, смотря съ высотъ Монблана и Кульма. Въ блескѣ великолѣпнаго зимняго утра открылось не только „Орлиное гнѣздо", увѣнчанное на остроконечной скалѣ непріятельскими укрѣпленіями, но и за ними глубоко внизу виднѣлись черепичныя крыши домовъ и бѣлые минареты деревень долины. Вдали, уже за южнымъ спускомъ, блестящею змѣйкою сверкала не замерзшая рѣчка, то прикрываемая рощами, то выскакивающая изъ-за нихъ. Это рѣка Гіопсъ, орошающая поэтическую „долину розъ". Затѣмъ взоръ упирался словно въ эффектную дальнюю занавѣсь театральной сцены, съ залитыми лилово-розовымъ свѣтомъ горами, складки и тѣни которыхъ казались такъ близкими, какъ-будто эти горы стояли непосредственно за турецкими позиціями. То были Малые Балканы.

Болѣе получаса казалось, что турки не замѣчаютъ обхода, какъ вдругъ въ 9 часовъ, страшный, только у нихъ возможный, трескъ ружейной пальбы огласилъ горы. Съ позиціи у орудій было видно, что выстрѣлы изъ траншей направлены вправо, въ сторону нашей обходной колоны. Въ то-же время я получилъ вторую записку Грекова о томъ, что онъ дошелъ до высоты праваго фланга турецкихъ укрѣпленій и будетъ атаковать ихъ. Для отвлеченія непріятеля отъ этой атаки, Татищевъ приказалъ второму баталіону, маіора Духновскаго, начать движеніе противъ „Орлинаго гнѣзда" съ фронта. Вмѣстѣ съ этимъ приказаніемъ Духновскому отправлена была записка слѣдующаго содержанія: „Колона Грекова обошла и атакуетъ; начинайте наступленіе, но не зарывайтесь; атакуйте только въ томъ случаѣ, когда замѣтите нерѣшительность и колебаніе непріятеля".

Самое трудное для 2-го баталіона было выйти изъ-за прикрывавшаго его изгиба горы, прямо подъ выстрѣлы укрѣпленія и подъ ними, на открытой полянѣ, въ снѣгу выше колѣна, строить боевой порядокъ. Но Духновскій началъ выводить

ты по частямъ: вторая стрѣлковая рота тронулась первою; сколько унтеръ-офицеровъ и стрѣлковъ выбѣжали впедъ и когда они, пригнувшись къ землѣ, шли другъ за угомъ, весь передній фасадъ „Орлинаго гнѣзда" опоясался лошною линіею огня. Пренебрегая имъ, стрѣлки по приру своихъ охотниковъ, постепенно усиливая ихъ, черезъ сколько минутъ образовали цѣпь, легли и закопались въ ѣгу. За стрѣлковою ротою пошла 5-я, а остальныя три, обра вторую линію, вышли изъ-за изгиба уже тогда, когда цѣпь ползла до той складки мѣстности, гдѣ турецкія пули перетали черезъ нее. Прежде чѣмъ трогаться, люди снимали апки и крестились: всѣ понимали, на какое страшное дѣло дутъ ихъ.

Въ это время я переѣхалъ отъ орудій на возвышеніе, прiывавшее перевязочный пунктъ, откуда отлично были видны ѣ движенія цѣпи и резервовъ. Мѣсто, гдѣ я остановился свитою, находилось, по крайней мѣрѣ, въ верстѣ отъ)рлинаго гнѣзда". Вотъ въ какомъ видѣ представлялось гда атакуемое Духновскимъ укрѣпленіе. Высшая точка косообразной скалы составляла исходящій уголъ люнета. Съ анговъ его спускались, внизъ по гребню, сложенные изъ мней ложементы; подъемъ къ исходящему углу укрѣпленія едставлялся почти отвѣснымъ, такъ что мы были убѣждены невозможности взойти по немъ, а потому, всѣ надежды возгали на ударъ Грекова во флангъ и съ тыла. Эти надежды были обмануты.

Пройдя правый флангъ турокъ, Грековъ предоставилъ споряженіе пѣхотными частями маіору Иванову, самъ же, 4-мя сотнями, пошелъ на рысяхъ въ обходъ южнаго спуска, эямо на Корнари. Когда, по данному сигналу, роты начали ступленіе, непріятель встрѣтилъ ихъ залпами изъ верхнихъ жементовъ и бѣглымъ огнемъ изъ нижнихъ. Масса свинца онеслась черезъ головы наступающихъ, далеко назадъ. идя, что пальба не останавливаетъ напора, турки попытаась встрѣтить атакующихъ штыками и густою массою броались изъ траншей впередъ. Въ этотъ моментъ 1-ая стрѣлвая рота Старо-ингерманландцевъ, съ крикомъ „ура" ринуась имъ во флангъ, прочія подхватили это „ура" и вся линія осилась на штурмъ непріятельской позиціи. Турки момен-

тально были выбиты изъ траншей и, неся громадныя потери, бросились бѣжать по спускамъ на Теке и Корнари; казаки и стрѣлки преслѣдовали бѣгущихъ.

Покуда это происходило у Грекова, баталіонъ Духновскаго все ближе и ближе подползалъ къ фронтальному укрѣпленію. Занятый ходомъ боя, я такъ былъ далекъ отъ мысли о какой-либо опасности, что оставилъ конвой и ординарцевъ при себѣ, тогда какъ стоило бы спустить ихъ на 30 шаговъ за гребень и они были бы невидимы для турокъ.

— Ваше превосходительство, потрудитесь немного спуститься къ перевязочному пункту, сказалъ мнѣ адъютантъ Федоровъ.

— А что? спросилъ я его.

— Развѣ вы не слышите свиста? это турецкія пули; конвойная сотня и вы служите мишенью.

— Скверно же они стрѣляютъ; прикажите конвою спуститься за бугоръ—отвѣчалъ я.

Въ это время подошелъ ко мнѣ полковникъ Золотухинъ и доложилъ, что у перваго орудія осталось всего 5 снарядовъ, а вьюковъ съ ними по подъему еще не видно. Надо было поскорѣе послать къ овчарнѣ, куда снаряды подносились подымающимся 4-мъ эшелономъ. Чтобы написать записку, я подозвалъ къ себѣ штабъ-ротмистра Крестовскаго. О томъ, что случилось потомъ, пусть скажетъ самъ Крестовскій, а онъ въ своихъ запискахъ говоритъ слѣдующее:

„Желая отправить какое-то приказаніе, начальникъ отряда вынулъ записную книжку и, положивъ ее сзади на мое плечо, сталъ что-то писать карандашемъ. Въ это время пуля рѣзко свиснула между его лицомъ и моимъ затылкомъ и выбила карандашъ изъ руки генерала“ [1]).

Послѣ этого случая, тотъ же адъютантъ, подойдя ко мнѣ, говоритъ:

— Отойдите отсюда, ваше превосходительство; вспомните, что у васъ семейство, дѣти.

— Ахъ, оставьте меня, съ видимымъ неудовольствіемъ вырвалось у меня. И дѣйствительно мнѣ было досадно, потому

[1]) Оффиціальныя письма корреспондента „Правительственнаго Вѣстника“.

ю этой минуты нравственное напряженіе было такъ сильно, і ни разу не вспомнилъ о семьѣ, былъ совершенно покоенъ мъ, а послѣ сказаннаго адъютантомъ какое-то неопредѣое ощущеніе, нѣть-нѣтъ, да и отзывалось на сердцѣ.

ъ бугра, прикрывавшаго перевязочный пунктъ, невооруымъ глазомъ было отлично видно, какъ въ цѣпи, то тамъ, дѣсь, какія-то черныя точки, точно мухи на бѣлой скаі, вдругъ дѣлались неподвижными: это были раненые, у которыми суетились посланные туда санитары и поднопихъ къ перевязочному пункту. Я на нѣсколько минутгился къ нему. Тамъ врачи Кунаховичъ и Кимберъ, соъ еще юноша, перевязывали страдальцевъ, подъ свистомъ носившихся черезъ нихъ пуль, а священникъ Староинанландскаго полка, Іоаннъ Доброхотовъ, напутствовалъ ., кто былъ уже безнадеженъ. При мнѣ носильщики приа изъ цѣпи вѣсть, что командиръ 5-й роты, штабсътанъ Швейбуцкій, убитъ. Первая пуля попала ему въ нь; обернувъ ее платкомъ, онъ продолжалъ распорялся, и въ тотъ моментъ когда крикнулъ ротѣ: „Не роребята, подавайся впередъ", вторая пуля ударила его въ ь выше сердца. Онъ два раза быстро повернулся на мѣстѣ алъ уже мертвымъ.

[ежду тѣмъ, „Орлиное гнѣздо" все еще не сдавалось, хотя ь цѣпь нѣсколько поднялась и дошла до покрывавь подножіе кустовъ. Замѣтивъ, что пальба турокѣетъ, я приказалъ усилить артиллерійскій огонь. Золоту. самъ повезъ мое приказаніе полковнику Потапчину, коій лично наводилъ орудія. Наша шрапнель рвалась то надъ гверомъ, то внутри укрѣпленія.

ыло уже два часа дня. Ко мнѣ подъѣхали графъ Тати, и Сухомлиновъ. Въ виду депеши Великаго князя—„не каться фронтальною атакою и не нести напрасныхъ по' а также видя неодолимыя трудности штурма, мы уже насовѣщаться, что предпринять. Между тѣмъ изъ группы едшихъ въ сторону адъютантовъ и ординарцевъ. не отвоихъ отъ глазъ биноклей, слышались фразы:

- Смотрите, смотрите! Турки что-то засуетились.

- Да, отъ исходящаго угла люнета бѣгутъ по боковымъ мъ.

было взято, что защищавшіе его видѣли бѣгство своихъ изъ ›анговыхъ укрѣпленій и, понеся огромныя потери, знали, ›о колона Грекова обошла ихъ съ тыла.

Изъ „Орлинаго гнѣзда“ я отправилъ Великому князю слѣ- ›ющее донесеніе:

„Считаю себя счастливымъ донести Вашему Император- ›ому Высочеству, что непроходимый Траяновъ перевалъ взятъ › боя и пройденъ. Знамя Староингерманландцевъ водружено › высочайшей вершинѣ Балканъ. Я рѣшился атаковать не- ›иступную позицію потому, что найдена была возможность ›устить 3 баталіона и 5 сотень въ обходъ и выбить турокъ ›ъ фланговыхъ ложементовъ. Казаки посланы преслѣдовать ›гущихъ: два баталіона направлены въ Теке. Потери еще › приведены въ извѣстность, но во всякомъ случаѣ онѣ не ›лики. Какъ особенно отличившихся назову: полковниковъ ›афа Татищева и Грекова, подполковниковъ Сухомлинова и ›сновскаго и маіора Духновскаго“.

Для составленія подробной реляціи, я возвратился на ночь › Траянъ, гдѣ уже сдѣлалось извѣстнымъ объ одержанной ›ми побѣдѣ. По всему протяженію спуска мнѣ постоянно ›трѣчались толпы Болгаръ, спѣшившихъ на верхъ, чтобы ›лѣдъ за войсками нахлынуть на брошенныя жителями ту- ›цкія деревни и поживиться тамъ, чѣмъ возможно. Немало ›ло и такихъ, которые отправлялись на прежнія свои жилища, въ окрестности Карлова и Сопота, въ Клиссуру и Калоэръ. У овчарни, куда уже были доставлены всѣ раненые, я ›тановился для ихъ осмотра и ободренія, благодарилъ ихъ и, ›ъ имени Великаго князя, велѣлъ раздать имъ по серебря- ›му рублю.

Ко времени моего возвращенія въ Траянъ, что было около ›ми часовъ вечера, туда уже сбѣжалось населеніе горныхъ ›уторовъ, отъ монастыря и изъ окрестныхъ деревень, съ цѣлью ›трѣтить меня и убѣдиться въ дѣйствительности побѣды. Изо- ›аженіе этой встрѣчи и нѣкоторыхъ эпизодовъ описанныхъ ›ей попали потомъ на страницы иллюстрацій; но, изображая ›ружные виды происходившаго, подобныя картины не могли ›редать внутренняго ихъ содержанія и тѣхъ ощущеній, ко- ›рыя испытывались нами, участниками событій. Полагаю, ›о всякій видѣвшій радостныя слезы женщинъ и дѣтей, энту-

зіазмъ и восторгъ ихъ мужей и отцевъ, бросавшихся на колѣни, крестившихся при нашемъ приближеніи, цѣловавшихъ руки и полы одежды, не только офицеровъ, но казаковъ моего конвоя,—всякій испытавшій это, едва-ли повѣритъ теперешнимъ газетнымъ статьямъ, выставляющимъ всѣхъ Болгаръ забывшими все для нихъ сдѣланное. Нынѣшніе правители и чиновники, торгаши и отчасти офицеры Болгаріи, не народъ, а наемники и выходцы, почти чуждые народу, который, я убѣжденъ, при первомъ появленіи Русскихъ за Дунаемъ, возсталъ бы всею массою противъ своихъ правителей, предающихъ Болгарію въ руки папства и нѣмцевъ.

27-го декабря Сосновскій былъ посланъ мною съ подробнымъ донесеніемъ къ Великому князю, находившемуся въ то время въ Ловчѣ. Отправляя реляцію, я писалъ Его высочеству: „Не нахожу выраженія для достаточной обрисовки самоотверженія, трудовъ и усилій, которые выказали всѣ чины отряда, при исполненіи возложеннаго на меня порученія. Непроходимый и высочайшій изъ Балканскихъ переваловъ не остановилъ частицы Вашей арміи и эта частица будетъ считать себя счастливою, если ей удалось заслужить одобреніе своего Главнокомандующаго“.

Въ тотъ же день я вновь поѣхалъ къ перевалу, но на половинѣ пути поднялась такая вьюга, что ни архимандритъ Макарій, ни предпріимчивый Георгій не только не взялись проводить меня, но умоляли не рисковать, а горцы хватали за поводья нашихъ лошадей, крича, что мы навѣрно погибнемъ на черепѣ, гдѣ, по ихъ разсказамъ, сила мятели такова, что въ нѣсколько минутъ заноситъ осла вмѣстѣ съ всадникомъ. „Траянъ закурился—кричали они—бѣда, вы погибнете“. Въ овчарнѣ я получилъ отъ Татищева, Сухомлинова и Крестовскаго нѣсколько записокъ, отправленныхъ съ казаками, успѣвшими перейти перевалъ до начала вьюги. Изъ нихъ было видно, что по взятіи „Орлинаго гнѣзда“ баталіонъ Духовскаго, сбросивъ съ себя сухарные мѣшки и палатки, пустился по спуску къ Теке, въ погоню за турками.

Южный спускъ съ Траянова перевала оказался гораздо круче и скалистѣе сѣвернаго подъема. Людямъ приходилось прыгать внизъ, съ камня на камень, по ступенямъ имѣвшимъ мѣстами до полутора аршина вышины. Когда роты собрались

Теке было уже совершенно темно; на ясное темно-синее небо выплывала луна, сіявшая рядомъ съ Рождественскою звѣздою. Между тѣмъ въ долинѣ и въ деревнѣ безпрестанно вспыхивали огоньки ружейныхъ выстрѣловъ. Такіе же огоньки мелькали влѣво, по направленію къ Корнари, откуда вдругъ раздались два отчетливые залпа и вслѣдъ за ними грянуло „ура“, а горное эхо повторяло какіе-то стоны и вопли. Это колона Грекова кончила свою расправу съ турками.

Мы оставили ее въ тотъ моментъ боя, когда маіоръ Ивановъ, взявъ боковыя укрѣпленія, пошелъ по ущелью вслѣдъ за казаками въ долину, по тропѣ ведущей къ Корнари. Непріятель, выбитый изъ укрѣпленій, успѣлъ занять селеніе и соединиться съ двумя свѣжими таборами, пришедшими на помощь отъ Шипки. Турки засѣли за окружающіе деревню сады и плетни. Не смотря на ихъ огонь, двѣ сотни пронеслись по улицамъ, двѣ другія въ обхватъ деревни и за нею, какъ вихрь, наскочили на новый таборъ. За казаками бѣгомъ шли роты и штыками выбивали непріятеля изъ засадъ. Во время схватки взято знамя свѣжаго табора, его командиръ и 40 человѣкъ анатолійскаго низама, съ двумя офицерами. Остальные, или легли на мѣстѣ подъ ударами штыка и пики, или бѣжали къ малымъ Балканамъ и, не смотря на наступившія сумерки, были преслѣдуемы казаками, вмѣстѣ съ увлекшимися кучками пѣхоты.

Нельзя умолчать о слѣдующемъ замѣчательномъ эпизодѣ преслѣдованія. Нѣсколько человѣкъ Староингерманландскаго полка, уже въ темнотѣ, наткнулись въ полѣ на повозки турокъ, нагруженныя имуществомъ бѣжавшихъ жителей. Отыскивая спрятанное оружіе, въ одной изъ повозокъ солдаты нашли священническую ризу и оторванный кусокъ плащаницы, на которомъ, по пунцовому бархату, сохранилась часть надписи со словами: „во гробѣ новѣ, покрывъ положи“.

Передъ взятіемъ Корнари, двѣ роты съ частью казаковъ были направлены вправо къ Теке, на перерѣзъ бѣжавшимъ съ высотъ туркамъ. На половинѣ пути эти роты наткнулись на непріятельскій военный обозъ, уходившій подъ прикрытіемъ партіи черкесъ и человѣкъ 200 пѣхоты. Черкесы хотѣли было встрѣтить роты атакою, но покуда они собирались, казаки гикнули и смяли ихъ, а капитанъ Шеленовъ штыками

выбилъ прикрытіе изъ-за повозокъ. Черезъ нѣсколько минутъ. 80 подводъ съ рисомъ, фасолью, патронами и палатками, сдѣлались добычею отряда. Казалось все было кончено, какъ вдругъ по лѣвому флангу цѣпи открылся бѣглый огонь. Шагахъ въ двухъ-стахъ оказался высокій курганъ, покрытый кустами. На немъ засѣла партія Черкесъ и десятка два фанатиковъ. Фельдфебель Александровъ, быстро сомкнувъ лѣвофланговыя звенья, отвѣтилъ залпами на дерзость толпы, оборонявшейся въ то время, когда все уже бѣжало. Рота моментально окружила курганъ; на крикъ капитана Шелепова: „сдавайся, проси аманъ!“ — турки отвѣтили новымъ залпомъ,— Александровъ упалъ замертво. Смерть любимаго фельдфебеля была какъ бы сигналомъ для мести: не отвѣчая на залпъ, рота гаркнула „ура“ влетѣла на курганъ и... все было кончено, все замерло.

Только въ 9 часовъ вечера баталіоны собрали своихъ людей, выставили караулы и охранительные посты. Наступила ночь. Мирно покоилась „долина розъ“, окутанная легкимъ туманомъ, не препятствовавшимъ мѣсяцу обливать ее серебристымъ свѣтомъ.

Потери наши, сверхъ ожиданій, сравнительно съ достигнутымъ результатомъ, оказались весьма не велики. а именно: убиты 1 оберъ-офицеръ и 25 нижнихъ чиновъ, ранено 2 офицера и 61 рядовой; безъ вести пропало 8, обморозилось 48: итого выбыло изъ строя 145 человѣкъ. У непріятеля взято въ плѣнъ 65, въ томъ числѣ одинъ штабъ и два оберъ-офицера: отбито знамя, кавалерійскій значекъ, горное орудіе и военный транспортъ изъ 80 повозокъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ.

1878.

анятіе Клиссуры, Калофера и Карлова.—Турецкій парламентеръ.—[рисоединеніе 2 бригады.—Новый годъ на переходѣ.—Движеніе къ 'илиппополю.—Недоразумѣнія и приказанія.—Прибытіе генерала Скобеева 1-го.—Движеніе на Чирпанъ.—Записка генералу Гурко. Вступлеіе въ Чирпанъ.—Новыя недоразумѣнія.—Подготовленіе къ переправѣ ерезъ Марицу.—На станціи желѣзной дороги.—По пути смерти.—Присоединеніе Траянскаго отряда къ западному.

Во время минувшей войны, послѣ громадныхъ потерь подъ [овчею, Плевной и Горнымъ-Дубнякомъ, образовался крайне гранный взглядъ на оцѣнку дѣйствій и на результаты боя. 'олько тотъ успѣхъ и принимался въ разсчетъ, при которомъ отери насчитывались сотнями и тысячами. О такихъ дѣлахъ ричали, прославляли ихъ; на тѣ же, при которыхъ хотя и остигались выходящія изъ ряда послѣдствія, но потери были е велики, смотрѣли какъ на дѣло самое обыкновенное, о кооромъ поговорятъ день или два, и потомъ забываютъ. Вѣоятно всякій согласится съ выводомъ, сдѣланнымъ однимъ зъ нашихъ писателей, о разборѣ послѣдствій всякаго сраженія.

„Важнѣйшая задача каждаго военачальника — говоритъ нъ,—состоитъ въ выиграніи дѣла при наименьшихъ потеяхъ. Конечно, это менѣе эффектно, но за то болѣе существенно полезно. Сыпать солдатами, какъ горохомъ, если нѣтъ на то опіющей необходимости, вовсе не заслуга, и тѣмъ болѣе чести ому, кто сумѣлъ достигнуть желаемаго съ меньшимъ числомъ жертвъ".

Главный результатъ успѣха Траянскаго отряда заключается ъ томъ, что появленіе его за Балканами заставило турокъ чистить Калоферъ и Клиссуру и еще за день до паденія Шипки бѣжать къ югу, со всего пространства между ценральнымъ Балканомъ и рѣкою Марицею. Плѣнные турки го-

ворили, что паническое бѣгство совершилось потому, что никто не считалъ возможнымъ переходъ Русскихъ черезъ Траянъ, „а если ужь черезъ него перешагнули,—говорили они,—то гдѣ же послѣ этого не пройдутъ ихъ силы?“

Послѣ трехчасоваго отдыха, въ полночь на 27 декабря, были посланы Татищевымъ двѣ сотни и баталіонъ къ Клисурѣ, съ приказаніемъ рекогносцировать ущелье и войти въ связь съ 2-ю бригадою, шедшею на присоединеніе отъ Златицы. Другія двѣ сотни направлены были на Карлово, для развѣдки Калоферскаго ущелія и связи съ колоною Скобелева у Иметли. Полученныя на разсвѣтѣ донесенія отъ разъѣздовъ извѣщали, что всѣ деревни долины Гіопса, обитаемыя исключительно турками, брошены, и что въ нихъ масса скота, зерна, сѣна, сушеныхъ фруктовъ, фасоли и проч. Послѣднее во многомъ развязало мнѣ руки, избавивъ отъ тѣхъ хлопотъ и заботъ, которыя предстояли по передачѣ сухарей изъ Ловчи въ Кулибы и за перевалъ.

28 декабря, осмотрѣвъ по пути спускъ вновь разобранныхъ орудій съ горъ и подымавшуюся партію плѣнныхъ, я прибылъ въ Корнари, куда къ этому времени подоспѣли донесенія, что Карлово очищено турками, ушедшими къ Филиппополю и что къ сторонѣ Шипки слышна сильная канонада. Едва я слѣзъ съ коня, какъ съ перевала сообщили, что на немъ начинается такая мятель, что положеніе спускаемыхъ орудій дѣлается критическимъ. Къ вечеру всякое сообщеніе съ переваломъ прекратилось, между тѣмъ какъ въ Корнари наступила совершенно теплая и тихая лунная ночь.

Чѣмъ болѣе я вникалъ въ положеніе моего отряда, тѣмъ болѣе убѣждался, что оно далеко не безопасно. Взявъ перевалъ и спустившись за Балканы, мы очутились безъ артиллеріи, почти безъ патроновъ, а плѣнные офицеры и солдаты дали показанія, что въ 15 верстахъ отъ Карлова, на Филиппопольскомъ шоссе, сосредоточено до 10 таборовъ. Ко всему этому, пути отступленія для меня не существовало; ни о томъ, гдѣ находится 2-я бригада, ни о томъ, что дѣлается подъ Шипкою, мы не имѣли еще свѣдѣній, и къ довершенію всего, начавшаяся на Траянѣ вьюга грозила погребсти на перевалѣ наши орудія, транспорты и конвойныхъ посланныхъ съ плѣнными. Вотъ въ

акое положеніе можно быть иногда поставлену и послѣ одер-
анной побѣды. Было о чемъ призадуматься.

На сколько былъ тяжелъ для меня день 28 декабря, на
голько радостнымъ оказалось 29-е число. Съ самаго ранняго
гра одно успокоительное донесеніе получалось за другимъ.
[режде всего писали изъ Клиссуры, что турки, бросивъ
крѣпленія, отошли отъ ущелія къ югу, а наши разъѣзды
ошли въ связь съ идущею отъ Златицы, на соединеніе со
мною, второю бригадою. Очищеніе турками ущелья было со-
ершенною неожиданностью, явленіемъ вполнѣ необъяснимымъ.
зять ихъ позицію было бы невозможно, такъ какъ, на про-
яженіи 7 верстъ, Клиссурское ущелье представляло корри-
оръ, между отвѣсными скалами, прегражденный въ четырехъ
ѣстахъ каменными завалами. Изъ Калофера доносили, что,
слѣдствіе одержанной генераломъ Радецкимъ побѣды на Шип-
ѣ, турки положили оружіе, и путь отъ Карлова къ Казан-
ыку очищенъ. Вслѣдствіе этого я въ тотъ же день направилъ
рафа Татищева съ его полкомъ и тремя сотнями въ Карлово,
10-му стрѣлковому баталіону приказалъ передвинуться къ
Филиппопольскому шоссе. 30 декабря метель на Траянѣ пре-
ратилась; утромъ прибылъ транспортъ патроновъ изъ склада
ъ кулибахъ, а изъ монастыря были присланы архимандри-
омъ 50 вьюковъ печенаго хлѣба.

Къ полудню солнце въ долинѣ грѣло такъ сильно, что
юди ходили въ однихъ мундирахъ, а спускавшіе орудія были
ъ рубахахъ. Подъ вечеръ горное эхо со стороны Клиссуры
онесло до Корнари три равномѣрные пушечные выстрѣла.
Это были сигналы приближающейся второй бригады. Изъ до-
тавленнаго съ посланнымъ впередъ офицеромъ рапорта, я съ
рустью узналъ, что вмѣсто бригады вели ко мнѣ не болѣе
вухъ баталіоновъ, потому, что въ Псковскомъ полку остава-
ось на лицо всего 900, а въ Великолуцкомъ 1200 штыковъ.
Все остальное, то есть около 4-хъ тысячъ человѣкъ, легло въ
ояхъ, а большею частію вслѣдствіе 6-ти недѣльной стоянки
а вершинахъ Арабъ-Конака и Этрополя, сдѣлалось жертвою
олѣзни и стужи. Принадлежащая бригадѣ артиллерія не шла
ъ нею. Вмѣсто своихъ орудій я получилъ: 2 конныя 16-й
атареи, два казачьей № 19-го батареи и батарею 31-й артил-
ерійской бригады. Всѣ они не имѣли ящиковъ, такъ что са-

мыми снаряженными оказались мои два орудія, спустившіяся въ тотъ же день съ Траяна. Кромѣ этого, полки получили другое, крайне оригинальное, къ нимъ присоединеніе. Въ теченіе трехъ предшествовавшихъ дней пригонъ казаками брошеннаго Турками и блуждавшаго по долинѣ скота достигъ такихъ размѣровъ, что въ Корнари стояло въ загонахъ 2000 крупныхъ и 1000 мелкихъ его головъ. Куда мнѣ было дѣвать его, какъ распорядиться его кормомъ и уходомъ за нимъ? Хотя сѣна въ долинѣ было вволю, но сколько нужно было взять народа изъ строя, чтобы раздать кормъ такой массѣ, напоить ее, разсортировать по загонамъ и прочее. Дабы выйти изъ этого затрудненія, я приказалъ: выдѣлить по 100 головъ въ каждый баталіонъ, въ счетъ порціоннаго скота, остальной мелкій скотъ раздать Болгарамъ даромъ, а крупный продать имъ по умѣренной цѣнѣ и вырученныя деньги выдать, въ видѣ жалованья, правильно сформированнымъ болгарскимъ четамъ.

31-го декабря прибылъ въ Корнари Великолуцкій полкъ, соединенный въ одинъ баталіонъ. Это были остатки славнаго полка; нѣкоторыя его роты обратились въ полувзводики. Онѣ были одѣты въ прожженныя и изорвавшіяся въ лѣсныхъ дебряхъ и по скаламъ шинели, въ лапти и болгарскіе опанки. Закоптѣлые, обросшіе волосами, нижніе чины казались закаленными огнемъ костровъ и 20 градуснымъ морозомъ ветеранами. Какъ мнѣ ни хотѣлось видѣть Псковской полкъ, но чтобы не заставлять его дѣлать для этого лишній переходъ, я направилъ его мимо Корнари, прямо къ Филиппопольскому шоссе.

Въ тотъ же день, около 3-хъ часовъ, мнѣ доложили, что къ моей квартирѣ ведутъ турецкаго парламентера. Выйдя на террасу дома, я увидѣлъ на его дворѣ группу конныхъ, состоящую изъ турецкаго офицера, трубача и 4-хъ драгунъ. Когда съ глазъ парламентера и его конвоя сняли бѣлыя повязки, я велѣлъ вести его ко мнѣ. Вмѣстѣ съ Сухомлиновымъ и лицами моего штаба, въ комнату вошелъ невысокій блондинъ лѣтъ тридцати и отрекомендовался турецкимъ военнымъ врачемъ, по фамиліи Моизъ, присланнымъ съ письмомъ отъ Филиппопольскаго коменданта къ Великому князю. На мой вопросъ о свойствѣ даннаго ему порученія, онъ подалъ мнѣ незапечатанный пакетъ, предлагая прочесть вложенный въ него

окументъ. Въ письмѣ на французскомъ языкѣ комендантъ, въ почтительныхъ выраженіяхъ, извѣщалъ, что такъ какъ между Оттоманскою Портою и Россіею съ 27-го декабря заключено перемиріе, то онъ проситъ остановить дальнѣйшее наступленіе русскихъ войскъ къ Филиппополю. Замѣтивъ, что парламентеръ совершенно свободно объясняется по-французски, а потомъ оказалось и по-нѣмецки, я повелъ съ нимъ слѣдующій разговоръ:

— Находя крайне страннымъ сообщеніе вашего начальника, я сомнѣваюсь, чтобы вы были приняты Великимъ княземъ и едва-ли получите какой-либо отвѣтъ на это письмо.

— Позвольте узнать, генералъ, спросилъ удивленный парламентеръ, на чемъ вы основываете ваше предположеніе?

— Вотъ на чемъ, отвѣчалъ я: во-первыхъ, вы забываете, что нашъ Главнокомандующій, какъ родной братъ русскаго Императора, можетъ входить въ сношенія, по столь важному вопросу какъ перемиріе, только непосредственно съ главнокомандующимъ турецкою арміею, или съ лицомъ, акредитованнымъ для этого Султаномъ, а не съ комендантомъ какого-либо города; во-вторыхъ, еслибы между воюющими сторонами состоялось соглашеніе о перемиріи, то, конечно, Великій князь зналъ бы объ этомъ ранѣе вашего начальства; и, въ третьихъ, еслибы перемиріе было дѣйствительно заключено, то я имѣлъ бы увѣдомленіе отъ штаба нашей арміи.

Моизъ, кажется, сразу понялъ, что хитрость не удалась и молча опустилъ глаза.

— Задерживать посланнаго къ Его высочеству, продолжалъ я, нѣтъ основаній, поэтому вы получите конвой, который препроводитъ васъ въ Главную квартиру: а такъ какъ вы, вѣроятно, проголодались и прозябли въ дорогѣ, то позвольте предложить вамъ закусить, чѣмъ Богъ послалъ и покормить вашихъ людей.

Турокъ (судя по выговору, скорѣе Еврей) охотно принялъ мое предложеніе: ему подали, только-что оконченный, нашъ скромный обѣдъ, состоявшій изъ куринаго супа, жареной баранины и компота.

Послѣ двухъ стакановъ краснаго вина (подарка отца Макарія), Моизъ сдѣлался до того словоохотливъ, что высказалъ собственное свое недоумѣніе насчетъ перемирія.

— Надо вамъ сказать, говорилъ онъ, что не далѣе, какъ семь дней назадъ, жили мы въ Филиппополѣ совершенно спокойно; вдругъ приходитъ извѣстіе о наступленіи генерала Гурко отъ Софіи, а потомъ и о переходѣ Русскихъ черезъ Траянъ. Вы понимаете, какое это производитъ впечатлѣніе? Черезъ Траянъ!! Мы этому не вѣрили, считали баснею, какъ вдругъ является къ коменданту дѣйствовавшій противъ васъ Раффикъ-бей. Онъ рвалъ на себѣ волосы, плакалъ какъ дитя, но объяснялъ свое пораженіе тѣмъ, что Русскіе наступали въ громадныхъ силахъ.

— Невѣрныя же у васъ свѣдѣнія, m-r Моизъ, перебилъ я его. — Мои силы равнялись вашимъ, а занятыя вами позиціи стоили цѣлаго корпуса.

— Но у васъ была артиллерія?

— Она была и у Турокъ.

— Вѣроятно число вашихъ горныхъ орудій было гораздо больше?

— У меня не было ни одного горнаго орудія.

— Какъ же это, какія же пушки были съ вами?

— Со мною были всего два 9-ти фунтовыя орудія; если вы сомнѣваетесь, то можете взглянуть на нихъ, они здѣсь недалеко.

Моизъ поблагодарилъ за предложеніе и затѣмъ съ нѣкоторою задумчивостью продолжалъ:

— Долженъ сознаться, что появленіе Раффикъ-бея въ Филиппополѣ произвело почти панику. Въ ночь на 28-е комендантъ потребовалъ меня къ себѣ и объявилъ, что, такъ какъ я владѣю языками, то онъ посылаетъ меня съ письмомъ къ вашему Главнокомандующему о заключенномъ перемиріи. Въ это время ему подаютъ депешу. Прочтя ее, онъ съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ объявляетъ, что перемиріе не состоялось, а потому и въ командировкѣ нѣтъ надобности. Я возвратился къ себѣ, но въ 3 часа ночи опять требуютъ къ коменданту. Онъ встрѣчаетъ меня словами: „Новая депеша, перемиріе заключено; вотъ вамъ письмо, отправляйтесь въ русскую Главную квартиру. И вотъ я передъ вами, по пути къ Великому князю. Всѣ эти противорѣчащія депеши, эти колебанія, мнѣ кажутся непонятными.

— Положеніе, въ которомъ находятся ваши войска, замѣ-

чилъ я, нѣсколько разъясняетъ дѣло. Вашимъ генераламъ, тѣмъ или другимъ способомъ, надо было остановить наше наступленіе. Способъ-то только они выбрали черезчуръ азіатскій: думали обмануть и не удалось. Помолчавъ, Моизъ продолжалъ:

— Я почти увѣренъ, что въ мое отсутствіе Русскіе займутъ Филиппополь, а это заставляетъ меня бояться за участь жены и семейства.

— Могу увѣрить васъ, отвѣчалъ я, что Русскіе не сдѣлаютъ ни малѣйшей непріятности вашей семьѣ.

— О, я опасаюсь не Русскихъ, съ живостью возразилъ докторъ.—Неужели вы, генералъ, полагаете, что у насъ кто-либо изъ порядочныхъ людей вѣритъ въ жестокость Русскихъ. Я говорю о башибузукахъ и Черкесахъ, которые не упустятъ случая грабить своихъ же.

Чтобы не задерживать посланнаго къ Великому князю парламентера, ему и его спутникамъ, на томъ же дворѣ моей квартиры, завязали глаза, казаки взяли поводья ихъ лошадей и шествіе тронулось, провожаемое массою сбѣжавшихся Болгаръ и нашихъ солдатъ поглазѣть на незваныхъ гостей.

Готовясь къ выступленію изъ Корнари, мнѣ оставалось еще многимъ распорядиться. Видя, что нижніе чины второй бригады дотого обезсилѣли и обносились, что многіе не могутъ слѣдовать съ отрядомъ, я велѣлъ сформировать изъ каждаго полка по одному сводному баталіону, составивъ его изъ людей наиболѣе сохранившихъ силы, прочихъ же перевести въ Карлово. Для скорѣйшаго возстановленія силъ, я приказалъ довольствовать ихъ улучшенною пищею и какъ можно поспѣшнѣе исправить ихъ одежду и обувь. Это было возложено мною на командовавшаго Псковскимъ полкомъ подполковника Кобордо, назначеннаго вмѣстѣ съ тѣмъ начальникомъ тыла отряда. Ему же я поручилъ образованіе продовольственныхъ складовъ и охрану ихъ.

1-го января, рано утромъ, собрались ко мнѣ всѣ командиры частей, для полученія послѣднихъ приказаній: выступающіе— о дальнѣйшемъ движеніи и цѣляхъ отряда, остававшіеся—о приведеніи въ исполненіе сдѣланныхъ распоряженій. Вмѣстѣ съ восходомъ солнца, поздравивъ другъ друга съ новымъ годомъ, мы сѣли на коней и тронулись къ Карлову. Легкій

3-хъ градусный морозъ уничтожилъ слѣды дневной оттепели: войска шли бодро и весело. Съ штабомъ отряда шла только конвойная сотня и саперная рота съ двумя орудіями. Староингерманландскій полкъ былъ уже въ Карловѣ, прочія части въ деревняхъ по подножію Малыхъ Балканъ прикрывали фланговое движеніе. Два сводные баталіона 2-й бригады шли въ переходѣ позади штаба и составляли резервъ. Путь отъ Корнари до Карлова пролегалъ по той же благодатной долинѣ Гіопса; по брошеннымъ деревнямъ шарили „братушки".

Единственнымъ пунктомъ, принадлежавшимъ въ этой мѣстности Болгарамъ, былъ Сопотъ, небольшой, пять мѣсяцевъ назадъ процвѣтавшій, чистенькій и красивый городокъ. Трудно себѣ представить, что сдѣлали изъ него турки. Теперь Сопотъ, съ двумя разрушенными церквами, представлялъ площадь обгорѣлыхъ развалинъ, въ которыхъ не осталось камня на камнѣ. Пройдя разоренный городъ, я остановился для привала на его окраинѣ. Когда группа штабныхъ офицеровъ собралась къ разложенному на фундаментѣ одного изъ домовъ ковру и, по моему приглашенію, приступила къ холодной закускѣ, къ намъ подошло нѣсколько монахинь (калугерокъ) Сопотскаго монастыря, пощаженныхъ вслѣдствіе своей старости. Между ними находилось нѣсколько вдовъ, мужья и дѣти которыхъ были зарѣзаны лѣтомъ. Одѣтыя въ черныя платья, онѣ принесли намъ теплыя лепешки, овечій сыръ и яблоки; лепетали что-то, кланялись, съ волненіемъ пожимали намъ руки, гладили нашихъ лошадей и, какъ дѣти, въ одно и то же время и плакали, и смѣялись отъ радости. Одна изъ старицъ неожиданно опустилась на колѣни, перекрестясь взглянула на небо, и чисто произнесла по-славянски: „благодаримъ Тя, Господи, яко днесь видѣста очи мои спасеніе наше". Другія разсказывали про всѣ ужасы разграбленія турками ихъ обители, уводъ молодыхъ послушницъ и про кощунства, совершенныя въ ихъ храмѣ.

Только-что мы тронулись съ привала, какъ меня нагналъ нарочный казакъ изъ Ловчи, съ накопившеюся въ наше отсутствіе почтою. Среди множества конвертовъ оказалось нѣсколько писемъ на мое имя, отъ семьи и знакомыхъ изъ Тамбова и Нижняго, отъ сыновей и дочерей изъ Петербурга. Болѣе мѣсяца я не имѣлъ извѣстія отъ своихъ, а потому неожиданное ихъ полученіе, да еще при той обстановкѣ, въ которой

мы находились, доставило такую отраду, которую пойметъ только тотъ изъ читателей, кто когда-либо бывалъ въ подобномъ положеніи.

Въ полуверстѣ отъ Карлова меня встрѣтила депутація отъ города, съ духовенствомъ во главѣ. Благодаря энергіи и распорядительности графа Татищева, я нашелъ въ Карловѣ полный порядокъ. Военная полиція была уже на мѣстахъ, у всѣхъ складовъ съ турецкими запасами стояли часовые. Открывшій свои дѣйствія городской совѣтъ ожидалъ меня въ залѣ отведенной мнѣ квартиры бывшаго англійскаго консула, только-что выѣхавшаго въ Адріанополь. Оставивъ у себя предсѣдателя совѣта и отпустивъ другихъ, я просилъ его ознакомить меня съ настоящимъ положеніемъ населенія и города, показавшагося мнѣ нетронутымъ. Объясняя настоящее, президентъ коснулся и прошедшаго. Карлово не было сожжено и разграблено Турками только потому, что среди его болгарскаго населенія было много армянъ и турокъ, и что въ немъ имѣли дачное пребываніе европейскіе консулы изъ Адріанополя. Это обстоятельство и было причиною, что неистовства турокъ ограничились кощунствами, произведенными въ двухъ православныхъ храмахъ, въ день пророка Иліи. При осмотрѣ этихъ церквей, мнѣ показывали запекшуюся на мраморномъ полу лужу крови и другую такую лужу на площадкѣ лѣстницы, ведущей на каѳедру, гдѣ былъ зарѣзанъ священникъ, говорившій проповѣдь. Въ другой церкви, на ликахъ Спасителя и Николая Чудотворца, были выковырены глаза, выскоблены кинжалами носы и уши; всѣ прочія иконы прострѣлены, и Распятіе, стоявшее надъ иконостасомъ, лежало на полу расколотымъ.

Какъ ни было необходимо сдѣлать въ Карловѣ дневку, но и на другой же день, 2-го января, продвинулъ всѣ части впередъ за Малые Балканы, соединивъ ихъ при этомъ по-эшелонно на Филиппопольскомъ шоссе. Проводивъ лично Староингерманландскій полкъ, я вернулся въ Карлово, гдѣ еще было немало хлопотъ по распредѣленію найденныхъ запасовъ между войсками и по устройству летучей почты къ Казанлыку, куда уже спустилась Главная квартира черезъ Шипку. Въ этотъ же день послѣ обѣда вступилъ въ Карлово Казанскій драгунскій полкъ, направленный на усиленіе отряда черезъ Троянъ, а послѣ обѣда пріѣхалъ ко мнѣ отъ Великаго князя

генералъ-лейтенантъ Скобелевъ I. Онъ вручилъ мнѣ предписаніе Главнокомандующаго, которое привожу въ подлинникѣ:

„Великій Князь главнокомандующій приказать изволилъ: принять общее начальство надъ кавалеріею ввѣреннаго вамъ отряда генералъ-лейтенанту Скобелеву I-му. Для сего, ваше превосходительство, изволите назначить въ его распоряженіе Казанскій драгунскій полкъ, 30-й и 24-й казачьи полки, оставивъ изъ послѣднихъ столько, сколько необходимо для службы при дивизіи. Скобелеву I-му приказано двинуться по долинѣ Гіопса къ сторонѣ Филиппополя, держа постоянно связь съ отрядомъ Гурко и съ первою кавалерійскою дивизіею, которая предшествуетъ наступленію отряда генерала Радецкаго.

„Ваше превосходительство, предшествуемые кавалеріею Скобелева I-го, должны также взять направленіе на Филиппополь, чтобы угрожать пути отступленія турокъ, дѣйствующихъ противъ генерала Гурко.

„Въ этомъ отношеніи вы должны соображать ваши движенія и дѣйствія съ отрядомъ Гурко. *Еслибы, подходя къ Филиппополю, вы узнали, что турки уже прошли этотъ городъ* и отрѣзать имъ отступленіе не можете, то должны двинуться на Чирпанъ и вообще составлять промежуточный отрядъ между отрядомъ Гурко и главными силами арміи, которыя направляются на Эски-Загры и Германлы“.

Это предписаніе указывало мнѣ сдѣлать то, что уже было сдѣлано, и потому, въ день его полученія, я отправилъ въ Главную квартиру слѣдующее донесеніе:

„Указанія Вашего Императорскаго Высочества предупреждены. Стрѣлковый баталіонъ и Новоингерманландскій полкъ уже на половинѣ пути между Карлово и Филиппополемъ, а завтра вся первая бригада будетъ въ 10 верстахъ отъ него. Драгуны только-что прибыли. Изъ остатковъ 2-й бригады формирую два сильные баталіона, которые составятъ мой резервъ“.

Подъ вечеръ пріѣхалъ изъ Казанлыка Сухомолиновъ. Мнѣ достаточно было взглянуть на него, чтобы замѣтить, что въ Главной квартирѣ чѣмъ-то недовольны. Поданная имъ записка, писанная рукою генерала Левицкаго, начиналась словами: „Главнокомандующій крайне недоволенъ медленностію вашихъ движеній“, а затѣмъ подтверждалось то же, что было и въ

приведенномъ предписаніи, съ добавленіемъ: „присылайте ваши донесенія Его Высочеству возможно чаще".

Изъ предшествовавшаго разсказа читатели видѣли, что дѣлалось въ отрядѣ каждый день, со времени Траянскаго боя, то есть съ 27-го по 30-е декабря, когда первый полкъ уже 29-го перешелъ въ Карлово, а стрѣлковой баталіонъ стоялъ впереди его на Филиппопольскомъ шоссе. Пусть всякій скажетъ, могъ ли я, 27-го и 28-го числа, тронуть эти части отъ Корнари, покуда не освѣтилъ мѣстности до Клиссуры и Калофера, куда уже въ ночь 26-го, сряду послѣ боя, посланы были кавалерійскія партіи. Не изъ того ли же полеваго штаба писали мнѣ, чтобы послѣ спуска я „смотрѣлъ въ оба направо и налѣво"; теперь же я какъ бы осужденъ за то, что съ 5-ю баталіонами и 2-мя орудіями не пошелъ далѣе, когда вторая бригада въ эти числа еще не прошла занятаго непріятелемъ Клисурскаго ущелья. Все это указывало на то, что въ полевомъ штабѣ, вѣроятно, не были получены мои донесенія, а между тѣмъ, я писалъ по два раза въ день обо всемъ, что дѣлалъ, но отправлялъ записки черезъ Траянъ въ Ловчу и только 30-го, когда отъ моихъ же разъѣздовъ узналъ о паденіи Шипки, сталъ посылать ихъ въ Казанлыкъ.

Полученное замѣчаніе не могло не произвести на меня тяжелаго впечатлѣнія; я уже предвидѣлъ, что совершенное моимъ отрядомъ на Траянѣ останется въ тѣни. Надо было употребить всѣ средства, чтобы не дать повода въ чемъ-либо обвинить меня вторично.

3-го января, рано утромъ, Скобелевъ I-й, вслѣдствіе сдѣланныхъ мною съ нимъ наканунѣ условій, выступилъ съ драгунами къ Филиппополю; казачьи же части, заранѣе выдвинутыя по тому же направленію, были уже далеко впереди. Въ этотъ же день пѣхотные эшелоны продвинулись еще верстъ на 30 по шоссе.

Въ ночь на 4-е января былъ полученъ мною новый сюрпризъ, въ видѣ слѣдующей записки:

„Вчера ночью я имѣлъ честь послать вашему превосходительству *приказаніе* наступать вамъ со всею дивизіею на Филиппополь. Сегодня вновь получилъ *приказаніе* подтвердить *приказаніе*, чтобы вы шли форсированнымъ маршемъ на Филиппополь, дѣлая въ день по 25-ти верстъ. При этомъ идти

безъ обозовъ и выдавать людямъ по фунту хлѣба. Въ такіе дни, какъ мы переживаемъ, нужно дѣлать сверхъ-естественныя усилія“.

Записка послана 1-го января, но откуда—неизвѣстно; подписана она такъ: Начальникъ штаба, генералъ-маіоръ Липинскій. Гдѣ онъ былъ начальникомъ штаба и какія могъ имѣть ко мнѣ отношенія—я не зналъ. Не говоря о слогѣ записки, начну съ того, что посланнаго 31-го декабря ночью *приказанія*, какъ выражается ея авторъ—я не получалъ; затѣмъ является вопросъ: чье *приказаніе* онъ сообщалъ? До этой минуты я не имѣлъ никакого распоряженія о томъ, чтобы мой отрядъ былъ кому-либо подчиненъ, кромѣ Главнокомандующаго, между тѣмъ тонъ и смыслъ записки указываютъ на какое-то подчиненіе. Въ ней даже говорится, какъ довольствовать людей, какіе дѣлать переходы, и даются совѣты о сверхъестественныхъ усиліяхъ[1]).

Диспозиціею, отданною мною на 4-е января, предписывалось: летучему отряду генерала Скобелева I-го—идти безостановочно на Филиппополь и буде возможно занять его; прочимъ частямъ слѣдовать за нимъ и, остановясь въ одномъ переходѣ отъ этого города, ожидать дальнѣйшихъ распоряженій, сообразно съ тѣми свѣдѣніями, которыя получатся отъ летучаго отряда. На этомъ же переходѣ встрѣчный казакъ подалъ мнѣ записку отъ Скобелева I-го, слѣдующаго содержанія: „Войска генерала Гурко занимаютъ Филиппополь. Вступаю туда же съ драгунами и казаками“.

Хотя въ вышеприведенномъ приказаніи Главнокомандующаго ясно указанъ случай, когда отрядъ долженъ свернуть на Чирпанъ, но прежде чѣмъ измѣнять направленіе колонъ, я хотѣлъ вполнѣ удостовѣриться въ томъ, что происходитъ въ Филиппополѣ, а потому послалъ туда подполковника Сосновскаго, самъ же, съ первымъ полкомъ, остановился въ пунктѣ ближайшаго поворота съ шоссе. Сосновскій нашелъ Филиппополь уже занятымъ и видѣлъ въ немъ гвардейскую

[1]) Выше приведенная записка была мнѣ подана ночью, какъ присланная изъ западнаго отряда. Не разглядѣвъ неразборчивой подписи, я счелъ ее подписанною начальникомъ штаба этого отряда, о чемъ ошибочно упомянулъ въ помѣщенной мною статьѣ Русскаго Вѣстника „Трояновъ перевалъ“, за что приношу извиненіе.

артиллерію. Вслѣдствіе этого я, въ тотъ же вечеръ, послалъ приказаніе всѣмъ частямъ свернуть на Чирпанъ, давъ при этомъ эшелонамъ такое направленіе, чтобы они шли на одной высотѣ, параллельно Марицѣ; а такъ какъ отъ шоссе до Чирпана было 50 верстъ, то предписывалось выступить какъ можно раньше.

5-го января, рано утромъ, передъ самымъ выступленіемъ, мнѣ подали записку отъ начальника штаба арміи, отъ 2-го января. Въ ней было сказано: „Великій князь приказалъ, чтобы вы, съ полученія сего, безотлагательно отправились по долинѣ Гіопса на Филиппополь, а если получите свѣдѣнія, что противникъ оставилъ этотъ городъ, или что *онъ уже занятъ нашими*, то возьмите направленіе на Чирпанъ. Это направленіе должна принять и кавалерія Скобелева 1-го. О вашихъ распоряженіяхъ увѣдомляйте для доклада Его Высочеству".

Итакъ, вторично получено приказаніе сдѣлать то, что давно уже было сдѣлано. Видимо, что или донесенія мои не получены, или забыли о нихъ.

Свернувъ съ шоссе, всѣ три колоны шли параллельно одна другой, сближаясь иногда версты на 4, такъ что полки видѣли другъ друга. Этотъ фланговый маршъ, прикрытый съ фронта рѣкою, шелъ по плоской, почти ненаселенной равнинѣ, покрытой снѣгомъ гораздо болѣе, чѣмъ у Карлова, что, при бывшей два дня оттепели, вынуждало безпрестанно переходить въ бродъ ручьи и мелкіе притоки Марицы. Когда войска прошли уже верстъ 20 и остановились въ 9-мъ часу на привалъ, къ сторонѣ Филиппополя послышались пушечные выстрѣлы, слившіеся потомъ въ общую канонаду. Она то удалялась, то приближалась, то смолкала, то раздавалась съ новою силою. По временамъ турецкая ружейная трескотня была слышна до того ясно, что всѣ были увѣрены въ переходѣ боя на нашъ берегъ Марицы. Пославъ полкамъ приказаніе остановиться, я велѣлъ маіору Грошеву, взявъ конвойную сотню, осмотрѣть всю мѣстность до рѣки и вправо къ Филиппополю. Въ то же время, съ офицеромъ и 8-ю казаками, послана была къ генералу Гурко слѣдующая записка: „Хотя я имѣю положительное приказаніе Главнокомандующаго, въ случаѣ занятія вами Филиппополя, идти на Чирпанъ, но, слыша канонаду,

прошу увѣдомить,—не нужно ли мое содѣйствіе? Благоволите сообщить о вашемъ направленіи на 6-е и 7-е января".

Въ теченіи полутора часа Грошевъ облетѣлъ до 20-ти верстъ и узналъ, что бой идетъ на той сторонѣ рѣки, находящейся въ полномъ разливѣ и покрытой густымъ льдомъ. Посланные имъ еще дальше разъѣзды постепенно возвращались съ докладомъ, что дѣло происходитъ верстахъ въ 12-ти за Филиппополемъ, слѣдовательно не ближе 25 верстъ отъ насъ, что подтверждали и бѣжавшіе изъ города Болгары.

Убѣдясь въ невозможности поспѣть на помощь, еслибы она и была нужна, и въ виду того, что около 3-хъ часовъ пальба прекратилась, чтобы исполнить приказаніе Великаго князя, я велѣлъ продолжать движеніе на Чирпанъ. День былъ пасмурный и сырой. Часу въ 5-мъ повалилъ снѣгъ, и тропа, по которой мы шли, сдѣлалась до того неясною, что еслибы не проводникъ-священникъ, то мы навѣрно заблудились бы, тѣмъ болѣе, что ни впереди, ни по сторонамъ не виднѣлось ни одного селенія.

Потеря времени на остановку и наступившая темнота съ метелью были причиною, что ни одна изъ колонъ, хотя и сдѣлала до 40 верстъ въ одинъ переходъ, не дошла до города, а это вынудило полки ночевать въ 5-ти и 6-ти верстахъ отъ него. Сообразивъ, что бывшему противъ генерала Гурки Сулейманъ-пашѣ можно отрѣзать путь отступленія къ Адріанополю только быстрою переправою черезъ Марицу, я немедленно, ночью же, послалъ двухъ казачьихъ офицеровъ какъ въ городъ, такъ и къ рѣкѣ, для собранія свѣдѣній, гдѣ возможно перейти ее въ бродъ, или скорѣе устроить переправу. Показанія Болгаръ и возвратившихся къ разсвѣту разъѣздовъ сводились къ тому, что переправа, съ большими затрудненіями и опасностію, буде и возможна, то только противъ желѣзно-дорожной станціи Іени-Михалесы; кромѣ того было узнано, что въ Чирпанѣ находится эскадронъ л.-гв. Уланскаго полка, разъѣзды котораго вошли уже въ связь съ 1-ою кавалерійскою дивизіею.

Оставивъ войска на мѣстахъ ночлега, откуда имъ было ближе къ Марицѣ, я съ штабомъ, конвойною сотнею и саперною ротою, 6-го января, въ день Богоявленія, вступилъ въ Чирпанъ. У въѣзда въ городъ насъ встрѣтило населеніе, а старшій протоіерей, во главѣ прочаго духовенства, поднесъ

мнѣ на оловянномъ блюдѣ пшеничный хлѣбъ, солонку и стопу мѣстнаго вина. Послѣ сказаннаго привѣтствія, онъ предложилъ намъ слѣдовать въ церковь, гдѣ совершилъ молебствіе, съ провозглашеніемъ многолѣтія: „Александру II-му, *Освободителю Болгаріи, Царю нашему и Императору*". По выходѣ изъ церкви, весь мой штабъ и прочіе офицеры, на расхватъ были разобраны зажиточными хозяевами въ свои дома, гдѣ насъ ожидало радушное угощеніе. Съ непривычки это даже стѣсняло. Впрочемъ, съ самаго вступленія нашего въ предгорья Балканъ, начиная съ выжженнаго Траяна, была уже замѣтна разница въ бытѣ и характерѣ болгарскаго населенія, сравнительно съ придунайскимъ. На сколько послѣднее забито и ко всему равнодушно, не исключая собственнаго быта, на столько живущее въ горахъ и за Балканами, бойче, предпріимчивѣе и развитѣе. Даже и женщины южной Болгаріи гораздо красивѣе сѣверной.

На отведенной квартирѣ меня ожидали: командиръ Уланскаго эскадрона Бибиковъ, предсѣдатель уже составленнаго болгарами городскаго совѣта и прибывшій изъ Главной квартиры, Кавалергадскаго полка поручикъ Хвощинскій, отправляемый въ Сербію съ Георгіевскими крестами. Бибиковъ сообщилъ, что въ городѣ находятся громадные склады запасовъ и патроновъ.

Видя явную необходимость войти въ сношеніе съ Главною квартирою, распорядиться приведеніемъ въ извѣстность запасовъ, а главное,—принять мѣры для скорѣйшаго устройства переправы, я рѣшился сдѣлать въ Чирпанѣ дневку. Ею впрочемъ не могли воспользоваться 10-й стрѣлковый баталіонъ и саперная рота, которые, при начальникѣ штаба, были посланы для сбора матеріаловъ и устройства переправы у деревни Іогурчу, противъ Іени-Михалесы. Отдавъ необходимыя приказанія, я послалъ ординарца моего, Крестовскаго, на телеграфную станцію, взять и разобрать всѣ оставшіяся тамъ депеши турецкаго правительства, а другому ординарцу, Эрнроту, приказалъ приготовиться къ отъѣзду въ Іени-Загру, гдѣ предполагалъ Великаго князя. Вмѣстѣ съ другими донесеніями полевому штабу, я писалъ генералу Непокойчицкому:

„Въ дополненіе донесенія моего о найденныхъ турецкихъ запасахъ въ долинѣ Гіопса, имѣю честь сообщить, что все

пройденное отрядомъ пространство представляетъ неисчислимыя богатства подобныхъ запасовъ. Въ Карловскомъ складѣ оставлено 2,000 мѣшковъ галетъ, 200 мѣшковъ рису, 1,500 мѣшковъ ячменя и 70 мѣшковъ фасоли. Затѣмъ есть ружья, патроны, гранаты. Для ихъ охраны сдѣлано все, что возможно, но по малочисленности отряда я не могу оставлять въ городахъ людей и посылать команды въ деревни, гдѣ все расхищается. Запасы зерна въ Чирпанѣ, хотя не приведены еще въ извѣстность, но громадны, и кромѣ того здѣсь оставлено турками 395 ящиковъ съ патронами, по 10,000 въ каждомъ, что составляетъ почти 4 милліона. Было бы крайне полезно прислать въ пройденный мною край нѣсколько интендантскихъ чиновниковъ съ командами, такъ какъ безъ энергическихъ мѣръ, черезъ недѣлю все будетъ расхищено".

Что касается даннаго Крестовскому порученія о разборѣ турецкихъ телеграммъ, то изъ представленной имъ выписки было видно: 1) что комендантъ Шипки, еще 25 декабря, предписывалъ прислать къ нему какъ можно скорѣе всѣ войска, какія только есть въ Чирпанѣ; 2) что наплывъ бѣжавшаго населенія начался со дня перехода русскихъ черезъ Траянъ; 3) Чирпанскій каймакъ доносилъ, что ни жители, ни мустафисы (запасные солдаты) его не слушаютъ и не хотятъ оставлять своихъ семей и жилищъ. Особенно интересна слѣдующая телеграмма Филиппопольскому губернатору, отъ 28 декабря: „Громадныя силы русскихъ разбили нашихъ въ большомъ сраженіи. Казанлыкское населеніе бѣжитъ поголовно. Учрежденія Красной Луны остаются на мѣстѣ. Приходится такъ плохо, что администраціи надо выбираться. Состоявшіе при мнѣ офицеры, чиновники и телеграфисты бѣжали. Узналъ сейчасъ, будто заключено перемиріе".

Кстати объ этомъ странномъ, выдуманомъ турками, перемиріи. Несомнѣнно, что оно было придумано съ цѣлью отступить безъ потерь и, оправясь отъ паники, собраться у Адріанополя, гдѣ и дать намъ отпоръ, который, подобно Плевнѣ, могъ бы затянуть кампанію на нѣсколько мѣсяцевъ. Не безъинтересно и то, что этимъ обманомъ и безчестнымъ поступкомъ турецкаго правительства не только не возмутилась европейская пресса, но даже умолчала о немъ.

Въ ночь на 7-е января былъ наконецъ полученъ отвѣтъ на мою

записку генералу Гурко, съ предложеніемъ содѣйствія. Начальникъ его штаба писалъ: „Его Высокопревосходительство послалъ сегодня утромъ къ вамъ ординарца съ предложеніемъ перейти Марицу и стать у деревни Ахлань, гдѣ и составить общій резервъ войскъ, оперирующихъ противъ арміи Фуадъ-паши, при которой находится, какъ кажется, самъ Сулейманъ. Въ настоящее время бой идетъ на Станимакской дорогѣ. Турки пробиваютъ себѣ отрѣзанный имъ путь отступленія".

Хотя на этомъ отвѣтѣ и не было обозначено числа его отправленія, но, судя по его содержанію, онъ писанъ 5-го числа, а полученъ мною только черезъ два дня. Разслѣдовать причину подобнаго промедленія, а равно и то, почему никакого предложенія я не получилъ, было некогда, такъ какъ всѣ мои мысли были заняты заботою объ устройствѣ переправы. Сопоставляя же факты оказывается, что моя кавалерія съ Скобелевымъ 1-мъ и Сухомлиновымъ была въ Филиппополѣ 4 числа въ полдень, и отъ нихъ легко могли узнать, что и пѣхота моя всего въ полупереходѣ. Если же, вмѣсто того, чтобы послать ко мнѣ ординарца 4-го же числа, послали его на другой день, то, конечно, онъ не могъ найти меня на шоссе, потому что, согласно повелѣнію Главнокомандующаго, отрядъ мой въ это время шелъ уже къ Чирпану.

Въ продолженіи двухдневнаго въ немъ пребыванія продовольствіе отряда не представляло никакихъ затрудненій, такъ какъ предсѣдатель городскаго совѣта обнаружилъ въ этомъ отношеніи особенную энергію. При самомъ вступленіи въ городъ онъ заявилъ, что у него уже заготовлено 350 пудъ печенаго хлѣба и сколько угодно галетъ находится въ турецкомъ складѣ. Взять ихъ болѣе какъ на 5 дней впередъ, безъ отягощенія людей, было невозможно. Чтобы оставшіеся затѣмъ припасы не погибли, я оставилъ въ Чирпанѣ офицера съ небольшою командою, а для караула у патроновъ—фейерверкера съ 6-ю рядовыми, о чемъ донесъ полевому штабу. Впослѣдствіи оказалось, что эти команды ни кѣмъ не были замѣнены; пробывъ же въ караулѣ три недѣли, онѣ издержали оставленныя имъ порціонныя деньги, почему и должны были, на свой страхъ, возвратиться къ своимъ частямъ. Что сталось съ запасами и милліонами патроновъ—неизвѣстно.

Въ то время, когда я уже садился на лошадь, чтобы ѣхать къ избранному, въ 12 верстахъ отъ Чирпана, мѣсту переправы, получено было распоряженіе Главнокомандующаго о томъ, что Траянскій отрядъ поступаетъ въ составъ Западнаго, подъ начальство генералъ-адъютанта Гурко. Но такъ какъ до 12 января я не получалъ отъ него никакихъ указаній, то самостоятельное существованіе Траянскаго отряда слѣдуетъ считать до дня дѣйствительнаго соединенія его съ Западнымъ. Поэтому, какъ предстоявшая переправа черезъ Марицу, такъ и слѣдовавшія за нею въ теченіе 4-хъ дней распоряженія, исходили непосредственно отъ меня.

Подполковникъ Сосновскій, съ саперною ротою и 10-мъ стрѣлковымъ баталіономъ, въ полдень 6-го января, прибылъ къ деревнѣ Іогорчу, лежащей въ полуверстѣ отъ мѣста избраннаго для устройства переправы. Состояніе Марицы, разлившейся на 110 сажень и почти сплошь покрытой льдомъ, съ перваго взгляда указывало на всю трудность предстоявшей работы, тѣмъ болѣе, что быстрота теченія достигала 6-ти футовъ въ секунду, а залитое пространство, по словамъ жителей, было покрыто яминами и рытвинами; поэтому пустить пѣхоту въ бродъ я считалъ невозможнымъ. Видимые на рѣкѣ слѣды, происходившей на томъ же мѣстѣ переправы бѣжавшаго турецкаго населенія, ясно указывали то же самое. Русло ея было покрыто опрокинутыми возами и поломанными каруцами, которыя торчали изъ воды въ различныхъ положеніяхъ. Тутъ же высовывались, гдѣ рога, гдѣ ноги попавшихъ въ ямины буйволовъ. На одной изъ затертыхъ льдомъ повозокъ видна была замерзшая съ дѣтьми женщина и нѣсколько труповъ людей и животныхъ лежали выброшенными на отмели берега, загроможденнаго покинутыми повозками. Ими-то и воспользовались саперы и стрѣлки—плотники, какъ подмостками, для устройства мостковъ. Саперы, съ полнымъ самоотверженіемъ шли по грудь въ воду, устанавливали въ линію каруцы и телѣги и вбивали колья для козелъ тамъ, гдѣ глубина превышала высоту повозокъ. Все это дѣлалось охотно, безропотно, при морозѣ въ 6 градусовъ и продолжалось весь день и всю ночь. Только благодаря безпримѣрному усердію, распорядительности и личному примѣру командира саперной роты Попкова съ его офи-

церами, удалось побороть препятствія, казавшіяся непреодолимыми. Въ то же время, сажень на 100 ниже, по указанію болгаръ, былъ отысканъ плохой паромъ, который быстро былъ исправленъ и примѣненъ для переправы орудій. Къ вечеру 7-го числа уже была выдвинута черезъ рѣку линія повозокъ до противоположнаго берега, а въ теченіе ночи, при свѣтѣ костровъ, принялись за укладку лежней и настилки. Для этого было разобрано нѣсколько крайнихъ домовъ деревни. Полученный изъ нихъ матеріалъ какъ-то: полы, двери, полки, закромы,—солдаты и казаки переносили къ переправѣ, а саперы прибивали деревянными гвоздями и привязывали лозовыми прутьями къ импровизированнымъ устоямъ. По полученіи отъ Сосновскаго донесенія, что къ разсвѣту устройство мостковъ будетъ окончено, я отдалъ приказаніе: Новоингерманландскому полку выступить къ переправѣ съ такимъ разсчетомъ, чтобы подойти къ ней до 7-ми часовъ утра, а Староингерманландскому—до 10-ти.

Окончивъ въ теченіе ночи послѣднія распоряженія по охраненію складовъ, 8-го января на разсвѣтѣ, вмѣстѣ съ чинами штаба, я выѣхалъ изъ Чирпана на мѣсто переправы. Утро стояло морозное, съ порывистымъ вѣтромъ; обгоняемыя мною войска шли быстро и весело. Этому не мало способствовало то, что по невозможности переправить воловій обозъ, пришлось бросить его; патроны были переложены на вьюки, порціонный скотъ каждая часть гнала за своею колоною, а турецкіе галеты были выданы на 3 дня людямъ на руки. Что ожидало войска послѣ трехъ дней—это теперь уже не очень озабочивало меня, до того мы привыкли разсчитывать не на свое, а на турецкое интендантство, точно нарочно заготовлявшее для насъ всякаго рода запасы всюду, куда только мы ни приходили. Надо думать, что ни одна война въ будущемъ не представитъ такого примѣра, такой, хотя неумышленной, заботливости о продовольствіи непріятеля. Представляю вниманію читателей такой фактъ: со дня выступленія изъ Ловчи, т. е. съ 23-го декабря, по день вступленія 17-го февраля въ Родосто, уже на берегу Мраморнаго моря, мой отрядъ не видалъ ни одного интенданта, ни одного агента товарищества Горвицъ, Коганъ и комп. и не получалъ ни одного указанія или распоряженія

о томъ, откуда получать сухари, какъ и чѣмъ продовольствовать людей.

Когда мы подъѣзжали къ переправѣ, половина стрѣлковаго баталіона была уже на той сторонѣ; Новоингерманландскій полкъ на привалѣ, у берега рѣки, варилъ въ котелкахъ похлебку, а саперы обогрѣвались и сушились у костровъ; имъ и казакамъ раздавали водку. Сойдя съ коня, я принялъ непосредственно на себя всѣ распоряженія по ходу переправы. Каждый баталіонъ долженъ былъ отдыхать до тѣхъ поръ, покуда я не пришлю за нимъ. Роты подходили къ спуску черезъ $^{1}/_{4}$ часа одна за другою; люди вступали на зыбкіе мостки по-одиночкѣ и шли по нимъ шаговъ на пять одинъ отъ другаго. Десять бывшихъ при отрядѣ орудій къ полудню подошли къ парому; переправа каждаго съ передкомъ занимала $^{3}/_{4}$ часа, и почти столько же времени требовалось на обратный путь парома. Передъ закатомъ солнца вѣтеръ сталъ до того порывистъ, что пришлось прекратить перевозъ артиллеріи, а ночью паромъ сорвало съ причала и унесло версты на двѣ, между тѣмъ четыре орудія оставались еще не переправленными.

Такъ какъ казачьихъ и артиллерійскихъ лошадей нельзя было пустить по мосткамъ, а паромъ не подымалъ болѣе шести, то я рѣшилъ направить ихъ въ бродъ, для отысканія котораго вызвалъ охотниковъ. Первымъ вызвался молодой казакъ; не успѣлъ онъ отойти 20-ти саженъ отъ берега, какъ вдругъ лошадь его точно нырнула вмѣстѣ съ всадникомъ, а большая льдина наплыла на то мѣсто, гдѣ они погрузились.

Невольный крикъ вырвался у всѣхъ, слѣдившихъ за смѣльчакомъ съ нашего берега, но черезъ нѣсколько секундъ что-то черное, барахтающееся въ брызгахъ, показалось изъ подъ сломавшейся льдины; это конь казака выбрался изъ глубокой подводной рытвины на отмель и остановился. Почти въ то же мгновеніе всплылъ и его сѣдокъ. Почувствовавъ подъ собою дно, онъ сталъ на ноги, перекрестился, вскочилъ въ сѣдло; какъ ни въ чемъ не бывало, хлестнулъ коня нагайкою и благополучно, то ходомъ, то вплавь, достигъ противоположнаго берега, откуда тѣмъ же путемъ, но ужъ безъ приключеній, возвратился на нашу сторону. Всѣ роты бывшіе у переправы, сбѣжались смотрѣть на удаль казака, встрѣтили его криками

правы ординарцы привозили на станцію все менѣе и менѣе утѣшительныя извѣстія. Вслѣдствіе усилившихся порывовъ вѣтра, въ 8-мъ часу, мостки снова обломились, но и тутъ саперы выручили пѣхоту: въ полтора часа все было исправлено и переходъ продолжался. Узнавъ объ этомъ, я оставилъ на станціи переправившіяся роты Новоингерманландцевъ, самъ же съ сводными баталіонами перешелъ въ деревню, на шоссе, гдѣ посланный впередъ съ казаками адъютантъ отвелъ для штаба опустѣлый домъ, проходя къ которому по большому двору, приходилось натыкаться на какія-то занесенныя снѣгомъ кучи,—то были убитые и замерзшіе...

— Мерзѣйшій ночлегъ, ваше превосходительство, сказалъ встрѣтившій меня адъютантъ, — да выбрать не изъ чего; все разрушено и повсюду масса всякихъ труповъ.

Ежеминутно опасаясь за участь переправы, въ 12-мъ часу ночи, я послалъ къ ней Крестовскаго, еще разъ взглянуть, что тамъ дѣлается и узнать, начали ли переходить Староингерманландцы, а также—какія приняты мѣры для подвода снесеннаго внизъ парома. Возвратясь далеко за полночь, Крестовскій доложилъ, что переправа, при поднявшейся бурѣ, крайне затруднительна: людей чуть не срываетъ съ мостковъ, снѣгъ бьетъ имъ прямо въ лицо, залѣпляя глаза, холодъ проникаетъ до костей, доски обледенѣли такъ, что двигаться можно только съ крайнею осторожностью, и что, вслѣдствіе этого, дай Богъ, чтобы послѣдній баталіонъ могъ перейти къ разсвѣту, а о полкѣ графа Татищева ранѣе завтрашняго дня и думать нечего. Вотъ въ какихъ словахъ передаетъ Крестовскій, въ своихъ запискахъ, ночную картину переправы: „представьте себѣ, при завываніи вѣтра въ лѣсу противоположнаго берега, освѣщеннаго кострами и миріадами крутящихся въ воздухѣ искръ и огненныхъ языковъ,—шумъ волнъ, трескъ льдинъ, напирающихъ на мостки и ихъ скрипъ подъ ногами солдатъ, которые, закутавъ головы въ башлыки, съ ружьями на перевѣсъ, осторожно подвигаются по обледенѣлымъ мосткамъ, въ то время какъ вѣтеръ неистовыми порывами рветъ полы шинелей, а въ воздухѣ крутятся тучи снѣжной мятели“.

Войдя въ отведенную мнѣ хату, я какъ убитый уснулъ на покрытой ковромъ кучѣ, добытаго казаками сѣна. Несмотря

впечатлѣнія этого памятнаго дня и озабочивавшія меня
:ли, усталость взяла свое.

Заканчивая этимъ свой разсказъ о дѣйствіяхъ бывшаго
ъ моимъ начальствомъ Траянскаго отряда, подведу итоги
гигнутыхъ имъ результатовъ, состоявшихъ:

1) Въ привлеченіи на себя отъ Шипки и Филиппополя 6-ти
ріятельскихъ таборовъ и полное ихъ разбитіе, со взятіемъ
риступнаго укрѣпленія, двухъ знаменъ, орудія, транспорта
:лѣнныхъ.

2) Въ распространеніи паники по всей долинѣ Гіопса и
щеніи турецкими войсками двухъ сильно укрѣпленныхъ
элій у Калофера и Клиссуры, откуда турки ушли, когда
› не состоялось паденіе Шипки.

3) Захватъ въ пользу войскъ громаднаго количества скота
сякаго рода запасовъ, что дало возможность продовольство-
ъ отрядъ безъ расходовъ для казны.

4) Обезпеченіе съ запада праваго фланга войскъ, спускав-
кся въ долину Тунджи.

5) Такое же обезпеченіе лѣваго фланга и затѣмъ тыла за-
наго отряда, чего бы не случилось, еслибы турки не были
гы съ Траянова перевала.

Полагаю, что этихъ результатовъ достаточно для заключе-
, что войска, составлявшія Траянскій отрядъ, свято испол-
и свой долгъ, и что обвинять ихъ въ медленности движеній
ьзя.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ.

1878.

По пути смерти.—Два дня въ Хаскіоѣ.—На мѣстѣ избіенія.—Представленіе новому начальнику.—Стрѣлки на переходѣ.—Вступленіе въ Адріанополь.—Въ кругу лицъ главной квартиры.—Тревога отъ пожара.—Выступленіе.—Соломоновъ судъ на походѣ.—Вступленіе въ Демотику.—Архимандритъ Герасимъ.—Занятіе Дадеагача и Еноса.—Мостъ у Кулелъ.—Священникъ-фанатикъ.—Адресы грековъ.—Хозяйственныя затрудненія.

Съ 8-го января 1878 года, ввѣренная мнѣ 3-я пѣхотная дивизія уже дѣйствовала по указаніямъ генералъ-адъютанта Гурко, но при ней еще состояли посторонніе части, оставленныя подъ моею командою[1]).

9-го января, первые лучи яснаго зимняго утра, прежде всего освѣтили намъ страшную картину, прикрытую наканунѣ метелью и ночнымъ мракомъ: на дворѣ, на улицѣ, внутри полусгорѣвшихъ домовъ, повсюду валялись людскіе трупы. Чтобы избавиться отъ подобнаго зрѣлища и скорѣе вывести войска изъ этой юдоли смерти, я приказалъ выступать, не ожидая окончанія переправы послѣдняго полка. По выходѣ изъ селенія представилось зрѣлище еще ужаснѣе того, отъ котораго мы уходили. На пространствѣ 30-верстнаго перехода до Хоскіоя, по обѣимъ сторонамъ дороги, мы видѣли на каждыхъ пяти верстахъ, цѣлыя площади, покрытыя разбитыми транспор-

[1]) Для ясности послѣдующаго разсказа переименуемъ ихъ. Кромѣ своихъ Старо и Новоингерманландскаго полковъ и двухъ сводныхъ баталіоновъ 2-ой бригады, при дивизіи находились: 10-ый стрѣлковый баталіонъ, рота 6-го сапернаго баталіона, Екатеринославскій драгунскій полкъ и часть 24-го казачьяго полка: изъ артиллеріи-же: 2 орудія своей, четыре 31-ой артиллерійской бригады, и 2 конныя орудія. Всѣ эти части, по переходѣ Марицы, съ 8-го на 9-е января ночевали на шоссе изъ Филиппополя въ Адріанополь въ деревнѣ Усне-Махалесы.

ами бѣжавшаго населенія. Между поломанными повозками : разметаннымъ по полю домашнимъ хламомъ, въ самыхъ 'жасныхъ позахъ, лежали убитые и замерзающіе. Во многихъ гѣстахъ, между трупами шевелились въ агоніи еще живыя ущества, покрытыя рубищами. Это были семьи бѣжавшихъ, ряхлые отцы и матери, жены и дѣти, истерзанные и коченѣюціе. Никакое перо не въ силахъ описать того впечатлѣнія, акое мы испытывали, видя предсмертныя судороги несчастыхъ. Ни поле битвы, ни перевязочные пункты подъ Плевой, ничто не могло равняться съ тѣмъ, что теперь испытыали наши нервы. Нельзя было взглянуть въ сторону, чтобы э содрагаться отъ ужаса. Тамъ женщина, у отмороженныхъ уже почернѣвшихъ ногъ которой лежатъ два трупа малюэкъ, прижимаетъ къ груди двухъ другихъ, еще не замерзихъ. Здѣсь старуха устремила тупой, безсмысленный взоръ а раскрытую рану въ груди убитаго старика? Полагаясь на зердую поступь моего коня, большую часть этого перехода, ѣхалъ закрывъ глаза; но вотъ конь спотыкается, невольно зглядываешъ внизъ и видишъ голаго, посинѣвшаго, примерзіаго спинкою къ шоссе ребенка, съ поднятыми вверхъ ручеиами! И это на каждомъ шагу, и чѣмъ далѣе, тѣмъ ужаснѣе, ѣмъ раздирательнѣе. Въ находившейся на половинѣ перехода деревнѣ нельзя было выбрать мѣста для привала, гдѣ-бы е было убитыхъ болгаръ, или замерзшихъ турокъ. Пришлось олтора часа оставаться въ полѣ, на холодномъ вѣтрѣ со нѣгомъ.

Можно вполнѣ согласиться съ мнѣніемъ, что видѣнное нами апоминаетъ мученичество первыхъ вѣковъ христіанства. Туецкое населеніе, пораженное паникой, бѣжитъ цѣлыми ордами караванами, само не зная куда, нападаетъ на встрѣчаюцееся болгарское; они рѣжутъ, душатъ другъ друга; при цномъ слухѣ о приближеніи русскихъ, турки бросаютъ дома имущество, сыновья—дряхлыхъ отцовъ, матери полуживыхъ ѣтей, которыхъ подбирали и многихъ спасали отъ смерти ыши солдаты.

Такъ, не доходя Хоскіоя, Новоингерманландскій полкъ эдобралъ шестерыхъ и донесъ ихъ до ближайшей деревни. ознавая, что далѣе идти съ подобной ношей невозможно и го при первомъ нарядѣ на аванпосты, или на другую службу

все-таки прійдется бросить дѣтей, быть можетъ въ полѣ, солдаты внесли ихъ въ хату, посадили возлѣ разведеннаго въ очагѣ огня, отогрѣли, накормили размоченными галетами, и тамъ оставили. Нѣкоторые изъ малютокъ, разсказывали офицеры, тотчасъ уснули, другіе нисколько не дичились тѣхъ, кого отцы ихъ считали безжалостными гяурами. Что сдѣлалось съ этими крошками? Спасло-ли ихъ сердоболіе русскаго солдата, или только отсрочило ихъ мученическую кончину?

Потомъ намъ довелось видѣть, на лафетѣ орудія одной изъ гвардейскихъ батарей, дѣвочку лѣтъ пяти, закутанную въ попону. Возлѣ идущій солдатикъ бережно придерживалъ ее.

— Гдѣ Богъ послалъ? спрашиваютъ его.

— Намедни на шаше подобрали. Турецкая она... замерзала совсѣмъ, а теперь отошла.

— Куда-же вы ее дѣнете?

— Батарейная дочка будетъ,—отвѣчалъ артиллеристъ, въ Питерѣ въ пріютъ отдадимъ.

Уже подъ вечеръ я привелъ дивизію въ Хаскіой, гдѣ нашелъ Гродненскій и Уланскій Его Величества гвардейскіе полки. Городъ, раскинутый по холмамъ, между которыми извивалось нѣсколько ручьевъ, представлялъ полнѣйшій хаосъ, со всѣми слѣдами только что кончившейся междоусобицы. Турецкіе трупы еще валялись по улицамъ, болгарскіе сносили въ церкви, для отпѣваній. Даже и при насъ еще раздавались изъ-за угловъ и садовъ выстрѣлы. Это заставило меня, какъ старшаго въ городѣ, немедленно образовать городское управленіе и мѣстную полицію, которымъ было объявлено, что если послѣдуетъ хоть одинъ выстрѣлъ, то у всѣхъ жителей будетъ тотчасъ-же отобрано оружіе и съ виновными поступлено по всей строгости военнаго времени. Двое сутокъ дивизія оставалась въ Хаскіоѣ. Они были для меня не отдыхомъ, а рядомъ постоянныхъ разборовъ, жалобъ христіанъ на турокъ и обратно. Послѣдніе, впрочемъ, чаще жаловались на башибузуковъ и бѣглыхъ солдатъ своей арміи, наводнившихъ окрестныя деревни; греки же и болгары, ободренные приходомъ нашихъ войскъ, заявляли претензіи не только на настоящее, но и на давно прошедшее. Кто правъ и кто виноватъ разобрать было трудно. Между тѣмъ мнѣ необходимо

ыло воспользоваться двухдневною остановкою, чтобы розыкать гдѣ-нибудь въ окрестностяхъ турецкіе запасы, для набженія полковъ хлѣбомъ, такъ какъ взятое изъ Чирпана же выходило. Оказалось, что и здѣсь турки позаботились, тобы мы не голодали. Въ 12 верстахъ, на желѣзнодорожной танціи Кечерли, отысканъ былъ складъ турецкихъ запаовъ. Немедленно собрано и нанято было до 20 подводъ, коорыя привезли 300 пудъ отличныхъ галетъ. Они могли быть озданы только частямъ, стоявшимъ въ городѣ, но меня очень забочивало, найдутъ-ли что-либо баталіоны, стоявшіе по деевнямъ. Зная, что имъ придется идти отдѣльно отъ штаба, по боковымъ дорогамъ на Адріанополь, я отдалъ слѣдуюцій приказъ по дивизіи: „Съ удаленіемъ нѣкоторыхъ частей тъ дивизіоннаго штаба, снабженіе ихъ хлѣбомъ съ каждымъ немъ дѣлается труднѣе. Конфискуемые въ городахъ и по келѣзной дорогѣ турецкіе запасы, хотя и помогаютъ дѣлу, о при движеніи эшелоновъ разными путями, доставка къ имъ галетъ, при неимѣніи обоза, невозможна. Поэтому предисываю: эшелоннымъ начальникамъ, по приходѣ въ селеніе алеты, зерно и муку, принадлежащую турецкому правительтву и эмигрировавшимъ жителямъ, конфисковать; если-же аковыхъ не окажется, то покупать у болгаръ. Каждой части оразздо легче найдти средство для продовольствія небольшаго исла людей, нежели штабу дивизіи обезпечивать имъ девятиысячный отрядъ“.

11-го января, съ двухъ сторонъ получены были два важныя извѣстія: съ востока, — что Скобелевъ 2-й, съ полками ервой кавалерійской дивизіи, вступилъ въ Адріанополь, а съ запада, — что генералъ Гурко идетъ съ гвардіею отъ Филиппополя и предписываетъ мнѣ продолжать движеніе черезъ Германлы къ Адріанополю.

Оставленіе турками безъ боя второй своей столицы, про укрѣпленіе которой столько было говорено и писано, а съ другой стороны слухи, что въ Главную квартиру прибыли полномоченные для заключенія перемирія, давали надежду на скорое окончаніе войны. Какъ-то и радостно и досадно становилось при этой мысли. Радостно—когда думалось, что наступаетъ конецъ всѣмъ лишеніямъ и близко возвращеніе въ Россію, и досадно,—что придется остановиться, не доходя до

Константинополя, когда тутъ-то бы и гнать турокъ въ Азію. Но при этомъ невольно приходило на мысль: гдѣ сухари, гдѣ патроны? Съ нами было только то, что помѣщалось въ мѣшкѣ и сумкѣ солдата, — все остальное находилось еще за Балканами.

Вечеромъ 11-го января пришла въ Хаскіой 1-я гвардейская бригада, но мы не успѣли свидѣться съ Преображенцами и Семеновцами, потому что съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня выступили въ Германлы. Боковымъ моимъ колонамъ послана была диспозиція, по которой онѣ должны были идти въ томъ же направленіи, а 13-го выйти на Адріанопольское шоссе, по которому слѣдовать до Мустафы, куда въ тотъ же день прибудетъ и штабъ дивизіи.

Дальнѣйшее движеніе, отъ Хоскіоя до Германлы, происходило при той же, если еще не при болѣе ужасной обстановкѣ. 20 верстъ мы шли, имѣя, по сторонамъ шоссе, картины ужасовъ и раззоренія, которыя отвратительнымъ и раздирающимъ душу видомъ превосходили все, доселѣ испытанное въ этомъ родѣ. Здѣсь они шли безъ перерывовъ, представляя сплошное зрѣлище смерти, крови и слѣдовъ самыхъ безчеловѣчныхъ истязаній. Масса домашняго скота бродила по побоищу, другой валялся мертвымъ въ ручьяхъ и канавахъ. Все описанное произошло отъ того, что здѣсь встрѣтился 20 тысячный транспортъ переселенцевъ съ партіями болгаръ, возвращающихся изъ Адріанополя, куда они были согнаны для работъ на укрѣпленіяхъ. Услыша завязавшуюся стрѣльбу, высланные изъ Германлы разъѣзды донесли объ этомъ, находившемуся въ то время въ этомъ городѣ, генералу Скобелеву 2-му.

Принявъ происшедшее столкновеніе за войска Сулеймана, отступавшія подъ напоромъ западнаго отряда, онъ приказалъ полковнику Панютину, съ Углицкимъ полкомъ, произвести усиленную рекогносцировку. Когда орудія открыли огонь съ фронта, переднія повозки быстро повернули назадъ, заднія же не знали о происходящемъ впереди, и началось страшное столкновеніе: корруци трещали, ломались, опрокидывались; толпы, бывшія впереди, бросились назадъ, на встрѣчу старавшимся протискаться впередъ, и тогда, среди ночной тьмы, началось общее междуусобное побоище.

Мы проходили это мѣсто спустя 5 дней послѣ совершившагося. Все, что было живое ушло, остались одни умиравшіе и замерзающіе и, Боже! какихъ, какихъ только сценъ ужаса мы не видѣли!

Страшно было подумать, что могло произойти отъ разложеженія той массы труповъ людей и животныхъ, которая лежала по сторонамъ шоссе, если не будутъ приняты самыя скорыя и энергическія мѣры для ихъ уничтоженія.

Германлы, городокъ лежащій при желѣзной дорогѣ, при нашемъ вступленіи утопалъ въ грязи. Въ немъ оставались не разрушенными только дома болгаръ, все же турецкое было раззорено и разграблено. Къ вечеру въ него вступила 1-ая гвардейская бригада, а вслѣдъ за нею прибылъ генералъ Гурко съ своимъ штабомъ. Я поспѣшилъ представиться ему. Это было первое наше свиданіе, такъ какъ до того мнѣ недоводилось даже видѣть его. Онъ встрѣтилъ меня вопросомъ:

— Какъ же это, генералъ, вы не хотѣли помочь мнѣ подъ Филиппополемъ?

— Что я хотѣлъ сдѣлать это доказывается запискою, которою я спрашивалъ нужна ли моя помощь?

— Знаю; но хорошо, что Богъ помогъ мнѣ справиться. Вѣдь противъ меня было до 80 таборовъ, при 100 орудіяхъ.

—Какъ вамъ извѣстно, отвѣчалъ я, мнѣ дано было положительное приказаніе, если Филиппополь занятъ нашими войсками, идти на Чирпанъ. Гвардія заняла его въ ночь на 4-е января, а на утро въ немъ была уже кавалерія моего отряда. Мнѣ было даже указано направить генерала Скобелева I къ Чирпану, но я не сдѣлалъ этого, а послалъ его къ вамъ. Какимъ же образомъ, зная, что Филиппополь уже занятъ нашими, могъ я нарушать приказаніе Великаго князя и не принять указаннаго имъ направленія?

— Все это такъ, но находясь въ 100 верстахъ отъ насъ, Великій князь, могъ не знать о томъ затрудненіи, въ которое могли быть поставлены войска, еслибы дѣло приняло другой оборотъ. Бываютъ случаи, когда надо дѣйствовать вопреки приказаній.

— Во всякомъ случаѣ нельзя предполагать, чтобы я не желалъ помочь вамъ.

*

— Ну, объ этомъ говорить уже нечего. Выступайте завтра въ Адріанополь, гдѣ надѣюсь, мы послѣзавтра увидимся.

Сопоставляя начало этого разговора съ полученнымъ недѣлю назадъ замѣчаніемъ о медленности движенія, что уже опровергнуто мною въ предшествовавшей главѣ разсчетомъ по днямъ, я внутренно задавалъ себѣ вопросъ: что то будетъ построено на этихъ данныхъ тѣми, кому хотѣлось умалить все сдѣланное Ловче-Сельвинскимъ и Траянскимъ моими отрядами?

Возвратясь въ квартиру, я отправилъ нарочныхъ въ боковыя колоны, съ приказаніями, чтобы онѣ на утро непремѣнно вышли бы на шоссе. Меня сильно озабочивало то, перешли-ли сводные баталіоны и Новоингерманландскій полкъ въ окрестности Германлы, такъ какъ наступившая ростопель и сильные розливы ручьевъ и рѣчекъ, могли помѣшать этому и тогда они оставались бы въ горахъ, безъ возможности быть поддержанными. Долго ночью ждалъ я возвращенія посланныхъ. Одинъ изъ нихъ совсѣмъ не вернулся, а другой привезъ назадъ данную ему записку, говоря, что нигдѣ не могъ разъискать сводныхъ баталіоновъ.

Послѣ испытанныхъ въ теченіи послѣднихъ дней ощущеній, переходъ до Мустафы, несмотря на его величину, показался отдыхомъ. День былъ теплый, совершенно весенній: окрестные холмы, сбросивъ снѣжный покровъ, зеленѣли осеннею, неуспѣвшею поблекнуть, травою. Пройдя версты 4 отъ ночлега, мы пересѣкли рельсы желѣзной дороги, по которой, на всѣхъ парахъ, летѣлъ къ намъ навстрѣчу обратный поѣздъ изъ Адріанополя, отвозившій туда 16-ю дивизію. Появленіе его оживило всѣхъ. Послышались разговоры въ рядахъ солдатъ.

— Вишь, братцы, и чугунка появилась; да и мѣста-то стали походить на наши.

— Да и то наши. Теперь это та-же Россія, потому что чугунку-то наши взяли, значитъ и земля это наша.

Вскорѣ я нагналъ 10-й стрѣлковый баталіонъ, вышедшій на шоссе проселками. Это успокоило меня насчетъ боковыхъ колонъ, особенно когда полковникъ Бородинъ передалъ, что графъ Комаровскій, ночевавшій вмѣстѣ съ нимъ, ведетъ свой

олкъ по тому же пути. Стрѣлки шли замѣчательно бойко. бгоняя ихъ я спросилъ:

— На сколько дней у васъ ребята сухарей въ мѣшкахъ?

— Вчера послѣдніе догрызли,—отвѣчали они; а между тѣмъ ли лихо, съ пѣсенниками и плясунами передъ ротами. Неэнѣе молодцоватый и отрадный видъ представлялъ и Староэгерманладскій полкъ.

Далѣе, на всемъ переходѣ, я съ конвоемъ перегонялъ баьліоны Преображенскаго и Семеновскаго полковъ. Вмѣстѣ съ эслѣднимъ сдѣланъ былъ привалъ, во время котораго принцъ льденбургскій прислалъ мнѣ сказать, что по полученнымъ ъ болгаръ свѣдѣніямъ, въ деревнѣ за рѣкою, башибузуки абятъ и убиваютъ жителей; но посланный мною туда разъдъ возвратился съ донесеніемъ, что въ деревнѣ никакихъ шибузуковъ не было. Къ подобнымъ фальшивымъ сообщеямъ болгары прибѣгали довольно часто, разсчитывая полугъ или денежную награду, или посылку къ нимъ команды я охраны.

Верстахъ въ 5 отъ Мустафы, шоссе пересѣкало желѣзную рогу, возлѣ самой станціи, у которой только что остановился эѣздъ. Онъ везъ генерала Гурко, со всѣмъ его штабомъ, энвоемъ и ротою Преображенцевъ. На локомотивѣ стояли ши инженеры. Всѣ имѣли какое-то радостное настроеніе.

Когда мы подходили къ Мустафѣ, передъ городомъ стоялъ юмадный транспортъ съ переселенцами. Старики и женщины, кутанныя въ лахмотья, дико посматривали на насъ; одни ворачивались, чтобы не видѣть гяура, другіе видимо изумились, что проходящія войска никого не трогаютъ. Я велѣлъ эреводчику подозвать ко мнѣ трехъ стариковъ, сидѣвшихъ эзлѣ ближайшей повозки. На мой вопросъ, куда они перезжаютъ? турки отвѣчали, что сами не знаютъ, но что имъ вевно бросать жилища и бѣжать отъ русскихъ на югъ. Опаясь скопленія въ городѣ бродячаго народа и столкновенія эреселенцевъ съ оставшимися въ Мустафѣ болгарами, я повѣтовалъ туркамъ возвратиться въ свои деревни, но осталъ у транспорта казачій взводъ, съ приказаніемъ никого изъ хъ не пропускать въ городъ.

Такъ какъ вслѣдъ за нами вступала въ Мустафу 1-я гварйская бригада, то скопленіе войскъ было такъ велико, что

мнѣ заняли квартиру за рѣчкою, на окраинѣ города, въ усадьбѣ богатаго болгарина. Онъ намъ разсказывалъ, что надъ возведеніемъ Адріанопольскихъ укрѣпленій полгода работали, безвозмездно, тысячи болгаръ, силою сгоняемыхъ отъ Софіи и Филиппополя. Видя потомъ эти громадные форты, вооруженные круповскими орудіями большаго калибра, казалось непонятнымъ, какимъ образомъ турки могли отдать Адріанополь безъ боя.

Въ виду предстоявшаго на слѣдующій день значительнаго перехода, не смотря на то, что Новоингерманландскій полкъ пришелъ на ночлегъ только послѣ полуночи, а о сводныхъ баталіонахъ не было и слуха, я назначилъ выступленіе въ 4 часа утра. Къ этому времени пройденная наканунѣ въ бродъ рѣчка, къ утру разлилась до того, что сидя на высокомъ конѣ, пришлось класть ноги чуть не на шею лошади, а люди шли погружаясь въ воду выше пояса. Тронувшись за полтора часа до разсвѣта, въ 10 часовъ утра, колона была остановлена для привала на горѣ, съ которой уже были видны минареты знаменитой Сулеймановской мечети и силуэты окружающихъ городъ укрѣпленій. Хотя мы и знали, что уже 4 дня какъ авангардъ арміи занялъ вторую столицу Турецкой Имперіи, такъ вотъ и казалось, что эти укрѣпленія брызнутъ огнемъ. Чѣмъ ближе мы подходили, тѣмъ болѣе возбуждалось нетерпѣніе увидѣть первый большой, вполнѣ турецкій городъ.

Гвардейскіе полки были остановлены въ двухъ верстахъ отъ города, съ воспрещеніемъ вступать въ него до приказанія. Я подобнаго распоряженія не получалъ и потому, не останавливаясь, ввелъ мои части въ сѣверное предмѣстье. Раскинутое по рукавамъ Тунджи, оно тонуло въ грязи и по своему неряшеству ничѣмъ не отличалось отъ пройденныхъ нами мѣстечекъ Румыліи.

Насколько мрачными показались мнѣ узкія, хотя и убранныя коврами и флагами, улицы Адріанополя, настолько великолѣпна была отведенная мнѣ и моему штабу квартира. Мы ѣхали къ ней среди громаднаго стеченія народа. На главной улицѣ всѣ окна и балконы были открыты и наполнены зрителями; все болгарское и греческое населеніе ожидало въѣзда Великаго князя, прибывшаго въ 3 часа дня по желѣзной до-

рогѣ. Кромѣ красивыхъ гречанокъ и армянокъ, которыми были заняты переднія мѣста открытыхъ магазиновъ и лавокъ, кое-гдѣ, между народомъ, попадались закутанныя въ бѣлыя кисейныя чарды, въ зеленые и черные шерстяные бурнусы, турчанки. Занятая для насъ квартира состояла изъ большаго двухэтажнаго дома, съ бельведеромъ, съ цѣльными зеркальными стеклами; паркетные узорчатые полы, мраморныя лѣстницы, прекрасная мебель, плафоны лѣпной работы,—все это, послѣ полугодоваго скитанія, послѣ ночлеговъ въ раззоренныхъ домахъ, часто безъ пола и иконъ, казалось чѣмъ-то необыкновеннымъ и невиданнымъ. Грекъ, арендовавшій этотъ домъ у богатаго бѣжавшаго турка, и семья его были предупредительны до крайности. Въ богатыхъ покояхъ размѣстились не только чины штаба, но и всѣ артиллерійскіе и конвойные офицеры.

По прибытіи въ Адріанополь первымъ дѣломъ было узнать, что предстоитъ дивизіи далѣе. Для этого, сряду послѣ въѣзда Великаго князя, я отправился въ конакъ (домъ генералъ-губернатора), гдѣ размѣстилась Главная квартира. Это большой каменный домъ, съ дворомъ, отдѣленнымъ отъ улицы рѣшеткою. Его казарменная наружность немногимъ была лучше внутренности. Громадныя сѣни, съ грязною лѣстницею, вели во второй этажъ, въ серединѣ котораго находилась обширная полутемная зала, или вѣрнѣе, широкій корридоръ, съ множествомъ дверей въ отдѣльныя комнаты, съ надписями тѣхъ присутствій, которыми онѣ были заняты, напримѣръ: касса, канцелярія, телеграфъ и т. д. Во внутреннихъ комнатахъ была видна претензія на убранство, но, начиная съ паркета и кончая полинялыми драппировками, все было грязно.

По случаю происходившаго у Великаго князя совѣщанія, я не могъ видѣть Его Высочество, но дожидался генерала Гурко, въ обществѣ нѣсколькихъ генераловъ и лицъ свиты, не бывшихъ на совѣщаніи, между которыми шелъ слѣдующій разговоръ:

— Вы не знаете, спрашивалъ одинъ, занялъ Струковъ Чарлу, или нѣтъ?

— Право, не знаю, отвѣчалъ другой; а вотъ лучше скажите, что слышно о перемиріи?

— Неужели его заключатъ! съ азартомъ спрашиваетъ сосѣдъ.

— Заключатъ или нѣтъ, не знаю, но слышалъ, что уполномоченныхъ завтра привозятъ сюда.

— Вотъ ужь это напрасно, возразилъ третій, въ формѣ генеральнаго штаба. Намъ теперь не переговариваться слѣдуетъ, а идти впередъ и впередъ.

— Позвольте узнать, замѣтилъ одинъ изъ строевыхъ генераловъ, съ кѣмъ и съ чѣмъ идти?

— Вотъ странный вопросъ! Какъ съ кѣмъ, съ войсками.

— А вы знаете, сколько у этихъ войскъ сухарей и патроновъ; вы провѣрили въ какомъ комплектѣ полки и батареи; вы имѣете свѣдѣнія сколько у насъ заболѣвшихъ и отсталыхъ?

— Это рѣшительно все равно: намъ нужно какъ можно скорѣе войти въ Константинополь, хотя бы съ одними знаменными рядами.

— Для того, чтобы тамъ ихъ и оставить вмѣстѣ съ знаменами, продолжалъ генералъ. Нѣтъ, извините: дайте войскамъ вздохнуть, оправиться, дайте отсталымъ присоединиться къ полкамъ, подвезти патроны и снаряды. Для этого нужна недѣля, много двѣ; тогда никто насъ не остановитъ и мы вступимъ въ Константинополь не съ одними знаменными рядами. Съ ними одними далеко не уйдете.

— А на что-же у насъ кавалерія? началъ было спорящій.

— Вѣдь это вѣрно, прервалъ его кто-то. Я вчера обгоняю одинъ изъ гвардейскихъ полковъ и указывая на остановившуюся на пригоркѣ для привала колону, спрашиваю знакомаго офицера, который это баталіонъ?

„Какъ баталіонъ, возразилъ онъ, тутъ весь полкъ“.

Въ это время генералъ Гурко вышелъ изъ залы гдѣ происходило совѣщаніе. Увидя меня онъ отошелъ въ сторону и тутъ же передалъ, чтобы я на другой же день выступалъ въ Демотику и занялъ бы желѣзнодорожный мостъ черезъ Марицу, у Кулелы-Бургаса (25 верстъ отъ Адріанополя къ югу). Я рѣшился просить его дать дивизіи дневку, такъ какъ сводные баталіоны еще не подошли, въ полкахъ нѣтъ ни одного сухаря и неизвѣстно найдемъ ли мы по пути тѣ же средства, которыя находили до сихъ поръ. Приведенные мною резоны склонили начальника отряда оставить дивизію на 15-е января

Адріанополѣ и снабдить ее дня на три галет
къ запасовъ. На слѣдующій день, рано утро
дполковника Сосновскаго въ штабъ, узнать
ники могутъ принять обѣщанное. Между тѣм
въыскивающій сводные баталіоны хорунжій
доложилъ, что нашелъ маіора Федотова съ ег
обиравшимися къ Мустафѣ горами праваго б
, разливами горныхъ рѣчекъ баталіоны не м
оссе у Германлы. Зная, что неизвѣстность о
ла генерала Гурко, я поспѣшилъ доложить
айдены и къ вечеру будутъ въ Адріанополѣ.
ома поѣхалъ въ Банакъ.

Когда я подымался по лѣстницѣ, Великій кн
, нея. Это была первая наша встрѣча посл
танавливаясь, Его высочество протянулъ мнѣ
ами: „Спасибо тебѣ за все". Наверху я нап
урко.

— Ну, генералъ, сказалъ онъ, извините, с
лось. Турецкій складъ галетъ Скобелевъ р
ашего прихода болгарамъ.

— Какъ же быть, ваше высокопревосходите
дѣлаемъ, если турки ничего не оставили въ Де

— Э! гдѣ люди, тамъ и хлѣбъ. Ужъ если
пройдете и дальше.

Къ счастію грекъ, нашъ хозяинъ, отлично
ику и ея окрестности, успокоилъ меня, увѣр
ожно закупить хлѣба у грековъ и болгаръ с
о край значительно заселенъ и сколько ему
ецкія войска не касались его.

Остальное время дневки проведено было на
и себя въ нѣкоторый порядокъ. Каждый спѣ
ваться адріанопольскими банями, купить кое
запастись съѣстнымъ. Казаки конвойной сот
дѣ-то два легенькихъ фургона и продали ихъ
чень кстати, потому что спины вьючныхъ л
али до того сбиты, что дальнѣйшее движені
было бы крайне затруднительно. При предсто
еніи никто изъ насъ не зналъ что будетъ дал
омся отъ Демотики, до которой было всего два

Главной квартирѣ говорили только, что кавалерія далеко впереди и будто англичане уже ввели свой флотъ въ Дарданеллы.

Въ ночь передъ наступленіемъ мы были разбужены, сначала отдаленными, а потомъ все ближе и ближе слышавшимися, выстрѣлами. Изъ окна обращеннаго на одинъ изъ расположенныхъ по возвышенности фортовъ, среди ночнаго мрака, было видно, какъ огоньки вспыхивали сначала у этого форта, потомъ постепенно приближались, а затѣмъ стали показываться и въ предмѣстьи. Невольно промелькнула мысль о ночномъ нападеніи. Приказавъ сѣдлать, я сталъ поспѣшно одѣваться и велѣлъ скорѣе послать отъ конвойной сотни развѣдчиковъ. Во всемъ домѣ поднялась тревога: одинъ за однимъ выскакивали изъ своихъ комнатъ полуодѣтые адьютанты и ординарцы. Между тѣмъ нашъ хозяинъ побѣжалъ на вышку бельведера, откуда вскорѣ возвратился съ извѣстіемъ, что въ городѣ горятъ большія казармы и что у нихъ въ обычаѣ извѣщать жителей о пожарѣ стрѣльбою. Впослѣдствіи оказалось, что въ казармы только что вступила бригада второй гвардейской дивизіи и что причиною пожара было неосторожное разведеніе костровъ.

16-го января, въ 8 часовъ утра, подъ сильнымъ дождемъ, лившемъ вторые сутки, мы выступили изъ Адріанополя. Нигдѣ не оставалось и слѣда снѣга, а на еще болѣе разлившейся Марицѣ не было видно ни одной льдинки. 10-й стрѣлковый баталіонъ, находившійся при дивизіи съ самой Ловчи, наканунѣ былъ взятъ отъ меня, но саперная рота оставлена. Недоходя до вокзала желѣзной дороги, насъ обогнали нѣсколько каретъ, довольно изящной и одинаковой отдѣлки. Окрашенныя въ темно-вишневый цвѣтъ, онѣ вмѣсто герба имѣли на дверцахъ нарисованныя цвѣтущія розы. Сбруя, одежда кучеровъ и ливреи прислуги, все было одинаково и съ иголочки. Это были загородные, придворные турецкіе экипажи, ѣхавшіе къ поѣзду, за пашами прибывшими для переговоровъ о перемиріи. Смотря на эти кареты думалось: гдѣ же то конечное раззореніе турціи, о которомъ такъ шумятъ и пишутъ уже многія годы? Тоже самое приходило на мысль и потомъ, когда я видѣлъ въ Санъ-Стефано залитыхъ въ золото гайдуковъ турецкихъ министровъ и повсемѣстное обращеніе турецкаго золота.

При поворотѣ съ шоссе, у дебаркадера, меня до того поразила чистота работы находившагося тамъ укрѣпленія, что

остановился на нѣсколько минутъ, чтобы осмотрѣть его. Всѣ ›катости и откосы, всѣ малѣйшіе детали представляли верхъ ›вершенства. У амбразуръ стояли совершенно новыя орудія ›льшаго калибра; ими-же было нагружено нѣсколько платормъ. Гласисъ форта можно было сравнить только съ газомъ самаго чопорнаго англійскаго парка.

Лившій два дня дождь превратилъ всѣ поля и дороги въ ›лото. Даже на значительной возвышенности трудно было выэать мѣсто для привала. Уже подъ вечеръ мы добрались до ›ревни Емюрли, гдѣ предстояло ночевать. Въ ней было всего 7 дворовъ, на половину грековъ и армянъ, на половину туэкъ. Мнѣ съ адъютантами выбрали помѣщеніе у очень молого и красиваго армянина, удобопонятно говорившаго по ранцузки. Едва я успѣлъ войти въ комнату, какъ мнѣ доложили, что нѣсколько турокъ, собравшись во дворѣ, просятъ ›ня принять ихъ. Это были депутаты изъ окрестныхъ селей, явившіеся съ жалобою, что христіане, пользуясь прихомъ русскихъ, отбиваютъ у нихъ табуны и стада. Сбѣжавіеся греки и армяне оспаривали жалобу, заявляя, что лошади скотъ принадлежатъ имъ, что турки его отняли, а потому ни теперь только берутъ свое обратно. Адъютанту Байкову, › разъ производившему допросы плѣнныхъ, я поручилъ разобрать въ чемъ дѣло. Выйдя къ жаловавшимся вмѣстѣ съ хозяиномъ и моимъ переводчикомъ, Байковъ выбралъ одного зъ грековъ и отведя его въ сторону спросилъ: какъ турки тбивали у нихъ стада, въ разное время, или сразу?

— Налетѣли сразу и все ограбили.

— А когда это было, теперь, или давно, спрашиваетъ айковъ.

— Давно; лѣтомъ ужь годъ было.

— И съ тѣхъ поръ больше не грабили?

— Всегда грабили, каждый день; постоянно, до самаго ›шего прихода.

— Какъ-же ты только что сказалъ, что они все сразу грабили?

Грекъ какъ будто замялся, но тотчасъ поправился.

— Да, скотъ взяли сразу, а все другое грабили постоянно.

Прочіе показывали почти тоже самое, но сбивались во времени, говоря, будто турки стали забирать скотъ только двѣ

недѣли назадъ, узнавъ о приближеніи русскихъ, а до того жили съ христіанами дружно. Изъ этого было ясно, что стада принадлежатъ туркамъ. Когда Байковъ доложилъ о результатѣ допроса, я вышелъ къ спорящимъ и громогласно объявилъ, что признавая скотъ турецкимъ, приказываю возвратить его. Турки остолбенѣли отъ удивленія; греки принялись кричать, крестились, укоризненно качали головами.

— C'est bon, mais ce n'est pas à la turque, замѣтилъ стоявшій позади меня хозяинъ.

— Вы находите что я рѣшилъ неправильно, спросилъ я его.

— О, я не говорю этого; я только сказалъ, что не по турецки.

— Какъ-же, по вашему мнѣнію, на моемъ мѣстѣ рѣшили-бы турки?

— Очень просто: скотъ спорный; одни говорятъ нашъ,—и другіе говорятъ нашъ; ну, и конфисковать его, чтобы ни тѣмъ, ни другимъ не было обидно.

Утро 17-го января порадовало насъ яснымъ, совершенно весеннимъ днемъ. Возвратившіеся разъѣзды донесли, что нигдѣ нѣтъ и слуховъ о непріятелѣ. Дѣйствительно турки точно исчезли съ лица земли и трудно было понять куда разбрелась разбитая Сулеймановская армія. Мы шли уже совершенно спокойно, обыкновеннымъ походнымъ порядкомъ и къ полудню подходили къ Демотикѣ, чрезвычайно красиво раскинутой по склонамъ горы, на скалистой вершинѣ которой красовались величественныя развалины древней Византійской крѣпости. Довольно чистый, уже оживившійся городокъ былъ занятъ баталіономъ 30-й дивизіи и дивизіономъ гвардейскихъ драгунъ. Первый на другой же день выступилъ на присоединеніе къ своему полку; драгуны же остались въ моемъ распоряженіи и вмѣстѣ съ прибывшимъ потомъ эскадрономъ конно-гренадеръ и 24-мъ казачьимъ полкомъ, составили импровизированный кавалерійскій авангардъ дивизіи.

Преимущественно греческое населеніе города встрѣтило насъ весьма сочувственно. Сряду по вступленіи, ко мнѣ явились члены уже образовавшагося городскаго управленія: греческій митрополитъ, его помощникъ архимандритъ Герасимъ, старшій мулла и городской докторъ. Изъ перваго съ ними объясненія оказалось, что городомъ приняты энергическія мѣры

ь снабженію войскъ всѣмъ необходимымъ, что турки оставили въ мѣстныхъ казармахъ нѣсколько сотъ пудовъ галетъ запасы разныхъ продуктовъ, что по распоряженію городскаго овѣта конфисковано много скота, принадлежащаго эмигрировавшему населенію и что въ раіонѣ 50 верстъ отъ города находятся склады десятиннаго сбора турецкаго правительства.

Благодаря отцу Герасиму полки были немедленно и въ изобиліи снабжены фуражемъ, хлѣбомъ и мясомъ; подъ лазаретъ звели прекрасное зданіе греческой семинаріи; всѣ офицеры азмѣщены по удобнымъ и чистымъ квартирамъ.

На другой-же день по вступленіи въ Демотику, я назначилъ дивизіи церковный парадъ, у монастыря, расположеннаго а горѣ тѣсно заселеннаго греческаго квартала. Изъ ограды, а встрѣчу войскамъ вышелъ съ крестнымъ ходомъ митрополитъ, окруженный нѣсколькими монахами и священниками. казанное имъ по гречески привѣтствіе было тутъ-же переано мнѣ, самымъ чистымъ русскимъ языкомъ, архимандриомъ Герасимомъ. Оказалось, что большую часть своей молоости онъ провелъ въ Россіи, учился въ Кіевѣ, 10 лѣтъ служилъ дьякономъ греческаго подворья въ Москвѣ, а потомъ олго—священникомъ въ Тифлисѣ. Хотя собственный монастырь тца Герасима находился въ 40 верстахъ отъ Демотики, но нъ былъ вызванъ въ нее митрополитомъ, именно для пріема усскихъ.

Церковная служба въ православномъ храмѣ доставила всѣмъ амъ особенную отраду. Ее, по личной моей просьбѣ, архиандритъ совершалъ на славянскомъ языкѣ, вмѣстѣ съ полкоыми священниками и пѣвчими. Подобнаго служенія мы не лыхали болѣе полугода. Послѣ молебна я, съ чинами штаба, тдалъ визитъ митрополиту, который принялъ насъ по восточому: усадилъ на диваны, угощалъ кофеемъ, сластями и пагиросами. Выйдя отъ него, мы долго не могли уйти съ монастырской террасы, до того восхитителенъ былъ видъ съ нея а долину Марицы, съ вьющеюся по ея правому берегу желѣзною дорогою.

Архимандритъ Герасимъ очень часто навѣщалъ меня и много азсказывалъ о мѣстномъ краѣ. По его словамъ Демотика потому збѣгла разворенія, что турки не впускали въ нее черкесовъ, оторые, въ сущности, плохіе мусульмане. „Они фанатики,—

говорилъ Герасимъ,—только въ отношеніи грабежа, составляющаго ихъ символъ и вѣру, и въ ихъ глазахъ мечеть—не святыня". За недѣлю до нашего вступленія всѣ власти и зажиточные мусульмане покинули Демотику. Старшій мулла уговорилъ остальныхъ остаться и первый показалъ примѣръ подчиненія христіанской общинѣ города. Благодаря вліянію духовенства, ни болгары, ни греки не посягнули ни на одного турка.

— Да, роли перемѣнились,—говорилъ архимандритъ,—турки смирились, но чего имъ стоитъ, и что будетъ стоить намъ это смиреніе? Оно куплено цѣною унпженія отоманскаго самолюбія и гордости передъ гяурами. Повѣрьте, что турки въ душѣ глубоко оскорблены этимъ и горе намъ, если они возвратятся сюда господами.

При отправленіи изъ Адріанополя, главною для меня цѣлью было указано исправленіе и охраненіе огромнаго желѣзнодорожнаго моста черезъ Марицу, у Кулелы—Бургаса, въ 12 верстахъ отъ Демотики, гдѣ отдѣляется вѣтвь желѣзной дороги къ Эгейскому морю, до новаго порта Дадеагача. Для исполненія этого я отправилъ полковника графа Комаровскаго съ его полкомъ, сначала въ Кулелы, а потомъ, по исправленіи мостоваго полотна, предписалъ ему оставить двѣ роты и саперъ на этомъ берегу, а съ остальными перейти на другую сторону рѣки, въ Узунъ-Кепри. Порча моста произошла отъ излишней ретивости корнета Миллера, посланнаго съ кавалерійскимъ разъѣздомъ изъ Адріанополя, сряду по его занятіи.

Опасаясь появленія турокъ изъ за Марицы, Миллеръ распорядился взорвать мостъ, но къ счастью зарядъ динамита оказался слабымъ и испортилъ только нѣсколько шпалъ и рельсовъ. И безъ этой порчи желѣзно-дорожные мосты Турціи, не имѣя настилки и подшивки подъ шпалами, не дозволяютъ проходить по нимъ иначе, какъ въ вагонахъ. Испорченная часть была поправлена въ одни сутки, но устройство мостковъ по стороронамъ пути, для пѣхоты и провода лошадей, потребовало недѣлю, потому что длина мостовъ, раздѣленныхъ островами, доходила до версты, а матеріаловъ въ Кулелахъ не было никакихъ. Потомъ нашлась возможность купить ихъ въ Демотикѣ, но доставка досокъ за 12 верстъ, по неимѣніи подвижнаго состава, представляла значительныя затрудненія.

Независимо отъ распоряженій по исправленію мостовъ, необходимо было принять мѣры къ возможно большему освѣщенію мѣстности. Возвратившійся изъ поисковъ къ западу, эскадронъ конно-гренадеръ, доставилъ свѣденія, что въ пройденномъ имъ на 50 верстъ пространствѣ, все спокойно. Хотя такія-же свѣдѣнія были получены и отъ занявшаго Ферре (30 верстъ южнѣе Демотика) полковника Лейбъ-драгунскаго полка Дубовскаго, но я счелъ необходимымъ предписать командиру 24-го казачьяго полка Кузнецову двинуться съ 3-мя сотнями къ Ферре, а оттуда, вмѣстѣ съ Дубовскимъ, идти къ Дадеагачу и буде окажется возможнымъ, взять его, такъ какъ по словамъ отца Герасима, тамъ находились большіе склады и туда-же могла собираться разбитая Сулеймановская армія, для посадки на суда.

Въ тотъ же день, вечеромъ, я получилъ отъ помощника начальника штаба западнаго отряда, полковника Сухотина, записку слѣдующаго содержанія: „Начальникъ отряда, генералъ-адъютантъ Гурко приказалъ: до особаго распоряженія никакимъ разъѣздамъ и частямъ войскъ не переходить линіи Урша-Шаркіой, въ направленіи къ Галиполи. Вмѣстѣ съ симъ присовокупляю: 1) есть слухи, что къ конечному пункту желѣзной дороги собираются остатки арміи Сулейманъ-паши. 2) Что начальникъ отряда ожидаетъ донесеній о томъ, какъ вы прибыли въ Демотику, что находится направо и налѣво отъ васъ и что впереди. 3) Что было-бы необходимо направить усиленную казачью развѣдку до моря, для собранія свѣдѣній о непріятелѣ".

Изъ содержанія приведенной записки, читатели вѣроятно замѣтятъ, что втеченіи всей компаніи меня преслѣдовала какая-то странность, получать приказаніе дѣлать то, что уже сдѣлано и доносить о томъ, о чемъ уже донесено. Бывшее въ этомъ родѣ, при командованіи Траянскимъ отрядомъ, случилось и въ Демотикѣ. Тотъ, кто будетъ когда-либо разбирать дѣйствія моихъ отрядовъ только по документамъ штабовъ, придетъ къ заключенію, что я былъ чуждъ всякой инціативы и дѣлалъ только то, что мнѣ указывали. Въ сущности-же происходило обратное, то есть, указывали на то, что было уже предпринято и исполнено. Такъ происходило при движеніи отъ

Корнари и Карлова къ Филиппополю и Чирпану, такъ повторилось и теперь.

Отправка драгунскаго дивизіона и 3-хъ сотень къ морю оказалась вполнѣ своевременною. 20-го января вечеромъ прибылъ въ Демотику, съ экстреннымъ поѣздомъ изъ 3-хъ вагоновъ, инженеръ Ивановъ, завѣдывавшій занятыми нами участками желѣзной дороги. Когда онъ заявилъ мнѣ, что намѣренъ попробовать проѣхать къ Дадегачу, куда турки свезли весь свой подвижной составъ, въ которомъ мы сильно нуждались, то я предложилъ ему взять съ собою роту стрѣлковъ. Въ то время когда она, на слѣдующее утро, тихо подъѣзжала къ Дадеагачу, по шоссе подходилъ къ нему-же Кузнецовъ и драгуны. Стрѣлки за версту вышли изъ вагоновъ и быстро заняли сараи и зданіе дебаркадера. Въ тотъ-же день вечеромъ Ивановъ телеграфировалъ мнѣ: „Мы взяли пять машинъ и 170 вагоновъ. Турки бѣжали отъ насъ на пароходы. Сію минуту посылаю поѣздъ въ Демотику. Прошу прислать баталіонъ. Здѣсь громадные запасы".

Въ прибывшихъ ночью вагонахъ, второй баталіонъ Староингерманландскаго полка отправился въ Дадеагачъ и занялъ его. Въ это время турецкіе солдаты еще спѣшно отплывали въ лодкахъ на пароходы; комендантъ и всѣ служащіе дѣлали то-же самое. Такимъ образомъ Дадеагачъ достался намъ безъ выстрѣла. Находившіеся въ немъ консулы подняли свои флаги, а австрійскій и англійскій даже попробовали протестовать противъ занятія нами порта, увѣряя, что уже заключено перемиріе. Полковникъ Кузнецовъ твердо заявилъ имъ, что дѣйствуетъ по приказанію своего начальства, что о перемиріи намъ неизвѣстно и что онъ никого не допуститъ вмѣшиваться въ свои распоряженія.

По полученіи донесенія о занятіи Дадеагача, я писалъ Кузнецову, чтобы онъ собралъ свѣдѣнія о положеніи дѣлъ по прибрежью Эгейскаго моря и о сообщеніи между Дадеагачемъ и Эносомъ. Они отдѣлялись другъ отъ друга дельтою Марицы, въ 22 версты шириною. Оба эти города имѣли тогда для насъ особое значеніе: въ нихъ находились громадные склады и множество купеческихъ конторъ. Оказалось, что единственнымъ средствомъ пробраться въ Эносъ было отправиться туда моремъ и за неимѣніемъ парохода, на лодкѣ. На это

азвались: старшина Тарасовъ, корнетъ Миллеръ и два кавчьихъ офицера съ 20-ю казаками. Они застали Эносъ въ ольшой тревогѣ: Каймакамъ немедленно скрылся, купцы заирали конторы, телеграфисты спѣшили отправлять во всѣ онцы депеши о прибытіи русскихъ; одни суда торопились ходить изъ порта, другіе—кончать нагрузку. Иностранные онсулы, по преимуществу мѣстные торговцы изъ грековъ, е замедлили заявить, что все находящееся на судахъ и въ кладахъ, ихъ собственность. Несмотря на это Тарасовъ спѣлъ переписать всѣ неотошедшія суда, объявилъ консуамъ и старшинамъ города, что они отвѣтятъ за всякое присвоеніе, или растрату турецкихъ правительственныхъ запаовъ и воспретилъ, впредь до распоряженія русскихъ влатей, выпускъ кораблей изъ порта. Пробывъ часовъ 8 въ носѣ, наши возвратились въ Дадеагачъ.

Изъ этого факта можно заключить въ какомъ состояніи нахоились турки въ описываемое время. Въ городъ, имѣющій до 12 ысячъ жителей, являются 4 офицера съ 20 казаками, распоряаются тамъ какъ дома, описываютъ что имъ нужно, отдаютъ риказанія, которыя и исполняются.

Распоряженіе, чтобы наши разъѣзды не переходили на алипольскій полуостровъ указывало на скорое заключеніе еремирія и въ то-же время наводило на мысль, что вмѣшательтво Англіи вѣроятно осуществилось. Между греками уже ходилъ слухъ о проходѣ англійскихъ броненосцевъ черезъ Дарданеллы. Между тѣмъ занять Галлиполи не представляло огда ни малѣйшаго труда и турки сдали-бы его, со всѣми еприступными батареями, безъ выстрѣла, какъ сдали Адріаноюль, потому что въ то время тамъ находилось не болѣе 10 ысячъ изнуреннаго и оборваннаго сброда, объятыхъ паникой і деморализованныхъ остатковъ Сулеймановской арміи, успѣвпихъ прибыть на судахъ изъ Гумарджина и Дадеагача.

Великолѣпные ясные, почти весенніе дни дѣлали стонку въ Демотикѣ пріятнымъ отдыхомъ. Послѣ перенесенныхъ тяжелыхъ трудовъ, послѣ лишеній, испытанныхъ на ершинахъ Балканъ, послѣ форсированныхъ маршей отъ раяна до Егейскаго моря, этотъ отдыхъ былъ крайне небходимъ. Но, ни мнѣ, ни лицамъ моего штаба, не приходиось пользоваться имъ вполнѣ. Умиротвореніе окрестнаго ту-

рецкаго населенія, устройство порядка въ занятомъ краѣ, охрана конфискованныхъ запасовъ, все это требовало не мало заботъ; но все-таки, между дѣломъ, удавалось предпринимать прогулки въ окрестности и особенно на гору, къ византійскимъ развалинамъ. Оттуда открывался дивный видъ, верстъ на 20 по долинѣ Марицы и на снѣжныя вершины Родопскихъ горъ. Въ одну изъ подобныхъ прогулокъ мы были удивлены услыша, хотя и отдаленные, но сильные залпы тяжелыхъ орудій. Потомъ оказалось, что въ этотъ день англичане ввели свои мониторы въ Дарданеллы и, ради заявленія объ этомъ, производили морскія эволюціи съ пальбою.

Между тѣмъ примѣненіе моста черезъ Марицу у Кулелъ, къ проходу войскъ, шло очень медленно. Доставка купленнаго въ Демотикѣ матеріала для настилки была главнымъ затрудненіемъ, такъ какъ подъемныя лошади полковъ оставались за Балканами, а получить платформы для перевозки досокъ по рельсамъ не было возможности. На всѣ мои депеши объ этомъ полевой штабъ отвѣчалъ, что подвижной составъ занятъ. Такимъ образомъ дивизія, взявъ сама 5 локомотивовъ и 170 вагоновъ, не могла получить хотя бы десятка ихъ.

Два раза я ѣздилъ въ Кулелы на дрезинѣ, для осмотра работъ и ихъ ускоренія и на всякій случай приказалъ искать возможности къ переправѣ войскъ гдѣ нибудь ниже Демотики. Всѣмъ начальникамъ кавалерійскихъ партій, посланныхъ къ югу, было предписано еще разъ тщательно рекогносцировать берега Марицы, но всѣ они доносили, что вслѣдствіе сильнаго разлива, до самаго устья переправы нигдѣ устроить невозможно. Тогда я запросилъ полковника Дубовскаго, находившагося съ гвардейскими драгунами въ Дадеагачѣ, нельзя-ли перевести войска въ Эносъ, что, въ случаѣ приказанія занять этотъ городъ, избавило-бы ихъ отъ кружнаго пути верстъ въ 90, черезъ Узунъ-Кепри и Кешанъ. Дубовскій отвѣчалъ мнѣ слѣдующею телеграммою: „По собраннымъ свѣдѣніямъ, переправа черезъ Марицу въ Ферре невозможна Изъ Дадеагача легко перевезти какъ пѣхоту, такъ и артиллерію. Суда, находящіяся въ портѣ, могутъ вмѣщать по 200 человѣкъ, или по два орудія. Для кавалеріи переправа опасна, потому что борта судовъ весьма низки. Переѣздъ въ 22 версты, при бла-

пріятномъ вѣтрѣ—2 часа. Можно достать отъ 30 до 40 су-
овъ по 20 франковъ [1]).

Въ концѣ января вражда между христіанами и турками азгорѣлась до такой степени, что надо было принять ѣры къ ея прекращенію. Ежедневно приходили депутаціи ь заявленіями, что, или христіане грабятъ и угоняютъ отъ, или турки собираются въ банды и нападаютъ на ла и церкви. Съ другой стороны архимандритъ Герасимъ общалъ, что хотя къ нему и являются посланцы съ мольбою помощи, но что въ нѣкоторыхъ приходахъ сами священики-греки разжигаютъ племенную вражду и съ кафедры провѣдуютъ объ отомщеніи туркамъ за страданія христіанъ, воря, что само небо, пославшее русскихъ, повелѣваетъ безощадное мщеніе. Одинъ изъ такихъ проповѣдниковъ, полувъ выговоръ митрополита, провозгласилъ его въ церкви мѣнникомъ, другомъ турокъ и ослушался приказанія явиться митрополію. Чтобы остановить распространеніе фанатичеой пропаганды, пришлось арестовать этого священника. Въ мой Демотикѣ, народъ потребовалъ суда надъ нѣсколькими рками, содержавшимися въ тюрьмѣ за убійства. По мѣстмъ законамъ виновные подлежали смертной казни. Я потревалъ къ себѣ старшаго муллу, приказалъ ему составить, изъ четныхъ мусульманъ города совѣтъ и представить мнѣ его ѣшеніе. Въ тотъ же день мулла принесъ смертный пригоръ, который, вмѣстѣ съ закованными преступниками, былъ ною отправленъ на конфирмацію, адріанопольскому генералъбернатору Свѣчину.

Слухи о возстаніи турокъ къ западу отъ Демотики усилились до того, что въ штабъ являлись люди, увѣрявшіе, будто ми видѣли тысячныя скопища башибузуковъ. Это заставило слать, верстъ за 50 къ западу, сотню маіора Грошева, а по угой дорогѣ — 2 роты, при капитанѣ Глѣбъ-Кошанскомъ. мъ было предписано: разгонять и обезоруживать скопища,

---

[1]) Кстати замѣчу, что вся наша корреспонденція по телеграфамъ редавалась порусски, но французскими буквами. Для примѣра прижу начало телеграммы Дубовскаго: „Po sobrannim svedeniam pereprava Feré nevosmojna. Is Dadeagatha legko perevesti kak pehotou tak i tileriou". и т. д.

дѣлать по турецкимъ деревнямъ обыски, уничтожать найденное оружіе; въ виду же заключеннаго перемирія, стараться достигать цѣли безъ пролитія крови, но при сопротивленіи водворять порядокъ силою.

Въ какой мѣрѣ дѣйствія командированныхъ офицеровъ были благоразумны и цѣлесообразны, доказывается слѣдующимъ адресомъ, на греческомъ языкѣ, присланнымъ мнѣ жителями городка Ортакіоя. Привожу его въ переводѣ.

„Ваше превосходительство! мы весьма благодарны вамъ за попеченіе о христіанахъ. Вы благоволили отправить къ намъ маіора Грошева. Онъ быстро водворилъ порядокъ. Умоляемъ оказать и дальнѣйшее, назначивъ къ намъ Грошева въ постоянные правители нашего окружія, за что будемъ вѣчно благодарить васъ. Обращаемъ мольбы къ Всевышнему о благоденствіи вашемъ на многія лѣта. Ортакіой 26 января 1878 года. Игнатій митрополитъ Ортакіойскій и 14 подписей [1]).

По отправленіи Новоингерманландскаго полка въ Узунъ-Кепри, я очень тревожился чѣмъ онъ будетъ тамъ довольствоваться, но первая же депеша полковаго командира успокоила меня. Онъ доносилъ: „У меня есть хлѣбъ, мука и мясо; не присылайте ихъ изъ Демотики. Галеты сберегаю для марша. Капитанъ Олесовъ съ двумя ротами оставленъ въ Кулелахъ и снабженъ всѣмъ".

22-го января прибылъ въ Демотику отъ генерала Гурко

---

[1]) Не менѣе замѣчателенъ и другой адресъ, поданный отъ окружія, въ которомъ водворялъ спокойствіе капитанъ Глѣбъ-Кошанскій. Привожу его въ подлинникѣ.

„Вашему превосходительству, покорніи рабы отъ села Казалджи. Понеже были есма толика лѣта рабы турски, а нынѣ освободили есте насъ, то премного радуемся благодарящи, яко подалъ еси вамъ и Господь силу и ваша благодаримъ, яко избавили есте насъ отъ руки супостатовъ. А нынѣ турци насъ устрашаютъ глаголюще къ намъ: ако вашъ день есте, а подиръ мало времени будетъ нашъ; й найцемъ бити васъ съ пушками тамо и тамо. А ми въ сердцахъ ваша! Боимся да не бы отошла сила русска на зады й оставитъ насъ въ рукахъ супостатъ нашихъ турскихъ й погублени будемъ. Молимъ ты ся: не остави насъ въ отчаяніе. И да подастъ Господь многи лѣта благочестивому Государю нашему Александру, всей Россіи й вамъ. Аминь! Дидимотике граде и подписи жительскія: Харитонъ Анастасовъ, Василій Айдоновъ; Дима Лавреновъ—вси селяне отъ села Кали и вси селяне отъ села Шарылы: Константинъ Фучиджи и Христо и прочіи и вси!"

нарочный офицеръ съ извѣстіемъ о перемиріи и привезъ его условія.

На основаніи этихъ условій всѣ прибрежья Эгейскаго и Мраморнаго морей, отъ Дадеагача до Санъ-Стефано, должны быть очищены турками. Мнѣ приказано было занять ихъ, для чего, вмѣсто отзываемыхъ къ своимъ полкамъ гвардейскихъ эскадроновъ, къ дивизіи снова придали Екатеринославскій драгунскій и 24 казачій полки. О саперной ротѣ не было упомянуто, а потому она осталась при дивизіи.

Какъ только прошелъ слухъ о перемиріи, ко мнѣ явились три какіе-то господина, назвавшіе себя агентами компаніи желѣзныхъ дорогъ въ Турціи. Одинъ изъ нихъ, бойкій французъ, не приминулъ ввернуть, что бывалъ въ Царскомъ Селѣ и Петергофѣ, знакомъ съ Дюссо и Борелемъ; онъ заявилъ мнѣ, что они уполномочены компаніею просить, чтобы всѣ турецкіе запасы, взятые для войскъ и еще неизрасходованные, были сданы, а въ израсходованныхъ полки выдали бы имъ квитанціи. Столь странное требованіе словоохотливый французъ оправдывалъ тѣмъ, что турецкое правительство, еще до прихода нашихъ войскъ въ Румелію, то есть ранѣе 1 января, продало ихъ компаніи всѣ запасы, въ счетъ уплаты за перевозку войскъ и эмигрировавшаго населенія. Нахальство явившихся простиралось до того, что они настаивали, чтобы мы повсемѣстно охраняли, принадлежащее компаніи имущество. Когда я потребовалъ документальныхъ доказательствъ, то уполномоченный могъ показать только депешу своего правленія. Вмѣсто всякаго удовлетворенія, я отправилъ этихъ господъ, заявлять свои претензіи начальнику полеваго штаба, въ Андріанополь.

Въ виду предстоящаго движенія за Марицу, всю бывшую при дивизіи артиллерію я отправилъ въ Кулелы, къ Олесову, которому предписалъ задержать изъ приходящихъ поѣздовъ хотя двѣ платформы, для перевозки исподволь орудій за мостъ. Къ задержанію платформъ, хотя бы силою, приходиприбѣгнуть поневолѣ, потому что не было возможности добиться отъ кого требовать подвижной составъ для нуждъ дивизіи. На подобные съ моей стороны вопросы изъ отряднаго штаба не отвѣчали, а инженеръ Ивановъ ссылался, что ничего не можетъ сдѣлать безъ начальника инженеровъ, сноситься съ

которымъ, прямо не по командѣ, я не считалъ себя въ правѣ.

Прежде чѣмъ говорить о переходѣ на новое расквартированіе по берегу моря, обращусь къ положенію частей дивизіи, оставленныхъ за Балканами.

Чѣмъ далѣе полки отходили къ югу, тѣмъ болѣе удалялись отъ своихъ обозовъ и хозяйственныхъ управленій. Завѣдующіе хозяйствомъ, казначеи, квартермистры и дѣлопроизводители; канцеляріи, лазареты, мастеровые, — все это осталось далеко сзади, частью за Марицей въ Карловѣ, частью въ Орханіи и Ловчѣ. Со 2 января я не имѣлъ оттуда никакихъ извѣстій, а два офицера посланные нарочно въ тылъ, разъискать обозы, еще не возвращались.

Впослѣдствіи, запоздалыя донесенія изъ Карлова и Сельви указывали, что обозы 2-й бригады наконецъ прибыли въ Карлово, что изъ числа больныхъ и отсталыхъ многіе возвратились въ строй, что турецкіе склады сохранены и мѣстныя полиціи устроены.

Если бы всѣ обозы арміи не были направлены черезъ одинъ Шипкинскій перевалъ, то все принадлежащее дивизіи и оставшееся въ тылу ея, гораздо скорѣе присоединилось бы къ полкамъ, черезъ Плевну, Орханію и Филиппополь, по безпрерывному шоссе; теперь же нельзя было и предвидѣть когда это случится. Между тѣмъ я нѣсколько разъ получалъ подтвержденія о скорѣйшемъ присоединеніи батарей, точно направленіе ихъ отъ меня зависѣло, а командовавшій бригадою полковникъ Золотухинъ—даже выговоры за то, что батареи находившіяся съ октября мѣсяца въ Западномъ отрядѣ, такъ долго не присоединены къ дивизіи, тогда какъ Золотухинъ даже не зналъ гдѣ онѣ. Дабы читатели не удивлялись подобной безъизвѣстности начальниковъ о своихъ частяхъ, нужно сказать, что сколько разъ я не посылалъ черезъ полевой штабъ, для передачи въ тылъ конвертовъ и депешъ—ничто не доходило по назначенію. Уже болѣе мѣсяца мы не имѣли ни одной вѣсточки изъ Россіи. Всѣ свѣдѣнія, о происходившемъ внѣ раіона дивизіи, ограничивались тѣмъ, что разсказывали ѣздившіе въ Адріанополь.

Продовольствіе дивизіи во время предстоящаго движенія къ морю, въ томъ предположеніи, что турки имѣли время отвсюду вывезти свои запасы, очень озабочивало меня. Трудно было

думать, чтобы и въ этотъ разъ счастье продолжало благопріятствовать намъ. Между тѣмъ ни объ интенданствѣ, ни о товариществѣ продовольствія не было даже и слуха; наконецъ если и было бы у кого купить муку или зерно, то полки не имѣли денегъ, такъ какъ казначеи и денежные ящики остались за Балканами, а всѣ суммы взятыя изъ Ловчи, были издержаны. Все это вмѣстѣ заставило меня обратиться къ генералу Непокойчицкому съ слѣдующимъ письмомъ:

„Ввѣренная мнѣ дивизія, съ самаго перехода въ августѣ мѣсяцѣ черезъ Дунай, находилась и нынѣ находится въ исключительномъ и крайне невыгодномъ положеніи для ея управленія. Четыре мѣсяца она была разбросана по разнымъ отрядамъ и до сихъ поръ еще не вполнѣ соединилась, потому что 2-я бригада вынуждена была оставить бо̀льшую часть своихъ людей, за слабостію силъ, для поправки въ Карловѣ, а полковые штабы со всѣми обозами остались въ тылу. Непричисленная ни къ какому корпусу, дивизія не имѣетъ: ни своего почтоваго отдѣленія, ни казначейства, ни даже интенданта, оставшагося за болѣзнею въ Ловчѣ. Разлученная съ органами своихъ полковыхъ хозяйственныхъ управленій, дивизія третій мѣсяцъ не получаетъ содержанія, ротные командиры не имѣютъ денегъ, а офицеры терпятъ крайнюю нужду. Они перешли Балканы съ тѣмъ, что было на нихъ и уже 6 недѣль остаются въ такомъ положеніи, потому что ихъ одежда, бѣлье и обувь остались въ обозахъ. Чтобы сколько нибудь помочь имъ, я уже роздалъ въ роты 400 полуимперіаловъ изъ остававшейся у меня экстраординарной суммы Траянскаго отряда. Въ виду вышеизложеннаго, прошу васъ войти въ положеніе дивизіи и не оставить распоряженіемъ о слѣдующемъ: 1) о выдачѣ въ полки теперь же, заимообразно, по 3,000 рублей звонкою монетою; 2) о приказаніи немедленно пропустить обозы черезъ Шипку, куда уже посланы мною офицеры для ихъ встрѣчи и 3) о присылкѣ въ дивизію интенданта.

Обойтись безъ этихъ мѣръ я не вижу возможности, почему и прошу оказать къ исполненію ихъ ваше содѣйствіе. До сихъ поръ я дѣлалъ все, что отъ меня зависѣло, относительно продовольствія людей и съ 1-го октября велъ его самъ, не получая ничего отъ интендантства“.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ И ПОСЛѢДНЯЯ.

1878.

Новое расквартированіе.—Движеніе къ морю.—Встрѣча въ Узунъ-Кепри.—Въ Кешанѣ.—Занятіе позиціи передъ Галипольскимъ полуостровомъ.—Двѣнадцать дней въ Шаркіоѣ.—Переходъ до Родосто.—Турокъ говорящій по русски.—Жизнь въ Родосто.—Продовольственные курьезы—Сѣно изъ Марселя.—Томительная неизвѣстность.—Эпидемія.—Заключеніе мира.—Поѣздка въ С.-Стефано.—Просьба объ отпускѣ.—Отъѣздъ изъ арміи въ Россію.

По новому квартирному росписанію, части дивизіи должны были разположиться по прибрежьямъ Эгейскаго и Мраморнаго морей, въ слѣдующемъ порядкѣ: при устьѣ Марицы, въ Эносѣ—сводные баталіоны 2-ой бригады и штабъ 24-го казачьяго полка, причемъ командиръ Псковскаго полка, полковникъ Зубатовъ, назначенъ мною начальникомъ города и его округа. Въ Уршѣ, у самаго начала перешейка, съ западной его стороны—Новоингерманландскій полкъ и съ восточной, въ Шаркіоѣ—Староингерманландскій пѣхотный и Екатеринославскій драгунскій полки, съ штабомъ дивизіи. Вдоль всей этой линіи, по берегу моря, черезъ каждые 5 верстъ, поставлены были казачьи посты.

Становясь ближе всѣхъ другихъ войскъ къ Галлиполи, полки считали новую свою стоянку весьма видную въ боевомъ отношеніи. Въ случаѣ возобновленія военныхъ дѣйствій, они разсчитывали первыми быть въ дѣлѣ и смотрѣли на это, какъ на особое къ нимъ довѣріе.

1-го февраля, одновременно двинулись къ морю: сводные баталіоны и Новоингерманландскій полкъ—изъ Узунъ-Кепри, Староингерманландскій и штабъ дивизіи—изъ Демотики. Съ этого же числа, благопріятная погода сразу измѣнилась въ невыносимую. При вступленіи штаба въ Узунъ-Кепри свирѣпствовала сильная снѣжная буря. Несмотря на это, жители города, съ духовенствомъ во главѣ, встрѣтили насъ за двѣ

версты, при началѣ длинной дамбы, устроенной на каменныхъ аркахъ, черезъ болотистый притокъ Марицы. Здѣсь пришлось, съ открытою головою, выслушивать длиннѣйшую рѣчь греческаго архіерея, пригласившаго насъ сряду по вступленіи въ церковь. Тамъ, послѣ молебствія, начались рѣчи на греческомъ и болгарскомъ языкахъ, а наконецъ выступилъ какой-то учитель и на самомъ ужасномъ французскомъ діалектѣ вздумалъ прославлять наши подвиги. Между прочимъ онъ выразился, что христіане ожидали нашего пришествія, какъ евреи ждали Мессію, но тѣ потомъ распяли своего Спасителя: „Мы же,— сказалъ ораторъ, не будемъ распинать васъ".

Не смотря на усталость длиннаго перехода, при бурной и холодной погодѣ, пришлось до поздняго вечера принимать членовъ городскаго совѣта и депутаціи отъ армянскаго, греческаго и болгарскаго обществъ. Пусть бы онѣ являлись всѣ разомъ, а то каждая приходила черезъ полчаса послѣ другой и считала обязанностью непремѣнно говорить рѣчь, или разсказывать длинныя исторіи о турецкихъ звѣрствахъ, тогда какъ дорога была всякая минута.

2-го февраля Староингерманландскій полкъ, съ драгунами, выступилъ далѣе, но втеченіи цѣлаго дня могъ пройти всего 20 верстъ, а орудія только 12. Глинистые подъемы и низменности между возвышеніями, до того растворились отъ дождей, что колеса вязли по ступицу, а лошади выбивались изъ силъ. Я съ штабомъ, съ конвойными ротою и сотнею, долженъ былъ на сутки остаться въ Узунъ-Кепри, такъ какъ туда прибыли завѣдующіе хозяйствомъ 2-й бригады, съ которыми я не видѣлся съ октября мѣсяца. Надо было узнать отъ нихъ о матеріальномъ положеніи полковъ, выслушать словесные отчеты о расходахъ и остаткахъ всякаго рода. Я очень хорошо зналъ, что приходы по фуражу въ осенніе мѣсяцы и по мясному довольствію за январь и февраль должны быть громадны, а между тѣмъ, у одного изъ дававшихъ отчетъ достало духу сказать, что я обидѣлъ полки, предписавъ всѣ деньги, полученные на мясо за январь и февраль, показать къ зачету въ казну.

— Говорите это тому, кто не понимаетъ дѣла и самъ не командовалъ полкомъ, а не мнѣ—отвѣтилъ я этому господину, и благодарите судьбу, что, по военнымъ обстоятельствамъ, я

не могъ слѣдить за вашими приходами и расходами какъ слѣдуетъ. Вспомните, что полки получили даромъ по 100 воловъ, взятыхъ казаками по переходѣ Траяна.

3-го февраля, рано утромъ, мы тронулись къ Кешану. Дорога представляла едва проходимую топь, пересѣкаемую ручьями и канавами. Люди не шли, а брели; тѣ же, кто былъ верхомъ, ежеминутно рисковали, что конь завязнетъ, или провалится въ ямину. Пришлось посылать казаковъ впередъ, узнавать, гдѣ можно проѣхать. Сдѣлавъ сорокаверстный переходъ, мы вступили въ большое болгарское село Мальтепе, гдѣ нашли все въ изобиліи. Старикъ-хозяинъ, занятаго для меня дома, смотрѣлъ на насъ съ умиленіемъ и просилъ позволенія угостить казаковъ конвоя. Оказалось, что еще въ 1829 году онъ былъ проводникомъ русскаго отряда, занявшаго Чорлу. На слѣдующій день, въ ясное, хотя и холодное утро, мы пришли въ Кешанъ. На этомъ переходѣ былъ впервые встрѣченъ караванъ верблюдовъ, съ товарами изъ Родосто. Видъ незнакомыхъ животныхъ очень занималъ солдатъ.

Передніе эшелоны дивизіи уже прошли Кешанъ ранѣе. Сводные баталіоны отсюда свернули на Эносъ, а Новоингерманландскій полкъ прошелъ на свою стоянку въ Уршу, оставивъ въ Кешанѣ роту, и за коменданта—ея командира, капитана Гулевича. Встрѣчая меня онъ доложилъ, что турки мало вѣрятъ въ перемиріе, что въ городѣ находится станція международнаго телеграфа, имѣющая сообщеніе съ Константинополемъ и Вѣною, и что начальникъ станціи, турокъ, продолжаетъ получать депеши своего правительства. Когда я потребовалъ его къ себѣ, то онъ сказался больнымъ, и прислалъ своего помощника, француза, отъ котораго мы съ радостію узнали объ открытіи сообщенія съ Одессою. Пусть читатель представитъ себѣ нашъ восторгъ, когда на посланныя телеграммы мы получили на слѣдующее утро отъ нашихъ родныхъ отвѣты.

Несмотря на перемиріе, невозможно было оставить за турками права пользоваться безконтрольною передачею депешъ, въ мѣста расположенія нашей арміи. Поэтому я немедленно назначилъ начальникомъ станціи французскаго агента международнаго общества и предписалъ ему соблюдать слѣдующее: 1) не принимать отъ частныхъ лицъ депешъ касающихся расположенія, передвиженія и силы русскихъ войскъ, или распо-

ряженій русскаго правительства; 2) всѣ депеши турецкаго правительства, прежде передачи адресату, предъявлять коменданту; 3) телеграфистовъ изъ турокъ не имѣть при апаратахъ, исключая тѣхъ случаевъ, когда они будутъ необходимы для принятія депешъ на турецкомъ языкѣ.

Объявленіе этихъ мѣръ было причиною, что всѣ турецкіе чиновники немедленно просили дозволенія выѣхать въ Галлиполи, что я и разрѣшилъ имъ, съ выдачею пропускныхъ билетовъ чрезъ наши аванпосты.

Въ Кешанѣ явился ко мнѣ инженеръ—капитанъ Крюковъ, съ отзывомъ начальника инженеровъ арміи, въ которомъ было сказано, что офицеръ этотъ командируется для избранія и укрѣпленія позицій у начала Галлипольскаго полуострова, между Уршою и Шаркіоемъ, и что я долженъ дать ему рабочихъ и инструменты для устройства батарей. Ни изъ полеваго штаба, ни изъ штаба отряда объ этомъ не писали ни слова. Несмотря на это, составивъ соображеніе о нарядѣ рабочихъ и о сборѣ шанцоваго инструмента со всѣхъ частей дивизіи, прежде чѣмъ начать работы, я счелъ необходимымъ лично осмотрѣть позиціи у перешейка.

Утромъ, 6-го февраля, мы выступили изъ Кешана. Обогнавъ находившійся на привалѣ Староингерманландскій полкъ, я поспѣшилъ впередъ, чтобы пораньше пріѣхать въ Уршу и собрать скорѣе свѣдѣнія о томъ, что дѣлается въ Галлиполи. Къ этому побуждали и носившіеся въ Кешанѣ слухи, будто англичане уже высадились на полуостровѣ и заняли Болеаръ [1]).

По спускѣ съ Кешанской возвышенности, дорога шла сначала по болотистой низменности, а во второй половинѣ—по небольшому песчаному хребту, покрытому рѣдкимъ лѣсомъ. Подымаясь на этотъ послѣдній передъ моремъ перевалъ, произошелъ эпизодъ, вполнѣ характеризующій нашего солдата. Ѣду я впереди конвоя и вижу, что въ полуверстѣ бредетъ одиночный солдатикъ, по формѣ принадлежащій Великолуцкому полку моей дивизіи, а полкъ этотъ, уже два дня какъ свернулъ къ Эносу, совершенно въ другую сторону.

— Куда ты идешь, спрашиваю я.

---

[1]) Болеаръ—самая узкая часть перешейка, верстахъ въ 8-ми сѣвернѣе Галлиполи, покрытая сплошными укрѣпленіями.

— Въ полкъ, ваше Превосходительство, отвѣчаетъ сильно изнуренный, едва предвигающій ноги солдатикъ.

— А гдѣ твой полкъ?

— Не могу знать.

— Какъ-же ты идешь впередъ, не зная гдѣ полкъ?

— Да я видѣлъ, отвѣчалъ онъ, что идутъ все роты нашей дивизіи, вотъ я и бреду за ними. Силы-то во мнѣ нѣтъ, такъ я по маленьку, выхожу пораньше, чтобы не отстать до ночлега.

— Гдѣ-же ты отсталъ отъ полка и когда?

— Еще объ Рождествѣ; иду все одинъ отъ самаго Этрополя.

Мы были уже въ 350-ти верстахъ отъ Этрополя, а между тѣмъ этотъ полубольной, щедушный человѣкъ, не зная языка, не имѣя гроша денегъ, идетъ по непріятельской странѣ все впередъ и впередъ, только потому, что туда-же идетъ русская рать. Чѣмъ онъ питался полтора мѣсяца, какими шелъ дорогами, что его ожидало при потерѣ послѣднихъ силъ?—все это извѣстно одному Богу. И не пошелъ-же онъ назадъ, къ сторонѣ родины, по извѣстному и пройденному имъ пути, занятому своими, а идетъ впередъ, единственно для того, чтобы попасть въ свой полкъ и въ свою роту. Сколько въ этомъ фактѣ сознія долга и привязанности къ своей товарищеской семьѣ.

Приказавъ посадить бѣдняка на мою заводную лошадь и при случаѣ отправить въ его полкъ, черезъ нѣсколько минутъ я въѣхалъ на вершину хребта и передо мною, совершенно неожиданно, открылась дивная, поразительная картина: мы увидѣли Эгейское море! При яркомъ солнечномъ освѣщеніи, оно походило на безконечное зеркало, въ которомъ отражались южные склоны горъ. Влѣво горозонтъ окаймлялся Галлипольскимъ полуостровомъ, прямо лежалъ островъ Сорросъ, а вправо шло безбрежное пространство открытаго моря. На немъ виднѣлись два парохода и нѣсколько парусныхъ судовъ. Все это вмѣстѣ, послѣ странствій по скаламъ, трущобамъ и снѣгамъ, казалось какимъ-то очарованіемъ и манило къ себѣ.

Между моремъ и подножіемъ пройденныхъ нами возвышенностей была совершенно плоская, версты въ 4 шириною, песчаная равнина. На ней-то, противъ начала перешейка, среди сопокъ, лежалъ несчастный городишко Урша, жители котораго исключительно турки, ушли въ Галлиполи, забравъ съ собою скотъ и не оставивъ ни зерна, ни клочка сѣна

Сряду по прибытіи въ Уршу мнѣ доложили, что вопреки условій о перемиріи, чтобы между демаркаціонными линіями обѣихъ сторонъ была пятиверстная нейтральная полоса, турки, въ 3-хъ верстахъ отъ Урши, занимаютъ какую-то деревушку. Это обстоятельство и желаніе лично осмотрѣть мѣстность, на которой начальникъ инженеровъ предположилъ строить укрѣпленія, заставило меня, на слѣдующій день рано утромъ, вмѣстѣ съ присланнымъ отъ главной квартиры инженеромъ Крюковымъ, поѣхать къ занятой турками деревнѣ. Оказалось, что тамъ всего 2 роты, которыя по тревогѣ быстро выстроились, но не обнаруживали ни малѣйшей враждебности. Зная, что отъ ихъ пребыванія въ нашемъ сосѣдствѣ, ни имъ пользы, ни намъ вреда не будетъ, я оставилъ ихъ въ покоѣ. Осмотръ-же мѣстности ясно указалъ, что строить укрѣпленія передъ Уршою не было никакой надобности. Гораздо было-бы полезнѣе, построить таковыя на вершинахъ лежащихъ близь Кешана, такъ какъ онѣ менѣе приступны и командуютъ всѣми спускающимися къ морю склонами. Между тѣмъ террасы, расположенныя передъ Уршою ниже тѣхъ, которыя спускаются къ городу отъ перешейка и закрываютъ все, что южнѣе. Кромѣ того, какое значеніе могли-бы имѣть укрѣпленія близкія къ морю, безъ крѣпостныхъ орудій? Стоило непріятелю поставить два броненосца по сторонамъ перешейка и наши батареи, съ полевыми орудіями, оказались-бы безсильными. О всемъ этомъ я доносилъ и постройка укрѣпленій у перешейка осталась въ проэктѣ.

Вступленіе штаба дивизіи и Староингерманландскаго полка въ Шаркіой сопровождалось церемоніальною встрѣчею всего городскаго населенія, съ архіереемъ и депутаціею во главѣ. Здѣсь снова повторились рѣчи и пѣніе гимновъ, но въ большемъ размѣрѣ и съ прибавкою того, что народъ провожалъ насъ съ миртовыми вѣтвями въ рукахъ, а архіерей, какъ былъ въ облаченіи, такъ сѣлъ на коня и въѣхалъ въ Шаркіой рядомъ со мною. Кромѣ того, насъ поразилъ еще характеръ пѣнія молитвъ народомъ. Вся его масса тянула одну безконечную ноту, составляя этимъ аккомпаниментъ тѣхъ варіацій, которыя выдѣлывали нѣсколько священниковъ, гнусливыми голосами. Подобная манера скорѣе походила на еврейскіе кантаты, чѣмъ на церковное пѣніе христіанъ.

Въ Шаркіоѣ мы застали полнѣйшій хаосъ; въ немъ не существовало никакой власти, никакого управленія и порядка, а между тѣмъ въ городѣ было много купеческихъ конторъ, портовыхъ складовъ и все турецкое населеніе не эмигрировало. Пользуясь отсутствіемъ власти, греки разсчитывали присвоить себѣ казенные запасы турокъ. Стоило коменданту, по указанію кого-либо изъ жителей, наложить секвестръ на тотъ или другой правительственный складъ, какъ греки спѣшили заявлять претензію, что складъ этотъ уже купленъ ими. Надо было какъ можно скорѣе водворить порядокъ, для чего я немедленно учредилъ городской совѣтъ, которому приказалъ опредѣлить, что именно принадлежитъ частнымъ лицамъ, и что турецкому правительству. Въ составъ совѣта вошли: архіерей какъ предсѣдатель и шесть членовъ, изъ которыхъ два турка. Вмѣстѣ съ этимъ совѣту была дана мною инструкція, главными основаніями которой было:

1) Немедленно привести въ извѣстность всѣ казенные продовольственные запасы и сдать ихъ назначенному мною коменданту; 2) установить таксы на всѣ припасы и продукты и объявить ихъ; 3) учредить мѣстную полицію изъ жителей и раздѣлить городъ на участки; 4) всѣ подати и налоги, какъ денежные, такъ и натурою, когда-либо установленные турецкимъ правительствомъ, какъ его доходъ, отмѣняются. Таможенныя-же пошлины и налоги въ пользу города, оставаясь въ полной силѣ, расходуются на его нужды; 5) объявить, что торговля и всѣ мирныя занятія свободны; 6) всякое приказаніе старшаго русскаго начальника исполняется совѣтомъ немедленно и безпрекословно.

Принятыя мѣры вполнѣ обезпечили продовольствіе войскъ, а наступившая весенняя погода давала надежду, что стоянка въ Шаркіоѣ будетъ для всѣхъ пріятнымъ отдыхомъ, но не прошло и трехъ дней, какъ сформированный городской совѣтъ сталъ причинять мнѣ немало хлопотъ. Члены его начали ссориться между собою, пошли безпрерывные доносы; избранный начальникомъ таможни, по профессіи медикъ, былъ уличенъ во взяточничествѣ и въ наложеніи произвольныхъ поборовъ съ приходящихъ къ городу судовъ. Затѣмъ пошли всякаго рода кляузы и масса жалующихся осаждала мою квартиру. Дошло до того, что архіерей изъ сосѣдняго города, лич-

ность весьма симпатичная, явился ко мнѣ съ просьбою, воспретить Шаркіойскому архіерею вмѣшиваться въ дѣла его епархіи и подъ видомъ контрибуціи для русскихъ, собирать произвольныя подати и налоги. Досаднѣе всего было то, что всѣмъ подобнымъ продѣлкамъ греки давали видъ, будто онѣ дѣлаются по приказанію русскаго начальства.

Не менѣе хлопотъ и безпокойства причиняли мнѣ греческія интриги въ Эносѣ, къ которымъ скоро присоединилось вмѣшательство консуловъ, въ отношенія города къ войскамъ. Какъ члены городскаго управленія, и какъ купцы—эти господа рѣшали дѣла такъ, какъ имъ выгоднѣе по личнымъ ихъ разсчетамъ. Когда-же я требовалъ безпрекословнаго исполненія, то консулы отговаривались тѣмъ, что при военномъ положеніи страны, находящейся во власти иноземцевъ, они не знаютъ чѣмъ руководствоваться. Вслѣдствіи этого я писалъ начальнику полеваго штаба:

„Англійскій, германскій и греческій консулы въ Эносѣ обратились ко мнѣ съ вопросомъ: какими законами должны они руководствоваться, при исполненіи своихъ обязанностей—турецкими ли, основанными на обычаѣ и коранѣ, или общими международными? Я приказалъ объявить имъ, что, какъ члены городскаго совѣта, они обязаны безусловно исполнять требованія представителя русской военной власти, а въ прочихъ дѣлахъ, до которыхъ мы не касаемся, руководствоваться инструкціями своихъ правительствъ“.

Несмотря на это, нахальство германскаго консула дошло до того, что когда я предписалъ произвести аукціонную продажу, невывезенныхъ турками, втеченіи 10-ти дней по заключеніи перемирія, зерновыхъ запасовъ, не идущихъ на продовольствіе войскъ, то онъ заявилъ, что все находящееся въ турецкихъ магазинахъ,—неказенное, а купленное имъ у турокъ ранѣе перемирія. Запрашивать Галлипольскаго губернатора о справедливости подобнаго заявленія я считалъ совершенно напраснымъ, такъ какъ послѣдній, вѣроятно заранѣе вступилъ въ сдѣлку съ нѣмцемъ, и конечно отвѣтилъ-бы въ его пользу, а потому предписалъ старшему въ Эносѣ, полковнику Зубатову, не обращать вниманія на претензіи консуловъ и вырученную за продажу сумму дѣлить пополамъ, съ тѣмъ, чтобы одна половина шла на содержаніе города, а другая посту-

пила-бы въ экстраординарную сумму. Вѣроятно консулы жаловались на меня Галлипольскому губернатору Дебатъ-пашѣ, потому что онъ, письмомъ на мое имя, просилъ выпустить изъ Эноса всю нагруженную на иностранныя суда пшеницу, такъ какъ она, будто-бы, куплена турецкимъ правительствомъ еще до перехода русскихъ черезъ Балканы. Такимъ образомъ выходило, что консула покупаютъ запасы у турецкаго правительства, а оно покупаетъ ихъ у тѣхъ-же консуловъ.

Немало надоѣли въ Шаркіоѣ постоянныя приглашенія негоціантовъ на обѣды и завтраки, скучнѣе которыхъ трудно было что-либо вообразить. Отказываться отъ нихъ въ началѣ я считалъ неудобнымъ, потому что съ приглашеніемъ являлись сами хозяева, въ сопровожденіи архіерея и переводчика француза, но потомъ это до того надоѣло, что я сказывался больнымъ и запретилъ принимать приглашателей. На этихъ обѣдахъ я убѣдился, что кулинарное искусство грековъ находится въ плохомъ состояніи: курица съ рисомъ, баранина съ рисомъ, варенье съ рисомъ, во всевозможныхъ видахъ—вотъ и все. Единственное разнообразіе составляли устрицы, ловимыя здѣсь въ такомъ количествѣ, что ихъ продавали по франку за сотню.

Въ Шаркіоѣ, мы оставались всего 12 дней. На наши мѣста пришла 2-я гренадерская дивизія, мнѣ же приказано было перейти въ Родосто и поставить Новоингерманладскій полкъ въ Айнарджикѣ, а вторую бригаду въ Малгарѣ. Наканунѣ выступленія, отъ прибывшаго изъ-за Балканъ доктора Кунаховича я узналъ, что дивизіонный подвижной лазаретъ, вмѣстѣ съ обозами и тремя батареями остававшимися въ Ловчѣ, пришелъ въ Адріанополь, а возвратившійся изъ главной квартиры подполковникъ Сосновскій сообщилъ, что Великій князь и большая часть арміи находятся въ Санъ-Стефано. Послѣднее извѣстіе заставляло ежеминутно ждать другаго, болѣе радостнаго, именно, занятія Константинополя. Несомнѣнно, что подобная надежда раздѣлялась всѣми. Потомъ оказалось, что было даже сдѣлано распоряженіе о сформированіи, изъ частей гвардіи, особаго отряда, долженствовавшаго вступить въ столицу Турціи [1]).

[1]) Привожу въ подлинникѣ отзывъ начальника полеваго штаба къ командующему гвардейскимъ корпусомъ: „Увѣдомляю Ваше Сіятельство

Въ настоящее время, когда уже прошло 10 лѣтъ со времени нашей стоянки подъ стѣнами Царьграда, лица причастныя къ дипломатіи, никакъ не хотять понять, почему мы, военные, не можемъ забыть чувствъ оскорбленнаго самолюбія, которыя испытывали смотря на куполъ Св. Софіи и на берега Босфора. Есть между дипломатами и такіе, которые увѣряють, что занятіе Константинополя причинило бы Россіи безчисленныя бѣдствія. Они оправдывають свое мнѣніе тѣмъ, что въ день нашего вступленія въ Константинополь, англійскіе броненосцы заперли-бы Черное море и прекратили бы сообщеніе съ Одессою, а Австрія пресѣкла бы связь съ Бессарабіею и тогда армія очутилась бы въ безвыходномъ положеніи. Спорить съ людьми, имѣющими смутныя понятія о военномъ дѣлѣ, трудно. Они забывають, что когда мы подходили къ Константинополю, то Одесса еще не имѣла для насъ никакого значенія, такъ какъ армія могла существовать и безъ нее; что противъ Австріи мы имѣли 7-й и 10-й корпуса, и болѣе 10 резервныхъ дивизій занимали Бессарабію и Румынію; наконецъ, что треть нашихъ силъ оставалась нетронутою на Волыни и въ Польшѣ. Они забывають, что 1 февраля, когда мы легко могли занять Галлиполи, мимо него прошло всего 2 броненосца, а владѣя Дарданелами можно было не пропустить къ Босфору ни одного корабля англійской флотиліи, стоявшей тогда у Мальты.

Для нашихъ дипломатовъ не существовало, да кажется и теперь не существуетъ для Россіи другихъ способовъ борьбы съ тѣми, кто угрожаетъ ей, или стращаетъ ее, кромѣ уступокъ и дипломатическихъ нотъ. Всякій рѣшительный шагъ, всякая

что вслѣдствіе приказанія Его Императорскаго Высочества Главнокомандующаго, долженъ быть сформированъ особый отрядъ, изъ слѣдующихъ частей: 1-й бригады 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи, гвардейской стрѣлковой бригады, Л Гв. Сапернаго бат., 1-й Гвард. артил. бригады, Л. гв. Уланскаго полка и 6-й Донской гвард. конной батареи".

Начальствованіе всѣмъ отрядомъ будетъ возложено на особое лицо. Отряду этому немедленно передвинуться къ демаркаціонной линіи; стать противъ Буюкъ-Чекменджи, гдѣ онъ получитъ приказаніе слѣдовать къ монастырю Св. Стефана, а затѣмъ вступить въ Константинополь, куда вмѣстѣ съ отрядомъ вступитъ и Его Высочество. Занятіе Константинополя будетъ по всѣмъ вѣроятіямъ мирное, а потому слѣдуетъ принять мѣры для соблюденія самаго строгаго внутренняго порядка и дисциплины.

побѣда, всякій совершившійся фактъ, пугаетъ ихъ. Нравственный духъ войскъ, военный геній полководца, геройство, стойкость и самоотверженіе русскаго народа,—все это въ ихъ мнѣніи должно подчиняться тому, что скажетъ Европа.

Да простятъ мнѣ читатели это отступленіе отъ послѣдовательности моего разсказа. Всякій участникъ минувшей компаніи согласится, какъ тяжело намъ было, послѣ всего испытаннаго и совершеннаго, преклониться передъ ненавистнымъ и оскорбительнымъ для русскаго сердца рѣшеніемъ европейскаго конгресса.

Тотъ, кто привелъ русскія войска къ стѣнамъ Царьграда, говорилъ имъ:

„Изъ рода въ родъ пройдетъ разсказъ о вашихъ подвигахъ, и вся Русь будетъ съ гордостью вспоминать о нихъ“.

Тотъ же августѣйшій вождь, прощаясь съ русскимъ солдатомъ, проложившимъ своею грудью путь къ Босфору, говорилъ ему:

„Тебѣ честь, тебѣ слава, добытая потомъ и кровью Россіи. Для тебя нѣтъ невозможнаго!“

Вотъ это слѣдовало бы имѣть въ виду нашимъ дипломатамъ, а не то, что могла бы потребовать Европа.

Вскорѣ по приходѣ въ Родосто, я получилъ распоряженіе объ отчисленіи отъ дивизіи Екатеринославскаго [illegible] и 24-го казачьяго полковъ. Жаль намъ было разставаться съ послѣднимъ, такъ какъ онъ почти всю компанію состоялъ при дивизіи и раздѣлялъ съ нею всѣ труды и боевые успѣхи. [illegible] сотню я удержалъ при себѣ до прихода въ [illegible], гдѣ простился съ ея командиромъ Грошевымъ, [illegible] спутникомъ моимъ отъ Траяна до Мраморнаго моря.

Хотя было бы гораздо ближе идти въ Родосто [illegible] моря, но невозможность провести этимъ путемъ артиллерію заставила направиться черезъ горы. Трехдневный переходъ [illegible] былъ въ первой половинѣ весьма труденъ, потому что [illegible] дороги крайне затрудняли движеніе повозокъ и даже [illegible] выюковъ, которые [illegible] успѣли завести въ [illegible] разсчитывая, что уже не встрѣтятъ большихъ препятствій, чѣмъ тѣ, которые преодолѣвали на Балканахъ. [illegible] съ [illegible], [illegible]. [illegible] [illegible]

ность проходимыхъ ущелій напоминала намъ сѣверный подъемъ Траяна, съ его хуторами. Въ одномъ изъ нихъ пришлось идти мимо греческой деревни, спускаясь къ которой мы видѣли какую тревогу причинило наше появленіе. Къ довольно убогой деревянной церкви сбѣгался народъ. Онъ вышелъ изъ нея съ крестнымъ ходомъ и расположился шпалерой по пути слѣдованія полка, проходившаго съ музыкой. Восторгъ жителей дошелъ до того, что большая часть ихъ опустилась на колѣни, женщины плакали, многіе подбѣгали къ строю, пожимали руки солдатъ, которые уже привыкли къ этому и потому довольно хладнокровно относились къ подобнымъ порывамъ. Они уже испытали, что восторгамъ болгаръ не слѣдуетъ довѣряться и смѣшивали ихъ съ греками.

— Отвяжись, тетка, не до тебя, проговорилъ одинъ изъ уставшихъ.

Услышавшій это офицеръ замѣтилъ:

— За что ты ворчишь? Видишь какъ народъ радуется глядя на васъ.

— Да онѣ ваше благородіе все равно, что наши бабы, рады поголосить, а попроси солдатъ хлѣба „нема братушка“ — скажетъ.

— Тутъ греки,—проговорилъ другой, смотри—все черномазые.

— А кто ихъ разберетъ! заключилъ уставшій.

Чѣмъ проходимые нами мѣста становились менѣе гористы, тѣмъ населяемыя христіанами деревни встрѣчались рѣже, а на плоскости всѣ онѣ исключительно были турецкія. Замѣчательно, что въ этой мѣстности, при нашемъ приближеніи, турки не оставляли своихъ жилищъ и охотно принимали насъ. Невыражая ни льстивости, ни боязни, они давали все требуемое и были случаи, что не хотѣли брать денегъ за взятое. Старшина селенія Иддемиркіой, гдѣ ночевалъ штабъ дивизіи, нетолько не взялъ платы за сѣно, но нагрузилъ и отправилъ съ нами 4 воза, съ тѣмъ, чтобы мы заплатили ему только за перевозку до Родосто, гдѣ по его словамъ, нельзя будетъ купить сѣна ни за какія деньги. На слѣдующемъ ночлегѣ въ Айнарджикѣ, тоже населенномъ исключительно турками, желаніе ихъ выполнить все требуемое выразилось еще сильнѣе. Когда я съ штабомъ въѣзжалъ въ селеніе, всѣ хозяева, въ числѣ 40 че-

ловѣкъ, встрѣтили меня у околицы, построенными въ одну шеренгу. Это были люди почтеннаго вида; нѣкоторые имѣли зеленую чалму,—знакъ того, что были въ Меккѣ, на поклоненіи гробу Магомета. Когда, для ихъ привѣта, я приподнялъ фуражку, то вмѣстѣ съ раздавшимся гуломъ турецкаго отвѣта, ясно выдались русскіе слова: „желаемъ здравія вашему превосходительству“.

Остановивъ коня, я спросилъ: „Кто это изъ васъ говоритъ по русски?

Вышелъ видный, съ сѣдою бородою мусульманинъ.

— Почему ты знаешь русскій языкъ?

— Я переселенецъ изъ Крыма, отвѣчалъ онъ, знаю всѣ русскіе порядки, знаю что такое становой.

Мы, переглянувшись, невольно улыбнулись. Изъ дальнѣйшихъ разспросовъ оказалось, что много бѣдствій перенесли ушедшіе въ Турцію крымскіе татары. Втеченіи 20 лѣтъ ихъ три раза переселяли: сначала въ Добруджу, потомъ къ Шумлѣ и наконецъ къ Мраморному морю. Вызвавъ старшину, при посредствѣ знающаго „что такое становой“, я приказалъ, чтобы къ слѣдующему утру было готово 300 пудовъ хлѣба. Нетолько небыло возраженій, но приказаніе было исполнено въ точности; на утро нижніе чины получили по 3 фунта отличнаго пшеничнаго хлѣба, за который жители сначала не хотѣли брать никакой платы.

17-го февраля, съ Староингерманландскимъ полкомъ и штабомъ дивизіи, я вступилъ въ Родосто. Прибытіе въ городъ, живописно расположенный террасами къ Мраморному морю, имѣющій консуловъ всѣхъ націй и торговый портъ, съ ежедневными пароходами въ Константинополь, казалось намъ праздникомъ. Мы застали въ немъ 5 полковъ гвардейской кавалеріи, съ двумя конными батареями. Гвардейцы разгуливали по улицамъ, не только совершенно оправившимися отъ лишеній, но вполнѣ франтами. Они успѣли закупить себѣ обувь, освѣжить одежду и выхолить коней. Мы же вступали такими же, какими были на Балканахъ, и брели отъ нихъ по ростопели, до моря.

Видъ Родосто, при спускѣ съ прибрежныхъ высотъ, былъ восхитительный. Городъ окаймлялъ заливъ, покрытый множествомъ судовъ разныхъ величинъ и націй, нѣсколько парохо-

довъ дымилось передъ отходомъ, другіе входили въ гавань. Высокіе, вѣчно зеленые кипарисы покрывали кладбища; издали уже виднѣлись разноцвѣтные флаги надъ домами иностранныхъ представителей, а на поляхъ, по сторонамъ города, блестѣли на солнцѣ парки орудій гвардейскихъ батарей. Комендантомъ города я засталъ командира Гродненскаго гусарскаго полка, принца Альтенбургскаго. По его распоряженію уже были открыты всѣ учрежденія. Городской совѣтъ касался только управленія городомъ, а затѣмъ полицейская часть, расквартированіе войскъ, заготовка продовольствія, порядокъ на пристани, почтовая часть и телеграфъ—все было въ вѣдѣніи особо назначенныхъ офицеровъ.

Деньги за забираемый у пекарей хлѣбъ полки уплачивали сами, но это продолжалось безъ всякихъ споровъ только недѣлю, покуда не прибыли агенты воскресшаго товарищества Когана и Горвица, съ заявленіями, что они привезли муку изъ Одессы и, согласно распоряженію интендантства, просятъ получать хлѣбъ отъ нихъ. Нѣкоторые изъ такихъ господъ оказались потомъ подставными лицами разныхъ аферистовъ. Однажды явились ко мнѣ трое разомъ и каждый оспаривалъ свои права, увѣряя, что онъ настоящій, а прочіе самозванцы. Были и такіе, которые говорили только по гречески и по итальянски. Для войскъ было гораздо пріятнѣе имѣть дѣло съ городскими пекарями изъ турокъ, чѣмъ съ этими уполномоченными товарищества, постоянно надоѣдавшими просьбами и жалобами. То они не могли нанять рабочихъ для выгрузки, то просили нарядить для этого солдатъ, то заявляли, что за волненіемъ нельзя выгружать, то жаловались на придирки пріемщиковъ.

Отсутствіе нашихъ интендантовъ поражало даже иностранцевъ. Французскій консулъ въ Родосто, служившій въ 1854 году чиновникомъ интендантства въ арміи Канробера, говорилъ мнѣ:

— Скажите, пожалуйста, гдѣ находятся ваши интенданты? Вотъ уже мѣсяцъ, что ваша гвардейская кавалерія въ городѣ, теперь же пришла и пѣхота, а нѣтъ ни одного интенданта, такъ что вы, господа генералы, сами хлопочете о продовольствіи солдатъ и о покупкѣ сѣна. У насъ было совершенно иное. Передъ началомъ Крымской кампаніи, я былъ однимъ

изъ младшихъ интендантскихъ чиновниковъ и находился при дивизіонномъ генералѣ, сначала въ Мальтѣ, а потомъ въ Добруджѣ. Во время передвиженія войскъ отъ интендантовъ требовалось, чтобы они находились не только при передовыхъ отрядахъ, но слѣдовали бы вмѣстѣ съ разъѣздами. Какъ только послѣдніе вступали въ городъ или селеніе, гдѣ предполагался ночлегъ отряда, интендантъ обязанъ былъ немедленно узнать: сколько возможно собрать или купить въ мѣстѣ остановки готоваго хлѣба, муки, или зерна, а равно сѣна; сколько можно найти перевозочныхъ средствъ и т. д. Все это слѣдовало сдѣлать до прибытія отряда, а затѣмъ встрѣтить его начальника и доложить объ этомъ и о существующихъ мѣстныхъ цѣнахъ на всѣ предметы довольствія. За малѣйшее промедленіе, или невѣрность доклада, Конроберъ безъ милосердія взыскивалъ съ интендантовъ, и я помню два случая разстрѣлянія на мѣстѣ тѣхъ, которые были уличены въ корыстныхъ сдѣлкахъ съ поставщиками.

Немало затрудненій встрѣчали войска въ фуражномъ довольствіи во все время стоянки ихъ въ Родосто. Кавалерійскіе полки, пришедшіе гораздо ранѣе насъ, закупили все сѣно и солому на 50 верстъ кругомъ города, такъ что всѣ наши лошади, первое время, питались только распаренною мякиною съ солью. За сѣно для офицерскихъ лошадей платили баснословныя суммы, а между тѣмъ ни интенданство, ни приснопамятное товарищество не помогали намъ. Неизвѣстно чѣмъ бы это кончилось, если бы я, обѣдая однажды у одного изъ мѣстныхъ негоціантовъ, не заговорилъ о бѣдственномъ положеніи нашихъ лошадей.

— Почему, генералъ, спросилъ онъ меня, вы не выпишете сѣна изъ Марселя, или даже изъ Алжира?

Я съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него и затѣмъ отвѣтилъ.

— По очень простой причинѣ: во-первыхъ это, вѣроятно, будетъ очень дорого стоить, а во-вторыхъ—мы получимъ это сѣно въ то время, когда здѣсь уже будетъ свѣжее.

— Напрасно вы такъ думаете, возразилъ хозяинъ. Если мы сойдемся въ цѣнѣ, то пароходъ съ сѣномъ придетъ сюда въ 12-й день по отправкѣ депеши, а насчетъ цѣны позвольте сообщить вамъ завтра; я сегодня же спрошу нашу контору въ Марсели.

На утро онъ явился съ отвѣтомъ, что лучшее прессованное сѣно можетъ быть доставлено по 5 съ половиною франковъ за пудъ. Въ это время цѣны, по которымъ полки получали фуражныя деньги, были утверждены по 7-ми франковъ, значитъ у нихъ оставалось бы еще прибыли по $1^1/_2$ франка съ пуда.

Конечно я охотно принялъ предложеніе и ровно на 12-й день, громадный французскій пароходъ съ сѣномъ, стоялъ уже въ портѣ. Привезеннаго имъ количества въ нѣсколько тысячъ пудъ мои полки разобрать не могли, но все, что осталось отъ пѣхоты, охотно раскупили кавалеристы, а затѣмъ, въ мартѣ мѣсяцѣ, они выписали себѣ свѣжее, только-что скошенное сѣно, изъ Алжира. Невольно приходило на мысль: какъ это частный торговый домъ выписываетъ фуражъ изъ Франціи, и продаетъ его по $5^1/_2$ франковъ, а наше интендантство не успѣваетъ прислать его изъ Одессы? Казалось, слѣдовало бы понять, что сколько ни плати, франками лошади не накормишь.

19-го февраля, по случаю дня возшествія на престолъ, я назначилъ церковный парадъ при греческомъ соборѣ. Служеженіе совершалъ мѣстный митрополитъ, совсѣмъ еще молодой, замѣчательно красивый человѣкъ, вмѣстѣ со всѣми нашими полковыми священниками. Потомъ я встрѣчалъ его въ домахъ консуловъ, гдѣ узналъ, что онъ былъ возведенъ въ санъ архіерея, прямо изъ священниковъ дворцовой церкви въ Аѳинахъ. Болѣе близкое съ нимъ знакомство показало, что онъ представлялъ рѣдкое исключеніе между греческими епископами, по своему образованію и отличному знанію французскаго языка. Особенно пріятно было слышать его отзывы о греческой королевѣ Ольгѣ Константиновнѣ, изображавшіе ее особою рѣдкой доброты, ума и царственнаго такта.

Когда я вошелъ въ соборъ, то предсѣдатель городскаго совѣта, персидскій консулъ, которому на время войны была передана защита русскихъ подданныхъ, подвелъ меня, какъ старшаго въ городѣ, къ устроенному у клироса амвону подъ балдахиномъ, требуя, чтобы я сталъ подъ него; но несмотря на всѣ настоянія грековъ и французскаго консула, дабы не разъигрывать не принадлежащей начальнику дивизіи роли, я отказался отъ этой чести. Исключительною особенностію гре-

ческаго служенія было то, что Символъ Вѣры не пѣли, а его читалъ наизусть, по срединѣ церкви, старѣйшій изъ городскихъ обывателей.

Въ тотъ же день утромъ получены были ордена, пожалованные офицерамъ за взятіе Тетевени и Траяна. По окончаніи парада, въ присутствіи бывшихъ на молебствіи, я роздалъ ихъ.

За нѣсколько дней до 19-го февраля носились слухи, что въ годовщину восшествія на престолъ, послѣдуетъ заключеніе мира. Такъ и было въ дѣйствительности, но оффиціальное извѣщеніе объ этомъ пришло только черезъ три дня. Вообще извѣстія изъ главной квартиры, въ послѣднее время, получались все рѣже и рѣже. Хотя ежедневно приходившіе изъ Санъ-Стефано пароходы и привозили оттуда разныя вѣсти, но вѣрить противорѣчащимъ одинъ другому слухамъ было трудно. Изъ отряднаго штаба уже двѣ недѣли не было отвѣта ни на одну бумагу, что ставило штабъ дивизіи въ большое затрудненіе. Полки не получали еще утвержденныхъ цѣнъ на январь и февраль, а потому не могли представлять требованій на эти мѣсяцы; я же, со времени слитія Траянскаго отряда съ Западнымъ, не считалъ себя въ правѣ самъ утверждать цѣны. То же, что въ послѣдніе дни всѣ бумаги поступали прямо отъ начальника полеваго штаба, указывало, что Западный отрядъ упраздненъ, но приказа объ этомъ не было.

Жизнь наша въ Родосто проходила подъ какимъ-то особеннымъ томленіемъ. При такомъ большомъ обществѣ военныхъ, какъ 5 полковъ гвардейской кавалеріи и полкъ пѣхоты, съ дивизіонными и бригадными штабами, при возможности получать извѣстія отъ родныхъ, какъ почтою, такъ и телеграфомъ, наконецъ при отличной весенней погодѣ на берегу южнаго моря, казалось нечего было и желать лучшаго, а между тѣмъ заключеніе мира далеко не произвело того впечатлѣнія, котораго отъ него ожидали. Безъизвѣстность о томъ предстоитъ ли скорое возвращеціе съ Россію, или придется начинать новую войну, порождало какую-то безотрадность. Послѣ дѣятельной и полной самыхъ разнообразныхъ ощущеній жизни военнаго времени, праздная стоянка съ каждымъ днемъ дѣлалась болѣе и болѣе унылою. Ни ежедневная игра военныхъ оркестровъ на берегу моря, ни общіе обѣды въ импровизован-

ныхъ греческими и итальянскими трактирщиками ресторанахъ, съ вывѣсками „Палкинъ или Смуровъ", ни прогулки верхомъ за городъ, ни катанье на лодкахъ по заливу,—не веселили насъ.

Начавшаяся еще въ Шаркіоѣ болѣзненность, съ присоединеніемъ обозовъ, прошедшихъ черезъ зараженныя тифомъ мѣстности, начала быстро усиливаться. Съ наступленіемъ же въ началѣ марта теплыхъ дней обнаружилось, что намъ не избѣжать эпидеміи и что необходимо принять мѣры противъ ея развитія. Если дивизія избѣгнула упорности формъ и осложненій сыпнаго тифа, то благодаря только тому, что всѣ заболѣвавшіе имъ были переведены за городъ, въ шатры, разбитые, по моему указанію, на одной изъ ближайшихъ къ морю возвышенностей. Это смягчало форму болѣзни и благопріятствовало ея исходу, но не уменьшало числа заболѣваній. Многіе изъ докторовъ подвергались имъ, а къ концу марта, изъ всѣхъ врачей подвижнаго лазарета и полковъ первой бригады, оставалось на ногахъ только двое, на 400 больныхъ.

Неизвѣстность о будущемъ, при отсутствіи той дѣятельности, которая поддерживала моральныя и физическія силы, вмѣстѣ съ измѣнившимися почему-то отношеніями къ лицамъ, вліявшимъ на оцѣнку служебныхъ заслугъ, отозвались на моемъ здоровьи. Устоявъ отъ тифа, я не устоялъ противъ постепенно усиливавшихся приступовъ асмы. Въ соединеніи съ нервнымъ разстройствомъ, она производила невыносимыя мученія. Если бы не доброе участіе сослуживцевъ, раздѣлявшихъ со мною всѣ труды компаніи, то можно бы было дойти до отчаянія. Не получая никакого свѣдѣнія о томъ, оцѣнено ли мое участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ и въ особенности взятіе съ боя Траянова перевала, тогда какъ оба бывшіе со мною полковые командира и оба офицера генеральнаго штаба, по моему же представленію, получили георгіевскіе кресты, а учавствовавшіе въ бою полки георгіевскія знамена,— я не могъ равнодушно относиться къ этому. Затѣмъ, вскорѣ по заключеніи мира, три младшіе меня начальника дивизіи получили повышеніе. Заявлять объ этомъ, указывать на статьи статута, или вообще искать причинъ почему такъ случилось, по служебнымъ моимъ правиламъ, я считалъ лишнимъ, хотя имѣлъ полный поводъ разсчитывать, такъ какъ, еще до пере-

хода Балканъ, былъ спрошенъ о моемъ старшинствѣ и получилъ прямое указаніе на предстоявшее повышеніе. Потомъ, уже по окончаніи войны, одни говорили, что нельзя дѣлать представленій на посты особеннаго значенія, а другіе,—что безъ представленій назначеній не дѣлалось.

Въ началѣ марта привезли изъ Россіи, давно ожидаемыя, мундирныя и годовыя вещи, за которыми были командированы изъ полковъ офицеры еще въ ноябрѣ. Видъ русскаго парахода въ турецкой гавани дразнилъ разстроенные нервы. Солдаты радовались полученію новаго обмундированія и обуви, но это было только минутнымъ утѣшеніемъ: тоска по родинѣ и томительная неизвѣстность овладѣвали людьми самыми энергичными. Только одинъ старикъ, полковникъ Золотухинъ, вносилъ иногда нѣкоторую веселость въ наше штабное общество. Не проходило утра, чтобъ онъ не забѣгалъ ко мнѣ съ какими-нибудь новостями, или слухами. То виднѣющійся на горизонтѣ пароходъ казался ему англійскимъ броненосцемъ, то матросы торговыхъ французскихъ судовъ—подозрительными англичанами.

Другимъ развлеченіемъ было посѣщеніе французскаго консула, почтеннаго семьянина, много видѣвшаго и испытавшаго. Это былъ типъ совершенно чуждый той французской болтливости и того бохвальства, которымъ отличаются заурядные представители этой націи. Его интересные разсказы о крымской компаніи, въ родѣ вышеприведеннаго сравненія нашей интендантской службы съ французскою, имѣли не мало поучительности.

Въ серединѣ марта я поѣхалъ въ Санъ-Стефано, узнать дѣйствительно-ли справедливы слухи о приходѣ изъ Одессы пароходовъ, для перевозки войскъ въ Россію. Грустное впечатлѣніе произвела на меня эта поѣздка. Ясные дни, какъ нарочно, смѣнились дождливыми, съ обычными равноденственными бурями. Санъ-Стефано тонуло въ непроходимой грязи, такъ что переходя изъ дома въ домъ, прежде чѣмъ войти въ комнату, надо было нанять мальчишку-гречонка отскоблить комья грязи съ сапогъ. Отъ холода и воя вѣтра нельзя было спастись въ квартирахъ, не имѣвшихъ ни печей ни двойныхъ рамъ. Найти гдѣ нибудь незанятый уголъ не было никакой возможности; для того, чтобы переодѣться передъ представленіемъ Великому

князю, я долженъ былъ просить конвойнаго казака дать мнѣ уголокъ въ его конюшнѣ. При входѣ въ домъ занятый Его Высочествомъ, я видѣлъ двухъ турецкихъ гайдуковъ, пріѣхавшихъ на козлахъ пашей, принимаемыхъ въ это время главнокомандующимъ. По всему было замѣтно, что наши шансы пошли на пониженіе. Эти гайдуки, разодѣтые въ шитыя золотомъ куртки, съ нахальными взглядами, преспокойно сидѣли въ передней, не обращая вниманія на пріѣзжавшихъ генераловъ и даже не привстали при проходѣ мимо нихъ начальника полеваго штаба.

Если бы не любезность одного изъ лицъ главной квартиры, у котораго я останавливался и въ Боготѣ, предложившаго мнѣ пріютъ, то пришлось бы ночевать хоть на улицѣ. Изъ первыхъ разговоровъ съ близкими къ дѣлу я узналъ, что въ полевомъ штабѣ уже было рѣшено начать перевозку войскъ въ Одессу, составлена была очередь нагрузки, законтрактованы были пароходы, и вдругъ все измѣнилось, потому что англичанамъ неугодно было, чтобы войска грузились въ Босфорѣ, который они грозили занять при первомъ движеніи русскихъ къ Буюкъ-Дере, гдѣ предполагалась посадка гвардіи.

Узнанное мною въ Главной квартирѣ указывало, что политическія отношенія усложняются и что на скорое возвращеніе въ Россію мало надежды. Между тѣмъ здоровье мое замѣтно ухудшилось и давнишнія страданія невральгіею въ груди и асма усилились. Это заставило меня просить четырехмѣсячнаго отпуска, который я и получилъ, причемъ генералъ Непокойчицкій не преминулъ, въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ, сообщить мнѣ, что Главнокомандующій высоко цѣнитъ мои заслуги и поручилъ ему благодарить меня за службу въ дѣйствующей арміи, но находя невозможнымъ оставлять дивизію безъ прямаго и постояннаго начальника, сдѣлалъ представленіе, о назначеніи на мое мѣсто другаго.

Все, что такъ нравственно тяготило меня, осталось не разъясненнымъ тогда и остается таковымъ до сего времени.

10 апрѣля, простясь съ чинами моего штаба, съ прибывшими на пристань командирами отдѣльныхъ частей и съ Староингерманландскимъ полкомъ, безотлучно бывшимъ при мнѣ во всю компанію, я сѣлъ въ Родосто на пароходъ и въ тотъ

же день вечеромъ пересѣлъ въ Константинополѣ на другой, отходившій въ Одессу.

Откровенный и правдивый разсказъ мой о всемъ, что было испытано и сдѣлано мною во время минувшей компаніи, пусть будетъ доказательствомъ того, что я дѣлалъ, что только могъ для пользы службы, не сторонился отъ опасностей, не жертвовалъ тѣми, кто былъ мнѣ ввѣренъ, ради эффектовъ и личныхъ отличій, а потому съ чистою совѣстью смотрю на свое прошлое.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

СТРАН.

Цѣна за обѣ части 5 р. безъ пересылки.

Stanford University Libr
3 6105 005 6